

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

На правах рукописи

Беглов Алексей Львович

**ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: СОСТОЯНИЕ, ДИСКУССИИ, РЕФОРМЫ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва

2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	10
ГЛАВА 1. ДРЕВНЕРУССКИЙ ПРИХОД И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.	42
§ 1. Приход в допетровской Руси	42
Древнерусский приход на фоне прихода синодального периода: существенные отличия	42
Вехи истории и типы древнерусского прихода	46
Приход и церковные реформы второй половины XVII в.	57
§ 2. Приход в контексте процессов синодального периода	66
Имперская политика в отношении прихода: приходские штаты.....	66
Имперская политика в отношении духовенства: становление сословности ..	71
Имперская политика в отношении духовенства: дисциплинирование и закрепощение сословия	79
§ 3. Закрепощение прихода	91
Реформа приходской экономики.....	91
Инструкция церковным старостам 1808 г.	95
Последствия реформы 1808 г. для православного прихода	99
ГЛАВА 2. ПРИХОДСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ И В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1860-Е – 1900-Е ГГ.)	112
§ 1. Как выглядел приход в 1860 и 1913 гг. с точки зрения статистики	112
§ 2. Православный приход и реформы 1860-х годов	120
Церковные преобразования эпохи Великих реформ и проблема материального обеспечения духовенства.....	120
Организация приходских попечительств и братств	131
Укрупнение приходов	138
§ 3. Приход в городе и на селе	140
Приход и урбанизация.....	140

Приход и крестьянский «мир»	143
Как можно было разрешить противоречия между приходом и крестьянским самоуправлением.....	151
§ 4. Приходские попечительства к концу XIX века.....	155
География распространения и динамика возникновения попечительств	157
Члены попечительств	160
Направления деятельности попечительств	163
Источники финансирования попечительской деятельности.....	169
Приходские попечительства и крестьянский «мир»	177
§ 5. Сословность духовенства и приходский вопрос.....	188
Изменение статуса духовного сословия в эпоху Великих реформ.....	188
Оставалось ли духовенство сословием в пореформенный период?	193
§ 6. Приход как объект фискальной политики светских и церковных властей.....	201
Благотворительные сборы	201
Епархиальные сборы	205
Приходское делопроизводство.....	212
Попытки Святейшего Синода реформировать систему приходских сборов	221
§ 7. Приходская реформа по К.П. Победоносцеву	229
Ревизия предшествующей политики и вопрос о жаловании духовенству....	230
Новая редакция инструкции церковным старостам.....	235
§ 8. Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг. и приходские институты	243
§ 9. Как можно было реформировать православный приход: епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств	252
«Административный» подход к реформе попечительств.....	254
Не попечительство, а приходское братство: «органический» подход к реформе попечительств.....	270

§ 10. Земские проекты переустройства православного прихода	280
Д.Ф. Самарин и славянофильская концепция прихода.....	280
Инициатива Московского губернского земства 1880 г.	288
Проект Конотопского земства	
по улучшению материального положения причтов	294
Приход и «мелкая земская единица»	298
§ 11. Научная и публицистическая подготовка приходских преобразований	306
Исследования П.В. Знаменского	307
Статьи протоиерея Александра Иванцова-Платонова	310
Публицистика А.А. Папкова	312
Проект приходского устава А.А. Папкова	319
Реакция на проект А.А. Папкова и его публицистические выступления	323
Программа приходских преобразований А.А. Папкова	330
§ 12. Православный приход на иноконфессиональных окраинах Российской империи: случай Финляндии	337
Православные приходы в Финляндии: особенности положения.....	338
Разработка правил о православном приходе в Финляндии	342
Реакция на финляндские правила	356
ГЛАВА 3. ПРИХОДСКАЯ ПРОБЛЕМА В 1903–1916 ГГ. И ПОПЫТКИ РЕФОРМ	364
§ 1. Приход и первая русская революция 1905–1907 гг.	364
Приходский вопрос в первые годы XX столетия	364
Брожение в приходах	369
Приходский вопрос в публицистике и публичных выступлениях революционных месяцев.....	374
Определение Синода от 18 ноября 1905 г. и реакция на него.....	387
Орловский эксперимент епископа Серафима (Чичагова)	396

§ 2. Приходский вопрос в Отзывах	
епархиальных преосвященных 1905–1906 гг.	402
Особенности Отзывов епархиальных преосвященных как памятника церковной мысли революционной эпохи.....	402
Кризис прихода.....	411
Что такое приход?.....	414
Распоряжение церковными средствами.....	421
Выборы духовенства.....	428
Предоставление приходу прав юридического лица.....	432
Описание органов приходского управления.....	435
Наделение духовенства жалованием (постоянным содержанием).....	446
Устройство всесловной богословской (пастырской) школы.....	447
Облегчение процедуры приобретения собственности.....	451
Участие духовенства в органах управления и общественных организациях, в том числе в сельских сходах.....	453
Другие вопросы.....	456
Итоги обсуждения епархиальными преосвященными приходского вопроса.....	457
§ 3. Приходский вопрос в работе Предсоборного присутствия 1906 г. ..	459
Работа IV отдела Присутствия в марте – июне 1906 г.....	461
Проект нормального приходского устава.....	490
Другие документы, разработанные IV отделом.....	498
Итоги работы отдела в весеннюю сессию.....	503
Закон о старообрядческих и сектантских общинах от 17 октября 1906 г.....	508
Работа в IV отделе Предсоборного присутствия в ноябре и декабре 1906 г.	511
Обсуждение закона от 17 октября 1906 г. Первый доклад Н.Д. Кузнецова .	521
Второй доклад Н.Д. Кузнецова о приходе.....	523
Вопрос о природе церковного имущества. Третий доклад Н.Д. Кузнецова.	528
Критика Л.А. Тихомирова в адрес проекта нормального устава.....	535

Критика И.С. Бердникова в адрес проекта нормального устава.	
Его «Сепаратный проект о православном русском приходе»	539
Обсуждение приходского вопроса в общем собрании Предсоборного присутствия (8, 11, 12, 14, 15 декабря 1906 г.)	555
Итоги работы Предсоборного присутствия по приходскому вопросу.....	586
§ 4. Особое совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г.	590
Организация совещания	590
Задача совещания: изменение законодательства или приходский устав?	595
Как понимается приход?	600
Назначение причта.....	602
Прихожане и их права	605
Вопрос о церковно-приходском имуществе.	
Новое мнение И.С. Бердникова.....	611
Просветительные и благотворительные учреждения в приходе	620
Приход и коммунитарный идеал: особое мнение М.А. Новоселова	621
Итоги работы Особого совещания	624
§ 5. Судьба приходского устава в 1908–1911 гг.	627
Критика проекта Особого совещания в особом мнении Ф.Д. Самарина	628
Отзыв на проект Особого совещания епископа Серафима (Чичагова).....	640
Вопрос об особом порядке рассмотрения положения о православном приходе	654
Замечания обер-прокурора П.П. Извольского	656
Отзывы министров народного просвещения и юстиции	660
Позиция правительства П.А. Столыпина по приходскому вопросу.....	669
Проект положения о православном приходе в редакции С.М. Лукьянова ...	677
Устав американского православного прихода.....	687
§ 6. Наука, публицистика и выступления общественности вокруг приходского вопроса в 1908–1912 гг.	689
Новый взгляд на историю православного прихода	689

Выступление смоленских земцев 1908 г.	692
Полемика о выборном начале.	
Что говорят 5-е и 13-е правила Лаодикийского собора?	697
«Алекса́ндро-Сви́рское дело».....	701
Приход как «мелкая земская единица»: версия правых	704
Opus magnum Н.А. Заозерского.....	707
«Беседы о православном приходе» А.А. Папкова.....	715
§ 7. Законопроекты Государственной думы о православном приходе ..	724
Законопроекты о православном приходе в III Государственной думе	726
<i>Проекты о наделении прихода правом юридического лица и снятии</i>	
<i>ограничений на приобретение недвижимости 1910 г. ....</i>	<i>726</i>
<i>Проект 51-го депутата об организации</i>	
<i>православного прихода 1911 г. ....</i>	<i>731</i>
Законопроекты о православном приходе в IV Государственной думе	742
<i>Проект 133-х депутатов об обеспечении духовенства</i>	
<i>жалованием от казны .....</i>	<i>743</i>
<i>Проект 57-ми депутатов об установлении церковного налога .....</i>	<i>745</i>
<i>Проект 34-х депутатов о преобразовании прихода 1913 г. ....</i>	<i>748</i>
<i>Проект 32-х депутатов – думский приходский устав .....</i>	<i>751</i>
Думские проекты о приходе: общее и особенное.....	758
§ 8. Борьба вокруг приходского вопроса в 1911–1915 гг.....	761
Редакция В.К. Саблера 1912 г.	761
Отзывы ведомств на проект 1912 г. и его дальнейшая редакция	777
Введение нового порядка рассмотрения законопроектов	
духовного ведомства	782
Подготовка отдельного рассмотрения проекта и реакция на предложения	
духовного ведомства	786
Рассмотрение Устава православного прихода в Совете министров.....	795
Редакция В.К. Саблера 1914 г.....	798
Отзыв Министерства внутренних дел на вторую саблеровскую редакцию .	803

Синодальные проекты приходского устава: итоги пути	808
§ 9. Приходские преобразования в последний год Российской империи.	
1916 – февраль 1917 гг.	810
Правительство Б.В. Штюрмера в первой половине 1916 г.:	
поиски компромисса с Думой	810
Демарш митрополита Питирима. Реакция Синода и обер-прокуратуры.....	816
Выступление митрополита Питирима: реакция общества	822
Определение Синода о подготовке к реализации приходской реформы.....	835
Обсуждение проекта приходского Устава	
в комиссии Государственной думы	841
А.Н. Волжин против думской комиссии: попытка забрать проект из Думы	845
«Самочинные» реформы: приходские инициативы на местах	855
Дело священника Владимира Востокова в контексте приходского вопроса	860
Последний бросок: комиссия митрополита Питирима	
о материальном обеспечении духовенства	867
Итоги последнего года	879
ГЛАВА 4. ПРИХОД МЕЖДУ «ПРИХОДСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ» И «КАНОНИЧЕСКОЙ	
РЕСТАВРАЦИЕЙ». ФЕВРАЛЬ 1917–1918 ГГ.	881
§ 1. Революция и приход: «приходская революция»	
весны – лета 1917 г.	881
§ 2. Попытки обуздать «приходскую революцию»:	
священноначалие в поисках решения приходской проблемы	891
Местные съезды духовенства и мирян и	
майское определение Святейшего Синода.....	891
Комиссия епископа Андрея (Ухтомского)	896
Всероссийский съезд духовенства и мирян и Предсоборный совет	903
§ 3. Приходский вопрос на Священном Соборе	
Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.	909
V Отдел Всероссийского Церковного Собора	
«О благоустройении прихода»	909

Приходский вопрос на общих заседаниях Собора весной 1918 г.....	921
§ 4. Православный приход в советский период.....	934
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	951
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	960
Приложение 1. Статистические данные о православных приходах Российской империи в 1860 и 1913 гг.	960
Приложение 2. Статистические данные о приходских попечительствах при православных церквях за 1860–1900-е гг.....	974
Приложение 3. Сведения об образовании священников, рукоположенных в 1906 и 1912 гг.	986
Приложение 4. Сведения о сборах с приходских церквей и особенностях приходского делопроизводства.....	995
Приложение 5. Ход работ в Отделе «О благоустройении прихода» Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг.....	1020
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	1026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Период конца XIX – начала XX вв. в истории России был периодом интенсивного развития: масштабных социальных трансформаций, экономического роста, политических катаклизмов и острых общественных дискуссий о путях развития страны. В эти процессы была включена и крупнейшая религиозная организация империи – Российская Православная Церковь и ее структуры, в том числе, мельчайшая, но и самая многочисленная церковная единица – приход. Интегрированность прихода в социально-политические процессы эпохи была особенно высокой. На селе он находился в сложных отношениях с крестьянской общиной, в городе испытывал на себе последствия процесса урбанизации и увеличения горизонтальной мобильности населения. Приход взаимодействовал с созданными в 1860-х гг. органами земского и городского самоуправления. Его близость к населению сделала приход объектом внимания различных общественных сил и предметом активной дискуссии.

Сегодня значительное число исследователей обращается к вопросам участия Церкви в процессах модернизации России рубежа XIX–XX вв. Однако в основном их внимание сосредоточено на проблематике государственно-церковных отношений и редко направлено на изучение низовых религиозных структур. Проблемы истории православного прихода ставятся лишь эпизодически и, как правило, находятся в тени других исследовательских проблем. При этом тема диссертационного исследования актуальна и с точки зрения современных тенденций общественной жизни России. Начиная с рубежа 1980–1990-х гг. растет присутствие Русской Православной Церкви в жизни общества. Этот процесс, в целом находящийся в русле мировых тенденций, характерных для эпохи десекуляризации, порой вызывает острые дискуссии. При этом низовая религиозная жизнь, концентрирующаяся именно в прихо-

дах, редко становится объектом общественного внимания. Между тем именно приходы играют одну из ключевых ролей в процессе возвращения религии и Церкви в общественное пространство. Именно вокруг приходов складываются многочисленные горизонтальные связи, благодаря которым религиозные институты интегрируются в жизнь местных сообществ. В свете этого изучение исторического опыта взаимодействия низовых церковных структур с обществом и государством представляется особенно важным.

Объектом исследования являются приход Российской Православной Церкви как социальная структура, высказывания представителей духовенства, общественности и бюрократии по приходской тематике, их проекты приходских преобразований, рассматриваемые в контексте ключевых процессов социально-политического развития России второй половины XIX – начала XX вв.

При этом необходимо отметить, что устоявшегося и актуального для любого исторического периода определения прихода не существует и дать его затруднительно, так как мы имеем дело с изменяющимся социальным институтом. Нет однозначной дефиниции этого понятия и в православном каноническом праве классической эпохи (первых пятнадцати веков христианской эры). На это не раз обращали внимание участники дискуссий исследуемого периода. Как ни парадоксально, но при стремлении к всесторонней регламентации церковной жизни, свойственной законодательству синодального периода, определение прихода отсутствовало и в нем. Так, в одном из центральных законодательных актов эпохи – «Уставе духовных консисторий» (1841) речь шла о действиях и обязанностях духовенства и прихожан в отношении приходской церкви и ее хозяйства, но не содержалось определения прихода¹.

---

¹ Устав духовных консисторий, изъясненный 1. Полным собранием свода законов Российской империи. 2. Статьями духовного регламента. 3. Указами святейшего Синода. С приложением подлинного текста. 1. Инструкции благочинным белого духовенства. 2. Инструкции благочинным монастырей. Первый полный с объяснениями сборник действующих по Духовному ведомству узаконений: Настольная книга / под ред. *Ф.В. Ливанова*. СПб., 1871. С. 99–106.

Это происходило неслучайно. На рубеже XVII–XVIII вв. светские и церковные власти вели наступление на самостоятельность низовых религиозных структур. В связи с этим в законодательстве существование прихода как религиозной общности, по сути, игнорировалось. Все это дало основание современному исследователю сказать, что разработанное определение прихода в русском церковном праве было дано только Всероссийским церковным собором 1917–1918 гг.² Между тем вследствие реформаторских усилий властей в течение XVIII в. сформировалось особое понимание прихода. Теперь он выступал как церковно-административная территориальная единица с четко очерченными границами, население которой было прикреплено к конкретной церкви государственным и церковным законодательством. К духовенству только этой церкви жители приходской территории были обязаны обращаться за духовным окормлением. Учитывая, что православное духовенство (как и духовенство иных конфессий) осуществляло записи актов гражданского состояния, от которых зависела социальная и имущественная правоспособность подданных империи, это прикрепление играло в их жизни очень важную роль. Именно это содержание понятия «приход» было актуально для рассматриваемого периода, и именно его мы будем иметь в виду в нашем исследовании.

Предметом исследования являются эволюция социальных структур православного прихода в XIX – начале XX вв., формирование в общественном сознании «приходского вопроса», его развитие в указанный период, особенности интерпретации «приходского вопроса» различными общественными силами, а также государственными и церковными структурами, выработка этими силами и структурами подходов к приходской реформе и попытки ее реализации.

Хронологические рамки исследования охватывают период от эпохи Великих реформ 1860-х гг., в рамках которых была предпринята попытка

---

² Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. С. 235; Обзор канонических норм об участии мирян в церковной жизни см.: в: Лукашева С.С. Миряне и Церковь: религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI века. М., 2006. С. 41–49.

провести значимые приходские реформы, до весны 1918 г., когда завершились работы в области приходских преобразований Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вместе с тем, в специальных разделах дается обзор истории прихода в средневековье и в XVIII – первой половине XIX вв., а также в советский период.

Источники исследования. Среди источников, использованных при проведении настоящего исследования, следует назвать законодательные акты, делопроизводственную документацию, статистические материалы, публицистику и источники личного происхождения (прежде всего, письма и воспоминания).

В законодательстве имперского периода отсутствовал профильный законодательный акт, регулировавший приходскую жизнь. Его разработка стала центральным содержанием «приходского вопроса» в межреволюционный период. В условиях отсутствия приходского закона или устава жизнь низовых религиозных структур регламентировали различные акты, в той или иной степени затрагивавшие приход. Для XVIII в. это был «Духовный регламент» и ряд императорских указов, учреждавших и корректировавших штаты приходского духовенства. В XIX и начале XX вв. ранее принятые законы дополняли «Инструкция церковным старостам», «Устав духовных консисторий», «Положение о приходских попечительствах при православных церквях» и др. Все эти документы вошли в Полное собрание законов Российской империи. Эти источники в первую очередь дают нам возможность проследить политику властей в отношении прихода, но также содержат и указания на приходские практики, существовавшие к моменту их издания.

Одним из главных источников нашего исследования стала по большей части неопубликованная делопроизводственная документация центральных церковных и гражданских органов власти: Святейшего Синода, Совета министров и Государственной думы. Нами изучены документальные фонды трех важнейших для нашей темы синодальных подразделений: Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода (Российский государственный истори-

ческий архив (РГИА). Ф. 796), Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (РГИА. Ф. 797) и Хозяйственного управления при Святейшем Синоде (РГИА. Ф. 799).

В фонде синодальной канцелярии, в частности, хранится малоизученное дело о пересмотре положения о приходских попечительствах (1890-х гг.), содержащее обширные материалы с мест. На его основании мы можем реконструировать состояние приходской жизни в конце XIX в., а также настроения среди российского епископата относительно перспектив приходских преобразований. Здесь же отложились справки и материалы о сборах с приходских церквей, что позволяет нам взглянуть на эту, малоизученную сторону приходской жизни. В фондах обеих канцелярий (Святейшего Синода и обер-прокурора) сосредоточены материалы о подготовке устава православного прихода в межреволюционный период. Это несколько обширных дел с проектами устава, отзывами экспертов и заинтересованных ведомств, меж- и внутриведомственной перепиской по «приходскому вопросу». Их анализ позволяет реконструировать этапы разработки приходского устава, основные интересы различных ведомств и групп в этом вопросе. Важным источником, отложившимся в фонде Канцелярии обер-прокурора, являются материалы с мест, например, сообщения о материальном положении духовенства в 1917 г.

В фонде синодального Хозяйственного управления хранится ряд документов, зафиксировавших как реформаторские усилия власти в отношении приходского хозяйства, так и состояние приходской экономики. Один из самых ярких среди них – Записка И.К. Зинченко о проекте новой (1890 г.) инструкции церковным старостам. Здесь же хранятся Журналы заседаний комиссии января – февраля 1917 г. по вопросу об улучшении содержания православного духовенства, учреждение которой было хронологически последней попыткой синодальных властей реформировать хотя бы одну из составляющих приходского вопроса. Также в этом фонде содержатся сообщения с мест (например, о хозяйственных злоупотреблениях духовенства) и записки о церковном хозяйстве.

Отличительной чертой законотворческого процесса имперского периода была практика публикации общественно значимой делопроизводственной документации. В нашем случае к таким изданным массивам документов относятся Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе, составленные по запросу обер-прокурора в 1905–1906 гг. и обнародованные в 1906 г., а также Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия, работавшего в 1906 г. Они были изданы в 1906–1907 гг. и стали объектом анализа уже в начале XX в. Приходский вопрос занимает и в отзывах архиереев, и в работе Предсоборного присутствия не последнее место. Именно один из отделов Предсоборного присутствия начал дело разработки приходского устава, которое продолжалось все последующее десятилетие, а прошедшая в рамках этого экспертного органа дискуссия имела значительное влияние на дальнейшее течение приходской полемики.

В 1910–1913 гг. свой вклад в преобразование православного прихода постарался внести молодой российский парламент. В это время в недрах Государственной думы было сформулировано несколько соответствующих законодательных предположений. Делопроизводственная документация Государственной думы, отложившаяся в одноименном фонде (РГИА. Ф. 1278), связанная с выдвижением и обсуждением этих проектов, является важнейшим источником по истории этих инициатив. Кроме того, документы по законодательным предположениям Государственной думы отложились в фонде Совета министров Российской империи (РГИА. Ф. 1276). В условиях непростых взаимоотношений парламента и духовного ведомства последнее постаралось добиться особого порядка прохождения его инициатив через Думу. Проект приходского устава был как раз одним из тех документов, которые планировалось утверждать в особом порядке. В результате соответствующее решение было принято. Этапы его прохождения прослежены нами на основе как неопубликованных материалов из фонда правительства, так и опубликованных Особых журналов Совета министров.

Отдельно следует упомянуть материалы из отдела рукописей и малотиражных изданий Национальной библиотеки Финляндии в Хельсинки. Дело в том, что именно православные приходы Великого княжества Финляндского первыми в империи получили закон, регламентировавший их существование. Реконструировать основные этапы многолетней борьбы за принятие этого документа, выявить мотивацию различных групп, как поддерживавших, так и сопротивлявшихся его принятию, позволяют делопроизводственные материалы, которые находятся в указанном хранилище.

После падения империи инициатива в области приходских преобразований постепенно переходила от Синода к новым структурам. Центральная роль среди них принадлежала Священному Собору Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., который открылся в Москве 15 августа 1917 г. До нас дошел обширный корпус документов Собора (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3431), в большинстве своем не опубликованных³, среди которых находятся делопроизводственные материалы подразделений Собора, занимавшихся приходским вопросом, его общих собраний, обсуждавших этот вопрос, а также принятые им церковные законы, касавшиеся прихода. Соответствующие документы использованы нами при изучении деятельности Собора. Отметим, что в соборном фонде отложилась не только документация, созданная подразделениями Собора, но и обширные и очень ценные материалы с мест, направленные как в адрес Собора, так и в адрес Временного правительства, Синода, Предсоборного совета, местных органов власти и епархиальных структур начиная с февраля 1917 г. Они дают возможность составить разностороннее представление о тех изменениях приходской жизни, что имели место в 1917–1918 гг.

---

³ До недавнего времени из наследия Собора 1917–1918 гг. были опубликованы (в 1918 г.) лишь принятые им Определения и Постановления, и часть стенограмм общих собраний («Деяния»). Документы подразделений Собора (отделов и комиссий), готовивших проекты соборных определений, не были в полном объеме введены в научный оборот, хотя некоторые из них и использовались в ряде ценных монографий. В 2011 г. издательством московского Новоспасского ставропигиального мужского монастыря было положено начало реализации проекта по научному изданию всех документов Собора.

Наряду с делопроизводственными мы привлекали статистические источники, прежде всего, материалы официальной церковной статистики, из года в год публиковавшейся на протяжении рассматриваемого периода в отчетах обер-прокурора Святейшего Синода. Именно в них можно найти данные о числе церквей, количестве приходского духовенства, численности православного населения империи и ее регионов. Кроме того, важные статистические данные находятся в неопубликованной делопроизводственной документации канцелярий Синода и обер-прокурора. Здесь мы найдем детальные характеристики такого института как приходские попечительства, данные о фискальной нагрузке на приходы в разные периоды, о количестве инословных ставленников среди новорукоположенных священников и др. Статистические материалы дают возможность реконструировать функционирование православного прихода как социального института.

Вторым по значимости источником для нашей работы были публицистические произведения разных авторов, позволяющие проследить этапы общественной полемики по приходскому вопросу в исследуемый период. Полемика эта, начавшись в 1860-е гг., не прекращалась до конца старого порядка. В ней участвовали самые разные общественные силы, создавшие значительное число текстов разного объема и разной значимости. Важно отметить, что публицистические выступления по «приходскому вопросу» не всегда были связаны с теми или иными периодическими изданиями. Часто они выходили в виде брошюр или книг, или же – если все же первоначально появлялись на страницах газет и журналов – в виде отдельных оттисков, и в таком виде получали большую известность. Такова была публицистика Д.Ф. Самарина, А.А. Папкова, И.С. Бердникова, партийная публицистика октябристов и других авторов.

Что же касается периодических изданий, то значительный вклад в обсуждение судеб православного прихода внесли журналы, издававшиеся при Духовных академиях: «Христианское чтение» (Санкт-Петербург), «Богословский вестник» (Сергиев Посад), «Православный собеседник» (Казань). Здесь

на протяжении многих лет публиковались выступления наиболее активных участников приходской дискуссии. К ним примыкает издававшийся при киевской семинарии журнал «Руководство для сельских пастырей», публикации в котором во многом отражали взгляд приходского духовенства на проблемы и перспективы приходских преобразований. Ценную информацию о течении приходской жизни, о реакции на местах на те или иные события в этой области содержат епархиальные ведомости – периодические издания епархий Российской Церкви. Сведения из регионов расширяют горизонт исследования. Особенно важен этот источник при рассмотрении таких периодов в истории страны и Церкви как 1905–1906 и 1917 гг. Официальный орган Синода «Церковные ведомости» публиковал не только постановления высшего церковного органа, но и редакционные комментарии к ним, а также статьи разных авторов, участвовавших в полемике о приходе.

Часть публицистических материалов появлялась в светских журналах и газетах. Газеты же публиковали и информацию об обсуждении приходского вопроса в Синоде, правительстве, Думе, о настроениях в «сферах» по этому вопросу. Порой эти сообщения содержат дополнительные сведения о позициях вовлеченных в процесс ведомств и лиц. Эта информация, конечно, нуждается в проверке, но даже если она отражает циркулировавшие в обществе слухи, ее появление является симптомом интереса к приходской проблематике. Это ярко видно на примере газетных публикаций 1916 г. Отметим, что статьи по приходскому вопросу появлялись на страницах как светских, так и церковных изданий с известной периодичностью, волнами, с достаточной очевидностью обозначающими колебания общественного интереса к этой теме.

Помимо упомянутых выше мы привлекали источники личного происхождения. Среди них в первую очередь нужно назвать неопубликованные письма представителей высшей бюрократии и иерархии. Эти документы содержат ценнейшие сведения о мотивах принятия решений по приходскому вопросу и о процессе их выработки, раскрывают «кухню» принятия этих ре-

шений. Речь идет о письмах обер-прокурора П.П. Извольского, епископов Серафима (Чичагова), Стефана (Архангельского), корреспонденции, направленной в адрес обер-прокурора К.П. Победоносцева. Эти материалы находятся в личных фондах обер-прокуроров Синода и в фонде синодальной канцелярии (РГИА. Ф. 1574 (К.П. Победоносцев), Ф. 1569 (П.П. Извольский)). Кроме того, мы обращались к опубликованным дневникам. В том числе к известному и широко используемому в историографии дневнику хозяйки одного из светских салонов столицы А.В. Богданович и к гораздо менее известному дневнику приходского священника Калужской губернии⁴. Из мемуарной литературы мы привлекли воспоминания министра финансов и главы правительства С.Ю. Витте, имевшего отношение к выработке религиозной политики в 1904–1905 гг., мемуары мыслителя и издателя Н.П. Гилярова-Платонова, воспоминания протопресвитера военно-морского духовенства Георгия Шавельского, а также мемуары нескольких представителей семейства владимирских священников Альбицких, которые содержат ценные детали сословного быта духовенства⁵. Для решения некоторых отдельных исследовательских задач мы использовали учетные материалы – послужные списки чиновников, сведения о членах Священного Собора 1917–1918 гг. Это было, в частности, необходимо для прояснения некоторых аспектов биографии видного участника приходской дискуссии А.А. Папкова, а также для уточнения состава подразделений Собора, занимавшихся приходским вопросом. Отметим, что большая часть материалов, особенно архивных вводится в научный оборот впервые.

---

⁴ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990; Дневник священника Иоанна Зарецкого. [1891–1895]. Калуга, 2007.

⁵ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1–2. Царствование Николая II. Т. 3. Детство. Царствования Александра II и Александра III. (1849–1894). Л., 1924; *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Автобиографические воспоминания. Тт. 1–2. СПб., 2009; *Георгий Шавельский, протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010; Воспоминания Алексея Михайловича Альбицкого (1840–1919), священника села Шекшова Суздальского уезда // Страницы истории России в летописи одного рода: (Автобиографические записки четырех поколений русских священников): 1814–1937 / сост., коммент. *Л.П. Соколовой-Ковальчук.* М., 2004. С. 87–127; Воспоминания Михаила Силыча Альбицкого (1814–1890), священника женского Феодоровского монастыря г. Переславля-Залесского // Страницы истории России в летописи одного рода: (Автобиографические записки четырех поколений русских священников): 1814–1937 / сост., коммент. *Л.П. Соколовой-Ковальчук.* М., 2004. С. 9–85.

Историография проблемы. Исследований о русском приходе Нового времени заметно меньше, чем о приходе европейских стран⁶. Во многом это объясняется не только историографическим провалом XX в., но и значительно более узкой источниковой базой, прежде всего, когда речь идет о допетровском периоде. Более того, имеющиеся исследования, особенно дореволюционные основное внимание уделяли древнерусскому приходу, а не приходу синодального периода. Когда же историки обращались к периоду XVIII–XIX вв., приход как таковой оказывался в тени смежных тем: истории братств, народного образования, а главное – истории православного духовенства, что во многом было обусловлено интересом общества и власти именно к этому аспекту приходского вопроса. Так, в русской историографии сформировалась своеобразная традиция, в рамках которой с понятием «приход» в первую очередь ассоциировался эпитет «древнерусский», а приходская жизнь имперского периода сразу же вызывала в памяти образы представителей духовного сословия. Эта традиция в XX столетии повлияла на зарубежную историографию, а затем в наше время стимулировала появление новых изысканий о жизни, быте и истории православного духовенства.

Пионером исследования этой проблематики (и в ее контексте – истории прихода, как древнего, так и имперского) стал профессор Казанской Духовной академии и Казанского университета П.В. Знаменский, выпустивший свои труды в 1860–1870-е гг.⁷ Одна из его книг называлась «Приходское духовенство в России со времен реформы Петра» и рассказывала об изменениях в механизме формирования приходского клира и утверждении системы

---

⁶ Упомянем только наиболее общие работы, которые полностью посвящены истории прихода или в которых присутствует соответствующий раздел: *Black Ch.F.* Church, Religion and Society in Early Modern Italy. Palgrave Macmillan, 2004; *Cooper T.* The Last Generation of English Catholic Clergy: Parish Priests in the Diocese of Coventry and Lichfield in the Early Sixteenth Century. The Boydell Press, 1999; *McManners J.* Church and Society in Eighteenth Century France. The Clerical Establishment and Its Social Ramifications. Clarendon Press – Oxford, 1998; *Palmer R.C.* Selling the Church. The English Parish in Law, Commerce, and Religion, 1350–1550. The University of North Carolina Press, 2002; *Pounds N.J.G.* A History of the English Parish. The Culture of Religion from Augustine to Victoria. Cambridge University Press, 2004.

⁷ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань, 1873. О трудах некоторых героев этого историографического обзора также говорится в тексте диссертации при анализе идейной полемики о приходе. В этих случаях здесь мы ограничиваемся самыми краткими характеристиками.

наследования в отношении приходских мест, о политике власти в отношении духовенства, о способах его материального обеспечения. Исключительно подробное повествование, основанное на самом широком круге опубликованных источников, стало классической работой, которая и сегодня не потеряла своей актуальности, поскольку еще не появилось новых исследований, столь же масштабных по поставленной задаче и фундаментальных по охвату материала. Вместе с тем казанский историк довел свое повествование лишь до 1860-х гг. По сути, в его книге основное внимание уделялось XVIII в., началу формирования синодальной системы; вопросы приходского устройства, как мы отметили выше, поднимались лишь в связи с проблемами истории духовного чина.

История российского прихода имперского периода как самостоятельная тема впервые стала обсуждаться в славянофильской публицистике, а не в научной литературе. Самым известным автором конца XIX – начала XX вв., писавшим о приходе, был А.А. Папков. Крупный чиновник Министерства юстиции и судебного ведомства, он не был профессиональным исследователем, но на протяжении многих лет добивался признания научного сообщества. Из значительного корпуса его сочинений приходу синодального периода были посвящены два: «Упадок православного прихода в XVIII–XIX вв.» и «Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя»⁸. В них он в большей степени выступает как исследователь, в частности, предлагая общественному вниманию некоторые архивные материалы (в отличие от других его книг, написанных исключительно на опубликованном материале). Впрочем, и эти сочинения современники воспринимали скорее как историческую публицистику, своего рода научно-популярную литературу, чем как исторические труды. Собственно, центральной задачей А.А. Папкова и была популяризация определенной модели приходских отношений, базировавшейся на

---

⁸ Папков А.А. Упадок православного прихода в XVIII–XIX вв. М., 1899; Папков А. А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. СПб., 1902.

идеализированном восприятии древнерусского прихода. Следует отметить, что влияние его концепции на рубеже XIX–XX вв. было значительным.

В начале второго десятилетия XX в. появились фундаментальные исторические труды, затрагивавшие тему истории православного прихода. Это были исследования ученика В.О. Ключевского М.М. Богословского, рассмотревшего приход в контексте земского самоуправления русского севера, преподавателя Санкт-Петербургской духовной академии В.М. Верюжского, писавшего о первом епископе Холмогорской епархии Афанасии, и ученика византиниста В.Н. Бенешевича С.В. Юшкова, посвятившего свою книгу собственно приходской организации на русском севере в XV–XVII вв. Как видим, все эти авторы обращались прежде всего к истории древнерусского прихода, но при этом затрагивали и ход реформ рубежа XVII–XVIII вв., заложивших основы эволюции прихода в синодальный период. Причем рассматривали эти реформы с разных точек зрения: В.М. Верюжский – с позиции иерархии, С.В. Юшков – с точки зрения прихожан, а М.М. Богословский – со стороны земских институтов, одним из которых был и приход (подробнее о трудах этих ученых см.: Глава 3 § 6). Можно сказать, что в 1910-е гг. русская историческая наука избавилась от идеализации древнерусских приходских порядков, что наблюдалось в историографии и публицистике второй половины XIX в., и перешла к детальной реконструкции как средневековых приходских институтов, так и реформ начала имперского периода. Это давало надежду, что в скором времени столь же обстоятельному научному анализу подвергнутся и приходские институты синодальной эпохи. Однако наметившаяся историографическая тенденция не получила развития.

После 1917 г. в исследованиях истории русского православного прихода наступил долгий перерыв. Соответствующая лакуна не была заполнена и в зарубежной, в том числе в эмигрантской историографии. Так, у крупнейшего исследователя истории Русской Церкви синодального периода И.К. Смолича, работавшего в Германии, история прихода была не выделена как самостоятельная проблема и рассматривалась в связи с проблемами статуса и матери-

ального положения духовенства, системы епархиального управления, мер «по охране веры и народного благочестия»⁹.

Новые исследования, хотя бы отчасти приближавшиеся к изучению «приходского вопроса» в предреволюционные годы, появились в 1970–1980-е гг. в контексте возникшего тогда интереса к Всероссийскому церковному собору 1917–1918 гг. Интерес этот в свою очередь подогревался решениями незадолго перед тем прошедшего (1962–1965) Второго Ватиканского собора Римско-Католической церкви, расширившим церковные права мирян, а это стимулировало поиски исторических прецедентов, аналогичных решений в прошлом. Российский собор оказывался самым крупным и ярким примером такого рода. Кроме того, активизировавшиеся как раз в эпоху Ватиканского собора контакты между Русской Православной и Римско-Католической Церквами подогревали интерес западных исследователей к историческому и богословскому наследию партнера по диалогу. Характерно, что авторы, обращавшиеся к теме в указанное время, были или членами католического клира, или представителями католических богословских институций. Именно статус мирян на Соборе и в органах церковного управления, проектировавшихся Собором, интересовал их в первую очередь¹⁰. Только в связи с этим рассматривалось ими и разработанное Собором устройство православного прихода¹¹. Эти работы носили в основном описательный характер, но выполняли важную миссию – популяризации богословского наследия Русской Церкви¹².

---

⁹ Смолч И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 278–282, 317–382; Ч. 2. М., 1997. С. 75–83.

¹⁰ Jockwig F. Der Weg der Laien auf das Landeskonzil der Russischen Orthodoxen Kirche Moskau 1917/18. Werden und Verwirklichung einer demokratischen Idee in der Russischen Kirche. Würzburg, 1971; Sheshko P.T. The Russian Orthodox Church Council of Moscow of 1917–1918. Some Ecclesiological Considerations (A Historical-Theological Investigation). Diss. ... Doctor of Theology. Ottawa: St. Paul University, 1972; Immekus E. Die russisch-orthodoxe Landpfarrei zu Beginn des XX. Jahrhunderts nach den Gutachten der Diözesanbischöfe. Würzburg, 1978; Loya J.A., O.S.A. Theological Clarifications of Lay Status in the Russian Church Pertaining to the Moscow Reform Council of 1917–1918. Diss. ... Doctor of Philosophy. New York: Fordham University, 1985.

¹¹ Ср.: Jockwig F. Der Weg der Laien... Ss. 19–26.

¹² Косвенно в этом процессе участвовали и представители русской эмиграции. Так, научным руководителем диссертации свящ. Джозефа Лои (Loya J.A., O.S.A. Theological Clarifications of Lay

Здесь же следует назвать работу прот. Владимира Рожкова «Церковные вопросы в Государственной думе», написанную в первой половине 1970-х гг. в качестве диссертации во время обучения автора в папском Восточном институте в Риме, куда он был командирован как сотрудник Отдела внешних церковных сношений Русской Православной Церкви. Пятая глава этой книги была полностью посвящена истории реформы православного прихода. Причем автор не ограничился описанием деятельности в этом направлении III и IV Государственных дум, но говорил о дискуссиях о приходском вопросе рубежа XIX–XX вв., прослеживал его судьбу вплоть до 1916 г., а затем кратко останавливался на документах, принятых Всероссийским собором 1917–1918 гг. («Введении» к приходскому уставу и самом «Уставе»), и на положении православного прихода в советском законодательстве. При этом прот. Владимир пользовался только опубликованными источниками, что привело к появлению в его изложении приходского вопроса ряда неточностей и лакун. Но несмотря на это, на момент написания диссертации это был самый подробный обзор этой, казалось бы, забытой в историографии проблемы. К сожалению, он остался практически неизвестен интересующимся читателям и исследователям¹³ и не стал стимулом для новых ученых заняться историей прихода имперского периода.

Принципиально новый этап в изучении истории российского православного прихода начинается с развитием такого направления исторических исследований как социальная история, причем это происходило почти одновременно как за рубежом, так и в СССР. В 1977 г. появилась книга американского исследователя Грегори Фриза о приходском духовенстве Российской империи XVIII в., а в 1983 г. вышла его фундаментальная монография о приходском клире XIX в. С одной стороны, эти книги продолжали (и возрождали) традицию П.В. Знаменского. С другой, они были написаны на новом

Status...) был известный американский историк и богослов русского происхождения прот. Иоанн Мейендорф.

¹³ В 1975 г. книга издана папским Восточным институтом ограниченным тиражом и быстро стала библиографической редкостью. В России она была переиздана в 2004 г. «Обществом любителей церковной истории» под руководством свящ. Илии Соловьева.

уровне развития методологии и освоения источников. В отличие от своего предшественника Г. Фриз вводил в научный оборот колоссальный объем архивных материалов, активно использовал периодику. Причем он был первым зарубежным исследователем, работавшим как в центральных, так и в региональных архивах СССР. В большей степени в этих трудах была представлена и история самого прихода. В частности, американский историк подробно описал опыты имперского правительства XIX в., в том числе в эпоху Николая I по укрупнению приходов. Он первым в послереволюционной историографии попытался статистически описать степень пастырской нагрузки на приходского священнослужителя (количество прихожан на одного священника) и абсолютно первым поставил эти данные в европейский контекст.

Важно отметить, что Г. Фриз осознавал историю прихода как отдельную научную проблему, существующую вне истории православного духовенства. В 1976 г. вышла его статья, посвященная истории прихода в XVIII в. В ней он проследил процесс утраты приходом экстрарелигиозных функций; описал политику укрупнения приходов в городах, а также продолжающуюся борьбу между прихожанами и епископатом за власть в приходе¹⁴. Позднее вышла его статья, написанная на широком круге источников, посвященная проблемам истории прихода исследуемого нами периода¹⁵. В ней исследователь впервые в новейшей историографии проанализировал последствия для прихода социальных процессов позднего имперского периода (урбанизации, роста населения и его мобильности), отметил тяжесть фискального бремени, возложенного на приходы, и ущербность приходского имперского законодательства. Основное внимание в этой работе Г. Фриз уделил различным стратегиям отношения к приходскому вопросу епископата, духовенства, активных мирян, различных общественных групп. В последние годы американский историк приступил к изучению истории православного прихода и мас-

---

¹⁴ Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia // *The Journal of Modern History*. Vol. 48. 1976. № 1, March. P. 32–50.

¹⁵ Freeze G.L. All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia // *Social Identities in revolutionary Russia* / ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave, 2001. P. 174–208.

совых религиозных настроений в советский, прежде всего, в межвоенный период¹⁶.

Одновременно проблемы истории приходского духовенства и православного прихода с точки зрения социальной истории были подняты в отечественной историографии. Новосибирский исследователь Н.Д. Зольникова в 1980-е гг. выпустила две книги, первая из которых была посвящена сибирскому приходскому духовенству, а вторая – сибирской приходской общине XVIII в.¹⁷ Основываясь на широком круге как архивных, так и опубликованных материалов, она проследила процесс превращения православного духовенства в сословие, подробно описала борьбу между Сенатом и Синодом по вопросу о том, какой из этих органов может определять его границы, а также выделила этапы закрепощения духовного сословия абсолютистским государством. Вторая ее книга давала практически исчерпывающее описание сибирского прихода XVIII в. как социального института. В ней Н.Д. Зольникова описала, как имперская политика по введению приходских штатов влияла на сибирские приходы, как приход взаимодействовал со светскими институтами (общиной, администрацией) и с крестьянской общиной, как формировался и функционировал приходский сход и замещались приходские выборные должности. Специально были рассмотрены процесс строительства и содержания церквей и часовен, а также взаимоотношения общин с приходским клиром, участие прихожан в рекрутировании членов клира, формы их материального обеспечения, типичные конфликты между общинами и духовенством. В монографии был представлен обширный статистический материал. В частности, историк подсчитала размеры сибирских приходов XVIII в. и их сословный состав. Труды Г. Фриза и Н.Д. Зольниковой были прорывом в ис-

---

¹⁶ *Freeze G. Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / M. Hildermeier (ed.). Munich, 1998. Pp. 209–232; Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4(30). С. 86–105; Freeze G. Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // Slavic Review. 1995. Vol. 54. P. 305–339.*

¹⁷ *Зольникова Н.Д. Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981; Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990.*

ториографии о православном приходе. До настоящего времени они являются непревзойденными, образцовыми работами по этой теме в жанре социальной истории.

Отдельное направление в изучении прихода синодального периода составляют работы исследователей различных специальностей (этнологов, филологов-фольклористов, специалистов в области Religious Studies), которые, по сути, представляют собой историко-антропологические исследования приходской жизни XIX–XX вв. Большая их часть увидела свет на рубеже 1990–2000-х гг., но писались они начиная с конца 1980-х гг., то есть хронологически эти работы примыкают к исследованиям социальных историков. В первую очередь следует назвать книгу основоположника современной отечественной церковной этнографии, крупного петербургского этнолога Т.А. Бернштам «Приходская жизнь русской деревни»¹⁸. Ее труд, написанный на обширном материале, с привлечением архивных данных и записей этнографических экспедиций, исключительно разнообразен по рассмотренной в нем тематике. Столь же фундаментальна работа американского исследователя В.Ф. Шевцовой «Православие в России накануне 1917 г.»¹⁹. В этом же ряду стоят работы А.А. Панченко и А.Н. Розова²⁰. В фокусе всех этих исследований – духовенство и прихожане, рассмотренные не с точки зрения социальных институтов, а с точки зрения обыденных практик, определявших как взаимоотношения в приходе, так и структурировавших течение времени и даже окрестный ландшафт. Частные и общественные молитва и богослужение, крестные ходы, посты в их особой иерархии и связанные с ними обычаи, а также праздники, – все это было главным и постоянным содержанием приходской жизни. Эти практики как раз и создавали и поддерживали социальные связи, которые рассматриваются в отдельности от приходского «домо-

---

¹⁸ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005; 2-е изд., испр. СПб., 2007.

¹⁹ Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford University Press, 2004. Российское издание: Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010.

²⁰ Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998; Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни (1860–1917). СПб., 2003.

строительства» (категория, активно используемая Т.А. Бернштам) лишь в аналитическом научном дискурсе. Приходские конфликты в этих работах рассмотрены прежде всего как зеркало самосознания прихожан и духовенства. Именно так смотрит на них В.Ф. Шевцова, в частности показавшая в своей книге, что за конфликтами между настоятелями и старостами вокруг приходского хозяйства или борьбой между приходами и иерархией за определение места хранения чтимых и чудотворных икон (многие из них конфисковывались епископами и хранились в ризницах кафедральных соборов) стояло различное восприятие прихожанами и клиром храма как священного места или иконы как священного объекта. Кроме того, в этих работах описаны и практики, казалось бы, выходившие за пределы собственно прихода, но являвшиеся неотъемлемой частью народного благочестия в рассматриваемую эпоху: странничество и паломничество, а также почитание природных объектов. В нашем исследовании историко-антропологические аспекты истории православного прихода будут затрагиваться лишь эпизодически. Между тем следует подчеркнуть, что это направление удачно дополняет социально-исторические штудии и является исключительно перспективным при изучении истории религиозности.

В 1990-е гг. в России начинают появляться работы, которые на новом этапе развития историографии затрагивают проблемы реформирования дореволюционного прихода, а также его региональной истории. К первому типу трудов относятся книги С.В. Римского и А.Ю. Полунова, в которых в ряду других сюжетов рассматривались реформы прихода в период Великих реформ и контрреформ соответственно²¹. К различным аспектам приходских преобразований эпохи Великих реформ позднее обращались и другие авторы, в частности, А.В. Прокофьев и Т.В. Панкрат²². Проекты IV Государственной

---

²¹ *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999; *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

²² *Прокофьев А.В.* Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание приходского духовенства. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Панкрат Т.В.* Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX — начало XX столетия). М., 2011.

думы в сфере преобразования прихода и материального обеспечения духовенства были рассмотрены в диссертации Л.С. Бокаревой²³. К обсуждению истории прихода в контексте региональной истории одним из первых обратился вологодский исследователь А.В. Камкин²⁴. Затем это направление было продолжено в работах А.М. Адаменко (Западная Сибирь), М.А. Головановой (Бурятия), Н.Г. Дружинкиной (Санкт-Петербургская епархия), А.В. Ключаревой (Тульская епархия), И.Н. Мухина (Рязанская епархия), Н.А. Мухортовой (Сибирь), М.В. Пулькина (Карелия), Е.Н. Робаковой (Санкт-Петербургская епархия), Л.А. Таймасова (Среднее Поволжье), О.П. Цысь (Сибирь) и других²⁵. Эти труды оттенили местные особенности истории пра-

---

²³ *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

²⁴ *Камкин А. В.* Православная Церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992; *Камкин А.В.* Севернорусский сельский приход XVIII века: пространство, населенность, клир // *Культура Русского Севера*. 1994. С. 91–108; *Камкин А.В.* Сельский православный приход как явление духовной культуры Русского Севера XVIII–XIX вв. Об изучении темы в прошлом и современном регионоведении // *Новгородский архивный вестник*. № 2. М., 2000. С. 31–38.

²⁵ *Адаменко А.М.* Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. Кемерово, 2004; *Голованова М.А.* История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска (конец XVII – начало XX вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004; *Дружинкина Н.Г.* Православные приходы в России во второй половине XIX – начале XX в.: (на примере Санкт-Петербургской епархии): (монография). М., 2009; *Ключарева А.В.* Жизнедеятельность православного прихода в русской провинции в 1881–1917 гг.: (по материалам Тульской епархии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Б.м., 2009; *Мухин И.Н.* Образование новых церковных приходов в пореформенной России: по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии // *Шатурская Мещера*. 2009. Вып. 2. Шатура, 2009. С. 203–230; *Мухортова Н.А.* Выборы церковных старост в Томске в начале XIX в. // *Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков*. 1999. С. 200–204; *Мухортова Н.А.* Должность церковного старосты в сибирской городской приходской общине второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // *История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.* Новосибирск, 1998. С. 134–144; *Пулькин М.В.* Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. (По материалам Олонекской епархии). Петрозаводск, 2009; *Редькина О.Ю.* Православный приход в Области Войска Донского как социально-экономическая единица: исторический опыт для современности // *Современное состояние и сценарии развития юга России: материалы научно-практического семинара Объединенного отдела социально-политических и экономических проблем южных регионов Южного научного центра РАН, 7–8 декабря 2005 г.*, Азов. Ростов-на-Дону, 2006. С. 202–214; *Робакова Е.Н.* Уездные приходы Санкт-Петербургской епархии во второй половине XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009; *Робакова Е.Н.* Православный приход во второй половине XIX века. Российская империя, Санкт-Петербургская епархия. СПб., 2016; *Самойлова О.А.* Повседневность сельского прихода: определения и источники по истории Тамбовской епархии конца XIX – начала XX вв. // *Труды Кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета*. 2007. Вып. 5. С. 247–253; *Сарафанов Д.Е.* Соотношение численности городского и сельского населения в церковных приходах Бийска в XIX веке // *Исторический ежегодник*. 2010. Новосибирск, 2010. С. 143–152; *Таймасов Л.А.* Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Причт и паства нерусских приходов Среднего Поволжья в XIX в.: Некоторые аспекты экономических взаимоотношений // *Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 21–23 мая*

вославно́го прихода синодального периода, например, более медленное по сравнению с соседними регионами наступление церковных властей на приходское самоуправление в Олонецкой епархии (М.В. Пулькин). Кроме того, в них на конкретных примерах были проиллюстрированы общероссийские процессы. На рубеже 1990–2000-х гг. появились новые труды по истории древнерусского прихода Д.А. Баловнева (XIV–XV вв.) и П.С. Стефановича (XVI–XVII вв.)²⁶. В последней работе на новых источниках и новом уровне развития историографии были рассмотрены приходские реформы рубежа XVII–XVIII вв. Нужно также упомянуть диссертацию И.В. Спасенковой – одну из редких работ, посвященных истории приходской жизни после революции²⁷. В ней на материале города Вологды показана эволюция приходской сети, внутриобщинной организации и приходских практик начала советского периода.

Вместе в тем необходимо признать, что в историографии последнего 20-летия доминировали работы не по истории прихода, а духовного сословия имперского периода. Так была продолжена дореволюционная историографическая традиция, восходящая к П.В. Знаменскому. С другой стороны, в работах наиболее крупных представителей данного исследовательского направления заметно и влияние Г. Фриза, особенно его монографии о русском духовенстве XIX в. Однако если Г. Фриз двигался от исследования приходских священнослужителей к изысканиям по истории прихода и народной религиозности, то отечественные историки вновь сосредоточились на изучении духовного сословия. В начале последнего 20-летия наиболее заметными труда-

---

2003 г. Саранск, 2004. С. 520–526; *Филиппов С.А.* Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в конце XIX – начале XX веков: (по материалам Самарской епархии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2002; *Цысь О.П.* Организация переселенческих приходов в Тобольской епархии в начале XX в. // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Серия: «Исторические науки». 2008. № 1. С. 57–64.

²⁶ *Баловнев Д.А.* Церковные приходы и приходское духовенство в XIV–XV вв. на Руси: (Сев.-Вост., Новгород. и Псков. земли). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.

²⁷ *Спасенкова И.В.* Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг. (на материалах Вологды). Дисс. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999. Ср. также: *Савотеева Н.В.* Сельский приход Русской Православной Церкви в 1917–1922 годах (по материалам губерний Центральной России). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

ми стали работы Т.Г. Леонтьевой и А.И. Конюченко²⁸. Тверской исследователь Т.Г. Леонтьева поставила вопрос о роли православного сельского духовенства XIX – начала XX вв. в процессах модернизации России, в том числе, она кратко коснулась и истории реформы прихода. Уральский историк А.И. Конюченко попытался написать социальную и демографическую историю духовного сословия (включая монашество) второй половины XIX – начала XX вв. Из работ последних лет особенно выделяются труды екатеринбургского историка А.В. Мангилевой, написанные на материале Пермской епархии²⁹. Их отличает тщательное изучение местных особенностей, поставленных в общероссийский контекст, и глубина выводов. По истории духовенства писались и многочисленные диссертации³⁰.

---

²⁸ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002; *Конюченко А.И.* Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2006.

²⁹ *Мангилева А.В.* Повседневная жизнь сельского прихода в 1-й половине XIX века (по материалам «Дневника сельского священника») // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 249–260; *Мангилева А.В.* Современная историография истории духовного сословия в России XIX — начала XX в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1(5). С. 134–149; *Мангилева А.В.* Материальное положение городского духовенства Пермской Епархии накануне Церковных реформ Александра II // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 9. Том 1. С. 352–357; *Мангилева А.В.* Материальное положение духовенства Пермской Епархии на «частновладельческих» приходах накануне Церковных реформ Александра II // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 8. Том 3. С. 307–313; *Мангилева А.В.* Материальное положение духовенства Пермской Епархии на приходах горного ведомства накануне Церковных реформ Александра II // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 6. Том 1. С. 463–469; *Мангилева А.В.* Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 65–71; *Мангилева А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2015.

³⁰ *Голованова М.А.* История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска (конец XVII – начало XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004; *Евдокимова А.Н.* Приходское духовенство и прихожане Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков. Дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004; *Иконников С.А.* Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2016; *Калашиников Д.Н.* «Молитесь чаще, нам прибыли больше!»: К вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЧелГУ. 2010. № 10. С. 129–135; *Калашиников Д.Н.* Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2011; *Кузин С.С.* Духовенство и сельские приходы Тверского уезда Тверской губернии в первой половине XIX в. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: сборник научных трудов Всероссийской заочной конференции. Вып. 2: Тверь, 2006. С. 54–132; *Прокофьев А.В.* Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание приходского духовенства. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Семин И.А.* Государственная политика в отношении православного приходского духовенства: 1825–1870-е гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2006; *Шадрин А.В.* Приходское духовенство Донской епархии второй половины XIX – начала XX веков. Дисс. ...

Наконец, к изучению современного православного прихода сегодня обращаются и социологи религии. Нужно сказать, что соответствующая традиция была заложена еще в советские годы, однако тогда это были редкие, по преимуществу идеологически ангажированные работы³¹. Среди современных работ нужно отметить сборник, подготовленный коллективом под руководством А.С. Агаджаняна и К. Русселе, где авторы постарались поставить современные процессы в приходских общинах в исторический контекст³². Кроме того, активно работает в указанной области группа социологов при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете³³.

Как видим, положение приходской темы в историографии противоречиво. С одной стороны, социальные историки достигли выдающихся результатов в описании православного прихода периода империи. При этом концептуальные наработки Г. Фриза и Н.Д. Зольниковой далеко не в полной мере усвоены современной отечественной историографией. С другой стороны, история прихода по-прежнему находится в тени истории духовного сословия. Описаны ключевые узлы приходской полемики (Г. Фриз, В.Ф. Шевцова и др.), но все еще не воссоздана ее долговременная динамика. В соответствующих работах сделан акцент на таких участниках дискуссии как А.А. Папков и И.С. Бердников, но практически забыты такие ключевые фигуры как Д.Ф. Самарин и Н.Д. Кузнецов. Фрагментарно описаны и приходские реформы последних 50 лет старого порядка. Мы много знаем о преобразованиях

канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2013 и др. См. также обзор в: *Мангилева А. В.* Современная историография истории духовного сословия в России XIX — начала XX в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1(5). С. 134–149.

³¹ *Цюпак Э.* Социологические проблемы прихода и религиозности в условиях большого города // Социологические проблемы польского города. М., 1966. С. 260–294; *Пивоваров В.Г.* Опыт монографического исследования религиозной группы прихожан в системе церковного прихода. М., 1968; *Кислицын Г.Л.* Некоторые итоги социологического изучения религиозного прихода // Пермский политехнический институт. Сборник научных трудов. № 59. [Пермь,] 1971. С. 147–164.

³² Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. *А. Агаджаняна, К. Русселе.* М., 2011.

³³ *Кузнецов С.В.* Современный православный приход в русской провинции // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2004. № 3. С. 3–13; Приход Русской православной церкви: материалы к изучению приходской жизни. М., 2011; *Забаев И.В.* Три московских прихода: основные социально-демографические показатели и установки представителей общин крупных приходов. М., 2012; Приход Русской Православной Церкви в России и за рубежом: материалы к изучению приходской жизни. М., 2013.

эпохи Великих реформ, но плохо представляем себе усилия реформаторов межреволюционного периода. Таким образом, задача воссоздания целостного взгляда на историю приходского вопроса рассматриваемого периода представляется по-прежнему актуальной.

Методологические основы исследования. Настоящая работа опирается на принципы историзма и объективности, требующие всестороннего учета социальной, политической, идейной обстановки, в которой формировалось и развивалось изучаемое явление. Принцип историзма предполагает рассмотрение событий в их целостности и последовательности, обнаружение их внутренней логики и динамики. Принцип объективности предполагает опору на исторические источники, анализ максимально широкого их круга, критическое сопоставление их различных типов, системность, доказательность и произвольность суждений, обоснованность и последовательность выводов.

Опираясь на принципы историзма и объективности, автор также использовал ряд традиционных методов исторической науки. Историко-описательный метод позволил реконструировать событийную канву истории православного прихода изучаемого периода и попыток его преобразований. Проблемно-хронологический метод позволил выявить основные проблемные «узлы» истории православного прихода и разворачивавшихся вокруг них дискуссий (проблемы отношений прихода и крестьянской общины, территориальности прихода, «выборности» духовенства, состояния приходского хозяйства и участия в нем мирян и др.) и рассмотреть их в той исторической последовательности, в какой они проявлялись в исследуемый период. Сравнительный метод позволил проводить сопоставление идей, мотивов, целей и действий различных участников событий и дискуссий, а также (вслед за Г. Фризом) поставить российский православный приход в европейский контекст. Наряду с упомянутыми в исследовании использовались статистические методы, позволившие конкретизировать количественные характеристики состояния православного прихода и приходского духовенства в рассматриваемый период.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ развития православного прихода Российской империи как социальной структуры во второй половине XIX – начале XX вв., всестороннее изучение общественной полемики вокруг прихода и попыток приходских реформ этого периода.

Для достижения настоящей цели предполагается решение следующих исследовательских **задач**:

– изучить эволюцию православного прихода в первой половине синодального периода, выявить элементы преемства с приходом допетровской эпохи и отличия от него, установить роль имперской политики в становлении прихода нового типа;

– проанализировать ход и последствия приходских преобразований периода Великих реформ и контрреформ, а также формирование спектра мнений о текущем состоянии и будущем прихода, акцентируя позиции различных групп (епископата, духовенства, земских деятелей и др.);

– рассмотреть состояние православного прихода в период первой русской революции и в межреволюционное десятилетие, реакцию различных церковных и общественных групп на происходившие события, изучить эволюцию общественного мнения по «приходскому вопросу», а также проекты приходских преобразований, выдвигавшиеся ведомством православного исповедания, Государственной думой, общественными деятелями и реакцию на эти проекты различных общественных сил и ведомств;

– осветить изменения приходских отношений после февральской революции 1917 г., реакцию на них церковных властей разных уровней, сделав особый акцент на деятельности в области приходских преобразований Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., проследить основные тенденции в истории православного прихода советского периода.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что в ней впервые на широкой источниковой базе представлено комплексное исследование истории православного прихода второй половины XIX – начала XX вв. как само-

стоятельной научной проблемы, ранее находившейся в тени истории православного духовенства. В диссертации впервые в новейшей историографии акцентируется значимость реформы приходской экономики 1808 г., заложившей основы долговременного кризиса прихода. Также впервые освещено экономическое положение приходов на рубеже XIX–XX вв., в частности, реконструирована система сборов с приходских церквей. В исследовании на базе новых архивных материалов внесен вклад в анализ последствий деятельности приходских попечительств при православных церквях и реконструирован региональный аспект сословного статуса духовенства.

Важным аспектом новизны исследования является анализ синодальных проектов приходского устава, которые в отличие от устава Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. и проектов общественных деятелей не были опубликованы. Архивные материалы, относящиеся к синодальным проектам, введены в научный оборот впервые. Также впервые в полном объеме рассмотрены все проекты реформы православного прихода, предложенные депутатами Государственной думы III и IV созывов. Новизной отличается проведенная в работе реконструкция всех составляющих «приходской революции» 1917 г., проведенная прежде всего на нововыявленных архивных материалах. Отличается от оценок, присутствовавших ранее в историографии, предпринятый в диссертации анализ деятельности в отношении прихода съездов духовенства 1917 г., Предсоборного совета, других церковных органов, а также (первоначально) самого Собора 1917–1918 гг. как, по сути, консервативной, направленной на сдерживание «приходской революции».

Новизна диссертации определяется и введением в научный оборот целого ряда малоизученных или неизвестных историкам материалов. Среди них – делопроизводственные материалы Святейшего Синода и его комиссий, занимавшихся разработкой проектов приходского устава, не привлекавшиеся исследователями эпистолярные источники, а также материалы периодики. В письмах, а также отчасти в публицистике содержатся важные детали, позволяющие глубже понять перипетии обсуждения приходских проектов в кулуарах

рах ведомств, отношение различных лиц и групп к проблемам приходской жизни, а также реконструировать детали биографии важнейших участников решения «приходского вопроса».

Научно-практическое значение диссертационного исследования состоит в том, что предпринятый в нем анализ истории православного прихода второй половины XIX – начала XX вв. вносит вклад в осмысление ряда теоретических проблем исторической науки. Изучение взаимосвязи прихода с социальными процессами пореформенного периода позволяет глубже понять природу модернизационных процессов в странах так называемого «догоняющего» типа развития, ставит вопрос о том, в какой степени религиозные структуры были затронуты процессом модернизации. Представленный в диссертации материал дает возможность более полно осмыслить всю сложность этих процессов, выявить препятствия, стоявшие на их пути. Материалы диссертации могут быть положены в основу научных трудов, посвященных разработке таких исследовательских направлений, как история России XIX – начала XX вв., история Русской Православной Церкви, социальная история России указанного периода, история общественной мысли. Представленные в диссертации данные, выводы и аналитические подходы применимы при подготовке обобщающих работ, учебников, учебных пособий, разработке учебных курсов по вышеуказанной тематике. Анализ исторического опыта государственно-церковных отношений в конце XIX – начале XX в., попыток преобразований низовых религиозных структур, предпринимавшихся как государственными, так и церковными институтами может быть использован в современной управленческой практике.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Государственная политика синодального периода в отношении Церкви, отличавшаяся утилитаризмом, затрагивала не только центральное церковное управление, но и приход и его клир. В течение XVIII в. духовенство стало объектом целенаправленной политики, направленной на сокращение его численности и превращение в замкнутое сословие. Одновременно сосло-

вие было поставлено на службу государству, закрепощено им. Введение приходских штатов было частью политики, направленной на сокращение «второго сословия», но имело последствия и для прихода: в частности, происходила дезинтеграции прихода и земской общины. В начале XIX в. православный приход был окончательно подчинен государственным интересам. В ходе реформы 1808 г. приход перестал существовать как самоуправляемая общность, но остался территориально-административной и фискальной единицей, что имело далеко идущие последствия.

2. В 1860-е гг. власти предприняли первую масштабную реформу прихода после 1808 г. Через приходские попечительства они попытались мобилизовать прихожан на более активную материальную поддержку приходского клира, а также попытались создать юридическую базу для демонтажа духовного сословия. Ни то, ни другое не привело к ожидавшимся результатам. Попытка радикально решить проблему материального обеспечения духовенства через укрупнение приходов имела, по сути, обратный эффект. В целом приходские реформы 1860-х гг. потерпели неудачу. В результате в пореформенный период православный приход, как и прежде, находился в глубоком кризисе. Прихожане были отлучены от управления приходским хозяйством, органы приходского управления были слабы, на селе их функции брала на себя крестьянская община, что имело противоречивые последствия, в городе территориальный принцип формирования прихода входил в противоречие с потребностями мирян, вовлеченных в процессы урбанизации и роста горизонтальной мобильности населения. Большинство православных приходов империи несло чрезмерное фискальное бремя, разрушительное для их хозяйства и внутрприходских отношений.

3. Попытки исправить последствия приходских преобразований 1860-х гг. и разрешить проблему материального обеспечения духовенства при К.П. Победоносцеве носили ограниченный характер и не были завершены. Вместе с тем, очевидная неудача реформ и осознание кризиса прихода дали импульс к публицистическому обсуждению проблем приходской жизни. Лидировали

в этом отношении славянофилы, которые уже во второй половине 1860-х гг. писали о кризисе прихода, а чуть позже стали инициаторами земских проектов приходских преобразований. Постепенно «приходский вопрос» входил в общественное сознание. В 1890-е гг. различные варианты приходских реформ уже (пусть и не публично) обсуждал епископат. На рубеже XIX–XX вв. в связи с разработкой устава православных приходов Финляндии была сформулирована идея создания такого устава и для приходов всей империи. В это же время усилиями А.А. Папкова «приходский вопрос» вошел в поле зрения высших «сфер».

4. Революция 1905 г. не обошла стороной и приход. Здесь имели место попытки прихожан распоряжаться приходским имуществом, отказы выплачивать епархиальные взносы («забастовки старост»), внутрисословные столкновения между приходскими клириками. На этом фоне новый импульс получила приходская дискуссия. Вопрос о будущем прихода присутствовал в отзывах епархиальных архиереев о церковной реформе и был одной из главных тем, дебатировавшихся в общем собрании Предсоборного присутствия (1906 г.). Именно дискуссия в Предсоборном присутствии была особенно значима для «приходского вопроса». Здесь были сформулированы основные концептуальные подходы к реформе прихода («институтный» и «общественный») и предложен (Н.Д. Кузнецовым) их синтез. Тогда прозвучали ключевые аргументы сторон, последующие выступления носили уточняющий характер, участники дискуссии постоянно прямо или косвенно обращались к дебатам 1906 г.

5. С деятельности Предсоборного присутствия начинается 10-летний период разработки общеимперского устава православного прихода. За это время Синодом и созданным им органами было разработано шесть проектов этого документа. Большинство из них обладали общими чертами. От проекта к проекту права прихожан сужались. Становилась практически ничтожной компетенция приходского совета как органа приходского управления. Синодальные проекты последовательно и с течением времени все более настойчи-

во проводили «институтный» взгляд на православный приход. При этом они вызывали критику других ведомств (Министерств внутренних дел, народного просвещения, юстиции и др.). Критиковал подход духовного ведомства к приходской реформе и председатель Совета министров П.А. Столыпин. Светская бюрократия (прежде всего главы Министерства внутренних дел и их сотрудники) выступала за предоставление прихожанам прав распоряжаться церковного-приходским имуществом и участвовать в назначении приходских священно-церковнослужителей и критично относилась к синодальной версии приходской реформы.

6. В 1910–1913 гг. альтернативные проекты приходской реформы попытались предложить депутаты Государственной думы III и IV созывов. Они отличались большим разнообразием. Среди них были и предложения о коррекции существующего законодательства, и чисто декларативные проекты о наделении духовенства жалованием за счет казны, и хорошо разработанные предположения, стремившиеся комплексно подойти к вопросам реорганизации прихода и материального обеспечения духовенства, увязывавшие эти меры с законодательным введением элементов приходской организации. Общими чертами думских проектов были предложения наделить приход правом юридического лица и распоряжения храмовым имуществом. Можно сказать, что думские проекты были квинтэссенцией общественного взгляда на приходскую реформу. Вместе с тем для взаимоотношений духовного ведомства и народного представительства в связи с приходским вопросом было характерно все более обострявшееся в течение периода противостояние, обусловленное ведомственной конкуренцией. Следствием этого стала нарастающая политизация «приходского вопроса», пик которой пришелся на последний год Российской империи.

7. К началу 1917 г. приходская реформа не состоялась. Накопившиеся противоречия были разрешены стихийно в первые месяцы после падения монархии. Миряне явочным порядком стали распоряжаться церковно-приходским имуществом, отстранять и выбирать членов приходского причта.

Последнее, хотя и не было повсеместным и массовым явлением, запустило процесс разрушения духовного сословия. Епископат должен был считаться с новой ситуацией. При этом «приходская революция» встретила противодействие на разных уровнях. Начиная с весны 1917 г. церковные власти (епархиальные съезды, Синод и его комиссии, Всероссийский съезд духовенства и мирян, Предсоборный совет) пытались осуществить «приходский термидор» и ревизовать ее последствия сначала в части отстранения и назначения членов причта, а затем и в сфере распоряжения церковно-приходским имуществом. В этом же русле, как достаточно консервативный орган в приходском вопросе первоначально действовал и Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.

8. Однако именно на Соборе произошел перелом в отношении к активности мирян. В условиях начавшихся на рубеже 1917–1918 гг. преследований духовенства и верующих со стороны советской власти именно миряне и их объединения стали восприниматься как сила, способная защитить Церковь. В результате к лету 1918 г. произошла легализация «приходской революции» и ее последствий. Большевистское руководство невольно способствовало этому, поскольку Декрет об отделении Церкви от государства оставлял место для легальной деятельности именно низовых религиозных структур. Значимыми вехами в адаптации церковного сознания к новой реальности стали постановление Патриарха и Синода от 28 февраля 1918 г. и дискуссия на Соборе 1917–1918 гг. о приходском имуществе, состоявшаяся в апреле 1918 г. Эти события создали условия для приходского возрождения 1920-х гг., частью которого был расцвет братств, приходских союзов и других подобных организаций. Советская власть осознала свой невольный просчет к концу 1920-х гг., и в годы «великого перелома» нанесла удар по приходскому возрождению. Коллективизация, а затем репрессии 1930-х гг. обескровили приходы, уничтожили новые формы приходской активности (братства, кружки, союзы приходов). Но еще в 1940-е гг. были слышны отголоски «приходской рево-

люции», например, в церковном возрождении на оккупированных территориях 1941–1942 гг.

Апробация работы. Автором исследования по теме диссертации опубликовано более 20 работ, в том числе две монографии: «В поисках “безгрешных катакомб”. Церковное подполье в СССР» (М., 2008; 2-е изд. – М., 2018); «Православный приход в Российской империи в конце XIX века: состояние, дискуссии, реформы» (М., 2014), а также сборник документов с материалами Отдела о благоустройении прихода Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. (М., 2017). Результаты исследования были представлены на научных конференциях, коллоквиумах и семинарах, проходивших в МГУ им. М.В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, Институте российской истории РАН, НИУ Высшая школа экономики. Важнейшие положения диссертационного исследования прошли апробацию при чтении автором научно-популярных лекций и лекционных курсов по истории России, истории Русской Православной Церкви, истории православного прихода.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих 28 параграфов, заключения, пяти приложений, в которых представлены статистические данные, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ДРЕВНЕРУССКИЙ ПРИХОД И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

§ 1. Приход в допетровской Руси

Древнерусский приход на фоне прихода синодального периода: существенные отличия

Православный приход в поздней Российской империи обладал двумя важными характеристиками. Во-первых, он имел территориальный характер, то есть объединял православных жителей определенной территории, которые были в обязательном порядке прикреплены к приходу и светским, и церковным законодательством. Учитывая, что православное духовенство (как и духовенство иных конфессий) осуществляло записи актов гражданского состояния, от которых зависела социальная и имущественная правоспособность подданных империи, это прикрепление играло в их жизни очень важную роль. Во-вторых, такой территориальный приход претендовал на то, что он является единственной законной формой духовного окормления мирян. Причем такое его монопольное положение довольно ревниво оберегалось приходским духовенством³⁴. Однако этими характеристиками приход обладал не всегда. Он приобрел их на рубеже XVII–XVIII вв. в результате целенаправленной деятельности церковных и государственных властей, о чем мы скажем ниже. Сейчас же остановимся на том состоянии прихода, в котором он находился в предшествующий период.

Прежде всего отметим, что в течение столетий приход «не мог претендовать на монополию в духовном и литургическом окормлении православ-

---

³⁴ Об этом, в частности, можно судить по тому возмущению, что вызвал у священников Жиздринского уезда Калужской губернии обнаружившийся летом 1869 г. факт систематической исповеди их прихожан в Оптиной пустыни. Со стороны клириков последовала жалоба в адрес епархиального начальства, содержащая серьезные обвинения в нарушении оптинцами Устава духовных консисторий, в неуважении ими церковных таинств и даже в создании условий для разделения Церкви, раскола. См. подробно: *Беглов А. Л.* Святоотеческое сознание русского старчества: (XIX — начало XX века) // *Русская патрология: Материалы академической конференции.* Сергиев Посад, 2009. С. 350–361.

ных»³⁵. Конкуренцию ему в этом отношении составляли монастыри, но также соборные и ружные церкви³⁶, не говоря уже о домовых храмах знати. Духовные нужды мирян были разнообразны. Они участвовали в богослужениях, «слушали пение» в церквах. Они «говели» – готовились к исповеди и причастию, исповедовались и причащались. Миряне просили служить для них заказные «обедни», молебны, панихиды, просили о поминовении своих родственников и заказывали сорокоусты. Все эти духовные нужды могли находить свое удовлетворение вне связи с приходом, рядом с храмом которого жил мирянин и его семья. Поминальные службы могли совершаться в монастыре (и даже не в одном) или в соборе. Именно соборы, главные храмы города (в крупных городах их могло быть несколько), в которых совершалась ежедневная служба, как считают историки, были древнейшими местами окормления мирян, поскольку возникли они ранее формирования приходской сети как в городах, так и в сельской местности. Свою особую роль они сохраняли и позднее. Например, в северных областях только соборным причтам была предоставлена привилегия соборовать горожан к каким бы приходом они ни принадлежали. В соборах как правило заказывали сорокоусты и другие поминовения³⁷.

Говение было связано с личностью духовника, к которому приходил на исповедь мирянин. В древней Руси не подвергался сомнению принцип «покаяние вольно есть», согласно которому мирянин мог свободно («вольно») выбирать себе духовника вне зависимости от его положения приходского священника, клирика ружной или соборной церкви или монастырского старца³⁸. Более того мирян могли окормлять и вовсе «безместные попы». Это бы-

---

³⁵ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. С. 296.

³⁶ То есть постоянно пользовавшиеся княжеской или царской ругой – хлебным или денежным довольствием, что позволяло причту этих церквей быть достаточно независимым от прихожан.

³⁷ Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. СПб., 1913. С. 113–114, 126–127; Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 296–297.

³⁸ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 34–35. Этот принцип действовал даже в стенах монашеских обителей и не был там, по

ло очень легко при многочисленности церквей и духовенства. Вокруг духовника складывался так сказать экстерриториальный приход – «покаяльная семья», которая «редко совпадала с какой-нибудь церковно-административной единицей – монастырем или приходом»³⁹. А значение духовного отца для человека той эпохи было огромным. Он сопровождал его на всех этапах жизненного цикла: крестил, венчал, отпевал, он выступал поверенным при составлении завещания («духовной грамоты»), то есть выполнял и нотариальные функции. Существовала традиция именно из его рук принимать причастие, что соединяло таинства покаяния и причащения и процесс подготовки к ним в единое целое⁴⁰.

Конечно, были и региональные особенности. Так, на севере духовник и приходский священник часто совпадали в одном лице⁴¹. Это обуславливалось территориальной удаленностью северных церквей друг от друга и малочисленностью духовенства⁴², а значит – отсутствием у мирян альтернатив, но не законодательным установлением. Характерно, что духовник здесь избирался не индивидуально, а коллективно, всем приходом и не пожизненно, а на срок: до тех пор, пока не кончался срок его найма, или пока он, овдовев, не принимал монашество. Но и на севере, наряду с документами, указывающими на тождество статуса духовника и приходского священника, встречаются и источники, показывающие, что миряне искали и находили духовного отца и на стороне, в другом приходе или в монастыре⁴³.

Таким образом, как правило, прихожанин

мог выбрать себе в духовники любого из своих приходских священников или из чужого прихода, мог, оставив приходское духовенство, найти руководителя своей совести среди духовенства монастырского. При таких условиях совпадение при-

---

замечанию С.И. Смирнова, «большой редкостью»: иноки могли выбирать себе духовника и за пределами своего монастыря. См.: *Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 28–29.*

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ Там же. С. 175–176.

⁴¹ Там же. С. 30.

⁴² Ср.: *Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 49–50.*

⁴³ *Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 31–32.*

хода с семьей духовных детей приходского священника возможно было лишь в редких, исключительных случаях⁴⁴.

В центре России это явление было повсеместным, и приходские священники, как замечает П.С. Стефанович, не могли претендовать на монополию духовного окормления мирян⁴⁵. Соответственно и приход в этой ситуации не играл первостепенной роли в жизни православного верующего.

Кроме того, территориальность прихода в описываемую эпоху была достаточно условна, особенно в центральных и северо-западных областях, где была развитая и устоявшаяся приходская сеть. Эту условность осознавали церковные власти, занимавшие двойственную позицию в отношении территориальности прихода. С одной стороны, русские канонические документы XII–XIII вв. (например, «Устав князя Ярослава о церковных судах») говорят о «пределе», «переезде», «уезде», в границах которого священник должен был окормлять свою паству. С другой стороны, только в конце XVII в. церковные власти начали учитывать территориальный состав прихода при исчислении «архиерейской дани». В основу расчетов теперь было положено количество дворов, входивших в состав приходов (ранее дань собиралась «со скуфьи», персонально с каждого служащего священника), и соответственно «довольно четко» были определены их границы⁴⁶. До этого периода церковные власти понимали, что провести границы приходов на практике вряд ли возможно.

Но даже тогда, когда территориальный принцип стал актуален для прихода в церковно-административном и фискальном отношении, он все еще играл небольшую роль, когда речь шла о литургическом и пастырском окормлении мирян. Это было очень заметно в городах. Вот, например, как описывал в 1689 г. положение священник Никольского храма в Ливнах (современ-

---

⁴⁴ Там же. С. 34.

⁴⁵ Там же. С. 33; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 248, 295.

⁴⁶ Там же. С. 162, 236, 241.

ная Орловская обл.). Он говорил, что в его приходе есть подьячие, помещики, казаки и другие жители, и живут они

в дома промежи моих прихожен ливенских пушкарей и внутри города, и приходят они к прихоцкой моей церкви, а иные не приходят, и иконы взяв ис церкви моей, поставили по розным церквам, и мертвцов своих кладут по розным церквам мимо нашу прихоцкую церковь неведома для чего, и попов мимо меня в дома свои призывают со всякою потребою⁴⁷.

Но и в сельской местности регулярно происходили споры причтов соседних приходов о том, кто из них должен совершать требы для прихожан тех или иных деревень. В условиях, когда плата за требы была существенной частью дохода духовенства, этот вопрос стоял очень остро. Интересно, что на рубеже XVII–XVIII вв. священники соседних приходов с целью пресечения или во избежание таких конфликтов сами инициировали составление «полюбовных писем», в которых оговаривали границы приходов с условиями «не входить с требами» в соседний приход. Духовенство стремилось определить границы приходов «снизу», но для прихожан такие «полюбовные» договоренность еще не были обязательными⁴⁸. На основании приведенных примеров современный историк делает вывод, что при подобных обстоятельствах, без целенаправленной поддержки властей «жесткой приходской структуры не могло сложиться»⁴⁹.

Вехи истории и типы древнерусского прихода

Остановимся на истории становления прихода, опираясь на исследование современного историка П.С. Стефановича. Первые русские храмы строились в городах. Это были соборы, в также монастырские храмы, чуть позже – храмы разных частей города, «улиц», «концов». Затем храмы вышли за пределы городских стен. В XII–XIII вв. появились первые сельские церкви, и тем самым начала формироваться приходская сеть. В ее основе первоначально

---

⁴⁷ Цит. по: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 248.

⁴⁸ Там же. С. 161.

⁴⁹ Там же. С. 248.

лежала погостная система, то есть разделение территории древней Руси на погосты – административно-территориальные и податные единицы. В центре этих единиц и строились первые сельские церкви. Инициатива в этом вопросе принадлежала самим жителям этих территорий – крестьянам. Их частная инициатива была главным фактором распространения церквей. Погост превращался не только в административный и податный, но и в религиозный округ.

Дольше всего погостная приходская система сохранялась на русском севере, где погосты были упразднены только в конце XVIII в. В центре же и позднее на северо-западе по крайней мере с XV в. происходило разрушение древней административно-фискальной системы в условиях распространения мелкого и среднего частного землевладения. Соответственно на сеть приходских церквей, построенных на погостах, накладывалась новая сеть храмов, построенных в вотчинах и поместьях усилиями их владельцев. Постепенно сеть частновладельческих церквей вытесняла погостную⁵⁰. С процессом разрушения прежней системы П.С. Стефанович связывает появление самого понятия «приход». Исследователь пишет:

Именно к концу XV в. укрепляется в употреблении термин «приход», и нам кажется логичным связать этот факт с разложением традиционной погостно-волостной системы расселения и управления в результате распространения вотчинного и поместного землевладения⁵¹.

По его мнению, слово «приход» стало использоваться для обозначения общности людей, которая уже потеряла свою независимость в суде, управлении и фиске (эти функции перешли к вотчине), но сохраняла религиозное единство⁵². Приходская сеть в условиях продолжающейся внутренней колонизации продолжала развиваться и стабилизировалась в европейской части России лишь к концу XVII в., что сделало возможным поставить вопрос о более четком определении границ приходов. Это, как мы видели выше, выра-

---

⁵⁰ Там же. С. 238–239, 307.

⁵¹ Там же. С. 239.

⁵² Там же. С. 240–241.

зилось в том, что «к концу XVII в. количество дворов стало главной характеристикой прихода» в делопроизводстве архиерейских приказов. Тем самым процессы образования новых приходов и стабилизации приходской сети растянулись на Руси на пять веков⁵³.

Попробуем представить себе, как выглядел типичный приход допетровской Руси. Его центром была небольшая деревянная церковь, построенная, как правило, «клетчки», то есть в виде нескольких соединенных вместе по оси восток–запад четырехугольных в плане срубов под двускатной крышей. Она стояла на мирской (общественной) или вотчинниковой (частной) земле. При ней находились дома клира – священника, пономаря, просвирни, кельи для «убогих» – своеобразные богадельни для стариков, нищих, странников, в богатых приходах также церковные амбары или лавки. Вот как, например, описывали один из северных приходов составители писцовых книг второй половины XVI в.:

В Ондrejaнове стану погост Вознесенской, а в погосте церковь Христова Воскресенье вверх, а другая теплая Введение Пречистые Богородицы, обе церкви древяны; а в церквах образы и свечи, и книги, и ризы, и колокола — все строение мирское. Да на погосте же двор поп Левонтий, двор поп Потапей, двор церковный дьячок Федка Васильев Попов, двор проскурница Евдокия, двор бобыль Ивашко Яковлев, двор бобыль Михалко Павлов, двор бобыль Иванко Семенов, да две кельи, а в них живут нищие старицы и питаются от Церкви Божией⁵⁴.

Церковь могла быть владельцем приписанных к ней угодий, пашен, сенокосов, рыбных ловель, солеварен, пожертвованных ей или купленных для нее. Угодья сдавались в аренду, а вырученные средства (деньгами или натурой) шли на поддержание храма. Причту, как правило, выделяли особый участок земли, с которого он кормился, но при этом обязан был нести, возло-

---

⁵³ Там же. С. 241–249.

⁵⁴ Цит. по: *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 10–11. Выражение «церковь деревянная вверх» было либо указанием на второй основной тип русских деревянных храмов – шатровый, либо на то, что церковь была поставлена на высоком подклете. «Проскурница» – просфорница. «Бобыли» – лишившиеся собственного земельного надела крестьяне, в данном случае живущие обработкой церковной земли.

женное на эту землю «тягло», выплачивать подати как короне, так и архиерею.

В приходе, как видно из приведенной цитаты, могло быть несколько церквей, например, летняя и зимняя, отапливаемая церковь. Но также в отдельных частях прихода могли находиться часовни, вокруг которых формировался свой, часовенный приход. Часовенные приходы были исключительно распространенным явлением в XV–XVIII вв., прежде всего на севере европейской части России и в Сибири. Часовенный приход представлял собой часть обычного сельского прихода. Его центром была часовня, в которой не совершалась литургия, но исправлялись другие службы (часы, обедница и т.п.) самими крестьянами, а один или несколько раз в год, в часовенный праздник — молебны и крестные ходы с участием духовенства. В хозяйственном отношении часовенный приход жил самостоятельной жизнью: прихожане избирали часовенного старосту, формировали часовенную казну, передавали в пользу часовни оброчные статьи и земли, заботились о запасе свечей. В пользу храма часовенный приход платил взносы. Часовня со временем могла быть перестроена в церковь, и тогда часовенный приход обретал полную самостоятельность⁵⁵.

Величина приходов была очень разной: от 10–15 до нескольких сотен дворов, тем самым и количество прихожан могло колебаться от нескольких десятков до одной – двух тысяч человек. В часовенных приходах русского севера, как полагал С.В. Юшков, в XVI–XVIII вв. максимальное число дворов не превышало 30–32. При этом в таких приходах служило многочисленное духовенство. В маленьких приходах могли служить от двух до четырех, а в приходах в несколько сотен дворов – до семи, десяти, пятнадцати священ-

---

⁵⁵ *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908. С. 246–249, 336–339; *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 52–65; *Камкин А.В.* Православная Церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992; *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 111–114, 140–148; *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2007. С. 63–67.

ников. Состоятельность этих приходов, разумеется, тоже была очень разной⁵⁶.

Если мы обратимся к облику древнерусского прихода как социальной организации, то увидим два основных типа приходского устройства: с одной стороны субъектом приходских отношений могла быть община, «мир», с другой стороны – вотчинник, который мог быть как частным лицом, так и корпорацией (например, монастырской). В обоих случаях приход понимался как частноправовое образование. Его устройство, а затем и управление им было частным делом тех, кто проявил в этом вопросе инициативу, а построить церковь в то время мог практически всякий – от царя, вотчинника, купца до «мира» и даже вотчинного крестьянина⁵⁷. До времени власти соглашались с частноправовым характером приходских отношений.

Древнейшим из названных двух типов приходской организации, очевидно, был первый, «общинный»⁵⁸. Сельская или посадская соседская община, существовавшая как самоуправляемая социальная общность, признанная государством как территориально-административная и податная единица, выступала как самоуправляемая организация и в сфере своих религиозных интересов. Она строила храм, обеспечивала его содержанием, выбирала священно- и церковнослужителей, заключая с ними «порядную», договор⁵⁹.

---

⁵⁶ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань, 1873. С. 181; Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 33–34; Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 49–50, 59.

⁵⁷ Санкция архиерея, которая требовалась при организации прихода, поначалу давалась почти автоматически, позднее была обставлена определенными условиями. См.: Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 16; Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 245.

⁵⁸ Ср.: Там же. С. 307.

⁵⁹ Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Тт. 1–2. М., 1909–1912. Т. 2. С. 19–52; Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 30–31, 65–74. Сегодня известно два типа «заручных (собственноручно подписанных) прошений» прихожан о выборе священника, направлявшихся епархиальным властям. Северный тип фактически представлял собой договор общины и будущего священника. Среднерусский же тип (он встречался и в новгородской земле) скорее делал акцент на наследственном праве кандидата занять данное священническое место. Тем самым здесь прихожане в принципе признавали наследственные права духовенства и старались не вмешиваться в споры наследников; такое вмешательство могло последовать только тогда, когда миряне видели угрозу остаться «без пения». При этом в отношении низшего клира договорный принцип сохранялся дольше. См.: Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 255–257, 262.

Главным органом управления приходскими общинными делами был сход, собрание прихожан. Считается, что по своему составу он несколько отличался от «мирского схода», то есть органа общинного самоуправления в «земских», нецерковных делах. Если мирской сход состоял как правило из домохозяев, то в приходском могли участвовать как домохозяева, так и члены их семейств, старожилы волости, арендаторы церковной земли⁶⁰. Имуществом церкви распоряжался выборный церковный староста. Он был поверенным приходской общины в хозяйственных делах и в сношениях с церковными и светскими властями. В вотчинных приходах роль старост брали на себя сами вотчинники или представители их администрации⁶¹.

Для общины приходские дела, дела по строительству и содержанию храма и управлению его имуществом были неотъемлемой частью иных «земских» дел. Часто именно трапезная часть храмов становилась местом сбора «мирского схода», здесь обсуждались «земские» дела, порядок уплаты коронных сборов, здесь принимались заявления о преступлениях и т.п. Соответственно и имущество храма, собранное и пожертвованное прихожанами, рассматривалось как часть общинного имущества. Поэтому церковная казна сплошь и рядом выступала как ссудная касса для окрестных жителей, распоряжался которой тот же церковный староста. Причем выдавался кредит из церковных денег не чужакам, а исключительно прихожанам данной церкви, то есть членам построившего ее «мира», также и церковные угодья сдавались в аренду только прихожанам⁶². Клир не играл существенной роли в приходских делах и, в частности, в хозяйственной жизни прихода. Как таковой он не распоряжался церковным имуществом, был только совершителем таинств, богослужений и треб. В целом священно- и церковнослужители зависели от

---

⁶⁰ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. 1. С. 218 и сл.; *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 34 и сл.

⁶¹ Там же. С. 38–41; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 307–308 и сл.; *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни. С. 74.

⁶² *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Т. 2. С. 39; *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 28–30; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 308.

«мира»⁶³, более того, они оставались частью земской общины, вместе с остальными ее членами несли земские и коронные повинности, «тягло», чаще всего сами обрабатывали выделенную им землю и мало чем отличались от своей паствы⁶⁴. Такое положение клира до определенного момента признавалось епархиальной властью, которая равным образом до поры до времени признавала и автономию религиозных общин⁶⁵.

Между тем к концу рассматриваемого периода в роли строителя церкви и организатора прихода все чаще выступал не «мир», не община, а вотчинник – тот, кто строил храм на принадлежащей ему земле и становился его ктитором, покровителем и владельцем. Главным условием при этом было именно владение землей. Как писал С.В. Юшков, «прежде чем сделаться ктитором, нужно было сделаться землевладельцем»⁶⁶. В остальном создателем вотчинникового прихода мог быть царь, архиерей, богатый гость (купец), представитель знати, священник, крестьянин или монастырь. Кроме того, церковь должна была строиться на деньги вотчинника или на деньги самого храма, но не общины, не «мира». Если эти два условия соблюдались и храм строился на земле вотчинника на его средства, то в отношении храма начинало действовать ктиторское, вотчинное право. Оно на Руси, как и в Византии пред-

---

⁶³ Характерно, что одним из главных условий найма священника в приход, оговоренных в «порядной» между ним и «миром», было обязательство его «послушания» общине. См.: *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 213–214; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 308.

⁶⁴ *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 45–47; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 208. Основными способами материального обеспечения духовенства в то время были наделение его землей и ругой со стороны общины и вотчинника; затем была распространена плата за требы и «всякое мирское приношение» иного рода, которое, правда, было, как правило, скудным. Встречались и другие способы содержания духовенства: священникам платили проценты с церковной казны, отдаваемой в рост, они получали значительные суммы как духовные отцы по завещаниям, духовенство занималось торговыми и ремесленными промыслами, получало доходы от недвижимости, зарабатывало перепиской книг и обучением детей. Однако большинство этих доходов не могли быть стабильными, поэтому в источниках регулярно сообщается о священниках, которые покинули свои приходы «за оскудением» прихожан. См.: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 123–167.

⁶⁵ *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 42–43. Община, правда, могла избрать члена причта на должность церковного старосты, но такое совмещение двух функций в одном лице не меняло положение клира по существу. См.: *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 38.

⁶⁶ Там же. С. 81. Ср.: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 107.

полагало, что ктитор мог пользоваться доходами от церкви и ее имущества, назначать в нее клир, передавать свое право собственности по наследству и вообще распоряжаться своим «строением» как «физической вещью», продавать его, дарить, закладывать и т.п. Причем эти операции могли быть осуществлены с храмом и его имуществом как целиком, так и с долей этого имущества. Так возникали самые неожиданные конфигурации имущественных отношений в вотчинниковых приходах. В частности, ктитору могли владеть церковью вскладчину, например, объединившиеся на паях богатый крестьянин и священник. Случалось, храм строили специально для получения прибыли, рассматривая это как удачное вложение средств⁶⁷.

На русском севере, где вотчинниковые приходы не составляли большинства и скорее представляли собой островки в море общинных приходов, существовали промежуточные формы приходского устройства, когда вотчинники поступались частью своих прав, например, на имущество и доходы храма в пользу прихожан⁶⁸. Но в центральных областях, где частное землевладение абсолютно преобладало, вотчинник был верховным господином и для крестьян, живущих на его земле, и для церковных учреждений, на ней построенных – монастырей и церквей. Он не только назначал клир, но и отчасти духовно руководил жителями своей земли, например, указывал, когда крестьянам надлежит ходить в церковь, уподобляясь в пределах своих владений царю, государю всей русской земли, который заботился о духовном преуспевании всех своих подданных. Конечно, в крупной вотчине ее владелец чаще всего только утверждал решение крестьян или клира относительно церковных дел, но в определенных случаях и вмешивался непосредственно, единолично принимая решение, например, о назначениях в приходскую церковь

---

⁶⁷ Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 75–82. Ср.: «В Московском государстве частнособственническое отношение к церквам было более всего характерно для частных землевладельцев и служащего духовенства». – Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 107.

⁶⁸ Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 85–87.

своей вотчины⁶⁹. И здесь многое зависело от его личных качеств, ведь в роли ктитора мог оказаться богатый и благочестивый купец, например, из рода Строгановых, а мог – и «счастливый церковный аферист», который использовал храм как удачную инвестицию⁷⁰. Характерно, что сам вотчинник мог и не быть прихожанином своей церкви. Как замечает современный исследователь, право владения церковью и духовного окормления в ней «в то время не смешивались»⁷¹.

Выбор священника вотчинником, фактически, очень часто обращался в прямой найм. Причем так происходило и в том случае, если владельцем церкви было духовное лицо: совсем не обязательно священник-вотчинник сам служил в принадлежавшем ему храме. Положение духовенства в вотчинниковых церквях было еще менее выгодным, чем в церквях, построенных общиной, «миром». Вотчинник осуществлял надзор за «клырошанами», мог их штрафовать за неисполнение ими закрепленных в договоре обязанностей, регулировал их отношения между собой, приносил жалобы на них архиерею, определял богослужебные дни, полностью принимал на себя сношения по делам церкви с внешним миром непосредственно или через специально назначенное лицо, «приказного»⁷². В своих действиях клир полностью зависел от землевладельца, но существовало и важное отличие положения священника от положения крестьянина-арендатора, который со временем превращался в крепостного. Личная свобода представителя духовенства, право его ухода из владений вотчинника признавались всегда⁷³. Все это дало основания С.В. Юшкову сделать относительно вотчинниковых приходов следующее заключение:

---

⁶⁹ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 52 и сл., 158.

⁷⁰ Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 89.

⁷¹ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 48.

⁷² Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 83–84, 87–88.

⁷³ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 47.

Нигде «принцип частноправности» не проявлялся в такой суровой и противной каноническому праву форме, как именно в этого рода церквах⁷⁴.

Исследователь считал, что когда устройтелем прихода выступала община, отношения с клиром и иерархией в большей степени приближались к каноническому порядку, чем в случае, когда устройтелем был вотчинник⁷⁵.

Прихожане в вотчинниковой церкви были только «богомольцами» и не имели никакого отношения к управлению церковью и ее имуществом; у них при такой церкви не было и какой-либо организации: приходский сход не созывался, староста как представитель мирянских интересов не избирался⁷⁶. Отношения с вышестоящей церковной властью сводились в основном к уплате определенного сбора в ее пользу. Он брался, как правило, с духовенства. Иногда церковные власти привлекались в качестве третьей стороны при заключении договоров между вотчинником и клиром, в качестве своего рода гаранта этих отношений, но сами эти отношения пока что епископами и патриархами не оспаривались. Более того, чаще такой третьей стороной выступала царская, а не церковная власть. Именно к ней апеллировали вотчинники и клирики или старые и новые вотчинники в случае самых разнообразных споров. Это еще раз показывает, что приходские отношения находились в ту эпоху в области частного светского, а не церковного права⁷⁷.

Частным случаем, «особой разновидностью» вотчинного права было владение церковными местами со стороны духовенства. Эта практика была особенно развита в центральной России и не встречалась в северных областях. Причем она была характерной особенностью русских церковных обычаев, связанных с развитием наследования духовного звания и должности, и не была известна, например, на Западе⁷⁸. Под *церковным местом* понималась тогда церковная должность (священническая, диаконская, пономарская), до-

---

⁷⁴ Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 80.

⁷⁵ Там же. С. 26–27, 79–80.

⁷⁶ Там же. С. 85.

⁷⁷ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 48, 56–58, 71.

⁷⁸ Там же. С. 107.

ход от нее, имущество, закрепленное за этой должностью, обычно, двор при церкви. Как правило, церковными местами владели представители духовенства. В их среде места, то есть должности с дворами и доходами находились в коммерческом обороте, продавались, покупались, закладывались и т.п., все эти сделки оформлялись частным порядком и до конца XVII в. никак не контролировались церковными властями. Более того, в таких сделках могли участвовать и светские лица, в том числе женщины, смотревшие на церковные места лишь с коммерческой точки зрения как на объект инвестиций. Владелец места не обязательно должен был сам иметь священный сан; для совершения богослужений он мог нанять «безместного, крестцового попа»⁷⁹, а сам только пользоваться доходом с места. Так, в Москве в середине XVII в. большинство церковных дворов, которые были частью церковных мест, принадлежали как духовенству (в большинстве случаев), так и светским лицам⁸⁰.

Церковные власти, не имея возможности бороться с вотчинным правом в принципе, в рамках реформ второй половины XVII в. попытались ограничить практику владения церковными местами со стороны духовенства. Постановления соборов 1666–1667 и 1675 гг. запрещали торговлю местами и призывали прихожан выкупать их как у представителей духовенства, так и у светских лиц с тем, чтобы церковные места находились во владении общин, а не частных собственников. В развитие решений соборов был издан не дошедший до нас указ патриарха Иоакима о запрещении торговли церковными местами. Сделки с ними теперь надлежало регистрировать в патриаршем приказе, где с клирика-покупателя брались подписки с обязательством более не торговать должностью. Однако борьба с этим обычаем была недостаточно последовательна: церковные власти вопреки постановлениям упомянутых соборов продолжали признавать права духовенства на церковные места, возникшие в результате таких сделок, рассматривая сложившуюся практику в

---

⁷⁹ «Крестцовыми попами» в XVI–XVII вв. назывались представители безместного духовенства, служившего по найму и собиравшегося на крестцах (городских перекрестках), где их могли нанять желающие.

⁸⁰ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 84–91.

том числе и как гарантию социальной поддержки вдов и сирот духовенства. Тем не менее к началу XVIII в. все же были достигнуты определенные успехи в борьбе с владением церквами и церковными местами со стороны духовенства, хотя полностью эта практика не была изжита и сохранялась как атавизм до второй половины XVIII в.⁸¹

Существовали и другие типы приходских отношений. Так, в патриаршей области, которая в тот период включала в себя не только Москву и Московский уезд, но и обширные территории за их пределами, вотчинником фактически выступала кафедра, управлявшая имуществом церквей через своих приказных. Такой порядок стал образцом для преобразования приходских отношений в ходе реформ конца XVII в. Частным случаем общинного прихода был «приход-монастырь», описанный С.В. Юшковым. В XVI–XVII вв. он встречался в основном на русском севере, хотя прежде был распространен и в центральных областях. Здесь «мир» выступал инициатором создания монастыря и управлял его хозяйством через сход и старосту, строил общий для обеих общин храм, а монастырское духовенство выполняло функции приходских священников. С развитием монашеской общины функции схода могли перейти к «черному совету», состоявшему из иноков и мирян-вкладчиков монастыря, а в перспективе приход и монастырь могли окончательно разделиться, превратившись в самостоятельные организации⁸².

Приход и церковные реформы второй половины XVII в.

Вторая половина XVII в. была временем крупных церковных преобразований, начатых соборами 1666–1667 и 1675 гг. и продолженных последующей деятельностью патриархов и архиереев Русской Церкви. Преобразования эти в историографии, однако, оказались в тени петровских церковных реформ. Между тем реформы конца XVII в. были масштабны по своим задачам. Реформаторы стремились урегулировать взаимоотношения церкви и

---

⁸¹ Там же. С. 92–96, 99–102.

⁸² Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 92–109.

царской власти, разграничить сферы деятельности патриарха и архиереев и государственных властей разного уровня. Реформы были направлены на юридическое обособление духовенства от земства, оформление его как особой социальной группы, подотчетной и подсудной только церковной власти, что положило начало оформлению его как сословия, а также означало включение духовенства в церковно-правовую юрисдикцию (вместо частноправовой, как было ранее)⁸³. В рамках данных преобразований церковные власти вели наступление на автономию земского «мира» в религиозной сфере, что предполагало как упомянутое выше правовое обособление духовенства, так и распространение церковной юрисдикции на храмовое имущество, прежде всего землю. О борьбе в рамках реформ с частновладельческим взглядом духовенства на церковные должности мы говорили выше⁸⁴. Важнейшим компонентом реформ была нормализация мирянских практик, прежде всего исповеди и причащения, в рамках которой шло наступление на «покаяльную семью». Непосредственной целью этих церковных преобразований была борьба с расколом и его последствиями для церковной жизни. Но их истоки, в частности, в деле упорядочения народной религиозности, следует искать как в направленных на это усилиях центральной власти, предпринимавшихся с середины XVII в.⁸⁵, так и в деятельности «ревнителей благочестия»⁸⁶. В

---

⁸³ *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 208, 314–317.

⁸⁴ См. также: Там же. С. 101–102.

⁸⁵ В 1650 г. царь Алексей Михайлович послал грамоту свияжскому воеводе, в которой предписал проследить, чтобы христиане в наступавший Рождественский пост «постились со всяким благоговением» и слушали отцов своих духовных и исповедовались им. В 1660 г. была послана царская грамота новгородскому воеводе, в которой указывалось, чтобы миряне исповедовались и причащались по крайней мере один раз в год, Великим постом. Речь идет только о дошедших до нас грамотах. В 1674 г. был оглашен уже именной царский указ о неременной исповеди и причащении во время начинавшегося Великого поста с указанием, что те, кто проигнорируют его будут «от Великого Государя в наказанье». См.: ПСЗ(1). Т. 1. 25 октября 1650 г. № 47; ААЭ. Т. 4. 10 марта 1660 г. № 115; ПСЗ(1). Т. 1. 1 марта 1674 г. № 570, а также: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 305; *Беглов А.Л.* Практика причащения православных прихожан советской эпохи // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4(30). С. 38–39.

⁸⁶ Ср.: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 298, 304. В определенной мере деятельность реформаторов второй половины XVII в., равно как и позднейшую петровскую «реформу благочестия» можно сопоставить с усилиями Католической церкви по упорядочению и «рехристианизации» народной религиозности периода Контрреформации. См.: *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 343–344, 445–

итоге в ходе преобразований происходило «укрепление властного контроля епископа над епархиальной жизнью, сопровождавшееся унификацией церковно-религиозного строя»⁸⁷. Все это имело далеко идущие последствия для православного прихода, в частности, потому, что «в установлении контроля над религиозной жизнью мирян особая роль была отведена церковными иерархами приходскому священнику как главе приходской общины»⁸⁸.

Теперь в практике епархиального управления приход фактически «понимается уже как низшая церковная административная единица»⁸⁹. Церковные власти начали наступление на «покаяльную семью», которая в этот период оказалась тем социальным институтом, на который опирались старообрядцы. Принцип «покаяние вольно есть» был ограничен на соборе 1666–1667 г.: духовным детям было запрещено «отходить» от духовных отцов без отпускных грамот, а духовникам – принимать мирян на исповедь без таковых. Одновременно с конца XVII в. церковная власть начала запрещать монахам исповедь мирских людей. А в 1722 г. указом Сената и Синода свободное избрание духовника и вовсе было отменено именно в видах борьбы с «раскольщиками»⁹⁰.

Верующий лишался свободы выбора духовника себе, и покаяльная семья начала представлять собою не добровольно объединившихся около духовного руководителя верующих, а известную церковно-административную единицу – приход⁹¹.

Духовничество превращалось в приходский институт, а прихожане оказывались закреплены за приходом как территориальной единицей. При этом «устанавливался комплекс мер и норм, делавший приходского священника инструментом религиозного контроля над мирянами», а его деятельность

448; Freeze G. Rechristianization of Russia: The Church and Popular Religion, 1750–1850 // *Studia Slavica Finlandensia*. 1990. № 6. Pp. 101–136.

⁸⁷ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 297.

⁸⁸ Там же. С. 297.

⁸⁹ Там же. С. 298.

⁹⁰ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 36–37, 238; Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 296.

⁹¹ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 238.

«наполняется бюрократическим содержанием»⁹². Собор 1666–1667 гг. принял решение о том, что приходский священник должен вести книги регистрации свадеб, смертей, исповедовавшихся. Это были прообразы метрических книг и исповедных росписей синодального периода. Впрочем, по заключению современного историка, это решение не имело «почти никаких последствий». Но ведению священниками других документов – «великопостных сказок», в которых отражались сведения об участии прихожан в таинствах покаяния и причащения в предпасхальный период – церковные власти придавали большое значение⁹³. В последующую эпоху деятельность приходского пастыря будет обременена значительным числом бюрократических обязанностей (см. Глава 2 § 5).

Новый статус и новые обязанности духовенства накладывали отпечаток на его отношения с прихожанами, которые воспринимали реформы как бюрократическое давление сверху, как очередной пример принуждения, теперь и в религиозной сфере. В результате духовенство «утратило кровную связь и единодушие с приходской общиной»⁹⁴. В это время зародилось то отчуждение и непонимание между духовенством и прихожанами, которое особенно болезненно проявило себя в синодальный период. Впрочем, такой разрыв между пастырями и паствой в определенной мере был целью реформаторов, поскольку только так можно было сделать священника «инструментом религиозного контроля» над мирянами. Усилия епархиальных архиереев были направлены на то, чтобы вывести священника из-под влияния мирской среды и придать ему контрольно-бюрократические функции. Истоки этой политики можно обнаружить уже в деятельности «ревнителей благочестия», затем продолженной царем Алексеем Михайловичем вне зависимости от хода обрядовой реформы и конфликта с патриархом Никоном⁹⁵. В рамках этих усилий духовенство выводилось из подотчетности светскому суду и освобожда-

---

⁹² Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 298.

⁹³ Там же. С. 305.

⁹⁴ Там же. С. 304. См. также: Там же. С. 305–307.

⁹⁵ Там же. С. 304, 309.

лось – пусть пока и не до конца – от финансовых и имущественных обязательств перед государством. В результате стирались различия между духовенством «мирских» и частных приходских церквей как в юридической плоскости, так и с точки зрения финансово-административного и судебного контроля архиерея над подведомственным клиром⁹⁶. Важнейшей составляющей такого отделения духовенства от земского «мира» было закрепление земли, выделенной прихожанами церквям, за храмами и передача ее в церковную собственность, которой уже распоряжались не «миры», а церковные власти. Этот процесс начался в патриаршей области, а затем распространился и на другие епархии⁹⁷. Ведя наступление на автономию земских общин в религиозной сфере, а также имея в виду борьбу со староверием, церковные и светские власти с конца XVII в. на Севере и в XVIII в. в Сибири начали проводить жесткую ограничительную политику и в отношении часовенных приходов: часовенные земли и казна описывались и передавались приходским церквям, часовни отдавались под контроль приходского клира, при Петре I строительство новых часовен было вовсе запрещено. В XVIII в. часовенные приходы формально прекратили свое существование, хотя на деле прихожане сохраняли память о своих традициях и своей прошлой самостоятельности⁹⁸.

Наступление церковных властей на земскую автономию в религиозной сфере привело к серии конфликтов между «мирами» и епархиальными архиереями. Особенно ожесточенными и продолжительными они были там, где автономные общины составляли основу социальной структуры – на русском севере и северо-западе. В ходе конфликтов обе стороны апеллировали к царской власти, благодаря этому мы достаточно хорошо представляем себе взаимные претензии сторон и динамику развития спора. В литературе подробно описаны столкновения архиереев и «миров» в Холмогорской, Велико-Устюжской и Псковской епархиях. Конфликт между велико-устюжским зем-

---

⁹⁶ Там же. С. 76, 208.

⁹⁷ Там же. С. 134–135.

⁹⁸ Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 63–64; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. С. 111–114, 140–148.

ством и архиепископом Александром (занимал кафедру в 1685–1699 гг.) начался вскоре после приезда этого энергичного архиерея в епархиальный город. Уже в 1687 г. в Москву была послана жалоба уездного земского старосты на вмешательство архиепископа в имущественные дела приходских церквей, на распоряжение их казной без согласия «мира», на неосновательные поборы с приходов. Архиепископ отвечал жалобами на то, что церковные старосты неправоммерно распоряжаются церковной казной. В 1692 г. земское общество подало новую челобитную на архиепископа, в которой к уже прозвучавшим обвинениям прибавили новые, в том числе в запрете отдавать казну прихожанам в долг. Ясно, что представители «миров» отстаивали традиционное представление о том, что приходские церкви должны находиться в заведовании «мира», причт должен быть выборным, земля должна принадлежать церквям, а не архиерейскому дому, распоряжение церковным имуществом – прихожанам⁹⁹. Одновременно шел спор между кафедрой и земским обществом об уездных соборах, построенных на средства «миров». Если земское общество считало их учреждениями, представляющими уездную религиозную общину, то епархиальная власть смотрела на уезд как на церковно-административную единицу, а на уездные соборы как на учреждения, подлежащие своему непосредственному управлению, и на соборную братию – как на архиерейских чиновников¹⁰⁰.

Правительство занимало то одну, то другую сторону и поначалу не санкционировало окончательного разрыва со старинными обычаями автономии земских общин. Характерно, что на стороне последних выступали великоустюжские воеводы. Но в 1697 г. Москва поддержала стремление кафедры закрепить за собой имущество приходских церквей. Архиерейские чиновники начали проводить ревизию храмового имущества и требовать возврата розданных в рост средств. Причем розданные деньги собирали с невиданной жесткостью: должников сковывали «железами», били, морили голодом. Это

---

⁹⁹ Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 128–134.

¹⁰⁰ Там же. С. 113–114.

вызвало новые жалобы земцев и вновь более сдержанные ответы правительства. В следующем году архиепископ Александр умер, но спор между кафедрой и «мирами» продолжался и в начале XVIII в., когда земская автономия должна была окончательно отступить¹⁰¹.

В это же время разворачивался конфликт в Пскове между митрополитом Маркеллом (на кафедре в 1682–1690 гг.) и псковскими церковными старостами. Предметом спора стал порядок обложения церковью архиерейской данью и управления церковными вотчинами. Митрополит настаивал на том, что эти вопросы должны быть исключительно в ведении архиерейской кафедры. В одном из писем в Москву он прямо жаловался на то, что над приходскими церквами «архиереи воли не имеют, владеют мужики». Прихожане в этом споре отстаивали традиционный порядок управления церковным имуществом, которое осуществляли «мир» и церковные старосты. Этот спор тянулся почти полвека и окончательно был разрешен в пользу псковских архиереев только в 1730-х гг.¹⁰².

Пожалуй, наиболее последователен в деле борьбы с автономией земских общин в религиозной сфере был архиепископ Холмогорский Афанасий (на кафедре в 1682–1702 гг.). Характерно, что свои мотивы он объяснял почти теми же словами, что и псковский митрополит Маркелл. В одном из указов архиепископ Афанасий писал, что он оспаривал права «миров» «для того, чтоб святая церковь не была в порабощении... и над священники и причетники церковными мирских людей воли, кроме нас преосвященного архиепископа, не было...». Архиепископ Афанасий стремился искоренить обычай выборов приходского клира, требовал, чтобы замещение церковных должностей, причем даже пономарей и просфорен происходило исключительно с санкции архиепископа, а также боролся за наследственность этих должностей.

---

¹⁰¹ Там же. С. 128–134.

¹⁰² Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 728–744; Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 309–310.

стей¹⁰³. Он энергично начал ограничивать участие церковных старост в управлении приходским хозяйством и главное – заведывание им стремился передать в руки священников. Для этого он пытался поставить под свой контроль выборы старост и изменить их статус: в своих указах холмогорский архиепископ писал, что старосты назначаются только «в товарищи» к священнику. Причем совместное управление приходским хозяйством старосты и священника он, видимо, считал временным компромиссом, поскольку были случаи, когда он передавал заведывание храмовым хозяйством и одному священнику. Архиерейская кафедра при архиепископе Афанасии начала производить и ревизию, «счет» церковных старост¹⁰⁴. Любое действие с церковной казной, в том числе использование ее в качестве кассы приходского кредита могло теперь последовать только с разрешения архиерея. Взыскивать долги в казну приходских церквей в некоторых случаях стали теперь архиерейские чиновники¹⁰⁵. Как писал биограф архиепископа Афанасия, «прихожане в приходах не могли теперь ни в чем самостоятельно распорядиться церковной казной»¹⁰⁶. Аналогичному контролю холмогорский архиепископ стремился подчинить операции с церковной землей, в том числе сдачу ее в аренду¹⁰⁷. Кроме того, преосвященный пытался по своему усмотрению определять границы приходов и взять под контроль строительство и устройство церквей и часовен¹⁰⁸. Пытался он контролировать и религиозную практику в приходах, в том числе участие прихожан в таинствах. Биограф архиепископа Афанасия так подводил итоги его деятельности:

Афанасием было положено начало к существенному изменению того строя церковно-приходской жизни, который существовал на севере до открытия холмогорской епархии. Крестьянская община теперь в значительной степени была отстранена от участия в церковных приходских делах. Существовавшая до сих пор

---

¹⁰³ *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 214–222; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 309–310.

¹⁰⁴ *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 224–229.

¹⁰⁵ Там же. С. 230–236.

¹⁰⁶ Там же. С. 236.

¹⁰⁷ Там же. С. 236–242.

¹⁰⁸ Там же. С. 243–244, 249–252, 335–336, 353–360.

тесная связь прихожан с духовенством и местным храмом была значительно подорвана. Со времени Афанасия в истории церковно-приходской жизни северного края начинается новый период, когда духовенство окончательно замыкается в особое сословие, а вся власть над ним и над церковно-приходскими делами сосредоточивается в руках епархиального архиерея¹⁰⁹.

Деятельность архиепископа Афанасия вызывала сопротивление мирян, но не столь организованное как в Великом Устюге и Пскове¹¹⁰. В конце концов епархиальная власть при поддержке царской одержала верх над автономией старого земского общинного строя в религиозной сфере. В течение XVIII в. церковные власти закрепляли свои успехи¹¹¹. В результате весь XVIII в. шел процесс, по выражению Г. Л. Фриза, дезинтеграции прихода и сельской соседской общины¹¹². Но то, что описанная политика была успешна в отношении «мирских» приходов, еще не означало, что она была столь же эффективна в отношении приходов вотчинниковых, особенно устроенных частными землевладельцами. А такие приходы сохранялись и численно увеличивались в течение XVIII столетия. Их патроны и через 100 лет сохраняли прежнее частнособственническое сознание по отношению к храму и приходу. Недаром епископ Павел (Пономарев), занимавший Нижегородскую кафедру в 1794–1798 гг., доводил до сведения Синода речи некоторых помещиков своей епархии, которые говорили: «Моя церковь, мой поп, мой приход, мой и доход»¹¹³.

---

¹⁰⁹ Там же. С. 244.

¹¹⁰ Там же. С. 242–243, 252.

¹¹¹ Папков А.А. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в северной России. (Отдельный оттиск из журнала «Русский вестник»). М., 1898; Папков А.А. Упадок православного прихода в XVIII–XIX вв. М., 1899; Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв.; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке; Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках.

¹¹² Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia // The Journal of Modern History. Vol. 48. 1976. № 1, March. Pp. 32–50.

¹¹³ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Л. 1а об.

§ 2. Приход в контексте процессов синодального периода

Имперская политика в отношении прихода: приходские штаты

Церковные реформы второй половины XVII в. предполагали усиление контроля иерархии над приходом и приходским духовенством. Преобразования начала XVIII в. с одной стороны продолжали эту тенденцию, но с другой для них была характерна новая важная черта. Церковная политика империи была окрашена государственным утилитаризмом в отношении Церкви, приходского духовенства и прихода. Так, «духовный чин» стал рассматриваться как источник грамотных кадров для государственной службы или просто солдат. Поэтому государство ограничивало численность духовенства, подвергало его опустошительным «разборам», а тех, кто оставался на церковной службе, всячески стремилось дисциплинировать и поставить на службу империи. В соответствии с новыми устремлениями менялась и политика в отношении прихода. Более того, мы видим, как в течение нескольких десятилетий изменились мотивы осуществляемых церковных преобразований. Если реформы конца XVII в. преследовали внутрицерковные цели: совершенствование системы церковного управления, нормализация мирянских практик, борьба с расколом, то в начале XVIII в. мы можем увидеть, как церковные и государственные интересы расходятся. Если борьба с расколом продолжала быть общей задачей для империи и Церкви, то государственная политика в отношении духовного сословия показывала, что со времени Петра I империя стала смотреть на Церковь и ее институты с позиций собственных, часто узко понятых интересов.

Одним из важнейших направлений вмешательства государства в церковную жизнь синодального периода была регламентация размера прихода. Речь шла о ликвидации небольших приходов, необходимость чего власть объясняла заботой о материальном благополучии священнослужителей и самих прихожан, а также о сокращении численности духовенства, «излишки» которого государство стремилось мобилизовать для своих нужд. Определение сверху размера прихода «давало новые возможности для отрыва прихода

от мирской общины». Участие «мира» в приходских делах не только слабело, но и границы религиозной общины и единицы мирского самоуправления теперь могли не совпадать, рвались традиционные связи, ускорялась дезинтеграция обеих общин¹¹⁴. В августе 1722 г. был издан указ «О штате церковнослужителей при соборах и приходских церквях и о положении излишних и безместных в подушный оклад». Правительство начало регламентировать размеры приходов и количество священников и причетников в них¹¹⁵. Согласно указу, в приходе в 100–150 дворов (фактически, до 200 дворов) должен был служить один священник и два причетника (дьячек и пономарь¹¹⁶). В приходе в 200–250 дворов полагался двойной штат духовенства (два священника и четыре причетника), в приходе в 250–300 дворов – тройной штат. По смыслу указа, существование приходов более 300 и менее 100 дворов не приветствовалось. Предполагалось также, что оставшиеся за штатом священноцерковнослужители должны были перейти в другие приходы, в том числе в других местностях, где штатные места не были заполнены. При этом архиереям запрещалось рукополагать новых ставленников до той поры, пока в этом не возникнет нужда по новому штатному расписанию¹¹⁷. Если мы вспомним, что на рубеже XVII–XVIII вв. в каждом приходе, как правило, служило значительное большее число духовенства, чем теперь полагалось по штатам, мы поймем, что от 2/3 до 3/4 приходских священников должны были искать новые места служения. Еще раньше правительство повело наступление на домовые церкви, закрывая и этот пусть устройства безместного клирика, а чуть позднее, фактически, запретило строительство новых, поскольку теперь возведение нового храма разрешалось только с санкции Синода¹¹⁸.

---

¹¹⁴ Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. С. 14; Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities. Pp. 36–38.

¹¹⁵ ПСЗ(1). Т. 6. 10 августа 1722 г. № 4072.

¹¹⁶ Дьячек (позднее именовался псаломщиком) читал и пел, пономарь – прислуживал за богослужением.

¹¹⁷ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 185–186; Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1–2. М., 1996–1997. Ч. 1. С. 328–329; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. С. 14.

¹¹⁸ ПСЗ(1). Т. 6. 12 апреля 1722 г. № 3964. Именной императорский указ, объявленный синодальным членам «О позволении иметь домовые церкви только по крайней нужде, об исчисле-

Разумеется, столь кардинально перекроить приходскую сеть одним указом было невозможно. Но императорская власть целенаправленно шла к осуществлению заявленной приходской реформы и требовала от церковных властей введения штатов. Правительство жестко следовало курсом на сокращение приходов. Синоду приходилось уступать, хотя иногда он и пытался сопротивляться. Так, в 1756 г. последовал указ императрицы Елизаветы о запрете строить церкви в приходах, где было менее 100 дворов, за исключением случая, если «будет поселение на новом месте, а церковью к этому селению ближе 20 верст не будет». Синод попытался смягчить строгость указа, объяснив, что следует принимать во внимание не просто расстояние, а условия сообщения деревень прихода с приходским центром, поскольку деревни могли быть отрезаны от него «непроходимыми местами и бываемым разлитием рек». Однако Сенат пресек эту попытку Синода категорическим отказом рассматривать его аргументацию¹¹⁹.

Петровские штаты действовали более полувека. Новое штатное расписание было составлено при Екатерине II в 1778 г. Соответствующий указ имел характерное название: «О неумножении сверх потребности священников и причетников при церквах»¹²⁰. В сравнении со штатами 1722 г. новое расписание предусматривало значительное сокращение приходского клира. Утилитарный подход государства просматривался в этой мере особенно четко. Дело в том, что в 1775 г. было введено в действие «Учреждение о губерниях», согласно которому для новосозданных наместнических и губернских канцелярий требовалось большое число грамотных служащих. Дать их в нужном количестве могло только духовное сословие¹²¹. В соответствии с новыми

нии приходских церквей в Москве и об уничтожении излишних»; ПСЗ(1). Т. 7. 11 марта 1723 г. № 4186. Сенатский указ по ведению из Синода «О незаписке священников и диаконов в подушный оклад, о положении в одной их детей и причетников и о непозволении вновь строить церкви»; *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 183; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 332.

¹¹⁹ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 201–202.

¹²⁰ ПСЗ(1). Т. 20. 8 октября 1778 г. № 14807.

¹²¹ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 275–276, 299–300; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 332.

штатами, приходу размером в 150–200 дворов полагался один священник, в 200–300 дворов – два священника, приходу размером более 300 дворов – три; соответственно уменьшалось число причетников¹²². Кроме того, штаты 1778 г. ставили распределение границ епархий в соответствие с границами губерний и пытались уравнивать приходы по числу прихожан. Как замечает новосибирский исследователь Н.Д. Зольникова, «государственная бюрократия считала возможным без согласия с общиной манипулировать величиной прихода»¹²³. Причем позднее было предписано распределение духовенства производить не по фактическому положению, а по ревизским сказкам, считая за один двор четыре души мужского пола. Этот пересчет не был выгоден для приходов, поскольку в конкретном дворе могло быть менее четырех мужчин¹²⁴.

Правительство всеми силами старалось положить границы умножению приходских церквей. Светские власти следили за этим так строго, что архиереи запрещали без своего разрешения делать даже необходимый ремонт. В результате долгое время не ремонтировавшиеся церкви просто разваливались. Подобные запреты были ослаблены только в 1774 г. В 1786 г. екатерининские штаты были распространены и на Малороссию, которая до этого жила практически независимо от великороссийских церковных порядков¹²⁵. Приходские штаты пересматривались и позднее, при Николае I и Александре II. Подробнее об этих преобразованиях мы скажем в следующей главе, сейчас же отметим, что речь по-прежнему шла об укрупнении приходов с целью – как заявляли реформаторы – улучшения материального положения духовенства¹²⁶.

---

¹²² *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 275–276; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 332; *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. С. 15.

¹²³ Там же. С. 15.

¹²⁴ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 275–276.

¹²⁵ Там же. С. 277–279.

¹²⁶ *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 334–335; *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. Pp. 65–101.

Нужно обратить внимание на разницу в подходах к перестройке приходской сети со стороны епископата и светских властей. На первый взгляд, казалось бы, их подходы совпадали. И те, и другие стремились добиться исчезновения мелких, малодворных приходов. Между тем на примере переписки Синода и Сената 1756 г. мы видели, что церковные власти гибко подходили к решению этой задачи, пытались учитывать конкретные местные обстоятельства. Их целью было создание экономически стабильного прихода. Светские же власти действовали прямолинейно, имея в виду в первую очередь сокращение численности духовенства, которое можно было бы обратить в податное состояние или привлечь на государственную службу. В целом политика по укрупнению приходов достигала поставленной цели. По подсчетам Г.Л. Фриза, в четырех епархиях центральной России (Коломенской, Рязанской, Ростовской и Суздальской) средняя величина прихода в период между 1740 и 1783 гг. увеличилась с 54 до 86, с 65 до 99, с 68 до 106 и с 61 до 114 дворов соответственно, то есть в среднем примерно с 60 до 100 дворов¹²⁷. Особенно это было заметно в городах. Здесь, по мнению Г.Л. Фриза, цель епископата была достигнута: экономически несостоятельные приходы ушли в прошлое, о чем может свидетельствовать активное строительство приходскими общинами каменных церквей вместо прежних деревянных¹²⁸. Можно сказать, что пока речь шла об увеличении минимального размера прихода примерно до 100 дворов, разница в мотивах церковных и светских властей не проявляла себя сколько-нибудь остро. Иная ситуация складывалась в XIX в., особенно в пореформенный период, когда государство продолжало курс на укрупнение приходов вопреки религиозным нуждам прихожан¹²⁹.

---

¹²⁷ Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities. Pp. 41.

¹²⁸ Ibid. Pp. 37–38.

¹²⁹ См., например: Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Pp. 96–97.

Имперская политика в отношении духовенства: становление сословности

Россия периода империи была обществом сословным. Причем именно в течение XVIII в. формировался сословный строй, сословные институты. Процесс этот завершился на исходе столетия и на первую половину XIX в. пришелся апогей сословного строя в России¹³⁰. Православное приходское духовенство в этот период также превращалось в сословие, в такую социальную группу, в которой статус и род занятий передавались по наследству. При этом наследование церковных мест, как мы видели, было распространено и в допетровский период. Пойти по стопам отцов сыновья священно-церковнослужителей могли и ранее. Для прихожан и для епископов поповичи были предпочтительными кандидатами на священно-церковно-служительские должности в силу того, что, как правило, были грамотнее рядовых членов общины. Однако, во-первых, они не были единственными претендентами на эти должности, а, во-вторых, само по себе наследование еще не делало духовных лиц замкнутой группой, отдельной от земского «мира». До петровских реформ избранный прихожанами в священники оставался в своем прежнем социальном статусе – крестьянином или посадским, обязанным нести соответствующее «тягло», от которого выбор его не освобождал, сословных привилегий еще не существовало. Если такой клирик бежал с земли, его разыскивали и водворяли на место как беглого тяглового крестьянина или посадского¹³¹. В XVIII же веке духовенство стремительно обособлялось от других социальных групп, приобретая сословные права и обязанности.

В течение XVIII столетия отмирала практика выборности духовенства. Несмотря на то, что «Духовный регламент» Петра I требовал, чтобы каждый

---

¹³⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Тт. 1–2. СПб., 1999. Т. 1. С. 141.

¹³¹ *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 45–47; *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. С. 10–11; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 208. Ср. также: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 354–356.

ставленник, являясь для рукоположения, имел с собой «выбор» прихожан, собственноручно ими подписанный, это требование с течением времени становилось все более формальным, а к концу века «выбор» и вовсе исчез из ставленнического делопроизводства¹³². На исходе столетия архиереи прямо утверждали, что поставлять клириков к церквам – это их дело, а не прихожан. Даже когда «лучшие люди» прихода заявляли свое мнение относительно кандидатов и оно расходилось с мнением архиерея, спор все чаще решался в пользу епархиальной власти. Как писал П.В. Знаменский,

Пред сановитыми и сильными владыками великорусских епархий оказывались слишком слабыми и мелкими не только простые члены сельских и городских приходов, но даже большинство дворян-помещиков¹³³.

Нужно сказать, что прихожане часто совсем не дружелюбно встречали назначенного против их воли пастыря. Известны случаи, когда они отказывали ему в содержании, и несчастному клирику приходилось жить буквально впроголодь до тех пор, пока прихожане не меняли гнев на милость¹³⁴. Последовательно утверждаемая сословность духовного звания оказывалась инструментом отчуждения клира от мирян, и следовательно – более прочного подчинения клира архиерейской власти, что в свою очередь делало клир инструментом контроля над общинами, над мирянскими религиозными и социальными практиками. Задача их нормализации сохраняла свою актуальность, как и за столетие до этого. И речь шла не только о сохранявшихся симпатиях к старым обрядам, но и, например, о нарушении возраста вступления в брак и об уклонении от уплаты податей¹³⁵.

В 1797 г. статьи «Духовного регламента» о приходских выборах были окончательно отменены. Произошло это в контексте мощных крестьянских выступлений самого начала павловского царствования. Стремясь подавить их, правительство среди прочего запретило подавать высшей власти коллек-

---

¹³² Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. С. 148–165.

¹³³ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 53.

¹³⁴ Там же. С. 71–72.

¹³⁵ Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities. Pp. 45–49.

тивные прошения, подписанные многими лицами. Синод распространил это запрещение и на прошения прихожан о ставленниках. Прихожане могли теперь только свидетельствовать «о честном их поведении», но не просить о посвящении. При этом выпускники семинарий были вообще освобождены и от необходимости представлять такое мирское «свидетельство». Для таких ставленников оно было заменено аттестациями семинарского начальства¹³⁶.

Одновременно государство прикладывало усилия к тому, чтобы закрыть духовное сословие для входа представителей других социальных групп и для выхода из него. Руководствовалось оно при этом, во-первых, фискальными соображениями, стремясь не допустить переход представителей податных сословий в духовное, имея в виду, что последнее не будет нести часть государственных повинностей. Во-вторых, оно предполагало повысить образовательный уровень замкнутого сословия и поставить его на службу империи. Своя заинтересованность была и у церковных властей. Они также стремились к повышению уровня образования клириков. Но, кроме этого, закрепление церковных мест строго за детьми духовенства рассматривалось как форма призрения вдов и сирот священно-церковнослужителей. Поскольку сын или зять, поступивший на место покойного отца или тестя, должен был заботиться о своих младших родственниках до их совершеннолетия или замужества, а о старших – до их кончины. В результате к концу XVIII в. духовное сословие было закрыто в такой степени, что даже места церковных сторожей и просфорен замещались его членами¹³⁷.

Нужно иметь в виду, что ответ на вопрос о том, кто именно принадлежит ко «второму сословию», был не очевиден. Между Церковью и государством фактически разгорелась борьба за право определять границы духовно-

---

¹³⁶ ПСЗ(1). Т. 24. 24 июня 1797 г. № 18016. Синодский указ «О принятии при производстве в священно- и церковнослужительские чины прошений за подписанием одних только просителей с приложением от прихожан одобрений о честном их поведении»; *Знаменский 1873*. 49–53, 70–73, 75–80; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 101.

¹³⁷ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 91–109, 112–119; *Freeze G.L.* The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century. Harvard University Press, 1977. Pp. 204; *Зольникова Н.Д.* Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 50–52.

го сословия. Подробный обзор этого противостояния дала Н.Д. Зольникова. Во время первой ревизии (1719–1722) правительство планировало «положить в подушный оклад», сделать обязанными платить налоги и подлежащими рекрутской повинности, всех детей духовенства и всех причетников. При этом под духовенством понимались только фактически служившие в церквях священники и диаконы. После ходатайств Синода светская власть пошла на уступки. Дети состоявших на «действительной службе» священнослужителей как своего рода церковный кадровый резерв не были исключены из сословия. Зато «в оклад» были положены причетники с семьями и дети неслужащих священников. После смерти царя-реформатора Синод попытался вернуть в сословие недавно исключенных из него, но встретил сопротивление Сената. Сложившийся *status quo* не устраивал обе стороны. Светская власть считала, что не до конца освободила духовный чин от «праздных» элементов, которых можно было задействовать на ином, полезном для государства поприще. А церковные власти стремились вернуть прежний статус «почисленным в оклад» церковнослужителям и их детям. Тем временем, правительство прибегло к многочисленным чисткам духовенства, к так называемым «разборам», о которых мы скажем ниже. В результате ряда перипетий последнее слово в вопросе о границах сословия осталось за государством, а Синоду пришлось принять предложенные ему правила игры и перестать бороться за бывших членов сословия, положенных в оклад. Безусловно привилегированный статус сохранялся только у штатных священников и диаконов и их детей. Священнослужители, посвященные из иных, податных сословий (что еще имело место в епархиях, испытывавших дефицит духовенства, особенно окраинных), и их дети, родившиеся после получения сана, также не подлежали «разборам». Но их дети, родившиеся до перехода отцов в духовный чин, считались принадлежащими к прежним состояниям. В группе риска оказывались причетники со своими семьями: их могли отчислить из сословия в зависимости от государственных интересов. Причетники, поставленные из податных групп населения, даже если они получили официальное «увольнение»

от своих прежних «начальств», к концу века при ревизиях и разборах в обязательном порядке возвращались в податное состояние¹³⁸.

Одним из важнейших факторов обособления духовного сословия было обособление духовной школы, превращение ее в школу сословную, ориентированную прежде всего на детей священно- и церковнослужителей. Возникшие в России в конце XVII – первой четверти XVIII вв. духовные школы были таковыми по кругу преподаваемых в них предметов, но не по составу учащихся и не по профессиональной специализации. Учиться в них могли как дети священнослужителей, так и дети солдат, приказных, дворян, крестьян, монастырских служащих, а их выпускники искали себе применение на самых разных поприщах. Государство поначалу устраивало такое положение, и оно активно черпало в семинариях грамотных работников для гражданской и военной сфер, иногда не дожидаясь окончания ими полного курса. Порой это приводило прямо к опустошению духовных школ. Церковное начальство, разумеется, сопротивлялось такому вмешательству государственного интереса и ограничивало поступление в семинарии выходцев из иных, не имеющих отношения к церковному служению социальных групп. П.В. Знаменский считал, что ключевым мотивом закрытия духовных школ для других сословий было нежелание церковных властей тратить доходы архиерейских кафедр на иносословных учеников, которые все равно могли уйти на гражданское или военное поприще. Но нам представляется, что точнее уловил суть происходившего Г.Л. Фриз. Он указал, что архиереям и семинарскому начальству было проще сохранить от «мобилизации» на государственную службу именно детей священно- и церковнослужителей, объяснив, что они воспитываются в духовных школах «в надежду будущего священства»¹³⁹.

В течение всего XVIII столетия церковное начальство с одной стороны целенаправленно ограничивало доступ в семинарии иносословного элемента, а с другой стремилось охватить школьным образованием возможно большее

---

¹³⁸ Там же. С. 27–52.

¹³⁹ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 86–91; *Freeze G.L.* The Russian Levites. Pp. 203.

число детей духовенства. Сопротивлялось этим усилиям не только государство, но и сами потенциальные учащиеся и их отцы, которые смотрели на школьное обучение как на тягчайшую повинность, почти рекрутчину и всячески пытались уклониться от нее. Церковные власти пытались повысить привлекательность школьного образования, отдавая предпочтение при рукоположении тем, кто прошел через него, апеллируя при этом к соответствующим пунктам «Духовного регламента». В итоге в конце века среди учащихся семинарий можно было встретить практически только детей духовенства. Исключение составляли лишь малороссийские Киевская академия, Черниговская и Переяславская семинарии, которые окончательно приобрели сословный характер после реформы духовных учебных заведений 1808 г. Указы 1808 и 1814 гг. окончательно сделали духовную школу сословной, а церковные должности закрепили только за детьми духовенства. К этому моменту духовное сословие уже перестало воспринимать школу как повинность, она стала для него естественным способом существования и внутрисословной мобильности: через школьные успехи можно было занять более высокое положение в сословии, стать священником, а не причетником, занять место в городе, а не в деревне, тогда как не успевавший в школе ученик мог претендовать только на место диакона или псаломщика¹⁴⁰, как и случилось с Ахиллой Десницыным, персонажем «Соборян» Н.С. Лескова, исключенным из синтаксического класса за «великовозрастие и малоуспешие».

Особая система образования способствовала формированию специфических сословного менталитета и субкультуры духовной среды, которые зримо отделяли ее представителя от всех иных сословий. В первой половине XIX в. любой русский мог узнать в человеке «духовное лицо по речи, манерам, внешности, даже если оно было в гражданском платье или полностью

---

¹⁴⁰ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 109–112; Freeze G.L. The Russian Levites. Pp. 201–204. Ср.: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 11а об.–11б.

раздетым»¹⁴¹. «Попа и в рогожке знать», – утверждала крестьянская пословица. Более того, «духовная порода» легко узнавалась и в выходцах из сословия, которые сознательно покинули его и посвятили себя светской профессии. При этом поповичи воспринимались иными социальными группами, особенно дворянством вне зависимости от политических взглядов его представителей как выскочки, существа низшего порядка, несущие угрозу культуре и государственному строю, покоящимся на европейских образцах. Духовенство оказывалось сословием маргинальным, чужим и европеизированному дворянству, и преданному своей традиционной культуре крестьянству¹⁴².

В итоге в первой половине XIX в. духовенство имело большинство признаков «идеального» сословия и было, по выражению Б.Н. Миронова, «самым сословным из всех сословий»¹⁴³. Род деятельности, приходские места, права и обязанности духовенства передавались по наследству и такой порядок был закреплен в законе. Духовенство было поголовно охвачено особой, только на него ориентированной и закрытой для представителей других социальных групп системой образования. Оно подлежало корпоративному церковному суду не только по собственно церковным делам, но и по гражданским и уголовным (кроме самых тяжких). Оно обладало специфическим сословным менталитетом и имело четкие внешние признаки принадлежности к сословию¹⁴⁴. У духовенства не было лишь двух атрибутов «классического» сословия: пользующихся правом самоуправления сословных организаций (у

---

¹⁴¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 102.

¹⁴² Там же. С. 102, 104–106; *Фриз Гр.Л.* Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшении быта духовенства 1863 года (Владимирская епархия) // *Провинциальное духовенство дореволюционной России*. Вып. 3. Тверь, 2008. С. 128–143; *Мангилева А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2015. С. 384–400; *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. *А.Ю. Полунов*. М., 2015. С. 22–23, 32, 44–50.

¹⁴³ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 104. См. также: *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи XVIII – начала XX века. М., 2010. С. 240–266.

¹⁴⁴ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 385–389 (судебная обособленность духовенства); *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 76–77, 101–103, 140–141.

других сословий это были дворянские собрания, городские думы, крестьянские «общества» и под.) и своего сословного представительства при верховной власти¹⁴⁵. Но в 1860-е гг. «второе сословие» получило и органы самоуправления (подробно см. об этом: Глава 2 § 4) и сохраняло их до падения старого порядка.

Одним из самых существенных результатов становления сословности духовенства стало его взаимное отчуждение с прихожанами, причем как в социальном плане (духовенство больше не было частью земского «мира»), так и в психологическом. Сословный менталитет, особый у каждой из наследственных социальных групп не создавал условий для единения пастырей и пасомых. Они начинали по-разному понимать и задачи приходской жизни¹⁴⁶. Но обособление духовенства создавало напряжение и внутри самого сословия: белое духовенство начинало с подозрением смотреть на монашество, несправедливо, как казалось приходским батюшкам, захватившее руководящие посты в Церкви, все больше взаимных претензий накапливалось между священниками и низшими членами клира, диаконами и псаломщиками¹⁴⁷. В эпоху революций, как мы увидим, эти внутрисословные противоречия выплеснутся наружу.

Сословные отношения накладывали отпечаток не только на приходскую жизнь, но и на деятельность епархиального управления. Епископу приходилось выполнять несвойственные ему функции: он становился своего рода сословным старостой, который должен был устраивать браки семинаристов перед тем как назначить их на приход, учитывая при этом их успеваемость, по-

---

¹⁴⁵ Считать таким представительным органом Святейший Синод, формировавшийся императорской властью на бюрократических началах, а не на началах сословного самоуправления, не представляется возможным. Ср.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 103; *Мангилева А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства пермской губернии в XIX — начале XX в. С. 384–385.

¹⁴⁶ *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 354; *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 152–157, 161.

¹⁴⁷ *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Pp. 49–52.

ложение внутри сословия семей жениха и невесты, состоятельность прихода и т. п.¹⁴⁸

Надо обратить внимание и на еще одно обстоятельство. Как уже отмечали некоторые исследователи¹⁴⁹, сословность приходского клира противоречила церковному пониманию христианского священства как основанного на «царственном священстве» всех христиан (1 Пет 2:9), и значит доступного любому верующему, тем или иным образом призванному на это служение. В этом, с точки зрения православного богословия, заключается фундаментальное отличие священства новозаветной Церкви от ветхозаветного священства, которое как раз было доступно лишь членам рода (колена) Левия. Поэтому исключительно наследственный порядок поставления в клир был прямо осужден 33-м правилом Шестого Вселенского собора (680–681 гг.)¹⁵⁰.

Имперская политика в отношении духовенства: дисциплинирование и закрепощение сословия

В абсолютистском государстве, утвердившемся в России в XVIII в., каждая социальная группа должна была служить «государственному интересу», выполнять предписанные ему государством функции. При этом, с точки зрения абсолютизма, подданных надлежало научить служить государству, дисциплинировать их¹⁵¹. Духовенство не могло остаться от этого в стороне, его также следовало дисциплинировать и поставить на службу государству,

---

¹⁴⁸ См. яркий пример такой деятельности епископа, относящийся к 1830-м гг., в: Воспоминания Михаила Силыча Альбицкого (1814–1890), священника женского Феодоровского монастыря г. Переславля-Залесского // Страницы истории России в летописи одного рода: (Автобиографические записки четырех поколений русских священников): 1814–1937 / сост., коммент. Л.П. Соколовой-Ковальчук. М., 2004. С. 38–46.

¹⁴⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 104; Зольникова Н.Д. Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). С. 177.

¹⁵⁰ См., например: Иларион (Алфеев), митр. Во что верят православные христиане. М., 2014. С. 128–136 (главы «Царственное священство», «Церковная иерархия»). Ср. также: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 116.

¹⁵¹ Понятие «социальное дисциплинирование» (Sozialdisziplinierung) в 1960–1970-х гг., основываясь на работах Макса Вебера, ввел немецкий исследователь европейского абсолютизма Г. Острайх. При анализе петровской религиозной политики к этому понятию обратился А.С. Лавров. См.: Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. С. 345–347; Зуев И.В. Проблема «социального дисциплинирования» в немецкой деревне XVI–XVII вв. в работе Матиаса Вебера // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 412–416.

причем в качестве одного из главных проводников государственной политики¹⁵². Сам процесс формирования сословия отвечал интересам абсолютизма, он позволял сохранить от ухода в духовное звание людей податных состояний¹⁵³. Кроме того, процесс формирования духовного сословия государство использовало для того, чтобы освободить, очистить его от «лишних», по мнению правительства, членов, которых можно было использовать для иных государственных нужд. Для этого правительство на протяжении почти 130 лет прибегало к так называемым «разборам духовенства», когда попавшие «в разбор» члены сословия определялись либо на военную, либо на иную государственную службу, либо просто причислялись к податным сословиям.

В условиях Северной войны (1700–1721) государство стремилось мобилизовать на военные нужды все возможные ресурсы. В 1705 г. оно начало призывать на военную службу поповичей, церковнослужителей, монастырских и архиерейских слуг. В 1707 г. особой военной податью были обложены и священнослужители¹⁵⁴. В первой половине 1720-х гг. государство перешло от обложения податями дворов и промыслов к подушному обложению, в связи с чем встал вопрос о том, какие категории населения подлежат «записи в подушный оклад». В 1722 г. правительство постановило включить в оклад не служащих священников, диаконов, причетников, их детей и родственников. Для них это означало не только необходимость ежегодной уплаты налога, но и то, что они подлежали рекрутской повинности, а также прикрепление их к городскому или сельскому податному обществу, поскольку именно общество на основании круговой поруки отвечало за правильность и своевременность уплаты налога его членами. На селе «почисленные в оклад» духовные прикреплялись, как правило, к земле того или иного вотчинника, и законодательство предписывало «тому вотчиннику ими владеть», то есть они становились крепостными. Если мы вспомним, что одновременно правительство вводило приходские штаты, вследствие чего значительно сокращалось число

---

¹⁵² Ср.: Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. С. 346.

¹⁵³ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 91.

¹⁵⁴ Там же. С. 359–360.

служащего духовенства, то поймем, что угроза оказаться в податном и даже прямо в крепостном состоянии нависла над значительной частью приходского духовенства. Вместе с тем оставшиеся на церковной службе и их дети, которыми было предписано замещать вакантные, в том числе церковно-служительские места, от оклада освобождались. Так вся реформа сулила большую опасность для духовенства попасть в податное состояние, но одновременно вела к большому отделению духовенства от других социальных групп и к превращению его в привилегированное по сравнению с ними сословие¹⁵⁵.

Следующий опустошительный разбор обрушился на духовенство при Анне Иоанновне в 1736–1738 гг. Условия его проведения были отягчены двумя обстоятельствами: это был разбор военного времени – шла очередная русско-турецкая война, но также разбор носил политический, репрессивный характер – под него попали те, кто оказался не охвачен присягой новой императрице в 1730–1731 гг. Поэтому большая часть попавших под разбор не просто переводилась в податные сословия, а сразу отдавалась в рекруты. Чиновники Военной коллегии, обосновывая такую меру, писали, что в духовном сословии есть много детей, «годных в солдатскую службу, не написанных в подушный оклад и к государственной пользе от них ничего нет, а живут в домах праздно»¹⁵⁶. В силу этого разбору подверглись дети даже служащего духовенства старше 15 лет, а от церкви забирали и штатных причетников¹⁵⁷. Разборы при Елизавете Петровне (1743 г.) и два разбора при Екатерине II (1769 и 1784 гг.) носили более мягкий характер, например, при разборе 1743 г. попавшим в него разрешалось самостоятельно определить, к какой социальной группе они желают быть приписаны. При этом именно разбор

---

¹⁵⁵ ПСЗ(1). Т. 6. 4 апреля 1722 г. № 3932; ПСЗ(1). Т. 6. 12 июня 1722 г. № 4035; ПСЗ(1). Т. 6. 10 августа 1722 г. № 4072; *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 193–194, 368–372; *Зольникова Н.Д.* Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). С. 27–29.

¹⁵⁶ Там же. С. 30–31.

¹⁵⁷ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 223–232; *Зольникова Н.Д.* Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). С. 30–32; 170–171.

1784 г. радикально уменьшил число безместных священнослужителей¹⁵⁸. Разбор, инициированный императором Павлом I (1796 г.), по своей суровости напоминал разборы бироновского времени. Но и последующие царствования не обошлись без этой меры мобилизации духовного чина. В 1806 г. в связи с войной с Наполеоном в солдаты были отданы сыновья служащего духовенства, не обучавшиеся в духовных школах или исключенные из них, и сверхштатные и находящиеся под судом причетники. К счастью, этот разбор был кратковременным, и многие смогли его избежать. Последняя чистка духовного сословия от «безместных и излишних людей» была проведена правительством в 1830–1831 гг., когда в солдаты были отданы сыновья штатного духовенства в возрасте от 15 до 40 лет, исключенные из младших классов семинарий и «ненадежного поведения», а также причетники «дурного поведения» и отрешенные от мест. В виде снисхождения было разрешено оставить по одному сыну в семействе, но если сыновей, подлежащих разбору, было несколько, родителям предстояло самим сделать выбор, кого из них отдать в 25-летнюю солдатчину¹⁵⁹.

Разборы духовенства в руках государства были мощным инструментом дисциплинирования сословия. Его члены находились почти в постоянном страхе за какую-либо малую провинность (допущенную, например, при служении молебна в день рождения императрицы, о чем мы скажем ниже) оказаться отрешенными от места, а затем – и вовсе выброшенными в податное состояние. П.В. Знаменский писал:

Разборы нависли над духовенством страшной грозой; никто из духовных лиц не мог предугадать ни того, когда в этот или следующий год правительство вздумает очищать духовенство, ни того, чем оно определит категорию лишних людей, ни того наконец, что оно с этими лишними людьми сделает, так что духовенство постоянно должно было оставаться в страхе за себя и за своих детей. К этому нужно присовокупить еще и то, что, стараясь сократить число духовенства, правительство

---

¹⁵⁸ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 243–268, 274–275, 294–298, 284–285, 304–310; Зольникова Н.Д. Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). С. 42–52.

¹⁵⁹ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 310–317, 319–323, 340–342.

не постаралось выработать более или менее выгодных условий для добровольного выхода духовных детей из их звания; за пределами церковной службы их ожидали или солдатство, или подушный оклад с кабальной записью за каким-нибудь владельцем, которая вела за собою даже полную крепостную зависимость от последнего¹⁶⁰.

Действительно, правительство, осуществляя опустошительные разборы духовного чина, совсем не приветствовало свободный выход из сословия. На протяжении большей части XVIII столетия покинуть духовную стезю можно было только через солдатскую службу или через переход в податное, а часто – прямо в крепостное состояние. Определенные послабления в этом отношении имели место при Екатерине II, когда правительство не столь строго следило за выходом из духовного сословия, но и в это время оно ограничивало «самовольный» выход во время разборов духовенства. При этом сама светская власть регулярно делала «вызовы» из духовного сословия грамотных членов и учеников духовных школ. Семинаристов и просто сыновей священно-церковнослужителей «вызывали» в канцеляристы, в учителя народных школ, в студенты Санкт-Петербургской академии (вспомним судьбу М.В. Ломоносова), для участия в научных экспедициях... Особенно много духовных вызывалось на медицинскую службу, поскольку там требовались молодые люди, знающие латинский язык¹⁶¹. Можно сказать, что государство считало принципиально важным утвердить такое положение, при котором человек мог покинуть сословие только по воле самого государства, но ни как не по своей частной инициативе.

Еще одним методом встраивания духовенства в систему абсолютистского государства была присяга императору и его наследнику, которую клирики должны были приносить как перед рукоположением, так и при вступлении на престол нового монарха. Как писала Н.Д. Зольникова, это был «существенный признак приобретения этим сословием черт служилого», подчи-

---

¹⁶⁰ Там же. С. 198.

¹⁶¹ Там же. С. 198, 298–302, 316. Ср.: Там же. С. 268–270.

ненного интересам государства¹⁶². Сам текст присяги ярко обрисовывал новые отношения, в которые должны были встать священнослужители к особе государя и к государственному интересу. Характерно, что одна из первых редакций присяги была опубликована в виде приложения как раз к тому закону, который обязывал священников объявлять властям противогосударственные замыслы, открытые им на исповеди¹⁶³. В ней, в частности, говорилось так:

Аз, ниже именованный обещаюся и клянусь Всемогущим Богом пред святым Евангелием. Что должен есмь и по долженству хощу и всячески тшаться буду моему природному и истинному Государю <...> верным, добрым и послушным рабом и подданным быть и все к высокому Его Императорского Величества самодержеству, силе и власти принадлежащие права и прерогативы (или преимущества) узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать, и оборонять, и защищать, и в том живота моего в потребном случае не щадить, и при том по крайней мере все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной и церковной во всяких случаях касаться может, стараться споспешествовать и вспомогать со всяким усердием и ревностию, елико конечная возможность достигнет; о ущербе же Его Императорского Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать, препятствовать и не допускать тшаться буду¹⁶⁴.

Светские власти придавали присяге духовенства первостепенное значение, особенно той, которую приносили все члены клира, не исключая и их детей при вступлении на престол нового самодержца. Нарушение этого долга приравнивалось к государственной измене, такие дела рассматривались в Тайной канцелярии – страшном органе политического сыска той эпохи. Страшном, поскольку методы следствия в нем неминуемо предполагали пытку. Такое отношение императорской власти к присяге духовного сословия

---

¹⁶² Зольникова Н.Д. Словесные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). С. 169.

¹⁶³ ПСЗ(1). Т. 6. 17 мая 1722 г. № 4012. Синодский указ «О объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств, если исповедающиеся в оных не раскаялись и намерение своего совершить их не отложили. С приложением особенной формы присяги для духовных лиц». См. также: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 391–393, 535–536.

¹⁶⁴ ПСЗ(1). Т. 6. 17 мая 1722 г. № 4012.

ярко проявилось в царствование Анны Иоанновны. Этой императрице присягали дважды: в 1730 и в 1731 гг. (второй раз присягали императрице и безымянному наследнику, которого, как предполагалось, она когда-либо назначит). Анна Иоанновна испытывала особое недоверие к духовенству, как высшему, так и приходскому, которое все представлялось ей политически неблагонадежным¹⁶⁵. Вскоре после первой присяги начались процессы над архиереями, которые по разным причинам замедлили с присягой и молебным пением в честь новой государыни. Они были обвинены в государственной измене. А в 1735 г. началась повальная проверка приходского духовенства.

Последнее не присягало по множеству бытовых, совершенно невинных причин, в частности, из-за отлучки, болезни и под. Кроме того, в самих инструкциях о присяге было много путаницы. Например, только во время проверки было предписано приводить к присяге детей от 8 лет, но при этом те из них, кто не присягнул ранее, считались виновными. К присягам не приводились крестьяне, и поэтому церковные власти считали, что находившимся в окладе причетникам присягать не нужно, но к расследованию как уклонившихся от государственного долга светская команда привлекала и их. Тех, чьих подписей не оказалось на листах под присягой, ждало страшное наказание. Священников лишали сана, требовали заплатить 50 рублей штрафа, если таких денег у них не было, их били плетью и отдавали в подушный оклад, а то и в солдаты. Плетей могли избежать лишь дети моложе 12 лет, но в этом случае подвергались наказанию их родители. Причем жестоко наказывались и те, кто из страха перед преследованием вписывал себя в присяжные листы задним числом. В итоге в конце 1730-х гг. в запустении за отсутствием клира стояло множество церквей¹⁶⁶. При Елизавете Петровне практика принесения присяги была урегулирована. Теперь присягать должны были члены сословия, начиная с 12 лет. Власти еще искали «умысел» против правительства в

---

¹⁶⁵ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 427; Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 343.

¹⁶⁶ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 218–223; Зольникова Н.Д. Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). С. 169–171.

пропуске присяги, но уже не было презумпции виновности тех, кто почему-либо присягу пропустил. Таковым разрешали присягать позднее, что было неслыханно в 1730-е гг. В 1750–1760-е гг. присяга уже превратилась в рутинную практику, которая оставалась таковой до конца синодального периода¹⁶⁷.

Важной миссией, которую империя возложила на духовенство, было совершение богослужений в дни, значимые для особ царствующего дома, и в дни военных побед. Причем наказание за пропуски таких богослужений было не менее страшным по своим последствиям для духовного чина, чем за пропуск присяги. Система общегосударственных регулярных богослужений в «торжественные и викториальные дни» складывалась с 1720-х гг. Тогда начали составляться реестры или таблицы дней коронаций, тезоименитств государей и побед русского оружия. Табелю (отсюда и еще одно название соответствующих дат – «табельные дни») должны были висеть в алтаре или ризнице храма для «всегдашнего напоминания» клиру. К середине 1730-х гг., при Анне Иоанновне был тщательно разработан порядок подачи доносов и проведения следствий по делам об «упущениях» при совершении богослужений в табельные дни; была разработана шкала степеней вины и наказаний за эти преступления, которые квалифицировались как противогосударственные. Табелю стали рассылаться регулярно. В это же время развернулись массовые и неотвратимые преследования за пропуск богослужений. Это была одна из самых действенных форм дисциплинирования духовного сословия и мобилизации его членов именно в качестве священнослужителей на службу империи. Власти делали «политическое воспитание» клириков максимально наглядным: провинившегося наказывали кнутом или плетью в присутствии местного духовенства¹⁶⁸.

Дела о нарушениях табельных дней, так же как дела о не принесении присяги, рассматривались в Тайной канцелярии. Уважительной причиной

---

¹⁶⁷ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 232–242; 435–436; Зольникова Н.Д. Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). С. 171–174.

¹⁶⁸ Там же. С. 158.

пропуска богослужения считалась только отлучка к умирающему или роже-нице в самый день торжества, но отлучившийся священник должен был совершить соответствующую службу на следующий день, иначе он считался виновным в пропуске. Если отлучка признавалась неуважительной, виновного ждало лишение сана, телесное наказание и вечная ссылка. В конце 1730-х гг. наказание несколько смягчили: если день был пропущен «без умысла», виновных после телесного наказания отправляли на какое-то время в «монастырские труды», а тех, кто сам совершил службу, но не донес на пропустивших ее, отправляли в монастырь на месяц без телесного наказания¹⁶⁹. При этом местные власти порой проявляли излишнее рвение и приговаривали священнослужителей к расстрижению и тяжкому заточению только за служение царских молебнов «в ризах не первого, а второго разряда»¹⁷⁰. Мы видели, что за неявку к присяге наказание смягчилось уже при Елизавете Петровне. Но с пропуском табельных дней дело обстояло по-другому. Даже при Елизавете наказывали плетью лишь за случайный пропуск на молебне имени супруги наследника престола¹⁷¹. Только в 1766 г. по этим делам телесные наказания были отменены и заменены епитимьями. При этом Екатерина II не прислушалась к Синоду, который просил уменьшить количество табельных дней, чтобы облегчить положение духовенства¹⁷². Практика совершения соответствующих богослужений сохранялась до конца старого порядка.

Служение в «высокоторжественные и викториальные дни» было не единственной обязанностью духовенства, обусловленной государственным интересом. Также ему вменялось в обязанность наблюдать за раскольниками и выявлять их среди своих прихожан, доносить о «суевериях», что тогда трактовалось очень широко, и о разглашениях о «ложных чудесах», наблю-

---

¹⁶⁹ Там же. С. 152–155, 157, 159–160.

¹⁷⁰ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 430–435.

¹⁷¹ Там же. С. 458–460.

¹⁷² *Зольникова Н.Д.* Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). С. 155–156, 166.

дать за бродячими монахами и безместными священниками, участвовать в регистрации населения при ревизиях (при этом за пропуски в «ревизских сказках» ему угрожала каторга с вырыванием ноздрей), доносить об уклонившихся от налогов, прочитывать царские указы во время службы, исполнять роль нотариусов, даже надзирать за повивальными бабками и вести списки матерей, умерших при родах. Не забудем, что духовенство вело метрические книги – главные документы, в которых фиксировались акты гражданского состояния населения империи, и ежегодно должно было составлять списки родившихся, вступивших в брак и умерших для представления вышестоящим властям. В следующем столетии клирики, кроме того, должны были вести «оспенные ведомости» о прививках и списки мужчин, подлежащих призыву на военную службу (подробнее см.: Глава 2 § 6). Как заметил И.К. Смолич, «духовенство поневоле делалось как бы частью государственно-полицейского аппарата»¹⁷³. Все это множество экстрарелигиозных, фактически полицейских обязанностей, не имевших прямого отношения к пастырским обязанностям священнослужителей, духовенство исполняло бесплатно, часто под страхом сурового наказания¹⁷⁴. По сути, в течение первой половины XVIII в. «второе сословие» было закрепощено государством¹⁷⁵:

Принудительные и обременительные обязанности духовенства, не имевшие ничего общего с ролью пастырей, проповедников, служителей церкви, являлись по

---

¹⁷³ *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 343.

¹⁷⁴ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 389–391; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 342–343; *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 364.

¹⁷⁵ Концепция закрепощения всех сословий в России была широко распространена в дореволюционной отечественной историографии. Она была разработана историками «государственной школы» (К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, В.И. Сергеевичем) и в том или ином виде разделялась ведущими российскими учеными (в том числе С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским). В советской историографии было принято говорить о закрепощении только крестьянства и отчасти посадских. В западной и современной отечественной историографии в целом поддерживается и развивается точка зрения дореволюционных русских историков. Для лучшего понимания положения духовенства нужно иметь в виду, что в зависимости от субъекта крепостнических отношений крепостничество могло существовать как государственное, корпоративное или частное. При этом представитель каждого сословия мог находиться в зависимости от нескольких субъектов: крестьянин – от государства, корпорации (крестьянской общины) и помещика, посадский – от государства и посадской общины, священник – от государства и архиерея как представителя корпорации и лишь дворянин – только от государства. См.: *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 360–361, 416.

сути казенной, или государственной, барщиной. Учитывая это, а также прикрепление к месту жительства и службы, можно сказать, что духовенство, как и дворянство, являлось крепостным состоянием. Субъектом его зависимости в данном случае выступало государство¹⁷⁶.

Но не меньше, чем от государства, приходский клирик зависел от епископа. От него зависело возведение ставленника в сан, назначение его на должность, отстранение от служения и вовсе лишение сана. Эти действия находились в рамках канонических полномочий епископа, но власть его не сводилась только к каноническим полномочиям. Архиерей мог отдать своего подданного в руки «светской команды» по делу о пропуске табельного дня или присяги; он мог отправить его в монастырь или определить «в работы» при архиерейском доме или консистории; принудить вдового постричься в монашество. Жизнь и смерть клирика были в руках почти всемогущего владыки, духовного князя его епархии. Кроме того, в сферу канонических отношений между приходскими священнослужителями и иерархией проникали экономические факторы: до назначения штатных выплат со стороны государства в 1764 г. иерархия жила исключительно за счет подчиненного духовенства. Архиереи собирали ежегодный оброк – «архиерейское тягло» и другие сборы, например, пошлину на содержание духовных правлений и консисторий, пошлину за совершение таинства брака («венечную память») или пошлину за переутверждение в должности, которое по обычаю осуществлялось каждым новым назначенным на кафедру епископом¹⁷⁷. Как писал И.К.

---

¹⁷⁶ Там же. С. 364. Б.Н. Миронов считает, что духовенство к началу XIX в. было освобождено от крепостной зависимости по отношению к государству и стало вторым после дворянства «свободным сословием», то есть не обязанным нести «государственное тягло», обязательную государственную службу (Там же. С. 382–384). Действительно, с конца XVIII в. государство повышало статус духовного сословия, расширяя личные права его членов, открыв им путь к получению потомственного дворянства (через награждение орденами), освободив от телесных наказаний, расширив их имущественные права. Однако обязанности, которые, по признанию самого петербургского исследователя, составляли «казенную барщину», не были сняты с духовного сословия, они сохранялись, хотя и изменялся их состав, и очень тяготили духовенство и в конце XIX, и в начале XX века. (см.: Глава 2 § 6). Таким образом, представляется, что крепостная зависимость сословия от государства, хотя и смягченная, сохранялась на протяжении всего синодального периода.

¹⁷⁷ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 374–377, 507, 525–548 (ставленническая процедура и сборы), 552–568, 571–572, 577–578 (архиерейская дань и др. сборы), 599–600, 608–611 (работы в монастырях и архиерейских домах), 612–613 (ли-

Смолич, проникновение в сферу взаимных отношений иерархов и духовенства

экономических факторов и интересов означало роковое искажение совместного церковного служения высшего и низшего духовенства <...> Экономическая зависимость поставила низшее духовенство в ярко выраженное тяглое отношение к церковной иерархии, и прежде всего к своему епархиальному архиерею. Такие отношения между приходским духовенством и епископом, весьма напоминая крепостную зависимость, практически повсеместно исключали какой бы то ни было нравственный элемент. Чувство правовой и экономической зависимости было для приходского духовенства тем ощутимее, что сопровождалось унижением его человеческого достоинства, причем не секуляризованным обществом, а самой Церковью¹⁷⁸.

Тем самым, приходское духовенство было «тяглым», крепостным не только по отношению к государству, но и по отношению к епископу. Этот род зависимости историки квалифицируют не как частное, а как корпоративное крепостное право, поскольку епископ, управляя приходским духовенством, выступал как представитель церковной корпорации, а не как частное лицо¹⁷⁹. Но не только от государства и от духовной власти зависел священнослужитель. В вотчинниковых приходах, которые умножались в течение XVIII столетия, помещики все чаще смотрели на священников как на своих крепостных. Самоуправство, избиения, унижение клириков с их стороны становились распространенным явлением, и защитить от них порой не могло и вмешательство архиерея. Положение священно-церковнослужителей ухуд-

---

шение сана), 613–617 (разрыв между церковной администрацией и духовенством); Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 351, 353–355; Freeze G.L. The Russian Levites. Pp. 46–77; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 365.

¹⁷⁸ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 353–354.

¹⁷⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 365. Вопрос о том, когда духовенство освободилось от корпоративной крепостной зависимости, исследователями систематически не рассматривался. П.В. Знаменский полагал, что юридически она прекратила существование с 1764–1765 гг., после отмены экономического «архиерейского тягла». При этом сам историк показывал, что различные формы зависимости сохранялись и в начале XIX в. (см.: Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 617–646; ср. также: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 96 об.–10а). На некоторые из этих форм указывали и авторы писем в Синод 1913–1914 гг. (см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 721. Лл. 4–5, 8–9 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 724. Лл. 1–3 об.). Поэтому представляется, что этот вопрос требует специального изучения.

шилось после 1736 г., когда Анна Иоанновна ограничила обязательную службу дворян 25 годами, и особенно с 1762 г., после полного освобождения дворянства от обязательной службы. Тогда многие представители «свободного сословия» стали селиться в своих поместьях и управлять ими и их населением в соответствии со своими представлениями и вкусами. Последующие 100 лет стали временем расцвета частного крепостничества, расцвета русской дворянской культуры и вместе с тем – суровой зависимости священнослужителей частновладельческих приходов от помещиков¹⁸⁰:

Тогда как вотчинник, живший верованиями и понятиями XVII века, распоряжался причтом и церковною казною как ктитор, как старший член церковно-приходской православной общины, помещик, живший просветительными идеями деизма и вольтерианизма, в силу которых идея Божества и религии только полезны для государства, так как служат средством удержания народных масс в повиновении ему, распоряжался церковно-приходскою казною на правах «природного» генерал-губернатора в своей вотчине <...> и в качестве цивилизатора¹⁸¹.

§ 3. Закрепощение прихода

Реформа приходской экономики

Мы видели, как на протяжении XVIII столетия государство проводило политику, направленную на дезинтеграцию прихода и сельской и посадской общины, а также на подчинение духовного сословия своим интересам. В начале XIX в. государственным интересам был подчинен и сам приход. Это произошло в 1808 г., когда Комитетом по усовершенствованию духовных училищ была разработана и проведена масштабная и, пожалуй, самая успешная реформа духовного образования в России. В результате была создана трехступенчатая система духовных школ, сформированы центры богословской науки, преобразован сам строй учебных заведений, которые теперь охватывали все «духовное юношество». Новая школа в последующем пода-

---

¹⁸⁰ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 104, 117, 402–403, 452–457; Хижий М., *прот.* Новые материалы к жизнеописанию святителя Игнатия Брянчанинова // Альфа и Омега. 2005. № 2(43). С. 138–144.

¹⁸¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 1а об.–1б

рила России выдающихся церковных ученых и просвещенных иерархов. Современники сравнивали ее с «прекрасным растением», обещавшим обильный плод и требовавшим всяческой заботы¹⁸². Однако именно эта реформа нанесла роковой удар по жизнеспособности православного прихода в Российской империи, поскольку в ходе нее были поставлены под контроль вышестоящих властей приходские финансы и, фактически, ликвидирована самостоятельность приходской религиозной общины.

Правительство предпринимало попытки, направленные на регулирование приходской экономики еще при Петре I. Поскольку главной статьей приходских доходов была прибыль от продажи свечей, именно на нее было направлено внимание реформатора. В 1721 г. император издал указ «О продаже при церквях восковых свеч старостам церковным, а не посторонним лицам»¹⁸³, которым вводилась церковная монополия на свечную торговлю и одновременно предписывалось на свечные деньги строить при церквях богадельни и содержать в них больных. В 1723 г. государство сделало попытку начать регулировать другую статью приходских доходов – кошелевский сборы, собиравшиеся в особые кошельки, которые носили по церкви во время богослужения. Было предписано тратить их не только «на церковные потребности», но и на богадельни и госпитали¹⁸⁴. Однако эти нововведения не прижились. В 1740-е гг. законодательно было признано право прихожан тратить свечной доход не только на богадельни, но и на «самонужнейшие церковные строения», а в 1753 г. церковная монополия на торговлю свечами была отменена новым таможенным уставом¹⁸⁵.

Новая и на этот раз более эффективная попытка регламентации приходского хозяйства была предпринята в александровское царствование. Планируя реформу духовных училищ, правительство не предполагало в полном

---

¹⁸² Смолитч И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 418–424, 449.

¹⁸³ ПСЗ(1). Т. 6. 28 февраля 1721 г. № 3746.

¹⁸⁴ ПСЗ(1). Т. 7. 29 июля 1723 г. № 4277.

¹⁸⁵ ПСЗ(1). Т. 12. 4 февраля 1747 г. № 9370; Самарин Д. Приход. Ч. 1–2. М., 1867–1868. Ч. 1. С. 49–50; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 808–809.

объеме брать на себя бремя расходов по содержанию новой системы духовного образования. Это бремя, по мысли законодателя, должны были понести православные приходы. Для этого была предпринята серия шагов, направленных на преобразование приходской экономики. В 1806 г. был высочайше утвержден доклад Синода, запрещающий светским лицам «входить в распоряжение» церковными, храмовыми средствами; последние должны были подлежать ведению исключительно духовного начальства. Особенно важно было то, что епархиальным архиереям предписывалось с этого момента ежегодно присылать отчетность о храмовых суммах в Синод и анонсировалось издание Инструкции церковным старостам, которая должна была по-новому регламентировать их деятельность¹⁸⁶. Централизация отчетности была необходимым подготовительным этапом для последующих преобразований.

Инструкция церковным старостам, о которой подробнее мы скажем ниже, была издана в апреле 1808 г. Новое положение старост должно было облегчить запланированное законодателем изъятие приходских средств. В июне последовало само это изъятие. Было предписано все капиталы, находившиеся в приходских церквях к 1 января 1808 г., в течение шести месяцев отослать в духовные консистории с тем, чтобы последние передали их на хранение в государственные кредитные учреждения. Связь этой акции с разрабатываемой реформой духовных школ в тот момент не афишировалась: накопленные в приходах средства изымались «для хранения и приращения на пользу церкви» (это выражение повторялось в указе несколько раз). Этим же указом был тщательно регламентирован механизм передачи средств и документация, в которой фиксировалось их движение. В том числе была описана форма приходно-расходных книг, которые теперь надлежало вести в каждом приходе. При этом после отсылки приходских денег в консистории церковного старосту следовало переизбрать или выбрать впервые там, где ранее он

---

¹⁸⁶ ПСЗ(1). Т. 29. 24 сентября 1806 г. № 22283; Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 24–25; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 803–805.

отсутствовал (например, в помещичьих приходах), чем подчеркивался новый статус этой должности¹⁸⁷.

26 июня 1808 г. император Александр I утвердил доклад Комитета о усовершенствовании духовных училищ «О усовершенствовании духовных училищ; о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства», в котором были сформулированы принципы реформы и давались расчеты ее экономической составляющей. В тот же день Комитет был закрыт и на смену ему пришла Комиссия духовных училищ, которой предстояло реализовать на практике разработанные им принципы¹⁸⁸. В августе того же года была вновь учреждена монополия на продажу церковных свеч. Согласно утвержденному императором докладу Комиссии «О присвоении церквам исключительного права продажи церковных свеч», торговать свечами в розницу могли лишь приходские церкви, а частным лицам было оставлено только право оптовой торговли¹⁸⁹. Таким способом предполагали увеличить свечной доход, на который у правительства также были свои планы.

Последний акт реформы последовал осенью 1808 г. 7 октября Синод по представлению Комиссии духовных училищ своим указом запретил тратить доход от продажи свечей на что-либо иное, кроме закупки свечей, и обязал епархиальных преосвященных забрать из приходов и передать в государственные кредитные организации не только средства, накопленные к 1 января 1808 г., но и весь сбор от продажи свечей за текущий год (за исключением сумм, необходимых для закупки свечей на следующий год). Это постановление расходилось с проектом Комитета духовных училищ, который предполагал, что у церквей будут забирать только *остатки* свечного сбора после осуществления необходимых расходов на содержание приходского храма.

---

¹⁸⁷ ПСЗ(1). Т. 30. 11 июня 1808 г. № 23080; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 803–805.

¹⁸⁸ ПСЗ(1). Т. 30. 26 июня 1808 г. № 23122, 23124; Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 24–25; Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894. С. 20–28.

¹⁸⁹ ПСЗ(1). Т. 30. 28 августа 1808 г. № 23254; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 808–809.

Теперь же было решено изымать *весь* свечной доход. Летом следующего, 1809 г. Синод повторил это распоряжение, и ежегодное изъятие свечного сбора стало правилом. Цели операции теперь были заявлены открыто: деньги пересылались в кредитные учреждения, «имея своим назначением содержание духовных училищ» на имя одноименной Комиссии¹⁹⁰.

Реквизиция приходских средств, подобная секуляризации монастырских имений, прошедшей за 40 лет до этого, вызвала сопротивление прихожан всех состояний: помещиков, крестьян, горожан. Они стремились потратить деньги на нужды своей приходской церкви или просто утаивали их. Осенью 1808 г., чтобы сломить сопротивление прихожан, особенно помещиков, в некоторых местах были привлечены гражданские власти, в том числе полиция. Объяснения, что деньги уже израсходованы, и даже ссылки на архиерейское разрешение осуществить соответствующие траты властями не принимались: прихожанам напоминали, что они по указу 1806 г. не имели права «входить в распоряжение» храмовыми средствами. Несмотря на все усилия размер недоимок был колоссален. Согласно первоначальному распоряжению, деньги следовало собрать за шесть месяцев 1808 г., но и через три года был собран только 1 миллион 220 тысяч рублей вместо планировавшихся примерно 4 миллионов, то есть около 30% расчетной суммы. Взыскание спрятанных денег продолжалось до 1830-х гг., и при Николае I часть сохранявшихся недоимок пришлось списать¹⁹¹.

Инструкция церковным старостам 1808 г.

Инструкция церковным старостам была ключевым законодательным актом, регламентировавшим жизнь православного прихода синодального периода. Появившись в контексте деятельности Комиссии духовных училищ, она была призвана, с точки зрения законодателя, создать такую систему отноше-

---

¹⁹⁰ ПСЗ(1). Т. 30. 8 июня 1809 г. № 23694; Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 52; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 797–803.

¹⁹¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 3б; Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 34–37; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 805–808.

ний в приходе, которая обеспечила бы бесперебойное поступление сумм, вырученных от продажи церковных свечей, на финансирование созданной трудами Комиссии системы духовного образования. Позднейшие авторы, размышлявшие о судьбах прихода в России, так оценивали значение этого документа:

Инструкция 1808 г., несмотря на свою кажущуюся незначительность в ряду других исторических документов, имеющих своим предметом церковное устройство, в судьбах Православия на Руси имеет едва ли не большее значение, чем Духовный Регламент и даже Изложение Большого Московского Собора 1667 года, так как последние законодательные акты касаются главным образом общей организации Церкви и ее внутренних отношений, Инструкция же церковным старостам касается внутренних, хозяйственных отношений прихода – этой, как справедливо называют его славянофилы, клеточки церковного организма: малейшая неисправность в отправлениях этих клеточек является большим органическим злом в жизни всей церкви, слагающейся из этих клеточек¹⁹².

Инструкция церковным старостам состояла из 19-ти статей, к семи из которых были сделаны примечания¹⁹³. Староста определялся в ней как «поверенный прихожан церкви, выбранный из числа их, доверия достойный человек, для хранения и употребления церковных денег, и вообще для сохранения всякого церковного имущества» (ст. 1). Он должен был выбираться прихожанами на три года с возможностью перевыборов (ст. 3). Выборы проходили в присутствии, «при посредстве» благочинного и – что было важнейшим новшеством – с согласия причта приходской церкви и утверждались архиереем (ст. 2). Примечание к этой статье указывало на то, что благочинный при выборах рассматривался законодателями как своего рода третейский судья между причтом и прихожанами, который был обязан «отвращать всякое пристрастие» между ними. Между тем, можно предположить, что в большинстве случаев при наличии разногласий благочинный в силу корпоративной солидарности занимал сторону причта.

---

¹⁹² РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 1а–1а об.

¹⁹³ ПСЗ(1). Т. 30. 17 апреля 1808 г. № 22971; Инструкция церковным старостам, с присовокуплением всех вообще форм. М., 1847.

На старосту, согласно Инструкции, возлагались хозяйственно-финансовые и отчасти контрольные функции. В его обязанности входило «в обыкновенное при священнослужении время» продавать, зажигать и гасить свечи, принимать приношения от прихожан – в виде денег или вещей и продуктов; следить за сохранностью церковных денег и церковного имущества, наблюдать за чистотой в церкви (ст. 5, 7). С согласия причта староста мог иметь одного или нескольких помощников из «людей благонадежных», которые в том числе могли заниматься продажей свеч, если старосте, – например, купцу или дворянину – это было делать неудобно. Но ответственность за правильность операций при этом лежала на одном только старосте, а не на его помощнике (прим. к ст. 7).

Кроме забот о собственно храмовом хозяйстве, староста должен был собирать доход с «экономических церковных заведений», сдававшихся в аренду, и «прилагать попечение о приращении доходов» храма (ст. 11). На него возлагались покупки нужных для церкви вещей, «подряды, починки, постройки», но «не иначе как с предварительного согласия священнослужителей и почетнейших прихожан». Кроме того, в случае необходимости произвести «значущие издержки», а также предпринять ремонт внутри алтаря церкви, нужно было испрашивать разрешение епископа (ст. 12). На старосте же лежал и присмотр за домами для причта, построенными на церковные деньги, а также – забота об их постройке, на что также требовалось дозволение архиерея (ст. 13). При этом в инструкции не был закреплен ни механизм выражения согласия прихожан на действия старосты, ни размер «значущих издержек», на которые требовалась санкция епархиальной власти.

Инструкция регулировала порядок отчетности старосты, причем оговаривала, что она должна вестись в присутствии священно- и церковнослужителей, которые «обязаны ответствовать за исправность» записей, сделанных старостой (ст. 15, прим. к ст. 15). Под наблюдением причта староста должен был вести опись церковного имущества (ст. 5). Ежемесячно в присутствии причта и «почетнейших из прихожан, буде они от того не отрекутся», он

должен был производить освидетельствование и запись в приходно-расходные книги поступивших и израсходованных церковных сумм (ст. 9, 10). Характерно, что присутствие поверенных от прихожан при этой процедуре, согласно приведенной формулировке, было как бы не обязательным. В некоторых епархиях такие поверенные не были известны вплоть до конца XIX века¹⁹⁴. В конце года итоговую отчетную ведомость староста должен был представить вместе с приходно-расходными книгами благочинному (ст. 17).

Во всех своих действиях староста подлежал контролю со стороны причта (ст. 19) и со стороны благочинного (ст. 16). Члены причта имели в этом отношении самые широкие полномочия, так как поводы, по которым они должны были доносить на старосту благочинному или архиерею, были сформулированы предельно обобщенно. Такими поводами были и несоблюдение старостой Инструкции, и нерадение о своих обязанностях, и «непопечительность его о выгодах церковных» (ст. 19).

С другой стороны Инструкция возлагала и на старосту определенные функции контроля за хозяйственными действиями причта. Так, староста должен был следить за соблюдением церковной монополии на продажу свеч, причем объектом его наблюдения в этом отношении были и члены причта, которым запрещалось торговать свечами в розницу (ст. 7)¹⁹⁵. Кроме того, староста должен был следить за тем, как члены причта используют лес (если таковой был у церкви), поскольку торговать им было запрещено (ст. 14). Инструкция содержала категорический запрет и причту, и старосте брать цер-

---

¹⁹⁴ См., например: Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям Епархиального Начальства. М., 1900. С. 62–64 (Правила о порядке выбора представителей от прихожан для проверки церковных сумм, предложенные Преосвященным Викарием Подольской епархии Епископом Димитрием и утвержденные Преосвященнейшим Донатом Епископом Подольским и Брацлавским).

¹⁹⁵ С точки зрения законодателя, это было важное положение, так как представители духовного сословия доминировали среди кустарей, занимавшихся изготовлением церковных свечей. См.: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 17а–17а об. Ср.: *К.И.* Что такое церковный староста? Опыт историко-критического исследования о происхождении и развитии института церковных старост в России. СПб., 1902. С. 12.

ковные деньги на свои нужды, уносить их из церкви домой, ссужать ими кого-либо, пусть даже и другие церкви (ст. 18).

Как видим, согласно Инструкции 1808 г., церковный староста был поставлен под перекрестный контроль – причта, благочинного, епархиальной власти. Причем голос причта здесь оказывался самым значимым; на практике, видимо, даже более значимым, чем голос епархиальной власти. Роль прихожан сводилась только к его выборам; их контроль за деятельностью старосты не носил обязательного характера и по существу был чисто декларативным. Соответственно, несмотря на утверждение статьи 1, староста скорее выступал как помощник причта в хозяйственных делах, чем как поверенный прихода. В этой ситуации контроль со стороны старосты за действиями причта, предписанный ему Инструкцией, также был иллюзорным. Законодатели понимали, что в этих условиях привлечь кого-либо к исполнению обязанностей старосты можно только, посулив награды и освобождение от других повинностей. Это и было сделано в распоряжении Синода, сопутствовавшем изданию Инструкции 1808 г.¹⁹⁶ В описанном виде Инструкция церковным старостам действовала в течение 82-х лет, пока не была пересмотрена в 1890 г. в обер-прокурорство К.П. Победоносцева.

Последствия реформы 1808 г. для православного прихода

Сопrotивление прихожан, которым они встретили изъятие приходских средств, было не единственным последствием проведенной реформы. Предписание отправить в государственные учреждения не только ранее накопленные деньги, но и ежегодный свечной сбор ставило под угрозу функционирование приходских церквей, поскольку свечной сбор был «главным, почти единственным источником дохода» большинства из них, и его изъятие «было равносильно оставлению церковью почти без всяких средств»¹⁹⁷. Прихожане и духовенство оказались перед выбором. Как писал Д.Ф. Самарин, один из

---

¹⁹⁶ Инструкция церковным старостам, с присовокуплением всех вообще форм. М., 1847. С. 9–12 (Распоряжения Синода в связи с именованным указом от 11 июня 1808 г.).

¹⁹⁷ Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 51. См. также: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 4а об.

первых авторов, в открытой печати проанализировавших последствия реформы 1808 г. (см. также: Глава 2 § 9), правительственное предписание можно было бы исполнить и закрыть церкви или не исполнять и представить ложные отчеты и донесения¹⁹⁸. Выбор был сделан в пользу второго пути. В приходах с ведома всех участников операции, а также с ведома, а порой и «под руководством и научением благочинного» возникли две казны: «темные церковные суммы» и «отчетная казна», которая описывалась в приходно-расходных книгах и предъявлялась при ревизиях. Действительный доход от свечей в книгах записывали как кошелек или кружечный сбор или не показывали вовсе, а хранили как «секретную», «темную», «захребетную» сумму. Так родилась теневая приходская экономика¹⁹⁹. Причем объем денежных средств, оказавшихся «в тени», был очень значительным. По подсчетам И.К. Зинченко, одного из знатоков церковного хозяйства XIX в., до 1855 г. ежегодная величина «темных сумм» составляла минимум 3 миллиона рублей²⁰⁰.

---

¹⁹⁸ Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 54–56.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 4а–4а об., 5а об.; Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 54–56; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 809–811.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 11а. И.К. Зинченко (1833–1901) в период написания цитируемой записки был вице-директором канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, человеком близким к К.П. Победоносцеву, в 1893–1901 гг. он возглавлял Контроль при Синоде, занимавшийся ревизией финансов в учреждениях духовного ведомства, также он выступал как публицист и историк. В 1890 г. он опубликовал в XII томе «Русской исторической библиотеки» «Акты Холмогорской и Устюжской епархий» (см.: Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской археографической комиссией. Т. XII. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. 1500–1699. СПб., 1890. С. XIII), которые пользовались неизменным вниманием историков северного прихода (см., например: Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. С. 7). В 1890 г., в момент подготовки новой, победоносцевской редакции Инструкции церковным старостам (см.: Глава 2 § 7) И.К. Зинченко направил обер-прокурору цитируемую нами записку, интереснейший документ, в котором по десятилетиям анализируются последствия реформы 1808 г. К реформе и Инструкции автор относился крайне отрицательно. Но оговаривался, что – по его мнению – реформа, будучи губительна для приходов, состоявших из свободных людей, поскольку «явилась актом, лишаящим их самостоятельности и самодеятельности», одновременно в определенной степени была полезна для приходов из крепостных крестьян, поскольку хотя бы юридически выводила церковное хозяйство из-под власти вотчинника (РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 1а об.–1б об.). До нас дошел черновой, не законченный вариант записки, однако, представляется, что ее вывод прочитывается достаточно легко. Поскольку главным выгодополучателем от проведенной реформы И.К. Зинченко считал приходское духовенство, в основном распоряжавшееся «черными» церковными кассами, он предлагал нанести удар в самое основание сложившейся системы теневого приходского хозяйства и поставить под синодальный контроль епархиальные свечные заводы, находившиеся в ведении епархиальных съездов белого духовенства. Интересно, что в отрицательной оценке реформы 1808 г. и Инструкции церковным старостам бы-

Очень скоро эта ситуация стала очевидна властям всех уровней. Уже в 1820 г. Синод жаловался на то, что свечной сбор уменьшается от «перечисления свечных денег в другие статьи церковных доходов и от утайки свечного дохода и удерживания оного частными лицами»²⁰¹. В 1863 г. митрополит Московский Филарет (Дроздов) писал:

Известно и прискорбно то, что в церквях не вся свечная прибыль показывается и представляется начальству, и вероятно в большей части церквей большая половина оной переходит в кошелевкую сумму; но священник, зная сию неверность церковных старост пред законом, принужден терпеть ее, потому что без сего многие церкви не могли бы удовлетворять своим потребностям, а также и потому, что неудобно преследовать за сие старост, и при таком преследовании не нашли бы желающих принимать должность церковных старост²⁰².

Примерно двумя годами позднее епископ Смоленский Антоний (Амфиатов) разослал духовенству своей епархии циркуляр, в котором описывал ситуацию почти теми же словами. «Известно, – писал он, – что доселе свечной доход почти везде показывался не весь, а только часть его, другая же часть его или обращалась в кошелевкую сумму, или нигде не записанная составляла секретную сумму»²⁰³. Однако правительство не собиралось корректировать избранный курс. На протяжении последующих десятилетий то увеличивали, то пугали тех, кто скрывал истинные размеры свечного сбора. В 1820

ли единодушны люди, занимавшие столь разные церковно-общественные позиции: с одной стороны чиновник обер-прокуратуры И.К. Зинченко, видевший в синодальной системе государственно-церковных отношений естественное продолжение порядков допетровской Руси, и славянофил Д.Ф. Самарин, категорически не принимавший синодальную систему именно как искажение древнерусского идеала отношений Церкви, общества и государства. Известный сейчас вариант записки И.К. Зинченко не подписан, поэтому при первом введении в научный оборот этого документа И.А. Курляндский характеризовал его как анонимный (*Курляндский И.А.* Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности: (1700–1917 годы) // Религии мира: История и современность. 2004. М., 2004. С. 175–176). Однако авторство вице-директора канцелярии обер-прокурора устанавливается вполне уверенно. В тексте записки он упоминает о своей работе над публикацией «Актов Холмогорской и Устюжской епархий» (РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 2а об.). Кроме того, автор записки проводит мысль о царе как верховном ктиторе Русской Церкви, которая содержится и в одном из публицистических выступлений И.К. Зинченко, в статье «О нашем высшем церковном управлении», написанной в апреле 1891 г. по поручению К.П. Победоносцева и подписанной инкогнитонимом «Z» (см. подробнее: *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2006. Сс. 102–103, 123).

²⁰¹ Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 55.

²⁰² Цит. по: *К.И.* Что такое церковный староста? С. 15.

²⁰³ Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 56.

г., когда стала слишком очевидна тенденция к ежегодному уменьшению показываемого в отчетности свечного сбора, было установлено правило начинать официальное расследование в отношении причтов и старост тех церквей, в которых сбор сокращался. Это правило затем вошло и в Устав духовных консисторий 1841 г. С этого момента, чтобы избежать докучливых распросов и предупредить «убытки на консисторское дознание», причты и старосты непременно показывали в своих отчетах увеличение свечных доходов хотя бы на 1–2 копейки²⁰⁴.

И.К. Зинченко полагал, что в первые годы после реформы 1808 г. наличие «темной казны» и ее размер были известны не только причту и церковным старостам, но и всем прихожанам. Тем самым, в приходе существовало как бы два хозяина: официальный – причт с ограниченным в своих полномочиях церковным старостам и неформальный – прежний приход с тем же старостой, действовавшим в рамках своих прежних, освещенных обычаем полномочий. Однако с 1840-х гг. старосты и причт перестали сообщать прихожанам о величине негласных церковных сумм, которые остались в их руках без какого бы то ни было контроля. Как замечал И.К. Зинченко, закон 1808 г. «давал достаточные средства для ведавших церковно-приходскую казну отучить прихожан от вмешательства в церковное хозяйство прихода», но не давал средств эффективного контроля за ними. Контроль за приходским хозяйством со стороны прихожан прекратился, а епархиальное начальство не имело ресурсов для его осуществления. В результате росли злоупотребления и прямое воровство – обычные спутники всякой теневой экономики²⁰⁵. Причем расхищение денежных средств, по мнению И.К. Зинченко, началось уже в 1808 г. при сборе приходских накоплений в Комиссию духовных училищ и происходило на уровне благочиний, духовных правлений и консисторий²⁰⁶.

---

²⁰⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 4б об., 5б; Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 54–56.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 4а–4а об., 5б об.–6а.

²⁰⁶ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Л. 5а об. В своей «Записке» И.К. Зинченко обстоятельно излагает историю ревизии доходов и расходов Комиссии духовных училищ со стороны Министерства финансов, которая была назначена по просьбе самой Комиссии, не справлявшейся с поступавшей отчетностью. Ревизия шла в 1818–1819 гг. и выявила масштабные ошибки, нарушения и

Так, законы 1808 г. породили, по выражению Д.Ф. Самарина, не только теневое церковное хозяйство, но и «нравственное зло» – «терпимое святотатство»²⁰⁷.

Ярко описывал тонкости приходского хозяйства мыслитель, общественный деятель и издатель Н.П. Гиляров-Платонов, занимавшийся в начале 1840-х гг., будучи студентом Московской семинарии, ведением приходно-расходных книг московской церкви святых Флора и Лавра на Зацепе:

Ведение приходо-расходных книг познакомило меня с колоссальным обманом, который совершался на пространстве империи заведомо для всех, не исключая правительства. По закону, тогда существовавшему (придуманному Сперанским), вся прибыль от церковной продажи свечей должна была поступать в Святейший Синод на содержание духовно-учебных заведений, — «на пользу церкви», как значилось в заголовке графы. Теоретически было справедливо: храм не лавочка; коммерческая нажива профанирует веру и противна слову Христа, изгнавшего торжников из дома — молитвы; пусть храм содержится на подаяния, собираемые в «кошелек» и «кружку». Но на деле ни один храм кошелековыми и кружечными сборами содержаться не может. Отсюда обман, к которому вынуждены были прибегнуть причты со старостами: количество проданных свечей, а следовательно, и прибыль с них показывались в меньшем количестве; равно утаивалось и количество огарков, остававшихся от зажигаемых свечей. Наблюдалось одно: лишь бы сумма, отчисляемая «на пользу церкви», оказывалась не меньше отосланной прошлым годом; хоть на одну копейку, да будь больше. Иначе потребуют объяснений, наряжено будет следствие. Я забавлялся и возвышал иногда доход всего на одну четверть или даже на одну седьмую копейки; продолжись закон хотя на сто лет, разорение невелико, придется через сто лет заплатить лишнего один рубль, а то и того менее. Но бывали в иных церквях старосты, прибавлявшие по десяткам и даже сотням рублей сразу. Не для соблюдения правды это совершалось, а для получения медали. Доходы показывались все-таки в уменьшенном количестве против действительного, и об этом, помимо старосты, известно было причту, ходатайствовавшему о награде, принимавшему ходатайство архиерею и самому Синоду, представлявшему старосту к медали. Кто кого обманывал? А между тем выдавались порядком шнуrowые книги, производился ежемесячно и записывался фик-

---

злоупотребления на всех уровнях движения денежных средств. См.: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 46–56.

²⁰⁷ Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 57.

тивный счет денег, книги в каждое □ полугодие отправляемы были на ревизию. И в них все было ложно, насочинено от первой строки до последней²⁰⁸.

По свидетельству мемуариста, искажение финансовой приходской отчетности началось уже в 1806 г., при первоначальном сборе сведений о церковных доходах:

Большинство старост и причтов в намеренно уменьшенном количестве представили церковный свечной доход при самом первоначальном показании, когда опрашивали их еще перед изданием закона об отчислении прибылей: чуяли они, что спрашивают их не к добру. Но были недогадливые и заплатились. «Эта церковь, кажется, богата», — спрашивал я у Алексея Ивановича²⁰⁹, указывая на какую-нибудь. — «Нет, — отвечал он, — почти □ весь свечной сбор приходится ей отсылать; если бы не староста помогал из □ своих средств, в пору бы ее закрывать». Или рассказывалось о другой, как □ стало наконец ей невмоготу, и она начала уменьшать оброк, подвергаясь □ всем неприятностям дознания и следствия. Но следствие велось легко; епархиальная власть знала об истинном побуждении и ему сочувствовала: непосильная дань после фиктивного следствия отменялась, и приходо-расходные □ книги усваивали общую обманную форму²¹⁰.

Естественным образом не только доходы, но и расходы отражались в финансовой отчетности в искаженном виде:

Получая черновые записи от старосты, □я сообразно данной мне инструкции соображал, во-первых, стоит ли такой □ расход заносить в книгу. Например, о наиме певчих можно умолчать. Но вот □ церковь отремонтирована, иконостас позолочен, новое паникадило куплено, — □ на свечные доходы, понятно. Тогда придумываются «доброхотные даяния» □ и «пожертвования» на такой-то определенный предмет от неизвестных или □ от старосты, а расход разбивается на части, чтобы не превысить суммы, □ дозволенной к расходованию без разрешения. Таким образом пишешь: □ «На позолоту иконостаса у такой-то иконы (а позолочен весь иконостас) □ неизвестным пожертвовано сто пятьдесят восемь рублей шестьдесят шесть □ копеек с половиною» (в воровских счетах дроби обыкновенно показываются, □ для лучшего уверения в точности). И так далее, по частям. А о паникади-

---

²⁰⁸ Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания. Тт. 1–2. СПб., 2009. Т. 2. С. 19–20.

²⁰⁹ Настоятеля церкви святых Флора и Лавра.

²¹⁰ Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Т. 2. С. 20–21.

ле □будет внесено в опись: «Старостою церковным пожертвовано паникадило □весом столько-то, из такого-то металла»²¹¹.

Описывал Н.П. Гиляров-Платонов и те обстоятельства, которые создавали условия для злоупотреблений старост и причтов:

Однако доходы не вполне затрачивались. Приход Флора и Лавра был □из богатейших, и староста ежегодно показывал остатки в несколько тысяч. □Что с ними делать? Разместить их приход по «пожертвованиям» и □«даяниям» можно; но закон более полутора ста рублей наличными деньгами □запрещает держать в церковном ящике. Со взносом же в банк староста □и причт лишаются распоряжения своими деньгами; о каждой копейке □после нужно просить разрешения; да покажи, для чего ее надобно вынуть. □Следовательно, весь остаток, свыше полутора ста рублей, остается просто □утаить; в таком смысле и дана мне инструкция. Я исполнил; но по □истечении первого же года увидел, к каким ужасным последствиям приводит □утайка. Я ожидал, что староста черновую запись следующего года начнет □тем остатком, который был им показан в записях прошлого. Напротив, он □начинает с полутора ста рублей, которые мною выведены в показной книге; □о пяти тысячах действительного остатка, значившегося в черновой записи, □ни помина. Остаток, правда, снова выведен в несколько тысяч, но уже от □доходов нынешнего года. Я к Алексею Ивановичу.

— Это прямая кража, — говорю ему. — Позвольте, я выведу полный □остаток, четыре тысячи, как у него показано; внесете в Сохранную казну, □и будет лежать до того, как приступите к постройке церкви. Церковь не □будет нуждаться; на ежегодные расходы будет хватать; видите, второй год по □сколько остается за всеми расходами.

— Нет, оставь, — отвечал честнейший иерей. — Воровства тут не □может быть. Кондратий Степанович (не называю подлинного имени, не хочу □омрачать памяти несчастного) ни копейки не попользуется; я знаю, он мой □сын духовный.

Из того, что староста не каялся на духу в присвоении церковных денег, духовник заключил, что присвоения и не было. Почтенна, умилительна эта □вера в таинство! Но меня младенческая доверчивость чистой души не разубедила²¹².

---

²¹¹ Там же. С. 21.

²¹² Там же. С. 21–22.

Далее мемуарист рассказывал, как после смерти прежнего старосты и выборов нового доходы мгновенно выросли, что дало возможность приступить к перестройке и расширению церкви:

Ясно было для меня, что староста, как новичок, сразу не успел понять возможности в обширных размерах помогать своей коммерции церковными деньгами; может быть, и совесть стесняла. Но после он исправился: в дальнейшие годы он стал показывать остатки уже не в прежнем количестве. Никаких причин между тем не виделось, почему бы умяться доходам; церковь не пустела, народонаселение и число домов в приходе росло; расходы же ординарные не прибавлялись против прежнего. Трудно было удержаться от заключения: не устоял, сердечный, и он против соблазна. Да и сколько героизма, в самом деле, потребно, чтобы воздержаться коммерческому человеку от оборота капиталом, притекающим к нему в бесконтрольное распоряжение!²¹³

В 1870 г. свечной сбор был заменен процентным сбором со всех церковных доходов (см. подробно: Глава 2 § 5), но это существенно не изменило ситуацию. В 1905 г. епископ Архангельский Иоанникий (Казанский) в своем отзыве по вопросу о необходимых церковных преобразованиях приводил следующее заключение одного из благочиннических собраний своей епархии:

Ввиду того, что местные церковные суммы идут на сторону, – причты, а особенно церковные старосты, соблюдая интересы <приходской> церкви, стараются утаивать церковные доходы, чтобы меньшая сумма подвергалась обложению процентным сбором и чтобы в церкви осталось более средств для собственных нужд. Это – очень нередкое явление, и явление крайне прискорбное. Эти тайные, или, как называют их, “захребетные” суммы иногда, при известных обстоятельствах, становятся собственностью нечестных церковных старост или даже посторонних лиц²¹⁴.

Как видим, и в 1900-е гг. положение мало отличалось от того, на что жаловался Синод в 1820-е гг., что видел Н.П. Гиляров-Платонов в 1840-е гг. и на что сетовали архиереи в 1860-е гг. При этом все это не было тайной не

---

²¹³ Там же. С. 22.

²¹⁴ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2. М., 2004. Ч. 1. С. 446–447.

только для иерархов, но и для широких общественных слоев. Как писал в начале XX в. один из публицистов,

преступное, можно сказать, ведение всего церковно-приходского хозяйства при помощи „белых и черных книг”, сделалось „притчей во языцех” и известно всему православному люду на Руси²¹⁵.

Между тем деформациями экономической деятельности прихода не исчерпывались последствия реформы 1808 г. Не менее значимы были социально-психологические последствия. По мере того, как слабело участие прихожан в церковном хозяйстве, проявлялось их охлаждение к интересам приходских храмов, слабело и доверие к церковным сборам и церковной администрации, а это в свою очередь уменьшало их пожертвования. Так ущерб церковным доходам был нанесен «в самом их источнике», поскольку прихожане стали «приметным образом подаянием останавливаться», как писал один из благочинных Казанской епархии своему архиерею в 1824 г.²¹⁶ Одновременно формировались новые отношения между пастырями и паствой. Поскольку средства, собираемые с приходов, шли на финансирование духовных учебных заведений, которые в это время, как мы знаем, носили сугубо сословный характер, получалось, что интересы церкви и приходских обществ приносились в жертву не столько общецерковному интересу, сколько сословному²¹⁷. Причты все более воспринимались как фискальные агенты, представители высших властей, изымающие пожертвования прихожан в их и своих интересах:

Инструкция новым церковным старостам была клином, вбитым в живое тело прихода, произведшим в нем хотя незначительное на первый раз разделение, но пагубное по последствиям: она внесла разлад между паствою и пастырями, создала для последних фальшивое положение в приходе и сделала их двуличными²¹⁸.

---

²¹⁵ [Папков А.А.] Докладная записка о необходимости восстановления «прихода» в качестве церковно-общественной единицы. Б.м., [1902.] С. 6.

²¹⁶ Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 60–62.

²¹⁷ Там же. С. 59; Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Тт. 1–4. СПб., 1906–1907. Т. 4. С. 125 (2-й пагин.).

²¹⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Л. 5а об.

При возникавших пред 19 фев<раля> волнениях в крепостных приходах обнаружилось полное разобщение между приходом и приходским священником, который относим был народом к числу таких же своих неблагожелателей, как помещик, становой пристав и другие государственные чиновники²¹⁹.

Кроме того, реформа 1808 г. привела к атрофии приходских институтов. Приходское собрание могло лишь выбирать старосту, который не был ему подотчетен; институт уполномоченных прихода при проверке церковных сумм, фактически, не прижился; сам староста, как было сказано, был поставлен в совершенно новые условия и, если и мог считаться представителем прихода, то только неформальным. Вот как характеризовало в 1863 г. кризис приходских институтов Присутствие по делам православного духовенства, образованное в 1862 г. для разработки и проведения церковных реформ, состоявшее из высших иерархов и светских сановников²²⁰:

Существуют только в каждой местности, т.е. при каждой приходской церкви, учреждения для участия прихожан в попечении о нуждах церкви и духовенства, выразившиеся в установлении звания церковных старост. <...> Но учреждения сии, подчиненные многим формальностям и всем инстанциям духовного управления, а по отчетности и ответственности их состоящие под влиянием чиновников консисторий, несмотря на продолжительное свое существование не довольно привлекают к себе сочувствия со стороны общества прихожан. Иногда с трудом составляется сколько-нибудь полное собрание прихожан для самого выбора церковного старосты; к ежемесячному счету церковных денег обыкновенно не является никто из прихожан, кроме чрезвычайных случаев и особенного призыва; лица, действительно усердные к церкви, не всегда решаются принять на себя звание церковного старосты, а привлекаемые в оное особыми видами и надеждою поощрений не могут приносить всей ожидаемой от них пользы. Такое равнодушие прихожан к делам своей церкви, очевидно, истекает из полнейшего их безучастия в хозяйственном ее управлении. Несмотря на то, что все расходы по богослужению покрываются средствами прихода, сей последний не только не имеет никакого участия в распоряжении суммами, но даже и не знает об их употреблении. Право присутствовать при ежемесячном счете церковных денег не только не может быть признано преимуществом, но даже равняется тяжкой обязанности, ибо известно, что, по общему зако-

---

²¹⁹ Там же. Л. 7а.

²²⁰ Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 246–268.

ну, за целостность сумм отвечают все участвовавшие в свидетельствовании оных. После этого понятно то уклонение от счета церковных денег, которое замечается повсюду. Понятно также, почему до сих пор церковные старосты почти нигде не исполнили возложенной на них 13 пунктом инструкции 1808 года обязанности заводить при церквах дома для жительства священно-церковно-служителей²²¹.

Как видим, Присутствие прекрасно отдавало себе отчет в кризисе прихода и в его причинах. Аналогичное понимание ситуации демонстрировал и отзыв М.А. Корфа, главноуправляющего II отделения собственной императорской канцелярии на один из проектов, разработанных Присутствием²²². Подобным образом видели ситуацию и представители белого духовенства. Протоиерей Александр Иванцов-Платонов в своих очерках под общим названием «О русском церковном управлении» писал в начале 1880-х гг., что приходское собрание, хотя и не запрещено, но на деле собирается не чаще, чем раз в три года, да и то для соблюдения формальности; приглашение прихожан для проверки церковных сумм «почти нигде не соблюдается, да и самые ежемесячные проверки церковных сумм в большей части приходов совсем не производятся»²²³. Через 10 лет И.К. Зинченко, как бы подводя итог почти столетнему существованию Инструкции церковным старостам, подчеркивал, что она имела самые пагубные последствия для жизни приходов, была «актом, лишаящим их самостоятельности и самодеятельности»²²⁴. Еще через 16 лет, в эпоху первой революции публицист и общественный деятель Н.Д. Кузнецов так говорил о печальном результате атрофии приходских институтов:

Подрыв всякого значения в приходе начала церковно-общественного, отсутствие какого-либо объединяющего дела и забот на пользу общую сопровождалось тем, что русские люди сделались совершенно не способны рассматривать себя в

---

²²¹ Цит. по: *Панков А.А.* Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900. С. 7–8.

²²² См.: Там же. С. 18–25.

²²³ *Иванцов-Платонов А.М., прот.* О русском церковном управлении. Двенадцать статей из №№ 1–16 газеты «Русь» 1882 года. СПб., 1898. С. 53–55.

²²⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Л. 16 об.; *Курляндский И.А.* Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности. С. 175–176.

качестве членов известного прихода и сознавать хоть какую-либо нравственно-духовную связь с другими людьми, принадлежащими к тому же приходу²²⁵.

Кроме того, он добавлял, что не объединенный с духовенством общими заботами о благе церкви народ стал смотреть на его представителей как на должностных лиц, приставленных к учреждению со своими интересами, а то и лишь как «на людей, извлекающих из своего положения выгоду и средства к жизни. Такой взгляд заражает и само духовенство»²²⁶.

У реформы 1808 г. были и иные, может быть, не столь масштабные, но не менее болезненные последствия. Комитет и комиссия духовных училищ первоначально планировали за счет собранных с приходов и размещенных под проценты на государственное хранение средств финансировать не только систему духовного образования, но и обеспечить приходские причты постоянным жалованием. Однако решение второй задачи в условиях сопротивления приходов оказалось невозможным, Комиссия отказалась от этого, сосредоточившись только на реформе духовных учебных заведений²²⁷. Но и последние так и не получили в полном объеме того финансирования, которое предполагал им выделить Комитет. В результате уже в 1830-е гг. многие семинарии находились в бедственном положении «за совершенным недостатком материальных средств для их содержания», их здания ветшали без необходимого ремонта, учащиеся жили в малопригодных для этого помещениях, часто в антисанитарных условиях²²⁸. Наконец, с «крайним худосочием» прихода и с падением авторитета приходского духовенства современники напрямую связывали распространение сект²²⁹.

Таким образом, в ходе разработки и реализации реформы 1808 г. в полной мере проявил себя утилитарный подход государства к Церкви и, в част-

---

²²⁵ Журналы и протоколы... Т. 4. С. 125 (2-й пагин.).

²²⁶ Там же.

²²⁷ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 809–811; РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Л. 5а об.

²²⁸ *Самарин Д.* Приход. Ч. 1. С. 58; *Титлинов Б.В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Выпуск первый. (Время Комиссии духовных училищ). К столетию духовно-учебной реформы 1808 года. Вильна, 1908. С. 325–373; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 452.

²²⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Л. 12а об.

ности, к приходу. Ежегодные отчисления свечного сбора – главной статьи дохода приходского хозяйства – по сути представляли собой «государственное тягло», барщину, возложенную в этот раз не на сословие, а на приходское общество. Так это понимали и авторы XIX в., например, И.К. Зинченко, который прямо писал, что приход был приведен «в положение *крепостного*» по отношению к церковной администрации, которая составляла «одну из отраслей государственной жизни», то есть к самому государству²³⁰.

---

²³⁰ Там же. Лл. 8б, 9б об. Курсив в цитате принадлежит ее автору. – А.Б.

ГЛАВА 2. ПРИХОДСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ И В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1860-Е – 1900-Е ГГ.)

§ 1. Как выглядел приход в 1860 и 1913 гг. с точки зрения статисти- ки

Прежде чем перейти к описанию приходских преобразований эпохи Великих реформ, проанализируем статистические данные о состоянии православного прихода. При стремлении к всесторонней регламентации церковной жизни, свойственной законодательству синодального периода (см.: Глава 2 § 8), определение прихода в нем отсутствовало. Так, в одном из центральных законодательных актов эпохи – «Уставе духовных консисторий» речь шла о действиях и обязанностях духовенства и прихожан в отношении приходской церкви и ее хозяйства, но не содержалось определения прихода²³¹. Все это дало основание современному исследователю сказать, что разработанное определение прихода в русском церковном праве было дано только Священным Собором 1917–1918 гг.²³²

По сути, в имперский период нормативные акты избегали говорить о приходе как религиозной общности. Это происходило неслучайно, поскольку, как было сказано (см.: Глава 1 §§ 1 и 2), на рубеже XVII–XVIII вв. светские и церковные власти вели наступление на самостоятельность низовых религиозных структур. В этом контексте в законодательстве, начиная с «Духовного регламента», фиксировались обязанности духовенства, церковных

---

²³¹ Устав духовных консисторий, изъясненный 1. Полным собранием свода законов Российской империи. 2. Статьями духовного регламента. 3. Указами святейшего Синода. С приложением подлинного текста. 1. Инструкции благочинным белого духовенства. 2. Инструкции благочинным монастырей. Первый полный с объяснениями сборник действующих по Духовному ведомству узаконений: Настольная книга / под ред. *Ф.В. Ливанова*. СПб., 1871. С. 99–106.

²³² *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. С. 235; Обзор канонических норм об участии мирян в церковной жизни см.: в: *Лукашева С.С.* Миряне и Церковь: религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI века. М., 2006. С. 41–49.

старост, прихожан, но не прихода как целого. Его существование, по сути, игнорировалось.

Игнорирование прихода как религиозной и социальной общности в имперском официальном дискурсе проявлялось не только в отсутствии его определения, но и в том, что приход не учитывался церковной статистикой. Основными единицами статистического описания низовой церковной жизни были *церкви* (храмы) и *духовенство*. Поэтому мы *не имеем* точных сведений о том, сколько в империи было православных приходов²³³. Чтобы получить сколько-нибудь релевантные цифры, мы должны прибегнуть к серии вычислений. Механизм наших подсчетов описан в Приложении 1, а в таблицах этого приложения представлены соответствующие результаты. Мы сопоставили данные по двум хронологическим точкам. Первая – 1860 г., это канун Великих реформ, начало изучаемого нами периода. Вторая – 1913 г., это последний предвоенный год, последний год стабильного существования Российской империи и приходской сети Российской Православной Церкви, а также – последний год изучаемого периода, по которому мы имеем полную статистику. С другой стороны, мы проанализировали статистику по всем епархиям, находившимся на территории империи, сгруппировав их по регионам. Увидеть региональный срез этих данных нам представляется особенно важным: он позволяет проследить местные особенности церковной жизни в империи, кроме того, цифры по регионам более релевантны для сопоставления, поскольку границы епархий менялись, границы же регионов были более устойчивы. В Приложении 1 представлены все собранные нами данные; в Таблице II.1 они суммированы.

---

²³³ Ср.: *Луппов П.* Краткий статистический обзор условий религиозно-просветительной деятельности Российской Православной Церкви при изменившемся устройстве России и по отделении Церкви от государства // Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 427.

Таблица П.1. Статистические данные о развитии приходской сети в Российской империи между 1860 и 1913 гг. по регионам

Регионы	Приходские церкви		Священники «епархиального ведомства»		Среднее число прихожан на одного священника «епархиального ведомства»		Средняя площадь православного прихода (км ²)	
	1860	1913	1860	1913	1860	1913	1860	1913
Центр	11581	12932 (+11,7%)	13602	15185 (+11,6%)	1271	1637 (+28,8%)	56,3	50,4 (-10,5%)
Север и Северо-запад	2561	3207 (+25,2%)	2908	3674 (+26,3%)	1460	1691 (+15,8%)	744,3	492,9 (-33,8%)
Поволжье и Урал	5238	8250 (+57,5%)	6453	10136 (+57,0%)	1869	2093 (+12,0%)	280,7	178,2 (-36,5%)
Новорос-сия	1300	3222 (+147,9%)	1854	4208 (+127,0%)	1756	2654 (+51,1%)	374,1	150,9 (-59,7%)
Малорос-сия	4000	4499 (+12,5%)	4185	4920 (+17,6%)	1459	2297 (+57,4%)	51,9	46,2 (-11,0%)
Запад-ный	5147	6290 (+22,2%)	4710	5725 (+21,6%)	1136	2038 (+79,4%)	132,3	108,2 (-18,2%)
Сибирь и Дальний Восток	1175	2764 (+135,2%)	1316	3239 (+146,1%)	1908	2496 (+30,8%)	11975,0 ²³⁴	4905,4 (-59,0%)
Всего по импе-рии²³⁵:	32895	43424 (+32,0%)	37397	49641 (+32,7%)	1381	1965 (+42,3%)	657,2	502,0 (-23,6%)

Источник: Приложение 1. Таблицы 1–4.

Мы наблюдаем практически синхронный рост числа приходских церквей и приходских священников²³⁶. Наиболее интенсивно это происходило в Новороссии и Сибири. В обоих случаях проявил себя эффект «низкого старта»: в середине XIX в. в этих регионах было наименьшее число храмов и пастырей. При этом максимальное их количество и в начале, и в конце изучаемого периода было в центральном регионе, который по площади соответствовал чуть более чем 5% площади Сибири. Между тем для осмысления эволюции приходской жизни более показательны не столько абсолютные цифры, сколько их сопоставление с числом прихожан и с территорией, на ко-

²³⁴ Включая русские владения в Америке.

²³⁵ Включая Кишиневскую, Туркестанскую, Финляндскую епархии и Грузинский экзархат.

²³⁶ При подсчетах мы учитываем именно количество священников, а не число приходского духовенства в целом (в него входили также диаконы и псаломщики), поскольку именно на священников ложилось основное бремя пастырской работы в приходе.

торой приходилось действовать приходским пастырям. Еще в 1890-е гг. на это указал пионер отечественной церковной статистики И.В. Преображенский. Он первым подсчитал, какое число прихожан приходилось в середине и в конце XIX в. на одного приходского пастыря. Позднее подобные подсчеты независимо от И.В. Преображенского предпринял Г. Фриз²³⁷. И И.В. Преображенский, и Г. Фриз вычисляли искомую величину для всей империи без учета региональных особенностей. Мы детализировали эти данные для епархий и регионов (Приложение 1. Таблица 3, а также Таблица II.1).

Подсчеты показывают, что имевший место рост числа церквей и священников далеко не соответствовал потребностям населения. Так, если православное население империи за 50 лет выросло на 88,9%, то число церквей центрального, самого густонаселенного региона – только на 11,6%, то есть в 8 раз отставало от роста населения. В некоторых епархиях (например, в Калужской) рост количества церквей составил всего шесть единиц за 53 года! В этой ситуации неуклонно росло число прихожан, приходившееся на одного приходского пастыря, и медленно сокращалась средняя территория прихода²³⁸. К 1913 г. число прихожан, с которыми предстояло иметь дело приходскому священнику, практически по всей империи достигло 2000 человек, а местами и перевалило за эту цифру. Особенно острой на протяжении всего периода ситуация была в Сибири. В 1860 г. максимальное число прихожан на одного священника приходилось в обширнейшей Камчатской епархии (2859),

---

²³⁷ Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. / Составил магистр Ив. Преображенский. СПб., 1901. С. 39, 43–44; Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. Pp. 62–65, 97–101, 459–461. Г. Фриз в своей фундаментальной монографии 1983 г. вычислял число прихожан, приходившееся на одного священника, как отношение всего православного населения империи к числу *всех* наличных священников, в том числе служивших в иных ведомствах и в кафедральных соборах. Мы в наших подсчетах старались учитывать только тех пастырей, которые могли служить именно в приходах (см.: Приложение 1. Таблица 3). Поэтому наши данные отличаются от данных Г. Фриза в большую сторону.

²³⁸ Именно сочетание этих двух показателей позволяет оценить степень ежедневной нагрузки, которая ложилась на приходских пастырей, ведь их служение предполагало регулярные, если не постоянные, поездки по приходу. Поэтому служение в относительно малолюдных, но обширных по территории приходах русского Севера, было не менее напряженным, чем в многолюдных, но гораздо более компактных приходах Центра и Малороссии. А самым тяжелым с этой точки зрения, наверное, было бремя духовенства Урала и Сибири с их и исключительно обширными, и многолюдными приходами.

которая в тот момент включала в себя и русские владения в Америке, а минимум – в Грузинском экзархате (435). В 1913 г. максимальное число мирян, обращавшихся к одному приходскому пастырю, было в Томской епархии (3182): крестьяне-переселенцы стремительно наполняли здешние приходы, священников явно не хватало. Минимум прихожан в 1913 г. снова был у священников Грузинского экзархата (798). В начале XX в. по-прежнему существовали регионы, где средняя площадь православного прихода превосходила тысячу квадратных километров. Причем речь шла не только о зауральских епархиях, но и о таких епархиях европейской части как Архангельская (1695,7 км²) и Астраханская (1150,2 км²). Самыми компактными были приходы Центра и Малороссии. Лидировали по этому показателю Московская (25,7 км²) и Подольская епархии (28,1 км²). Впрочем, подсчеты не учитывают разницу между городскими и уездными приходами, которая в случае, например, Московской епархии могла быть существенной.

Г. Фриз поставил данные об отношении числа прихожан к приходским пастырям по Российской империи в более широкий контекст, сравнив их с аналогичными данными по европейским странам. Мы последуем его примеру (см.: Таблица II.2). Американский историк показал, что число прихожан, приходившееся на одного священника в России, соответствовало примерно среднему уровню протестантских стран Европы. И в первой половине, и в середине XIX в., и в начале XX в. оно было выше минимума, который приходился на Данию, Англию и Швецию, но уступало Норвегии, Финляндии, Пруссии, и Германии в целом. Однако, как отметил Г. Фриз, проблема заключалась в том, что обязанности протестантских пасторов и православных священников существенно отличались. Последние должны были не только проповедовать, но и по меньшей мере несколько раз в неделю совершать богослужение и многочисленные требы по просьбам прихожан, для чего им часто приходилось путешествовать по территории своего прихода. Служебную нагрузку православного приходского священника скорее нужно сопоставить с обязанностями не пасторов, а католических кюре во Франции. И мы видим,

что последние были в гораздо более благоприятном положении, чем их коллеги в России. Разница между количеством прихожан у типичного русского священника и французского кюре в начале XX в. отличалась более чем в 2,5 раза. Причем если во всей Европе, включая Россию, отношение числа прихожан к одному пастырю на протяжении XIX в. росло, то во Франции оно за вторую половину столетия даже несколько уменьшилось. К сожалению, у нас нет данных о количестве прихожан, приходившихся на одного священника в православных странах Южной Европы и в православных регионах Османской и Австро-Венгерской империй. Описания путешественников дают основания полагать, что соответствующее отношение было меньше, чем в России²³⁹.

Таблица II.2. Изменение среднего числа прихожан, приходившихся на одного священника, в разных европейских странах в XIX – начале XX вв.

Исповедание и страна	До середины XIX в.		Середина XIX в.		Начало XX в.	
	Отношение	(год)	Отношение	(год)	Отношение	(год)
Католическое						
Франция	303	(1790)	752	(1848)	739	(1904)
Протестантское						
Дания	775	(1800)	1279	(1855)	1791	(1900)
Англия	1101	(1841)	1054	(1861)	1800	(1911)
Финляндия	1114	(1800)	1801	(1860)	2864	(1900)
Германия (вся)	–	–	1429	(1840)	2273	(1910)
Норвегия	1884	(1800)	3164	(1855)	3103	(1900)
Пруссия	1050	(1822)	1729	(1847)	2166	(1901)
Швеция	684	(1800)	1278	(1860)	1843	(1900)
Православное						
Российская империя	1008	(1824)	1381 (+37,0%)	(1860)	1965 (+42,3%)	(1913)

²³⁹ Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Pp. 62–65, 97–101, 459–461; Михаил, иеромонах. Очерк преобразования строя церковного управления в Константинопольском патриархате в 1858–1900 годах // Православный собеседник. 1902. Июнь. С. 57–126.

Источник: Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Pp. 99, 460; Приложения 1. Таблица 3 (по Российской империи за 1860 и 1913 гг.; за 1824 г. данные заимствованы у Г. Фриза).

Современники понимали, что ситуация с религиозным окормлением православных мирян в Российской империи постепенно ухудшается, что рост числа приходов и духовенства не соответствует духовным нуждам паствы. В конце XIX в. об этом писал И.В. Преображенский:

Несмотря на то оживление религиозного духа в православном русском народе, которое характеризует последнее из взятых нами десятилетий и которое несомненно доказывается, между прочим, и статистическими данными, приходится сделать то общее заключение, что по сравнению с 1840 г. внешнее состояние Церкви в 1890 г. почти по всем из рассмотренных сторон ее не находилось еще на той степени развития, которое соответствовало бы умножению паствы отечественной Церкви за пятидесятилетний период. <...> в 1890 году недоставало против 1840 года: 25 епархий <...> 11160 церквей, 18068 священников и 13274 диаконов²⁴⁰.

Священники жаловались на обширные территории приходов²⁴¹; сетовали на политику сдерживания строительства церквей в небогатых селах²⁴². Они описывали последствия этой политики, в частности, специфические практики, возникавшие в деревнях, удаленных от приходских храмов. Речь шла о домашних молитвах крестьян, в которых лидирующую роль начинали играть «старцы» (в данном случае – нищие-слепцы). Причем эти практики

---

²⁴⁰ Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. С. 43.

²⁴¹ См., например: «Вместе с тем, когда по дальности расстояния своих прихожан по целым годам не видишь в храме или видишь редко, часто не без изумления встречаешь в своем храме лиц чужого прихода, не только в праздник за Богослужением, но и в будни с заказами поминов по усопшим, говеющими, причащающимися, ищущими руководства; это все – в свою очередь лишённые за большим расстоянием возможности слышать глас своего пастыря по целым годам». – Семов Г., священник. Желательная мера // Орловские епархиальные ведомости. 1904. № 6. 8 февраля. С. 161.

²⁴² «Мы знаем по опыту, что получить разрешение строить храм весьма трудно; сплошь и рядом по бедности деревенских жителей им не дозволяют иметь у себя храм. Есть епархии, где на целые десятки верст от храмов разбросаны деревни, это – при нашем бездорожье! Не так будет у старообрядцев: при первой же возможности у них будет молитвенный дом в каждой деревушке. Им никто не скажет слова: вы бедны, оставайтесь без храма!». – Нужды приходской жизни // Вологодские епархиальные ведомости. 1905. № 19. 1 октября. Прибавления. С. 402.

порой сохранялись и после того, как в данном поселении открывалась церковь²⁴³. Неутешительный итог имперской политике в области развития приходской сети в 1918 г. подвели сотрудники осведомительно-статистического отдела при Высшем церковном совете. Их подсчеты показали, что тенденция, которую в конце XIX в. с тревогой наблюдал И.В. Преображенский, только усилилась в начале XX столетия. Они писали:

Эта прибыль <увеличение числа приходского духовенства>, на первый взгляд значительная, в сущности оказывается крайне ничтожной: за 75 лет (1840–1915) православное население увеличилось на 157%, а число священников всего на 31%. И таким образом отношение между численностью православного населения и количеством православных священников с точки зрения религиозно-просветительного дела, стало вдвое более неблагоприятным: <...> жатва каждого священника возросла почти на 3/4 (на 71 процент)²⁴⁴.

Выводы церковных статистиков относились как к динамике изменений численности духовенства, так и к динамике увеличения количества приходских храмов:

И с точки зрения пространства, и с точки зрения численности православного населения, Россия весьма нуждается в увеличении количества православных церквей, в открытии новых приходов. Между тем дело это развивается слабо, как можно судить по опубликованным данным, хотя бы последнего времени. <...> Для удовлетворения этого прироста <православного населения>, считая 1 церковь на 2000 человек, нужно было бы устраивать теперь ежегодно не менее 780 церквей (а не 422 и 518); да и при этом условии мы только поддерживали бы на одном уровне отношение между численностью церквей и православного населения, несколько не улучшая его относительно населения в благоприятную сторону. А так как в действительности число православных церквей, вновь устраиваемых, значительно менее той нормы, которая требуется приростом населения, то естественно, что в России <...> отношение между численностью православного населения и количеством право-

---

²⁴³ –*овь*. Трудности пастырского служения в разбросанном приходе // Орловские епархиальные ведомости. 1904. № 15. 11 апреля. Часть неофициальная. С. 379–380. Так политика по сдерживанию строительства приходских церквей уже на рубеже XIX–XX вв. вела к возникновению явлений, ставших широко известными в советский период в рамках так называемой «катакомбной» религиозной субкультуры. Ср.: *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 202–227.

²⁴⁴ *Луптов П.* Краткий статистический обзор... С. 428.

славных церквей становится с каждым годом все более и более неблагоприятным²⁴⁵.

Причины такого положения коренились в особенностях государственной политики в отношении православного прихода. Как мы увидим ниже, власти искусственно сдерживали рост числа церквей, ставя во главу угла материальное обеспечение духовенства.

§ 2. Православный приход и реформы 1860-х годов

Церковные преобразования эпохи Великих реформ и проблема материального обеспечения духовенства

Кризисное состояние православного прихода в Российской империи стало очевидно уже в середине XIX в., в самом начале царствования императора Александра II, которому в будущем предстояло стать «царем-освободителем», а правлению которого суждено было войти в историю под именем эпохи Великих реформ. Эти масштабные преобразования, по замыслу реформаторов, призваны были демонтировать социальную систему, основанную на сословной регламентации, и создать всесословные институты, которые бы способствовали модернизации социальной и экономической жизни страны. Именно в контексте подготовки и реализации Великих реформ была сделана первая после 1808 г. попытка преобразовать православный приход и внести изменения в его устройство. Приходские преобразования 1860-х гг., пожалуй, наиболее полно – по сравнению с иными попытками приходских реформ – описаны в историографии²⁴⁶. Это позволяет нам охарактеризовать только самые главные их черты. Прежде всего, напомним, что приходская

---

²⁴⁵ Там же. С. 425–426.

²⁴⁶ Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898; Панков А.А. Начало возрождения...; Панков А.А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. СПб., 1902. С. 143–164; Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Pp. 286–297; Римский С.В. Русская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 328–362; Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 209–219; Прокофьев А.В. Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание приходского духовенства. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010; Панкрат Т.В. Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX — начало XX столетия). М., 2011.

проблематика рассматривалась реформаторами в контексте преобразований статуса и материального положения православного духовенства империи.

Мы видели, что в допетровской Руси формы обеспечения духовенства отличались определенным разнообразием, но доминировали среди них наделение духовенства землей и ругой от общины или вотчинника, а также плата за требы (см.: Глава 1 § 1). В течение синодального периода это разнообразие постепенно исчезало. Так, духовенству было запрещено заниматься коммерческой деятельностью, держать лавки (хотя это право сохранялось у вдов из духовного сословия). В итоге к середине XIX в. основными были три способа материального обеспечения духовенства: плата за требы и календарные сборы с прихожан, обработка причтовой земли, государственные выплаты²⁴⁷.

Плата за требы была из этих способов самым древним. Она собиралась деньгами или натурой и, несмотря на неоднократные попытки регламентации по стороны правительства, определялась скорее обычаями, а не писанными правилами²⁴⁸. Также традиционен был размер периодических сборов

---

²⁴⁷ Подробно о проблеме материального обеспечения духовенства в синодальный период см.: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 669–850; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 357–371; *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. С. 148–165; *Белякова Н.А.* Материальное положение приходского духовенства во второй половине XIX века // *Приход. Православный экономический вестник.* 2004. № 2; *Мангилева А.В.* Материальное положение духовенства по данным клировых ведомостей Верхотурского уезда за 1808 и 1818 гг. // *Известия Уральского ГУ.* 2007. № 53. С. 153–161; *Калашиников Д.Н.* «Молитесь чаще, нам прибыли больше!»: К вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Челябинского ГУ.* 2010. № 10. С. 129–135; *Мангилева А.В.* Материальное положение городского духовенства Пермской Епархии накануне Церковных реформ Александра II // *European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук).* 2014. № 9. Том 1. С. 352–357; *Мангилева А.В.* Материальное положение духовенства Пермской Епархии на «частновладельческих» приходах накануне Церковных реформ Александра II // *European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук).* 2014. № 8. Том 3. С. 307–313; *Мангилева А.В.* Материальное положение духовенства Пермской Епархии на приходах горного ведомства накануне Церковных реформ Александра II // *European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук).* 2014. № 6. Том 1. С. 463–469; *Мангилева А.В.* Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* 2014. № 9. С. 65–71; *Мангилева А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства пермской губернии в XIX — начале XX в. С. 267–339. Обзор других новейших работ по этой тематике см.: *Мангилева А.В.* Современная историография истории духовного сословия в России XIX — начала XX в. // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии.* 2013. Вып. 1(5). С. 138–139.

²⁴⁸ Ср.: *Руновский Павел, свящ.* Какие меры к восстановлению нормальных отношений между пастырями и пасомыми требуются со стороны современного духовенства? // *Руководство для сельских пастырей.* 1887. № 11. С. 371–373.

с прихожан хлеба, зерна, холста и т. п., приуроченных к большим праздникам, например, к Рождеству, Пасхе, Петрову дню или Покрову. Денежное выражение этих поступлений было не очень значительным. В Москве в середине XVIII в. плата за крестины, венчание или отпевание колебалась в пределах от 10 до 50 копеек. В других местах она была еще меньше. Причем размер платы менялся со временем очень медленно, понятно, что священники стремились увеличить его, «торгуясь» с прихожанами, что было чревато конфликтами²⁴⁹. Также духовенство пыталось умножить число поводов к пожертвованиям. Например, авторы 1880-х гг. описывали практически одни и те же формы дополнительных сборов с прихожан, бытовавших в это время в Великороссии и в Малороссии. Так, сбор «под кадило», собирался на всеобщей под великие праздники во время каждений на величании и на 9-й песне канона. При первом каждении пожертвования собирали священник (деньги ему клали в ризу) и диакон (ему клали в подсвечник); при втором каждении операцию повторяли второй священник и пономарь. Сбор «под крест» совершался в конце литургии при раздаче нарезанных или целых просфор, причем второй священник иногда становился с крестом и просфорами у западных дверей храма. Сбор, именовавшийся «стояние с рукою», собирался с причастников по субботам Великого и Успенского постов, когда было принято причащаться. Духовенство храма, включая младших членов клира в конце литургии вставало на солее, а перед отцами вставали их дети, и все с протянутой рукой собирали медные деньги. Авторы обращали внимание, что размер последнего сбора мог быть относительно большим: дети набирали до 30 копеек²⁵⁰. Но каким бы ни был реальный размер сбора его форма более всего напоминала просьбу о милостыне. В самом существенном моменте своей повседневной жизни священнослужители оказывались зависимы от прихожан и крайне этим тяготились. Действительно, получение да-

---

²⁴⁹ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 673–677, 679–687.

²⁵⁰ Левашов Аркадий, *свящ.* Отрывки из моего дневника // Руководство для сельских пастырей. 1880. № 32. С. 350–368; Заметка по поводу статьи о. Левашова: «Отрывки из моего дневника» // Руководство для сельских пастырей. 1880. № 33. С. 374–384.

же заранее оговоренной платы часто оборачивалось унижительным торгом, описания которого во множестве разбросаны по публицистике, мемуарам, записям этнографов²⁵¹. Унижительность платы за требы и «поручных сборов» была очевидна и иерархам, и государственным мужам, которые уже в начале XVIII в. предлагали отменить плату за требы и заменить ее более твердым способом обеспечения духовенства, например, за счет наделения его землей или постоянным жалованием.

В допетровской Руси, как говорилось ранее, земля, выделявшаяся причтам общиной или вотчинниками, хотя и закреплялась за церковью, по сути, оставалась в распоряжении ктиторов, как это видно из спора митрополита Маркелла и псковских церковных старост (см.: Глава 1 § 1). Кроме того, эта земля и после выделения церкви или причту оставалась тяглой, обложенной государственными налогами и повинностями. Такое положение не устраивало правительство и церковные власти, поэтому начиная примерно с 1620-х гг. они предпринимали усилия по наделению храмов землями, которые были бы в полном распоряжении причтов. Выделялись тогда относительно небольшие участки земли (5–10 десятин, то есть 5,5–11 га), к тому же это происходило очень медленно и не во всех местностях, а с 1680-х гг., после составления последних писцовых книг наделение землей, фактически, остановилось. Оно возобновилось в 1765 г. при Екатерине II в контексте генерального межевания земель. Теперь приходским церквям, находившимся на помещичьей земле, предписывалось отводить не менее 33 десятин, из них 30 десятин (32,7 га) пахотной земли и 3 десятины (3,3 га) покосов. Однако это распоряжение встретило сопротивление частных владельцев, и наделение церковей землей растянулось на десятилетия²⁵². В 1828 г. правительство снова энергично взялось за обеспечение духовенства землей, кроме того, было указано строить причтовые дома, которые были бы закреплены за приходским храмом, а не находились бы в частной собственности клириков. Несмотря на множество

---

²⁵¹ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни. С. 367–373.

²⁵² Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 720–776; Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 366–367.

указов и другие предпринимаемые властями меры, наделение землей шло медленно и не было завершено и в начале XX в.²⁵³.

Между тем способ материального обеспечения причтов через обработку выделенной на храм земли не был идеален, что осознавали представители иерархии и государственные деятели на протяжении всего имперского периода. Главное затруднение состояло в том, что коль скоро священнику приходилось самому обрабатывать церковный надел, от этого серьезно страдали его пастырские обязанности. Сельскохозяйственный цикл в России приходился на сравнительно короткий промежуток времени, когда от землепашца требовалось максимальное напряжение сил. Поэтому, по признанию современников, у занятого на поле священнослужителя в весенние и летние месяцы не было времени не только на совершение треб, на напутствие умирающих и крещение младенцев, но и для совершения регулярных служб. Иногда церкви стояли закрытыми на протяжении многих недель, или службы в них совершались очень рано, поскольку клирики спешили поскорее с ними закончить, чтобы уйти на поля. Помимо таких явных неудобств, некоторые современники были уверены, что крестьянский труд унижает священный сан, поскольку «сельские попы» оказываются, по словам И.Т. Посошкова, ничем «от пахотных мужиков не отменны»²⁵⁴.

Кроме того, эффективность хозяйствования на земле церковных причтов была заведомо ниже, чем крестьян. Последние обрабатывали свои наделы силами своих больших семей: отцы косили и пахали вместе с сыновьями, женщины участвовали в уборке урожая. Членам причтов в XIX в. приходилось полагаться только на себя: их сыновья находились в семинариях, поднимать пашню в семьях духовенства было просто некому. Священнику приходилось прибегать к «помочи» своих прихожан. Но это было не всегда вы-

---

²⁵³ ПСЗ(2). Т. 4. 6 декабря 1829 г. № 3323; *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 819–824; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 367–368.

²⁵⁴ Цит. по: *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 357. Другие аналогичные высказывания деятелей XVIII–XIX вв. см: Там же. С. 357, 359, 368.

годно и создавало новый повод для зависимости клириков от их паствы²⁵⁵. Нужно также учитывать, что земля в разных регионах приносила разный доход. И если в южных и юго-западных епархиях церковные наделы давали вполне удовлетворительный, а иногда и значительный урожай, то в Нечерноземье и на Севере они представляли собой скорее обузу для причтов²⁵⁶. В этих условиях многим представителям духовенства все более привлекательным казался другой способ материального обеспечения – в виде жалования.

Идея обеспечить духовенство жалованием либо прямо из казны, либо за счет специального церковного налога озвучивалась уже в начале XVIII в. и затем не раз повторялась в течение синодального периода. К практической реализации этих предложений правительство приступило только в 1830 г., когда причтам бедным приходов западных епархий начали назначать очень небольшие «вспомогательные» оклады из государственного казначейства. Правительство при этом исходило из идеи о необходимости поддержать православное духовенство, находящееся в католическом окружении. В 1841 г. в тех же западных епархиях были назначены оклады причтам приходов, перешедших в православие из греко-католичества²⁵⁷. К концу 1840-х гг. государственные выплаты постепенно распространились на другие епархии – сначала

---

²⁵⁵ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 837–839.

²⁵⁶ Конечно, при определенных обстоятельствах и навыках священнослужители извлекали порой значительный доход и из той земли, что находилась у них в распоряжении. Так, некоторые из них активно занимались садоводством или разведением иных промысловых культур (сведения из центрального региона), другие – разводили молочный и мясной скот, причем в объемах, явно ориентированных на рынок (сведения с Урала). В этих случаях, поскольку заниматься торговлей самому духовенству было запрещено, фрукты и продукты животноводства сдавались торговцам, и это давало значительный доход в хозяйстве клириков. Однако этот хозяйственный успех не был повсеместным и массовым. См., например: *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Т. 1. С. 311–313; Воспоминания Алексея Михайловича Альбицкого (1840–1919), священника села Шекшова Суздальского уезда // Страницы истории России в летописи одного рода: (Автобиографические записки четырех поколений русских священников): 1814–1937 / сост., коммент. *Л.П. Соколовой-Ковальчук*. М., 2004. С. 123; *Мангилева А.В.* Материальное положение духовенства по данным клировых ведомостей Верхотурского уезда за 1808 и 1818 гг. С. 153–161. Ср. с другой стороны сведения из Тверской епархии о том, что хозяйство духовенства не носило товарного характера: *Мангилева А.В.* Повседневная жизнь сельского прихода в 1-й половине XIX века (по материалам «Дневника сельского священника») // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 259, прим. 15.

²⁵⁷ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 700–701, 824–826; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 359–365.

ла юго-западные, потом великороссийские. В 1844 г. оклады были установлены бедным причтам Олонецкой и Архангельской епархий, в 1847 г. – Смоленской, в 1849 г. выплаты начали осуществляться в некоторых частях Сибири, потом в Поволжье и на Урале²⁵⁸. К концу царствования Николая I «вспомогательные» оклады получали причты 13862 церквей в 33 епархиях. Число таких причтов позднее увеличивалось. К 1862 г. выплаты получали 17547 причтов, то есть 47% причтов империи²⁵⁹. Тем самым, за 30 лет оклады не были назначены и половине причтов страны. Само духовенство встретило начало выплат из государственного казначейства с энтузиазмом, ожидая значительного облегчения своего положения²⁶⁰.

Однако ранее назначенный оклад не подвергался корректировке в изменяющихся экономических условиях и постепенно обесценивался. К 1860-м гг. на каждого получающего выплаты священника приходилось в среднем 105–107 рублей в год, что было равно годовому доходу беднейших слоев населения страны в 1860-е гг. Жалование «получало значение только вспоможения от правительства – не более»²⁶¹. Поэтому духовенство продолжало обращаться к плате за требы, несмотря на то, что официально причтам получающим оклады это было запрещено. Тем самым, государственные выплаты не избавили священно-церковнослужителей от зависимости от прихожан, но, один раз начавшись, они сформировали мечту о достаточном казенном жаловании. Именно о нем писало большинство представителей клира, высказывавшихся о лучшем способе материального обеспечения духовенства в 1860-е гг. Одновременно эти авторы резко реагировали на предложения славянофильской печати обеспечить священно-церковнослужителей иным способом, в том числе, за счет приходов, которым при этом предлагалось предоставить

---

²⁵⁸ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 830–837.

²⁵⁹ Там же. С. 836.

²⁶⁰ [Белюстин Иоанн, свящ.] Описание сельского духовенства. Berlin, Paris, London, 1858. С. 69–71, 90–91; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 824–825; Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 266.

²⁶¹ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 836.

большую самостоятельность²⁶². Но правительство не могло взять на себя столь масштабные финансовые обязательства, необходимые для полного и достаточного обеспечения духовенства империи казенным жалованием.

В современной историографии поставлен вопрос, в какой степени жалобы духовенства на бедность и необеспеченность были отражением реального жизненного уровня членов духовного сословия, не было ли в этих жалобах преувеличения. Историки XIX и первой половины XX вв. в целом были склонны доверять тем оценкам, что сами священнослужители давали своему материальному положению. Так, П.В. Знаменский признавал сетования духовенства справедливыми и писал, что в публицистических выступлениях 1860-х гг. «само духовенство с грустной правдивостью изобразило свою унижительную нищету»²⁶³. Аналогичного мнения придерживался и И.К. Смолич. Вместе с тем, Б.Н. Миронов не принял на веру жалобы клириков и предпринял попытку оценить достаток духовенства с помощью статистических методов. Согласно его подсчетам, реальные доходы членов духовного сословия за синодальный период (1714–1913 гг.) выросли в 3 раза. По его данным, к началу XX в. священники были обеспечены так же, как младшие офицеры и мелкие чиновники²⁶⁴. В связи с этим А.В. Мангилева, также с осторожностью относящаяся к сетованиям духовенства, заметила, что петербургский историк не учитывает того обстоятельства, что священник был старше младшего офицера и, в отличие от него, имел семью, как правило, многодетную²⁶⁵. Ее собственные подсчеты, сделанные на материале Пермской епархии, показывают более сложную картину. С одной стороны, выясняется, что духовенство имело дополнительные и порой немалые источники доходов, которые, как правило, не отражались в общей статистике, с другой стороны, мы видим

---

²⁶² Там же. С. 842–844; *Гиляров-Платонов Н.П.* Вопросы веры и церкви. Сборник статей 1868–1887 гг. Т. 1–2. М., 1905–1906. Т. 2. С. 243–250. См. также: Глава 2 § 9.

²⁶³ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 702.

²⁶⁴ *Миронов Б.Н.* Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 157; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 109–110.

²⁶⁵ *Мангилева А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства пермской губернии в XIX — начале XX в. С. 267.

значительную дифференциацию членов сословия с точки зрения их благосостояния. Так, духовенство приходов Горного ведомства чувствовало себя более уверенно, чем члены причтов частновладельческих приходов; не было единства среди городского духовенства: здесь присутствовали как благополучные, так и очень нуждающиеся причты; во всех приходах наблюдался значительный разрыв в уровне доходов между священниками и причетниками²⁶⁶. Между тем Б.Н. Миронов пришел к выводу, что в целом в Российской империи уровень неравенства среди причтов разных приходов к началу XX в. был относительно невелик: он был примерно таким же, как уровень неравенства среди служащего дворянства, и значительно меньшим, чем уровень неравенства среди дворян-землевладельцев²⁶⁷.

Однако нам представляется, что феномен имущественной дифференциации духовного сословия требует дальнейшего углубленного изучения на региональном материале. Свидетельства современников наводят на мысль о существовании значительной дифференциации между деревенским духовенством и городским, между священно- и церковнослужителями малых и крупных городов, между священниками и псаломщиками, наконец, между духовенством северных, центральных и восточных областей и южных и юго-западных с более плодородной землей. Кроме того, материальное положение причтов, даже если в целом не ухудшалось с течением времени, было подвержено колебаниям, как, например, это происходило в неурожайные годы и в годы Первой мировой войны. Но, главное, «поручные сборы» продолжали оставаться основной формой содержания духовенства, и именно способ их

---

²⁶⁶ Мангилева А.В. Материальное положение духовенства по данным клировых ведомостей Верхотурского уезда за 1808 и 1818 гг. С. 153–161; Мангилева А.В. Материальное положение городского духовенства Пермской Епархии накануне Церковных реформ Александра II. С. 352–357; Мангилева А.В. Материальное положение духовенства Пермской Епархии на «частновладельческих» приходах накануне Церковных реформ Александра II. С. 307–313; Мангилева А.В. Материальное положение духовенства Пермской Епархии на приходах горного ведомства накануне Церковных реформ Александра II. С. 463–469; Мангилева А.В. Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II. С. 65–71.

²⁶⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 109–110.

получения, связанный с постоянным унижительным «торгом» с прихожанами, более всего тяготил клириков.

В связи с проблемой материального обеспечения духовенства нужно рассматривать и практику перемещения священно- и церковнослужителей с прихода на приход. Она активно развивалась именно в XIX в. и в конце столетия стала очень заметным явлением. У перемещений приходского духовенства было два аспекта. С одной стороны, епископы часто использовали перевод на другой приход как средство наказания действительно провинившихся или оклеветанных, например, помещиками – это было особенно распространено в дореформенный период – или прихожанами. В этом случае перемещения были поводом для сетований со стороны духовенства на епископский произвол. С другой стороны, значительная часть переводов совершалась по просьбам самих священников, которые стремились перейти на лучшее, более доходное место²⁶⁸.

Именно последний тип перемещений, по признанию самих священников, в последней четверти XIX – начале XX вв. превратился в некоторых епархиях в настоящую «эпидемию». Пастыри писали, что случаи перемены за время пастырской службы до 10 и более приходов перестали быть редкостью. Характерно, что некоторым священнослужителям приходилось объяснять своим собратьям с опорой на Священное Писание и постановления церковных соборов ненормальность практики переводов. Понятно, что столь широкое распространение этой практики не способствовало установлению доверительных отношений между прихожанами и пастырями²⁶⁹. Такая ситуация заставила епархиальных преосвященных брать от определявшихся на

---

²⁶⁸ См. подробное описание ряда священнических ходатайств в: *Мухин И.Н.* Образование новых церковных приходов в пореформенной России: по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии // Шатурская Мещера. 2009. Вып. 2. Шатура, 2009. С. 203–230.

²⁶⁹ Один сельский священник, добившийся в 1891 г. перевода в губернский город, был возмущен «чисто мужицкой неблагодарностью» прихожан, которые, узнав о его переходе, начали требовать вернуть деньги, пожертвованные ими на поминовение, и размышлять, не подать ли на него жалобу преосвященному. Реакция прихожан, действительно, обнаружила их мелкую мстительность, но и батюшка увидел в ней только неблагодарность грубых крестьян, а не разочарование поступком священника, которого они, «по общему их признанию», считали хорошим и успели полюбить. См.: *Дневник священника Иоанна Зарецкого*. [1891–1895]. Калуга, 2007. С. 14–17.

приходы клириков расписки с обязательством не просить о переводе с данного прихода до истечения пяти или иного количества лет. Одним из первых к таким распискам прибег в 1883 г. митрополит Киевский Платон (Городецкий). Вскоре его примеру последовали преосвященные Минской, Полтавской, Архангельской и некоторых других епархий²⁷⁰.

Ярко описывал ситуацию, в которой оказывались архиереи в связи с практикой переводов клириков, в 1906 г. епископ Могилевский Стефан (Архангельский). Он, с одной стороны, признавал, что у священнослужителей могли быть уважительные причины для просьб о переводе.

Но, с другой стороны, ничто так не расстраивает добрых отношений пастырей к своему архипастырю, как ничем не ограниченное право искать перемещения с прихода на приход. Не говорю уже о том, что при каждом случае освобождения какого-либо хорошего прихода епископ заваливается не десятками, а иногда сотнями прошений. Сколько труда требует одно прочтение этих прошений! Сколько времени у епископа отнимается на выслушивание личных просьб кандидатов, ищущих этого прихода! Каждый из них старается доказать, что только он заслуживает этого прихода; почти каждый старается кроме действительно существующих мотивов найти и мотивы несуществующие, но более или менее резонные²⁷¹; почти каждый, требуя внимания, справедливости и милости к себе, забывает, что все это епископом должно быть оказано и другим кандидатам. После ознакомления не только с прошением, написанными иногда на нескольких листах, формулярными списками просителей, после трудов может быть целой ночи, место замещается. Из 60–70–100 просителей удовлетворяется один. Остальные в редком случае признают справедливость сделанного назначения: им известны были лишь их собственные нужды и заслуги; им остались неизвестны труд епископа и его усилия решить дело справедливо и беспристрастно; они в лучшем случае остались недовольны, раздражены, – в худшем – они озлобились против своего архипастыря, и забывая его сан, не щадя его даже как носителя благодати, поносят, как только подсказывает им их

---

²⁷⁰ Брояковский *Сератион, свящ.* Взгляд пастыря на перемещения пастырей с прихода на приход // Руководство для сельских пастырей. 1887. № 9. С. 294–298; *Пр. М. Е-го.* О переходе священников с прихода на приход // Руководство для сельских пастырей. 1887. № 13. С. 447–456.

²⁷¹ Упомянутый выше сельский священник, помимо материальных причин, называл в своем дневнике и иные: «Грешный человек, признаюсь откровенно, что еще подстрекает меня так скоро искать лучшего видного места, преимущественно в губернском городе, гордость житейская: служить в маленьком приходе, куда до меня присылали штрафованных священников и на который все смотрят к[а]к на плохое место, мне, окончившему курс учения в числе первых учеников (6-е место), чувствуется неловким, к тому же и все знающие меня говорят, что я не на своем месте...». – Дневник священника Иоанна Зарецкого. С. 14.

раздражение и озлобление. А если произойдет возможная со всяким человеком ошибка в оценке заслуг и нужд просителей, тогда нет конца самым дурным предположениям²⁷².

В конце 1850-х гг. непростое материальное положение причтов и связанные с этим проблемы были осознаны высшей властью и правительством. Разрешение этих проблем стало главной задачей реформаторов, планировавших церковные преобразования 1860-х гг. При этом именно духовенство было главным предметом их заботы, приход же оказывался только источником возможного повышения благосостояния священно- и церковнослужителей. В целом в рамках церковных преобразований Александровского царствования можно выделить два основных направления: разрушение сословной замкнутости духовенства (подробнее см.: Глава 2 § 5) и попытка улучшить его материальное положение через более активное привлечение прихожан к материальной поддержке своих приходских пастырей. Инструментом такой мобилизации прихожан должны были стать приходские попечительства, созданные в 1864 г.

Организация приходских попечительств и братств

Учреждению попечительств предшествовали попытки создания новых приходских институтов в отдельных районах империи. В 1859 г. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, поддержанной архиеп. Иннокентием (Вениаминовым), были приняты Правила обеспечения духовенства в Амурской и Приморской областях. Этот документ предусматривал создание приходских советов, которые должны были взять на себя заботу о содержании причта, о благотворительной и просветительской деятельности прихода. Также в компетенцию советов входило осуществление хозяйственной деятельности в приходе, причем – как в части заведывания церковным, так и собственно приходским хозяйством. В состав совета должны были входить священнослужители, церковные старосты,

---

²⁷² Журналы и протоколы... Т. 2. С. 56–57.

сельские начальники (в селах), выборные от прихожан. Предполагалось, что председателем совета на селе непременно будет священник, а в городе – его будут выбирать члены совета. Проект этот получил одобрение Синода и в декабре был утвержден императором. Однако фактически реализовать этот план на Дальнем Востоке не удалось. В 1867 г. архиеп. Иннокентий писал в Петербург, что приходский совет открыт был только в городе Благовещенске, но вскоре прекратил свое существование. Среди причин неудачи архиепископ указывал на отсутствие постоянных жителей в городах (одни служащие по прошествии времени сменялись там другими) и крайнюю бедность сельского населения. Вместе с тем, сам проект амурских приходских советов и – что не менее важно – одобрение его Синодом оказали заметное влияние на дискуссии вокруг приходских институтов в 1860-е гг. и продолжали оказывать это влияние вплоть до 1900-х гг.²⁷³.

Уже в 1861 г. правила об амурских и приморских приходских советах были взяты за основу Комитетом по западным епархиям, который разрабатывал свой проект улучшения материального положения духовенства. Он однако не получил развития и был передан на усмотрение Главного присутствия по делам православного духовенства, которое начало свою работу в 1863 г.²⁷⁴ Впрочем, в начале 1862 г. выяснилось, что приходские советы уже действуют в Новороссии в селениях бывших пахотных солдат, переданных в 1857 г. из Военного министерства в Удельное ведомство. Последнее решило возложить функции ктиторов на приходские советы (ранее их выполняли офицеры), воспользовавшись при их организации Правилами для Амурской и Приморской областей. Примечательно, что советы были учреждены Удельным ведомством без каких-либо консультаций с Синодом, который совер-

---

²⁷³ Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 329–331, 359.

²⁷⁴ Главное присутствие по делам православного духовенства существовало в 1863–1885 гг. (в реальности прекратило свою деятельность в 1880 г.) и было ведущим органом, занимавшимся разработкой церковных реформ эпохи Александра II. Им были подготовлены основным законодательные акты, призванные преобразовать материальное положение духовенства и его сословный статус. Наряду с этим центральным органом действовали губернские присутствия по делам православного духовенства. И в Главном, и в губернских присутствиях значительную роль играли представители светской бюрократии. См.: Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 254–270; Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. С. 212–219.

шенно случайно узнал о существовании приходских советов в бывших военных поселениях из донесений духовенства Киевской, Херсонской, Харьковской и Екатеринославской епархий. Причем советы оказались подотчетны не епархиальным властям, а светским – волостной расправе и окружному начальнику. Они взяли под свой контроль доходы и расходы приходских церквей, чем вызвали явное неудовольствие духовенства. Епископы поддержали священнослужителей, предложив в своих замечаниях на Правила о церковных советах в округах Южных поселений изъять из компетенции советов собственно церковное хозяйство. В этих замечаниях содержалось также предложение выработать «единые и полностью соответствующие церковному праву инструкции» для всех областей империи²⁷⁵. В итоге вопрос о приходских советах поступил на рассмотрение Главного присутствия по делам православного духовенства, которое с начала 1863 г. приступило к выработке специального положения о новом приходском органе. Причем работа эта в Присутствии испытывала ощутимое влияние светской бюрократии.

2 августа 1864 г. император утвердил Положение о приходских попечительствах при православных церквях²⁷⁶. Состав попечительств формировался из неперменных членов, к которым относились священнослужители прихода и церковный староста, а также волостные старшины или головы (в сельских приходах), и из членов попечительств, избираемых прихожанами (ст. 2). Выборы этих членов проходили на общем собрании прихожан. В него входили все домохозяева прихода и те, кто домами в приходе не владели, но имели право участвовать в собраниях местного городского или сельского общества, или дворянского собрания (ст. 9). Тем же приходским собранием избирался и председатель попечительства (ст. 3). Последнее должно было ежегодно отчитываться перед общим собранием прихожан (ст. 8), а собрание могло избирать уполномоченных для проверки деятельности попечительств (ст. 13). Це-

---

²⁷⁵ Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 331–333, 335–336.

²⁷⁶ ПСЗ(2). Т. 39. Отд. 1. 2 августа 1864 г. № 41144. См. также: Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 328–362; Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. С. 211–215; Курляндский И.А. Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности. С. 178–180; Прокофьев А.В. Приходская реформа 1864 года... и др.

ли деятельности попечительств, на которые они могли тратить собранные ими средства, согласно Положению, ограничивались тремя основными направлениями: заботой о нуждах приходской церкви, заботой о нуждах причта, а также – о благотворительной и просветительской деятельности (ст. 5). Источником средств были добровольные пожертвования прихожан (ст. 6).

Однако с помощью попечительств изменить уровень благосостояния духовенства не удалось. Попечительства оказались чуждым новообразованием на приходском теле, подозрительным как для духовенства, так и для большинства прихожан, особенно крестьян. Священники опасались (отчасти обоснованно), что выборные председатели попечительств постараются оттеснить их от ведения церковно-приходского хозяйства. Сказывался недостаток средств прихожан, особенно на селе, и как следствие – медленное распространение попечительств и очень скромные их возможности, разногласия внутри них.

В результате даже по официальной статистике, склонной приукрашивать положение, число попечительств росло медленно (см.: Приложение 2. Таблица 1). В 1860-х гг. они существовали только в 1/5 части приходов; в течение 1870-х и начале 1880-х гг. в среднем – в 1/3, и лишь к концу 1890-х гг., то есть через 30 лет после реформы, их число приблизилось к половине приходов Российской Церкви, но и тогда не достигло этой величины. При этом реально действующих приходских попечительств было значительно меньше. Современники подчеркивали, что значительное число попечительств значилось лишь на бумаге²⁷⁷. Другие, проработав один или два года, прекращали свою активную деятельность, впадали в «спячку». Изучение отчетов обер-прокурора показывает, что в отдельные годы сотни попечительств официально прекращали свою деятельность. Так, к началу 1870 г. чиновники обер-прокуратуры недосчитались 868 попечительств, значившихся открытыми в предыдущем году, в 1876 г. – 118, в 1878 г. – 276, в 1882 г. – 298. В 1896 г.

---

²⁷⁷ См., например, сообщения ряда преосвященных: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 108 (Тамбовская епархия), 379 (Оренбургская), 560–571 (Тверская), 847 об. (Самарская).

они уже официально указали в отчете на закрытие 286 попечительств. Впрочем, в 1870-е число вновь регистрировавшихся попечительств позволяло фиксировать в отчетах обер-прокурора численный рост этих организаций. Однако в начале 1880-х уже официально было зафиксировано сокращение их общей численности: в 1883 г. – на 427 попечительств от уровня 1881 г. При анализе приведенных данных следует учитывать и то обстоятельство, что рост числа попечительств относительно числа православных приходов империи в 1875–1878 гг. происходил на фоне значительного сокращения численности последних: в 1877 г. она достигла минимума за десятилетие.

Кроме того, основной статьей расходов попечительств стала не поддержка священнослужителей, а украшение храмов (см.: Приложение 2. Таблица 2). Напротив, на содержание причтов даже по официальной статистике попечительства в среднем тратили не более 5–7% своих сборов (в 1860-е – 4,5%, в 1870–1880-е – 6,8%, в 1890-е – 6,6%)²⁷⁸. При этом при некотором росте пожертвований на содержание причтов во второе и третье десятилетия существования попечительств в отдельные годы достигавшем 8% и 9% от общей суммы пожертвований, во второй половине 1890-х снова наблюдалось сокращение этой статьи расходов менее чем до 6%. Таким образом, главная цель попечительств, формулировавшаяся реформаторами, никогда не была достигнута.

На этом фоне интересно, как соотносились в структуре пожертвований попечительств нужды храма и благотворительные учреждения прихода. Первая из этих статей явно преобладала на всем протяжении истории попечительств: ее доля никогда не была меньше 3/4 общего объема пожертвований.

---

²⁷⁸ Интересно, что пожертвования попечительств в Великом княжестве Финляндском имели иную структуру. Так, в 1897 г. здешние попечительства определили на благоустройство церквей 77,4% своих сборов, на благотворительные цели – 3,2%, на содержание причтов – 19,4%. На храмовые нужды здесь, как и везде, шла львиная доля пожертвований, но сумма, уделявшаяся причтам, достигала размера, какого никогда не достигала эта статья на остальной территории империи. См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 58–61 (2 пагин.). И это при том, что на территории Финляндии все городское и частично сельское духовенство пользовалось казенным жалованием. См.: Православная церковь в Финляндии. СПб., 1893. С. 77–78, 15–23 (2 пагин.).

При этом в начале существования этих приходских организаций доля их сборов на благотворительные нужды была самой значительной и приближалась к 1/5 общего объема сборов. Однако в 1870–1880-е гг. эта статья уменьшается в среднем до 1/10. Пожертвования из сферы приходской благотворительности уходят и обращаются в первую очередь на храмовые нужды (средний рост этой статьи составляет примерно 5%) и на содержание причтов (средний рост – около 2%), чтобы в 1890-е гг. снова вырасти примерно на 5% за счет пожертвований на украшение и содержание церквей. Увеличение благотворительной деятельности попечительств в последнее десятилетие XIX в., хотя и не достигшее уровня 1860-х гг., думается, было связано с реакцией прихожан на голод 1891–1892 гг., выразившейся, в том числе, и в активизации благотворительной деятельности попечительств.

Причину такого распределения расходов некоторые современники – не только светские, но и церковные – видели в непросвещенности прихожан, в непонимании ими смысла христианской помощи бедным²⁷⁹. Однако, как мы увидим ниже, далеко не всегда это подозрение было справедливым. Активная деятельность попечительств в период голода 1891–1892 гг. свидетельствует об обратном. С другой стороны в нежелании прихожан жертвовать своим пастырям мы можем усмотреть признак все большего отчуждения между сословно-замкнутым духовенством и его паствой. Впрочем, американский исследователь В.Ф. Шевцова отметила, что согласно представлению большинства крестьян, поддерживавшемуся проповедниками и адресованной массовому читателю религиозной литературой XIX в., жертва на храм имела особенно глубокий религиозный смысл, поэтому при скудости средств и при необходимости выбрать между пожертвованием на храм, на школу или в помощь священнику большинство прихожан естественно выбирали первое²⁸⁰. Возможно, однако, что два последних мотива (отчуждение от духовенства и особый статус жертвы в пользу приходской церкви в сознании верующих)

---

²⁷⁹ Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010. С. 117–118.

²⁸⁰ Там же. С. 112–119, 155.

часто «работали» одновременно, вследствие чего основные расходы попечительств концентрировались именно вокруг возведения и «благоукрашения» храмов. (Подробнее о состоянии приходских попечительств в 1890-е гг. см.: Глава 2 § 4).

Помимо организации приходских попечительств, в эпоху 1860-х гг. получил права на законное существование еще один институт, который мог способствовать развитию приходской жизни, – церковные братства. Если инициатива в создании попечительств и их предшественников церковных советов принадлежала в первую очередь местным светским властям, то в случае с братствами она принадлежала священникам, прихожанам и епископам юго-западного края, особенно – митрополиту Киевскому Арсению (Москвину), который выступил как горячий сторонник этих организаций. При обсуждении проектов положений о попечительствах и братствах в присутствии по делам православного духовенства он предлагал распространить опыт Киевской епархии на всю империю и вместо попечительств создавать именно братства как организации более церковные и способствующие сплочению ревностных прихожан вокруг пастыря²⁸¹. В 1862–1863 гг. братства в западных епархиях появлялись стихийно, что однако беспокоило представителей светской бюрократии. В начале 1864 г. вопросом о братствах заинтересовался лично министр внутренних дел П.А. Валуев, который вынес его на обсуждение Присутствия по делам православного духовенства и затем составил проект правил о братствах. Этими правилами местная инициатива «в видах правительства» ставилась под контроль причем не только духовных, но и светских властей. (Уставы каждого новообразованного братства архиерей обязан был согласовывать с губернатором.) Сфера деятельности братств ограничивалась благотворительными и просветительскими задачами, а географически – только западным краем. Позднее их деятельность разрешено было перенести и во внутренние губернии России, но здесь они должны были

---

²⁸¹ Папков А.А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900. С. 11–15.

заниматься, прежде всего, миссионерской, особенно – «противораскольнической и противосектантской» деятельностью. Формализация братского движения заметно охладила инициативу его участников. Если к началу 1864 г. число братств, существовавших в западных епархиях, было более двухсот, то после издания правил, с 1864 г. по 1880 г. было основано всего 63 братства²⁸². К тому же они не представляли собой спаянных единым религиозным порывом приходских объединений, о которых так ратовал митрополит Арсений. Скорее это были благотворительные общества с определенной специализацией, существовавшие при поддержке влиятельных особ, как светских, так и духовных. Основная масса братчиков, по наблюдению одного из авторов 1890-х гг., состояла не более как из «единиц, платящих 2, 3, 5 руб. в год членских взносов и сим только ограничивающих все свое соприкосновение с братством»²⁸³. Тем самым, и братства не внесли сколько-нибудь заметного вклада в возрождение приходской жизни этого периода.

Укрупнение приходов

Между тем последнюю ждало в годы Великих реформ настоящее испытание. Осознав, что организация попечительств не решит проблему материального обеспечения духовенства, правительство при обер-прокуроре Святейшего Синода Д.А. Толстом решило пойти по другому пути: укрупнения приходов с одновременным сокращением численности причтов. Укрупнение приходов должно было идти путем сокращения их численности: одна из приходских церквей должна была стать приписной и лишиться своего самостоятельного духовенства. По мысли реформаторов, это должно было значительно увеличить доходы оставшегося на приходах духовенства, поскольку на каждого из приходских клириков теперь приходилось бы большее число прихожан. Подобные мероприятия не были новостью. Они уже были опробованы

---

²⁸² Там же. С. 11; *Папков А.А.* Церковные братства. СПб., 1893; *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 362–369.

²⁸³ *Заозерский Н.А.* Братское дело в православной России: По поводу брошюр господина Папкова и священника Фуделя о церковных братствах и приходских попечительствах // Богословский вестник. 1894. Т. 4. № 10. С. 184 (2 пагин.).

ваны, хотя и не в масштабе всей империи и без значительного успеха, в годы николаевского царствования, в 1829, 1842, 1846 гг. Теперь же предполагалось пересмотреть границы приходов и состав церковных причтов по всей стране.

Соответствующее положение было утверждено 16 апреля 1869 г. Характерно, что составление нового штатного расписания было поручено не епархиальным властям, а губернским присутствиям по делам православного духовенства, в которые входили и светские чиновники. Перекройка приходского ландшафта планировалась значительная. Только в 18 епархиях планировалось лишить самостоятельности 2 тысячи приходов и вывести за штат почти 15 тысяч священно- и церковно-служителей, из них – почти полторы тысячи священников. Новая реформа встретила скрытое сопротивление православного епископата и открытое возмущение со стороны прихожан, которые были глубоко оскорблены таким отношением к ним властей. Как писал один из современников, «во всем законодательстве нет подобного примера, когда бы ради личных интересов сословия так бессовестно пренебрегли высшим благом миллионов»²⁸⁴. Однако и само духовное сословие было подавлено проводившейся реформой. Клирики, надеявшиеся на назначение жалования и его не получившие, оказались перед угрозой лишиться места и средств к существованию. Разочарование и беспокойство приобрели широкие масштабы; на местах клирики интриговали друг против друга, чтобы при начале сокращения причтов не оказаться среди уволенных.

Между тем реальное сокращение приходов и причтов не шло в сравнение с планами. За 10 лет в 41 епархии сократили около 2 тысяч приходов (хотя планировали такое число сократить в 18 епархиях) и вывели за штат 17344 клириков (638 священников, 4904 диаконов и 11802 причетника) вместо 26178 планировавшихся. С приходом в обер-прокуратуру в 1880 г. К.П. Победоносцева укрупнение приходов было остановлено, а затем и отменено.

---

²⁸⁴ Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 533. Ср.: Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 1. Крестьянское дело. М., 1903. Т. 2. Статьи о приходе. Статьи разнородного содержания. М., 1908. Т. 2. С. 97–115.

Отзывы с мест ясно говорили о том, что благосостояние причтов не повысилось, а доходы от прихожан не увеличились, как ожидалось, а уменьшились²⁸⁵. Несмотря на свою очевидную неудачу, реформа нанесла церковной жизни заметный урон. Как писал епископ Минский Евгений (Шершилов),

сокращение приходов весьма неблагоприятно повлияло на прихожан; почти все они стали питать неприязненное отношение к духовенству, считая его единственно виновником реформы и самую реформу объясняя его своекорыстием. А при отчужденности прихожан от духовенства не может быть, конечно, и речи об улучшении материального быта его, стоящего в зависимости от доброго расположения первых²⁸⁶.

Попытки приходских преобразований 1860–1870-х гг., в целом неудачные показали, что имперское правительство, как и в начале XIX в., продолжало смотреть на приход и на прихожан сугубо с утилитарной точки зрения, рассматривая его как средство достижения «высших», государственных целей, которые в данном случае состояли в улучшении материального положения духовенства. Причем инициативу, проявляемую «снизу», как было в случае с братствами, правительство воспринимало настороженно и стремилось поставить ее под свой контроль. Между тем мы увидим, что неудача церковных преобразований в рамках Великих реформ показала необходимость продолжения церковно-преобразовательной деятельности и вызвала обсуждение, в том числе, и темы православного прихода.

§ 3. Приход в городе и на селе

Приход и урбанизация

Социальные и экономические реформы 1860-х гг. дали толчок промышленной революции, а вместе с ней – российской урбанизации, развитию городов и росту городского населения. Урбанизация в России отличалась некоторыми особенностями. В частности, во многом индустриализация, а вслед за

---

²⁸⁵ Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Pp. 363–383, 400–409; Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 518–546.

²⁸⁶ Цит. по: Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 542.

ней и урбанизация носили «рассеянный» характер, в равной степени охватывая как города, так и сельскую местность. Кроме того, рост городского населения в значительной степени происходил за счет трудовых мигрантов, переселившихся в города лишь на время. За 40 лет, с конца 1850-х до конца 1890-х гг. численность постоянного городского населения выросла на 175%, а наличного городского населения на 131%; последняя цифра составила более 12 миллионов человек. За этот же период доля горожан в населении страны поднялась с 7,2% до 12,5%, а к 1910-м гг., учитывая поселения, фактически, бывшие городами, но формально сохранявшие свой сельский статус – почти до 20% населения²⁸⁷.

Доля мигрантов среди новых горожан была значительной. В Петербурге в 1900 г. только 1/3 его жителей родилась в столице, остальные были приезжими. Причем большинство переселенцев воспринимало свою жизнь в городе как временную. Среди них преобладали женатые мужчины, которые оставили свои семьи в деревне, или неженатые, но не спешившие обзавестись семьей. Подобным образом вели себя и женщины-работницы. Большинство из них составляли незамужние крестьянки, которые приезжали в города, чтобы заработать себе на приданое и вернуться в деревню. Вообще крестьяне среди приезжих составляли большинство (72% некоренного населения Петербурга). Аналогичная ситуация была и в других крупных городах²⁸⁸.

Для развития городского прихода эти процессы имели первостепенное значение. Приходская сеть, развитие которой сдерживалось искусственно²⁸⁹, не успевала за ростом населения в целом, а в городах в особенности, не хватало и священников, которые могли бы окормлять растущую паству. По признанию самих представителей духовенства, городские приходы в рабочих районах были огромны, не спасало положение и открытие особых церквей

---

²⁸⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 315–317; Там же. Т. 2. С. 381.

²⁸⁸ Там же. Т. 1. С. 317.

²⁸⁹ Меры, направленные на ограничение строительства новых церквей, принятые еще в XVIII в. (см.: Глава 1 § 2), подтверждались на протяжении всего синодального периода. В частности, в 1905 г. Синод предписал епархиальным преосвященным не возбуждать новых ходатайств об открытии приходов «до более благоприятного времени». См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2434. Л. 8.

при предприятиях. Петербургские священники говорили о существовании приходов с численностью в 30 тысяч прихожан и более. В Покровском округе Владимирской губернии существовали 40-тысячные рабочие приходы. Служение в таких приходах было особенно тяжелым. Священник, как ни старался, не мог подходить индивидуально к каждому из прихожан. Большинство из них были сезонными рабочими, пришедшими на заводы из самых разных областей и принадлежавшими к разным этническим группам. Пастырю часто не хватало времени и навыков, чтобы установить с ними какие-либо связи. Эти проблемы затрагивали не только столицу, но и города всех индустриальных регионов²⁹⁰.

Территориальный принцип формирования приходов также не благоприятствовал пастырской работе с жителями индустриальных центров, и поэтому критика в его адрес все чаще раздавалась из уст городского духовенства. Трудовые мигранты числились в своих старых сельских приходах, но не появлялись там годами. Для того, чтобы стать членом городского прихода, такой рабочий по закону должен был предоставить выписку из метрической книги своей прежней церкви. Но поскольку, как мы сказали, большинство рабочих и работниц воспринимали свою жизнь в городе как временную, они не считали нужным оформлять свои отношения с новым приходом. К тому же за выписку нужно было платить гербовый сбор, что было обременительно для крестьянина, который экономил каждую копейку. Таким образом, формальные отношения с городскими приходами временные горожане устанавливали редко, но без этих отношений они не могли, например, законным образом обвенчаться по новому месту жительства. Получалось, что они выпадали из церковной жизни. Кроме того, городские пастыри обращали внимание и на еще одно обстоятельство. Большая часть населения городов состояла не из собственников домов, а из квартирантов, из тех, кто снимал жилье и поэтому должен был регулярно менять место жительства. Соответственно

---

²⁹⁰ Freeze G.L. All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia // *Social Identities in revolutionary Russia* / ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave, 2001. Pp. 178–179, 199.

таким людям и их семьям приходилось менять и приходы. После переезда, с точки зрения закона, они считались прихожанами другого храма, установившиеся ранее связи рвались, слабела связь горожан с Церковью. Чтобы исправить ситуацию, духовенство предлагало ввести элементы добровольности при формировании приходов, установить систему записи и фиксированного членства в приходе по крайней мере для столицы²⁹¹.

В начале XX в. критика территориального принципа формирования городского прихода раздавалась все громче, причем из изданий самой разной политической ориентации. Правительственная газета «Россия» писала, что «распадающийся столичный приход можно восстановить, только дав полную свободу каждому добровольно определить свою принадлежность к тому или иному храму». Консервативные «Московские ведомости», довольно сдержанно относившиеся к перспективам приходской реформы, специально противопоставляли приходам «религиозные общества», складывающиеся «не по случайной общности местожительства, а по единомыслию и ревности в деятельности»²⁹². Между тем большинство членов Российской Церкви все еще проживало на селе, и здесь приходская жизнь встречалась с иными вызовами.

Приход и крестьянский «мир»

Центральным событием российской истории середины XIX в. стала отмена крепостного права и сопровождавшие ее Великие реформы. К истории православного прихода это событие имело самое непосредственное отношение. Освободив частновладельческих крестьян от личной крепостной зависимости, реформа сохранила их зависимость от крестьянской общины. Более того, община была признана органом крестьянского самоуправления, и тем самым были заложены основы для ее консолидации вплоть до революцион-

---

²⁹¹ Ibid. Pp. 178–179. См. также: Глава 2 § 5.

²⁹² Лукинский А. Пастыри без паствы // Россия. 4 апреля 1913 г.; Церковные приходы и религиозные общества // Московские ведомости. 24 февраля 1912 г.

ных потрясений 1905 г.²⁹³. Причем при устройстве второго уровня крестьянского самоуправления – крестьянской волости реформаторы принимали во внимание границы приходов: волости совпадали с существующими приходами, или же малочисленные приходы объединялись в одну волость, но при этом один приход не мог быть разделен между разными волостями²⁹⁴. Имелось в виду, что в будущем, при переходе от сословной к сословно-административной единице именно приход «представит самую естественную и ближайшую ступень для такого перехода»²⁹⁵. Пока же, до учреждения сословно-административной единицы повсеместно (а не только в прежних государственных имениях) визи приход, вернее приходского духовенства, реально контролировавшего приходскую жизнь, оказывался не помещик или его управляющий, а сельский сход, наделенный правами над своими членами и признаваемый государственной властью. При этом членами схода и членами прихода были одни и те же люди. Но сельская община («мир») и приход в XIX в. уже не были тождественны друг другу.

Мы уже говорили о том, что их дезинтеграция происходила еще в XVIII в. Светские и церковные власти активно стремились перестроить границы приходов с тем, чтобы избавиться от мелких и экономически несостоятельных единиц. Более-менее приемлемым размером прихода считалась величина в 20–30 домовладений. Причем епископы не только соединяли соседние приходы, но и перечисляли иногда десятки дворов из одного прихода в другой, т.е. их целью было не только укрупнение, но и уравнивание этих единиц. Впрочем, если в городах эта политика в целом была успешной, на селе разница в размерах приходов оставалась значительной. Кроме того, приход терял свою социальную гомогенность. Если раньше общины посадских людей, государственных, экономических, частных крестьян и составляли приходскую об-

---

²⁹³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 461–486.

²⁹⁴ Положения о сельском состоянии. Особое приложение к тому IX Законов о состояниях. СПб., 1876. С. 11 (ст. 44–45). Ср.: Папков А.А. Начало возрождения... С. 3–4.

²⁹⁵ Там же. С. 19–20 (отзыв на проект о приходских попечительствах главноуправляющего II отделением Собственной ЕИВ канцелярии).

щину, то затем приход постепенно приобретал всеобщий, «смешанный» характер. В городах этот процесс шел быстрее, чем в деревне, но и сельские приходы не оставались от него в стороне. Кроме того, приход терял свои традиционные «экстрарелигиозные», по выражению Г.Л. Фриза, функции: управленческие принимала на себя коронная или сословная администрация, экономические перемещались в города. Законодательство также более не возлагало на него общегосударственных обязанностей²⁹⁶. Не нужно сбрасывать со счетов и рассогласование географических границ приходской и сельской общины. В состав одного прихода порой входили несколько деревень со своими сельскими сходами, интересы которых даже в отношении общей приходской церкви совпадали далеко не всегда, да и отношения с ее настоятелем у каждой деревни могли складываться по-разному²⁹⁷.

После отмены крепостного права ситуация стала парадоксальной. Рядом с приходом была конституирована консолидированная, обладавшая значительной властью над своими членами крестьянская община. Сельский сход обладал властью над членами общества, которое он представлял: его решения были обязательны даже для тех членов, кто не присутствовал на сходе. Он мог устанавливать «мирские сборы» и участие в них также было обязательным для всех членов общины. Сход нес обязательства по поддержанию церкви и духовенства. Причем этими обязательствами его наделяло светское законодательство, в частности статья 178 «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»²⁹⁸. Учитывая, что крестьяне очень часто стремились решать именно на сходе многие вопросы совместной жизни, которые формально не относились к его компетенции (например, празднование местных праздников, возведение часовен, жалобы на духовенство), мы увидим, что сельских сход был реально действующим, исключительно мощным институтом, распространявшим свое влияние и на приходские дела. Однако в церковном законодательстве о приходе сход не упоминался вовсе.

---

²⁹⁶ Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities. Pp. 32–50.

²⁹⁷ См., например: Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. С. 134.

²⁹⁸ Положения о сельском состоянии (1876). С. 43–46.

Как заметила В.Ф. Шевцова, первая подробно описавшая эту коллизию приходской жизни пореформенной деревни, «официально церковь не признавала какой-либо роли сельского схода в делах прихода»²⁹⁹.

Между тем институты приходского управления, о которых шла речь в церковном законодательстве (подробнее мы скажем о них в § 7), не могли соревноваться в эффективности со сходом сельской общины. За приходским собранием была закреплена очень узкая компетенция. Фактически, оно должно было созываться лишь для выборов должностных лиц прихода, членов приходского попечительства и санкционирования новых построек. Обязательная регулярность созыва приходского собрания (не реже раза в год) стала предполагаться церковным законодательством только с 1890 г. До этого оно могло не созываться годами. К тому же собрание не могло принудить выполнять взятые на себя финансовые обязательства даже тех прихожан, кто присутствовал на нем. Для остальных его авторитет и вовсе был ничтожен, тем более что гражданские власти ревностно наблюдали за исполнением решений сходов, но, как правило, оставляли без внимания судьбу решений приходских собраний³⁰⁰. «Тот факт, что статус приходского собрания не был четко определен законом, только усиливал стремление верующих полагаться на сельский сход в делах, касающихся управления храмом». Более того, подобным же образом поступал и приходские священники. Например, чтобы открыть приходское попечительство, они не созывали приходское собрание, как того требовало Положение 1864 г. и формальная логика, а делали это предложение сельским и волостным сходам и от их имени оформляли приговор о создании попечительств³⁰¹. Приходское собрание в этой ситуации оказывалось *«излишним элементом в церковной системе управления»*³⁰². Наконец, нередко приход был численно слишком велик, достигая нескольких ты-

---

²⁹⁹ Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. С. 131.

³⁰⁰ Там же. С. 132, 160.

³⁰¹ Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 2. С. 58.

³⁰² Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. С. 131. Курсив в цитате наш. – А.Б.

сяч человек, и территориально разбросан, чтобы приходское собрание могло быть действительно работоспособным органом³⁰³.

Сельский сход регулярно решал вопросы церковно-приходской жизни. Именно сход решал вопрос о финансировании строительства приходской церкви или ее ремонта (решение на этот счет приходского собрания оказывалось, таким образом, формальностью, только повторявшей приговор схода). Сход составлял соглашение между сельским обществом и священником о содержании последнего и выделял участок земли священно- и церковнослужителям. Сход избирал церковного сторожа (эта должность по законодательству относилась именно к мирским повинностям). В обязанности схода входило призрение престарелых, инвалидов и сирот (что пересекалось с одной из компетенций приходских попечительств). По всем этим вопросам сход составлял обязательные для членов общества приговоры, тогда как приговоры «приходских сходов» (т.е. приходских собраний) по закону были обязательны «лишь для прихожан, участвовавших в их составлении»³⁰⁴.

Все это давало сельскому обществу (в лице схода) особые, хотя и не писанные полномочия в приходских делах. Во второй половине XIX в., а затем и в начале XX в. крестьяне регулярно просили об определении конкретных лиц на вакансии священно- и церковнослужителей, об оставлении переводимых, или же об устранении негодных священников и даже целых причтов³⁰⁵. Они все чаще предъявляли права на свое участие в деле распоряжения приходским имуществом, в том числе имуществом, относящимся к храму. Они бо-

---

³⁰³ Ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 322.

³⁰⁴ Положение о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. (Особое приложение к тому IX Законов о состояниях.) С приложением правил о переделе мирских земель, закона о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских надельных земель и оглавления и алфавитного (предметного) указателя. СПб., 1894. С. 169–171; Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / сост. С.В. Калашиников. Харьков, 1896. С. 220–221 (Указ Сената от 28 марта 1890 г.); Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. Тт. 1–2. СПб., 1913. Т. 2. С. 1910.

³⁰⁵ Н.П. О приговорах волостных правлений и крестьян по обидам, причиняемым духовными лицами // Руководство для сельских пастырей. 1880. № 45. С. 237–245; Начальственные распоряжения в епархиях по вопросам пастырской практики // Руководство для сельских пастырей. 1890. № 4. С. 118–119.

лезненно реагировали на случаи «своеволия» со стороны своих пастырей, которое выражалось в игнорировании последними мнения прихожан по тем или иным вопросам распоряжения церковным имуществом, особенно – когда дело касалось возведения или ремонта приходского храма, к которому крестьяне относились с особым трепетом³⁰⁶. Вот один из примеров, возникавших на этой почве конфликтов, приводимый В.Ф. Шевцовой: Прихожане одной из сельских церквей Вологодской епархии в 1903–1904 гг. обвиняли своего священника в том, что он без их согласия решил отремонтировать одну церковь вместо другой, на обновление которой они уже собрали средства; причем эти средства – вопреки их возражениям – были использованы священником для осуществления своего плана³⁰⁷. Отстаивая свое право участвовать в распоряжении церковным имуществом, крестьяне ревностно защищали свое право выбирать церковного старосту. И хотя староста, по закону был только помощником священника, часто, чувствуя за собой поддержку сельского схода, он выступал выразителем именно его настроений, или, по крайней мере, – посредником между сходом и приходским духовенством³⁰⁸. Иными словами, условия жизни в деревне «давали мирянам особые права, которых они не имели в церковноприходской общине»³⁰⁹.

Священники чувствовали себя пастырями и хозяевами в приходах и в таком взгляде на себя поощрялись церковным законодательством и церковными властями, но крестьяне смотрели на это совсем не так. Они считали своим то, во что они вложили труд, они с особым чувством относились к сво-

---

³⁰⁶ Такое отношение к *своей* церкви, как представляется, основывалось на понимании храма как дома Божия, который, однако, связан и с умершими родственниками прихожан, и с историей самой общины. В итоге храм предстал местом «священным, но также и родным», «где коллективная и индивидуальная память сплетались в нечто неразрывное». Кроме того, на храм распространялось и свойственное крестьянскому сознанию отношение к собственности. Крестьяне считали своим все, к чему был приложен их труд или труд их предков, а коль скоро приходские церкви в большинстве своем строились их трудами и пожертвованиями, воспринять идею, что возведенный храм «принадлежит» не конкретной крестьянской общине, а всей Российской Церкви, прихожанам из крестьян было затруднительно. См.: *Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 112–119; *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 328–329.

³⁰⁷ *Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 137–138, 142–143.

³⁰⁸ О двойственном положении церковных старост и о конфликтах вокруг их фигур см.: *Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 142–143.

³⁰⁹ Там же. С. 135.

ему приходскому храму, выстроенному, как правило, их средствами и их трудом. Они считали себя правомочными участниками в его имуществе. Но право это не признавалось ни церковным, ни светским законом. В ситуации неизбежных в таких случаях конфликтов неправым в глазах прихожан оказывался именно священник. В конфликтах между сельскими сходами и священниками самым действенным инструментом давления на духовенство в руках крестьянской общины были приговоры о его содержании, вернее – отказ от их исполнения, или одностороннее сокращение его размера. Использовать этот инструмент было тем проще, что законодательство о крестьянах рассматривало такого рода соглашения как «добровольные склады», а не обязательные мирские повинности³¹⁰. В результате любая конфликтная ситуация грозила обернуться для священника неисполнением приговора со стороны прихожан³¹¹. С другой стороны, крестьяне могли в одностороннем порядке потребовать у духовенства вернуть ранее выделенную ему землю. Такие случаи особенно участились во время революции 1905 г. Благоприятную почву для подобных столкновений создавало характерное для центральной России малоземелье. Кроме того крестьяне часто выдвигали и тот аргумент, что коль скоро духовенство теперь получает содержание от государства, земля ему не нужна. В любом случае ясно, что, несмотря на то, что по закону выделенная причтам земля считалась неотъемлемой частью церковного имущества, крестьяне – в силу особого, упомянутого нами выше их отношения к собственности – не рассматривали ее в качестве таковой. «Напротив, они полагали, что это они позволяют духовенству временно пользоваться своей землей, которая в конечном счете по-прежнему принадлежит им»³¹². Наконец, крестьяне могли отказаться от уплаты епархиальных сборов, считая, что они наносят ущерб хозяйству их храма и вообще не совместимы с

---

³¹⁰ Положение о сельском состоянии (1894). С. 169–170.

³¹¹ Соответствующие примеры см.: *Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 135–139.

³¹² Там же. С. 140–141.

его статусом святого места. Такие случаи стали особенно часты в период 1905–1907 гг., а в 1917 г. приобрели характер настоящей эпидемии.

Как видим, сход в действительности имел рычаги давления на духовенство, в то время как собственно приходские институты оказывались фикцией. Можно сказать, что голос прихожан – слабый и бесправный в лице приходского собрания и представителей, им выбранных, становился сильным, правомочным и требовательным, когда звучал со стороны сельской общины. Однако мы слишком бы идеализировали ситуацию, если бы сказали, что крестьянское общество в пореформенное время полностью и по праву замещало приход и брало на себя функции низовой церковной единицы. Ведь, как показала В.Ф. Шевцова, мотивы решений, принимавшихся сельскими сходами в связи с приходскими делами, могли быть двоякими. В основе этих мотивов могли лежать антиклерикальные, даже антирелигиозные настроения каких-то крестьян, наряду с соображениями чисто экономического характера (как в случаях с изъятием земли у духовенства) или же, напротив, – чувство ответственности за свою приходскую церковь и стремление более активно, без излишнего бюрократического контроля участвовать в делах прихода. Необходимо проводить границу «между крестьянами, которым священник и интересы прихода были чужды, и теми, кто просто хотел участвовать в управлении делами прихода самостоятельно и без какого-либо вмешательства со стороны епархии»³¹³. Впрочем, в реальной жизни провести такую границу было трудно, тем более, что те члены сельских обществ, что были более религиозно настроены, порой подвергались давлению со стороны нерелигиозных, но более активных элементов, «горлопанов» и «крикунов». Дело доходило до того, что более усердные прихожане даже самоустраивались от присутствия на сельском сходе, избегая «неприятных впечатлений и неприязненных чувств»³¹⁴. Наряду с этим, в некоторых областях империи в составе сельских обществ жили люди разных исповеданий. На севере, на Урале и в Поволжье

---

³¹³ Там же. С. 164.

³¹⁴ Там же. С. 132, 138–140.

это могли быть старообрядцы, на западе – католики, в других местах – те, кого власти именовали сектантами. Часто представители этих религиозных групп занимали лидирующее положение среди даже православных крестьян и возглавляли органы общинного самоуправления, были сельскими или волостными старостами. Понятно, что от них – как отмечали и многие священники – не приходилось ожидать благосклонности в тех случаях, когда на усмотрение схода выносились дела православной приходской церкви. Помимо этого, многие приходы оказывались внутренне разобщены и иным образом, в силу того, что разные деревни в их составе преследовали разные интересы, и священнику было очень трудно, а порой и невозможно объединить свою паству для какого-то, например, благотворительного дела, «за исключением, может быть, вопросов украшения храма»³¹⁵. Таким образом, органы крестьянского самоуправления далеко не всегда выступали выразителями подлинных интересов православного прихода.

Как можно было разрешить противоречия между приходом и крестьянским самоуправлением

Это напряжение между «миром» и приходом вполне выяснилось к началу XX в., причем в официальной позиции по этому поводу наблюдались очевидные противоречия. Например, Богословский энциклопедический словарь 1913 г. прямо заявлял, что дела прихода не относятся «к ведомству» сельских и волостных сходов и здесь же указывал, что мирские приговоры, вынесенные этими сходами о сборах в пользу церквей, для крестьян обязательны³¹⁶. С точки зрения ведомства православного исповедания, сход нельзя было признать органом приходского управления³¹⁷, но от его услуг и нельзя было отказаться: в условиях бессилия собственно приходской общины он был единственным институтом, обеспечивавшим эффективное функциони-

---

³¹⁵ Там же. С. 141.

³¹⁶ Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. Т. 2. С. 1910.

³¹⁷ В 1880-х гг. предлагали даже привлекать к ответственности составителей приговоров от лица сельских сходов по поводу церковных дел. См.: *Н.П.* О приговорах волостных правлений и крестьян по обидам, причиняемым духовными лицами. С. 237–245.

рование этого управления. Значит, можно было попробовать поставить его под контроль духовенства. И здесь перед нами в новом свете предстает активно обсуждавшийся тогда вопрос *об участии духовенства в общественных организациях и органах самоуправления*. Ведь речь в этом случае шла не только о его участии в земском самоуправлении, но и об участии в самоуправлении крестьянском, то есть – в сельских и волостных сходах.

Этот вопрос был поднят уже в 1860–1870-е гг. в рамках работы Присутствия по делам православного духовенства. Несколько епископов предложили тогда, чтобы приходские священники стали непременно участниками сельских сходов и чтобы им было дано право утверждать сельских старост и писарей. Одновременно этот вопрос интенсивно обсуждался в прессе самими пастырями, но мнения их на этот счет разделились. Также различные точки зрения относительно участия духовенства в органах крестьянского самоуправления были зафиксированы в отзывах епархиальных преосвященных 1905 г. Причем противники участия священников в сельских сходах указывали, что оно только роняло бы авторитет последних в глазах крестьян³¹⁸. Несмотря на это предупреждение, IV отдел Предсоборного присутствия в 1906 г. все же солидаризовался с теми, кто поддерживал идею вхождения сельских пастырей в органы крестьянского управления, повторив их основную аргументацию. Она сводилась к тому, что участие духовенства в сельских и волостных сходах необходимо, поскольку на них принимаются решения по церковным, школьным и благотворительным вопросам, а также потому, что в сходах принимают участие руководители старообрядчества и сектантства, которым должен быть создан противовес в лице духовенства³¹⁹.

---

³¹⁸ Присутствие по делам православного духовенства. О службе православного белого духовенства. СПб., 1880. С. 77–78; *Руновский Павел, свящ.* Желательно ли участие пастыря в мирских сходах? // Руководство для сельских пастырей. 1887. № 28. С. 353–366; *Кудрявцев П.* В области церковно-приходской жизни. III. К вопросу об участии священника в общественных делах // Руководство для сельских пастырей. 1905. № 18. С. 5–29 (в т.ч. обзор мнений печати); *Сотин С.* Об участии духовенства в общественной жизни народа // Руководство для сельских пастырей. 1905. № 23. С. 145–163; № 24. С. 178–192; № 25. С. 202–216; *Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 144–145.

³¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 201. Лл. 2–3 об.

Пока шли дискуссии, ведомство православного исповедания пыталось в административном порядке запретить сельским сходам обсуждать вопросы, относящиеся к приходскому управлению. Весной 1887 г. были изданы циркуляры министра внутренних дел и Синода, в которых указывалось, что предметом суждений на сельских и волостных сходах могут быть только назначение сборов на устройство и поддержание церквей, отвод земли или пожертвование мирских капиталов в пользу церкви. Другие случаи не должны были обсуждаться на сходах, приговоры, по ним составленные, объявлялись «ничтожными», а сельские и волостные старосты, допустившие составление таких приговоров, – подлежащими «законной ответственности»³²⁰. Однако крестьяне в большинстве своем игнорировали это предписание, и сходы продолжали играть существенную роль в приходской жизни.

В связи с этим в начале 1913 г. епископ Вятский и Слободской Филарет (Никольский) обратился к Синоду с ходатайством о наделении «церковно-приходских сходов» теми же правами по назначению сборов, что имели сходы сельские и волостные. Причем он указывал, что еще раньше, в 1912 г. съезд духовенства епархии обращался к нему с просьбой возбудить соответствующее ходатайство в установленном порядке. Интересно, что почти одновременно с вятским предложением и независимо от него в Синод поступила точно такая же просьба от прихода Туровской Алексеевской церкви Канского уезда Енисейской губернии, в состав которого входило 14 деревень. Синод через обер-прокурора обратился за отзывами к Министерству юстиции и внутренних дел. Оба ведомства ответили примерно одинаково, указав, что готовы были бы поддержать это предложение, если бы «в законодательном порядке» были бы утверждены правила, которые точно бы определяли со-

---

³²⁰ Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / сост. С.В. Калашиников. Харьков, 1896. С. 220. Интересно, что в этих циркулярах главными нарушениями, вызвавшими обеспокоенность духовных и светских властей, назывались приговоры сходов «об избрании и удалении священнослужителей», о «жалобах на них или ходатайствах о награждении священников», а также то обстоятельство, что «составление подобных приговоров сопровождается иногда пьянством, ссорами и драками».

став, порядок действия, порядок надзора за ними и обжалования приговоров церковно-приходских сходов. Требовались не отдельные меры, а полномасштабная реформа прихода, которая включала бы и юридическое определение прав и обязанностей приходских институтов (о чем прямо говорилось в отзыве Минюста)³²¹.

Как видим, одним из центральных вопросов, который вставал в это время перед реформаторами прихода, был вопрос о *взаимосвязи сельской и приходской общины*, о согласовании их полномочий, об устранении противоречий между ними. Чем лучше авторы различных проектов представляли себе эту проблему, тем ближе они были к реальности приходской жизни; и напротив – чем активнее они игнорировали ее, тем больше их проекты напоминали воздушные замки.

Разрешить эту проблему можно было двумя путями. С одной стороны можно было пойти по пути *интеграции* обеих общин, узаконив полномочия схода в приходской жизни, окончательно приравняв приходскую общину к сельской. Однако драматизм ситуации состоял в том, что сельская община на рубеже веков переживала драматическое время в своей истории³²². В конце XIX в. происходило расслоение общины – кризисные явления, и сход все меньше выражал мнение всех живших на селе. В начале XX в. политика правительства будет направлена и вовсе на разрушение общины. Соответственно было бы абсурдно полагаться на общину, при обсуждении реформы прихода в это время (в 1905 г. и далее).

Другим путем могла быть *дезинтеграция общин*. Идти по нему значило поставить эффективные препятствия для вмешательства сельского схода в дела прихода, значило создать условия, при которых активный, действительно религиозный костяк прихожан мог бы отделиться от неверующих и индифферентных или увлечь последних на свою сторону. Последнее возможно

---

³²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 196. Д. 141. Лл. 1–10; РГИА. Ф. 797. Оп. 83. II отд. 3 ст. Д. 336. Лл. 1–7; Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. С. 146.

³²² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 461–486.

было осуществить только через обретение полной самостоятельности прихода и через придание его институтам полностью работоспособного характера. Последнее в свою очередь ставило вопросы о необходимости разукрупнения приходов, об облегчении лежавшего на них финансового бремени, об умножении числа приходских священников и об изменении их психологии (с бюрократической на пастырскую). Разрешение каждого из этих вопросов требовало колоссальных усилий церковного и государственного организма. Все эти и многие другие вопросы будут обсуждаться в контексте приходской проблемы в предсоборный период. Тем самым, существовавшее напряжение между крестьянским «миром» и православным приходом, бессилие одних и тех же людей в церковных делах как прихожан и их власть в тех же делах как членов сельского схода, мы должны постоянно иметь в виду при оценке причин успехов и неудач приходских преобразований второй половины XIX в. и более позднего времени.

§ 4. Приходские попечительства к концу XIX века

К 1890-м гг. общий кризис приходских попечительств и неудача приходских преобразований, предпринятых в 1860-е гг., признавалась и государством, и иерархами, и обществом³²³. В 1890–1893 гг. обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев готовил новую реформу прихода (см.: Глава 2 § 7), частью которой должно было стать и преобразование попечительств. Желая детально выяснить их состояние, Святейший Синод издал 27 октября 1893 г. указ, предписывавший епископам представить свои мнения о необходимых изменениях в Положении 1864 г. Основная часть отзывов преосвященных поступила в Петербург в 1893–1895 гг., хотя некоторые приходили и в 1896–1897, и даже в 1903–1905 гг. (например, из Казани и Уфы³²⁴), иные

---

³²³ Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 90–93.

³²⁴ В 1905 г. вопрос о преобразовании прихода стоял уже иначе и проблемы попечительств отошли далеко на задний план. Обширные и наверняка представляющие немалый интерес доклады благочинных Уфимской епархии, присланные в феврале 1905 г., в синодальной канцелярии так

вовсе не были присланы³²⁵. Очерчивая с разной степенью детализации положение попечительств в своих епархиях, архиереи, как правило, основывались на сообщениях благочинных и порой даже дословно их воспроизводили. Кроме того, они излагали собственные предложения, а иногда и рекомендации консисторий и епархиального духовенства (чаще всего – тех же благочинных), касавшиеся способов реформирования попечительств и отражавшие отношение российского епископата к возможным приходским преобразованиям в 1890-е гг. (см.: Глава 2 § 9). Собранные материалы отложились в обширном «Деле о пересмотре положения о приходских попечительствах»³²⁶, состоящем из двух томов, насчитывающих более тысячи листов³²⁷.

и не распечатали. Так они до сих пор и хранятся в РГИА – в прошитом пакете и под не сломанной сургучной печатью (РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 920–985 об.).

³²⁵ С явной апатией к пересмотру Положения 1864 г. относились не только архиереи, но и чиновники духовного ведомства. В 1898 г. К.П. Победоносцев поручил иркутскому епархиальному наблюдателю церковных школ И.Л. Брызгалову, который был лично известен обер-прокурору, составить на основании полученных из епархий заключений записку с предложениями о дальнейшей судьбе попечительств. В июне 1898 г. синодальная канцелярия выслала необходимые материалы в иркутскую духовную консисторию, откуда в 1899 г. они были возвращены «без всякого заключения Брызгалова». В Петербурге ждали три года. В октябре 1902 г. синодальная канцелярия, наконец, телеграммой запросила у иркутского чиновника долгожданную записку и получила обнадеживающий ответ: «Записка о попечительствах составлена, представляю». Однако на деле проект видимо так и не был представлен: в соответствующем деле записки И.Л. Брызгалова нет. Что заставило епархиального наблюдателя духовных школ так настойчиво испытывать терпение обер-прокурора, остается только гадать. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 866, 871–872. Возможно, что результатом опроса преосвященных 1893 г. стал проект изменений в Положении о приходских попечительствах епископа Владимирского Никона (Софийского), присланный автором в Синод весной 1905 г. Этот проект, по словам его составителя, был «составлен на основании опыта всех преосвященных русской Церкви за все время существования церковно-приходских попечительств». Однако прямых указаний на связь проекта епископа Никона и мнений преосвященных 1890-х гг. имеющиеся документы не содержат. См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2. М., 2004. Ч. 1. С. 275–281, а также: Глава 3 § 2.

³²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292.

³²⁷ Ранее материалы этого дела были использованы в работах: *Freeze G.L.* All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia // *Social Identities in revolutionary Russia* / ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave, 2001. Pp. 174–208; *Курляндский И.А.* Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности. С. 180–181; *Беглов А.Л.* Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви»*. 2014. Вып. 6 (61). С. 35–57; *Беглов А.Л.* Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // *Российская история*. 2014. № 6. С. 104–127.

География распространения и динамика возникновения попечительств

В каком же состоянии находились попечительства в начале 1890-х гг.? Ответ на этот вопрос позволит нам оценить масштабы приходской активности накануне новой попытки приходских реформ. Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что численность попечительств сильно различалась по епархиям (см.: Приложение 2. Таблица 3³²⁸). Доля приходов с открытыми попечительствами могла колебаться от 2% до 80–90%. Причем такое же разнообразие могло наблюдаться и в пределах одной епархии. Некоторые уезды могли вовсе не иметь попечительств, а в других их могли насчитываться десятки. Так, например, обстояло дело в Орловской епархии, где в Ливенском уезде действовали 30 попечительств, в Болховском – одно, а в Дмитровском – ни одного при 55 приходах³²⁹. На первый взгляд причины такого расхождения выявить довольно сложно. Благочинные и чиновники консисторий самых разных епархий (Архангельской и Таврической, Смоленской и Иркутской, Калужской и Уфимской, Оренбургской и Тверской, Владимирской и Донской, Нижегородской и Курской, Орловской и Симбирской, Саратовской и Рязанской), объясняя малочисленность попечительств, приводили совершенно однотипные аргументы, ссылаясь на бедность и «неразвитость» своих прихожан, на нежелание их организовывать попечительства под влиянием старообрядцев-односельчан или штундистов³³⁰.

Представляется, что мы сможем нащупать определенную закономерность, когда пристальнее взглянем на распространенность попечительств по регионам, которая также различалась довольно сильно. Меньше всего этих организаций было в епархиях центральной России. Здесь попечительства действовали только в 15% приходов. В Малороссии попечительствами были

---

³²⁸ Полностью унифицировать сведения, представленные епархиальными начальствами, не представляется возможным, их приходится дополнять по отчетам обер-прокурора. Причем сами авторы этих отзывов обращали внимание на определенную условность статистических выкладок, характеризующих деятельность приходских попечительств.

³²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 601–605.

³³⁰ Там же. Лл. 48 об., 50 об., 54 об., 59 об., 101а, 138 об.–152, 355, 374, 485–487, 509–510, 554–555, 561, 601–605, 809–819, 841 об., 888, 915–917.

охвачены менее четверти приходов. В Сибири и в Средней Азии – эти организации существовали чуть больше, чем в трети приходов. Примерно в половине приходов попечительства работали на севере и северо-западе Европейской части России (включая и столичную Санкт-Петербургскую епархию), в Поволжье, на Урале и в Новороссийских губерниях. И наконец, почти в 80% приходов действовали попечительства в западных епархиях, в том числе в Прибалтике и Царстве Польском. Как видим, активность попечительств отчетливо усиливалась от центра к окраинам Европейской части Российской империи, особенно отчетливо – в южном и западном направлении. Причем эта тенденция действовала и внутри регионов. Это хорошо видно на примере Новороссии. В более западной епархии этого региона (Херсонской) удельный вес попечительств превосходил 80%, а к востоку он снижался, причем иногда значительно.

Здесь, очевидно, действовали несколько факторов. В богатых южных епархиях на первый план, думается, выступал экономический фактор: экономически уверенные в себе прихожане активнее жертвовали в пользу попечительств и чаще выделяли им доходные статьи. Видимо, именно это противопоставляло скудный малоземельный центр и сравнительно благополучный юг. Кроме того, в западных епархиях заметное влияние на распространение попечительств оказывали незабытые здесь традиции приходских братств.

Впрочем, и братские традиции, и состоятельность прихожан не были решающими факторами. Составители отчета о попечительствах из Владимирской епархии указывали на одно из местных попечительств как на опровергающее «отзывы тех священников, которые причины неоткрытия попечительств в своих приходах объясняют бедностью прихожан, отхожим промыслом, духом раскола». Это было попечительство многочисленного бедного прихода села Дощатый завод, где прихожане кормились отхожими промыслами (до трети «лучших прихожан живут в чужой стороне и не бывают на родине десятки лет») и работой на заводе. Причем значительную часть населения прихода составляли раскольники «разных толков и люди, холодные к

церкви». Между тем, деятельность попечительства здесь давала заметные результаты: среди живущих на отходе были собраны деньги на храм и библиотеку, создан резерв в виде неприкосновенного капитала³³¹.

Очевидно, одним из определяющих факторов в развитии попечительств были личность и деловые качества приходского священника. Так, например, описывалась эта ситуация в отчете Санкт-Петербургского преосвященного:

Энергичный священник открывает попечительство при самых скудных средствах; не особенно быстро развивается это попечительство, но все же живет и действует; но вот этот энергичный священник ушел из прихода, место его занял другой – и попечительство начинает существовать только на бумаге; при появлении же в приходе нового энергичного пастыря оно возрождается и опять вступает в действительную жизнь. Эта история очень нередко повторяется на страницах отчетов о попечительствах³³².

Другой особенностью приходских попечительств в начале 1890-х гг. было то, что большинство из них – несмотря на почти 30-летний срок действия Положения 1864 г. – были организациями молодыми (см.: Приложение 2. Таблица 4). В некоторых епархиях до половины попечительств были не старше трех – пяти лет. Во многом это говорит о сравнительно коротком сроке жизни попечительств. На это прямо указывали составители ряда отчетов, говоря о том, что созданные в 1860–1870-е гг. попечительства существовали «не более двух трехлетий». Некоторые попечительства, открывшись в начале действия Положения 1864 г., затем прекращали свою деятельность, но по прошествии времени открывались вновь³³³. Но работа значительной части попечительств носила временный и окказиональный характер. Тем случаем, который заставлял прихожан открывать попечительство или активизировать его деятельность, как правило, была необходимость строительства или ремонта приходской церкви. Такие примеры во множестве встречаются на страницах отчетов, присланных в Синод. Ниже мы увидим, что такое непо-

---

³³¹ Там же. Лл. 843–843 об.

³³² Там же. Л. 225 об.

³³³ Там же. Л. 139. Ср.: Там же. Лл. 150 об.–151, 225 об.

стоянное существование попечительств было связано с теми целями, которые преследовали прихожане, решаясь на их открытие.

Важной чертой рассматриваемых организаций был их преимущественно сельский характер (см.: Приложение 2. Таблица 5). В большинстве епархий попечительства при сельских приходах составляли не менее 90% от общего числа этих организаций. Преобладание сельских попечительств над городскими специально подчеркивали в своих отзывах архиереи Смоленской, Екатеринославский, Орловский епархий³³⁴. Исключение составляла Московская епархия. Здесь в самой Москве (но не в уездных городах) концентрировались 85% приходских попечительств епархии. Такая особенность объяснялась, скорее всего, тем повышенным вниманием, которое московское дворянское и купеческое общество уделяло приходским попечительствам, оказывая им, в том числе, финансовую помощь³³⁵.

Члены попечительств

Среди председателей попечительств священники занимали значительное место (см.: Приложение 2. Таблица 6). Их доля колебалась от 1/5 до почти 100%. В среднем же в тех 11 епархиях, из отчетов которых можно извлечь точные данные о председателях попечительств, священники занимали почти половину (49,4%) председательских должностей. Еще в восьми епархиях (Киевской, Воронежской, Московской, Иркутской, Минской, Подольской, Херсонской, Таврической) составители отчетов, хотя и не приводили точных цифр, подчеркивали, что председатели попечительств – это «в основном» или «в большинстве» приходские священники, особенно в сельских приходах. Минский преосвященный писал, что «почти во всех сельских приходах» председатели – священники, а Херсонский приводил данные по одному из благочиний своей епархии, где в одном благочинии существовало 19

---

³³⁴ Там же. Лл. 151 об.–152, 390–390 об., 601–605.

³³⁵ Там же. Лл. 994–1014.

попечительств и в 11 из них председателями были священники (57,9%)³³⁶. Еще из двух епархий (Орловской и Литовской) писали о том, что председательские должности в основном занимают «землевладельцы и священники» или «в основном священники», а в городах – «интеллигенты»³³⁷. Как видим, тенденция к преобладанию священников именно среди председателей попечительств при сельских приходах, хотя и не поддается математической проверке, но оказывает выраженной довольно четко.

Сложнее выяснить социальный состав председателей попечительств – мирян. В большинстве отчетов эта группа ни как не дифференцируется, а в тех немногих, где состав председателей-прихожан уточняется, порой смешивается их социальный статус и должности, которые они занимали. (Например, в одном из отчетов статус одних председателей обозначен как «дворянин», а других – «церковные старосты».) Таким образом, имеющиеся данные не всегда поддаются унификации. Но и при этом мы можем выделить две крупных категории, которые в основном формировали состав председателей попечительств из прихожан. Во-первых, это были дворяне-землевладельцы и «вообще состоятельные интеллигентные прихожане». Поскольку эти две группы в отчетах преосвященных регулярно встречаются вместе, можно заключить, что под «состоятельными интеллигентными» прихожанами их составители также имели в виду землевладельцев, пусть и не принадлежащих, собственно, к дворянскому сословию. Во-вторых, другую крупную категорию председателей-мирян составляли крестьяне и близкие им социальные группы (например, казаки). Скорее всего, в большинстве это были те же люди, что занимали должности церковных старост. В отчете по Санкт-Петербургской епархии на это указывалось прямо. И в случае с землевладельцами, и в случае с крестьянами – церковными старостами мы имеем дело с наиболее активными категориями сельских жителей. Впрочем, было между ними и существенное отличие. Миряне, занимавшие должность церковного

---

³³⁶ Там же. Лл. 64 об., 413–414 об., 460, 482–484, 552–553 об., 596–600, 792–808 об., 887–888.

³³⁷ Там же. Лл. 601–608 об.

старосты, были поставлены действовавшим законодательством в довольно жесткие рамки, они должны были быть, прежде всего, хорошими исполнителями, действовавшими в тесном контакте с причтом. Именно этого от них требовало законодательство и именно за это их поощряло епархиальное начальство. Напротив, землевладельцы, дворяне, или «состоятельные интеллигентные прихожане» заведомо были людьми независимыми и самостоятельными, менее всего подходившими на роль механических исполнителей воли причта. Очень часто это были неудобные председатели. Священники и епархиальные власти ждали от них подвоха и регулярно обвиняли их в превышении полномочий или в лучшем случае в бездействии³³⁸.

Относительно рядовых членов попечительств духовенство было не слишком высокого мнения. Из нескольких епархий в Синод писали, что членство в попечительстве воспринимается как лишняя служба, не освобождающая от выбора на другие должности по крестьянскому самоуправлению. Поэтому часто в попечительство избирались люди, «не соответствующие призванию», не способные на другие должности. При этом членство в попечительствах серьезно проигрывало по сравнению с другими «мирскими» должностями, поскольку работа на других выборных должностях оплачивалась обществом или сложением повинностей, или деньгами, а работа в попечительстве такой оплаты не предполагала. В результате, как писал один из преосвященных, в богатых приходах в попечительства избирались богатые «для славы их», а в бедных – такие люди, которые уже не были способны исполнять обязанности по другим должностям³³⁹. Понятно, что в первом случае у членов попечительства могли быть свои представления о направлении его деятельности, а это было чревато столкновением с приходским священником. Во втором случае члены попечительства оказывались слишком зависимы от «мира» и вряд ли были готовы проявлять сколько-нибудь заметную активность.

---

³³⁸ См., например: Там же. Лл. 145–145 об., 152, 425 об.–426, 592, 776–777, 842 об.

³³⁹ Там же. Лл. 428 об.–430 (Тобольская епархия), 467 (Воронежская), 776 (Астраханская).

Насколько крупными организациями были приходские попечительства? Число членов попечительств могло варьироваться очень сильно: от двух – трех человек до нескольких десятков и даже сотен. Такие многочисленные попечительства, где число членов доходило до 150–200 и более человек, существовали в Курской, Саратовской, Донской, Херсонской епархиях. Однако такие попечительства всегда были исключениями, а среднее число членов большинства попечительств, по имеющимся данным, редко выходило за пределы одного, максимум двух десятков человек. При этом численность попечительства, как показывают данные по Холмско-Варшавской епархии, никак не соотносилась с размерами прихода, в небольшом приходе могло действовать крупное попечительство и наоборот. Но как показывают данные той же епархии, попечительства были довольно далеки от большинства прихожан. Если один член попечительства здесь приходился в среднем на 34 прихожанина, то один член холмских приходских братств приходился на 8 прихожан³⁴⁰.

Направления деятельности попечительств

Мы помним, что согласно положению 1864 г., попечительства могли создаваться для заботы о храме, о нуждах причта и о благотворительных учреждениях прихода. Мы видели, также, что прихожане явно отдавали предпочтение первой из указанных в положении целей создания попечительств. Примеры конкретных епархий не противоречат общей статистике. Так, из Донской епархии сообщали, что «почти исключительный» предмет забот приходских попечительств – это ремонт храмов, снабжение их утварью, украшение, тогда как, добавляли составители отчета, «к церковно-приходским школам с участием отнеслись не более двух-трех попечительств, при том в самом скромном размере, а в устройстве помещений для причта приняло участие только одно попечительство» из более чем двухсот. В Екатеринбургской епархии в отношении расходов на храм «заявляли себя» почти

---

³⁴⁰ Подсчитано по: Там же. Лл. 686–706, 708–771.

все попечительства, а в отношении благотворительности только – около 30 (15,6% от всех попечительств епархии). Сходным образом характеризовал ситуацию Астраханской преосвященный. Он писал, что в его епархии ни у одного попечительства нет ни никаких благотворительных заведений, что на причты попечительства также почти «не обращают внимания», даже когда причтам епархиальные власти не платили положенного вознаграждения, попечительства почти никогда не приходили им на помощь. Только в двух приходах епархии собирали деньги для положенного жалования причту³⁴¹.

Конечно, существовали счастливые, но редкие исключения, на которые именно в силу их редкости всегда специально обращали внимание составители отчетов. Особым образом подчеркивалась именно благотворительная деятельность попечительств. Так, отличительной чертой приходских попечительств Московской епархии (большинство которых, напомним, действовали в самой Москве) была их ориентация на благотворительность, что активно поощрялось городскими властями. Основными статьями расходов здесь были – помощь бедным, церковно-приходские школы, богадельни. Хотя и здесь цель «заботы о причтах мало преследовалась попечительствами»³⁴².

В Смоленской епархии некоторые попечительства, помимо заботы о церквях, строили и содержали дома для школ, поддерживали учителей приходской школы, устраивали «хлебный магазин» для деревень своего прихода. Одно из них собирало средства «на здание для неимущих старцев», а другое – «на устройство лавок для ярмарки». Видимо, предполагалось, что церковь будет иметь с них доход. Кроме того, одно попечительство выделило землю причту. Правда, в последнем случае составители отчета подчеркивали, что это попечительство существует только благодаря энергии священника, а чле-

---

³⁴¹ Там же. Лл. 100, 593, 775.

³⁴² Там же. Лл. 482–484. Московская епархия была одной из немногих, где структура пожертвований приходских попечительств кардинально отличалась от общероссийской. В 1896 г. на храмы здесь жертвовали 1,0% от общей суммы попечительских сборов, на школы и благотворительные учреждения – 99,0%. См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 58–59 (2-й пагинации).

ны его, напротив, часто даже не ходят на собрания. И вообще «на нужды причтов попечительства ничего не жертвуют»³⁴³.

В отчете из Оренбургской епархии также подчеркивали «особые» роды деятельности попечительств: некоторые из них выплачивали жалование причту, а одно – купило дом для священника. В Харьковской епархии попечительство в слободе Трехизбянск Старобельского уезда, действовавшее с 1887 г., построило школу, библиотеку, занималось издательской деятельностью. Один из членов попечительства при храме Преображения в Харькове ежегодно доставлял священнику вагон каменного угля для бесплатной раздачи бедным³⁴⁴.

Отдельные попечительства в разных епархиях прибегали к такой нестандартной и непредусмотренной законом форме помощи нуждающимся как ссуды. Священник села Городкович Спасского уезда Рязанской губернии еще в 1860-х гг. организовал ссудно-вспомогательную кассу при попечительстве, из средств которой помогал нуждающимся прихожанам. Тогда же подобные кассы существовали и в Литовской епархии при содействии Виленского Свято-Духовского братства. С 1880-х гг. такая касса действовала при Виленском попечительстве Радомысльского уезда Киевской губернии. Проценты, выплачиваемые заемщиками, были на порядок ниже тех процентов, под которые давали займы своим односельчанам местные зажиточные крестьяне и шли на пополнение кассы приходского попечительства. В 1890-е гг. такие ссудные кассы существовали при двух попечительствах Херсонской епархии. Они давали небольшие суммы в ссуду очень нуждающимся под небольшие проценты. В Смоленской епархии одно попечительство давало деньги бедным без процента и «иногда без возврата». Хотя фактически такая деятельность попечительств была незаконна, она встречала сочувствие со стороны епархиальных властей и иногда находила отражение в центральной церковной прессе³⁴⁵.

---

³⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 143, 144 об., 146 об., 148 об., 150.

³⁴⁴ Там же. Лл. 378 об., 419, 423.

³⁴⁵ Там же. Лл. 821, 829 об.–831 об., 792–808 об., 143.

Некоторые попечительства шли еще дальше. Они расширяли свою деятельность, выходя за пределы тех, в общем-то, чисто хозяйственных задач, что были предначертаны перед ними Положением 1864 г., и ставили перед собой цели религиозного и нравственного воспитания прихожан. Об этом сообщали, в частности, из Киевской епархии, где два приходских попечительства, помимо заботы о храме, «сверх того» заботились о поднятии нравственности в приходе и особенно «об искоренении дурных привычек молодежи», а еще десять – и о распространении трезвости среди прихожан. Подобным образом некоторые попечительства Екатеринбургской епархии ставили перед собой «нравственно-просветительские цели»: заботились об искоренении в приходе пьянства, сквернословия и т.п. В частности, два из таких попечеств штрафовали провинившихся, одно выписывало дешевые листки и брошюры для раздачи прихожанам, еще два открыли общества трезвости и народные читальни. Книги, брошюры, листки религиозно-нравственного содержания распространяли среди прихожан отдельные попечительства и в Калужской епархии. В Казанской епархии отдельные попечительства добились закрытия питейных заведений в своих приходах, следили за почитанием праздничных дней прихожанами, в том числе штрафовали работавших по праздникам, члены таких попечеств были распорядителями при крестных ходах. Минский преосвященный писал о членах попечеств своей епархии, что они заботятся о чистоте и опрятности в своих приходах, выполняют разного рода поручения по церкви, прислуживают на общественных молебнах, каждый член попечительства имеет в своем ведении одну–две деревни прихода, «наблюдая за благоповедением своих односельчан, соблюдением ими праздников и постов». В таком виде приходские попечительства сильно напоминали старые приходские братства Речи Посполитой. Не случайно, ряд преосвященных, особенно – Малороссийских и западных епархий – предлагали узаконить такое расширение сферы деятельности попечеств³⁴⁶.

---

³⁴⁶ Там же. Лл. 413–414, 594 об., 41, 42 об., 992 об.–993, 596–600.

Но, пожалуй, самой существенной особенностью деятельности приходских попечительств, отмечаемой во многих отчетах с мест, был *временный* характер тех целей, что ставили перед собой эти организации (постройка, ремонт, украшение храмов, покупка ризницы и утвари и т.п.). Симбирский преосвященный наиболее развернуто характеризовал эту ситуацию:

Получается нередко, что попечительства, возникающие по поводу этих обстоятельств, имеют только временное значение: представляется надобность в построении храма или же капитальном ремонте оного, требующих значительных материальных средств, прихожанами при таких случаях открывается попечительство, а затем, как только через это достигнута будет цель вполне, попечительства иногда заканчивают свою деятельность и прекращают свое существование³⁴⁷.

Его дополнял Воронежский архиерей:

Гораздо успешнее деятельность попечительств обнаруживалась там, где они учреждались со специальными временными целями, напр<имер,> для сооружения в приходе нового храма, для постройки школы, для помощи голодающему населению и т.п.³⁴⁸.

Но после реализации этой специальной цели, они, как правило, прекращали свою деятельность, или «замирали», и, наоборот, там, где попечительства «обнаруживали живучесть», они действовали «сверхзаконно», выходя за рамки поставленных в законе задач и принимая на себя задачи нравственного порядка³⁴⁹.

Аналогично описывали ситуацию и епископы других епархий. Архангельский преосвященный подчеркивал, что деятельность попечительств значительно усиливается при какой-то нужде, или же они в принципе организуются только на время проведения конкретных работ, а потом закрываются. Из Донской епархии, объясняя недолговечность попечительств, сообщали, что поскольку прихожане «проявляют сочувствие» только к благоустройству своих храмов, а для их строительства или ремонта создаются временные по-

---

³⁴⁷ Там же. Л. 60.

³⁴⁸ Там же. Л. 474.

³⁴⁹ Там же.

печительства, то в создании постоянных не видят нужды. Из Саратовской епархии писали, что попечительства открываются неохотно, особенно там, где нет явной нужды – постройки или украшения храма. Через десять лет ситуация практически не изменилась. В 1904 г. правящий архиерей Таврической епархии отмечал, что «самые крупные пожертвования собирают Попечительства, открывающиеся специально для построения приходских храмов <...> Но обыкновенно такие попечительства недолговечны». Попечительства, существующие постоянно, – сообщалось далее, – это, как правило, те, что занимаются благотворительностью в широком смысле – содержат богадельни, школы и пр.³⁵⁰.

Одним из заметных поводов для активизации работы или даже для создания приходских попечительств в 1890-е гг. был голод 1891–1892 гг. Конечно, это касалось, прежде всего, регионов в наибольшей степени пострадавших от этого бедствия. Оренбургский преосвященный указывал, что большая часть попечительств в его епархии начала действовать только в 1891–1892 гг., в голодные годы. Деятельность эта выражалась в бесплатной раздаче хлеба, закупленного на собранные попечительствами деньги, в организации бесплатных столовых для бедных, которые работали с февраля по май, т.е. в самые голодные месяцы. В столовой, открытой одним из попечительств, питалось от 150 до 200 человек ежедневно. Вместе с тем, большая часть попечительств Оренбургской епархии, по сообщению преосвященного, «проявив усиленную деятельность в помощи голодающим», затем прекратили «всякую деятельность» и на момент составления отчета существовали номинально³⁵¹. Помощь голодающим в виде закупки хлеба и доставки его в голодающие селения оказывали попечительства Харьковской, Воронежской, Казанской епархий. В Симбирской епархии были попечительства, которые оказывали помощь пострадавшим во время эпидемии холеры 1892 г., бывшей следствием голода³⁵².

---

³⁵⁰ Там же. Лл. 355 об., 356 об., 101а, 485–487, 887 об.–888.

³⁵¹ Там же. Лл. 373 об., 378 об., 379.

³⁵² Там же. Лл. 419, 463, 467, 992–992 об., 60 об.

Видимо, именно голодные годы начала 1890-х гг. стали поводом для роста в этот период численности попечительств, которую мы наблюдали на основе статистических данных. Причем подобную деятельность приходские попечительства не оставляли и во второй половине десятилетия. Когда в 1896–1897 гг. неурожай и голод повторились в Пермской губернии, местные приходские попечительства раздавали хлеб в весенние месяцы, для чего собирали средства даже в столицах. Петр Вилесов, член попечительства села Юсьвы Соликамского уезда просил единовременного пособия на эти цели даже у обер-прокурора Святейшего Синода³⁵³.

Вместе с тем голодные годы были причиной не только возникновения и активизации попечительств, но и снижения активности некоторых из них. Голод наносил ощутимый удар по благосостоянию крестьян, что отражалось на доходах попечительств и, соответственно, вело к «замиранию» их деятельности. В 1890-е гг. на это указывали преосвященные Симбирской и Донской епархий, а в 1905 г. – Казанской. Симбирский преосвященный прямо писал, что отсутствие деятельности ряда попечительств его епархии «есть ни что иное, как последствие прошлогодних неурожаев, неблагоприятно отразившихся на экономическом положении крестьян»³⁵⁴. Таким образом, стабильность и успешность деятельности попечительств зависели от наличия в их распоряжении постоянного дохода.

Источники финансирования попечительской деятельности

Положение 1864 г. полагало, что главным источником попечительских средств будут пожертвования прихожан, собираемые в специальную кружку, по подписке или в сборную книгу, а также – единовременные или регулярные сборы, обязательные для тех прихожан, кто изъявил согласие участвовать в них (ст. 6). Причем средства на каждую из трех основных целей создания попечительств должны были собираться отдельно. Поэтому в храмах

---

³⁵³ РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 263. Лл. 22–24 об.

³⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 60 об., 101а, 989–991.

устанавливались до трех «попечительских» кружек. Иногда их обносили по рядам молящихся во время богослужения (но только после собственно «церковной» кружки), а также – носили по домам прихожан во время праздничных обходов прихода священником.

Между тем, источники попечительских средств отличались бóльшим разнообразием, хотя пожертвования – частные или коллективные – и лидировали по распространенности и значимости среди других поступлений. Впрочем, рассчитывать на них часто было очень трудно. Об этом, в частности, подробно говорилось в отзыве Самарского преосвященного, который писал, что

мало достигает цели устройство и постановка кружек и при том со своими специальностями: а) в пользу церкви, б) в пользу причта, в) в пользу благотворительных учреждений. Если и в губернском городе при вскрытии специальных кружек случается высыпать из них переломленные старинные пятаки, гривны, заржавленные денежки и т.п.; то в селах и деревнях это тем более возможно; – или же кружки совершенно пустуют³⁵⁵.

Ношение же попечительских кружек по домам было «крайне бедно результатами». Определенный сбор с прихожан деньгами или хлебом – говорилось далее в отзыве, – как правило, вызывает ропот, недовольство, и даже противодействие. Сборные книжки выдаются епархиальным начальством только на постройки, например, церкви.

Самым желанным и порой решающим для судьбы попечительства источником его доходов была *частная благотворительность* – пожертвования одного или нескольких состоятельных прихожан. Их щедрые взносы могли на долгие годы обеспечить устойчивое положение этой приходской организации, но одновременно ставили попечительство в зависимость от жертвователей, от их вкусов и от успеха их коммерческого предприятия. Значение частных благотворителей для развития попечительств иллюстрирует история Нерчинского приходского попечительства, рассказанная архиереем Забайкальской епархии. Во главе этого попечительства в 1865–1890 гг. стоял «из-

---

³⁵⁵ Там же. Л. 851.

вестный богач» М.Д. Бутин, пользовавшийся «замечательным авторитетом» среди местных жителей. За это время попечительство приобрело капитал 19206 рублей при значительных расходах. Но дела Бутина «пошатнулись», он уехал в Москву, и «попечительство пало». Сумма, оставшаяся в его распоряжении, была передана в Городскую думу, и на нее была построена двухэтажная каменная больница³⁵⁶. Но такими благотворителями среди своих членов могли похвастаться далеко не все попечительства. Самарский преосвященный отмечал, что возможность получения «крупных капиталов от отдельных прихожан» является тем «благоприятным внешним условием», которое только и обеспечивает жизнеспособность попечительств, но только – двух–трех в его епархии. Остальные же, по сведениям благочинных, действовали исключительно номинально³⁵⁷. Подтверждал этот тезис и Санкт-Петербургский митрополит, который писал, что частная благотворительность – «едва ли не самый обильный источник попечительских средств», что «только благодаря ей могут образоваться такие внушительные суммы, какими располагает, напр<имер>, Фарфоровское попечительство», но этот источник дохода зависит всецело от количества состоятельных прихожан, «так что в сельских приходах он почти не существует»³⁵⁸.

Одним из результатов поддержки попечительств со стороны частных благотворителей могло быть образование «неприкосновенного капитала», проценты с которого использовались попечительствами в их текущей деятельности. Проценты с капитала упоминали среди регулярно встречающихся способов обеспечения деятельности попечительств в Санкт-Петербургской и Тульской епархиях, и только однажды – в Архангельской епархии. Это был желанный, но редкий способ обеспечения деятельности попечительств³⁵⁹. Вообще же свободных денег, то есть не собранных специально для реализации какого-то проекта, у попечительств, как правило, было мало. Так, из

---

³⁵⁶ Там же. Лл. 546–546 об.

³⁵⁷ Там же. Лл. 847 об.–848.

³⁵⁸ Там же. Лл. 221 об.–222.

³⁵⁹ Там же. Лл. 221, 354 об., 194 об.

Смоленской епархии сообщали, что попечительства располагают суммами в 35, 150, 350 рублей и только в одном случае – в 900 рублей³⁶⁰.

Обычные и типичные для всех епархий поступления в пользу попечительств складывались из кружечных сборов, частных пожертвований, но, как правило, не очень крупных, специальных целевых или ежегодных сборов. В отзыве из Санкт-Петербургской епархии писали, что хотя кружечный сбор, в общем, весьма незначителен, но в бедных сельских приходах он нередко является единственным источником попечительских средств³⁶¹. Целевые и ежегодные сборы могли делаться как деньгами, так и натурой (хлебом, «продуктами промыслов» и даже скотом)³⁶². Механизм сборов мог быть довольно разнообразным. Это могло быть подушное обложение, или «самообложение», как часто выражались современники (наверное, самая распространенная форма сборов), а также – сбор с земли (в Харьковской епархии собирали по 2 копейки с десятины) или сбор с хозяина, рассчитывавшийся по числу работников (также в Харьковской епархии). В Екатеринбургской епархии собирали определенный процент с жалования служащих в городских конторах, а также – с каждого рубля, заработанного мастерами на заводах или золотых приисках³⁶³. В некоторых попечительствах (например, в Архангельской и Оренбургской епархиях) практиковался сбор не со всех прихожан, а только с членов попечительств (членские взносы)³⁶⁴. В единичных случаях определенный взнос в пользу попечительства должно было уплатить лицо, выбранное крестьянским «миром» на какую-то из должностей крестьянского самоуправления³⁶⁵. В Архангельске одно из попечительств в праздники устраивало «сбор с торговцев на площади» (видимо, перед церковью)³⁶⁶.

Но, наверное, наибольшую стабильность в деятельности попечительства обеспечивала передача в его распоряжение различных *доходных статей*. Как

---

³⁶⁰ Там же. Л. 143 об.

³⁶¹ Там же. Л. 221 об.

³⁶² Там же. Лл. 139, 194 об., 221–222 об., 354 об., 376 и др.

³⁶³ Там же. Лл. 418, 590–591 об.

³⁶⁴ Там же. Лл. 221–222 об., 354 об., 376.

³⁶⁵ Там же. Л. 354 об. (Архангельская епархия).

³⁶⁶ Там же.

правило, речь шла о сдаче в аренду торговых площадей («лавок»), домов, земля, покосов³⁶⁷. Доходные статьи в распоряжении попечительств встречались во многих епархиях, однако степень распространенности этого источника доходов отличалась в разных регионах. Если в центральных епархиях доходные статьи обеспечивали работу единичных попечительств, то в более благополучных южных и юго-западных епархиях это было более распространенное явление. Например, в селе Запажье Малоярославецкого уезда Калужской губернии приходское попечительство существовало с 1867 г. Его долголетие обеспечило наличие в его распоряжении сарая для кирпича, который сдавался за 100 рублей в год. Эти деньги передавались в строительный комитет по перестройке Запажского храма³⁶⁸. Одно попечительство пользовалось доходом от кирпичного завода в Смоленской епархии³⁶⁹. В Полтавской епархии попечительства получали доход от шести кирпичных заводов, двух лавок, от аренды 25-ти домов и 314 десятин земли³⁷⁰. В Херсонской епархии в пользу некоторых попечительств передавали доход от усадеб, «занимаемых разночинцами»³⁷¹.

Составители отзыва по Владимирской епархии рассказали, что одна из церквей епархии «издавна» получала доход от водяной мельницы, которой заведовал староста храма. Однако староста «лишился доверия», и в приходе «пошли распри». Тогда священник убедил прихожан открыть попечительство и передать ему мельницу. Это дало «самые лучшие результаты». В течение 25 лет на доход от мельницы, получаемый попечительством, содержались церковь, училище и сторожка. За весь этот срок было израсходовано более 10 тысяч рублей. Интересно, что составители отчета нашли нужным прибавить, что в суждении «о более важных предметах» в этом приходе участ-

---

³⁶⁷ Там же. Лл. 221–222 об. (Санкт-Петербургская епархия), 354 об. (Архангельская), 376 об. (Оренбургская), 413 (Киевская), 418 (Харьковская), 430 об. (Тобольская), 792–808 об. (Херсонская).

³⁶⁸ Там же. Л. 41 об.

³⁶⁹ Там же. Л. 143 об.

³⁷⁰ Там же. Л. 265 об.

³⁷¹ Там же. Лл. 792–808 об.

вуют все прихожане, «которые тем очень довольны»³⁷². Впрочем, и использование попечительствами доходных статей могло носить не постоянный, а временный характер. Так, в сообщении из Екатеринославской губернии отмечалось, что арендные статьи предоставляются попечительствам время от времени, обычно – при сооружении церквей³⁷³.

Иногда среди доходных статей, переданных попечительствам, встречались сдача питейных заведений в аренду и проценты от продажи питей. Об этом упоминалось в отчетах из Саратовской и Подольской епархий. И если Саратовский преосвященный писал об этой практике с явным осуждением, то его Подольский собрат говорил об этом как о само собой разумеющемся и даже единственно возможном способе эффективно пополнить попечительскую казну. Он подчеркивал, что от питей попечительства получают самый большой доход, и причисление этой статьи доходов к мирским и волостным капиталам несет в себе угрозу самому существованию приходских попечительств³⁷⁴.

В хлебоборных губерниях юга, Поволжья и Сибири существенную роль в доходах попечительств играли поступления от продажи хлеба, выращенного на предоставленной попечительствам земле. Из Симбирской епархии писали:

Главными источниками для образования попечительских капиталов служат посев хлеба на земле, жертвуемой частными лицами, как например, землевладельцами, или же самими приходскими обществами³⁷⁵.

Землю эту обычно обрабатывали посредством найма с употреблением своих семян, а в некоторых селах – сами прихожане. В Донской епархии общественные запашки и посевы называли «самым благонадежным и благоплодным» источником попечительских средств. Здесь ряду попечительств

---

³⁷² Там же. Л. 843.

³⁷³ Там же. Л. 390.

³⁷⁴ Там же. Лл. 485–487, 498, 67, 68 об., 69.

³⁷⁵ Там же. Л. 60 (Симбирская епархия).

участки земли (от 50 до 252 десятин) были пожертвованы в собственность³⁷⁶. Доходы от общественных запасек регулярно назывались на первом месте среди других доходов попечительств в Оренбургской, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской и Тобольской епархиях³⁷⁷.

Отдельные попечительства пополняли свою кассу за счет выдачи небольших сумм нуждающимся под небольшие проценты. О таких случаях сообщали из Рязанской и Херсонской епархий. В некоторых случаях, как например, в Подольской епархии, это была форма хранения свободных денег³⁷⁸. Впрочем, иногда занявшиеся ссудными операциями попечительства терпели убытки. Одно из попечительств Ананьевского уезда Херсонской епархии раздало под проценты своим прихожанам 14 тысяч рублей, когда же попечительство начало строить церковь, вернуть удалось только 6 тысяч рублей³⁷⁹.

Иногда попечительствам оказывали *поддержку светские организации*. Так, в Воронежской епархии существовали несколько попечительств, которые получали пожертвования от губернского благотворительного комитета и от дамского комитета Российского общества Красного креста. В последнем случае средства, очевидно, шли на помощь голодающим. В Саратовской, Херсонской и Екатеринбургской епархиях попечительствам оказывали помощь органы местного самоуправления – городские думы, земские управы, сельские общества, а также – заводоуправления (на Урале). В Средней Азии попечительства порой вообще не имели собственных средств. Перовское попечительство Туркестанской епархии владело только теми средствами, что были пожертвованы иноепархиальными церквами и монастырями на строящийся храм³⁸⁰. Еще реже средства попечительств пополнялись за счет отчислений от церковных сумм. Так было в случае с некоторыми попечительствами

---

³⁷⁶ Там же. Лл. 99 об.–100.

³⁷⁷ Там же. Лл. 376, 390, 418, 792–808 об., 430 об.

³⁷⁸ Там же. Л. 87.

³⁷⁹ Там же. Лл. 792–808 об.

³⁸⁰ Там же. Лл. 460 об.–461, 485–487, 550–551 об., 590–591 об., 792–808 об.

Саратовской епархии³⁸¹. Но этот способ поддержки попечительств не приветствовался ни приходским духовенством, ни епархиальной властью.

Наконец, в разных местах встречались довольно неожиданные способы финансирования попечительств. Так, в селе Хотени Калужской губернии источником средств для попечительства было

взимание по 1 руб<лю> с каждого жениха при венчании, вместо того, чтобы угощать односельян водкой, и взимание по 50 коп<еек> с каждого парня и девицы, которые в первый понедельник великого поста будут производить исстари заведенные шуточные игры³⁸².

Впрочем, венцовые сборы, то есть сборы с брачующегося, брали в свою пользу попечительства в Санкт-Петербургской, Харьковской и Подольской епархиях. Причем в Подольской епархии попечительские взносы брали и при крещениях, и при погребениях³⁸³. Регулярно в пользу попечительств сельские сходы перечисляли различные штрафы: за пьянство, семейные ссоры, драки, «безнравственное поведение», мелкое воровство, нарушение святости воскресных и праздничных дней работами (Подольская епархия), за сквернословие (Херсонская епархия), а также – за умышленную потраву (Киевская и Подольская епархии). Попечительствам передавали выручку от продажи приготавливаемого в некоторых местах к храмовому празднику меда (Киевская епархия), а также от продажи травы и фруктов с церковных погостов и кладбищ (Киевская, Херсонская, Подольская епархии)³⁸⁴. В крупных городах попечительствам шли сборы от специально устраиваемых светских и духовных концертов, спектаклей, лотерей, чтений, книжных лавок (Санкт-Петербургская и Екатеринбургская епархии)³⁸⁵.

---

³⁸¹ Там же. Лл. 485–487.

³⁸² Там же. Л. 46.

³⁸³ Там же. Лл. 221–222 об., 418, 67.

³⁸⁴ Там же. Лл. 67 и сл., 413, 792–808 об.

³⁸⁵ Там же. Лл. 221–222 об. 590–591 об.

Приходские попечительства и крестьянский «мир»

Из приведенных примеров видно, что в финансировании приходских попечительств весьма заметную роль играло сельское общество. Крестьянские сходы принимали решения о прямой поддержке попечительств, они передавали в их ведение доходные статьи или земельные наделы, принадлежавшие общине, они собирали односельчан на общественные работы в пользу попечительств. Это заставляет нас обратить особое внимание на взаимоотношения крестьянского «мира» и приходских попечительств. Наиболее последовательно эти взаимоотношения прослеживаются на примере материалов, присланных в Синод из Подольской епархии. Здесь, как мы видели, попечительства были открыты более чем в 80% приходов. Они особенно активно открывались в 1864–1876 гг., когда стали действовать 2/3 попечительств, существовавших ко времени составления отчета (1894 г.). Главными причинами такого интенсивного открытия попечительств местные священнослужители называли «воспоминание о существовании в здешнем крае церковно-приходских братствах», а также сознание прихожанами потребности того, что нужно было ремонтировать приходские храмы, которые находились «в крайне печальном состоянии» во времена «господства польских панов и католической пропаганды»³⁸⁶. Сельские попечительства здесь по своему составу носили исключительно крестьянский характер, а возглавляли их как правило приходские священники или мировые старшины³⁸⁷. Впрочем, большинство благочинных, на основании мнений которых был написан отзыв Подольской епархии, советовали не доверять статистике и подчеркивали, что многие попечительства действуют только на бумаге³⁸⁸. Один из благочинных сетовал на членов попечительств:

Избранные гордятся пред своими односельцами-прихожанами предоставленным им почетом, любят предстояния в храмах с братскими свечами и председания на общественных обедах, но вся деятельность их почти только тем и ограничи-

---

³⁸⁶ Там же. Лл. 62–62 об., 64–64 об.

³⁸⁷ Там же. Л. 64 об.

³⁸⁸ Там же. Лл. 76 об.–77 об.

вается в приходе. Когда по почину приходских священников, кои большею частью состоят председателями Попечительств, дело коснется каких-либо потребностей местного храма, причтовых помещений, церковно-приходской школы, религиозно-нравственных и материальных в среде беднейших прихожан нужд и потребностей, тогда эти номинальные попечители отделяются или отрицательным молчанием, или заявляют о необходимости составления сельского схода (громады). И затем, когда по поводу таковых приходских потребностей и нужд созывается сход всех прихожан, тогда эти номинальные попечители <...> нередко становятся даже в оппозицию против священника и благонамеренных своих собратий³⁸⁹.

Основным источником попечительских средств здесь были доходы от арендных статей, особенно – аренда от найма общественных домов под питейные заведения, проценты от продажи питей, кроме того – обязательные взносы прихожан, взносы при крещениях, браках, погребениях, продажа меда с попечительских пасек, штрафы за пьянство, семейные ссоры, драки, «безнравственное поведение», умышленную потраву, мелкое воровство, нарушение святости воскресных и праздничных дней работами, запашка общественных земель, а также – доход от переезда через мосты, от продажи травы и фруктов с церковных погостов и кладбищ, от продажи камня с принадлежащих сельскому обществу каменоломен, лугов, прудов. Причем авторы отчета подчеркивали, что доход от питейных заведений был самым большим в бюджете попечительств. Расходовались собранные средства преимущественно на постройку и ремонт церквей³⁹⁰. Обратим внимание: поступление в пользу попечительств буквально всех типов этих доходов (за исключением разве что добровольных взносов прихожан) зависело от решения крестьянского схода. Как было сказано выше, только сход мог передать попечительству поступления от принадлежащих сельскому обществу доходных статей, обложить членов общества штрафами или принудить их к обязательным платежам (раскладка обязательных платежей делалась по мирским приговорам). Понятно, что попечительства, по меньшей мере, зависели от сельских обществ. Но благочинные в своих отзывах шли еще дальше. Они прямо

---

³⁸⁹ Там же. Лл. 63–63 об.

³⁹⁰ Там же. Лл. 67–69.

утверждали, что попечительства являются ни больше, ни меньше как исполнительным органом «громады», сельского «мира», органом, только собирающим и распределяющим средства с тех доходных статей, что назначены миром на церковные нужды. Благочинный 6-го Брацлавского округа священник Александр Руданский³⁹¹ писал:

По прямому выводу сельского общества попечительство не должно составлять особое учреждение с самостоятельной деятельностью, а попечители именно есть такие избранные общественные слуги, которые должны пещись, т.е. заботиться, глядеть зорко, чтобы общественная копейка не тратилась по чему-либо произволу (подразумевая местный причт), а идти только на тот предмет, на который жертвуемые суммы предназначаются «громадой». Такой предмет – единственно приходская церковь³⁹².

Довольно только, чтобы священник, он же и председатель попечительства, «незарядившись» сперва с «громадой», а по согласию с членами попечительства взял из кассы попечительской один десяток рублей на переделку, например, согнившей крыши на одном из причтовых зданий, чтобы вызвать в приходе бурю. Последний пьяница в приходе, сломанного гроша никогда не давший в попечительскую кассу, и тот осмеливается поднять голос в укор попечителей: «дай только им в руки гроши, они батюшкины прихлебатели <...> за чарку горилки еще начнут ему, священнику, и возы налаживать на наши гроши»³⁹³.

Тесная связь приходских попечительств и крестьянской общины многое объясняла в их истории. В частности, этим можно объяснить незначительный интерес со стороны попечительств к просветительской и благотворительной деятельности, ведь «мир» очень часто не интересовало ничего, кроме приходского храма. Во взаимосвязи попечительства и «мира» лежит причина и временной, окказиональной деятельности многих попечительств. Тот же отец Александр, описывая деятельность одного из попечительств, которое действовало в селе, где шло строительство церкви, прямо указывал, что в сборе средств попечительство не играло никакой роли (а средства на строительство

---

³⁹¹ По характеристике отзыва это был «благочинный деятельный, благонамеренный и близко стоящий как приходский священник к крестьянскому народонаселению». – Там же. Л. 74.

³⁹² Там же. Лл. 74–74 об.

³⁹³ Там же. Лл. 74 об.–75.

были собраны большие); его члены были лишь выборными от общества, которым оно поручило хранить деньги и заниматься строительством. При этом в течение 22 лет (1870–1892) до начала строительства церкви средства попечительства составляли крохи, и оно никак себя не проявляло³⁹⁴. В другом селе попечительство тоже выступало «в простой роли исполнителя воли “громады”». Причем, как только возникала потребность приходской жизни, само общество и договаривалось с подрядчиками, а «через руки попечителей» проходил только расчет с ними. «Так делается и в других приходах, где существует и якобы действует приходское попечительство»³⁹⁵, – резюмировал благочинный.

Все это наводило священников на мысль о ненужности приходских попечительств как самостоятельного института.

По моему личному наблюдению, – писал отец Александр Руданский, – приходские попечительства в теперешнем своем виде живые мертвецы и одухотворить их, возбуждая к настоящей их жизни <...>, не в состоянии самый энергичный, честный и разумный священник³⁹⁶.

В подтверждение этой мысли приводились примеры приходов, где попечительств не было. Так, в одном бедном и маленьком селе не существовало ни оброчной статьи, ни попечительства, все нужды церкви покрывались за счет обязательных платежей односельчан (раскладкой которых занимался сельский сход). Благочинный считал, что здесь «все идет хорошо, насколько это возможно для такого малого села» и без попечительства³⁹⁷. Факт положительного нравственного влияния членов попечительств на прихожан священники также ставили под сомнение³⁹⁸. Все зависело только от самого священника:

Священник действует на приход не через избранных обществом членов попечительства (куда проскользают часто и лица негодные), а вообще через всех доб-

---

³⁹⁴ Там же. Лл. 76 об.–77 об.

³⁹⁵ Там же. Л. 77 об.

³⁹⁶ Там же. Л. 76.

³⁹⁷ Там же. Лл. 78 об.–79.

³⁹⁸ Там же. Лл. 77 об.–78.

рых, приверженных к церкви прихожан, кои находятся в каждом селе. Известно, что правильных очередных заседаний членов попечительства не бывает ни в одном приходе, а назрела известная мысль у священника касательно нужд церковно-приходской жизни, он в один из воскресных или праздничных дней по окончании богослужения просит народ задержаться на погосте и по выходе из церкви излагает людям известную намеченную церковно-приходскую нужду, и вопрос целым приходом всесторонне обсуждается и зачастую тут же окончательно решается³⁹⁹.

Духовенство было невысокого мнения о членах попечительств, считая их фигурами номинальными, поскольку «теперь все село попечителей». Батюшки сетовали на то, что если что-то нужно священнику, то попечителей «не дозовешься», а «когда нужно выдавать деньги подрядчику <...> тогда и не зови их, они сами обязательно явятся все налицо»⁴⁰⁰. Пользу в деятельности попечительств подольские священники видели единственно в том, что с их помощью были спасены от расхищения и обращены на церковные нужды средства, поступавшие от аренды общественной доходной статьи – сельской корчмы, шинка, который существовал в 9/10 сел Подольской епархии. Во всех селах шинки сдавались в аренду, но сельские власти часто находились в сговоре с корчмарем, тратили деньги бесконтрольно и «с явными хищениями». Там же, где общество приговорило отдавать эти деньги попечительству, оно (попечительство) следило, чтобы плата не была заниженной, не разрывалась, а шла на церковь⁴⁰¹. «На этом и останавливается услуга приходу попечительства»⁴⁰², – свидетельствовал отец Александр.

Впрочем, с 1880-х гг. доход от шинков стал предметом конфликта между попечительствами и местными сельскими властями, прежде всего – волостными правлениями. С этого периода власти начали развивать институт волостных ссудных банков, или касс, в которых должны были сосредотачиваться «свободные мирские суммы». Забота о наполнении этих касс была поручена мировым посредникам и «проводникам их идей и распоряжений во-

---

³⁹⁹ Там же. Лл. 78–78 об.

⁴⁰⁰ Там же. Лл. 80–80 об.

⁴⁰¹ Там же. Лл. 75 об.–76.

⁴⁰² Там же. Л. 76.

лостным писарям». Те и другие стали стремиться сосредоточить в волостных банках средства от всех мирских доходных статей, в том числе от тех, что раньше шли на церковь и на финансирование попечительств. Более того, волостные власти, стремясь, очевидно, к возможно большему и скорейшему наполнению касс (видимо, чтобы иметь возможность скорее отчитаться об этом перед уездным и губернским начальством), стали отбирать в волостные кассы не только свободные мирские деньги, но и все доходные статьи, выручка от которых раньше шла в попечительства. Причем, увлекшись, отбирали и собственно суммы попечительств, не только собранные мирскими сходами, но и пожертвованные духовенством. А волостные писари стали распространять на волостных сходах слухи о том, что попечительства «как выдумка духовенства не должны далее и существовать». Часто эти обстоятельства вели или к полному прекращению деятельности попечительств, или к тому, что они действовали только номинально. В условиях этого конфликта духовенство смотрело на будущее попечительств исключительно пессимистично, замечая, что скоро все попечительства «ждет печальная участь, и все они по истине сделаются только номинальными»⁴⁰³. При этом у попечительств были и другие враги, например, – «мирские заправилы», «кулаки», которые захватывали «за магарыч» в свои руки доходные статьи, доход от которых ранее шел попечительствам⁴⁰⁴.

Симптомы тесной зависимости попечительств от решений крестьянского «мира» мы наблюдаем и в других епархиях. Везде доходные статьи передавались попечительствам именно «миром», «миром» же делались общественные запашки, везде наблюдалась окказиональность попечительств. Но особенно отчетливо эти взаимоотношения прослеживаются на примере конфликтов, возникавших вокруг попечительств в самых разных епархиях. Описания этих конфликтов на удивление однотипны. Это столкновения попечительств и приходских священников (часто вынесенные на рассмотрение

---

⁴⁰³ Там же. Лл. 66–66 об., 68 об., 69, 71–73.

⁴⁰⁴ Там же. Лл. 73–73 об.

епархиальных властей), вызванные какой-то из двух причин: либо вмешательством попечительств или их председателей в церковные дела, особенно – в ведение церковного хозяйства, в порядок расходования церковных сумм, либо неправомерным (с точки зрения духовенства и епархиальной власти) расходованием средств попечительств – обращением их средств на общественные, в том числе «мирские» нужды. Иногда обе эти причины действовали одновременно. Степень вмешательства в церковное хозяйство со стороны попечительств иногда была значительной. В некоторых местах попечительства устанавливали по своему усмотрению таксы за требы, доводя их до минимума. В других местах настаивали даже на том, чтобы церковные средства не высылались на духовно-учебные заведения, а тратились бы на колокола, храм, общественные нужды. Некоторые попечительства отбирали запас свечей у церковных старост и выдавали свечи старосте по счету, то есть брали под свой контроль основную статью церковного дохода⁴⁰⁵. Как сообщали в Синод из Донской епархии,

за малыми исключениями, *все* церковно-приходские попечительства считают себя хозяевами приходской церкви; в силу чего иногда самым грубым и нецеремонным образом вмешиваются в церковное хозяйство, с явным стремлением наложить руку на церковные суммы⁴⁰⁶.

---

⁴⁰⁵ Там же. Лл. 2–3 (Екатеринославская епархия), 96 об.–100 об. (Донская), 145, 152 (Смоленская), 425 об.–426 (Пензенская), 776 об.–777 (Астраханская), 792–808 об. (Херсонская). Ср.: *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. С. 92. Интересно, что посягательства на священническую монополию в распоряжении церковным хозяйством имели место не только со стороны попечительств, но и, например, со стороны командования казачьих войск. В 1900–1901 гг. имела место переписка между Наказным атаманом Уральского казачьего войска генерал-майором К.Н. Ставровским, Оренбургским епископом Владимиром (Соколовским), Главным управлением казачьих войск Военного министерства и обер-прокурором Синода по вопросу о порядке назначения «попечителей» церковей в Уральском казачьем войске, инициированная К.Н. Ставровским. В своем письме он буквально требовал «предоставить Наказному Атаману права назначения» попечителей церковей. Естественно, эта инициатива была дипломатично отклонена и епархиальной властью, и обер-прокуратурой. См.: Там же. Лл. 873 с об.–874 (Предложение обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева о предложении Наказного атамана Уральского казачьего войска), 876 (Отношение из Главного управления Казачьих войск Военного министерства обер-прокурору от 19 июня 1901 г.), 878–878 об. (Рапорт Наказного атамана Уральского казачьего войска Начальнику Главного управления казачьих войск Военного министерства от 29 мая 1901 г.), 880–882, 883 (Письмо Наказного атамана Уральского казачьего войска епископу Оренбургскому и Уральскому Владимиру от 16 ноября 1900 г.), 879 (Письмо епископа Владимира Наказному атаману Уральского казачьего войска от 12 апреля 1901 г.), 885 (Определение Синода от 12 сентября 1901 г.).

⁴⁰⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Л. 96 об. Курсив в цитате наш. – А.Б.

Нетрудно увидеть, что за вторым типом конфликтов, за стремлением обратить средства попечительств на общественные нужды стояло давление «мира» (или другого «общества», в том числе, например, земства). Об этом прямо говорили сообщения из некоторых епархий⁴⁰⁷. Получалось, что в этом случае «общество» воспринимало попечительства как элемент не церковной, а собственной – «мирской» или земской – организации. За первым типом конфликтов, по сути, стояли такие же мотивации. В этом случае или председатели попечительств из крестьян (казаков) стремились распространить свое влияние и на церковное хозяйство, воспринимая свою церковь как принадлежащую общине, а не клиру, или председатели-дворяне, часто исходя из славянофильских представлений о попечительстве как основе приходской организации (см.: Глава 2 § 10), также считали церковное хозяйство относящимся к сфере их компетенции. (Обе эти мотивации мы рассмотрим подробнее ниже.)

Так или иначе, судьба попечительств зависела от благоволения «мира» (или другого общества). Последний мог строить свои отношения с попечительством по трем сценариям. Он мог игнорировать уже созданное попечительство, и тогда работа последнего оказывалась парализована. Он мог рассматривать попечительство как собственный исполнительный орган, как мы видели на примере Подольской епархии. Наконец, он мог считать организацию попечительств совершенно излишним делом, и тогда попечительство не могло и возникнуть.

Первый сценарий отношений «мира» и попечительств отчетливо просматривается на примере сообщений из ряда епархий. В частности, преосвященные писали, что когда речь идет о назначении сбора средств в пользу попечительств, сельские сходы или невозможно собрать, или они, будучи собранными, отвергают постановления попечительств. Назначить обязательный (а не добровольный) сбор может только сельский сход. Собрать его только по инициативе попечительств невозможно. Волостные и сельские

---

⁴⁰⁷ См., например, сообщение из Донской епархии: Там же. Л. 96 об.

начальники дистанцируются от деятельности попечительств, а «без понуждения» с их стороны крестьяне не приходят на сходы (если не хотят решать вопрос, поднятый попечительством). Приходится довольствоваться добровольными сборами, но результат их часто незначителен, а кроме того, участвующие в них тяготеют к неравномерному распределению сборов, т.к. не все односельчане участвуют в них. Так появляются ропот и неприязнь к членам попечительств и к самим попечительствам даже у тех, кто поначалу и был готов жертвовать. Апелляция к сельским властям не дает результата, поскольку власти придают значение только решениям общего схода, который сами же не хотят созывать для решения попечительских дел. Вследствие этого порочного круга, замечали корреспонденты Синода, почти невозможно установить какие-либо обязательные сборы в пользу попечительств, в значит – и активизировать их деятельность⁴⁰⁸. Без поддержки со стороны схода (к которой его нельзя принудить!) она оказывается парализована.

Второй сценарий отношения попечительства и «мира», когда последний воспринимал попечительство как своего порученца, как мы видели, был последовательно реализован в Подольской епархии. Но мы были бы неправы, если бы пришли к выводу, что такой сценарий был актуален только для юго-западных окраин империи. Дело в том, что именно в случае, когда попечительство было «исполнительным органом» крестьянского схода, ярко проявлялась окказиональность, временность попечительств, а сообщения о таком характере деятельности попечительств приходили из всех епархий. Наконец, третий сценарий, когда «мир» признавал попечительство полностью излишним, и дело до организации попечительства даже не доходило, также встречался широко и, видимо, был главной причиной незначительного распространения попечительств. Реализации такого сценария способствовало и то обстоятельство, что органы крестьянского самоуправления даже по закону обладали довольно широкими полномочиями в деле приходской благотвори-

---

⁴⁰⁸ Там же. Лл. 116 (Могилевская епархия), 428 об.–430 (Тобольская), 859–862 об. (Томская, 1902 г.).

тельности. Они официально могли собирать деньги на поддержание храма, на учреждение школы, на помощь бедным в приходе и приходскому духовенству (см.: Глава 2 § 3). То есть сход уже действовал в тех сферах приходской жизни, в которых предлагалось действовать попечительствам. Понятно, что для большинства прихожан они были совершенно лишним институтом. Об этом, собственно, часто говорили сами верующие, как крестьяне, так и горожане. Где-то верующие заявляли, что попечительства не создаются, поскольку все приходские дела и так решаются сходами⁴⁰⁹; где-то, что они поддерживают церковь «обычным порядком», и без попечительств, а на благотворительные заведения делают взносы в земство⁴¹⁰. Иногда формулировки этих сообщений из разных епархий совпадали почти буквально.

В этих условиях подчиненности попечительств крестьянскому «миру» подольские священники, как правило, отвечали крайне неопределенно, когда их спрашивали о желательных преобразованиях, касающихся устройства приходских попечительств. Они явно не знали, что делать с попечительствами. Обобщая мнения местного духовенства, благочинный священник Димитрий Дмитревский писал:

Одни <священники> говорят, что для усиления благотворной деятельности Попечительств нужно уничтожить шинки в селах, другие – делу поможет возвышение материального благосостояния прихожан, третьи, что кроме материального благосостояния, нужно еще религиозно-нравственное направление прихожан, четвертые, что нужно сочувствие светской власти, пятые, что нужна солидарность по предметам ведения дела духовной и светской властей, иные, что необходимы целесообразные и частые внушения прихожанам со стороны священников, иные, что успех зависит от доброго религиозно-нравственного направления чинов попечительства. Но кроме этих общих соображений <...> никто из священников ничего не высказал <...>, на практическую почву никто не становится, как будто бесследно

---

⁴⁰⁹ Там же. Лл. 356 (Архангельская епархия), 560–561 (Тверская).

⁴¹⁰ Там же. Лл. 91 (Костромская епархия), 140 об., 147 об.–148, 150 об., 152 (Смоленская), 355 об. (Архангельская), 416 об. (Харьковская), 465 об.–466 (Воронежская), 560–561, 562 об. (Тверская) и др.

прошла тридцатилетняя жизнь церковных попечительств. Да и придумать что-либо, кроме этого трудно при настоящих условиях церковно-приходской жизни⁴¹¹.

Те, кто все же решался дать конкретные рекомендации, предлагали, чтобы в день выборов членов попечительств сельский сход приговаривал источники финансирования этого органа, или же предлагали в обязательном порядке ввести в состав попечителей мировых посредников, сельских старшин и других представителей сельских, а в городах – местных гражданских властей⁴¹². Последнее предложение вполне понятно. Его реализация снимала бы конфликт административных интересов, заставляла бы сельские власти отождествить себя с этим институтом. По сути, реализация обоих предложений означала бы узаконение попечительства как органа сельского общества, окончательное отождествление попечительства и «мира». Это в свою очередь означало бы признание того, что интересы прихода представляет сельский сход и его должностные лица. Но тогда возник бы вопрос о месте и роли собственно приходских институтов – церковного старосты, приходского собрания и др. (см.: Глава 2 § 8).

Однако реформировать приходское устройство можно было не только путем отождествления приходских институтов с институтами крестьянского самоуправления, но и выделяя в приходе религиозно активный костяк. Альтернативой попечительствам в той же Подольской епархии были существовавшие здесь во многих приходах приходские братства и «общества сестер». Их члены избирались священником, у них были свои восковые свечи, с которыми братчики стояли на литии и при чтении Евангелия. В этих обществах были свои кружки для сбора средств, их члены заботились о бедных, о «нищих прихода» в виде раздач милостыни и устройства общих обедов, а также – о больных, беспомощных и о погребении умерших в крайней нищете⁴¹³. Обратим внимание на их главное отличие от попечительств: братства и сестричества, по сути, представляли собой костяк прихожан, преданных

---

⁴¹¹ Там же. Лл. 83–83 об.

⁴¹² Там же. Лл. 80 об.–82, 87 об.–88.

⁴¹³ Там же. Лл. 83 об., 85–86 об.

церкви, наиболее религиозно активных людей в приходе, на которых священник действительно мог опереться в своей деятельности. Члены попечительства – как мы видели, – напротив, были своего рода порученцами крестьянского схода, прислушивавшимися прежде всего к его мнению. Особая религиозная настроенности от них, в общем-то, и не требовалась.

Так или иначе, но деятельность приходских попечительств к концу XIX в. вызывала разочарование у наиболее вдумчивых представителей иерархии и духовенства⁴¹⁴. Как можно судить по числу конфликтов вокруг попечительств, разочарованы были и прихожане⁴¹⁵. Равным образом, не оправдались ожидания и светской бюрократии, надеявшейся с помощью попечительств решить проблему материального обеспечения приходского духовенства и не достигшей этого. Организация попечительств не привела к возрождению приходской жизни. И к началу 1890-х гг. их в целом уже не рассматривали как структуру, могущую способствовать этому. «Запутанная система, выстроенная законодателями с тем расчетом, чтобы и привлечь прихожан к церковным делам, и не допустить их своеволия, была на деле недееспособна»⁴¹⁶. Обсуждавшаяся с 1893 г. реформа попечительств так и не состоялась до 1905 г., когда уже был поставлен вопрос не о реформировании, а о ликвидации попечительств. Однако деятельность попечительств выявила и иную проблему – проблему взаимодействия крестьянской общины (и шире – структур местного самоуправления) и православного прихода. Эта проблема будет одной из ключевых в последующей истории приходского вопроса.

§ 5. Сословность духовенства и приходский вопрос

Изменение статуса духовного сословия в эпоху Великих реформ

Еще одной составляющей церковных преобразований 1860-х гг. (помимо попытки улучшить материальное положение духовенства) были меропр-

---

⁴¹⁴ См., например, отзыв архиепископа Тверского Саввы (Тихомирова): Там же. Лл. 560–571.

⁴¹⁵ См. также: *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. С. 93.

⁴¹⁶ Там же. С. 90.

ятия, призванные разрушить замкнутость духовного сословия. В 1865 г. вышел указ, разрешавший архиереям без обращения в Синод увольнять из духовного звания в светское выпускников семинарий, если те подали об этом просьбы⁴¹⁷. В мае 1867 г. была законодательно отменена наследственная передача церковно-приходских должностей⁴¹⁸. До этого она рассматривалась как средство «призрения», т.е. социального обеспечения престарелых и больных священно- и церковнослужителей, а также вдов и сирот умерших клириков. Также на это смотрело и духовенство. Теперь же (после 43 лет его законного действия) власти признавали такой порядок «несовместимым как с каноническими постановлениями, так и с достоинством церковного управления» и возлагали основные надежды на пенсии и государственные пособия. В соответствии с этим решением изменялась и редакция некоторых пунктов в Уставе общественного призрения и п. 6 Положения «О призрении бедных духовного звания»⁴¹⁹. Завершающим аккордом этой реформы стал закон 1869 г. «Об устройстве детей лиц православного духовенства», который официально отменял наследование духовного звания от отцов к детям, но сохранял за детьми духовенства определенные права и привилегии⁴²⁰. Теперь они не были обязаны связывать свою жизнь с церковным служением и могли выбирать любое жизненное поприще, причем пользовались правами личных дворян (дети священнослужителей) и личных почетных граждан (дети церковнослужителей), что означало, в том числе, свободу от подушной подати и рекрутской повинности. С этого момента духовное сословие более не ограждалось законом, юридически оно перестало существовать. В 1871–1876 гг. вышли еще несколько законов, разъяснявших и развивавших акты 1867–1869 гг.⁴²¹. Поразительно, но во всех этих актах речь шла почти исключительно о

---

⁴¹⁷ ПСЗ(2). Т. 40. Отд. 1. 29 сентября 1865 г. № 42507.

⁴¹⁸ ПСЗ(2). Т. 42. Отд. 1. 22 мая 1867 г. № 44610.

⁴¹⁹ ПСЗ(1). Т. 38. 12 августа 1823 г. № 29583.

⁴²⁰ ПСЗ(2). Т. 44. Отд. 1. 26 мая 1869 г. № 47138.

⁴²¹ Подробно о преобразовании духовного сословия см.: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 172–175; *Руновский Н.* Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра

свободном выходе из сословия, а не о создании условий для привлечения к священническому служению выходцев из других социальных групп. Кажется, что реформаторы были уверены: стоит отменить законы, формирующие сословные границы, и все устроится само собой, ревностные миряне устремятся к священническому званию.

Впрочем, результаты проведенных преобразований были далеко не однозначны. Так, указ 1867 г. привел духовенство «в отчаяние». Оно прекрасно осознавало, «как неудовлетворительны» иные способы призрения, о которых говорилось в указе. В течение некоторого времени Синод буквально бомбардировали прошениями о закреплении за сиротами родовых мест, так что ему пришлось уже в январе 1868 г. подтвердить свою непреклонность⁴²². Однако практика наследственной передачи приходских мест не перестала существовать. Даже в Московской епархии она почти официально сохранялась еще в 1900-е гг.⁴²³. Широко известно, что эмансипация духовного сословия привела к значительному оттоку духовного юношества из его рядов, причем последнее оказалось и среди революционеров-народников, занимая среди них по численности далеко не последнее место⁴²⁴. Вместе с тем, мало обращается внимания на то, что «бегство из сословия» имело самые неблагоприятные последствия для самосознания тех, кто в нем остался. Как писал один из современников, «все, что бросило рясу, сделалось ее отъявленным врагом, а все, что осталось в рясе, почувствовало себя униженным не только в чужих, но и в собственных своих глазах». В результате духовенство теряло «веру в

П. С. 47–100; *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 453–460; *Федоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. С. 215.

⁴²² *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 174–175.

⁴²³ *Белоногова Ю.И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века: (По материалам Московской епархии). М., 2010. С. 47–51.

⁴²⁴ «22% народников 1870-х гг. были выходцами из духовенства, в то время как доля духовенства во всем населении страны в 1870 г. составляла 0,9%». – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 107. См. также: *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 506–509; *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 78–81.

свое призвание и в свое значение для жизни», что – по мысли того же автора – было «истинной причиной упадка его влияния на народ»⁴²⁵.

Более того, церковные преобразования эпохи Великих реформ в одной своей части разрушая духовное сословие, в другой – создавали условия для его еще большей консолидации. Парадоксально, но именно в этот период духовенство получило органы сословного самоуправления, которых не имело ранее и которые являются важным признаком зрелого сословного строя⁴²⁶. Такими сословными органами следует признать благочиннические собрания и советы, окружные и епархиальные съезды духовенства⁴²⁷. Существование епархиальных съездов было предусмотрено новыми семинарскими уставами 1867 г. Согласно им, епархиальное духовенство «призывалось к участию в благоустройстве» духовно-учебных заведений. Съезды избирали членов семинарских правлений, обсуждали и решали вопросы содержания параллельных классов семинарий, строительства общежитий для своекоштных семинаристов и т. п. Они также могли рассматривать вопросы, «соприкасавшиеся с состоянием учебных заведений», но в действительности далеко выходящие за пределы этой сферы и касавшиеся в целом экономической жизни епархии. Таким вопросом, например, было создание епархиальных свечных заводов. Содержание духовных училищ, а также женских епархиальных училищ для дочерей священно- и церковнослужителей было практически полностью предоставлено в ведение епархиального духовенства. Для этого оно собирало окружные съезды, которые решения помимо материальных вопросов, избирали членов училищных правлений и кандидатов на должность смотрителей училища.

Помимо съездов духовенства по делам духовно-учебных заведений, в этот период во многих епархиях получили распространение съезды «по цер-

---

⁴²⁵ *Осипов Н.О.* О причинах упадка влияния духовенства на народ. (Читано в собрании столичных проповедников). СПб., 1900. С. 11–12.

⁴²⁶ Ср.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 76–77, 140–141.

⁴²⁷ Ср. аналогичное мнение современников: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 12а об.–12б. Ср. также: *Мангилева А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства пермской губернии в XIX – начале XX в. С. 384–385.

ковно-общественным делам», которые рассматривали самый широкий спектр вопросов практики и быта духовенства. К этого рода съездам примыкали благочиннические собрания, которые также разбирали подобные вопросы, рассматривали способы реализации указаний епархиальной власти, определяли размеры выплат вдовам и сиротам из средств попечительств о бедных духовного звания, избирали членов благочиннических советов и благочинных (до 1881 г.). Важным правом, закрепленным за благочинническими собраниями и советами, было право разрешения конфликтов, возникавших внутри причтов или между ними «общими пастырскими увещаниями». Фактически, это было право внутрисословного третейского суда⁴²⁸.

Нетрудно увидеть, что полномочия съездов всех уровней касались именно сословных интересов духовенства. Не составляли исключения и вопросы содержания духовно-учебных заведений. Поскольку они продолжали носить сословный характер, речь шла о том, что отцы изыскивали средства для финансирования школы для своих детей. Причем в большинстве случаев эти средства брались из «церковных денег», то есть из тех, что прихожане жертвовали в свой приходский храм (см. подробно: Глава 2 § 5). Сословный характер епархиальных съездов был абсолютно ясен для современников⁴²⁹. Таким образом, духовенство получило в свои руки полномочия по обустройству сословной школы, по социальному обеспечению своих членов, сословный третейский суд, выборы в органы сословного самоуправления и даже – в органы епархиального управления (в некоторых епархиях теперь избирали и членов консисторий). Оно распоряжалось приходскими средствами, направляя их теперь на свои сословные нужды. Все это вело не к разрушению духовного сословия, а к его консолидации, особенно – верхней его страты,

---

⁴²⁸ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству Православного исповедания за 1866 г. СПб., 1867. С. 104–110; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1867 г. СПб., 1868. С. 81–82; *Руновский Н.* Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. С. 169–177. Описание типичного благочиннического съезда 1890-х гг. см.: *Дневник священника Иоанна Зарецкого.* С. 7–10.

⁴²⁹ *Иванцов-Платонов А.М., прот.* О русском церковном управлении. С. 49–51. Ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 201. Л. 13.

священников, поскольку младшие члены причтов могли участвовать только в окружных съездах, а не благочиннических и не епархиальных. Вследствие этого священнослужители, получившие органы сословного самоуправления, глубже осознавали свои интересы, обретали навыки их публичной защиты и во многом поэтому после 1905 г. смогли донести их до общества и сформулировать свою, сословную программу церковных реформ⁴³⁰, в том числе приходских. С другой стороны, консолидация верхней страты духовного сословия вела к росту внутрисословного напряжения, поскольку церковнослужители, численно составлявшие значительную его часть, были отстранены от участия в органах сословного самоуправления. Думается, здесь нужно искать корень многочисленных внутрисословных конфликтов 1905 и 1917 гг.

Оставалось ли духовенство сословием в пореформенный период?

Между тем требует уточнения вопрос, насколько юридически упраздненное сословие, продолжало сохранять свои сословные традиции, в какой степени, будучи упраздненным *de jure*, оно продолжало существовать *de facto*? Акты 1867–1869 гг. дают основание Б.Н. Миронову считать, что с начала 1870-х гг. духовенство в Российской империи представляло собой не сословие, а профессиональную группу⁴³¹. Вместе с тем, мнения современников и ряда современных ученых не столь однозначны. В частности, Г.Л. Фриз высказывается более осторожно, говоря, что приходское духовенство Российской империи и после Великих реформ «напоминало строго наследственное сословие»⁴³². Действительно, наследственность передачи приходских мест, по крайней мере, в центральных губерниях фактически сохранялась

---

⁴³⁰ Ср.: Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен: (конец 1890-х – 1918 гг.). Серия: Церковные реформы. Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века. Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. [М.,] 2002. С. 318–342.

⁴³¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 107.

⁴³² «...the Russian parish clergy remained a rigid hereditary estate». – Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. P. 388.

очень долго⁴³³. Духовная школа – один из главных механизмов формирования духовного сословия – в основном продолжала носить наследственный характер. Правда, доля иносословных учащихся в ней поднялась к 1914 г. до 16,4%. Однако эти данные, скорее всего, не учитывают региональный аспект. По наблюдению современников, в центральных губерниях сыновья духовенства среди семинаристов продолжали составлять 90%, а в западных епархиях это число значительно снижалось⁴³⁴. Кроме того, далеко не все из иносословных учащихся семинарий стремились связать свою жизнь с церковным служением. По данным Б.Н. Миронова, доля представителей других сословий среди клириков не превышала 1,5%: «В духовные учебные заведения шли ради образования, а не ради будущей духовной профессии»⁴³⁵.

Представляется, что приведенные выше данные требуют конкретизации. Прежде всего, требуется уточнить, в какой период и в каких регионах наследственные клирики испытывали конкуренцию со стороны клириков «по призванию», пришедших из других сословий. Материал для таких наблюдений нам могут дать ведомости об образовательном цензе духовенства за 1906–1912 гг. В них отражена доля среди рукоположенных в том или ином году священниках тех, кто 1) окончил духовные академии, 2) окончил духовные семинарии, 3) учился в семинарии, но не окончил ее, 4) никогда не учился в семинарии или 5) закончил высшие и 6) закончил средние светские учебные заведения (см.: Приложение 3. Таблицы 1, 2, 3). 1–3 категории ставленников мы с большой вероятностью можем считать выходцами из духовного сословия. Выше мы уже говорили, что иносословные студенты семинарий крайне редко принимали после их окончания священный сан. Не окончившие семинарии, но принявшие сан священника также, скорее всего, были

---

⁴³³ Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века. С. 47–51.

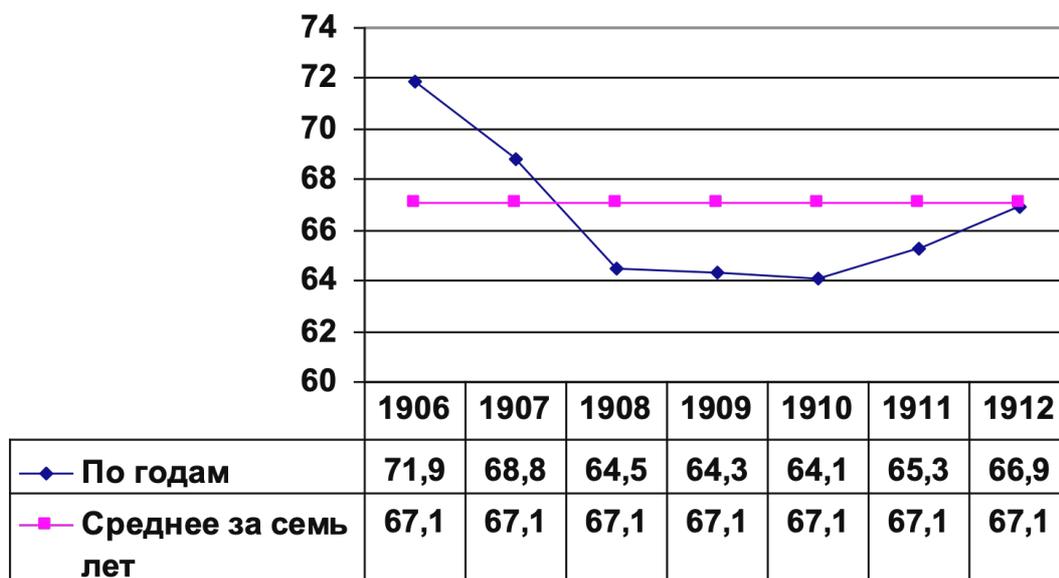
⁴³⁴ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 92. Ср. данные 1880 г.: дети духовенства в духовных училищах составляли около и более 90% учащихся во всех классах, а в семинариях – не менее 95%, причем число иносословных учеников «неуклонно снижалось на более высоких ступенях духовной школы», стремясь к нулю в духовных академиях. – Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 497–498.

⁴³⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. С. 107.

сыновьями духовенства, поскольку именно они в силу стесненного материального положения стремились принять сан и определиться на место даже до окончания курса. Категории же ставленников 4–6, напротив, с той же степенью вероятности можно считать выходцами из других сословий. Сын священника, не поступавший в семинарию, учившийся в гимназии и потом в университете, выбирал такую образовательную траекторию именно для того, чтобы не связывать свою жизнь с церковным служением. Именно поэтому те, кто приходил к рукоположению после светских учебных заведений, скорее всего, не были сыновьями клириков, а делали это по собственному призванию.

В целом за семь лет почти $2/3$ рукоположенных священников происходили из духовного сословия и $1/3$ – из светских (см.: Приложение 3. Таблица 3). Причем здесь наблюдалась интересная динамика. В 1906 г. доля детей духовенства среди рукоположенных в священник сан достигала почти 72%. Затем она начала довольно резко снижаться (на 7,4% за два года) и практически зафиксировалась на одном уровне в 1908–1910 гг. (снижение за два года на 0,4%). Но в 1910–1912 гг. она снова начала расти, хотя и не достигла к концу рассматриваемого периода уровня 1906 г. (График 1).

График 1. Новопоставленные священники – выходцы из духовного сословия в 1906–1912 гг. (в % от общего числа)⁴³⁶

Думается, что начерченная кривая отражает, прежде всего, колебания общественного мнения относительно перспективности церковного служения. В 1906–1908 гг. в обществе были широко распространены активизировавшиеся еще в 1905 г. ожидания скорых церковных преобразований, скорого созыва Поместного собора и обновления всего строя церковной жизни. В этом контексте все больше тех, кто не был связан с пастырством наследственными узами, готовы были связать свою жизнь со священническим служением. После 1910 г., когда стало ясно, что вопрос о созыве собора отложен на неопределенный срок⁴³⁷, в обществе нарастала апатия относительно будущего церковных преобразований и соответственно проявилась тенденция к сокращению доли инословных представителей среди новорукоположенных священников.

В региональном разрезе эти данные выглядят еще более рельефно (см.: Таблица П.3). Бросается в глаза, что наибольшую устойчивость сословная парадигма имела в центральных российских епархиях. Здесь процент сыно-

⁴³⁶ Подсчитано по: РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 291. Лл. 11–52.

⁴³⁷ Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен. С. 391–425.

вей духовенства среди принимавших священный сан на протяжении всего рассматриваемого периода колебался около уровня 90%. Снижение этого показателя за семь лет составляло чуть более 6%. При этом в центральных российских епархиях служила почти треть священников империи. Это был самый значительный регион по числу священнослужителей. На втором месте по устойчивости сословной парадигмы находились северные и северо-западные епархии, включая столичную. Здесь дети духовенства среди новых священников занимали около 80% на протяжении всего периода, хотя этот показатель и сократился почти на 10% за семь лет. На третьем месте находились епархии Новороссии, причем здесь сословность духовенства снижалась еще менее интенсивно, чем в центральном регионе (менее чем на 5% за семь лет). В трех названных регионах служила почти половина всех священников империи. И именно здесь сословная парадигма обладала наибольшей устойчивостью.

Таблица II.3. Доля выходцев из духовного и других сословий среди новорукоположенных священников по регионам (в % от общего числа)⁴³⁸

Регионы	1906		1912		За семь лет 1906–1912	
	духовные	другие	духовные	другие	духовные	другие
Центральный	91,6	8,4	85,2	14,8 +6,4	87,4	12,6
Север и северо-запад	86,2	13,9	76,4	23,6 +9,7	78,2	21,8
Поволжье и Урал	59,8	40,2	64,3	35,7 –4,5	58,1	41,9
Новороссия	77,9	22,1	73,1	26,9 +4,8	78,9	21,1
Малороссия	75,6	24,4	58,6	41,4 +17,0	66,6	33,5
Западный	54,2	45,8	64,0	36,0 –9,8	56,3	43,7
Сибирь, Дальний восток и Средняя Азия	60,9	39,1	35,5	64,5 +25,4	39,8	60,2

В наименьшей степени наследование рода занятий за своими отцами священно- и церковнослужителями в начале рассматриваемого периода было

⁴³⁸ Подсчитано по: Приложение 3. Таблицы 1, 2, 3.

актуально для поволжско-уральских и западных епархий. В обоих этих регионах около 40% священников, рукоположенных в 1906 г., не были связаны с духовным сословием. Однако здесь проявлялась парадоксальная тенденция: число выходцев из других сословий среди пресвитеров в 1906–1912 гг. сокращалось, причем в западном крае значительно – почти на 10%. Очевидно, именно здесь, в многоконфессиональном регионе, служение в котором предъявляло повышенные требования к священнику, к его нравственному и образовательному уровню, особенно сказывалась апатия, о которой мы говорили выше. Однако уже в соседнем регионе, в Малороссии, епархии которой находились с точки зрения материального обеспечения духовенства в достаточно благополучном состоянии, проявлялась противоположная тенденция. Здесь число иносословных ставленников выросло за семь лет на 17%. И наконец, взрывной рост этой категории духовенства (более чем на четверть) происходил в Зауральских епархиях, что легко объяснимо интенсивной переселенческой политикой, которую осуществляло правительство в этот период. В новые переселенческие приходы поставлялись священники-добровольцы, часто закончившие пастырские курсы, где учились в основном иносословные ставленники. В результате в этом регионе картина за семь лет изменилась на противоположную: выходцы не из духовного сословия составляли здесь к концу периода более 2/3 новых священников. Правда, удельный вес зауральских пастырей среди их собратьев в империи был не высок: лишь около 5%.

Приходится признать, что с учетом региональных различий сословность священников в Российской империи на рубеже 1900–1910-х гг. была все еще очень высока. Большинство новорукоположенных пастырей следовали по стопам своих отцов. При этом нужно учитывать, что приведенные данные говорят только о священниках. Если мы будем говорить о всех стратах духовенства: священниках, диаконах и псаломщиках, то доля наследственных священно- и церковнослужителей будет выше. Ведь высоко мотивированные выходцы из иных сословий были ориентированы именно на рукоположение в сан священника; в диаконы же и причетники по-прежнему шли дети духо-

венства. Также не будем забывать, что новорукоположенные священники, о которых шла речь, составляли незначительное число по сравнению со всем действующим духовенством каждого региона (от 3% до 5%). Соответственно в общей массе духовенства инословный элемент был ощутим еще менее. Причем сословная парадигма была актуальна для регионов, в которых проходило служение большинство священников империи. В центре, на севере и северо-западе Европейской части России и в Новороссии приток инословных ставленников был незначителен. Иначе обстояло дело только в более благополучных малороссийских епархиях и за Уралом.

Как видим, духовное сословие, юридически упраздненное в эпоху Великих реформ, фактически продолжало существовать на протяжении всего пореформенного периода. Более того, оно получило в свои руки инструменты сословной самоорганизации и выражения своих интересов. К истории прихода и к будущему приходских преобразований это имело самое непосредственное отношение. Консолидированное сословие, как показала полемика вокруг приходского вопроса 1900-х гг., без всякого энтузиазма воспринимало перспективу большего участия прихожан в приходских делах. Сословная психология по-прежнему не создавала условий для единения пастырей и пасомых. Сформированная в 1860-е гг. система обеспечения духовных епархиальных школ через отчисления епархиальных съездов духовенства, а фактически – за счет отчислений из приходских сумм, создала один из главных предметов недовольства прихожан своими пастырями в пореформенной России. Прихожане прекрасно осознавали сословный характер этих сборов и при всяком удобном случае были готовы выразить свое недовольство. Так, бремя сословной системы продолжало тяготеть над православным приходом и после освободительных реформ 1860-х гг.

Современники понимали, какие последствия для русской церковной жизни имела сословность приходского духовенства. Приведем лишь одно такое высказывание на этот счет. В январе 1906 г. архиепископ Финляндский

Сергий (Страгородский) так писал об этом в своем отзыве о перспективах церковных реформ:

Сословность духовенства и то обстоятельство, что служение Церкви вследствие этого есть единственное средство содержания его как сословия, есть наше главное зло, как это очевидно для всякого беспристрастного и внимательного наблюдателя. Вследствие такой экономической беспочвенности духовного сословия из него убегают сильные и способные люди, у кого только есть средства к тому, и наоборот – за церковную службу всеми способами цепляются все слабые, все неудачники, потому что им не с чем выйти на другое поприще. Первое есть основной мотив всей истории нашей духовной школы, а вторым объясняется тот принцип сословной благотворительности, которым определяется наша епархиальная практика. Точно так же и наша пресловутая борьба белых с черными, по моему глубокому убеждению, не выходит за рамки нашего духовного сословия и всецело сословностью объясняется. Это не есть борьба двух идеалов. <...> Да и у нас настоящее, т.е. монастырское монашество почти не участвует в этой борьбе, и если бывают у монастырей столкновения с белым духовенством, то разве что на чисто экономической почве (например, монастыри уклоняются от взносов на духовно-учебные заведения и т.п.). Борьба идет между белым духовенством и ученым монашеством; но это последнее за самыми незначительными исключениями, все принадлежит по своему происхождению к тому же духовному сословию, а половина его – даже прямо вдовые священники. Борьба, следовательно, не из-за разности идеалов, это – борьба лишь двух партий в одном сословии из-за того, что считается их общим достоянием, но попадает в руки одной партии. Нечего говорить, насколько все это вредит церковному делу, взятому само по себе. Сословность, конечно, является одной из главных причин удаления нашего церковного общества от церковных дел; она же главным образом способствует и порабощенности нашей Церкви светской власти; потому что легко прижать обыкновенного среднего человека (о героях нет речи), когда с потерей места ему грозит полная нищета со всей семьей; с течением же времени неизбежно вырабатываются уже наследственные качества, от которых не избавиться и при изменившейся обстановке. Я говорю это тем смелее, что сам всеми своими корнями и симпатиями принадлежу к духовному сословию⁴³⁹.

---

⁴³⁹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2. М., 2004. Ч. 2. С. 439.

§ 6. Приход как объект фискальной политики светских и церковных властей

Утилитарное отношение к приходу – когда он оказывался только средством достижения иных, не относящихся к нему непосредственно государственных целей, как мы видели, господствовало на протяжении XIX века. Инструментом для получения денежных средств на построение системы духовного образования оказался приход в контексте реформы 1808 г. Также только источником для повышения благосостояния духовенства считали приход в период Великих реформ. Взгляд на приход, прежде всего, как на источник денежных средств прочно укоренился в сознании государственных, а часто и церковных деятелей. Почему приход и оставался объектом фискальной политики светских и церковных властей до конца синодального периода. Это – как было ясно уже в последние десятилетия XIX в. – подтачивало его силы, порождало недоверие между духовенством и паствой, становилось препятствием для проведения приходских преобразований. Посмотрим, какое фискальное бремя несли православные приходы Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Благотворительные сборы

До реформы 1808 г. не возникало необходимости дифференцировать источники поступления приходских доходов. Выручка от продажи свечей, взносы с прихожан, доходы с оброчных статей, где они были, – все это поступало в общую приходскую кассу, из которой и производились расходы на содержание церкви и делались выплаты в епархию. Инструкция церковным старостам изменила эту ситуацию. Свечные доходы теперь должны были отчисляться через консистории в Комиссию духовных училищ. Соответственно, сборы, собираемые в кошельки и кружки, оставались во многих приходах главным источником собственно приходских средств. Впрочем, уже довольно скоро их потеснили новые сборы, назначенные по распоряжению правительства. В 1823 г. был учрежден «сбор пожертвований в пользу Епархиаль-

ного попечительства о бедных духовного звания». В 1830 г. был установлен сбор «в пользу Св. Гроба Господня» и сбор на улучшение быта православных паломников в Палестине в 1858 г., в 1860 г. – сбор для поддержки Общества восстановления православного христианства на Кавказе, в 1863 г. – сбор на сооружение и содержание православных церквей и школ в Западных губерниях (в 1895 г. переименован в сбор на сооружение и содержание беднейших православных церквей в Империи), в 1864 г. – сбор «на распространение православия между язычниками Империи». Он заменил ранее существовавшие сборы в пользу сербских церквей и христиан, гонимых в Турции, на построение храма святого Стефана в Софии, на духовно-училищные и другие церковные нужды в Черногории. Причем эти сборы были остановлены временно, пока в них снова не возникнет необходимости. В 1874 г. возник сбор «в пользу православной миссии в Японии», в 1876 г. – сбор в пользу Российского общества Красного Креста на больных и раненых воинов, в 1881 г. – сбор в пользу Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. Позднее был установлен еще целый ряд благотворительных сборов – в пользу славян, церковно-приходских школ, детей-инвалидов, глухонемых и т.п.⁴⁴⁰

И это – только повсеместные сборы, санкционированные центральными светскими и церковными властями. У епархиальных властей была возможность назначать дополнительные сборы в пределах своих епархий. Например, в Саратовской епархии в 1884 г., помимо 30 различных общецерковных сборов и отчислений, существовало не менее 24 видов епархиальных сборов⁴⁴¹. Во второй половине 1890-х гг. канцелярия Синода насчитала более 50 сборов и отчислений, как общецерковных, так и местных, собиравшихся в храмах империи⁴⁴². В 1900-е гг. был учтен 21 вид повсеместных сборов (5 из них

---

⁴⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 95. Лл. 1 об.–2; РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 93. Лл. 1–5 об.; РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 92. Лл. 12 об.

⁴⁴¹ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 92. Лл. 1–34.

⁴⁴² РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 93. Лл. 1–5 об.

считались временными). Еще 15-ю различными видами сборов были охвачены отдельные епархии – от одной до 17-ти⁴⁴³ (см.: Приложение 4. Таблица 1).

Все эти сборы *de jure* носили добровольный характер, с формальной точки зрения их следовало рассматривать только как «приглашения к пожертвованиям в церквах»⁴⁴⁴. Они собирались один или несколько раз в год и теоретически не должны были обременять бюджет приходских церквей. Однако дело обстояло иначе. Как писали сами синодальные чиновники, «в действительности» эти сборы «являются *налогами на самые церкви*»⁴⁴⁵. Это становилось возможным в силу нескольких обстоятельств. Сборы с громкими заявленными целями притягивали внимание прихожан:

Обыкновенно кружка в пользу какого-либо учреждения <...> с яркой надписью идет впереди тарелки для пожертвований на приходский храм; перед сборами с определенным назначением часто произносятся воззвания, располагающие к усиленным подаяниям и богомолец большую часть взятой в храм лепты кладет в первую кружку, на долю же приходской церкви остается немного⁴⁴⁶.

Кроме того, обилие даже ежегодных сборов привело к тому, что не осталось «почти ни одного большого праздника, даже воскресного, свободного от сборов дня». Так, в 1903 г. во время богослужения на праздник Крещения ходили с кружкой на сооружение православного эстонского храма в Санкт-Петербурге, в праздник Сретения – в пользу благотворительного общества Белого креста⁴⁴⁷, 19 февраля или в ближайшее воскресенье после этой даты – на храм Александра Невского в Москве в память освобождения крестьян от крепостной зависимости, в неделю Православия (первое воскресенье Великого поста) – на Православное миссионерское общество, в неделю Ваий (Вербное воскресенье) – в пользу Православного Палестинского общества, в неделю о слепом (пятое воскресенье после Пасхи) – в пользу слепых, в праздник Вознесения – на Березвечский и Красностокский монастыри. При-

⁴⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 94. Лл. 1–22.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 12.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 12. Курсив в цитате наш. – А.Б.

⁴⁴⁶ Там же. Лл. 12–12 об.

⁴⁴⁷ Благотворительная организация, занимавшаяся помощью военным, потерявшим здоровье на службе в мирное время, а также их семьям.

чем здесь не упомянуты еще епархиальные кружечные и тарелочные сборы⁴⁴⁸. Через 10 лет картина существенно не изменилась. В Великий пост 1913 г. в церквах Империи ходили с тарелками и кружками в первую седмицу Великого поста и в его первое воскресенье (в неделю Православия), собирая пожертвования в пользу Православного миссионерского общества, в течение третьей седмицы – на храм в память 300-летия царствования Дома Романовых, с воскресенья третьей седмицы и заканчивая субботой четвертой седмицы – в пользу Совета Братства во имя Царицы Небесной, занимавшегося призреванием «детей идиотов и эпилептиков», в течение пятой седмицы – в пользу Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых, в праздник Входа Господня в Иерусалим – в пользу Императорского Православного Палестинского общества⁴⁴⁹. Столь частые сборы становились настоящим бременем для приходских церквей.

Но главная причина того, что эти сборы выступали как «налоги на самые церкви», заключалась в том, что причты очень часто дополняли соответствующие взносы прихожан непосредственно из церковных доходов:

Если бы сельские священники строго придерживались распоряжения Святейшего Синода относительно кружечных сборов поставлять кружки только в тех церквах, где можно ожидать значительных подаяний, то сумма поступлений на предметы, в пользу коих первые учреждаются, была бы несравнимо меньше. В действительности, где и выставляются таковые, пожертвований в них почти не поступает и церквам, по крайней мере, сельским, приходится уделять из собственных кошелевых доходов известную сумму, чтобы доказать епархиальному начальству существование того или иного сбора⁴⁵⁰.

Так причты стремились обезопасить себя от взыскания за недостаточно усердную «работу» с прихожанами, за недостаточно доходчивое объяснение им важности и богоугодности того или иного сбора. Тем более что некоторые сборы вызывали повышенное внимание центральных и епархиальных церковных властей. Например, относительно сбора на распространение право-

---

⁴⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 94. Лл. 12 об.

⁴⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 95. Л. 16.

⁴⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 94. Лл. 12 об.

славия между язычниками империи епархиальным преосвященным было предписано «иметь особую заботливость об успехах его». Понятно, что еще более требовательные предписания были доведены из консисторий до сведения приходских причтов. Аналогичные указания в адрес духовенства и церковных старост последовали в связи с учреждением в 1876 г. сбора на раненых и больных воинов. В дни сборов в пользу миссионерского и православного палестинского обществ священники настоятельно «приглашались к произнесению проповедей» о целях этих сборов, а также им было «вменено в обязанность оказывать возможное содействие» к увеличению пожертвований⁴⁵¹. В результате все «означенные сборы» отнимали «у церковей значительную часть кошелевского дохода одной из главных статей церковного хозяйства»⁴⁵².

Епархиальные сборы

Между тем сборы на благотворительные цели были только частью финансового бремени, которое несли приходы Империи. Главной статьей, по которой приходы осуществляли отчисления из своих средств, оставались отчисления на духовно-учебные заведения. Сбор свечных доходов, существовавший с 1808 г., в 1870 г. был модернизирован и заменен процентным сбором со всех церковных доходов – кошелевских, кружечных и свечных. Такой заменой духовное ведомство боролось с различными способами минимизации сборов на духовно-учебные заведения, практиковавшимися старостами и причтами (в частности, речь шла о показании свечных сборов не в полном объеме, о показании свечных денег под видом кошелевских и кружечных и под.). Первоначально новый сбор собирался с размере 21% от суммы церковных доходов за 1868 г. В западных епархиях он составлял 10%, а некоторые епархии были от него освобождены (Варшавская, Донская, Якутская, Камчатская и Грузинский экзархат). В 1878 г. сбор был увеличен на 4% и с тех

---

⁴⁵¹ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 93. Лл. 1 об.–2; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 236. Л. 1 об. Курсив в цитате наш. – А.Б.

⁴⁵² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 94. Лл. 12 об.

пор традиционно именовался «25%-ным сбором». С 1880 и 1885 гг. соответственно в нем участвовали и Холмско-Варшавская (в размере 14%), и Якутская (в размере 10%) епархии. В 1901 г. он был еще раз увеличен для 30 епархий (по-разному в каждом случае), а для четырех епархий уменьшен. В случае уменьшения доходов той или иной церкви епархиальные власти должны были восполнить недобор путем раскладки соответствующей суммы на другие церкви епархии. В денежном выражении «25% сбор» к началу XX в. возрастал. Если в 1871 г. в рамках этого сбора предполагалось получить с церковью империи 1 281 450 руб., то в 1902 г. было собрано 2 053 805 руб. (не считая взносов нескольких не представивших отчетов епархий)⁴⁵³.

Помимо «25%-ного сбора», в епархиях существовали и дополнительные сборы на духовно-учебную часть, которые устанавливались окружными и епархиальными съездами духовенства, собиравшимися для этой цели в епархиях с 1860-х гг. Эти средства предназначались для удовлетворения тех нужд духовных учебных заведений, которые не покрывались «25%-ным сбором» и ассигновками из казны: создание библиотек, оплата преподавателей в параллельных (дополнительных) классах семинарий, наем надзирателей и под. Четкого определения размера этих сборов не существовало. Даже в одной епархии их сумма могла отличаться от года к году в зависимости от нужд местных духовных учебных заведений. Собирались эти средства путем раскладки необходимой суммы на все церкви епархии, которая и осуществлялась на съездах духовенства. Последнее, как правило, стремилось, чтобы раскладка была пропорциональна размеру доходности церковей. В некоторых епархиях при этом учитывались самые разнообразные детали (размер надельной земли прихожан, наличие в районе промыслов, стечение богомольцев из других приходов и т.п.). В других епархиях пользовались более простыми способами раскладки: назначали взнос по числу прихожан мужского пола; по несколько рублей с церкви (иногда с городских более, с сель-

---

⁴⁵³ Там же. Лл. 13–14; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 г. СПб., 1871. С. 273–278.

ских – менее, иногда одинаково); определенный процент с валового или чистого свечного дохода или с остаточных сумм церковей (т.е. с чистой прибылью) и под. Постепенно поступления этих дополнительных сборов стали превосходить доходы от «25%-ного сбора». В 1902 г. по всей Российской церкви (без учета некоторых не представивших отчеты епархий) это превосходство составило почти миллион рублей (2 986 463 руб. дополнительных сборов против 2 053 805 руб. «25% сбора») ⁴⁵⁴.

С 1886 г. церкви империи делали отчисления на церковно-приходские школы. Размеры их в соответствующем определении Синода не были строго определены. Они должны были делаться из «остатков кружечных кошелековых сумм» (т.е. из чистой прибыли церковного хозяйства за тот или иной год) и так, «чтобы такое отчисление ни в коем случае не служило к уменьшению взносов на духовно-учебные заведения и к ущербу средств на содержание самих церковей». Однако эта оговорка для приходских священников, отвечавших за эти отчисления, была скорее благопожеланием, чем руководством к действию. Они должны были соотносить размеры соответствующих отчислений с тем вниманием, какое уделялось церковно-приходским школам и обер-прокуратурой, и епархиальными властями. Конечно, взносы на духовно-учебные заведения пострадать не могли (в них были заинтересованы и сами священники), а вот средства самих церковей могли быть принесены в жертву. Как бы то ни было, отчисления на церковно-приходские школы по своему объему занимали третье место после дополнительных сборов на духовно-учебную часть и «25%-ного сбора». В 1902 г. в церквях империи на них было собрано 1 105 827 руб. Эти деньги отсылались в епархиальные училищные советы или расходовались на местах ⁴⁵⁵.

Также приходские церкви империи участвовали в социальном обеспечении духовенства. Они были обязаны делать ежегодные отчисления на ле-

---

⁴⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 94. Лл. 13–14; Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству Православного исповедания за 1866 г. СПб., 1867. С. 105; *К.И.* Что такое церковный староста? С. 16–17.

⁴⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 94. Лл. 14 об.

чение бедных духовного звания. Согласно указу Синода 1865 г. эти отчисления должны были осуществляться из кошелековых сумм из расчета – 1% с каждого рубля суммы. На деле размер отчислений в разных епархиях мог колебаться от 0,5% до 4%. Где-то эти отчисления делались не с кошелековых, а с остатков церковных сумм. Собранные средства доставлялись в попечительства о бедных духовного звания или в консистории⁴⁵⁶. В 18 епархиях приходские церкви делали взносы в епархиальные эмеритальные (пенсионные) кассы духовенства в дополнение к обязательным взносам их участников. В 25 епархиях церкви вносили средства в пользу епархиальных попечительств о бедных духовного звания. В 7 епархиях существовали взносы на устройство богаделен и приютов для бедных духовного звания. Причем иногда эти взносы были очень существенны. Церкви Санкт-Петербургской епархии в начале XX в. отчисляли на эти цели в среднем по 176 руб. в год⁴⁵⁷.

Кроме того, приходы делали выплаты, которые фактически шли на содержание аппарата церковного управления – епархиального и окружного уровня. Так, «в силу обычая», при отсутствии какого-либо обязательного для всех епархий распоряжения Синода повсеместно существовал сбор «на канцелярские расходы благочинным». По подсчетам синодальных чиновников, в среднем он составлял по 10 руб. в год с каждой церкви и вносился по полугодиям при объезде благочинными своих округов. Сумма эта для приходских церквей, особенно сельских была существенна. Она была соотносима с суммами, остававшимися в церковной кассе к концу года. Остаточные суммы в 1902 г. колебались в епархиях европейской части России от 3 до 80 руб. (средняя величина остаточных сумм в центральных епархиях в тот год составляла 58 руб., в северных и северо-западных – 27 руб., в поволжских и уральских – 19 руб., в новороссийских и малороссийских – 30 руб.)⁴⁵⁸. С 1870-х гг. во всех епархиях (за исключением Финляндской и Якутской) существовал сбор «на усиление средств содержания канцелярий духовных кон-

---

⁴⁵⁶ Там же. Лл. 15–16.

⁴⁵⁷ Там же. Лл. 19–22.

⁴⁵⁸ Там же. Лл. 16, 23–26.

систорий»⁴⁵⁹. Со второй половины 1880-х гг. в епархиях вводился сбор на содержание епархиальных миссионеров и миссионерские нужды. К 1902 г. этот сбор проводился в 29 епархиях и колебался от 100 до 6000–7000 руб. в год на епархию. Из собранных средств оплачивались путевые расходы миссионеров, расходы участников миссионерских съездов, формировались миссионерские библиотеки⁴⁶⁰.

В результате сборы «на местные нужды» (а не на благотворительные цели) отнимали значительную долю церковных доходов, иногда – до половины их. Так, в Архангельской епархии в начале XX в. с валового дохода каждой церкви отчислялось 30% на содержание духовной семинарии, архангельского духовного училища, епархиального женского училища и 16% на увеличение средств епархиального попечительства для бедных духовного звания и эмеритальной кассы духовенства, на церковно-приходские школы, на жалование и транспортные расходы благочинных, на содержание псаломщицкой школы, на ученическую библиотеку и класс музыки в духовной семинарии, на содержание епархиального древлехранилища, в пособие редакции епархиальных ведомостей, на переплетное дело при псаломщицкой школе⁴⁶¹. Аналогичные расходы в Вятской епархии отнимали 40,4% доходов приходских церквей, в Донской – 44%, в Минской – 38%, в Омской – 35,8%, в Тобольской – 49,4%. В Санкт-Петербургской епархии в 1902 г., по оценкам современников, только объем «25%-ного сбора» достигал 49% валового дохода церквей. Минимальная доля расходов на «местные нужды» приходилась на Московскую (10%) и две западные епархии – Рижскую и Холмско-Варшавскую (по 7%)⁴⁶². Не стоит, однако, забывать, что имеющиеся данные не дают возможности учесть, сколько средств отнимали у приходских церк-

---

⁴⁵⁹ Там же. Лл. 16–18.

⁴⁶⁰ Там же. Лл. 19–22.

⁴⁶¹ Там же. Л. 28.

⁴⁶² Там же. Лл. 23–26. Ср.: Там же. Лл. 27–34; *К.И.* Что такое церковный староста? С. 16.

вей сборы на благотворительные нужды. Вместе с последними доля отчислений должна была быть еще выше⁴⁶³.

Кроме того, сборы с приходских церквей увеличивались за счет своего рода косвенных налогов. Некоторые из сборов на «местные нужды» должны были поступать не из средств приходских церквей, а из средств священнослужителей. Однако довольно часто епархиальные съезды духовенства, которые занимались раскладкой таких сборов, предоставляли священникам «право возврата» соответствующих расходов из церковных сумм. Например, в Минской епархии практически все дополнительные сборы на духовно-учебную часть, такие как добавочное жалование помощнику инспектора семинарии, жалование надзирателю при семинарии, параллельные классы семинарии и жалование их учителям, погашение ссуды из казны на постройку епархиального общежития, а также отчисления на эмеритально-вспомогательную кассу духовенства и на жалование епархиальному миссионеру были возложены на священно-церковнослужителей. Однако практически во всех случаях им было представлено право вернуть себе внесенные суммы – полностью или частично – из церковных средств⁴⁶⁴. Конечно, кто-то из духовенства мог и не воспользоваться этим правом, но, безусловно, были и те, кто пользовался им всегда. Соответственно бремя налоговой нагрузки на церкви возрастало.

Все это приводило к тому, что у приходских церквей не оставалось свободных средств, а иногда – и к дефициту приходского бюджета. Преобладание расходов над доходами церквей в 1902 г. было зафиксировано чиновниками Контроля при Синоде в 12 епархиях: в Тульской (дефицит 7916 руб. 21 коп. при 14,4% отчислений с валового дохода церквей), Вятской (31065 руб. 31 коп. при 40,4%), Олонецкой (8556 руб. 62 коп. при 27,3%), Санкт-

---

⁴⁶³ В 1909 г. депутат Государственной думы П.В. Каменский, ссылаясь на данные, представленные в Контроль при Синоде в 1902 г., говорил об отчислениях с валового дохода церквей более 94% в Уфимской епархии, 85,5% в Казанской, 80,5% в Тобольской, 74% в Архангельской, 71% в Томской, 70% в Вятской. См.: Вопросы приходский, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в 3-й Государственной думе. Сессия II-я 1908–1909 г. СПб., 1910. С. 7. Цифру в 94% называли казанские церковные старосты в 1908 г. (см. ниже).

⁴⁶⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 94. Лл. 28–34.

Петербургской (60689 руб. 73 коп. при 15,5%), Уфимской (19040 руб. 85 коп. при 29,9%), Владикавказской (9074 руб. 85 коп. при 32,6%), Екатеринославской (19516 руб. 58 коп. при 33,2%), Таврической (20491 руб. 39 коп. при 31,5%), Рижской (7657 руб. 86 коп. при 7,7%), Омской (36356 руб. 3 коп. при 35,8%), Тобольской (17427 руб. 29 коп. при 49,4%), Томской (11589 руб. 10 коп. при 37,3%)⁴⁶⁵. (См. также: Приложение 4. Таблица 2).

Однако хозяйственные трудности не исчерпывали всех последствий описанной фискальной политики светских и церковных властей в отношении прихода. Не менее важно, что сборы на духовно-учебную часть и на местные епархиальные нужды вызывали острое недовольство прихожан, которое открыто заявляло о себе в периоды государственных и церковных кризисов. В период революции 1905–1907 гг. по епархиям Российской церкви прокатилась волна отказов прихожан давать деньги на духовно-учебные и местные потребности. Эти отчисления прихожане воспринимали как сборы не на церковные, а на сословные нужды. Принимая во внимание сословный характер духовной школы и все еще сословный характер духовного звания (см.: Глава 2 § 5), придется признать, что прихожане имели для этого все основания. С точки зрения мирян получалось, что духовенство использует пожертвования, принесенные прихожанами на храм, для своих сословных целей, по большому счету чуждых его пастве. Именно о том, что интересы духовенства для них чужды, заявили в декабре 1905 г. старосты церковью одного из уездных городов Орловской епархии, когда *единогласно* постановили прекратить отчисления в пользу эмеритуры, духовного и епархиального училищ, благотворительной библиотеки, на содержание депутата епархиального съезда⁴⁶⁶. Еще ярче высказались крестьяне деревни Абрамовка Симбирской епархии:

---

⁴⁶⁵ Там же. Лл. 23–26.

⁴⁶⁶ Из газет и журналов // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 19. 1 октября. Неофициальная часть. С. 959.

[Наша] церковь есть дом Божий, дом молитвы, а не торговое какое-то заведение, [...] она выстроена на деньги, кровью добытые мужиков, а потому ни к каким оброчным статьям не принадлежит⁴⁶⁷.

В этих словах мы видим отчетливое понимание того, что фискальная политика властей низводила храм к «оброчной статье», к объекту налогообложения. Это, безусловно, оскорбляло прихожан и вызывало протест против такого унижающего достоинство храма отношения. Помимо прочего, жертвуя на свой храм, прихожане не испытывали энтузиазма по поводу того, что их пожертвованиями будут распоряжаться чиновники консистории. Бюрократизация церковного управления, наряду с сословным характером многих церковных учреждений приводила к тому, что епархиальное управление и соответственно осуществляемые им сборы в глазах верующих теряло свою легитимность⁴⁶⁸. Не имея возможности влиять на финансовую политику церковных властей, прихожане – сколько бы ни говорили им приходские священники о пользе и необходимости участвовать в содержании духовно-учебных заведений – смотрели на эти отчисления из храмового бюджета скорее как на изъятие, как на налог, уплаченный под принуждением, чем как на добровольное пожертвование. Эта ситуация не теряла своей актуальности на протяжении и межреволюционного периода. Поэтому в 1917 г. «финансовая забастовка» приходов приобретет еще больший размах, о чем мы скажем в своем месте.

Приходское делопроизводство

Лицом ответственным перед вышестоящими властями за поступление сборов был приходский священник. Но финансовые перечисления были не единственным бременем, лежавшим на нем. Священник был ответственен и за точность приходского делопроизводства, объем которого был значителен. На духовенство было возложено ведение отчетности по духовному ведом-

---

⁴⁶⁷ Емельях Л.И. Антиклерикальное движение в период первой русской революции. М., 1965. С. 94.

⁴⁶⁸ Ср.: Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. С. 322–324.

ству (клировые ведомости), ведение актов гражданского состояния православного населения империи с проверкой их законности и предоставление различных справок частным лицам и учреждениям по этому вопросу, финансовая отчетность по приходскому хозяйству⁴⁶⁹. (Большинство документов показано в: Приложение 4. Таблица 3.)

Клировые ведомости включали в себя сведения о церкви, о причте и о прихожанах. В первом отделе указывались сведения о времени постройки церкви, ее престолах, особенностях постройки, количестве утвари, ее штатном расписании, имуществе за ней закрепленном, в том числе о домах причта, о казенном жаловании причта (при его наличии), о приписных к ней церквях и под. Сведения о членах причта в клировых ведомостях были главным актом гражданского состояния лиц, принадлежавших к духовному сословию. В них входили сведения о происхождении, образовании, месте службы клирика, его послужной список, награды и взыскания, семейное положение. Наконец, в клировые ведомости вносились общие данные о прихожанах – их числе, сословной принадлежности, местоположении селений, входящих в приход. К клировым ведомостям присоединялась и ведомость о церковном старосте⁴⁷⁰.

В обязанности духовенства входило ведение метрических книг – главных хранилищ актов гражданского состояния православного населения Российской империи⁴⁷¹. Они разделялись на три части: «о рождающихся», «о бракосочетающихся» и «об умерших». Форма книги была утверждена в 1837 г. и не менялась до начала XX в. Записи в них должны были делаться тотчас по совершении соответствующего таинства или обряда. Бланки для метрических книг (с 1869 г. для всех церквей империи они печатались только в Московской синодальной типографии) в виде прошнурованных и скрепленных

---

⁴⁶⁹ Ср. также характеристику делопроизводства епархиального уровня: *Иванцов-Платонов А.М., прот.* О русском церковном управлении. С. 25–28.

⁴⁷⁰ *Чижевский Иоанн, протоиер.* Церковное письмоводство. Собрание правил, постановлений и форм к правильному ведению онаго. Харьков, 1881. С. 11–30.

⁴⁷¹ Ср.: *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 119–142.

печатью тетрадей присылались в приходы из консисторий, а сами книги должны были храниться только в церкви⁴⁷². На духовенство (с 1874 г.) была возложена обязанность вести (на основании метрических книг) списки мужчин подлежащих призыву на военную службу. Оно же выдавало метрические свидетельства, выписки, справки о гражданском состоянии своих прихожан и взимало за их выдачу гербовый сбор в установленных случаях. Причем расходы по составлению и рассылке выписок в соответствующие учреждения производились за счет церковных сумм (по статье «мелочные расходы»)⁴⁷³. Переписка со сторонними учреждениями занимала массу времени, но кроме того унижала достоинство пастыря, поскольку чиновники этих учреждений относились к нему как к мелкому канцелярскому служащему, обязанному отвечать на их запросы. Как писал один из священников,

нет ни одного учреждения, которое *обязано* было бы отвечать священнику на его запрос, недоуменный вопрос, – и нет ни одного учреждения, которое не могло бы требовать от «господина» приходского священника (так надписываются многими учреждениями бумаги на имя священника) нужных ему сведений. Словно у священника целая канцелярия писцов, или у него нет больше никакого дела⁴⁷⁴.

Метрические книги дополняли обыскные книги, т.е. книги брачных «обысков» – документов, подтверждающих законность заключенного брака. Обыски составлялись перед совершением венчания после проверки священником предоставленных брачующимися документов и объявлением в церкви в течение нескольких недель о их намерении. Жениху и невесте нужно было предоставить метрические справки (свидетельства о рождении) и свидетельства о своем безбрачном состоянии, которое выписывалось причтами обычно по исповедным росписям. Сбор этих документов в принципе не составлял труда, если жених и невеста никогда не меняли своего прихода, т.е. места жительства. Но в конце XIX в. горизонтальная мобильность была все более распространенным явлением во всех слоях российского общества. Все чаще

---

⁴⁷² *Чижевский Иоанн, протоиер.* Церковное писмоводство. С. 31–65.

⁴⁷³ Там же. С. 94.

⁴⁷⁴ *Пестряков В., свящ.* Несколько слов о церковном писмоводстве // Руководство для сельских пастырей. 1905. № 26. С. 221–222.

случалось, что одна из брачующихся сторон или даже обе меняли место своего проживания. В таком случае по правилам они должны были ежегодно предоставлять причтам прихода, к которому были приписаны, выписки «о бытии у исповеди и причастия» от причтов тех приходов, где они временно проживали. Однако крестьянин, ушедший на заработки иногда за многие сотни верст или переселившийся с семьей в другую губернию, купец, постоянно разъезжающий по стране, или мелкий чиновник часто не могли выполнить это требование. Соответственно им было сложно предоставить свидетельства о своем безбрачном состоянии.

В связи с этим священники порой оказывались в двусмысленном положении. Например, они обнаруживали среди своих прихожан (причем речь идет о сельских священниках) пары, жившие в невенчанном браке. Пастыри всячески их уговаривали заключить законный союз. Однако когда те склонялись на их увещания, священники должны были забыть о позиции духовного отца и встать в позицию строгого чиновника, требуя необходимую документацию, которую их прихожане почему-либо представить не могли и вследствие этого отказывались от своего намерения обвенчаться. Пастырские усилия духовенства разбивались о возложенные на него государственные функции регистрации актов гражданского состояния. Уже в 1880-х гг. духовенство сетовало на распространение среди крестьян невенчаных, т.е. незаконных и с точки зрения Церкви, и с точки зрения государства, браков. Причину этого явления священники видели в архаичности имперской паспортной системы. Причем они указывали, что подобные ситуации становились одной из причин нареканий прихожан в адрес духовенства⁴⁷⁵. Другой причиной взаимных недоразумений между пастырями и пасомыми был гербовый сбор, который обязаны были взимать священники при выдаче метрических или других выписей. Как писал один из современников, «причт, который при исполнении служебных обязанностей, по закону, должен довольствоваться добро-

---

⁴⁷⁵ *Чижевский Иоанн, протоиер.* Церковное писмоводство. С. 76–77; Неудовлетворительность паспортной системы как одна из главных причин ненормального отношения мирян к духовенству // Руководство для сельских пастырей. 1887. № 30. С. 433–439.

хотными даяниями, становится в иное положение, когда приходится выдавать метрику: “*подай марку, иначе не дадим выписи*”». Однако большинство прихожан, особенно на селе, были «совершенно убеждены», что покупая марку, доставляют тем самым доход духовенству, а не государству. Поэтому священники предлагали, чтобы гербовый сбор взимали учреждения, в которые поступают метрические выписи, а не причты, эти документы выписывающие. Это могло бы избавить клириков от многих «неприятных и тяжелых минут»⁴⁷⁶.

В упомянутых выше исповедных росписях духовенство должно было ежегодно отмечать участие прихожан в таинствах исповеди и причастия. По началу ведение исповедных росписей было призвано выявить религиозно неблагонадежные элементы, прежде всего – раскольников⁴⁷⁷. Само участие в таинствах выполняло роль своего рода следственного эксперимента: не исповедующийся и не причащающийся более трех лет подряд расценивался как скрывающийся старообрядец, и о нем надлежало извещать епархиальное начальство, а затем – и гражданские власти⁴⁷⁸. Но уже в XVIII в. исповедные росписи стали во многом дублировать информацию метрических записей. Росписи включали в себя списки прихожан по сословиям, а внутри сословных разделов – по семьям в алфавитном порядке с указанием происхождения и рода занятий внесенного в них лица. Причты должны были ежегодно проверять исповедные росписи, отмечая умерших и вновь родившихся, выявляя иноприходных⁴⁷⁹. Очень часто причетники ходили для этого по домам, опрашивая прихожан. Тем самым запись в исповедных росписях была своего рода ежегодной фиксацией гражданского состояния православного населения империи. На их основании могли давать справки о звании, возрасте, семей-

---

⁴⁷⁶ Пестряков В., *свящ.* Несколько слов о церковном письмоводстве. С. 225.

⁴⁷⁷ ПСЗ(1). Т. 6. 25 января 1721 г. № 3718; ПСЗ(1). Т. 10. 16 апреля 1737 г. № 7226 и др.

⁴⁷⁸ Подробнее см.: Беглов А.Л. Практика причащения православных прихожан советской эпохи // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4(30). С. 38–40.

⁴⁷⁹ Ср. описание процесса заполнения исповедной росписи в дневнике сельского священника тверской епархии 1820-х гг.: Мангилева А.В. Повседневная жизнь сельского прихода в 1-й половине XIX века (по материалам «Дневника сельского священника»). С. 254. Заполнение только исповедной росписи занимало у настоятеля прихода около недели.

ном положении внесенных в них лиц. Между тем горизонтальная мобильность населения препятствовала регулярности таких записей и соответственно ценность исповедных росписей как актов гражданского состояния в конце XIX в. падала. Это, как мы видели, создавало проблемы, прежде всего, для самого православного населения империи⁴⁸⁰.

Значительной частью приходского делопроизводства была финансовая отчетность или ведение приходно-расходных (или «шнуровых») книг. Приходно-расходные книги выдавались из консистории на три года прошнурованными (отсюда их второе название) и скрепленными ее печатью, по истечении которых заменялись новыми, а старые возвращались в консисторию. В книгах показывалось движение трех видов денежных средств: сумм, принадлежащих местной церкви, предназначенных в пользу причта, и сумм «переходящих»⁴⁸¹. Кроме того, священники составляли полугодичные и годовые отчетные ведомости по нескольким формам⁴⁸². При этом подавляющее большинство священнослужителей не имели никакого представления о правилах бухгалтерского учета, и многие получали такие знания «горьким опытом»⁴⁸³.

Главная ответственность за ведение приходского делопроизводства лежала на настоятеле прихода, хотя основную массу документов должны были готовить младшие члены причта, обычно – псаломщик (на деле так было не всегда). Исключение составляли опись имущества церквей и церковные приходно-расходные книги, ведение которых входило в обязанности старост, хотя если последний был неграмотен или малограмотен, священнику приходилось и в этом случае самому брать в руки перо⁴⁸⁴. В любом случае священник следил за правильностью записей, сделанных и псаломщиком, и старостой. В

---

⁴⁸⁰ *Чижевский Иоанн, протоиер.* Церковное письмоводство. С. 66–77.

⁴⁸¹ «Переходящими суммами» в церковной отчетности именовались суммы, собиравшиеся в церквах в благотворительных целях и «переходившие» в распоряжение соответствующих благотворительных организаций, церковных или светских институтов. Все благотворительные сборы, о которых мы говорили выше (за исключением пожертвований в пользу попечительств о бедных духовного звания, которые в церковные книги не заносились), проходили по приходно-расходным книгам как «переходящие суммы». См.: *Чижевский Иоанн, протоиер.* Церковное письмоводство. С. 102–103.

⁴⁸² Там же. С. 99–111.

⁴⁸³ *Пестряков В., свящ.* Несколько слов о церковном письмоводстве. С. 226.

⁴⁸⁴ Там же.

случае вовремя не выявленных и неисправленных ошибок того и другого именно настоятель мог быть подвергнут суровым наказаниям. Так, неоднократно замеченные вышестоящим начальством «неисправности» в ведении метрических книг грозили священнику отрешением от места и определением на место причетника. Сознательные подлоги подлежали и церковному, и светскому суду: в первом случае вплоть до лишения священного сана, во втором – вплоть до высылки в Сибирь. Кары за «неисправное ведение» исповедных росписей были аналогичны неисправностям в ведении метрических книг. Ответственности священник подвергался за ошибки в выписках о прихожанах, подлежащих воинской повинности (например, за ошибку в указании возраста призывника), а также – если выдавал какое-либо свидетельство без оплаты гербовым сбором, при том, что правила такой оплаты были запутаны, и ошибиться было довольно просто⁴⁸⁵.

С другой стороны исправления в метрических книгах категорически не допускались. Ошибочную запись следовало «оградить чертами» и затем написать правильно. Однако и это уже расценивалось как «неисправность». Поэтому духовенство нередко прибегало к хитростям. Ошибившись, например, в имени родившегося младенца, не подчищали слово и не отмечали написанное как ошибку, а писали несколькими строками ниже новую статью, из которой следовало, что этот младенец умер спустя несколько дней после крещения. Об этом вспоминал Н.П. Гиляров-Платонов, занимавшийся в начале 1840-х гг. заполнением метрических и других приходских книг у своего будущего тестя настоятеля московской церкви святых Флора и Лавра на Зацепе:

Запись метрик требует особенной строгости, как и понятно. Это есть важнейший акт, основание всех прав. «Что запись сия ведена нами своевременно; пропусков, подчисток и поправок в ней нет...» и проч., ежемесячно удостоверяется рукоприкладством всего причта, который независимо от того подписывается под каждую статью о каждом родившемся, умершем, бракосочетавшемся. Книги пишутся в двух экземплярах, из которых один, помеченный по листам и зашнурован-

---

⁴⁸⁵ *Чижевский Иоанн, протоиер.* Церковное письмоводство. С. 75, 97–98.

ный, подается в консисторию; ведется двойная нумерация, общая числу рождений, браков и смертей, и частная по полам. Все, кажется, предусмотрено; но есть прорехи.

Начать с того, что хотя предполагается запись «веденною своевременно», но своевременность ничем не гарантирована и соблюдается, по крайней мере соблюдалась, только в малолюдных приходах, а там, где всего и легче проскочить ошибке, где родившиеся и умершие считаются многими сотнями, книги составляются спустя время. Так было и у Флора и Лавра. На основании черновых малограмотных заметок дьячка метрики переносились в книгу только по полугодиям, ко времени ревизии благочинного⁴⁸⁶. Случалось, что <настоятель церкви> Алексей Иванович выведет своим красивым почерком первые две или три статьи с очевидным желанием продолжать так и далее, но тем и оканчивалось. Подойдет до последнего дня, и засаживаюсь я. Поспешность вела к ошибкам, и я, чтоб не делать подчисток и оговорок, прибегал к способу, придуманному Собакевичем: вносил тоже «Елизавет Воробей». Родилось у Степана и восприемником был Андрей; спутавшись и записав Афанасия вместо Андрея, или Сидора вместо Степана, я писал вторые статьи, уже точные, оставляя первые без оговорки, а иногда для баланса присочинял; каюсь, совершал грехи против статистики. Отдаленного уезда несуществующей волости и небывалого села крестьяне Еремей Андреев и законная жена его Степанида Федорова родили у меня детей мужского и женского пола и получали восприемников; не рождавшиеся дети умирали и хоронились то на Даниловском, то на Калитниковском кладбище.

Кроме невинного подлога с целию правильного баланса или даже для восстановления точности сведений и восполнения пропусков могут совершаться и злоумышленные, особенно там, где, как у Флора и Лавра, подписывались статьи членами причта не читая⁴⁸⁷.

В частности, незаконнорожденные и, следовательно, не имеющие имущественных прав дети могли показываться вполне полноправными наследниками, если дата их рождения искусственно сближалась с датой крещения, которое совершалось уже после законного бракосочетания родителей.

Не следует ли вменить причтам в обязанность, чтобы удостоверялись и в дне рождения крещаемых? – задавался вопросом мемуарист. – Но тогда метрические

---

⁴⁸⁶ Такая практика сохранялась и спустя 60 лет после описываемых событий. См.: *Пестряков В., свящ.* Несколько слов о церковном письмоводстве. С. 223.

⁴⁸⁷ *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Т. 2. С. 15–16.

записи теряют свой подлинный смысл. Они записи церковные; церковь отмечает поступающих в нее, а вступают в церковь не телесным рождением, а духовным, крещением. Государство только пользуется этой записью для своих целей, избавляя себя от труда содержать особых агентов-регистраторов. Для него тем удобнее облегчать себя в ведении метрической регистратуры, что «лишенных вероисповедания» (Confessionslos) оно не признает, как другие государства⁴⁸⁸.

Если упомянутые выше вольности допускались в метрических книгах – одном из важнейших документов приходского делопроизводства, то с менее значимыми актами обходились еще смелее:

Продолжают ли вестись при церквях *оспенные* ведомости доселе? Вот было сочинение! Все без исключения цифры были придуманные, а подавались ведомости аккуратно; особый священник назначен был от епархиального начальства, который принимал ведомости, сводил итоги, подавал по начальству отчеты, получал за это награды. Начальство, в свою очередь, препровождало фантастические отчеты в Петербург. Сколько труда, сколько бумаги, и только одно лганье! Да и дело ли причта и какая ему возможность следить за оспопрививанием?⁴⁸⁹

Помимо ответственности за «неисправное» ведение документов столь обширное приходское делопроизводство было и финансово обременительно для церкви. Только на закупку бланков причты были вынуждены тратить 20–40 руб. в год, иногда не сводя «концы с концами» и не имея возможности выписать духовные журналы. При этом они были обязаны закупать бланки только в государственных типографиях по 6 коп., а не по ½ коп. за лист, как в частных. Вывод приходские пастыри делали неутешительный и, в общем-то, верный:

Полагаем, что неэкономное распоряжение церковными суммами, тягота разных взносов и повинностей, относящихся к храму только косвенно, вызовет когда-нибудь сильную реакцию со стороны старост и прихожан⁴⁹⁰.

---

⁴⁸⁸ Там же. С. 18.

⁴⁸⁹ Там же. С. 22.

⁴⁹⁰ Пестряков В., *свящ.* Несколько слов о церковном письмоводстве. С. 224.

Попытки Святейшего Синода реформировать систему приходских сборов

Нельзя сказать, чтобы высшее церковное руководство не видело тяжести финансового бремени, лежавшего на приходах, и не старалось его облегчить. В Синоде прекрасно понимали, что сборы и отчисления на местные церковные нужды из церковных доходов доходят (по подсчетам 1905 г.) до половины (а на деле иногда и более) валового дохода церквей, которые в этой ситуации могут оказаться совсем без средств для собственных нужд, что породит недовольство прихожан и причтов⁴⁹¹. Потому своим определением от 29–31 марта 1905 г. Синод учредил комиссию для подробного рассмотрения вопроса о сокращении церковных сборов. Ее возглавил архиепископ Владимирский Никон (Софийский), а членами были назначены директор Хозяйственного управления при Синоде П.И. Остроумов, управляющий синодальным Контролем П.С. Даманский, помощник управляющего синодальной канцелярией Н.Ф. Марков, а также обер-секретарь Синода П.В. Мудролюбов и обер-контролер М.А. Дьяконов. 3 мая комиссия представила свое заключение, в котором рекомендовала взять под жесткий контроль существующие и назначение новых сборов на благотворительные нужды в церквях. В частности, комиссия предлагала разрешать в церквях сборы только тем учреждениям, которые «состоят под покровом» Православной церкви и расходы которых могут быть проконтролированы церковной властью. Предполагалось усилить контроль Синода за местными сборами, которые могли быть установлены властью епархиального архиерея, для чего – доводить до сведения Синода об учреждении нового сбора с обязательным объяснением, зачем он нужен, как будет собираться и какое место в процентном отношении займет по отношению к церковным доходам. Рекомендовалось все сборы перевести в разряд временных, а не постоянных, кроме тех, средства от которых идут «на прямые потребности церкви»: на содержание учебных заведений и миссионерские нужды. Благотворительные сборы предлагалось сделать только

---

⁴⁹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 95. Л. 6.

кружечными (а не тарелочными) и разрешить только в городских церквях, а также категорически запретить причтам добавлять к благотворительным сборам средства из церковных доходов. С этой целью Контролю при Синоде следовало усилить контроль за причтами. Часть сборов комиссия предложила отменить. Но «ввиду замедления в доставлении затребованных от епархиальных учреждений дополнительных сведений» предложения эти не получили осуществления⁴⁹².

Через четыре года Синод вернулся к этому вопросу и 25 апреля 1909 г. учредил новую комиссию в составе архиепископа Волынского Антония (Храповицкого), епископа Нижегородского Назария (Кириллова), епископа Холмского Евлогия (Георгиевского), протопресвитера военного и морского духовенства Александра Желобовского, товарища обер-прокурора А.П. Роговича и некоторых других синодальных чиновников⁴⁹³. Поводом для создания этой комиссии стала серия громких публичных протестов против существующей системы церковных сборов, последовавших в конце 1908 г. Так, в декабре 1908 г. церковные старосты Казани обратились к обер-прокурору и к министру внутренних дел с докладными записками, в которых указывалось на чрезмерное обложение казанских церквей на духовно-учебные и общепархиальные нужды. Старосты утверждали, что сумма таких отчислений достигает 94% от валового дохода церквей, и просили содействовать скорейшему реформированию церковно-приходского хозяйства и системы сборов с приходов. Затем Государственная дума при рассмотрении сметы Синода на 1909 г. выразила пожелание об обращении местных церковных сборов «преимущественно на нужды, близкие приходу», а не на дела, «носящие сословно-благотворительный характер»⁴⁹⁴.

Комиссия архиеп. Антония (Храповицкого) заняла двойственную позицию. С одной стороны она признала источником этих протестов «неправильный взгляд» на природу церковного хозяйства, поскольку – по мнению ее

---

⁴⁹² Там же. Лл. 6–8.

⁴⁹³ Там же. Лл. 8–8 об.

⁴⁹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 236. Л. 9 об.

членов – пожертвованные средства принадлежат не местной церкви при заведывании представителей от прихожан, а епархиальной власти. Такое мнение комиссии было легко предугадать, учитывая взгляды ее председателя на пределы власти епископа. «Истинный взгляд на каноническую основу власти Епископов в отношении церковных доходов» комиссия считала необходимым разъяснить через «Церковные ведомости» во «всеобщее сведение» духовенства и церковных старост. В подкрепление такого разъяснения, по мнению комиссии, следовало ужесточить контроль причтов за деятельностью старост: подсчитывать доходы церквей ежедневно обязательно с участием причта, а финансовые отчеты благочинному предоставлять не по полугодиям, а ежемесячно. Вместе с тем, комиссия признала, что наиболее обременительны для приходов сборы на духовно-учебные заведения, отнимающие – по сведениям комиссии – до половины доходов церквей. Поэтому она предлагала «так переассигновать средства содержания духовно-учебных заведений», чтобы церковно-приходские школы содержались на местные средства, получаемые от приходов, а семинарии и духовные училища – только на средства, отпускаемые из казны. Комиссия считала, что в такой ситуации прихожанам будут понятны и близки те цели, на которые будут расходоваться суммы, «отвлекаемые из доходов церквей». Характерно, что комиссия, так ревниво смотревшая на попытки прихожан контролировать церковные расходы, в данном случае, фактически, повторяла давнее предложение Д.Ф. Самарина – одного из первых проповедников самостоятельности приходской общины (подробно см.: Глава 2 § 10). Он еще в 1873 г. в статье «Сокращение приходов и обеспечение духовенства» предлагал, чтобы духовно-учебные заведения были взяты на обеспечение за счет казны, а приходы – освобождены от любых отчислений на их нужды. Освободившиеся средства, переданные в распоряжение прихожан, последние, по его мнению, могли бы тратить на местные церковные потребности, в том числе – на содержание духовенства. В 1900-е гг. эту идею развивал А.А. Папков (см.: Глава 2 § 11)⁴⁹⁵. Кроме того,

---

⁴⁹⁵ Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 2. С. 105–115; [Папков А.А.] До-

комиссия рекомендовала установить определенные нормы сборов из церковных доходов на местные нужды так, чтобы они не превышали 33% общей суммы доходов. Также члены комиссии считали возможным определить, чтобы половина чистой прибыли приходского хозяйства шла на нужды приходского храма⁴⁹⁶. Таким образом, комиссия 1909 г. принципиально отказывалась признавать право прихожан на участие в церковном хозяйстве и одновременно предлагала сделать им ряд заметных уступок.

Результатом деятельности двух комиссий стало определение Синода от 27 июля – 7 сентября 1910 г. (высочайше одобренное 22 сентября), которым было установлено, что сборы в церквях могут быть разрешены только в пользу тех учреждений, «кои состоят под покровом» Православной церкви и составляют своей главной целью распространение и охранение православной веры или содействуют государству в деле оказания помощи страждущим во время народных бедствий. При разрешении сборов таким обществам предлагалось принять за правило, что в числе непременных членов совета или другого руководящего органа должен быть представитель духовного ведомства, который бы наблюдал за тем, что собираемые в церквях пожертвования действительно идут на предмет своего прямого назначения, а также за тем, чтобы общества не допускали действий, неодобрительных с точки зрения Православной церкви. Также определение предусматривало, что каждый новый сбор должен быть только кружечным, иметь исключительно временный характер и разрешаться на срок не более пяти лет, а на более длительные сроки – в исключительных случаях. Причем Синод оставлял за собой право остановить сбор в любой момент. Несколько сборов было предписано прекратить. Вместе с тем, Синод сохранил в качестве постоянных 15 кружечных и тарелочных повсеместных сборов⁴⁹⁷.

кладная записка о необходимости восстановления «прихода» в качестве церковно-общественной единицы. Б.м., [1902.] С. 2.

⁴⁹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 236. Лл. 9 об.–10.

⁴⁹⁷ Там же. Лл. 10–12 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 95. Лл. 8 об.–11.

Принципиальные соображения комиссии 1909 г. были приняты к сведению Синодом, но орган высшей церковной власти уклонился от их обсуждения, указав, что он «не считает благовременным» обсуждать предложения комиссии о напечатании в «Церковных ведомостях» разъяснения о природе церковного имущества, об установлении большего контроля над старостами, о переассигновании сумм на местные нужды, об установлении максимального порога отчислений в одну треть и об отчислении части чистого остатка прибыли приходского хозяйства на храм. Обосновывая такую позицию, Синод разъяснял, что не считает возможным обсуждать предложения комиссии до рассмотрения нового варианта проекта приходского устава (см.: Глава 3 § б). Поскольку жалобы, протесты и нарекания на отчисления с церковных доходов – которые раздаются «в настоящее время чаще, чем когда-либо» – увязываются с отсутствием «правильной организации прихода». Также Синод обращал внимание на то, что полномочия церковных старост он предполагает не урезать, а наоборот расширить, разрешив им участвовать в епархиальных съездах духовенства. Кроме того, Синод напоминал, что уже ходатайствует перед правительством о содержании епархиальных женских училищ за счет государственных средств и проводит консультации с ведомствами об увеличении государственных субсидий семинариям и духовным училищам, что освободит местные средства на приходские нужды. Одновременно Синод обещал «войти в суждение» о безотлагательном сокращении процентных отчислений с церковей, взяв за образец опыт Могилевской епархии, и запросил отзывы преосвященных на этот счет. В Могилевской епархии съезд духовенства отменил все отчисления с церковей на местные нужды, возложив соответствующие платежи на епархиальные свечные заводы. Правда, для того, чтобы заводы смогли предоставить необходимую сумму они должны были повысить цену свечей более чем в полтора раза: с 32 до 50 руб. за пуд⁴⁹⁸. Фактически, речь шла о том, что прямые сборы с церковей заменили своего

---

⁴⁹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 236. Лл. 12 об.–13 об.

рода косвенным налогом, ведь тяжесть платежей все равно была возложена на прихожан.

Такой способ «избавления» приходских церквей от сборов достаточно давно обсуждался в епархиях. Еще в 1905 г. съезд благочинных Херсонской епархии предлагал осуществить аналогичную реформу. Он постановил отменить сборы с церковей и в видах сокращения налогового бремени церковей увеличить с 1 января 1906 г. отпускную цену епархиального свечного завода на 8 руб. за пуд (с 32 до 40 руб.). Такое повышение цен было необходимо, поскольку при старых ценах доходы свечного завода не покрывали всех епархиальных нужд (прибыль завода составляла примерно 30 тысяч руб. в год, а расходы епархии – 90 тысяч). Предполагалось, что и впредь отпускные цены на свечи будут назначать епархиальные съезды духовенства в зависимости от потребностей духовно-учебных заведений епархии. Характерно, что священники считали одним из главных положительных результатов такой реформы ликвидацию системы раскладки сборов по церквам епархии и прекращение пререканий между духовенством по этому поводу. Однако этим планам не суждено было воплотиться в жизнь. Архиепископ Херсонский Димитрий (Ковальницкий) отклонил предложение съезда, справедливо указав, что повышение цен на епархиальном свечном заводе, где старосты были обязаны закупать свечи для своих храмов, вызовет гнев прихожан, ведь на частных заводах цены повышены не будут. Преосвященный признавал, что тяжесть налогов на церкви дошла до «размеров невыносимых», поскольку в его епархии отчисления достигали 19% церковных доходов, но все равно считал такую реформу опасной, особенно «в настоящее время беспокойное», так как она ляжет на плечи прихожан и усилит среди них «неудовольствие и теперь нередко сказывающееся против ведения церковного хозяйства духовенством»⁴⁹⁹.

---

⁴⁹⁹ Райский А., *свящ.* Один из вопросов по епархиальному хозяйству // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 9. 1 мая. Часть неофициальная. С. 478–479 (проект соответствующей реформы); Из духовных газет и журналов. Об упрощении и упорядочении взимания налогов

По сравнению с предложениями комиссии архиеп. Антония определение Синода было крайне осторожным и фактически ничего не меняло в системе обложения приходских церквей⁵⁰⁰. Понятно, что оно не имело значительного эффекта. В 1910–1913 гг. Синод разрешил еще восемь сборов, а за первые два года Первой мировой войны – еще девять, более чем удвоив таким образом число повсеместных благотворительных сборов. При этом ряд сборов, санкционированных после 1910 г., хотя создавались как временные, постоянно возобновлялись, т.е. фактически имели постоянный характер. В августе 1915 г. Синод собирался приостановить ряд сборов, но постановления по этому поводу принято так и не было⁵⁰¹. К вопросу же о сокращении отчислений с церковных доходов на епархиальные и сословные нужды более не возвращались. В этой ситуации в 1913 г. уже и Государственный совет (гораздо более лояльный по отношению к духовному ведомству, чем Государственная дума) при рассмотрении сметы Синода на следующий 1914 г. высказал пожелание, чтобы

ведомство Святейшего Синода приняло зависящие меры к ограничению пределами крайней необходимости сборов с церквей на какие бы то ни было потребности, не идущие на непосредственное удовлетворение нужд самого храма и богослужения, и к пересмотру всех ныне существующих тарелочных и церковных сборов с отменой тех, которые не вызываются действительною надобностью⁵⁰².

Однако и это обращение не дало сколько-нибудь значимых результатов.

Как видим, реальные шаги Синода по изменению системы церковных сборов носили косметический характер. Они касались только сборов на бла-

---

на общепархиальные нужды // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 11. 1 июня. Часть неофициальная. С. 574–575.

⁵⁰⁰ Интересно, что позднее результаты деятельности комиссии архиеп. Антония (Храповицкого) считались, очевидно, несколько скандальными: в справке обер-секретаря Синода В. Крючкова, написанной 23 июня 1916 г., при подробной характеристике предложений комиссии архиеп. Никона (Софийского) относительно второй комиссии сказано лишь то, что она согласилась с выводами первой. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 95. Лл. 8 об. Это утверждение не точно: если комиссия 1905 г. занималась почти исключительно вопросом об ограничении благотворительных сборов, то вторая комиссия все же попыталась решить главную проблему приходского обложения – проблему отчислений на духовно-учебные заведения.

⁵⁰¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 95. Лл. 11–14 об.

⁵⁰² Там же. Л. 14 об.

готворительные цели и не были последовательны. Возможность отмены или изменения сборов на духовно-учебные заведения, хотя и обсуждалась, но за межреволюционное десятилетие так и не перешла в практическую плоскость, а ведь именно эти сборы – как показали события 1905–1906 гг. – вызывали наибольшее раздражение прихожан. Характерно, что 12 ноября 1915 г. в Синод обратился епископ Псковский Евсевий (Гроздов) с ходатайством о сокращении церковных сборов и об уменьшении взносов с церковью на епархиальные нужды⁵⁰³. Однако последствий и это ходатайство не имело. Епископы на местах чувствовали, что в приходах назревает взрыв недовольства, но инертная синодальная бюрократия не могла вовремя принять даже такие скромные меры.

В системе денежных сборов с приходских церковью, а также в системе приходского делопроизводства, возложенной на причты во многом государственной властью, особенно ярко проявилось утилитарное отношение к приходу, характерное для синодальной системы. Хозяйственное положение приходов на рубеже веков становилось все более тяжелым. Но и внутренние отношения в приходах между паствой и духовенством оставляли желать лучшего не в последнюю очередь из-за возложенных на пастырей не свойственных им функций. Вообще именно приходское духовенство, как представляется, в наибольшей степени страдало от государственного утилитаризма, оказываясь между двух огней: жесткими требованиями синодальной системы и недовольными прихожанами. Для государства приходский священник выступал как фискальный агент и чиновник низшего уровня, без всякого жалования вынужденный вести в интересах разных ведомств огромную чисто бюрократическую переписку. В результате страдали его пастырские обязанности, а гнев прихожан обращался не только против консистории, но и против него самого.

---

⁵⁰³ Там же. Лл. 14 об.–15.

§ 7. Приходская реформа по К.П. Победоносцеву

Время, наступившее после Великих реформ, получил в историографии наименование периода контрреформ. В сфере идеологии и церковной политики контрреформы связывают с именем К.П. Победоносцева. Действительно, Победоносцев стремился пересмотреть наследие своего предместника в обер-прокурорском кресле Д.А. Толстого, повернуться «лицом к иерархии», мнениям которой последний так явно бросал вызов⁵⁰⁴. В области приходского строительства новый обер-прокурор намеревался отказаться от самых одиозных шагов Д.А. Толстого, прежде всего – от политики укрупнения приходов. Приходские преобразования 1860–1870-х гг. были настолько неудачны, недовольство в церковной среде было ими настолько велико, что взяться за их коррекцию требовала логика самой жизни. С другой стороны все громче свою позицию в области приходских преобразований заявляли новые общественные силы, прежде всего – земцы (см. § 9 настоящей главы). С их публичными выступлениями следовало считаться, или, по крайней мере, как-то реагировать на них. В этом контексте вырисовывались контуры того, что можно обозначить как «приходскую реформу» К.П. Победоносцева. Конечно, о ней мы можем говорить с большой долей условности. Речь шла скорее об отдельных мероприятиях, которые могли бы успокоить общество, иерархию, но оставили бы в неприкосновенности основу существующей системы государственной церковности в целом и приходского устройства в частности. Реализация «реформы» предполагала следующие действия: отмену укрупнения приходов, решение вопроса о материальном обеспечении духовенства, пересмотр инструкции церковным старостам, реформу приходских попечительств.

---

⁵⁰⁴ *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. С. 31.

Ревизия предшествующей политики и вопрос о жаловании духовенству

Отмена урезанных штатов приходских церквей 1869 г. была самым естественным и ожидаемым шагом со стороны нового обер-прокурора. Хотя в этом вопросе К.П. Победоносцев действовал со свойственными ему осторожностью и постепенностью. В первые месяцы после своего назначения он только собирал мнения иерархов по поводу политики укрупнения приходов, прощупывал их возможную реакцию на отмену этой политики. Вскоре в Синод начали поступать с мест многочисленные прошения прихожан о восстановлении закрытых приходов, удовлетворению которых, по словам самого обер-прокурора, была открыта «широкая дорога». Первые законодательные шаги были предприняты в конце 1881 г., когда было принято официальное определение об усилении причтов Санкт-Петербургской и Московской епархий. Окончательная отмена штатов 1869 г. последовала 19/28 февраля 1885 г. одновременно с официальным закрытием Главного присутствия по делам православного духовенства. Восстанавливать ранее упраздненные приходы епархиальные власти теперь могли без обращения в Синод. Впрочем, полностью восстановить прежнюю приходскую сеть было уже невозможно. Во многих местах возобновление приходов вызывало глухое сопротивление духовенства, ожидавшего уменьшения своих доходов, и даже консисторий. Особенно священников раздражало возвращение в причты штатных диаконов. Где-то восстановление приходов превращалось в кампанию со стороны преосвященных, так что храмы появлялись там, где уже не было прихожан. В любом случае все это вновь обостряло актуальность вопроса о материальном обеспечении духовенства⁵⁰⁵.

Неудачный опыт решения этой проблемы через учреждение приходских попечительств оживил дискуссии начала 1860-х гг. Тогда, как и 20 лет спустя

---

⁵⁰⁵ Айвазов И.Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III. М., 1913. С. 39–42; Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia; Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. С. 49–50; Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 542–546.

обсуждались две основные стратегии решения этого вопроса. Общественные круги, близкие к славянофилам, выступали против идеи государственного жалования духовенству и ратовали за обеспечение священнослужителей силами приходов, что одновременно предполагало выборность клириков, передачу приходам всех церковных доходов и принятие на счет казны содержания духовно-учебных заведений. Авторы из священников, напротив, единодушно и горячо доказывали необходимость полного обеспечения причтов за счет государства. Причем последние подвергали раздраженной и массивной критике позицию славянофильских органов печати. К.П. Победоносцев поначалу не был готов солидаризоваться ни с одной из этих точек зрения. По замечанию А.Ю. Полунова, первое его не устраивало потому, что означало демократизацию приходской жизни, второе – потому, что окончательно превращало бы священников в чиновников и вело бы к полному разрыву с прихожанами. Материальные проблемы духовенства казались обер-прокурору надуманными; решить эти вопросы он полагал возможным, сократив потребности клириков. Подобные взгляды были изложены в 1880 г. в записке близкого тогда к К.П. Победоносцеву епископа Дмитровского Амвросия (Ключарева). Он предлагал с одной стороны назначать в бедные приходы священников бездетных, престарелых, несемейных, с другой стороны – сделать ставку на традиционную религиозность народа и начать формирование клира из мирян-простолюдинов. Так, пожалуй, впервые мы встречаемся с идеей «народного пастырства», которая еще неоднократно в самых разных вариациях будет появляться в контексте приходской реформы. Обратим внимание, что здесь «народное пастырство» мыслилось не выборным; такой «народный пастырь» не выдвигался самостоятельным приходом, а по-прежнему приходил в него по назначению епископа. Идея «народного пастырства» тогда, очевидно, была особенно симпатична обер-прокурору. Но в ней его привлекала не столько возможность тесного единения пастырей и папсомых и действительного демонтажа духовного сословия, сколько возможность получить клир, не прошедший специальную богословскую школу. К.П.

Победоносцевым руководило, прежде всего, недоверие к высокой богословской культуре, которая в его глазах была источником повышенных материальных запросов и «умничанья». Однако большинство епископов отнеслись скептически к предложениям епископа Амвросия. Они не были готовы отказаться от «важнейшей традиции имперской государственности – просвещения» клириков⁵⁰⁶.

В результате обер-прокуратура вернулась к идее казенного жалования. Перспектива назначения жалования обсуждалась еще в конце обер-прокурорства Д.А. Толстого. Тогда уже было ясно, что ни учреждение попечительств, ни укрупнение приходов не привели к существенному повышению благосостояния духовенства и государственное жалование остается единственным реальным способом решения этой проблемы. В 1880 г. проект обеспечения жалованием сельского (и только сельского) духовенства империи рассматривало Присутствие по делам православного духовенства. Предполагалось, что будет установлен особый налог с земель, принадлежащих как крестьянам, так и казне и помещикам, и с другого имущества, облагаемого земскими сборами. Раскладку этого сбора планировали поручить «губернскому по крестьянским делам и особому о земских повинностях присутствию» на тех же основаниях, что раскладываются земские повинности. Аналогичный сбор был установлен в юго-западных губерниях в 1867 г., а затем – и в северо-западных. Предполагалось, что эта мера даст средства, которые позволят выплачивать 600 руб. настоятелю, 400 руб. помощнику настоятеля и 200 руб. в год псаломщику. При этом духовенство должно было полностью отказаться от взимания платы за обязательные требы, к которым Присутствие относило молитву над новорожденным и родильницей, крещение и миропомазание, венчание, исповедь и причастие, соборование и предсмертное напутствие, отпевание. Был подсчитан и размер проектировавшегося налога. Для обеспечения штатного сельского духовенства 37 внутренних губерний

---

⁵⁰⁶ Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 2. С. 97–115; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 843–844; Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. С. 46–49.

требовалось собирать 15 652 277 руб. в год (при отпускаемых 2 118 922 руб.)⁵⁰⁷. Но реализован этот проект не был. В 1890 г. печать активно обсуждала новый проект отмены платы за требы и назначения жалования уже всему духовенству империи. Писали, что этот проект был «подробно разработан» в Синоде и находился на согласовании с Министерствами финансов и внутренних дел. Средства для такой реформы должен был дать особый налог со всего православного населения империи. Судя по суммам, которые предполагалось выплачивать священнослужителям (1200 руб. в год благочинным и протоиереям, 600 руб. священникам, 300 руб. диаконам, 200 руб. псаломщикам), между этим проектом и проектом 1880 г. существовало некоторое преемство. Впрочем, Присутствие по делам православного духовенства считало, что назначение подушных сборов, которые легли бы только на податные сословия, было бы «сколь обременительно, столько же и несправедливо». На этот раз для обеспечения жалованием всего духовенства империи, по подсчетам духовного ведомства, ежегодно требовалось 32 841 600 руб.⁵⁰⁸, в два раза больше, чем по проекту 10-летней давности. Как бы то ни было, этот проект также не был реализован. В следующем 1891 г. в России разразился голод, во время которого пострадало и духовенство. Это стало определенным толчком для реализации планов по обеспечению духовенства казенным содержанием. С 1893 г. этот процесс шел особенно активно, тем более что такая стратегия обеспечения духовенства пользовалась личной поддержкой императора Александра III⁵⁰⁹. Для этих целей из средств государственного казначейства дополнительно выделялось сначала 250, а затем по 500 тысяч руб. в год без назначения каких-либо дополнительных сборов. Однако этих субсидий было недостаточно, чтобы решить вопрос о материальном обеспе-

---

⁵⁰⁷ О мерах к улучшению материального положения православного сельского духовенства. (По Высочайше учрежденному Присутствию по делам Православного духовенства). СПб., 1880. С. 7, 32–39.

⁵⁰⁸ Известия и заметки. Проект положения о материальном обеспечении духовенства // Руководство для сельских пастырей. 1890. № 41. С. 153; О мерах к улучшению материального положения православного сельского духовенства. С. 32–33.

⁵⁰⁹ Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. С. 52.

чении духовенства принципиальным образом. Поэтому полемика о необходимости введения казенного жалования для духовенства продолжалась.

Наиболее острая критика идеи жалования и сословности духовенства в этот период принадлежала автору анонимной книги «Церковные вопросы в России», вышедшей в Браиле в 1896 г. С.И. Алексеева считает, что ее авторство принадлежало Н.Н. Дурново, публицисту и в прошлом издателю московской газеты «Восток» (закрыта в 1886 г.), пропагандировавшей идеи «византизма» и церковные реформы⁵¹⁰. Книга Н.Н. Дурново – жесткий политический памфлет, в котором К.П. Победоносцев именуется не иначе как «главой» Русской Церкви. Окончательный перевод духовенства на жалование от казны, по мнению автора, только способствовал бы замыканию духовенства в своем сословии, по его выражению, в своей «касте», сделал бы его привилегированным, подобно дворянству. «Какие гарантии, – задавался он вопросом, – получит народ, что обеспеченное правительством духовенство, не будет “драть с живого и мертвого” <...> и будет уставно отправлять богослужение» и учить паству христианским истинам? В качестве примера «ненасытности» духовенства он приводил юго-западные епархии, где оно было обеспечено высоким жалованием, но плата за требы не исчезала, а священники – по его словам – предпочитали «разъезжать на четверках, в дормезах и колясках» и вести большое хозяйство, нежели совершать богослужения⁵¹¹. Противовес «кастовости» духовенства автор видел в «народном пастырстве», то есть ненаследственном, профессиональном, а не сословном, вышедшим из среды народа, подобно тому, как это имеет место на православном Востоке. Он писал, что

народу нужен священный клир, из него вышедший, ему близкий, знающий его нужды и могущий переносить с ним и горе и радость. Между тем для него с

---

⁵¹⁰ Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. С. 101–104.

⁵¹¹ Церковные вопросы в России: I. Русское духовное ведомство под управлением... статс-секретаря Константина Петровича Победоносцева. II. Старообрядческая церковь. III. Церковно-приходские школы и жалованье российскому духовенству. IV. Палестинское общество в России и другие вопросы. Браила, 1896. С. 107–108, 113, 127–129.

Петровских времен создали какую-то особую духовную касту, которая своею нетерпимостью и обособленностью поражает иностранцев, в особенности приезжих людей с православного Востока. Кастовый характер духовенства имеет отношение к способу комплектования его рядов, к его браку, воспитанию, его быту, к его земным, житейским интересам, но отнюдь не к религиозной жизни.

Но почему же народ не может иметь своих собственных, из его среды вышедших пастырей? Или царствие Божие принадлежит лишь детям духовной касты, единственно только в России и существующей?⁵¹²

Кроме того, автор ратовал за самостоятельность прихода и облегчение лежащего на нем финансового бремени. «Перестаньте обирать храмы Божии на кастовые нужды духовенства и тогда целые десятки миллионов рублей пойдут на просвещение народа», – писал Н.Н. Дурново⁵¹³. Обер-прокуратуру и лично К.П. Победоносцева критик обвинял в том, что он смешал «церковь с известным сословием в России и этим способствовал не оживотворению, а умерщвлению духа церковного, что еще более отдалило духовенство от народа и послужило к усилению в России раскола и ересей»⁵¹⁴. Как видим, для автора «Церковных вопросов в России», как и для других современников славянофильского направления, альтернативой казенному жалованию было участие прихода или земства в вопросе обеспечения духовенства. Но предложения земств, звучавшие в 1870–1880-х гг. были либо заблокированы духовным ведомством⁵¹⁵, либо не реализованы по другим причинам (см.: Глава 2 § 10). Однако К.П. Победоносцев находил нужным успокоить активных прихожан, которыми для него были, прежде всего, земцы. Такую роль, видимо, должна была сыграть новая инструкция церковным старостам.

Новая редакция инструкции церковным старостам

Вопрос о пересмотре инструкции церковным старостам достался К.П. Победоносцеву в наследство от обер-прокурорства Д.А. Толстого. В де-

---

⁵¹² Церковные вопросы в России. С. 127, 114–115.

⁵¹³ Там же. С. 112.

⁵¹⁴ Там же. С. V, 128.

⁵¹⁵ Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. С. 92.

кабре 1879 г. при Синоде была учреждена комиссия, перед которой была поставлена задача пересмотреть «правила о церковном хозяйстве». Во главе ее встал присутствовавший тогда в Синоде епископ Рязанский Палладий (Раев), будущий Санкт-Петербургский митрополит (в 1892–1898 гг.). В нее вошли сплошь синодальные чиновники (некоторые из них со своими сотрудниками): помощник управляющего синодской канцелярией Н.И. Павловский, управляющий контролем при Синоде И.Г. Терсинский, ревизор учебного комитета И.К. Зинченко, исполняющий обязанности вице-директора хозяйственного управления П.И. Остроумов и юрисконсульт обер-прокурора В.А. Степанов. Впрочем, председатель комиссии мог пригласить к участию в заседаниях по одному лицу из священнослужителей и старост столицы, согласовав их кандидатуры с Петербургским митрополитом⁵¹⁶. В определении Синода довольно прозрачно говорилось о цели работы комиссии. Утверждалось, что старосты, вопреки установленной для них инструкции, являются «совершенно безотчетными сборщиками, хранителями и распорядителями церковных доходов», и поэтому причты, благочинные и епархиальные начальства не имеют точного учета церковных доходов и расходов⁵¹⁷. Вывод, который должны были сделать члены комиссии, представлялся довольно ясным: старост необходимо было поставить под еще более жесткий контроль духовенства. К.П. Победоносцев, пришедший в обер-прокуратуру в апреле 1880 г., видимо сочувствовал этой идее. Комиссия епископа Палладия работала в 1880 г., а весной 1881 г. ее председатель был возведен в сан архиепископа⁵¹⁸. Судя по всему, обер-прокурор был в целом доволен его деятельностью в этом качестве. Однако когда информация о работе комиссии стала просачиваться в общество, намерения комиссии вызвали серьезное беспокойство и даже организованное сопротивление.

Церковные старосты Москвы, по сообщениям печати, были намерены войти в Синод с прошением, «чтобы церковные имущества, а равно и кон-

---

⁵¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 161. Д. 1837. Лл. 1–4 об.

⁵¹⁷ Там же. Л. 2 об.

⁵¹⁸ Смолч И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 744.

троль церковно-финансовых операций были в заведывании выборных от прихода». Старосты северной столицы весной 1881 г. «составляли съезд» против комиссии. Характерно, что в обществе были убеждены: если проекты комиссии будут проведены в жизнь, и права старост будут ограничены, «тогда все люди дела откажутся от этой должности»⁵¹⁹. В этой ситуации К.П. Победоносцев решил не идти на конфронтацию с влиятельными церковными ктиторами, которые и составили оппозицию этой реформе. Комиссия епископа Палладия закончила свою работу без каких бы то ни было последствий. Однако сделав уступку старостам, обер-прокурор одновременно давал им понять, что независим в своих решениях от общественного мнения: бывший глава комиссии, как мы сказали, вскоре получил почетный титул, а через год – гораздо более важную, чем Рязанская, Казанскую кафедру. Между тем, дело с пересмотром инструкции церковным старостам не было забыто. Правда, теперь оно приобретало совсем другое направление. В 1882 г. в осведомленных кругах говорили, что теперь предполагается усилить и сделать «более обязательным» участие прихожан в наблюдении за церковными суммами⁵²⁰. Как заметил А.Ю. Полунов, Победоносцев, проводя свою «реформу» прихода, лавировал между иерархией, духовенством и мирянами.

Новая редакция Инструкции церковным старостам действительно появилась, но только через восемь лет. Она была утверждена Александром III 12 июня 1890 г.⁵²¹ и состояла теперь из 58 статей (вместо прежних 19). Такое существенное расширение ее произошло в основном за счет включения в состав Инструкции тех положений, что были введены в действие законодателем за время действия прежней ее редакции. С этой точки зрения новая Инструкция представляла собой более современный и юридически выверенный документ. Кроме того, в ней содержались некоторые новые положения, кото-

---

⁵¹⁹ *Н.П.* 316; *Богданович.* 63–64 (записи от 28 и 30 марта 1881 г.). Ср.: *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. С. 91.

⁵²⁰ *Иванцов-Платонов А.М., прот.* О русском церковном управлении. С. 53.

⁵²¹ ПСЗ(3). Т. 10. Отд. 1. 12 июня 1890 г. № 6923.

рые, видимо, отражали воззрения на дальнейшую судьбу прихода, существовавшие в определенных кругах обер-прокуратуры.

Церковный староста определялся теперь как «поверенный прихода, избираемый к каждой приходской церкви для совместного с причтом приобретения, хранения и употребления церковных денег и всякого церковного имущества, под надзором и руководством благочинного и епархиального начальства» (ст. 1). Так в новой редакции более отчетливо обозначалось подчиненное положение старосты клиру приходской церкви и епархиальным властям. Инструкция вводила ряд ограничений на занятия этой должности. Старостой не мог быть мужчина моложе 25 лет, сектант, не исповедующийся и не причащающийся, подвергавшийся по суду тюремному заключению или более строгому наказанию, несостоятельный должник или состоящий под опекой за расточительность, исключенный из службы по суду или снявший с себя священный сан, содержатель, приказчик и сиделец питейных заведений и волостные старшина и писарь, пока они состоят в этих должностях (ст. 7).

Наряду с этим инструкция содержала положения, которые явно предполагали более активное участие прихожан в приходских делах. В Инструкции описывалось приходское собрание, которое избирало церковного старосту, – его состав и процедура проведения (ст. 11–16). В собрание включались живущие в пределах прихода лица не моложе 25 лет, имеющие право участвовать в собраниях органов местного и сословного самоуправления, то есть, как правило, обладающие статусом самостоятельных домохозяев (ст. 8). Эта замена «всех прихожан», которые ранее имели право выбирать старосту, на обладателей определенного ценза была существенным нововведением, на которое обращали внимание современники⁵²². Новая инструкция также предлагала городским причтам заранее составлять списки возможных участников такого приходского собрания (ст. 10). Такие списки были одним из прообразов приходской книги, введение которой обсуждалось в контексте реформы прихода в 1906–1917 гг. Характерно, что упоминание о согласии причта на из-

---

⁵²² К.И. Что такое церковный староста? С. 19.

брание старосты в новой инструкции было опущено. Теперь выборы должны были проходить только «*в присутствии причта и под наблюдением благочинного*» (ст. 12)⁵²³. Тем самым роль прихожан в избрании старосты как будто усиливалась. Интересно, что теперь староста и помощников мог приглашать себе, также не испрашивая согласия причта (ст. 24). Кроме того, новые постройки могли теперь осуществляться в приходе только с согласия общего собрания прихожан (ст. 36) – причт и староста должны были ходатайствовать перед архиереем о разрешении их только после приговора общего собрания. Впрочем, расходы староста по-прежнему осуществлял с согласия причта (ст. 34).

Согласно статье 2, староста мог избираться и к приписным церквям, у которых не было своих причтов. Утверждалось действовавшее с 1872 г. положение об избрании старост к домовым церквям разных ведомств начальством этих ведомств с согласия причта домовых церквей⁵²⁴; этот выбор, как и в других случаях, требовал утверждения со стороны епархиального архиерея (ст. 3). С 1858 г. старосты бесприходных городских церквей (соборных, кладбищенских) избирались городскими думами «на общем основании выборов в городские должности» по представлению благочинных⁵²⁵. Для этого благочинные (т.е. фактически – причты этих церквей) представляли в думы список возможных кандидатов, из которых городские гласные производили выборы; результаты их представлялись на утверждение архиерея. Инструкция 1890 г. закрепила этот порядок, сделав важное дополнение: «В городах, в коих городское управление состоит преимущественно из лиц неправославного исповедания, выборы производятся непосредственно православными обывателями, созываемыми городским головою» (ст. 18). В любом случае значе-

---

⁵²³ Курсив в цитате наш. – А.Б.

⁵²⁴ Инструкция церковным старостам (Высочайше утвержденная 17 апреля 1808 года) и последовавшие с того времени законоположения, относящиеся к обязанностям их / сост. протоиерей *Иоанн Чижевский*. Харьков, 1883. С. 9–10 (Указ Св. Синода от 8 августа 1872 г. № 42).

⁵²⁵ ПСЗ(2). Т. 33. Отд. 2. 13 декабря 1858 г. № 33888; Инструкция церковным старостам... и последовавшие с того времени законоположения. С. 9 (Указ. Св. Синода от 12 января 1859 г. № 406).

ние городских обществ при таком порядке выбора старост возрастало⁵²⁶. Вместе с тем, Инструкцией предусматривалось проведение повторных выборов, если архиерей не утверждал избранного собранием кандидата, а в случае и повторного неутверждения староста мог быть назначен решением епархиальной власти по представлению причта, причем им мог быть и один из членов причта (ст. 17).

Важным отличием новой редакции Инструкции церковным старостам было то, что она сделала обязательным избрание на срок в один год двух представителей прихожан для участия в ежемесячных поверках церковных сумм (ст. 42)⁵²⁷. Они должны были удовлетворять тем же требованиям, что предъявлялись по новой Инструкции к церковному старосте. Одним из косвенных следствий этой новой нормы было то, что теперь становился обязательным, по крайней мере, ежегодный созыв приходского собрания для избрания этих поверенных лиц. В этом тоже проявлялась попытка законодателя возвысить роль прихожан в приходских делах. Однако если представители от прихода не являлись на освидетельствование дохода и расхода, то это освидетельствование, согласно Инструкции, «не останавливалось», хотя о неявке их и делалась специальная отметка (ст. 46). Тем самым, складывалась двойственная ситуация: избрание приходских представителей было необходимо, но их присутствие – не вполне обязательно. Кроме того, учреждение института выборных представителей было призвано нейтрализовать приходские попечительства. Ведь в прежней редакции присутствовать при проверке церковных сумм должны были «почетнейшие прихожане» (ст. 10). Это положение члены приходских попечительств толковали в том смысле, что именно

---

⁵²⁶ Несколько иную интерпретацию этих положений см. в: *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. С. 93.

⁵²⁷ См.: *Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям Епархиального Начальства.* М., 1900. С. 62–64.

они и призваны осуществлять контроль за церковными средствами (см. § 9 настоящей главы)⁵²⁸. Теперь возможность такого толкования была устранена.

Обязанности старосты в 1890 г. были по-новому систематизированы, но в целом остались в прежнем своем круге. Разве что новой обязанностью старосты было наблюдение за порядком среди богомольцев во время богослужений и крестных ходов (ст. 22 п. 10). Инструкция 1890 г. конкретизировала параметры денежного оборота в приходах и тем самым ужесточала финансовые требования в отношении приходских церквей. Так, сумма наличных денег, которая могла оставаться в церкви, не должна была превышать 200 руб. (ст. 30)⁵²⁹; остальные деньги должны были отсылаться в Государственный банк (ст. 32). Четко оговаривался размер суммы, на расходование которой староста мог не испрашивать разрешение епархиального начальства (ст. 34): в столицах и в кафедральных соборах староста мог тратить по своему усмотрению до 300 руб. в год, в остальных городских церквах – до 150 руб., в селах – до 50 руб. в год. Также разрешения епархиальной власти требовали теперь не только ремонтные работы в алтаре, но и работы по изменению иконостаса и росписи храма, возведение любых новых церковных построек (колоколен, приделов, оград, домов), любые строительные и ремонтные работы в древних церквах (ст. 35). Покупка недвижимого имущества для обеспечения причта обуславливалась санкцией Синода (ст. 38), как то требовал Устав духовных консисторий. Разрешение выдавать ссуды из церковных денег другим церквам или причтам было обусловлено разрешением архиерея (до 300 руб.) и Синода (более 300 руб.) (ст. 39). В церкви не могли помещаться на хранение деньги, документы и вещи ни старосты, ни причта, ни иных лиц (ст. 33).

В инструкцию были включены упоминания о всех видах поощрения церковных старост, которые ранее вводились отдельными законодательными

---

⁵²⁸ Ср.: Самарин Д. Приход. Ч. 2. С. 30; Самарин Д. Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 2. С. 88–96.

⁵²⁹ В 1865–1890 гг. эта сумма не могла превышать 100 руб. См.: Устав духовных консисторий. СПб., 1883. С. 52 (ст. 131).

актами. В частности, старосты-крестьяне освобождались от общественных повинностей и от телесных наказаний (ст. 54); старостам, не принадлежавшим к крестьянскому сословию, предоставлялось право носить мундир духовного ведомства 9-го класса в столицах и губернских городах, старостам уездных и сельских церквей – 10-го класса, а старостам из крестьян – кафтан, аналогичный кафтану хоругвеносцев московских соборов (ст. 55, 56); старосты могли награждаться медалями по представлению епархиальной власти (ст. 57). Подобные формы поощрения по-прежнему, как и за 80 лет до этого рассматривались как главный способ привлечь прихожан к исполнению должности церковных старост.

Таким образом, в Инструкции церковным старостам 1890 г. можно проследить тенденцию к усилению роли прихожан, конечно, не всех, а только – «благонадежных» цензовых элементов. Такие прихожане должны были собираться как минимум раз в год на приходское собрание, избирать уже без санкции причта старосту и своих уполномоченных для проверки его деятельности. Также Инструкция демонстрировала попытку привлечь к делам соборных и кладбищенских церквей городские общества. Между тем, и новая Инструкция не создавала механизм контроля над деятельностью старосты со стороны прихожан. Ответственность старосты перед приходским собранием не предусматривалась, пристальный надзор за ним со стороны причта и благочинного сохранялся. Положение старосты как представителя причта, а не прихода качественным образом не изменилось. Как писал один из современников, оценивая новую редакцию Инструкции,

учреждение это <институт церковных старост> никого не удовлетворило: ни общества, которое стоит в стороне от деятельности церковного старосты и даже не знает, какой именно смысл заключается в этом названии, — ни начальства, которое не может добиться точных сведений о церковных доходах, — ни наконец, самих старост, которые тяготеют данною им инструкцией, которую они не исполняли, да едва ли когда и будут исполнять, не смотря на установленную для них присягу⁵³⁰.

---

⁵³⁰ К.И. Что такое церковный староста? С. 21.

«Приходская реформа» К.П. Победоносцева, как и многие его начинания, носила двойственный и противоречивый характер. Делая уступку мирянам, которые для него ассоциировались в основном с активными земцами, он усиливал роль цензовых элементов, но все же не давал им власти в приходе, шел на уступку, но малозначащую, которая показывала бы желание преобразований, но, по сути, не меняла ничего⁵³¹. Следующим шагом «приходской реформы» был пересмотр Положения о приходских попечительствах 1864 г. Как мы говорили выше (Глава 2 § 3), в 1893 г. обер-прокуратура предприняла опрос епархиальных преосвященных, желая детально выяснить состояние приходских попечительств в епархиях и собрать мнения епископов о необходимых изменениях в Положении 1864 г. Отзывы, поступившие в Синод, представляют собой значительный интерес в силу того, что в них мы можем увидеть программу приходских преобразований, как они виделись епархиальным преосвященным в конце XIX в. (см.: Глава 2 § 9). Но к концу 1890-х гг. и сам обер-прокурор не проявлял заметной настойчивости и интереса к реформе попечительств. Его «приходская реформа» осталась незавершенной. Но даже если бы она была полностью реализована, это мало что изменило бы в положении православного прихода. Противоречивые полумеры, призванные законсервировать существующую ситуацию, не соответствовали политической и общественной обстановке начала XX в.

§ 8. Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг. и приходские институты

В этом разделе мы рассмотрим законодательство о православном приходе только в одном аспекте – с точки зрения того, какие институты и взаимоотношения между ними были им сформированы в православном приходе империи к концу XIX в. Особенностью российского законодательства о приходе было отсутствие единого законодательного акта, который бы регулировал приходскую жизнь. Создание такого акта станет целью реформаторов

---

⁵³¹ Ср.: *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. С. 93.

прихода в 1906–1917 гг., но в конце XIX в. приходское законодательство не представляло собой единого целого, а было рассеяно по разным законодательным актам. Главными из них были Инструкция церковным старостам 1808 и 1890 гг. издания, Устав духовных консисторий 1841 и 1883 гг., Инструкция благочинным приходских церквей 1775 и 1858 гг., Положение о приходских попечительствах 1864 г. Кроме того, как Синодом, так и епархиальными властями постоянно издавались различные пояснения и уточнения к этим основным документам. Причем при реализации на практике тех или иных положений этих документов духовенству и прихожанам надлежало согласовывать свои действия и с гражданскими узаконениями империи – от правил о кредитных операциях до лесного устава. Многообразие и сложность действовавшего тогда законодательного материала с одной стороны вела к регулярным случаям вольных или невольных неправомερных действий духовенства или церковных старост, которые просто не могли учесть все нюансы действовавшего законодательства. С другой стороны – вызвала к жизни особый жанр справочной литературы – сборники документов, в которых их составители стремились свести воедино соответствующие законы, как церковные, так и гражданские, и снабдить их справочным аппаратом⁵³². Эти сборники пользовались неизменной популярностью среди приходского духовенства и приходских должностных лиц.

---

⁵³² См., например: Устав духовных консисторий, изъясненный 1. Полным собранием свода законов Российской империи. 2. Статьями духовного регламента. 3. Указами святаейшего Синода. С приложением подлинного текста. 1. Инструкции благочинным белого духовенства. 2. Инструкции благочинным монастырей. Первый полный с объяснениями сборник действующих по Духовному ведомству узаконений: Настольная книга / под ред. *Ф.В. Ливанова*. СПб., 1871; Церковное хозяйство или правила и постановления касательно благоустройства храмов и церковного имущества, извлеченные из свода законов и указов Святаейшего Правительствующего Синода протоиереем *Иоанном Чижевским*. Харьков, 1875; Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга / Составил *Я. Ивановский*. СПб., 1883; Краткий свод законоположений, относящихся до церковных старост / сост. *Я. Ивановский*. СПб., 1883; Новая инструкция церковным старостам (высочайше утвержденная 12 июня 1890 года), дополненная руководственными по предмету церковного хозяйства Указами Святаейшего Синода и разъяснительными распоряжениями епархиального начальства / сост. *В.А. Маврицкого*. М., 1896; Инструкция благочинному приходских церквей, изъясненная указами Св. Синода, распоряжениями епархиального начальства, сводом законов и церковной практикой / сост. благочинный протоиерей *Александр Малевинский*. СПб., 1910 и др.

Одним из первых законодательных актов, непосредственно касавшихся православного прихода и во многом определившем последующее законодательство в этой сфере, была *Инструкция церковным старостам* 1808/1890 гг. С содержанием двух ее редакций мы подробно знакомимся в предыдущих разделах. Некоторых сторон приходской жизни касалась и *Инструкция благочинным приходских церквей*, выпущенная митр. Московским Платоном (Левшиным) в 1775 г. и затем исправленная в 1858 г.⁵³³. В таком виде она действовала до конца синодального периода. Согласно Инструкции, благочинный рассматривался как представитель епархиального управления в той части епархии (благочинническом округе), которая была вверена его надзору и попечению. Он выступал как «глаза и уши» архиерея, доводил распоряжения вышестоящей власти до приходского духовенства и контролировал его деятельность.

Собственно приходской жизни касались лишь несколько статей Инструкции. Статья 41 ограничивала полномочия священника границами его прихода. Совершать священнодействия в другом приходе он мог только в случае болезни или «законной отлучки» местного священника. Статья 43 подробно описывала действия благочинного по надзору за церковным старостой. Еще две статьи предписывали благочинному наблюдать за благочестием прихожан. Так, он должен был «увещевать прихожан, чтобы во все четыре поста, по долгу христианскому, исповедовались и Святых Таин приобщались», а также, чтобы они посещали храм по воскресным и праздничным дням «и жили честно, по евангельским заповедям» (ст. 46). Кроме того, благочинный должен был внушать прихожанам, чтобы они учили своих детей «основным правилам веры и благочестия», или же отдавали их для обучения священнослужителям (ст. 48).

Еще одним значимым для приходской жизни нормативным актом, действовавшим к концу XIX в., был *Устав духовных консисторий*, впервые из-

---

⁵³³ Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям Епархиального Начальства. М., 1900.

данный в 1841 г. и несколько переработанный в 1883 г.⁵³⁴. Устав регламентировал практически все сферы церковной жизни епархиального и приходского уровней. Непосредственно прихода касались его разделы «О духовенстве» (Раздел 2, гл. 4), «О приходе» (Раздел 2, гл. 5) и «О хозяйстве церквей» (Раздел 2, гл. 6, отдел 3). В Устав были включены и конкретизированы многие положения Инструкций церковному старосте и благочинному. Вместе с тем, эти, а также иные положения были изложены в Уставе в систематическом виде, что делало этот документ центральным правовым источником по приходскому вопросу.

Так, именно Устав духовных консисторий определял порядок назначения приходских клириков. Решение по этому вопросу принимал епархиальный преосвященный, но все материалы по делу о назначении готовила консистория, роль которой таким образом оказывалась довольно значительной:

Рукоположение в священный сан есть дело, принадлежащее непосредственному рассмотрению и решению Епархиального Архиерея, который удостоверяется в достоинстве ищущего посвящения и по рукоположении снабжает его грамотою за своим подписанием: в прочем дела об определении на священно-служительские и причетнические места и о посвящении входят в Консисторию, как для составления справок и собрания сведений о месте и лице, ищущем занять оное, так и для прочего, по существу и обстоятельствам сих дел, производства (ст. 70⁵³⁵).

Назначение клириков осуществлялось строго в соответствии со штатным расписанием данного прихода, которое могло быть изменено только с разрешения Синода (ст. 71). Также епархиальная власть принимала решение об увольнении священнослужителей со своих мест. Оно осуществлялось по суду, по собственной их о том просьбе или по распоряжению епархиального начальства «в случае достоверно дознанной неспособности их к дальнейшему прохождению службы по преклонной старости или болезням» (ст. 78).

Открытие новых приходов, равно как и упразднение существующих происходило только с разрешения Святейшего Синода, причем штат нового

---

⁵³⁴ ПСЗ(2). Т. 16. Отд. 1. 27 марта 1841 г. № 14409; ПСЗ(3). Т. 3. 9 апреля 1883 г. № 1495; Устав духовных консисторий. СПб., 1841; Устав духовных консисторий. СПб., 1883.

⁵³⁵ Нумерация статей дается по редакции 1883 г.

прихода (если речь шла об открытии новых причтовых вакансий, а не о перемещении клириков из одного прихода в другой) утверждался Синодом отдельно (ст. 92)⁵³⁶. Изменение границ приходов представлялось крайне нежелательным явлением, поскольку рассматривалось как повод к «расстройству приходов и к замешательству церковных актов». Поэтому Устав специально оговаривал, что границы прихода не могут изменяться только по причине недовольства прихожан на священника (ст. 93). Последний должен был действовать строго в границах своего прихода. Отступление от этого правила допускалось только в случае необходимости без промедления напутствовать Таинствами больного или крестить младенца при опасении за его жизнь (ст. 97, 98).

Прихожане упоминались в Уставе духовных консисторий в основном в связи с записью актов гражданского состояния, которые должны были вести члены причта. Устав наделял прихожан правом проверять относящиеся к ним записи метрических книг, получать на основании этих записей свидетельства, оговаривал форму таких свидетельств (ст. 99–101). Кроме того, в Уставе говорилось о возможности сношения прихожан с епархиальной властью (ст. 54), о возможности обеспечения прихожанами сверхштатных диаконов (прим. к ст. 71) и о возможности удаления члена причта по просьбе большей части прихожан (ст. 191). Несколько статей Устава были посвящены церковным старостам (ст. 94–96). Они повторяли положения, закрепленные в Инструкции церковным старостам, а также принятые законодателем после ее издания; все эти положения нашли свое отражение в редакции Инструкции 1890 г.

Значительное внимание Устав духовных консисторий уделял хозяйственной деятельности приходов. Он возлагал на епархиальное начальство обязанность наблюдать, чтобы расходование церковных средств происходило «с должною осмотрительностию»: «Причет, испрашивая разрешения Преосвященного на приобретение чего либо для церкви на церковную сумму,

---

⁵³⁶ Эта норма действовала с 1871 г. и была закреплена в редакции Устава 1883 г.

объясняет подробно все ее нужды и средства, а епархиальное начальство разрешает предположенное приобретение тогда, когда церковь имеет уже само-нужнейшие предметы, принадлежащие к Богослужению, когда нет в виду других важнейших нужд, и когда предположенный расход соразмерен средствам церкви» (ст. 130, ср. также ст. 138). Устав, как и Инструкция церковным старостам, предписывал оставлять в церкви минимум наличных денег, а «лишние суммы» отправлять в кредитные учреждения (ст. 131). О всех пожертвованиях, ценность которых превышала 100 руб., приходы должны были трижды в год (с 1852 г. – один раз в год) сообщать в епархию, которая в свою очередь извещала об этом Синод (ст. 134)⁵³⁷.

Церковное имущество также было объектом неусыпного контроля епархиальной власти: «Все имущество церквей, состоит ли оно в недвижимом имении вообще, или в капиталах, должно быть подробно известно епархиальному начальству, действующему в надзоре за оным чрез Благочинных или других доверенных лиц» (ст. 133). Поэтому принадлежащие храму земля, оброчные угодья и капиталы должны были показываться в клировых ведомостях (ст. 135). Описи имущества «значительнейших по имуществу церквей» в копиях должны были представляться в духовную консисторию (ст. 136). В компетенции епархиального архиерея находилось и разрешение на сдачу в оброк или в аренду, принадлежавших церкви угодий. Причем, прежде чем направить соответствующий доклад архиерею, предполагаемую сделку с точки зрения ее законности и выгоды для церкви рассматривала духовная консистория (ст. 137). Епархиальное начальство также наблюдало, чтобы священно- и церковнослужители пользовались всеми назначенными им способами содержания и «пользовались оными так, как установлено» (ст. 132).

---

⁵³⁷ В редакции Устава 1841 г. содержалась также статья, позднее из него исключенная, об особом внимании епархиального начальства к доходам от продажи церковных свечей. Консистория должна была тщательно рассматривать поступающие к ней ведомости о свечном доходе и, если оказывался «ущерб в доходе против прежнего времени», делать «распоряжение об открытии причин сего упадка, и виновных по сему в небрежении, беспорядке или злоупотреблении» подвергать суду, тех же священников и церковных старост, которые будут содействовать увеличению свечных доходов, – представлять к наградам (ст. 147).

При этом некоторые из хозяйственных операций приходских церквей подлежали контролю не только епархиальной, но и высшей – церковной и светской власти. Только с разрешения Синода епархиальное начальство могло дать разрешение на вырубку части леса, принадлежавшего приходской церкви (равно как и монастырю или архиерейскому дому). Только с «высочайшего соизволения», которое испрашивалось через Святейший Синод, приходская церковь могла приобрести недвижимое имущество, вне зависимости от того собиралась ли она купить его на собственные средства или принять в дар по завещанию. Предполагаемую сделку с точки зрения ее законности предварительно также рассматривала консистория (ст. 137).

Соответствующие положения Устава станут предметом дискуссий в начале XX в. Тогда их обременительность для приходской жизни будет уже слишком очевидна. В частности, IV отдел Предсоборного присутствия указывал, что накладывая жесткие ограничения на хозяйственную деятельность церквей, это положение не дает им никаких преимуществ. Сделки совершаются долго, продавцы на этом основании отказываются иметь дело с церквами, последние теряют право на получение дара, если даритель умирает прежде, чем бывает получено высочайшее разрешение на это приобретение. Вследствие этого церкви приобретают имущество по завышенным ценам. Парадокс состоял и в том, что общества, организованные при церквах, или братства могли приобретать недвижимое имущество без императорского разрешения, а монастыри и церкви – нет. Кроме того, существовал запрет ходатайствовать перед императором об отчуждении или приобретении мелких участков земли (до одной десятины). Получалось, что церковь могла купить или продать крупный участок, а небольшой – нет. При таком порядке особенно страдали церковно-приходские школы: церкви не могли передать им часть своей земли, так как речь в таких случаях шла об участках менее десятины. Поэтому школы поневоле устраивались на земле, не принадлежавшей церквам, и – как следствие – подвергались опасности закрытия или передачи их зданий другим ведомствам. Ясно было также, что это ограничение сильно

тормозило и благотворительную деятельность церквей. Помимо всего прочего, члены Предсоборного присутствия отмечали, что высочайшее соизволение стало простой формальностью: отказов в приобретении собственности церквями не встречается. Кроме того, они указывали на то, что в таких условиях страдает авторитет Православной Церкви, поскольку другие исповедания не связаны такими ограничениями при приобретении имущества⁵³⁸.

Наконец, последний законодательный акт, касавшийся прихода и ставший предметом обсуждения на рубеже веков, – это *Положение о приходских попечительствах при православных церквях* 1864 г.⁵³⁹ Положение достаточно описано в литературе⁵⁴⁰, и здесь мы коснемся только самых главных его характеристик. Состав попечительств формировался из неперемных членов, к которым относились священнослужители прихода и церковный староста, а также волостные старшины или головы (в сельских приходах), и из членов попечительств, избираемых прихожанами (ст. 2). Выборы этих членов проходили на общем собрании прихожан. В него входили все домохозяева прихода и те, кто домами в приходе не владели, но имели право участвовать в собраниях местного городского или сельского общества, или дворянского собрания (ст. 9). Тем же приходским собранием избирался и председатель попечительства (ст. 3). Последнее должно было ежегодно отчитываться перед общим собранием прихожан (ст. 8), а собрание могло избирать уполномоченных для проверки деятельности попечительств (ст. 13). Цели деятельности попечительств, на которые они могли тратить собранные ими средства, согласно Положению, ограничивались тремя основными направлениями: заботой о нуждах приходской церкви, заботой о нуждах причта, а также – о благотворительной и просветительской деятельности (ст. 5). Источником средств были добровольные пожертвования прихожан (ст. 6).

---

⁵³⁸ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 201. Лл. 22–26 об.

⁵³⁹ ПСЗ(2). Т. 39. Отд. 1. 2 августа 1864 г. № 41144.

⁵⁴⁰ См., например: *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 328–362; *Федоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. С. 211–215; *Курляндский И.А.* Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности. С. 178–180 и др.

Итак, вслед за Ф.Д. Самариным⁵⁴¹ мы можем выделить четыре института, которые к концу XIX в. были сформированы имперским законодательством на уровне прихода⁵⁴². Это были: 1) причт, 2) церковный староста, 3) представители прихода при освидетельствовании церковных сумм, 4) приходское собрание.

Причт, как мы видели, полностью зависел от епархиальной власти и подлежал ее всестороннему и детальному контролю. С другой стороны, он – в лице, прежде всего, священника-настоятеля – был главным распорядителем церковных сумм на уровне прихода, если конечно такие суммы оставались после выплаты всех необходимых епархиальных и общецерковных сборов. Церковный староста был фактическим уполномоченным причта, но не прихода по ведению церковного хозяйства. Он находился под тщательным контролем со стороны причта, благочинного и по крупным тратам – епархиальной власти. Однако механизм контроля его деятельности и деятельности причта со стороны прихожан отсутствовал. Староста оказывался, прежде всего, помощником причта в сборе и высылке в епархию необходимых отчислений, причем в том числе и тех, что шли на сословные нужды духовенства. Представители от прихода, обязательно избиравшиеся с 1890 г., были однако «не более, как понятые, которые не имеют никакого голоса в деле, а только удостоверяют, что вся сумма, оказавшаяся налицо при высылке денег из церковных ящиков и кружек, занесена на приход»⁵⁴³.

Круг участников приходского собрания был заметно ограничен. В некоторых случаях, по наблюдению современников, из его состава были исключены лица «наиболее влиятельные и полезные» для приходского дела. Так, по точному смыслу действовавших законов, право участия в собрании принадлежало одним домовладельцам, тогда как в городах большинство прихожан состояло из квартирантов; на селе от участия в собрании оказывались

---

⁵⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 315.

⁵⁴² Помимо приходских попечительств, которые, по замечанию современников, существовали как бы «при приходе», а не внутри него.

⁵⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 315 об.

отстранены все, кто не принадлежал к дворянскому или крестьянскому сословиям, например, «землевладелец из купцов, мещан или из потомственных почетных граждан»⁵⁴⁴. Компетенция приходского собрания оказывалась очень узкой. У него не было иных полномочий, кроме избрания церковного старосты, двух представителей от прихода и санкционирования новых построек. Также его участие, очевидно, предполагалось Уставом духовных консисторий при решении прихожан об обеспечении сверхштатного диакона, отстранении по их просьбе члена причта и сношении епархиальной власти с прихожанами. Но механизм участия собрания прихожан в этих мероприятиях никак не был детализирован.

Такое состояние прихода тяготило все стороны. Если в 1880-е гг. епископат еще опасался смещения «центра тяжести церковной» вниз, от Синода и архиереев – к приходам, попечительствам и братствам⁵⁴⁵, то на рубеже XIX–XX вв. и духовенство, и прихожане, и иерархия, – все говорили о необходимости «оживления прихода» и соответственно – о необходимых для этого реформах.

§ 9. Как можно было реформировать православный приход: епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств

Отзывы епархиальных властей о возможностях реформирования приходских попечительств, фактически, были отзывами о возможностях приходской реформы, сделанными спустя 30 лет после ее первого опыта. Что же предлагали епархиальные преосвященные?

Представляется, что основным лейтмотивом отзывов 1890-х гг. была идея о необходимости «оцерковления» попечительств. Эти организации рассматривались большинством преосвященных как структуры скорее светские, «гражданские», а не церковные, существующие при приходе, а не внутри не-

---

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. С. 91.

го, не органические для русской церковной традиции⁵⁴⁶. Эти тезисы перекликались с основным содержанием отзывов их предшественников 30-летней давности, которые критиковали тогдашний проект Положения о приходских попечительствах. Некоторые отзывы 1890-х гг., например, от Воронежской епархии, прямо цитировали мнения 1863 г. митрополитов Киевского Арсения (Москвина) и Московского Филарета (Дроздова)⁵⁴⁷.

«Оцерковление» попечительств, согласно рассматриваемым нами отзывам, могло идти по двум путям. С одной стороны, речь шла об усилении епархиального, консисторского, благочиннического контроля над этими организациями, о включении их в существующие структуры церковного управления, отчасти о превращении попечительств в своего рода коллективных церковных старост. Этот тип реформирования прихода условно можно назвать «административным». С другой стороны, говорилось о мобилизации прихожан на церковное дело, о сплочении их вокруг своего приходского пастыря, о создании условий для проявления их инициативы. Условно этот тип реформирования прихода можно назвать «органическим». С определенной долей схематизации можно сказать, что представленные в Синод отзывы тяготели к одному или к другому сценарию реформирования попечительств. Хотя отдельные предложения, например, об обязательном возглавлении этих приходских организаций священником, могли находить себе место в рамках и «административного», и «органического» подхода. Правда, некоторые отзывы отличались друг от друга не столько тем «направлением» в реформировании попечительств, которое они отстаивали, сколько характером самого взгляда на перспективы такого реформирования. Отзывы ряда преосвященных, в том числе архиепископов Тверского Саввы (Тихомирова), Владимирского Сергия (Спасского), благочинных Подольской епархии, включенные в

---

⁵⁴⁶ См., например: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 471 об., 478 об., 844 и др.

⁵⁴⁷ Там же. Лл. 475–476. О критике проекта Положения о приходских попечительствах в 1860-е гг. см.: *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 333–349.

епархиальный отзыв епископом Дмитрием (Самбикиным), отличались глубоким пессимизмом⁵⁴⁸.

При этом обер-прокуратура с самого начала давала преосвященным понять, какой сценарий был бы для нее предпочтителен. В предложении Святейшему Синоду от 28 августа 1893 г., которым было начато обсуждение возможных преобразований в устройстве приходских попечительств, К.П. Победоносцев подробно пересказывал письмо в Синод от 6 июля 1892 г. епископа Екатеринославского Августина (Гуляницкого) (в 1893 г. уже покойного). Последний писал о необходимости усиления епархиального контроля за деятельностью приходских попечительств, особенно за их финансами. Он предлагал, чтобы самая возможность «существования попечительства при известной церкви зависела от усмотрения епархиального начальства»⁵⁴⁹. Очевидно, всеильный обер-прокурор показывал, что «оцерковление» попечительств через усиление административного контроля над ними представлялось бы ему особенно желательным. Впрочем, административное «оцерковление» попечительств отвечало взглядам на этот предмет и многих, хотя и не всех, епархиальных преосвященных.

«Административный» подход к реформе попечительств

Превращение попечительств в «церковные учреждения» означало для придерживавшихся «административного» подхода архипастырей усиление участия в жизни попечительств епархиальных властей – самого епископа, консистории и его представителя на местах – благочинного. Митрополит Санкт-Петербургский Палладий (Раев) писал, что коль скоро приходское попечительство есть «учреждение церковное», то оно должно открываться с разрешения епископа и наряду с другими церковными учреждениями епархии состоять «под ближайшим объединительным руководством его власти»⁵⁵⁰. Екатеринбургский преосвященный Симеон (Покровский), управля-

---

⁵⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 560–571, 839–845а об., 61–88.

⁵⁴⁹ Там же. Лл. 1 об.–3 об.

⁵⁵⁰ Там же. Лл. 202–202 об.

ющий Донской епархией епископ Иоанн (Митропольский) и некоторые другие вторили первоприсутствующему члену, утверждая, что попечительства должны быть отнесены в ведение епархиальной власти и поставлены в зависимость от нее⁵⁵¹. Эта зависимость понималась архиереями, прежде всего, как возможность влиять на персональный состав попечительств. Многие из них считали, что члены попечительств после выборов должны утверждаться в своей должности епархиальным преосвященным, и он же должен иметь право уволить из состава попечительства любого его члена, а также отстранить от должности председателя⁵⁵².

Епископ Забайкальский Георгий (Орлов) предлагал, чтобы сам выбор председателя попечительства зависел от усмотрения епархиальной власти, чтобы в момент образования попечительства прихожане представляли в епархию трех кандидатов на должность председателя, один из которых обязательно был бы приходский священник, и епархиальный архиерей из них избирал бы одного⁵⁵³. Некоторые преосвященные считали, что члены попечительства не только должны утверждаться преосвященным, но и приводиться к присяге, а также иметь свою особую инструкцию, подобно тому, как имеют такую инструкцию церковные старосты. Причем при отступлении от инструкции члены попечительства наказывались бы как должностные лица и при соблюдении ее – награждались бы за свою «полезную деятельность»⁵⁵⁴. Вообще предложение уподобить членов попечительства церковным старостам, поставить их под такой же всесторонний контроль причтов – один из важных лейтмотивов, встречающихся в предложениях архиереев, особенно тех, кто придерживался «административного» взгляда на преобразование по-

---

⁵⁵¹ Там же. Лл. 93–97 об., 153, 595 об., 635–660.

⁵⁵² Там же. Лл. 93–97 об. (Донская епархия), 112 об. (Тамбовская), 384 (Оренбургская), 387 (Екатеринославская), 425 об.–426 (Пензенская), 487 об.–490 (Саратовская), 788–791 (Херсонская), 850 (Самарская).

⁵⁵³ Там же. Лл. 546–549 об.

⁵⁵⁴ Там же. Лл. 431 об. (Тобольская епархия), 635–660 (Вятская), 778–780 об. (Астраханская).

печительство⁵⁵⁵. Характерно, что ряд архиереев писал о необходимости награждать председателей и членов попечительств, «подобно церковным старостам»⁵⁵⁶.

Как видим, епархиальная власть стремилась непосредственно контролировать процесс возникновения попечительств, выбор их председателей и персональный их состав. Повседневный же и постоянный контроль за деятельностью этих организаций преосвященные предполагали поручить благочинным, подобно тому – как подчеркивалось в ряде отзывов – как это делалось и в случае с церковными старостами. Благочинные, по их мнению, должны были лично присутствовать при выборах председателей, составлять отчеты о деятельности попечительств, предоставлять епархиальному архиерею отчеты о собраниях попечительств, на которых они присутствовали, и утверждать их решения, осуществлять нравственный надзор за деятельностью попечительств⁵⁵⁷. Но главным предметом контроля со стороны благочинных должна была стать финансовая деятельность этих организаций. Предлагалось, чтобы приходно-расходные книги попечительств заверялись печатью благочинного, который обязывался проверять их дважды в год во время своих объездов (наряду с церковными книгами и суммами)⁵⁵⁸. Причем преосвященные Самарский Гурий (Буртасовский) и Оренбургский Макарий (Троицкий) предлагали вовсе отменить финансовый отчет попечительств перед приходским собранием и заменить его на отчет только перед благочинным⁵⁵⁹. Финансовый контроль со стороны епархии (пусть и без конкретиза-

---

⁵⁵⁵ Там же. Лл. 387 (Екатеринославская епархия), 509–511 об. (Рязанская), 546–549 об. (Забайкальская), 639 (Вятская). Ср. замечание в отзыве из Харьковской епархии о том, что в члены попечительств должны избираться лица таких же качеств, которые требуются от церковных старост: Там же. Лл. 415–416.

⁵⁵⁶ Там же. Лл. 118–118 об. (Могилевская епархия), 431 об. (Тобольская), 468 об. (Воронежская), 915–917 (Уфимская).

⁵⁵⁷ Там же. Лл. 112 об. (Тамбовская епархия), 509–511 об. (Рязанская), 546–549 об. (Забайкальская), 596–600 (Минская), 850 (Самарская), 415–416 (Харьковская), 788–791 (Херсонская).

⁵⁵⁸ Там же. Лл. 154 об.–155 об. (Смоленская епархия), 359 (Архангельская), 381 (Оренбургская), 387–388 об. (Екатеринославская), 427 (Пензенская), 606–608 об. (Литовская), 635–660 (Вятская), 855 (Самарская).

⁵⁵⁹ Там же. Лл. 856 (Самарская епархия), 383 (Оренбургская).

ции его форм) был важным требованием архиереев⁵⁶⁰. В некоторых случаях предлагалось, чтобы любые расходы попечительств осуществлялись только с разрешения епархиальной власти или чтобы такому утверждению подлежали расходы, превышающие определенную сумму⁵⁶¹. Тем самым преосвященные, фактически, предлагали уравнивать попечительские и церковные суммы, поскольку расходование последних как раз и было ограничено такими требованиями.

Важным элементом «оцерковления» попечительств было предложение многих епископов сделать приходского священника или настоятеля приходской церкви обязательным председателем попечительства. Эта мера оживления деятельности попечительств была самой популярной среди духовенства. Из преосвященных, приславших предложения о возможных преобразованиях попечительств, за нее высказались более половины (23 или 52,3%)⁵⁶². Архиереи подчеркивали, что это «общее мнение» подведомственного им духовенства, что в противном случае священники поставлены в ложное положение зависимости от мирян, что это необходимо, поскольку от священника происходит «почин почти всякого доброго дела» в приходе, что он – самое «просвещенное и авторитетное лицо» в приходе, а крестьяне «не сознают благотворительных и просветительских задач попечительств»⁵⁶³. Как мы отмечали, эта мера не всегда означала усиление административного контроля со стороны епархиальной власти. А вот наделение священника (причем не всегда священника-председателя) правом выдвигать кандидатов в члены попечи-

---

⁵⁶⁰ Там же. Лл. 385 (Оренбургская епархия), 595 об. (Екатеринбургская), 684–685 об. (Холмская), 778–780 об. (Астраханская), 845а об. (Владимирская).

⁵⁶¹ Там же. Лл. 118–118 об. (Могилевская епархия), 778–780 об. (Астраханская).

⁵⁶² Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Мы учли отзывы, поступившие из 47 епархий, из них какие бы то ни было предложения о возможных преобразованиях попечительств дали 44 архиерея. (Не дали епископы Казанской, Енисейской и Алеутской епархий. См.: Там же. Лл. 19 об.–20 (Алеутская епархия), 576 (Енисейская), 992 об.–993 (Казанская).) Здесь и далее это число принято за 100%.

⁵⁶³ Там же. Лл. 57–58 об. (Нижегородская епархия), 91 об. (Костромская), 93–97 об. (Донская), 111 (Тамбовская), 193–193 об. (Рижская), 196–196 об. (Тульская), 202 (Санкт-Петербургская), 266–272 (Полтавская), 358 об. (Архангельская), 363 об. (Волынская), 379 об., 384 (Оренбургская), 387 об. (Екатеринославская), 426 об. (Пензенская), 432 об. (Тобольская), 558 об. (Иркутская), 571 (Тверская), 601–605 (Орловская), 606–608 об. (Литовская), 639 (Вятская), 778–780 об. (Астраханская), 788–791 (Херсонская), 849 об., 853 (Самарская), 915–917 (Уфимская).

тельств или предоставление ему права отвода предложенных на приходском собрании кандидатур, на чем настаивал ряд архиереев⁵⁶⁴, означало уже серьезное влияние духовенства на персональный состав попечительств. Это предложение также копировало права причтов при выборах церковных старост, которые совершались с «согласия причтов». Самарский преосвященный прямо писал, что выборы в попечительство должны происходить «применительно к выборам церковных старост» – с согласия приходского духовенства⁵⁶⁵. В соединении с правом архиереев утверждать членов в их должностях оно ставило попечительства под контроль духовенства, превращая их в коллективных церковных старост, только ответственных за иные по происхождению и по назначению денежные средства. При этом отдельные епископы предлагали, чтобы даже сама инициатива организации попечительств принадлежала по закону только духовенству, «без всякого со стороны прихожан ограничения приговором, выражающим на то их согласие»⁵⁶⁶. В том или ином виде предложения о подчинении попечительств епархиальной власти (в организационном, кадровом, финансовом отношении) фигурировали в 19 рекомендациях (43,2% от общего их числа).

Еще одним способом установить контроль над попечительствами, включить их в существующие церковные структуры, который преосвященные предлагали наряду с установлением над попечительствами епархиального и благочиннического контроля, было создание епархиальных и центральных органов, координирующих деятельность приходских попечительств (или наделение такой функцией уже существующих органов). Такие предложения формулировались как в общих чертах, так и детально и в том или ином виде присутствовали в четверти всех рекомендаций. Например, звучали пожелания установить связь между попечительствами, или объединить их деятельность «в одном высшем учреждении», или созывать съезды или годовые со-

---

⁵⁶⁴ Там же. Лл. 384 (Оренбургская епархия), 480 (Воронежская), 778–780 об. (Астраханская), 788–791 (Херсонская), 854 (Самарская).

⁵⁶⁵ Там же. Л. 849 об.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 595 об. (Екатеринбургская епархия).

брания попечительств одной епархии «в видах объединения деятельности отдельных попечительств и взаимопомощи при экономическом неравенстве приходов» под председательством епископа и с участием «начальника губернии»⁵⁶⁷. Иногда, чтобы поставить попечительства под контроль епархиальной власти, архиереи считали нужным сделать их отделениями епархиальных церковных братств⁵⁶⁸. Но некоторые преосвященные предлагали создать целую систему органов, координирующих работу попечительств. Звучали рекомендации создать благочиннические, уездные и епархиальные комитеты по делам приходских попечительств или даже создать епархиальный «попечительский совет», который контролировал бы деятельность попечительств в епархии, и центральный совет при Синоде для надзора за всеми епархиальными советами, подобно тому, как существуют епархиальные и центральные училищные советы, координирующие деятельность церковно-приходских школ⁵⁶⁹. Центральные управления по делам попечительств, как писал один из преосвященных, могли бы вырабатывать для них рекомендации или наказания⁵⁷⁰.

Наиболее детально систему координирующих органов для приходских попечительств разработали в Томской епархии. Здесь был разработан особый устав приходских попечительств епархии. Согласно этому проекту, предполагалось, что попечительства должны будут открыться при всех церквях епархии с очень широкой благотворительной программой. К сфере их деятельности предлагалось отнести благоустройство церкви и причта в хозяйственном отношении, устройство церковно-приходских школ и школ грамоты, богаделен, домов трудолюбия, приютов, яслей для работающих матерей, ночлежек и других благотворительных заведений, также организацию единовременной помощи пострадавшим от несчастных случаев (пожаров, грабе-

---

⁵⁶⁷ Там же. Лл. 415–416 (Харьковская епархия), 482–484 (Московская), 487 об.–490 (Саратовская), 49 об.–53 (Калужская).

⁵⁶⁸ Там же. Лл. 431 об. (Тобольская епархия), 478 об. (Воронежская).

⁵⁶⁹ Там же. Лл. 57–58 об. (Нижегородская епархия), 379 об. (Оренбургская), 487 об.–490 (Саратовская), 197 об. (Тульская).

⁵⁷⁰ Там же. Лл. 383 об. (Оренбургская епархия).

жей, падежа скота). Одновременно при кафедральном соборе епархии планировалось открыть центральное попечительство, которое и должно было координировать деятельности попечительств приходских: собирать их ежегодные отчеты, рассылать руководства в их деятельности, а также – приходно-расходные шнуровые книги. В состав любого попечительства должны были входить члены местного причта, церковный староста, частный пристав и не менее одного члена от 25 домов прихожан. Все члены попечительства составляли бы общее собрание, которое избирало бы правление. Правление кафедрального попечительства должно было состоять из неперменных членов – благочинного монастырей епархии, игуменьи и казначеи Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря (при нем действовал Дом трудолюбия), городского головы и полицмейстера (если дадут свое согласие), кафедрального протоиерея, всех председателей томских приходских попечительств, а также из семи членов, избираемых общим собранием из всех членов городских попечительств. Председателем попечительства должен был стать настоятель храма или один из священников. Также общее собрание должно было избирать ревизионную комиссию из трех человек для ежегодной проверки отчетов правления. Последние должны были в обязательном порядке утверждаться епископом и публиковаться. Предполагалось, что попечительства будут иметь право приобретать недвижимость «с благотворительными целями». Члены кафедрального попечительства разделялись на действительных членов и членов соревнователей, которые должны были вносить взносы различного размера⁵⁷¹. Позднее, в 1895 г. епископ Томский Макарий (Невский) направил в Синод представление с просьбой утвердить представленный им проект устройства приходских попечительств как устав попечительств его епархии. Однако официальной реакции на эту инициативу из Синода, очевидно, не последовало⁵⁷².

---

⁵⁷¹ Там же. Лл. 238–240.

⁵⁷² Там же. Лл. 247–247 об., 865–865 об., 884.

«Оцерковленное» попечительство как епископы, так и благочинные, на отзывах которых они основывали свои мнения, довольно часто призывали в обязательном порядке учредить в каждом приходе. Эта рекомендация содержалась в четверти присланных предложений⁵⁷³. Иногда она обосновывалась тем, что попечительствам следует поручить заботу о церковно-приходских школах и школах грамоты. Вместе с тем, как заочная полемика с таким настроением звучало замечание одного из самых уважаемых иерархов Российской Церкви архиепископа Тверского Саввы (Тихомирова) о том, что при обязательном открытии попечительств при всех церквях «в них не будет жизненности, а только одна формальность». «Вообще, – продолжал владыка, – из большей части донесений, полученных от благочинных, оказывается, что учреждение приходских попечительств есть дело излишнее»⁵⁷⁴. Однако это высказывание на общем фоне оставалось уникальным.

Между тем, контроль духовных властей над попечительствами мог решить задачу их «оцерковления», но еще не обеспечивал эффективность их работы. Многие епископы это понимали. Как мы видели в § 3, одной из главных проблем деятельности попечительств была невозможность осуществлять регулярные сборы в их пользу со всех членов прихода, поскольку решение о таких сборах блокировалось либо сельскими сходами, либо волостными властями, которые не признавали законными сборы в пользу попечительств. Во многих отзывах преосвященные предлагали решить эту проблему, что называется, в лоб, включив местных начальников в состав попечительств в обязательном порядке и, таким образом, попытавшись принудить их встать на сторону этих приходских организаций⁵⁷⁵. Это было довольно популярное

---

⁵⁷³ Там же. Лл. 49 об.–53 (Калужская епархия), 91 об. (Костромская), 379 об. (Оренбургская), 415–416 (Харьковская), 431 об. (Тобольская), 487 об.–490 (Саратовская), 635–660 (Вятская), 369 (Волинская) и др.

⁵⁷⁴ Там же. Лл. 562–562 об.

⁵⁷⁵ Там же. Лл. 49 об.–53 (Калужская епархия), 59–60 об. (Симбирская), 87 об.–88. (Подольская), 93–97 об. (Донская), 113 (Тамбовская), 379 об. (Оренбургская), 415–416 (Харьковская), 431 об. (Тобольская), 468 об.–469 (Воронежская), 596–600 (Минская), 606–608 об. (Литовская), 639 (Вятская), 849 об.–850 (Самарская), 915–917 (Уфимская). В отзывах встретилось и противоположное мнение, что волостные начальники, будучи членами попечительств, только мешают: в их при-

предложение (оно фигурировало в 14 высказанных рекомендациях, что составляло около трети). Трудно сказать, принесла бы реализация этого предложения положительный результат, не таила ли она в себе опасность новых конфликтов.

К ней примыкало требование в законодательном порядке сделать решения приходских собраний такими же обязательными, как и решения сельских сходов. Речь шла, прежде всего, о назначении сборов с прихожан. Не участвовавшие в собраниях крестьяне, как правило, игнорировали их решения, а волостные начальники отказывались считать эти приговоры общеобязательными. Учитывая эту типичную ситуацию, преосвященные требовали, чтобы законодательство признавало и за решениями приходских собраний общеобязательный характер, чтобы эти решения были обязательными как для участвовавших, так и для не участвовавших в собраниях. Как писали эти преосвященные, пусть установленный приговором сбор делается обязательным для всех лиц христианской веры этого прихода и может быть приведен в исполнение «в случае надобности» и «при содействии местных властей» «наряду со всеми обязательными общественными постановлениями»⁵⁷⁶. Фактически, речь шла об уравнении в правах приходского и сельского или волостного сходов⁵⁷⁷. Интересно, что во многих отзывах сельский сход рассматривался как противник приходского дела, но при этом он воспринимался как образец для приходских институтов. В конце концов, принудительное привлечение к работе в приходе волостных или земских начальников, уравнение прав приходского и крестьянского схода на деле означало их отождествление и – *признание полномочий схода в приходских делах*.

существования делается не то, что нужно, а то что захочет волостной начальник. См.: Там же. Лл. 809–819 (Курская епархия). Однако это мнение было в явном меньшинстве.

⁵⁷⁶ Там же. Лл. 49 об.–53 (Калужская епархия), 118–118 об. (Могилевская), 431 об.–432 об. (Тобольская), 359 об. (Архангельская), 387 об. (Екатеринославская), 571 (Тверская), 596–600 (Минская), 606–608 об. (Литовская), 639 (Вятская), 788–791 (Херсонская), 851 об. (Самарская), 915–917 (Уфимская).

⁵⁷⁷ Эта мысль прямо выражена в ряде отзывов. См.: Там же. Л. 383 (Оренбургская епархия), 431 об.–432 об. (Тобольская).

Нужно сказать, что отдельные епархии имели опыт сбора средств в пользу попечительств при помощи светских начальников. Так, в 1889 г. Могилевское епархиальное начальство обратилось к губернатору с просьбой о содействии деятельности попечительств и их сборам. В ответ на это обращение последовал губернаторский циркуляр от 20 июня 1889 г., которым устанавливались правила взимания и хранения сборов в пользу попечительств. Согласно этому распоряжению, приговоры о сборах, сделанные в присутствии представителей не менее чем 2/3 домохозяйств признавались обязательными, они записывались в общую книгу и собирались вместе с другими мирскими сборами в волостные правления, а последние ежемесячно вносили их в сберегательные кассы местного казначейства. Расходование средств производилось по письменному заявлению попечительства, одобренному епархиальным начальством или священником и подкрепленным общим приговором прихожан. При этом губернатор просил передать в волостные правления все суммы попечительств, которые были в наличии на тот момент. «Не предвидя лучшей постановки сего вопроса», епархиальное начальство согласилось и 19 сентября 1889 г. предписало средства попечительств передать в волостные правления⁵⁷⁸.

До нас не дошли отзывы о последствиях этих мероприятий, однако можно предположить, что деятельность попечительств стала довольно затруднительна: любая трата должна была теперь обосновываться приговором прихожан, а духовенство (или епархиальная власть) получало право вето на этот приговор. Решив, как им казалось, проблему сбора средств, епархиальные власти создали препятствия для активной деятельности попечительств. Обратим также внимание, что в циркуляре губернатора речь шла только о сходе, а не о приходском собрании, значит, губернские власти заведомо рассматривали приходское собрание и сельский сход как тождественные институты.

---

⁵⁷⁸ Там же. Лл. 116 об.–117 об.

Характерно, что многие преосвященные требовали наделить членов попечительств теми же правами, которыми были наделены представители местного крестьянского самоуправления. Они писали, что служба попечителей должна быть «отнесена к службе гражданской по выборам», что должности членов попечительств необходимо «сравнять с другими общественными должностями»⁵⁷⁹. По сути, о том же писали преосвященные, которые предлагали освободить членов попечительств «от повинностей общественных наравне с должностными лицами волостного правления»⁵⁸⁰, а также те, кто считал необходимым, чтобы «служба в попечительствах» «избавляла бы от выбора на другую службу» по сельскому самоуправлению⁵⁸¹. Служба на выборных должностях в самоуправлении была очередной: занимавший одну из должностей, не мог быть назначен на другую, соответственно, если «служба» в попечительстве освобождала от возможности выбора на другие должности, это значило, что она «засчитывалась за общественную»⁵⁸² и что попечительства оказывались включены в систему институтов крестьянского самоуправления, уравниены с ними. Но уравнение выборных членов попечительств с выборными же представителями крестьянского самоуправления было бы еще одним ярким свидетельством отождествления приходского собрания и крестьянского схода.

Между тем, духовенство осознавало опасность зависимости попечительств и шире – приходских вопросов от решений сходов. Самарский епископ Гурий (Буртасовский) прямо писал, что значительный тормоз в развитии попечительств – это полная зависимость их от мирских сходов, поскольку большинство сходов не сочувствует церкви и «составляется из горлопанов и коштанов» выпивших, так что и члены попечительств в общих собраниях

---

⁵⁷⁹ Там же. Лл. 118–118 об. (Могилевская епархия), 153 (Смоленская), 379 об. (Оренбургская).

⁵⁸⁰ Там же. Лл. 606–608 об. (Литовская епархия), 359 (Архангельская), 596–600 (Минская), 778–780 об. (Астраханская), 915–917 (Уфимская). Причем Архангельский преосвященный предлагал, чтобы по выходе из попечительства его бывшие члены не избирались бы на должности непочетные, например, сторожем. Там же. Л. 359.

⁵⁸¹ Там же. Лл. 359 (Архангельская епархия), 431 об. (Тобольская).

⁵⁸² Там же. Л. 639 (Вятская епархия).

часто подвергаются насмешкам и оскорблениям⁵⁸³. Единственным и самым верным способом обеспечить независимость приходских организаций от сходов, по мнению самарской консистории, было дать им возможность приобретать недвижимость на собственные средства, то есть, фактически, наделять попечительства *правами юридических лиц* (чего не имели и сами православные приходы)⁵⁸⁴. Причем самарцы в таком взгляде были не одиноки. В этом их поддерживали представители еще семи епархий⁵⁸⁵ (всего за такое предложение высказались 18,2% епархий, предоставивших рекомендации). Вообще преосвященные высказывались за расширение хозяйственной деятельности попечительств. Они писали, что источники средств попечительств можно увеличить за счет дарования им права открывать склады, кирпичные заводы, устраивать пасеки, иметь лес, принимать пожертвования недвижимостью, торговать крестиками, образками, лампадным маслом⁵⁸⁶. Также предлагали в обязательном порядке наделять попечительства землей, как это было с причтами⁵⁸⁷. Все это, по мнению архиереев, дало бы попечительствам возможность «шире пользоваться средствами для благотворительности»⁵⁸⁸ и опять же – быть независимыми от сходов.

Отметим, что епископы считали необходимым узаконить и другие способы финансирования попечительств. Особенно часто (после мнения о наделянии попечительств правом приобретать недвижимость) высказывались за повсеместное узаконение обязательных общественных запасок в пользу попечительств, поскольку такое пожертвование для крестьян более «нестеснительно», чем пожертвование деньгами⁵⁸⁹. Хотя отдельные преосвященные и отмечали, что общественные запашки предпочтительны, но «практически не

---

⁵⁸³ Там же. Лл. 849 об.–850 об.

⁵⁸⁴ Там же. Л. 851.

⁵⁸⁵ Там же. Лл. 388 (Екатеринославская епархия), 415–416 (Харьковская), 482–484 (Московская), 487 об.–490 (Саратовская), 596–600 (Минская), 639 (Вятская), 678–682 (Холмская).

⁵⁸⁶ Там же. Лл. 93–97 об. (Донская епархия), 388 (Екатеринославская), 415–416 (Харьковская), 639 (Вятская).

⁵⁸⁷ Там же. Лл. 851–851 об. (Самарская епархия), 93–97 об. (Донская), 358 об. (Архангельская).

⁵⁸⁸ Там же. Лл. 482–484 (Московская епархия).

⁵⁸⁹ Там же. Лл. 59–60 об. (Симбирская епархия), 93–97 об. (Донская), 382 об. (Оренбургская), 431 об. (Тобольская), 915–917 (Уфимская), 639 (Вятская), 844 (Владимирская).

езде могут быть рекомендованы»⁵⁹⁰. Кроме того, епархиальные архиереи предлагали ввести обязательный ежегодный взнос, своего рода налог в пользу попечительств, который собирался бы либо со всех прихожан, либо только с членов попечительств⁵⁹¹. Причем некоторые считали нужным его собирать со всех живущих в приходе, «без различия исповеданий», поскольку часть этих средств будет тратиться на школы, а ими будут пользоваться все жители прихода⁵⁹². Сбор этих взносов предполагалось поручить сельским властям и собирать их «вместе с другими казенными сборами»⁵⁹³.

Вместе с тем, рассуждая о том, как сделать попечительства обязательными для всех приходов, как подчинить их церковному руководству, как обеспечить бесперебойность поступления финансовых средств, преосвященные не забывали и о таком факторе жизнеспособности попечительств как интерес прихожан к этим организациям. Чтобы стимулировать интерес к попечительствам, архиереи предлагали скорректировать цели, ради которых они могли создаваться. Более трети предложений (15 или 34,1%) содержали рекомендацию расширить сферу деятельности попечительств, включить в нее не только хозяйственные, но и религиозно-нравственные и просветительские задачи. Митрополит Санкт-Петербургский Палладий настаивал, чтобы о целях учреждения попечительств в новом Положении было сказано, что они учреждаются для попечения о религиозно-нравственных и материальных нуждах прихода, «имея своею задачей удовлетворение названных нужд прихода как православной общины, собранной при храме Божиим и руководимой Пастырем-священнослужителем»⁵⁹⁴. В аналогичных выражениях главные цели попечительств формулировали и другие преосвященные⁵⁹⁵.

---

⁵⁹⁰ Там же. Лл. 851–851 об. (Самарская епархия).

⁵⁹¹ Там же. Лл. 105–106, 108 об. (Тамбовская епархия), 851 об. (Самарская), 915–917 (Уфимская).

⁵⁹² Там же. Л. 639 (Вятская епархия). Ср. аналогичное предложение из Калужской епархии взимать установленный приговором сбор со всех лиц, проживающих в приходе, в том числе и со старообрядцев: Там же. Лл. 49 об.–53.

⁵⁹³ Там же. Л. 851 об. (Самарская епархия).

⁵⁹⁴ Там же. Л. 202.

⁵⁹⁵ Там же. Лл. 480 об. (Воронежская епархия), 555 об. (Иркутская), 639 (Вятская).

Тамбовский епископ Александр (Богданов) считал необходимым закрепить в законодательстве положение, что главная цель попечительств – «содействие» пастырям в деле «оживления религиозного сознания» и «возвышения нравственной жизни» прихожан⁵⁹⁶. Многие архиереи объясняли, каким образом попечительства могут помочь священникам в этом деле. Они считали, что попечителям необходимо предоставить права по охране народной нравственности, чтобы они были своего рода проводниками влияния священника в приходе, чтобы священник мог на них опереться в своих начинаниях и через них – мог бы устранить «безобразия за богослужением», выявлял бы нарушения виноторговцев в приходах, приучал бы прихожан к христианскому проведению праздничных дней, хранению от раскола и сектантства. Предлагалось разрешить попечителям штрафовать нарушителей общественной нравственности и даже удалять из прихода злостных ее нарушителей, а также закрывать кабаки⁵⁹⁷. Астраханский епископ Митрофан (Невский) предлагал территорию прихода разделить на участки и каждый участок прихода поручить одному из членов попечительства с тем, чтобы тот следил за попрошайками, за лицами, незаконно собирающимися на монастыри, за продающими иконы, написанными не по правилам Православной Церкви, за продающими свечи вне храма⁵⁹⁸. В этом случае попечительства уже рассматривались как избранный священником⁵⁹⁹ костяк наиболее активных и преданных церкви прихожан, что – как мы увидим ниже – сближало бы их с приходскими братствами, о которых писали другие преосвященные. Также епископы считали нужным усилить просветительскую и благотворительную составляющую в деятельности попечительств и «вменить им в обязанность» заботиться об открытии школ – земских, приходских, школ грамоты, заводить библиотеки, больницы, иметь списки бедных прихожан, ухаживать за

---

⁵⁹⁶ Там же. Лл. 105–106, 108 об.

⁵⁹⁷ Там же. Лл. 105–106, 108 об. (Тамбовская епархия), 153 об. 154 (Смоленская), 358 (Архангельская), 383 об. (Оренбургская), 431 об.–432 (Тобольская), 415–416 (Харьковская), 487 об.–490 (Саратовская), 555 об. (Иркутская), 606–608 об. (Литовская).

⁵⁹⁸ Там же. Лл. 778–780 об.

⁵⁹⁹ Именно так формировать попечительства предлагал, например, Тамбовский преосвященный. См.: Там же. Лл. 108 об.

кладбищами⁶⁰⁰. Как видим, большинство епископов ратовали за то, чтобы попечительства не ограничивались в своей деятельности узкими рамками, предписанными им Положением 1864 г. Некоторые прямо писали, что в выборе их целей и задач попечительствам нужно предоставить полную свободу и как можно меньше ограничивать их какими-либо формальностями⁶⁰¹. Соответственно и сбор средств предлагалось вести не отдельно по целям (в пользу церкви, в пользу причта, в пользу благотворительных учреждений), а вместе – в пользу попечительства, чтобы уже его члены определяли их назначение⁶⁰².

Нужно сказать, что отдельные епископы выступали не за расширение сферы деятельности попечительств, а, наоборот, за их специализацию. Например, Нижегородский епископ Владимир (Никольский) предлагал ограничить круг их деятельности заботой о храме и духовенстве, а благотворительные и просветительные задачи отнести к сфере деятельности других учреждений – братств, обществ трезвости, учительских советов и под.⁶⁰³. Сходные мысли высказывал Владимирский преосвященный Сергей (Спаский). Он предлагал исключить из сферы ведения попечительств то, что уже входит в компетенцию других учреждений: заботу о земских школах, больницах, домах для причтов, о содержании духовенства. Тогда попечительства смогли бы сосредоточить свою деятельность на заботе о храмах, приходских школах, богадельнях, кладбищах, на пособии бедным прихода⁶⁰⁴. Также за специализацию попечительств, но совсем другого характера выступал Курский епископ Ювеналий (Половцев). Он считал, что поскольку программа попечительств слишком обширна, а источники средств не надежны, то задачи этих организаций следует ограничить одной благотворительностью. Тем более что, по его мысли, другие цели могут быть реализованы иными путя-

---

⁶⁰⁰ Там же. Лл. 153 об.–154 (Смоленская епархия), 358 (Архангельская), 415–416 (Харьковская), 606–608 об. (Литовская), 639 (Вятская).

⁶⁰¹ Там же. Лл. 49 об.–53 (Калужская епархия), 468 (Воронежская).

⁶⁰² Там же. Лл. 49 об.–53 (Калужская епархия), 382 об. (Оренбургская), 639 (Вятская), 778–780 об. (Астраханская).

⁶⁰³ Там же. Лл. 57–58 об.

⁶⁰⁴ Там же. Лл. 845а.

ми: о школах должен заботиться Училищный совет, храм и без попечительств не испытывает недостатка в пожертвованиях прихожан⁶⁰⁵. За акцент на благотворительной деятельности попечительств выступал и Рязанский епископ Иустин (Полянский). Но он пошел дальше всех своих собратьев, предложив, чтобы если пожертвованные в церковь (не в попечительство) суммы были предназначены жертвователем для помощи бедным, дать право попечительствам вместе с причтами участвовать в их разделе и из них осуществлять помощь нуждающимся⁶⁰⁶. На фоне подавляющего большинства голосов архипастырей, которые отстаивали неприкосновенность церковных сумм⁶⁰⁷, предложение Рязанского владыки допустить прихожан хотя бы до частичного распоряжения этими деньгами звучало поистине революционно. Подобные идеи присутствовали еще только в отзыве Полтавского преосвященного, о котором мы скажем ниже.

Еще один способ поднять интерес прихожан к попечительствам преосвященные видели в том, чтобы исключить из заявленных целей, для реализации которых могло организовываться попечительство, заботу о причтах приходской церкви. Это предложение присутствовало в 13,6% рекомендаций. Калужские священники прямо заявляли, что наличие этой цели в Положении 1864 г. компрометирует духовенство. Тамбовский преосвященный добавлял, что этот пункт Положения принес мало пользы делу, парализовал деятельность духовенства, навлек на него подозрения прихожан. Курский епископ писал, что забота о средствах для духовенства среди целей попечительств оказывается только камнем преткновения в отношениях между причтами и прихожанами, естественно «поселяя в прихожанах мысль», что для этой только цели и устраиваются попечительства⁶⁰⁸. Как мы знаем, подозрения

---

⁶⁰⁵ Там же. Лл. 809–819.

⁶⁰⁶ Там же. Лл. 509–511.

⁶⁰⁷ Ср., например: Там же. Лл. 153 об.–154 об. (Смоленская епархия), 358 (Архангельская).

⁶⁰⁸ Там же. Лл. 51 (Калужская епархия), 105–106, 108 об. (Тамбовская), 382 (Оренбургская), 557 (Иркутская), 601–605 (Орловская), 809–819 (Курская). Нужно сказать, что один из благочинных Оренбургской епархии в противовес описанной тенденции предлагал возложить на попечительства не только заботу о действующих причтах, но и обязанность заботиться о вдовах и сиротах духовного звания. См.: Там же. Л. 382. Однако это, как кажется, был единственный случай.

прихожан относительно истинных целей организации попечительств были справедливыми. Исключение из сферы деятельности попечительств заботы о причтах означало отказ от главной цели, ради которой за 30 лет до этого попечительства организовывались. Это было окончательное признание неудачи первоначального замысла реформаторов. Теперь иерархи считали необходимым показать прихожанам, что попечительства служат «только их приходским интересам»⁶⁰⁹.

Наконец, поднять интерес к попечительствам и активизировать их деятельность, по мнению архиереев, можно было открыв доступ в эти приходские организации женщинам, которые воспринимались как деятельные и в меньшей степени религиозно индифферентные, чем мужчины, члены приходов. Это предложение содержалось в 10 отзывах или 22,7% рекомендаций. Иногда преосвященные считали нужным включать в состав попечительств только землевладелец-вдов или крупных благотворительниц избирать в почетные члены, но чаще женщин предлагалось допустить к выборам в попечительства без всяких ограничений⁶¹⁰. Помимо этого в некоторых случаях архиереи предлагали стимулировать работу попечительств обязав их проводить общие собрания не реже раза в месяц, совмещать собрания с торжественными богослужениями, установить гласную отчетность в расходовании средств⁶¹¹. Но все эти предложения в условиях административного «оцерковления» попечительств, как представляется, с трудом могли привлечь внимание прихожан к этим организациям.

Не попечительство, а приходское братство: «органический» подход к реформе попечительств

Между тем существовал и другой путь реформирования попечительств – путь *преобразования их в приходские братства*. За него выступала не-

---

⁶⁰⁹ Там же. Лл. 105–106, 108 об.

⁶¹⁰ Там же. Лл. 93–97 об. (Донская епархия), 105–106, 108 об. (Тамбовская), 193–193 об. (Рижская), 196–196 об. (Тульская), 415–416 (Харьковская), 558 об. (Иркутская), 596–600 (Минская), 845а об. (Владимирская), 363 об., 369 об. (Волынская), 601–605 (Орловская).

⁶¹¹ Там же. Лл. 381 (Оренбургская епархия), 559 об. (Иркутская), 845а об. (Владимирская).

большая группа архиереев (11,4% всех рекомендаций): митрополит Киевский Иоанникий (Руднев), архиепископ Волынский Модест (Стрельбицкий), епископы Полтавский Иларион (Юшенев), Орловский Мисаил (Крылов), Тульский Ириней (Орда). В некоторых своих положениях с предложениями этих пяти архиереев были созвучны пожелания преосвященных Подольского, Холмского, Тамбовского, Иркутского и Алеутского. Эти архиереи не скрывали, что образцом для них послужила традиция западнорусских братств, которая была еще жива в юго-западных и западных епархиях⁶¹². Большинство из названных епископов лично были знакомы с этой традицией, будучи правящими архиереями соответствующих епархий. Епископ Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров) вплотную взаимодействовал с братствами, существовавшими среди православных эмигрантов в Америке, а епископ Ириней до назначения на Тульскую кафедру был епископом Могилевским⁶¹³.

У предложений, сделанных пяти архипастырями, были общие черты. Они предлагали формировать приходские братства (в которые должны были превратиться попечительства) сугубо на добровольной основе. Соответственно, выборность членов попечительств следовало отменить. Членами новых попечительств-братств могли бы быть все правоспособные, совершеннолетние прихожане, не исключая и женщин, пожелавшие «соединиться с другими лицами ради религиозно-нравственных целей». Срок членства предлагалось также не определять, чтобы членство в братстве не ассоциировалось со службой по местному самоуправлению. Тем самым это предложение отчетливо контрастировало с рассмотренными выше рекомендациями, в которых как раз предлагалось фактически уподобить членов попечительств церковным старостам или исполнителям других «должностей по выбору». Чле-

---

⁶¹² Например, Волынский архиепископ Модест (Стрельбицкий) писал, что приходские попечительства не созданы народной жизнью и ее потребностями, а поставлены вне ее официальной регламентацией, и предлагал преобразовать их в братства, которые были «религиозными союзами мирян» вокруг «своего пастыря для служения нуждам православной церкви», для взаимной помощи и распространения просвещения. Ср.: Там же. Лл. 368 об., 369 об. Ср. также сопоставление приходских попечительств и местных братств в отзывах духовенства Подольской и Холмской епархий: Там же. Лл. 80 об.–83 об., 678–682.

⁶¹³ Смолч И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 764.

нами таких добровольных братств, по мысли преосвященных, должны были быть и причты, а священник обязательно должен был стать их возглавителем и руководителем⁶¹⁴. Главной целью деятельности преобразованных попечительств-братств, по мнению этих архиереев, должно было стать нравственное просвещение прихожан. Причем члены братств должны были являть собой пример христианской жизни, так чтобы братство было «живым и постоянным сотрудником священника» в делах благоустройства прихода. Вместе со своим священником братчики были призваны «проводить в сознание народа высоконравственные христианские идеалы», «всегда преследуя прежде всего и более всего высшие нравственные интересы прихода»⁶¹⁵. Хозяйственная деятельность и благотворительные начинания этих приходских организаций, как представлялось преосвященным, должны были «явиться сами собою» в результате «нравственного подъема церковно-приходской жизни»⁶¹⁶. В хозяйственном отношении преосвященные считали возможным дать братствам широкую свободу маневра, право иметь свою печать «и главное – приобретать на свое имя как юридическим единицам недвижимую собственность»⁶¹⁷.

Некоторые преосвященные считали существенным, чтобы в жизнь проектируемых ими приходских организаций вошли обычаи, принятые в юго-западных православных братствах: чтобы имена им присваивались в честь приходских храмов и православных святых, чтобы собрания членов соединялись с религиозными торжествами, богослужениями и крестными ходами, чтобы члены братств присутствовали на богослужениях со специальными «братскими» свечами⁶¹⁸. Важной составляющей деятельности новых приходских организаций должна была стать взаимная помощь их членов⁶¹⁹. Инте-

---

⁶¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 196–196 об. (Тульская епархия), 365–365 об., 369 об. (Волынская), 601–605 (Орловская). Ср.: Там же. Лл. 559 (Иркутская). Ср. также предложение Тамбовского преосвященного о том, что членов попечительств нужно не выбирать, а приглашать священникам: Там же. Лл. 105–106, 108 об.

⁶¹⁵ Там же. Лл. 366, 368 (Волынская епархия).

⁶¹⁶ Там же. Лл. 196 об.–197 об. (Тульская епархия), 367 об., 369 об. (Волынская), 414–414 об. (Киевская), 601–605 (Орловская). Ср.: Там же. Лл. 555 об. (Иркутская).

⁶¹⁷ Там же. Л. 198 (Тульская епархия).

⁶¹⁸ Там же. Л. 197 об. (Тульская епархия). Ср. Там же. Лл. 552–559 об. (Иркутская).

⁶¹⁹ Там же. Л. 266 (Полтавская епархия).

ресно, что религиозные организации, которые ставили во главу угла своей деятельности именно взаимопомощь, в этот период уже существовали в Русской Церкви, но находились они на американском континенте. О них подробно в своем отзыве писал представитель русской иерархии в Америке епископ Николай (Зиоров). В частности, он рассказывал о братствах петропавловском в Миннеаполисе (штат Миннесота) и николаевском на острове Ситха у побережья Аляски. Их уставы⁶²⁰ были однотипными и, по мнению архиерея, «как выработанные жизнью народною, а не сочиненные в кабинете», более того, как «соответствующие условиям американской жизни и не противоречащие духу учения Православной Церкви» могли бы быть применены и в других приходах его епархии⁶²¹. Согласно этим уставам, целью братств была, во-первых, помощь их членам, а также вдовам, сиротам. Во-вторых, «удержание» их членов «в единой, святой, православной, кафолической вере и Церкви». В-третьих, они должны были «возбуждать» во всех членах любовь к народности и русскому языку, чтобы их дети были воспитаны в вере «праотцев» и «на русском языке читати, писати, и говорити знали»⁶²². Членами братства могли быть «телесно здоровые» подданные США (или «ожидающие сего») православного исповедания, «русской народности» в возрасте от 18 до 45 лет. Возможность членства женщин в уставах не обсуждалась. Не мог претендовать на членство в братстве тот, кто принадлежал к обществу, «враждебному вере», кто не ходил в церковь и не причащался хотя бы два раза в год, чей брак не был благословлен Церковью, а также — пьяница, участник публичных скандалов, ранее осуждавшийся за преступление⁶²³. Священник, «душпастырь», «отец духовный» мог не быть членом братства, то есть не участвовать в его работе своими взносами, но был фактическим его руководителем, мог влиять на его деятельность, был блюстителем, «чтоб законы братства точно исполнялися». Главная деятельность брат-

---

⁶²⁰ Там же. Лл. 22–39 об.

⁶²¹ Там же. Л. 18.

⁶²² Там же. Л. 23.

⁶²³ Там же. Лл. 23–23 об.

ства заключалась во взаимной помощи его членов. Уставы подробно регламентировали их взносы, выплаты в случае болезни, производственной травмы, по случаю смерти, порядок созыва общих собраний братства и другие «повинности» (обязанности) членов. В частности, братчики должны были обязательно участвовать в торжественных днях братства, которые отмечались особыми крестными ходами и приходились на семь церковных и четыре гражданских праздника, «торжества нашей славной и великой Республики»⁶²⁴. В конце своего отзыва преосвященный Николай замечал, что попечительства, существующие в России, «как исключаяющие принцип взаимопомощи членов оного попечительства, никогда не в состоянии будут привиться на практической американской почве и останутся мертворожденными». Поэтому он испрашивал у Синода благословение во вверенной ему епархии вводить попечительства «по тому типу, какой выработан в настоящее время Ситхинским Свято-Никольским и Миннеапольским Петропавловским братствами»⁶²⁵.

Во всех случаях, когда преосвященные предлагали преобразовать попечительства в приходские братства, речь шла о привлечении в эти организации наиболее активных и преданных Церкви прихожан, фактически – о выделении религиозного костяка прихода⁶²⁶. Иначе смотрел на эту меру епископ Полтавский Иларион (Юшенов). Он предлагал включить в состав братств *всех* прихожан и открыть эти организации во всех приходах⁶²⁷. Тем самым он, отталкиваясь от идеи преобразования попечительств в братства, в

---

⁶²⁴ Там же. Лл. 24–29.

⁶²⁵ Там же. Лл. 19 об.–20.

⁶²⁶ В этом же направлении размышляли и священники – энтузиасты братского движения, такие как священник Иосиф Фудель в 1892 г. напечатавший серию статей в «Русском вестнике», а позднее переиздавший их отдельными брошюрами. См.: *Фудель И.И., священник. Основы церковно-приходской жизни*. М., 1894; *Фудель И.И., священник. К реформе приходских попечительств*. М., 1894. Ср. однако критику «теории» священника Иосифа Фуделя как абсолютно не практичного и наивного построения: *Заозерский Н.А.* Братское дело в православной России: По поводу брошюр господина Папкова и священника Фуделя о церковных братствах и приходских попечительствах // *Богословский вестник*. 1894. Т. 4. № 10. С. 191 (2 пагин.).

⁶²⁷ Ср. аналогичное предложение из Волынской епархии: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Л. 369.

своем отзыве развернул целый план приходской реформы⁶²⁸. Его проект занимал как бы промежуточное положение между «административной» и «органической» стратегиями реформирования попечительств. С одной стороны он предлагал открыть братства во всех приходах в административном порядке, а с другой – стремился оживить приходскую жизнь через обращение к опыту братств юго-западных губерний. В основе деятельности новых приходских организаций, по его мысли, должна была быть – как и в случае с американскими братствами – *братская взаимная помощь*. Он писал:

Это не опека высшего над низшим, на что наталкивает термин «попечительство» сельскую полуинтеллигенцию, а именно «братская» взаимная помощь равных по отношению к церковной иерархии лиц, благотворительно-просветительный союз пасомых, действующих вместе с пастырем, а не против него и помимо его, как часто думают члены попечительства, контролирующие действия приходского священника⁶²⁹.

В остальном цели братств следовало сформулировать достаточно гибко, подчеркнув, что самому братству предоставляется определить ту приходскую нужду, которая требует немедленного удовлетворения. Называть братства следовало в соответствии с наименованиями приходских храмов. В состав этой организации, как было сказано, по мысли епископа Илариона, должен был войти весь приход. Председателем братства автоматически должен был стать приходский священник. Из общего состава «церковно-приходского братства» должен был быть выделен совет братства, который имел бы «ближайшее наблюдение за нуждами прихода», изыскивал средства для их удовлетворения, предлагал свои решения общему собранию братчиков, следил за денежными средствами братства и за соблюдением всех постановлений общего собрания прихожан, обращаясь «в случае надобности к содействию гражданской и епархиальной власти»⁶³⁰. В совет преосвященный предлагал включать в обязательном порядке церковного старосту, волостного старши-

---

⁶²⁸ Там же. Лл. 266–272.

⁶²⁹ Там же. Л. 267.

⁶³⁰ Там же. Л. 270.

ну, учителя церковно-приходской школы, одного или нескольких почетных членов – из лиц, оказавших «особое усердие» к приходским делам (как можно понять из текста, по избранию священника), а также восемь членов по избранию общего собрания братства. Таким образом, вместе с председателем совет должен был состоять не менее, чем из 12 членов. Сфера ответственности каждого из членов совета могла быть специализирована: например, часть совета могла ведать делами, касающимися причта и храма, а другая часть – церковной школы.

Довольно нестандартно епископ Иларион предлагал решить проблему финансирования приходского братства. С одной стороны он считал необходимым не разделять братскую кружку по целям финансирования, как это было с кружками приходских попечительств. И здесь он был не одинок. Такое предложение можно было встретить в рекомендациях многих преосвященных. Кроме того, он подчеркивал, что братские и церковные деньги (которыми распоряжался причт) по-прежнему должны были существовать отдельно. Братскими же суммами должен был распоряжаться совет братства. Раз в год его расходы должны были подвергаться проверке со стороны выбранного братством ревизора⁶³¹, отчет о расходовании средств должен был утверждаться общим собранием братства, а ведомость о движении денег предоставляться для сведения епархиальному начальству. С другой стороны, понимая ограниченность средств, которыми в таком случае могло располагать приходское братство, полтавский владыка предлагал узаконить возможность помощи братству-приходу, во-первых, из церковных сумм (с разрешения епархиальной власти) и, во-вторых, из «общественных сумм» волостного правления, которые формировались из обязательных взносов всех жителей волости. Причем епископ считал, что волостные суммы приходы должны получать в обязательном порядке. Например, писал он, волость могла бы возмещать братству-приходу деньги, затраченные им на приходскую школу. Поскольку и церковные, и волостные средства складывались из пожертвований

---

⁶³¹ Ср. Там же. Л. 369 об. (Волынская епархия).

и платежей одних и тех же жителей прихода (равно как и средства братства), при реализации идеи епископа Илариона, фактически, речь шла бы о возврате части сумм, ранее пожертвованных в церковь или выплаченных в волость, в распоряжение приходского братства. Это было уникальное предложение, аналогии которому трудно найти и среди более поздних проектов приходской реформы.

Наконец, полтавский преосвященный отчетливо осознавал проблему существовавшего конфликта между приходом и местным крестьянским самоуправлением. Он описывал ее так. Согласно действующему законодательству, в том числе Положению о приходских попечительствах, существуют «особенные чисто приходские собрания, которые составляют свои особенные приходские приговоры». Но «приход как административная единица существует только в узаконениях, касающихся духовного ведомства, а сельские общества, входящие в состав прихода, в своих действиях подчиняются сельскому уставу, о приходах ничего не говорящему». Поэтому сельские власти часто не утверждают приговоры «приходских» сходов, как составленные «не согласно с положениями устава о сельском состоянии»⁶³². Выход, по мнению епископа, мог быть достигнут двумя путями: если бы границы прихода как административной единицы были согласованы с волостным делением, «как согласовано деление России по епархиям с делением ее по губерниям», или если бы волостным властям было вменено в обязанность утверждать приговоры прихожан и «наблюдать за точным их выполнением». Полтавский преосвященный считал целесообразным пойти именно по второму пути. А чтобы избежать недовольства прихожан решениями, принятыми в их отсутствие, он полагал возможным обязать являться на приходские собрания всех домохозяев или их уполномоченных (одного от десяти домов), причем права последних должны были закрепляться специальным приговором. В этом случае, считал полтавский владыка, совет братства сможет обращаться к содействию местной власти, утвердившей приговор, если члены братства почему-

---

⁶³² Там же. Лл. 270–270 об.

либо откажутся его исполнять⁶³³. Как видим, вопрос о том, как обеспечить эффективность функционирования приходской экономики, неизбежно подталкивал преосвященных к мысли о необходимости наделить приходское собрание правами сельского схода и обратиться к помощи волостных властей. Думается, эти меры (наряду с предложением о возврате в приходскую кассу части церковных и волостных сумм) вели бы к интеграции гражданской и церковной общины, что на деле означало бы легализацию прав крестьянского схода в церковных, приходских делах.

Каковы были бы последствия, если бы «административная» или «органическая» стратегия были бы реализованы на практике? Разрешились бы противоречия, сформировавшиеся вокруг приходского вопроса к 1890-м гг.? Мы видели, что большинство преосвященных стремились административно подчинить себе попечительства, но одновременно хотели возложить ответственность за бесперебойное финансирование этих организаций на сельские сходы и волостные власти. Тем самым реформа попечительств 1890-х гг. могла бы повторить судьбу реформы прихода 1808 г.: прихожане снова должны были собирать средства (теперь – на храмы и благотворительность, как раньше на духовные учебные заведения), а распорядителями их снова стали бы причт и епархиальные власти. Попечительства же (как раньше церковные старосты) оказывались подконтрольными клиру структурами для сбора этих средств. Недаром многие епископы уподобляли в своих предложениях попечительства церковным старостам. Понятно, что в результате такой реформы недовольство прихожан не снизилось бы, а только выросло. Сомнительно, что новой для себя ролью были бы довольны и сельские власти. Скорее всего, вокруг административным образом реформированных попечительств завязался бы новый узел постоянно тлеющих конфликтов.

В этом нас убеждает и то обстоятельство, что, наряду с административным «оцерковлением» попечительств, преосвященные настойчиво предлагали передать сбор средств для них в компетенцию сельских сходов. Таким об-

---

⁶³³ Там же. Л. 271 об.

разом, в этом подходе к реформе попечительств содержалось явное противоречие: с одной стороны предлагалось как можно глубже интегрировать попечительства в систему церковного управления, а с другой – привлечь такие нецерковные, с точки зрения синодальной логики, институты как сельские сходы для решения приходских задач. Конечно, преосвященные, будучи хорошо знакомы с реальным функционированием приходского хозяйства и с той ролью, какую играл сельский сход в этом деле, стремились сделать уступку реальной жизненной практике. Но при этом многие из них, как мы убедились, не видели иного способа сделать попечительство церковным институтом как подчинить его контролю структур разного уровня, требовать от него регулярные отчеты и направлять в его адрес инструкции.

Другая стратегия преобразования попечительств, которую сформулировало меньшинство епископов (хотя среди них были и довольно влиятельные архиереи, в частности, митрополит Киевский Иоанникий (Руднев)), предполагала превращение их в добровольные приходские братства. Это означало выделение из индифферентного, а иногда и враждебного к Церкви крестьянского «мира» религиозного костяка прихода, консолидацию активных, неравнодушных к религии прихожан вокруг священника, который тем самым становился в первую очередь лидером религиозного союза, и активной работы в приходе⁶³⁴. Причем и институционально, и по существу речь в этом случае шла о размежевании, дезинтеграции с «миром», о формировании в виде приходского братства такого религиозного ядра, вокруг которого мог бы формироваться новый приход, новые приходские институты. Однако из проектов пяти преосвященных совсем не всегда было ясно, как они собирались решить одну из центральных проблем приходской жизни пореформенной России – проблему эффективности приходского хозяйства. Из них только епископ Тульский Иринеи настаивал на наделении братств правами юридического лица с возможностью широкой хозяйственной деятельности. Другие, как епископ Полтавский Иларион, снова возвращались к идее привлечь к де-

---

⁶³⁴ Ср.: Там же. Лл. 196–196 об. (Тульская епархия), 601–605 (Орловская).

лу обеспечения средствами приходов местные власти, подобно тому, как об этом писали преосвященные, отстаивавшие «административный» способ реформирования попечительств.

§ 10. Земские проекты переустройства православного прихода

Положение прихода и связанные с ним церковные преобразования были в фокусе внимания не только епископата, духовенства и синодальных чиновников. Еще в эпоху Великих реформ приходский вопрос заинтересовал российское общество и оставался в поле его зрения все предреволюционные десятилетия. Конечно, интенсивность обсуждения этого вопроса менялась в разные периоды в зависимости от общественно-политической ситуации. Кроме того, локомотивом такого обсуждения были разные общественные группы: сначала – славянофилы, затем – земцы, наконец, между двумя русскими революциями – депутаты Государственной думы.

Д.Ф. Самарин и славянофильская концепция прихода

Пионером общественного обсуждения приходской темы стал Д.Ф. Самарин (1827–1901) – представитель родовитой дворянской семьи, младший брат Ю.Ф. Самарина (1819–1876), принадлежавшего к первому поколению славянофилов, входившего в «московский кружок» К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского⁶³⁵. Взгляды своего брата разделял и Д.Ф. Самарин, а имена его сыновей также вписаны в историю «приходского вопроса» рубежа XIX–XX вв.

В 1867 и 1868 гг. Д.Ф. Самарин опубликовал в газете И.С. Аксакова «Москва» серию очерков под общим названием «Приход»⁶³⁶. По всей вероятности, к их написанию автора подтолкнула заочная полемика, которая воз-

---

⁶³⁵ Цимбаев 1986. 30–31, 77–80 и др.

⁶³⁶ «Москва». 1867. № 101, 103, 105, 107, 108, 151, 153; 1868. № 3, 4, 5. Тогда же очерк вышел двумя отдельными изданиями. Очерки I–V: Самарин Д. Приход. Ч. 1. М., 1867; Очерк VIII: Самарин Д. Приход. Ч. 2. М., 1868.

ника у него как председателя Спасского попечительства Самарской епархии с епархиальной властью. Весной 1867 г. Д.Ф. Самарин выслал епархиальному преосвященному отчет попечительства за минувший год с просьбой напечатать его в местных епархиальных ведомостях. Отчет был напечатан с упоминанием, сделанным редакцией, что он представлен преосвященному при *рапорте* от такого-то числа. Слово «рапорт» смутило Д.Ф. Самарина. Оно показывало, что епархиальная власть, в руках которой находилось редактирование ведомостей, рассматривает попечительства как институт, себе подчиненный. Это шло вразрез с взглядом Д.Ф. Самарина на попечительства и в целом на приход, который он и решил изложить письменно⁶³⁷.

Для Д.Ф. Самарина приход – прежде всего *общественный* институт, «общественная группа», жизнь которой, однако, неразрывно связана с жизнью целого, всего церковного организма. И поскольку – замечает Д.Ф. Самарин – в православном мире Церковь сохраняет «значение живого и цельного организма», особенно следовало бы дорожить приходом. Важнейшая для автора очерка характеристика этого института – *самостоятельность* его внутренней жизни, которая выражается в том, что приход выбирает причт и распоряжается – после уплаты «известного оклада» в пользу иерархических властей – церковными средствами. Конечно, современный Д.Ф. Самарину приход такой самостоятельностью не обладал, он имел ее «в старину», а затем постепенно терял ее под натиском духовенства. Впрочем, автор подчеркивает, что давление духовных властей на приход – только проекция того давления, которому подвергалась иерархия и духовенство со стороны государственной власти в XVIII–XIX вв. Потеря самостоятельности клиром (особен-

---

⁶³⁷ Предварительно он написал в епархиальные ведомости письмо с просьбой уточнить, что отчет попечительства был представлен преосвященному не при рапорте, а при письме. Ведомости напечатали эту поправку, но редакция оговорила, что не считает Д.Ф. Самарина правым и что приходские попечительства «не независимы» от епархиальной власти, но вопрос этот должен быть «уяснен печатно» помимо епархиальных ведомостей. См.: *Самарин Д.* Приход. Ч. 2. С. 21–25. Ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 137. Лл. 467–467 об. Здесь чиновники обер-прокуратуры с уверенностью связывают написание очерка с полемикой в епархиальных ведомостях. О более широком интеллектуальном контексте появления очерка см.: *Тесля А.* Церковные вопросы 1860–1880-х годов и позиция славянофилов // Гефтер. Карта памяти. 04.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/11908> (дата обращения: 06.04.2019).

но после секуляризации церковных имений) повлекла с его стороны наступление на права мирян, постепенное уменьшение их самостоятельности, замыкание «сферы церковной» «в среде одного духовенства». Поскольку права приходов не были закреплены в законе, они и не смогли «устоять» перед этим давлением⁶³⁸.

Наиболее отчетливо процесс утраты приходской самостоятельности, по мнению Д.Ф. Самарина, можно проследить на примере постепенной ликвидации права приходов распоряжаться церковным имуществом. Автор останавливается на основных вехах этого процесса. Первоначально приходы сами распоряжались всем имуществом своей церкви и ее доходами⁶³⁹. Но затем иерархи начали отрицать право собственности отдельных приходских церквей на их имущество и доходы и были поддержаны в этом Синодом. Последний в 1723, 1747, 1799 и 1806 гг. по разным поводам издавал указы, которыми сосредотачивал в руках духовенства заведование церковными сборами и распоряжение церковным имуществом⁶⁴⁰. Апогеем этого процесса стала реформа церковного хозяйства, последовавшая по докладу комитета духовных училищ в 1808 г. Тогда – как мы знаем – у приходских церквей были отображены накопленные в них к 1 января 1808 г. капиталы, причем кое-где – с участием полиции, а затем – свечные доходы, которые приказано было отсылать на содержание духовно-учебных заведений⁶⁴¹. По сути, обращает внимание Д.Ф. Самарин, все жертвуемое на храм Божий теперь рассматривалось иерархией как собственность не этого храма или прихода, а всей вообще местной церкви «в пределах одного государства» и поэтому оказывалось в заведовании не местных общин, а духовенства⁶⁴². Такое положение он считает ненормальным:

---

⁶³⁸ Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 1–7.

⁶³⁹ В качестве примера такого «изначального положения» Д.Ф. Самарин ссылается на письма в Сенат церковных старост Пскова, жаловавшихся в 1730 г. на притеснения со стороны архиерея. – Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 16–23. Современное изложение этого конфликта: Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 309–310.

⁶⁴⁰ Самарин Д. Приход. Ч. 1. С. 23–25.

⁶⁴¹ Там же. С. 34–37, 49–52.

⁶⁴² Там же. С. 26–27.

Мы ни слова не говорим против отнесения на доходы церковей содержания духовенства или духовно-учебных заведений; но мы не можем признать ни справедливым, ни практичным отнимать у церковей то, что каждой из них принадлежит, лишать их главного источника их доходов, сливать доходы каждой отдельной церкви в один общий сбор для всей России посредством искусственной централизации, упразднять *местные* средства, пренебрегать местными интересами и заменять самоуправление приходских общин церковно-административною бюрократией⁶⁴³.

Автор очерка отмечает, что интересы церковей и приходских обществ приносились в жертву не столько общему церковному, сколько сословному интересу⁶⁴⁴. Он подробно останавливается на разнообразных негативных последствиях произошедшей эволюции: от ухода в тень приходского хозяйства до охлаждения прихожан к интересам приходских храмов и утраты с их стороны доверия к церковным сборам и к церковной администрации⁶⁴⁵.

При этом Д.Ф. Самарин показывает, что следы прошлых прав прихода разбросаны в действующем имперском законодательстве. Не отменены положения Духовного регламента о выборе прихожанами священника. Церковный староста все еще именуется представителем прихода, его доверенным лицом, хотя на деле он превратился в «дарового служителя», помогающего духовенству в заведовании церковными суммами. Это и понятно: поскольку права на имущества за приходом не признаются, то как он может и поручить кому бы то ни было этим имуществом распоряжаться⁶⁴⁶. «Что бы такое, в самом деле, могло доверить своему поверенному общество, лишенное всяких прав?», – задается вопросом Д.Ф. Самарин⁶⁴⁷. По сути, приход признается только как территориальный округ, а не общество или юридическое лицо. Однако права, следы которых остались в законах, – замечает автор – могут быть реализованы только обществом. Всякое собрание прихода, несмотря на то, что оно упоминается в законодательстве, будет признано незаконным

---

⁶⁴³ Там же. С. 57.

⁶⁴⁴ Там же. С. 59.

⁶⁴⁵ Там же. С. 58–62.

⁶⁴⁶ Там же. С. 12–14, 63–71.

⁶⁴⁷ Там же. С. 70.

сборищем, пока приход не признан юридическим лицом. Без этого приход не имеет ни голоса, ни значения, и церковная администрация всегда будет действовать помимо него и обращаться с ним «как с личностью, находящейся под опекою»⁶⁴⁸.

Однако, издав в 1864 г. Положение о приходских попечительствах, светская и духовная власть, по убеждению Д.Ф. Самарина, признала несостоятельность прежнего порядка. Автор очерка пишет об этом «благодетельном законе» как о «первом приступе» к возрождению приходской общины, которым впервые дается правильная законная организация прихода⁶⁴⁹. Он не воспринимает попечительство как самостоятельную организацию, а только – как одно из «установлений» (наряду с храмом, школой, богадельней) «приходского общества», т.е. как орган прихода, как институт, через который приходская община может реализовать свои изначальные права, свою самостоятельность⁶⁵⁰. Однако епархиальные начальства не так оценивали статус попечительств. И это – по мысли Д.Ф. Самарина – не было случайным, ведь «предоставляя в ее заведование хозяйство учреждений приходских и тем самым призывая приходскую единицу к живой самодеятельности, новое учреждение в этом отношении становится в разрез с укоренившимися у нас в последнее время понятиями и господствующими обычаями»⁶⁵¹.

Автор проникательно замечал, что оживление прихода должно было привести к изменению всей системы отношений между ним и церковной администрацией. Действительно, привлечение прихожан к заботе о церковном хозяйстве подвигнет их «заглянуть в кошельковый и свечной сборы и даже навести справку, не имеет ли он сам на них права». Если приход почувствует, что почва под ним крепнет, то захочет, чтобы голос его был слышен при назначении священнослужителей. А это в свою очередь изменит отношения между администрацией и приходским духовенством. Сейчас власть церков-

---

⁶⁴⁸ Там же. С. 72–74.

⁶⁴⁹ Там же. С. 4–5, 37–38, 74; *Самарин Д.* Приход. Ч. 2. С. 20.

⁶⁵⁰ Там же. С. 17–19, 26–28; *Самарин Д.Ф.* Собрание статей, речей и докладов. Т. 2. С. 49–63.

⁶⁵¹ Там же. С. 2.

ной администрации над духовенством почти не ограничена и действует бесконтрольно. Но если между приходом и священником установится живая связь, то приход не будет «равнодушным и безучастным зрителем тех незаслуженных невзгод, которые могли бы постигнуть его священника» со стороны епархиальных властей. «Все это даже неминуемо, если только Положение о приходских попечительствах не останется мертвою буквой», – заключал Д.Ф. Самарин⁶⁵².

Поэтому, по мнению председателя Спасского попечительства, церковная администрация отнеслась к попечительствам крайне настороженно, отстаивая сложившийся бюрократический порядок. В ряде епархий наблюдалось прямое противодействие открытию попечительств и в течение двух лет даже не было опубликовано Положение 1864 г. В других местах – и таких, по мнению Д.Ф. Самарина, большинство – наблюдалось стремление епархиальных начальств подчинить себе попечительства, превратить их из учреждений общественных в свои исполнительные органы, обходясь с приходом все еще «как с лицом несовершеннолетним». В ряду таких случаев он рассматривает и свою полемику с Самарскими епархиальными ведомостями⁶⁵³.

Особенно ярко взаимное непонимание попечительств и администрации проявилось в вопросе о заведовании попечительствами над церковными суммами. Соответствующие ходатайства об этом со стороны попечительств Д.Ф. Самарин считал вполне законными и естественными⁶⁵⁴:

Не могли же они <попечительства «как законные представители прихода»> в самом деле оставаться равнодушными зрителями отчисления части свечного сбора в секретные суммы? Не могли же они деятельно приняться за снабжение церковей всем нужным, не убедившись наперед, что им не будет воспрещено смотреть за должным хранением и сбережением церковного имущества?⁶⁵⁵

---

⁶⁵² Там же. С. 2–5.

⁶⁵³ Там же. С. 7–9, 20–25.

⁶⁵⁴ Там же. С. 30.

⁶⁵⁵ Там же. С. 28. В 1869 г., после издания Синодом определения, запрещавшего попечительствам претендовать на распоряжение церковными суммами, Д.Ф. Самарин написал для издававшейся Н.П. Гиляровым-Платоновым газеты «Современные известия» специальную статью, в которой доказывал право попечительств на эти суммы. Он настаивал, что попечительства, наблю-

Однако эти ходатайства были отвергнуты «с полным единодушием во многих епархиях»⁶⁵⁶. Между тем, пишет Д.Ф. Самарин, если попечительства, заботясь о благоустройении приходских храмов, не будут одновременно участвовать в церковном хозяйстве, оно придет в упадок, ведь епархиальная власть будет еще активнее изымать церковные доходы на епархиальные нужды. В обоснование такого прогноза председатель Спасского попечительства приводил слова одного из благочинных Самарской епархии, который требовал у причтов своего округа сдавать свечной сбор в полном объеме, ссылаясь на то, что «нет нужды переводить свечную прибыль в кошелек», поскольку о храме теперь должны заботиться приходские попечительства. Выход из этого конфликта Д.Ф. Самарин видел в том, чтобы вопрос о должном отношении попечительств к церковному хозяйству разрешить законодательным путем⁶⁵⁷.

Вообще, по наблюдениям автора очерка, в отношениях церковной администрации к приходским попечительствам имела место определенная двойственность. С одной стороны, епархиальные власти стремились поставить попечительства под контроль, с другой, отказывались воспринимать их как приходские институты, как полномочных представителей прихода. Причины такой двойственности были понятны: администрация не желала признать самостоятельности «за приходом как за церковной единицей». Поэтому она стремилась, по замечанию Д.Ф. Самарина, если не обречь попечительства на смерть, то «приговорить их к изгнанию». Место попечительства не в церкви – воспроизводил он соответствующее умонастроение, – они «учреждение не церковное», не лучше ли им выйти из церкви и пристроиться к учреждениям земским, это «для меня было бы покойнее, а для тебя <попечительства> даже выгоднее». Тогда попечительство сможет жертвовать на цер-

---

дая за суммами церкви, заявляя согласие или несогласие на соответствующие расходы, действуют на основании Инструкции церковным старостам, согласно которой «почетнейшие прихожане» призываются к участию в высылке и счете церковных денег. См.: Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 2. С. 88–96.

⁶⁵⁶ Самарин Д. Приход. Ч. 2. С. 28–29, 32–34.

⁶⁵⁷ Там же. С. 35–38.

ковь, но, конечно, не сможет «входить» в церковное имущество, «но ведь это, в сущности, дело пустое»⁶⁵⁸. Как мы видели (см.: Глава 2 §§ 4 и 8), в последние 30 лет духовенство и епископат действительно будут воспринимать попечительства как учреждения «нецерковные», т.е. не подчиненные духовной власти и будут настаивать на их «оцерковлении», прежде всего – административном.

Но как же следовало, по мнению Д.Ф. Самарина, построить отношения прихода и попечительства как его органа с епархиальной властью? Можно сказать, что права епископа и права прихода в отношении храмового, церковного имущества он воспринимал как своего рода антиномию. Права прихода не упраздняли власти епископа. Последний призван наблюдать, чтобы церковное имущество не было «отчуждаемо и отвлекаемо от своего назначения» и чтобы с ним обходились «согласно правилам церковным». Вместе с тем, жертва прихожанина в храм – это жертва Богу, в том смысле, что жертвующий не намерен забрать ее обратно, но в то же время – это жертва именно в приходский храм. Ведь когда приходская община строит храм, она приносит жертву Богу, но подразумевает, что пользоваться храмом будет именно она, и ее храм не упразднят и не перенесут на другое место без ее воли. Значит, рассуждает председатель Спасского попечительства, охранение церковного имущества, т.е. наблюдение чтобы оно оставалось в том храме, в который пожертвовано, должно принадлежать приходу. Ему же должно принадлежать и заведование в хозяйственном отношении храмом Божиим со всеми его доходами, ведь строит и содержит он его на свои средства⁶⁵⁹. «Таким образом, храм Божий, насколько он – Божий, настолько находится в заведовании епископа; насколько же он вместе с тем и *приходский*, настолько находится в заведовании прихода», – подводит он итог своим рассуждениям⁶⁶⁰.

---

⁶⁵⁸ Там же. С. 6.

⁶⁵⁹ Там же. С. 15–17.

⁶⁶⁰ Там же. С. 17. Нужно сказать, что Д.Ф. Самарин в этих рассуждениях был очень близок к тому пониманию права собственности на пожертвованные предметы, которое было распространено среди самых широких слоев российского населения, в том числе среди крестьянства. См. по-

Вместе с тем, Д.Ф. Самарин был уверен, что чем более приход в лице попечительства будет дорожить своей самостоятельностью и осознавать свое право и дорожить им, тем с большей осмотрительностью он будет относиться к правам других учреждений, тем более он будет уважать местного епископа и его содействие своей деятельности⁶⁶¹.

Трудно сказать, оказала ли программа возрождения прихода через развитие деятельности приходских попечительств, начертанная Д.Ф. Самариным, непосредственное влияние на отношение земства к приходскому вопросу в 1860-е гг. или взгляды этого автора были отражением уже существовавших настроений славянофильски ориентированных земцев. Как бы то ни было, последние воспринимали попечительства как близкий им институт и действовали в духе концепции Д.Ф. Самарина. Уже в первые годы после издания Положения о попечительствах 1864 г. губернские земские собрания возвышали свой голос в поддержку попечительств и ходатайствовали перед епархиальными властями об их открытии⁶⁶². Попечители из дворян, часто бывшие и активными земцами, «в видах оживления прихода» предъявляли права на распоряжение церковной казной и церковным хозяйством, заявляли о необходимости оставления в церквях свечного сбора⁶⁶³. Все это дало возможность анонимному автору из канцелярии обер-прокурора в 1898 г. сказать, что образ мыслей Д.Ф. Самарина есть и до сего времени «образ мыслей наших земцев»⁶⁶⁴.

Инициатива Московского губернского земства 1880 г.

Натолкнувшись на упорное сопротивление духовной власти и не добившись каких-либо результатов, земские деятели несколько позже стали хо-

---

дробно на примере пожертвованных в храм икон: *Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 321–325.

⁶⁶¹ *Самарин Д.* Приход. Ч. 2. С. 23; *Самарин Д.Ф.* Собрание статей, речей и докладов. Т. 2. С. 59.

⁶⁶² *Самарин Д.* Приход. Ч. 2. С. 7.

⁶⁶³ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 137. Лл. 466 об.–467. Ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Л. 152.

⁶⁶⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 137. Л. 469.

датытаствовать об преобразовании приходского устройства перед более высокими инстанциями. Инициатива в этом вопросе также принадлежала Д.Ф. Самарину. В декабре 1880 г. он, будучи гласным Московского губернского земского собрания, предложил собранию ходатайствовать перед Министерством внутренних дел об изменении статуса православного прихода. Проект Д.Ф. Самарина включал пять пунктов.

1. Приходы как церковные общества следовало наделить правами юридического лица.

2. Следовало восстановить «древнее право» выбора священнослужителей и представлять о том «заручные прошения» местному епископу.

3. Признать право прихода «всеми дозволенными законом средствами» приобретать и закреплять за собой движимое и недвижимое имущество.

4. Имущество каждой приходской церкви признать за «неотъемлемую ее собственность» и передать его в заведование «местному приходскому обществу».

5. Такую организацию распространить как на городские, так и на сельские приходы.

Земское собрание 18 декабря 1880 г. единогласно приняло это предложение, сделав лишь одну поправку. В последнем пункте ходатайства было добавлено: «Причем само собой разумеется, что к этим обществам не должны быть принудительно привлекаемы старообрядцы и других толков раскольники, живущие в приходе, хотя бы они официально в нем и числились»⁶⁶⁵.

Как видим, этот проект полностью соответствовал идеям его автора, изложенным им за 13 лет до этого. Интересны доводы докладчика, которыми обосновывалось право земства выступать с ходатайством по церковному вопросу. Д.Ф. Самарин указывал, что хотя дела общественного призрения и

---

⁶⁶⁵ Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 2. С. 131–136 (Речь об организации приходских обществ, сказанная в заседании Московского губернского земского собрания 18 декабря 1880 г.); Доклад Московской губернской земской управы по вопросу о предоставлении высшему правительству ходатайства Московского Губернского Земства об организации приходов // Московское губернское земское собрание. 1883. № 30. С. 3.

благотворительности возложены по закону на земство, оно не может заниматься ими с полной отдачей. Во-первых, потому что главная его задача все-таки хозяйственная, а не благотворительная. А во-вторых, потому что для успешного занятия благотворительностью, кроме губернских и уездных организаций, необходимы учреждения, «близко стоящие к народонаселению»; земство же таких не имеет. Такой организацией, которая ближе стоит к народу и для которой благотворительность – дело естественное и не второстепенное, как раз и является православный приход. Однако сейчас он поставлен в крайне неблагоприятные условия и не сможет в полной мере осуществлять свое призвание к благотворительности. «Чтобы жизнь снова могла возникнуть в этом обществе», надо признать за ним права юридического лица, право приобретать и укреплять за собой имущество и т.д. В этом рассуждении приход уже оказывается поставлен в два контекста, в которых он будет рассматриваться земцами, а потом и государственной властью в последующие годы: это вопрос об организации современной системы общественного призрения и вопрос о создании мелкой территориальной единицы, на которую могло бы опереться земство в своей работе.

Между тем Московский губернатор, который по закону мог заблокировать исполнение тех или иных постановлений земства, не дал хода этому ходатайству. Он счел, что губернское земство вышло из пределов своей компетенции, выдвинув предложение, которое касается всей империи. Вследствие губернаторского протеста дело снова рассматривалось на экстренной февральской 1881 г. сессии Московского губернского земского собрания. Последнее не признало резонными доводы губернатора и осталось при прежнем своем мнении. В результате спор этот был передан губернатором на рассмотрение Сената. В Сенате дело ждало своей очереди два года⁶⁶⁶. Тем временем инициатива московского земства была поддержана другими земскими собраниями. В 1881 г. с аналогичными проектами преобразования прихода выступили Воронежское губернское и Золотоношское уездное Полтавской губер-

---

⁶⁶⁶ Там же. С. 1–9.

нии земские собрания. В 1883 г. к ним присоединили свой голос Полтавское и Санкт-Петербургское губернские земские собрания. Светская печать (как либеральная западническая, так и славянофильская) активно и, по наблюдению А.Ю. Полунова, «практически единодушно» поддержала ходатайства земств. «Как благовест пронесся по русской земле», – писала газета И.С. Аксакова «Русь» по поводу ходатайства московского земства⁶⁶⁷.

В феврале 1883 г. последовал указ Сената по поводу столкновения между земством и московским губернатором в связи с проектом преобразования прихода. Высшая судебная инстанция встала на сторону земства и оставила протест губернатора без последствий. В результате ходатайству Московского губернского земского собрания был дан законный ход, и оно было представлено в Министерство внутренних дел⁶⁶⁸. Однако это еще далеко не гарантировало его успех. МВД переадресовало проект в духовное ведомство и он был вынесен на рассмотрение Синода. В результате 18 июля – 8 августа 1884 г. последовало специальное определение Синода «По поводу ходатайства московского губернского земского собрания об изменениях в устройстве городских и сельских приходов»⁶⁶⁹.

Не трудно догадаться, что Синод отверг земский проект и раскритиковал его по всем пунктам. Но прежде всего он отверг саму возможность того, что инициатором каких бы то ни было изменений внутри духовного ведомства могут быть «сторонние ведомства». Синодалы даже с некоторой иронией замечали, что хотя дело благотворительности «не чуждо ни одному ведомству», это еще не означает, что любое из них может «выступать с предложениями об изменениях в ходе дел другого»⁶⁷⁰. Иными словами, Синод считал, что право выступать с какими-либо предложениями о церковных преобразованиях принадлежит только ему. Характерна и бюрократическая

---

⁶⁶⁷ Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и церкви. Т. 2. С. 243–250, 302–304, 406–409, 465–469; Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. С. 90–91.

⁶⁶⁸ Доклад Московской губернской земской управы... С. 7–9.

⁶⁶⁹ Цит. по: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 488–491 об.; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. С. 27–36.

⁶⁷⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 489 об.

риторика: речь как будто шла не о вопросе, волновавшем всех членов Церкви, а лишь о нарушении межведомственной субординации. Более того, Синод отрицал даже наличие кризиса приходской жизни. Содержавшуюся в земском проекте мысль о ее упадке он называл обидной и несправедливой «в отношении к нашему народу». Члены высшего органа церковного управления считали, что приходская жизнь «наглядным образом» проявляется в том, что прихожане жертвуют на храм и проявляют привязанность к своей приходской церкви. Отсутствие же других проявлений приходской активности, в частности, организованной благотворительной деятельности они объясняли географическими особенностями нашей страны – территориальной разбросанностью приходов и экономическими причинами – их бедностью.

В ответ на предложение московского земства признать приход юридическим лицом и дать ему возможность приобретать имущество Синод утверждал, что достаточно и того, что каждый приход «и ныне составляет особую церковно-общественную единицу» – «в порядке духовного управления». Закреплять же имущество за церковью, а не за приходом с точки зрения Синода было удобнее, т.к. состав прихода мог меняться, что повлекло бы за собой требования раздела приходского имущества. При закреплении имущества за приходским храмом этой проблемы не возникало. Но получалось, что и прихожане, образовавшие, например, новый приход, должны были оставить пожертвованное ими имущество при старой приходской церкви. А к такому имуществу могли, в частности, относиться фамильные иконы, помещенные в храм⁶⁷¹. Предложение земства относительно предоставления прихожанам права заведования церковным хозяйством, по мнению Синода, «не требовало обсуждения», поскольку на его рассмотрении находился проект правил, которые «между прочим» предполагали «отвести известную долю участия в заведовании доходами и расходами церкви и представителям от прихожан»⁶⁷². Очевидно, имелись в виду правила о ведении церковного хозяйства, состав-

---

⁶⁷¹ Ср.: Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. С. 322.

⁶⁷² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 490 об.

лявшиеся комиссией еп. Палладия (Раева), результаты деятельности которой через шесть лет нашли отражение в новой Инструкции церковным старостам (см.: Глава 2 § 7).

Наиболее развернутую реакцию Синода вызвало предложение земства допустить выборы духовенства прихожанами. Такую постановку вопроса синодалы считали совершенно неприемлемой. Они называли существовавшую в свое время практику выборов только временной мерой в ситуации нехватки достойных кандидатов в священство и настаивали, что существовавшая система, связывавшая поставление во священство со школьно-образовательным цензом, является важным историческим достижением. В синодальном определении заявлялось, что «восстановление ныне права приходских выборов было бы, в сущности, поворотом к прежним временам невежества, из которого наше отечество вышло рядом многовековых усилий»⁶⁷³. Одновременно Синод утверждал, что право прихожан высказывать перед епископом свое пожелание о кандидате не отменено и может употребляться и сегодня. Обратим внимание на это замечание. К нему не раз будут апеллировать составители проектов преобразования православного прихода уже в предсоборный период. Вывод Синода был категоричен и предсказуем. Он постановил ходатайство московского земства «признать не подлежащим удовлетворению»⁶⁷⁴.

После такой отповеди у земцев надолго должно было пропасть желание выступать с какими-либо проектами о преобразовании прихода. Однако они не проявили покладистости. Уже в 1885 г. Московское губернское земство повторило свое прежнее ходатайство, а Московская городская дума предложила передать приходские попечительства в заведование городского головы с тем, чтобы активизировать их благотворительную деятельность. Для той же цели в 1890 г. Санкт-Петербургское губернское земство ратовало за более широкое развитие в уездах сети приходских попечительств⁶⁷⁵. Последствий

---

⁶⁷³ Там же. Л. 491 об.

⁶⁷⁴ Там же.

⁶⁷⁵ *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. С. 91; Известия и заметки. Заботы земства о развитии приходских попечительств // Руководство для сельских пастырей. 1890. № 43. С. 206.

эти ходатайства все еще иметь не могли, но земства не оставляли свои попытки инициировать хотя бы небольшие по масштабу изменения церковно-приходского устройства, показывая своими усилиями, что эта сфера церковной жизни была им близка и они чувствовали за нее ответственность.

Проект Конотопского земства по улучшению материального положения причтов

Еще в 1877 г. Конотопское уездное земское собрание Черниговской губернии выступило с инициативой обеспечения приходского духовенства постоянным содержанием. Вообще уже в 1866 г., т.е. через два года после учреждения земств, министр внутренних дел вменил в обязанность земским собраниям заняться вопросом об обеспечении причтов. Откликаясь на соответствующий циркуляр, земцы начали исследовать этот вопрос, но их изыскания по большей части тогда не перешли в практическую плоскость⁶⁷⁶. В 1870-х гг. ситуация несколько изменилась. Нужно сказать, что с инициативой, подобной конотопской, выступали и другие земства. Одесское губернское земство в 1874 г. ходатайствовало перед правительством об обеспечении православных причтов за счет приходов, подобно тому, как обеспечивается католическое и протестантское духовенство империи. Оханское уездное земство Пермской губернии в 1875 г. просило правительство разрешить ему сделать раскладку сумм, которые предполагалось выплачивать причтам в качестве содержания (500–600 руб. в год священнику), на сельских прихожан – по числу ревизских душ, а также – на купцов, приписанных к городу, и на мещанское общество. Подготовительными работами в этом направлении занималось в 1879 г. Псковское губернское земство. В том же году этот вопрос обсуждался и Московским земством. Но конотопский проект оказался самым проработанным и – как казалось – самым близким к осуществлению⁶⁷⁷. Не

---

⁶⁷⁶ Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения... С. 318.

⁶⁷⁷ И.Л. Попытки земства к улучшению быта духовенства // Руководство для сельских пастырей. 1880. № 10. С. 302. Нужно сказать, что еще в 1860-х гг. с принципиально схожими инициативами выступали некоторые гласные земств из числа духовенства, но тогда они не были поддер-

менее важно, что в самом проекте и в дискуссии, развернувшейся вокруг него, в деталях нашли отражение те условия, на которых земства готовы были включиться в дело материального обеспечения духовенства, и реакция на эти инициативы как духовных властей, так и рядовых священнослужителей.

Конотопское земство предлагало упразднить «поручный» способ сбора средств на содержание духовенства, т.е. плату за требы и ежегодные обходы прихода для собирания руги. «Поручный» способ единодушно признавался и духовенством, и обществом, и духовным ведомством унижающим достоинство пастырей и одной из главных причин взаимного раздражения причтов и прихожан⁶⁷⁸. Земцы предлагали отменить плату за «обязательные требы» (крещение, венчание, предсмертное напутствие, отпевание), за необязательные (молебны, заказные богослужения и под.) установить фиксированную таксу. Взамен земство обязывалось обеспечить духовенство постоянным жалованием за счет специального налога с прихожан, который бы земство собирало по разработанной им раскладке. Предполагалось, что настоятель будет получать от 750 до 850 руб. в зависимости от числа прихожан, а псаломщик – 300 руб. в год. При этом духовенство должно было твердо придерживаться установленной таксы за необязательные требы. Нарушение ее предлагалось квалифицировать как преступление по должности. Следить за точным соблюдением таксы собиралось само земство и в случае нарушений – представлять духовным властям для наложения на нарушителей взысканий⁶⁷⁹.

Этот проект уездная управа в начале 1877 г. представила Черниговскому губернатору с просьбой дать разрешение на обсуждение своей инициативы с духовенством. Губернатор направил проект на усмотрение министра внутренних дел, тот переслал его в Синод, а последний – на отзыв Чернигов-

---

жаны другими земцами. См.: *Н.Б.* Что сделало наше земство для православного духовенства и взаимно духовенство для земства за истекший 1866 год? // Православное обозрение. Т. 22. 1867. № 2. С. 58–60 (2 пагин.).

⁶⁷⁸ Ср.: Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1877 г. СПб., 1878. С. 276–277; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1878 г. СПб., 1879. С. 266–267 и др.

⁶⁷⁹ *И.Л.* Попытки земства к улучшению быта духовенства. С. 303–305.

скому преосвященному, который и разослал его духовенству Конотопского уезда. Свой отзыв представила и Черниговская консистория. Она предложила земству в дополнение к обязательствам, указанным в проекте, взять на себя обеспечение духовенства домами для причта, сократить перечень бесплатных треб, сделать более гибкой таксу за необязательные требы в случае добровольного соглашения между священником и прихожанином. Но главное консистория настаивала на том, что земство должно быть устранено от контроля над духовенством. Жалобы со стороны обиженных прихожан, по ее мнению, должны были направляться епархиальному начальству без всякого участия управы. Между тем именно этот пункт земство считало для себя принципиальным⁶⁸⁰.

Уездное духовенство отреагировало на предложения земства двойственно. Реальная возможность замены «доброхотных даяний» строго установленным содержанием окрыляла его надеждой. Суммарные доходы некоторых священников превышали оклад, проектируемый земством, иногда на 500 руб., но и они высказывались в поддержку проекта «ввиду доброй идеи его». Другие выражали скепсис по поводу ряда деталей. В частности, ожидали противодействия реализации проекта со стороны землевладельцев, поскольку разработанная земцами раскладка налога на прихожан предусматривала, что взнос землевладельцев будет превышать взнос поселян. Также выражали опасение, что выплаты из земской кассы не будут регулярными, что придется ездить в управу по несколько раз за одной выплатой, как бывает с земскими учителями и фельдшерами. Но главное – все категорически выступали против идеи контроля со стороны земства над духовенством. Священники обращали внимание на то, что проект не предусматривает механизма защиты духовенства от неуплаты прихожанами за необязательные требы, а только – прихожан от вымогательства со стороны духовенства. Указывали,

---

⁶⁸⁰ Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора... за 1877 г. С. 278–280; *И.Л.* Попытки земства к улучшению быта духовенства. С. 305–309; *Св-к А. П-ий*. На чем остановилось Конотопское земство в деле обеспечения местного духовенства жалованием за обязательные требоисправления? // Руководство для сельских пастырей. 1880. № 36. С. 12–22.

что в земстве нет представителей духовенства и при разборе конфликтов с прихожанами оно взяло бы против священнослужителей обвинительный уклон⁶⁸¹. Как резюмировал один из наблюдателей, не финансовые основания проекта сами по себе составляли причину, вследствие которой духовенство не решалось его принять, а

глубокое недоверие к беспристрастию и справедливости в отношении к нему земских учреждений, в коих оно не имеет фактически ни голоса, ни влияния, и в коих, также фактически, руководство делами принадлежит тем самым помещикам-землевладельцам, по влиянию которых во время крепостного права священников отдавали под начал и переводили с одного прихода в другой⁶⁸².

Причем не только воспоминания об эпохе крепостного права отталкивали духовенство от земских учреждений. Дело в том, что часть земцев крайне недружелюбно встретила духовенство в своей среде. За первые годы существования земств к правительству поступали с их стороны ходатайства об устранении священнослужителей от участия в земских делах. Такие просьбы были сформулированы Петербургским, Московским, Смоленским, Тамбовским, Тверским и др. земскими собраниями. Земцы считали, что духовенство даже и не имеет права участвовать в земских учреждениях, поскольку оно освобождено от повинностей в их пользу и поскольку мирские интересы должны быть «вообще чужды лицам духовного звания»⁶⁸³. Один из церковных журналов писал в 1879 г.:

Тяжело приходится нашему сельскому духовенству, над которым находят особенное удовольствие глумиться разные цивилизованные земцы, третирующие священников, как совершенных обскурантов и невежд... Земцы воздвигают на свя-

---

⁶⁸¹ *И.Л.* Попытки земства к улучшению быта духовенства. С. 309; *Св-к А. П-ий*. На чем остановилось Конотопское земство в деле обеспечения местного духовенства жалованием за обязательные требоисправления? С. 12–22.

⁶⁸² [*И.Л.*] Можно ли надеяться на улучшение быта духовенства земствами? // Руководство для сельских пастырей. 1880. № 11. С. 335.

⁶⁸³ *Н.Б.* Что сделало наше земство для православного духовенства и взаимно духовенство для земства за истекший 1866 год? // Православное обозрение. Т. 22. 1867. № 1. С. 1–18 (2 пагин.); № 2. С. 57–73 (2 пагин.); *Руновский Н.* Церковно-гражданские законоположения... С. 317–318. Ср.: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 842–844. Однако в прессе приводились и обратные примеры пассивности, «безжизненности» духовенства в земских собраниях: *Гиляров-Платонов Н.П.* Вопросы веры и церкви. Т. 1. С. 1.

щенников настоящее гонение. Это своего рода Kultur-kampf на отечественной ниве, борьба против «поповства», вожди которой пародируют вождей западной социалистической противо-церковной партии⁶⁸⁴.

Все это не способствовало изживанию застарелого недоверия между представителями разных сословий, между земцами и духовенством. А при таком недоверии к земству ожидать от священнослужителей согласия на его вмешательство в отношения причтов с прихожанами было немыслимо. Дискуссия вокруг конотопского проекта продолжалась более трех лет. Консистория, опираясь на мнение клириков, требовала у земцев отказаться от идеи контроля над священниками, а земцы не считали для себя возможным идти именно на эту уступку. Вследствие этих разногласий попытка конотопского земства осуществить хотя бы в своем уезде реформу материального обеспечения духовенства окончилась неудачей.

Приход и «мелкая земская единица»

Однако внимание земства к приходу не ослабевало. В последующем земцы все чаще затрагивали эту тему в контексте обсуждения задач общественного призрения⁶⁸⁵ и в контексте обсуждения проблемы «мелкой земской единицы». Помимо стремления «увенчать здание» – создать всероссийское представительство, земства в этот период стремились «нащупать фундамент» в виде «мелкой земской единицы», которая была бы ближе к местному населению, чем уездное земство⁶⁸⁶. Интересно, что сами авторы, близкие к земским кругам, признавали, что вопрос о мелкой земской единице исторически вырос из вопроса о восстановлении прихода и из полемики о «всесословной волости»⁶⁸⁷. Напомним, что после отмены крепостного права за крестьянской

---

⁶⁸⁴ Цит. по: Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения... С. 318.

⁶⁸⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 137. Лл. 464 об.–465.

⁶⁸⁶ Градовский А.Д. Всесословная мелкая единица [впервые – в 1882 г.] // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 459–469; Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1969. С. 36–42; Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. С. 90.

⁶⁸⁷ Бажаев В.Г. Развитие вопроса о мелкой земской единице в земской среде в новейшее время (1901–1902) // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 344.

общинной были закреплены права как хозяйственного, так административного самоуправления. Низшей управленческой единицей была крестьянская волость, объединявшая несколько сельских общин. Причем волостное управление носило сословный, крестьянский характер. Несмотря на то, что пореформенное законодательство закрепило как экономическую, так и социальную, сословную замкнутость крестьянства, уже в 1860-е гг. раздавались голоса, призывавшие последнюю ликвидировать, создать новую административную единицу – всесословную волость, в которой управление строилось бы строго по территориальному, а не сословному принципу.

В понимании земцев (за единичными исключениями) «всесословная волость» представляла собой волостное управление, реформированное на началах земского самоуправления, без наделения волостных органов судебной и сословно-административной функциями⁶⁸⁸. Но еще в 1870-х были сформулированы дворянские проекты всесословной волости, которые фактически имели в виду возрождение господства дворян над крестьянским самоуправлением⁶⁸⁹. Так определились два направления в подходе к реформе местного управления пореформенной России. Условно их можно обозначить как земское и сословно-административное⁶⁹⁰. Причем планы вовлечь приход в проектируемые изменения были у тех и у других. Так тема прихода начала обсуждаться и в контексте реформы местного управления. В связи с этим на приход обращали внимание не только различные общественные силы, но и светская бюрократия. В частности, идея о привлечении православного прихода к построению новой системы местного управления обсуждалась в комиссии статс-секретаря, члена Государственного совета, а до этого товарища

---

⁶⁸⁸ Там же. С. 359.

⁶⁸⁹ Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Книга Р. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» и предположения Петербургских дворян об организации всесословной волости. Берлин, 1875; Скалон В.Ю. Вопрос о мелкой земской единице в общественных собраниях // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 321–322; Гессен И.В. Вопрос о мелкой земской единице в литературе (до 1901 г.) // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 421–423.

⁶⁹⁰ Ср.: Скалон В.Ю. Вопрос о мелкой земской единице в общественных собраниях. С. 323; Кудрявцев П. В области церковно-приходской жизни. III. К вопросу об участии священника в общественных делах. С. 6–7.

министра внутренних дел М.С. Каханова. Комиссия в 1881–1885 гг. работала над усовершенствованием этой системы и предполагала установить связь между институтами, созданными крестьянской и земской реформами, и тем самым «завершить и объединить» реформы Александровского царствования⁶⁹¹. В 1888 г. к этой идее вернулся обер-прокурор 1-го департамента Правительствующего Сената Г.А. Евреинов. Он выпустил «Заметки о местной реформе», в которых предлагал низшей единицей местного управления сделать всеобщий приход⁶⁹². Однако комиссия М.С. Каханова отвергла мысль «разбудить давно уснувшие в России элементы приходских обществ». Она указывала на то, что приходы слишком мелки и сильно отличаются друг от друга по охвату территории и населения, а также на то, что в России существует множество исповеданий. Все это, по мнению членов комиссии, делало неудобным включение приходов в систему местного управления⁶⁹³. Эти аргументы противниками опоры на приход будут потом повторяться с известной регулярностью⁶⁹⁴. Но характерно, что со стороны светских государственных деятелей звучало откровенное признание нежизненности, «спячки» православного прихода, а ведь это всячески старались отрицать представители духовного ведомства. Они и официальная церковная печать не раз указывали на приход по меньшей мере как на образец для системы местного управления. Уже в 1900-е гг. «Церковный вестник» писал, что только приход может дать «готовую схему» для мелкой земской единицы, причем в этом отношении он имеет преимущество перед всеми другими существовавшими институтами (например, крестьянской волостью)⁶⁹⁵.

---

⁶⁹¹ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. С. 52–53; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 217–233; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 142.

⁶⁹² *Гессен И.В.* Вопрос о мелкой земской единице в литературе (до 1901 г.). С. 433а–434а.

⁶⁹³ *Гессен В.М.* Сельское общество и волость в трудах комиссии ст. секр. Каханова // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 398.

⁶⁹⁴ *Гессен И.В.* Вопрос о мелкой земской единице в литературе (до 1901 г.). С. 431–432, 433а–434а.

⁶⁹⁵ *Лемке М.К.* Вопрос о мелкой земской единице в литературе (1901–1902 гг.) // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 439–440.

Нередко опереться на приход, привлечь священника к местному управлению стремились представители сословно-административного подхода к реформе местного управления. В 1902 г. в газете князя В.П. Мещерского «Гражданин» предлагалось восстановить приход «как основную государственную единицу», которая должна была действовать «под руководством церкви» в лице приходского священника «в союзе с представителем государства» – земским начальником, который с 1889 г. назначался из дворян для надзора за крестьянским самоуправлением⁶⁹⁶. Представители этого направления высказывали также мысль сделать органами местного управления приходские попечительства, включив их в существовавшую административную вертикаль. Трудно не согласиться с одним из церковных публицистов, который указывал, что если бы чаяния представителей сословно-административного подхода были реализованы, приходские институты и, в частности, приходские попечительства получили бы «характер не столько церковного братства, религиозно-просветительского союза, сколько органа министерства внутренних дел», а священник как неперемный член попечительства был бы «столько же чиновником министерства внутренних дел, сколько духовным пастырем»⁶⁹⁷.

Представители другого подхода к местной реформе, сторонники собственно мелкой земской единицы, как правило, упоминали приход при обсуждении вопроса о возможных территориальных пределах этой единицы. Дело в том, что среди земцев обсуждались три варианта территориального охвата мелкой земской единицы: земская волость, которая совпадала бы с крестьянской, земский округ, который должен был включать несколько волостей, и приход. Еще в 1880-х гг. рязанский губернский гласный князь Н.С. Волконский (в будущем – депутат Государственной думы I и III созывов) предлагал, чтобы земская всесословная волость совпадала с приходом, наиболее старой и «органической» территориальной единицей. Идея терри-

---

⁶⁹⁶ Там же. С. 439–441.

⁶⁹⁷ Кудрявцев П. В области церковно-приходской жизни. III. К вопросу об участии священника в общественных делах. С. 6–8.

ториального совпадения мелкой земской единицы и прихода имела своих сторонников и на рубеже XIX–XX вв. А критики этой идеи обычно приводили те же аргументы, что звучали за 20 лет до этого в заседаниях комиссии статс-секретаря М.С. Каханова⁶⁹⁸. Впрочем, в земских проектах в подавляющем большинстве случаев речь шла только о совпадении названия и границ этих единиц, церковного и земского прихода.

Нет сомнений, что образцом для земцев была английская ситуация, в которой приход (parish) выступал и как церковная единица, и как низшая единица местного управления⁶⁹⁹. Еще на рубеже 1860–1870-х гг. в печати обсуждался обширный труд земского и общественного деятеля, родоначальника русского кооперативного движения князя А.И. Васильчикова, в котором автор сопоставил институты местного самоуправления в Англии, Франции, Пруссии и России, отдавая преимущество английскому опыту, но не предлагая механически перенести его на русскую почву⁷⁰⁰. Между тем в этом труде А.И. Васильчиков представил и свой проект преобразования местных учреждений. Согласно проекту, всеословная волость по территории совпадала с приходом, на «религиозно-нравственной связи, на общности богослужения и равенстве пред Богом» автор предполагал «основать и гражданскую равноправность всех местных обывателей»⁷⁰¹. Поэтому в компетенцию местного управления вместе с раскладкой повинностей и защитой местных интересов перед вышестоящими инстанциями он включал и содержание храма и причта, выборы церковного старосты и отвод земли под кладбища. Соответ-

---

⁶⁹⁸ Гессен И.В. Вопрос о мелкой земской единице в литературе (до 1901 г.). С. 431–432; Блеклов С. Вопрос о мелкой земской единице в земствах, комитетах о сельско-хозяйственной промышленности и общественных собраниях за 1902 г. и начало 1903 г. // Мелкая земская единица в 1902–1903 гг. Сборник статей. Вып. 2-й. СПб., 1903. С. 134–138.

⁶⁹⁹ Ср.: Гессен В.М. Сельское общество и волость в трудах комиссии ст. секр. Каханова. С. 398.

⁷⁰⁰ Ср.: Васильчиков А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1–3. СПб., 1869–1871. Т. 1. С. 79–106.

⁷⁰¹ Там же. С. 272.

ственно в волостное правление, наряду с избираемыми волостным старшиной и 2–4 гласными, обязательно должен был войти и церковный староста⁷⁰².

Такое устройство местного управления напоминало английские средневековые порядки. Тогда английский церковный приход, действительно, был средоточием и своего рода воспитателем местного самоуправления. Но в XIX в. он постепенно терял свои административные функции⁷⁰³. В России же, как мы знаем, церковный приход к тому времени уже давно перестал быть единицей местного самоуправления, и учреждать рядом с ним административный приход значило не возвращаться к традиционным и «органическим» отношениям, а создавать новую ситуацию. Несмотря на это, публицисты продолжали обращаться к английскому опыту, рассматривая его, как правило, в положительном ключе, как пример для преобразования российского прихода⁷⁰⁴.

Между тем среди земцев были и те, кто шел дальше и предлагал именно церковный приход наделить «правительственным значением»⁷⁰⁵. Такая реформа имела в виду сохранение крестьянского сословного строя и крестьянской общины. Это направление мысли носило явно архаизаторский характер. Приверженцы этого направления надеялись таким образом воссоздать местную общину, обладающую всеми правами самоуправления как в мирском, так и в церковном отношении и коллективно ответственную перед коронной администрацией. Опирались они при этом на труды А.А. Папкова (см.: Глава 2 § 11), рисовавшего идеальную картину самостоятельного, самоуправляющегося прихода в допетровской Руси⁷⁰⁶. Существовали среди земцев и те, кто предлагал функции мелкой земской единицы присвоить приходским попечи-

---

⁷⁰² Там же. С. 272–274; *Гессен И.В.* Вопрос о мелкой земской единице в литературе (до 1901 г.). С. 423–424.

⁷⁰³ *Васильчиков А.* О самоуправлении. Т. 1. С. 83–84, 101–102; *Виноградов П.Г.* Местное самоуправление в Англии // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 56–60.

⁷⁰⁴ *Болдовский А.Г.* Возрождение прихода (обзор мнений печати). СПб., 1903. С. 20–24.

⁷⁰⁵ *Шаховской М.Л.* Мелкая земская единица: Доклад, прочитанный в Харьковском отделении «Русского собрания» 27 февраля 1904 г. Харьков, 1904. С. 11–12, 14; *Блеклов С.* Вопрос о мелкой земской единице в земствах, комитетах о сельско-хозяйственной промышленности и общественных собраниях за 1902 г. и начало 1903 г. С. 134–138.

⁷⁰⁶ *Болдовский А.Г.* Возрождение прихода (обзор мнений печати). С. 19–24.

тельствам. С таким проектом в 1901–1902 гг. выступил председатель Козельской уездной Калужской губернии земской управы А.Н. Ергольский. Он предлагал включить попечительства в систему земских органов, передать их под наблюдение уездных земских собраний, расширить программу деятельности попечительств, предоставить им инициативу в изыскании средств. Интересно, что одним из пунктов этого проекта предполагалось дать всем членам причта постоянное содержание⁷⁰⁷. Козельская инициатива была созвучна проекту славянофила А.И. Кошелева, который будучи противником мелкой земской единицы, в начале 1880-х гг. предлагал реформировать местное управление на базе приходских попечительств, расширив их полномочия и создав по их образцу дорожные, санитарные и др. добровольные попечительства⁷⁰⁸.

Нужно сказать, что идея дать приходу как органу местного самоуправления полномочия по обустройству экономической жизни населения была популярна в славянофильских и близких к консервативному народничеству кругах на рубеже XIX–XX вв. Особенно активно ее популяризировал С.Ф. Шарапов, публицист-неославянофил, издатель газеты «Русский труд», резко полемизировавшей с экономической политикой Министерства финансов С.Ю. Витте. С.Ф. Шарапов и публицист К.Ф. Одарченко считали, что приход, обладающий не только церковной, но и административной, судебной, полицейской и экономической самостоятельностью, должен выступать как орган беспроцентных ссуд и мелкого кредита, а также местной хозяйственной кооперации. Тем самым, по их мнению, капиталистическая стихия была бы поставлена под контроль религиозного начала, и экономическое развитие страны не входило бы в противоречие с христианской идеей «не давать в обиду сирого и убогого»⁷⁰⁹. Однако значительная часть земцев скептически смотре-

---

⁷⁰⁷ *Бажаев В.Г.* Развитие вопроса о мелкой земской единице в земской среде в новейшее время (1901–1902) // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 358.

⁷⁰⁸ *Гессен И.В.* Вопрос о мелкой земской единице в литературе (до 1901 г.). С. 434.

⁷⁰⁹ *Одарченко К.Ф.* Приход и братство. СПб., 1899; *Сулов М.Д.* Неославянофилы в борьбе с реформами С.Ю. Витте: экономическая утопия Сергея Шарапова // Вестник Пермского универси-

ла на подобные проекты, считая, что прежде чем включать приход в систему местного управления, надо восстановить жизнеспособность приходской общины именно как церковного института⁷¹⁰. Вот почему после первой русской революции внимание как земских деятелей, так и депутатов Государственной думы, в ряды которых влились многие активные земцы, снова и снова будет возвращаться именно к вопросу о возрождении прихода как такового.

Идеи, сформулированные земцами в 1860–1890-х гг., прежде всего, о необходимости добиваться самостоятельности прихода, о необходимости допуска прихожан к распоряжению церковными суммами и к выборам приходского священника, еще не раз встретятся нам уже в думском изводе. Имели ли земские проекты шанс на успех в новой исторической ситуации, через 20 лет после инициативы Д.Ф. Самарина и конотопского земства? Мы видели, что большинство епархиальных преосвященных ревниво оберегало свою прерогативу распоряжаться церковными суммами. Соответствующие примеры приведены уже у Д.Ф. Самарина. Впрочем, ситуация менялась и в 1900-х гг. – как мы увидим по их отзывам о направлениях церковной реформы – часть епископов уже готова была предоставить мирянам значительные полномочия по ведению церковного хозяйства. С другой стороны, чиновники духовного ведомства воспринимали взгляды земцев на перспективы возрождения православного прихода как «туман недоразумений» и были уверены в том, что любое вторжение земских деятелей и вообще мирян в приходскую сферу станет началом «полного разложения этой клеточки церковного организма»⁷¹¹. Но, как представляется, главное препятствие на пути земских инициатив лежало в другой плоскости. Конотопский проект материального обеспечения членов причта отчетливо показал, что местное духовенство смотрело на земства крайне настороженно. Современники обвиняли белое духовенство и в том, что оно категорически настроено против «самоправно-

---

тета. 2009. Вып. 2(9). С. 106–107; *Болдовский А.Г.* Возрождение прихода (обзор мнений печати). С. 20–22. О С.Ф. Шарапове см. также: *Suslov M.* ‘Slavophilism is True Liberalism’: The Political Utopia of S. F. Sharapov (1855–1911) // *Russian History*. 2011. № 38. Pp. 281–314.

⁷¹⁰ *Гессен И.В.* Вопрос о мелкой земской единице в литературе (до 1901 г.). С. 434а.

⁷¹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 137. Лл. 466–466 об.

сти прихода», усматривая в этом признаки его чиновничьей психологии⁷¹². Но вопрос был не только в этом, хотя в какой-то степени современники были правы. Судьба конотопского проекта показала глубокую разобщенность общества. Сословные границы, ликвидированные *de jure*, продолжали существовать в социальных практиках и в сознании российского населения. Разобщенность общества, взаимное недоверие представителей разных его групп, имели место и внутри Церкви, и, думается, были большим препятствием на пути земских проектов переустройства прихода, чем сопротивление духовного ведомства.

§ 11. Научная и публицистическая подготовка приходских преобразований

В дискуссиях вокруг православного прихода, которые вели земства и чиновники духовного ведомства, обе стороны исходили из некоего идеального понимания прихода. Одни такое идеальное состояние видели в древней, допетровской Руси, и в таком взгляде чувствовался отголосок славянофильских воззрений⁷¹³. Оппоненты же такой точки зрения критиковали допетровские порядки и так или иначе признавали нормальным положение прихода во второй половине XIX в. Такое положение сохранялось до начала работ предсоборных совещательных органов, когда выявились и другие позиции. В обоих случаях речь шла об интерпретации истории, в частности, истории древнерусского прихода. Уже выводы Д.Ф. Самарина о земском характере древнерусского прихода базировались на интерпретации конфликта XVII–XVIII вв. псковских старост с местным архиереем; принципиально другое толкование этого конфликта давали его оппоненты из духовного ведомства. В этой ситуации изыскания в области истории православного прихода в России приобретали особую актуальность.

---

⁷¹² Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. С. 92.

⁷¹³ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978; Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986; Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.

Исследования П.В. Знаменского

Первой такой работой была книга Петра Васильевича Знаменского⁷¹⁴ «Приходское духовенство на Руси». Работа была структурирована тематически, и части ее (материальные средства, повинности, администрация, образование приходского духовенства в древней Руси и др.) печатались в периодике 1860-х гг.⁷¹⁵ Исследование П.В. Знаменского было первым и до последнего времени единственным трудом о приходском духовенстве в допетровской Руси. Он носил фундаментальный характер и до сих пор используется историками⁷¹⁶. Конечно, основной акцент ученый делал именно на истории духовенства, поэтому приходская организация допетровской Руси была рассмотрена им в самых общих чертах и только на материале севера России XVII в.

П.В. Знаменский исходил из того, что весь строй древнерусской жизни носил общинный характер, а приход и община были тождественны друг дру-

---

⁷¹⁴ Петр Васильевич Знаменский (27.03.1836–2.05.1917) родился в Нижнем Новгороде в семье диакона. С 1860-х гг. преподавал на кафедре церковной истории Казанской духовной академии и на историко-филологическом факультете Казанского университета, в библиотеке Казанской академии заведовал богатейшим собранием книг Соловецкого монастыря (перевезенных сюда в 1855 г. во время Крымской войны ввиду опасности вторжения английского флота на север Российской империи), был редактором и цензором академического журнала «Православный собеседник». Особенную известность приобрел в связи с написанным им пособием «Руководство к русской церковной истории», которое выдержало в целом семь изданий и было удостоено премии митрополита Макария (Булгакова). Степень доктора церковной истории получил за книгу «Приходское духовенство со времен реформы Петра». В 1892 г. избран почетным членом Казанского университета и, по представлению В.О. Ключевского, удостоен *honoris causa* ученой степени доктора русской истории Московский университета. В том же году избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности; являлся почетным доктором всех четырех Духовных академий, членом целого ряда научных обществ. В 1906 и 1908 гг. избирался членом совета право-монархической организации «Казанский отдел Русского Собрания»; был одним из вдохновителей и активных членов казанской миссионерской общественной организации «Братство святителя Гурия».

⁷¹⁵ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси // *Православное обозрение*. 1866. Т. 21. № 9–10. С. 1–35, 131–169 (2 пагин.); 1867. Т. 22. № 1–4. С. 62–90, 181–221, 307–322, 476–500 (1 пагин.); *Знаменский П.В.* О способах содержания духовенства в XVII и XVIII столетиях // *Православный собеседник*. 1865. Ч. 1. С. 145–188; *Знаменский П.В.* Об отношении гражданской власти к русскому духовенству в XVII–XVIII столетиях // *Православный собеседник*. 1865. Ч. 2. С. 290–302; *Знаменский П.В.* О сборах с низшего духовенства русского в казну епархиальных архиереев в XVII–XVIII столетиях // *Православный собеседник*. 1866. Ч. 1. С. 37–55; *Знаменский П.В.* О поступлении в России на церковные должности в XVII и XVIII столетиях // *Православный собеседник*. 1866. Ч. 2. С. 124–136; *Знаменский П.В.* Об отношении русских священно- и церковнослужителей к приходам // *Православный собеседник*. 1867. Ч. 1. С. 6–27.

⁷¹⁶ Ср.: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 19 и др.

гу. В этой ситуации храм как центр всей общинной жизни сообщал религиозную санкцию и хозяйственным, и административным связям прихожан между собой. Соответственно община пользовалась правами самоуправления, которые распространялись и на приходскую церковь. В этой ситуации единства местной общины приходское духовенство испытывало сильное и постоянное влияние земства. Фактически, священник и причт выступали как земские выборные люди, чувствовавшие себя частью общины и имевшие право голоса в ее делах. Однако с XVI в., с постепенным усилением государственной централизации управления, с точки зрения П.В. Знаменского, происходил упадок земского значения приходского духовенства. Право выбора священника со стороны прихожан превращалось в «злоупотребление», в наем за более дешевую плату. Потеря связи с земством вела к развитию наследственности в среде духовенства, к формированию духовного сословия. Одновременно падало благосостояние причтов, священник впадал в положение раба. П.В. Знаменский яркими красками рисует это отчуждение клириков от прихода и их приниженное положение, которое уже вполне сформировалось, по его мнению, к концу XVII в. Тогда приходское духовенство, по его словам, «представляло из себя толпу пролетариев, церковных поденщиков, день за днем пробивавшихся исправлением обряда как работою»⁷¹⁷. Поэтому «бедность, унижение и упадок нравственных сил» среди священнослужителей «идут быстрыми шагами до самого XVIII в., когда совершилось окончательное унижение духовенства»⁷¹⁸.

Итак, в концепции П.В. Знаменского именно дезинтеграция земской и церковной общины – шедшая под влиянием государственной централизации – была причиной кризиса приходской жизни и отчуждения духовенства от паствы. Порядок, когда управление приходом находилось в руках местной общины, он явно считал образцовым. Однако такой взгляд сформировался у ученого под влиянием довольно специфической группы источников – доку-

---

⁷¹⁷ Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. 1867. Т. 22. № 4. С. 499.

⁷¹⁸ Там же. 1866. Т. 21. С. 169.

ментов, свидетельствующих о приходской жизни Новгорода, Пскова и севера Руси с их традициями самоуправления. Наблюдения, сделанные на этом материале, П.В. Знаменский распространил на всю территорию страны. Современные исследователи древнерусского прихода считают такую картину односторонней. В ней явно преувеличено земское значение приходского духовенства, равно как и степень его последующего падения⁷¹⁹. Между тем для своего времени это была выдающаяся работа, построенная на максимальном охвате опубликованного к тому времени материала. Основываясь на известном тогда круге источников, к аналогичным выводам приходили и другие исследователи⁷²⁰.

Точка зрения П.В. Знаменского обусловила многие суждения последующей науки и общественной мысли. Его выводы, хотя и в смягченном виде, были усвоены официальной церковной историографией (в частности, митрополитом Макарием (Булгаковым)). Явная идеализация казанским профессором древнерусского прихода находила отклик в славянофильски ориентированных кругах. Взгляд П.В. Знаменского на приход и духовенство как на часть земства подпитывали суждения, которые мы видели, например, у земцев, в частности, их убежденность в том, что духовенство и приходская организация должны рассматриваться как часть общества. Нарисованная им картина – вольно или невольно – подталкивала к сравнению с господствовавшими синодальными порядками, задавала эталон, с которым сравнивалась жизнь прихода второй половины XIX в.

Сам П.В. Знаменский в следующей своей книге постарался показать генезис того печального состояния, в котором находилось современное ему духовенство⁷²¹. Монография, посвященная приходскому клиру синодального периода, также строилась по проблемно-тематическому принципу. В ней он

---

⁷¹⁹ См.: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 20, 28 и др.

⁷²⁰ См.: *Виноградов Н.Я.* Исторический очерк древнерусского сельского прихода. Тамбов, 1868.

⁷²¹ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань, 1873.

прослеживал борьбу выборного и наследственного начала при формировании клира, стремление государства регламентировать численность духовенства путем введения приходских штатов, развитие гражданских прав духовенства, его отношение к епископам и способы его содержания. В заключение этой работы он высказывал сдержанный оптимизм по поводу мероприятий александровского царствования, направленных на активизацию деятельности приходов через организацию приходских попечительств. Причем организацию попечительств, приходских советов, братств он расценивал именно как «пробуждение общественного движения приходской жизни»⁷²², совпадая в такой оценке с Д.Ф. Самариним. Последующие научные изыскания по истории приходского духовенства и прихода в целом оставались в русле, проложенном казанским ученым. (Ситуация изменилась в 1900-е гг., но об этом мы скажем в своем месте.) А в интересующей нас теме тон все сильнее задавали публицистические выступления.

Статьи протоиерея Александра Иванцова-Платонова

В 1882 г. в газете «Русь», издававшейся И.С. Аксаковым, была напечатана серия статей профессора Московского университета протоиерея Александра Иванцова-Платонова (1835–1894) «О русском церковном управлении» (в 1898 г. они вышли отдельным изданием)⁷²³. Статьи эти писались как своего рода «церковная программа» этого славянофильского органа. Главной идеей, которую проводил их автор, была необходимость реализации соборности, соборного начала на всех уровнях церковной жизни и церковного управления. Организация прихода обсуждалась им в 9-й статье «О более правильном устройстве приходских и благочиннических собраний, епархиальных съездов и окружных епископских соборов». Ее особенность заключалась в том, что соборный институт – приходское собрание формально существовал в российском приходе, но на деле был абсолютно безжизненным. Испра-

---

⁷²² Там же. С. 849.

⁷²³ *Иванцов-Платонов А.М., прот.* О русском церковном управлении.

вить ситуацию отец Александр считал возможным, если привлечь прихожан не только к заботе о материальных нуждах храма и причта, но и к удовлетворению «нравственных потребностей прихода». Он скептически оценивал существующие приходские попечительства, поскольку им предоставлены дела, которые надлежит ведать не группе лиц, а всему приходу в целом:

Попытка такого рода учреждений, конечно, вызвана была желанием как-нибудь косвенными путями вызвать к жизни, как будто отдельно от прихода, такие отправления религиозно-нравственной деятельности, которые по существу своему должны быть прямым выражением самой приходской жизни, но на восстановление которых при нынешнем состоянии приходов и отношении их к высшей церковной администрации как будто не остается никакой надежды⁷²⁴.

Он считал, что не нужно создавать особые учреждения, когда необходимо восстанавливать нормальную жизнь в самом приходе. Более того, попечительства, по его мнению, создавали разделение, антагонизм между прихожанами, тогда как весь приход должен быть объединен общим делом. Руководителем приходских институтов должен быть выборный священник, действительным представителем мирян – церковный староста, в приходских собраниях должны участвовать все члены прихода, «а не избранные и почетнейшие лишь». Только для специальных приходских дел могут быть избраны особые люди: для наблюдения за школами, богадельнями, для участия в счете церковных сумм и т.д. При этом работа приходских институтов, по мнению отца Александра, должна быть лишена всяких формальностей, поэтому он высказывался против обязательной регламентации жизни прихода и даже против ведения протоколов приходских собраний⁷²⁵. Из его рассуждений видно, что он разделял взгляд славянофилов на необходимость выборности приходского духовенства и участия прихожан в ведении церковного хозяйства, хотя и не входил в детальное обсуждение этих вопросов.

---

⁷²⁴ Там же. С. 54.

⁷²⁵ Там же. С. 53–55.

Публицистика А.А. Папкова

Но самым известным, влиятельным и плодовитым автором рубежа XIX–XX вв., писавшим по приходскому вопросу, был Александр Александрович Папков⁷²⁶. По своим взглядам, обусловившим его понимание приходского вопроса, он был близок славянофилам. Русская «свободная община» была его идеалом. Он именовал ее основной формой русского народного быта, источником всех добровольных союзов, оказавшим «могущественное и неотразимое» влияние на все формы народной деятельности. Общинное начало на Руси, по его словам, обеспечивало уравнение прав трудящегося класса и примирение социальных несовершенств⁷²⁷. Оно пронизывало все сферы человеческой деятельности, в том числе – религиозную. А.А. Папков настаивал на присутствии общинных начал в религиозной деятельности сла-

---

⁷²⁶ Александр Александрович Папков (2.10.1852 (до другим данным: 20.10.1853) –1920) происходил из семьи мелкого чиновника придворного ведомства, дослужившегося до потомственного дворянства. В 1865–1874 гг. учился в Императорском училище правоведения, позднее – в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте (закончил в 1898 г., в 1916 г. стал его почетным членом). Служил в Министерстве юстиции, в канцелярии Варшавского генерал-губернатора, затем – в судебном ведомстве, был членом Санкт-Петербургской судебной палаты, с 1903 г. служил в Великом княжестве Финляндском. С 18 января 1904 г. по 21 марта 1904 г. и с 26 июля 1904 г. по 4 декабря 1905 г. был губернатором Тавастгусской губернии Великого княжества Финляндского (располагалась в юго-западной части княжества к северу от Ньюландской губернии, на территории которой находился Гельсингфорс). Позднее занимал второстепенные должности в Министерстве юстиции, внутренних дел и народного просвещения, одновременно был членом и руководителем нескольких общественных организаций, занимавшихся христианским просвещением и благотворительностью. В 1906–1907 гг. был членом Предсоборного присутствия и Особого совещания для разработки проекта о православном приходе. Трижды (в 1900, 1902, 1904 гг.) выдвигал свои труды на премию имени митрополита Московского Макария (Булгакова) и дважды получал половинную премию. В 1916 г. выступил с инициативой учреждения Русского историко-археологического института в Стокгольме (по аналогии с подобным институтом в Константинополе) для развития научно-общественных связей между Россией и Швецией и для усиления российского влияния в Скандинавии в противовес немецкому; как представитель Императорского русского исторического общества выехал в Швецию, где находился и в первой половине 1917 г. В 1917 г. был членом Предсоборного Совета и членом Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., участвовал в работе Отдела о благоустройении прихода. В декабре 1917 г. уехал из Москвы в Ростов-на-Дону, затем – за границу. См. в частности: РГИА. Ф. 472. Оп. 34 (324/1126). Д. 30. Лл. 31–36; РГИА. Ф. 1405. Оп. 524. Д. 1317; РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 455; РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1091. 1909 г.; РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 121; РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 86.

⁷²⁷ Папков А.А. Древнерусский приход: Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII в. и в Западной России до XVII в. // Богословский вестник. 1897. Т. 1. № 2. С. 251–252. См. также: Папков А.А. Несколько замечаний по истории древне-русской общины. (Лекция, читанная в Русском Собрании 13 ноября 1901 г. в отделе «народного права»). Из журнала «Вестник права» (Декабрь 1901 г.). СПб., 1901.

вян еще языческого времени⁷²⁸. Поэтому и приход для него, как и для Д.Ф. Самарина и последующих земцев, – часть общественного, потому что общинного устройства. «Свободной» он называл русскую общину не потому, что она была свободна от государственных повинностей – напротив, он неоднократно подчеркивал, что государство стремилось опереться на общину в управленческих и фискальных целях, – но потому, что она была самостоятельна в своем внутреннем обустройстве, т.е. была самоуправляющейся.

Идея общинного самоуправления была коньком А.А. Папкова. Именно этот принцип, как мы увидим, он положил в основание своей концепции переустройства православного прихода. Но в этом смысле его и его последователей нельзя причислять к «обновленцам» и «демократизаторам» прихода. Источник его концепции – не проекция сословных интересов на приход (как собственно было у священников-«обновленцев») и не теории политического либерализма, перенесенные на церковную почву. Скорее, он ближе к «консервативным народникам» – С.А. Рачинскому, Н.И. Ильминскому, которым покровительствовал К.П. Победоносцев⁷²⁹. Энергия и писательская плодовитость А.А. Папкова ввели на рубеже XIX–XX вв. приходский вопрос в поле зрения самых широких кругов – как церковного, так и светского общества, а также правительственных сфер. Остановимся на наиболее заметных работах А.А. Папкова, изданных до 1905 г.

Одной из первых и самых известных работ А.А. Папкова был очерк «Древнерусский приход», напечатанный в 1897 г. в журнале Московской духовной академии «Богословский вестник». Автор, как мы сказали, усматривал религиозную функцию в общинной жизни древних славян еще языческого времени. По мнению А.А. Папкова (которое он иллюстрировал на материале западных славян), уже языческие капища обладали практически всей

---

⁷²⁸ Папков А.А. Древнерусский приход. Т. 1. № 2. С. 253.

⁷²⁹ Михайлов А.Ю. Дискуссия о реформе православного прихода в начале XX в.: альтернативный проект И.С. Бердникова // Информационные научно-образовательные ресурсы ГАГУ. [Электронный ресурс]. URL: e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2005/16.doc (дата обращения: 16.04.2019); Ореханов Г.Л. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002; Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

«приходской» инфраструктурой: им были пожертвованы общинные земли, от общин они получали постоянные или единоразовые приношения, в них организовывались общинные пиры, которые имели, в том числе, благотворительный характер. Христианский храм занял место разрушенных святилищ, а русская община и в новой вере приобрела религиозный характер, стала общиной-приходом⁷³⁰. Основные характеристики древнерусской общины-прихода, с точки зрения А.А. Папкова, были таковы. Община сама строила и содержала храм путем складчины – обязательного самообложения своих членов, а затем распоряжалась его имуществом через выборного церковного старосту, который был ответственен за свои действия перед общиной. Она выбирала и содержала священника, который – как подчеркивал А.А. Папков – был членом общины, своим человеком в приходе и занимал здесь почетное и влиятельное положение. Основой такого влияния, по мнению нашего автора, была «солидарность житейского обихода» духовенства и прихожан, активная роль духовенства в земских делах, то, что духовные не составляли «замкнутой касты» со своими узко-сословными интересами. Вокруг храма на счет общины существовала благотворительная («кельи нищих», «вдовьи дворы», «убогие дома» – кладбища для бедных) и просветительская (школа и библиотека) инфраструктура. Община-приход осуществляла надзор за нравственностью своих членов, причем не только за общественным поведением, но и за их семейной жизнью. Община выступала также как братчина – «организованный церковно-приходский союз», занимавшийся организацией «складочных пиров», приуроченных к приходским праздникам. Кроме того, община-приход была и административной единицей, податным и судебным округом. А.А. Папков настаивал на распространении этих обычаев на всей территории допетровской Руси, причем не только московской, но и юго-западной, находившейся на территории Великого княжества Литовского⁷³¹.

---

⁷³⁰ Папков А.А. Древнерусский приход. Т. 1. № 2. С. 253–255.

⁷³¹ Там же. С. 257–259 (пожертвования в пользу приходской церкви), 263–265 (управление имуществом), 260–263, Т. 2. № 4. С. 47 (положение духовенства в приходе), Т. 1. № 2. С. 266–270 (административное значение прихода), 271–275, Т. 2. № 4. С. 46 (приходская благотворитель-

В истории юго-западной Руси его особенно интересовала история церковных братств, поскольку в их деятельности он видел яркое проявление общинного начала. Истории этих объединений А.А. Папков посвятил еще одну серию очерков, которые печатались в том же «Богословском вестнике» в 1897–1899 гг., вскоре по окончании публикации очерков о древнерусском приходе. Позднее они вышли отдельным томом, составив более 400 страниц⁷³². В фокусе его внимания была история братств с 80-х гг. XVI в. по середину XVII в. Этому периоду он посвятил шесть очерков. Еще один был посвящен общему обзору религиозной ситуации в Великом княжестве Литовском до XVII в. (он стал введением к отдельному изданию), а другой – истории братств в конце XVII–XVIII вв. Возникновение братств А.А. Папков связывал с развитием института братчин, или «медовых братств», которые, как мы помним, по его мнению, были одним из важных проявлений жизни древнерусской общины⁷³³. Успешную долговременную деятельность братств А.А. Папков рассматривал как проявление «общественной самодеятельности», которая была бы невозможна без самостоятельности этих объединений. Последняя была залогом их жизнедеятельности. Когда же после вхождения Малороссии в состав империи эта местная общественная самостоятельность стала утрачиваться под натиском административной централизации, нового порядка уездного управления, когда все, что носило печать самоуправления, стало считаться самоуправством, сходки – опасными собраниями, сычение меда – бражничеством, ушла в прошлое и «самодеятельность» братств. Их членам – замечает А.А. Папков вслед за одним из малороссийских священников – оставалось лишь стоять с особыми свечами по праздникам⁷³⁴.

ность), Т. 1. № 2. С. 271–284 (просветительская деятельность) 275, Т. 1. № 3. С. 386 (надзор за нравственностью членов), 382–395, Т. 2. № 4. С. 45 (братчины).

⁷³² Папков А.А. Братства. Очерк истории западно-русских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900.

⁷³³ Папков А.А. Древнерусский приход. Т. 2. № 4. С. 59–62; Папков А.А. Братства. С. LV–LVIII. Ср.: Харлампович К.В. Западнорусские церковные братства и их просветительная деятельность в конце XVI и в начале XVII веках // Христианское чтение. 1899. № 2. С. 372–373.

⁷³⁴ Папков А.А. Братства. С. 289 и сл.

Практически одновременно с публикацией в «Богословском вестнике» работы «Древнерусский приход» А.А. Папков напечатал в журнале «Русский вестник» свой очерк о древнерусских погостах⁷³⁵, в котором рассмотрел устройство прихода допетровской эпохи под другим углом зрения. Для него не составляло сомнения, что погосты северо-запада и севера Руси были и самоуправляющимися приходами. Но теперь ему важно было показать, как погосты-приходы функционировали в качестве территориально-административной и податной единицы, включенной в управленческие и фискальные отношения с вышестоящими государственными и церковными структурами. Он писал, что погосты имели четко очерченные территориальные границы, с ясным для властей составом населения, на которое были возложены гражданские и церковные повинности. Они пользовались правом раскладки повинностей, причем повинности раскладывались на всех жителей погоста, как крестьян, так и помещиков, поэтому погосты были единицами сословными. На сословный их характер указывало, по мнению автора, и то, что выборы погостанских должностных лиц и духовенства также осуществлялись жителями погоста, принадлежавшими ко всем сословиям. Погосты также пользовались правом непосредственного обращения к высшей гражданской и церковной власти, заявляли о своих нуждах, которые часто удовлетворялись. А.А. Папков доказывал, что вышестоящая власть была заинтересована в стабильном существовании погоста-прихода и заботилась о его социальном единстве – «чтобы богатые и сильные люди в погосте не теснили бедных и слабых»⁷³⁶.

По убеждению нашего автора, идея о погосте-приходе как «об ячейке русского государственного организма» была так «живуча и сильна», что отразилась и в «Общем положении о крестьянах», конституировавшем самоуправление крестьян после их освобождения от крепостной зависимости. А.А. Папков имел в виду ст. 43–45 Положения, согласно которым крестьян-

---

⁷³⁵ Папков А.А. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в северной России. (Отдельный отиск из журнала «Русский вестник»). М., 1898.

⁷³⁶ Там же. С. 49.

ская самоуправляющаяся волость должна была совпадать с церковным приходом, а при малочисленности прихода несколько приходов должны были соединяться в одну волость, но приход не мог быть разделен между разными волостями. При этом он явно склонялся к мысли, что «завершением» крестьянской реформы должно стать создание «такого наименьшего по пространству общественного округа, в котором управление было бы общесловным, ко взаимной пользе всех местных обывателей»⁷³⁷. Он также задавался вопросом:

Не следует ли считать религиозно-нравственную связь жителей «прихода-округа» такую созидательную общественную связью, которая, получив наилучшие условия для своего еще большего закрепления, помогла бы в свою очередь делу объединения экономических интересов местных обывателей, обоснованию их гражданской равноправности и учреждению соответствующего местного управления?⁷³⁸

А.А. Папков осторожно замечал, что вопрос этот требует исследования и дальнейшего обмена мыслями «в нашей журналистике», но совершенно очевидно, что он подводил своего читателя к мысли о возможности отождествления православного прихода и всесословной мелкой административной единицы, а нарисованная им картина бытия древнерусских погостов как будто давала ему для этого веские основания.

Нашему автору нельзя было отказать в упорстве и систематичности, с какими он проводил свою идею. От древнерусской проблематики А.А. Папков перешел к рассмотрению истории прихода в синодальный период. В двух книгах 1899–1900 гг., также первоначально опубликованных как серии статей в «Русском вестнике», он дал картину сначала «упадка», а затем – «начала возрождения» церковно-приходской жизни в России⁷³⁹. В последней из них он с обширными цитатами из официальных документов той поры реконструировал попытку правительства Александра II оживить приходскую ини-

---

⁷³⁷ Там же. С. 45–47.

⁷³⁸ Там же. С. 47.

⁷³⁹ Папков А.А. Упадок православного прихода в XVIII–XIX вв. М., 1899; Папков А.А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900.

циативу путем создания приходских попечительств. Примечательно, что здесь А.А. Папков связывал начало этой приходской реформы не с планами правительства улучшить материальное положение приходского духовенства, а с проведением крестьянской реформы, точнее – с созданием нижней единицы крестьянского самоуправления – волости. В этой связи он повторял свою прежнюю мысль о том, что приход в будущем может стать основой всеобщей административной единицы.

С особым вниманием наш автор останавливался на отзыве на проект положения о попечительствах главноуправляющего II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии барона М.А. Корфа, который он называл «замечательной запиской» и в котором можно было найти ряд тезисов, столь близких самому А.А. Папкову. Так, взгляд на приход как на возможную переходную ступень к всеобщему местному управлению содержался уже в отзыве М.А. Корфа. Кроме того, главноуправляющий II отделением предлагал привлечь попечительства к «некоторому участию» в выборе священника, предоставить им право посредничества при конфликтах, особенно – между причтами и прихожанами (т.е. своего рода право примирительного братского суда), дать им полную внутреннюю самостоятельность, а также привлечь проектируемые земства к их организации⁷⁴⁰. Все эти предложения были созвучны и идеям нашего автора. Но все они не нашли отражения в окончательной редакции Положения о приходских попечительствах. Понятно, что А.А. Папков подверг критике, хотя и достаточно сдержанной, окончательную редакцию Положения и вообще финал деятельности Присутствия по делам православного духовенства – коллегиального органа, разрабатывавшего проекты церковных преобразований александровского царствования.

Он видел непоследовательность в деятельности Присутствия, указывая на то, что оно не пошло на изменение Инструкции церковным старостам

---

⁷⁴⁰ Там же. С. 4, 19–25, 44. См. также: *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 341–347.

1808 г., хотя знало ее изъяны, оставило церковное имущество и доходы вне контроля попечительств, хотя первоначально допустило такой контроль со стороны церковных советов северо-западного края, отказало попечительствам в участии в выборе духовенства, хотя должно было понимать теснейшую связь между обязанностью прихожан давать материальное содержание причтам и правом выбора их членов. Причины такой непоследовательности он называл прямо «непонятными» и констатировал, что Присутствие «сильно поколебалось в своей мысли о предоставлении православному приходу самостоятельности и самодеятельности», что его члены испытывали «недостаток доверия к создаваемому учреждению и призываемым на дело общественным силам». А это подорвало самостоятельность и уменьшило успех новосозданной организации⁷⁴¹.

Проект приходского устава А.А. Папкова

Однако все исторические изыскания, предпринимавшиеся А.А. Папковым, были только прелюдией к главному начинанию, которое он явно мечтал осуществить, – к переустройству современного ему православного прихода. Подвергнув критике приходские преобразования 1860-х гг., он сам предложил план такого переустройства, опубликовав его в июне 1902 г. сначала в «Русском вестнике», а затем – и отдельной брошюрой под названием «Необходимость обновления православного церковно-общественного строя»⁷⁴². Самой существенной ее частью был «Проект постановлений о церковно-приходском собрании и церковно-приходском совете православных приходов в России», т.е. фактически – проект приходского устава. Как признавался сам автор, его проект представлял собой адаптацию к собственно российским условиям проекта «О церковной сходке и церковном совете православных приходов Финляндии», который в этот момент как раз обсуждался духовенством Выборгской епархии (см.: Глава 2 § 12). Проект А.А. Папкова состоял

---

⁷⁴¹ Папков А.А. Начало возрождения... С. 41–49.

⁷⁴² Папков А.А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб., 1902.

из 42 параграфов, объединенных в 3 главы: общие правила, о церковно-приходском собрании, о церковно-приходском совете. Характерно, что в проекте не содержалось определения прихода, а давалось определение прихожанина: к ним относились «лица православного исповедания» проживающие в пределах прихода, а также вне его, но причисленные к нему по их желанию. Все прихожане должны были быть записаны в «главную книгу прихода», которую вел бы его настоятель и в которой содержался бы список прихожан со сведениями о них, содержащимися в метрических книгах. Расходы прихода должны были покрываться средствами, «находящимися для этой цели в его распоряжении». Должны ли в сферу распоряжения прихода входить и церковные средства, в проекте прямо не говорилось, но – как мы понимаем – подразумевалось. Приход, с точки зрения автора, должен был обладать правом самообложения, обязательного для всех прихожан, хотя слово «самообложение» в проекте и не фигурировало. Однако упоминался «раскладочный список» прихожан и право прихода делать дополнительные сборы, сборы на несколько лет и даже займы, все это – с разрешения епархиальной власти. Сборы должны были платиться «согласно достатку» каждого члена прихода. Как видим, приход мыслился А.А. Папковым как обладающий правом юридического лица.

Церковно-приходское собрание он планировал собирать два раза в год в обязательном порядке, а также дополнительно – в экстренных случаях, председателем его должен был стать приходский священник. Он обладал правом удалить из собрания любого его члена, нарушающего ход собрания, а также распустить его, если порядок в собрании не мог быть восстановлен. Право участия в собрании имели все прихожане – мужчины и женщины «беспорочного поведения», совершеннолетние, «участвующие в увеличении приходского имущества и доходов путем сбора и дарения, или же путем какого-либо личного труда на пользу прихода» (§ 10 проекта). Каждый член собрания обладал одним голосом, который мог быть передан по доверенности. В объявлении о собрании, которое делалось заранее, обязательно должны были ука-

зываются дела, выносимые на собрание. Вопрос, не обозначенный в повестке дня, мог быть решен только на другом собрании.

Для решения текущих дел предлагалась следующая процедура. После обсуждения каждого из них, председатель должен был предложить собранию один или ряд вопросов «относительно решения оногo», на которые можно было бы ответить «да» или «нет». Видимо, предполагалось, что такие ответы будут единодушны, а принятое таким образом решение будет результатом консенсуса. Впрочем, члены собрания могли потребовать и провести голосование, каковое в таком случае должно было осуществляться открытой подачей голосов. Тайным голосованием должны были только выбираться должностные лица прихода. В компетенцию собрания входили: выбор этих лиц (кандидата на должность старосты, членов приходского совета – мирян, представителей при высылке церковных кружек), утверждение финансовых документов и раскладочного списка прихожан, утверждение сметы расходов и их проверка в конце года, назначение дополнительной проверки приходской отчетности, ведение дел по содержанию храма, дома причта, других учреждений прихода, кладбища. Собрание должно было давать заключение на требование о разделе прихода или о создании нового. Наложение дополнительных сборов, заключение займов и продажа приходского имущества или изменение порядка использования имущества, пожертвованного на определенные цели, должно было осуществляться с разрешения епархиальной власти. На собрании должен был вестись протокол, который потом зачитывался в церкви. Обжаловать решение собрания можно было в течение месяца перед епархиальной властью.

Приходский совет, по проекту, состоял из всех священников прихода, церковного старосты и выборных прихожан в числе, определяемом приходом, но так, чтобы их число было четное и превышало число постоянных, не выборных членов. Избираться в совет мог член приходского собрания не моложе 25 лет, не находящийся под опекой и не имеющий обязательств перед кредиторами. Тем самым, его членами могли быть и женщины, по крайней

мере, те, кто вел свое самостоятельное хозяйство. Выборные члены совета избирались на 4 года, с выбытием половины из них каждые 2 года, но с правом нового избрания. Председателем совета должен был стать настоятель прихода, а в случае его отсутствия – один из членов совета по его выбору. На заседания совета могли приглашаться другие члены прихода без права голоса. Заседание совета считалось правомочным, если на нем присутствовало более половины его членов, причем число выборных превышало число постоянных.

В компетенцию совета входило: заведывание приходским имуществом, составление отчетности по приходу, подготовка финансовых документов, включая раскладочный список. Совет должен был принимать пожертвования, взимать сборы, избирать уполномоченных, предлагать приходскому собранию проекты о нуждах прихода, давать предварительное заключение по делам, вынесенным на собрание, приводить в исполнение решения собраний. Совет назначал из своей среды казначея, который мог пользоваться вознаграждением за свою работу. Деятельность других членов совета была бесплатной. На его заседаниях должны были вестись протоколы. Совет был ответственен перед приходским собранием, а каждый член совета был ответственен вместе с прочими за деньги, вверенные совету, но не был обязан возмещать убытки, не им причиненные.

В целом этот проект А.А. Папкова надо признать достаточно осторожным. Приход выступал как самостоятельное юридическое лицо, что существенно отличалось от действовавших порядков, но в проекте отсутствовало прямое указание на распоряжение прихожанами церковным имуществом и на выборы священника. Церковный староста по-прежнему должен был утверждаться епархиальной властью: приходское собрание только предлагало кандидата на эту должность. Настоятель прихода руководил приходскими институтами. Право нравственного суда, которое могло бы иметь приходское собрание, в уставе не упоминалось, хотя в самой брошюре речь о нем шла.

Наш автор явно стремился избежать заведомо отрицательной реакции на свой проект.

Реакция на проект А.А. Папкова и его публицистические выступления

Публикации А.А. Папкова вызвали резонанс как в светской, так и в церковной печати. В 1898–1902 гг. более девяти крупных газет и журналов поместили на них отклики. Светская пресса в основном с сочувствием излагала идеи А.А. Папкова. Характерно, что авторы откликов сделали акцент на тех фрагментах его работ, где он подводил читателя к мысли о том, что возрожденный приход может стать единицей местного самоуправления. Работы нашего публициста были восприняты именно в контексте дискуссии о мелкой земской единице. Они дали новый импульс этой дискуссии и возродили интерес к приходскому вопросу в контексте проблем местного самоуправления. Вместе с тем, как отмечали современники, восприняв работы А.А. Папкова таким образом, светская пресса практически полностью упустила из вида церковный контекст приходской проблематики⁷⁴³. Такая авторитетная газета как «Новое время» даже прямо утверждала, что коль скоро «идет речь о приходе как низшей земской организации, то не может быть места ни богословским, ни каноническим вопросам»⁷⁴⁴.

Этот перекокс могли бы исправить церковные авторы, отреагировавшие на выступления А.А. Папкова. Однако церковная пресса, прежде всего, многочисленные епархиальные ведомости, и из светских изданий «Московские ведомости» восприняли его труды и особенно проект приходского устава настороженно. Хотя большинство духовных авторов признали вслед за А.А. Папковым кризисное состояние прихода, они были испуганы тезисом о необходимости предоставить приходу внутреннюю самостоятельность. В этом они видели покушение на весь существующий церковный строй. Не вызыва-

---

⁷⁴³ *Болдовский А.Г.* Возрождение прихода (обзор мнений печати). С. 19–21.

⁷⁴⁴ Там же. С. 24.

ли энтузиазма и идеи об избрании духовенства приходом и о предоставлении приходу права распоряжаться церковным имуществом. В связи с этим прозвучали ссылки на Священное Писание⁷⁴⁵ и на канонические постановления соборов, но особенно часто – на определение Синода 1884 г., изданное в связи с инициативой Московского земства⁷⁴⁶ (см.: Глава 2 § 10). В качестве выхода из кризисного состояния прихода эти авторы рекомендовали развивать деятельность приходских попечительств⁷⁴⁷.

Интересно, что авторы духовных изданий считали излишним предоставлять приходу права юридического лица, считая эту проблему надуманной. Но при этом некоторые из них вполне благосклонно отзывались о мысли сделать приход мелкой земской единицей. Они полагали, что это обратит внимание «всесословного приходского общества» к нуждам прихода и будет способствовать его церковному оживлению⁷⁴⁸.

Впрочем, в духовных изданиях появлялись и в целом положительные отклики на проект А.А. Папкова⁷⁴⁹. С таким откликом выступил профессор Московской духовной академии Н.А. Заозерский, уже и раньше, правда, довольно критично, откликнувшийся на работы А.А. Папкова⁷⁵⁰. Свои замечания к проекту он опубликовал в «Богословском вестнике» осенью 1902 г., вскоре после публикации проекта приходского устава. Он с удовлетворением отметил, что А.А. Папков на первый план выдвигает возрождение религиозно-нравственной жизни прихода и не отрывает приход от влияния и зависимости центральной и епархиальной власти, что «не самоуправления, а самодеятельности и жизнедеятельности желает он для прихода»⁷⁵¹. Между тем Н.А. Заозерский не считал, что введение устава сразу приведет к оживлению прихода

---

⁷⁴⁵ Прежде всего, на послание ап. Павла к Тимофею, где апостол призывает своего ученика: «Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах» (1 Тим 5:22).

⁷⁴⁶ *Болдовский А.Г.* Возрождение прихода (обзор мнений печати). С. 24–36.

⁷⁴⁷ Там же. С. 37–39, 54–55.

⁷⁴⁸ Там же. С. 36–37.

⁷⁴⁹ Там же. С. 52–54.

⁷⁵⁰ См.: *Заозерский Н.А.* Братское дело в православной России. С. 174–197 (2 пагин.).

⁷⁵¹ *Заозерский Н.А.* Замечания к проекту православного приходского управления: (По поводу брошюры: Папков А.А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб., 1902) // *Богословский вестник.* 1902. Т. 3. № 10. С. 207.

да. Он отмечал, что прихожане погружены в апатию, и любой устав может остаться только мертвой буквой. Поэтому – по его мнению – была необходима постепенность в применении устава на практике, введение устава в виде опыта в отдельных, может быть, столичных приходах.

Главный залог успеха приходских преобразований Н.А. Заозерский видел в готовности пастырей поддержать такие преобразования. Только от священников, писал он, зависит успех проектируемой А.А. Папковым реформы, смогут ли они подготовить прихожан к принятию на себя новых обязанностей. Но и самих приходских священников, по мнению московского профессора, следовало «успокоить», убедить их в том, что им не грозит стать в подчинение к прихожанам, «в каком находились пастыри древне-русского прихода», что напротив, прихожане обновленного прихода возьмут на себя часть их обязанностей, тяжесть которых теперь «положительно их давит»⁷⁵².

Сделал Н.А. Заозерский ряд замечаний и собственно по тексту устава. В частности, он настаивал на том, что слово «приход» должно быть заменено словом «церковь», но не в значении «храм», а в значении «община», чтобы официальное наименование прихода звучало как «церковь такого-то села или города». Церковь как здание он предлагал впредь именовать только «храмом». Очевидно, так он хотел способствовать развитию церковного, эклизиологического сознания прихожан. Н.А. Заозерский выступал категорически против «главной книги» прихода и против самообложения. Главная книга казалась ему излишней, поскольку есть исповедная ведомость. А самообложение он называл «немецкой или земской выдумкой», которая противна духу православия, поскольку жертва на церковные дела должна быть добровольна. Да и каким механизмом – замечал он – может располагать приход для взыскания сборов с неплательщиков, неужели он будет, «по примеру земских собраний, обращаться к содействию полиции и выбивать церковные подати и недоимки?»⁷⁵³

---

⁷⁵² Там же. С. 208–210.

⁷⁵³ Там же. С. 210–213.

Также профессор считал ненужными все ограничения, которые проект А.А. Папкова накладывал на участников приходских собраний, кроме возрастных. Как можно судить, замечал он, о «беспорочном поведении» или как измерить степень ревности прихожанина в увеличении приходских доходов? Голосование по приходским делам он считал абсолютно не нужным, поскольку голосование – это «превосходство силы», а церковные дела должны решаться лишь единогласно. Н.А. Заозерский подчеркивал, что приходские собрания должны иметь строго церковный характер и проходить в храме, во главе их должен стоять только клир, потому что мирские члены собрания и совета – не конкуренты клира, а «соразработники ему».

В заключение Н.А. Заозерский замечал, что А.А. Папков слишком сжато определил сферу деятельности приходских собраний, сведя ее фактически только к хозяйственным вопросам. Напротив, писал он, «церковноприходское собрание должно быть органом всей духовнонравственной или церковной жизни прихода». «Пусть каждый из членов прихода как брат братьям износит из души своей все вопросы своей недугующей совести – и богословские, и моральные, и семейные, и экономические “не для внесения в протокол” – избави от этого Бог, а в надежде получить облегчение от братского участия». Так действуют старообрядцы и сектанты, а Православная церковь проявляет «большую склонность променять родные ей братские собрания на чуждые ей чисто юридические с большинством и меньшинством, с журналами и протоколами»⁷⁵⁴.

Своеобразное участие в полемике принял иеромонах Михаил (Семенов). Ученик епископа Антония (Храповицкого), выпускник Казанской духовной академии в 1900 г. он находился в командировке в Константинополе для сбора материалов к диссертации. По возвращении в журнале Казанской академии «Православный собеседник» он опубликовал обширный «Очерк преобразования строя церковного управления в Константинопольском патриархате в 1858–1900 годах», в котором значительное место уделил приход-

---

⁷⁵⁴ Там же. С. 214–216.

скому строю⁷⁵⁵. Описание восточных приходских порядков с самого начала было поставлено в контекст русской полемики. О. Михаил писал, что тот приход, «святое и великое учреждение», который только желают видеть в России А.А. Папков и С.Ф. Шарапов, «жив здесь на востоке»⁷⁵⁶. Действительно, не трудно было увидеть, что приход Константинопольского патриархата представлял собой детище самоуправляющейся общины, которая сама строила храм, часто очень бедный, избирала священника из своих односельчан, как правило, такого же малообразованного, как и они сами, создавала приходскую кассу, устраивала школу для детей и приюты и богадельни для больных, стариков и бедных прихода. Управлял всеми делами прихода и сношлся с церковными властями избранный общиной «попечительский совет» – эпитропия, состоявший из 2–5 эпитропов. Рядом с ним мухтари выполнял обязанности нотариуса и вел сношения с турецкими властями, а эфоры – ведали школой и благотворительными учреждениями. Эти должностные лица также избирались приходским «обществом»⁷⁵⁷.

При этом автор очерка не закрывал глаза и на «оборотную сторону медали» приходской жизни. Речь шла о стесненном положении духовенства, которое находилось в полной, прежде всего, материальной зависимости от эпитропов и лучших прихожан, прокритов. Священники, фактически, были наемными обрядосовершителями, которых нанимали в приход за очень высокую плату и в случае какого-то взаимного неудовольствия могли изгнать из него с тем, чтобы нанять нового. Этому способствовала практика «свободных хиротоний», существовавшая в то время во Вселенском патриархате, то есть посвящений в священный сан вне какой-либо связи с конкретным приходом. Эта практика создала класс «свободных» священников, который

---

⁷⁵⁵ *Михаил, иеромонах*. Очерк преобразования строя церковного управления в Константинопольском патриархате в 1858–1900 годах // Православный собеседник. 1902. Июнь. С. 79–94. В 1906 г. он заявил о себе как о христианском социалисте и вступил в острый конфликт с Синодом; в 1907 г. перешел в старообрядчество, но продолжал активно выступать в прессе по проблемам внутрицерковной жизни господствующей Церкви, в том числе, по приходскому вопросу. С его выступлениями мы встретимся на нижеследующих страницах.

⁷⁵⁶ *Михаил, иеромонах*. Очерк преобразования строя церковного управления в Константинопольском патриархате в 1858–1900 годах. С. 79.

⁷⁵⁷ Там же. С. 79–81.

представлял собой то же, что и класс «крестцовых попов» допетровской Руси. Авторитет такого наемного обрядосовершителя был, разумеется, невысок. Он вел полунищенское существование, постоянно изобретая новые поводы для обращения к прихожанам за платой⁷⁵⁸.

Затем иеромонах Михаил подробно останавливался на усилиях Константинопольских патриархов, направленных на упорядочение приходского строя. Так, в 1877 г. была сделана попытка уничтожить практику «свободных хиротоний». В 1878 г. патриарх обратился с увещанием к приходским должностным лицам, призвав их не вмешиваться в сферу обязанностей священников, не злоупотреблять своим положением и удалять священников из приходов или производить крупные траты из церковных средств только с разрешения церковной власти. Эти положения вошли в приходский устав 1881 г. Издавая этот документ, патриархия пыталась взять под свой контроль назначение настоятелей церквей, урегулировать и сделать стабильными доходы клира. Кроме того, уставом вводились приходские штаты, обязательные должности иерокириков – проповедников, а также делалась попытка упразднить малочисленные приходы – сделать их храмы приписными⁷⁵⁹. Через 17 лет церковные власти проверили действенность постановлений 1881 г. и выяснили, что ни одно из них не соблюдалось даже в самом Стамбуле, в непосредственной близости от патриархии. Реформирование приходской жизни нужно было начинать сначала⁷⁶⁰.

Акты, изданные церковными властями Вселенского патриархата на рубеже XIX–XX вв., носили не столь радикальный характер, как законодательство 1870–1880-х гг. Практика «свободных хиротоний» по-прежнему считалась непозволительной, но попытки полностью упразднить приходские выборы уже не предпринимались. Речь шла скорее о их регламентации, о том, чтобы прихожане ходатайствовали о своих кандидатах, а не прямо требовали их рукоположения. Кроме того, регламентировались круг дел и процедура

---

⁷⁵⁸ Там же. С. 81–84.

⁷⁵⁹ Там же. С. 86–90.

⁷⁶⁰ Там же. С. 90–92.

работы приходских собраний. Церковные власти продолжали попытки увеличить размеры приходов и упрочить материальное положение приходских священников⁷⁶¹. Нетрудно увидеть, что действия властей Вселенского патриархата конца XIX в., по сути, носили тот же характер, что и действия церковных властей в России на рубеже XVII–XVIII вв.: речь шла об усилении епископского контроля над приходами и о ослаблении прав «общества» в приходской, религиозной сфере. Однако также очевидно, что у патриархии и епископов в Османской империи было меньше возможностей для оказания давления на приходские общины. Поэтому после неудачи первых радикальных попыток ограничить приходскую самостоятельность, последующие реформы носили уже более мягкий, компромиссный характер и были направлены на достижение разумного баланса между архиерейской властью и свободой приходских «обществ». Такая политика, как стремился показать автор очерка, обещала быть более эффективной.

Иеромонах Михаил рассказывал также об еще одном опыте реформирования приходской жизни, противопоставляя его политике Константинопольского патриархата. Речь шла о решении городского управления Афин, которое упразднило разделение на приходы, священников сделало, по сути, городскими чиновниками, получающими жалование и совершающими службы в том храме, в каком ему укажут городские власти, а также подчинило приходские школы ведению тех же городских властей⁷⁶². Такая реформа, отмечал автор очерка, хотя и создала экономически независимого священника, была «великим злом», поскольку теперь «христианин не знает своего храма, священник не имеет определенного стада», «новая система убивает любовь к храму, грозит уничтожением тем учреждениям, которые держались приходом»⁷⁶³.

---

⁷⁶¹ Там же. С. 92–94.

⁷⁶² Там же. С. 83–84.

⁷⁶³ Там же. С. 83.

Программа приходских преобразований А.А. Папкова

В самой тесной связи с проектом устава А.А. Папкова стоит «Докладная записка о необходимости восстановления “прихода” в качестве церковно-общественной единицы». Она была напечатана без обозначения имени автора, места и года издания. Однако по нашему мнению, автором ее с большой вероятностью следует считать А.А. Папкова, и издана она была, скорее всего, во второй половине 1902 г.⁷⁶⁴ «Докладную записку» фактически следует рассматривать как своего рода приложение к проекту приходского устава, опубликованного нашим автором в работе «Необходимость обновления православного церковно-общественного строя». В ней предлагались конкретные последовательные шаги по реализации приходской реформы, задуманной А.А. Папковым, тогда как в «Необходимости обновления...» излагались ее принципы и предлагался центральный инструмент реформы – приходский устав. Причем в записке содержалась косвенная отсылка к этому уставу, поскольку говорилось о необходимости издать «постановления о церковно-приходском собрании и церковно-приходском совете православных приходов в России», которые могли бы быть адаптацией к общероссийским церковным нуждам таких же правил для православных приходов Финляндии⁷⁶⁵.

---

⁷⁶⁴ На авторство А.А. Папкова, по нашему мнению, указывают, помимо совпадения практически всех основных идей «Докладной записки» и «Необходимости обновления», и текстуальные совпадения между ними, которые видны уже в заголовках этих работ: «церковно-общественный строй» / «церковно-общественная единица». Что касается датировки, то на с. 6 «Докладной записки» о XIX в. говорится, как о «прошлом столетии», что задает нижнюю временную границу создания этого текста (не ранее 1901 г.). О проекте правил о приходских собраниях и совете в Финляндии в «Докладной записке» говорится, что они «уже созданы» (с. 4), но не говорится о том, что они утверждены, о чем в записке, обращенной к императору, упомянуть было бы очень важно. Правила были утверждены 4(17) декабря 1905 г., однако ни революционные события, ни начало предсоборного движения в документе не упоминаются, хотя сам А.А. Папков в годы русской революции регулярно апеллировал к политической ситуации, доказывая необходимость неотложно приступить к приходской реформе. Более того, в «Докладной записке» не упоминается и императорский манифест от 26 февраля 1903 г., в котором ставилась задача сблизить «общественное управление» с деятельностью приходских попечительств, что было созвучно мыслям А.А. Папкова и придавало новую актуальность приходскому вопросу. Если бы он писал «Докладную записку» в 1903–1904 гг., манифест, скорее всего, был бы в ней упомянут. Таким образом, наиболее вероятной датой написания «Докладной записки» следует считать 1901–1902 гг. Представляется, что автор выпустил ее в свет во второй половине 1902 г., после публикации в «Русском вестнике» «Необходимости обновления православного церковно-общественного строя», на что указывает тесная взаимосвязь этих документов.

⁷⁶⁵ [Папков А.А.] Докладная записка о необходимости восстановления «прихода» в качестве церковно-общественной единицы. Б.м., [1902.] С. 3.

Мы знаем, что именно так назывался проект приходского устава, созданный А.А. Папковым, и что этот проект был именно адаптацией финских правил. Адресатом записки был, безусловно, император. В конце ее прямо говорилось, что приходская реформа может быть начата не по инициативе мирян, которые чувствуют себя в стороне от церковных дел, и не по инициативе духовного ведомства, а только – по почину монарха⁷⁶⁶. Интересно, что здесь А.А. Папков был уже готов дать определение прихода. Он писал, что «под приходом надлежит разуметь церковную общину, которая группируется около своего центра-храма, и которая имеет для всей своей конструкции твердое основание во вселенском христианском учении о Церкви, как Церкви апостольской и соборной»⁷⁶⁷.

Далее автор записки предлагал последовательную программу, «дорожную карту» приходской реформы. Первым этапом этой программы было принятие на счет казны всех расходов по содержанию духовно-учебных заведений с тем, чтобы приходы были освобождены от «непосильных налогов» на их содержание. Такое предложение еще в 1870-е гг., как мы помним, выдвигал Д.Ф. Самарин, и наш автор, безусловно, опирался на это предложение⁷⁶⁸. А.А. Папков замечает, что освобождение приходов от сборов на духовно-учебные заведения – «акт простой справедливости». Следующим шагом, по его мнению, должно быть наделение прихода правом юридического лица и отмена узкого толкования ст. 698 Законов гражданских, в которой поименованы юридические субъекты, имеющие право приобретать имущество. Среди них были названы и «церкви», но по принятому тогда толкованию, это означало, что право приобретать имущество признано только за приходским храмом, а не приходом как общиной. Наконец, надлежало дать приходам право приобретать недвижимое имущество на общем основании, не испрашивая Высочайшего соизволения. Вообще автор записки считал, что «иму-

---

⁷⁶⁶ Там же. С. 6–7.

⁷⁶⁷ Там же. С. 1.

⁷⁶⁸ Ср.: Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 2. С. 97–115. Абзацем ниже автор записки цитирует очерк Д.Ф. Самарина «Приход».

шественное положение православных церквей составляет самое больное место в сфере церковно-гражданского законодательства» и требует упорядочения в первую очередь⁷⁶⁹. С аналогичными предложениями относительно имущественных прав православных приходов мы еще встретимся после 1905 г. в деятельности Предсоборного присутствия и Государственной думы.

Но все это А.А. Папков считал подготовительными шагами, только расчищающими путь для самой реформы. После них должно было последовать издание приходского устава – постановлений о церковно-приходских собраниях и совете в России по образцу аналогичных правил для православных приходов Финляндии. Затем следовало внести коррективы в действующее законодательство. Прежде всего, в Инструкцию церковным старостам, которая – вопреки понятию о церкви «как собрании всех верующих» – допускает к выборам старосты только лиц, имеющих право участвовать «в городских, сельских, или же дворянских собраниях». Также А.А. Папков предлагал подвергнуть «критической оценке» устав духовных консисторий «и восстановить значение существенного закона для устойчивости всего приходского общественного строя». Речь шла о праве прихожан предлагать епископу своих кандидатов в священно- и церковно-служители. Он подчеркивал, что права епископа этим не будут ограничены, он все равно будет свободен «в самом акте рукоположения». Но это право надо понимать как «обязанность прихожан оказывать посильную помощь в этом важном деле своему епископу, слишком далеко стоящему от приходских нужд и интересов». Кроме того, автор записки считал, что устав духовных консисторий стоит дополнить указанием на существование «главной приходской книги», куда бы записывались данные о прихожанах и объем, возложенного на них самообложения (если таковое будет назначено). Книга давала бы возможность упорядочить приходские выборы, имущественные дела и собрания. Также нужно было за-

---

⁷⁶⁹ [Папков А.А.] Докладная записка... С. 2–3.

крепить положение, что в городах прихожане могли выбирать себе приход по своему желанию⁷⁷⁰.

В заключение записки А.А. Папков рисовал радужную картину тех многочисленных общественных благ, которые станут результатом осуществления намеченной им приходской реформы. Он писал, что возрождение прихода повлечет за собой восстановление «христианской общительности». Через нее преодолется разобщенность пастырей и паствы и прихожан между собой. Их взаимное сближение вызовет возникновение целого ряда просветительских и благотворительных заведений; обновленная община – был уверен автор записки – возьмет на себя и заботу о церковно-приходских школах. Развитие «христианской общительности» потребует братского назидания в виде «братского суда», по характеру примирительного и направленного главным образом к урегулированию споров прихожан с духовенством из-за треб. Автор предполагает, что на возрожденный сначала «в церковно-общественном отношении» приход, после того, как он окрепнет как церковная община, «возможно будет безбоязненно возложить <...> как на мелкую земскую единицу и все земское бремя»⁷⁷¹. Но этим, считал А.А. Папков, не ограничится польза, которую принесет обновленный приход государству:

Нельзя не обратить также внимания и на ту помощь, которую могли бы оказать правительству правильно устроенные, жизнеспособные, самостоятельные, прекрасно знающие свое народонаселение, православные приходы в години бедствий, постигающих разные местности России, как то: неурожай, землетрясения, наводнения, пожары, распространение заразных болезней, а также и во время возможных аграрных волнений и беспорядков. Государство, признавшее христианство господствующей религией, должно заботиться не столько о духовенстве, или же о духовно-гражданском ведомстве, сколько о процветании и укреплении церковных общин, так как существование этих нравственно дисциплинированных союзов, ничего не стоящих государству, заботящихся о своих сочленах, в том числе и о своих причтах, значительно облегчает задачу провинциального управления⁷⁷².

---

⁷⁷⁰ Там же. С. 3–4.

⁷⁷¹ Там же. С. 4–5, 2.

⁷⁷² Там же. С. 5.

Он выражал уверенность, что осуществление этой программы принесет православным общинам «духовную свободу» и откроет «новую эру в развитии русского народа»⁷⁷³.

Итак, с точки зрения нашего автора, приходская жизнь допетровской Руси неотделима от жизни земской общины, при этом и та, и другая у А.А. Папкова откровенно идеализированы. Путь для такой идеализации был открыт характерным для него подходом к материалу исторических источников и исторической литературы. Они используются выборочно. В первую очередь он любил прибегать к материалам северной и северо-западной Руси, а затем – экстраполировать северные порядки на всю Россию. Подобную тенденцию мы замечали и у П.В. Знаменского, концепцию которого относительно земского значения древнерусского духовенства развивал А.А. Папков. Но если казанский ученый выступал как первопроходец темы, то за 30 лет, прошедших с выхода его труда, ситуация в историографии изменилась. Также выборочно А.А. Папков подходил и к существовавшей в его время исторической литературе, к содержащимся в ней выводам и интерпретациям. Кроме того, нашему автору, увлеченному поиском идеальных общинных начал, явно не хватало критического отношения к источникам.

Все эти особенности работ А.А. Папкова прекрасно видели его современники, поэтому в тогдашних академических кругах существовало очень сдержанное отношение к научным достоинствам его книг. Так, профессор Киевской духовной академии Н.И. Петров отмечал крайнюю идеализацию древнего прихода, существовавшую в работах А.А. Папкова. Киевский профессор писал, что только некритический подход к источникам мог заставить увидеть вокруг языческих капищ различные общественные и благотворительные учреждения. Такие приходские институты как кельи для нищих, «мастер»-учитель детей, братчины, которым большое значение придавал А.А. Папков, безусловно симпатичны, отмечал Н.И. Петров, но на деле были крайне редки, а последствия выборности пастырей были далеко не благопри-

---

⁷⁷³ Там же. С. 7.

ятны для умственного и нравственного развития духовенства. Известный исследователь К.В. Харлампович указывал, на то, что А.А. Папков выборочно использовал достижения современной ему историографии⁷⁷⁴, игнорировал доступные ему архивы, затушевывал некоторые стороны деятельности западнорусских братств, в частности, их конфликты с духовенством. Все сходилось на том, что очерки А.А. Папкова носили крайне фрагментарный характер и поэтому были насыщены неточностями и проникнуты идеализацией описываемых им порядков. Такой взгляд разделяют и современные историки⁷⁷⁵. Но наиболее вдумчивые критики, тот же К.В. Харлампович, также понимали, что А.А. Папков ставил себе иные цели, чем те, что ставят академические ученые. Наш автор выступал не столько как исследователь, сколько как популяризатор, его целью был не анализ, а «живой, связный рассказ о минувших судьбах»⁷⁷⁶ приходских и братских институтов.

Более того, А.А. Папков выступал как идеолог и пропагандист определенной конструкции приходских отношений, основанных на примате общинного начала. Ведь все атрибуты древнерусского прихода, правильно замеченные или приписанные, А.А. Папков постарался перенести в свои проекты возрождения прихода. Как и древний приход, новый возрожденный приход должен был стать самоуправляющейся общиной, что выражалось бы прежде всего в выборе священника и в распоряжении приходским имуществом, включая и имущество храма. В нем должны были появиться благотворительные и образовательные учреждения; приход-община должен

---

⁷⁷⁴ Например, в книге о братствах А.А. Папков опирался в основном на труд священника Иоанна Флерова (1857) и не учитывал работы М.О. Кояловича, Н.И. Костомарова, П.А. Кулиша, С.Т. Голубева; им не обсуждались различные точки зрения на генезис братского движения, в частности, мнение С.Т. Голубева о том, что братства возникли как проявление и развитие коллективного патроната по отношению к храмам. Сам А.А. Папков придерживался той точки зрения, что братства возникли из древнерусских братчин – общинных пиров, устраивавшихся вскладчину. См.: Харлампович К. Отзыв о книге Папкова «Братства» // Православный собеседник. 1900. Октябрь. С. 466–467, 471–472.

⁷⁷⁵ Петров Н., проф. О выборе членов причта прихожанами в связи с вопросом о возрождении прихода // Руководство для сельских пастырей. 1905. № 9. С. 217–223; № 10. С. 251–260; № 11. С. 280–285; № 12. С. 303–306; № 14. С. 354–358; Харлампович К. Отзыв о книге Папкова «Братства». С. 456–472; Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 26.

⁷⁷⁶ Харлампович К. Отзыв о книге Папкова «Братства». С. 472.

был возратить себе право нравственного суда над своими членами, и возможно в перспективе стать и государственной административной единицей. История для него была только материалом, на котором он развивал свою концепцию. Можно сказать, он сам создавал конструкт *древнерусского прихода*, на который опирались его последователи, и с которым полемизировали его оппоненты. Идеализация и увлеченность, равным образом как неточности и односторонность на этом пути были неизбежны, они были инструментами подобного конструирования. На способность А.А. Папкова идеализировать реальность (историческую или современную) скептически смотрели даже те, кто позднее был склонен поддержать его концепцию переустройства православного прихода. Так, профессор Московской духовной академии Н.А. Заозерский в рецензии на раннюю брошюру А.А. Папкова «Церковные братства» (СПб., 1893), посвященную описанию действовавших тогда в России церковных братств, заметил, что «видеть <...> в факте их существования какой-либо подъем религиозно-нравственного сознания, кажется, нет никаких оснований»⁷⁷⁷.

Примечательно, что «дорожная карта» приходской реформы, несмотря на многочисленные заверения ее автора в том, что он ожидает, прежде всего, возрождения «религиозно-нравственной жизни» прихода, включала в себя исключительно правовые мероприятия: пересмотр существующих законоположений и издание новых. Складывается впечатление, что наш автор верил в непоколебимую силу жизни «русской свободной общины» и считал, что как только законодательные ограничения будут сняты, она возродится в прежней своей силе и с прежними институтами. Представляется, в этом давал себя знать подход кабинетного писателя, в общем-то со стороны наблюдавшего за жизнью российского прихода.

Но, несмотря на это, его колоссальная работоспособность, живой стиль изложения, настойчивость, с которой он проводил свою идею, совмещавшаяся при этом с осторожностью и политической чуткостью сделали свое дело.

---

⁷⁷⁷ Заозерский Н.А. Братское дело в православной России. С. 185.

В начале XX в. самые разные общественные круги и, видимо, высшие сферы находились под обаянием концепции А.А. Папкова о древнерусском приходе и о перспективах реформирования прихода современного. Казалось, если ему удастся действительно привлечь внимание монарха, осуществление его мечты можно ожидать в самом скором времени.

§ 12. Православный приход на иноконфессиональных окраинах Российской империи: случай Финляндии

Вопрос об устройстве православного прихода в рассматриваемый период стоял не только для традиционно православных регионов империи, но и для ее иноконфессиональных окраин. В частности, во второй половине XIX – начале XX вв. православный приход оказался объектом регламентации со стороны властей Великого княжества Финляндского, прежде всего, финляндского сената, причем эта регламентация явно была направлена на то, чтобы максимально сблизить устройство православного прихода в княжестве с устройством прихода лютеранского. Одновременно имперские и центральные церковные власти стремились воспроизвести в Великом княжестве именно те приходские порядки, которые имели место в остальной империи. Однако проблема заключалась в том, что эти порядки, по признанию современников, не соответствовали задачам православного прихода; можно сказать, что его церковная идентичность затемнялась имперским законодательством. При этом представители российского движения за приходские преобразования с интересом наблюдали за дискуссиями в Финляндии и не прочь были применить ее опыт ко всей России. На предшествующих страницах мы уже говорили, что А.А. Папков именно финляндский проект приходского устава положил в основу своего проекта положения о православном приходе. Так, православный приход в Великом княжестве оказался в силовом поле между финляндской гражданской администрацией, светскими и церковными властями империи и сторонниками эмансипации прихода от церковно-

государственной бюрократической опеки. Попытки создать специальное законодательство для православных приходов в Финляндии восходили к 1880-м гг. В этом параграфе мы рассмотрим обстоятельства появления этого законодательства и его особенности.

Православные приходы в Финляндии: особенности положения

Финляндия была присоединена к Российской империи в начале царствования Александра I с правами самого широкого самоуправления. Фактически, в недрах Российской империи впервые была сформирована финляндская государственность. При этом во внутреннем управлении сохранилось значительное преемство с более ранним законодательством шведского периода, вплоть до того, что законотворчество финляндского сената и его делопроизводство велись на шведском языке. Великому княжеству была передана старая Карелия (в 1811 г.), присоединенная к России по Ништадтскому мирному договору в первой четверти XVIII в. и уже вписавшаяся в имперскую систему управления. На территории княжества оказались как православные приходы старой Карелии, так и приходы собственно в Финляндии, в том числе возникавшие в ходе роста русского, православного населения края. Однако, как писал позднее один из авторов,

русское правительство дало Финляндии некоторые особые права и затем как бы совершенно забыло, что на этой окраине существует маленькая православная церковь, жизнь которой совершенно не организована и не вложена в какие-либо определенные рамки⁷⁷⁸.

Действительно, никаких специальных узаконений о Православной церкви в Финляндии в первой половине XIX в. издано не было. Хотя формально приходы в княжестве подчинялись Выборгскому духовному правлению, а через него – Святейшему Синоду, на деле значительную роль в управлении ими играла гражданская администрация княжества, особенно – фин-

---

⁷⁷⁸ Варфоломеев Н. История и современное положение православного прихода в Финляндии. Гельсингфорс, 1914. С. 9.

ляндский сенат. Последний был разделен на два департамента: судебный и хозяйственный⁷⁷⁹. В составе именно хозяйственного департамента существовала особая «духовная экспедиция», которой, по сохранившемуся силу шведскому законодательству, принадлежало управление Лютеранской церковью. Однако поскольку православные приходы не были специальным образом исключены из юрисдикции сената, оказалось, что и они должны подчиняться законоположениям, созданным для Лютеранской церкви.

Прежде всего, нужно иметь в виду, что приход в Финляндии (лютеранский или православный) существовал в двойном качестве: как единица гражданского административного управления и как церковная община. Приходский священник (равно как и пастор) должен был председательствовать на собраниях обеих единиц, причем отказаться от руководства гражданским приходом священник мог лишь по достижении 65-летнего возраста. Фактически, собрание прихода как гражданской общины отличалось от собрания прихода как церковной общины только по предмету своего обсуждения: вопросы обустройства местного быта обсуждались на первом, церковные вопросы – на втором⁷⁸⁰. Как председатели собрания гражданской общины пасторы и священники несли обширные канцелярские и «отчасти полицейского характера» обязанности. Они вели главную церковную книгу – основу статистики края; ведали записью актов гражданского состояния (вели ведомость о крещении, о предбрачном оглашении, о вступивших в брак, об умерших); вели записи о подвергшихся административным взысканиям, о преданных суду (с указанием оправданы они или нет), о поселившихся в приходе и выселившихся, а также – инвентарную опись имущества, движимого и недвижимого, в том числе пожертвованного на благотворительные цели в границах их прихода. На ответственности пасторов и священников лежало ведение протоколов собраний гражданской и церковной общин. Кроме того, на них лежало наблюдение за правильностью выдачи хлеба из общественных магазинов и

---

⁷⁷⁹ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 36.

⁷⁸⁰ Православная церковь в Финляндии. СПб., 1893. С. 62–63.

наблюдение за должниками магазинов; они также отчитывались на этот счет перед губернскими властями.

Также пасторы и священники должны были заверять годовую опись или ревизию прихожан, подпись оспопрививателя, свидетельствовать описи имущества после умерших и брать с наследников определенный процент в пользу приходских бедных. Ежегодно они должны были подавать «крайне сложную» ведомость о переменах в населении прихода и раз в 10 лет еще более сложную статистическую ведомость о движении народонаселения в приходе. Духовные лица были обязаны являться «по требованию» в присутственные места для приведения к присяге; выдавать свидетельства о переходе из одного прихода в другой; сообщать губернским властям список мужчин-призывников; ежегодно сообщать управлению по призрению бедных таблицы о призреваемых в приходе; производить «публикации», то есть объявления гражданских властей. В городах они обычно прибывали к дверям, но на селе – прочитывались вслух иногда с амвона.

Все эти гражданские обязанности не исключали собственно церковного письмоводства. Так, православные священники, как и их собратья на остальной территории империи, вели в трех экземплярах клировые ведомости, общие книги по официальной переписке, предоставляли в Выборгское (финляндское) духовное правление⁷⁸¹ отчеты о школах в приходе. Эти обязанности порой приходили в противоречие с пастырским долгом священника, наносили вред его отношениям с прихожанами⁷⁸². Так было и в Финляндии, и в России, но в княжестве еще более остро чувствовалась зависимость духовенства от светских властей. Священнослужители воспринимались как низшие чиновники гражданской администрации края, подлежащие ее контролю. Зависимость эта была тем ощутимее, что именно духовная экспедиция финляндского сената распределяла денежное довольствие приходского духовен-

---

⁷⁸¹ Выборгское духовное правление первоначально было подчинено митрополиту Санкт-Петербургскому. В 1859 г. было учреждено Выборгское викариатство Санкт-Петербургской епархии. В 1892 г. викариатство было преобразовано в самостоятельную Выборгскую и Финляндскую епархию. Ее первым предстоятелем стал епископ Антоний (Вадковский).

⁷⁸² См. подробнее: *Верт II*. Православие, инославие, иноверие. С. 119–142 и Глава 2 § 5.

ства, определяла порядок сборов с прихожан на нужды храма и клира. Церковная администрация, фактически, была устранена от регулирования материального обеспечения духовенства. Понятно, что последнее в большей степени чувствовало свою связь с правительством края, чем с непосредственным церковным начальством в Выборге. В двойственной ситуации оказывалось и Выборгское духовное правление. De jure оно было главной начальствующей инстанцией для православных священников княжества. На деле же так же, как и они, оказывалось в зависимости от финляндского сената. Причем сенат, например, в переписке 1880-х гг. находил возможным напоминать духовному правлению, что оно «обязано исполнять» его постановления, и избрать подчеркнуто унижительный характер сношений с ним – в форме предписаний на шведском языке⁷⁸³.

Первые попытки законодательно урегулировать положение Православной церкви в Великом княжестве относились к эпохе Великих реформ. В 1866 г. в результате представления куопиоского губернатора в Петербурге был создан комитет под председательством обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А. Толстого. Но когда законодательство начало разрабатываться, сенат Княжества сделал все возможное, чтобы не уступить Петербургу инициативу в этом вопросе. Прибегая к неоднократным задержкам и проволочкам, отклоняя под разными предлогами поступающие из столицы проекты, сенат делал все, чтобы сохранить обособленность законодательства Великого княжества от общеимперского, даже в части, которая касалась православных приходов. Это означало, что соответствующие законы будут во многом, если не во всем походить на законодательство о лютеранских церквях. Вполне естественно, что некоторые современники обвиняли сенат в симпатиях к Лютеранской церкви, в том, что он относится к церкви православной

---

⁷⁸³ Православная церковь в Финляндии. С. 41–42, 67–72; Выписка из рапорта Преосвященного Владимира Епископа Нарвского на имя Его Высокопреосвященства. Выборг, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. Pienrainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223. Л. 27.

только лишь как к «неизбежному злу». Однако думается, что мотивации сената лежали в иной плоскости.

Разработка правил о православном приходе в Финляндии

К середине XIX столетия стало ясно, что национальная идея Финляндии, ее идентичность концентрируется вокруг концепта «финляндской государственности», особого финляндского законодательства, ее «коренных законов», дарованных Александром I в 1809 г. Если в первой трети столетия эта идея казалась фантастической даже финнам, то с 1850-х гг. она входит и в местный официальный дискурс. Не случайно и первая массовая акция финского национального движения в 1901–1904 гг. (подача «большого адреса» императору) была акцией в защиту особого финляндского закона и против закона о воинской повинности 1899 г., инкорпорировавшего военные формирования княжества в общеимперские. Принятие закона 1899 г. воспринималось как «клятвопреступление» императора, как нарушение им «конституции» 1809 г. Как признавали современники, кампания по сбору подписей под «большим адресом», охватившая полмиллиона человек – 20% населения княжества, «создала единую Финляндию». «В этих условиях финляндский национализм обрел подчеркнуто легальный, конституционный характер»⁷⁸⁴. В ходе кампании по сбору подписей под «большим адресом» чуть ли не в каждом финском доме появились репродукции с картины художника Эдварда Истопа «Нападение». На ней российский орел вырывал из рук Девы-Финляндии книгу, сборник законов, на обложке которой было начертано слово «Lex» («Закон») ⁷⁸⁵.

Законодательство относительно Лютеранской церкви воспринималось как часть финляндских законов, а принятие особенного законодательства относительно православных приходов – как вторжение чуждого, русского эле-

---

⁷⁸⁴ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 96.

⁷⁸⁵ Там же. С. 31, 95–97, 99.

мента, как наступление на финляндские законы. Если его нельзя было вовсе не принимать, то следовало хотя бы сделать таким же, как законодательство в отношении лютеран. Последовательный консерватизм сената, который проявлялся не только в церковных, но и в других вопросах, безусловно, коренился в страхе перед русским влиянием. Также надо иметь в виду, что носителем «финляндской идеи» первоначально был именно узкий круг местного чиновничества, прежде всего – служащих сената. Но и когда эта идея уже распространилась в обществе, чиновничество по-прежнему играло важную роль в ее развитии⁷⁸⁶. Понятно, что

<...> учение о финляндском государстве, отдельном от российского государства, было фатальным, имея в виду будущее развитие отношений между странами, поскольку оно возникло и распространилось в Финляндии именно в то время, когда Россия начала трансформироваться из многонациональной династической унии в единое государство (единое и неделимое). Это учение было абсолютно несовместимым с государственной идеей, взятой на вооружение в России. Согласно этой идее Финляндия могла быть только составной частью – провинцией или областью – государства Российского⁷⁸⁷.

В результате описанной выше тактики финляндского правительства через 17 лет после учреждения комитета под председательством графа Д.А. Толстого стало ясно, что даже он не смог противостоять настойчивости сената. В марте 1883 г. на свет появилось высочайшее постановление, в котором описывалось положение духовенства и храмов православных приходов в Финляндии, утверждался штат духовного правления и причтов, регулировалось обучение детей в сельских приходах. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в разных частях постановления 1883 г. упоминались церковные сходки и советы, которые ранее никоим образом не были узаконены для *православных* приходов Финляндии, хотя кое-где и проводились «без всяких формальностей». Это указывало на то, что сенат, во-первых, стремился скопировать соответствующие пункты с лютеранского положения,

---

⁷⁸⁶ Там же. С. 58, 72–73.

⁷⁸⁷ Там же. С. 58.

а во-вторых, на то, что он мало сверялся с действительным положением дел, не интересовался им. Отсутствие законодательства о православных приходах становилось слишком вопиющим фактом. Почему два года спустя и началась 20-летняя эпопея с выработкой положения о православных приходах в Финляндии⁷⁸⁸.

В марте 1885 г. финляндский генерал-губернатор указал духовной экспедиции сената на нужду в издании особого «церковного уложения» для православной церкви в княжестве. В октябре того же года общее присутствие сената для рассмотрения этого вопроса (о необходимости отдельного законодательства для Православной церкви) образовало комиссию из сенаторов, которая заседала в течение полугода и весной 1886 г., согласившись с выводом генерал-губернатора годичной давности, поручило детальную разработку этого законодательства духовной экспедиции сената. Этот, уже известный нам орган привлек к работе председателя Выборгского духовного правления прот. В. Глебова и настоятеля православной церкви в Або (совр. Турку) отца М. Казанского. С последним мы еще встретимся: через 20 лет он будет членом IV отдела Предсоборного присутствия, разрабатывавшего вопрос о благоустройении прихода. Пока же, в 1886 г. комиссия духовной экспедиции проработала около девяти месяцев и в декабре представила в сенат свой проект, состоявший из правил о приходских сходах и советах, а также из правил о приходах. Затем в течение двух лет, в 1887–1888 гг. происходило заочное обсуждение разработанного проекта между генерал-губернатором, Выборгским духовным правлением, Санкт-Петербургской духовной консисторией и сенатом, а также исправление проекта⁷⁸⁹.

В результате редакция проекта 1888 г. представляла собой два дополнявших друг друга документа: проект «Высочайшего постановления о цер-

---

⁷⁸⁸ Православная церковь в Финляндии. С. 59–61; Выписка из рапорта Преосвященного Владимира Епископа Нарвского. Лл. 25–26; *Папков А.* Новое устройство православных приходов в Финляндии // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. СПб., 1905. Прибавления. № 52. 24 декабря. С. 2285; *Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 10–14.

⁷⁸⁹ Там же. С. 14–16.

ковной сходке и церковном совете православных приходов Финляндии» и проект «Высочайшего постановления, содержащего некоторые правила о православных приходах в Финляндии». Первый из них состоял из трех глав: I. Общие правила (§§ 1–10), II. О церковной сходке (§§ 11–36), III. О церковном совете (§§ 37–57). Второй включал 19 параграфов, из которых 14 регламентировали обязанности священников по ведению актов гражданского состояния и другой документации, связанной с гражданскими отношениями в крае⁷⁹⁰. Приход, согласно проектам, мыслился как территориальная единица; православные, жившие вне ее пределов, прикреплялись к тому или иному приходу в соответствии с «общим распределением», которое устанавливал по представлению духовного правления сенат Великого княжества. Оба постановления должны были придать законное существование органам приходского самоуправления – собранию (сходке) и совету, возглавляемым священником. Вводились их обязательность, регулярность созыва (не менее двух раз в год) и единообразие в практику их проведения, а также – что было особенно важно для Финляндии – устанавливался механизм взаимодействия этих органов с местной администрацией, со стороны гражданских властей давались гарантии исполнения их решений. Например, недоимки по приходским сборам взыскивались на общих основаниях магистратом или коронным фохтом (должностным лицом, исполнявшим в приходе функции полицейского).

Полномочия органов самоуправления распространялись на «общие дела» прихода, прежде всего – хозяйственные, а также на выборы церковного старосты и членов церковного совета. Приход мог формировать собственное имущество, в том числе путем самообложения, решение о котором становилось обязательным для всех полноправных прихожан. При этом компетенция

---

⁷⁹⁰ Всеподданнейший проект Высочайшего постановления о церковной сходке и церковном совете православных приходов Финляндии. Выборг, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. *Pienpainatteen IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223.* Лл. 1–15; Всеподданнейший проект Высочайшего постановления, содержащего некоторые правила о православных приходах в Финляндии. Выборг, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. *Pienpainatteen IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223.* Лл. 16–24.

собрания и совета не распространялась на «церковное имущество», то есть храмовое, которое, как и в России, находилось в распоряжении клира и епархиального начальства. Также приход не мог вторгаться в компетенцию «гражданских властей» и «гражданских общин» княжества. Православный приход (как и лютеранский) существовал параллельно с гражданским приходом как минимальной территориально-административной единицей, но при этом приходское духовенство обеих конфессий было глубоко вовлечено в функционирование гражданской общины.

Соотнесенность приходов и духовенства с органами местного самоуправления обуславливала систему цензов – правовых и имущественных. Поэтому далеко не все православные жители Великого княжества оказывались полноправными членами православных приходов. Так, согласно проекту, ими могли быть только православные, имеющие финляндское гражданство. Соответственно прихожане, сохранявшие российское гражданство, оказывались вне приходских институтов. Кроме того, участвовать в принятии решений на собрании по всем, в том числе имущественным вопросам, могли только те, кто платил подати в пользу гражданской общины, причем голосование осуществлялось по количеству податных единиц (такая единица называлась мантал, *manttaali*). Тем самым состоятельный прихожанин обладал большим количеством голосов. А некоторые прихожане, например, наемные работники, не владевшие налогооблагаемым имуществом, вообще лишались права голоса по имущественным вопросам. В соответствие с этим разделением членов приходского собрания на две категории приходский совет должен был вести два списка: голосовой и податной. В первый входили все прихожане, во второй – платившие подати и соответственно голосовавшие и по имущественным вопросам.

Еще одной особенностью проектов было участие гражданских властей в жизни прихода. Права, предоставленные губернатору и финляндскому сенату, были довольно обширны. Губернатор должен был утверждать решения сходки относительно заключения займов, наложения сборов, изменения по-

рядка употребления имущества, подаренного приходу. Его представитель вместе с представителем Выборгского духовного правления должен был присутствовать при заключении договора между приходом и священноцерковнослужителями об их содержании и постройке для них домов. Они же должны были присутствовать на сходке, когда на ней обсуждался вопрос о разделении или создании нового прихода. На имя губернатора направлялись протесты на решения собрания и совета. При изменении границ и учреждении нового прихода, а также при учреждении, упразднении или изменении какой-либо штатной должности в православном приходе решающей инстанцией, согласно обоим проектам, выступал финляндский сенат. Перед ним возбуждало соответствующий вопрос Выборгское духовное правление; сенат запрашивал мнения приходов и губернатора; он же в итоге представлял все дело на высочайшее воззрение. Тем самым сенат сохранял контроль над движением денежных средств, ведь изменения приходской сети или штатных должностей предполагали изменения в финансировании приходов, которым ведал именно этот орган администрации княжества. Но, с другой стороны, епархиальные власти оказывались на вторых ролях при решении этих ключевых вопросов церковного управления, на что обращали внимание критики проектов.

Отличие от общеимперской ситуации состояло и еще в двух аспектах. Во-первых, в том, что собрания, а иногда и советы действовали в православных приходах княжества и ранее, поскольку того требовало гражданское законодательство края. Тем самым речь шла скорее о регламентации, упорядочивании сложившейся практики, чем о конституировании новых органов самоуправления. Во-вторых, органы приходского самоуправления в Финляндии наделялись гораздо более широкими полномочиями во внутриприходской жизни, чем аналогичные органы в империи. Напомним, что собственно, приходские собрания в России могли лишь избирать старосту (под надзором клира) и (с 1890 г.) уполномоченных от прихожан, обязанных присутствовать при проверке церковных сумм, а также одобрять новые постройки. Формаль-

но собрания должны были созываться регулярно (раз в год), но на деле это правило игнорировалось. Формировать свое имущество российский приход не мог. Церковные советы или любые иные коллегиальные органы постоянного приходского управления отсутствовали. Приходские попечительства, которые разрешено было открывать при церквях империи с 1864 г., были добровольными благотворительными организациями, но не органами приходского управления. Учитывая эти обстоятельства, мы сможем понять, почему финляндский проект привлек пристальное внимание тех российских общественных деятелей, которые пропагандировали идеи эмансипации прихода от церковно-государственной опеки и развития приходского самоуправления.

10 декабря 1888 г. (н. ст.) сенат передал разработанный проект на высочайшее утверждение, но ему не суждено было последовать. По каким-то скрытым и от современников причинам генерал-губернатор княжества граф Ф.Л. Гейден именно в этот момент, когда судьба проекта, казалось бы, была решена, препроводил его на отзыв обер-прокурору Святейшего Синода и санкт-петербургскому митрополиту Исидору (Никольскому). Можно предположить, что такое новое рассмотрение проекта было инициировано обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым, который как раз в этот период с озабоченностью наблюдал за влиянием «лютеранского законодательства» на жизнь православной церкви в княжестве⁷⁹¹. Для столичного митрополита анализ проекта подготовил его викарий епископ Нарвский Владимир (Шимкович)⁷⁹².

Его отзыв был критичен по отношению к разработанным проектам. Как нетрудно догадаться, главным объектом критики стала схожесть постановлений о православных приходах с законодательством о лютеранских церквях.

---

⁷⁹¹ В 1893 г. по распоряжению обер-прокурора была издана анонимная книга «Православная Церковь в Финляндии», в которой был собран и соответствующим образом интерпретирован обширный материал о характере такого влияния. Готовиться это издание должно было еще в конце 1880-х гг.

⁷⁹² Выписка из рапорта Преосвященного Владимира Епископа Нарвского. Лл. 25–33; *Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 15–16.

Преосвященный называл проект «сколком» с лютеранского церковного уложения и писал, что ими на православный приход «переносятся все порядки лютеранских кирок»⁷⁹³. Более того, епископ Владимир считал, что проект представляют собой не новый закон, а только выборку из финляндского законодательства. Он активно протестовал против того, чтобы полномочными членами приходов были только финляндские граждане. Таковыми, по его мнению, должны были быть все «подданные Императора», проживающие в Финляндии и платящие приходские сборы. В противном случае такое ограничение, справедливо замечал преосвященный, являлось бы дискриминацией. При этом автор отзыва обращал внимание на то, что выражение «финские граждане» не встречалось даже в лютеранском церковном уложении 1869 г.

Кроме того, епископ Владимир предлагал ограничить права гражданской власти в приходских делах. Он считал необходимым предоставить выборгскому духовному правлению право решать, какое именно из решений приходских собраний должно быть представлено на рассмотрение и утверждение губернатора, подробно регламентировать процедуру рассмотрения этих решений светским начальством и даже предусмотреть случаи, когда решение собрания могло проводиться в жизнь вопреки мнению губернатора. Из проекта постановления о «некоторых правилах о православных приходах» преосвященный считал необходимым исключить параграф, который описывал механизм учреждения, изменения или упразднения штатных приходских должностей, отдавая ключевую роль финляндскому сенату. Столичный викарий считал, что такой порядок ограничивает каноническую власть епископа. Причем автор отзыва допускал существование такого же порядка в отношении учреждения или разделения приходов (ведь и в остальных частях империи это контролировалось центральной церковной и светской властями), но не в отношении внутрицерковных должностей⁷⁹⁴. Таким образом, епископ Владимир предлагал перераспределить полномочия по контролю за жизнью

---

⁷⁹³ Выписка из рапорта Преосвященного Владимира Епископа Нарвского. Лл. 25–26.

⁷⁹⁴ Там же. Лл. 30–31.

православных приходов в княжестве, урезав права гражданской власти и расширив права власти епархиальной, что, по его мнению, дало бы приходам большую независимость от светской, «лютеранской» администрации.

Вообще преосвященный проводил мысль о необходимости как можно более последовательного расширения на Финляндию имперских церковных законов. Так, он выступал против введения в православных приходах княжества общих приходских книг, считая достаточным существование метрических книг и исповедных росписей. Образцом для составления правил о приходских собраниях он считал Положение о попечительствах 1864 г., в котором, по его мнению, достаточно было расширить права прихожан принимать обязательные для всех (а не только для тех, кто за них проголосовал) постановления. Он полагал важным распространить на имущество православных приходов правило испрашивания высочайшего соизволения на его отчуждение или приобретение. Уже в скором времени, особенно в 1905–1906 гг., это правило станет объектом критики со стороны большей части епископата Российской церкви как ограничивающее ее самостоятельность и унижающее ее достоинство. Но в обсуждаемый период в Финляндии эта мера воспринималась как такая, которая может «парализовать <...> попустительство со стороны инославной власти» отчуждению имущества православных приходов или изменению его назначения⁷⁹⁵.

Примечательно, что епископ Владимир считал сближение порядков, действующих в финляндских православных приходах, с общеимперскими и отдаление их от лютеранских залогом сохранения их *религиозной идентичности*. Он писал:

Ради блага и преуспевания православной церкви, православная община в Финляндии должна отличаться по своему складу и строю, даже во внешнем проявлении, от склада и строя лютеранской кирки. Пока православные Финны не поймут во всей ясности и полноте различия православия от лютеранства, необходимо, что-

---

⁷⁹⁵ Там же. Л. 33.

бы они во внешнем строе и порядках прихода видели это отличие одной общины от другой⁷⁹⁶.

При этом мы видели, что Нарвский епископ не делал различия между нормальным строем православного прихода и тем фактическим положением, в каком он находился в Российской империи, скорее даже отождествлял их. Между тем, многие его современники с таким отождествлением категорически не согласились бы (см., например: Глава 2 § 9 и § 10). Понимание кризиса российского православного прихода, несоответствия того положения, в каком он находился, каноническому церковному устройству и предназначению приходской общины все прочнее входило в общественное сознание. Через десять лет это понимание будет разделять и иерархия. Однако для Финляндии «нормальный» православный приход отождествлялся с приходом имперским, Православная церковь – с церковью в империи, со всеми особенностями ее положения, обусловленными «государственной церковностью»⁷⁹⁷.

Как и предлагал преосвященный Владимир, проект и его отзыв были переданы на рассмотрение съезда финляндского православного духовенства в Выборге, проходившего 20 июля 1890 г. Съезд рекомендовал, прежде всего, изменить терминологию проекта: заменить выражения «церковная сходка» и «церковный совет» на «церковно-приходское собрание» и «церковно-приходское попечительство». (Первое изменение было позднее принято, второе – нет.) Также съезд считал необходимым причислить к прихожанам и тех русских, кто проживает в приходе более года, зафиксировать, что протоколы собрания должны при необходимости переводиться и на язык меньшинства, подчеркнуть, что объявления гражданского характера и протоколы приходских собраний не могут читаться в церкви, а только в «приходской избе» или обнародоваться в печатном виде⁷⁹⁸. Рекомендации съезда находились в русле замечаний, сделанных Нарвским преосвященным, но носили более мягкий

---

⁷⁹⁶ Там же. Л. 28. Ср.: Православная церковь в Финляндии. С. 76–77.

⁷⁹⁷ Смолитч И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. С. 21.

⁷⁹⁸ Варфоломеев Н. История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 16.

характер. Кажется, финляндское духовенство, ощущая свою зависимость от местных светских властей, делало все, чтобы обсуждение приходского проекта не носило характера конфронтации между православными клириками и светской властью края.

Однако последняя, видимо, с неудовольствием восприняла критику подготовленного проекта. На это указывали осведомленные современники. А.А. Папков писал позднее, что после получения замечаний православных властей края «сенат не усматривал со своей стороны поводов к существенным возражениям против проектированных им поправок и изменений, но, тем не менее, проекты этих законов, столь существенных для оживления приходской жизни в крае, оставались без всякого движения много лет»⁷⁹⁹. Когда финляндский сенат получил проект с поправками выборгского съезда, он направил его в законоподготовительную комиссию, затем рассмотрев в общем собрании в мае 1892 г. (почти через два года после обсуждения на съезде духовенства!), вернул проект в духовное правление. Потребовалось высочайшее вмешательство, чтобы дело с разработкой «православного устава» для православных приходов княжества получило новый импульс. В декабре 1893 г. Синод на основании императорского указа предписал архиепископу Финляндскому Антонию (Вадковскому) (будущему митрополиту Санкт-Петербургскому и первоприсутствующему члену Синода) озаботиться составлением такого устава. Была создана комиссия из двух священников, членов выборгского духовного правления, которые должны были составить окончательный текст проекта с учетом поправок и замечаний съезда 1890 г., духовного правления и сенатской законоподготовительной комиссии. Результат их работы снова обсуждался летом 1894 г. на съезде духовенства епархии в Сердоболе (совр. Сортавала). Затем находился на рассмотрении у обер-прокурора Святейшего Синода, снова обсуждался в финляндском сена-

---

⁷⁹⁹ Папков А. Новое устройство православных приходов в Финляндии. С. 2285

те, получил отзыв управляющего (с 1905 г.) Финляндской епархией епископа Ямбургского Сергия (Страгородского)⁸⁰⁰.

Последний взглянул на проект более благосклонно, чем преосвященный Владимир (Шимкович). В его отзыве проводились две основные идеи. По его мнению, проектируемое устройство прихода не представляло чего-то необычного в практике вселенской Церкви и имело довольно близкие параллели в приходском устройстве греческой церкви. А с другой стороны, подчеркивалось в отзыве, проект описывал существующий порядок вещей, давали юридическую устойчивость обычая. По обоим этим причинам, по мнению Ямбургского викария, проект мог быть одобрен церковной властью. Как видим, епископ Сергий не рассматривал узаконивание финляндских порядков в отношении православного прихода как угрозу его религиозной идентичности и делал акцент на институтах приходского самоуправления, подчеркивая параллелизм этих институтов в Финляндии и в Греции. Судя по всему, этот отзыв и вообще позиция преосвященного Сергия были решающим обстоятельством при прохождении обсуждаемых проектов через Синод. Во всяком случае, как сторонники, так и непримиримые критики тех принципов приходской жизни, что были заложены в финляндском положении, видели именно в епископе Сергии виновника их принятия. Летом 1905 г. проект был разослан для отзывов епархиальным преосвященным, затем доложен в Синоде и только после этого был представлен на высочайшее утверждение, которое последовало в самый разгар революционных событий 4(17) декабря 1905 г.⁸⁰¹.

Несмотря на более чем 15-летний период доработки проекта, отличия между окончательной редакцией закона и редакцией 1888 г. были ничтожны. Изменилась терминология закона. «Церковная сходка» стала именоваться «церковно-приходским собранием», «кассир» – «казначеем». Предложения

---

⁸⁰⁰ Варфоломеев Н. История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 17–18.

⁸⁰¹ ПСЗ(3). Т. 25. Отд. 1. 4/17 декабря 1905 г. № 27005. № 27006; Папков А. Новое устройство православных приходов в Финляндии. С. 2285; Варфоломеев Н. История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 17–18.

епископа Владимира (Шимковича) и съезда духовенства 1890 г. были учтены в том отношении, что к членам православных приходов в окончательной редакции причислялись не только «финляндские граждане», но и вообще все «лица православного исповедания» (за исключением военнослужащих, расквартированных в Великом княжестве частей), проживших в пределах прихода более года. В отдельных, но незначительных деталях финляндские законы были приближены к общеимперским. Например, в список полномочий приходского собрания был добавлен пункт об избрании им двух представителей от прихода для участия в высылке церковных сумм, как того требовала Инструкция церковным старостам в редакции 1890 г. В двух местах появилось требование к гражданским властям (губернатору и сенату) принимать решение по представленным им церковным вопросам (по займам, регулярному самообложению, изменению порядка употребления пожертвованного имущества, по открытию приходов или изменению их границ) «по сношении» с церковными властями епархиального или центрального уровня.

Наверное, самым существенным отличием финальной редакции законов от проектов 1888 г. было изъятие у губернатора функций надзора «за надлежащим исполнением православными священниками в Финляндии всех служебных обязанностей, возложенных на них законами и постановлениями страны»⁸⁰². Согласно проекту, если бы губернатор заметил «нерадение или беспорядок» в этом отношении, он должен был уведомить о том духовное правление, а если бы оно не приняло мер, донести в сенат. Учитывая, что львиная доля таких обязанностей касалась участия духовенства в функционировании гражданских общин края, в этом параграфе со всей отчетливостью был представлен взгляд на священников как на низшую категорию гражданских должностных лиц. В окончательной редакции закона этот пункт был опущен; функции надзора за духовенством остались только у выборгского духовного правления.

---

⁸⁰² Всеподданнейший проект Высочайшего постановления, содержащего некоторые правила о православных приходах в Финляндии. Л. 23.

Но чтобы полнее понять результаты 20-летней дискуссии между администрацией Великого княжества и церковными властями края, стоит, пожалуй, указать на те их пожелания, которые не были учтены в финальной редакции законов. Так, в ней не нашло отражение пожелание съезда духовенства 1890 г. о переводе постановлений приходских собраний на язык, понятный меньшинству прихожан. В тех или иных случаях в положении такого меньшинства могли оказаться как финны, так и русские, но в целом в уязвимом положении оказывались именно последние. К 1914 г. русскоязычное население Финляндии составляло лишь около 0,2%, тогда как в городах Эстонии – около 12%⁸⁰³. Не было учтено предложение того же съезда освободить православные храмы от оглашения в них решений приходских собраний и объявлений, касающихся жизни гражданских общин края. В этом отношении храмы остались в том же положении, что и лютеранские кирхи. Несмотря на критику епископа Владимира, в православных приходах были сохранены общие приходские книги, на которых основывалась гражданская статистика княжества. Наконец, не были услышаны слова Нарвского преосвященного о том, что предоставление сенату полномочий по принятию решений об изменении, учреждении или упразднении штатных должностей в православных приходах, умаляет власть епископа. Этот параграф лишь был дополнен уточнением, что соответствующее решение сенат принимает «по сношению» с Синодом. Законодатели пытались в этом случае найти баланс между полномочиями финляндской администрации и правами – абсолютно непререкаемыми, если бы речь шла об остальной территории империи, – церковной власти. Но в Великом княжестве права иерархии, законные и с точки зрения имперского законодательства, и с точки зрения канонов, отступали перед правами сената.

Представляется, что в целом сенат выиграл это противостояние. Его полномочия распределять средства православному духовенству и принимать

---

⁸⁰³ Юссила О., Хенттля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 77.

окончательное решение о границах приходов не были подвергнуты сомнению. Гражданские власти Финляндии сохранили почти все свои полномочия по контролю над приходской жизнью; им лишь было вменено в обязанность согласовывать свои решения с епархиальными властями, но не более того. Принципы организации православных приходов княжества и органов их самоуправления остались теми же, что были разработаны сенатом и его комиссией еще в 1880-х гг. Они же во многом, действительно, воспроизводили нормы законодательства Великого княжества, действовавшие в отношении лютеранских приходов.

Реакция на финляндские правила

Но если в Финляндии обсуждаемые постановления вели к закреплению власти гражданской администрации над православными приходами и делали их организацию похожей на организацию приходов протестантских, что воспринималось, как мы видели, как утрата ими православной идентичности, то при «пересечении» этими же постановлениями границы княжества их смысл начинал восприниматься совсем по-иному. На территории империи, где власть церковной администрации не подвергалась сомнению, а гражданская администрация была далека от контроля над низовыми церковными структурами, в глаза бросались, прежде всего, тщательно разработанные в финляндских постановлениях положения об органах приходского самоуправления и наделение их достаточно широкими полномочиями. В России соответствующие разделы постановления о приходском собрании и совете православных приходов в Финляндии выгодно смотрелись на фоне общеимперского законодательства. Здесь сходство постановлений с лютеранскими порядками было либо неизвестно, либо воспринималось как второстепенная деталь; угроза православной идентичности прихода не ощущалась. Напротив, финляндский проект воспринимался как такой акт, который мог бы освободи-

дить российский православный приход от оков «государственной церковности» и помог бы выявить его церковную идентичность.

Первым публично об этом заявил в 1902 г., когда оба постановления находились еще в статусе проектов, А.А. Папков. Как мы говорили (см.: Глава 2 § 11), в своей статье «Необходимость обновления православного церковно-общественного строя», он высказал мысль о применимости финляндских проектов, прежде всего о церковной сходке и церковном совете для обустройства жизни православных приходов в империи. Более того, он сам предложил вариант адаптации этого проекта к российской действительности. Фактически, на базе финляндского проекта он составил свой приходский устав, который назвал «Проектом постановлений о церковно-приходском собрании и церковно-приходском совете православных приходов в России». Устав А.А. Папкова повторял практически все основные положения образца за рядом важных исключений. Он не упоминал церковные (храмовые) средства; это было сделано в надежде, что они войдут в сферу распоряжения преобразованного российского прихода, тогда как финляндский проект выводил их из области ведения органов приходского управления. Характерно, что после утверждения финляндского проекта А.А. Папков, выступая с разбором этого акта в официальном органе Святейшего Синода, подверг критике именно это положение. Его реализация, по мнению публициста, привела бы к разобщению между прихожанами с одной стороны и причтом с церковным старостой с другой, к недоверию между ними и не способствовало бы процветанию приходского хозяйства⁸⁰⁴. Проект российского публициста не воспроизводил систему гражданских и имущественных цензов, которыми ограничивались права прихожан в Финляндии; в нем к прихожанам были отнесены «лица православного исповедания» как проживающие в пределах прихода, так и причисленные к нему по их желанию. Тем самым приход воспринимался не только как территориальная единица, но и хотя бы отчасти мог формироваться на добровольных началах. Контрольные функции за деятель-

---

⁸⁰⁴ Папков А. Новое устройство православных приходов в Финляндии. С. 228б.

ностью органов приходского управления, которые в проектах Великого княжества были предоставлены гражданским властям, в уставе А.А. Папкова были закреплены за властями епархиальными. В 1905 г. в официальном органе Синода публицист еще раз подчеркнул, что финляндские постановления «дают простор» приходской общине и являются образцом в устройстве церковно-приходской жизни для России⁸⁰⁵. Выше мы видели, что с этой же точки зрения, с точки зрения восстановления самоуправления прихода, так сказать, из российского, а не финляндского контекста рассматривал проект и архиепископ Сергей (Страгородский).

Между тем в самой России идея А.А. Папкова о возможности адаптации финляндских постановлений к российским условиям была принята далеко не всеми. Группа иерархов и интеллектуалов, довольно громко заявившая о себе при обсуждении приходского вопроса в Предсоборном присутствии 1906 г., снова заговорила о финляндских законах как об инструменте инфильтрации протестантских, лютеранских порядков в православное приходское устройство (см.: Глава 3 § 3). Активно по этому поводу высказывался профессор канонического права Казанской духовной академии И.С. Бердников⁸⁰⁶. В целом он и его единомышленники повторяли аргументы епископа Нарвского Владимира (Шимковича).

Летом 1905 г. финляндский проект был разослан епархиальным архиереям Российской Церкви вместе с синодальным циркуляром, в котором преосвященным предлагалось высказать свои мнения относительно перспектив церковной реформы, кроме того они должны были высказать свое мнение и о подготовленных финляндских постановлениях. Большинство из архиереев отнеслись к проекту благосклонно, сделав оговорки о необходимости его адаптации к российским условиям, некоторые сделали замечания и дополнения. Наибольшую критику вызвали три положения финляндского проекта: принудительность самообложения прихожан, введение имуще-

---

⁸⁰⁵ Там же.

⁸⁰⁶ *Бердников И.С.* О протестантском и православном приходе в Финляндии. СПб., 1908.

ственного ценза для участия в приходском собрании и необходимость участия светских властей (губернатора или его представителя) в приходском собрании по некоторым вопросам (см.: Глава 3 § 2).

Особенно остро критиковали проект с южного берега Финского залива – из Рижской епархии. Причем критика эта исходила из необходимости утверждения возможно более широкого самоуправления прихода. Прошедший осенью 1905 г. в Риге «епархиальный собор», в котором наряду с духовенством принимали участие представители приходов и братств, специально остановился на финляндском проекте и высказался по его поводу. Соответствующее решение было затем буквально повторено архиепископом Рижским Агафангелом (Преображенским) в его отзыве по вопросу о церковной реформе. Представители прибалтийской епархии признавали, что права прихода должны быть закреплены в законе, и в этом отношении они положительно оценивали финляндские постановления, но при этом категорически возражали против закрепления в законе гражданского и имущественного ценза, а также – против отстранения прихожан от церковных (храмовых) средств и сумм. Участники собрания напоминали, что сословный и имущественный цензы ограничивали права прихожан и в общеимперском законодательстве – в Положении о приходских попечительствах 1864 г. и в Инструкции церковным старостам 1890 г. Между тем, «огромная часть православных прихожан» не соответствовала этим цензам. Особенно это было актуально для Рижской епархии, где даже в таких городах как Рига и Ревель православная паства состояла в большинстве из безземельных батраков, почему в соответствии с цензами «почти вся православная паства Рижской епархии ставится *вне* церкви». По этой же причине представители прибалтийской епархии возражали и против той статьи финляндского проекта, в которой значимость голосов членов приходского собрания увязывалась с размером выплачиваемых ими налогов. Они подчеркивали, что подобные положения противоречат духу христианского равенства и поэтому не находили возможным брать

финляндский проект за основу будущего приходского устава даже в измененном виде⁸⁰⁷. Они заключали:

И пока нынешнее отношение закона к прихожанину, и ныне существующий порядок распоряжения церковно-общественным достоянием не будут заменены совершенно противоположными, – до тех пор духовенство и староста с одной стороны, и прихожане с другой будут по-прежнему взаимно считать себя друг другу чужими, имеющими разные и едва ли не противоположные стремления и заботы; и оживления церковно-общественной жизни при таком положении ожидать было бы совершенно напрасно⁸⁰⁸.

Более целесообразным участники собрания считали переработать Положение о приходских попечительствах 1864 г. На его основании они составили свой проект приходского устава, который просили Синод утвердить для Рижской епархии незамедлительно, «независимо от того, имеется ли в виду издать общее по сему предмету законоположение для всей России»⁸⁰⁹.

Рижский проект был гораздо более радикален в плане утверждения приходского самоуправления, чем проект их северных соседей⁸¹⁰. Участие в приходском собрании не ограничивалось никакими цензами, кроме возрастного. Приход самостоятельно решал вопрос об участии в собрании и в органах приходского управления женщин. Собрание могло распоряжаться храмовым имуществом и суммами (но не причтовыми) и рекомендовать архиерею кандидата на священническую вакансию. Работой постоянного органа приходского самоуправления (попечительства) руководил выборный председатель, не обязательно священник. (Последнюю норму проект явно наследовал из Положения 1864 г.) В попечительство могли избираться и «не живущие в приходе лица», но их число не могло быть более половины числа выборных членов попечительства. Тем самым размывался территориальный принцип

---

⁸⁰⁷ *Васильев Аф.* Первое явление воскресающей соборности. Рижский епархиальный собор 20 сентября – 6 октября 1905 года // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. Прибавления. № 48. 26 ноября. С. 2052–2053.

⁸⁰⁸ Там же. С. 2052.

⁸⁰⁹ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 199. Лл. 106–110; *Васильев Аф.* Первое явление воскресающей соборности. С. 2053–2057; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 905–908.

⁸¹⁰ Подробнее о Рижском проекте мы скажем в Главе 3 § 2.

организации прихода, а принцип добровольности при его формировании приобретал большее значение. Пожалуй, единственным положением рижского проекта, которое в какой-то степени опиралось на проект финляндский, была его апелляция к гражданским властям при организации приходских сборов; эти власти должны были реализовать принудительный характер решений о сборах, принятых собранием.

Как видим, особенностью прибалтийского проекта был его отчетливый социальный пафос, заключающийся в отказе от идеи цензов. Думается, в этом не было ничего случайного. Движение за присоединение к православию в Эстляндии и Лифляндии в середине XIX в. имело отчасти и характер социального протеста крестьян – эстонцев и латышей – против немецкого лютеранского дворянства⁸¹¹. Этот характер давал себя знать и в 1900-е гг. Поэтому и в проекте приходского устава для Рижской епархии религиозная и национальная идентичность православных эстонцев и латышей четко корреспондировала с их социальной идентичностью.

Таким образом, дискуссия вокруг устава православных приходов в Финляндии во второй половине XIX – начале XX вв. выявила, прежде всего, конфликт двух законодательных систем – общеимперской и Великого княжества. При этом, как мы говорили, именно проблема автономного финляндского законодательства находилась в центре взаимоотношений империи и княжества в этот период. Финляндские законы, финляндская «конституция» все больше воспринимались в Великом княжестве как залог национальной самостоятельности, национальной идентичности. Так, вопрос об уставе православного прихода оказался в самом центре конфликта между метрополией и окраиной и в самом центре процесса национального обособления Финляндии. Совершенно очевидно, что империя и общеимперское религиоз-

---

⁸¹¹ См., например: *Гаврилин А.* «Латышский» священник Иаков Михайлов // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 6 / Сб. ст. под ред. *А.В. Гаврилина*. Рига, 2007. С. 11–26; *Инфантьев Б.* Янис Лацис, его «Записки православного латыша» и «Летопись Адеркашской церкви» // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 3 / Сб. ст. под ред. *А.В. Гаврилина*. Рига, 2001. С. 7–67.

ное законодательство уступили в этом вопросе сенату и законодательству княжества. И это происходило в то время (в 1880–1900-е гг.), когда давление метрополии на финляндское законодательство росло, когда его обособленность начинала рассматриваться как несовершенство общеимперских институтов⁸¹². Однако, как мы видели, Петербург не посчитал вопрос о православных приходах для себя принципиальным, как это было, например, в случае с «продавливанием» в княжестве воинского и общего уголовных уложений и других законов. Отстаивание церковных интересов не находилось в ряду приоритетов имперской политики.

Между тем дискуссия затронула не только проблему национальной идентичности, но и идентичности религиозной, поставив вопрос, в какой степени проектируемое приходское устройство соответствует церковному, православному или лютеранскому представлению о правильном устройстве прихода. Обе законодательные системы претендовали на всестороннее регулирование сферы церковной жизни, но имели в виду различные модели этого регулирования. В Великом княжестве в соответствии с унаследованной шведской моделью религиозного законодательства, имевшего в виду, прежде всего, Лютеранскую церковь, предполагалась значительная включенность низовых церковных институтов в сферу гражданской жизни, выполнение ими функций местного управления и в силу этого – развитие органов приходского самоуправления и контроля гражданских властей за этими органами. В противоположность этому в империи светский и церковный бюрократический контроль за православным приходом (рассматриваемым, как мы видели (Глава 2 § 5), во многом как фискальная единица) предельно ограничивал полномочия сохранившихся органов приходского самоуправления. Для лютеранской традиции такая включенность в местное управление и подотчетность гражданским властям была естественна. Но для православных все это представляло проблему и выявило двойственность подходов.

---

⁸¹² Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 84–86.

Теми, кто был склонен отождествлять современное устройство церковной жизни в империи, саму систему «государственной церковности» с должным устройством Православной церкви, финляндские постановления воспринимались как инструмент вторжения протестантских порядков в низовую ячейку церковной православной жизни, как нарушение ее религиозной идентичности. Соответственно и любые предложения об адаптации финляндских проектов к российским условиям категорически отвергались этими иерархами, учеными и публицистами. Те же иерархи и публицисты, кто осознавал кризисное состояние православного прихода в империи и выступал за приходские преобразования, при рассмотрении финляндских проектов сосредотачивали свое внимание именно на детально проработанной системе приходского самоуправления, обращение к которой могло бы, по их мнению, помочь выявить подлинную церковную идентичность православного прихода в самой России.

Однако, как показала критика финляндского проекта в Рижской епархии, и с этой точки зрения он устраивал далеко не всех. В Прибалтике, на другой иноконфессиональной окраине Российской империи, прихожане и духовенство вовсе не ощущали той двойственности в определении религиозной идентичности православного прихода, о которой мы говорили на примере Финляндии. Напротив, здесь, выдвигая довольно радикальные проекты приходских преобразований, прихожане демонстрировали единство своей и религиозной, и национальной, а также – социальной идентичности.

ГЛАВА 3. ПРИХОДСКАЯ ПРОБЛЕМА В 1903–1916 ГГ. И ПОПЫТКИ РЕФОРМ

§ 1. Приход и первая русская революция 1905–1907 гг.

Приходский вопрос в первые годы XX столетия

В новое столетие православный приход Российской империи вступал в состоянии кризиса. За последние 40 лет только нарастало противоречие между беспомощными и часто формальными приходскими институтами и деятельной и полновластной крестьянской общиной, полномочия которой в приходских делах однако отрицались действующим законодательством. Отношения между прихожанами и приходскими пастырями в большинстве носили формальный характер, между ними существовало устойчивое отчуждение, при определенных обстоятельствах легко переходящее в неприязнь. Это отчуждение питалось тем, что российское духовенство по-прежнему представляло собой сословие, и его сословность, юридически отмененная в 1860-е гг., фактически продолжала сохраняться, а в чем-то и укрепляться и в начале XX в. Особенно часто недовольство между прихожанами и священниками возникало в связи с огромным финансовым бременем, которое лежало на приходах империи, поскольку большинство приходских взносов шло именно на сословные нужды духовенства. В крупных городах, а отчасти и на селе все заметнее давал себя знать кризис территориальности православного прихода, входивший в противоречие с все возрастающей горизонтальной мобильностью населения.

При этом правительство по-прежнему подходило к приходу с утилитаристских позиций, предполагая включить его в систему местного управления. На это указывали императорские манифесты 1903–1904 гг. Первый из них, Манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г., ставил задачей «дальнейшего упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью Приходских Попечительств при православных

церквах»⁸¹³. Эти слова однозначно были прочитаны общественностью и иерархами Российской Церкви как указание на то, что правительство взяло курс на создание мелкой земской единицы на базе православного прихода⁸¹⁴. Такую трактовку, казалось бы, подтверждал Именной высочайший указ, данный Сенату, «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., который прямо провозглашал намерение высшей власти учредить следующий уровень земского самоуправления «в небольших по пространству участках» и привлечь к работе на этом уровне «представителей всех частей заинтересованного в местных делах населения»⁸¹⁵. При этом не все иерархи смотрели с энтузиазмом на перспективу слияния прихода и мелкой земской единицы. Епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев) писал в начале 1906 г., что Церкви следует поспешить с приходской реформой, поскольку тот гражданский приход, который создаст государство, не станет преследовать религиозных целей. Поэтому нужно до реализации намеченной светскими властями реформы возродить церковный приход с правами «самодеятельной и самостоятельной церковно-юридической единицы»⁸¹⁶.

В 1899–1900 гг. и в 1905–1906 гг. сначала под председательством протоиерея М.И. Горчакова, а затем – викария Санкт-Петербургского митрополита епископа Гдовского Кирилла (Смирнова) приходский вопрос обсуждался на пастырских собраниях духовенства столицы. Главной целью этих собраний было обсуждение должного устройства приходов при петербургских церквах и отношения к ним причтов при домовых церквах общественных и казенных учреждений. В начале 1905 г. аналогичные пастырские собрания работали в Киеве. Здесь уже приходский вопрос обсуждался в более широ-

---

⁸¹³ ПСЗ(3). Т. 23. Отд. 1. 26 февраля 1903 г. № 22581. См. также: Кризис самодержавия в России. С. 132–141.

⁸¹⁴ См., например: Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 816 (епископ Псковский Арсений (Стадницкий)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 446 (епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)).

⁸¹⁵ ПСЗ(3). Т. 24. 12 декабря 1904 г. № 25495. См. также: Кризис самодержавия в России. С. 165–166; *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 149–150.

⁸¹⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 446.

ком контексте: киевляне обсуждали вопросы о применении к приходу и епархиальным учреждениям выборного начала, о том, следует ли допускать прихожан к заведованию церковным имуществом, об участии приходских пастырей в органах самоуправления и др.⁸¹⁷. Но главным вопросом, высказанным или не высказанным на собраниях, конечно, был вопрос о месте и роли мирян в приходе. Духовенство понимало, что предполагаемая приходская реформа потребует от него «допущения самого широкого участия прихожан-мирян в церковной жизни прихода»⁸¹⁸. И в своем большинстве относилось к этому, безусловно, отрицательно. Как писал один из современников,

Вопрос об оживлении современного церковно-приходского строя, поставленный на пастырских собраниях столичного духовенства в Петербурге и могущий там именно найти свое практическое и авторитетное решение, сразу запутался о понятие приходской территории и о средства приходской регистрации, т.е. свелся к благоприличному отклонению⁸¹⁹.

На пастырском собрании в Киеве этот же вопрос «прямо и решительно» был поставлен в докладе протоиерея Никандра Колпикова и здесь также «вызывал отрицательное к себе отношение у присутствующих слушателей». В частности, был дан категорический отрицательный ответ на поставленный докладчиком вопрос, желательны ли ввести выборы приходского духовенства и предоставить прихожанам участие в управлении и заведывании церковным имуществом. Более того, после напечатания доклада, среди провинциальных священников «произошло смущение», в Киев к председателю собраний «полетели» и на собраниях были прочитаны «смирнейшие доклады», резкие

---

⁸¹⁷ Пастырские собрания духовенства Киевской епархии о желательных преобразованиях церковного строя // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 50. 10 декабря. С. 2179; Летопись церковной и общественной жизни в России // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 13. 31 марта. Стб. 408; Журналы и протоколы... Т. 3. С. 287.

⁸¹⁸ *Потехин С., свящ. <-миссионер>*. Как подготовить приход к возможным в будущем реформам церковно-приходской жизни // Руководство для сельских пастырей. 1905. № 20. С. 62.

⁸¹⁹ Там же. С. 62–63.

протесты против его основных тезисов, вопли, стоны, «призывания кары – до небесного суда включительно»⁸²⁰.

Реакция духовенства была понятна. При такой постановке вопроса ему было, что терять, ведь даже обер-прокурор признавал, что епархиальные съезды духовенства, которые – как мы помним – фактически были органами его сословного самоуправления, «присвоили себе право полномочных хозяев <церковных средств>, позволяющих себе не только устанавливать разные обязательные сборы и облагать ими церковные доходы, но даже распоряжаться эксплуатацией церковных оброчных статей»⁸²¹. Расширение прав прихожан в управлении церковными средствами грозило прекратить эту практику, а ведь от нее зависело будущее детей духовенства, возможность получения ими образования в духовных школах. Их-то духовенство и финансировало из казны своих приходских церквей.

Между тем вопрос о церковных преобразованиях в конце 1904 г. был поставлен в Комитете министров в контексте разработки проекта введения в империи широкой веротерпимости. И государственные, и церковные деятели понимали, что в новой ситуации положение Православной Церкви не может не претерпеть изменений⁸²². В противном случае, она – как писал митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) – может остаться только «церковью государственной», тогда как, например, старообрядческая превратится в «церковь народную». В ходе возникшей в результате работы Комитета министров «исторической переписки», в которой участвовали председатель Комитета министров, Санкт-Петербургский митрополит и обер-прокурор Святейшего Синода, тема преобразования прихода прозвучала как одна из центральных. В записке С.Ю. Витте в духе работ А.А. Папкова с большой степенью идеализации описывался древнерусский приход, предлагалось вернуть

---

⁸²⁰ Пастырские собрания духовенства Киевской епархии о желательных преобразованиях церковного строя. С. 2179; *Потехин С., свящ. <-миссионер>*. Как подготовить приход... С. 63.

⁸²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 193. Л. 5.

⁸²² *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1–2. Царствование Николая II. Т. 3. Детство. Царствования Александра II и Александра III. (1849–1894). Л., 1924. Т. 1. С. 295–299; *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 150–154.

приходской общине распоряжение церковном хозяйством и участие в выборах священника, а также ввести налог на содержание духовенства⁸²³.

В записке митрополита Антония три из семи намеченных им пунктов желательных изменений строя церковного управления, касались православного прихода. Так, первоприсутствующий член Синода ставил перед государственными мужами вопрос, не следует ли распространить на православных священников права быть непременно членами общественных и государственных учреждений, «имеющих место в их приходах (в случае восстановления прихода как земской единицы), участвовать в мирском сходе и быть представителями общины перед властями при желании последней» (п. 4). Далее он подчеркивал, что для развития приходской благотворительности и «правильной организации приходской жизни» важно признать приход юридическим лицом с правом приобретения собственности, тогда как теперь имущество закрепляется за церковными установлениями только высочайшею волею (п. 6). Наконец, он обращал внимание, что возрождение и оживление прихода (от чего справедливо ожидают «благодетельных последствий» для народной и государственной жизни вообще) возможно только при децентрализации церковного управления, что ведет к мысли о необходимости пересмотра всего церковного строя (п. 7)⁸²⁴. Тем самым, вопрос о соборной реформе Российской Церкви в переписке возник как *следствие* вопроса о приходской реформе. Однако в ближайшие месяцы после того, как были написаны эти слова, Собор созван не был⁸²⁵, а страна погружалась в хаос первой революции.

---

⁸²³ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 297–298; *Преображенский И.В.* Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. СПб., 1908. С. 15–16; *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 151–152.

⁸²⁴ О желательных преобразованиях в управлении православною Церковью. Положения, внесенные в комитет министров высокопреосвященным митрополитом Антонием // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 15. 14 апреля. Стб. 451–453.

⁸²⁵ *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 155–174.

Брожение в приходах

Революция обострила и все внутрицерковные противоречия и, пожалуй, в первую очередь те, что касались приходских отношений. Наиболее яркое проявление недовольства прихожан заключалось в отказе выплачивать из средств приходских церквей взносы на епархиальные нужды. В публицистике того времени это явление получило точное наименование – *забастовок старост*. Старосты отказывались выдавать церковные деньги на общепархиальные нужды. Руководствовались они при этом постановлениями сельских сходов. Там же, где старосты пытались выполнять указания причтов, они восстанавливали против себя все село, в их адрес следовали угрозы, в том числе физической расправой. Некоторые причты в этой ситуации пытались отправлять деньги в консисторию втайне от прихожан – заранее, до установленного срока отчислений и частями. Однако не все находили это честным и позволительным. Передать же взносы «своевременно и открыто» оказывалось невозможно. Характерно, что во многих случаях решения крестьянских сходов были вполне официально оформлены и скреплены подписями сельских и волостных выборных лиц. Такие «забастовки» носили не единичный характер, а распространялись порой на значительные территории. В Архангельской епархии ими был охвачен, например, весь Шенкурский уезд⁸²⁶. В Орловской епархии «забастовали» все старосты одного из уездных городов. Они созвали собрание, на котором *единогласно* постановили просить высшие церковные власти об освобождении церковью города от уплаты взносов в пользу эмеритуры, духовного и епархиального училищ, благочиннической библиотеки, на содержание депутата епархиального съезда духовенства и др., а до ответа властей прекратить все выплаты за текущее полугодие. Объясняли свои действия старосты просто: все эти выплаты делаются

---

⁸²⁶ С.П. Из быта духовенства // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 6. 30 марта. Часть неофициальная. С. 186; Меры, принятые некоторыми приходами Архангельской епархии к оживлению и устройению церковно-приходской жизни // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 11. 15 июня. Часть неофициальная. С. 331–344; С.П. К вопросу о современном положении духовенства Шенкурского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 20. 30 октября. Часть неофициальная. С. 617–619.

только в интересах духовенства, а обязанность старост – заботиться о приходской церкви⁸²⁷. Об отказах выплачивать взносы на духовно-учебные заведения сообщали и из других мест⁸²⁸. В Саратовской епархии представители приходов сумели добиться сочувствия своим требованиям от епархиального съезда духовенства и мирян. Последний выработал и послал в Синод требования освободить церкви «от налогов» на духовно-учебные заведения, предоставить ведение церковного хозяйства самим приходам в лице попечительств и старост, предоставить право участия в окружных, благочиннических и епархиальных съездах мирянам, избираемым приходами с правом решающего голоса. Причем до удовлетворения выдвинутых требований выплаты прекращались:

В настоящее время, когда церковные средства истощены и совершенно расстроены до такой степени, что не могут удовлетворять собственные, самые необходимые нужды, всякие платежи и взносы с церковью прекращаются с 1 июля сего года⁸²⁹.

Широко распространялись и прямые вмешательства со стороны «приходских обществ» в управление церковными средствами, как правило, также в виде запретов делать те или иные отчисления⁸³⁰. Но атака на епархиальные взносы была только одной стороной приходской «революции». Другой ее жертвой были выплаты, шедшие на содержание духовенства. Прихожане отказывали ему в выплате руги, в ремонте причтовых домов, произвольно уменьшали плату за требы, иногда в 2–3 раза, причем, с точки зрения священников, последнее приобретало откровенно «издевательские» формы. Все это также не обходилось без мирских приговоров, утвержденных сельским и

---

⁸²⁷ Своеобразная забастовка // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 19. 1 октября. Часть неофициальная. С. 959.

⁸²⁸ Из духовных газет и журналов. Об упрощении и упорядочении взимания налогов на общепархиальные нужды // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 11. 1 июня. Часть неофициальная. С. 574–575; *Емельях Л.И.* Антиклерикальное движение в период первой русской революции. М., 1965. С. 93–95.

⁸²⁹ Из деятельности иноепархиальных съездов духовенства нынешнего года // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 16. 16 августа. Часть неофициальная. С. 827.

⁸³⁰ *Священник.* Пастырское собрание духовенства 1-го благочиния Шенкурского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 6. 30 марта. Часть неофициальная. С. 197.

волостным начальством. Причем крестьяне – нарушители новых правил приговаривались сходами к штрафам или внеочередному назначению на обременительные общественные должности. Кроме того, крестьяне отказывались обрабатывать причтовые земли и при этом препятствовали духовенству нанять работников из других приходов. Духовенство, очевидно, справедливо видело в этом прелюдию к захвату причтовых земель⁸³¹. В ряде мест сходы пытались изгонять из сел вдов духовенства, занимавших должности просвирен. Им отказывали в жилье, которое они снимали у «общества», объясняя это тем, что в приходе есть крестьянские вдовы, которые будут печь просфоры за более низкую плату и не будут занимать квартиру⁸³². Помимо Архангельской епархии, о подобном отношении к обеспечению духовенства сообщали из Курской, Рязанской, Воронежской епархий. Астраханский миссионер писал, что «всюду почти» распространились острые столкновения духовенства и прихожан из-за платы за требы, везде сходы устанавливают плату унижительную для духовенства, всюду царит «острая рознь и вражда»⁸³³.

Церковные власти реагировали вяло. Судя по сообщениям епархиальной прессы, в бунтарском Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1906 г. из-за отказа содержать духовенство причт был отозван только из одного прихода (приход стал приписным)⁸³⁴. Духовенство в своем большинстве безмолвствовало или пыталось достучаться до вышестоящего начальства через

---

⁸³¹ Собрание духовенства и церковных старост г. Архангельска по вопросу устроения приходской жизни // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 2. 30 янв. Часть неофициальная. С. 53.; *С.П.* Из быта духовенства. С. 183–187; Меры, принятые некоторыми приходами Архангельской епархии к оживлению и устроению церковно-приходской жизни. С. 331–344.

⁸³² *С.П.* К вопросу о современном положении духовенства Шенкурского уезда. С. 617–619.

⁸³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 199. Лл. 157–158 об. (Письмо председателю IV отдела епископу Могилевскому Стефану от причта Тихвинской церкви села Богородицкого Валуйского уезда Воронежской епархии 19 марта 1906 г.); Некоторые прискорбные явления для миссии от неправильно понятых дарованных свобод. (Из доклада епархиального миссионера 3-го участка протоиерея П. Горохова за 1905 г.) // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 16. 16 авг. Часть неофициальная. С. 807.

⁸³⁴ Определение Архангельской Духовной консистории от 6 июня 1906 № 333 о причислении крестьян Артемьевского прихода Шенкурского уезда в виду отказа платить причту ругу к соседнему Верхнепаденско-Покровскому приходу // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 12–13. 30 июня – 15 июля. Часть официальная. С. 237.

епархиальную прессу и резолюции своих окружных собраний⁸³⁵. Но мы, вероятно, не ошибемся, если предположим, что приходская «революция» только усиливала ужас духовенства перед возможной приходской реформой.

Впрочем, революция выявила не только рознь между прихожанами и пастырями, но и глубокие *внутрисловные противоречия*. Особенно острые конфликты разворачивались в этот период между священниками и младшими членами причтов. Псаломщики просили увеличения своей доли в общепричтовых доходах (с 1/4 до 1/3 или до 2/5), уравнивания своих голосов с голосами священнослужителей в сословных собраниях (благочинническом, на епархиальном съезде), в целом – отношения к себе не как к людям второго сорта⁸³⁶. Пастыри категорически не соглашались, говорили о «стачечном характере домогательства псаломщиков»⁸³⁷, отрицали свое недолжное к ним отношение. Отголоски некоторых из этих конфликтов докатывались до центральных церковных учреждений.

В ноябре 1905 г. псаломщик местечка Баклани Черниговской епархии Иларион Комлев «и многие другие» написали письмо епископу Могилевскому Стефану (Архангельскому), который на съезде духовенства своей епархии сказал несколько слов в защиту младших членов причта. Черниговские псаломщики благодарили его за это и просили взять под защиту всех псаломщиков Русской Церкви и, когда наступит время Собора, «освободить <их> от тиранства священников». Они, в частности, писали:

---

⁸³⁵ Меры, принятые некоторыми приходами Архангельской епархии к оживлению и устройению церковно-приходской жизни. С. 331–344.

⁸³⁶ К вопросу об устройении приходской жизни // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 5. 15 марта. Часть неофициальная. С. 152–154; К предстоящему епархиальному съезду духовенства // Архангельские епархиальные ведомости. 1905. № 10. 9 мая. Часть официальная. С. 361; *Иванов П.А., свящ.* Реформа прихода. Томск, 1914. С. 425–429; Отзывы печати на синодальное постановление об устройении церковно-приходской жизни и др. // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. Прибавления. № 51. 17 декабря. С. 2241–2242; Голос псаломщиков в делах церковных. Право мирян на участие в съездах // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. СПб., 1905. № 52. 24 декабря. С. 2295–2297; *Титов Валентин, диак.* Еще об отношениях священника к псаломщику // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 4. 28 февраля. Часть неофициальная. С. 112–118.

⁸³⁷ *Священник.* Пастырское собрание духовенства 1-го благочиния Шенкурского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 6. 30 марта. Часть неофициальная. С. 197.

Примеры на лицо: не новинка видеть священника ожиревшего, а псаломщика наоборот исхудалого и нравственно убитого; затем: дети первых нередко от роскоши проводят в учебных заведениях время и капиталы зря, а последних и при желании продолжать <учиться> увольняются. И, при этом, как не больно псаломщику терпеть от своих же пастырей самопроизвол и злоупотребления в доходной и без того бедной 4-й доли. Словом, кратко нельзя о всем выразить как только: лентяи священники, явные воры, а при случае и разбойники. И если священники не молчат в печати о своих поправках, то псаломщикам следует издавать – стоны, иначе (молчанием) все насущное пролетит мимо навсегда. Без сомнения, что молчание угнетенных происходит от замкнутости или неразвитости. Будем надеяться, что эти и многие другие вопросы по улучшению быта псаломщиков будут принадлежать беспристрастным и просвещенным защитникам – иерархам, помощником которых будет сама жизнь⁸³⁸.

Конкретные примеры притеснений со стороны священнослужителей приводили псаломщики в другом письме, присланном в Синод, на этот раз анонимном. Они писали, что младшим членам причтов негде искать справедливости, поскольку жаловаться благочинным бесполезно,

где уже о. Благочинный принимает участие, по следствию конечно всегда причт останется виновным и кого-либо переводят в наказание в плохой приход, вот где уже встречает <нрзб.> с псаломщиком полнейший разор в жизни, и некоторые от прискорбия уходят в могилу, оставляя кучу детей. Долго ли протянется это бичевание причтов и когда воссияет над нами Солнце Правды. Ваше Святейшество, мы все для Вас равны, как бы дети одного отца, надеемся, Вы для нас будете Солнце Правды⁸³⁹.

Свои контраргументы приводили и священники. Они обвиняли своих младших собратьев в грубости, неразвитости, в том, что из-за них народ издевается над духовным чином. Они предлагали упразднить церковно-служительскую должность и ставить на это место диаконов-псаломщиков:

---

⁸³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 199. Лл. 154–155 об.

⁸³⁹ Там же. Лл. 150–150 об.

При упразднении должности псаломщика, легкомыслие, клиросные шутки, смехотворство, небрежное отношение ко всему священному и проч., – все сие искоренится сразу; водворится же полное благочиние, благоговение и страх Божий⁸⁴⁰.

Тогда, рассуждали священники, народ потеряет поводы к насмешкам и «станет в ближайшее отношение к служителям алтаря Господня»⁸⁴¹.

Священники конфликтовали не только с младшими членами причта и прихожанами, но и между собой. В сельских приходах по-настоящему «большим вопросом» стал вопрос о принципах раздела вызревшего на причтовых землях урожая между священником, переводившимся из прихода, и приходившим на его место. Этот раздел, как сетовали некоторые авторы, редко бывал справедлив, предместник обычно оставлял преемнику худшую часть (худшее семенное зерно, гнилое сено и т.п.). Преемники часто начинали тяжбу, разгорались страсти – «обман и ложь со стороны предместника, осуждение, зависть, злоба со стороны преемника»⁸⁴².

Намечался и конфликт духовенства, прежде всего его высшей страты, пресвитеров – с епархиальными властями. Ряд съездов епархиального духовенства, например, в Калужской и Симбирской епархиях вступили в конфликт с епархиальными преосвященными, отменяли их постановления, принимали свои радикальные резолюции, направленные против епархиальной власти. Архиереи ограничились указаниями на превышение съездами их компетенции, в Симбирске изъяли общественные вопросы из обсуждения на пастырских собраниях⁸⁴³.

Приходский вопрос в публицистике и публичных выступлениях революционных месяцев

С весны 1905 г., с того момента, как предполагаемая церковная реформа стала обсуждаться публично, на страницах печати практически постоянно

---

⁸⁴⁰ Там же. Л. 174.

⁸⁴¹ Там же. Лл. 163–174 об.

⁸⁴² *Верюжский М., свящ.* Большой вопрос // Архангельские епархиальные ведомости. 1905. № 18. 30 сентября. Часть неофициальная. С. 692–693.

⁸⁴³ Из духовных газет и журналов. С. 575–576; Из других епархий // Астраханские епархиальные ведомости. 1906. № 12. 16 июня. Часть неофициальная. С. 636.

присутствовал и приходский вопрос. Как правило, он обсуждался в трех аспектах: возможности выбора духовенства прихожанами, возможности распоряжения последними церковным имуществом, обеспечения клириков устойчивым содержанием. Причем очень часто все три аспекта перемешивались, рассматривались во взаимосвязи, следовали один из другого, втягивали в свою орбиту и другие вопросы церковных преобразований. Так, в довольно ярком выступлении протоиерея Филимона Янковского из города Верный (Алма-Ата) решение вопроса о выборе и содержании духовенства вытекало из его идеи кардинального разукрупнения приходов и епархий. Он считал, что оптимальный размер прихода не должен превышать 100 прихожан обоего пола. Только в этом случае пастырь сможет действительно находиться в постоянном общении со всеми своими пасомыми, назидать их словом и делом во всех удобных обстоятельствах. Такие пастыри должны были выбираться из среды самих прихожан с одобрения клира города или местности, а также гражданских властей; утверждать выбор должен был епископ. Причем, по мысли отца протоиерея, руководя малым приходом, такие «народные пастыри» не должны были оставлять своих «домашних занятий», то есть зарабатывать себе на жизнь тем способом, которым они зарабатывали до священства. Речь шла о том, что пастыри будут обеспечивать себя сами, и таким образом, вопрос о жаловании для духовенства и его источниках отпадет сам собой. Как образец такого «народного пастырства» отец Филимон приводил приходское пастырство православного Востока. Он обильно цитировал записи об этом епископа Порфирия (Успенского) и, фактически, был горячим популяризатором именно его идеи «народного пастырства»⁸⁴⁴.

Интересно, что подобные проекты «народного пастырства» возникали в этот период совершенно независимо друг от друга и от писаний епископа Порфирия в разных концах страны. В феврале 1906 г. в Синод был прислан

---

⁸⁴⁴ Янковский Ф.И., *прот.* О преобразовании русской православной Церкви // Христианское чтение. 1906. № 11. С. 621–643; № 12. С. 806–814. Ср. аналогичное отношение к идеям епископа Порфирия (Успенского) в книге Н.Н. Дурново (см.: Глава 2 § 7): Церковные вопросы в России. С. 115.

проект священника Иосифа Строева из села Крутолучинского Тюкалинского уезда Тобольской губернии Омской епархии «О порядке избрания и назначения кандидатов на разные степени священства»⁸⁴⁵. Свою записку сибирский пастырь начинал с утверждения, что введение выборного порядка формирования клира будет «началом гибели» Русской Церкви, но тут же оговаривался, что и старый порядок не может считаться удовлетворительным. В соответствии с ним, образование – единственный и главный критерий при отборе кандидатов и епископу трудно отделить ищущих места ради куска хлеба от стремящихся к подвигу служения. Потому духовенство в большинстве оказывается слишком далеким от идеала. Как же соединить образование и нравственность, задавался вопросом отец Иосиф. В качестве ответа на этот вопрос он предлагал свой проект. Согласно ему, приходы следовало расширить так, чтобы они занимали территорию чуть менее благочиннических округов. В центре такого прихода служил бы настоятель, по возможности с высшим образованием, при нем – помощники, диакон и псаломщик, тоже с образованием. Этому причту отец Иосиф предлагал положить государственное жалование (от 1500 руб. в год священнику). В состав такого прихода входили бы примерно 10 селений, в каждом из которых следовало устроить церкви, часовни, молитвенные дома со своими священниками. Это были бы уже «народные пастыри» из грамотных, но главное глубоко религиозных мирян. Они жили бы своим трудом и «даровыми даяниями», и именно они могли бы выбираться прихожанами. Для них священство было бы подвигом, а не доходной должностью.

А что в каждом селении и теперь найдутся два, три человека (лучше старца), благочестивых, не нуждающихся в средствах и готовых принять сан ради чести и спасения души, которых легко приспособить для требоисправления и совершения богослужений, это не подлежит сомнению⁸⁴⁶.

---

⁸⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 199. Лл. 143, 144–148 об., 149.

⁸⁴⁶ Там же.

При этом вся канцелярская работа должна была бы лежать на причте приходского центра, отвечать за нее должен был настоятель, он же был бы и руководителем своих собратий, блюстителем всякого порядка, и тем, кто составляет для прочтения проповеди или сам проповедует. Допущение мирян к священному сану, заключал свою записку отец Иосиф, пробудит в народе религиозный интерес, и в будущем в кандидатах будет большой избыток, а число настоятельских мест будет гораздо менее нынешних священнических и найти на них кандидатов и с образованием, и преданных Церкви будет легче⁸⁴⁷. Думается, такой проект «народного пастырства» не случайно возник именно в Сибири, где недостаток священников с семинарским образованием ощущался особенно остро.

Между тем большинство духовенства крайне отрицательно смотрели и на перспективу приходских выборов, и на идею «народного пастырства»⁸⁴⁸. В прессе отмечали, что проекты приходской реформы повергли духовенство в «удручающее настроение»⁸⁴⁹. Как замечал один из современников, духовенство на своих съездах толкует о выборном начале как о своем праве войти в органы церковного управления, но как только речь заходит о выборах приходского духовенства, «точка отправления меняется» и съезды оказываются категорически против выборного начала⁸⁵⁰. Схожие наблюдения делал и епископ Антоний (Храповицкий)⁸⁵¹. С гораздо большим энтузиазмом священнослужители обсуждали перспективу назначения жалования от казны. Различные проекты, резолюции и предложения в этом духе появлялись в самых

---

⁸⁴⁷ Этот проект поразительно похож (хотя, без сомнения, возник независимо от него) на описание в 1846 г. епископом Порфирием (Успенским) того, как устроены приходы на православном Востоке. Там, согласно этому описанию, большинство составляли священники из среды горожан или селян, которые не имели права проповедовать, а один из священников селения или местности имел богословское образование и мог проповедовать во всей округе. Ср.: Церковные вопросы в России. С. 115.

⁸⁴⁸ *Филевский Иоанн, свящ.* О выборах прихожанами священников // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 11. 17 марта. Стб. 325–327; Об оживлении прихода // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 30. 23 июля. С. 1260–1261; О приходской реформе // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 51. 17 декабря. С. 2245–2246.

⁸⁴⁹ *Преображенский И.В.* Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 61.

⁸⁵⁰ *Ревнитель* // Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 61.

⁸⁵¹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 173.

разных епархиях. Их авторы с большим увлечением обсуждали различные детали, высчитывали оптимальные размеры жалования в зависимости от разной категории приходов, предлагали индексировать его в зависимости от выслуги лет. Обсуждали и различные аргументы, традиционно приводившиеся в поддержку такого способа обеспечения духовенства и против него. Апологеты жалования, как правило, уверенно отклоняли центральный аргумент своих оппонентов, заключающийся в том, что назначение жалования будет только углублять отчуждение пастыря от паствы. Наоборот, считали они, именно плата за требы мешает «доброй и согласной жизни» священника с приходом, умаляет его нравственное влияние. В оправдание скорейшего назначения государственного содержания приводились примеры бедственного материального положения сельского священства⁸⁵².

Более чем настороженный характер отношения приходского духовенства к приходской реформе проницательным наблюдателям был ясен уже в весенние месяцы 1905 г., то есть до начала активного противостояния прихожан и священнослужителей в приходах. Об этом, в частности, писал в газету славянофильской ориентации «Русское дело» епископ Новомиргородский (викарий Херсонской и Одесской епархии) Димитрий (Сперовский):

В этой реформе, в особенности когда дело касается восстановления древнего русского прихода, наши батюшки, пожалуй, готовы будут усмотреть только якобы незаконное посягательство на их права и благосостояние со стороны мирян⁸⁵³.

Примерно через месяц с этим мнением соглашались публицисты разных изданий; писали, что самые основы проекта приходской реформы, в том числе, идея приходских выборов «повергли сельское духовенство в удручающее

---

⁸⁵² См., например: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 199. Лл. 136–141 об., 142, 157–158 об.; Собрания духовенства совместно с мирянами // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. Прибавления. № 37. 10 сентября. С. 1585; Мнения Подольского епархиального съезда 1905 года по вопросам о необходимых реформах в церковно-приходской жизни вообще и Подольской епархии в частности // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. Прибавления. № 49. 3 декабря. С. 2124.

⁸⁵³ Цит. по: Димитрий, еп. Новомиргородский. Письмо православного епископа // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 12. 24 марта. Стб. 363.

настроение»⁸⁵⁴. Между тем как церковные, так и светские авторы обсуждали возможный ход проведения реформы. «Новое время» писало:

Все – для народа, ничего – для сословия, все – для церкви, ничего или очень немного – для иерархии: вот краткий руководительный принцип, приняв который во внимание, духовенство и практические деятели преобразования могли бы избежать множества ошибок, недоумений о том, для кого и для чего реформа⁸⁵⁵.

Поэтому следует начать церковные преобразования, введение принципа соборности одновременно «сверху» и «снизу», как об этом пишет издатель «Русского дела» С.Ф. Шарапов, или даже скорее – «снизу», ранее патриаршества следует дать автономию приходам.

Без разрешения этого коренного вопроса нашей церковной жизни восстановление патриаршества явилось бы только простым перенесением власти из рук высшей бюрократии в руки высших представителей черного духовенства⁸⁵⁶.

Конечно, продолжала газета, преобразование центрального церковного и приходского устройства надо провести одновременно, но во главу угла следует поставить заботу о мирянах,

ради которых собственно существуют и патриархи, и митрополиты, и «весь священнический чин». Прежде всего нужно разрешить приходский вопрос. Все остальное приложится⁸⁵⁷.

Вскоре в том же издании появилась статья Г.Я. Киреевского, который высказывался в аналогичном ключе и считал, что центр тяжести реформы должен находиться в «фундаменте церковной жизни» – в оживлении прихода. Без этого он считал опасным единоличное главенство патриарха. Гарантии от возможных произвола и чрезмерных притязаний патриарха, писал публицист, заключаются не в расширении прав иерархии и духовенства, которые не приучены к свободному и мужественному противостоянию произ-

---

⁸⁵⁴ Цит. по: Мнения и отзывы // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 17. 28 апреля. Стб. 519.

⁸⁵⁵ Цит. по: Мнения и отзывы // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 14. 7 апреля. 427.

⁸⁵⁶ Цит. по: Там же. С. 428.

⁸⁵⁷ Цит. по: Там же. С. 428.

волу, а только – «во введении общественного контроля в церковное управление, начиная с приходской жизни». Замена вицмундира на клобук, заключал автор, сама по себе еще ничего не предрешает, «тем более, что по части властолюбия, честолюбия и деспотизма монашеский клобук, как известно, несколько не уступит виц-мундиру и даже перещеголяет его»⁸⁵⁸. Аналогичным образом о том, что церковные преобразования должны начаться «снизу», с реформы прихода, которую следует провести, возможно, даже ранее созыва Собора, высказывались и другие авторы⁸⁵⁹.

Впрочем, отдельные священники осознавали неизбежность перемен в приходском строе и пытались подготовиться к ним сами и подготовить своих собратьев⁸⁶⁰. Киевский священник С.М. Потехин на страницах «Руководства для сельских пастырей» пытался объяснить читателям настороженность духовенства перспективой приходской реформы. Он писал, что недоброжелательное отношение священнослужителей к участию мирян в церковно-приходских делах объясняется не тем, что духовенство не желает единения с паствой, а тем, что оно испытывает страх за судьбы Церкви. Ведь сейчас в числе членов Церкви «много плевел» – злых, порочных людей, церковная дисциплина ослабела, и они остаются расти в церковной ограде, а не исторгаются из нее, но получив права на ее дела, могут причинить Церкви много зла⁸⁶¹. Пастырь предлагал своим братьям начать создавать приходские братства, которые объединяли бы преданных Церкви прихожан, составляли бы религиозное ядро прихода.

Из состава современного прихода братство выделило бы и представило бы собою действительный православный приход, т.е. истинную православную приход-

---

⁸⁵⁸ Цит. по: Мнения и отзывы // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 15. 14 апреля. Стб. 455–456.

⁸⁵⁹ Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 3–6.

⁸⁶⁰ Некоторые из них прямо оспаривали мнение епископа Димитрия, говоря, что не видят посягательств на их права со стороны мирян. См.: *Сельский священник*. Голос сельского священника // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 16. 21 апреля. Стб. 497–498.

⁸⁶¹ Потехин С., *свящ. <-миссионер>*. Как подготовить приход... С. 63.

скую Церковь, сознательную, живую, имеющую право принимать участие в своих делах⁸⁶².

Это и было бы, по его мнению, лучшей подготовкой к реформе, тогда приходскому священнику не пришлось бы ее опасаться. Он приводил примеры такого добровольного «соединения лучших, преданных Православной Церкви и приходскому делу прихожан вокруг своего священника и приходского храма» в городах, но оговаривался:

К сожалению, мы не знаем ни одного братства в сельских приходах, устроенного с целью выдвинуть из разношерстной толпы прихожан людей, преданных Церкви, которых можно было бы безбоязненно допустить к участию в делах церковных⁸⁶³.

Но при этом выражал убежденность, что такие опыты уже делаются.

Тем временем события в стране развивались стремительно. 17 октября 1905 г. был обнародован императорский манифест, который даровал подданным Российской империи основные гражданские свободы, в том числе – свободу слова и свободу собраний. 1 и 2 декабря 1905 г. в газете «Россия» была опубликована статья А.А. Папкова, которая рассматривала приходский вопрос в свете императорского манифеста. Статья имела говорящий заголовок: «Единственный возможный в настоящее время путь к восстановлению православного прихода – явочный порядок», а жанр статьи автор определял вполне в духе революционного времени как «воззвание к священникам и прихожанам»⁸⁶⁴. Публицист заявлял, что теперь нет никаких препятствий для самоорганизации православного прихода, поскольку сняты все ограничения для любого вида общественной самоорганизации. Если ранее, до издания манифеста – рассуждал он – требовалось издание особого приходского устава, санкционирующего приходское самоуправление, то теперь – необходимость в издании такого устава отпала. «Освободительный манифест» 17 октября

---

⁸⁶² Там же. С. 65.

⁸⁶³ Там же. С. 69.

⁸⁶⁴ Папков А.А. Единственный возможный в настоящее время путь к восстановлению православного прихода – явочный порядок: (Воззвание к священникам и прихожанам). СПб., 1905 (оттиск из газ. «Россия» №№ 24–25 от 1–2.12.1905).

«возродил и православный приход!»⁸⁶⁵ Православным верующим вместе со своими священниками нужно просто собраться и «явочным порядком» реализовать свои «древние» приходские права. А.А. Папков был убежден, что светская власть теперь не только не захочет, но и не сможет чинить препятствия к восстановлению прихода, к созыву приходских собраний и советов. Более того, «при теперешних политических обстоятельствах» власть должна быть заинтересована в приходах как таких союзах, на которые можно возлагать некоторую надежду в том, что их христианская деятельность может внести успокоение и умиротворение в народную среду⁸⁶⁶. В новой ситуации писанные уставы скорее могут повредить делу приходского возрождения, ибо

Обновленный приход, осеняемый духом Христовым, содержит в себе столько творческих сил и может обнаружить столько новых потребностей, что учесть их заранее не представляется ни возможности, ни необходимости⁸⁶⁷.

Проповедник приходского возрождения был уверен, что новый, организованный явочным порядком приход будет распоряжаться и церковным имуществом, и выбирать своих священнослужителей. Как на пример осуществления этих его прав он указывал на собрание православных латышей в Либаве, которые 13 ноября организовали приход и избрали участника своего собрания в его будущие священники⁸⁶⁸. При этом А.А. Папков разъяснял свое понимание «выборного начала»: оно сводится к тому, чтобы законные желания прихожан иметь пастырем определенное лицо не отклонялись без достаточных оснований и чтобы назначения и перемещения священников не делались «без ведома и вопреки желанию их самих и прихожан»⁸⁶⁹. Главную задачу приходских преобразований он видел в восстановлении «христианской общительности», той «чудодейственной общественности», которая ос-

---

⁸⁶⁵ Там же. С. 19.

⁸⁶⁶ Там же. С. 17. Ср.: Там же. 11.

⁸⁶⁷ Там же. С. 13. Ср.: Там же. 17.

⁸⁶⁸ Там же. С. 3–4.

⁸⁶⁹ Там же. С. 9.

нована на братолюбии и без которой все формальные меры не приведут к результатам⁸⁷⁰.

В заключение своей статьи он «от всей удрученной такими тяжкими событиями души» обращался к «добрым пастырям» и «возлюбленным братьям» с призывом безбоязненно соединиться и устроить свою приходскую жизнь. Он понимал, что это дело будет трудным, что оно потребует развития всех творческих сил, нелицеприятия, бескорыстия и снисхождения друг к другу. Многие, продолжал публицист, восстанут против этого дела по корыстолюбию и властолюбию, другие – по незнанию и новизне дела, где-то светлое начало затемнится. Но твердо верим и надеемся, заключал он, что будут и места, «где пастырям удастся связать из некоторых лучших приходжан ядро, которое будет расти и укрепляться», где приходские деятели-пионеры, вооруженные знанием канонов и отеческих законов, отразят все нападки и придирки и возродят «нашу многострадальную православную приходскую общину. Да будет так!»⁸⁷¹.

В убеждении, что государственные акты, провозглашающие свободу слова и собраний, то есть открывающие путь для создания различных общественных объединений, достаточны для возникновения и функционирования православного прихода, конечно, ярко проявилось понимание А.А. Папковым (вслед за Д.Ф. Самариним и другими славянофилами) прихода как «общественной единицы», как части гражданского общества. Однако думается, что публицист переоценивал силы «приходских деятелей», а главное – упускал из виду, или не придавал должного значения тому обстоятельству, что наибольшее сопротивление намеченным им преобразованиям последует со стороны приходских священников. Впрочем, значимость последних для будущего приходской реформы А.А. Папков и его единомышленники не могли не осознавать. Через неделю после публикации его газетной статьи в официальном органе Синода «Церковных ведомостях» увидел свет «Призыв к пра-

---

⁸⁷⁰ Там же. С. 11.

⁸⁷¹ Там же. С. 21–22.

вославному приходскому духовенству», который – как было сказано в редакционном примечании – был доставлен в редакцию «ревнителями возрождения церковно-общественной жизни в России»⁸⁷². Это новое воззвание базировалось на идеях А.А. Папкова и, возможно, было составлено им самим. Начиналось оно обращением: «Пастыри и братья православные христиане!» Затем рисовалась идеальная картина прежнего, древнерусского прихода, внутри которого «наши предки» жили «в братском единении» между собой. «Таковыми приходскими союзами во имя братской любви и стяжала наша родина название “Святой Руси”». Исполдволь в возвании велась полемика с тезисом о кризисе допетровского прихода: если бы не было – говорилось в нем – в тех приходах «духа жива», Минин и Пожарский не освободили бы Россию от поляков. Также в «призыве» четко указывались характерные черты того идеального приходского устройства: заведование всеми церковно-приходскими делами со стороны прихожан и избрание ими духовенства. Однако сегодняшний приход, писали составители возвания, бессилен, в нем отсутствуют дела любви. В том числе это происходит потому, что у прихода нет права вести свои дела по общему совету всех прихожан и потому, что прихожане не могут следить за тем, чтобы приносимые ими лепты достигали своего назначения. От оскудения духа, говорилось далее, происходят все общественные бедствия – военное поражение и междоусобица. Поэтому надо объединяться в союзы православной веры в приходах.

Объединившись по приходам и заявив непреклонную волю жить в братских союзах, прихожане исполняют как веление православного Царя, неоднократно провозглашавшего Свое желание воскресить русский приход, так и святую волю Вседержителя⁸⁷³.

Очнитесь – завершалось воззвание – и поспешимте исправить это дело «нашего общего нечестия!». Трудно сказать, насколько такие обращения

---

⁸⁷² Призыв к православному приходскому духовенству // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. Прибавления. № 50. 10 декабря. С. 2170–2171.

⁸⁷³ Там же. С. 2171.

действительно могли двинуть вперед дело приходской реформы. Думается, что если они и могли вдохновить кого-то из мирян, то приходских пастырей они могли только еще более насторожить и обеспокоить. Да и реальные попытки приходских преобразований в этот момент шли несколько в ином русле.

Так, в эти летние и осенние месяцы 1905 г. то там, то здесь предпринимались локальные попытки оживить приходскую жизнь. В Нижегородской епархии преосвященный Назарий (Кириллов) утвердил устав приходских миссионерских кружков – «союзов ревнителей православия», возглавляемых приходским пастырем. Они должны были действовать в пределах прихода и вести просветительскую деятельность, а также оказывать нравственную, материальную и юридическую помощь новообращенным. Координировать работу кружков было призвано епархиальное братство святого Креста⁸⁷⁴. В Курской епархии съезд духовенства – в духе проектов 1890-х гг. – признал «желательным и необходимым» открытие во всех приходах епархии приходских попечительств. На это было получено разрешение архиерея, который разъяснял, что духовенство может «возможно скорее приступить к открытию приходских попечительств» без испрашивания каждый раз дополнительного благословения «ко благу и объединению приходов»⁸⁷⁵. В одном из благочиний Томской епархии было разрешено «в виде опыта» на три года организовать приходские братства или «общества ревнителей православия». Их членами могли быть прихожане обоего пола, всех званий и состояний по их желанию. Основной их целью, как и нижегородских кружков, была борьба с «расколо-сектантством» путем сплочения прихожан вокруг приходского пастыря. Вместе с тем, их устав предполагал достаточно широкое поле деятельности. Они могли заботиться о христианском просвещении, о благолепии

---

⁸⁷⁴ Приходские кружки ревнителей православия // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. Прибавления к Церковным ведомостям. № 40. 1 октября. С. 1716.

⁸⁷⁵ Распоряжения епархиальных начальств: Курского – о порядке открытия церковно-приходских попечительств // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 27. 2 июля. С. 1133.

храма, содействовать улучшению чтения и пения, помогать бедным, заботиться о своем нравственном совершенствовании и даже о гигиене в приходе. Но также они призывались наблюдать и за нравственным состоянием других прихожан. Эти общества должны были чаще собираться «без формальностей» за братской беседой; один день в году устанавливался для братского праздника⁸⁷⁶. Как видим, все эти попытки шли по старым, намеченным еще в 1860–1890-х гг. путям. Речь шла или об укоренении на приходской почве миссионерских братств (которые ранее носили надприходский характер), или о принудительном насаждении во всех приходах попечительств. И если братства, «союзы ревнителей» еще могли выступить ядром нового прихода, то в отношении попечительств это было сомнительно.

Особняком на этом фоне стояло движение за приходскую реформу, которое разворачивалось в Рижской епархии (объединявшей территорию современных Латвии и Эстонии). С 20 сентября по 6 октября 1905 г. в Риге прошел «епархиальный собор» с участием представителей приходов, которые единодушно высказались за участие прихожан в ведении церковно-приходского хозяйства и за участие в выборе священника. В последнем случае речь шла о том, чтобы ходатайство за определенного кандидата не отклонялось епархиальной властью без достаточных оснований и чтобы священники не переводились без их желания и желания прихожан. «Собор» критически высказался относительно действующего законодательства о приходе (о Положении о попечительствах и об Инструкции церковным старостам) и о проекте о приходском собрании и совете в Финляндии. (Соответствующие суждения практически в точности будут повторены в отзыве преосвященного Рижского Агафангела (Преображенского) по вопросу о церковной реформе.) «Собор» единогласно принял свой проект приходского устава (см.: Глава 3 § 2) и постановил ходатайствовать, чтобы он был утвержден законодательной

---

⁸⁷⁶ Устав приходских братств в Томской епархии // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 36. 3 сентября. С. 1536–1538. Ср. также: Устав приходских братств в Литовской епархии // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 32. 6 августа. С. 1363–1365.

властью для Рижской епархии немедленно, «независимо от того, имеется ли в виду издать общее по сему предмету законоположение для всей России»⁸⁷⁷.

Определение Синода от 18 ноября 1905 г. и реакция на него

Через месяц после манифеста 17 октября приходская реформа из области предположений и дискуссий, казалось бы, стала переходить в область практических действий. 18 ноября 1905 г. неожиданно, как потом признавались некоторые преосвященные⁸⁷⁸, было принято Определение Святейшего Синода *«По вопросу об устройении церковно-приходской жизни и пастырских собраний»*⁸⁷⁹. В нем говорилось, что в тяжелые дни великой скорби «является настоятельнейшая и неотложная нужда в теснейшем единении пастыря с паствой и в постоянном взаимообщении пастырей»⁸⁸⁰. Поэтому Синод обращал внимание преосвященных на необходимость приложить старания к оживлению приходской жизни, поскольку в Церкви «первое общение христиан» за пределами семьи происходит вокруг храма и пастыря. И сегодня, говорилось далее, пастыри и миряне объединяются в братствах и приходских попечительствах, но попечительства и братства существуют не везде, а «устройство же самого прихода-общины на твердом законе не может тотчас совершиться, требуя работы законодательной и многих перемен». Однако откладывать это устройство в настоящее тяжелое время «совсем нежелательно», поэтому Синод предлагал преосвященным такие правила и указания, которые могли быть выполнены безотлагательно, без особого нового гражданского закона, «лишь при условии сердечного и настойчивого попечения о деле сем епархиальной власти»⁸⁸¹. Далее следовали шесть пунктов-указаний епархиальным архиереям:

---

⁸⁷⁷ Васильев Аф. Первое явление воскресающей соборности. С. 2047–2062.

⁸⁷⁸ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 337.

⁸⁷⁹ Определение Св. Синода от 18 ноября 1905 г. за № 5900 «по вопросу об устройении церковно-приходской жизни и пастырских собраний» // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 48. 26 ноября. С. 523–525.

⁸⁸⁰ Там же. С. 523.

⁸⁸¹ Там же. С. 524.

1. Предложить настоятелям созывать общие *церковно-приходские собрания* «из достигших гражданского совершеннолетия преданных Церкви прихожан всех состояний и званий» с целью теснейшего общения прихожан с пастырем и между собой для суждения о способах удовлетворения нужд прихода в религиозно-нравственном, просветительном, благотворительном отношениях, для возбуждения в приходе усердия к храмам Божиим, к делам и вопросам веры, для содействия духовенству к успешному исполнению его обязанностей.

2. Из состава собрания по его избранию следовало учредить «для ближайшего осуществления задач приходской жизни» постоянно действующий *церковно-приходский совет* под руководством и председательством священника-настоятеля. Число членов-мирян в нем не должно было превышать 12.

3. Собрания и советы не должны вводиться «с принуждением и с нарушением установленного церковного строя», а также там, где существуют попечительства, братства, церковные советы, только если о том попросят сами прихожане.

4. Члены церковного совета «могут быть приглашаемы» причтом и старостой «к участию в заведывании церковным хозяйством».

5. При открытии приходского собрания – особенно впервые – рекомендовалось приглашать благочинного.

6. Дальнейшие подробности устройства собраний и советов могли быть предоставлены решению самих собраний, в согласии с общими указаниями и с одобрения епархиальной власти.

Устроение приходской жизни – отмечалось в определении – может потребовать созыва пастырских собраний, на что Синод давал свое благословение. На эти пастырские собрания могли быть приглашены и миряне из числа членов приходских советов, попечительств, братств. Постановления пастырских собраний должны были утверждаться епархиальными преосвященными. В заключение говорилось, что Синод «питает уверенность», что преосвященные «приложат самое сердечное попечение к благоустроению приходов и

осуществлению пастырских собраний на преподанных Св. Синодом общих указаниях»⁸⁸².

В том же номере «Церковных ведомостей», в которых было опубликовано синодальное определение, передовица «Прибавлений» была посвящена только что вышедшему определению, являясь его официальным комментарием⁸⁸³. В нем выражалась уверенность, что определение должно быть встречено всеми ревнителями приходского обновления с живой радостью и надеждами. Их призывы, «начиная с Самарина» (наконец-то первопроходец приходской темы удостоился положительного упоминания в официальной церковной прессе), теперь услышаны. Определение именовалось в статье «великим начинанием». Далее анонимный автор останавливался на основных пунктах синодального документа. Приходские собрания, писал он, разрешены инструкцией церковным старостам, но определение шире формулирует их задачи, ставит их на первое место в деле приходского устройства, в чем есть прямая параллель с православным Востоком. Приходский совет – это новый орган (правда, уже существующий в финляндских приходах). Это «исполнительный орган» собрания, перед которым он дает отчет. На православном Востоке также существует аналогичный орган: «попечительский совет» или эпитропия. Определение разрешает привлекать прихожан к участию в заведении церковным имуществом, то есть идет навстречу основному «домогательству», звучащему в печати. Но официальный комментарий давал понять, что это «домогательство» не может быть допущено в полной мере, так как повлекло бы за собой «крушение» многих учреждений, зависящих от отчислений приходских церквей. Этот пункт определения, говорилось в статье, может выражаться прежде всего в гласности: нужно осведомлять прихожан о расходовании церковных средств, они должны быть уверены, что не происходит их расхищения, что не существует «тайных, негласных церковных

---

⁸⁸² Там же. С. 525.

⁸⁸³ Возрождающийся приход // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. Прибавления. № 48. 26 ноября. С. 2045–2047.

сумм». Приходский совет может участвовать и в обсуждении предполагаемых трат.

Официальный комментарий признавал, что в определении не упомянут один из важнейших пунктов программы приходского возрождения – возможность избрания прихожанами священников, или, по крайней мере, предоставления им права рекомендовать своих кандидатов. В статье это объяснялось тем, что в «настоящий момент» подобное предложение вступило бы в противоречие с действующим законом (имелся в виду Устав духовных консисторий). Поэтому такой вопрос может быть решен лишь при общем восстановлении соборного начала; на соборе и может произойти точное регламентирование приходского строя, «выработка своего рода приходского уложения».

Но если приходу суждено получить и гражданское значение в качестве мелкой земской единицы, тогда этот вопрос потребует разработки в высших государственных учреждениях; это – дело компетенции будущей Государственной Думы⁸⁸⁴.

Таким образом, синодальные власти смотрели на изданное определение как на «начало», на пропедевтику приходской реформы, которая затем должна была разворачиваться на Соборе и в законодательных учреждениях. Возможно, также они рассматривали определение как разведку боем, надеясь получить сведения о реакции епископата, духовенства и паствы на «великое начинание». Недаром уже 7 декабря Синод запросил у преосвященных сведения об исполнении определения от 18 ноября. Кроме того, похоже, синодальные власти были уверены, что сделали крупный шаг навстречу ревнителям приходского возрождения, что им определение от 18 ноября должно прийтись по душе. В последнем они ошиблись. Первая реакция общественности на синодальное определение была скептической.

В своем упомянутом выше «Воззвании» А.А. Папков раскритиковал определение. Он назвал его «прискорбной полумерой», появление которой

---

⁸⁸⁴ Там же. С. 2047.

«тем печальнее, что ее обнародование происходит в самый, быть может, трагический момент русской истории». Публициста не удовлетворило утверждение Синода, что «устроение прихода» на «твердом законе» не может совершиться теперь же. А.А. Папков был уверен, что этим законом является манифест от 17 октября. Кроме того, он был возмущен формулировкой 4-го пункта определения, в котором говорилось, что члены церковного совета *могут быть приглашаемы* к участию в заведывании церковным хозяйством. Он писал:

Можно ли это участие прихожан ставить в зависимость от произвольного усмотрения нынешних хозяев приходского дела. Ведь текст 4 пункта прочтут все грамотные православные люди. Подумали ли составители этого пункта, что словом «могут» какие <sic!> разногласия и споры вызовет этот пункт на практике! Наконец, зачем это обращение, в такое тяжкое время к одним епископам, а не ко всему христианскому народу!⁸⁸⁵

А.А. Папков был так возмущен синодальным определением, что решил по его поводу обратиться непосредственно к императору. Очевидно, А.А. Папков был уверен, что Церковь в этот момент находится в одном шаге от так давно вынашиваемой им приходской реформы, и воспринимал определение от 18 ноября как попытку помешать этому шагу. 7 декабря 1905 г. он написал письмо Николаю II с острой критикой определения, утверждая, что оно не соответствует высочайшей воле, которая заключается в том, что должны быть приняты «неотложные меры» к возрождению православного прихода. Одновременно он подчеркивал, что

в настоящую минуту только организованный приход и *ничто другое*, может остановить сельские и городские беспорядки и кровавые насилия, грозящие повергнуть нашу многострадальную родину в состояние полнейшей анархии⁸⁸⁶.

В этих условиях решение Синода, по мнению А.А. Папкова, выглядело как

---

⁸⁸⁵ Папков А.А. Единственный возможный в настоящее время путь к восстановлению православного прихода – явочный порядок. С. 20.

⁸⁸⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 1 об.

не только не соответствующее благому желанию православного общества <...> но явно направленное к тому, чтобы в главных чертах удержать старый порядок, весьма тягостный для православного духовенства и мирян, и чтобы сохранить излишнюю власть и вредную опеку бюрократического ведомства над церковью⁸⁸⁷.

Чтобы исправить ситуацию, автор письма предлагал еще до начала работы Собора образовать церковно-законодательное совещание из лиц, «независимых от Синода», чтобы рассмотреть вопрос о «немедленном восстановлении церковно-приходской общины»; постановления совещания передать для заключения Синода, но затребовать это заключение «в самый кратчайший срок»; журнал совещания и синодальное заключение представить на «благовоззрение» непосредственно императора. В заключение автор письма просил у Николая II аудиенции, чтобы лично доложить «об истинном значении и смысле последнего синодального постановления по приходскому делу»⁸⁸⁸. Следует отметить, что уже через несколько месяцев А.А. Папков, видимо, пересмотрел свое отношение к этому документу. В ходе работы Предсоборного присутствия ему приходилось апеллировать к ноябрьскому определению для подкрепления своей позиции.

Светская публицистика, хоть и не столь резко, но в целом прохладно отнеслась к синодальному акту. «Новое время» называла синодальное решение вопроса «канцелярским». Оно заметило, что закон «простирается» только на те приходы, где нет попечительств и братств, а там, где попечительства существовали хотя бы формально, «только на бумаге», священники могли не проявлять инициативу и не организовывать приходские собрания и советы. «Церковные ведомости» спорили с такой трактовкой, считали ее превратной, но на самом деле она логично следовала из самого текста определения (п. 3). «Свет» писал, что определение не внесло ничего нового, что все содержание его исчерпывается законом о приходских попечительствах, даже вопрос о наделении прихода правами юридического лица остался за пределами сино-

---

⁸⁸⁷ Там же. Л. 1.

⁸⁸⁸ Там же. Лл. 1–3.

дального постановления⁸⁸⁹. Прихожане, даже столичные, хотя и отнеслись сочувственно к определению от 18 ноября, не спешили организовывать приходские советы «явочным порядком», а ждали дальнейших разъяснений церковных властей⁸⁹⁰.

Духовенство отнеслось к ноябрьскому определению настороженно. И это было совершенно объяснимо в контексте тех конфликтов с прихожанами, в контексте того самоуправления крестьян, под знаком которых прошел 1905 г. и обещал пройти 1906 г. Даже «Церковные ведомости» должны были признать, что вопрос о реформе прихода «глубоко затронул интересы духовенства», и особенно смущает «некоторых» право участия мирян в заведовании церковным имуществом. Члены причтов боялись, что такое участие лишит их возможности направлять приходские средства на духовно-учебные заведения и на сословные нужды. Поэтому осмеливавшимся высказываться священниками это право прихожан сопоставлялось даже с секуляризационными настроениями части либеральной общественности, которые дадут себя знать в аграрных проектах I Государственной думы⁸⁹¹. Наиболее радикально выступили Петербургские священно-церковнослужители, которые на своем собрании в феврале 1906 г. поставили и дискутировали вопрос о необходимости приходских советов вообще, то есть по сути они усомнились в необходимости исполнять постановление высшей церковной власти⁸⁹². Те же, кто не решался выражать недовольство открыто (таких, конечно, было большинство), занялись имитацией деятельности, направленной якобы к исполнению синодального определения. Церковно-общественная газета «Колокол» позднее сетовала на то, что духовенство произнесло над новым делом «безнадеж-

---

⁸⁸⁹ Отзывы печати на синодальное постановление об устройении церковно-приходской жизни и др. // *Церковные ведомости*, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. Прибавления. № 51. 17 декабря. С. 2238–2242; *Преображенский И.В.* Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 22–24.

⁸⁹⁰ См.: *Журналы и протоколы...* Т. 3. С. 321.

⁸⁹¹ О приходской реформе // *Церковные ведомости*, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 51. 17 декабря. С. 2245–2246; *Преображенский И.В.* Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 42.

⁸⁹² Там же. С. 66–67.

ный приговор: спешить медля»⁸⁹³. Начали собираться пастырские собрания разного уровня, на них принимались резолюции, призывавшие духовенство «преодолеть внутреннюю разобщенность», быть «искренними по отношению к прихожанам»... Там, где были попечительства, священники в точном соответствии с п. 3 определения решали, что заботиться о советах «нет никакой нужды», или объясняли, что открывать советы вместо попечительств «пока не удобно», поскольку прихожане привыкли к последним. Там, где все же решались созвать собрания, подчеркивали необходимость действовать «с осмотрительностью и осторожностью»⁸⁹⁴. В других местах духовенство с этой же целью привычно погрузилось в бумажную работу, возможно, ожидая дальнейшего развития событий. Пастырские собрания начали «обсуждать меры» и «разрабатывать вопросы» о новой приходской организации; начали составлять временные правила для приходских собраний и советов и обсуждать их на своих собраниях. В Саратовской епархии был создан «епархиальный приходский совет», который должен был собирать сведения о приходской жизни и разрабатывать предложения по ее улучшению. Здесь на «разработку вопросов» ушло десять месяцев⁸⁹⁵. Через полгода после издания определения А.А. Папков с грустью делал вывод, что на помощь духовенства в деле реализации намеченной в документе реформы рассчитывать нельзя⁸⁹⁶.

Явно не испытывало энтузиазма и епархиальное начальство. Например, в Донской епархии синодальное постановление было прочитано буквально: советы предполагалось учреждать только там, где не было приходских попечительств, а поскольку из 620 приходских церквей епархии при 519 попечительства имелись, советы могли быть образованы не более как в 100 прихо-

---

⁸⁹³ Там же. С. 46. Ср.: Там же. 50.

⁸⁹⁴ См., например: К вопросу об устройении приходской жизни // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 5. 15 марта. Часть неофициальная. С. 149–152; Меры, принятые некоторыми приходскими Архангельской епархии к оживлению и устройению церковно-приходской жизни. С. 331–344.

⁸⁹⁵ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 505, 824; Саратовский епархиальный приходский совет // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 51. 17 декабря. С. 2246.

⁸⁹⁶ Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 42–43.

дах (чуть более 15% всех приходов епархии). Но даже при этом за четыре месяца с момента издания определения (до середины марта 1906 г.) в Донской епархии был образован только один приходский совет – в Новочеркасске⁸⁹⁷. Его члены предполагали заниматься благотворительностью и наблюдать за благочинием в храме и около него. Кроме того, они «по приглашению» причта и старосты участвовали в заведовании церковным хозяйством, но как именно это происходило, в отчете преосвященного не уточнялось⁸⁹⁸. Возможно, что это упоминание об участии было всего лишь отпиской. Да и в других местах консистории, оповещая духовенство о синодальном определении, сразу предупреждали пастырей, что в этом пункте речь может идти только об осведомлении прихожан и о «контроле» с их стороны⁸⁹⁹. Консервативные епископы воспринимали синодальное постановление как происки своих либеральных собратьев и считали его совершенно неприемлемым. Архиепископ Херсонский и Одесский Димитрий (Ковальницкий) в 1906 г. на заседаниях Предсоборного присутствия с гордостью рассказывал о том, что после издания определения некоторые священники подали ему свои записки, приспособившие положения постановления под местные нужды, но он «все отверг» и пресек, таким образом, всякую деятельность по проведению в жизнь определения о приходских советах⁹⁰⁰. Не случайно редактор и издатель газеты «Свет», известный деятель славянского движения В.В. Комаров выступил с резкой отповедью в адрес архиепископа Димитрия, который в одном из своих выступлений заявил, что главная задача прихода – содержать духовно-учебные заведения и клир. Публицист и издатель назвал такую позицию «римско-католическими новшествами», отделяющими клир от мирян

---

⁸⁹⁷ Интересно, что среди выбранных в него мирян треть мест занимали женщины.

⁸⁹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 199. Лл. 113–114 об., 115.

⁸⁹⁹ Указ из Архангельской духовной консистории благочинным Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 1. 15 января. Часть официальная. С. 1–6.

⁹⁰⁰ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 338.

и ведущими к порабощению последних. «Свет» и позднее критиковал епископат и видел именно в нем тормоз приходской реформы⁹⁰¹.

Орловский эксперимент епископа Серафима (Чичагова)

Кажется, в Российской Церкви была только одна епархия, где преосвященный воспринял определение от 18 ноября всерьез⁹⁰². Это была Орловская епархия, которой с февраля 1906 г. управлял епископ Серафим (Чичагов). О своем опыте приходского возрождения в отдельно взятой епархии он сам рассказал в нескольких брошюрах и в отзыве на проект приходского устава, разработанный СовеЩанием 1907 г.⁹⁰³ (см.: Глава 3 § 4). Свою деятельность по проведению в жизнь синодального постановления преосвященный Серафим начал с объезда епархии, останавливаясь во всех уездных городах и «больших фабричных и промышленных центрах». В этих местах устраивались под его председательством совместные собрания духовенства и представителей светского общества – администрации, дворянства, купечества и др. Цель преосвященного была «заставить тех и других откровенно высказать свои желания и мнения» относительно приходской реформы. Он отмечал, что дворянство отнеслось «особенно сочувственно» к его призыву; на собрания прибыли «представители интеллигенции, различных политических партий, до социалистов включительно, купечество, мещане и множество крестьян». На этих встречах выяснилось, что миряне «очень возбуждены» против духовенства. В результате споры «были горячие и сильные», но они «принесли громадную пользу». Обе стороны, видимо, впервые высказались, миряне получили ответы на свои «вопросы, недоумения и нападки», а также – наставление и вразумление от архипастыря. Последний был уверен, что после этих

---

⁹⁰¹ Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 31–32, 47–48, 67.

⁹⁰² Современники разных церковно-общественных ориентаций были вполне единодушны в оценке опыта Орловской епархии как уникального. См.: Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 41, 44, 46.

⁹⁰³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 260 об.–263.

собраний «невольное начало возрождаться единение между прихожанами и пастырями»⁹⁰⁴. Но с другой стороны эти же собрания показали,

насколько наше современное духовенство – косно, неподготовленно к деятельности, которая от них теперь требуется, не общественно, неопытно в сношениях с людьми, неумело в собраниях, теряется при диспутах и т.п.⁹⁰⁵

Видимо, сказывалось то обстоятельство, что в течение 40 лет духовенство публично высказывалось только в кругу своих сословных собраний, куда «посторонние» не попадали, а процедура их ведения была ритуализована⁹⁰⁶. Это убедило преосвященного, что «само духовенство, начиная с окружных благочинных» «не в состоянии» провести в жизнь приходскую реформу и нуждается «в самом энергичном, внимательном и терпеливом» руководстве со стороны епископа. Причем это руководство не должно было свестись к канцелярской переписке. Орловский архипастырь был уверен:

Если епископ не проникнется этой идеей возрождения прихода, не будет сам беседовать во время объезда епархии с пастырями, давать им подробные, практические указания, не станет с полным самоотвержением переписываться с недоумевающими священниками, сыновне вопрошающими архипастыря в своих затруднениях, не будет печатать в Епархиальных Ведомостях свои наставления и указания, все то, что он хотел бы пояснить и ввести, то приходское оживление не произойдет и нового жизненного начала не проникнет в наши омертвелые общины⁹⁰⁷.

Епископ Серафим критиковал своих собратьев-архипастырей, которые не проявили должной настойчивости в деле устройства приходской жизни. Он писал, что многие из них «вначале решились попробовать завести приходские советы», но одни ограничились беседами с членами епархиального

---

⁹⁰⁴ Примеры дискуссий на этих собраниях представлены в изданиях: *Серафим, еп. Орловский и Севский*. Годовой отчет о деятельности приходских советов в Орловской епархии. 1906 год. Орел, 1907. С. 4–17; Орловская епархия в 1906–1908 гг. при преосвященнейшем епископе Серафиме (Чичагове). Кишинев, 1914. С. 139–145 и сл.

⁹⁰⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 260 об.

⁹⁰⁶ Очевидец одного из благочиннических съездов 1890-х гг. передавал, как духовенство нелицеприятно обсуждало очередной циркуляр преосвященного, побуждавший его к деятельности, а затем, умело уловив ожидания начальства, искусно составило резолюцию, которая должна была создать в епархии впечатление об активной работе на местах. См.: *Дневник священника Иоанна Зарецкого*. С. 7–10.

⁹⁰⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 261.

съезда, другие – рассылкой посланий к духовенству. В свою очередь, по словам преосвященного, «пастыри попробовали», но «действовали вразброд», не могли ни организовать, ни подготовить прихожан и вообще – «отнеслись к предписанию начальства с обычным равнодушием и формализмом». Кроме того, они встретили противодействие «революционных элементов», кулаков, которые «испугались влияния выборных на население», старост, которые отнеслись подозрительно, решив, что совет учреждается «исключительно для контроля над ними». Население оказалось не подготовлено, и «почти во всех епархиях осудили эту реформу».

В противовес этому неудачному опыту орловский преосвященный описывал свои поэтапные действия. Прежде всего, он лично объезжал епархию, не только для того, что «дать высказаться» духовенству и мирянам, но и чтобы приобщить их к своему видению приходской реформы

не циркулярным посланием и консисторским определением, а личным изложением, открытой проповедью, откровенною беседою лицом к лицу с возможно большим числом пастырей и их прихожан⁹⁰⁸.

Через полгода встречи в уездных городах с духовенством и «лучшими членами» приходских советов повторились, чтобы те могли высказать свои недоумения и лично задать вопросы архипастырю. Большое значение епископ Серафим придавал регулярным, ежемесячным в течение первых двух лет реформы благочинническим собраниям, причем отдельным – только для духовенства и для духовенства совместно с членами приходских советов. На них те и другие могли обмениваться опытом и выработать единообразные мероприятия в своей округе. При этом преосвященный указывал, что благочинные неопытны

и в руководстве своих подчиненных пастырей и приходов, так как они до сих пор были только хозяйственным и имущественными ревизорами, а потому без благочиннических собраний они никогда не научатся руководить своими округами⁹⁰⁹.

---

⁹⁰⁸ Там же. Л. 261 об.

⁹⁰⁹ Там же.

Опыт округов суммировался на уездных пастырских собраниях, которые проводились «хотя бы два раза в год», причем для их подготовки создавалась специальная «исполнительная комиссия» из двух священников и одного мирянина. Но довольно скоро орловский архипастырь, по его собственному признанию, столкнулся с отсутствием обратной связи между низовыми деятелями и епархиальным уровнем. Он рассказывал, что в первый год благочиннические и уездные собрания ограничивались формальным обсуждением предлагавшихся вопросов, «сделались органами, препятствовавшими объединению пастырей» с епископом. Тогда он решил «изменить порядки» и ввел такую практику, чтобы приходские собрания собирались на первой неделе каждого месяца для ревизии хозяйственной деятельности, обсуждения своих приходских нужд и вопросов, предложенных священником и архипастырем. На второй неделе месяца устраивались благочиннические собрания, на которые настоятели привозили с собой копии журналов приходских собраний, обсуждали возникшие вопросы и вопросы, поставленные уездными собраниями. Копии журналов приходских и благочиннических собраний отсылались в уезд. На их основе исполнительные комиссии формировали программу уездных собраний. Преосвященный был уверен, что в этом случае на них «отвлеченным, бесполезным рассуждениям не будет места». Журналы уездных собраний доставлялись епископу и печатались в епархиальных ведомостях с его резолюциями. Кроме того, он требовал, чтобы приходские священники в начале осени составляли на год вперед «программы их приходской деятельности», разработав «как можно подробнее» детали. Эти программы обсуждались на благочиннических собраниях, которые «отсекали несбыточные мечты», а затем доставлялись в епархию. В конце же года священник в отчете должен был указать, что из программы реализовано, а что нет и почему. Епископ Серафим замечал, что это заставляло пастырей «посидеть, подумать и поработать» над предстоящей им деятельностью, «иначе многие ничего не будут делать». Он был уверен, что ему удалось решить проблему обратной связи с епархией, что при таком порядке

пастыри и исполнительные органы неизбежно должны воспринять предначертания и распоряжения архипастыря и довести до сведения его итоги своей деятельности. Получается действительное единение⁹¹⁰.

Насколько это было действительно так, сказать трудно. Кажется, что и здесь «оживление прихода» грозило вылиться только в многократное умножение бюрократической переписки и в постоянные путешествия священников из приходов на собрания. Остается под вопросом, в какой степени журналы собраний разных уровней отражали подлинную, а не приукрашенную реальность приходской реформы. С другой стороны личная активность епископа, его поездки по епархии, его харизма должны были способствовать подъему приходской и шире – церковной жизни в епархии. При отъезде его из Орла об этом говорили многие светские и духовные лица⁹¹¹. Однако два с половиной года, которые преосвященный Серафим провел на Орловской кафедре, были слишком небольшим сроком для того, чтобы увидеть реальные плоды преобразований. Он сам признавался, что в ряде мест при всех его усилиях активность советов была невысока⁹¹².

Собратья-епископы, по крайней мере, консервативные, не одобряли инициативу епископа Серафима и фиксировали глухое недовольство в его собственной епархии. Уже в декабре 1906 г. архиепископ Херсонский Дмитрий (Ковальницкий) говорил на заседаниях Предсоборного присутствия:

Мне известна только одна епархия, в которой, именно «с принуждением и с нарушением установленного церковного строя», точно по военной команде требуется во всех приходах ввести советы. Слышно, что это обновление вызывает там смущение и вопрос недоумения: что же дальше?⁹¹³

---

⁹¹⁰ Там же. Л. 263.

⁹¹¹ Орловская епархия в 1906–1908 гг. С. 907–910. Позднее в прессе деятельность приходских советов в Орловской епархии оценивалась в восторженных тонах. Писали, что они «как в волшебной сказке» создали новые школы, библиотеки, общества трезвости, странноприимные дома, богадельни и даже «союз защиты птиц и животных», отремонтировали 60 церквей. Однако в этих отзывах слышится некоторое преувеличение. См.: *Волкович А.* К будущему возрождению прихода // Санкт-Петербургские ведомости. 21 февраля 1913 г.

⁹¹² Орловская епархия в 1906–1908 гг. С. 549, 553, 558, 560, 563–564, 579, 586.

⁹¹³ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 342.

В этих словах содержался прозрачный намек на Орловскую епархию и на военное прошлое ее предстоятеля. В сентябре 1908 г. епископ Серафим покинул Орел: он был переведен на Кишиневскую кафедру. Что стало с открытыми при нем приходскими советами после его отъезда из Орла, и повторил ли он попытку исполнить определение от 18 ноября в Молдавии, неизвестно.

В начале XX в. внимание к возможной приходской реформе было привлечено прежде всего государственной активностью: проектами об учреждении мелкой земской единицы на базе прихода и введения широкой веротерпимости. Санкционированная государством внутренняя автономия иноверческих обществ автоматически ставила вопрос и об автономии православного прихода. Это точно выразил в своей записке в Комитет министров митрополит Санкт-Петербургский Антоний. Вместе с тем, возможная реформа прихода вызвала серьезное беспокойство у большинства приходского духовенства, а это делало будущее реформы далеко не безоблачным. Революционные события 1905–1906 гг., затронувшие приход «забастовками старост», отказами в выплате содержания духовенству, захватом причтовых земель, только укрепляли духовенство в его предубеждении по отношению к реформе. Локальные попытки оживить приходскую деятельность в этот период в основном находились в старом русле – активизации приходских попечительств и братств. Исключением было только движение на прибалтийской окраине, но оно не могло задавать тон для собственно российских епархий. Синодальное определение от 18 ноября 1905 г. было попыткой высшего церковного руководства дать старт долгожданым преобразованиям и протянуть руку той части светского общества, которая ратовала за проведение реформы прихода на канонических церковных основаниях. Однако эта попытка оказалась неудачной. Часть духовенства и архиереев выражали прямое неприятие синодального постановления; другая часть духовенства фактически саботировала его исполнение; преосвященные в целом не проявляли должной активности при

реализации реформы. О неудаче синодального определения позднее писал издатель «Колокола» В.В. Скворцов, называя его «бессодержательной главой» в истории приходской реформы, а видный чиновник духовного ведомства С.Г. Рункевич в 1914 говорил о советах, что они «оказались семенем невсхожим»⁹¹⁴. Только одна Орловская епархия оказалась тем местом, где была сделана последовательная попытка провести в жизнь определение о приходских собраниях и советах. Представители светского общества, кажется, пребывали в эйфории от ощущения того, как близок час реализации их давних надежд на возрождение «древнерусского прихода», и не увидели в определении от 18 ноября протянутой им руки.

§ 2. Приходский вопрос в Отзывах епархиальных преосвященных 1905–1906 гг.

Особенности Отзывов епархиальных преосвященных как памятника церковной мысли революционной эпохи

Появление Отзывов епархиальных преосвященных по вопросу о церковной реформе, как известно, было результатом попытки К.П. Победоносцева дать последний бой движению за соборные преобразования в Церкви, которое достаточно громко заявило о себе весной 1905 г.⁹¹⁵ Обер-прокурор был уверен, что епископат выскажется против созыва Собора и других преобразований, намеченных Святейшим Синодом. Но его надежды не оправдались, архиереи Российской Церкви поддержали и развили программу соборной реформы. Не оспаривая место отзывов в движении за соборные преобразования, которое было осознано уже современниками, мы вместе с тем хотели бы обратить внимание на один нюанс. На сегодняшний день остается неисследованным вопрос о том, в какой мере присланные в Синод отзывы от-

---

⁹¹⁴ Скворцов В. Старые и новые страницы в истории приходского вопроса // Колокол. 18 марта, 19 марта 1916 г.; Рункевич С.Г. Новый опыт оживления приходской самодеятельности. СПб., 1914 [оттиск из «Церковных Ведомостей»]. С. 4.

⁹¹⁵ Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен. С. 150–168, 182–183; Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Историческое введение // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2. М., 2004. Ч. 1. С. 24–26.

ражали личную позицию преосвященных, а значит и их готовность начать и провести дело церковных реформ. Конечно, среди них были безусловно самостоятельные и прямые высказывания. Например, благодаря своей индивидуальной интонации и самостоятельному движению мысли обращают на себя внимание отзывы епископов Волынского Антония (Храповицкого) и Екатеринбургского Владимира (Соколовского-Автономова). Последний, кажется, поставил себе целью составить свой отзыв в противоположном ключе, чем отзывы большинства. Между тем во многих других случаях ситуация выглядит более сложной. Представляется, что дискурс многих отзывов находился в большей или меньшей зависимости от других дискурсов 1905 г.: синодального, епархиального (выражавшегося на съездах и собраниях) и общественного.

Сам запрос К.П. Победоносцева, в котором преосвященным предлагалось высказать свои мнения о перспективах церковных преобразований и перечислялись темы, по которым высшая церковная власть хотела бы услышать их суждения, не «подсказывал» архиереям абсолютно отрицательный ответ по вопросу о будущих реформах. Думается, что обер-прокурор уже понимал их неизбежность, возможно, он, как и прежде, надеялся ограничиться полумерами, но некоторые пункты обер-прокурорского циркуляра прямо предвосхищали положительные ответы преосвященных. В частности, вполне благожелательно звучало предложение высказаться о возможности предоставления прав юридического лица духовенству как сословию в лице органов словного самоуправления – епархиальных и благочиннических съездов. Кроме того, архиереи соотносили свои мнения не только с позицией обер-прокуратуры, но и высшей церковной власти – Синода. Они читали в «Церковном вестнике» записку его первоприсутствующего члена митрополита Антония (Вадковского) в Комитет министров с перечислением назревших церковных перемен, они знали о докладе Синода императору, в котором синодалы просили созвать Собор и разрешить назревшие вопросы⁹¹⁶. Осенью архиереи соотносили свои воззрения на устройство органов приходского

---

⁹¹⁶ *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 163–164.

управления с определением Синода от 18 ноября. Как видим, в 1905 г. высшее церковное управление посылало по отношению к реформам вполне благожелательные сигналы, и в этом контексте и циркуляр обер-прокурора мог прочитываться таким же образом.

С другой стороны преосвященные учитывали позицию епархии. Некоторые отзывы полностью были составлены специально созданными епархиальными комиссиями или консисториями и только визированы иерархами. Кроме того, последние в той или иной степени учитывали позиции епархиальных съездов духовенства, которые порой выражали достаточно радикальные, как правило, «сословно-политические» воззрения на перспективы преобразований⁹¹⁷. Наконец, архиереи учитывали и позицию различных общественных групп. Порой преосвященные вступали с ними в прямой диалог, иногда солидаризуясь с их позицией относительно церковных реформ, иногда скептически отзываясь о них. Такой диалог, например, вели епископ Новомиргородский Димитрий (Сперовский) и С.Ф. Шарапов на страницах издаваемого последним «Русского дела»⁹¹⁸.

В таком контексте в некоторых случаях бывает затруднительно выявить личную позицию самого преосвященного. Приведем лишь один пример такого рода, непосредственно касающийся вопроса о преобразованиях в приходе. В октябре 1905 г. съезд Рижской епархии потребовал последовательных приходских преобразований, которые были необходимы, по его мнению, в условиях инославной окраины. Решение съезда по этому вопросу было почти дословно повторено в отзыве преосвященного Рижского Агафангела (Преображенского). Причем он просил срочно ввести в его епархии проект, выработанный съездом. Между тем в 1907 г. проект положения о приходе, принятый Совещаниям 1907 г., которым руководил архиепископ Агафангел, существенно отступил от тех принципов, которые были сформулированы в решении съезда и в его отзыве. Личная позиция архиепископа Агафангела остается

---

⁹¹⁷ *Преображенский И.В.* Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 34–38.

⁹¹⁸ *Димитрий, еп. Новомиргородский.* Письмо православного епископа. Стб. 362–365.

ся пока неясной: солидаризовался ли он с решениями съезда, но подчинился большинству в Совещании, или, напротив, склонялся к позиции Совещания, а ранее поддался давлению епархии, или же его взгляды на пути решения приходского вопроса изменились между 1905 и 1907 гг. в связи с изменением политической обстановки в стране? Ответы на эти и подобные вопросы возможно получить только при более пристальном изучении Отзывов преосвященных в контексте иных источников революционной эпохи. Мы же сейчас рассмотрим приходский вопрос, каким он предстает непосредственно в этом памятнике церковной мысли.

Вопрос о преобразовании прихода занимал в Отзывах не последнее место. Некоторые из иерархов писали об этом прежде многих других, намеченных в циркуляре Синода⁹¹⁹. Отзывы поступили из 65 епархий (в том числе из Алеутской и Северо-Американской и Грузинского экзархата). Авторами их были иногда лично преосвященные, иногда – это был коллективный труд, возглавлявшихся архиереями комиссий. Иногда к отзывам присовокуплялись материалы епархиальных или благочиннических съездов духовенства. В Олонецкой и Петрозаводской епархии отзыв был составлен местной консисторией и не получил визу епископа в силу его кончины⁹²⁰. В двух случаях архиереи дистанцировались от мнений комиссий, высказанных в отзывах. Так поступил епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) как временно управляющий Варшавской епархией. Составленный в епархии отзыв, он переслал в Синод, указав на свое несогласие с рядом высказанных в нем положений⁹²¹. Аналогично поступил архиепископ Херсонский и Одесский Дмитрий (Ковальницкий). Его отзыв был составлен тремя созданными им комиссиями, и с мнением одной из них, которая как раз занималась вопросом о возрождении прихода, преосвященных категорически не согласился:

---

⁹¹⁹ Например, архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин) и епископ Смоленский Петр (Другов): Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 182; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 183.

⁹²⁰ Там же. С. 347.

⁹²¹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 875.

Вторая комиссия в обсуждении весьма важных церковных вопросов <о благоустройстве церковном и приходском> слишком поддавалась влиянию легкомысленных, но пытающихся обосноваться на канонах церковных, толков о преобразовании Церкви, нашедших себе место и в постановлениях различных епархиальных съездов, и в общественных кругах духовенства и в литературе. Я счел долгом представить это суждение комиссии в неприкосновенном виде, как официальную иллюстрацию к нынешнему настроению, казалось бы, даже лучших представителей епархиального духовенства⁹²².

Архиепископ Димитрий в 1906 г. был членом Предсоборного присутствия и в его общем собрании активно высказывался по приходскому вопросу.

Вместе с синодальным циркуляром преосвященные получили проект правил о приходских собраниях и совете православных приходов в Финляндии. Большинство из них отнеслись к нему благосклонно, сделав оговорки о необходимости его адаптации к российским условиям, некоторые сделали замечания и дополнения. Самая существенная критика в адрес финляндского проекта прозвучала в отзыве архиепископа Рижского Агафангела (Преображенского). На ней мы остановимся ниже.

Некоторые преосвященные в своих отзывах вовсе не коснулись вопроса о приходе (епископы Туркестанский Паисий (Виноградов), Тобольский Антоний (Каржавин), Полтавский Иоанн (Смирнов)). Некоторые предлагали отложить приходскую реформу до послесоборного времени. Так, епископ Балтский Димитрий (Абашидзе), викарий и составитель отзыва епископа Подольского Парфения (Левицкого), писал, что сначала следует добиться освобождения Российской Церкви от государственной опеки:

Когда русской Церкви дозволено будет действовать так, как, например, в пределах нашей империи действует Церковь папская, то вопросы о благоустройстве приходов, оживлении в них жизни, об епархиальных съездах и суде церковном разрешены будут по епархиям собраниями духовенства, согласно св. канонам Церкви⁹²³.

---

⁹²² Там же. С. 1000.

⁹²³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 85.

Между тем большинство архиереев подробно останавливались на разных аспектах приходской реформы. К самым существенным из них, нашедшим отражение в отзывах, относились следующие:

1. Вопрос о том, следует ли предоставить приходской общине распоряжение средствами и имуществом, закрепленными за приходским храмом, которыми по действующим правилам распоряжались причт и церковный староста.

2. Вопрос о выборе священника и вообще – членов причта. В большинстве отзывов обсуждался именно вопрос о выборе священника-настоятеля прихода.

3. Вопрос о предоставлении приходу прав юридического лица и о пределах его имущественной самостоятельности.

4. Вопрос о конфигурации органов приходского управления.

5. Вопрос о форме материального обеспечения приходского духовенства. В отзывах он обсуждался в том ключе, необходимо ли наделять духовенство постоянным содержанием (жалованием) и каков должен быть источник этого содержания.

6. В контексте приходской реформы обсуждался вопрос о будущем духовной школы, поскольку он был непосредственно связан с задачей разрушения сословной замкнутости российского духовенства, необходимость чего осознавали и о чем ярко писали некоторые преосвященные⁹²⁴, и с задачей введения «народного пастырства».

7. Вопрос о снятии с церковных установлений империи и в том числе с прихода ограничений по приобретению недвижимости, в частности, вопрос об отмене или сохранении процедуры обязательного высочайшего соизволения на любое приобретение этими установлениями недвижимой собственности, действовавшей с эпохи Александра I. Также в этом контексте рассматри-

---

⁹²⁴ См., например, отзывы архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) и епископа Забайкальского Мефодия (Герасимова). – Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 439, 747.

вался и вопрос о предоставлении прав юридического лица духовенству как сословию.

8. Наконец, преосвященные обсуждали вопрос о целесообразности участия духовенства в органах местного и государственного управления и в общественных организациях. В контексте приходского вопроса принципиальное значение имел вопрос об участии священника в сельских сходах, поскольку он, как мы знаем, был частным проявлением более широкой проблемы – взаимоотношений прихода и крестьянской общины.

Названные нами вопросы в отзывах иерархов далеко не всегда обсуждались в приведенной последовательности; соответствующие суждения соединялись, переплетались, представляли перед читателем в самых разных комбинациях, но в целом сохраняли связь друг с другом. Мнения архиереев суммированы нами в таблице III.1. При ее составлении нами учитывались только прямые высказывания отзывов по тем или иным вопросам. Некоторые составители отзывов не конкретизировали свое мнение по конкретным пунктам, поэтому их нельзя причислять к противникам мнения тех, кто четко заявил свою позицию.

Таблица III.1. Мнения преосвященных по основным вопросам приходской реформы

№	Вопросы	Высказались «за» (% от числа всех отзывов)
1.	Допущение прихожан к распоряжению церковными средствами, с оговорками (обычно – после выплаты епархиальных отчислений), или без оговорок	30 (46,2%)
2.	Предоставление прихожанам права выбора духовенства (как правило, в форме ходатайства)	33 (50,8%)
3.	Предоставление приходу права юридического лица	33 (50,8%)
4.	Учреждение органов приходского управления (в виде приходских собрания и совета, иногда – братства)	40 (61,5%)

5.	Наделение духовенства жалованием (постоянным содержанием)	25 (38,5%)
	от казны	13 (20,0%)
	от прихода	5 (7,7%)
	от казны и прихода	3 (4,6%)
	без определения источника	4 (6,2%)
6.	Устройство всесловной богословской (пастырской) школы отдельной от общеобразовательной школы для детей духовенства	35 (53,9%)
7.	Облегчение процедуры приобретения собственности церковными установлениями, в т.ч. приходом	
	отмена процедуры Высочайшего соизволения	28 (43,1%)
	предоставление духовенству как сословию права юридического лица	26 (40,0%)
8.	Участие духовенства в органах местного и государственного управления и в общественных организациях, в т.ч. в сельских сходах	35 (53,9%)

Помимо этого, преосвященные так или иначе обсуждали причины кризиса православного прихода в России, а также пытались нащупать главные характеристики прихода. Ими был затронут и вопрос о *применимости канонов* к реформе российского прихода⁹²⁵. Так, епископ Пензенский Тихон (Никаноров) в самом начале своего отзыва обратил внимание на то обстоятельство, что в области устройства приходской жизни каноны не могут служить строгими ориентирами, что «нет никаких канонических оснований для такого или иного устройства отдельной христианской общины или прихода». Проводя довольно точный социально-исторический анализ, преосвященный далее писал, что ранняя Церковь знала только городскую общину греко-

⁹²⁵ Проблема применимости канонов к приходскому вопросу была осознана русскими канонистами уже на рубеже XIX–XX вв. Известный канонист, профессор церковного права в Московском университете Н.С. Суворов в 1896 г. отмечал в своей работе «Монастыри и церкви как юридические лица», что древние каноны «наименее применимы» в области приходской жизни, поскольку описывают иную церковно-историческую реальность. См.: Суворов Н.С. Монастыри и церкви как юридические лица // Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. № 6. Июнь. С. 94.

римского мира, и в соответствии с ее политическим и социальным устройством образовался древний приход. Однако у других народов – с иной культурой и социальной структурой – древнее устройство нельзя было воспроизвести автоматически. Так, на Руси, продолжал епископ Тихон, основой социальной структуры была сельская община. Религиозные интересы попали в область общинных интересов и поэтому оберегались наравне с другими. Потом община потеряла свою самостоятельность, а с ней утратил свою автономность и приход. Преосвященный ожидал, что в результате государственных преобразований 1905 г., в том числе, видимо, в результате отмены выкупных платежей, крестьянская община вернет свою автономию и «автономные общинники» заявят свои права и в церковном отношении⁹²⁶.

О том, что применение канонов к российской приходской жизни действительно представляло собой проблему, говорят и отзывы других преосвященных. Так, иерархи порой давали противоположные трактовки одних и тех же канонических правил. Например, обсуждая вопрос о том, кому принадлежат церковные средства и могут ли ими распоряжаться прихожане, епископы Томский Макарий (Парвицкий-Невский) и Вятский Филарет (Никольский) ссылались на 2-е правило преподобного Феофила Александрийского, в котором содержались слова: «Никто да не присвоит церковного достояния». На основании этого правила, видимо его русского перевода, епископ Макарий делал вывод о невозможности допустить прихожан к распоряжению церковными средствами⁹²⁷. Епископ Филарет, напротив, цитируя греческий текст, показывал, что под «церковным достоянием» имеется в виду имущество «собрания верующих», которые, естественно, могут в таком случае участвовать в распоряжении церковными суммами⁹²⁸. (Правило, таким образом, оказывалось направленным не против мирян, а против недобросовестных епископов, их приближенных и родственников.) Вопрос о применимости канонов к рос-

---

⁹²⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 478–479. Характерно, что преосвященный Тихон рассматривал эволюцию русского прихода в тесной связи с историей крестьянской общины. Ср.: *Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities. Pp. 32–50.*

⁹²⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 518.

⁹²⁸ Там же. С. 95.

сийской приходской действительности возникнет снова при обсуждении приходской реформы в Предсоборном присутствии.

Кризис прихода

Преосвященные, судя по отзывам, достаточно трезво осознавали положение православного прихода, его кризисное состояние. И именно поэтому они считали вопрос об «оживлении приходской жизни» «назревшим и набравшим», «первым и наиболее важным», или, по крайней мере, «одним из самых важных вопросов в церковной реформе»⁹²⁹. Митрополит Московский Владимир (Богоявленский) сравнивал место прихода в Церкви с положением семьи в жизни государства, от его деятельности – писал он – «зависит жизнедеятельность и всего церковного организма»⁹³⁰. Если будет больна эта «ячейка», продолжал его мысль епископ Холмский Евлогий (Георгиевский), будет болен и весь организм⁹³¹. Причины того, что приход «находится в полном упадке» преосвященные видели

в малоправности и безгласности прихожан, которые лишены возможности проявлять деятельное участие в местных церковно-приходских делах, например, по избранию членов причта или по заведованию и распоряжению церковными суммами, причем приход нередко не может даже распорядиться по своему желанию такими суммами, которые пожертвованы им же специально на какой-либо предмет⁹³².

От вынужденного безучастия в жизни прихода, писал далее епископ Филарет, в том числе в его хозяйственной деятельности, проистекает равнодушие прихожан к Церкви и неразвитость просветительных и благотворительных учреждений в приходах. Кроме того, преосвященные указывали на отчуждение пастырей от прихожан, которые «давно уже порвали между собой внутреннюю духовную связь»⁹³³, отсутствие у них общности интересов.

---

⁹²⁹ Там же. С. 61 (епископ Холмский Евлогий (Георгиевский)); 183 (епископ Смоленский Петр (Другов)); 385 (митрополит Московский Владимир (Богоявленский)).

⁹³⁰ Там же. С. 384.

⁹³¹ Там же. С. 61.

⁹³² Там же. С. 94 (епископ Вятский Филарет (Никольский)).

⁹³³ Там же. С. 132 (епископ Костромской Тихон (Василевский)). Ср. также: Там же. С. 333 (архиепископ Литовский Никандр (Молчанов)).

Священники обременены «чисто канцелярским трудом», переводятся с места на место без желания паствы, находятся в зависимости от непостоянных и унижительных способов материального обеспечения.

Редкие из них, при настоящих условиях жизни, находят в себе достаточно сил и умения сблизиться с паствой и вместе с ней начать дружескую христианскую работу⁹³⁴.

Об этом отчуждении ярко говорил митрополит Московский Владимир:

В этом слове «прихожанин» выражается и вся сущность нынешних отношений пасомых к пастырям. Прихожанином считается только тот, кто приходит в церковь за какой-нибудь требой, и только тогда, когда приходит. А ушел он – вместе с тем перестал быть и прихожанином. Пошел в другую церковь, к другому священнику, – стал прихожанином другой церкви и другого священника. Не пошел, не ходит ни в какую церковь – перестал быть и чьим-либо прихожанином, а иногда перестал быть даже и христианином. Что может быть печальнее и гибельнее такого положения дела?⁹³⁵

Даже идея духовного пастырства (руководства), писал далее московский архипастырь, потеряна у нас, особенно в городах, в селах приход, хотя бы существует как территориальная единица, но и здесь он не составляет «органического целого».

Преосвященные осознавали, что причины упадка прихода кроются не только и, может быть, не столько в строе церковной жизни, сколько «в общем государственном строе, в правовом положении народа и бытовых условиях жизни народной»: в непростых экономических условиях, в растущем налоговом бремени, в том, что сельское население находится «под опекой» ведомств и учреждений и лишено всякой собственной общественной и экономической инициативы. Не последнюю роль в этом кризисе, по мнению иерархов, играли и сборы с церковью «на нужды епархиальные и содержание духовно-учебных заведений»⁹³⁶. Поэтому для успешной реформы прихода очень важно было изменение общей социальной обстановки, улучшение эко-

---

⁹³⁴ Там же. С. 94 (епископ Вятский Филарет (Никольский)).

⁹³⁵ Там же. С. 384.

⁹³⁶ Там же. С. 183 (епископ Смоленский Петр (Другов)).

номического положения крестьянства. Преосвященные ожидали, что это станет результатом таких действий правительства как объявленные императорским манифестом от 3 ноября 1905 г. уменьшение на половину выкупных платежей (с 1 января 1906 г.) и полное прекращение их взимания (с 1 января 1907 г.)⁹³⁷.

Предыдущие попытки правительства осуществить преобразования в области приходской жизни оценивались архиереями очень невысоко. Епископ Вятский Филарет (Никольский) писал, что причина полного неуспеха приходских попечительств и мероприятий последнего десятилетия XIX в. в крайней незначительности прав, предоставленных приходской общине Положением о попечительствах 1864 г. и Инструкцией церковным старостам в редакции 1890 г. Епископ Приамурский и Благовещенский Никодим (Боков) писал об этих документах, что они отличаются узкой формальностью, не дают простора самодеятельности и в целом настолько плохи, что исправление их «не сделает этих правил жизненными»⁹³⁸. Последствия государственной политики по укрупнению приходов и сдерживанию их числа, проводившейся на протяжении XIX в., привели к совершенно ненормальному положению. Епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов) писал, что во многих местах церкви не вмещают молящихся, там, где прихожан 2 тысячи человек, храм может вместить 400–500 человек, а там, где 10–15 тысяч прихожан, храм вмещает только 2 тысячи.

Такого пренебрежения к духовным нуждам христиан, и желающих посещать храм Божий, да не могущих за невозможностью поместиться, не встречается ни у одного христианского народа⁹³⁹.

Епископ Томский Макарий напоминал, что приходский вопрос стал особенно актуален после провозглашения в апреле 1905 г. широкой веротерпимости и изменения положения Православной Церкви в империи. Ситуация

---

⁹³⁷ Там же. С. 737 (епископ Рязанский Аркадий (Карпинский)).

⁹³⁸ Там же. С. 95, 793.

⁹³⁹ Там же. С. 173–174.

требовала, по его мысли, чтобы всей Церкви была предоставлена полная свобода в управлении ее внутренними делами, а следовательно

пусть каждая из церковных общин живет насколько возможно более свободно и развивается из себя на святых, указуемых Церковью началах⁹⁴⁰.

Его дополнял архиепископ Литовский Никандр (Молчанов):

Только через открытие более широкого доступа прихожан к церковным делам возможно оживление церковной жизни⁹⁴¹.

Что такое приход?

Преосвященные пытались нащупать сущностные характеристики православного прихода, дать ему как явлению церковной жизни более или менее точное определение. Многие из них именовали приход «малой Церковью»⁹⁴², подчеркивая, что он – «первоначальное ядро, та ячейка, в которой как бы в зародыше заключаются все благодатные силы святой Церкви»⁹⁴³. Первой, но и основной «ячейкой» православной церковной жизни именовал приход епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев). Перетолковывая образ раннехристианского памятника «Пастырь» Ерма, он писал, что «приходские единицы – это камни, из которых строится здание и тело всей Церкви»⁹⁴⁴.

Ряд определений прихода указывали на его сотериологическое значение. Архиепископ Рижский Агафангел (Преображенский) писал о необходимости признать духовенство со всеми верующими прихода «одной христианской общиной, малой Церковью, недробимой частью единого тела Христова», цель которой созидание «всего церковно-приходского народа в истин-

---

⁹⁴⁰ Там же. С. 517.

⁹⁴¹ Там же. С. 333.

⁹⁴² Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 357–359 (епископ Астраханский Георгий (Орлов)), 904 (архиепископ Рижский Агафангел (Преображенский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 132 (епископ Костромской Тихон (Василевский)), 183 (епископ Смоленский Петр (Другов)), 736 (епископ Рязанский Аркадий (Карпинский)), 447 (епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)) и др.

⁹⁴³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 61 (епископ Холмский Евлогий (Георгиевский)). Ср.: Там же. С. 384 (митрополит Московский Владимир).

⁹⁴⁴ Там же. С. 445. Ср.: «Пастырь» Ерма // Писания мужей апостольских. [М.,] 2008. С. 232–235.

ную Церковь Божию, в напоенное Духом Божиим тело Христово»⁹⁴⁵. (Именно поэтому рижский преосвященный, в частности, настаивал, что в положении о приходе не может быть ничего, что препятствовало бы единству прихода, – разделения прихожан в соответствии с сословным или имущественным цензом или разделения храмового и приходского имущества.) О достижении вечного спасения членов приходской общины как главной ее цели говорил и епископ Владивостокский Евсевий (Никольский)⁹⁴⁶.

Епископ Пензенский Тихон (Никаноров) предлагал такое определение:

Церковный приход есть собрание верующих людей, соединенных братской любовью и направляемых пастырем к лучшей и вечной жизни⁹⁴⁷.

Епископ Нижегородский Назарий (Кириллов):

Приход есть церковное учреждение общинного характера, в котором путем богодарованных средств при законных пастырях достигается общая цель религиозно-нравственной жизни – спасение людей⁹⁴⁸.

Исходя из его роли в деле человеческого спасения, епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев) заключал, что приход –

это едва ли не самое лучшее человеческое учреждение, где все классы народа без различия звания и сословий могут получать удовлетворение своим религиозным потребностям и нравственно совершенствоваться⁹⁴⁹.

Другие архипастыри старались дать приходу не такие возвышенные, но значимые с практической и юридической точек зрения определения, указать на его территориальный и/или общинный характер. Епископ Симбирский Гурий (Буртасовский) давал такое определение:

Церковный приход есть религиозно-нравственная община, занимающая определенную территорию, объединяющая все обитающее на последней население

---

⁹⁴⁵ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 904.

⁹⁴⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 920.

⁹⁴⁷ Там же. С. 480.

⁹⁴⁸ Там же. С. 13.

⁹⁴⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 446.

вокруг своих центров и предназначенная для воспитания и укрепления своих членов в идеалах единой истинной религии Христовой⁹⁵⁰.

Епископ Вятский Филарет (Никольский):

Приход по идее есть автономная (или самодеятельная) православная община, сгруппировавшаяся около храма, члены которой объединены между собой общностью интересов религиозно-нравственных, просветительных и благотворительных⁹⁵¹.

В отзыве архиепископа Тверского Алексия (Опоцкого) приход именовался «нераздельной духовной общиной»⁹⁵².

Ряд преосвященных был готов смотреть на приход как на самостоятельную, «автономную» общину. (Чуть позже такой взгляд вызовет острую критику у части членов Предсоборного присутствия.) Архиереи, разумеется, осознавали ограниченность такой самостоятельности, подчеркивали связь прихода с епархией и всей Церковью⁹⁵³. Епископ Могилевский Стефан (Архангельский) писал, что приход действует как «малая органическая часть церковного тела в согласии и постоянном общении с последним»⁹⁵⁴. Но при этом они считали важным предоставить прихожанам определенную самостоятельность и тем открыть простор для их инициативы и самодеятельности. Характерно, что лучшей гарантией от приходского «сепаратизма» преосвященные считали последовательное раскрытие в жизни Российской Церкви принципа соборности. *Автономность* прихода, по их мысли, должна была *уравновешиваться соборностью*. Это равновесие должно было достигаться за счет привлечения прихожан к участию в епархиальной жизни, причем не только через непременно участие в расходах на епархиальные нужды, но и – в соборных органах епархиального управления под руководством еписко-

---

⁹⁵⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 618.

⁹⁵¹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 94.

⁹⁵² Там же. С. 817.

⁹⁵³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 98 (епископ Вологодский Алексей (Соболев)), 691 (митрополит Киевский Флавиан (Городецкий)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 14 (епископ Нижегородский Назарий (Кириллов)), 445 (епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)), 579 (архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин)), 920 (епископ Владивостокский Евсевий (Никольский)).

⁹⁵⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 126.

па⁹⁵⁵. Так соборность спаивала бы воедино самостоятельные общины, придавала бы монолитность епархиальному телу.

Ряд преосвященных приходили к необходимости сделать акцент на принципе *добровольности* при формировании прихода в противоположность территориальному. Епископ Могилевский Стефан писал, что в городах, где проживает значительное число «текучего» элемента (чиновники, рабочие и под.) и

где организовать <территориальную приходскую> общину на прочных основах отдельного юридического лица будет затруднительным, общины могут получать характер свободных религиозно-нравственных союзов или братств; причем все права и обязательства общины усвоятся и распространяются только на непосредственных участников этих союзов⁹⁵⁶.

Аналогичным образом в отношении городских приходов высказывались епископ Нижегородский Назарий (Кириллов) и архиепископ Тверской Алексий (Опоцкий)⁹⁵⁷. Другие преосвященные шли дальше и, фактически, предлагали распространить добровольный принцип формирования прихода и на городские, и на сельские приходы Российской Церкви. В основе их позиции лежала идея прихода как *братства*, которую мы уже видели в отзывах ряда архиереев 1893 г. Теперь, пожалуй, наиболее ярким проповедником этой идеи стал епископ Уфимский Христофор (Смирнов). Он писал, что «*приход* должен представлять *братство*, которому должны быть близки церковные интересы»⁹⁵⁸.

Пока не *возлюбим братство* в самом широком смысле, как древнецерковную, из существа христианства вытекающую и существу Церкви вполне отвечающую жизненную форму, до тех пор никакие реформы не воскресят настоящую ис-

---

⁹⁵⁵ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 445 (епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)), 920 (епископ Владивостокский Евсевий (Никольский)). Ср.: Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 812 (епископ Псковский Арсений (Стадницкий)).

⁹⁵⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 129.

⁹⁵⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 15–16, 818.

⁹⁵⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 660.

тинную жизнь Церкви, умирающую именно с угасанием и умиранием в Церкви идеи братства во Христе, от которой теперь остался один звук пустой⁹⁵⁹.

В аналогичном ключе высказывались епископы Ставропольский Агафодор (Преображенский) и Тамбовский Иннокентий (Беляев)⁹⁶⁰. «Весьма плодотворной и практически применимой» называл идею епископа Христофора архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский)⁹⁶¹. Епископы Агафодор и Иннокентий описывали образование приходского братства как постепенный путь кристаллизации прихода вокруг ядра религиозно воодушевленных прихожан, с формирования которого и должен был начать свою деятельность по возрождению прихода приходский пастырь. Преосвященный Тамбовский, описывая этот процесс, указывал, что «около пастыря организуется сначала небольшой кружок людей благомыслящих, который и составит зерно приходского братства». Разумеется, этот кружок формируется исключительно на добровольной основе, первоначально – без всяких материальных обязательств, достоинство каждого его члена, по словам епископа Агафодора, – правая вера и добрые нравственные качества. Причем пастырь не должен смущаться поначалу их малым числом, зато члены этого кружка будут искренни и «одушевлены», затем он будет разрастаться и количественно. По мере численного роста приходского братства должен быть организован братский совет как его исполнительный орган. Преосвященный Ставропольский считал, что по достижении определенного числа членов братство может быть зарегистрировано⁹⁶². Также видел путь возрождения прихода епископ Симбирский Гурий (Буртасовский). Он сочувственно цитировал то место из книги А.А. Папкова «Необходимость обновления православного церковно-приходского строя», где публицист пишет о необходимости создания ядра прихожан в приходе, которое объединится «братолюбивыми связями» вокруг

---

⁹⁵⁹ Там же. С. 665.

⁹⁶⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 871; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 446. Ср. также: Там же. С. 14 (епископ Нижегородский Назарий (Кириллов)).

⁹⁶¹ Там же. С. 416.

⁹⁶² Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 871; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 499–450.

священника, а затем «притянет к себе силой веры и любви других прихожан»⁹⁶³. Можно сказать, что подобно своим предшественникам 1890-х гг., эти преосвященные отстаивали *органический* путь возрождения приходской жизни, что, как мы помним, означало выделение религиозного костяка прихода из индифферентного или даже враждебного к Церкви крестьянского «мира». Речь шла о размежевании, дезинтеграции с «миром», о формировании в виде приходского братства такого религиозного ядра, вокруг которого мог бы формироваться новый приход и новые приходские институты.

С другой стороны, ряд архиереев продолжали считать определяющим *территориальный* принцип формирования прихода. Поэтому архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин) так, например, определял приход:

Православный приход представляет собой территориальную церковную общину, соединенную около своего храма и имеющую для удовлетворения своих потребностей своих собственных священно- и церковно-служителей⁹⁶⁴.

Придерживались территориального принципа комиссии Варшавской⁹⁶⁵ и Грузинской епархий. В «проекте о церковном приходе» последней (вошел в отзыв экзарха Грузии архиепископа Николая (Налимова)) присутствовало следующее определение:

Православный приход является собранием христиан православных известной местности под покровом приходского храма, под главным руководством священника, для целей религиозно-нравственного характера⁹⁶⁶.

---

⁹⁶³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 623. Вообще к трудам А.А. Папкова преосвященные относились благожелательно и даже сочувственно. Ряд преосвященных цитировали его прямо или косвенно. С симпатией говорил о нем и его работах в своем отзыве епископ Волынский Антоний (Храповицкий); епископ Псковский Арсений (Стадницкий) пересказывал его труды; помимо отзыва епископа Гурия, в положительном контексте А.А. Папков и его книги упомянуты в отзывах епископов Холмского Евлогия (Георгиевского), Костромского Тихона (Василевского), Тамбовского Иннокентия (Беляева), Рязанского Аркадия (Карпинского). См. Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 171, 810; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 64, 133, 499, 736. Единственное исключение из этого ряда – епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов), который считал, что «труды Папкова и светских писателей направляются именно на усиление влияния кулачества в приходской жизни через юридическое обособление прихода от церкви и епископа». – Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 170.

⁹⁶⁴ Там же. С. 578.

⁹⁶⁵ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 881.

⁹⁶⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 703.

Территориальный принцип прочно ассоциировался с приходским устройством. И даже там, где жизнь уже диктовала иные правила, преосвященные продолжали смотреть на приход через призму территориальности. Например, епископ Якутский Макарий (Павлов) писал в своем отзыве, что устройство в Якутии приходских общин не возможно в силу подвижности, не оседлости основной массы населения. При этом он тут же приводил примеры участия этого населения в приходской жизни и в приходской благотворительности, что, очевидно, свидетельствовало о существовании приходов, но сформировавшихся на добровольной основе⁹⁶⁷.

Некоторые преосвященные предлагали начать реформу с разукрупнения приходов. Епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов) настаивал, что улучшить нравственность населения можно только через умножение епископов, пресвитеров и клира. Он предлагал создать малые епархии и малые приходы. Архиереи должны перестать, писал он, управлять миллионами, а пастыри – тысячами душ. Он считал, что приходы надо уменьшить радикально – до 400–500 человек обоего пола – и для таких приходов построить многочисленные дешевые молитвенные дома⁹⁶⁸. Другие преосвященные, поддерживая эту идею, были не столь категоричны. Архиепископ Иркутский Тихон, епископы Вятский Филарет (Никольский) и Томский Макарий (Парвицкий-Невский) предлагали уменьшить приходы до 1000 душ обоего или только мужского пола (в последнем случае реальная численность прихожан была бы примерно в 4 раза выше)⁹⁶⁹. Епископ Тульский Лаврентий (Некрасов) напоминал о необходимости уничтожить стеснения для строительства новых церквей, что предусмотрены Уставом духовных консисторий⁹⁷⁰. В отзывах экзарха Грузии и епископа Рязанского Аркадия (Карпинского) речь шла, прежде всего, о сокращении размеров епископских кафедр, поскольку, как говорилось в первом из них, это было «главнейшим

---

⁹⁶⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 599.

⁹⁶⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 174, 169.

⁹⁶⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 840; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 97, 518.

⁹⁷⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 543.

условием развития приходской жизни»⁹⁷¹. Преосвященный Рязанский считал, что средняя епархия должна состоять из 200–250 приходов (что предполагало сокращение существовавших тогда епархий в 3–5 раз), чтобы за 2–3 года епископ мог посетить их все. Он также высказывался за сокращение приходов, но исходил не из численности прихожан, а из размеров приходской территории. Оптимальной он считал такую, при которой от храма до самой дальней деревни прихода было бы не более 4–5 верст. В его епархии деревни могли отстоять от церквей на расстояние от 6 до 15 и более верст⁹⁷². Иные, впрочем, не соглашались с такой позицией. В отзыве архиепископа Казанского Димитрия (Самбикина) отмечалось, что границы приходов сложились исторически и не следует их менять без нужды⁹⁷³.

Распоряжение церковными средствами

Значительное число архиереев было сторонниками допуска прихожан к распоряжению церковными средствами. Они считали ненормальной ситуацию, когда

с одной стороны идут распоряжения, без согласия, без всякого участия прихожан, с другой стороны требуется одно безропотное подчинение. Образовалось начальство и подчиненные наподобие светских учреждений, причем голос прихожан, в этих, во всяком случае, не церковных отношениях, затерялся совсем⁹⁷⁴.

Главным мотивом к расширению прав прихожан распоряжаться церковными суммами, с точки зрения этих архиереев был тот, что церковное имущество приобретает на средства лиц, входящих в общину, складывается из их пожертвований, и поэтому «им может казаться обидным устранение

---

⁹⁷¹ Там же. С. 706.

⁹⁷² Там же. С. 736–737.

⁹⁷³ Там же. С. 578.

⁹⁷⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 792–793 (архиепископ Новгородский Гурий (Охотин)).

их от заведования приобретенным на их же средства имуществом»⁹⁷⁵. Исходя из этого, сторонники такого взгляда выражались достаточно категорично:

Приходская община должна получить не только право полного контроля над суммами и всем вообще храмовым хозяйством, но и право распоряжения церковными суммами, свободными за покрытием расходов по содержанию храма и налогов общецерковных, епархиальных и окружных благочиннических⁹⁷⁶.

Архиепископ Рижский Агафангел (Преображенский) считал отлучение прихожан от церковных средств как раз тем «разделением, которое не дает устроиться и церковно-приходскому делу». Он писал, что пока этот порядок не будет заменен противоположным, духовенство и староста с одной стороны и прихожане с другой будут считать себя чужими друг другу, имеющими разные, если не противоречащие стремления и заботы, а при таком положении ожидать оживления прихода совершенно напрасно⁹⁷⁷:

Отстранение прихожан не только от распоряжения собираемыми главным образом с них же церковными суммами, но и от всякого наблюдения за правильным их употреблением, не может способствовать сближению прихода с клиром и взгреть в прихожанах усердие к пожертвованиям на храм и другие церковно-приходские нужды⁹⁷⁸.

Предоставить приходу во главе со священником самому распоряжаться церковным хозяйством под надзором епископской власти считал необходимым архиепископ Алеутский и Северо-Американский Тихон (Белавин). Как пример того, что это ничем не грозит церковному имуществу и способствует развитию приходской жизни, он подробно описывал практику собственной епархии:

Так именно обстоит дело в большинстве приходов в Северной Америке. Здесь церкви составляют собственность конгрегации (прихода); но и там, где они

---

⁹⁷⁵ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 95 (епископ Вятский Филарет (Никольский)). Ср.: Там же. С. 448 (епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)).

⁹⁷⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 125 (епископ Могилевский Стефан (Архангельский)). Ср. также: Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 738 (епископ Рязанский Аркадий (Карпинский)), 817 (архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий)).

⁹⁷⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 903–904.

⁹⁷⁸ Там же. С. 903.

записаны на имя епископа, их содержит сам приход. Обычно бывает годовое собрание прихожан («рочный митинг»), на котором выбирается церковный «уряд» – кураторы (староста, кассир и попечители); на митинге дается отчет в приходе и расходе за весь год; в иных приходах дается отчет по полугодиям и даже месяцам; на кураторах лежит обязанность собирать с прихожан «рочное» (годовой взнос на церковь от 5 долларов и выше) и ходить «по коллекте» (собирать пожертвования). Приход не только содержит церковь, но и платит жалование своему священнику и «дьякоучителю» (в разных местах неодинаково); по взаимному соглашению между священником и прихожанами, на митингах устанавливается плата за требы; все это заносится в «статуты», которые утверждаются епископом. Если нет церковного дома, то приход нанимает и квартиру (с мебелью, освещением и отоплением) для священника, помещение для школы, в иных местах и для читальни. В каждом приходе есть братство (а в многолюдных приходах и по нескольку братств). Братство обязательно носит церковный характер: выбирает какого-либо святого (или праздник) в покровители (патроны), из своих доходов делает отчисления на содержание церкви, священника, школы, на ремонт и украшение храма; кроме сего, оно преследует и благотворительную цель – выдает «запомоги» своим членам в случае их болезни, увечий, безработицы; при братстве бывает и полюбовный суд членов. Вообще, братства здесь очень популярны и вместе с «Православным обществом взаимопомощи», в котором они объединяются и которое тоже от себя помогает при постройке церквей и в просвещении народа, много способствуют оживлению церковно-приходской жизни⁹⁷⁹.

(Правда, святитель не отметил одну важную деталь: американский приход – по сути, был добровольным объединением, чем отличался от своего русского собрата.)

При этом ничего противоречащего канонам в том, что прихожанам открывался доступ к распоряжению церковной собственностью, эти преосвященные не видели. Епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев) писал, что каноны обязывают епископа «иметь попечение» о церковной собственности в смысле наблюдения за ее целесообразным использованием, а не распоряже-

---

⁹⁷⁹ Там же. С. 585.

ния ею⁹⁸⁰. (Он ссылался на 38-е и 41-е Апостольские правила и 24-е и 25-е правила Антиохийского собора⁹⁸¹.)

Разумеется, преосвященные считали, что распоряжаться церковными средствами прихожане могут лишь под контролем епископа. Контроль этот должен был выражаться, прежде всего, в надзоре за целевым использованием средств, а также за своевременной уплатой епархиальных и других отчислений⁹⁸². В отзывах указывалось, что уплата епархиальных сборов – обязанность прихода, и на это должна идти часть церковных средств⁹⁸³. Некоторые преосвященные прямо утверждали, что распоряжаться прихожане могут только «остаточными» (после оплаты епархиальных взносов) суммами⁹⁸⁴. При этом некоторые архиереи ратовали за расширение тех целей, на которые могли тратиться церковные деньги. Если по действовавшему положению, они могли расходоваться на храм и на причт, то с точки зрения, например, епископа Пензенского Тихона (Никанорова), следовало разрешить тратить их на благотворительные цели – на бедных, странников, вдов, убогих, как того требовали и древнецерковные правила⁹⁸⁵. В аналогичном ключе высказывался съезд духовенства Подольской епархии⁹⁸⁶. Однако категорически не следовало допускать, чтобы церковные средства тратились прихожанами на «мирские» нужды⁹⁸⁷.

---

⁹⁸⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 448. Ср. упомянутое выше мнение епископа Вятского Филарета (Никольского): Там же. С. 95.

⁹⁸¹ Ср. противоположную трактовку тех же правил в отзыве митрополита Московского Владимира (Богоявленского): Там же. С. 385.

⁹⁸² Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 360–361 (епископ Астраханский Георгий (Орлов)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 96–97 (епископ Вятский Филарет (Никольский)), 65 (епископ Холмский Евлогий (Георгиевский)), 819 (архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий)). Интересно, что преосвященный Алексей считал, что из церковных средств должны сначала покрываться епархиальные нужды, затем – храмовые и только затем – приходские. Преосвященный Евлогий иначе расставлял приоритеты. С его точки зрения, на первом месте должны были быть нужды именно приходского храма, и только остаток сумм должен был тратиться на епархиальные и приходские нужды. Правда, его позиция была уникальна. Большинство высказывавшихся на этот счет придерживалось точки зрения тверского преосвященного.

⁹⁸³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 415–416 (архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский)).

⁹⁸⁴ Там же. С. 16 (епископ Нижегородский Назарий (Кириллов)), 704 (отзыв экзарха Грузии).

⁹⁸⁵ Там же. С. 480.

⁹⁸⁶ Там же. С. 92.

⁹⁸⁷ Там же. С. 97 (епископ Вятский Филарет (Никольский)).

Причем эта группа епископов считала, что прихожане могут быть допущены до распоряжения церковным имуществом при любой конфигурации юридических лиц в приходе. Так, епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев) считал, что права юридического лица следует «перенести» с храмового здания на приход как общество и допустить прихожан к ведению церковного хозяйства⁹⁸⁸. Епископ Костромской Тихон (Василевский), напротив, склонялся к тому, чтобы юридическим лицом по-прежнему оставался храм, а не приход, но все равно считал необходимым допустить прихожан к участию в распоряжении церковными средствами⁹⁸⁹.

Отметим, что иерархи, отстаивавшие расширение прав прихожан на церковное имущество, не сомневались в осуществимости епископского контроля за этим имуществом и за этой деятельностью прихожан. Через несколько месяцев, при осуждении приходского вопроса в Предсоборном присутствии о себе заявит группа церковных интеллектуалов, которая поставит под сомнение осуществимость такого контроля.

Некоторые преосвященные считали, что церковное и приходское имущество не должно сливаться, а существовать отдельно как разные категории имущества в приходе. Но при этом управление обеими этими категориями, по их мнению, должно было осуществляться выборными приходскими органами, прежде всего церковно-приходским советом, то есть находиться в руках преобразованного прихода⁹⁹⁰. Такая конструкция церковно-приходской собственности, предусматривающая существование разных категорий имущества при единстве распоряжения ими, ляжет в основу мнения по этому вопросу IV приходского отдела Предсоборного присутствия. Епископ Владивостокский Евсевий (Никольский) предлагал воздержаться от объединения церковных и приходских сумм до тех пор, пока прихожане не будут подго-

---

⁹⁸⁸ Там же. С. 447.

⁹⁸⁹ Там же. С. 146–147.

⁹⁹⁰ Там же. С. 245, 252 (митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский)), 65–66 (епископ Холмский Евлогий (Георгиевский)).

товлены к ответственному распоряжению ими, и только со временем объединить церковные и приходские средства в одну кассу⁹⁹¹.

При этом архиереи понимали всю сложность вопроса о распространении прав прихожан и на церковное имущество. Епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков) писал в своем отзыве, что представители духовенства не соглашались с предложением допустить прихожан к распоряжению церковными средствами после уплаты епархиальных взносов,

указывая на то, что, по оплате всех обязательных сборов, в весьма многих церквях не останется сумм, о которых бы прихожанам можно было рассуждать, и что это, несомненно, вызовет ропот и еще большее охлаждение к церкви и даже уменьшение церковных доходов⁹⁹².

Епископ Приамурский и Благовещенский Никодим (Боков) считал, что вопрос о распоряжении церковными суммами будет самым тяжелым и беспоконным вопросом приходской реформы. Он был уверен, что «невозможно будет вложить в сознание прихожан», что деньги, приобретаемые в их храме через торговлю свечами и ими жертвуемые, не могут быть в их ведении и тратятся на дела «для них совершенно невидимые». Поэтому, рассуждал преосвященный, нельзя будет ограничиться статьей правил, что церковные суммы отнимаются у прихожан, это вызовет постоянный ропот, и, в конце концов, прихожане добьются доступа к церковным средствам. В связи с этим епископ Никодим предлагал более не налагать на церкви особого взноса на духовно-учебные заведения, а обложить их своего рода косвенным налогом: повысив по решению епархиального съезда отпускную цену свеч так, чтобы новая цена позволяла компенсировать расходы на духовные школы. По мысли приамурского преосвященного, прихожане в этом случае столкнутся с дороговизной свеч, но не с раздражающим их взносом и будут роптать на монополию на продажу свеч, но не на «обирание церквей». «По установлении такого порядка, – заключал епископ Никодим, – полагаю, совершенно без-

---

⁹⁹¹ Там же. С. 918, 921.

⁹⁹² Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 211.

опасно можно ввести в число прав приходской общины и заведование церковными суммами» под надзором епископа⁹⁹³. Мы уже знаем, что подобные проекты «освобождения» церквей от епархиальных отчислений буквально в это же время выдвигало духовенство Херсонской, а через несколько лет – Могилевской епархии (см.: Глава 2 § 6).

Думается, предложение епископа Никодима было несколько наивным. Было бы странно ожидать, что прихожане не разгадают «хитрость» преосвященного, надеявшегося заменить прямые налоги с церковью косвенными. Так думали и другие архиереи, скептически смотревшие на подобные «комбинации» (ср. отзыв архиепископа Херсонского Димитрия (Ковальницкого) на подобное предложение духовенства его епархии; Глава 2 § 5). Честнее было пойти по-другому пути. Через ряд отзывов – причем как тех преосвященных, кто выступал за допуск прихожан к церковным средствам, так и тех, кто возражал против этого, – проходила идея о необходимости *ограничения или полной отмены сборов с церковей*⁹⁹⁴. Митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) настаивал:

Необходимо ограничение по закону епархиальной и высшей власти облагать церкви и духовенство податями и поборами, временными и постоянными, кружечными и открытыми⁹⁹⁵.

Часть архиереев высказывалась за то, чтобы предоставить самим приходским общинам «право допускать или не допускать в своих храмах подобных сборов и кружек» или, по крайней мере, чтобы установление сборов происходило при участии самих прихожан⁹⁹⁶. Епископ Вятский Филарет (Никольский) прямо говорил, что ненормальность существовавшего положения заключается именно в том, что обязательные налоги с церковью слишком

---

⁹⁹³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 796.

⁹⁹⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 361 (епископ Астраханский Георгий (Орлов)), 622 (епископ Симбирский Гурий (Буртасовский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 183–184 (епископ Смоленский Петр (Другов)), 583 (архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин)), 601–602, 604, 613 (епископ Енисейский Евфимий (Счастнев)).

⁹⁹⁵ Там же. С. 251.

⁹⁹⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 622 (епископ Симбирский Гурий (Буртасовский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 184 (епископ Смоленский Петр (Другов)), 583 (архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин)).

велики и «производятся без всякого участия и контроля приходских общин»⁹⁹⁷. Съезд духовенства Подольской епархии напоминал, что нужно не только ограничить или прекратить «непомерное обложение церквей взносами в пользу разных учреждений», но и прекратить выписку ненужных книг и брошюр и закупку дорогих бланков⁹⁹⁸.

Между тем значительная группа преосвященных выступила принципиальными противниками расширения прав прихожан на церковное имущество. Их аргументация была очень проста: они боялись, что в этом случае духовно-учебные заведения будут закрыты, и дети духовенства останутся без воспитания, кроме того пострадает и призрение духовных лиц так как более не будут пополняться пенсионные кассы духовенства, «а это было бы горе великое, которое нельзя искупить выгодами чисто приходскими»⁹⁹⁹. Подкрепляли эти преосвященные свою позицию и ссылками на каноны, правда, часто на те же, на какие ссылались их оппоненты¹⁰⁰⁰, о чем мы говорили выше. При этом названная группа архиереев выступала за расширение гласности в расходовании церковных сумм. Также они надеялись, что прихожане помогут причту контролировать церковных старост, в чем и будет заключаться их участие в церковном хозяйстве¹⁰⁰¹.

Выборы духовенства

Одна из центральных проблем приходской жизни заключалась в разобщенности духовенства и паствы, что прекрасно видели и преосвященные.

---

⁹⁹⁷ Там же. С. 97.

⁹⁹⁸ Там же. С. 92.

⁹⁹⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 52 (архиепископ Харьковский Арсений (Брянцев)). Об угрозе закрытия семинарий говорил и епископ Тульский Лаврентий (Некрасов): Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 543.

¹⁰⁰⁰ Там же. С. 518 (епископ Томский Макарий (Парвицкий-Невский)), 974 (архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий)). Архиепископ Иаков называл идею о допуске прихожан к церковным средствам «кабинетным творчеством»: Там же. С. 974.

¹⁰⁰¹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 235 (епископ Кишиневский Владимир (Сеньковский)), 171 (епископ Волынский Антоний (Храповицкий)), 592 (архиепископ Донской Афанасий (Пархомович)), 1015 (архиепископ Херсонский Димитрий (Ковальницкий)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 175 (епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов)), 334 (архиепископ Литовский Никандр (Молчанов)), 385–386 (митрополит Московский Владимир (Богоявленский)), 579–582 (архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин)).

Епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) писал, что пастыри не влиятельны, не авторитетны в приходе.

Иногда простой деревенский начетчик, а особенно монастырский старец, хотя бы из простецов, больше близок, более понятен народу и более любим им, чем окончивший духовную семинарию священник приходский¹⁰⁰².

Преодолеть средостение между священниками и прихожанами многие сторонники приходской реформы предполагали через введение выборности приходских пастырей, а также через распространение не сословного, а «народного» пастырства. В вопросе о выборности духовенства преосвященные были более единодушны, чем в вопросе о распоряжении церковным имуществом. Большинство из них склонялось к тому, что прихожане могут участвовать в назначении приходского клира в форме ходатайства за близкого им кандидата перед епископом, но окончательное решение при этом сохранялось бы все равно за епархиальным архиереем. Причем очень часто они не критиковали сам принцип выборности клира. Епископ Волынский Антоний (Храповицкий), автор отзыва, замечательного по индивидуальности взгляда писал, что выборное начало соответствует первохристианскому образу жизни, «община носит в себе некий дар благодати» и может выдвигать своих членов на иерархические должности. Но, продолжал волынский преосвященный, теперешние общины «так удалились от истинного Православия», что восстановление древнего строя может быть целью приходской реформы, а не результатом «мгновенного поворота»¹⁰⁰³. Поэтому

начать восстановление православного приходского строя с введения выборного начала – значит предлагать тяжело больному жирную грубую пищу, полезную для атлета-рабочего, но смертельную для тифозного клиента¹⁰⁰⁴.

Наличная приходская община, по мысли епископа Антония, еще не способна принять на себя ответственность избрания. Однако он постоянно под-

---

¹⁰⁰² Там же. С. 62.

¹⁰⁰³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 173–174.

¹⁰⁰⁴ Там же. С. 174.

черкивал, что поставление священников из кандидатов, выдвинутых самой общиной, – это идеал, поэтому священство не должно быть закрыто для выходцев из народа. Волынский преосвященный выступал за естественно складывающееся, но не сверху введенное «народное паство»¹⁰⁰⁵. Полную солидарность с его точкой зрения, цитируя его отзыв, выражал архиепископ Алеутский и Северо-Американский Тихон. Он писал, что выбора священников нет и в Америке, что и там община еще не способна к этому¹⁰⁰⁶. Другие преосвященные высказывались против выборов священника, хотя также признавали «идеальный характер» выборного начала¹⁰⁰⁷. Лишь единицы считали, что оно противоречит «церковным правилам»¹⁰⁰⁸. Многие епископы прямо высказывались за предоставление прихожанам права ходатайства перед епархиальным архиереем за известного им кандидата¹⁰⁰⁹. Причем епископ Симбирский Гурий (Буртасовский) писал, что *de jure* это право принадлежит прихожанам и теперь, «но *de facto* некоторыми епископами отрицалось и отрицается»¹⁰¹⁰.

В ряде отзывов предлагались конкретные процедуры выдвижения такого ходатайства. Архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин) предлагал, чтобы прихожане представляли архиерею не одного, а трех кандидатов¹⁰¹¹. Епископ Вятский Филарет (Никольский) считал, что число предлагаемых кандидатов может быть не ограничено¹⁰¹². В отзыве экзарха Грузии, составленном епископом Имеретинским Леонидом (Окропиридзе) описывалась

---

¹⁰⁰⁵ Там же. С. 176–177.

¹⁰⁰⁶ Там же. С. 585–586.

¹⁰⁰⁷ Там же. С. 127–128 (епископ Могилевский Стефан (Архангельский)), 357–359 (епископ Астраханский Георгий (Орлов)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 504 (епископ Саратовский Гермоген (Долганов)), 334 (архиепископ Литовский Никандр (Молчанов)), 916–917 (епископ Владивостокский Евсей (Никольский)), 886 (епископ Смоленский Петр (Другов)), 601, 602, 604, 613 (епископ Енисейский Евфимий (Счастнев)).

¹⁰⁰⁸ Там же. С. 543 (епископ Тульский Лаврентий (Некрасов)).

¹⁰⁰⁹ См., например: Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 63 (епископ Холмский Евлогий (Георгиевский)), 133–135 (епископ Костромской Тихон (Василевский)), 387 (митрополит Московский Владимир (Богоявленский)), 579 (архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин)), 820 (архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий)), 974–975 (архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий)).

¹⁰¹⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 619–620.

¹⁰¹¹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 586.

¹⁰¹² Там же. С. 96.

старая практика Грузинской Церкви. Согласно этому описанию, прихожане представляли трех кандидатов, епископ мог выбрать одного из них или представить своего, но безусловно негодный народу кандидат вычеркивался из списков. Таким образом, право вето было и у епископа, и у церковного народа. Фактически, речь шла о процедуре достижения консенсуса при выборе приходского священника¹⁰¹³. Впрочем, в проекте, выработанном комиссией Грузинской епархии, предусматривалась на этот счет более простая процедура, сводившаяся к рекомендации прихожанами своего кандидата; епископ мог отклонить эту кандидатуру и предложить свою. Окончательное решение оставалось за епископом¹⁰¹⁴. Архиепископ Иркутский Тихон (Троицкий-Донебин) предлагал предоставить выдвинутому и одобренному архиереем кандидату право выбирать: жениться или оставаться неженатым¹⁰¹⁵. Очевидно, такая практика позволила бы привлекать к священническому служению большее число мирян, что было важно для сибирских епархий. Интересное предложение содержалось в отзыве Олонецкой духовной консистории. Предполагалось, что прихожане будут выдвигать кандидатов только с законченным богословским образованием, а если они не могут их найти, то орган епархиального управления должен указать им таковых, «предоставляя общине полную возможность знать своего будущего пастыря и считать его своим избранником»¹⁰¹⁶. Епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков) считал важным, чтобы архиерей уведомлял прихожан о причинах отклонения их кандидата¹⁰¹⁷. Аналогичная норма содержалась в проекте Грузинской епархии¹⁰¹⁸. В некоторых отзывах звучала мысль, что право выдвигать кандидатов следует предоставить прихожанам совместно с духовенством благочиннического округа¹⁰¹⁹. Ряд отзывов в духе идей епископа Антония (Храповицкого)

---

¹⁰¹³ Там же. С. 666.

¹⁰¹⁴ Там же. С. 703.

¹⁰¹⁵ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 842.

¹⁰¹⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 360–361.

¹⁰¹⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 213.

¹⁰¹⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 703.

¹⁰¹⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 1006 (отзыв архиепископа Херсонский Дмитрий (Ковальницкого), составленный комиссией «из лучших одесских священников под пред-

говорил о том, что выборы могут быть допущены в будущем¹⁰²⁰, хотя теперь говорить о них было бы «праздным мечтанием»¹⁰²¹.

В любом случае идеалом признавалось соработничество пастыря и прихожан¹⁰²². Поэтому совершенно неприемлемой представлялась практика перевода клириков из одного прихода в другой, которая часто была следствием чиновничьего отношения духовенства к своему служению: клирики воспринимали перевод в лучший приход как справедливое повышение по службе и часто ходатайствовали об этом перед епископами. Преосвященные считали, что эта практика должна быть отменена вовсе или значительно ограничена¹⁰²³. Впрочем, были среди преосвященных и горячие сторонники прямых выборов духовенства. Таковым был епископ Уфимский Христофор (Смирнов), проповедовавший, как мы помним, идею приходского братства. Он считал, что выбор прихожан может быть ограничен единственным условием: кандидаты, не окончившие духовные учебные заведения, должны подвергаться экзамену¹⁰²⁴. Считал, что архиерей может назначать на приход своего кандидата вместо предложенного прихожанами только «в исключительных случаях», и епископ Рязанский Аркадий (Карпинский)¹⁰²⁵.

Предоставление приходу прав юридического лица

Вопрос о наделении прихода правами юридического лица, то есть правоспособностью приобретать и отчуждать имущество на свое имя (а, например, не на имя приходского храма) был одним из центральных в спорах о предполагаемом устройстве приходского хозяйства. Это был вопрос о сред-

---

седательством кафедрального протоиерея»); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 480 (епископ Пензенский Тихон (Никаноров)), 88 (Подольский епархиальный съезд духовенства).

¹⁰²⁰ Там же. С. 88 (Подольский епархиальный съезд духовенства), 172 (епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов)).

¹⁰²¹ Там же. С. 416 (архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский)).

¹⁰²² Там же. С. 96 (епископ Вятский Филарет (Никольский)), 217 (епископ Таврический Алексей (Молчанов)).

¹⁰²³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 362 (епископ Астраханский Георгий (Орлов)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 15 (епископ Нижегородский Назарий (Кириллов)), 96 (епископ Вятский Филарет (Никольский)), 169 (епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов)), 820 (архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий)).

¹⁰²⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 664.

¹⁰²⁵ Там же. С. 737–738.

ствах, на какие община сможет существовать в будущем, о том, будет ли она в состоянии осуществлять благотворительные и просветительские проекты, что прекрасно понимали епархиальные преосвященные. Епископ Костромской Тихон (Василевский) писал:

Этот небольшого объема вопрос имеет весьма важное значение в ряду вопросов, касающихся обновления церковной жизни в России и выдвинутых преобразовательными стремлениями последнего времени. Значение его гораздо шире, чем оно представляется с первого взгляда: с ним не без основания связывается не только вопрос о благоустройстве каждой церкви и каждого прихода в отдельности, но и многие другие вопросы общего характера, имеющие значение в жизни общегосударственной¹⁰²⁶.

Преосвященный отмечал, что на дела благотворительности Церкви нужны средства, и немалые.

Благотворительность же настолько важна для Церкви, что без нее жизнь церковная как бы отсутствует, благотворительность – это цвет и плод той веры Христовой, которой связываются христиане в союз церковный, которой они одушевляются, но которая без дел благотворительности мертва¹⁰²⁷.

Архиепископ Рижский Агафангел (Преображенский) писал, что настоятельно требуется устроить приход как «признанную законом» церковно-общественную единицу, как юридическое лицо, «дать постановлениям органов церковно-приходского управления силу обязательную не только для прихожан, но и для посторонних учреждений и лиц». Он отмечал, что это имеет особое значение для прибалтийской окраины, где «лютеранские приходы и их конвенты пользуются таким признанием и правами, если не всегда в силу закона, то в силу обычая»¹⁰²⁸. При этом в вопросе о том, сколько должно быть правомочных юридических единиц в приходе и как имуще-

---

¹⁰²⁶ Там же. С. 144.

¹⁰²⁷ Там же. С. 144. Обратим внимание на эту позицию. Позднее и в публицистике, и среди членов Предсоборного присутствия получит распространение та точка зрения, что вопрос о возрождении прихода достаточно свести к «духовному возрождению» в нем, не затрагивая проблемы его юридических прав, а благотворительностью лучше заниматься государству. Ср.: *Журналы и протоколы 4*. 117, 123–124, 127 (2-й пагин.); *Журналы и протоколы 3*. 327–332, 359–364 (1-й пагин.).

¹⁰²⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 902.

ственные права общины будут соотноситься с аналогичными правами храма, мнения преосвященных расходились. Многие высказались за предоставление приходу прав юридического лица, не уточняя следует ли сохранить это право и у приходского храма¹⁰²⁹. Митрополит Киевский Флавиан (Городецкий) считал, что право юридического лица должно быть предоставлено «церкви-общине» наряду с церковью-храмом¹⁰³⁰. А епископ Владивостокский Евсей (Никольский), напротив, писал, что вся суть приходской реформы заключается в объединении церковной «администрации» и народа, и значит, право юридического лица храма «может быть вместе с тем и правом прихода этой церкви»¹⁰³¹.

Радикальный подход к этому вопросу продемонстрировал епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов). Он предлагал закреплять имущество, как храмовое, так и приходское только за епископом, по аналогии с практикой, которая существовала (не только у православных) в Северной Америке, где он ранее служил. Таким образом епископ Владимир надеялся избежать конфискации церковного имущества, возможной, по его мнению, при грядущем отделении Церкви от государства. В качестве примера такой конфискационной политики он приводил меры французского правительства начала XX в.¹⁰³²

По-своему предложила решить вопрос о будущих средствах приходской общины Олонецкая духовная консистория. Ее члены предлагали, чтобы «избыток средств» из богатых церквей и монастырей поступал в специально учрежденную в епархии кассу, откуда осуществлялась бы помощь неимущим

---

¹⁰²⁹ Там же. С. 872 (епископ Ставропольский Агафодор (Преображенский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 184 (епископ Смоленский Петр (Другов)), 217 (епископ Таврический Алексей (Молчанов)), 244 (митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский)), 334 (архиепископ Литовский Никандр (Молчанов)), 480 (епископ Пензенский Тихон (Никаноров)), 522 (епископ Томский Макарий (Парвицкий-Невский)), 543 (епископ Тульский Лаврентий (Некрасов)), 819, 885 (архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий)), 977 (архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий)) и др.

¹⁰³⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 695.

¹⁰³¹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 918.

¹⁰³² Там же. С. 170.

церквам, давались средства для приходской благотворительности и для «других общественных потребностей»¹⁰³³.

Описание органов приходского управления

В вопросе о том, как должны выглядеть органы приходского самоуправления, большинство преосвященных высказались в том смысле, что этими органами должны быть приходское собрание и приходский совет. Впрочем, надо учитывать, что «правильный ответ» на этот вопрос был подсказан центральной церковной властью. Многие отзывы писались после выхода синодального определения от 18 ноября 1905 г., как раз приходским собранию и совету посвященного¹⁰³⁴. Но еще важнее, что преосвященным был разослан проект положения о православном приходе в Финляндии, и в своих рассуждениях об органах приходского управления архипастыри отталкивались от него. Кто-то из них одобрял этот проект, кто-то предлагал внести те или иные дополнения¹⁰³⁵, другие критиковали отдельные, но важные его положения.

Наиболее острую критику вызвали три положения финляндского проекта: принудительность самообложения прихожан, введение имущественного ценза для участия в приходском собрании и необходимость участия светских властей (губернатора) в приходском собрании по некоторым вопросам. Иерархи считали, что пожертвования прихожан должны носить добровольный характер, быть «делом любви»¹⁰³⁶. То положение финляндского проекта, которым голосам членов приходского собрания усваивалось не одинаковое значение, а соразмерно числу возложенных на прихожан манталов (податных единиц), то есть фактически вводился имущественный ценз, архиепископ

---

¹⁰³³ Там же. С. 361.

¹⁰³⁴ См., например, прямую ссылку на определение от 18 ноября 1905 г. в отзыве епископа Саратовского Гермогена (Долганова): Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 505.

¹⁰³⁵ Там же. С. 133 (епископ Костромской Тихон (Василевский)), 795–796 (епископ Приамурский и Благовещенский Никодим (Боков)).

¹⁰³⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 153 (епископ Черниговский Антоний (Соколов)), 171 (епископ Волынский Антоний (Храповицкий)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 64 (Епископ Холмский Евлогий (Георгиевский)), 360 (Олонецкая духовная консистория).

Рижский Агафангел (Преображенский) называл противоречащим «духу христианского равенства». К его мнению присоединяли свои голоса члены Олонецкой духовной консистории и епископ Владивостокский Евсевий (Никольский)¹⁰³⁷. Рижский архипастырь считал, что установление неравенства среди прихожан было одной из главных причин неудачи Положения о приходских попечительствах и Инструкции церковным старостам 1890 г., которые допускали в приходские собрания только домохозяев и лиц, имеющих право участвовать в собраниях местного городского или сельского общества и в дворянских собраниях.

Для участия же в этих общественных и сословных собраниях требуется такой имущественный и сословный ценз, каким огромная часть православных прихожан не располагает¹⁰³⁸.

В частности, он указывал, что православная паства его епархии, за немногими исключениями, даже в больших и богатых городах (таких как Ревель и Рига) «состоит из безземельных батраков и других бедных тружеников», не удовлетворяющих цензовым требованиям, «следовательно, этими требованиями почти вся православная паства Рижской епархии ставится вне церкви»¹⁰³⁹. Этого, по его мнению, категорически нельзя было допустить при новой организации прихода. Относительно участия губернатора в приходских собраниях критически высказывались епископы Волынский Антоний (Храповицкий), Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов) и Владивостокский Евсевий (Никольский)¹⁰⁴⁰.

Интересно, что главное достоинство финляндского проекта епископ Приамурский и Благовещенский Никодим (Боков) видел в том, что его предполагалось издать как государственный закон, «с известными обязанностями для всех членов церковной общины». Только в этом случае, считал преосвященный, он будет действовать, а не останется «мертворожденным», как По-

---

¹⁰³⁷ Там же. С. 360, 919.

¹⁰³⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 903.

¹⁰³⁹ Там же. С. 903–904.

¹⁰⁴⁰ Там же. С. 171; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 170, 919.

ложение о попечительствах. Епископ Никодим имел в виду, что только под принуждением государственного закона можно приучить народ к приходской деятельности. Сначала, полагал автор отзыва, закон может даже встречать сопротивление, но потом прочно войдет в церковную жизнь¹⁰⁴¹. С ним заочно спорил епископ Холмский Евлогий (Георгиевский), который был уверен, что

приходское самоуправление должно основываться не столько на началах юридических, сколько на нравственных началах взаимного уважения, доверия, уступчивости. Так было в древнехристианской Церкви¹⁰⁴².

Отдельные преосвященные описывали свое понимание соотношения органов приходского самоуправления. Епископ Могилевский Стефан (Архангельский) и митрополит Московский Владимир (Богоявленский) прямо называли совет «исполнительным» органом при приходском собрании¹⁰⁴³. Епископ Холмский Евлогий (Георгиевский), напротив, считал важным усилить значение и права церковных советов по сравнению с полномочиями собраний. Это, по его мнению, упростило бы ведение приходских дел. Кроме того, он высказывался за усиление роли приходского священника в обоих этих органах¹⁰⁴⁴. Епископ Вятский Филарет (Никольский) и архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий) считали возможным открыть доступ в приходские советы женщинам¹⁰⁴⁵. Архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий) смотрел на это несколько иначе. По его мнению, женщины не могли непосредственно участвовать в приходском собрании, но по какому-либо вопросу, «близко их касающемуся», могли составить особое собрание и свое заключение передать председателю общего собрания¹⁰⁴⁶. Некоторые архипастыри считали важным развитие в приходе дополнительных структур. Епископ Симбирский Гурий (Буртасовский) писал о необходимости учреждения

---

¹⁰⁴¹ Там же. С. 794.

¹⁰⁴² Там же. С. 65.

¹⁰⁴³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 127–128; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 386.

¹⁰⁴⁴ Там же. С. 65.

¹⁰⁴⁵ Там же. С. 96, 824.

¹⁰⁴⁶ Там же. С. 975.

приходских братств, миссионерских кружков и подобных объединений, так чтобы епархия оказалась покрыта их сетью¹⁰⁴⁷. Епископы Могилевский Стефан и Владивостокский Евсей высказывались в пользу создания института приходских диаконисс¹⁰⁴⁸.

Ряд преосвященных подчеркивал, что у прихода – в лице его органов – должны быть полномочия по нравственному и дисциплинарному воздействию на своих членов. Тот же епископ Стефан считал, что приходская община могла бы применять к прихожанам церковно-дисциплинарные меры, быть органом третейского суда и первичной инстанцией в области брачных и бракоразводных дел. Он полагал, что свидетельство общины могло бы заменить процедуру оглашения брака и свидетельские показания (часто – подложные) при разводе¹⁰⁴⁹. Епископ Екатеринбургский Владимир призывал дать приходскому совету средства к «восстановлению церковной дисциплины по канонам»: право суда над членами общины, право дисциплинарных наказаний, епитимий, право отлучения от причастия с согласия епископа. Преосвященный считал, что таким образом Церковь сможет очиститься от «плевел» – от своих номинальных членов¹⁰⁵⁰. Митрополит Санкт-Петербургский Антоний говорил о праве совета принимать меры к «исправлению порочных членов прихода после безуспешных пастырских увещаний»¹⁰⁵¹. В подобном ключе высказывались и другие преосвященные¹⁰⁵². Небольшое число иерархов было сторонниками развития института приходских попечительств, предлагая открыть их в каждом приходе, как об этом писали сторонники административного «оцерковления» попечительств в 1890-х

---

¹⁰⁴⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 630.

¹⁰⁴⁸ Там же. С. 127–128; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 918.

¹⁰⁴⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 126–127.

¹⁰⁵⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 170–171.

¹⁰⁵¹ Там же. С. 245.

¹⁰⁵² См., например: Там же. С. 333–334 (архиепископ Литовский Никандр (Молчанов)), 517 (епископ Томский Макарий (Парвицкий-Невский)), 738 (епископ Рязанский Аркадий (Карпинский)), 794 (епископ Приамурский и Благовещенский Никодим (Боков)), 919 (епископ Владивостокский Евсей (Никольский)).

гг.¹⁰⁵³ Среди этих архиереев только епископ Владивостокский Евсевий считал, что попечительства должны перерасти в приходские братства¹⁰⁵⁴.

Нестандартно описала принципы участия прихожан в органах приходского управления комиссия Санкт-Петербургской епархии, действовавшая под председательством митрополита Антония (Вадковского) и состоявшая, видимо, в большинстве из профессоров столичной духовной академии. В своем суждении «Об устройстве приходского общества» комиссия писала, что прихожане в приходе пользуются «церковными правами», которые разделяются на общие и особенные. К общим, то есть доступным всем прихожанам, относятся участие в богослужении и пользование «благами церковными». А особенными обладают «возрастные» прихожане, которые могут участвовать в заведовании и управлении делами церковного благоустройства и совместно с членами причта могут быть членами органов приходского общества¹⁰⁵⁵. Уникальность этого отзыва состояла в том, что здесь впервые делалась попытка описать *права* прихожан, тогда как распространенным подходом к описанию приходской жизни была регламентация их *обязанностей*¹⁰⁵⁶.

Интересный подход к задачам приходской жизни продемонстрировал в своем отзыве епископ Приамурский и Благовещенский Никодим (Боков). Его пафос заключался в том, что церковная жизнь должна проявляться в разных сферах, а не сводиться только к богослужению и «требам». Он считал, что нельзя заключать «земную воинствующую Церковь», даже «маленькую», в пределах одного прихода только в области собственно «религиозного служения» Богу. Церковь должна проливать свет на все стороны человеческой жизни. Поэтому, полагал преосвященный, община обязана заняться материальным обеспечением своих членов, например, следить за справедливым раз-

---

¹⁰⁵³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 357–359 (епископ Астраханский Георгий (Орлов)), 869–870 (епископ Ставропольский Агафодор (Преображенский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 518 (епископ Томский Макарий (Парвицкий-Невский)).

¹⁰⁵⁴ Там же. С. 916.

¹⁰⁵⁵ Там же. С. 242–243.

¹⁰⁵⁶ См., например: *Бердников И.С.* Сепаратный проект положения о православном русском приходе. СПб., 1906. Подробнее см.: Глава 3 § 3.

делом земли между членами крестьянского общества, ведь жертвами несправедливого раздела обычно «падают наиболее забытые нуждою люди». Архипастырь был убежден, что если служение Церкви будет обнимать разные стороны жизни, то на этой почве будет и единение всех членов общины. Самым «больным местом» приходской жизни он считал отсутствие истинно христианской благотворительности, что, по его словам, «повергало многих нетвердых духом в отчаяние» и вело их к отпадению от Церкви. Поэтому, писал епископ Никодим, надлежит во чтобы то ни стало устранить этот недостаток, возложив на общину обязанность «иметь особое любовно-братское попечение о бедных прихода, не только моральное, но и главным образом материальное»¹⁰⁵⁷. Отдавая должное его пафосу, заметим, что при таком расширении экстрарелигиозных функций приходской общины ее с трудом было бы можно отличить от общины крестьянской. Было бы не ясно, исходя из каких побуждений селяне берутся за то или иное благое дело: руководствуясь своим христианским сознанием, или в силу того, что этими делами издавна ведал крестьянский сход, на широкие полномочия которого в борьбе с социальными пороками и экономическими бедствиями указывал сам епископ Никодим¹⁰⁵⁸.

Некоторые архиереи, в частности, архиепископ Финляндский Сергей предлагали не регламентировать подробно устройство прихода, а определить только принципиальные моменты его развития, например, доступ прихожан к церковным средствам после уплаты епархиальных сборов. Дальнейшее же устройство предоставить времени, чтобы сами приходы вырабатывали формы своей организации. Где-то, по мнению преосвященного, могло бы подойти финляндское устройство, где-то концепция приходского братства и т.п.¹⁰⁵⁹ В чем-то эта идея постепенного развития приходской организации была сходна с мыслями на этот счет епископа Владивостокского Евсевия и публициста Л.А. Тихомирова, высказанными им через несколько месяцев на засе-

---

¹⁰⁵⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 791–794.

¹⁰⁵⁸ Там же. С. 790.

¹⁰⁵⁹ Там же. С. 416.

даниях IV отдела Предсоборного присутствия. С другой стороны, как среди преосвященных, так и среди церковных интеллектуалов были те, кто считал главным изъяном, например, синодального определения от 18 ноября 1905 г. именно недостаточную регламентацию приходского устройства (см. следующий раздел).

Некоторые отзывы представляли собой более или менее проработанные проекты приходского устава. Так, в составе отзыва епископа Владимирского Никона (Софийского) находился его проект изменений в Положение о приходских попечительствах, представленный им Синоду весной 1905 г.¹⁰⁶⁰ Автор проекта писал, что он «составлен на основании опыта всех преосвященных Русской Церкви за все время существования церковно-приходских попечительств» и их указаний. Возможно, что именно этот проект стал результатом опроса преосвященных 1893 г., который был предпринят К.П. Победоносцевым в контексте его «реформы» прихода и о котором мы говорили в предыдущей главе.

Владимирский архипастырь писал, что его «проект составлялся именно с той целью, чтобы внести в благоустройство в приход, обнимая церковно-приходским попечительством всю жизнь прихода»¹⁰⁶¹. Эти слова точно передавали суть этого проекта: приходские учреждения мыслились как существующие наряду с храмом как собственником имущества и с церковной администрацией. В статье 6 прямо говорилось, что «приход не простирает своей власти на церковные суммы»¹⁰⁶². Далее указывалось, что должности старосты и казначея не могут исполняться одним лицом «в устранение смешения сумм собственно церковных и сумм прихода»¹⁰⁶³ (ст. 31); к приходским делам не могли относиться такие, «производство которых по закону принадлежит правительственным властям — духовным или светским»¹⁰⁶⁴ (ст. 20). При этом за приходом закреплялось право юридического лица, причем раз-

---

¹⁰⁶⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 275–281.

¹⁰⁶¹ Там же. С. 275.

¹⁰⁶² Там же. С. 276.

¹⁰⁶³ Там же. С. 279.

¹⁰⁶⁴ Там же. С. 279.

меры сумм, которыми приход мог распоряжаться самостоятельно, без санкции епархиальной власти, не ограничивались (ст. 41). Председателем приходского собрания и совета был обязательно священник (ст. 16, 26), если он не мог присутствовать на заседаниях, его заменял «входящий священник», но ни в коем случае не выборный заместитель. В состав совета в качестве непременных членов вводились представители местной власти, очевидно, для того чтобы усилить обязательность его решений. Правомочными прихожанами были далеко не все жители прихода. В собраниях не могли участвовать те, на кого распространялись ограничения имущественной и гражданской правоспособности, а также не соответствовавшие сословному и имущественному цензу (ст. 14), хотя допускались женщины-домохозяйки. Проблему эффективности приходского хозяйства проект предполагал решить введением обязательных сборов с прихожан (ст. 3), но при этом никак не гарантировал эту обязательность. Возможно, предполагалось, что проекту – как в свое время Положению о попечительствах – будет придан статус государственного закона, и тогда обязательность сборов будет обеспечиваться общегосударственными процедурами. Таким образом, действительно, приход мыслился как общеобязательное попечительство с расширенными правами и твердым источником дохода. Сомнительно, чтобы такая конструкция могла разрешить все противоречия, завязавшиеся вокруг приходского вопроса.

Иной характер имел проект приходского устройства архиепископа Рижского Агафангела (Преображенского), также составленный на основе Положения о попечительствах 1864 г.¹⁰⁶⁵ Мы уже видели, что рижский преосвященный был принципиальным противником любой дифференциации в приходе, касалась ли она имущества или участия прихожан в приходском собрании. В ней он видел умаление религиозной миссии православного прихода. Поэтому 1-я статья проекта давала такое определение прихода:

Клир каждой православной приходской церкви купно со всею его паствою составляют одну нераздельную церковную общину – «православный приход» (такой-

---

¹⁰⁶⁵ Там же. С. 905–908; РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 199. Лл. 107–110.

то церкви). Эта церковная община, обнимая собой настоящее, отшедшие и грядущие поколения ее членов, есть собственник и хозяин всего церковного достояния и приходского имущества и всех церковно-приходских учреждений¹⁰⁶⁶.

Правомочными участниками приходского собрания могли быть все прихожане, достигшие 21 года, «не различая сословного, общественного и имущественного их положения». Возможность участия в собрании женщин могла быть определена самим приходом с согласия настоятеля (ст. 3). Приходское попечительство занимало то же место, что в других проектах занимал приходский совет, постоянно действующего органа, ведущего приходские дела. Особенностью рижского проекта было то, что в попечительство могли избираться и «не живущие в приходе лица», но их число не могло быть более половины числа выборных членов попечительства. Председательствовал в собрании священник или иное лицо «по его указанию», а в попечительстве – выборный председатель (ст. 3, 4, 10). Последнюю норму проект явно наследовал из Положения 1864 г. Дела в собрании и совете предполагалось решать на основе консенсуса, решение большинством голосов должно было применяться в исключительных случаях (ст. 7). Компетенция органов приходского управления была самая широкая. Они должны были рассматривать «все церковные и общественные дела прихода и распоряжаться церковно-приходским имуществом» (за исключением причтового). Собрание избирало и кандидата на священническую должность (ст. 7, 8). При этом руководителем общины назывался именно приходский священник, управлявший ею «под руководством и наблюдением высшей церковной власти» при «содействии» попечительства (ст. 2). Сборы, назначенные собранием, признавались обязательными как для членов прихода, так и для владельцев недвижимости в нем (ст. 12). Механизм реализации их принудительного характера оговаривался в ст. 19, которая утверждала, что собрание и попечительство пользуются значением «общегражданских учреждений» и законные их распоряжения, акты и договоры имеют обязательное значение, к исполнению их должно

---

¹⁰⁶⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 905.

быть «оказываемо необходимое содействие» полицейскими, сельскими, судебными и иными властями. Приходы могли создавать совместные учреждения (ст. 13). Проект архиепископа Агафангела вызвал интерес в других епархиях. Архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий) писал, что рижский проект подходит и для Тверской епархии¹⁰⁶⁷.

Не так тщательно проработаны были проекты устройства прихода, предложенные Вологодской и Иркутской епархиями. В первом из них давалось такое определение прихода:

Приходская община должна являться низшей ячейкой всего церковного организма, сплотившегося во имя Христа для получения вечного спасения и благоустройства религиозно-нравственной жизни, имея во главе приходского пастыря как отца и руководителя¹⁰⁶⁸.

Кроме того, вологодский проект говорил о приходе как о самостоятельной общине, которая, «не выделяясь из тела Церкви», находится в «единении и союзе» с высшей церковной властью. За прихожанами закреплялось право ходатайствовать о кандидатах в члены причта. На приходском собрании и в совете председательствовал священник. Членами первого могли быть все прихожане не моложе 25 лет от роду, записанные в приходскую книгу и «не ограниченные в правах», а второй именовался исполнительным органом собрания. Собрание могло выносить обязательные для прихожан приговоры, но процедура их реализации не уточнялась. Проект предполагал, что приход будет иметь право юридического лица, но приобретенная им недвижимость будет закрепляться «за церковью», то есть речь шла скорее о храме как единственном юридическом лице в приходе, но пользующемся им без ограничений в виде, например, процедуры испрашивания Высочайшего соизволения. При этом управление церковным имуществом должно было осуществляться прихожанами: проект говорил о совместной деятельности приходского сове-

---

¹⁰⁶⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 818–820.

¹⁰⁶⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 98.

та и старосты. Также совет наделялся правом братского примирительного суда¹⁰⁶⁹.

Свой «Проект устройства церковного прихода» архиепископ Иркутский Тихон (Троицкий-Донебин) начинал с утверждения о необходимости существенного разукрупнения приходов так, чтобы их население не превышало 1000 человек обоего пола, проживающих в пределах 100 квадратных верст. Руководителем прихода и его органов определялся священник. Членами приходского собрания могли быть мужчины – жители прихода, начиная с 18 лет, а женщины, если они были домохозяйками. Прихожане вписывались в два списка: податной и голосовой. В первый включались те, кто владел землей, хозяйством или вел промысел; они облагались подоходными отчислениями в пользу прихода. При этом проект не уточнял, наделялись ли прихожане, вошедшие в податной список, большими правами, чем те, кто вошел только в голосовой. В проекте говорилось о желательности того, чтобы приходское собрание выдвигало кандидатов в члены причта, но и признавалось, что пока эта практика не может широко применяться. Иркутский проект, подобно финляндскому, устанавливал участие светских властей (губернатора) в некоторых делах прихода. Также он предусматривал нестандартную процедуру решения дел на приходских собраниях: председатель должен был ставить собравшимся вопросы, которые предполагали только утвердительный или отрицательный ответ. При проведении выборов на приходские должности и равенстве голосов, поданных за две кандидатуры, допускалось применение жребия. В конце проекта устанавливались размеры оплаты духовенства от прихода и оговаривалась необходимость увеличения пенсий духовенству¹⁰⁷⁰.

Еще один «Проект о церковном приходе» содержался в отзыве экзарха Грузии и был выработан комиссией Грузинской епархии. Особенность его заключалась в том, что проект имплицитно подразумевал такое положение, когда один священник служит на нескольких приходах, то есть размер при-

---

¹⁰⁶⁹ Там же. С. 97–100.

¹⁰⁷⁰ Там же. С. 840–847.

хода мыслился очень небольшим. Видимо, так в проекте появилась должность «попечителя прихода», который мог устраивать приходские собрания в отсутствие священника и имел заботы «о наилучшей материальной постановке приходских учреждений». Предусматривались и совместные собрания нескольких приходов, на которых в идеальной ситуации должен был председательствовать епископ¹⁰⁷¹.

Но какая бы конфигурация органов приходского управления ни намечалась в отзывах, преосвященные понимали, что к реализации этих планов прихожан следует подготовить, объяснить им значение этих органов, их новые права и обязанности. Об этом, в частности, писал епископ Владивостокский Евсевий, который предлагал не откладывая начать готовить приход к реформе путем приходских чтений, раздачи брошюр, листовок, проведению усиленных частных бесед, приходских собраний¹⁰⁷².

Наделение духовенства жалованием (постоянным содержанием)

Рассматривая старый, но от того не менее животрепещущий вопрос о материальном содержании духовенства иерархи надеялись, что он будет решен путем назначения причтам жалования. Епископ Холмский Евлогий (Георгиевский), выражая мнение многих, восклицал:

Да осуществится благое намерение нашего Правительства об обеспечении нашего духовенства жалованием!¹⁰⁷³

Характерно, что критика этой идеи в отзывах не звучала. Преосвященные ратовали за жалование или не упоминали о нем, но не критиковали его. Напротив, они вслед за многими духовными и светскими авторами продолжали приводить аргументы против «поручного способа» вознаграждения духовенства, против платы за требы. Так, епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев) писал, что «в понятии народа умалывается значение таинств и треб

---

¹⁰⁷¹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 703–705.

¹⁰⁷² Там же. С. 921.

¹⁰⁷³ Там же. С. 64.

церковных, которые должны быть оплачиваемы известною ценою»¹⁰⁷⁴. Различались мнения архиереев только в вопросе об источниках жалования. Кто-то ничего не говорил об этих источниках, некоторые предполагали, что жалование мог бы выплачивать преобразованный приход, но большинство надеялись на содействие казны, считая, что государство могло бы или напрямую выплачивать жалование, или ввести для этого специальный налог. В этом случае подчеркивалась важность того, чтобы священники получали содержание не непосредственно от прихожан, не чувствуя таким образом от них зависимости¹⁰⁷⁵.

Иные предполагали решить проблему обеспечения духовенства довольно радикально. Епископ Самарский Константин (Бульчев) предлагал дать пастырю право оставлять приход, если прихожане не обеспечивают его. В таком случае приход, по мысли преосвященного автоматически должен был становиться приписным. Епископ Константин считал, что в таком случае прихожане изменят свое отношение к содержанию духовенства¹⁰⁷⁶.

Устройство всесловной богословской (пастырской) школы

Будущее устройство духовной школы многие преосвященные рассматривали именно в контексте реформы прихода. Епископ Костромской Тихон (Василевский) писал, что коль скоро священник станет председателем приходских совета и собрания,

крайне желательно, чтобы кандидат священства, помимо должной научной подготовки, одушевлен был призыванием к избираемому служению. В этом пункте

---

¹⁰⁷⁴ Там же. С. 499.

¹⁰⁷⁵ См., например: Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 273 (епископ Владимирский Никон (Софийский)), 362 (епископ Астраханский Георгий (Орлов)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 133–135 (епископ Костромской Тихон (Василевский)), 169 (епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов)), 499 (епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)), 589 (архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин)), 387 (митрополит Московский Владимир (Богоявленский)), 601, 602, 604, 613 (епископ Енисейский Евфимий (Счастнев)), 739 (епископ Рязанский Аркадий (Карпинский)), 820 (архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий)), 886 (епископ Смоленский Петр (Другов)), 916 (епископ Владивостокский Евсевий (Никольский)), 977 (архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий)).

¹⁰⁷⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 498.

вопрос о благоустройстве прихода соприкасается с вопросом о преобразовании духовно-учебных заведений¹⁰⁷⁷.

Пока семинарии не будут выпускать ревностных пастырей, продолжал епископ, меры по реформированию прихода не принесут пользы. Об этом же писали епископы Волынский Антоний (Храповицкий), Тамбовский Иннокентий (Беляев), Владивостокский Евсевий (Никольский)¹⁰⁷⁸. Епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов) критиковал современных ему выпускников духовной школы:

Теплохладность почти общая... на монастыри белое духовенство большей частью смотрит недружелюбно и не видит в них руководителей ни для себя, ни для народа. <...> Отношения к прихожанам – мало отеческие; за немногими исключениями они носят характер формально чиновный. Последствия латинских, тюрингенских и чиновных идеалов нашего белого духовенства в отношении к приходу ужасны¹⁰⁷⁹.

Главный изъян существовавшей духовной школы практически все иерархи видели в том, что она пыталась решить две плохо согласовывавшихся друг с другом задачи: дать общее образование детям духовенства и одновременно – специальное образование будущим пастырям. При этом многие сыновья священно- и церковнослужителей не желали связывать свое будущее с духовным поприщем, а стремились выйти из сословия и поступить в светские учебные заведения¹⁰⁸⁰. С другой стороны, доступ в духовную школу для представителей других сословий был ограничен 10-процентной квотой. В этой связи более половины архиереев высказались за разделение школы на общеобразовательную и пастырскую. Первая мыслилась ими как своего рода гимназия духовного ведомства, куда в основном поступали бы дети духовенства и по окончании которых они могли бы свободно избирать свой дальнейший жизненный путь. Вторая представлялась как принципиально внесо-

---

¹⁰⁷⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 133.

¹⁰⁷⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 172; Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 445, 915.

¹⁰⁷⁹ Там же. С. 173.

¹⁰⁸⁰ Ср.: Там же. С. 66–68 (епископ Холмский Евлогий (Георгиевский)).

словная двух- или трехлетняя богословско-пастырская школа, выпускники которой непременно посвящали бы себя служению Церкви, принимали бы сан или поступали бы в духовные академии. Выпускники такой школы были бы пастырями, сознательно избравшими для себя этот путь, образованными и высокомотивированными, которые и смогли бы быть предстоятелями преобразованных приходов. Причем в некоторых отзывах предлагалось разделить и источники финансирования двух названных типов школ: первая могла бы финансироваться из казны, вторая – за счет церковных средств, в том числе, возможно, специальных стипендий приходов. Тем самым могло бы быть снято старое нарекание прихожан на то, что пожертвованные ими на церковь средства тратятся духовенством на сословные нужды¹⁰⁸¹.

Однако у проекта разделения общеобразовательной и пастырской школы были и довольно горячие противники¹⁰⁸². Епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов) называл его «отчаянным проектом». Он предлагал усилить церковный дух в семинариях и академиях, перевести их в малые города и села подальше от развращающего влияния крупных городских центров¹⁰⁸³. В аналогичном духе высказывался епископ Тульский Лаврентий (Некрасов)¹⁰⁸⁴. Некоторые иерархи считали, что пастырей надо воспитывать с малолетства. Епископ Приамурский и Благовещенский Никодим (Боков) писал, что если богатый священник не желает видеть своего сына пастырем, то пусть он обучает его в светской школе на свои деньги, а сын

---

¹⁰⁸¹ См., например: Там же. С. 192 (епископ Смоленский Петр (Другов)), 455, 459 (епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)), 601, 602, 604, 613 (епископ Енисейский Евфимий (Счастнев)), 830, 855 (архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий)), 989 (архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий)). Некоторые отзывы предлагали открыть для всех сословий и проектировавшиеся ими общеобразовательные духовные «гимназии». Тем самым, как писала одна из комиссий Тверской епархии, Церковь оказала бы услугу и всеми народу, который смог бы пользоваться этими учебными заведениями. См.: Там же. С. 828, 833, 844.

¹⁰⁸² См., в частности: Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 314 (архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин)), 595 (архиепископ Донской Афанасий (Пархомович)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 692 (отзыв экзарха Грузии).

¹⁰⁸³ Там же. С. 178–179.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 543.

бедного священника пусть принимает «от Господа тот жребий, который Он приуготовил их детям жизнью и положением их родителей»¹⁰⁸⁵.

Впрочем, большинство иерархов, отстаивавших единство духовной школы, занимали не такие радикальные позиции. Наиболее ярко их точку зрения представлял епископ Волынский Антоний (Храповицкий). Он считал, что школа должна быть по-прежнему единой, но внутри нее старшие классы должны представлять собой богословско-пастырский блок, а младшие – общеобразовательный¹⁰⁸⁶. При этом он оговаривался, что сословный характер новой духовной семинарии «уже не должен поддерживаться искусственно, дабы учащиеся знали, что они пользуются благами не потому, что они дети клириков, а потому, что сами посвятили себя служению Церкви»¹⁰⁸⁷. Параллельно духовной школе, по его мнению, следовало открывать «училища начетчиков», училища и курсы для взрослых мирян, желающих принять священный сан, ведь «было бы противно православию» не стараться о том, чтобы постепенно приближаться к выборному духовенству и народному пастырству¹⁰⁸⁸. Епископ Антоний выражал надежду, что со временем приходы смогут подключиться к финансированию этих училищ, и их выпускников станет больше¹⁰⁸⁹. За разделение классов на общеобразовательные и богословские внутри единой духовной школы выступали и митрополит Московский Владимир и архиепископ Финляндский Сергей¹⁰⁹⁰. Епископ Саратовский Гермоген (Долганов) считал полное разделение духовной школы трудно осуществимым идеалом, поскольку, по его мнению, приходы не могли дать нужного количества кандидатов для занятия мест в богословско-пастырской школе. Поэтому он склонялся к компромиссу: разделению общеобразовательных и богословских классов¹⁰⁹¹.

---

¹⁰⁸⁵ Там же. С. 783. См. также Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 193 (архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин)).

¹⁰⁸⁶ Там же. С. 725–734.

¹⁰⁸⁷ Там же. С. 734.

¹⁰⁸⁸ Там же. С. 738.

¹⁰⁸⁹ Там же. С. 739.

¹⁰⁹⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 399, 426.

¹⁰⁹¹ Там же. С. 505–506.

Несколько иначе видел себе будущее церковной школы епископ Владивостокский Евсевий (Никольский). Он высказал идею объединить систему церковно-приходских школ и духовно-учебных заведений. Это, по его мнению, облегчило бы переход в духовные школы потенциальных пастырей, не принадлежащих к духовному сословию. Система церковного образования представлялась ему как дерево, «две родные ветви» которого – школа пастырская и школа учительская – до известного предела растут параллельно, а затем школа пастырская «уходит в больший рост», перерастая в духовную академию¹⁰⁹². И если приход, считал епископ Евсевий, к его реформе следовало еще подготовить, то к реформе пастырской школы необходимо было приступить немедленно¹⁰⁹³.

Облегчение процедуры приобретения собственности

Большинство установлений Православной Церкви, в том числе приходские церкви и церковно-приходские школы в рассматриваемый период попадали под ограничение в приобретении недвижимости, выражавшейся в необходимости каждый раз испрашивать на такое приобретение Высочайшее соизволение. Большинство иерархов единодушно высказывались за полную отмену этого правила, полагая, что контрольные функции вместо верховной власти могут выполнять епархиальное начальство и Синод¹⁰⁹⁴. Некоторые, как, например, митрополит Антоний (Вадковский) предлагали сохранить процедуру получения Высочайшего соизволения только для очень крупных приобретений (свыше 5000 руб.)¹⁰⁹⁵, а приобретения на сумму до 1000 руб. разрешать епархиальному начальству, а до 5000 руб. – Синоду¹⁰⁹⁶. Архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий) считал, что если ограничения на приобретение собственности церковными установлениями не будут сняты, в России

---

¹⁰⁹² Там же. С. 938–939.

¹⁰⁹³ Там же. С. 921.

¹⁰⁹⁴ См., например: Там же. С. 649 (епископ Енисейский Евфимий (Счастнев)).

¹⁰⁹⁵ Такая норма действовала в отношении римско-католической, лютеранской и армяно-григорианской Церквей, то есть речь в данном случае шла об уравнивании прав Православной Церкви с этими инославными Церквями.

¹⁰⁹⁶ Там же. С. 250.

возникнет практика обхода этих ограничений через закрепление фактически церковной собственности за частным лицом, как делается в Англии, Скандинавии и Северной Америке, а это поведет к злоупотреблениям со стороны недобросовестных фиктивных владельцев¹⁰⁹⁷. Епископ Приамурский и Благовещенский Никодим (Боков) считал, что в условиях широкой веротерпимости, когда Церковь из господствующей превращается в одно из многих религиозных объединений, надо всячески стимулировать рост церковной собственности и рекомендовать причтам приходских церквей вместо «вечных вкладов» для приращения процентов приобретать недвижимость. Причем он выступал за максимальное облегчение приобретения собственности и ратовал за уведомительный характер санкционирования таких покупок со стороны епархиальных властей¹⁰⁹⁸.

В контексте обсуждения этого вопроса архиереи высказывались за то, чтобы вообще расширить список церковных установлений, которые могли бы приобретать на свое имя недвижимость. Это право предлагали распространить на приходы, приходские попечительства, епархии и даже предоставить его «православному обществу целой области»¹⁰⁹⁹, а также – епархиальному духовенству как сословной корпорации. В поддержку последнего предложения обычно приводили то соображение, что епархиальное духовенство, приобретая для своих сословных нужд какую-либо собственность, вынуждено закреплять ее за фиктивными собственниками – епархиальными властями или духовными учебными заведениями¹¹⁰⁰. Но в данном случае преосвященные не осознавали того обстоятельства, что такое разрешение повело бы, фактически, к юридической консолидации духовенства как сословия в то время, когда на повестке дня остро стоял вопрос как раз о демонтаже его сословной замкнутости.

---

¹⁰⁹⁷ Там же. С. 882–884.

¹⁰⁹⁸ Там же. С. 797–799.

¹⁰⁹⁹ Там же. С. 522 (епископ Томский Макарий (Парвицкий-Невский)).

¹¹⁰⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 366–367 (епископ Астраханский Георгий (Орлов)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 740 (епископ Рязанский Аркадий (Карпинский)), 944 (епископ Владивостокский Евсевий (Никольский)) и др.

Впрочем, если остальные пункты списка потенциальных юридических лиц в общем не вызывали возражений, то этот последний пункт критиковался, правда, не с принципиальной, а с практической точки зрения. Почти одними и теми же словами об этом говорили епископы Волынский Антоний (Храповицкий)¹¹⁰¹ и Курский Питирим (Окнов):

Съезд <епархиального духовенства>, нередко встречаясь даже с чисто уголовными делами по растрате значительных сумм на свечном заводе, избегает заводить судебные преследования против виновных, избегает даже жаловаться на них епархиальному архиерею, и, таким образом, где епархиальный архиерей сам не следит за этими отраслями епархиальной жизни, там в большинстве случаев духовенство, или вернее Поместная Церковь, обкрадывается на этом главном источнике своей доходности. А потому, для большого контроля за подобными статьями доходности, безусловно необходимо иметь юридическим собственником их епархиальное начальство¹¹⁰².

Участие духовенства в органах управления и общественных организациях, в том числе в сельских сходах

Достаточно подробно иерархи обсуждали в своих отзывах вопрос об участии духовенства в органах местного и государственного управления. Для большинства приходских священников речь шла, прежде всего, об участии в органах крестьянского самоуправления и в земских и городских учреждениях. Сторонники участия духовенства в этих учреждениях считали, что действовавшее не тот момент запрещение ограничивает пастырей в их гражданских правах¹¹⁰³, «неблагоприятно отражается на пастырской деятельности», так как «лишает пастыря одного из лучших средств для сближения с паствой»¹¹⁰⁴. Епископ Оренбургский Иоаким (Левицкий) писал, что «сельскому священнику даже трудно исполнять свое пастырское служение без права го-

---

¹¹⁰¹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 178–179.

¹¹⁰² Там же. С. 313.

¹¹⁰³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 85 (отзыв Подольской епархии), 337 (архиепископ Литовский Никандр (Молчанов)).

¹¹⁰⁴ Там же. С. 94, 97 (епископ Вятский Филарет (Никольский)).

лоса и участия в сходах»¹¹⁰⁵. А преосвященный Псковский Арсений (Стадницкий) настаивал, что участие духовенства должно проникать во «все внешние стороны жизни, все общественные силы будут развиваться под сенью церковного влияния»¹¹⁰⁶.

Ряд преосвященных были уверены, что участие в сельских и волостных сходах позволит священнику оказывать благотворное влияние на своих прихожан. Епископ Приамурский и Благовещенский Никодим (Боков) считал, что священник на сходе будет представлять «живую нравственную оппозицию», и даже если он не всегда будет достигать успеха, но он и не будет давать всегда торжествовать «нравственным личностям»¹¹⁰⁷. В отзыве экзарха Грузии выражалась надежда, что священник на сходе сможет спасти не одного невинного при решении вопроса об удалении из крестьянского общества опасных членов, а также будет влиять на разрешение семейных и хозяйственных споров¹¹⁰⁸. Епископ Рязанский Аркадий (Карпинский) писал:

Священник знает, например, что через несколько домов от его квартиры сельский сход совершает вопиющую несправедливость, обирает, опивает или изгоняет кого-либо из своей среды, и он не может прийти и устыдить людей, так как сельский староста всегда может попросить его удалиться¹¹⁰⁹.

Так же смотрел на дело и епископ Архангельский Иоанникий (Казанский):

Священник, присутствующий на сельском или волостном сходе, одним своим присутствием может помешать обсуждению и решению таких дел, которые полезны только некоторым и явно вредны большинству. Он может препятствовать и даже искоренить великое зло этих сходов – пьянство¹¹¹⁰.

Епископ Владимирский Никон (Софийский) говорил, что священнику необходимо право участия в сходах

---

¹¹⁰⁵ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 770.

¹¹⁰⁶ Там же. С. 817.

¹¹⁰⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 805.

¹¹⁰⁸ Там же. С. 716.

¹¹⁰⁹ Там же. С. 740.

¹¹¹⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 454.

в целях прямого влияния вне церковной кафедры на умиротворение разных семейных, нравственных и имущественных недоразумений, на устройство разных благотворительных и просветительных учреждений в данной местности, не говоря о делах, касающихся храма и его служителей¹¹¹¹.

Поэтому ряд иерархов считали необходимым, чтобы приходские священники были непременно членами сельских и волостных сходов, относящихся к их приходу, с правом решающего голоса¹¹¹². Другие же считали, что авторитет священника в общественных учреждениях будет выше, если он будет избран в них лично, а не как представитель сословия или ведомства¹¹¹³.

Отдельные архиереи смотрели на участие духовенства в общественных учреждениях в контексте вопроса об «учреждении низшей общественной <земской> единицы», который – как они думали – будет разрешен в скором времени¹¹¹⁴. Коль скоро мелкая земская единица будет создаваться на базе прихода как территориальной единицы, рассуждали преосвященные, священнику обязательно нужно принимать участие в органах ее управления, «что для правительства дало бы возможность слышать подлинный голос народа и духовенства»¹¹¹⁵. Впрочем, другие относились к идее отождествления прихода и «мелкой административной единицы» более настороженно, сомневаясь в том, что это будет «желательно в интересах церковно-приходской жизни»¹¹¹⁶.

Были среди преосвященных и противники участия духовенства в общественных учреждениях. Некоторые считали, что пастырям лучше участвовать в сходах только в связи с обсуждением конкретных дел, касающихся прихода

---

¹¹¹¹ Там же. С. 302.

¹¹¹² Там же. С. 611 (епископ Симбирский Гурий (Буртасовский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 88 (Подольский епархиальный съезд духовенства), 225 (епископ Таврический Алексей (Молчанов)), 465, 499 (епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)).

¹¹¹³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 243–244 (епископ Кишиневский Владимир (Сеньковский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 482 (епископ Пензенский Тихон (Никаноров)).

¹¹¹⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 156 (епископ Черниговский Антоний (Соколов)).

¹¹¹⁵ Там же. С. 413 (епископ Архангельский Иоанникий (Казанский)).

¹¹¹⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 66 (епископ Холмский Евлогий (Георгиевский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 551 (епископ Самарский Константин (Булычев)).

и церкви, по просветительским, благотворительным делам и делам о народной нравственности, а не на постоянной основе¹¹¹⁷. Были и категорические противники такого участия. Архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий) считал совсем не обязательным пастырям отправляться на сходы, чтобы назидать своих чад¹¹¹⁸. А епископ Екатеринбургский Владимир считал, что в общественных учреждениях духовенство всегда будет в меньшинстве и это ему повредит; с государством же Церковь должна говорить авторитетно голосом своих соборов «и влиять на государство через народ»¹¹¹⁹.

Другие вопросы

Среди других проблем приходской жизни, регулярно упоминавшихся иерархами, были «канцелярские повинности», лежавшие на приходских священниках «тяжелым бременем». Преосвященные ратовали за скорейшее сокращение этих повинностей или за полную их отмену¹¹²⁰. Архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин) особенно подчеркивал, что причты необходимо освободить от тяжелой ответственности за неточности в приходском делопроизводстве, особенно при совершении брачных обысков, что, в конце концов, разоблачать подлоги документов дело не священника, а полицейской части¹¹²¹.

Еще одним важным средством улучшения приходской жизни преосвященные считали усовершенствование богослужения и духовнической практики. Они отмечали, что богослужение надо приблизить к прихожанам, сделать его более понятным, ввести по возможности народное пение, чтобы все это «благоприятствовало истинной молитве», а также – упростить выдачу

---

¹¹¹⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 590 (архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин)), 948 (епископ Владивостокский Евсевий (Никольский)).

¹¹¹⁸ Там же. С. 996.

¹¹¹⁹ Там же. С. 177.

¹¹²⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 273 (епископ Владимирский Никон (Софийский)), 625 (епископ Симбирский Гурий (Буртасовский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 39 (епископ Нижегородский Назарий (Кириллов)).

¹¹²¹ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 590.

разрешения на крестные ходы¹¹²². Необходимо было, наконец, разрешить священнику накладывать епитимьи на своих пасомых в соответствии с церковными правилами, в том числе, предоставить возможность наложить открытое церковное покаяние. Это рассматривалось как средство к поднятию духовной жизни в приходе¹¹²³. В мнении псковского епархиального съезда духовенства, приложенном к отзыву епископа Арсения (Стадницкого), среди мер к оживлению приходской жизни называлось и «возможно частое приобщение Св. Таин всех христиан»¹¹²⁴. Епископ Владивостокский Евсевий (Никольский) считал, что хорошо было бы приурочивать говение прихожан к престольному празднику прихода¹¹²⁵.

Итоги обсуждения епархиальными преосвященными приходского вопроса

В отзывах преосвященных приходский вопрос ярко выявил свой «интегральный» характер, свою взаимосвязь со многими другими аспектами церковных преобразований: от вопроса о реставрации соборных институтов – до пересмотра имущественного права Церкви, от исправления языка богослужения – до реформы духовных школ. А в некоторых своих аспектах приходский вопрос соприкасался, как понимали преосвященные, и с общей социально-экономической обстановкой в империи. Начавшаяся вскоре столыпинская аграрная реформа, поставившая своей целью демонтаж крестьянской общины, так тесно, как мы знаем, связанной с православным приходом, еще раз напомнила об этой взаимосвязи. Мы можем сказать, что приходская реформа мыслилась иерархами, кем-то явно, кем-то имплицитно как *процесс*, который должен был начаться незамедлительно и идти вместе с другими

---

¹¹²² Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 488–494 (епископ Самарский Константин (Булычев)), 620 (епископ Симбирский Гурий (Буртасовский)); Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 361 (отзыв Олонецкой духовной консистории), 736, 737 (епископ Рязанский Аркадий (Карпинский)).

¹¹²³ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 500–501 (епископ Самарский Константин (Булычев)).

¹¹²⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 2. С. 751.

¹¹²⁵ Там же. С. 917.

церковными преобразованиями, поддерживая их и получая поддержку от них. Без решения взаимосвязанных с ней вопросов приходская реформа оказалась бы неэффективна, а скорее всего и вовсе не реализуема. Некоторые архиереи прямо писали об этом в отзывах. Епископ Антоний (Храповицкий), например, отмечал, что введение в российских епархиях финляндского проекта приходского устава, в общем, по его мнению, неплохого, не будет иметь решающего для православного прихода значения, «значение его не будет превышать значимости пожертвования рубля на дело, требующее тысячерублевой затраты»¹¹²⁶.

Вместе с тем, иерархи смотрели на реформу прихода достаточно широко. Они не боялись говорить об автономии приходских общин, хотя понимали, что она ограничена самой природой православного прихода. Они считали главным пороком приходской жизни многочисленные барьеры, разделявшие пастырей и мирян и прихожан между собой. Они понимали необходимость решить вопрос о распоряжении церковными средствами, пожертвованными прихожанами, но отчужденными от них, и не боялись говорить о предпочтительности допущения к распоряжению этими средствами самих мирян. При этом они были практиками и реалистами. Считая соответствующим церковному идеалу принцип выборности пастырей, они понимали, что он может быть реализован в лучшем случае в форме ходатайства прихожан за известного им кандидата. В чем-то они оставались в плену распространенных стереотипов и не видели глубинных подводных камней за предложением предоставить епархиальному духовенству право юридического лица.

Однако рассмотренный нами памятник церковной мысли оставляет и определенное недоумение. Если судить исключительно по отзывам, то можно прийти к выводу, что в Российской Церкви в 1905–1906 гг. на ключевых для приходской реформы позициях епархиальных архиереев находились теоретически и практически подготовленные деятели, готовые эту реформу начать и провести. Причем некоторые из них, такие как архиепископ Агафан-

---

¹¹²⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Ч. 1. С. 172.

гел (Преображенский), который в декабре 1905 г. просил Синод санкционировать введение подготовленного проекта приходского устава в Рижской епархии¹¹²⁷, были готовы пойти на риск и начать эту реформу немедленно во вверенной им области. Основываясь на отзывах, следовало бы сделать предположение, что если не половина, то треть, а то и 40% российских епархий должны были откликнуться на сигнал Синода о начале приходской реформы, данный 18 ноября 1905 г., и, по крайней мере, провести опыт по реализации этого постановления. Между тем сколько-нибудь значимый эксперимент был проведен только в Орловской епархии епископом Серафимом (Чичаговым) (который отзыв не писал, так как не был в тот момент правящим преосвященным). Что удержало от более активных действий иных владык? – Враждебность к реформе приходского духовенства, недостаточная ясность синодального определения (как говорили некоторые), изменяющаяся общественно-политическая обстановка? На эти вопросы пока нет ответов, а значит остается без ответа и более общий вопрос о том, как были связаны мнения преосвященных и их готовность непосредственно начать дело приходской реформы.

§ 3. Приходский вопрос в работе Предсоборного присутствия 1906 г.

Определение Синода о созыве Предсоборного присутствия было высочайше утверждено 16 января 1906 г. Присутствие начало свою работу 8 марта¹¹²⁸. В первом же его заседании было образовано семь отделов, четвертому из которых предстояло заниматься вопросами «о благоустройении прихода», церковной собственности, епархиальных съездах и участии духовенства в общественных и сословных учреждениях¹¹²⁹. Возглавил IV отдел епископ Могилевский Стефан (Архангельский). Его членами стали протоиереи П.И.

---

¹¹²⁷ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 199. Лл. 106–106 об. Эта просьба в точности воспроизводила соответствующую резолюцию рижского епархиального «собора» (*Васильев Аф.* Первое явление воскресающей соборности. С. 2052–2053), но направлялась лично от преосвященного Агафангела.

¹¹²⁸ *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 220.

¹¹²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 193. Лл. 8–8 об.

Соколов, председатель Училищного совета при Синоде; А.П. Мальцев, настоятель русской церкви в Берлине; А.С. Лебедев, настоятель Вознесенской церкви в Санкт-Петербурге и профессор богословия Императорской медицинской академии; И.К. Левитский, настоятель одной из церквей в Житомире Волынской епархии; М.Н. Казанский, настоятель кафедрального Выборгского собора Финляндской епархии; благочинный церквей г. Одессы К.В. Бречкевич; протоиерей одного из погостов Псковской епархии И. Серебрянский; настоятель одной из церквей Ярославля и редактор-издатель журнала «Приходская жизнь» Ф. Успенский; благочинный одного из округов Могилевской епархии священник Т. Козловский, а также – А.А. Папков и профессор Московской Духовной академии Н.А. Заозерский. В отдельных заседаниях участвовал профессор Санкт-Петербургской Духовной академии Н.Н. Глубоковский. Во втором полугодии к ним присоединились публицисты и правоведы Н.П. Аксаков, Л.А. Тихомиров, В.П. Шеин, Н.Д. Кузнецов¹¹³⁰. Как видим, представители белого духовенства, причем верхней его страты – настоятели и благочинные – составляли большинство среди членов отдела в первом полугодии (64,3%). Характерно, что 2 из них представляли заграничное духовенство и духовенство инославных окраин империи, 5 – городское и 2 – сельское духовенство самых разных регионов империи, причем в основном – западных и юго-западных¹¹³¹. Важно отметить, что основные документы были разработаны отделом именно в первую половину года.

Присутствие, как известно, проработало с марта до середины декабря 1906 г., причем с июня до ноября в его работе был сделан перерыв. Тем самым время работы присутствия ограничилось только пятью месяцами. В течение первой половины года работа шла в отделе и закончилась составлением ряда документов, которые должны были быть представлены Общему собранию Присутствия осенью 1906 г.

Этими документами были:

---

¹¹³⁰ См.: Журналы и протоколы... Т. 1. С. VI; Журналы и протоколы. Т. 4. С. 1 (2 пагин.).

¹¹³¹ Ср.: Тихомиров Л.А. Современное положение приходского вопроса. М., 1907. С. 1–2.

- «Проект нормального устава православных приходов в России» (составлен комиссией в составе протоиереев А. Лебедева, К. Бречкевича, Ф. Успенского; отредактирован отделом после консультаций с юрисконсультom Синода К.И. Дылевским на последних заседаниях первой сессии);
- форма приходской книги (составлена протоиереем М. Казанским по образцу аналогичных книг православных приходов Финляндии);
- «Инструкция псаломщикам» (написана на основании такой же инструкции по Могилевской епархии протоиереями И. Левитским, И. Серебрянским, священником Т. Козловским, отредактирована отделом);
- «Инструкция настоятелям церквей» (составлена протоиереем А. Лебедевым на основании такой же синодальной инструкции 1901 г., отредактирована отделом);
- «Правила для жизни и деятельности православных диаконисс» (составлены протоиереем Ф. Успенским);
- «Правила о миссионерских кружках братчиков православных приходов» (автор – протоиерей К. Бречкевич);
- «Правила для кружков сестер в православных приходах» (составлены протоиереем М. Казанским; три последних проекта были рассмотрены и одобрены отделом);
- Проект изменения «Инструкции церковным старостам» (подготовлен протоиереем К. Бречкевичем, одобрен отделом)¹¹³².

Работа IV отдела Присутствия в марте – июне 1906 г.

Отдел начал свою работу с выработки принципиальных подходов к основным вопросам приходского устройства: о наделении прихода и/или храма правами юридического лица, о субъекте владения церковным и приходским имуществом, о конфигурации органов приходского управления. В своей работе отдел опирался на отзывы епархиальных архиереев, как правило в них находя базовые решения того или иного вопроса приходской жизни. Предполагалось, что сначала эти подходы будут выработаны всем отделом, а затем более узкая комиссия займется разработкой конкретных положений, которые найдут свое отражение в приходском уставе. Ниже мы рассмотрим самые существенные моменты дискуссий в отделе и сразу же будем останавливать-

---

¹¹³² Журналы и протоколы... Т. 2. С. 77–79.

ся на тех положениях Нормального устава, в которых они нашли свое выражение.

Цель приходской реформы формулировалась отделом как возрождение прихода как церковной общины. Причем члены отдела, как и многие публицисты той поры (в том числе А.А. Папков), подчеркивали связь приходской реформы с выходом России из смуты, с возрождением отечества:

Благоустройство прихода, по мнению отдела, должно быть направлено к тому, чтобы возродить приход как церковную общину, сплоченную вокруг своего приходского храма и пастыря и одушевленную общностью духовных интересов и религиозно-нравственным взаимодействием всех ее членов в целях общего поднятия и оживления церковно-религиозной жизни в нашем отечестве¹¹³³.

Отдел видел два пути к достижению этой цели: «внешний» и «внутренний». Первый из них предполагал «внешнее» устройство приходских институтов по образцу «древнейшего строя» приходской жизни, выделение прихода в особую «церковно-юридическую единицу», устройство общинного «в пределах канонов» самоуправления прихода. «Внутренний» путь в большей степени зависел от активности духовенства, от усиления пастырского «воздействия» на приход и от «усовершенствования тех сторон общецерковной жизни, посредством которых преимущественно осуществляется пастырское руководство в приходе»: богослужения, проповеди, школьного дела и под. Вопреки мнению А.А. Папкова, который пытался провести свою точку зрения, заключавшуюся – как мы помним – в том, что для возрождения приходской жизни вообще не нужны какие-либо внешние формы регламентации, в том числе – приходский устав¹¹³⁴, большинство отдела заявляло о нерасторжимости «внешнего» и «внутреннего» пути преобразования прихода. Однако при чтении журналов не удается отделаться от впечатления, что в рассуждениях большинства членов отдела эти два пути соединялись механически, са-

---

¹¹³³ Там же. С. 1.

¹¹³⁴ В журналах и протоколах отдела имя А.А. Папкова в этом контексте не названо, сказано, что против внешних форм регламентации приходской жизни возражали «некоторые члены отдела», но зная позицию А.А. Папкова (см.: Глава 3 § 1), мы можем с уверенностью заключить, что возражал именно он. См.: Журналы и протоколы... Т. 2. С. 2.

моуправляющаяся община как будто была приложением к пастырской деятельности священника и выступала скорее объектом его пастырского воздействия, а не полноценным участником приходского творчества. Как бы то ни было, основное внимание отдела сосредоточилось на подготовке документов, регламентирующих приходскую жизнь: проекта нормального устава и названных выше приложений к нему.

При обсуждении основных положений приходской реформы «коренное разногласие» в отделе возникло в связи с вопросом о том, следует ли соединить церковное и приходское хозяйство и соответственно юридические лица, или разделить их. Большинство членов отдела высказалось за разделение церковного и приходского хозяйств. В оппозиции оказались А.А. Папков и профессор Н.А. Заозерский, которые выступали за единство имущества и сумм под управлением прихода, «малой церкви». Причем А.А. Папков получил возможность уточнить свою точку зрения на природу приходского имущества. Церковно-приходское имущество – настаивал он – отнюдь не будет общинным имуществом:

Это имущество *sui generis*, подобно тому, как например, существуют майораты, которые не могут быть продаваемы наследниками, и так называемые фидеикомиссные имения, т.е. которых владелец распоряжается только доходами¹¹³⁵.

Поэтому, доказывая А.А. Папков, тем, кто боится, что церковное имущество будет прихожанами растрачено и не будут платиться общецерковные взносы, следует сказать, что

всякие попытки прихожан к произвольному обращению с церковным имуществом и суммами и к противлению церковным налогам могут быть устранены специальными узаконениями, над которыми и надо потрудиться¹¹³⁶.

Н.А. Заозерский поддержал его:

Никаких препятствий со стороны канонов к предоставлению устроенным на таких началах приходам всех сумм и имуществ церковью не может быть¹¹³⁷.

---

¹¹³⁵ Там же. С. 3.

¹¹³⁶ Там же.

Правда, профессор Московской академии оговаривался, что собственником и приходских, и церковных имуществ должен быть приход, «канонически устроенный», т.е. в единстве клира и мирян, «находящийся в отношении подчиненности к епархии и епископу». Подчиненность же, говорил он, предполагает определенные обязательства, которые могут выражаться, в том числе, в виде взносов, они столь же естественны для прихода, как например «обязательства взрослого сына в отношении к отцу». А.А. Папков утверждал также, что приход, отделенный от церковного хозяйства, мало чем будет отличаться от приходских попечительств, которые не сплотили прихожан вокруг храма, а только «оттолкнули от храма». Впрочем, другие члены отдела видели причины печального состояния попечительств в ином (в том, что «общественная благотворительность» пока чужда русскому народу, в том, что сельское население бедно, и т.п.).

Большинство возражало, что слияние имуществ даст «твердое основание» для отказов платить взносы, а это внесет полное расстройство в церковную жизнь. Крайняя точка зрения была выражена в записке протоиерея А. Лебедева «К вопросу о благоустройении прихода», приложенной к 1-му журналу IV отдела. В ней автор, прибегая к обильному цитированию Священного Писания и к устойчивым риторическим приемам, выработанным журнальной полемикой вокруг приходского вопроса, доказывал, что издревле «все жертвы христиан вручались собственно пастырям церкви» и поэтому пожертвования прихожан «должны быть в непосредственном ведении пастыря прихода», а прихожане «могут желать лишь осведомления о текущем приходе и расходе их жертв»¹¹³⁸. Не трудно заметить, что автор полностью игнорировал преимущественно сословный характер большинства трат духовенства.

Компромиссный вариант был предложен епископом Стефаном и протоиереем М. Казанским. Последний составил особую записку по этому вопросу, также приложенную к журналу. По их мысли, верховным собственником

---

¹¹³⁷ Там же. С. 4.

¹¹³⁸ Там же. С. 8.

всех церковных имуществ должна была считаться Российская Православная Церковь, а их распорядителем – ее высший представительный орган, «каков бы он ни был». Приход является субъектом имущественных прав только как «малая часть» всей русской Церкви. В нем должны существовать *три юридических лица* (храм, причт, приходская община), и соответственно имущество и денежные средства этих трех субъектов должны учитываться отдельно. При этом всеми ими распоряжается приход в лице своих представительных органов, выплачивая церковные сборы и налоги из первого рода сумм (и только из них), обеспечивая причт из второго рода сумм и используя на нужды приходской общины суммы последнего рода. Протоиерей М. Казанский подчеркивал, что при таком порядке во всероссийском и епархиальных соборах (которым предстоит устанавливать общеобязательные церковные сборы) должны непременно участвовать с правом решающего голоса и представители мирян, по крайней мере, «по вопросам экономическим». При такой конфигурации отношений церковной собственности в приходе в случае перехода большинства приходской общины в иное исповедание она сможет обоснованно предъявить права лишь на приходское имущество, но не на храм и не на причтовые капиталы. С таким компромиссным вариантом согласились все присутствующие, за исключением А.А. Папкова, который заявил, что существование в приходе нескольких юридических и лиц и касс приведет на практике только к соперничеству между ними и расстройству церковного хозяйства, ведь жертвователю по-прежнему будет один – прихожане¹¹³⁹.

Точка зрения большинства отдела, основанная на записке протоиерея М. Казанского, с некоторой детализацией нашла отражение в Проекте нормального устава (§§ 28–31). В частности, были установлены размеры сумм, в пределах которых траты не требовали разрешения епархиального начальства: для церковных сумм – 150 руб. в сельских приходах и 300 руб. в городских, для приходских сумм – 10 000 руб. Также разрешалось расходовать без раз-

---

¹¹³⁹ Там же. С. 4–5, 9.

решения епископа «на местные приходские нужды» остатки церковных сумм, если такой расход составлял не более 1/3 остатка¹¹⁴⁰.

Общей чертой мнений и протоиерея А. Лебедева, и преосвященного Стефана и о. М. Казанского было то, что в своем представлении о Церкви они шли от общего к частному, от масштаба поместной Церкви – к епархии и приходу, которые мыслились ими только как части большого целого, а не как самостоятельные единицы, из которых поместная церковь складывается. Приходы и даже епархии представлялись им только как единицы «церковного и хозяйственного управления». С этой точки зрения, вполне естественно звучали рассуждения протоиерея А. Лебедева (буквально совпадавшие с высказываниями многих его собратьев в эти годы) о том, что любовь к Богу со стороны паствы должна проявляться «в ее живом единении с пастырем» (почему не пастыря – с паствой?), который «вливает дух жизни в свою паству», предстает ее руководителем и, значит, распорядителем ее пожертвований¹¹⁴¹. Немного позже логическую завершенность такой подход найдет в выступлениях И.С. Бердникова, а они, в свою очередь, лягут в основу позднейших синодальных проектов приходского устава.

Следующий принципиальный вопрос приходской жизни – о праве прихода избирать священнослужителей – не вызвал столь глубоких разногласий в отделе. Все его члены согласились с тем, что за приходом должно быть закреплено право *ходатайства* перед епископом о своих кандидатах в члены клира. Было решено, что эти просьбы должны исходить от приходского собрания и их процедура «в более определенных положениях», должна быть закреплена в приходском уставе. В этой связи отдел высказался по вопросу о «народном пастырстве». Считая, что за ним будущее, главное условие реализации этой идеи отдел видел в перестройке системы духовных учебных заведений, в создании открытой для народа богословской школы или богослов-

---

¹¹⁴⁰ Там же. С. 86–87.

¹¹⁴¹ Там же. С. 4, 8.

ских курсов, куда могли бы приходиться выпускники и светских учебных заведений, в том числе народных училищ и второклассных школ¹¹⁴².

Вопрос о перемещении приходских священников был тесно связан с вопросом об избрании духовенства прихожанами и вообще с вопросом о будущем приходской реформы, ведь, как отметил епископ Стефан, перемещение священников при намечаемой реформе прихода будет «самым большим тормозом» на пути его благоустройства. Переводы в этот период осуществлялись не только по воле епископа «ради блага церковного», но и наиболее часто – по просьбам самих священников, которые стремились поменять бедный приход на более богатый, сельский на городской, стремились уйти с прихода, если возникал конфликт с прихожанами, или избежать «тяжелых нравственных условий захолустной сельской жизни»: «отдаленности почтовых учреждений, отсутствия подходящего общества, врача», «известий о ходе общественной жизни». Во многих случаях священники рассматривали перевод на более благополучный приход как форму поощрения, как своего рода «повышение по должности»¹¹⁴³. В ходе дискуссии в отделе ее участники нарисовали неутешительную картину тех последствий, что имела практика переводов. Председатель отдела, в частности, указывал, что переводы несут с собой не только разобщение между священником и приходом, но и между священником и епископом¹¹⁴⁴.

Все члены отдела признавали такую практику неправильной и неканоничной. Дискуссия между ними шла только о том, как и в какой степени нужно ее ограничить. Одновременно епископ Стефан предлагал увязать практику перемещения с расширением права прихожан ходатайствовать о кандидатах на приходские должности. По его мысли, это следовало сделать следующим образом. Желаящий искать перевода священник должен был подать прошение епископу, в котором нужно было подробно объяснить причины своей просьбы. Это прошение следовало рассмотреть в благочинниче-

---

¹¹⁴² Там же. С. 5–6.

¹¹⁴³ Там же. С. 54, 56.

¹¹⁴⁴ Там же. С. 56–57.

ском совете соответствующего округа, который должен был удостовериться в том, что высказанные в прошении причины уважительны, и только тогда епархиальное начальство давало бы священнику право на приискание другого места. Список получивших такое право вместе со списком готовящихся к рукоположению должен был печататься в епархиальных ведомостях. Лишь из числа всех этих кандидатов прихожане могли просить себе пастыря. В результате обсуждения 6-ю голосами против 2-х отдел выработал следующие рекомендации. Он признал перемещения явлением не каноническим и ненормальным, допустимым лишь 1) по воле епископа, 2) по церковному суду, 3) по личной просьбе священников в силу исключительных уважительных обстоятельств, засвидетельствованных благочинническим советом. Перемещение последней категории могло состояться не ранее 5 лет пребывания священника на одном приходе и не более двух раз за все время его служения¹¹⁴⁵. Процедура оформления ходатайства была закреплена в проекте нормального устава в соответствии с этими решениями отдела и предложениями епископа Стефана (§ 7)¹¹⁴⁶.

Затем отдел занялся вопросом об органах приходского управления. Считая, что введение приходских собраний и советов «принципиально пред-решено» синодальным определением от 18 ноября 1905 г., отдел сосредоточился на проблемах их состава и круга дел, собираясь подробные правила функционирования этих организаций проработать в ходе написания приходского устава. В ходе дискуссии было решено, что в состав приходского собрания будут входить мужчины старше 25 лет независимо от материального ценза с правом решающего голоса, но в делах имущественных, связанных с самообложением – только те, кто участвует в нем. Было также решено, что общее собрание само может предоставить право участия в нем и тем, кто не участвует в самообложении, но служит приходу своим трудом, или достоин того по своим нравственным качествам. Из числа прихожанок в собрании

---

¹¹⁴⁵ Там же. С. 52–58.

¹¹⁴⁶ Там же. С. 83–84.

могли участвовать только женщины-главы семейств («дворохозяйки», как было сказано в проекте устава; §§ 50–51). Позднее в проект нормального устава была введена норма, согласно которой в городах «при изменчивом состоянии прихода» в состав приходских собраний могли входить и те, кто числился в приходских списках не менее года, а также домовладельцы и благотворители прихода, хотя бы они постоянно и не жили в его пределах (§ 52)¹¹⁴⁷.

Также отдел предполагал, что в собрание не должны допускаться «подвергшиеся ограничению в правах по суду, открытые прелюбодеи и явно порочные люди». Кроме того, председатель отдела и протоиерей П.И. Соколов предложили внести в проект устава норму, согласно которой на собрании не могли бы присутствовать уклоняющиеся от посещения богослужения и «не исполняющие долга исповеди и святого причастия». Некоторые члены отдела, в том числе А.А. Папков были категорически против последнего ограничения. Он вообще настаивал на том, что правовые ограничения должны быть абсолютно минимальны. По его мнению, они могли быть заменены «братским судом» общины, которая могла бы сама решать, кого допускать или отстранять от участия в приходских собраниях. Его поддержали протоиерей А.П. Мальцев и профессор Н.А. Заозерский. Последний заметил также, что требование справки об исповеди и причастии для доступа на приходское собрание было бы унижением таинств и профанацией самого запрета, ведь желающий «всегда достанет» этот документ. Сторонники названного ограничения настаивали на том, что в его отсутствие на собрания могут проникнуть люди, «враждебные» Церкви, но формально числящиеся ее членами, которые могут «даже прямо вредить» ей. Результатом обсуждения стала компромиссная формулировка, согласно которой систематически уклоняющиеся от исповеди, причастия и посещения богослужений не могут участвовать в при-

---

¹¹⁴⁷ Там же. С. 88–89.

ходских собраниях, но само собрание, рассмотрев каждый такой случай в отдельности, может предоставить им такое право (§§ 53–54 проекта устава)¹¹⁴⁸.

Дискутировался также вопрос, стоит ли предоставить приходскому священнику право вето в отношении решений приходских собраний. В качестве примера приводилось правило, действовавшее в Финляндии, согласно которому относительно любого решения приходского собрания клир и мирянская часть собрания должны были прийти к консенсусу. Отдел решил, что в случае несогласия священника с постановлением собрания, он может опротестовать его в благочинническом собрании (или в той инстанции, которая его заменит) с участием представителей приходов (§ 70)¹¹⁴⁹. Также отдел пришел к выводу, что если кто-то из членов прихода отказывается исполнять решения приходского собрания, вступившие в силу, то приходский совет «имеет право просить содействия гражданской власти»¹¹⁵⁰. В своих рассуждениях отдел исходил из того, что Церковь будет пребывать в союзе с государством.

Приходский совет мыслился отделом как *исполнительный орган* приходского собрания (по крайней мере, отдел декларировал такой взгляд на этот орган). Обратим внимание на этот тезис, в последующем он будет вызывать протесты. По мысли членов отдела, в состав приходского совета должны были входить все члены причта, церковный староста и избранные приходским собранием миряне в количестве не более 12 человек, но с таким условием, что число мирян будет не менее 2/3 всего состава совета. При этом отдел считал возможным, что в особых случаях число членов совета – мирян может быть увеличено «соответственно потребности», например, если приход состоит из множества отдельных деревень. Однако делаться это должно было каждый раз с благословения епархиальной власти¹¹⁵¹. Это положение нашло отражение в проекте устава с оговоркой, что число представителей мирян в

---

¹¹⁴⁸ Там же. С. 10–11.

¹¹⁴⁹ Там же. С. 12.

¹¹⁵⁰ Там же.

¹¹⁵¹ Там же.

этом случае не должно превышать 2/3 всего состава совета. Председательствовать в совете должен был настоятель прихода или – в случае его отсутствия – другой священник прихода, если же в приходе такого не было, совет имел право избрать «из своей среды» заместителя председателя. Одна треть состава совета ежегодно должна была переизбираться приходским собранием, причем выбывающие члены снова могли быть избраны (§§ 84–86)¹¹⁵².

Круг дел приходской общины (в лице собрания и совета), по мнению отдела, должен был распространяться не только на хозяйственные дела, но и на «религиозно-нравственную» сторону приходской жизни. К этой стороне члены отдела относили: поддержание членами прихода (особенно – членами приходского совета) порядка при совершении богослужения, улучшение церковного пения, предлагалось предоставить приходскому совету право договариваться с причтом о времени совершения богослужения «в пределах, позволенных церковным уставом», заботиться о храме, причтовых помещениях и приходских кладбищах и в последнем случае предоставить приходским собраниям (по образцу европейских порядков) право взимать плату за право погребения и за установку памятников. Отдельному обсуждению подверглась просветительская деятельность в приходе, под которой понималась исключительно забота о церковно-приходской школе и о преподавании закона Божьего в других школах прихода (земской, министерской). Члены отдела считали нужным, чтобы приход мог следить за «направлением школ», находящихся в приходе и даже влиять на подбор учителей. Для этих целей протоиерей М. Казанский предлагал организовать особую дирекцию или приходское школьное попечительство по образцу Финляндии. Это предложение, впрочем, не нашло единодушной поддержки. Протоиерей Ф. Успенский, в частности, выражал опасение, что приход будет руководить школами не в церковном духе, и предлагал учредить такие школьные попечительства на уровне благочиния. В итоге большинство отдела согласилось, что следить за религиозно-нравственным воспитанием в школах прихода должен приход-

---

¹¹⁵² Там же. С. 92.

ский совет, для чего он «может входить с представлениями об увольнении неблагонадежных учителей»¹¹⁵³. Кроме того, поднимался вопрос о введении обязательных испытаний по Закону Божию, подобных конфирмации. В этот период существовало предписанное законом испытание в знании истин веры и основных молитв для тех, кто вступает в брак. Но по большей части это испытание сводилось к формальности. Члены отдела решили, что вместо этого необходимо учреждать в приходах ежегодные катехизаторские курсы для 16–17-летних прихожан¹¹⁵⁴.

Отдел считал необходимым предоставить приходу «полную свободу» благотворительной деятельности, в устройстве богаделен, больниц, любых других благотворительных учреждений. Миссионерская деятельность мирян первоначально рассматривалась отделом только в плане сигнализирования священнику об антицерковной и антирелигиозной деятельности в приходе. Но в процессе обсуждения – учитывая опыт Финляндской и Херсонской епархий – члены отдела пришли к необходимости создавать миссионерские кружки братчиков и «сестер».

Воздействие прихода на «народную нравственность», по мнению отдела, должно было осуществляться при помощи «братского суда общины». Здесь члены отдела солидаризовались с А.А. Папковым. Община должна была получить право обсуждать нравственное поведение своих членов, лишать их права голоса на собраниях и права избираться на приходские должности и даже «отлучать на известное время» от участия в богослужениях. Члены отдела собирались дать общине право выступать свидетелем при разводе супругов, но ввиду возможности передачи бракоразводных дел в светский суд решили ограничиться предоставлением общине права свидетельствовать о степени родства и возрасте брачующихся, когда это не отражено в документах¹¹⁵⁵. В этой связи важно отметить, как А.А. Папков понимал братский суд общины. Он не предполагал предоставлять общине «входить без суда и след-

---

¹¹⁵³ Там же. С. 13–16.

¹¹⁵⁴ Там же. С. 24.

¹¹⁵⁵ Там же. С. 13–16.

ствия в разбор интимной жизни прихожан». Братский суд общины, по его мнению, мог состояться «в тех редких случаях», когда порочное поведение ее членов «настолько ярко и соблазнительно», хотя и не подсудно гражданскому суду, что «несомненно, вызывает необходимость братского вмешательства»¹¹⁵⁶. Но он не формулировал границ компетенции братского суда, а значит, невольно предоставлял полный простор в этом отношении общине, особенно крестьянской, которая и без того имела существенную неформальную власть над своими членами.

Отделом дискутировался и еще один весьма актуальный вопрос российской церковной жизни – о материальном обеспечении духовенства, поскольку этот вопрос был непосредственно связан с вопросом о том, предоставить приходу право самообложения или нет. Большинство членов отдела считали идеальной ситуацию, при которой священник был бы обеспечен постоянным и достаточным жалованием, а плата за «обязательные требы» была бы отменена вовсе, но сохранена за «частные и необязательные». Отмена платы и за последнюю категорию богослужений представлялась членам отдела нежелательной с точки зрения «религиозно-нравственного состояния» русского народа. Логика их была такова: если полностью отменить плату за «необязательные требы», то духовенство физически не сможет исполнить то количество просьб, которое будет ему предъявлено, и само, уподобившись в данном случае протестантским пасторам, встанет на путь упразднения этих треб, а это нанесет существенный удар по религиозности русского народа:

Все те, доселе охотно совершаемые духовенством, разнообразные обряды и молитвословия по частным нуждам прихожан, так питающие благочестие православного русского народа и поддерживающие между ним и духовенством тесную связь, отойдут в область невозвратных преданий, к великому ущербу религиозно-нравственного состояния народа и к усилению часто чиновничьего отношения духовенства к своему делу, а вместе с тем к еще большему разъединению пастырей и паствы¹¹⁵⁷.

---

¹¹⁵⁶ Там же. С. 18.

¹¹⁵⁷ Там же. С. 19.

Тем самым, плата за «частные требы» рассматривалась отделом как способ ограничить их число, не отказавшись от них вовсе. Плата за «необязательные» богослужения должна была сохраниться и при обеспечении духовенства жалованием. При этом опыты такого соединения твердого оклада и «поручного» способа обеспечения в Российской церкви были. К 1906 г. такая система действовала в Западном крае и в Таврической губернии, но ни там, ни там конфликты между священниками и прихожанами не были устранены. Духовенство даже продолжало брать плату за «обязательные требы». Члены отдела осознавали эту ситуацию, но предложить принципиальный выход из нее не могли.

Вместе с тем они активно дискутировали вопрос об источнике жалования для духовенства. Здесь наметились три варианта решения. Жалованием свой клир мог обеспечивать сам приход, это было бы возможно при предоставлении ему права самообложения, обязательного для всех прихожан. Или же обеспечение жалованием взяло бы на себя государство. За этот вариант выступал ряд членов отдела в священном сане. Наконец, оно могло поступать «от Церкви» (Н.А. Заозерский). В последних двух случаях речь, фактически, шла о сборе налога с прихожан, только в первом случае это был бы косвенный налог, проходящий через государственное казначейство, а во втором – прямой налог, отменяющий «поручную» оплату за требы, который Н.А. Заозерский предлагал рассматривать как жертву прихода в Церковь «по взаимному договору». Московский профессор вообще был против того, чтобы «вмешивать государственную власть в церковные отношения». В ходе дискуссии А.А. Папков заметил, что в настоящее время приход, особенно сельский не выдержит самообложения на достойное жалование священнику, и ему будет нужна финансовая помощь правительства. (Развитие этой мысли мы встретим позднее в некоторых думских законопроектах о благоустройении прихода.) Большинство отдела высказалось о необходимости высшей церковной власти в «благоприятное время» ходатайствовать перед правительством о назначении содержания духовенству из государственного казначей-

ства – за совершение «общественного богослужения и общеобязательные таинства и требы». В качестве аргумента приводилось то соображение, что духовенство «несет великое для государства дело – охранения народной нравственности и оказывает государству громадную услугу по ведению метрических актов». Четыре члена отдела (Н.А. Заозерский, А.А. Папков, протоиереи А.С. Лебедев и М.Н. Казанский) были против и высказались за обеспечение духовенства от прихода «при пособии от правительства»¹¹⁵⁸.

При этом члены отдела высказали пожелание, чтобы причтовые земли непременно были оставлены за духовенством. Это пожелание было актуально в свете как социалистических, так и кадетских проектов решения земельного вопроса в России путем отчуждения, в том числе церковных земель. Правда, характерно, что разные члены отдела приводили в защиту этой точки зрения разные аргументы. Большинство священников высказывались с практической точки зрения полезности для духовенства владения землей, а проф. Н.А. Заозерский исходил из норм канонического и гражданского византийского права, согласно которому любое отчуждение «без крайней нужды» церковной недвижимости «есть святотатство»¹¹⁵⁹.

Отделом был поднят и вопрос о сокращении приходского делопроизводства. Примечательно, что идея радикального его сокращения и снятия со священников обязанностей по ведению метрикации (что, безусловно, высвободило бы силы и время духовенства для пастырской деятельности, о чем писали некоторые преосвященные в своих отзывах) в целом не нашла поддержки отдела, особенно его председателя. Епископ Стефан считал, что ведение актов гражданского состояния дает духовенству право рассчитывать на государственную поддержку в своем обеспечении. Поэтому отдел высказался лишь за частичное сокращение и видоизменение обширного делопроизводства: в частности, за замену исповедных росписей на приходскую книгу¹¹⁶⁰.

---

¹¹⁵⁸ Там же. С. 21.

¹¹⁵⁹ Там же. С. 21–22.

¹¹⁶⁰ Там же. С. 23.

В случае введения в жизнь устава, который предстояло разработать Предсоборному присутствию, на всей территории Российской Церкви, приходские попечительства должны были быть упразднены. Если же устав вводился бы выборочно, то в тех местах, на которые не распространялось бы его действие, попечительства могли остаться. При этом братства и благотворительные учреждения, уже существовавшие в приходе к моменту введения устава, должны были сохраниться. С последним не согласился А.А. Папков, который считал, что все благотворительные общества, существующие в приходе, должны слиться с возрождаемой церковной общиной (§§ 81–82)¹¹⁶¹.

Отдел затронул вопрос богослужебной практики Российской Церкви – о служении литургии вне храма (на улице и даже в частных домах). Горячим сторонником этого выступил епископ Стефан. Он исходил из пастырских и миссионерских соображений, указывая, что в отдаленных деревнях приходов, особенно в Сибири это часто единственный способ дать прихожанам возможность присутствовать на литургии. При этом он оговаривался, что такое служение должно совершаться каждый раз с благословения епископа. Но он не нашел понимания у представителей духовенства, в результате члены отдела не пришли к консенсусу и зафиксировали три точки зрения: за предложение епископа Стефана (6 членов), категорически против (двое), разрешить, но только в крайних случаях в часовнях или «особых закрывающихся помещениях при церковных школах» (4 члена)¹¹⁶².

Отдел уделил внимание и еще одному «большому месту нашей приходской жизни» – вопросу о диаконах. Дело в том, что еще в 1886 г. Синод издал определение, согласно которому в приходы с численностью населения свыше 700 человек следовало в обязательном порядке назначать штатных диаконов с тем, чтобы они брали на себя часть религиозно-просветительской деятельности, в частности, преподавания в церковно-приходских школах. Однако по единодушному мнению членов отдела в священном сане последствия этого

---

¹¹⁶¹ Там же. С. 12–13, 91–92.

¹¹⁶² Там же. С. 25–26.

определения были плачевны. Диаконаты претендовали на треть доходов причта и при этом не оправдывали возлагавшихся на них ожиданий. Священники обвиняли диаконов в пьянстве, праздности, неподобающем поведении, неуважении к священному сану. Епископ Стефан поделился своим опытом. По его словам, в Могилевской епархии институт штатных диаконов в приходах был упразднен. Диаконаты служили только в соборах, а на приходы могли попасть только на псаломщицкую вакансию и при том только при наличии диплома учителя. В отделе всерьез был поставлен вопрос, не упразднить ли институт диаконов для приходских церквей во всей Российской церкви. В результате сошлись на том, что диаконов на приходах нужно оставить, но только – на особенно многочисленных (от 1400 человек) и с условием соответствия образовательному цензу, действовавшему в Могилевской епархии. Также комиссии из троих священников было поручено составить инструкцию для низших членов причта¹¹⁶³. Это обсуждение высветило один из тлеющих внутри Российской Церкви внутрисословных конфликтов и одновременно показало, что члены отдела смотрели на него с позиций верхней страды духовного сословия, священства, но не с позиций прихожан или тех же младших членов причта.

«Женский вопрос» дискутировался IV отделом несколько раз в связи с обсуждением вопросов о создании института приходских диаконисс и об участии женщин в жизни прихода. Если учреждение института диаконисс члены отдела признали желательным, то на участие женщин в общеприходских организациях, в приходском собрании и приходском совете они посмотрели несколько иначе. Часть членов отдела, прежде всего светские члены (в данном заседании принимал участие еще и профессор Санкт-Петербургской Духовной академии Н.Н. Глубоковский) высказались за равноправие женщин и мужчин. Епископ Стефан и большинство духовенства протестовали, ссылаясь на известные слова апостола Павла (1 Кор. 14:34–37) и на неучастие женщин в выборных органах гражданского управления. В результате боль-

---

¹¹⁶³ Там же. С. 26–28.

шинством голосов (7 против 5) было решено, что на приходское собрание могут быть допущены с правом голоса только женщины-домохозяйки (т.е. главы семейств), в приходский же совет могут избираться и другие женщины (епископ Стефан и протоиерей К. Бречкевич остались при особом мнении по этому поводу)¹¹⁶⁴.

Отдел обсуждал вопрос о том, какая инстанция должна утверждать постановления приходских собраний. В целом члены отдела склонялись к тому, что постановления не требуют специального утверждения. Они должны были сообщаться благочинному, который может опротестовать их в месячный срок перед епископом, если они противоречат существующим постановлениям или если он найдет, что приход вышел из своей компетенции. Епископ принимает окончательное решение. Постановления совета, если они только исполняют постановления собрания, не требуют и того, чтобы их кому-либо сообщали. Если же постановления совета носят самостоятельный характер, то они также сообщаются благочинному. Опротестованные решения совета поступают на рассмотрение благочиннического совета. Выступить с протестом может и каждый член прихода: на постановление собрания – в течение 30 дней, на постановление совета – в течение двух недель¹¹⁶⁵. В итоге «Проект устава» закрепил описанную процедуру подачи протеста на решения собрания и совета, но все же предоставил утверждению епархиальной власти дела, связанные с выборами церковного старосты, займами, наложениями на прихожан сборов на несколько лет, приобретением имущества сверх установленной нормы (см. выше), продажей или изменением назначения имущества, пожертвованного на определенные цели, разделением приходов или учреждением новых (§§ 71–72).

20 апреля 1906 г. состоялось совместное заседание IV и VII, миссионерского отделов Предсоборного присутствия, на котором обсуждался вопрос о миссии в приходе, в частности, о создании в приходе миссионерских круж-

---

¹¹⁶⁴ Там же. С. 28–31. См. также: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. [М.,] 2004. С. 430–431.

¹¹⁶⁵ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 31–32.

ков и братств и катехизаторских курсов для молодежи. На этом заседании профессор Харьковского университета протоиерей Т.И. Буткевич прочитал свою записку о желательности учреждения всероссийского православного религиозно-просветительского и благотворительного братства с центром в Санкт-Петербурге, которое должно было иметь вертикальную структуру и отделения на приходском, уездном и епархиальном уровнях. Епископ Стефан и другие члены IV отдела высказали опасение, что проектируемое братство может оказаться мертвым бюрократическим учреждением. Н.Н. Глубоковский и А.А. Папков акцентировали именно начало координации инициативы, которая идет «снизу». С ними солидаризовался и епископ Стефан. Он заметил, что все религиозно-просветительные и благотворительные братства и другие подобные учреждения «должны начинаться с прихода», объединяясь по собственной инициативе на благочинническом, епархиальном, окружном (особенно в Сибири или в Западном крае) и затем на всероссийском уровне. Таким образом, при обсуждении этого вопроса – о создании приходских и более крупных миссионерских и благотворительных братств – прозвучала идея *координации приходской деятельности* (в данном случае миссионерской), что ранее в 1890-е гг. встречалось в отзывах преосвященных относительно судьбы приходских попечительств, а позднее, в советское время найдет свое отражение в деятельности союзов приходов¹¹⁶⁶. На этом же заседании был озвучен доклад протоиерея А.П. Мальцева «О внутренней миссии»¹¹⁶⁷.

На трех заседаниях в апреле отдел осуждал вопрос о благочиннических собраниях и советах как «первой высшей инстанции, регулирующей приходскую жизнь». Это был важный вопрос, т.к., согласно «Проекту нормального устава», благочинный должен был осуществлять общий надзор за течением приходской жизни, мог подавать протесты на решения приходского собрания и при определенных обстоятельствах председательствовать на нем (см. об

---

¹¹⁶⁶ Там же. С. 32–34.

¹¹⁶⁷ Там же. С. 38–45. Об этом см.: *Кравецкий А.Г.* Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). [М.,] 2012. С. 196–197.

этом ниже), а благочиннический совет – разбирать спорные дела между приходским собранием и настоятелем прихода. Главный вопрос, дискутировавшийся в отделе, сводился к пониманию должности благочинного: является ли он представителем приходского духовенства его округа или доверенным лицом епископа. В первом случае эта должность должна была быть выборной, благочинный скорее являлся бы доверенным лицом причтов округа и выступал по отношению к ним как «нравственный руководитель» не иначе как с позиций братского увещания. Во втором случае он являлся бы заместителем епископа для своего округа, его «оком и ухом», он должен был назначаться на свою должность и осуществлять надзор за своими собратьями.

Большинство отдела высказалось именно за второй вариант. Протестовал снова А.А. Папков, который апеллировал к тому, что теперь «всюду речь идет только о выборах», и духовенство оказалось бы единственной профессиональной группой, получающей ближайшего начальника по назначению. Отдел сделал этому мнению лишь ту уступку, что благочинный должен назначаться епархиальной властью после совещания с епархиальным пресвитерским советом. На этом решении и остановились. В результате ближайшая к приходу руководящая и апелляционная инстанция мыслилась отделом таким образом.

Исходя из «идеи соборности во всех сторонах церковной жизни», это должен был быть коллегиальный орган – благочинническое собрание, с исполнительным органом – благочинническим советом, председатель которого, благочинный назначался бы епископом, а его заместитель – избирался бы благочинническим советом из всех священников округа. В состав собрания могли, по предположению отдела, входить либо по два представителя от прихода (священник и мирянин по выбору приходского собрания), либо по четыре представителя (священник, представитель низшего клира, церковный старосты, мирянин). Если вопросы, вынесенные на благочинническое собрание, касались конкретной общины, то от нее могло быть допущено двойное число представителей по выбору приходского собрания. В состав благочин-

нического совета должны были входить: благочинный, его помощник и духовный следователь по должности, 2–5 (в зависимости от величины округа) священников и столько же от мирян, избираемых в обоих случаях на благочинническом собрании, а также 1–2 члена низшего клира.

Собрание должно было наблюдать за развитием в округе приходской жизни, развитием просветительных и благотворительных учреждений, обеспечением деятельности таких учреждений, общих для всего округа. Также ему предстояло разбирать недоумения приходов, их жалобы, например, на раскладку сборов, споры в приходах между священником и приходскими собраниями. Оно должно было выносить суждение об открытии новых и закрытии существующих приходов, как по ходатайствам приходских общин, так и по предложениям епархиальной власти, а также по ходатайствам о «перечислении» части прихожан (например, отдельной деревни) от одной церкви к другой в том случае, если приход в целом был против такого перечисления. Оно же выбирало депутатов епархиального собрания, должностных лиц округа и членов уездного отделения епархиального училищного совета, а также рассматривало дела по поручению епархиальной власти.

Компетенция благочиннического совета носила двойственный характер. С одной стороны он должен был работать как исполнительный орган благочиннического собрания: готовить его заседания, рассматривать годовые отчеты приходов, ходатайства о ремонте церквей, распределять по приходам епархиальные сборы, разрешать закрытие и открытие приходских кладбищ, представлять к наградам как священников, так и церковных старост. С другой стороны он должен был работать как орган самоуправления духовенства: проводить аттестацию клириков (без участия мирян и низших членов причта), рассматривать и предоставлять епископу клировые ведомости, собирать сведения о вдовах и сиротах духовенства округа, изыскивать средства на поддержание нуждающегося духовенства и выдавать ему пособия, определенные благочинническим собранием, собирать сведения о лицах, ищущих церковного сана и перевода с прихода на приход, и сообщать эти сведения

епископу. Все эти положения нашли отражение в 4-м мотивированном докладе отдела «О благочиннических собраниях и советах», представленном в конце года в Синод¹¹⁶⁸.

Следующим и последним уровнем церковного управления, регулировавшим приходскую жизнь, был уровень епархиальный. Епархиальной власти предстояло утверждать ряд решений приходских собраний, епископ был последней апелляционной инстанцией при разрешении споров, от епархиальной власти зависела величина финансового бремени, лежавшая на приходах. Установлением епархиальных сборов занимались епархиальные съезды духовенства. Поэтому вопрос об их реформе был одним из существенных вопросов, входивших в компетенцию IV отдела¹¹⁶⁹. Отдел рассмотрел его на трех заседаниях в начале мая. Главные изъяны этого института и перспективы его реформирования были четко охарактеризованы епископом Стефаном на первом из них:

Епархиальные съезды в том виде, как они существуют, вызывают большие нарекания, главным образом, за их узко-сословный характер. Эта сословность выражается в личном составе съездов, состоящих только из духовенства, в их деятельности, касающейся только интересов духовного сословия, в распоряжении церковными суммами только на пользу духовенства. Мало того, и при таком сословном характере постановка дел на съездах признается неправильной. Председатель съезда – лицо выборное; сам же епархиальный епископ устраняется от живого хода дела на съезде; он имеет дело только с бумагами съезда и утверждает или не утверждает состоявшиеся по ним постановления. При таком положении дела съезд является совещательным органом при епископе по делам сословным. Необходимо устранить эти нарекания и придать съездам характер канонический. Для этого следует расширить круг деятельности съездов, во главе съездов поставить епископа, в состав членов его ввести представителей от мирян. В таком виде съезды получат более свойственный им характер епархиальный Соборов, при нем постановления

---

¹¹⁶⁸ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 46–52; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 201. Лл. 17–21 об. См. также: *Савва (Тутунов), игум.* Епархиальные реформы. [М.,] 2011. С. 223–225.

¹¹⁶⁹ Краткий обзор суждений IV отдела по поводу епархиальных съездов см.: Там же. С. 201–203.

их явятся существенной поддержкой для проведения в жизнь благих начинаний епархиальной власти¹¹⁷⁰.

Отдел согласился с мнением председателя, решив, однако, именовать соборные органы епархиального уровня епархиальными собраниями, по аналогии с приходскими и благочинническими собраниями, т.е. чтобы обеспечить единообразие именования соборных институтов в пределах епархии. При этом отдел признал необходимым сохранить и два других коллегиальных органа: епархиальные съезды духовенства и пастырские собрания. Съезды должны были сохраниться как органы сословного самоуправления духовенства. В их компетенции должны были остаться только сословные дела, в остальном же механизм их проведения должен был остаться прежним. Пастырские собрания (как епархиального, так и благочиннического уровня) рассматривались отделом как консультативные органы при преосвященном или благочинном по вопросам пастырской практики. Исполнительным органом всех трех коллегиальных органов епархиального уровня должна была быть консистория «или имеющее заменить ее учреждение».

В состав епархиального собрания должны были входить следующие категории лиц: председатель (им отдел единогласно признавал епархиального преосвященного), один представитель духовенства (имелись в виду священники и диаконы) и один представитель мирян («включая сюда псаломщиков») от каждого благочиннического округа (эти представители должны были избираться на благочиннических собраниях), представители монашествующих епархии (по одному от каждого монастыря¹¹⁷¹), учителей церковно-приходских школ (один от каждого уезда), преподавателей духовно-учебных заведений и церковно-учительских школ (по 1 или 2 представителя от каждого учебного заведения), епархиальный наблюдатель за приходскими школами. Кроме того, епископ мог пригласить на собрание с правом решающего

---

¹¹⁷⁰ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 59.

¹¹⁷¹ Интересно, что отдел не предполагал участия монахинь в епархиальном собрании. По его мнению, если бы женские монастыри пожелали иметь на собрании своего представителя, им мог бы быть священник монастыря. См.: Журналы и протоколы... Т. 2. С. 62.

голоса представителей духовенства епархиального города (как «лучшую часть епархиального духовенства» «по своему образованию и развитию»), почетных граждан города и представителей власти. Число этих приглашенных не должно было превышать 1/4 часть избранных членов собрания. С правом совещательного голоса могли присутствовать все желающие, получившие на это разрешение епископа, а также вызванные специалисты и должностные лица.

Обратим внимание на одну деталь. Псаломщики избирались в члены епархиального собрания вместе с другими мирянами, т.е. прихожанами. Кано­нически это было обоснованно: не имевшие священного сана псаломщики относились к категории мирян, «лаиков». Но в этот период они были низшими членами клира и членами духовного сословия, по своим интересам стоявшими ближе к носителям священного сана – диаконам и священникам. Такой порядок выборов мог иметь двоякие последствия. Или псаломщики оказались бы в меньшинстве среди делегатов-прихожан (что более вероятно). Или же в меньшинстве оказались бы именно прихожане. В первом случае низшие члены клира снова почувствовали бы свою ущербность перед лицом высших страт духовного сословия, что повело бы к дополнительным внутри­сословным конфликтам. Во втором случае в ущемленном положении оказа­лись бы прихожане, а состав епархиальных собраний по-прежнему имел бы выраженную сословную окраску (особенно если бы преосвященные активно пользовались своим правом приглашать значительное число представителей духовенства епархиального города). При этом отдел считал участие прихожан в епархиальных собраниях исключительно важным:

Присутствие мирян на Епархиальных Собраниях признается желательным потому, что таким путем постоянно поддерживалась бы связь между епархиальной властью и приходом, – связь, ослабление которой ныне весьма чувствуется и сопровождается многими неблагоприятными последствиями для церковно-приходской жизни, вызывая охлаждение, безучастный индифферентизм прихожан к церковному делу, или даже, в худших случаях, прямое недоверие к церковным деятелям, представителям епархиальной власти. При том присутствующие на об-

щеспархиальных Собраниях от мирян могли бы делать ценные сообщения о различных явлениях религиозно-нравственной жизни местного населения. Кроме того, некоторые епархиальные учреждения существуют за счет церковно-приходских сумм, т.е. пожертвований прихожан, а потому представители прихожан должны знать употребление этих пожертвований¹¹⁷².

Как видим, отдел не собирался оттеснять прихожан от участия в соборном епархиальном органе, но не мог предложить и механизм бесконфликтного представительства в нем низших членов клира. Против принятого отделом порядка выборов категорически протестовал А.А. Папков (по этому вопросу он остался при особом мнении), считавший, что делегаты от духовенства должны избираться от всех категорий клириков.

Компетенция епархиальных собраний, по мнению отдела, должна была быть существенно расширена. Им предполагалось передать не только вопросы церковного хозяйства, но и веры, нравственности, церковного образования, миссионерства, устройства духовно-учебных заведений, церковно-приходских школ, благотворительных учреждений, и др. вопросы, если они не требуют участия высшей церковной власти. Приходов особенно касались бы такие проектируемые полномочия собраний как забота о равномерном распределении доходов епархии, распределение по благочиниям и приходам разверстки сборов, установленных высшей церковной властью, распоряжение хозяйственной частью свечных заводов, снабжение церковей вином и др. необходимыми для богослужения предметами, контроль и ревизия всех учреждений, пользующихся пособиями из епархиальных сумм (в том числе, приходов), рассмотрение недоумений благочиннических собраний и проектов, превышающих их компетенцию.

Интересно, что, согласно решению отдела, епископ обязан был утвердить решение большинства собрания, если речь шла о вопросах «чисто экономических, когда дело касается сумм приходских». Тогда как если речь шла о суммах церковных, он мог поддержать и мнение меньшинства, а в вопросах религиозно-нравственных и общецерковных вовсе не согласиться с решени-

---

¹¹⁷² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 201. Лл. 9 об.–10.

ем собрания и передать дело в вышестоящую инстанцию, в Синод или на проектируемый собор митрополичьего округа. Так, экономические интересы приходов были ограждены от непосредственного вторжения епархиальной власти. Важной чертой епархиальных собраний, по мнению отдела, должна была стать обязательная регулярность их созыва. При этом отдел, ссылаясь на дороговизну созыва епархиального собрания, согласен был определить максимальный интервал между ними в три года, тогда как епархиальные съезды духовенства созывались ежегодно, а иногда и чаще. Трехгодичная периодичность созыва собрания, конечно, была бы слишком редкой. Обозначенные выше положения нашли отражение во втором мотивированном докладе IV отдела Синоду «Об епархиальных съездах»¹¹⁷³.

Также на одном из заседаний в мае отдел обсуждал еще один болезненный вопрос приходской жизни: вопрос о порядке приобретения и отчуждения церковной собственности и о наделении церковных учреждений, в том числе, приходов правами юридического лица. Действовавший на тот момент порядок, закрепленный в Своде законов, предусматривал, что на любую сделку с недвижимым имуществом приходских церквей, архиерейских домов или монастырей испрашивается высочайшее соизволение¹¹⁷⁴. Обосновывался этот порядок необходимостью оградить церкви и другие церковные учреждения от «ненужных приобретений». Естественно, этот порядок был крайне обременителен. От него страдали церковно-приходские школы, приходская благотворительность; потенциальные жертвователи, узнав о необходимости обращаться к императору, отказывались от своих намерений (см также: Глава 2 § 7). Кроме того, это положение, не давая преимуществ Православной Церкви, бросало тень на ее авторитет, поскольку другие исповедания не были ограничены в своих сделках с недвижимостью. Это архаичное правило явно пришло в противоречие с жизнью и новейшими законами. В частности, как отмечали члены отдела, это ограничение противоречило манифесту 17 ок-

---

¹¹⁷³ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 59–66; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 201. Лл. 7–14.

¹¹⁷⁴ См., например: Свод законов Российской империи. Т. 9. Свод законов о состояниях. СПб., 1899. Ст. 443.

тября 1905 г., который даровал подданным империи права гражданской свободы.

В силу этих соображений отдел высказал пожелание об отмене этого правила и соответствующих статей законов. По его мнению, в отношении церковной собственности должны были действовать те же законы, что и в отношении любой коллективной собственности, а ограждение церкви от ненужных приобретений должно было осуществляться епархиальным начальством при помощи юрисконсультов. Исходя из этого, отдел предлагал ввести в жизнь следующие правила: покупка и продажа недвижимости могла осуществляться без разрешения какого-либо начальства, если сумма сделки не превышала сумму, которой учреждение могло распоряжаться самостоятельно. Для приходских средств это были покупка и продажа на сумму до 10 000 руб., на большую сумму они могли осуществляться с разрешения епархиального начальства. Сделки на средства церковные и монастырские епархиальное начальство могло разрешать само на сумму до 10 000 руб., на большую сумму – с предварительного разрешения Синода¹¹⁷⁵. Приобретение недвижимости по дарственным и при отводе прихожанами земли для причта могло осуществляться без разрешения, лишь с уведомлением епархиального начальства. При этом отдел считал необходимым признать земли, отведенные прихожанами на довольствие причта, неотчуждаемыми. Таким образом, предложения отдела сводились к отмене нормы об обязательном испрашивании высочайшего соизволения при сделках с церковной недвижимостью и распределении контроля за ними между епархиальными властями и Синодом в зависимости от суммы сделки при достаточно большой самостоятельности в этом вопросе самих церковных учреждений, в том числе приходов.

Закрепить права юридического лица отдел считал необходимым за следующими учреждениями: приходом, братствами, приходскими попечительствами (если они останутся «в строе епархиальных учреждений»), благотвори-

---

¹¹⁷⁵ Для инославных исповеданий (католиков, лютеран, армяно-григориан) сумма, которой свободно могли распоряжаться их установления ограничивалась по закону 5000 руб.

рительными учреждениями, благочинническими округами, епархиями, духовными учебными заведениями, епархиальными попечительствами о бедных духовного звания, епархиальными училищными советами и их отделениями, свечными заводами, духовенством как сословием (в лице духовенства епархии, округа, причтов отдельных церквей). Последнее пожелание требует особого пояснения. Имперское законодательство не признавало органы сословного самоуправления юридическими лицами. Несмотря на то, что с 1860-х гг. епархиальные съезды духовенства вели широкую хозяйственную деятельность (учреждали кассы, свечные заводы, финансировали духовные учебные заведения), недвижимость, приобретаемая ими, оформлялась на епархиальное начальство, а не на реального приобретателя. Эта ситуация ограничивала финансовые возможности духовенства и отчасти была причиной того, что клирики в поисках средств на свои сословные нужды активно обращались к церковным, фактически, к приходским кассам, вызывая этим немалый ропот прихожан. Вместе с тем наделение сословия правами юридического лица вело бы к его дополнительной консолидации, что в начале XX в. было явным анахронизмом. Тем более, что в этот период сословность русского духовенства осознавалась как существенное препятствие для нормального развития церковной, в том числе приходской жизни и епископатом, и различными общественными силами. Однако члены отдела не отдавали себе в этом отчет. Считая, как было сказано выше, «народное пастырство» идеалом, они в то же время предлагали шаги, которые в реальности привели бы к консолидации духовного сословия¹¹⁷⁶. Описанные предложения отдела вошли в его пятый мотивированный доклад «По вопросу о порядке приобретения и отчуждения церковной собственности»¹¹⁷⁷.

Отделом обсуждался еще один актуальный вопрос церковной жизни – об участии духовенства в общественных учреждениях, т.е. в представительных органах власти (Государственном совете и Государственной думе) и ор-

---

¹¹⁷⁶ Ср.: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Л. 12а об.

¹¹⁷⁷ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 66–70; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 201. Лл. 22–26 об.

ганах местного самоуправления (городских, земских и крестьянских, сельских и волостных). Мы помним, что для приходской жизни особенно был важен вопрос об участии духовенства в волостных и сельских крестьянских сходах, который дискутировался с конца XIX века. Эти дискуссии выявили два противоположных подхода к решению этого вопроса. IV отдел счел необходимым – в духе отзывов большинства епархиальных преосвященных – поддержать тех пастырей и публицистов, которые высказывались за всемерное участие духовенства «во всех государственно-общественных учреждениях» при условии, чтобы это участие было чуждо всяких «резкостей партийной борьбы», которые могут неблагоприятно отразиться на пастырском деле. Причем отдел настаивал, что священнослужители могли бы участвовать во всех делах, обсуждаемых в этих учреждениях, но не могли бы занимать должностей по «чисто мирским» делам – писаря, старшины, директора и т.п. Также, по мнению отдела, от пастырей требовалось последовательно стоять на внепартийных позициях, виновные же в партийной борьбе должны были подлежать духовному суду. Дискуссию в отделе вызвал лишь вопрос о том, в каких отношениях священник-депутат должен находиться со своим приходом. Большинство отдела расценивало его работу на выборной должности как временное оставление прихода и считало, что на этот период в приход должен назначаться священник-заместитель. Меньшинство же в лице протоиерея К. Бречкевича и А.А. Папкова находило, что в мнении большинства «личный интерес священника предпочитается религиозно-нравственному интересу целого прихода, предоставленного в наемные руки временных пастырей заместителей». Поэтому, по их предложению, избранный священник должен был покинуть свой приход, а по окончании его полномочий об его устройстве должен был позаботиться местный епископ. Эти суждения отдела вошли в его первый мотивированный доклад «По вопросу об участии духовенства в общественных учреждениях»¹¹⁷⁸.

---

¹¹⁷⁸ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 70–77; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 201. Лл. 2–6.

Затем на девяти заседаниях во второй половине мая и начале июня отдел обсуждал «Проект нормального устава» и различные приложения к нему (см. ниже). А кроме того, на двух отдельных заседаниях в июне рассмотрел вопрос о церковной школе. В связи с этим вопросом отделом рассматривались три записки: председателя Училищного совета при Синоде протоиерея П.И. Соколова «Об участии православной Церкви, в лице ее пастырей и пастомых, в деле воспитания и обучения подрастающего поколения», «Записка о церковных школах», составленная Училищным советом, записка епископа Саратовского Гермогена (Долганова) «Основания, по коим церковные школы должны продолжать свое существование, оставаясь в ведении православного духовенства». Положения, выработанные отделом по результатам изучения этих документов и после обмена мнениями, были зафиксированы в соответствующих параграфах «Проекта нормального устава» (о чем мы скажем ниже), а также в третьем мотивированном докладе отдела Синоду «О церковных школах»¹¹⁷⁹.

На этом IV отдел приостановил свою работу на время летних каникул. Как видим, именно в ходе первой сессии отдел выработал основные документы, призванные сдвинуть с мертвой точки приходскую реформу в Российской церкви, и суждения по смежным с ней вопросам (об имуществе и правах юридического лица церковных учреждений, об общественной деятельности духовенства, о благочиннических и епархиальных собраниях, о церковных школах).

Проект нормального приходского устава

Главным результатом работы IV отдела в первом полугодии 1906 г. был, конечно, «Проект нормального устава православных приходов в России». Опубликованный вскоре во 2-м томе «Журналов и протоколов» Пред-

---

¹¹⁷⁹ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 77–80, 108–116; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 201. Лл. 15–16 об. О записке епископа Гермогена см. также: *Мраморнов А.И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006.

соборного присутствия¹¹⁸⁰ он получил достаточно широкую известность и был популярен у представителей различных общественных групп, выступавших за приходскую реформу. Так, к Проекту нормального устава неоднократно апеллировали думцы в своих законодательных инициативах, посвященных приходскому вопросу.

Проект IV отдела представлял собой обширный документ из 109 параграфов, разделенный на три части: в часть, которую можно было бы назвать «Общие положения» (в проекте у нее не было заголовка) входили §§ 1–32, затем следовали разделы «Приходские собрания» (§§ 33–82) и «Приходский совет» (§§ 83–109). § 1 утверждал цель приходской жизни – в спасении членов прихода:

Назначение православного прихода состоит в том, чтобы православные христиане на всяком месте жительства соединялись в одну церковную общину при своем приходском храме и при посредстве церковного клира имели общение в молитвах, таинствах и христианском учении, взаимно содействуя друг другу в достижении спасения через добрую жизнь, дела христианского просвещения и благотворения¹¹⁸¹.

§ 2, констатируя самостоятельность прихода как «отдельной церковной общины», подчеркивал значение связи прихода с епископом, через которого он находится «в тесной связи со всею единою, святою, соборною и апостольскою Церковью», а поэтому должен подчиняться епископу, хранить святоотеческое предание и участвовать в удовлетворении общецерковных нужд. Проект утверждал территориальный принцип формирования приходов (§ 3), описывал возможные варианты состава приходских причтов и упомянутую выше процедуру ходатайства прихожан о кандидатах на вакантную должность (§§ 4–7), напоминал прихожанам об их обязанностях обеспечивать причт жильем и содержанием (§ 8). Далее проект, дав определение прихожан (православные, живущие в пределах прихода и записанные в приходскую книгу), фиксировал их обязанность «содействовать благосостоянию» прихо-

---

¹¹⁸⁰ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 83–95.

¹¹⁸¹ Там же. С. 83.

да в «религиозно-нравственном и других отношениях», говорил об их праве создавать различные кружки и общества, для женщин – посвящать себя Церкви в звании диаконисс (§§ 9–12). Несколько параграфов (§§ 13–18) были посвящены приходскому делопроизводству, общему описанию приходской книги, которая должна была заменить собой исповедные ведомости, но не метрические книги, порядку выдачи переходных (из прихода в приход) свидетельств и сообщению консистории данных из метрических книг.

Проект регламентировал права и обязанности прихода по отношению к приходскому храму и часовням. Так, приход имел право по своему усмотрению, но с ведома благочиннического совета и под надзором благочинного ремонтировать храм, если это не предполагало изменение его плана и «сдвигения святого престола», на что уже требовалось разрешение епархиального начальства. Храм мог использоваться при необходимости для собраний по случаю выборов на приходские должности. Характерна также одна оговорка проекта, согласно которой иконы, утварь и книги не могли быть «предметом пользования» без разрешения настоятеля. Здесь члены отдела без сомнения имели в виду многочисленные случаи, когда прихожане заявляли о своем праве собственности на помещенные в приходскую церковь иконы и другие предметы¹¹⁸². Подробно проект останавливался на судьбе храмового имущества в случае упразднения прихода: оно – «как достояние православной Церкви» – поступало в ведение епархиального начальства, а если приход становился приписным, то отходило в ведение церкви, к которой он приписывался. Если приход разделялся, то отделяющаяся часть теряла права на церковное и приходское имущество и могла получить их часть только с согласия приходского собрания оставяемого прихода (§§ 19–22). Помимо храмов и часовен, приход обязан был заботиться о приходских кладбищах, для чего приходскому собранию предоставлялось право устанавливать плату

---

¹¹⁸² Подробнее об этом см.: *Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 321–325.

за места на кладбище и за установку памятников. При этом на каждом кладбище должен был иметься участок для погребения бедных (§§ 23, 39).

Права прихода по организации духовного просвещения и благотворительности были закреплены в §§ 24–27. В частности, приходы могли открывать церковно-приходские школы и школы грамоты, общеобразовательные классы при церковно-приходских школах, профессиональные школы (ремесленные, земледельческие и под.), библиотеки. Благотворительные учреждения могли носить как приходской, так и межприходской характер (т.е. устраиваться несколькими приходами). Для материального обеспечения приходских школ и наблюдения за направлением преподавания в них приходскому совету проектом предоставлялись дополнительные полномочия. Для этого совет должен был избрать особое попечительство «при обязательном участии священника», он мог избирать блюстителя или блюстительницу для каждой из школ, находящихся на территории прихода, и участвовать в выборе учителей. Избрание попечителей и попечительниц церковно-приходских школ, которые существовали ранее согласно положению об этих школах, проект предполагал передать приходскому совету (§§ 96–98).

Имущественные отношения в приходе регламентировались уставом в соответствии с выработанным отделом подходом о разделении имущества на три разряда (§§ 28–32). К церковным суммам относились свечные доходы, пожертвования на храм, в том числе, кружечные и кошельковые сборы, капиталы, образовавшиеся из остатков церковных сумм за прежние годы. Причтовыми именовались суммы и капиталы, пожертвованные в пользу причта, а также доходы причта от треб и богослужений. Приходские средства составляли сборы прихожан, осуществляемые разными способами: от подписок до сборов в специальную кружку. Все средства и капиталы, кроме причтовых, находились в распоряжении прихода. Остатки церковных сумм после уплаты из них епархиальных сборов могли расходоваться на приходские нужды.

Наряду с признанием обязанности каждого прихода «заботиться о своих церковно-приходских делах», проект утверждал, что

главная сила духовного делания приходских собраний должна быть направлена на религиозно-нравственные, просветительные и благотворительные цели церковно-приходской жизни, для созидания ее по духу Христову (§ 35)¹¹⁸³.

Впрочем, это выглядело скорее как пожелание или призыв. В последующих параграфах права приходского собрания детализировались. Оно избирало должностных лиц прихода (членов приходского совета, старосту, членов ревизионной комиссии), утверждало лиц, избранных советом, ходатайствовало о кандидатах в члены причта (§ 36). Оно изыскивало средства для удовлетворения нужд прихода, в том числе путем самообложения, заботилось о храме, домах причта, кладбище, материальном обеспечении духовенства, а также – вдов, сирот и заштатных членов причта (§§ 37–38). Собрание должно было заботиться о возвышении «нравственно-религиозной жизни» прихода и о «искоренении господствующих в приходе пороков». Для этого ему предоставлялось «право братского суда» (соответствующие решения должны были выноситься по представлению приходского совета), право учреждения через приходский совет миссионерских и под. кружков, обществ, библиотек, хоров, чтений, право открытия школ и самых разнообразных благотворительных учреждений (§§ 40–45).

Примечательно, что члены отдела считали нужным возложить на приход заботу о поднятии «общего экономического благосостояния» соответствующей территории. Для этого проект устава предусматривал возможность заводить в приходе кассы «похоронные, ссудные и кассы взаимопомощи и для бедных невест, устраивать образцовое хозяйство, приобретать сельскохозяйственные орудия для общего пользования» (§ 46). Тем самым предполагалось, что приход станет центром экономической кооперации местного населения. Авторы проекта в данном случае исходили из того, что поднятие благосостояния прихожан, увеличит экономическую самостоятельность прихода, позволит ему активнее развивать благотворительную и просветительскую деятельность.

---

¹¹⁸³ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 88.

Проект закреплял право собрания устанавливать денежные сборы, обязательные для всех членов прихода, не исключая и членов причта, а также тех, кто владеет в приходе недвижимым имуществом. Неисполнение этих постановлений давало право собранию «ходатайствовать о приведении их в действие судебным порядком» (§§ 47–49). Состав лиц, правомочных участвовать в собраниях, был определен в соответствии с решениями отдела. Уточнение этих положений сводилось к тому, что причт и приходский совет должны были вести два списка прихожан – «голосовой» и «налоговый», как это практиковалось в финляндских православных приходах, а собрание в начале года должно было утверждать их. Также оговаривался порядок замещения на собрании отсутствующих или малолетних владельцев имущества; владельцы имущества (например, сироты), достигшие гражданского совершеннолетия (21 год), но не 25 лет, признавались проектом полноправными участниками собрания (§§ 50–57).

Проект предполагал, что очередные собрания будут проходить два раза в год: в начале года и осенью. Экстренные собрания могли быть собраны по инициативе: настоятеля, приходского совета, 1/3 имеющих право голоса прихожан, епархиального начальства. Кворум собрания был закреплен на уровне 1/10 правомочных прихожан, а при решении денежных вопросов и выборов – на уровне половины прихожан, занесенных в налоговый список. В случае отсутствия кворума новое собрание могло быть созвано не ранее, чем через две недели: в экстренных случаях разрешалось созвать собрание и в недельный срок, но тогда на нем не могли быть приняты решения о каких-либо «обще-приходских денежных налогах». В объявлении о собрании следовало в точности обозначить его повестку дня. По делу, не заявленному в объявлении, нельзя было принимать решение, хотя оно и могло обсуждаться на собрании (§§ 58–62, 64–68).

Председательствовать на собрании должен был настоятель прихода, или «замещающий его священник». Поскольку в каких-то приходах мог быть только один священник, эта оговорка означала, что в случае отсутствия или

болезни настоятеля председательствовать на собрании должен был иноприходный священник, например, благочинный. При голосовании за то или иное решение и равенстве поданных голосов, в силу вступало то решение, с которым солидаризовался председатель. Также он мог удалять нарушителей порядка из собрания и даже закрыть собрание в случае невозможности восстановить порядок (§§ 63, 69, 77). Опротестовать решение, как сказано выше, мог председатель собрания, благочинный или любой из прихожан в 30-дневный срок. Срочное решение, не требующее утверждения епархиальной власти и принятое единогласно, следовало опротестовать в течение недели (§§ 70, 73–76, 78–80).

Как было сказано выше, проект устава декларировал взгляд на приходский совет как на исполнительный орган приходского собрания. Состав совета регламентировался в соответствии с решениями отдела (причт и 2/3 мирян), правда, в этом пункте проект делал добавление, что в состав совета должны входить заведующие приходскими учреждениями. Было не ясно, должны ли они избираться из членов совета или входить в него «по должности». Например, казначей и делопроизводитель избирались из членов совета. При этом проект оговаривал, что должности старосты и казначея не могут занимать одним лицом, поскольку староста ведал церковными суммами, а казначей – приходскими. Проект подчеркивал, что члены совета служат приходу безвозмездно. Вознаграждение мог получать только делопроизводитель по решению приходского собрания. Заседания совета должны были созываться по мере надобности, но не реже раза в месяц председателем или 1/3 его членов. Кворум составляли половина членов совета, включая председателя и казначея. Проект закреплял право любого прихожанина обратиться к совету с предложением об улучшении приходской жизни, и совет должен был это предложение рассмотреть (§§ 83–91).

Приходский совет был своего рода первой инстанцией «братского суда» прихода. Ему предоставлялось право наблюдать за «религиозно-нравственным состоянием членов прихода», увещать их, порицать, а «отно-

сительно упорных» докладывать приходскому собранию. Также он мог выступать как орган третейского суда (§§ 92–93). Проект возлагал на совет обязанность ограждать приход от проникновения в него сектантских и «противорелигиозных» настроений. Делать это он мог через «ревнителей веры», избранных из его среды, или через миссионерские кружки. Совет также должен был обеспечивать порядок за богослужением, причем «наиболее уважаемые и почтенные лица в приходе», к которым совету следовало с этой целью обратиться, могли прибегать и «к содействию гражданской власти» (§§ 94–95). В этих пунктах авторы проекта, судя по всему, пытались придать приходскому совету черты западнорусских православных братств, не задумываясь, очевидно, о том, сможет ли совет выполнять эти обязанности. Ведь братства были добровольными организациями «ревнителей»; избрание же лиц высокого религиозного настроения в члены совета никак не могло быть гарантировано.

Но кроме «религиозно-нравственной» стороны приходской жизни совет, согласно проекту, был ответственен и за «внешнюю», организационную и хозяйственную ее сторону. И в этом отношении перечень его обязанностей также был весьма внушителен. Совет заведовал всеми капиталами и имуществами, находящимися в приходе, занимался сбором приходских налогов, координировал благотворительную деятельность, «обсуждая степень нужды лиц, обращающихся за помощью», вел финансово-ревизионную деятельность, отвечал за часть приходского делопроизводства, в частности, за ведение списков прихожан (голосового и налогового), готовил приходские собрания, приводил в исполнение их решения, отчитывался перед ними, заведовал всеми приходскими учреждениями и даже занимался погребением умерших. При этом члены приходского совета являлись материально ответственными лицами (§§ 101–105). В заключение проект IV отдела констатировал, что приходский совет «пользуется всеми правами общегражданских учреждений», и его законные постановления имеют «обязательное значение и силу», и к их исполнению должно быть оказываемо содействие «полицейскими, сельскими, земскими и иными властями и лицами» (§ 108).

Трудно сказать, насколько реалистично было возлагать столько обширный круг обязанностей на сравнительно узкую группу лиц, работающих для прихода бесплатно. Проект явно имел в виду, что все они должны были оказаться горячими энтузиастами приходского дела, высоко религиозно настроенными и обладающими организационными способностями и профессиональными (например, бухгалтерскими) навыками. Если в крупных городских приходах найти таких людей еще было возможно, то в сельских – это было едва ли осуществимо.

Другие документы, разработанные IV отделом

Членами отдела был разработан целый комплекс приложений к приходскому уставу, а также проект изменений в инструкции церковным старостам. Этот документ носил самостоятельный характер, но предлагавшиеся отделом изменения в большинстве не были принципиальными и носили скорее редакционный характер, будучи призваны привести букву инструкции 1890 г. в соответствие с проектом нормального устава. Там, где в старой редакции говорилось об общем собрании прихожан или о действиях старосты и причта, теперь речь шла о приходском собрании и действиях старосты и приходского совета. В соответствующих статьях были изменены, в соответствии с проектируемыми отделом нормами, размеры расходов, которые могли совершаться старостой без обращения к епархиальной власти, или размеры церковных сумм, которые разрешалось передавать приходу. Ряд статей были опущены; их заменили более емкими формулировками. Самые существенные отличия проекта новой редакции от старой содержались в ст. 17 и 58. Первая из них в редакции 1890 г. давала право епархиальному архиерею назначить временно исполняющего обязанности старосты, если общее собрание прихожан дважды не смогло избрать его или если избранный не был утвержден архиереем. Новая редакция давала право приходскому совету назначить временного старосту «впредь до избрания» постоянного. Вторая статья описывала процедуру отрешения старосты от должности. В прежней редакции это происходило

по определению консистории, утвержденному архиереем. В новой – по решению приходского собрания, на которое это дело выносилось благочинным, а после решения собрания – им же передавалось на окончательное решение епархиальной власти¹¹⁸⁴. В обоих случаях проект новой инструкции увеличивал самостоятельность прихода и значит, увеличивал связь между новыми приходскими институтами (собранием и советом) и старостой.

Важным дополнением к проекту нормального устава был проект нового и, как предполагалось, главного приходского документа – приходской книги. Проект, как мы помним, был составлен по образцу аналогичных книг православных приходов Финляндии. Проект приходской книги включал следующие сведения (столбцы приходской книги).

I. Данные о месте жительства прихожанина (улица и номер дома для города, название села или деревни).

II. Фамилию, имя, отчество, звание, занятие и семейное положение с указанием девичьих фамилий для замужних женщин. Здесь же указывались имена скончавшихся мужей и жен.

III. Дату рождения и крещения с указанием числа полных лет на начало данной приходской книги.

IV. Дату брака.

V. Дату смерти.

VI. Сведения о бытии у исповеди и причащения. Поскольку предполагалось, что книга будет выдаваться на пять лет, этот столбец разделялся на пять подстолбцов и в каждом из них следовало ставить отметку, причащался прихожанин в соответствующий год или нет. В первом случае ставилась отметка: «б.<был>», во втором – прочерк.

VII. Сведения о грамотности (грамотен или нет) и о месте учебы с датой его окончания.

VIII. Сведения о том, откуда прихожанин прибыл в приход, с указанием номера и даты переходного свидетельства.

---

¹¹⁸⁴ Там же. С. 80–83.

IX. Сведения о том, куда и по какой причине выбыл с указанием номера и даты выданного переходного свидетельства.

Столбцы X и XI содержали сведения о страницах старой приходской книги, на которой присутствовала запись об этом лице, и примечания (они могли включать, например, сведения о временных отлучках или о переносе записи о лице с одной страницы на другую в случае вступления в брак). Предполагалось, что книга будет снабжена алфавитным именованным указателем¹¹⁸⁵. Таким образом, приходская книга должна была объединять в одной именной записи сведения, содержащиеся в разных разделах метрической книги, в исповедных росписях и данные о мобильности прихожан.

Протоиерей А. Лебедев составил новую версию «Инструкции настоятелям церквей», которая была приложением к 5 параграфу проекта нормального устава. В основу ее была положена аналогичная действовавшая инструкция 1901 г. В проекте подробно были описаны разнообразные обязанности настоятеля по религиозному воспитанию своей паствы, а также подчеркивались его новые организационные функции как председателя приходских собраний и совета. Автор подробно останавливался на обязанностях настоятеля как руководителя деятельности других приходских священников – как богослужебной, так и просветительской. При этом именно отношениям внутри причта была посвящена львиная доля статей инструкции. Только одна статья (из 26-ти) отмечала обязанности настоятеля по отношению к приходу. Речь шла о соблюдении процедуры созыва и ведения приходских собраний и не более. Вообще весь проект инструкции был проникнут ощущением значимости настоятеля как главного лица в приходе¹¹⁸⁶.

На это обратили внимание уже современники, подвергшие проект (равно как и действующую инструкцию 1901 г.) обстоятельной критике. Один из авторов подчеркивал, что инструкция, потакая самости и самодурству настоятелей, только консервирует и углубляет, но никак не уничтожает «главный

---

¹¹⁸⁵ Там же. С. 105–107.

¹¹⁸⁶ Там же. С. 95–99.

корень» нестроений в многоштатных причтах – «взаимное озлобление священников» друг против друга¹¹⁸⁷. Кроме того, обращалось внимание, что буква и дух инструкции не соответствуют и реальному положению дел в таких приходах. Инструкция фактически вводила единоначалие настоятеля, тогда как большие приходы издавна делились на части: одна часть прихода тяготела к одному священнику и духовнику, другая часть – к другому. Это было закреплено почти официально, потому что именно так, частями члены прихода записывались и в исповедных росписях. Но упразднение такого деления при введении в соответствии с инструкцией единоначалия настоятеля, по мнению критика, разрывало бы сложившиеся духовные связи и только калечило бы приходы. А монополизация в руках настоятеля и других приходских дел повела бы только к приглушению инициативы других священников, и в перспективе – к затуханию, а не активизации приходской деятельности, как это и можно было наблюдать в некоторых приходах, примеры которых приводит автор¹¹⁸⁸.

Заметным контрастом на фоне проекта «Инструкции настоятелям» смотрелась одобренная отделом «Инструкция псаломщикам». При чтении этого документа нельзя отделаться от ощущения, что ее авторы со справедливой строгостью наставляют неразумного ребенка, или, во всяком случае, существо, стоящее на другой, низшей ступени развития. Псаломщика подробно инструктируют, как он должен относиться ко священнику и благочинному, когда приходить в церковь, как класть поклоны, как читать, петь, вообще стоять на клиросе и читать записки в алтаре. Его наставляют, во что он должен одеваться, как вести себя с прихожанами и на девицах каких качеств может жениться. Ни о какой деятельности псаломщика в приходе, тем более о проявлении им инициативы здесь не говорится. Разве что псаломщик «с ведома священника» может привлечь к пению и чтению на клиросе жела-

---

¹¹⁸⁷ *Рождественский А.К., свящ.* Один из больших вопросов приходской жизни: (По поводу новой инструкции настоятелям церквей) // Богословский вестник. 1907. Т. 3. № 9. С. 184 (2 пагин.).

¹¹⁸⁸ Там же. С. 172–193.

ющих прихожан, а «способному псаломщику» священник может поручить «произношение готовых поучений». В конце проекта делается оговорка, что эти правила обязательны и для диакона на псаломщической вакансии¹¹⁸⁹. При составлении этих двух инструкций члены отдела явно не могли абстрагироваться от своих сословных стереотипов, и они вольно или невольно проникали в документы Предсоборного присутствия.

Отдел составил проект документа, который должен был унифицировать правила раздела кружечных и других местных доходов между членами причта. Согласно этому проекту, при 2-членном причте доходы делились в пропорции 2:1, если причт состоял из священника и диакона, и 3:1 если из священника и псаломщика. При 3-членном (священник, диакон, псаломщик): половина – 3/10 – 2/10 соответственно. При 3-членном с диаконом на псаломщической вакансии: 55% – 25% – 20% соответственно. При 3-членном с двумя псаломщиками: 6/10 священник и по 2/10 псаломщики¹¹⁹⁰.

Отдел одобрил также «Правила для православных диаконисс», которые должны были состоять при приходах (в отличие от также проектировавшихся в этот период общин диаконисс) и помогать священнику в делах благотворительности, трудиться в приходских учреждениях по призрению бедных и больных, помогать при совершении богослужений¹¹⁹¹. Диакониссы (при их наличии) должны были, по мысли отдела, быть объединяющим центром и наставницами для приходских «кружков сестер», правила для которых также были составлены в отделе. Кружки сестер мыслились его членами как добровольные приходские женские объединения самой широкой христианской направленности. Кружки эти должны были открываться и закрываться по благословению епископа под руководством приходского священника. Их целью было углубление религиозной жизни их членов, воспитание в них деятельной христианской любви. В частности, «сестры» должны были навещать

---

¹¹⁸⁹ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 99–102.

¹¹⁹⁰ Там же. С. 104.

¹¹⁹¹ Там же. С. 102–104. Подробнее об обсуждении вопроса о диакониссах в Предсоборном присутствии см.: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 450–454.

больных в приходе, исправлять порочных, оказывать всякую духовную и материальную поддержку тем, кто в этом нуждался. Они должны были вести особенно благочестивую жизнь. В проекте правил была зафиксирована необходимость для «сестер» молиться утром и вечером, посещать богослужения каждое воскресенье, причащаться не менее двух раз в год (диаконалиссы, по составленным для них правилам, должны были причащаться не менее четырех раз в год). Кружки сестер рассматривались как подготовительная ступень для принятия звания диаконалиссы¹¹⁹².

Еще одним мирянским приходским объединением, правила для которого были составлены в отделе, были «миссионерские кружки братчиков». Это были добровольные мужские кружки, имевшие именно миссионерскую направленность. Они создавались под руководством священника, а о благословении епископа в данном случае упомянуто не было. В них могли входить грамотные прихожане, прошедшие своего рода приходские миссионерские курсы под руководством священника или специального миссионера, изучившие Священное Писание, «наставленные в истинах православной Церкви», обученные правилам противосектантской и противораскольнической полемики. Они должны были следить за появлением «в среде прихожан лжеучений» и сообщать об этом священнику, а также самостоятельно (но опять же с благословения священника) вести беседы с колеблющимися¹¹⁹³.

Итоги работы отдела в весеннюю сессию

Главным итогом работы отдела весной и летом 1906 г. стал проект «Нормального приходского устава». Напомним, что проект именовал приход «отдельной церковной общиной», имевшей свои территориальные пределы. Прихожанами считались все православные, проживающие на этой территории и записанные в приходскую книгу. Но правоспособными в приходских делах были только мужчины, достигшие 25-летнего возраста и женщины –

---

¹¹⁹² Журналы и протоколы... Т. 2. С. 108.

¹¹⁹³ Там же. С. 104–105.

главы семейств, а по имущественным вопросам – только те из этих категорий лиц, кто участвовал в приходском самообложении. Поэтому в приходе, по образцу финляндских православных приходов, должны были вестись два списка правоспособных прихожан: голосовой (список тех, кто имел право участвовать в приходском собрании по общим вопросам) и налоговый (список тех, кто подлежал приходскому обложению и имел право голосовать по имущественным вопросам).

Проект закреплял за прихожанами право ходатайствовать перед епископом о желательных кандидатах в члены приходского клира, правда только из числа уже одобренных епархиальной властью кандидатов, и предусматривал развернутую процедуру выдвижения такого ходатайства.

Имущество и финансы в приходе, согласно проекту, делились на три категории: церковные, причтовые и собственно приходские, и соответственно учреждались три юридических лица. Приход как юридическое лицо наделялся достаточно широкими имущественными правами, и ему предоставлялось право самообложения.

Проект – в развитие синодального постановления от 18 ноября 1905 г. – конституировал органы приходского управления в виде приходского собрания и приходского совета. Собрание именовалось главным распорядительным органом в приходе. В обоих органах председательствовал священник. Приходский совет считался исполнительным органом приходского собрания и формировался с большим – в пределах 2/3 – участием выборных прихожан. Только при отсутствии священника совет мог избрать для него временного заместителя-председателя не только из членов причта.

Староста становился членом приходского совета, хотя по-прежнему заведовал только церковным хозяйством (а не приходским, которым заведовал казначей или весь совет), но по проекту новой инструкции его связь с новыми органами приходского управления увеличивалась.

Проект предусматривал возможность кооперации соседних приходов для создания совместных просветительских и благотворительных учрежде-

ний, а также констатировал возможность создания различных мирянских объединений внутри прихода.

Проект предполагал дать органам приходского управления широкие полномочия в религиозно-просветительской и хозяйственной сферах, а также наделить их правом «братского суда».

Приходу планировалось дать больше самостоятельности в расходовании собственных средств (увеличивались суммы, которые можно было расходовать без разрешения епархиальной власти), а также – в перестройке храмов и часовен. Расширяя полномочия прихода в просветительской сфере, проект предлагал передать в его ведение церковно-приходские школы. Это, очевидно, насторожило духовное ведомство и было одной из причин недовольства в кругах обер-прокуратуры проектом Предсоборного присутствия (о чем мы скажем ниже).

Как видим, отдел и его проект устава предоставлял приходу значительную самостоятельность от епархиальной власти: предусматривалось только доведение до ее сведения принятых по большой категории вопросов решений органов приходского управления, без обязательной необходимости их утверждения, устанавливался значительный размер приходских сумм, которые приход мог тратить без разрешения епископа и т.п. Но в своих рассуждениях отдел, большинство его членов (за исключением разве что Н.А. Заозерского и А.А. Папкова) исходил из того, что приход – часть целого (епархии, всей Церкви), хотя и обладающая определенной самостоятельностью. В этом смысле между Проектом нормального устава Предсоборного присутствия и позднейшими синодальными проектами таких уставов не было качественной разницы.

Между тем проект, как и другие разработанные отделом документы несли в себе ряд внутренних противоречий. Так, проект наделял приходское собрание правами по религиозному воспитанию прихожан, в частности, предлагая ему изыскивать средства для «искоренения господствующих в приходе пороков» (§ 40). Однако ни процедура формирования собрания, ко-

торая – по проекту – давала право голоса всем совершеннолетним мужчинам прихода, ни условия приходской жизни того времени не гарантировали, что собрание будет религиозно выше самого прихода. А ведь только при этом условии оно могло бы быть воспитателем его членов. Оно не было бы ни религиозным ядром прихода, ни костяком избранных, религиозно воодушевленных прихожан. Из него исключались только «явно порочные» члены прихода, но никак не индифферентные. В этой ситуации высокие слова о религиозно-нравственной роли приходских собраний грозили остаться только декларацией, и, похоже, отдел даже не осознавал эту проблему. Кроме того, несмотря на то что приходский совет именовался в проекте исполнительным органом приходского собрания, в целом отдел проводил взгляд на приходский совет как на подсобное учреждение при священнике, как на его помощника и опору. В этом было противоречие между декларируемым статусом совета и его реальными полномочиями.

При этом центральный вопрос реформы прихода этого периода – о разграничении ролей в церковной жизни сельской и приходской общины, – по всей видимости, отделом даже не сознавался. На различные варианты его решения отдел наталкивался ощупью. Так, кружки братчиков и «сестер» явно могли оказаться религиозным ядром церковной общины, вокруг которого она могла бы начать свою консолидацию. Но отдел придавал им довольно ограниченное значение, отводя им роль полемистов с сектантами и инославными или предоставляя им работать с неимущими и немощными. Вовсе было не ясно, как эти кружки должны были соотноситься с приходским советом. Причем сам совет как орган приходского собрания (все еще тождественного сельскому сходу) также мог не стать религиозным ядром прихода, хотя ему и усваивались функции «религиозно-нравственного» воздействия.

Более того, право «братского суда», без каких-либо формальных ограничений предоставленное общине, фактически, узаконивало аналогичные функции крестьянского схода, что усиливало бы власть сельской общины в приходских делах. Тем самым, основные подходы к реформе прихода, разра-

ботанные IV отделом, и проект «Нормального устава» невольно передавали власть в сельском приходе крестьянской общине. В городском приходе ситуация, естественно, была бы иной. Но тогда получалось, что проектируемые отделом принципы приходской реформы могли работать так, как замыслил отдел, только в городских приходах (вспомним, что большинство членов отдела были городскими священниками), но эти-то приходы составляли в Российской Церкви меньшинство. Получалось, прав был Л.А. Тихомиров, говоривший позднее, что «Нормальный устав» не мог быть универсальным документом для всей Российской Церкви¹¹⁹⁴.

Помимо сказанного, мы видели, что отдел в своих проектах проводил и явно архаичные черты. Такой чертой следует признать предложение наделить епархиальное духовенство как сословную корпорацию правом юридического лица (см. в частности, 5-й мотивированный доклад отдела), что неизбежно способствовало бы консолидации духовного сословия в эпоху разложения сословного строя, когда сама сословность духовенства осознавалась многими как один из изъянов русской церковной жизни. Также надо оценить и взгляд отдела на порядок делопроизводства в благочинническом совете и в консистории, согласно которому общецерковные и сословные дела не разделялись, а решались в одних органах управления, что также придавало архаичный характер системе церковного управления внутри епархии. О сословных стереотипах, наложивших отпечаток на подготовленные отделом инструкции настоятелям и псаломщикам, мы говорили выше.

IV отдел во многом не осознавал той социальной реальности, которая порождала приходские и шире – церковные проблемы начала XX в., а потому и не мог предложить действительно эффективные пути их решения. Проект нормального приходского устава не прошел испытания практикой. Однако позволим себе сделать предположение: если бы этот проект стал действующим документом, значительное число его положений остались бы деклара-

---

¹¹⁹⁴ См. раздел «Критика Л.А. Тихомирова в адрес проекта нормального устава».

циями, а роль крестьянской общины в сельских приходах заметно бы возросла.

Закон о старообрядческих и сектантских общинах от 17 октября 1906 г.

Осенью 1906 г., когда члены Предсоборного присутствия еще были на каникулах, произошло событие, имевшее самое непосредственное отношение к дискуссиям вокруг приходской реформы. 17 октября увидел свет именной высочайший указ Сенату «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от Православия сектантов»¹¹⁹⁵, в публицистике часто называвшийся законом о старообрядческих приходах.

Согласно этому указу, общины старообрядцев и сектантов обретали права легального существования. Они регистрировались в специальном реестре в губернском правлении, для чего в правление подавалось заявление, подписанное не менее чем 50-ю лицами. Членами общины признавались те, кто подписали заявление о ее образовании, те, кто решили к ней присоединиться и были приняты на общем собрании, те, кто были записаны в книгу рождений общины. Общины могли избирать «духовных лиц, настоятелей или наставников» (ими могли быть лица старше 25 лет, не судимые и не пораженные в правах по суду); за соответствием кандидатов этим критериям следил губернатор, а избранные общиной духовные лица и наставники регистрировались в губернском правлении в специальном реестре. Общины имели право строить храмы, открывать благотворительные учреждения и школы, и вообще пользовались всеми правами юридических лиц за единственным ограничением: приобретение недвижимости стоимостью свыше 5000 руб. осуществлялось ими только по высочайшему соизволению. В общинах создавались органы управления: общее собрание, которое могло избрать совет

---

¹¹⁹⁵ ПСЗ(З). Т. 26. Отд. 1. 17 октября 1906 г. № 28424.

или доверить текущее управление делами духовному лицу или наставнику. В собрании были правомочны участвовать мужчины старше 25 лет. При этом собрание могло само повысить возраст своих членов до 30 лет и ввести в собрание женщин, или лишить кого-то из своих членов голоса. Об избранных должностных лицах общины собрание извещало губернатора. Важным нововведением было предоставление права руководителям общин вести записи о рождениях, браках и смертях, которым придавался статус актов гражданского состояния; соответствующие лица могли выдавать справки об этих записях¹¹⁹⁶. (Для сектантов, не признающих духовных лиц, записи велись городскими или волостными правлениями, т.е. государственной властью.) Указ 17 октября 1906 г. признавал широкую внутреннюю автономию староверческих объединений. Впрочем, как отмечали многие современники, речь здесь шла только о легализации, о признании государством давно существовавшего порядка самоуправления этих общин. Этим ситуация в старообрядческих общинах существенно отличалась от положения приходов господствующей Церкви.

Одновременно с указом о староверческих приходах был высочайше утвержден журнал Совета министров, в котором среди прочего по инициативе обер-прокурора П.П. Извольского поручалось самому обер-прокурору Святейшего Синода разработать и предложить на утверждение правительства «проект правил об организации православных приходов, а также приходских попечительств и братств», а в той части, в какой эти правила будут касаться области светских отношений, «представить их на законодательное разрешение»¹¹⁹⁷. Таким образом, подготовка и введение в действие приходского

---

¹¹⁹⁶ См. также: ПСЗ(3). Т. 26. Отд. 1. 17 октября 1906 г. № 28425.

¹¹⁹⁷ ПСЗ(3). Т. 26. Отд. 1. 17 октября 1906 г. № 28426. На заседании правительства П.П. Извольский, имевший предварительное совещание с членами Святейшего Синода, высказал озабоченность тем, что самоуправляющийся приход будет легализован у староверов раньше, чем у членов господствующей Церкви. Он обращал внимание членов кабинета на возможные негативные последствия этого акта, в частности, указывал на потенциальное недовольство духовенства и переход верующих в старообрядчество. Обер-прокурор предлагал *одновременно* с принятием положения о старообрядческом приходе расширить права прихода православного и пересмотреть положения о приходских попечительствах и братствах. Однако Совет министров не стал откладывать принятие закона о старообрядческих общинах, а предложил обер-прокурору разработать и

устава объявлялись делом первостепенной важности, которое должно было осуществиться в самое ближайшее время, а с другой стороны – согласно букве этого документа – принятие приходского устава не связывалось с созывом всероссийского церковного Собора. Идея о том, что реформа прихода должна предшествовать другим церковным преобразованиям и даже – созыву самого Собора, которая, как мы видели, обсуждалась в прессе уже весной 1905 г.¹¹⁹⁸, превращалась в официальный правительственный курс. Приходский вопрос как бы переставал быть одним из элементов более общих церковных преобразований. Для приходской реформы такой поворот событий имел далеко идущие последствия. С одной стороны, приходский вопрос теперь не зависел, так сказать, от «соборной конъюнктуры»: мы увидим, что работы по разработке приходского устава далее шли вне зависимости от того, ожидался ли созыв Собора в обозримом будущем, или откладывался. С другой стороны, выведение приходского вопроса из ряда других церковных преобразований, фактически, отдавало его в руки светской бюрократии. Теперь развитие этого вопроса более зависело от чиновников обер-прокуратуры или даже – аппарата Совета министров, чем от иерархии и от церковного общества. Такая ситуация в перспективе грозила обернуться тупиком или вылиться в конфликт с тем же обществом.

Пока же Предсоборное присутствие, возобновившее свою работу 2 ноября, должно было принимать во внимание принципиально новый законодательный и общественный контекст приходского вопроса. Дело в том, что, как следует из многочисленных выступлений и заявлений общественных организаций, в том числе поступавших в адрес Присутствия¹¹⁹⁹, общество восприняло закон от 17 октября как безусловный образец для реформы православного прихода. Представители как либеральных, так и правых сил считали, что теперь (справедливо, с точки зрения первых, и несправедливо, с точки

представить проект положения о приходе. См.: *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2(57). С. 25–26.

¹¹⁹⁸ *Преображенский И.В.* Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 3–6.

¹¹⁹⁹ См., например: Журналы и протоколы... Т. 4. С. 91 (2 пагин.).

зрения вторых) староверам и сектантам даны обширные права по устройению внутриобщинной жизни. И тех же прав общество требовало для православного прихода. А пока приход православный и старообрядческий не обладали равными правами, Православная, господствующая Церковь считалась униженной перед отделившимися от нее обществами.

Работа в IV отделе Предсоборного присутствия в ноябре и декабре 1906 г.

Первое заседание отдела в ходе новой сессии прошло 4 ноября. Теперь несколько расширился его состав. В работе отдела начала принимать участие группа мирян – юрист В.П. Шеин, в 1920 г. принявший монашество и расстрелянный в 1922 г. вместе с митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), известные публицисты Н.П. Аксаков и Л.А. Тихомиров, присяжный поверенный (адвокат) Н.Д. Кузнецов, дипломат П.Б. Мансуров. Закон о старообрядческих приходах стал постоянным фоном обсуждения приходского вопроса в отделе в осенне-зимнюю сессию. О нем вспоминали или сами члены отдела, или представители общественности, обращавшиеся к отделу или в целом – к Присутствию со своими заявлениями, причем речь всегда шла о сопоставлении узаконенного строя жизни староверческих и сектантских общин со строем жизни православного прихода. В результате отделу пришлось дать оценку указу 17 октября 1906 г. с точки зрения возможности применения его основных положений к православному приходу (об этом – ниже).

Уже на первом заседании этой сессии отдел обсуждал вопрос о том, как ускорить реформу прихода в условиях введения широкой веротерпимости, когда «Православная Церковь с каждым днем теряет своих членов» (А.А. Папков). Причем, говоря о введении веротерпимости, члены отдела имели в виду не только собственно манифест о веротерпимости 17 апреля 1905 г., но и закон о старообрядческих и сектантских общинах, и разрабатывавшийся аналогичный закон о сектантских общинах, «отпавших от инославных испо-

веданий». Члены отдела были убеждены, что реформа прихода, введение в действие разработанного приходского устава произведет «успокаивающее и отрезвляющее» действие на церковную и общественную жизнь (Н.П. Аксаков), и потому высказали мысль о введении устава в действие до созыва Собора. Причем, по всей видимости, эта идея родилась в IV отделе вне связи с упоминавшимся выше положением Совета министров, о нем ни разу не вспомнили в ходе обсуждения этого предложения. Сторонники введения приходского устава в действие до Собора (Н.П. Аксаков, А.А. Папков) считали, что он может быть введен в виде временных правил, как разъяснение и дополнение к синодальному определению от 18 ноября 1905 г., и что это позволит на Соборе скорректировать устав в свете приходской практики.

Примечательно, что именно в ходе этого обсуждения А.А. Папковым начала развиваться мысль, уже прозвучавшая в журнале Совета министров, о возможности разделения устава на две части: на собственно церковную и на затрагивающую гражданское законодательство. Первую предлагалось ввести в действие указом Синода, без всякого обсуждения в законодательных органах власти. Тогда как вторая, естественно, должна была пройти через Государственные думу и совет. Эту идею о разделении устава впоследствии возьмет на вооружение обер-прокуратура, чтобы не допустить обсуждения приходского устава в законодательных палатах. В ходе обмена мнениями практически все члены отдела поддержали идею скорейшего введения устава в жизнь до Собора, но не выработали единого взгляда на то, каким порядком устав может быть введен в действие¹²⁰⁰. Обсуждение этого вопроса было отложено до последних заседаний отдела, когда предполагалось окончательно сформулировать его предложения, выносимые на общее собрание Предсоборного присутствия. Однако к этому вопросу отдел уже не вернулся. По всей видимости, предложение о немедленном введении устава было забыто в ходе более поздних дискуссий.

---

¹²⁰⁰ Там же. С. 1–6 (2 пагин.).

Затем по предложению председателя отдела епископа Стефана отдел принял решение (несмотря на возражения ряда его членов) рассмотреть протокол постановлений епархиального собрания Могилевской епархии, которое обсудило проект нормального устава и сделало предложения об изменении ряда его статей. Члены отдела, поддержавшие предложение председателя, исходили из того, что могилевское собрание осуществило своего рода первую апробацию текста устава, и эту апробацию провели практики, люди, «стоящие вблизи самой жизни».

При этом далеко не все предложения могилевского духовенства были приняты отделом. Но и те, что были отклонены, вызывали порой оживленные дискуссии с новыми участниками и иногда новыми аргументами. Поэтому мы кратко остановимся на основных узлах этих дискуссий. Так, уже на втором заседании отдела «весьма оживленные прения» вызвало предложение Могилевского собрания обязать епископа давать мотивированный ответ прихожанам в случае отклонения им того кандидата в священники, о котором они просили. Сторонники новой редакции (В.П. Шеин, А.А. Папков, Н.Д. Кузнецов) указывали на необходимость надежнее обеспечить право прихожан на реализацию своего обоснованного желания «оказывать влияние на выбор себе клира», поскольку только предоставление народу «достаточно активного участия» в приходских делах «может внести оживление в приходскую жизнь и способствовать возрождению прихода». Противники (исключительно представители белого духовенства) настаивали на том, что епископа нельзя ограничивать в его действиях, что прихожане «по своей малоразвитости и наивности» не готовы к ответственному решению этого вопроса, что выборность приведет в клир людей необразованных и не соответствующих «нравственному цензу». Последний, многократно повторявшийся аргумент был явным передергиванием, поскольку, согласно проекту устава, прихожане могли просить только о лицах, одобренных епархиальной властью, а значит, соответствующих и образовательному, и нравственному цензам. Представители этой группы диспутантов (в частности, протоиерей П.И. Соколов) в сво-

их речах постоянно подменяли предмет обсуждения: они говорили не о праве ходатайства, а о праве свободного выбора клириков, который, по их мнению, неминуемо повлек бы катастрофическое разрушение всего строя церковной жизни империи. Осуществляя такую подмену, они стремились дискредитировать любые попытки расширить права прихожан в назначении членов приходского причта. В результате обсуждения 10-ю голосами против 6-ти отдел принял предложение Могилевского собрания в несколько смягченном варианте: в случае отказа епископу теперь предлагалось давать ответ прихожанам «по возможности, с объяснением причин такого отказа». Также отдел поддержал Могилевское собрание, предлагавшее дать прихожанам право высказывать несогласие в случае административного («по воле епископа») перевода клирика в другой приход. По новой редакции, епископ должен был обсудить это желание прихожан в проектируемом пресвитерском совете и затем уже принять окончательное решение¹²⁰¹.

Не менее горячее обсуждение вызвало предложение Могилевского собрания внести в проект устава указание, что приходское духовенство должно обеспечиваться за счет государства. Противники этого предложения (в основном миряне, но и протоиерей Тимофей Буткевич) считали, что при полностью казенном обеспечении духовенство превратится в чиновников и окончательно отдалится от паствы, но также – попадет в недолжную зависимость от государства, от позиции светской бюрократии. Протоиерей Т. Буткевич апеллировал при этом к мнению митрополита Московского Филарета (Дроздова), настороженно относившегося к идее казенного жалования. Однако горячим апологетом этой идеи оказался преосвященный председатель отдела. Епископ Стефан считал, что государство обязано заботиться о содержании духовенства, поскольку последнее обеспечивает удовлетворение религиозных потребностей его подданных. Проблема же зависимости духовенства от государства надумана, поскольку никто не говорит о зависимости от государства «доблестного воина» или «честного судьи»: первый защищает Оте-

---

¹²⁰¹ Там же. С. 9–15 (2 пагин.).

чество, второй отправляет правосудие, так и духовенство будет неукоснительно исполнять свой долг, рассуждал преосвященный Могилевский. Его поддержал Н.А. Заозерский, считавший, что «для религиозности не так страшна зависимость <духовенства> от государства, как от прихожан».

Противники казенного жалования напомнили членам отдела идею Д.Ф. Самарина (хотя и не упомянув о нем), согласно которой государство могло бы принять на себя содержание духовных учебных заведений, а высвободившиеся приходские средства пошли бы на обеспечение духовенства. Некоторые, хотя и не многие, говорили о возможности в будущем полного отделения Церкви от государства и о неудобстве в этом случае обеспечения клириков из казны. Часть священников считала, что поднятие народной религиозности – лучший способ обеспечить духовенство достойным содержанием. А для этого оно само должно было лучше исполнять свои пастырские обязанности. Также как альтернатива казенному жалованию прозвучала идея епархиальных финансовых фондов, которые могли бы аккумулировать средства для выплаты жалования духовенству. В связи с этим епископ Стефан обратил внимание на беспечность в этом отношении самого духовенства. В ряде епархий (например, в Харьковской), по его словам, свечные епархиальные заводы имели миллионные прибыли, но духовенство не позаботилось создать хотя бы из части этих средств зарплатные фонды. Очевидно, оно было уверено в постоянном поступлении средств на его нужды из приходской казны.

В результате отдел решил, что формулировка проекта нормального устава, где говорилось об обеспечении клириков от прихода, должна быть не заменена, а дополнена примечанием, которое констатировало бы, что в обеспечении причтов участвует и государство «в интересах верующего православного народа и в виду особого исторического положения Православной Церкви в России». Отдел также решил сопроводить соответствующий пункт устава еще одним примечанием с напоминанием, что обеспечение духовенства от прихода и от казны «не исключает возможности добровольных дая-

ний за совершаемые требы». Так были сняты опасения духовенства в том, что первоначальная формулировка проекта об обеспечении клириков за счет прихода, заставит прихожан думать, что все требы теперь должны совершаться священниками бесплатно¹²⁰².

Продолжительная дискуссия развернулась в отделе вокруг предложения предоставить мирянину право председательствовать на приходском собрании при решении на нем хозяйственных вопросов. К нему примыкал вопрос о праве апелляции на решения приходского собрания: может ли быть у священника такое право, даже если он не председательствовал на соответствующем собрании, и какова должна быть процедура такой апелляции – тождественная той, что принята для апелляций мирян, или нет. В обоих случаях речь шла, в конечном счете, об авторитете священника в приходском собрании и в целом – в приходском самоуправлении. Причем духовенство отдела, исходя из общей идеи о необходимости поднять авторитет священника, высказывалось как за возможность для мирянина председательствовать в собрании, так и против этого. Сторонники этой идеи полагали, что священник может занять позицию некоторого отстранения от хозяйственных вопросов, и это только усилит его авторитет. Впрочем, аргументы за допущение мирян к руководству собраниями носили в основном практический характер: обсуждалась возможность внезапной болезни священника при созванном собрании в несколько сотен человек, которых было бы неудобно распускать по домам. Отдел выработал компромиссную формулировку, согласно которой председательствовать в собрании мог «и мирянин», избранный приходом с согласия настоятеля. Право апелляции на решения собрания сохранялось за председателем собрания и за прихожанами (священник, очевидно, считался председателем собрания, даже если в действительности собрание вел его помощ-

---

¹²⁰² Там же. С. 15–42 (2 пагин.).

ник¹²⁰³). Конечной инстанцией для этой апелляции считалось благочинническое собрание¹²⁰⁴.

Предложение Могилевского собрания об обязательной приписке каждого православного к какому-либо приходу вызвало в отделе дискуссию, которая еще раз высветила кризис *территориальности* русского прихода. Члены отдела указывали на существование православных, вовсе не приписанных к приходам, прежде всего в крупных городах, и не считали возможным принуждать их к приписке. Отдел отверг предложение могилевцев, не предложив вместе с тем какого-либо решения назревавшей проблемы¹²⁰⁵. Русский приход в начале XX в., особенно в крупных городах, явно перерастал свою территориальность. Этот принцип не соответствовал условиям времени: с продолжением урбанизации и ростом мобильности населения территориальность приходила во все более глубокое противоречие с потребностями прихожан, с их реальной жизнью. Но единственной альтернативой территориальному приходу был приход добровольный. (К этому выводу постепенно подходили приходские деятели на местах.) Но превращение прихода в добровольный союз означало бы снятие с него обязанностей по ведению актов гражданского состояния и освобождение его от других экстрарелигиозных функций, в конечном счете, потребовало бы признания возможности внеконфессионального состояния подданных империи. Государство с большим трудом шло к принятию этого решения и до 1917 г. так и не сделало решающего шага¹²⁰⁶. Еще менее к признанию этого обстоятельства были готовы члены IV отдела. Сталкиваясь с очевидным кризисом территориальности, они не находили решения этой проблемы.

---

¹²⁰³ Так можно понять комментарий епископа Стефана к соответствующему параграфу проекта в общем собрании Присутствия: Журналы и протоколы... Т. 3. С. 283 (1 пагин.).

¹²⁰⁴ Журналы и протоколы... Т. 4. С. 60–72 (2 пагин.).

¹²⁰⁵ Там же. С. 45–46 (2 пагин.).

¹²⁰⁶ Ореханов Георгий, *свящ.* Вероисповедная политика П.А. Столыпина и Поместный собор РПЦ 1917–1918 гг. // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 10–12; *Верт П.* Православие, инославие, иноверие.

Более того, отдел шел по пути все большего расширения экстрарелигиозных прав прихода. Мы помним, что уже в своем первоначальном виде проект нормального устава предлагал приходу заботиться о росте экономического благосостояния территории. Теперь отдел, по предложению Могилевского собрания, постановил дать приходу право регулировать на своей территории торговлю водкой (допускать или не допускать ее) и время всей другой торговли в праздничные дни¹²⁰⁷. В этом же направлении шла в отделе и конкретизация понятия «братского суда» применительно к таковым полномочиям приходского совета. «Братский суд» приходского собрания по-прежнему рассматривался как неформальный инструмент нравственного воздействия, а в отношении приходского совета выражение «суд совести» было заменено на выражение «третейский суд»: совет мог теперь разбирать тяжбы и споры на правах третейского суда. Это была существенная разница. Третейский суд предполагал следование процессуальным и другим правовым нормам, мог начаться только при обращении сторон, его решения были обязательны для коронной администрации. Приходский совет получал возможность стать формальным органом судебной власти для явно светских дел. Это было еще одно расширение экстрарелигиозных полномочий прихода¹²⁰⁸.

На своих осенне-зимних заседаниях отдел вернулся к вопросу о просветительской деятельности прихода. В частности, было решено, что катехизаторские курсы для 16–17-летних прихожан, запланированные отделом, должны заканчиваться особым церковным торжеством по образцу аналогичных мероприятий в финляндских православных приходах, на котором те, кто прошел эти курсы, во всеуслышание читали бы Символ веры во время литургии¹²⁰⁹. Снова дискутировался и вопрос о школе в приходе, о степени участия прихода в наблюдении за преподаванием в ней. Отдел подтвердил свою идею о необходимости установления патроната прихода (в лице приходского сове-

---

¹²⁰⁷ Журналы и протоколы... Т. 4. С. 51–52 (2 пагин.).

¹²⁰⁸ Там же. С. 74–75 (2 пагин.).

¹²⁰⁹ Там же. С. 47–49 (2 пагин.).

та) над школами всех ведомств, находящихся на его территории¹²¹⁰. Отдел принял несколько предложений Могилевского собрания, упрощающих приходское делопроизводство. В проекте устава теперь были зафиксированы положения о невзимании платы за переходные свидетельства, о сокращении приходской отчетности и о возможности совершать венчание без предварительных оглашений, если оба вступающих в брак хорошо известны приходу¹²¹¹. Была несколько изменена процедура созыва приходских собраний. Прихожанам давалась дополнительная возможность созвать собрание в случае отсутствия кворума. При отсутствии кворума на первом собрании второе собрание считалось теперь законным при половинном кворуме, и только третье – при любом количестве участников¹²¹². Ранее последнее правило применялось уже ко второму собранию.

В конце своих занятий отдел обсудил направленные ему через председателя Присутствия записки о диакониссах настоятельницы Леснинского монастыря Холмской епархии игумении Екатерины и епископа Холмского Евлогия (Георгиевского) на предмет согласования соображений игумении Екатерины и епископа Евлогия со своим проектом о диакониссах. Отдел нашел, что его и леснинский проекты имеют существенные отличия. Отдел проектировал создание института диаконисс с опорой на местные, приходские силы. Это, по его мнению, было легче осуществить и снимало бы большинство сомнений, высказанных в адрес этого института, а главное – такие диакониссы обладали бы большим нравственным воздействием на прихожан. В силу этого отдел оставил свои проекты о диакониссах и о кружке сестер без изменений¹²¹³.

Результатом работы отдела стала новая редакция 19-ти параграфов проекта нормального устава, а также общие положения о реформе прихода, которые предстояло предложить вниманию общего собрания Присутствия. Эти

---

¹²¹⁰ Там же. С. 53–58 (2 пагин.).

¹²¹¹ Там же. С. 46–47 (2 пагин.).

¹²¹² Там же. С. 59–60 (2 пагин.).

¹²¹³ Там же. С. 83–86 (2 пагин.).

положения резюмировали как содержание нормального устава, так и идеи, выработанные в отделе в ходе дискуссий. Начальный тезис общих положений звучал таким образом:

В целях церковного оживления православного прихода и повышения нравственного уровня его членов необходимо поднять в приходе пастырско-учительское делание и усилить активное участие прихожан в религиозно-нравственной и хозяйственной жизни прихода, предоставив приходской общине возможные с точки зрения Православной Церкви права и средства и к церковно-приходскому самоуправлению и самодеятельности¹²¹⁴.

Далее приход предлагалось «выделить в особую церковную единицу» с правами юридического лица, находящуюся в зависимости от епископа. Констатировалось наличие в приходе трех категорий собственности, обязательность общецерковных отчислений из храмовых сумм, и оговаривались пределы свободного распоряжения церковными суммами. За прихожанами предлагалось закрепить право ходатайства о кандидатах в члены причты; обозначались органы приходского управления: распорядительный – собрание и исполнительный – совет; описывались состав собрания и совета и их полномочия.

Для «возвышения нравственно-просветительного воздействия духовенства на паству» отдел рекомендовал сократить приходское письмоводство, отменить цензуру проповедей с поручением наблюдения за проповедничеством специальному проповеднику-руководителю в рамках благочиннического округа, расширить права пастыря, в частности, разрешить отлучать от причастия без сношения с епископом, а также разрешить совершать литургию вне храмов по благословению епископа. В этой же связи отдел считал необходимым повысить образовательный ценз для диаконов, учредить чин приходских диаконисс и упорядочить переводы священников в соответствии с решениями отдела. Кроме того, оговаривалась необходимость назначения

---

¹²¹⁴ Там же. С. 89 (2 пагин.).

казенного жалования духовенству, о чем высшей церковной власти предлагалось ходатайствовать перед государственной¹²¹⁵.

Обсуждение закона от 17 октября 1906 г. Первый доклад Н.Д. Кузнецова

На одном из заседаний IV отделу Присутствия пришлось прямо обратиться к обсуждению закона от 17 октября. Поводом для этого стало заявление право-монархической организации «Казанский отдел Русского собрания»¹²¹⁶ на имя обер-прокурора Святейшего Синода от 2 ноября 1906 г., перенаправленное обер-прокурором председателю Присутствия, а от него – в IV отдел. Собрание просило обратить внимание на то «поразительное» обстоятельство, что старообрядческие общины имеют больше гражданских прав, чем православный приход, и требовало «немедленно сравнять в правах церковно-приходские советы господствующей Церкви с инославными общинами». IV отдел поручил Н.Д. Кузнецову рассмотреть этот закон на предмет применимости его положений к православному приходу и сделать об этом сообщение.

Доклад был заслушан в отделе 7 и 9 декабря. Выводы юриста кардинально расходились с общественной оценкой закона от 17 октября. Н.Д. Кузнецов считал, что этим законом правительство не просто развивает провозглашенный 17 апреля 1905 г. принцип свободы совести, но прямо покровительствует сектантам и всем, кто пожелает объявить себя главой религиозной группы даже во имя корыстных интересов, например, с целью уклонения от воинской повинности, поскольку, согласно закону, наставники общин освобождены от нее. Поскольку в законе не указаны признаки религиозной общины, губернские правления, считал докладчик, будут регистрировать любую группу, кроме разве что представителей изуверских учений, которые наказуемы в уголовном порядке. Закон, продолжал Н.Д. Кузнецов, создает

---

¹²¹⁵ Там же. С. 89–90 (2 пагин.).

¹²¹⁶ Как раз в этот период членом совета – руководящего органа этой организации – был известный историк русского приходского духовенства П.В. Знаменский.

условия и для «разложения» Православной Церкви, т.к. любой недовольный или запрещенный священник может основать свою «православную» группу в 50 человек. При этом, по мнению докладчика, правила, установленные в законе, не переносимы на православный приход, прежде всего потому что старообрядческие и сектантские общины рассматриваются в законе как созданные людьми корпорации, но не как централизованные и «учрежденные», т.е. основанные кем-то институты, а Православная Церковь как раз является таким институтом. Здесь Н.Д. Кузнецов, очевидно, пытался указать на свойственный Православной Церкви иерархизм, хотя и прибег к иным формулировкам.

Все члены отдела согласились с пафосом и выводами доклада. Закон 17 октября был единодушно прочитан ими как акт, покровительствующий сектантам. Они выражали озабоченность бесконтрольностью деятельности этих общин. Многие члены отдела высказывались о необходимости пересмотра закона или его отмены, говорили о его безусловной вредности. Только священник А.П. Рождественский трезво обратил внимание членов отдела на то, что теперь «жить придется в новых условиях», созданных законом 17 октября, когда появятся близкие к Православию секты, и туда будут уходить недовольные, в т.ч. священники, и сделал пронизательный вывод:

При выработке приходского устава IV Отдел шел навстречу пожеланиям общества; теперь в виду новых условий следует еще далее идти в этом направлении и расширить права мирян в приходской жизни. Все равно, так или иначе, они эти права возьмут; если мы в них откажем, рядом с православным приходом будут появляться секты в 50 человек со своим приходским уставом¹²¹⁷.

Поэтому, по его мнению, надо было «применить свой приходский устав» к новому положению дел. Ему вторил Н.П. Аксаков, который говорил, что для Церкви в новом законе самое важное то, что «теперь уже нельзя удержать в православии против воли», но это для нее не катастрофа. Казалось бы, понимание этого вело к необходимости усилить в приходе добро-

---

¹²¹⁷ Журналы и протоколы... Т. 4. С. 100 (2 пагин.).

вольное, а не принудительное территориальное начало. Но члены отдела не сделали этот вывод и как будто не услышали призыв священника А.П. Рождественского посмотреть на проект нормального устава с точки зрения новых условий. Такого обсуждения не последовало. Заключение IV отдела, принятое почти единогласно и позднее представленное общему собранию, было сделано в духе доклада Н.Д. Кузнецова и, в частности говорило, что закон 17 октября «не может служить примером» в деле преобразования прихода и может только «способствовать разложению церковной жизни»¹²¹⁸.

Второй доклад Н.Д. Кузнецова о приходе

На заседаниях 7–9 декабря Н.Д. Кузнецов попросил отдел о разрешении представить ему свои соображения о приходе, ссылаясь на то, что не мог принимать участия в работах IV отдела в весеннюю сессию, поскольку был загружен работой в отделе о высшем церковном управлении. Отдел разрешил ему это сделать, и Н.Д. Кузнецов представил свой доклад, который был общен к журналу отдела, но специальным образом не рассматривался¹²¹⁹. Между тем это был очень примечательный документ, который, появившись он ранее, возможно, изменил бы ход дискуссий по приходскому вопросу.

Н.Д. Кузнецов акцентировал одновременное существование в Церкви двух начал. В своей юридической терминологии он называл их началами «институтным» и «корпоративным», или общественным. Церковь предстает перед нами как институт, когда мы понимаем ее как «учреждение», то есть как то, что было «учреждено», основано на земле Спасителем. Носителем этого начала в Церкви является иерархия. Фактически, здесь Н.Д. Кузнецов ведет речь (и порой прямо об этом говорит) о *иерархическом* принципе как неременной характеристике Православной Церкви. «Корпоративное», общественное начало в Церкви, или «церковно-общественный элемент», как часто называет его автор доклада, предстает перед нами в тот момент, когда

---

¹²¹⁸ Там же. С. 91–102 (2 пагин.).

¹²¹⁹ Там же. С. 117–156 (2 пагин.).

мы рассматриваем церковный организм как совокупность более или менее самостоятельных *общин*, самоуправляющихся корпораций. Н.Д. Кузнецов видит Церковь только в единстве этих двух начал, оба эти начала, по его выражению, «лежат в природе Церкви».

Это единство принципиально важно, подчеркивал докладчик. Оно несет на себе отпечаток сущностного для Церкви религиозного процесса – встречи Бога и человека. Вообще Н.Д. Кузнецов в своем докладе поразительно ярко и, пожалуй, как никто из тогдашних публицистов подчеркивал тот факт, что основанием приходской жизни, а значит, и ее реформы может быть только живая вера в божественную личность Христа Спасителя¹²²⁰. Вера во Христа предполагает активный ответ человека на Его призыв. Н.Д. Кузнецов комментирует известное место Евангелия от Матфея (16:15–18), где Спаситель произносит слова «созижду Церковь Мою», которые тогдашние канонисты и правоведы расценивали как формулу, «учреждающую» Церковь. Докладчик обращает внимание, что, прежде чем были сказаны эти слова Христа, прозвучало исповедание Петра, раскрывшее веру апостола и других учеников в Иисуса из Назарета как в Мессию. Это исповедание – писал Н.Д. Кузнецов – представляет собой реакцию, ответ человека на призыв Бога. Как в Церкви происходит взаимодействие Бога и человека, их движение навстречу друг другу, синергия, как сказали бы современные богословы, так и общественное и «институтное», иерархическое начала, развивает свою мысль докладчик, в Церкви идут навстречу друг другу и не могут существовать одно без другого. Отсюда он делает напрашивающийся вывод о том, что в Церкви должно существовать *равновесие* этих двух начал, баланс иерархического и общинного принципов¹²²¹.

---

¹²²⁰ Там же. С. 117–118, 121 (2 пагин.). Интересно, что в связи с этим он говорил, ссылаясь на правила древних соборов, о «возможно частом приобщении Св<ятых> Тайн или по крайней мере участии за литургией» (Там же. С. 121–123 (2 пагин.)) и считал крайне неудачным соединение с причащением понятия «христианского долга»: «Употреблять здесь понятие долга так же странно, как если бы мы стали обращать внимание, что есть и пить составляет обязанность человека, а не его насущную потребность». – Там же. С. 122 (2 пагин.).

¹²²¹ Там же. С. 127–128 (2 пагин.).

Далее Н.Д. Кузнецов разворачивает панораму взаимодействия «институтного» и общественного начал в истории Церкви. Он признает, что эти начала далеко не всегда существовали в равновесии, напротив, церковная история может быть представлена как история преобладания одного начала над другим. Если в первые три века христианской истории они находились, по мнению Н.Д. Кузнецова, в равновесии, с некоторым преобладанием «церковно-общественного» начала, то в византийский период наблюдался явный перевес начала «институтного». Для Н.Д. Кузнецова причина этого перевеса – во влиянии государства, которому было удобно рассматривать епископов и вообще духовенство как должностных лиц и соответственно усиливать иерархическое начало. Кроме того, по мнению докладчика, давали себя знать перенос старого языческого законодательства на христианскую Церковь, а также – роль императора в управлении Церковью, который как бы «воплощал в себе» народ, его подданных¹²²². В этой ситуации «общественный элемент» в Церкви минимизировался, сложилось представление, что «обыкновенные люди могут лишь прибегать к этому институту, но не составляют его также и сами»¹²²³.

Затем Н.Д. Кузнецов обращается к обзору российской церковной истории. Характерно, что он вовсе не идеализирует древнерусский приход. Он отмечает огромное количество экстрарелигиозных функций средневекового прихода, что совсем не приводит его в восторг (как, например, А.А. Папкова). Докладчик скорее склонен видеть в этом непроявленность «церковно-общественного» начала в древнерусском приходе, слияние его с «земским» началом. Впоследствии, особенно в XIX в. происходит полное подавление «церковно-общественного» начала началом «институтным», Церковь полностью отождествляется с учреждением. Прихожане могут теперь действовать в приходе «не в качестве живых членов, составляющих собой часть самого прихода, а лишь как люди, приставленные к данному учреждению»¹²²⁴. При-

---

¹²²² Там же. С. 129–133 (2 пагин.).

¹²²³ Там же. С. 131 (2 пагин.).

¹²²⁴ Там же. С. 137 (2 пагин.).

чем – он отмечает это – «институтное» начало приобретает «клерикально-бюрократические», чуждые Церкви формы. Кроме того, он очень точно подмечает утилитаризм имперского государства, поставившего приходы на службу «нуждам, которые обязано было удовлетворять само государство»¹²²⁵.

При этом он не спорит с И.С. Бердниковым и его единомышленниками, утверждавшими (как мы увидим далее), что основной «ячейкой» церковной жизни может быть только епископия. Н.Д. Кузнецов согласен с этим утверждением, но в отличие от них, он обращает внимание на то, что современные ему отношения епископа и прихода носят сплошь бюрократический характер. Поэтому, точно замечает докладчик, вопрос об отношениях прихода с епископом – это вопрос о новом епархиальном строе (так на это смотрел и IV отдел Присутствия). Приход должен встать в возможно близкие отношения к епископу и иметь возможность заявлять о себе в органах епархиального управления, и обратно – без участия мирян в епархиальном управлении невозможно будет по-новому организовать и сам приход¹²²⁶.

Главная задача приходских преобразований – разбудить «церковно-общественное» начало, но при этом очень важно найти баланс между ним и иерархическим принципом, чтобы обе стороны «природы Церкви» пребывали в гармонии.

Проект организации прихода должен основываться на сочетании начала институтного с корпоративным. Приход должен иметь не только церковно-административное, но и церковно-общественное значение. Его необходимо рассматривать и в качестве церковного общества, т.е. большего или меньшего числа мирян, объединенных с причтом и епископом¹²²⁷.

Поэтому Н.Д. Кузнецов, в частности, выступает против разделения имущества в приходе на разные категории. Он чутко уловил тенденцию (которая найдет себе наиболее последовательное отражение в проекте И.С.

---

¹²²⁵ Там же. С. 138 (2 пагин.).

¹²²⁶ Там же. С. 120–121, 127 (2 пагин.).

¹²²⁷ Там же. С. 148 (2 пагин.).

Бердникова), что это приведет к различным порядкам управления этим имуществом, т.е. будет не объединять «институтное» и «общественное» начала, а создавать новые формы их разделения¹²²⁸.

Генезис идей Н.Д. Кузнецова достаточно прозрачен. Он, конечно, опирался на наследие в приходском вопросе старших славянофилов и авторов, развивавших эти идеи (того же А.А. Папкова), т.е. на то направление русской мысли, которое рассматривало приход как часть общественной сферы. Он много и вдумчиво цитирует и пересказывает Д.Ф. Самарина, И.С. Аксакова, Н.П. Гилярова-Платонова, с симпатией отзывается о трудах А.А. Папкова, хотя и говорит, что не во всем согласен с ним. Однако он критически переосмыслил это наследие и пошел дальше своих предшественников. Он осознал, что иерархический принцип церковной жизни, который – прямо скажем – в работах славянофилов и А.А. Папкова оставался в тени, должен быть в полной мере учтен при разработке концепции православного прихода. Он попытался опереться на ядро православной веры – личность Христа Спасителя и отсюда строить свои дальнейшие рассуждения. Н.Д. Кузнецов первый поставил вопрос о синтезе, синергии иерархического и общинного начал применительно к приходу. В этом состояло его новаторство, а его позиция открывала возможности для диалога и компромисса двух течений церковной мысли в вопросе о приходе, четко обозначившихся – как мы увидим – в заседаниях общего собрания Предсоборного присутствия. Однако его доклад увидел свет только в следующем году в «Церковных ведомостях» (№ 15) и в IV томе «Журналов и протоколов» Присутствия. Его призыв к синтезу остался практически не услышанным большинством коллег и не оказал какого-либо влияния как на обсуждение приходского вопроса в самом Присутствии, так и на ход дальнейших дискуссий.

---

¹²²⁸ Там же. С. 150–152 (2 пагин.).

Вопрос о природе церковного имущества. Третий доклад Н.Д. Кузнецова

13 декабря отдел должен был посвятить свое заседание новому рассмотрению вопроса о церковном имуществе, причем теперь – не только применительно к приходу, но и в более широком, общецерковном плане. Это было исполнением поручения общего собрания Присутствия, которое просило отдел разработать принципиальные основания для защиты имущественных интересов Православной церкви. Поводом для такого поручения стали планы I и II Государственных дум по решению аграрного вопроса в России путем изъятия в казну земельных имуществ, в том числе церковных. Докладчиком по этому вопросу стал Н.Д. Кузнецов, который прочел обширный реферат «по вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России»¹²²⁹. По своему пафосу это была апология церковной собственности. Докладчик доказывал, что поскольку Церковь существует в этом мире, для нее естественно пользоваться различными «материальными средствами», в том числе – владеть имуществом. В соответствии со своим названием доклад распадался на две неравные части: о природе церковного имущества и об отношении российского государства к церковному имуществу в истории.

Первая часть доклада была посвящена уяснению природы церковных имуществ на основании византийского законодательства и церковного права. Здесь Н.Д. Кузнецов специально остановился на вопросе о том, кто является собственником церковного имущества и как понимать выражение 38-го Апостольского правила, что этим собственником является Бог. Докладчик считал, что это выражение нужно понимать не «в правовом смысле», буквальное его прочтение было бы «наивным богохульством», а в смысле *целей*, на которые употребляется это имущество: оно должно служить угодным Богу целям. Именно поэтому, объяснял Н.Д. Кузнецов, каноны налагают ограничения на распорядителей церковного имущества, в частности, оно не может быть при-

---

¹²²⁹ Там же. С. 1–70 (6 пагин.).

своено епископом (или его родственниками) и использоваться им в личных целях, за исключением удовлетворения самых необходимых жизненных потребностей¹²³⁰. На основании обзора канонических постановлений докладчик выделяет характерные черты церковных имуществ: служение церковным целям, употребление в согласии с этими целями, невозможность обращать на другое назначение, неотчуждаемость. Последняя характеристика церковных имуществ вытекала из самых задач Церкви: цели ее непрерывны и постоянны¹²³¹. Исходя из взгляда на церковное имущество как на подчиненное определенному роду целей (главные из них: содержание мест богослужения, содержание духовенства, благотворительность), Н.Д. Кузнецов в этом и других своих выступлениях делал выводы о правильной конфигурации церковных имуществ в приходе. В частности, он отстаивал их единство в рамках прихода; распорядителем их считал всю общину, в единстве клира и мирян; как и многие его современники, подчеркивал недопустимость использования их на чисто сословные, а не на общецерковные цели.

В ходе доклада в отделе развернулась дискуссия о главном субъекте имущественного права в церкви. Н.А. Заозерский считал, что идея о принадлежности церковного имущества непосредственно Богу – языческий инфильтрат в христианское учение. На деле, утверждал профессор, верховный субъект церковного имущества – нищие (поскольку «церковное богатство – нищих богатство»), а его распорядитель – церковная община. Из этого взгляда следовал тот вывод, что епископ не пользуется неограниченным правом распоряжения церковным имуществом, а равным образом – не ответственен за все операции с ним. Н.А. Заозерский считал, что синодальное законодательство и практика проводят неверную идею абсолютной ответственности епископа за имущественные операции с церковной собственностью в его епархии и приводил соответствующие примеры.

---

¹²³⁰ Там же. С. 4 (6 пагин.).

¹²³¹ Там же. С. 6–7 (6 пагин.).

Такая позиция в целом была созвучна мнению докладчика. Правда, Н.Д. Кузнецов не был столь радикален: он не называл нищих «собственниками» церковного имущества, но также приводил в своем докладе эту цитату из древнерусских юридических памятников. По его мнению, она свидетельствовала не о субъекте права, а о непреложности тех целей, на которые должны были тратиться церковные средства. Кроме того, он поддержал московского профессора в том его мнении, что усвоение права собственности на церковное имущество непосредственно Богу и соответственно закрепление его за сакральными местами – языческий пережиток. Исходя из этого, он подчеркивал, что храм не может быть юридическим лицом и «владельцем» церковной собственности, что непосредственно касалось вопроса о субъекте имущественных прав в приходе.

Оппонентом Н.А. Заозерского выступил епископ Стефан, который не согласился с тем, что идея о Боге как собственнике церковного имущества является языческим атавизмом. По его мнению, такой взгляд укоренен в Ветхом завете и отсюда наследуется христианством. Следовательно, церковное имущество может быть имуществом местной общины, но не только ее, а – и всей Церкви, значит, распорядителем его является епископ для епархии и «высший распорядительный орган» – для поместной церкви. Епископ Стефан перевел проблему и в практическую плоскость. Он подчеркнул, что с точки зрения имеющих место в определенной части общества секуляризационных настроений важен вопрос, за кем юридически должно быть закреплено церковное имущество, чтобы «потом Церкви не потерять его». За иерархами, рассуждал председатель отдела, «говорят, опасно», за кем «безопасно» – за храмом или за церковной общиной? Над этим вопросом епископ Стефан предлагал подумать в первую очередь. Но он так и не получил однозначного ответа в отделе¹²³². Обратим внимание, что по сути тот же самый вопрос возникнет весной 1918 г. на заседаниях Всероссийского церковного Собора и

---

¹²³² Там же. С. 103–107 (2 пагин.).

также вызовет острую дискуссию. Но тогда оставить его без ответа будет уже нельзя.

Одним из вариантов ответа на вопрос, предложенный преосвященным председателем, был тезис о принадлежности любого церковного имущества, в том числе всего имущества в рамках прихода (и храмового, и причтового, и приходского) всей Русской Церкви. Эту новую, «хотя и не неудачную», по выражению юрисконсульта Синода К.И. Дылевского, теорию выдвинул в заседаниях отдела и активно продвигал в общем собрании Присутствия А.А. Папков. Тем самым он надеялся снять опасения своих оппонентов в том, что прихожане будут бесконтрольно распоряжаться церковным имуществом в приходе и могут распродать его. Если над церковным имуществом в приходе, объяснял А.А. Папков, будет установлена собственность Российской Церкви, то прихожане будут ограничены в своем праве распоряжения этим имуществом и значит, нет оснований разделять это имущество на разные категории с разным порядком управления; можно закрепить его за одним юридическим лицом и предоставить в распоряжение всей приходской общине в составе клира и мирян. Отдел, как мы помним, соглашался с идеей переноса прав собственности на всю Русскую Церковь, но не делал из этого всех далеко идущих выводов, к которым подводил его А.А. Папков. Забегая вперед, скажем, что эта теория будет взята на вооружение Собором 1917–1918 гг.

Вторая часть доклада Н.Д. Кузнецова была посвящена положению церковных недвижимостей в России. Автор давал очерк их становления и последующей секуляризации¹²³³, справедливо отмечая, что распоряжения Екатерины II 1764 г. надо рассматривать «как завершение целого процесса, который с большими или меньшими отклонениями продолжался и при прежних императорах, а подготовлялся еще в древней Руси»¹²³⁴. При этом мотивы секуляризации виделись ему, как представляется, несколько идеалистически. Н.Д. Кузнецов считал, что государство признавало само право Церкви на недви-

---

¹²³³ Там же. С. 10–16 (6 пагин.).

¹²³⁴ Там же. С. 16 (6 пагин.).

жимые имущества, но требовало соблюдения центрального условия: чтобы имущество служило только церковным целям. Секуляризация видится ему как попытка самого государства взять на себя исполнение церковных задач (в том числе, благотворительных и просветительных), с которыми Церковь как бы не справлялась, и поэтому забрать у Церкви, предназначенные для этой цели средства. Как альтернативу секуляризации он рассматривал привлечение мирян к управлению церковными имениями не в качестве чиновников, а как «живых членов Церкви». По его мнению, история секуляризации – это наглядный пример того вреда, который приносит Церкви отсутствие соборности. Собор, считал докладчик, мог бы предложить иной путь решения проблем использования церковной собственности, назревших к моменту секуляризации. В целом он склонялся к отрицательной оценке секуляризации как невыгодной для Церкви и в этом отношении спорил с современными ему исследователями (например, с А.А. Завьяловым)¹²³⁵. Понятно, что все эти рассуждения имели актуальное звучание. Н.Д. Кузнецов пытался объяснить своим современникам, что следует требовать не новой секуляризации церковных, в том числе причтовых имуществ, а соборной реформы всей Церкви и в том числе прихода.

От общих исторических тем докладчик переходил к конкретным вопросам обращения церковных имуществ в России, делая, правда, и здесь обширные исторические и правоведческие экскурсы. Одним из таких вопросов была возможность по действовавшему имперскому законодательству отчуждения церковной недвижимости по сроку давности пользования ею. Этот срок устанавливался всего в 10 лет, по прошествии которых пользователь церковной земли или другой недвижимости мог заявить в суде свои права на нее и получить ее в собственность. От этого правила чаще всего страдали приходские церкви и причты. По мнению Н.Д. Кузнецова, поддержанному отделом, практику отчуждения церковной недвижимости по давности пользования

---

¹²³⁵ Там же. С. 21–36, особенно: 23–24 (6 пагин.). Ср.: Завьялов А.А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб., 1900. С. 341–344.

следовало обязательно отменить специальным законом, как это было сделано для казенных имуществ¹²³⁶. А вот в другом вопросе – необходимости высочайшего соизволения при приобретении и отчуждении церковной собственности – докладчик разошелся с большинством отдела. Как мы помним, правило обязательного испрашивания Высочайшего соизволения на приобретение недвижимости приходскими церквями было подвергнуто критике как в отзывах епархиальных преосвященных, так и в самом IV отделе Присутствия. Отдел в одном из своих докладов высказался за безусловную отмену этого правила. Н.Д. Кузнецов, однако, считал, что государство обязательно должно участвовать в процессе закрепления церковной собственности, потому что так утверждается особый ее статус и подчеркивается ее неотчуждаемый характер. Такое участие государства и выразалось, по его мнению, в процедуре испрашивания высочайшего соизволения, которая установилась с эпохи Александра I. Форма же участия государства в закреплении церковной собственности «при изменившемся государственном строе», т.е. после манифеста 17 октября 1905 г. должна была быть определена специально. Этот тезис заставил отдел еще раз обсудить вопрос о целесообразности сохранения практики высочайшего соизволения. Горячим ее защитником выступил юрисконсульт Синода К.И. Дылевский, присутствовавший на этом заседании. Правда, он не приводил принципиальных аргументов в защиту этой практики, как это делал Н.Д. Кузнецов, а скорее стремился защитить существующее положение. Однако отдел подтвердил свое прежнее мнение о необходимости отмены этой практики¹²³⁷.

---

¹²³⁶ Журналы и протоколы... Т. 4. С. 38–42 (6 пагин.).

¹²³⁷ Там же. С. 107–113 (2 пагин.). Помимо этого, К.И. Дылевский предложил вниманию отдела ряд дополнительных практических мероприятий, направленных на охранение имущественных интересов Церкви в рамках прихода. Он подчеркнул необходимость отмены нормы о возможности отчуждения церковной собственности по давности пользования; создания в епархиях юридических отделов для консультаций причтов и ведения дел по церковно-имущественным делам; точного урегулирования в законе случаев налогообложения церковной собственности (случаи налогообложения были часты со стороны земств, городов и даже казны); ограничения права сельских обществ изменять свои приговоры о выделении средств на церкви и школы; завершения отмежевания земель причтам (у многих ее еще не было или было менее установленных законом 33 десятин). Необходимость разрешения этих вопросов была единогласно поддержана отделом.

Заключительные разделы доклада Н.Д. Кузнецова были посвящены разбору и критике распространявшихся в обществе идей о возможности решения проблемы крестьянского малоземелья через отобрание в казну, а затем перераспределение среди крестьян церковных, в том числе причтовых, а особенно монастырских земель. Новаторство его подхода заключалось в том, что он был убежден: искать основания к сохранению церковной собственности в юридических правах Церкви, закрепленных за ней государством, бессмысленно, – государственная власть, если встанет на путь полного отделения Церкви от государства, может так же их отменить, как ранее дала. Н.Д. Кузнецов постоянно имел в виду возможность (которая многим казалась невероятной) полного отделения Церкви от государства, демонстрируя этим большую политическую прозорливость. Право Церкви на собственность, по его мнению, должно быть закреплено общим отношением государства к Церкви, признанием с его стороны ее высшей миссии. В своей апологии церковных имуществ Н.Д. Кузнецов фактически апеллировал к исторической роли Церкви в целом и ее институтов, монастырей в частности. Он стремился показать, какую надматериальную роль играла Церковь в истории христианского мира и в истории России, и тем пробудить в современниках уважение к ее надмирной миссии. С этой точки зрения докладчик последовательно отклонял все аргументы тех, кто желал изъять церковные земли. В заключение, опираясь на статистику, он приходил к выводу о том, что таких земель «слишком мало» для такой страны как Россия, а также – о невыгодности обмена причтовых земель на казенное жалование духовенству (земля в цене будет расти, а раз назначенное жалованье обесцениваться)¹²³⁸. Разбирая вопрос о возможности отобрания земли у монастырей, Н.Д. Кузнецов написал целый трактат-апологию о монашестве, его истинном предназначении с описанием роли монастырей в истории России (в основном опираясь на труды В.О. Ключевского). Как сами монастыри, так и их земли, по его мнению, должны быть сохранены, но желательны определенные реформы: более ши-

---

¹²³⁸ Журналы и протоколы... Т. 4. С. 42–53 (6 пагин.).

рокое введение общежительных уставов, выборов настоятеля, более активное участие монастырей «в духовных интересах народа»¹²³⁹.

Финальные положения своего доклада Н.Д. Кузнецов сформулировал в виде трех практических рекомендаций: недвижимые церковные имущества в России не только нельзя отчуждать, но следует увеличить, так как Церковь терпит недостатки в средствах для реализации собственных религиозных целей; необходимо отменить в законодательном порядке право приобретения церковной недвижимости по давности пользования; церковные имущества в отношении их защиты в суде должны пользоваться правами казенных имуществ. Отдел принял эти положения¹²⁴⁰.

Критика Л.А. Тихомирова в адрес проекта нормального устава

На заседаниях 2 и 5 декабря с докладом, который он позднее называл своим особым мнением, содержащим разбор проекта нормального устава, выступил известный монархический публицист Л.А. Тихомиров. Ему принадлежала не последняя роль в начале соборного движения. Его брошюра «Запросы жизни и наше церковное управление» в 1903 г. попала в поле зрения императора и стала поводом для обсуждения возможности церковной реформы. Об этом митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) напомнил при открытии Предсоборного присутствия¹²⁴¹. Л.А. Тихомиров не участвовал в работе отдела в первую сессию и должен был иметь дело с уже готовым проектом. При этом его критика проекта носила радикальный характер.

По его мнению, проект нормального устава страдал излишней регламентацией, был «в высшей степени теоретичен» и «не согласован с характером православно-русской религиозности и с действительностью положения и

---

¹²³⁹ Там же. С. 53–70 (6 пагин.).

¹²⁴⁰ Там же. С. 70 (6 пагин.), 114 (2 пагин.).

¹²⁴¹ Журналы и протоколы... Т. 1. С. VII; *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 133–139.

состава русского прихода, какой он имеется у нас»¹²⁴². Поэтому проект рисковал установить такие нормы, которые не будут применимы к жизни. Л.А. Тихомиров считал, что «нормальный», то есть общий для всех приходов в империи устав должен был определять лишь самые немногие общие основы их функционирования (он не уточнял, какие это основы). Такой рамочный устав должен был, по его мнению, дополняться инструкций высшей церковной власти и множеством местных приходских уставов, которые утверждались бы какой-либо «близкой к приходу» властью, например, епархиальным архиереем. При этом последний должен был бы наблюдать лишь за соответствием этих местных уставов базовым положениям «нормального устава». Отчасти такой взгляд Л.А. Тихомирова согласовывался с позицией А.А. Папкова, который после издания манифеста от 17 октября 1905 г., как мы помним, считал, что необходимость в общероссийском приходском уставе отпала, и приход может организоваться «явочным порядком».

Л.А. Тихомиров подверг жесткой критике положения о «братском суде», помещенные в проекте IV отдела. Он точно уловил нерв проблемы, поскольку проект – как мы говорили – наделял правом суда приходское собрание, которое вовсе не было нравственно выше всего прихода:

Мне представляется странным говорить о «братских» внушениях и наказаниях в этой разношерстной среде, где подчас нет ничего братского¹²⁴³, – говорил публицист.

Пастырская прерогатива нравственного воздействия на прихожан, по наблюдению Л.А. Тихомирова, передавалась проектом в приходское собрание, которое наделялось полномочиями следить за посещением прихожанами храма, за регулярностью их причащения и под. Это способно, писал он, «только извращать религиозное чувство, порождать всякие сплетни, дразги,

---

¹²⁴² Журналы и протоколы... Т. 4. С. 77 (2 пагин.).

¹²⁴³ Там же. С. 78 (2 пагин.).

озлобление и ханжество» и превратить приход в «общинный полицейский участок»¹²⁴⁴, из которого побежит нравственно чуткий человек.

Вообще, по мнению Л.А. Тихомирова, проект создавал для прихожан «непереносимую зависимость от прихода»¹²⁴⁵. Например, § 10, который вменял прихожанину в обязанность содействовать всему, к чему «призовет его настоятель, приходское собрание или приходский совет», создавал условия для насилия над личностью. Даже в гражданской жизни, замечал Л.А. Тихомиров, человек должен исполнять только закон, а не каждый призыв властей. Выступал он и против права самообложения, которое – по его мнению – было чревато «слежением за имущественной состоятельностью граждан», подобным слежению за их нравственностью. Кроме того, Л.А. Тихомиров считал, что принудительное самообложение полностью извращает понятие русского православного человека о добровольной жертве.

Не менее горячей критике он подверг и отбор отделом правомочных к участию в органах приходского управления членов прихода. Публицист обращал внимание, что проект не допускает на приходское собрание «цвет женского населения прихода» (тех же диаконисс, членов сестринских кружков), но дает голос той, кто всего лишь имеет имущественную самостоятельность, а также исключает ранее осужденных и пораженных потому в правах, тогда как половину сибирских приходов составляют такие люди, «давно, может быть, отстрадавшие свою вину». Вообще, резюмировал свои наблюдения Л.А. Тихомиров, «в духовно-религиозном отношении приравнивание женщин и лиц, попавших под суд, к лицам явно порочным и хулителям веры производит очень тяжелое впечатление»¹²⁴⁶.

Л.А. Тихомиров подходит к необходимости создать религиозное ядро прихода:

Если мы отрешимся от того представления средних, одинаковых христиан, каковые не существуют в действительности, то мы должны создать такие уставы,

---

¹²⁴⁴ Там же. С. 80 (2 пагин.).

¹²⁴⁵ Там же. С. 81 (2 пагин.).

¹²⁴⁶ Там же. С. 81 (2 пагин.).

при которых действующей силой церковно-приходского дела явились бы именно лучшие, а не средние люди¹²⁴⁷.

Поэтому, по его мнению, нельзя декретировать одинакового участия в приходском самоуправлении всем жителям данной территории, а нужно создать условия для того, чтобы «лучшие» могли легче группироваться, объединяться между собой, не подавляемые массой безнравственных или враждебных Православию людей. Его вывод был категоричен: проект должен быть полностью переделан. Отдел принял к сведению критику Л.А. Тихомирова, но переделывать ничего не стал и присоединил его замечания к своим журналам.

Однако публицист продолжил свою полемику с проектом IV отдела. В самом конце 1906 г. он опубликовал статью в «Новом времени» (как ответ на положительный отклик газеты на итоговую формулу Присутствия о церковном имуществе (см. об этом ниже)). В начале 1907 г. он выступил с докладом в Русском монархическом собрании в Москве, текст которого был опубликован в «Московских ведомостях». В середине года он выступил с новой статьей на страницах «Колокола»¹²⁴⁸. В этих выступлениях он повторял свои тезисы, высказанные в докладе IV отделу Присутствия, а также критиковал принятую Присутствием формулу об имуществе в приходе как неудачную и «неприложимую». Он обращал внимание общественности, что проект нормального устава не был принят общим собранием Присутствия и поэтому не может считаться результатом его деятельности, а только – деятельности IV отдела. Л.А. Тихомиров категорически протестовал против идеи ввести в действие этот или подобный устав без соборной санкции, видя в этом «наследие бюрократизма» и «насильное благодеяние». Центральной его идеей, высказанной уже в докладе IV отделу, была та, что преданных Церкви

---

¹²⁴⁷ Там же. С. 79 (2 пагин.).

¹²⁴⁸ Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 77–82; Свидерский М., священник. Вопрос о церковном приходе в Предсоборном присутствии и в русской литературе XX в. Киев, 1913. С. 46–48; Тихомиров Л.А. Современное положение приходского вопроса. См. также: Сковородин А.Н. Взгляды и деятельность Льва Тихомирова в контексте обсуждения реформы русского прихода в начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 3(144). С. 22–29.

прихожан нужно не «растворять» в массе фиктивных христиан, а сплотить в религиозный костяк прихода, объединить в «христианские союзы», которым будет не страшно дать требуемые реформаторами права. Л.А. Тихомиров писал, что такие союзы могли бы стать лучшей опорой и защитой и «массы православных», и клира, и иерархии, они позволили бы епископам контролировать клир и защитили бы приходы от его злоупотреблений¹²⁴⁹. Он заключал:

Организация попечительств, союзов, братств как основа организации приходского управления есть *единственный исходный пункт*, открывающий путь к *христианскому* решению приходского вопроса¹²⁵⁰.

И задача Церкви в лице верующих и иерархов, по мнению публициста, состояла в том, чтобы создавать такие общества, не дожидаясь какой-либо специальной санкции или регламентации.

Критика И.С. Бердникова в адрес проекта нормального устава. Его «Сепаратный проект о православном русском приходе»

Критика Л.А. Тихомирова в адрес проекта нормального устава была не единственной, прозвучавшей уже в рамках работы Предсоборного присутствия. К началу второй сессии были готовы возражения профессора Казанской духовной академии, специалиста по каноническому праву И.С. Бердникова. Причем помимо замечаний на проект IV отдела он подготовил свой, «сепаратный», как он назвал его, проект приходского устава. В IV отделе не один раз обсуждался вопрос, стоит ли рассматривать возражения и проект И.С. Бердникова в отделе, или необходимо обсуждать его предложения уже в общем собрании присутствия. Еще 10 ноября И.С. Бердников направил в синодальную канцелярию рапорт на имя председателя Предсоборного присутствия митр. Санкт-Петербургского Антония, в котором просил, чтобы его возражения были доложены общему собранию присутствия наряду с проек-

---

¹²⁴⁹ Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 81.

¹²⁵⁰ Цит. по: Там же. С. 82.

том IV отдела. Свои возражения И.С. Бердников нашел «более удобным и целесообразным» изложить систематически в особой брошюре, в которую он включил и свой проект устава православного прихода. Причем эта брошюра была напечатана в синодальной типографии и роздана каждому члену Присутствия¹²⁵¹. Позднее, в 1907 г. этот проект был помещен в «Церковных ведомостях», официальном органе Синода, в котором печатались и материалы Предсоборного присутствия. Митр. Антоний перенаправил рапорт казанского канониста в IV отдел епископу Стефану.

Часть членов отдела находила неудобным разбирать проект И.С. Бердникова. А.А. Папков и Л.А. Тихомиров обращали внимание отдела на то, что они также имеют возражения против составленного проекта и, если отдел будет рассматривать возражения И.С. Бердникова, то в таком случае они просят рассмотреть и их возражения. А.А. Папков отметил, что его несогласие со многими пунктами зафиксировано в журналах отдела, но он как его член подчинился его решениям. В случае же рассмотрения отделом проекта И.С. Бердникова он готов предложить отделу и свой проект приходского устава. По журналам отдела заметно, что его члены были озадачены позицией И.С. Бердникова, который как будто игнорировал отдел и всю проделанную им работу, обратившись напрямую к председателю Присутствия и потребовав рассматривать свой проект наравне с проектом IV отдела, хотя имел все возможности внести свои замечания в сам отдел. По всей вероятности, казанский профессор рассудил, что обращение сразу в Присутствие (через синодальную канцелярию) сделает его позицию более известной в тех кругах, которые будут принимать окончательное решение по приходскому вопросу, в том числе, в кругах чиновников обер-прокуратуры. Последующие события показали, что он не ошибся в своих расчетах. При этом некоторые члены отдела, ознакомившись с проектом И.С. Бердникова, считали, что его возражения «не настолько существенны», чтобы «уничтожить» основные по-

---

¹²⁵¹ *Бердников И.С.* Сепаратный проект положения о православном русском приходе. СПб., 1906; Журналы и протоколы... Т. 3. С. 270 (1 пагин.).

ложения проекта нормального устава. В результате дискуссии отдел решил не обсуждать проект И.С. Бердникова в своих заседаниях¹²⁵². Однако в общем собрании Присутствия общие положения проекта И.С. Бердникова все-таки были предложены к рассмотрению наряду с проектом IV отдела.

Взгляд казанского профессора на состояние русского православного прихода отличался подчеркнутым оптимизмом. По его мнению, приход был жив и даже канонически устроен. Поэтому И.С. Бердников иронизировал по поводу выражения «возрождение православного прихода», которое активно употреблялось в публицистике и присутствовало в формулировке цели приходской реформы, как ее понимал IV отдел. «Приход у нас существует и действует; его организация вовсе не уклонялась от канонических основ», – считал казанский профессор и добавлял, что речь может идти только об «оживлении церковно-приходской религиозной деятельности»¹²⁵³, а не о возрождении самого прихода.

Самой существенной характеристикой прихода И.С. Бердников считал ту, что

церковный приход есть часть епископии, не могущая претендовать ни на какую самобытность или отдельность в церковном смысле¹²⁵⁴.

Именно епархия для казанского канониста была основной единицей «церковного устройства и управления» в Православной Церкви. Поэтому приход, с его точки зрения, не мог быть «особой юридической единицей», он был вторичен по отношению к епархии. Более того, И.С. Бердников утверждал, что, «с точки зрения церковного уклада», приход не может быть и «самоуправляющейся общиной». По его мнению, понятие «самоуправляющаяся община» существовало в гражданском быту и оттуда уже было привнесено в «религиозный быт». И.С. Бердников, как будто забывая о приходах старообрядческих, писал, что «в настоящее время питомником воззрения на приход

---

¹²⁵² Журналы и протоколы... Т. 4. С. 24–25, 31–35, 155 (2 пагин.).

¹²⁵³ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 387 (1 пагин.).

¹²⁵⁴ Там же. С. 395 (1 пагин.).

как на самоуправляющуюся общину служит устройство протестантских приходов». Поскольку у протестантов нет иерархии – рассуждал он, – то они поневоле должны были обратиться к принципам самоуправляющейся общины. Но для Православной Церкви, в которой иерархия существует и иерархический принцип является важнейшим организующим началом, идея самоуправляющейся общины чужда и даже опасна. И.С. Бердников прямо говорил, что он боится «от введения проекта <IV отдела> усиления неправильно и несродного православному складу церковной жизни начала – самобытной и автономной общины»¹²⁵⁵. В этой связи понятны его постоянные, хотя и скрытые, без упоминания имен инвективы в адрес А.А. Папкова, его единомышленников и, очевидно, земцев¹²⁵⁶. Именно благодаря «усиленным домогательствам» «некоторых общественных деятелей», по мнению И.С. Бердникова, IV отдел склонился к неправильному взгляду на православный приход и пошел по пути расширения прав приходской общины¹²⁵⁷.

Значительное место в преамбуле к своему приходскому проекту канонист уделил вопросу о церковном имуществе. По его мнению, церковное имущество было «достоянием Господним» и, следовательно¹²⁵⁸, – собственностью храмов, монастырей и других церковных учреждений, а заведование им принадлежало церковной власти. Такой властью в Православной Церкви является только епископ. Епископ как бы делегирует приходскому храму и его причту распоряжение местным имуществом, но «зависимость приходской церкви от епископской кафедры в церковно-имущественном отношении никогда не может быть отменена»¹²⁵⁹, как невозможно стать приходу независимым от епископа в иерархическом отношении, пишет И.С. Бердников. Поэтому, по его заключению, субъектами церковной собственности должны

---

¹²⁵⁵ Там же. С. 392 (1 пагин.).

¹²⁵⁶ Там же. С. 388, 389, 390, 391 (1 пагин.) и др.

¹²⁵⁷ Там же. С. 388 (1 пагин.).

¹²⁵⁸ И.С. Бердников не объяснял, почему он делал именно такой вывод. Как мы видели выше в рассуждениях Н.А. Заозерского, из представления о церковном имуществе как о «достоянии Господнем» мог следовать и иной вывод, о том, что оно является собственностью церковных общин.

¹²⁵⁹ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 389 (1 пагин.).

быть по-прежнему храмы, монастыри, благотворительные и просветительские учреждения, находящиеся в зависимости от епископской власти.

При этом казанский профессор признавал, что в истории Церкви длительное время существовали иные формы отношений в связи с церковной собственностью, которые он квалифицировал как отступления от канонической нормы. Одним из таких отступлений, по его мнению, было существовавшее и в Византии и на Руси ктиторское право. Подчеркнем, что И.С. Бердников считал его не историческим этапом развития церковно-имущественных отношений, а именно отступлением от нормы. Между тем он допускал, что это отступление в некоторой степени может быть признано церковным законодательством, но только при условии, если ктитор выступает не как собственник пожертвованного им имущества, а как заведующий и управляющий этим имуществом. С ктиторским правом И.С. Бердников сопоставлял и права приходской общины на участие в управлении собранным и пожертвованным ею имуществом:

Это участие предоставляется ей не по праву собственности, а по чувству уважения к ее добротным пожертвованиям и к усердию о благолепии храма и о благоустройении приходских дел вообще, а также и для поощрения жертвователей к дальнейшей щедрости на пользу прихода¹²⁶⁰.

Последняя часть этой фразы указывает и на вполне прагматические соображения, которыми он предлагал руководствоваться в деле хотя бы частичного признания «ктиторских прав» прихожан. Исходя из вышеперечисленных соображений, И.С. Бердников называл «действующую практику», при которой церковными деньгами заведовал староста под надзором причта и епархиального начальства, полностью совпадающей «по своим началам с канонической нормой, смягченной духом житейских отношений»¹²⁶¹. Он считал, что тем самым приходской общине уже «дано очень большое участие» в распоряжении церковным имуществом, «дано столько, что больше, пожалуй,

---

¹²⁶⁰ Там же. С. 389 (1 пагин.).

¹²⁶¹ Там же. С. 390 (1 пагин.).

и дать нельзя, не нарушая канонической нормы»¹²⁶². А все предложения о расширении прав общины он именовал «беспочвенными». Такой его подход был с большим энтузиазмом принят теми, кто считал, что IV отдел предполагал дать слишком много прав мирянам.

Как максимально возможный шаг навстречу обществу И.С. Бердников оценивал синодальное определение от 18 ноября 1905 г.:

Указанным определением Святейшего Синода сделано все, что требовалось для благоустройства прихода при современных обстоятельствах. Желать еще чего-нибудь другого нет решительно никаких оснований¹²⁶³.

Он полагал, что если бы определение появилось до официального включения приходского вопроса в программу заседаний будущего Собора и соответственно – в программу работ Предсоборного Присутствия, то данный вопрос в этой программе и не появился бы. По словам И.С. Бердникова, это определение замечательно «по своему высокому нравственному подъему», оно призывает епископов и пастырей к активизации религиозной деятельности и к «теснейшему единению пастырей с паствой», а это – по его мнению – «единственно верный путь к оживлению приходской жизни»¹²⁶⁴. Вопросом о том, можно ли было достичь такого единения в российских условиях начала XX в. простым усилием со стороны пастырей и активизацией их работы, канонист не задается.

Поскольку для И.С. Бердникова неприемлема идея о самоуправлении общины, он подвергает особой критике все, что так или иначе напоминает реализацию этой идеи. В частности, он критикует идею «братского суда» общины, поскольку этот суд – по его мнению, сходному в данном пункте с мнением Л.А. Тихомирова – вторгается в обязанности пастырей. Но выход казанский профессор предлагает противоположный тому, о чем говорил Л.А. Тихомиров. Например, в вопросе о допуске на приходские собрания на основании суда общины И.С. Бердников рекомендует стоять на «формальном по-

---

¹²⁶² Там же. С. 390 (1 пагин.).

¹²⁶³ Там же. С. 391 (1 пагин.).

¹²⁶⁴ Там же. С. 390–391 (1 пагин.).

казателе» – на наличии уголовной судимости и поражении в правах гражданских и церковных. Пока же «явно порочные» члены прихода не преданы публичной епитимье, по мнению казанского канониста, их нельзя исключать из органов приходского управления. Тем самым, правильнее, по мнению И.С. Бердникова, говорить не о «братском суде», а о «дисциплинарном суде» общины, который следит только за нарушением правил приходского устава и может удалить его нарушителей из приходского собрания¹²⁶⁵.

Протестует профессор и против права приходского самообложения. Он довольно верно подмечает, что проект IV отдела, отнимая у прихожан, не участвующих в самообложении, право голосовать по имущественным вопросам, тем самым вводит различие между прихожанами по имущественному цензу, ведь естественно, что участвовать в обложении смогут только экономически самостоятельные и может быть даже состоятельные прихожане. И.С. Бердников в противовес IV отделу считает, что самообложение может быть только добровольным, а постановления приходского собрания об обложении – обязательными только для тех, кто согласился с ними и принял на себя соответствующее обязательство. Тогда, если ранее согласившиеся платить прихожане, уклоняются от этого, они могут в соответствии с решением дисциплинарного суда общины не допускаться на ее собрания, но взыскивать не уплаченный взнос с помощью светских властей нельзя и в таком случае¹²⁶⁶. Возможно, эти предложения казанского канониста больше соответствовали представлениям о социальной справедливости и о непрременной добровольности церковной жертвы большей части российских прихожан, особенно на селе, чем достаточно жесткие нормы, предложенные IV отделом. Но решить застарелую проблему эффективности приходского хозяйства они, скорее всего, не помогли бы. И.С. Бердников также протестовал против привлечения к приходскому обложению членов клира, как планировал IV отдел. Он предлагал не привлекать к участию в приходском собрании всех прихо-

---

¹²⁶⁵ Там же. С. 392 (1 пагин.).

¹²⁶⁶ Там же. С. 392–393 (1 пагин.).

жан, а опереться на принцип представительства. В таком случае участниками собраний были бы, например, выборные от селений, или главы семейств. Последнюю идею канонист проводил в своем «сепаратном проекте»¹²⁶⁷.

Наконец, И.С. Бердникова не удовлетворило планировавшееся IV отделом распределение полномочий между органами приходского самоуправления и священником, то, что собрание оказывалось главным распорядительным органом прихода, а роль священника, как он считал, «затушевывается». Казанский профессор настаивал на том, что органы приходского управления, в соответствии с определением 18 ноября, созываются только «для содействия» священнику¹²⁶⁸. Он стремился усилить роль священника как представителя иерархического начала в приходе. Кроме того, по его мнению, приход как структура, входящая в состав епископии, по аналогии с причтом, должен давать отчет епархиальной власти о своей деятельности.

Сам проект И.С. Бердникова «Положение о православном церковном приходе» представлял собой обширный документ из 191 параграфа¹²⁶⁹. Он состоял из вводной части (в проекте не имела названия, включала §§ 1–10) и глав: Причт (§§ 11–32), Прихожане (§§ 33–43), Приходский храм (§§ 44–57), Приходское кладбище (§§ 58–61), Церковная школа и библиотека (§§ 62–66), Благотворительные заведения (§ 67), Церковно-приходское имущество (§§ 68–77), Заведывание и распоряжение церковно-приходским и приходско-общинным имуществом (§§ 78–97), Об отчуждении церковного имущества (§§ 98–106), Участие прихожан в церковно-приходских делах (§§ 107–129), Церковно-приходский совет (§§ 130–160), Приходские книги (§§ 161–164), Клировые ведомости (§§ 165–167), Метрические книги (§§ 168–177), Книги обыскные (§§ 178–180), Исповедные росписи (§ 181), Приходно-расходные книги (§§ 182–191).

Поскольку И.С. Бердников считал, что организация русского прихода соответствует норме, то важнейшей задачей приходского устава он видел не

---

¹²⁶⁷ Там же. С. 393 (1 пагин.).

¹²⁶⁸ Там же. С. 393–394 (1 пагин.).

¹²⁶⁹ Там же. С. 395–412 (1 пагин.).

учреждение новых институтов и не изменение объема прав, имеющих у прихожан или духовенства, а кодификацию действующих законов, так или иначе касающихся прихода. Поэтому он включил в свой проект не только соответствующие статьи Устава духовных консисторий, синодальных определений, инструкций благочинным, настоятелям церквей, церковным старостам, но и положения Уставов строительного, врачебного, Положения о состояниях и прочих гражданских законов. В результате его проект отчасти напоминал краткий тематический путеводитель по действующему законодательству. (Подобные путеводители, которые мы упоминали в предыдущей главе, включали в себя многие сотни страниц.) При этом кодификация этих положений проводилась И.С. Бердниковым без всякого их критического осмысления, что соответствовало его пониманию положения дел: законодательство вполне соответствовало канонам, критика была не нужна, она являлась проявлением «чрезмерных притязаний» некоторых «ревнителей». Поэтому он не давал никаких новых полномочий в приходской области и епископу, хотя, по его еkkлезиологической логике, епископ мог бы их получить. Например, приходы, согласно его проекту, как и предписывал Устав духовных консисторий, должны были открываться с утверждения Синода (§ 8), хотя современники предлагали предоставить это право самим епархиальным архиереям. При этом, наряду с другими законодательными актами, он пользовался и проектом нормального устава, когда положения последнего казались ему удачными или могли быть легко адаптированы под его логику. Присутствие кодификационного компонента составляло важную особенность проекта И.С. Бердникова.

В § 1 своего проекта казанский канонист давал следующее определение прихода:

Церковным приходом в православной Церкви называется церковная община, имеющая особый храм для богослужебных собраний и состоящая под духовным управлением приходского священника. Приход составляет нераздельную часть епископии и подчинен епископу как высшему своему пастырю. Ближайшее же пас-

тырское руководство им принадлежит, по поручению епископа, местному священнику¹²⁷⁰.

Обратим внимание на дважды повторенный в этом определении эпитет «церковный», употребленный по отношению к приходу и по отношению к общине. И.С. Бердников намерен непременно отделить церковную общину от общины гражданской и исключить самую возможность их отождествления (на базе, например, «мелкой земской единицы»), а также утвердить приход как производное от епархии. Поэтому далее во вводной части на основании Устава духовных консисторий и последующих синодальных актов перечислялись правила разделения епископии на приходы, процедуры их открытия и закрытия, подтверждался территориальный принцип прихода.

В главе о причте И.С. Бердников закреплял право прихожан ходатайствовать о своей кандидатуре в члены причта практически полностью в соответствии с проектом IV отдела с одной деталью: ходатайство должно было приноситься епископу «через уполномоченных депутатов» от прихода, что несколько усложняло процедуру, но принципиально ее не меняло. Он подчеркивал зависимость священника от епископа, предлагал, чтобы его ставленническая грамота прочитывалась в приходе благочинным, что было бы с одной стороны юридическим актом введения священника в отправление его служения на этом приходе, а с другой стороны было бы мерой воспитательного воздействия на прихожан. Далее, в соответствии с действующим законодательством он перечислял обязанности священника по совершению богослужений, чтению поучений, проведению внебогослужебных бесед; его обязанность отвращать от заблуждений и обращать в Православие, учить в школе. Сепаратный проект считал желательным устройство катехизаторских курсов для молодежи, намеченных IV отделом. Перечислялись и обязанности диакона и псаломщика как помощников священника. Переводы священника должны были совершаться строго в соответствии с Уставом духовных консисторий, попытки ограничить эту практику, предпринятые IV отделом не

---

¹²⁷⁰ Там же. С. 395–396 (1 пагин.).

нашли отражения в сепаратном проекте. Проект И.С. Бердникова оставлял в неприкосновенности обширное приходское делопроизводство. Его обременительность и частое несоответствие условиям жизни автором игнорировалось. Так, в проекте детально описывались действия священника по представлению в соответствующие инстанции призывных списков и выписок об умерших от заразных болезней.

Определение прихожан давалось в соответствующей главе, следуя проекту нормального устава. И.С. Бердников принимал из проекта IV отдела и приходскую книгу, которую именовал «справочным документом о прихожанах». В главе подробно описывались действия прихожан и причтов при перемене прихода; констатировались обязанности прихожан по отношению к священнику, их обязанность посещать богослужения в «воскресные и праздничные дни, соблюдать посты», причащаться хотя бы раз в год, обучать детей основам веры и заботиться о храме и причте. В случае если бы в адрес прихожан последовало *приглашение* настоятеля, они были бы «обязаны содействовать ему» в религиозно-нравственных, просветительных, благотворительных делах в приходе. Все это могло выразиться в устройстве кружков и в другой деятельности, проектировавшейся IV отделом (здесь И.С. Бердников ссылался на соответствующие статьи проекта нормального устава). Таким образом, инициатива в приходских делах полностью находилась в руках священника, получалось, что без его «приглашения» прихожане не могли инициировать ни какое приходское дело.

Глава о приходском храме именовала его «святыней прихода»; построение его называлось одной из первейших обязанностей прихожан. Затем в этой главе подробно описывалась процедура построения храма по Уставу духовных консисторий, Уставу строительному и синодальным указам и инструкциям. Здесь же уделялось внимание устройству домовых церквей частных лиц и возможности служения литургии на переносном антиминсе. В последнем вопросе И.С. Бердников опирался на мнение только части членов IV отдела и «разрешал» в своем уставе такое служение только в специально по-

строенных молитвенных домах. Относительно часовен он полностью повторял положение Устава духовных консисторий, которое предписывало поддерживать существующие часовни, но фактически запрещало строить новые. В главе о приходском кладбище с опорой на Устав врачебный и другие акты в деталях описывались процедура создания кладбищ в городах и на селе, пояснялся переход права собственности на кладбищенскую землю после устройства кладбищ, оговаривалась сфера ответственности духовенства за состояние кладбищ, в том числе за правильное устройство могил. Соответствующая технология подробно описывалась в уставе. При этом об ответственности прихода за приходские кладбища не было ни слова.

Если проект IV отдела разделял имущество в рамках прихода на три категории (церковное, причтовое и приходское), то проект И.С. Бердникова знал только две категории: церковное (храмовое) и приходское (называемое им иногда прихожанским); причтовое имущество являлось составной частью церковного имущества. Храм выступает юридическим лицом и собственником «своего» имущества. Сепаратный проект подробно описывает составные части недвижимого и движимого церковного имущества, описывает законные процедуры их приобретения, отчуждения и хранения. Здесь же дается описание кружечных сборов на не приходские благотворительные нужды (автор перечисляет, правда, только шесть их основных видов), поступления от которых являются переходящими суммами. Применительно к имуществу прихожан приходская община признается им юридическим лицом. И.С. Бердников не признает, как было сказано выше, принудительное самообложение и в отношении сборов прихожан предпочитает употреблять слово «складчины», которые, по его проекту, могут быть только добровольными. Автор оговаривается, что в приходе могут быть и другие юридические лица – братства, приюты, школы и под.

Поскольку по синодальному определению от 18 ноября 1905 г., которое так высоко было оценено казанским канонистом, прихожане *приглашались* к участию в заведовании церковным имуществом, это их право было необхо-

димо закрепить и в сепаратном проекте. Поэтому в нем говорилось, что «из уважения к религиозному чувству прихожан» как главных и постоянных жертвователей, «в соответствие с древним ктиторским правом» им предоставляется «право участия в заведовании и распоряжении церковным имуществом в приходе». Право это должно было реализовываться через церковно-приходский совет¹²⁷¹. При этом само заведование этим имуществом по-прежнему осуществлялось причтом от лица епископа.

Центральной фигурой в управлении церковным имуществом, по проекту И.С. Бердникова, оставался церковный староста; его положение как помощника причта не менялось. Оставалась старой и процедура назначения временного старосты (в случае не избрания или не утверждения епископом предложенной приходским собранием кандидатуры): временного старосту назначал епископ по представлению причта, а не приходский совет, как было в проекте новой инструкции церковным старостам, одобренной IV отделом. Сепаратный проект в деталях воспроизводил обязанности старосты в соответствии с действующей инструкцией церковным старостам: описывались его действия при сборе, высылке, хранении денег, регламентировался порядок их трат и т.п. Нормы расходования церковных денег без вышестоящей санкции не изменялись и составляли 500 руб. в год для соборов, 300 руб. для городских и 100 руб. для сельских церквей. Распоряжение церковными оборочными статьями и арендой недвижимых имуществ могло происходить только с разрешения епископа. Интересно, что по проекту И.С. Бердникова церковное имущество могло расходоваться и на школу, но на благотворительные заведения могло тратиться уже только имущество прихожан. Максиму о церковном богатстве как богатстве нищих И.С. Бердников, по-видимому, не знал или решил игнорировать. Причем он делал в данном случае характерную ремарку: прихожане были обязаны заботиться о «нищих и убогих» не только по религиозным побуждениям, но и «по долгу граждан-

---

¹²⁷¹ Там же. С. 404 (1 пагин.).

скому». Видимо, этим казанский профессор хотел объяснить, почему на них следовало расходовать именно приходские, а не церковные суммы.

В соответствии с разделением имущества на две категории в приходе выстраивалась система приходского управления. Если IV отдел проектировал создание приходского собрания и приходского совета, в который должны были входить и староста, заведующий церковным имуществом, и казначей, заведующий имуществом приходским, то сепаратный проект последовательно различал органы, ответственные за разные виды имущества, и создавал в приходе две параллельных системы управления. Так, И.С. Бердников планировал создание церковно-приходского совета под председательством священника, в который входит церковный староста и через который прихожане осуществляют свое право участия в заведовании церковным имуществом. При этом и весь совет является (согласно определению от 18 ноября 1905 г.) помощником священника, своего рода коллективным старостой. Естественно, что церковно-приходский совет нельзя в этом случае назвать «исполнительным» органом приходского собрания, как это делал проект нормального устава. При этом и у И.С. Бердникова совет может избрать заместителя председателя (священника) из своей среды, то есть им может быть и мирянин.

Характерно, что казанский профессор, рассматривая приходский совет как помощника священника, радикально расширял его экстрарелигиозные функции, даже в сравнении с проектом нормального устава, который – как мы видели – также шел по этому пути. И.С. Бердников, фактически, обязывал приходский совет исполнять задачи полиции, быть и ее добровольным помощником. Совет должен был наблюдать за чтениями и беседами, устраиваемыми на территории прихода, в том числе не религиозного содержания, и в случае их «вредного направления» прекращать их; ограждать прихожан от распространения в приходе книг, брошюр, листовок, объявлений «неблагонамеренных и мятежного направления»; предостерегать прихожан от «козней, хитрых и зловредных проделок и наущений» «темных выходцев», а если последние «будут силой навязываться», предупреждать полицейскую часть.

Такая постановка вопроса вызвала недоумение у некоторых членов IV отдела¹²⁷².

С другой стороны, сепаратный проект проектировал создание попечительского совета, в который должен был входить казначей и который вместе с казначеем должен был управлять приходским имуществом. Попечительский совет как раз являлся исполнительным органом приходского собрания. Председательствует в попечительском совете, как и в церковном, настоятель прихода. Кандидатура казначея, по проекту И.С. Бердникова, подобно кандидатуре церковного старосты, должна была утверждаться вышестоящей инстанцией, только не епархиальной властью, а благочинническим советом. (По проекту IV отдела, кандидатура казначея не требовала утверждения.) Действия казначея кодифицировались И.С. Бердниковым по аналогии с действиями старосты: приходно-расходная книга выдавалась ему из благочиннического совета, эта книга и наличные приходские суммы должны были проверяться при священнике, старосте и представителях прихожан, в благочиннический совет приходская община должна была представлять ежегодный отчет, как причт в епархию. Подчиненное положение прихода по отношению к епископии постоянно подчеркивалось в сепаратном проекте. При этом процедуры созыва, ведения приходского собрания и апелляции на его решения в основном соответствовали проекту нормального устава.

Сопоставляя два проекта приходского устава, мы скорее должны солидаризоваться с теми членами IV отдела, кто не видел между ними качественной разницы. Как мы отмечали выше, журналы отдела ясно говорят о том, что его большинство смотрело на приход подобно И.С. Бердникову «сверху вниз», оценивая его как производный от епархии элемент церковного организма. В целом солидарность с большинством отдела чувствовал и казанский профессор, когда говорил, что в проект устава закрались мнения, чуждые позиции большинства отдела о благоустройении прихода¹²⁷³. Но исходя из одной

---

¹²⁷² Ср.: Журналы и протоколы... Т. 4. С. 155 (2 пагин.).

¹²⁷³ Ср.: Журналы и протоколы... Т. 3. С. 391 (1 пагин.).

экклезиологической логики, проекты различались в другом – в их позиции по отношению к прихожанам. Можно сказать, что проект IV отдела исходил из того, что приход – это часть епархии, членам которой надо дать больше прав, сделать им больше уступок¹²⁷⁴. Проект же И.С. Бердникова исходил из того, что приход – это часть епископии, и положение этой части практически полностью соответствует норме, следовательно, уступок ее членам нужно сделать минимум. Характерно, что стараясь законсервировать существующую ситуацию во всех областях приходской жизни, казанский канонист парадоксальным образом выстраивал в своем проекте новую, довольно сложную и вряд ли эффективную систему приходского управления, состоящую из двух советов (церковно-приходского и попечительского)¹²⁷⁵.

Проекты отличались и расстановкой других акцентов. Так, при описании деятельности прихожан в приходе проект IV отдела на первое место старался поставить все же их религиозную жизнь. Проект И.С. Бердникова всю эту религиозную жизнь описывал как сумму обязанностей, неисполнение которых подразумевает набор санкций, что особенно ярко иллюстрировалось многочисленными ссылками на Устав духовных консисторий. Сепаратный проект реанимировал дух и букву протасовской регламентации религиозной жизни, что по прошествии 60 лет выглядело вопиющим анахронизмом¹²⁷⁶. Вообще И.С. Бердников, полемизируя с проектом IV отдела, исходил из своей реконструкции приходской жизни и мало считался с реальным положением дел, с действительными запросами прихожан и пастырей. Между тем многие положения проекта И.С. Бердникова, как мы увидим, оказали заметное влияние на позднейшие синодальные проекты приходского устава.

---

¹²⁷⁴ Ср.: приведенные выше слова священника А.П. Рождественского, сказанные при обсуждении доклада Н.Д. Кузнецова о законе о старообрядческих и сектантских общинах: Журналы и протоколы... Т. 4. С. 100 (2 пагин.).

¹²⁷⁵ Отметим, что этим он как бы вводил приходские попечительства, так же, как и проектируемый попечительский совет распоряжавшиеся только своим, «прихожанским» имуществом, в приходскую ограду, реализовывал давнюю идею об их «оцерковлении».

¹²⁷⁶ Н.А. Протасов – обер-прокурор Св. Синода в 1836–1855 гг.

Обсуждение приходского вопроса в общем собрании Предсоборного присутствия (8, 11, 12, 14, 15 декабря 1906 г.)

Пять последних заседаний общего собрания Предсоборного присутствия были посвящены реформе прихода. Собранию были представлены основные положения об устройстве прихода IV отдела, основные положения И.С. Бердникова и оба проекта приходского устава, но было ясно, что собрание не сможет рассмотреть подробно проекты, а речь пойдет о том, будут одобрены или нет основные положения. В начале заседаний Присутствие обсуждало закон от 17 октября 1906 г., снова, теперь уже в общем собрании был прочитан доклад Н.Д. Кузнецова и оглашено заключение, сделанное IV отделом по поводу нового закона. Короткий обмен мнениями показал, что общее собрание солидарно с основной мыслью доклада Н.Д. Кузнецова и мнением отдела¹²⁷⁷. Затем Присутствие сосредоточилось на обсуждении двух основных вопросов: вопроса о природе прихода и вопроса о приходском имуществе. Дискуссия в общем собрании шла достаточно напряженная. В ходе нее четко выявились две позиции по приходскому вопросу среди членов присутствия и шире – в русском церковном обществе. Причем в дискуссии в присутствии вскрылись и основные мотивы этих позиций, их видение церковного будущего и в общем – будущего России.

Вопрос о природе прихода

После обсуждения доклада Н.Д. Кузнецова в общем собрании был поднят вопрос о том, что именно входит в понятие «приход». Членов присутствия интересовало не формальное определение, а понимание *природы* прихода, они сетовали, что IV отдел уклонился от такого определения. При этом было ясно, что в определении прихода, как в зерне, содержится образ будущего прихода, то направление, в котором он будет развиваться после предполагаемой реформы. Альтернативные точки зрения были заявлены почти сразу. Приход рассматривался или как «*церковная община*», причем «отдель-

---

¹²⁷⁷ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 273–281 (1 пагин.).

ная», как говорилось в § 2 проекта нормального устава, или «*учреждение церковной власти*»¹²⁷⁸.

Группа профессоров (А.И. Алмазов, И.С. Бердников, М.А. Остроумов), в основном, специалистов по каноническому праву с самого начала попыталась взять инициативу обсуждения в свои руки и начала последовательно отстаивать взгляд на приход как на учреждение церковной власти, как на элемент вторичный по отношению к епархии, как на «нераздельную часть епископии», производную от нее¹²⁷⁹. А.И. Алмазов был категорически против понятия «община» в определении прихода, даже в том, какое давал И.С. Бердников, у которого «община» обязательно именовалась «церковной». А.И. Алмазов, как и его казанский коллега, видели угрозу в том, что идея «гражданской общины» проникнет в церковную сферу. Как видим, И.С. Бердников в общем собрании Присутствия нашел еще более радикальных последователей своего взгляда на приход, которые подвергли даже его критике за слишком обширные уступки «общинной» точке зрения¹²⁸⁰.

А.И. Алмазов последовательно проводил идею об учреждении, *создании* прихода епархиальной властью, подчеркивая, что именно она дает приходу причт и храм. Казалось, он совершенно забывал, что исторически это было справедливо разве что для XIX в., а на протяжении многих предшествующих веков инициатива создания прихода шла далеко не только от епископской власти, но и от земской или городской общины, от клириков (по праву владения церквами), от монастырей, от государственной власти, от частных лиц в их поместьях... Даже по синодальному законодательству, процедура образования нового прихода начиналась с инициативы сельского или городского общества. Вопреки этому А.И. Алмазов утверждал, что «приход не есть что-либо самозарождающееся». Причем настаивал на том, что «так было всегда, так это есть и теперь»¹²⁸¹.

---

¹²⁷⁸ Там же. С. 285 (1 пагин.).

¹²⁷⁹ Там же. С. 283 (1 пагин.).

¹²⁸⁰ Там же. С. 290 (1 пагин.).

¹²⁸¹ Там же. С. 294 (1 пагин.).

Если приход учрежден вышестоящей инстанцией, он не может считаться «церковной единицей», не имеет самостоятельности и выступает как «подчиненное епархиальное установление»¹²⁸². С этой точки зрения указанная группа подвергла жесткой критике общие положения IV отдела как предполагающие «приходское самоуправление». М.А. Остроумов говорил:

Если допустить самоуправление приходов, тогда епархия будет представлять союз самоуправляющихся единиц, поместная церковь – союз епархий, а вселенская – союз поместных церквей¹²⁸³.

В таком случае Церковь предстает как «федерация самостоятельных общин», организующаяся «снизу», а это было совершенно неприемлемо для этой группы диспутантов. Церковь, утверждал М.А. Остроумов, организуется «сверху», она «основана», и потому в ее основе «всегда лежал объективный принцип», закон, а не решение самоуправляющихся общин¹²⁸⁴.

Для выработки точного определения прихода И.С. Бердников предлагал выделить главный элемент приходской жизни. Приход, рассуждал казанский профессор, отделился от епископа для удобства совершения богослужений, значит, религиозно-богослужебная функция – главная для формулирования определения прихода¹²⁸⁵. Но в этой логике мы видим и зачаток редукции приходской деятельности исключительно к богослужению, что И.С. Бердникова, видимо, не настораживало. Исходя из идеи о приходе как учреждении, выводился взгляд на прихожан как на подчиненный элемент в приходе. М.А. Остроумов прямо называл прихожан пассивным, руководимым элементом прихода¹²⁸⁶. Отсюда же делался вывод о том, прихожане стоят в отношении к приходу как те, у кого есть обязанности, а не права. Мы уже видели, что эта мысль была последовательно проведена в проекте И.С. Бердникова. М.А. Остроумов развивал эту мысль:

---

¹²⁸² Там же. С. 283, 286 (1 пагин.).

¹²⁸³ Там же. С. 286 (1 пагин.).

¹²⁸⁴ Там же. С. 286 (1 пагин.).

¹²⁸⁵ Там же. С. 289 (1 пагин.).

¹²⁸⁶ Там же. С. 298 (1 пагин.).

Самое возрождение прихода <...> может совершиться не через присвоение ему тех или иных прав, а через пробуждение в приходе сознания христианских обязанностей¹²⁸⁷.

Однако практика показывала, что редукция религиозной жизни в приходе к исполнению предписанных обязанностей профанировала саму эту жизнь, о чем ярко говорил, как мы помним, в своем докладе о приходе Н.Д. Кузнецов. Для обоснования своего подхода указанная группа постоянно ссылалась на каноны, византийское и российское имперское законодательство, акцентируя в этих актах первенствующую роль епископа. Можно сказать, что эти профессора-канонисты находились под обаянием величественного здания имперской церкви.

Их оппоненты (в основном, члены IV отдела, но также и другие члены Присутствия, в частности, А.А. Киреев) были не столь консолидированы. И это было понятно. Мы помним, что многим членам IV отдела, в том числе его председателю не была чужда идея о приходе как учреждении (этим позиция большинства отдела отличалась от позиции А.А. Папкова), но они считали важным отстаивать самоуправление прихода. Видимо, поэтому они предпочитали не сосредотачиваться на определении прихода, а описать его права. Между тем их желание уклониться от определения прихода ставило их в более слабую позицию. Кроме того, складывается впечатление, что яркие и опытные преподаватели, входившие в первую группу, были и более яркими полемистами. Вторая группа – за исключением разве что Н.Д. Кузнецова – на первых рассматриваемых заседаниях явно проигрывала им в риторической подкованности, эмоциональности, последовательности в отстаивании аргументов.

А.А. Папков пытался объяснить, почему не хочет давать определения прихода. Он аккуратно подводил слушателей, например, к тому, что территориальная характеристика прихода отмирает, но прямо не предлагал убрать

---

¹²⁸⁷ Там же. С. 290 (1 пагин.).

ее из определения, а только – не давать никакого определения¹²⁸⁸. Между тем, его основная мысль была ясна. Она была подобна славянофильской идее, которую мы видели еще у Д.Ф. Самарина. Приход для А.А. Папкова был частью общества, «*малой церковью*», «церковно-общественной единицей, выделяемой из гражданского общества, как юридическое лицо»¹²⁸⁹. Он говорил, что он и его единомышленники признают «нравственное сопричастие епископа в приходе». Но это звучало слишком абстрактно, иерархическое начало в его изложении «церковно-общественной» идеи действительно оказывалось в тени, на что педантично обращали внимание оппоненты. Под их давлением А.А. Папков попытался дать свое определение прихода. По нему, приход в составе клира и мирян – это особая церковная община в зависимости от епархиального епископа с правами юридического лица¹²⁹⁰. Его поддержал Н.А. Заозерский, который подчеркнул, что если уж давать определение прихода, то в него надо включить именно эти три элемента: категорию «общества», зависимость от епископа и право юридического лица¹²⁹¹. А.А. Киреев призвал при рассуждениях о приходе ориентироваться на братства, а это – пусть и имплицитно – предполагало усиление добровольного начала в приходе в противовес территориальному¹²⁹². Другие члены IV отдела не стали спорить в общем собрании со своими коллегами (хотя, как позднее показало голосование, не были готовы поддержать определение А.А. Папкова). Они встали на защиту тезисов и проекта IV отдела и предлагали не давать определение прихода. Также члены этой группы диспутантов, полемизируя с М.А. Остроумовым, настаивали, что активным элементом следует считать всех членов прихода¹²⁹³.

Защищая точку зрения отдела о необходимости расширения самоуправления прихода, епископ Стефан выдвинул идею о градации прав, властных

---

¹²⁸⁸ Там же. С. 289 (1 пагин.).

¹²⁸⁹ Там же. С. 284 (1 пагин.).

¹²⁹⁰ Там же. С. 291 (1 пагин.).

¹²⁹¹ Там же. С. 293 (1 пагин.).

¹²⁹² Там же. С. 293, 300 (1 пагин.).

¹²⁹³ Там же. С. 298 (1 пагин.).

полномочий в Церкви. Полноту их, по его мысли, имеет Вселенская Церковь, которая устанавливает каноны, Поместная Церковь самоуправляется только в пределах канонов, епархия – в пределах канонов и постановлений высшего «распорядительного органа» Поместной Церкви, приход – в рамках, установленных для него всеми вышестоящими уровнями церковного организма. Именно такое самоуправление прихода и имел виду, по словам епископа Стефана, IV отдел¹²⁹⁴. Так он стремился успокоить оппонентов, но они, в общем, оставались глухи к подобным аргументам. Они считали правильным вообще отказаться от слова «самоуправление» в определении прихода. Между тем, члены IV отдела подвергли критике и постоянную апелляцию своих оппонентов к канонам и древнему законодательству. Н.А. Заозерский указал на неясность понятия «приход» (парикия) в канонах, объяснив, что под этим мог иметься в виду не только и даже не столько приход в современном понимании, но и загородная недвижимая епископская кафедра, ее доходное имение, населенное рабами или зависимыми людьми¹²⁹⁵. Н.Д. Кузнецов еще в своем докладе о приходе приводил мнение известного канониста Н.С. Суворова, который отмечал, что «в области приходской жизни» древние каноны «наименее применимы»¹²⁹⁶. Кроме того, Н.Д. Кузнецов обращал внимание в том же докладе на гипертрофированность в византийских законах «институтного» начала в жизни Церкви и потому – на невозможность опираться на них при реформе прихода и Русской Церкви в целом¹²⁹⁷.

Резюмировало позицию этой группы яркое выступление Н.Д. Кузнецова. Он принял вызов М.А. Остроумова, процитировавшего слова Спасителя «созижду Церковь...» (Мф 16:15–18) как доказательство своего взгляда на приход как на учреждение. В духе своих идей, высказанных в докладе о приходе, Н.Д. Кузнецов напомнил, что этим словам предшествовало исповеда-

---

¹²⁹⁴ Там же. С. 287 (1 пагин.).

¹²⁹⁵ Там же. С. 284 (1 пагин.).

¹²⁹⁶ Журналы и протоколы 4. 149 (2-й пагин.). Ср.: Суворов Н.С. Монастыри и церкви как юридические лица. С. 94.

¹²⁹⁷ Журналы и протоколы 4. 132, 152 (2-й пагин.).

ние апостола Петра – отклик учеников на проповедь Христа. Поэтому и теперь, говорил оратор:

Люди должны активно ответить на призыв христианства, и тогда только они делаются настоящими христианами. Активный образовательный элемент сверху должен встретиться с активным же принимающим элементом снизу. <...> нельзя оперировать одним понятием Церкви, как учреждения, но необходимо тесно соединять его с ее элементом общественным¹²⁹⁸.

Он чутко уловил основной нерв в позиции оппонентов и говорил, что А.И. Алмазов, как и его сторонники

совершенно оттесняет в нем <в приходе> на задний план приходское общество, а склонен считать его чуть ли не элементом посторонним. Но ведь общество – это самое тело Церкви, и нигде это не становится так ясно, как в приходе. Если где, то именно здесь народ имеет особое значение¹²⁹⁹.

Н.Д. Кузнецов критиковал идею религиозной жизни как комплекса обязанностей, повторяя тезисы, отраженные в его докладе:

Церковная жизнь не может брать в основание одни обязанности. Если я исполняю закон христианский как обязанность, как долг, это значит – я нахожусь еще как бы под законом и не достиг еще указываемого христианством внутреннего состояния. Если приход предназначен к исполнению обязанностей, то на чем же будет построено свободное общение в церковной жизни, которое необходимо для самого оживления прихода?¹³⁰⁰

Приход как учреждение действительно существует в России, подытоживал Н.Д. Кузнецов свое выступление, но «в нем заснуло начало церковно-общественное», и главная задача реформы – его разбудить¹³⁰¹.

Так дискуссия о природе прихода высветила две эkkлeзиологические парадигмы: взгляд на приход как на часть епископии и как на «церковно-общественную» единицу (пользуясь терминологией Н.Д. Кузнецова). Причем второй подход был склонен вобрать в себя основную идею первого, учесть

---

¹²⁹⁸ Журналы и протоколы 3. 295 (1 пагин.).

¹²⁹⁹ Там же. С. 295–296 (1 пагин.).

¹³⁰⁰ Там же. С. 295 (1 пагин.).

¹³⁰¹ Там же. С. 296 (1 пагин.).

иерархическое начало в приходской жизни. Первый подход был более бескомпромиссен. Это показало и голосование по определениям прихода, состоявшееся 11 декабря. На этом заседании членам Присутствия были предложены шесть определений прихода, из которых на голосование было поставлено четыре. Первым было определение И.С. Бердникова из его сепаратного проекта.

Вторым – определение профессора А.И. Алмазова:

Православный приход есть церковное учреждение, состоящее в ведении епископа для удовлетворения религиозно-нравственных нужд определенного в числе собрания православных христиан под пастырским руководством священника и при назначенном для того церковною властью храме¹³⁰².

Третьим было определение П.И. Остроумова:

Каждая церковная община, объединяющая в составе своем прихожан православной Церкви на определенной территории для удовлетворения религиозно-нравственных потребностей и имеющая свой храм для богослужбных собраний с самостоятельным при нем причтом, составляет отдельный приход. Как нераздельная часть епископии приход находится в подчинении епархиальному епископу. Ближайшее руководство приходом принадлежит местному приходскому священнику¹³⁰³.

Наконец, четвертым было определение А.А. Папкова:

Приход в составе клира и мирян есть особая церковная в зависимости от епархиального епископа община с правами юридического лица¹³⁰⁴.

Как видим, формула И.С. Бердникова акцентировала богослужбное предназначение прихода и дважды подчеркивала руководящую роль епископа. Формула А.И. Алмазова была квинтэссенцией его рассуждений и содержала определение прихода как «учреждения», на котором он и настаивал. Формула П.И. Остроумова единственная специально подчеркивала террито-

---

¹³⁰² Журналы и протоколы... Т. 3. С. 297, 386 (1 пагин.). Первоначально в формуле А.И. Алмазова вместо слов «собрания православных христиан» стояло «собрания верующих». Формула была отредактирована в ходе финального обсуждения общих положений, принятых Предсоборным присутствием.

¹³⁰³ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 297 (1 пагин.).

¹³⁰⁴ Там же. С. 297 (1 пагин.).

риальный принцип формирования прихода, а А.А. Папкина – единство в приходе пастырей и паствы и наделяла приход правами юридического лица. Каждый из присутствующих, по настоянию профессора Н.Н. Глубоковского, мог подавать голоса за несколько формул. В результате большинство голосов (21) получила формула А.И. Алмазова. Она и вошла в качестве определения прихода в общие положения, принятые общим собранием Предсоборного присутствия.

При этом самым интересным было то, как распределились голоса членов Присутствия. За определение И.С. Бердникова проголосовали 18 членов: митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), архиепископы Литовский Никандр (Молчанов) и Финляндский Сергей (Страгородский), протоиереи П.И. Соколов и И.И. Коялович, профессора В.Ф. Певницкий, Н.И. Ивановский, И.С. Бердников, Н.Н. Глубоковский, М.Е. Красножен, А.А. Дмитриевский, А.И. Бриллиантов, И.И. Соколов, И.В. Попов, К.Д. Попов, С.Т. Голубев, а также П.Б. Мансуров и Л.А. Тихомиров.

За формулу А.И. Алмазова отдали голоса: митрополиты Московский Владимир (Богоявленский) и Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископы Одесский Димитрий (Ковальницкий), Ярославский Иаков (Пятницкий), Волынский Антоний (Храповицкий), епископы Псковский Арсений (Стадницкий), Могилевский Стефан, Имеретинский Леонид (Окропиридзе), протоиереи П.И. Соколов, И.И. Коялович, Ф. Успенский, профессора С.Т. Голубев, К.Д. Попов, И.И. Соколов, А.И. Бриллиантов, М.Е. Красножен, Н.Н. Глубоковский, А.И. Алмазов, М.А. Остроумов, а также А.А. Нейдгардт и Л.А. Тихомиров.

За определение П.И. Остроумова подали голоса три члена Присутствия: архиепископ Сергей, протоиерей П.И. Соколов, П.И. Остроумов.

За определение А.А. Папкина – семь членов: архиепископ Сергей, епископ Сухумский Кирион (Садзагелов), протоиереи А.П. Мальцев и Ф. Успен-

ский, А.А. Киреев, А.А. Папков, Н.Д. Кузнецов. Многие члены Присутствия воздержались от голосования или проголосовали с оговорками¹³⁰⁵.

Как видим, это голосование не привело к поляризации Присутствия. Ряд его членов подавали голоса сразу за несколько определений, причем довольно разных по своему содержанию. За разные формулы голосовали и члены IV отдела. Многие из них, включая председателя, проголосовали за определение А.И. Алмазова, еще раз показывая тем самым, что они солидаризовались с заложенным в нем экклезиологическим принципом – «собрания» Церкви сверху вниз. Однако это не мешало им (в отличие от автора победившей формулы) мыслить приход как самостоятельную единицу. Это особенно ярко показали последующие заседания и дискуссия о приходском имуществе.

Вопрос о приходском имуществе

Вопрос о приходском имуществе оказался тем пунктом, который еще более четко, чем полемика об определении прихода, выявил принципиальные позиции споривших. При этом дискуссия шла по достаточно сложной траектории. Обсуждение вопроса началось 11 декабря с напористого наступления противников проекта IV отдела. Сторонники проекта были поставлены в позицию обороняющихся. Одновременно А.А. Папков попытался предложить общему собранию Присутствия свою старую идею о необходимости единства имущества в приходе при одном его распорядителе – приходских собраниях и совете. Это, как мы знаем, отличалось от позиции IV отдела, который разделил имущество в приходе на три категории. Однако в ходе обсуждения, под давлением группы профессоров-канонистов А.А. Папков снова «отступил» на позиции, близкие к мнению большинства IV отдела. Параллельно обсуждалась концепция верховной собственности всей Российской Церкви на все церковное имущество. Водоразделом дискуссии стало выступление архиепископа Одесского Димитрия (Ковальницкого), после которого она

---

¹³⁰⁵ Там же. С. 296–302 (1 пагин.).

приобрела иную тональность, а спорящие выявили принципиальные основания своих взглядов.

Позиция оппонентов IV отдела

Критиками проекта IV отдела в вопросе о приходском имуществе выступила та же группа профессоров, что отстаивала идею о приходе как учреждении (А.И. Алмазов, И.С. Бердников, М.А. Остроумов). К ним присоединили свои голоса и другие члены Присутствия (А.А. Дмитриевский, протоиерей Т. Буткевич и М. Горчаков и др.). Эта группа категорически настаивала, что собственником церковного имущества с правами юридического лица должен оставаться храм. Причтовое имущество при этом не должно было отделяться от имущества церковного. В качестве уступки они соглашались предоставить права юридического лица и «приходскому обществу», входящему в состав прихода, но только – на имущество, собранное им самим¹³⁰⁶. Более того, некоторым членам группы, в частности, М.А. Остроумову, даже признание прав прихожан на это «прихожанское» имущество (выражение И.С. Бердникова) казалось опасным. Харьковский профессор обращал внимание на действительно присутствовавшее в проекте IV отдела расширение экстрарелигиозных функций прихода и опасался вовлечения его в социальную политику и в «классовую борьбу». По его мнению, и приходские средства должны были принадлежать храму, а прихожане могли бы получить к ним доступ (но только к ним) на основании ктиторского, «попечительского» права¹³⁰⁷.

При этом И.С. Бердников в ходе обсуждения проявил склонность радикализировать свою первоначальную позицию. Он заявил, что рассматривает предоставления прихожанам права юридического лица на приходские суммы (что предусматривалось его сепаратным проектом) уже как уступку своим оппонентам, но при попытках с их стороны добиться того, чтобы в приходе

---

¹³⁰⁶ Там же. С. 302, 311, 313–315 (1 пагин.).

¹³⁰⁷ Там же. С. 313–315 (1 пагин.).

существовал один распорядитель имуществом, он начинает колебаться, так как «рискованным становится допустить и эту уступку»¹³⁰⁸. Так началась корректировка позиции казанского канониста. Окончательно она завершится в заседаниях Особого совещания 1907 г. (см. следующий параграф), где его позиция, фактически, совпадет с позицией архиепископа Одесского Димитрия, которую мы опишем ниже.

В попытках IV отдела допустить прихожан к хотя бы ограниченному участию в распоряжении церковным имуществом указанные члены Присутствия видели скрытый умысел к признанию прихода «субъектом прав на *все* имущество, не исключая и храмового»¹³⁰⁹. А представители духовенства даже говорили о том, что таким допуском закрепляется «захватное право» прихожан в отношении церковного имущества (выступление протоиерея М. Горчакова)¹³¹⁰. Причт настолько привык распоряжаться церковным имуществом, что рассматривал его как свое, игнорируя то обстоятельство, что оно составлялось из пожертвований мирян. Распоряжение церковным имуществом, по мнению этой группы, должно было принадлежать исключительно епископу (и причту в приходе как его уполномоченному). В самом лучшем случае такое распоряжение могло осуществляться при участии «представителей от собрания» при всецелом руководстве со стороны иерархии. Здесь, как правило, имелся в виду институт представителей прихода, участвовавших, по инструкции церковным старостам 1890 г., в высылке церковных сумм, но на деле не игравших никакой роли. Указания членов IV отдела на то, что участие прихожан в распоряжении церковным имуществом не будет бесконтрольным, а поставлено в проекте нормального устава в четкие рамки, их оппонентами или игнорировались, или отменялись со ссылкой, что такой контроль неосуществим¹³¹¹. В подтверждение своей позиции эта группа профессоров и их единомышленники постоянно приводили примеры произвола в

---

¹³⁰⁸ Там же. С. 320 (1 пагин.).

¹³⁰⁹ Там же. С. 310, 342–343, 371 (1 пагин.).

¹³¹⁰ Там же. С. 302 (1 пагин.).

¹³¹¹ Там же. С. 330 (1 пагин.).

отношении церковного хозяйства со стороны российских старост, греческих эпитропов (аналог старост в Константинопольском патриархате), а также со стороны крестьянских общин. В мрачных тонах они видели и будущее отечественного прихода в случае реализации предложений IV отдела¹³¹².

Единство имущества и распорядителей

С другой стороны, А.А. Папков фактически предпринял попытку пересмотреть итоги работы IV отдела в вопросе о разделении приходского имущества на три категории и попытался предложить общему собранию Присутствия свою старую идею о единстве церковно-приходского имущества и его распорядителя в приходе. Это было созвучно позиции Н.Д. Кузнецова, А.А. Киреева и других членов общего собрания, не участвовавших в выработке проекта нормального устава. Согласно этой идее, в приходе должны быть одна собственность, церковная (в которую входит и храмовое, и причтовое, и приходское имущество), и один распорядитель этой собственности – приход в составе и клира, и мирян, осуществляющий это распоряжение под надзором епископа и высшей церковной власти на правах «майората» (ограниченного распоряжения). Причем верховным собственником этого имущества признается вся Российская Православная Церковь¹³¹³. За таким приходом следовало закрепить права юридического лица. Главной целью такого преобразования было вернуть «целостность церковной общины». Это был центральный мотив указанной группы диспутантов¹³¹⁴.

С этой точки зрения Н.Д. Кузнецов остро и последовательно критиковал предложения А.И. Алмазова и И.С. Бердникова позволить прихожанам заводить свое отдельное имущество. Он указывал, что в центре приходской жизни должна быть личность Спасителя, все жертвы и на храм, и на благотворительность должны приноситься Ему. Поэтому и всякое имущество, собранное в приходе, должно быть церковным, то есть «предназначенным целям

---

¹³¹² Там же. С. 327–332 (1 пагин.).

¹³¹³ Там же. С. 302–303, 307, 309 (1 пагин.).

¹³¹⁴ Там же. С. 309, 317–318 (1 пагин.).

Церкви». Особое внимание оратор обращал на необходимость гласности в распоряжении церковно-приходским имуществом: «миряне как овцы словесные» не могут быть лишены «права знать» о его судьбе¹³¹⁵. Причем А.А. Папков и его единомышленники постоянно подчеркивали, что речь идет не о приходе-собственнике, а именно о приходе-распорядителе церковно-приходским имуществом¹³¹⁶. Н.А. Заозерский, в частности, говорил:

Имущество церковное собирается в течение веков. <...> Владельцы данного времени тогда только имеют в нем участие, когда находятся в общении с отшедшими отцами и братьями, а раз они изменили вере отцов, они не имеют никакого участия в церковном имуществе¹³¹⁷.

Однако их оппоненты игнорировали это различие: они были уверены, что приход делается фактическим собственником этого имущества.

Идея о всей Российской Церкви как верховном собственнике церковного имущества

Еще в заседаниях IV отдела А.А. Папков предложил рассматривать как верховного собственника всего церковного имущества (включая храмовое, причтовое и приходское) всю Российскую Церковь. Тем самым предлагалась правовая норма, оберегающая церковную собственность от нецелевого использования или несанкционированного отчуждения, создавалось юридическое основание для ограничения прихожан в распоряжении этой собственностью. Но одновременно, по мысли ее автора, именно эта норма и позволяла передать целиком всю церковно-приходскую собственность в распоряжение приходу без угрозы для нее. Эта концепция нашла сторонников и среди членов общего собрания Присутствия и достаточно активно поддерживалась другими членами IV отдела, в том числе, епископом Стефаном, которые не были склонны поддержать идею А.А. Папкова о единстве собственности в

---

¹³¹⁵ Там же. С. 317–319 (1 пагин.).

¹³¹⁶ Там же. С. 305 (1 пагин.).

¹³¹⁷ Там же. С. 307 (1 пагин.).

приходе¹³¹⁸. Н.Д. Кузнецов перечислил примеры из юридической практики, которые могли трактоваться как признание прав Российской Церкви (духовного ведомства) на имущество отдельных церквей и монастырей, то есть как прообраз той законодательной нормы, которую предлагал IV отдел¹³¹⁹. Тем самым, говорил оратор, приход как юридическое лицо – «это будет лицо, производное от епархии, и собственник имущества ограниченный». Но именно поэтому

распоряжение приходским имуществом <...> должно принадлежать приходу как одному церковному целому и происходить лишь в пределах церковных целей и под надзором высшей церковной власти¹³²⁰.

Епископ Стефан сделал попытку обосновать идею о Российской Церкви как верховном собственнике имущества на основании церковных правил. Он напомнил, что эти правила называют «церковное имущество Божиим и по каждой отдельной епископии» вверяют его епископу. Экстраполяция прав епископа на имущества в его епархии на всю Церковь приводит к заключению, что «все они как Божии должны быть в распоряжении всей Русской Православной Церкви в лице ее представительного органа»¹³²¹. Таким образом, по мысли председателя IV отдела, права распоряжения церковным (храмовым) имуществом делегируется сверху вниз и должны осуществляться под надзором церковной власти. При этом приходские суммы существуют отдельно, они неприкосновенны для церковной власти и идут на местные нужды прихода. Первыми прихожане распоряжаются в согласии с церковной властью, вторыми – на основании возможно широких прав¹³²². В этом пункте

---

¹³¹⁸ Там же. С. 307, 309, 310, 379–380 (1 пагин.).

¹³¹⁹ Там же. С. 379–380 (1 пагин.).

¹³²⁰ Там же. С. 380 (1 пагин.).

¹³²¹ Там же. С. 321 (1 пагин.). Отметим, что идея изоморфизма церковной жизни на разных уровнях ее организации, на основании которой производилась демонстрируемая епископом Стефаном экстраполяция, с точки зрения современного православного богословия не вполне однозначна. Так, принятый Священным Синодом Русской Православной Церкви 25–26 декабря 2013 г. документ «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви» весомо критикует экстраполяцию прав епископа в его епархии на Поместную и Вселенскую Церкви (<http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html>).

¹³²² Журналы и протоколы... Т. 3. С. 305–306 (1 пагин.).

позиция епископа Стефана отличалась от позиции А.А. Папкова, Н.А. Заозерского, Н.Д. Кузнецова, которые все же имели в виду (по крайней мере, в начале обсуждения) единство церковного и приходского имущества.

Группа А.И. Алмазова – И.С. Бердникова – М.А. Остроумова категорически не согласилась с концепцией о верховной собственности Российской Церкви на церковно-приходское имущество. А.И. Алмазов довольно безапелляционно заявил, что вся Российская Церковь – фиктивный субъект¹³²³. Он, очевидно, усматривал в этой идее лишь очередную уловку своих оппонентов. М.А. Остроумов попытался оспорить приведенные Н.Д. Кузнецовым примеры зачаточного существования дискутируемой нормы в юридической практике. Он считал, что в этих случаях духовное ведомство выступало как «душеприказчик», а не собственник. Харьковский профессор утверждал, что вся эта теория – старая, «средних веков», «совершенно оставленная»¹³²⁴. А.И. Алмазов и М.А. Остроумов отрицали идею верховной собственности Российской Церкви, так как понимали, что, по их логике, «выстраивающей» Церковь «сверху вниз», верховные права на церковную собственность надо будет закрепить за Вселенской Церковью (М.А. Остроумов прямо говорил об этом), а это представлялось уже абсурдом¹³²⁵. В этом своих коллег поддержал И.С. Бердников, хотя он единственный не считал всю эту концепцию «ересью»¹³²⁶. С практической точки зрения критиковал концепцию архиепископ Одесский Димитрий. Он говорил, что прихожане привыкли жертвовать своей местной церкви и будут против того, чтобы жертвовать всей Церкви, а это перейдет в «борьбу за собственность своей приходской церкви»¹³²⁷. Получалось, что практичнее было просто изымать ее собственность в виде епархиальных сборов негласно для прихожан.

Сближение точек зрения А.А. Папкова и IV отдела

---

¹³²³ Там же. С. 311 (1 пагин.).

¹³²⁴ Там же. С. 382 (1 пагин.).

¹³²⁵ Там же. С. 310, 382 (1 пагин.).

¹³²⁶ Там же. С. 320 (1 пагин.).

¹³²⁷ Там же. С. 376 (1 пагин.). Ср.: Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г.

Под напором профессоров-канонистов А.А. Папков (но не Н.Д. Кузнецов) отступил от своей идеи о единстве имущества в приходе. Он согласился с возможностью разделения церковно-приходского имущества и даже с возможностью существования в приходе двух юридических лиц, хотя и подчеркнул, что «это не моя формула», что для него это – компромисс. Но главное, на чем он продолжал настаивать, – это на единстве распоряжения имуществом и единстве представительства двух возможных юридических лиц в одном органе – в приходском совете, в соответствии с указанием Синода. Тем самым А.А. Папков пересмотрел свое первоначально критическое отношение к синодальному определению от 18 ноября 1905 г. Теперь он апеллировал к нему для защиты своей позиции. Епископ Стефан поддержал его. Он в принципе соглашался с тем, что в приходе может быть и одно юридическое лицо с распределением имущества по целям использования (что близко к воззрениям Н.Д. Кузнецова), но коль скоро эта мысль вызывает сопротивление, возможно учреждение в приходе и нескольких юридических лиц, при сохранении «единства представительства при том и другом юридическом лице» в приходских собраниях и совете. Именно такой взгляд, по его словам, и отражен в проекте IV отдела. Тем самым этот проект, подчеркивал преосвященный, уже носит компромиссный характер, и нет принципиальных препятствий для его принятия всеми спорящими сторонами. Для достижения окончательного соглашения он предлагал передать вопрос о том, сколько юридических лиц должно быть в приходе для более надежного охранения церковно-приходского имущества, специальной комиссии юристов¹³²⁸. Могилевский преосвященный напомнил, что действующий порядок распоряжения имуществом отвергнут,

так как фактически распоряжается церковными суммами или один приходский священник, никогда обыкновенно не справляющийся ни с согласием подчиненных ему низших членов причта, ни с согласием старосты, особенно в селах при безграмотности большей части церковных старост; или же ими распоряжается один

---

¹³²⁸ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 332–334 (1 пагин.).

церковный староста, если он сильный человек или именитый купец, что бывает в большей части городских приходов. А то и другое явление совершенно ненормальное¹³²⁹.

Характерно, что к достижению компромисса со своими критиками стремились участники обсуждения, так или иначе солидаризовавшиеся с мнением IV отдела. Их оппоненты считали, что дать прихожанам возможность иметь особое имущество и распоряжаться им, – это уже достаточный компромисс с их стороны и не считали возможным сходить с этой позиции.

Принципиальные основания двух подходов к приходскому вопросу

Второй раунд дискуссии открыла речь архиепископа Херсонского и Одесского Димитрия (Ковальницкого), прозвучавшая в конце заседания 12 декабря¹³³⁰. Это было довольно раздраженное выступление, в котором оратор отменил всю работу IV отдела. Он заявил, что результат деятельности «возрожденцев прихода» ничтожен, и назвал это их «банкротством». При этом он явно имел в виду не только коллектив IV отдела, но и лично А.А. Папкова, который «так долго возился с вопросом о возрождении прихода». Архиепископ Димитрий первым из выступавших заявил о политической составляющей в позиции IV отдела и солидарных с ним членов Присутствия. Он обвинил их в «либерализме» и «кадетстве», в желании все разрушить и экспроприировать церковную собственность. В этом, конечно, сказался травматический и очень свежий опыт работы I Государственной думы, которая посягала и на церковное имущество. В депутатах – не без оснований – увидели разрушителей и государства, и Церкви. Архиепископ Димитрий заявил о тождестве мотивов у либеральных думцев и своих коллег по Предсоборному присутствию, радикализовав ненужным образом дальнейшую полемику. Интерпретировать взгляды своих оппонентов в политическом ключе было очень просто и поэтому соблазнительно, но в действительности такой прием несколько не вскрывал сути их воззрений.

---

¹³²⁹ Там же. С. 334 (1 пагин.).

¹³³⁰ Там же. С. 334–340 (1 пагин.).

Единое распоряжение имуществом одесский преосвященный назвал «лазейкой» «для вторжения прихода в распоряжение имуществом церкви». Он утверждал, что для деятельности прихожан достаточно существующих приходских попечительств, однако они «дурно поставлены», так как находятся в «неопределенно-независимом положении по отношению к епархиальной власти». Их следовало, по его мнению, поставить «в надлежащее положение» к этой власти, превратить в «приходское вспомогательное при церкви учреждение». Как видим, у старого стремления административным образом «оцерковить» попечительства все еще были свои сторонники. Архиепископ Димитрий подверг жесткой критике определение Синода от 18 ноября 1905 г. Учреждаемые им церковные советы он именовал «финляндским недоноском», а само определение – актом скороспелым, «изготовленным явно под торопливым давлением кого-то, вероятно, хорошо знающего финляндские приходские порядки, но недостаточно знакомого с духом и строем православного русского прихода»¹³³¹. В этих словах можно было прочесть прозрачный намек на архиепископа Выборгского и Финляндского Сергия (Страгородского), вкупе, возможно, с А.А. Папковым, который в 1904–1905 гг. в течение шестнадцати месяцев был тавастгусским губернатором. Оба присутствовали при этой речи, но источники, к сожалению, не донесли до нас их реакции¹³³².

Главный упрек, который одесский преосвященный выдвигал в адрес определения от 18 ноября, был тот, что им приходу и приходским деятелям не дано «ничего руководящего», что они предоставлены собственной инициативе, своему «свободному почину». Все это вызвало, по его словам, только «недоумение и соблазн». Причем «грозила опасность: сколько приходов,

---

¹³³¹ Там же. С. 337 (1 пагин.).

¹³³² При этом А.А. Папков не считал архиепископа Сергия ни инициатором, ни автором синодального определения от 18 ноября. Об этом недвусмысленно говорит его письмо с острой критикой определения, направленное императору 7 декабря 1905 г., в котором он указывал на финляндского преосвященного как на возможного председателя комиссии, которая могла бы «нейтрализовать» пагубные последствия синодального определения. То, что определение не было подсказано самим А.А. Папковым, следует из его резко отрицательной реакции на этот синодальный акт. См. § 1 и § 4 настоящей главы.

столько Уставов»¹³³³. Так архиепископ Дмитрий демонстрировал настрое-ние консервативных епископов, которым сложно было помыслить об иници-ативе «снизу», которые надеялись на инструкции и регламентации и хранили верность государственной церковности. Он был уверен в неудаче определе-ния от 18 ноября и обвинял IV отдел именно в том, что отдел, по его мнению, развил положения этого определения и построил свой проект («возбуждае-мый с особенною настойчивостью некоторыми своими членами» – новый намек на А.А. Папкова) на началах, «чуждых существу нашей православной Церкви»¹³³⁴. Как и профессора-канонисты, преосвященный считал, что глав-ная мысль проекта нормального устава состоит в передаче в руки приходско-го совета церковного хозяйства. Он видел за этим попытки мирян «вторг-нуться в распоряжение делами церковными» и считал, что это принесет только зло. Вывод был простой, вполне созвучный с предложениями группы А.И. Алмазова. Поскольку русский «приход жив», суждения о нем следует основывать «на нынешнем строе церковном»¹³³⁵. Это означает, что нужно все оставить, как есть, приходские советы со всеми их проектировавшимися пра-вами отменить, попечительства поставить под контроль епархиальной вла-сти.

Надо отдать должное оппонентам архиепископа Дмитрия и его едино-мышленников: они не стали раскручивать маховик политических обвинений, в общем-то недобросовестные упреки в свой адрес в «протестантизме» и «кадетстве» они игнорировали, оставаясь на почве церковной полемики и церковных аргументов. (А.А. Папков только один раз в ответ на очередной намек на свои протестантские симпатии со стороны И.С. Бердникова указал на то, что и в рассуждениях казанского профессора о полномочиях епископа можно увидеть католическое влияние, но обратил внимание, что он воздер-

---

¹³³³ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 338 (1 пагин.). Ср.: Там же. 342 (1 пагин.), а также мне-ние Л.А. Тихомирова о необходимости создания именно многих уставов, ориентированных на местные нужды.

¹³³⁴ Там же. С. 339 (1 пагин.).

¹³³⁵ Там же. С. 335, 344 (1 пагин.).

живается от подобных заключений¹³³⁶.) Однако после выступления архиепископа Димитрия накал полемики – особенно со стороны его единомышленников – вырос. К обвинениям в адрес IV отдела в «церковном политиканстве» присоединился А.И. Алмазов¹³³⁷. Поляризация среди членов общего собрания очевидным образом усиливалась. Оппоненты пытались дистанцироваться от такой поляризации. А.А. Киреев говорил:

Мы будто бы разделяемся на два каких-то враждебных лагеря, на людей, желающих как бы овладеть церковными суммами, и других, отстаивающих эти суммы, – на радикалов и консерваторов, на «левую» и «правую». Самая истинность наших мнений измеряется этими терминами. Мне кажется, ничего этого в нашей среде нет¹³³⁸.

В этой ситуации последовала серия выступлений сторонников расширения «церковно-общественного начала» в приходской жизни (в терминологии Н.Д. Кузнецова): А.А. Киреева, архиепископа Финляндского Сергия, Н.Д. Кузнецова, епископа Стефана, Н.П. Аксакова и других. С необходимостью расширения участия мирян в приходской жизни соглашался и председатель присутствия митрополит Санкт-Петербургский Антоний, хотя он был очень сдержан, не желая, очевидно, навязывать свое мнение членам Присутствия, и позволил себе лишь две краткие реплики в этом духе¹³³⁹. Все эти выступления объединяла важная черта. В них содержалось ощущение кризиса, который переживает Церковь, реалистичный взгляд на ее настоящее и будущее, понимание опасностей, ей грозящих, и признание одной из причин этого кризиса – отчуждение мирян от Церкви. Именно поэтому все эти ораторы сходились на том, что мирян нужно привлечь к делам внутри прихода, а не блокировать их. В них видели не «захватчиков», а потенциальных защитников:

---

¹³³⁶ Там же. С. 304–305 (1 пагин.).

¹³³⁷ Там же. С. 366 (1 пагин.).

¹³³⁸ Там же. С. 345 (1 пагин.).

¹³³⁹ Там же. С. 363–364, 378 (1 пагин.).

Привлекая мирян к участию в церковных делах прихода, мы тем самым создаем и надежных защитников церковного имущества против желающих его захватить¹³⁴⁰ (А.А. Киреев).

А.А. Киреев призвал прямо смотреть в глаза требованиям жизни, не отгораживаясь от них канонами. Преосвященный Сергей напомнил, что «в настоящее время» церковные суммы расходуются на цели, «иногда прямо воспрещаемые канонами», ведь существует запрет епископу тратить церковные средства «на своих», а что как не трата «на своих» расходы на сословные нужды:

Я не отрицаю, что наше малообеспеченное духовенство имеет право рассчитывать на пособие от Церкви и ее имущества. Но ненормальность наша в том, что приходы наши не *дают*, а у них просто *берут* на нужды духовенства, не спрашивая жертвователей, согласны ли они на такое употребление их жертвы *Богу*¹³⁴¹.

Нынешний способ распоряжения церковным имуществом, продолжал выступавший, нельзя «считать какой-то панацеей от захвата этого имущества». Он напомнил о секуляризации XVIII века и предупредил, что в будущем, при изменяющихся политических обстоятельствах «мы должны ожидать еще худшего»¹³⁴². «Кто тогда будет защищать церковное достояние?» – поставил он прямо пророческий вопрос.

В минуты опасности, таким образом, церковная власть окажется страшно изолированной и потому бессильной защитить церковное достояние¹³⁴³.

Но если бы церковное имущество принадлежало приходу, отнимать пришлось бы у народа, у самого общества. Одно это соображение, подчеркивал преосвященный, могло бы подвигнуть членов Присутствия не так отрицательно относиться к проекту IV отдела. Для уверенности, заключил он

---

¹³⁴⁰ Там же. С. 346 (1 пагин.).

¹³⁴¹ Там же. С. 346–347 (1 пагин.).

¹³⁴² Там же. С. 347 (1 пагин.).

¹³⁴³ Там же. С. 347 (1 пагин.).

свою речь, что «теперешнее наше церковное положение <...> так и останется навсегда», «у нас нет никаких оснований»¹³⁴⁴.

Н.Д. Кузнецов (тождественно первоначальной позиции А.А. Папкова) продолжал настаивать на необходимости существования одного собственника в приходе, но ограниченного в своих правах, подобно владельцу «майората»¹³⁴⁵. Он был уверен, что участие в распоряжении имуществом даст возможность для общего дела в приходе. Он квалифицировано и детально критиковал позицию И.С. Бердникова и его соратников, состоявшую в том, что приход уже имеет все необходимые ему права. Он напоминал, что ссылаться на двух представителей прихожан, имеющих присутствовать при высылке церковных сумм, и на другие приходские институты «почти все равно, что указывать на труп»¹³⁴⁶. Н.Д. Кузнецов в энергичных выражениях передавал позицию противников реформы прихода: «мы вас <мирян> боимся», устраивайте себе отдельно при приходе, но главное – церковная сторона должна идти по-прежнему.

После этого остается только совсем вытолкнуть народ как живое целое из Церкви и открыто объявить его безгласным стадом на подобие, например, римского католицизма!¹³⁴⁷.

Свою речь он заканчивал предупреждением, что в случае непроведения реформы прихода «может совершиться великая историческая ошибка, последствия которой теперь трудно и предвидеть...»¹³⁴⁸.

Протоиерей М. Казанский отклонил уверенность некоторых ораторов в том, что русские прихожане не способны к организации прихода, и что финляндский приход – нечто принципиально иное, чем русский. Он говорил, что в Выборге и Гельсингфорсе приходы состоят из выходцев из Ярославской, Калужской, Тверской губерний, и все они участвуют в приходской жизни, строят храм без подразделения сумм на разные категории, организовали рус-

---

¹³⁴⁴ Там же. С. 348 (1 пагин.).

¹³⁴⁵ Там же. С. 349 (1 пагин.).

¹³⁴⁶ Там же. С. 381 (1 пагин.).

¹³⁴⁷ Там же. С. 350 (1 пагин.).

¹³⁴⁸ Там же. С. 351 (1 пагин.).

ское образование, распоряжаются имуществом совместно с клиром, и между последним и мирянами нет противостояния¹³⁴⁹.

Епископ Стефан откликнулся на упреки архиепископа Димитрия в адрес IV отдела. По его словам, именно отказ от реформы и был бы «банкротством» Предсоборного присутствия и «прямо делом зловредным». Он также говорил о кризисе церковной жизни, о надвигающихся грозных временах, о грядущем нашествии враждебных Церкви идей и организаций. В этих условиях, продолжал преосвященный, приходский пастырь окажется одиноким перед этими явлениями, и нельзя оставить его без поддержки, а такой поддержкой должна быть приходская община. Поэтому-то, говорил он, «мы старались привлечь весь приход к полноте церковной жизни и церковных интересов», в том числе и экономических¹³⁵⁰. Само Предсоборное присутствие, по его словам, доказывает, что миряне не представляют опасности для Церкви, ведь они оказались «самым консервативным элементом». Но при этом работа в отделе сплотила его членов, и поэтому

целью работ нашего IV Отдела и было сделать всех членов малой Церкви – прихода в единстве клира и мирян столь же близкими друг другу, как стали близкими друг другу мы, объединенными в святое братство над общим для всех дорогим церковным делом. Всего этого мы и думали достигнуть введением прихожан в единстве с клиром *в церковь*, а не оставлением их лишь *при церкви*¹³⁵¹.

«Стихийного стремления мирян к участию в церковной жизни нам не остановить», и лучше дать для этого стремления направление, привлекая к совместной церковной работе, заключил преосвященный Могилевский¹³⁵².

Н.П. Аксаков уже в начале своей речи заявил, что стремление «открыть лазейку к церковным суммам» считает «вполне естественным, нравственно-справедливым, канонически-законным, церковным»¹³⁵³, и сам поступил бы именно так, если бы стал возрождать какой-либо приход. Он категорически

---

¹³⁴⁹ Там же. С. 351 (1 пагин.).

¹³⁵⁰ Там же. С. 352 (1 пагин.).

¹³⁵¹ Там же. С. 353 (1 пагин.).

¹³⁵² Там же. С. 353 (1 пагин.).

¹³⁵³ Там же. С. 354 (1 пагин.).

протестовал против попыток оппонентов утверждать, что церковные средства должны тратиться на общецерковные и епархиальные нужды, а приходские – не местные. Употребление церковных средств на местные потребности, говорил он, – это самая цель этого достояния, а не его расхищение. Равным образом и помощь бедным, которую профессора-канонисты предлагали осуществлять за счет сумм прихожан, согласно церковным правилам, включается в число видов употребления церковного имущества и даже стоит на первом месте среди этих видов. Имущество приходской церкви, говорил оратор, расхищается и сейчас в виде сборов с церковью. Широкая лазейка «пробита к этому имуществу сверху», через нее из прихода утекает львиная доля его средств в «ущерб и парализование» нужд местной церкви, и тем самым заглушается «церковная жизнь в самом начале ее, в самом ее роднике»¹³⁵⁴. В этой оценке сборов с приходских церквей как расхищения их достояния Н.П. Аксакову вторил Н.А. Заозерский. Он говорил: «Я могу образовать какой угодно кружок, стану членом его убеждать, чтобы они шли расхищать имущество церковное, ходя с кружкою по церкви», а это «порождает и нравственное расхищение», разделяя «истинный союз христиан на мелкие общества»¹³⁵⁵.

Н.П. Аксаков был убежден: собственность принадлежит Церкви, но не в смысле храма, а в смысле «части тела Христова». А вот «понятие о храме как собственнике вполне и безусловно чуждо канонам»¹³⁵⁶. Выступавший сделал обширный экскурс в область правовых и имущественных отношений, складывавшихся в древности вокруг языческого храма. Он тоже, как и Н.А. Заозерский и Н.Д. Кузнецов, считал практику закрепления церковного имущества за храмом – языческим влиянием, шедшим через византийское гражданское законодательство. (В этом пункте с ним спорил И.С. Бердников, как и епископ Стефан, считавший, что христианский храм, «подобен ветхозавет-

---

¹³⁵⁴ Там же. С. 356 (1 пагин.).

¹³⁵⁵ Там же. С. 364 (1 пагин.).

¹³⁵⁶ Там же. С. 356 (1 пагин.).

ной скинии»¹³⁵⁷.) Имущество языческого храма принципиально неотчуждаемо, говорил Н.П. Аксаков, церковное же, напротив, «подлежит постоянному отчуждению» – на бедных, убогих, странноприемлемых, в том числе и на сам храм, причт и другие нужды. Понятно поэтому, продолжал выступавший, что жертва христианскому Богу – это жертва Церкви как обществу¹³⁵⁸.

Финальным аккордом в череде речей сторонников проекта IV отдела прозвучало выступление Н.А. Заозерского, который опроверг утверждения оппонентов, что самоуправляющаяся приходская община «есть только в Финляндии» и напомнил о существовании ее в южнославянских православных Церквях, а затем сказал:

Я склоняюсь пред святою ревностью консерваторов в охранении церковного сундука, но система их устарела. Дело в том, что вся их система, выражаясь образно, сводится к тому, что нужно выковать стальной церковный сундук, чтобы не было в него лазейки. Я хвалю эту систему за ее бережливость, но она отжила свой век и недальновидна¹³⁵⁹.

К этому можно было бы добавить, что первоначально «сундук» выковывался для того, чтобы из него могло черпать государство.

Ответы оппонентов IV отдела показали их взгляд на ситуацию в стране и на результат предполагаемых реформ. М.А. Остроумов, кажется, единственный из его единомышленников признал кризис прихода и кризисное состояние всей России. Он видел кризис в сферах политической, национальной, культурной, вероисповедной, обще-религиозной. Он видел столкновение в сельских приходах начал индивидуального и общественного, вернее, общинного (хотя и не признавал, что это – объективный процесс). Однако вывод его был совсем иной, чем у его оппонентов. Он опасался, что в случае реализации спроектированной IV отделом приходской реформы последствия этого всеобъемлющего кризиса, в том числе партийность, борьба индивидуализма и общинности будут перенесены внутрь прихода (как будто до реформы он

---

¹³⁵⁷ Там же. С. 371 (1 пагин.).

¹³⁵⁸ Там же. С. 358–359 (1 пагин.).

¹³⁵⁹ Там же. С. 364 (1 пагин.).

был закрыт от этих процессов), и вместо его возрождения последует новый виток кризиса. Предложение харьковского профессора сводилось к тому, что необходимо изменить «личный состав прихода», переродить и перевоспитать прихожан и пастырей, «создать новый род людей»¹³⁶⁰. А значит и «вопрос о возрождении христианской жизни в приходе разрешен может быть не в сфере права, а в области исполнения христианских обязанностей»¹³⁶¹. Такое резюме удивило даже исключительно сдержанного председателя Присутствия.

А.И. Алмазов фактически призвал к полной консервации положения, существовавшего в приходской сфере. Он вслед за архиепископом Димитрием заявил, что проект IV отдела составлен под «руководством» «церковного политиканства»¹³⁶². Аргументы защитников проекта он отменил как несостоятельные. Развитие церковной благотворительности, по его мнению, было излишне, поскольку общественным призрением успешно занималось государство. Использование церковных средств на нецерковные нужды действительно существовало, но это – лишь уклонение от нормы, а они бывают при любых правилах. Указания на то, что имущественная деятельность прихожан будет проходить под контролем епископа, по его мнению, – «это одни слова». Он упрекнул IV отдел за то, что о епископе «почти нет упоминаний в уставе» и что в уставе не описаны меры пастырской работы епископа с приходами¹³⁶³. Хотя оставалось неясным, почему они должны описываться именно в приходском уставе. Оратор прямо утверждал, что приходское собрание верующих – это «объект для осуществления Церковью определенного ей божественною волею духовно-нравственного назначения»¹³⁶⁴. А сторонники проекта IV отдела, по его мнению, хотят, чтобы миряне руководили всем – от центрального церковного управления до епархии и прихода:

---

¹³⁶⁰ Там же. С. 359–363 (1 пагин.).

¹³⁶¹ Там же. С. 363 (1 пагин.).

¹³⁶² Там же. С. 366 (1 пагин.).

¹³⁶³ Там же. С. 364–367 (1 пагин.).

¹³⁶⁴ Там же. С. 368 (1 пагин.).

Миряне господствуют над целым собором епископов во всей Церкви, миряне господствуют над епископом в епархии, они же господствуют и над священником в приходе¹³⁶⁵.

Это будет, продолжал А.И. Алмазов, такое стадо, которое «само-пасется», толпа

порою невежественная, порою партийная и действующая под влиянием страстей и при полном забвении евангельских нравственных принципов, – а «подножие ног» этой толпы – ее рабы, – они же ее и пастыри¹³⁶⁶.

Он уверен, что его оппоненты проводят продуманный план по переустройству Церкви и руководствуются при этом «не христианским сознанием, а чистой политикой»¹³⁶⁷. То есть, как и архиепископ Димитрий, он полностью отказывал оппонентам в христианском основании их взглядов и, фактически, обвинял их в двуличии. Его вывод и *credo* выглядели совершенно естественно:

Уж если здесь выбирать, то лучше пусть при нашей Церкви по-прежнему остается с усвоенными ему теперь правами Обер-Прокурор, представитель священной особы Государя, чем будет в ней законодателем и властелином так усердно рекомендуемое нам, для осуществления «общительной соборности» и с усвояемым ему значением народное собрание...¹³⁶⁸

Хотя при этом А.И. Алмазов признавал, что итоги реформы Петра I – печальны как для Церкви, так и для самого государства. П.Б. Мансуров заметил в связи с этой речью, что Присутствие достаточно сделало для охранения власти епископа, но теперь следует «позаботиться и о другом необходимом условии здоровой церковной жизни, о самодеятельности церковного общества»¹³⁶⁹. Дискуссия завершалась. Следующий день должен был стать последним днем работы Предсоборного присутствия.

---

¹³⁶⁵ Там же. С. 368 (1 пагин.).

¹³⁶⁶ Там же. С. 368–369 (1 пагин.).

¹³⁶⁷ Там же. С. 369 (1 пагин.).

¹³⁶⁸ Там же. С. 369 (1 пагин.).

¹³⁶⁹ Там же. С. 370 (1 пагин.).

Финальные тезисы и голосование

Утром 15 декабря члены IV отдела собрались еще раз на специальное заседание, чтобы выработать более точную формулу относительно собственника церковного имущества и о принадлежности юридического лица в приходе. После обсуждения они приняли новую формулу, предложенную епископом Стефаном:

Православная Российская Церковь является собственником всего церковного, причтового и приходского имущества. В приходах же заведование местным церковно-приходским имуществом вверяется приходу как юридическому лицу, состоящему из причта и прихожан местного храма, находящихся в канонической зависимости от местного епископа¹³⁷⁰.

На начавшемся вскоре последнем заседании общего собрания Присутствия архиепископ Одесский Димитрий предложил свою, довольно пространную, состоявшую из двух частей формулу. Она гласила, что «1) приходская церковь как юридическое лицо есть собственник имущества церковного движимого и недвижимого». Далее перечислялись категории этого имущества: храмовое, причтовое и «с специальным назначением» на просветительные, благотворительные и подобные цели.

Заведует церковным имуществом всех трех разделов, как вообще хозяйственными делами церкви приходской, причт со старостой церковным и уполномоченными прихода, которые имеют права не только ежемесячных счетчиков церковных сумм и контролеров, а участников в ведении церковного хозяйства.

2) Приходская община, состоящая при приходской церкви, как юридическое лицо имеет на праве собственности отдельное от церковного движимое и недвижимое имущество, которым заведует приходское попечительство как выборное представительство приходской общины¹³⁷¹.

Далее говорилось, что расходуется это имущество в соответствии с § 5 Положения 1864 г., то есть на храм, причт и благотворительные цели; допущалась новая редакция этого положения. Заканчивалась формула утвержде-

---

¹³⁷⁰ Журналы и протоколы... Т. 4. С. 115–116 (2 пагин.); Журналы и протоколы... Т. 3. С. 382–383, 386 (1 пагин.).

¹³⁷¹ Там же. С. 377–378 (1 пагин.).

нием: «Приходское попечительство не вмешивается в распоряжение имуществом церковным»¹³⁷². Формула описывала существующее положение, добавляя лишь о возможности участия представителей прихожан «в ведении церковного хозяйства», но каким образом это участие могло быть реализовано, не говорилось.

Свою формулу общему собранию предложил и И.С. Бердников:

Приходская Церковь есть юридическое лицо в отношении к церковному имуществу. Заведывание и распоряжение церковным имуществом принадлежит приходскому причту, церковному старосте и представителям от прихожан под руководством приходского священника¹³⁷³.

В ходе краткого обмена мнениями Л.А. Тихомиров подал особое мнение, согласно которому было необходимо признать юридическим лицом приход, но не такой, какой проектировал IV отдел; если же приходский устав будет исправлен, необходимо ходатайствовать перед гражданской властью о признании такого прихода юридическим лицом¹³⁷⁴. Н.Д. Кузнецов прокомментировал поданные проекты основных положений:

Что же касается формул, предлагаемых архиепископом Дмитрием и проф. Бердниковым, то принятие их значило бы почти тоже, как если бы Предсоборное Присутствие прямо заявило: пусть будет в русском приходе все, как было до сих пор. Но разве это возможно?..¹³⁷⁵

Затем три формулы – IV отдела, архиепископа Дмитрия и И.С. Бердникова – были поставлены на голосование. Голоса снова могли подаваться за несколько формул. За формулу IV отдела подали голоса 31 член Присутствия (из 51 присутствующих), за формулу архиепископа Дмитрия – 20, И.С. Бердникова – 15. Причем все, кто голосовал за формулу И.С. Бердникова, голосовали и за формулу архиепископа Дмитрия. А вот за формулы IV отдела и архиепископа Дмитрия одновременно голосовали только два члена При-

---

¹³⁷² Там же. С. 378 (1 пагин.).

¹³⁷³ Там же. С. 378 (1 пагин.).

¹³⁷⁴ Там же. С. 378 (1 пагин.).

¹³⁷⁵ Там же. С. 381 (1 пагин.).

сутствия¹³⁷⁶. Таким образом, оно практически полностью разделилось на две неравные группы. Вопрос о приходском имуществе, в отличие от вопроса об определении прихода, привел к поляризации Присутствия. Очевидный численный перевес был на стороне тех, кто поддержал формулу и, видимо, подход к приходской реформе IV отдела. Назовем имена членов Присутствия, вошедших в эти две группы.

За формулу IV отдела голосовали: митрополиты Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) и Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископы Ярославский Иаков (Пятницкий), Волынский Антоний (Храповицкий), Литовский Никандр (Молчанов), Финляндский Сергей (Страгородский), епископы Псковский Арсений (Стадницкий), Могилевский Стефан (Архангельский), Сухумский Кирион (Садзагелов), Имеретинский Леонид (Окропиридзе), протоиереи Ф. Титов, И. Серебрянский, М. Казанский, Ф. Успенский, А. Лебедев, И. Левитский, А. Мальцев (шестеро последних – члены IV отдела), священники А. Рождественский, Т. Козловский, профессора Н.А. Заозерский, И.В. Попов, М.А. Машанов, а также – П.И. Остроумов, А.А. Нейдгард, П.Б. Мансуров, А.А. Киреев, Н.Д. Кузнецов, Н.П. Аксаков, В.П. Шеин, А.А. Папков и обер-прокурор Синода П.П. Извольский.

За формулу архиепископа Дмитрия выступили: митрополит Московский Владимир (Богоявленский), архиепископы Одесский Дмитрий (Ковальницкий), Ярославский Иаков (Пятницкий), протоиереи М. Горчаков, И. Коялович, Т. Буткевич, П. Соколов, И. Левитский (последние двое – члены IV отдела), профессора С.Т. Голубев, К.Д. Попов, И.В. Соколов, А.А. Дмитриевский, М.Е. Красножен, Н.Н. Глубоковский, А.И. Алмазов, М.А. Остроумов, Н.И. Ивановский, В.Ф. Певницкий, И.С. Бердников и товарищ обер-прокурора Синода А.П. Рогович¹³⁷⁷.

---

¹³⁷⁶ Это были архиепископ Ярославский Иаков и член IV отдела протоиерей И.К. Левитский, который, очевидно, чувствовал себя обязанным поддержать своих коллег по отделу, но правильной считал точку зрения их оппонентов.

¹³⁷⁷ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 383 (1 пагин.).

Таким образом, Присутствие остановилось, казалось бы, на парадоксальном решении: оно приняло определение прихода, предложенное А.И. Алмазовым, а отношение к приходскому имуществу сформулировало в соответствии с позицией IV отдела. Думается, это было очень показательным. Большинство членов Присутствия действительно считало приход учреждением, стремилось подчеркнуть его связь с епархией, но при этом было уверено в необходимости расширить участие прихожан, «церковно-общественного начала» в жизни прихода. Это была логичная и на самом деле не противоречивая позиция. Большинство присутствия стремилось к синтезу «институтного» и «церковно-общественного», иерархического и общинного начал, наметенному в докладе Н.Д. Кузнецова. Представляется, что именно это продемонстрировали результаты голосования по основным положениям о приходской реформе.

Итоги работы Предсоборного присутствия по приходскому вопросу

Дискуссия в общем собрании Предсоборного присутствия носила парадигмальный характер. Она четко выявила основные подходы к реформе прихода и основные экклезиологические парадигмы, сталкивавшиеся по этому поводу. Позиции и аргументы, приведенные в ходе работы Присутствия и его IV отдела, фактически, будут актуальны для всех дискуссий о приходском вопросе вплоть до рокового марта 1917 г. и даже – для обсуждения этого вопроса на Всероссийском церковном соборе. Работа Предсоборного присутствия свела за одним столом представителей двух различных подходов к приходскому вопросу – «церковно-общественного» и «институтного» (в терминологии Н.Д. Кузнецова).

О церковно-общественном направлении мы достаточно подробно говорили в связи с деятельностью Д.Ф. Самарина и А.А. Папкова. Мы видели, что их взгляд на приход был непосредственным образом связан со славянофильской концепцией общинной и общественной жизни. Можно сказать, что он представлял собой проекцию этой концепции в область церковной жизни.

Согласно ей приход – это *общественный* институт, «общественная группа», жизнь которой неразрывно связана с жизнью целого, всего церковного организма. В этом проявлялся характерный для славянофилов взгляд на общество (в том числе и на Церковь) как на живой организм (отсюда и столь любимые ими категории *жизни, живой жизни*). Приход здесь рассматривался как «клеточка» организма, имеющая «жизнь» в себе, но и неразрывно, «*органически*» связанная с целым. Коль скоро клеточка организма имеет жизнь в себе, то и приход – *самостоятелен* в своей внутренней жизни. Однако славянофильский подход к пониманию прихода как общественной единицы не учитывал важную характеристику Православной Церкви – ее *иерархичность*. Слова Д.Ф. Самарина и А.А. Папкова о неразрывной связи прихода с епископом звучали во многом как декларации. Они не могли дать описания конкретного механизма этой связи.

Это остро почувствовали их оппоненты, которые попытались вернуть вертикальное измерение в приходскую жизнь. У И.С. Бердникова слово «община» теряет «общественный» характер, недаром в своем определении прихода он дважды повторяет слово «церковный» – по отношению и к приходу, и к общине. Он и его единомышленники намерены были отделить церковную общину от общины гражданской и исключить самую возможность их отождествления (на базе, например, «мелкой земской единицы»). Более того, приход для них является «*учреждением*», то есть тем, что учреждено неким вышестоящим институтом (епархией), и поэтому он является «*частью епископии*». Тем самым не епископия состоит из самоуправляющихся общин, объединенных епископом, не они являются базовой единицей церковной жизни, а епархия является такой базовой единицей, разделенной на приходы только «в порядке церковного и хозяйственного управления». Иными словами, приверженцы «институтного» подхода «выстраивали» церковь *сверху вниз* – от епархии к приходу. Остальные элементы их концепции (роль священника, конфигурация собственности в приходе и т.п.) были только следствием такой оптики. Однако это был лишь один из мотивов их построений. Дискуссия в

общем собрании Присутствия отчетливо показала, что представителям этого направления был свойственен мощный охранительный мотив, желание зафиксировать, в буквальном смысле законсервировать существующее положение и сделать минимум уступок «общественному» взгляду на приход.

Кроме того, сторонники этой точки зрения как будто не замечали, что приходская жизнь была подчинена бюрократическому надзору со стороны различных церковных инстанций. Бюрократизм проникал в отношения прихода и вышестоящих иерархических структур и усложнял пастырскую деятельность духовенства (см.: Глава 2 § 6). В этом не было ничего удивительного, поскольку иерархическое начало в этот период не было отделено от бюрократического и в жизни всей Российской Церкви. Но ведь такое отделение было одним из основных требований сторонников церковных преобразований, в том числе епископов¹³⁷⁸.

Мы уже говорили, что А.А. Папкова и его единомышленников не справедливо причислять к «демократизаторам» прихода, переносившим теории политического либерализма на церковную почву, или к проводникам протестантских тенденций. И то, и другое обвинения были брошены их оппонентами, закрепились в позднейшей литературе (и даже в современной историографии¹³⁷⁹) и многократно повторялись чиновниками обер-прокуратуры. Но это было полемическим упрощением, не раскрывавшим природы такого взгляда. На деле «общественный» подход коренился в славянофильской идеализации общины, способной – по их мысли – стать субъектом как общественной, так и религиозной жизни. Однако равным образом нам кажутся сомнительными и подозрения в адрес А.И. Алмазова, И.С. Бердникова и других представителей «институтного» подхода в том, что на их эkkлезиологическую концепцию влияло католическое учение о Церкви. Конечно, генезис их взглядов еще должен стать предметом анализа со стороны историков ка-

---

¹³⁷⁸ См., например: *Димитрий, еп. Новомиргородский*. Письмо православного епископа. Стб. 362–365, особенно: С. 363.

¹³⁷⁹ *Ореханов Г.Л.* На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002; *Михайлов А.Ю.* Дискуссия о реформе православного прихода в начале XX в.: альтернативный проект И.С. Бердникова.

нонического права и богословов. Но нам представляется, что охранительный мотив играл ключевую роль в становлении их концепции. Их постоянное подчеркивание, что приход находится в нормальном положении, что это положение соответствует канонам, их желание сохранить status quo в приходской жизни говорят именно об этом. Можно сказать, они находились под обаянием величественного здания имперской Церкви и в момент, когда в его конструкции обнаружились фатальные изъяны, стремились во что бы то ни стало сохранить его в неприкосновенности. Их оппоненты, напротив, реалистично и мужественно смотрели на положение Российской Церкви и пытались в «церковно-общественном» элементе найти для нее опору и защиту.

Кроме того, представители «общественного» направления пытались выработать синтез своего и «институтного» подхода. Наиболее последовательно это было выражено во втором докладе Н.Д. Кузнецова, в том же духе в своих выступлениях высказывались, например, Н.П. Аксаков и П.Б. Мансуров¹³⁸⁰. Они явно пытались найти компромисс с представителями противоположной точки зрения, понимая, очевидно, что от достижения этого компромисса зависит будущее приходской реформы. Однако их оппоненты не шли навстречу этим попыткам. А постоянные обвинения со стороны представителей «институтного» подхода в адрес своих оппонентов в «протестантизме» и «политиканстве», постоянные подозрения в существовании некоего скрытого плана, который проводят их противники, делали компромисс психологически трудно достижимым. В рамках Предсоборного присутствия компромисс так и не состоялся. А это было чревато насильственным торжеством одной из сторон, что, однако, не привело бы к принятию ее концепции приходской реформы всем обществом. Так оно и случилось. Последующие синодальные проекты, базировавшиеся на «институтном» подходе, обществом рассматривались как заведомо ущербные, а проект нормального устава стал своего рода знаменем «оппозиции» в приходской реформе, хотя – как мы говорили – не противоречил «институтной» логике.

---

¹³⁸⁰ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 354, 369–370 (1 пагин.).

При этом большинство членов Присутствия недвусмысленно заявило о своем желании реформы прихода на основании синтеза иерархического и общинного начал с предоставлением общине прав самоуправления под контролем иерархии. Однако с закрытием работ Присутствия и с отсрочкой на неопределенное время созыва церковного Собора все более остро вставал вопрос: у кого в руках окажется ключ от приходской реформы? Довольно скоро стало ясным, что инициативу в этом деле у общества и иерархии перехватывает синодальная бюрократия, которая возьмет на вооружение интеллектуальные достижения «институтной» партии.

§ 4. Особое совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г.

Организация совещания

Предсоборное присутствие, закончив свою работу, представило ее результаты – журналы заседаний и выработанные проекты – на высочайшее усмотрение. Ожидалось, что в скором времени последует повеление императора созвать столь ожидаемый Поместный Собор. 25 апреля 1907 г. Николай II известил митрополита Антония (Вадковского) и обер-прокурора Синода, что ознакомился с журналами Присутствия, при этом о созыве Собора упомянуто не было. Становилось ясно, что он откладывался на неопределенное время¹³⁸¹. При том, несмотря на общую неблагоприятную ситуацию с реализацией церковных преобразований, вопрос о реформе прихода не снимался с повестки дня. Напротив, как мы увидим, интерес именно к этому вопросу сохранялся в высших сферах – и в Совете министров, и у самого императора. Поэтому в начале нового 1907 года дело приходской реформы получило новый поворот.

28 февраля Святейший Синод вынес определение за № 1340, которым учреждал *Особое совещание при Синоде для выработки проекта о православном приходе, а также о приходских попечительствах и братствах*. Пер-

---

¹³⁸¹ Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен. С. 249–250.

вым председателем совещания стал архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский). В апреле его сменил архиепископ Рижский и Митавский Агафангел (Преображенский). Под его руководством совещание проработало до декабря 1907 г.¹³⁸² Для учреждения совещания у Синода было формальное основание. Как мы помним, согласно журналу Совета министров от 17 октября 1906 г., утвержденному императором, по проекту о новых правилах организации старообрядческих и сектантских общин было признано необходимым, чтобы помимо этих правил, был также выработан и внесен на законодательное утверждение и проект о православном приходе, приходских попечительствах и братствах. Тогда, в октябре 1906 г. это предложение было выдвинуто обер-прокурором П.П. Извольским и поддержано Советом министров¹³⁸³. Таким образом учреждение синодального совещания было реализацией высочайше утвержденного распоряжения правительства четырехмесячной давности.

Между тем идея создания специального совещания при Синоде по приходскому вопросу существовала в «высших сферах» еще до начала работы Предсоборного присутствия. Мы уже видели, что 7 декабря 1905 г. А.А. Папков обратился к императору с письмом по поводу синодального определения от 18 ноября 1905 г., в котором содержалась и идея созыва такого совещания. В этом письме А.А. Папков называл ряд лиц, которые могли бы стать членами этого органа. Им были упомянуты: архиепископ Финляндский Сергей, известный неославянофил генерал-лейтенант А.А. Киреев, крупный чиновник Государственного контроля, известный публицист славянофильского направления и основатель общества «Соборная Россия» А.В. Васильев, директор канцелярии Министерства внутренних дел по делам дворянства и товарищ председателя Русского Собрания Н.Л. Мордвинов, профессор Московской духовной академии Н.А. Заозерский. Также А.А. Папков полагал, что в совещание могли бы быть призваны некоторые священники, «отлича-

---

¹³⁸² См., например: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 339–340 об.

¹³⁸³ ПСЗ(3). Т. 26. Отд. 1. 17 октября 1906 г. № 28426; *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914). С. 25–26.

ющиеся ревностью и опытностью в ведении церковно-общественного дела»¹³⁸⁴. Как видим, сама идея о создании специального совещания по вопросу о приходе не была забыта¹³⁸⁵. Думается также, что и выбор первого председателя совещания 1907 г. в какой-то степени был обусловлен предложениями А.А. Папкова годичной давности. В 1906 г. эти предложения не были реализованы, поскольку обсуждение всех вопросов, касавшихся подготовки к Собору, в том числе и приходского, было сосредоточено в Предсоборном присутствии. Теперь же они дождались своего часа.

Но наряду с заинтересованностью правительства и лично императора в скором разрешении приходского вопроса, существовала и еще одна причина организации Особого совещания. Речь шла о неудовлетворенности части общества, духовенства и бюрократии итогами деятельности Предсоборного присутствия в приходском вопросе и, прежде всего, разработанным IV отделом проектом приходского устава. На примере публицистических выступлений Л.А. Тихомирова мы видели, что оппоненты большинства IV отдела продолжали отстаивать свою позицию и после завершения работ Присутствия. Кроме того, после закрытия этого органа все более важную роль в деле приходской реформы начинали играть светские чиновники обер-прокуратуры. Их мотивы, как представляется, были довольно прозрачны. Прежде всего, деятели обер-прокуратуры стремились удержать реформу в своих руках, отстранить от влияния на нее как общественные силы, так и светскую бюрократию других ведомств. С другой стороны, они стремились при проведении реформы не допустить «потрясения основ». Для этого как нельзя лучше подходила концепция профессоров-канонистов.

Создание Особого совещания прямо связывалось с критическим отношением к проекту IV отдела. Обер-прокурор В.К. Саблер в 1914 г., представляя очередную редакцию проекта Устава православного прихода в Государ-

---

¹³⁸⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 1–3.

¹³⁸⁵ Об этом говорит и тот факт, что цитируемое нами письмо А.А. Папкова сохранилось в фонде Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода среди материалов Особого совещания 1907 г.

ственную думу, в частности говорил, что Синод создавал Особое совещание 1907 г.,

приняв во внимание, что рассматривавшийся IV отделом Предсоборного Присутствия устав православного прихода наряду с многими положениями, несомненно приемлемыми в деле реформы прихода, заключал и такие, которые не вполне соответствовали церковным правилам¹³⁸⁶.

Очевидно, что новый орган должен был устранить подобные несоответствия из окончательной версии проекта. Состав совещания и механизм его работы ясно указывали на такое его предназначение.

В составе Особого совещания, помимо председательствующего архиерея, работали в основном светские эксперты – профессора духовных академий, сотрудники синодальных учреждений, представители других ведомств, публицисты и общественные деятели. Приходские священники в его составе представлены не были. Этим состав совещания радикально отличался от состава IV отдела Предсоборного присутствия. В последнем, напомним, большинство составляли священники. Сам проект IV отдела воспринимался как проект, подготовленный белым, причем городским духовенством, выражающий его точку зрения на приходскую реформу¹³⁸⁷. Фактически противоположный состав совещания со всей силой обнаруживал критический настрой синодальных чиновников к приходскому проекту Присутствия.

На большинстве заседаний совещания присутствовали высшие представители обер-прокуратуры. Сам обер-прокурор П.П. Извольский присутствовал на первом заседании. Затем его ведомство, как правило, представляли товарищ обер-прокурора А.П. Рогович и управляющий канцелярией Синода С.П. Григоровский, вместе или по отдельности. В совещании участвовали

---

¹³⁸⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 165 об.

¹³⁸⁷ Так, В.К. Саблер прямо говорил, что «авторами этого проекта <IV отдела> явились три протоиерея», имея в виду комиссию составителей – протоиереев А. Лебедева, К. Бречкевича, Ф. Успенского. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 165. Л.А. Тихомиров заявлял, что в составе Предсоборного присутствия не было «каких-либо компетентных представителей от самих приходов», а в составе IV отдела, по мнению публициста, представителем «настоящего русского прихода» был только ярославский протоиерей Ф. Успенский. См.: *Тихомиров Л.А. Современное положение приходского вопроса*. С. 1–2.

представители Министерств народного просвещения и внутренних дел. Первое представлял товарищ министра И.П. Герасимов; второе – член совета министра внутренних дел А.С. Толстой, которого вскоре после начала работы совещания сменил член того же совета Н.Ч. Зайончковский.

Членами совещания были председатель Училищного совета при Синоде протоиерей П.И. Соколов (единственный священник в составе совещания, но в силу своего статуса человек, очень близкий к кругам обер-прокуратуры), член Государственного совета и можно сказать «потомственный славянофил» Ф.Д. Самарин¹³⁸⁸, профессора Казанской духовной академии И.С. Бердников и Харьковского университета М.А. Остроумов, А.А. Папков, помощник управляющего канцелярией Синода Н.С. Марков, чиновник особых поручений при обер-прокуроре, известный публицист, издатель и редактор ежедневной церковно-политической газеты «Колокол» В.М. Скворцов¹³⁸⁹, обер-секретарь Синода П.В. Мудролюбов. Делопроизводителем совещания был назначен старший секретарь Синода А.П. Ростовский. Начиная со второго заседания в работе совещания принимал участие публицист М.А. Новоселов и присутствовал по приглашению председателя (но не как член совещания) епископ Вологодский Никон (Рождественский)¹³⁹⁰. Таким образом, постоянно в работе совещания участвовали около пятнадцати человек.

Как видим, к безусловным сторонникам «церковно-общественного» подхода к приходской реформе и расширения прав прихожан из названных лиц можно отнести лишь председателя совещания и А.А. Папкова. Член IV отдела протоиерей Павел Соколов не был его сторонником, в последний день работы Присутствия он отдал свой голос за формулу архиепископа Димит-

---

¹³⁸⁸ В 1905 г. Ф.Д. Самарин был членом узкого совещания, образованного тогдашним министром внутренних дел А.Г. Булыгиным для обсуждения перспектив введения в России законосовещательного представительства. О его общественно-политической позиции см.: Кризис самодержавия в России. С. 459; Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 105.

¹³⁸⁹ В 1916 г. В.М. Скворцов, вспоминая деятельность совещания 1907 г., писал, что «оказался в левом <его> крыле», а А.А. Папков вышел из состава совещания. См.: Скворцов В. Старые и новые страницы в истории приходского вопроса // Колокол. 18 марта, 19 марта 1916 г. Проверить эти сведения по другим источникам не удалось.

¹³⁹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 38–53 и сл.

рия. И.С. Бердников и М.А. Остроумов находились в оппозиции к такому подходу и, видимо, для критики его и были призваны в состав совещания. Тем самым позиция сторонников «церковно-общественного» подхода с самого начала представлялась шаткой.

Задача совещания: изменение законодательства или приходский устав?

Работа совещания проходила в рамках двух сессий: весенней и осенне-зимней. Первая начала свою работу 23 марта и закончила 28 мая 1907 г. За это время состоялось 11 заседаний. Вторая работала со 2 октября по 20 декабря 1907 г., когда было проведено 16 заседаний. Под председательством архиепископа Сергия прошли первые четыре заседания. В апреле Синод освободил его от председательства в совещании «согласно его желанию»¹³⁹¹. Казалось бы, уход преосвященного Сергия должен был еще более ослабить позиции сторонников концепции IV отдела. Однако представляется, что и архиепископ Агафангел мог бы поддержать эту линию, ведь и в его проекте приходских преобразований речь шла о единстве церковного и приходского

---

¹³⁹¹ Похоже, отказ архиепископа Сергия от председательства в совещании был достаточно неожиданным. После последнего проведенного им заседания (10 апреля) последовал более чем двадцатидневный перерыв в работе Совещания, который, по всей вероятности, был обусловлен поиском нового председателя этого органа. Выбор Синода в результате остановился на архиепископе Агафангеле (Преображенском), который, как мы помним, в 1905 г. выступал за проведение немедленной и довольно радикальной приходской реформы в Рижской епархии (см.: Глава 3 §§ 1 и 2). Причину отказа преосвященного Сергия от поста председателя, видимо, надо искать в обсуждавшихся весной 1907 г. планах назначения его предстоятелем Алеутской и Североамериканской епархии. В январе 1907 г. состоялось определение о переводе в Россию архиепископа Тихона (Белавина), занимавшего эту кафедру с 1898 г., и весной 1907 г. шел активный поиск его преемника. При этом сам преосвященный Тихон еще в 1905 г. высказывался об архиепископе Сергии как об очень удачном предстоятеле Американской Церкви. См.: Письма святителя Тихона: Американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского / Сост. *А.В. Попов*. СПб., 2010. С. 215 (указано К.В. Ковырзиным). Однако в России возможный перевод Финляндского преосвященного в Америку рассматривался как отстранение его от участия в центральном церковном управлении, неблагоприятное для течения церковных дел в Санкт-Петербурге. Против этого перевода, например, активно протестовал в письмах влиятельному члену Синода митрополиту Киевскому Флавиану (Городецкому) и обер-прокурору П.П. Извольскому архиепископ Антоний (Храповицкий). Он писал о преосвященном Сергии как о «лучшем из русских архиереев», который «на две головы выше и всей иерархии, и всех наших кутейнических академий» (РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 34. Лл. 4–4 об.). 2 апреля 1907 г. архиепископ Антоний послал П.П. Извольскому телеграмму: «Ради Бога, не отпускайте Сергия в Америку. Единственный просвещенный архиерей здоровья слабого, не лишайте церковное управление лучшего незаменимого человека» (РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 34. Л. 6).

имущества и допуске прихожан к распоряжению им. В любом случае позиция архиепископа Сергия задавала вектор работы совещания, способствовала уяснению его целей и задач.

Дискуссия о статусе нового органа, его задачах и о процедуре его работы завязалась на первом заседании. Архиепископ Сергей обратился к его участникам с речью. В ней он подчеркнул, что окончательное возрождение прихода Российской Церкви может быть только духовное, когда люди, его составляющие, будут жить «не под законом, а по благодати». Вместе с тем, теперь – продолжал председатель – приход требует и с внешней стороны некоего нового «уклада», внешнего «законодательного воздействия». Такое воздействие может быть двоякого рода. С одной стороны совещанию предстоит составить окончательный проект устава православного прихода, какой представить Синоду для внесения на «предстоящий Поместный Собор». «Это конечная цель совещания», – подчеркнул архиепископ Сергей.

С другой стороны, отметил председатель, приходская жизнь тесно связана с жизнью государственной, которая вступила в пору интенсивных преобразований. В связи с этим встает вопрос, не следует ли привлечь приход «к содействию в устройении государственной жизни» и даровать ему некоторые гражданские права, в частности, право приобретения недвижимых имуществ, право иметь свою церковную школу, право надзора за обучением во всех других школах на территории прихода, право учреждать приходские благотворительные учреждения и др. Соответственно и перед совещанием, помимо главной задачи – подготовки законопроекта приходского устава к Собору, стоит и прикладная задача: выработать положение о таких правах прихода, которые в законодательном порядке можно было бы сразу ввести в действие еще до Собора, причем реализовываться эти новые права могли бы посредством существующих приходских органов: церковных советов, попечительств, братств. Главная задача совещания – резюмировал председатель – сравнительно обширна и трудна, вторая – сравнительно легка. Поэтому архиепи-

скоп Сергей предлагал участникам совещания начать с решения именно второй задачи¹³⁹².

Таким образом, первый председатель Особого совещания прежде всего декларировал подготовительный, предсоборный характер этого органа. Это позволяет нам рассматривать его как первое, по сути *предсоборное совещание*, предвосхищавшее работу Предсоборных совещаний 1912–1916 гг.¹³⁹³ Вместе с тем, архиепископ Сергей сознательно сделал акцент на необходимости скорого решения «прикладной» задачи совещания. Очевидно, он понимал, что Собор в ближайшее время не состоится, и решение приходского вопроса более реалистично ожидать на пути конкретных законодательных шагов, которые уже сейчас расширяли бы права прихода. Такая стратегия «малых дел» в приходском вопросе соответствовала и ожиданиям государственной власти. Поэтому обер-прокурор П.П. Извольский в своих выступлениях на первом заседании также проводил мысль о том, что совещанию стоит сосредоточиться на рассмотрении именно законодательных вопросов, хотя и признавал необходимость подготовить новый приходский устав к созыву Собора¹³⁹⁴.

Такая, в общем, согласованная позиция председателя совещания и обер-прокурора вызвала замешательство у части его членов. Причем в развернувшейся дискуссии по разные стороны оказались члены совещания, так или иначе причастные к системе синодального управления, и светские эксперты, к которым присоединились даже некоторые представители других государственных ведомств. В частности, Ф.Д. Самарин задавался вопросом, почему именно теперь необходимо вводить в действие отдельные законоположения о приходе. Он несколько раз повторил (вступив тем самым в дискуссию с архиепископом Сергием), что первая задача совещания (разработка приходского устава) представляется ему ясной и определенной, а вторая, напротив, — слишком сложной и в ближайшее время едва ли осуществимой, и предлагал

---

¹³⁹² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 38 об.–39.

¹³⁹³ См. о них: *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 418–425.

¹³⁹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 39 об.–40, 43 об.–44.

сосредоточиться именно на первой задаче. И.С. Бердников зорко заметил противоречие в позиции председателя, указав (правда, дипломатично возражая В.М. Скворцову, а не самому архиепископу Сергию), что сосредоточение на второй, «прикладной» задаче фактически отменяет необходимость скорейшей выработки подробного приходского устава, хотя на последнем настаивали правительство и император. Поддержавший их товарищ министра народного просвещения И.П. Герасимов был еще более категоричен. Он выразил удивление тем, что совещанию предлагается обсуждать проекты других ведомств, которые или еще не существуют, и тогда их рано обсуждать, или уже утверждены, и тогда их обсуждать поздно.

В ответ на сомнения этой части членов совещания другая сторона в той или иной форме апеллировала к текущей политической конъюнктуре и к поставленным ею проблемам, которые требовалось разрешить до Собора. Так, председатель указывал на существующий проект передачи местной «общине» контроля над начальным образованием, в связи с которым возникнет вопрос об участии в этом контроле прихода. Ему вторил обер-прокурор, отмечавший, что вопросы «устройства местного быта», и в том числе устройства начального образования, подлежат разрешению в общем законодательном порядке независимо от Собора. В.М. Скворцов сетовал на то, что старообрядческие и сектантские общины в соответствии с положением от 17 октября 1906 г. пользуются сейчас большими правами, чем православные приходы, следовательно, необходимо срочно исправить эту ситуацию, предоставив приходам некоторые права до Собора в законодательном порядке.

В ответ на последнюю реплику И.П. Герасимов заметил, что при разрешении приходского вопроса не следует оглядываться на политическую конъюнктуру, что при обсуждении его надо считаться не со старообрядцами и сектантами, а

с религиозным чувством православного человека. Это вопрос больной, это самый серьезный вопрос русского государства. От жизненности или безжизненно-

сти прихода, этой основной ячейки церковного тела, очень много будет зависеть благосостояние нашего государства¹³⁹⁵.

Несмотря на административный вес той части участников заседания, что предлагала сосредоточиться на решении «прикладной» задачи, двойственность их позиции слишком хорошо ощущалась членами совещания, и последнее слово осталось за их оппонентами. В результате было решено, что совещание будет работать именно над составлением нового проекта правил об организации православного прихода (как это предписывалось постановлением Совета министров от 17 октября 1906 г. и февральским 1907 г. определением Синода об учреждении совещания), учтя по возможности все существующие проекты и действующее законодательство.

В течение первых трех заседаний определился и механизм работы совещания. Было решено, что при составлении своего проекта оно будет отталкиваться как от действующего законодательства, так и от предложенных ранее проектов приходского устава. На каждом заседании вниманию членов совещания предлагались два свода «главных положений о православном приходе». Первый компоновался из положений действующего законодательства; его составляли делопроизводители совещания. В него входили выдержки из Устава духовных консисторий (ст. 92–103), Положений о приходских попечительствах и братствах, Инструкции благочинному приходских церквей, Инструкции настоятелям церквей, Инструкции церковным старостам, определения Синода от 18 ноября 1905 г., а также отдельные статьи из свода Законов: статьи о церковных имуществах из законов о состояниях и законов гражданских, о кладбищах из врачебного устава, о церковных документах и письмоводстве¹³⁹⁶.

Второй свод составлялся из проектов приходского устава (прежде всего – проекта IV Отдела Предсоборного присутствия, проектов А.А. Папкова и И.С. Бердникова) и иногда – проектов нового положения о приходских попе-

---

¹³⁹⁵ Там же. С. 43 об.

¹³⁹⁶ Там же. С. 46 об.

чительствах (прежде всего – архиепископа Никона (Софийского)). Его в течение весенней сессии составлял член совещания Ф.Д. Самарин, затем эту работу также принял на себя секретариат совещания. На каждом заседании рассматривались именно те разделы обоих сводов, которые соответствовали обсуждаемой в этот день проблеме. Тем самым члены совещания каждый раз были осведомлены практически обо всем спектре мнений и законоположений по конкретному вопросу приходской жизни¹³⁹⁷.

Такая организация работы совещания показывает, что оно ставило себя в положение арбитра, выносящего суждение относительно всей работы, проделанной ранее в области преобразования прихода. И хотя в ходе заседаний не раз заявлялось о том, что совещание продолжает работы Предсоборного присутствия, на деле проект Присутствия был только одним в ряду других проектов, на которые совещание опиралось¹³⁹⁸.

Как понимается приход?

Определение православного прихода как «церковного учреждения», данное общим собранием Предсоборного присутствия, было принято совещанием, хотя его члены отмечали, что данное определение отражает только «каноническую сторону дела» и не исчерпывает реальности. Совещание считало важным подчеркнуть, что приход – это часть епископии, поэтому выражение проекта Присутствия (учреждение, «состоящее в ведении епископа») было заменено для большей ясности на выражение «состоящее в подчинении епископа». По этим же соображениям второй параграф проекта Предсоборного присутствия, в котором приход характеризовался как «отдельная цер-

---

¹³⁹⁷ Там же. С. 39 об., 46 об.–56 об.

¹³⁹⁸ Характерно, что в вопросе, какой из проектов положения о приходе следует положить в основу работы совещания, мнения его членов расходились довольно существенно. Ф.Д. Самарин считал первоначально (потом от этого мнения он отказался), что проект IV отдела Предсоборного присутствия слишком громоздкий и отталкиваться следует от определения Синода о приходских советах от 18 ноября 1905 г. А.А. Папков предлагал взять за основу проект устава приходских попечительств бывшего архиепископа Владимирского Никона (Софийского). (Это было несколько странно, так как суть владимирского проекта не соответствовала его представлениям об идеальном приходском устройстве.) И.П. Герасимов склонялся все же в пользу проекта IV отдела. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 46 об.–49 об.

ковная единица» был совещанием опущен. Его члены считали, что такая характеристика затуманивает тот факт, что приход является частью епископии и вносит в Церковь «федеративное начало».

Несколько членов совещания (Ф.Д. Самарин, А.А. Папков, М.А. Новоселов) воздержались при голосовании, так как считали, что до завершения его работ, до урегулирования в уставе других сторон приходской жизни всякое определение прихода даже вредно. Между тем представитель Министерства внутренних дел А.С. Толстой в своем особом мнении заявил, что приход в положении должен именоваться не «православным приходом», а «православную приходскую общиной», поскольку в его трактовке приход – это все православные лица, посещающие храм, а община – «учреждение», в которое войдет только часть прихожан. Необходимость такого сужения понятия А.С. Толстой объяснял соображениями политической целесообразности:

«Приходские собрания православного прихода» грозят опасностью превратиться в митинги, на которых под влиянием агитаторов, или просто «горлопанов», вместо намеченных религиозных и нравственных целей, будут <...> проводить вопросы чисто социалистического характера.

Напротив, в составе общины, по его мнению, будут только лица «благонамеренные и благонадежные»¹³⁹⁹.

Совещание подтвердило территориальный принцип организации прихода, скорректировав однако формулировку условий изменения его границ, данную Предсоборным присутствием. Норма, согласно которой изменение границ происходит «по соглашению с другими приходами», была заменена выражением «по желанию прихожан и с разрешения епископа». Такая корректировка была вызвана обеспокоенностью членов совещания возможностью того, что существующий приход может из материальных соображений препятствовать выделению части своих прихожан в отдельную приходскую единицу. Формулировка условий открытия нового прихода также претерпела изменения. Совещание считало, что дело об открытии нового прихода может

---

¹³⁹⁹ Там же. Лл. 53–57, 60–60 об.

начаться по просьбе не «группы» (как это было в проекте Присутствия), а «части населения» или же по «почину епархиального начальства». Количество возможных просителей об открытии нового прихода из числа мирян таким образом увеличивалось¹⁴⁰⁰.

Процедуру упразднения прихода совещание также считало необходимым ужесточить. Было решено, что прежде окончательного упразднения приход должен быть приписан к другому приходу, и только по истечении пятилетнего срока, если «условия не изменятся», епархиальная власть принимает решение о его упразднении. Причем была сделана оговорка, что

в первом и во втором случае епархиальная власть делает свое постановление лишь после внимательного опроса прихожан и всестороннего выяснения неспособности прихода к самостоятельному существованию¹⁴⁰¹.

Назначение причта

Одним из важнейших вопросов, который дискутировался совещанием на протяжении трех заседаний (3, 4, 10 мая), был вопрос о порядке назначения членов приходского причта и прежде всего – священника. Совещание не подвергло сомнению право епархиального архиерея избирать и назначать членов причта, но еще раз – вслед за Предсоборным присутствием – высказалось за предоставление прихожанам права ходатайства перед епископом о своем кандидате. Члены совещания отмечали, что право просить епископа о назначении известного прихожанам лица у них есть и теперь. Оно закреплено за ними Определением Святейшего Синода от 18 июля – 8 августа 1884 г. Однако, по мнению совещания, необходимо, чтобы это право прихожан осуществлялось обязательно. Осуществляться же оно должно – во избежание «борьбы партий» особенно в богатых приходах – не в форме избрания большинством голосов, а в форме одобрения или рекомендации. Важно, говорилось в совещании, чтобы осуществлялось не формальное избрание, а «взаи-

---

¹⁴⁰⁰ Там же. Лл. 53–56 об.

¹⁴⁰¹ Там же. Лл. 57–59 об., 264.

модействие <...> обеих сторон: архипастыря и прихожан»¹⁴⁰². Причем указывалось, что поскольку епископу часто трудно знать местные особенности, в выдвижении кандидатов должны участвовать и прихожане, и духовенство той местности, где открылась священническая, диаконская или псаломщическая вакансия.

Ф.Д. Самарин предложил свою редакцию соответствующих статей положения о приходе. Она предусматривала участие епископа – непосредственно или через представителя – в приходском собрании, на котором прихожане должны были высказать свои пожелания, а также опрос всех священников благочиннического округа, к которому принадлежит ждущий нового священника или диакона приход. Совещание приняло самаринскую редакцию за основу, но несколько изменило ее, руководствуясь практическими соображениями. Так, было опущено требование личного участия архиерея в опросе прихожан и требование опроса всех священников благочиннического округа (оно было заменено требованием запроса мнения о кандидатах только у благочиннического совета, а при назначении псаломщиков – у местного причта). С таким ограничением не согласился А.А. Папков, считавший, что епархиальный преосвященный должен иметь максимум мнений о возможных кандидатах¹⁴⁰³.

В результате процедура выбора клирика на освободившееся место по проекту совещания выглядела следующим образом. По освобождении такого места лица, желающие его занять, должны были подавать прошения епархиальному архиерею в сроки, установленные в данной епархии. Прошения, которые епископ найдет заслуживающими рассмотрения (другие «оставляются им без последствий»), должны были пересылаться благочинному для «объявления об имеющихся кандидатах прихожанам того прихода, где открылась вакансия, а о псаломщиках кроме того и причту». Затем благочинный должен был в срок не менее трех недель созвать приходское собрание, на котором он

---

¹⁴⁰² Там же. Лл. 61–63.

¹⁴⁰³ Там же. Лл. 64–69 об.

сам или «в особых случаях» специальный уполномоченный архиерея должен был собрать все мнения прихожан, причем должны были фиксироваться и впоследствии сообщаться епископу абсолютно все заявления, «хотя бы некоторые из них поддерживались лишь меньшинством». Опираясь на собранные сведения и заявленные ходатайства – как прихожанами, так и клиром – архиерей должен был уже принимать свое окончательное решение¹⁴⁰⁴.

Особое мнение по этому вопросу заявил профессор М.А. Остроумов. Он считал, что существующая согласно определению Синода 1884 г. возможность ходатайства прихожан перед епископом о своем кандидате вполне достаточна и не нуждается в дополнительной регламентации. Участие же духовенства в назначении священника или диакона, по мнению харьковского профессора, могло бы ограничиться повсеместным введением уже существовавших в некоторых местах экзаменаторов или испытательных комиссий из священнослужителей соответствующей епархии. М.А. Остроумов приводил в подкрепление своего мнения как практические соображения (механизм, предложенный Ф.Д. Самариним, он считал слишком сложным), так и политические, указывая на возможность борьбы «не только прихожан с причтами, но и между собою» в связи с ходатайством о своем кандидате перед епископом. Такая позиция, реализация которой фактически ничего не меняла бы в существующем порядке назначения и даже вводила бы дополнительную чисто формальную инстанцию при назначении священника в виде экзаменационной комиссии, не была поддержана совещанием¹⁴⁰⁵.

Непосредственно к вопросу о механизме назначения приходского священника примыкал вопрос о возможности его перевода на другой приход. Председатель совещания архиепископ Агафангел выразил сомнение в целесообразности включения такого параграфа в проект приходского устава. Он считал, что, во-первых, перевод клириков относится к области епархиального управления, а не приходского, а во-вторых, всякие ограничения на этот счет

---

¹⁴⁰⁴ Там же. Лл. 264–264 об.

¹⁴⁰⁵ Там же. Лл. 228–228 об.

умалляли бы власть епископа, что было бы неприемлемо. Совещание не согласилось с такой аргументацией. Коль скоро, размышляли его члены, даже действующие законы (определение Синода 1884 г.) дают прихожанам право просить о своем кандидате, тем более они имеют право просить архиерея не перемещать назначенного по их ходатайству священника. Кроме того, в идеальной ситуации связь пастыря и пасомых должна быть неразрывна, и «пастырь до конца дней своих должен оставаться в том приходе, к церкви коего он рукоположен»¹⁴⁰⁶.

Исходя из этого, совещание установило «как принцип», что священники не могут переходить из прихода в приход и не могут быть перемещаемы иначе, как «по особо уважительным причинам». Вместе с тем, совещание оставило возможность перевода священно- или церковнослужителей по их просьбам, по просьбам прихожан и по усмотрению епархиального архиерея, если он «признает совершенно неудобным оставить данное лицо на занимаемом им месте». Члены совещания, однако, подчеркивали, что административный перевод должен осуществляться таким образом, чтобы «устранена была всякая мысль о возможном в данном случае личном произволе» епископа. Для этого оно предлагало установить правило, чтобы перемещение осуществлялось только после обязательного совещания епископа с консисторией (или с пресвитерским советом, который мог в будущем ее заменить), а также высказало пожелание, чтобы допускаемое перемещение по суду как мера взыскания в будущем не практиковалось бы вовсе¹⁴⁰⁷.

Прихожане и их права

Вопрос о составе прихода, то есть о том, кто должен считаться его полноправным членом, совещание решило в соответствии с уже заявленным принципом территориальности, дополнив его – как это проектировало и Предсоборное присутствие – необходимостью записи в приходскую книгу.

---

¹⁴⁰⁶ Там же. Лл. 70 об.–72.

¹⁴⁰⁷ Там же. Лл. 72 об.–74 об., 265.

Окончательная версия соответствующего параграфа проекта Положения о приходе звучала так:

Прихожанами считаются все постоянно проживающие в пределах прихода лица православного исповедания и их семейства, записанные в приходскую книгу¹⁴⁰⁸.

За православными, проживающими в приходе временно, были закреплены «право и долг» обращаться за исполнением треб к местному приходскому причту. Совещание закрепило в своем проекте и содержание приходской книги. Имея в виду, что в ней должны найти отражение только те сведения, что имеют значение в жизни «данного лица как христианина», совещание сочло излишним указывать в книге данные о занятиях прихожан, их должностях, указания о том, кто и чем содействовал благосостоянию прихода. Вопрос об образовании для большинства населения империи – отмечали его члены – сводится к вопросу о грамотности, что и должно быть отражено в приходской книге. Таким образом, в ней – по мнению членов совещания – должны были указываться: имя, семейное положение прихожанина, время его рождения, крещения, вступления в брак, смерти, бытия у исповеди и причастия, время вступления в приход и выхода из него, а также сведения о его грамотности¹⁴⁰⁹.

После летнего перерыва совещание приступило к обсуждению вопроса о составе приходского собрания. Совещание считало необходимым ограничить число полноправных участников собраний, руководствуясь практическими соображениями и стремясь избежать ситуации, когда число членов собрания будет достигать нескольких сотен и даже тысяч человек. В связи с этим совещание – помимо проектов положения о приходе – рассмотрело действующие законы, в которых определялись критерии выборов на приходские должности в православных и протестантских церквях империи. Были рассмотрены Инструкция церковным старостам 1890 г. и разъяснение Синода

---

¹⁴⁰⁸ Там же. Л. 265.

¹⁴⁰⁹ Там же. Лл. 75–79, 265–265 об.

1903 г. относительно критериев выбора старосты, Положение о приходских попечительствах 1864 г., ноябрьское Определение Синода 1905 г., Правила о церковных советах православных приходов в Финляндии и Устав иностранных исповеданий 1896 г.

Большая часть этих законодательных актов предусматривала для кандидатов на церковные должности и для членов приходских собраний те или иные ограничения цензового характера. (Исключение составляло разве что разъяснение Синода 1903 г. по поводу выборов церковных старост.) Собрание решило пойти по тому же пути. Его члены считали достаточным, чтобы в приходском собрании участвовала каждая семья прихода, но не в лице всех ее членов, а только – главы семьи (с возможностью его замещения кем-то из ее членов). Еще одним важным условием полноправного участия в приходском собрании было «постоянное местожительство в пределах прихода». Однако собрание не дало четких критериев для различения постоянного и временного проживания. В городах – в виде исключения – в собраниях было разрешено участвовать и тем, кто живет в приходе не менее года. Из несемейных мужчин в собраниях могли участвовать лица, достигшие 21 года, то есть гражданского совершеннолетия, и непременно ведущие отдельное домашнее хозяйство. Равным образом и женщины-«домохозяйки» (например, вдовы) могли быть полноправными членами приходских собраний. Тем самым собрание фактически вводило для этих категорий прихожан имущественный ценз в виде наличия собственного дома или хозяйства¹⁴¹⁰.

Правовые и дисциплинарные ограничения для участников приходских собраний, какие планировало Предсоборное присутствие, были предусмотрены и Особым совещанием, но регламентированы они были более четко. Права участия в собрании лишались лица, «опороченные по суду», находящиеся под «публичной церковной епитимьей», лишенные этого права самими прихожанами «за неприличное поведение в заседаниях собрания», не

---

¹⁴¹⁰ Там же. Лл. 82–90, 270–270 об. Отметим, что введение различного рода цензовых ограничений противоречило мнению на этот счет архиепископа Агафангела, высказанному им в своем отзыве по вопросу о церковной реформе 1905 г.

участвующие в таинствах исповеди и причащения «по крайней мере, в течение трех лет сряду», уклоняющиеся «без достаточных оснований» от взноса сборов, установленных общим собранием прихожан¹⁴¹¹.

Вопросы периодичности собраний, кворума на них, условий вступления их решений в законную силу не вызвали разногласий у членов совещания. Была принята редакция, предложенная секретариатом совещания, в которой были учтены положения предыдущих проектов. Было решено, что очередные, не экстренные собрания должны созываться не реже двух раз в год, кворум их должен составлять две трети имеющих право голоса при выборах членов приходского совета, при решении денежных вопросов и вопросов самообложения, или одну десятую при решении других вопросов. Опротестовать решение собрания в течение месяца могли прихожане (причем любое их число), подав соответствующую жалобу в благочиннический совет, а также благочинный, которому в недельный срок должна была направляться копия решения¹⁴¹².

Председателем приходского собрания Особое совещание единодушно назвало настоятеля прихода, который мог быть заменен только другим священником или благочинным. Председателю собрания также было усвоено право обжалования его решения в благочинническом совете. Сделано это было с целью «ограждения авторитета священника» и устранения возможности «хозяйничанья на собрании толпы». Причем при обсуждении этой нормы как на прецедент члены совещания ссылались на существование подобного порядка в протестантских приходах империи.

При определении круга компетенции приходского собрания совещание обратило внимание на то, что собрание должно оказывать поддержку священнику в его деятельности, но не принимать на себя его пастырских полномочий. «Различие пастыря и пасомых при определении круга деятельности приходского собрания должно быть проведено строго»¹⁴¹³, – считали члены

---

¹⁴¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 82–90, 270–270 об.

¹⁴¹² Там же. Лл. 89 об.–90, 271, 272.

¹⁴¹³ Там же. Л. 96 об.

совещания. Поэтому собранию не были даны полномочия входить в обсуждение морально-нравственного состояния членов общины и подвергать их наказанию, как это предлагалось в проекте IV отдела. Вместе с тем, собранию (с целью возвышения его авторитета) было предоставлено право подвергать дисциплинарному суду лиц, неоднократно нарушавших порядок собрания и уклоняющихся от исполнения его постановлений и принятых на себя обязательств. В остальном круг компетенции собрания, определенный совещанием, совпадал с предложениями Предсоборного присутствия. В том числе за собранием было закреплено и право устанавливать самообложение прихожан¹⁴¹⁴.

Совещание сочло необходимым внести в свой проект отдельный параграф о приходской ревизионной комиссии, не вдаваясь в детали ее организации и работы, но оговорив, что «члены приходского совета не могут быть членами ревизионной комиссии»¹⁴¹⁵. Также были составлены отдельные параграфы о связи прихода с епархиальной властью, которая, по мнению совещания, должна была осуществляться через благочинного, и о возможности его присутствия на приходском собрании – по поручению епископа, по просьбе настоятеля или прихожан и по его собственному желанию. Все решения приходского Собрания должны были приводиться в исполнение незамедлительно, за исключением решений по делам о выборах церковного старосты, о займах, о покупке недвижимого имущества на церковные (а не приходские) средства, о продаже или изменении порядка использования имущества, доставшегося приходу в дар или по завещанию, о выделении из состава прихода его части или об изменении его границ. Решения по всем перечисленным вопросам должны были утверждаться епархиальной властью¹⁴¹⁶.

В течение четырех заседаний (17, 25, 26 октября и 1 ноября) совещание обсуждало вопрос о приходском совете – его природе, отношении к священнику и полномочиях. Напомним, что проект IV отдела Предсоборного при-

---

¹⁴¹⁴ Там же. Лл. 91–99 об.

¹⁴¹⁵ Там же. Л. 272.

¹⁴¹⁶ Там же. Лл. 100–110, 272–272 об.

сутствия (равно как и проект А.А. Папкова) рассматривал соотношение приходского собрания и совета как соотношение распорядительного и исполнительного органов власти в приходе. Такое положение подверглось в совещании критике со стороны профессора И.С. Бердникова, который доказывал, что при таком понимании церковно-юридической природы приходского собрания и приходского совета священник оказывается только председателем этих органов и значит – только представителем приходской общины. Это было бы неверно, по мнению И.С. Бердникова, с канонической точки зрения:

Организацию прихода на началах общинного самоуправления он <И.С. Бердников> признает не соответствующей каноническому строю церковного управления¹⁴¹⁷.

Инициатива и распоряжение всеми приходскими делами, говорил казанский профессор, должна принадлежать настоятелю прихода, а не приходскому собранию. Собрание и совет – только «вспомогательные органы» при священнике для помощи в его приходской деятельности; первое – в важнейших делах, второй – в обычных и постоянных. Кроме того, указывал И.С. Бердников, проведение в жизнь принципа, положенного в основу проекта IV отдела Присутствия, противоречило бы и действующему законодательству, а именно – определению Синода от 18 ноября 1905 г., согласно которому собрание созывается как раз «для содействия духовенству к успешному выполнению лежащих на нем обязанностей». Как видим, И.С. Бердников последовательно отстаивал заявленный им ранее «институтный» подход к решению приходского вопроса. В приходах, говорил он на заседаниях совещания, должен биться

пульс того же жизненного начала, которое оживляет всю епископию в целом. Импульс этой жизни идет от епископа¹⁴¹⁸

– и от священника как его представителя в приходе. Совещание солидаризовалось с этой точкой зрения и не стало использовать в своем определении

---

¹⁴¹⁷ Там же. Л. 119.

¹⁴¹⁸ Там же. Л. 119 об.

приходских собрания и совета указаний на их распорядительную или исполнительную функции:

Для постоянного и безостановочного ведения церковно-приходских дел в каждом приходе должен быть приходский совет, который ведает приходскими делами, отчасти по собственной инициативе, отчасти по поручению приходского собрания¹⁴¹⁹.

В состав совета совещание включило членов причта, церковного старосту и выборных представителей прихожан (до 12 лиц, которые избирались бы на приходском собрании на три года). Также была оговорена возможность приглашения на заседания совета руководителей приходских учреждений, но их присутствие в совете не было признано обязательным¹⁴²⁰.

Вопрос о церковно-приходском имуществе. Новое мнение И.С. Бердникова

Рассматривая положения о приходском храме, совещание сочло необходимым указать на возможность существования в одном приходе нескольких храмов (например, теплого, холодного, приписного, кладбищенского), молитвенных домов, часовен. Причем в молитвенных домах «в особо уважительных случаях, с разрешения епархиального архиерея» могла быть совершаема и Литургия на переносном антиминсе. Таким образом для всех епархий узаконивалось такое же разрешение, что было дано Синодом в определении от 27 июня – 13 июля 1907 г. о возможности совершать Литургии на переносных престолах и антиминсах для крестьян-переселенцев: столыпинская аграрная реформа оказывала влияние и на церковную жизнь. Но важнейшим вопросом, касавшимся храма и его имущества, был вопрос об их судьбе в случае упразднения прихода, особенно – по причине перехода общины в другое исповедание. Совещание решило, что в таких обстоятельствах право собственности на «церковно-приходское имущество» «переносится» с «отдель-

---

¹⁴¹⁹ Там же. Л. 272 об.

¹⁴²⁰ Там же. Лл. 110–125 об., 273–273 об.

ной приходской церкви на всю православную русскую церковь». В таком случае «приходский храм и приписанные к нему часовни и все церковное и приходское имущество» должны были приписываться епархиальной властью (которая, следовательно, выступала распорядителем этой собственности) к какой-либо иной церкви¹⁴²¹.

Здесь совещание вплотную подошло к одной из самых острых проблем приходской жизни – вопросу о том, кто является собственником и распорядителем приходского имущества. Этот вопрос дискутировался совещанием 12 и 26 ноября. Редакция соответствующих параграфов проекта, предложенная секретариатом совещания, почти в точности повторяла проект приходского устава И.С. Бердникова с его разделением имущества на храмовое и приходское. Принципиально иная позиция, как известно, была сформулирована в проекте приходского устава А.А. Папкова, который настаивал на том, что приход должен быть единым и единственным субъектом храмовой и приходской собственности. Совещание склонялось к первому варианту решения этого вопроса – к разделению имущества между двумя субъектами собственности. Однако в самом начале заседания И.С. Бердников – видимо достаточно неожиданно для своих коллег – заявил, что пересмотрел свою точку зрения по этому вопросу.

Казанский профессор выступил с пространной речью, в которой доказывал полную каноническую обоснованность существующего порядка владения и распоряжения церковно-приходской собственностью. Он говорил о том, что вариант, который предлагался секретариатом (и который, как мы сказали, соответствовал прежнему видению проблемы самим И.С. Бердниковым), – это «род сделки» между двумя крайними точками зрения, из которых одна «желает сделать распорядителем и собственником церковно-приходского имущества прихожан», а вторая «желает удержать без изменения действующий порядок заведывания и распоряжения приходским имуществом». И.С. Бердников признавал, что компромиссная точка зрения, выра-

---

¹⁴²¹ Там же. Лл. 126–134 об., 269 об.

женная в проекте секретариата, самая распространенная, что она не только лежала в основе проекта IV отдела Предсоборного присутствия, но и уже осуществлена в приходском уставе православных приходов Финляндии.

При всем этом казанский профессор считал необходимым подвергнуть ее критике как излишнюю уступку «притязаниям прихожан» и ненужный компромисс. Притязания прихожан «распоряжаться церковным имуществом», считал он, давно заявлены и им давно сделаны все необходимые уступки в виде Положения о приходских попечительствах 1864 г. В нем, правда, было отказано прихожанам в распоряжении самим церковным имуществом, но зато предоставлено право изыскивать свои особые средства для благоустройства прихода и распоряжаться ими самостоятельно, помимо приходского клира и только «под покровительством» церковной власти.

Вот это <имущество попечительств> и есть приходское или лучше прихожанское имущество в собственном смысле, в отличие от церковного имущества в приходе¹⁴²², – говорил И.С. Бердников.

По его мнению, которое он представил членам совещания, приходские попечительства были лучшей и с точки зрения канонов единственно возможной формой устройства такого «прихожанского имущества». Они по своей сути – общественные (а не приходские, не церковные) учреждения, в них существование особого имущества, отдельного от церковного оправдано. Разделение же собственно приходского имущества, имущества, пожертвованного в церковь на церковное и «прихожанское», по словам И.С. Бердникова, не оправдывается ни канонами, ни практическими соображениями.

С точки зрения канонов это не верно, говорил выступавший, так как издревле все, что поступало в церковь, было неделимо и все в целом считалось достоянием Церкви. Оно могло при этом различаться по назначению, но не могло дробиться на особые разряды, «отличающиеся один от другого по своему существу и по субъекту имущественного права». Некоторое исключение в древней Церкви – продолжал свой экскурс И.С. Бердников – составляли ка-

---

¹⁴²² Там же. Лл. 136 об., 229–230 об.

питалы, которые жертвовались специально на благотворительные учреждения. Они выделялись из общей массы церковного имущества, заведывались и расходовались особым порядком, но и они считались церковным достоянием и контролировались церковной властью. Этот пример, отмечал И.С. Бердников, показывает, что именно практика организации прихожанами братств и попечительств с особыми целями (благотворительными или просветительными) и отдельными средствами под контролем церковной власти соответствует канонам и древней церковной практике.

Практические соображения также, с точки зрения И.С. Бердникова, говорили против разделения приходского имущества. В случае принятия компромиссного варианта, считал профессор, в приходе создадутся два особых хозяйства, два самостоятельных хозяина, действующих «один в подрыв другому». Средств у прихода не прибавится, так как источник останется один – карман прихожанина, зато учреждение отдельной «прихожанской кассы грозит прямым подрывом кассе церковной».

Истоки точки зрения своих крайних оппонентов И.С. Бердников видел в перенесении принципов светского права в область права церковного:

Проекты о перенесении права собственности на приход проистекают из неправильного взгляда на приход, как на гражданскую общину, и на церковное имущество, как на обыкновенное общинное имущество, собранное, например, по подписке, а такое понимание не совместимо с церковным учением об устройстве прихода и о церковном имуществе. Перенесение мирских понятий в церковные отношения недопустимо без существенного вреда для Церкви¹⁴²³.

И.С. Бердников обрушивался с критикой на «реформаторов прихода», которые – по его мнению – хотят, чтобы у прихожан было две выгоды: чтобы они получили собственное имущество, а также право большего участия в распоряжении церковным имуществом, чем было доселе. Именно в силу своего «канонического характера», говорил профессор, приходские попечительства «не пользуются симпатиями» у «реформаторов прихода», поскольку «им

---

¹⁴²³ Там же. Л. 230.

не дано права вмешиваться в ведение церковного хозяйства». Здесь он явно закрывал глаза на реальное положение приходских попечительств. Вывод И.С. Бердникова между тем был категоричен: все церковно-приходское имущество как имущество, пожертвованное Богу, принадлежит Церкви как религиозному учреждению, оно не может после пожертвования считаться собственностью жертвователя, то есть прихожанина. Поэтому и разделение имущества на две категории недопустимо, как недопустимо и разделение субъекта церковной собственности в приходе.

Управление церковным хозяйством должно вестись теми же органами церковной власти, каким принадлежит управление и другими сторонами церковной жизни <...> Другого хозяина в заведовании церковным хозяйством, кроме органов церковной власти, по общему каноническому порядку не может быть¹⁴²⁴.

При этом, по мнению И.С. Бердникова, прихожане могли участвовать в распоряжении церковным имуществом в составе приходских собраний и советов, а также как и прежде организовывать приходские попечительства с уже своим, «прихожанским» имуществом:

С учреждением приходских Советов и общих собраний прихожанам дается такая доля участия в ведении церковного хозяйства, что более им желать нечего и дать невозможно¹⁴²⁵.

Свою новую точку зрения И.С. Бердников суммировал в пяти главных положениях, которые предложил принять совещанию.

1) Под именем церковного имущества «разумеется все, что приносится к алтарю Господню, что жертвуется в пользу церкви», различные предметы, движимое и недвижимое имущество, деньги, поступающие в церковную казну (И.С. Бердников перечислял различные виды поступлений и сборов), а также – имущество и капиталы, назначенные для обеспечения духовенства.

2) Церковно-приходское имущество принадлежит приходской церкви «как молитвенному институту».

---

¹⁴²⁴ Там же. Лл. 139, 230.

¹⁴²⁵ Там же. Л. 230.

3) Предложение о переносе права собственности в церковном имуществе с храма на приход не имеет «достаточных оснований ни теоретических, ни практических».

4) Управление и распоряжение церковно-приходским имуществом принадлежит настоятелю прихода с клиром, при деятельном вспомогательном участии прихожан, проявляемом на общем приходском собрании и приходском совете¹⁴²⁶.

5) Прихожанам, ревнующим о благе Церкви и прихода, предоставляется по доброй воле составлять попечительства с просветительными и благотворительными целями, изыскивать для этого особые средства, заведовать и распоряжаться ими под наблюдением настоятеля прихода¹⁴²⁷.

Таким образом, казанский профессор отказывался от той конфигурации органов приходского управления, которую он наметил в своем «Сепаратном проекте» (церковный совет и староста как распорядители церковного имущества и казначей и попечительский совет как распорядители приходского), а также, по сути, вставал на точку зрения архиепископа Херсонского Димитрия (Ковальницкого), выраженную в его формуле, голосовавшей в последний день работы Предсоборного присутствия. Так завершилась эволюция взглядов казанского канониста, которая началась в общем собрании Присутствия, очевидно, под влиянием его еще более радикальных единомышленников.

Совещание не приняло логику И.С. Бердникова. Оно признало невозможным считать единственным субъектом имущественных прав в приходе приходскую общину. Оно отклонило предложение общего собрания Предсоборного присутствия переносить права собственности с церковно-приходской церкви на всю Православно-русскую Церковь, отметив, что «теория, усваивающая право собственности в церковном имуществе всей церкви, никогда не признавалась на православном востоке», была в ходу на средневековом Западе, но юридической наукой отвергнута уже и здесь. Совещание считало, что применение этой теории на практике

---

¹⁴²⁶ Там же. Лл. 139 об., 230 об.

¹⁴²⁷ Там же. Лл. 135–142, 229–230 об.

потребовало бы много радикальных преобразований в управлении церковным имуществом Российской церкви и вызвало бы немало очень серьезных затруднений. В частности для прихода и приходской церкви применение оной теории сопровождалось бы умалением его владельческих прав по отношению к своему имуществу¹⁴²⁸.

Как видим, мнение совещания в этом вопросе воспроизводило аргументы М.А. Остроумова, выдвинутые им на заседаниях Предсоборного присутствия.

Вместе с тем совещание считало необходимым наделить особым имуществом и приход. Это «несомненно» должно было, по мнению совещания, привлечь прихожан к более деятельному и живому участию в приходских делах и способствовать оживлению прихода. Права, предоставленные членам попечительств, на пример которых ссылался И.С. Бердников, совещание считало нужным распространить на весь приход. Поэтому большинством голосов оно признало необходимым разделить имущество в приходе на два разряда, «существенно отличающиеся один от другого по своей юридической природе»: имущество церкви и имущество прихода. Таким образом, совещание солидаризовалось с позицией в этом вопросе большинства IV отдела Присутствия, рядом отзывов епархиальных архиереев и проектом самого И.С. Бердникова 1906 г. Казанский профессор в ответ на это подал запись своей речи в качестве особого мнения¹⁴²⁹.

Через две недели совещание продолжило обсуждать тему имущественных отношений в приходе, сосредоточившись на вопросе о составе обоих разрядов имущества и о правах субъектов церковной и приходской собственности. Первый вопрос не вызвал особенных разногласий, тем более что он подробно обсуждался в IV отделе Предсоборного присутствия. К церковному имуществу относилось все, что было необходимо для совершения богослужений, все, что жертвовалось собственно на благоустройство храма, различные доходы церкви, причтовое имущество и капиталы, имущество и капита-

---

¹⁴²⁸ Там же. Л. 140 об.

¹⁴²⁹ Там же. Лл. 140–142, 268.

лы, переданные именно церкви, «хотя бы и с специальным назначением на удовлетворение религиозно-нравственных, просветительных и благотворительных нужд прихода». К приходскому имуществу относилось все, что жертвовалось и собиралось прихожанами собственно «на удовлетворение религиозно-просветительных и благотворительных» приходских нужд.

А вот вопрос о распорядителях обоих разрядов имущества и о наделении их правами юридического лица вызвал активный обмен мнениями. Соповещение снова обратилось к истории вопроса, разбирая, каким образом он решался в разных проектах приходского устройства – от отзывов преосвященных и дискуссии в IV отделе Предсоборного присутствия до частных проектов. Активным противником наделения прихода (наряду с храмом) правами юридического лица на этот раз выступил профессор М.А. Остроумов¹⁴³⁰.

Он истолковывал намерение своих коллег по совещанию создать два юридических лица в приходе как попытку наделить правами собственника приходского имущества только прихожан без причта. Учитывая роль священника в органах управления приходом, какая проектировалась совещанием, это толкование было необоснованным. Такой шаг, по мнению М.А. Остроумова, фактически возвращал бы прихожанам права собственности на то, что ими было пожертвовано. Это противоречило бы – говорил харьковский профессор – первому правилу Двукратного Собора 861 г. и здравому смыслу, поскольку

новый порядок может создать не жертвователей, а только распорядителей. Много при нем найдется охотников распорядиться «приходскою» собственностью, но мало будет охотников сделать вклад в «приходскую» кассу. Мы часто можем теперь наблюдать и в других сферах, что собрания членов различных, напр<имер,> благотворительных обществ бывают весьма немногочисленны, если ожидается появление подписного листа, между тем как они же бывают переполнены, когда ожидаются выборы или предстоит надобность распорядиться средствами. А такой по-

---

¹⁴³⁰ Там же. Лл. 231–232.

рядок может оказаться для приходской жизни не только не полезным, но и прямо вредным¹⁴³¹.

В некоторых местах своего выступления М.А. Остроумов фактически повторял аргументацию И.С. Бердникова, прозвучавшую на предшествующем заседании совещания, указывая, например, на возможную конкуренцию двух юридических лиц в приходе в борьбе за пожертвования прихожан. Он считал, что храм «составляет самую устойчивую часть прихода» и является необходимым компонентом его определения.

Отсюда ясно, что всего естественнее собственником церковного имущества быть храму как юридическому лицу, объединяющему все части прихода¹⁴³².

М.А. Остроумов допускал и участие прихожан в распоряжении церковной собственностью, но считал, повторяя свою аргументацию, приведенную в Присутствии, что

основанием для этого участия может служить не право собственности на пожертвованное уже имущество, а попечительское право или, так называемое, ктиторовское право, введенное в известные границы, каковое за ними признается и теперь <...> Это попечительское право может быть расширено, но нет надобности заменять его правом собственности¹⁴³³.

Однако совещание не изменило своего подхода к проблеме, выработанного 12 ноября. Коль скоро признано необходимым – рассуждало большинство его членов – разделить имущество на два разряда, следовательно, в приходе должны быть два собственника и распорядителя имущества и два юридических лица. Управление и распоряжение имуществом церковным должно принадлежать «церковной власти с участием прихожан». Причтовым имуществом распоряжаются действующие священно- и церковнослужители прихода, но оно составляет «неотъемлемую собственность церкви», то есть не может быть свободно отчуждаемо. Управляют и распоряжаются приходским имуществом приходские собрание и совет. И церкви, и приходу в отношении

---

¹⁴³¹ Там же. Л. 232.

¹⁴³² Там же. Л. 231 об.

¹⁴³³ Там же. Лл. 231–231 об.

соответствующих категорий имущества совещание предполагало усвоить права юридического лица¹⁴³⁴. Как предлагалось и в других проектах, епархиальные нужды должны были удовлетворяться из церковных (а не приходских) средств. Обоим юридическим лицам совещание предполагало дать право свободно приобретать недвижимое имущество, но признало необходимым ограничить возможность его продажи. Мотивировалось это тем, что единожды отданное Церкви должно и впредь служить христианским целям. Поэтому в свой проект совещание внесло особый параграф о порядке отчуждения имущества, как церковного, так и приходского. Оно могло быть «отчуждаемо, продаваемо, обмениваемо, а также обращено под залог» не иначе, как с разрешения церковной власти; с разрешения той же власти могла быть изменена цель использования имущества, обращенного на определенные цели¹⁴³⁵.

Тем самым, в отношении церковно-приходского имущества и его распорядителей совещание действовало в той логике, какую за год до этого предлагал «Сепаратный проект» И.С. Бердникова: две категории собственности, два распорядителя, два юридических лица. Принцип, выдвинутый IV отделом: две категории собственности, один распорядитель, к которому склонялось большинство Предсоборного присутствия, надеявшееся таким образом теснее вовлечь прихожан в приходскую деятельность, был отвергнут.

Просветительные и благотворительные учреждения в приходе

На последнем ноябрьском заседании совещание обсуждало положения о приходской школе и библиотеке, представленные председателем Училищного совета при Синоде протоиереем П.И. Соколовым. В целом они совпадали с теми положениями, которые тот же автор представлял в заседаниях IV от-

---

¹⁴³⁴ В финальной редакции проекта Совещания выражение «юридическое лицо» было опущено, так как члены Совещания сочли его недостаточно устоявшимся в юридической науке. Вместо этого в отдельном параграфе (65) специально было оговорено, что и церкви, и приходу «принадлежит право приобретать на свое имя и отчуждать движимое и недвижимое имущество». См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 174, 269.

¹⁴³⁵ Там же. Лл. 149–157, 269.

дела Предсоборного присутствия. Собрание утвердило его тезисы, подвергнув их небольшой правке и отметив, что забота о церковно-приходской школе должна быть на первом месте среди дел прихода после заботы о благоустройстве храма, что преподавание Закона Божия – обязанность приходского священника, что желательно открытие в приходах «повторительных курсов по Закону Божию для сельской молодежи», тождественных по своей сути катехизаторским курсам, о необходимости которых говорил IV отдел Предсоборного присутствия. Помимо статей о школе и библиотеке собрание внесло в свой проект отдельный параграф о благотворительных учреждениях в приходе в редакции IV отдела и параграфы о приходских кладбищах в сокращенной редакции секретариата¹⁴³⁶.

В течение декабря собрание занималось редактурой выработанных положений. Кроме того, оно обсудило будущую судьбу приходских попечительств и братств в перспективе введения в действие подготовленного им Положения о православном приходе. Попечительства собрание предложило упразднить, а братства, наоборот, сохранить, незначительно изменив положение о них¹⁴³⁷.

Приход и коммунитарный идеал: особое мнение М.А. Новоселова

Работа собрания близилась к концу. Но еще до окончания финальных заседаний в адрес выработанного им проекта стала звучать принципиальная критика. В день предпоследнего заседания собрания 17 декабря 1907 г. его член М.А. Новоселов составил записку, которую по завершении работы собрания подал в качестве своего особого мнения¹⁴³⁸. Автор записки начинал свою критику с обвинения своих коллег по собранию в «чрезмерной вере в форму» (очевидно, юридическую), отчасти повторяя тем самым обвинения,

---

¹⁴³⁶ Там же. Лл. 158–165 об.

¹⁴³⁷ Там же. Лл. 166–174 об.

¹⁴³⁸ Там же. Лл. 182–188, 188 об., 189–192 (автограф), 232 об.–234 об. (оттиск). В конце автографа дата *17 декабря 1907 г.* проставлена рукой М.А. Новоселова. На первом листе автографа стоит писцовая дата *21 декабря 1907 г.*, которую можно интерпретировать как дату поступления документа в секретариат Собрания.

высказанные Л.А. Тихомировым в адрес IV отдела Предсоборного присутствия. Эта «вера в форму», считал М.А. Новоселов, «имеет своим последствием построение прихода на почве гражданской общины», а значит проект совещания «сходит с той почвы, на которой единственно достижима цель оживления церковно-приходской жизни», поскольку это оживление должно быть прежде всего религиозным. Более того, любое новое регулирование приходской жизни М.А. Новоселов считал прямо вредным «уже по тому одному, что оно мешает свободному действию и соглашению православно-одушевленных элементов».

С резкой критикой автор записки обрушивался на территориальный принцип, положенный Предсоборным присутствием и Особым совещанием в основание определения прихода, поскольку – как он считал – «территориальный приход» препятствует свободному возникновению «тесных нравственных связей» верующих и «добрых пастырей». М.А. Новоселов повторял слова И.С. Бердникова о том, что существующие законоположения вполне достаточны для оживления приходской жизни. Но если казанский профессор говорил это с позиций отстаиваемого им «институтного» подхода, то М.А. Новоселов – с позиций своего рода духовного анархизма. Он призывал иерархию, пастырей и ревностных мирян «приложить силы к церковно-религиозному действию», а не к писанию правил. Только на почве этого действия, он был уверен, состоится сплочение «лучших христианских сил» и выработка новых форм жизни. Интересно, что М.А. Новоселов ставил в пример пастырям Церкви революционеров, которые

организуют наиболее горячие, ревностные, убежденные силы свои и только при помощи их захватывают под свое влияние «территориальные единицы». И именно поэтому они даже небольшие силы употребляют с таким грозным успехом¹⁴³⁹.

Автор особого мнения предлагал и свою программу оживления «православного мира», подчеркивая, что она принципиально выходит за рамки при-

---

¹⁴³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 233 об.

ходского вопроса и затрагивает разные стороны церковной жизни. Прежде всего, отчасти повторяя и развивая уже знакомые нам идеи Л.А. Тихомирова, он призывал епископат «все свои силы употребить на одушевление пастырей и пасомых к <...> организации христианских союзов и братств (вполне законном разрешенных и ныне)». Такие «приходские и всецерковные союзы и братства» он категорично противопоставлял созданию в приходе гражданско-правомочной общины:

Несколько сот тысяч таких ревностных деятелей, сплоченных в своих союзах, имеющих свои капиталы и т.д., и объединенных вокруг церковной иерархии, сделают для Христова дела больше, чем десятки миллионов «территориальных» христиан, ленивых и равнодушных к истине и жизни истинной¹⁴⁴⁰.

Вторым пунктом его программы возрождения «православного мира» было «оживление деятельности пастырей», но не через привлечение к выборам священника прихожан («ибо иные прихожане именно лучшего <пастыря> и не пожелают»), а через изменение системы привлечения к священству и особенно – через изменение «системы подготовительных к пастырству школ». Вместо существовавших семинарий М.А. Новоселов предлагал создать сеть пастырских школ и пастырских курсов при них, куда шли бы желающие священства по «свободному влечению», причем не только образованные, но и «простецы». Параллельно новым пастырским школам он считал необходимым создать институт «специальных проповедников, апологетов, миссионеров» как из священников, так и из мирян. Они по приглашению священника или по поручению епископа должны были бы рассылаться «в постоянные объезды» для дополнения труда приходских священников или для борьбы с лжеучениями.

Наконец, третьим условием возрождения церковной жизни М.А. Новоселов считал оживление и одухотворение «высшей школы христианской жизни» – монастырей, которые должны стать «общиной монахов, а не пристанищем ищущих безделья и легкого прокормленья».

---

¹⁴⁴⁰ Там же. Л. 233 об.

Воскресение монастырей, оживление их духовное – дало бы такие неисчислимые силы для всех верующих, для дела истинного оживления *религиозно-церковной* жизни вообще, а в частности и в приходах, что странно даже и сравнивать с ними граждански деятельные силы приходов территориальных, с их вычислениями рублей, попадающих в тот или иной карман¹⁴⁴¹.

В этой горячей критике проекта Особого совещания мы можем увидеть отзвуки того коммунитарного идеала, который вдохновлял автора еще в пору его увлечения толстовством и который, казалось бы, он должен был оставить в прошлом вместе с этим увлечением. Однако призывы к созданию деятельных общин в виде братств и монастырей, которые должны пересоздать косный «территориальный» приход отчетливо перекликаются с идеями русских коммунитариев рубежа XIX–XX вв., в том числе с его собственными идеями о том, что людям нужно «показать» идеальное общество, и тогда они сами станут жить по законам добра и справедливости. Только если раньше таким образцом должна была стать коммуна, то теперь – братство¹⁴⁴². Мы не знаем, как коллеги по совещанию реагировали на особое мнение М.А. Новоселова. Во всяком случае, оно было приобщено к другим материалам этого органа.

Итоги работы Особого совещания

Итоговый текст проекта Положения о православном приходе, одобренного Особым совещанием, состоял из 80 параграфов. Первые четыре из них были посвящены определению прихода, его границ, условиям их изменения и упразднения прихода. Следующие шесть параграфов (5–10) описывали приходский причт, порядок его назначения, перемещения и его обязанности. Параграфы 11–13 давали определение прихожан, правила их перехода из прихода в приход, перечисляли статьи приходской книги. Следующие параграфы положения были посвящены порядку управления приходскими делами

---

¹⁴⁴¹ Там же. Л. 234 об.

¹⁴⁴² О роли М.А. Новоселова в российском коммунитарном движении и о его коммунитарных идеях см.: *Гордеева И.А.* «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003. С. 68–76, 131, 142, 162, 179, 184 (здесь особенно про его общественный идеал), 190, 215–226.

(14–19), приходскому собранию (20–38) и приходскому совету (39–47). Затем шли статьи, описывавшие приходский храм (48–54) и регламентировавшие имущественные отношения в приходе (58–66). Наконец, параграфы 67–78 были посвящены приходским школе, библиотеке и благотворительным учреждениям, а 79–80 – приходскому кладбищу.

В целом проект Особого совещания был лаконичнее и компактнее, чем проект Нормального приходского устава IV отдела Предсоборного присутствия. Это давало надежду на то, что его будет удобнее применить на практике. При этом совещание сохранило основные моменты, выработанные IV отделом Присутствия: территориальный принцип организации прихода, возможность ходатайства прихожан за своего кандидата в священники, разделение имущества на церковное и приходское и др. Одновременно совещание отказалось от трактовки нескольких важных положений, которая была дана Предсоборным присутствием. Так, совещание не стало рассматривать приходское собрание как распорядительный, а приходский совет как исполнительный орган, отказавшись тем самым считать систему управления приходом вариантом общинного самоуправления и приблизившись к пониманию прихода в духе «институтного» подхода. Оно сузило круг полноправных участников приходского собрания, введя цензовые критерии в механизм их отбора, развив, впрочем, тем самым тенденцию, что уже присутствовала в проекте IV отдела Присутствия. Наконец, совещание отклонило предложение Общего собрания Присутствия считать верховным собственником церковного имущества, в том числе и приходского, всю Российскую Церковь. При этом совещание, раскритиковав теорию о верховной собственности всей Церкви над приходским имуществом, фактически признало ее справедливость в случае упразднения прихода. Получалось, что пока приход существует, его имущество принадлежит храму и общине, но как только он прекращает свое существование, их имущество оказывается принадлежащим всей Русской Церкви с распорядителем в лице епархиальной власти. Совещание не прояснило юридические основания для такого перехода прав собственности,

и это, как представляется, достаточно противоречивое положение сохранилось в окончательном варианте проекта.

Выполнило ли совещание свою задачу по «нейтрализации» проекта Нормального устава Предсоборного присутствия? Безусловно, оно в своем проекте более последовательно проводило «институтный» (в терминологии Н.Д. Кузнецова) взгляд на приход, чем IV отдел Присутствия. Отсутствие единого распорядителя у церковного и приходского имущества отдаляло мирян от определенной категории общеприходских дел. Приходится еще раз отметить, что эти и некоторые другие положения, вошедшие в проект совещания, противоречили мнению его второго председателя, которое он озвучивал в 1905 г.¹⁴⁴³ Между тем мы помним, что уже в проекте Нормального устава был заложен взгляд на приход как на церковное учреждение, который проводил – пусть чуть более последовательно – и проект 1907 г. В этом смысле в их основании лежала одна эkkлeзиологическая логика. Только IV отдел считал необходимым допустить прихожан к широкому участию в делах прихода; проект совещания несколько сузил поле их возможностей. Так, с деятельности Особого совещания начинает действовать тенденция, которая обнаружит себя и в последующих синодальных проектах: на постепенное урезание еще не дарованных, а только обещанных прав прихожан. Однако полная нивелировка «церковно-общественного» начала не состоялась и в проекте совещания. Кроме того, отличаясь в трактовках некоторых важных положений, проекты Присутствия и совещания часто были близки в конкретных выражениях и, думается, их реализация на практике имела бы более общих черт, чем различий. Но как показали дальнейшие события, до введения в жизнь Положения о православном приходе было еще далеко.

Как скоро стало ясно, проект, разработанный совещанием, не встретил сочувствия ни в правом, ни в либеральном лагерях печати. Для первого он

---

¹⁴⁴³ К сожалению, из документов совещания не ясно, какую конкретно позицию занимали каждый из его членов по тем или иным вопросам. Дело в том, что в виде подробной стенограммы в архиве отложились только материалы первых заседаний, а последующих – в виде сравнительно кратких журналов.

был слишком похож на проект IV отдела Предсоборного присутствия и «многими своими чертами» напоминал «строй лютеранских приходских общин». Второй реагировал не на проект по существу, а на тенденцию все более активного участия в обсуждении приходского вопроса чиновников духовного ведомства. «Прогрессивная» печать призывала общество «восстать против возрождения прихода в порядке синодальной постановки дела»¹⁴⁴⁴. Так, с 1907 г. стала просматриваться еще одна тенденция – политизации приходского вопроса, которая достигнет своего апогея в 1916 г.

§ 5. Судьба приходского устава в 1908–1911 гг.

Не успели высохнуть чернила, которыми члены Особого совещания вносили правку в свой проект Положения о приходе, еще материалы совещания не были представлены в Синод, а уже 21 декабря 1907 г. последовало высочайшее повеление в адрес Святейшего Синода, которым ему поручалось разработать проект Положения о православном приходе «в ближайшую очередь»¹⁴⁴⁵. Таким образом, это повеление было издано на следующий день по окончании работ совещания. Это, несомненно, говорит о том внимании, с каким в высших сферах следили за его работой, и в целом – за судьбой приходской реформы.

11 января 1908 г. архиепископ Агафангел представил в Синод выработанные совещанием проект Положения о приходе и предложения о дальнейшей судьбе приходских попечительств и братств. 4 февраля он также представил в Синод подробный обзор о работе Особого совещания, составленный на основании его журналов¹⁴⁴⁶. Теперь слово было за Синодом. Но еще до того, как он обратился к рассмотрению результатов деятельности совещания, на упомянутые материалы поступили первые отзывы. До 24 марта в синодальную канцелярию поступили Замечания епископа Орловского и Севского

---

¹⁴⁴⁴ Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 88–89.

¹⁴⁴⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 4–4 об.

¹⁴⁴⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 193–227 (обзор работы совещания), 339–340 об.

Серафима (Чичагова) на проект Положения о православном приходе и до-
полнение Училищного совета при Святейшем Синоде к записке из дела Осо-
бого совещания для выработки положения о православном приходе. А 11 мая
в канцелярию обер-прокурора пришло Особое мнение члена совещания Ф.Д.
Самарина, который работал в его составе в течение весенней сессии, а осе-
нью не смог возобновить свое участие в его занятиях¹⁴⁴⁷.

Критика проекта Особого совещания в особом мнении Ф.Д. Сама- рина

Пространный, 26-страничный отзыв Ф.Д. Самарина носил во многом
характер принципиальной критики проекта. Его автор, будучи одним из са-
мых активных членов совещания во время весенней сессии и оказав заметное
влияние на трактовку совещанием разбиравшихся тогда статей Положения,
не согласился с результатами работы своих коллег. Однако его критика прак-
тически не была учтена Святейшим Синодом, в отличие от других замечаний
и дополнений. Отчасти это, наверное, объясняется тем, что особое мнение
Ф.Д. Самарина поступило в Синод слишком поздно, когда постатейное чте-
ние проекта о приходе шло уже полным ходом. Синод занимался этим 4, 10,
13 и 15 мая¹⁴⁴⁸, а самаринский отзыв, как было сказано, пришел в канцелярию
обер-прокурора 11 мая. С другой стороны, он предполагал радикальную пе-
реработку проекта, к чему Синод, очевидно, готов не был. Остановимся на
этом особом мнении в первую очередь.

Ф.Д. Самарин начинал с анализа действующего законодательства, в ко-
тором регламентировалась приходская жизнь. Речь шла прежде всего о соот-
ветствующих статьях Устава духовных консисторий и Инструкции церков-
ным старостам. Автор считал, что хотя современное ему устройство прихода
«*в основе своей* не противоречит тем принципам, которые издревле осу-

---

¹⁴⁴⁷ Там же. Лл. 279, 280 (сопроводительные письма к отзывам, по которым мы их датиру-
ем), 259–276 об. (замечания еп. Серафима), 278–278 об. (дополнения Училищного совета), 1–14
об., 315–328 об. (особое мнение Ф.Д. Самарина).

¹⁴⁴⁸ Там же. Лл. 339–340 об.

ществлялись в церковных учреждениях»¹⁴⁴⁹, но оно страдает существенными недостатками. К таким недостаткам Ф.Д. Самарин относил полное разобщение существующих в приходе согласно законодательству должностных лиц и учреждений: причта, церковного старосты, представителей от прихода, приходского собрания. В частности, он указывал, что церковный староста, формально будучи уполномоченным прихожан, на деле от них совершенно независим. Приходское собрание не имеет никаких рычагов контроля за хозяйственной деятельностью не только причта, который поставлен в «еще более обособленное от прихода положение», но и старосты:

Прихожанам предоставляется лишь жертвовать деньги в церковную казну, но им не дается никакого участия в распоряжении этими деньгами; более того, их даже не осведомляют о том, куда эти деньги расходуются¹⁴⁵⁰.

Ф.Д. Самарин был убежденным сторонником допущения мирян к распоряжению церковным имуществом, ибо

попечение о материальной стороне жизни церковных обществ нельзя возлагать исключительно на церковную власть; иначе последняя будет вынуждена, вопреки примеру апостолов, оставив слово Божие, «служить трапезам»¹⁴⁵¹. Миряне же внесут в это дело всю свою житейскую опытность; они послужат церкви своими практическими сведениями, которыми могут и не обладать члены клира¹⁴⁵².

При этом он подчеркивал, что такое допущение «никоим образом не должно и не может иметь последствием изъятие церковного хозяйства из-под контроля епархиальной власти»¹⁴⁵³. Напротив, считал он, только с участием мирян епархиальная власть может поставить под действительный контроль хозяйственную деятельность причтов и старост. Сейчас, в силу своей удаленности от них она вынуждена ограничиваться только формальной проверкой, а в рассмотрение целесообразности хозяйственных распоряжений приходских должностных лиц она входить не может. Миряне же могут вплотную

---

¹⁴⁴⁹ Там же. Л. 315.

¹⁴⁵⁰ Там же. Л. 316.

¹⁴⁵¹ Ср.: Деян. 6, 2.

¹⁴⁵² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 316.

¹⁴⁵³ Там же. Л. 316 об.

наблюдать и верно оценивать их деятельность, к тому же и «нужды приходской церкви гораздо им ближе, чем благочинному или духовной консистории»¹⁴⁵⁴.

Кроме того, за участие мирян в распоряжении церковным имуществом говорит, по мнению Ф.Д. Самарина, и весомый психологический аргумент:

Опасно давать повод к тому, чтобы церковное хозяйство утрачивало в глазах мирян свое общецерковное значение и чтобы среди них распространялось мнение, будто в этом деле заинтересовано преимущественно духовенство. Все материальное достояние церкви искони слагалось из добровольных пожертвований, а размер последних, конечно, зависит от того или иного расположения верующих¹⁴⁵⁵.

Обзор действующего законодательства приводил автора особого мнения к выводу, что

было бы ошибочно рассчитывать на возможность восстановления правильного порядка исключительно административными мерами, ибо, как показано выше, самый закон по неполноте, неопределенности и некоторой односторонности своей создает благоприятную почву для отмеченных выше явлений. Поэтому нельзя ограничиться требованием, чтобы в точности исполнялись те постановления закона, которые теперь бездействуют; необходимо внести в нынешнюю организацию некоторые изменения законодательным путем¹⁴⁵⁶.

При этом речь не должна была, по его мнению, идти о полном переустройстве приходской организации, но об осуществлении принципов, признаваемых законодательством, однако остающихся на практике без применения. С этой точки зрения Ф.Д. Самарин всячески приветствовал деятельность Особого совещания, но выражал разочарование ее результатами.

Прежде всего он обращал внимание Синода на то, что значительная часть новых полномочий, предоставленных приходу проектом Положения, не будет иметь серьезного практического применения. Так, по мнению автора записки, приходский совет ничего не сможет сделать для возвышения нравственной жизни прихожан, а приходское собрание никак не сможет про-

---

¹⁴⁵⁴ Там же.

¹⁴⁵⁵ Там же. Лл. 316–316 об.

¹⁴⁵⁶ Там же. Л. 316 об.

тивостоять сектантской пропаганде. Несмотря на то, что на эти органы приходского управления возложены соответствующие обязанности, им не даны никакие рычаги для исполнения этих обязанностей¹⁴⁵⁷. Также фикцией он считал предоставление приходу права наблюдения за школами других ведомств, находящимися на его территории, поскольку приходу в этом отношении не предоставляется никаких прав: «Все будет ограничиваться тем, что совет будет доводить до сведения школьного начальства о своих наблюдениях, и только»¹⁴⁵⁸.

Одновременно, указывал Ф.Д. Самарин, главное дело прихода – забота о храме и об удовлетворении его текущих хозяйственных нужд – *«будет по-прежнему находиться в заведывании причта и церковного старосты»*¹⁴⁵⁹. И это будет происходить вопреки намерениям совещания, которые заявлены в проекте, но не доведены до конца. Так, в проекте говорится о том, что забота о храме – обязанность не только причта, но и приходских собрания и совета (§ 48), но в дальнейшем это положение не развивается. Церковный староста в проекте называется поверенным прихожан (§ 18), но отчета давать им он не обязан и, следовательно, как и прежде от них независим. В проекте говорится о том, что права и обязанности старосты определяются «особою инструкцией», но о пересмотре действующей инструкции церковным старостам в материалах совещания не говорится. Из чего Ф.Д. Самарин делает вывод о том, что эта инструкция «останется в силе и впредь», тогда как в ней нет указаний на создаваемые проектом новые приходские учреждения.

Тем самым автор особого мнения указывал, как представляется, на одну из самых слабых сторон в деятельности совещания – на отсутствие внимания к необходимости пересмотра действующих законоположений. Это также существенно отличало работу совещания от деятельности Предсоборного присутствия, которое, как мы помним, не только составило новые инструкции членам причта, но и подготовило проект изменений в инструкции церковным

---

¹⁴⁵⁷ Там же. Л. 317.

¹⁴⁵⁸ Там же. Л. 328 об.

¹⁴⁵⁹ Там же. Л. 317 об.

старостам. Предубеждение к результатам работы Присутствия приводило к непоследовательности в работе совещания, что – как показал Ф.Д. Самарин – ставило под сомнение реализуемость подготовленного проекта.

В итоге автор приходил к тому выводу, что «в сущности *все церковное хозяйство будет изъято из ведения новых приходских учреждений*»¹⁴⁶⁰. Это, по его мнению, стало бы следствием разделения церковно-приходского имущества на два разряда и учреждения двух юридических лиц в приходе в ситуации, когда участие прихожан в управлении церковным имуществом в проекте декларируется, но не конкретизируется. Утверждение проекта, что распоряжение церковным имуществом принадлежит церковной власти с участием прихожан «в установленном законом порядке», Ф.Д. Самарин интерпретировал так, что оно будет осуществляться «на существующих теперь основаниях», поскольку иного механизма совещание не разработало¹⁴⁶¹.

Вердикт автора был неутешителен:

В организацию прихода, как *церковного учреждения, призванного заботиться о приходском храме и его нуждах*, выработанный Особым совещанием проект Устава не вносит ничего существенно нового. Заведывание приходским хозяйством предполагается оставить в том же несовершенном виде, как теперь. Между тем именно в этой области действующие узаконения особенно настоятельно требуют существенных изменений и дополнений. Обходя эту важнейшую сторону подлежащего разрешению вопроса, составители проекта приходского устава тем самым отнимают у предположенной ими организации главное значение, которое должно бы ей принадлежать. В это нельзя не видеть существенного недостатка рассматриваемого проекта¹⁴⁶².

С другой стороны, если церковное хозяйство, рассуждал далее Ф.Д. Самарин, изъято из ведения новых приходских учреждений, получается, что последним остается сосредоточиться на христианском просвещении и благотворительности. Тем самым

---

¹⁴⁶⁰ Там же.

¹⁴⁶¹ Там же. Лл. 317 об.–318.

¹⁴⁶² Там же. Лл. 318–318 об.

забота о школах и благотворительных учреждениях будет выделена из общей совокупности дел приходских и составит специальную функцию организации, действующей *в пределах прихода* и состоящей *при церкви, но все же особой от прихода как церковного учреждения*¹⁴⁶³.

Получается, писал автор особого мнения, что новые приходские собрания и советы будут в основных чертах своего устройства фактически повторять устройство приходских попечительств, которые уже показали свою несостоятельность именно как учреждения, призванные содействовать развитию приходской благотворительности и просветительской деятельности. Кроме того, опасность такого устройства прихода, по мнению Ф.Д. Самарина, состоит еще и в том, что прихожане будут смотреть на дело заботы о храме как на дело для них второстепенное по сравнению с заботой о просвещении и благотворительности. В результате разобщение причта и прихожан не будет преодолено, а напротив еще больше укоренится; «усердие прихожан к поддержанию приходского храма ослабеет», а благотворительные и просветительные учреждения, «если и возникнут, то будут оторваны от непосредственной связи с церковью»¹⁴⁶⁴.

При этом проект совещания, отмечал Ф.Д. Самарин, возлагая на прихожан ответственность за приходские школы и призрение неимущих, не предлагал им никаких новых источников дохода, откуда можно было черпать средства на эти цели. Между тем, главным препятствием еще для деятельности приходских попечительств, указывал автор, был именно недостаток средств у населения. Самообложение прихожан, возможность которого предусматривалась в проекте совещания, по мнению критика, понималось в нем не совсем обычно, ведь прихожане не могут принимать «никаких принудительных мер» для взыскания установленных на собраниях сборов. Исключение из состава приходского собрания за их неуплату не казалось Ф.Д. Самарину действительно эффективной мерой. Следовательно, писал он, самообложение понимается в проекте не как принудительная раскладка сборов, а

---

¹⁴⁶³ Там же. Л. 319.

¹⁴⁶⁴ Там же.

«не более как обязательство, добровольно данное известным числом прихожан», внести определенную сумму. Значит единственным реальным источником приходских средств, резюмировал автор, остаются добровольные пожертвования, а они «при современных условиях» не могут быть значительны¹⁴⁶⁵.

В лучшем случае добровольные пожертвования послужат некоторым *подспорьем*, при наличии других доходов; рассчитывать же, что этим путем получатся *основные* средства, необходимые для развития благотворительной и просветительной деятельности прихода, значит обольщать себя совершенно неосуществимыми надеждами¹⁴⁶⁶.

И хотя совещание допускает возможность использования части церковных средств, оставшихся после покрытия расходов по церковному хозяйству и после оплаты епархиальных сборов, но «у большинства церквей в настоящее время» значительных сумм, говорит автор, не остается. Значит, и этот источник иллюзорен.

Таким образом, есть полное основание опасаться, что деятельность приходских собраний и советов по учреждению школ, приютов, богаделен и т.п. в большинстве случаев будет ограничиваться самыми ничтожными размерами или даже будет прямо сводиться на нет¹⁴⁶⁷,

– то есть все приходское устройство, планируемое совещанием, будет так же нежизненно, как были нежизненны приходские попечительства.

Для того чтобы проект Особого совещания не стал мертворожденным ребенком, по мнению Ф.Д. Самарина, в него следовало внести ряд существенных изменений, которые способствовали бы не разобщению, а консолидации трех главных сил, действующих в приходе: епископа, священника и прихожан:

Ослабить воздействие епископа на приходскую жизнь значило бы подорвать связь прихода с Церковью; лишить местного священника с причтом первенствующую

---

¹⁴⁶⁵ Там же. Лл. 319 об.–320.

¹⁴⁶⁶ Там же. Л. 320.

¹⁴⁶⁷ Там же. Л. 320.

щего положения в приходских учреждениях было бы равносильно полному извращению нормальных отношений между клиром и мирянами; устранить мирян от участия в приходских делах немыслимо, если не признать, что церковные учреждения существуют сами по себе, а не для мирян¹⁴⁶⁸.

Исходя из этой главной задачи консолидации приходских сил, в приходе должна быть осуществлена такая организация,

которая возлагала бы управление приходскими делами на клир, при обязательном участии прихожан и под высшим руководством епископа¹⁴⁶⁹.

Поэтому все три части прихода, доказывал Ф.Д. Самарин, должны участвовать во всех делах, хотя и «не в равной мере и не в одной и той же форме»¹⁴⁷⁰. Для этого прежде всего необходимо отвергнуть положение о разделении церковно-приходского имущества на два разряда и соответственно – о создании двух юридических лиц в приходе. Это положение, по мнению автора, было принципиально неправильным, поскольку приход неотделим от храма, а храм – от прихода, «а потому и имущество прихода есть имущество церковное, и обратно»¹⁴⁷¹. Только в случае такого единства церковно-приходского имущества, подчеркивал Ф.Д. Самарин, приход будет именно *церковным* учреждением, как сказано о нем в § 1 проекта. Церковь ведь никогда не разделяла заботу о храмах, о христианском просвещении своих чад и о помощи нуждающимся. «Церковные деньги – деньги нищих», – эту древнюю максиму Ф.Д. Самарин приводит для подкрепления своей идеи о нераздельности приходской собственности. Для прихода как церковного учреждения и забота о храме, и «попечение о неимущих», и «распространение христианского просвещения» являются «главнейшей обязанностью». Соответственно и всеми этими средствами и делами в совокупности должны заведовать «одни и те же лица и учреждения»¹⁴⁷². Значит, и прихожане должны

---

¹⁴⁶⁸ Там же. Л. 321.

¹⁴⁶⁹ Там же. Л. 320 об.

¹⁴⁷⁰ Там же. Л. 321.

¹⁴⁷¹ Там же. Л. 328.

¹⁴⁷² Там же. Л. 319.

участвовать во всех делах прихода, в том числе – и в заведывании церковным имуществом.

Реализовать такое участие, по мнению автора, достаточно просто. Необходимо сделать церковного старосту действительно зависимым от приходского собрания и совета, для чего ввести проверку со стороны этих учреждений действий и отчета старосты, отчет его должен утверждаться епархиальной властью только после положительного заключения приходского собрания. Эту норму Ф.Д. Самарин предлагал закрепить в проекте Положения, разработанном совещанием. Кроме того, он предлагал внести изменения в действующую инструкцию церковным старостам с тем, чтобы староста спрашивал согласия приходских собрания или совета во всех тех случаях, когда теперь он испрашивает согласие только причта.

Автор особого мнения полагал критерии, предложенные совещанием для определения прихожан (постоянное проживание в приходе, православное исповедание и запись в приходскую книгу), весьма спорными. Особенно неопределенным он считал требование постоянного жительства в приходе.

Может ли считаться, - спрашивал он, - постоянно проживающим в сельском приходе землевладелец, проводящий полгода в городе и полгода в имении своем? Где должен считаться постоянно проживающим крестьянин, который на все лето уходит из деревни на заработки?¹⁴⁷³

В итоге, указывал Ф.Д. Самарин, некоторые не будут принадлежать ни к какому приходу. Также весьма спорным критерием он считал запись в приходскую книгу и предлагал исключить упоминание о ней из проекта устава, как и требование о предоставлении прихожанами при смене прихода переходных свидетельств, содержащих сведения из приходской книги. Эти свидетельства он называл пустой формальностью, которую никто не будет исполнять. Он предлагал вовсе отказаться от определения прихожан, поскольку на практике, как он считал, этот вопрос решается легко и естественно, а фор-

---

¹⁴⁷³ Там же. Л. 325.

мальные определения могут только запутать его¹⁴⁷⁴. Одновременно Ф.Д. Самарин предлагал иначе определить в проекте состав приходских собраний, устранить требование постоянного жительства в приходе, по крайней мере, для тех, кто имеет в его пределах оседлость (например, квартиросъемщики в городах) или недвижимость. По его мнению, это необходимо было сделать, чтобы не отсечь от участия в приходских делах возможных активных прихожан.

Также, исходя из этих соображений, он предлагал предусмотреть возможность различного устройства приходских собрания и совета в зависимости от местных условий, прежде всего – в зависимости от состава и размера прихода. Например, если приход состоит из многих отдельных поселений, автор рекомендовал включить в приходское собрание выборных от каждого селения, входящего в приход, иначе – рассуждал он – может возникнуть ситуация, что в собрании будут участвовать только жители села, ближе других расположенного к храму. Если же приход состоит из одного большого селения, то большую часть полномочий приходского собрания Ф.Д. Самарин считал возможным возложить на приходский совет, но разрешить избирать в его состав большее число прихожан, чем указано в проекте. В малом приходе можно было бы вообще обойтись без приходского совета: зачем избирать дополнительный орган, если само собрание состоит из 20–30 человек, задавался вопросом автор. Наконец, в среднем приходе приходский совет мог бы состоять только из должностных лиц: причта, старосты и двух представителей прихожан, избираемых для проверки церковных сумм. Организация прихода, считал автор, должна быть возможно более простой и способной к изменению в зависимости от местных условий, а устав не должен быть мертвой буквой¹⁴⁷⁵.

Помимо вышесказанного, по убеждению Ф.Д. Самарина, судьба приходской реформы зависела еще от двух обстоятельств. Во-первых, от изме-

---

¹⁴⁷⁴ Там же. Лл. 325–325 об.

¹⁴⁷⁵ Там же. Л. 322.

нения характера духовной школы, поскольку именно от школы зависит подготовка новых достойных священнослужителей, а от них в свою очередь зависит дело оживления прихода. Для того, чтобы духовная школа справилась с этой задачей, она не должна иметь сословный характер, а приходское духовенство должно состоять «из людей тех самых общественных классов, среди которых и на пользу которым духовенству приходится действовать в качестве служителей церкви». Принимая священный сан, писал Ф.Д. Самарин, они не должны порывать со своей средой, только тогда они смогут поддерживать с ней общение и на нее воздействовать¹⁴⁷⁶.

Во-вторых, успех приходской деятельности во многом будет зависеть от наличия или отсутствия в приходе средств, которые могли бы быть пущены на организацию новых приходских учреждений. С целью сбережения приходских средств Ф.Д. Самарин предлагал освободить приходы от сборов на духовные школы и другие церковные нужды, или, по крайней мере, сделать эти сборы более легкими и распределить их равномерно между церквями. Кроме того, он указывал, что сборы – существенное препятствие к установлению единства между причтом и прихожанами, ведь «деньги, жертвуемые прихожанами на свой храм, обращаются в значительной части на совершенно другие нужды и притом без ведома и согласия жертвователей»¹⁴⁷⁷. Преобразование духовной школы и налогообложения приходов он считал необходимым поставить в связь с реформой прихода.

Помимо этого Ф.Д. Самарин подверг критике ряд отдельных статей проекта. Так, он указывал, что проект совещания, отвергая в принципе возможность переводов священников, на деле дает полный простор духовенству переходить из прихода в приход, поскольку тремя условиями, закрепленными в проекте (по просьбе клирика, по просьбе прихожан, по усмотрению архиерея), исчерпываются все основания для перевода священнослужителей. Автор особого мнения считал необходимым ограничить возможность пере-

---

¹⁴⁷⁶ Там же. Л. 322 об.

¹⁴⁷⁷ Там же. Л. 323.

хода только двумя условиями: наличием таких отношений между приходом и клириком, которые становятся явным соблазном для прихода (если только они не вызваны поступком клирика, за который он подлежит церковному и гражданскому суду); болезненное состояние священника или его дряхлость, вследствие которых он не может исполнять своих обязанностей в большом приходе, но еще может служить в приходе малочисленном. Кроме того, он указывал на целый ряд несогласованностей в параграфах проекта, посвященных приходскому собранию. Так, «деятельное участие» в делах прихода, к которому призываются прихожане в § 14, не согласуется, по его мнению, с тем, что в § 19 они приглашаются к «суждению» о способах удовлетворения его нужд, что может быть интерпретировано как наделение их лишь совещательным голосом. Приходскому собранию никак нельзя передать рассмотрение недоразумений между приходом и причтом, как это сделано в § 32, поскольку прихожане в этом споре – одна из заинтересованных сторон. Обжаловать решения собрания по формулировке проекта фактически может любой прихожанин, поэтому следовало бы, писал автор, точнее определить порядок обжалования этих решений. Вызывали у Ф.Д. Самарина сомнение и право дисциплинарного суда над своими членами, предоставленное проектом приходскому собранию, а также принцип решения приходских дел большинством голосов. Он считал более приемлемым способ решения этих дел через достижение консенсуса¹⁴⁷⁸.

Таким образом, Ф.Д. Самарин считал, что Особое совещание проявило непоследовательность в реализации заявленных им принципов: многие новые полномочия прихода носят декларативный характер и не подкреплены предоставлением ему реальных прав, церковное хозяйство изъято из ведения прихожан и значит, будет управляться по-старому, новые источники средств для развития приходских благотворительных учреждений проектом Положения не указаны. Наиболее активно автор особого мнения критиковал разделение церковно-приходского имущества и создание двух юридических лиц в

---

¹⁴⁷⁸ Там же. Лл. 324 об.–327.

приходе, но делал это совсем с иных позиций, чем И.С. Бердников и М.А. Остроумов – с позиции *соборного идеала*, который по его представлению, заключался в органическом единении трех главных сил прихода – епископа, клира и мирян. Вывод Ф.Д. Самарина состоял в том, что реформа, предложенная Особым совещанием, носит косметический, декларативный характер и фактически не изменит ничего существенного в устройстве православного прихода в России.

Особое мнение Ф.Д. Самарина было отзывом человека с большим практическим опытом и знанием реальной церковной жизни. Конечно, и оно не было лишено слабых мест. Так, кажется, что предлагавшийся критиком способ решения приходских дел через достижение консенсуса на деле мог парализовать работу приходских собраний. Между тем представляется, что это была самая глубокая и принципиальная критика в адрес проекта Особого совещания, из тех, что прозвучали в 1907–1908 гг.

Отзыв на проект Особого совещания епископа Серафима (Чичагова)

Если мнение Ф.Д. Самарина, как было сказано выше, практически не было учтено Синодом, то отзыв епископа Серафима (Чичагова) существенно повлиял на дальнейшую редакцию проекта Положения о православном приходе. Этому, очевидно, способствовало то обстоятельство, что преосвященный Серафим присутствовал в Синоде во время той сессии, на которой шло обсуждение этого проекта, и мог лично влиять на ход этого обсуждения¹⁴⁷⁹. Кроме того, его мнение было мнением епископа и практика, за которым как в церковных, так и в светских кругах к 1908 г. закрепилась репутация чуть ли не единственного успешного реформатора приходской жизни и следовательно – знатока приходского вопроса¹⁴⁸⁰.

---

¹⁴⁷⁹ Ср.: Там же. Л. 338.

¹⁴⁸⁰ Смоленские земцы весной 1908 г. говорили об управлявшейся епископом Серафимом Орловской епархии как о единственной, где приходские советы, созданные во исполнение синодского определения от 18 ноября 1908 г., оказались не «мертво рожденными» учреждениями. О не-

Отзыв епископа Серафима, подготовленный, как мы говорили, в феврале – начале марта 1908 г., состоял из двух частей. В первой части автор предлагал свою структуру Положения о православном приходе и на основе собственного опыта давал практические рекомендации по введению в действие этого Положения. Во второй части он разбирал каждую из статей, подготовленного совещанием проекта, сопровождая их обстоятельными комментариями, дополнениями, предлагая свои редакции статей.

Структуру Положения преосвященный Серафим предлагал переработать довольно радикально (отчасти следуя в этом за структурой «Сепаратного проекта» И.С. Бердникова¹⁴⁸¹). Согласно его предложению, проект следовало разделить на две части. В первой предполагалось сосредоточить «Общие положения», то есть параграфы о приходе (1–3), причте (5–10), прихожанах (11–13), храме (48–54), кладбище (79–80), школе, библиотеке, благотворительных учреждениях (67–78), о церковно-приходском имуществе (58–66, 55–57), а также имевшее еще появиться определение Синода о дальнейшей судьбе приходских попечительств. Во второй части «Об управлении приходскими делами» должны были помещаться параграфы о приходских собраниях и советах (14–41), об обязанностях председателя приходского совета (43–47), церковного старосты (18) и членов приходского совета (42). Тем самым, были бы отделены

положения, имеющие законодательный характер, от составляющих перечень обязанностей членов причта и совета (инструкцию), <...> дабы члены советов имели для своих справок вторую часть положения, <...> <и> никому не требовалось <бы> никаких дополнительных инструкций и все необходимые сведения имелись в одной брошюре¹⁴⁸².

Вообще, по мнению епископа Серафима,

успехе приходских преобразований в других епархиях говорил в своем отзыве и сам епископ Серафим. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 261, 331 об.–332.

¹⁴⁸¹ Ср.: Там же. Л. 265 об.

¹⁴⁸² Там же. Л. 260.

Положения о приходе должны составляться при постоянной мысли о сельских приходах, о неподготовленности сельского духовенства к возрождению деятельности приходов, о неразвитости и темноте сельского населения, из которого будут избирать членов приходских советов¹⁴⁸³.

Поэтому, продолжал преосвященный, надо «как можно проще излагать положения» и под некоторыми параграфами писать объяснения. Объяснения – богословские, пастырско-практические, процедурные и подобные – были характерной чертой той редакции Положения о приходе, что была предложена епископом Серафимом. Некоторые из этих объяснений действительно были использованы Синодом. Однако перерабатывать саму структуру Положения о приходе, как это предлагал преосвященный, Синод не счел необходимым, оставив последовательность статей в том виде, в каком их планировало разместить Особое совещание.

Обратимся к замечаниям епископа Серафима на конкретные статьи Положения, сопоставляя их с той правкой, какой Положение подверглось в заседаниях Синода.

К первой статье проекта, в которой давалось определение прихода, Орловский преосвященный предлагал присоединить богословское объяснение, указывающее на значение епископа для приходской жизни:

Приход есть составная часть епископии и только от епископа получает жизнь; через своего епископа приход состоит в тесной связи со всею Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Церковью и, посему, должен подчиняться своему епископу, блюсти единение в вере, хранить единое для всей православной Христовой Церкви Апостольское и Святоотеческое предание, иметь попечение об общих церковных нуждах и участвовать в их удовлетворении. Приходский священник есть доверенный от епископа пастырь, полномочия которого определены в его ставленной грамоте¹⁴⁸⁴.

Это объяснение Синод включил в свою редакцию в неизменном виде. Также из проекта епископа Серафима в синодскую редакцию был включен новый параграф (он стал § 2 этой редакции) об обязанностях прихожанина,

---

¹⁴⁸³ Там же.

¹⁴⁸⁴ Там же. Л. 263 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 6 об.

указывавший конечную – религиозную цель приходской жизни. В нем говорилось, что

каждый прихожанин призывается содействовать благосостоянию своего прихода в религиозно-нравственных, просветительных и благотворительных целях церковно-приходской жизни для созидания ее по духу Христову¹⁴⁸⁵.

К параграфу о возможности изменения границ прихода преосвященный Серафим присоединил объяснение о том, что оно может произойти только по самым уважительным причинам «во избежание замешательства в церковных актах, служащих основанием гражданской правоспособности»¹⁴⁸⁶. Это выражение было парафразом 93-й статьи Устава духовных консисторий (в редакции 1883 г.). Данное объяснение также было принято Синодом в свою редакцию.

Статья проекта о порядке создания нового прихода, по мнению Орловского епископа, требовала пространного объяснения со ссылками на законодательство о порядке действий епархиальной власти при открытии нового прихода, о характере сведений, которые она должна собрать, прежде чем дать на это свое согласие. Синод внес в свою редакцию и это объяснение¹⁴⁸⁷.

Пристальное внимание и преосвященного Серафима, и членов Синода приковали статьи проекта о порядке назначения в приходы членов причта, в основе которых лежала формула, предложенная Ф.Д. Самариним. Она, как мы помним, предполагала подробную регламентацию действий в этом случае епархиального архиерея. Епископ Серафим предлагал отказаться от такой регламентации и объединить два соответствующих параграфа в один, обозначив в нем только то, что прихожане могут в течение трех недель по открытии вакансии ходатайствовать по постановлению приходского собрания или совета перед архиереем о своем кандидате, если он будет соответствовать не-

---

¹⁴⁸⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 265 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 6 об.

¹⁴⁸⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 263 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 6 об.

¹⁴⁸⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 263 об.–264; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 7.

обходимым требованиям; архиерей в свою очередь при назначении члена причта может «принять во внимание» ходатайства прихожан¹⁴⁸⁸.

Это предложение преосвященного легло в основу редакции двух соответствующих параграфов, осуществленной Святейшим Синодом¹⁴⁸⁹. Последний не стал связывать епархиальную власть в этом вопросе четким регламентом, как это проектировало совещание, намеревавшееся, по выражению Ф.Д. Самарина,

на место *права прихожан* обращаться к епархиальной власти с заявлениями по поводу кандидатов, <...> поставить *обязанность самой епархиальной власти* справляться, до окончательного назначения священника или причетника, с мнением прихожан¹⁴⁹⁰.

Право прихожан не было заменено обязанностью епархиальной власти. Однако дискуссия на этом не завершилась. Обер-прокурор во время обсуждения соответствующего параграфа разъяснил членам Синода, что с «юридической точки зрения» рекомендация более обязывает того, к кому обращено, чем ходатайство. Синод удовлетворился таким разъяснением, но преосвященного Серафима оно, по-видимому, смутило. 18 мая, уже по окончании постатейного чтения проекта о приходе он направил в Синод представление, в котором «ввиду отношения к этому вопросу всего русского общества» просил Синод изменить этот параграф «пока это возможно», предоставив прихожанам право «рекомендовать архиерею» своего кандидата¹⁴⁹¹. Но Синод на этот раз не прислушался к его призыву¹⁴⁹².

Далее в своем отзыве о проекте совещания епископ Серафим подверг критике параграф об основаниях перевода клирика с прихода на приход. Особое совещание обязало, как мы помним, епархиального архиерея спрашивать по делам о переводе мнение членов духовной консистории или бу-

---

¹⁴⁸⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 264 об.–265.

¹⁴⁸⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 7 об.

¹⁴⁹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 321.

¹⁴⁹¹ Там же. Л. 338. Ср. также: РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 126. Лл. 6–7.

¹⁴⁹² Возможно, и потому, что это представление епископа Серафима поступило в Синод (судя по входящему номеру) 28 мая 1908 г., уже после того, как было выпущено синодальное Определение, одобряющее подготовленный проект. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 338.

душего пресвитерского совета. Орловский преосвященный считал это неправильным, поскольку если о переводах просят прихожане или сам клирик, консистория в любом случае производит дознание или собирает справки. Но если перевести его считает необходимым сам архиерей, «спрашивать мнение членов консистории ему не подобает». Синод согласился с этим аргументом и исключил соответствующие слова этого параграфа из своей редакции, а кроме того, пересмотрел и второе основание для перевода, заменив перевод по просьбам прихожан на возможность перевода по суду¹⁴⁹³.

Преосвященный Серафим считал также излишним требовать от прихожан при смене прихода свидетельство о перечислении с указанием всех сведений из приходской книги. Он полагал возможным заменить свидетельство краткой отметкой о перечислении, которая не походила бы «на послужной список или аттестат» и не действовала бы «на самолюбие прихожанина». Однако Синод не пошел на упрощение этой бюрократической процедуры¹⁴⁹⁴.

Примечательные добавления Орловский преосвященный предлагал внести в перечень обязанностей церковного старосты. Он считал нужным указать, что староста должен ежемесячно отчитываться в своих делах перед членами приходского совета, представлять «совету приходно-расходные книги для обозрения, ревизии», «давать ответы на все вопросы членов совета о хозяйстве, затратах церковных средств». При этом в другое время члены совета не могли вмешиваться в дела старосты, контролировать за службами церковный ящик и «делать ему заявления вне заседаний совета». Реализация таких предложений сделала бы старосту более зависимым от избравших его прихожан, хотя, конечно, не в той степени, в какой предлагал это осуществить Ф.Д. Самарин. Но Синод не принял эти добавления, ограничившись редакцией совещания, которая называла старосту «поверенным прихожан», но не создавала никакого механизма контроля его действий с их стороны¹⁴⁹⁵.

---

¹⁴⁹³ Там же. Л. 265; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 7 об.

¹⁴⁹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 265 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 8.

¹⁴⁹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 275; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 8 об.

Ряд возражений у епископа Серафима вызвала описанная в проекте процедура ведения дел на приходском собрании. Так, он считал неисполнимым в условиях сельских приходов требование проекта о том, чтобы решение собрания подписывалось всеми присутствующими. Он предлагал приблизить процедуру оформления решений на собраниях к процедуре оформления решений сельских сходов, чтобы приговоры собрания подписывали староста, уполномоченные от прихода и члены приходского совета. Он также считал ненужным давать право благочинному опротестовывать решения приходских собраний («благочинному здесь нечего делать»). Если же председательствующий в собрании священник не согласен с решением собрания, то подавать свой протест он должен благочинному как представителю епископа, а не в благочиннический совет, который занимается делами причтов, а не приходов. Преосвященный считал излишним создавать в сельских приходах ревизионную комиссию, предлагая поручить проверку отчетов свободным от их составления членам приходского совета. Кроме того, он предлагал дополнить круг дел приходского собрания пунктом о его праве «по просьбе священника касаться безнравственного поведения современного юношества» и делать ему внушения. Он считал это необходимым, так как «часто внушения священника бывают менее действительны, чем целого общества». Впрочем, ни одно из этих предложений не было поддержано Синодом, за исключением пункта о том, что жалобы прихожан (но не священника-председателя) на решения приходского собрания должны подаваться благочинному, а не в благочиннический совет, как было в проекте совещания¹⁴⁹⁶.

Напротив, предложения Орловского преосвященного относительно параграфа о целях создания приходского совета Синод поддержал. Новая редакция этого положения, представлявшая собой сокращенную версию пред-

---

¹⁴⁹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 270 об.–272 об. Ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 8 об.–10. Также благочинному (а не в благочиннический совет, как было в проекте совещания) должен был, согласно правке Синода, предложенной епископом Серафимом, подавать жалобы на решения приходского совета (выходящие за рамки хозяйственных вопросов) его председатель-священник. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 274 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 11 об.

ложения епископа Серафима, еще более четко формулировала вспомогательную роль приходского совета при священнике:

Для ведения церковно-приходских дел в каждом приходе избирается приходский совет, который должен оказывать помощь настоятелю прихода в исполнении им своего пастырского долга, способствовать объединению пастыря с прихожанами, ведать всеми делами имущественными, просветительными, благотворительными и христианской взаимопомощи, исполнять постановления приходских собраний и иметь смотрение за нуждами, скорбями и испытаниями прихожан для своевременного сообщения обо всем священнику¹⁴⁹⁷.

Причем к этому параграфу преосвященный предлагал присоединить пространное объяснение «для простого народа», в котором показывал, что создание приходского совета есть практическое выражение заповеди о единстве духа и братской любви между христианами:

Целая же община, приход, при помощи совета, разделив между собою обязанности и заботы, всегда достигнет святой цели <помощи ближнему>¹⁴⁹⁸.

Советы, согласно этому объяснению, должны быть зримым выражением единства прихода и единения прихожан со своим пастырем, быть «посредниками между пастырем и приходом». Но эта вставка не нашла для себя места в синодской редакции Положения. С другой стороны, замечание епископа Серафима о том, что нужно оговорить не только максимальное, но и минимальное число выборных членов приходского совета (не менее 6-ти и не более 12-ти), было Синодом учтено¹⁴⁹⁹.

По-другому преосвященный Серафим предлагал сформулировать обязанности членов приходского совета, считая нужным конкретизировать и расширить слишком обобщенные формулировки Особого совещания. Так, указание на обязанность принимать общие меры «к утверждению и возвышению нравственной жизни прихожан» он предлагал заменить указанием на то, что члены совета должны «стараться прекращать домашними средствами

---

¹⁴⁹⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 10–10 об. Ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 272 об.–273.

¹⁴⁹⁸ Там же. Л. 273.

¹⁴⁹⁹ Там же. Лл. 273–273 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 10 об.

вражду и злобу между прихожанами», «считать своим долгом наблюдать в селах за юношеством», «принимать меры к ограждению прихожан от распространения среди них книг, брошюр и листов, вредных в религиозном и нравственном отношении», «ограждать православную веру от проникающих в приход <...> лжеучений, а также самих прихожан от зловредных наущений и неблагонамеренных проделок со стороны темных, хитрых и порочных людей» и т.п.

К этому параграфу епископ Серафим считал нужным присоединить большое объяснение, в котором обозначал приоритеты деятельности совета и предлагал схему практической организации работы приходского совета. Среди приоритетов на первое место преосвященный ставил заботу о храме и о богослужении, поэтому считал, что советам «необходимо обратить наибольшее внимание на пение и упорядочить хоры». На втором месте, по его мнению, должна быть забота о школе. Причем преосвященный призывал членов совета «проводить в народ здравые понятия о школе», чтобы крестьяне относились к ней ответственно, а не как к «казенному учреждению». С точки зрения организации практической работы совета он считал необходимым, чтобы в этой работе был последовательно проведен «принцип разделения труда». Чтобы отдельные отрасли церковно-приходской жизни были закреплены за конкретным членом совета, который и проводил бы в жизнь решения, принятые на его заседаниях. Кроме того, каждый член совета мог бы отвечать за конкретный территориальный участок прихода и иметь «смотрение» за жизнью и нуждами, живущих на этом участке прихожан, и в случае необходимости «своевременно сообщить пастырю о горе прихожанина и для того не поленился дойти или доехать до священника».

Обозначенная в таком виде в Положении о приходе обязанность приходских учреждений наблюдать за религиозно-нравственной жизнью прихожан фактически означала бы юридическое закрепление за приходом некоторых полицейских функций и надзорных функций крестьянской общины. Только обосновывался этот надзор не традициями крестьянской жизни, а

христианскими мотивами. Опасность такой интерпретации предлагаемого им объяснения епископ Серафим вполне ощущал и делал поэтому специальную оговорку:

Нельзя смущаться словом «смотрение», это не подсматривание, не подслушивание, или кто что сделал или кто что сказал, а сердечная участливость, христиански проявляемая заботливость о больных и несчастных членах прихода¹⁵⁰⁰.

Думается, на деле для того, чтобы «смотрение» действительно стало христианским «попечением», одной такой оговорки могло оказаться недостаточно. Впрочем, Синод сохранил этот параграф в редакции Особого совещания, с ее более общими формулировками, и не воспользовался объяснением епископа Серафима¹⁵⁰¹.

Еще одно соображение Орловского преосвященного касалось вопроса о заместителе председателя приходского совета. Совещание допускало, что при кратковременном отсутствии священника-председателя совета его может замещать лицо, «избранное самим председателем из членов совета», в том числе и мирянин. Епископ Серафим предлагал (и Синод последовал этому предложению) удалить эти слова, поскольку при кратковременном отсутствии председателя, совет «не будет собираться и заниматься делами <...> особенно в селах». В развитие этого положения Синод ввел в проект еще один параграф, в котором предписывал в многоклирных приходах избирать заместителя председателя приходского совета из священников «по соглашению с прочими». Здесь же преосвященный Серафим «в виду существующего в обществе мнения, что председателем совета должен быть мирянин по выбору», предлагал дать объяснение о Божественном установлении христианского священства, о начальственном положении священника в приходской общине и о долге прихожан следовать за своим пастырем. При этом он добавлял, что «несоответственные пастыри не должны иметься в приходах и их следует заменить лучшими, хотя бы по просьбе приходских советов». В со-

---

¹⁵⁰⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 276.

¹⁵⁰¹ Там же. Лл. 275–276 об. Ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 10 об.

кращенном виде (в том числе без последнего добавления) это объяснение было включено Синодом в Положение о православном приходе¹⁵⁰².

Перечень обязанностей председателя приходского совета, краткий в редакции Особого совещания, Синод расширил по предложению епископа Серафима, хотя и не последовал во всем за его правкой. К указаниям на то, что председатель созывает членов совета на заседания, руководит ими, следит за исполнением постановлений и на то, что от его имени ведется делопроизводство совета, было добавлено указание, что именно председатель распределяет обязанности членов совета и дает им поручения. Преосвященный Серафим считал также нужным, чтобы в обязанности священника-председателя входила подготовка выборов членов совета, «дабы не проникали неблагонадежные и нерелигиозные люди». В этих же целях он предлагал сопроводить соответствующую статью развернутым объяснением, в котором подчеркивалась бы необходимость сотрудничества священника и приходского совета:

Мероприятия <...> обдуманно вместе с приходским советом, пастырь может провести в жизнь только при помощи членов совета, а не единолично. Тот, кто думает, что он в состоянии справиться единоличными силами теперь в великом деле возрождения приходской жизни, впадает в излишнюю самонадеянность и едва ли дождется благих результатов от своей деятельности в этом направлении. Поэтому необходимо священнику-председателю распределять между членами совета обязанности, разделить между ними общий труд¹⁵⁰³.

Одновременно в этом же объяснении преосвященный Серафим предлагал досконально регламентировать выборы членов приходского совета, поставив этот процесс под контроль священника. Так, священник-председатель совета в преддверии выборов должен был наметить подходящих кандидатов, собрать о них точные справки, заручиться поддержкой этих кандидатов со стороны «лучших людей» прихода, «до приходского собрания согласиться с прихожанами относительно выборов и поддержки намеченных лиц», на собрании огласить список желательных членов совета, а «в случае удачи зло-

---

¹⁵⁰² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 273 об.–274; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 11.

¹⁵⁰³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 274 об.

вредных людей властью своею как председателя прекратить выборы и отложить избрание до следующего собрания». Складывается впечатление, что члены приходского совета воспринимались епископом Серафимом скорее как порученцы священника-председателя, чем как его сотрудники. Впрочем, ни указание на то, что подготовка выборов является обязанностью председателя, ни это объяснение Синод не включил в свою редакцию Положения¹⁵⁰⁴.

Орловский преосвященный предлагал также снабдить объяснениями и дополнениями два параграфа, из числа регламентировавших положение приходского храма: параграф о возможности сооружения храма на средства казны или Синода, а также о порядке проведения различных видов ремонта храмовых зданий. Однако Синод предпочел опустить эти параграфы¹⁵⁰⁵.

Разбирая положения проекта о приходском имуществе, епископ Серафим солидаризовался с мнениями И.С. Бердникова и М.А. Остроумова «о необходимости признать все жертвы в пользу церкви, причта и прихода одним церковным имуществом». Он считал, что «двойственность эта принесет только вред», поскольку в селах не бывает жертв на специальные цели, все пожертвования идут на храм, а значит, не будет и собственно приходского имущества; в богатых же приходах пожертвования на приходские нужды всегда можно присоединить к церковному имуществу «с обозначением их специального назначения, как это и теперь практикуется». В соответствии с этим мнением, преосвященный Серафим предлагал свою компромиссную редакцию параграфа о приходском имуществе. В ней сохранялось деление имущества на два разряда, но собственником обеих называлась приходская церковь, распорядителем же первого – местный епископ или высшая церковная власть «с участием прихожан», а второго – приходские собрание и совет, испрашивающие «в важных случаях благословение епископа чрез благочинного». При этом преосвященный не оговаривал, каким образом прихожане должны были участвовать в распоряжении имуществом первого разряда.

---

¹⁵⁰⁴ Там же. Лл. 274–274 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 11.

¹⁵⁰⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 266, 269 об. Ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 11 об., 12.

Очевидно, это распоряжение должно было остаться на существовавших к тому моменту основаниях, то есть быть фактически в ведении причта. К этому параграфу он предполагал также дать объяснение со ссылками на церковные каноны (апостольские правила и постановление двукратного собора), обосновывающее принцип единства церковно-приходской собственности. Однако все эти поправки были отклонены Синодом, который поддержал позицию большинства Особого совещания, закрепив разделение имущества и юридических лиц в приходе¹⁵⁰⁶.

Параграфы о приходских школе и библиотеке епископ Серафим считал недостаточно разработанными, но сам высказал в связи с этим лишь несколько соображений. Например, он обращал внимание Синода на то, что слова «попечение об открытии и материальном обеспечении церковно-приходских школ лежит на обязанностях прихода» могут испугать крестьян, которые «теперь особенно склоняются по этой же причине к открытию земских школ, а не церковных». Также он указывал, что крестьяне и церковные старосты неохотно тратят деньги на закупку книг для приходских библиотек и выдают на эти цели не более одного–трех рублей в год. Поэтому он предлагал, чтобы епархиальное начальство само устанавливало сумму, которая может быть отпущена на библиотеку из церковных средств. Последнее предложение было поддержано Синодом; другие оставлены без внимания, поскольку раздел о приходских школах был расширен за счет дополнений, внесенных Училищным советом при Синоде. В соответствии с этими дополнениями к одиннадцати параграфам о школе и библиотеке, одобренным Особым совещанием, были добавлены еще четыре и два параграфа прежней редакции были отредактированы. В результате был конкретизирован механизм попечения прихода над церковными школами, уточнено, что это попечение осуществляется через приходский совет, были оговорены отношения прихода и попечителей школ, существующих на его территории, а также роль приходского совета

---

¹⁵⁰⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 268–269; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 12–13.

при назначении учителей в эти школы¹⁵⁰⁷. Наконец, в раздел проекта о приходском кладбище епископ Серафим предлагал внести параграф о разрешении с санкции епархиального начальства учреждать попечительства при городских бесприходных кладбищенских церквях с целью надзора за их состоянием. Этот параграф в его редакции был принят Синодом¹⁵⁰⁸.

Также он изложил собственный опыт проведения в жизнь определения Синода от 18 ноября 1905 г. (см.: Глава 3 § 1) и на основании этого опыта предлагал действовать другим архиереям при введении в жизнь разработанного Положения. Орловский архипастырь надеялся, что Синод, приняв его соображения за основу, выпустит специальное братское указание епархиальным преосвященным с объяснением, «какие главнейшие подготовительные мероприятия ожидаются от них для проведения в жизнь приходской реформы».

Между тем в ближайшие месяцы преосвященному Серафиму предстояло пережить глубокое разочарование: в сентябре 1908 г. он был переведен в Кишинев. Перемещение из центральной России на окраину было явным понижением. Причем ему самому не было сообщено о готовящемся переводе, он узнал о нем случайно¹⁵⁰⁹. Епископ Серафим воспринял это как несправедливый и незаслуженный удар: казалось, после того, как он фактически единственный стал последовательно воплощать в жизнь определение Синода от 18 ноября 1905 г., после того, как ему было предложено своим отзывом участвовать в исправлении проекта Особого совещания, и после того, как многие его замечания были учтены, он мог рассчитывать на иную оценку своей деятельности со стороны синодалов и обер-прокуратуры. Принимая во внимание, что с П.П. Извольским, судя по их переписке, у него сложились достаточно доверительные отношения, можно предполагать, что инициатива

---

¹⁵⁰⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 266 об.–268; 278–278 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 13–14.

¹⁵⁰⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 266 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 14 об.

¹⁵⁰⁹ Ср. его телеграмму с ходатайством об оставлении в Орле: РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 126. Л. 8. При этом весной 1908 г. в переписке с П.П. Извольским епископ Серафим давал понять, что в случае своего перемещения предпочел бы оказаться в Нижнем Новгороде. См.: Там же. Лл. 4–5.

о переводе исходила от кого-то из членов Синода. В связи с этим можно вспомнить нелюбезные отзывы о его активной деятельности, звучавшие со стороны собратьев-епископов в Предсоборном присутствии (см.: Глава 3 § 3). Для них епископ Серафим оставался чужим, а его деятельность – слишком энергичной¹⁵¹⁰.

Вопрос об особом порядке рассмотрения положения о православном приходе

Итак, отредактированный Синодом с учетом замечаний епископа Серафима и дополнений Училищного совета проект Положения о православном приходе состоял из 85 статей и четырех объяснений, заимствованных из отзыва преосвященного Серафима. Новая редакция проекта была близка к варианту, предложенному Особым совещанием. Наибольшей корректировке, как мы видели, подверглись параграфы о порядке назначения членов приходского причта (Синод отказался от процедуры, предложенной Ф.Д. Самаринским), об основаниях для перемещения клириков и о церковно-приходском совете.

24 мая 1908 г. Святейший Синод издал определение, в котором одобрял отредактированный проект Положения о православном приходе, поручал обер-прокурору дать дальнейшее движение сему делу, а по вопросу о дальнейшей судьбе приходских попечительств и братств «войти с суждением особо»¹⁵¹¹.

10 сентября обер-прокурор П.П. Извольский направил в Совет министров проект Положения о православном приходе с приложением своей объяснительной записки. В ней он кратко излагал историю работы над этим про-

---

¹⁵¹⁰ В этот момент он мог бы вспомнить свои собственные слова, несколько ранее обращенные к П.П. Извольскому: «Как жить нам провинциалам, зависимым от молчания или порицания Св. Синода и при отсутствии всякой инициативы в коллегии архипастырей и митрополитов? Ведь это вопрос убийственный, парализующий нашу деятельность, уничтожающий наш авторитет. Нет, так жить нельзя. Церковная революция усиливается, народ окончательно восстает против пастырей, и не оравленный пропагандой – а хороший народ, смиренный, верующий, требующий правды, справедливости, честности, деятельности пастырей». – РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 126. Л. 1 об. (письмо от 24 марта 1907 г.).

¹⁵¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 339–340 об.

ектом. Причем отсчет этой истории начинался с высочайше утвержденного журнала Совета министров от 17 октября 1906 г., затем говорилось о работе Особого совещания и о рассмотрении дела в Синоде. О работах Предсоборного присутствия не упоминалось. Приходская реформа рассматривалась в контексте государственных, а не церковных преобразований, в контексте вопроса о веротерпимости, а не движения к собору. Далее П.П. Извольский давал обзор представленного проекта по статьям, добавляя, что параграфы положения «имеют точное основание» в уже изданных уставах, законах, инструкциях, правилах, что в проекте все это «приведено лишь в систему». Новым является только закрепленное в Положении право прихожан ходатайствовать о своих кандидатах на причтовые вакансии, «но и это по существу не новое положение, а восстановление старого порядка». Похоже, обер-прокурор стремился заверить министров, что вносимый им проект не предлагает ничего нового и революционного и только упорядочивает существующие приходские отношения.

При этом П.П. Извольский предлагал особый порядок рассмотрения и утверждения проекта. Поскольку «высочайшая власть действует в церковном управлении через Синод» (здесь он цитировал высочайший манифест от 25 января 1721 г. об образовании Духовной коллегии), проект Положения о приходе согласно предложению обер-прокурора должен был рассматриваться отдельно. Параграфы, касающиеся «исключительно предметов церковных», предполагалось внести непосредственно на усмотрение императора, а статьи, касающиеся корректировки гражданского законодательства, – в Совет министров для дальнейшего их представления в законодательные учреждения. Таким образом П.П. Извольский, очевидно, хотел избежать вмешательства в проект депутатов Государственной думы, чье внимание к церковной проблематике уже доставляло много беспокойства ведомству православного исповедания¹⁵¹².

---

¹⁵¹² См.: *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 365–370 и сл.

Статьи, которые обер-прокурор собирался представить на утверждение в общем законодательном порядке, касались разделения приходского имущества на два разряда и создания в приходе двух юридических лиц (§ 58), состава приходского (но не церковного) имущества (§ 60), субъектов распоряжения имуществом обоих разрядов (§§ 61, 64), порядка приобретения и отчуждения приходского имущества (§§ 65, 66), а также все параграфы о приходской школе (§§ 67–77)¹⁵¹³. То есть в Государственную думу должна была попасть только пятая часть проекта Положения о православном приходе. Учитывая внимание, какое существовало у общества к приходской проблеме (о чем мы еще будем говорить ниже), представление в Думу проекта в таком урезанном виде вызвало бы легко прогнозируемое недовольство.

С другой стороны стоит отметить, что между высочайшим повелением разработать проект Положения о приходе «в ближайшую очередь» и представлением этого проекта в Совет министров не прошло и девяти месяцев. Учитывая общую неповоротливость имперской бюрократической машины, можно сказать, что высочайшее повеление было исполнено достаточно оперативно.

Замечания обер-прокурора П.П. Извольского

Между тем не успел Совет министров рассмотреть представленный ему проект или получить на него первые отзывы, а Синод уже вернулся к его рассмотрению. Поводом для этого стали замечания, сделанные на проект Положения от имени обер-прокурора П.П. Извольского и присланные в Синод. Мы не знаем, кто был составителем этих замечаний, а также – почему они появились только в октябре – ноябре 1908 г.¹⁵¹⁴, тогда как их можно было

---

¹⁵¹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 4–6.

¹⁵¹⁴ В фонде канцелярии Синода отложились машинописная записка без заголовка и подписи с развернутым изложением этих замечаний, а также документ, который называется «Статьи проекта Положения о православном приходе, на которые сделаны замечания г. обер-прокурором Святейшего Синода» с выписками текста статей. В обоих случаях речь идет об одних и тех же статьях, и они перечислены в одной и той же последовательности, отличающейся от расположения статей в тексте проекта. Первый документ, возможно, представляет собой докладную записку, подданную П.П. Извольскому кем-то из его сотрудников, которая была передана в Синод от лица

сделать в течение всего лета, до представления проекта в Совет министров. Замечания относились к четырнадцати статьям проекта и касались, как было сказано в справке об этих замечаниях, «некоторых частностей», которые «могут однако возбудить в православном обществе или недоразумение, или даже несочувственное отношение». Во избежание такого поворота событий предлагалось внести в проект ряд небольших исправлений, в том числе – чисто редакционного характера. Они, по мысли автора замечаний, «могли бы сделать проект более ясным и приемлемым, нисколько не изменяя принятых Святейшим Синодом основных положений».

Первое замечание касалось статьи 58, которая устанавливала разделение церковно-приходского имущества на два разряда. Автор записки отмечал, что это положение стало итогом всестороннего обсуждения данной проблемы в Предсоборном присутствии и в Особом совещании. При этом он считал, что лица, «непосвященные в предшествующие суждения, а таково все православно-русское общество», могут все же подвергнуть сомнению целесообразность такого разделения имущества. В связи с этим автор предлагал «освятить эту статью положения высшим авторитетом» и ввести в текст статьи ссылку на апостольские правила (38-е, 40-е и 41-е), которыми «раз навсегда установлена и особая природа, и неприкосновенность церковного имущества»¹⁵¹⁵. Отталкиваясь от этого замечания, Синод внес в соответствующий параграф дополнение, в котором указал, что право распоряжаться церковным имуществом «на основании канонов <...> принадлежит исключительно церковной власти». К ссылкам на апостольские правила при этом была добавлена ссылка на 25-е правило Антиохийского собора.

обер-прокурора как справка (слово «справка» написано на первой странице этого документа от руки) об этих замечаниях. Оба документа не датированы, но совершенно очевидно были созданы между 10 сентября (представление проекта в Совет министров) и 15 ноября 1908 г. (определение Синода, одобрявшее новые редакционные поправки). См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 352–355 (справка о замечаниях); 357–361 об. (статьи проекта); РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 38–44 (Положение о православном приходе, составленное на основании определений Св. Синода от 24 мая и 15–18 ноября 1908 года за №№ 3506 и 8093).

¹⁵¹⁵ Возможно, ссылка на апостольские правила была заимствована из замечаний на проект Положения епископа Серафима (Чичагова). Последний приводил их в своем не принятом Синодом объяснении к данной статье проекта. Ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 268 об.

Затем автор замечаний предупреждал о том, что статья об участии прихожан в выборе членов причта «в настоящем своем виде» «несомненно вызовет недовольство даже среди самых благонамеренных и преданных Церкви лиц». Ведь ходатайствовать о своих кандидатах, рассуждал автор, «вообще никому не может быть запрещено», поэтому праву прихожан в выборе членов причта следовало бы придать «более реальное значение». Но если этого нельзя сделать, то хотя бы следовало «заменить слово: ходатайствовать – выражением: *предлагать* или *представлять* своих кандидатов». Нельзя не заметить, что автор замечаний усматривал в правке, внесенной Синодом в эту статью, желание законсервировать существующее положение, а также – проигнорировать активно высказываемые общественные ожидания. В результате Синод прислушался к мнению, выраженному от имени обер-прокурора, и заменил слово «ходатайствовать» словом «представлять».

Из объяснения к § 4 проекта о порядке открытия нового прихода автор предлагал убрать все ссылки на необходимость взаимодействия в этом вопросе с гражданской властью, права которой и без того «обеспечены соответствующими законами», поскольку «это упоминание производит впечатление вмешательства гражданской власти в жизнь чисто церковного учреждения <...> и может соблазнить верующих, которым дороже всего эта церковная сторона дела». Синод изъял из текста проекта помимо этих упоминаний, также и ссылки на действующие законы.

Далее автор замечаний обращал внимание на то, что в проекте Положения (§ 13) остался «невыясненным порядок ведения приходской книги». Включаются в нее те, кто сами того пожелают, или же в обязательном порядке все, кто в течение определенного времени проживают на территории прихода, то есть является ли запись в приходскую книгу формой добровольной или обязательной приходской переписи. В случае если эта перепись является обязательной, автор замечаний выражал сомнение в том, что эта работа «по силам приходскому совету». Синод не стал еще раз углубляться в рассмотрение этого вопроса и просто изъял из соответствующей статьи все подробно-

сти, касавшиеся ведения приходской книги. В результате параграф получил краткую форму: «В каждом приходе ведется особая приходская книга, форма которой устанавливается высшею церковною властью».

Несколько замечаний касались порядка подачи протестов на решения приходского собрания. Не ясно, указывал их автор, какие действия должны последовать за протестом на такое решение со стороны благочинного (§ 28). А со стороны прихожан такой протест может подать даже один человек (§§ 28, 36), что похоже на право *veto*. «Не лучше ли предоставить право протеста некоторой группе лиц», – задавался вопросом автор. Синод изменил эти статьи, указав, что протест прихожан правомочен только если подан не менее, чем пятой частью присутствовавших на собрании, а решения собрания, опротестованные благочинным, должны представляться епархиальному преосвященному.

Кроме того, автор замечаний усматривал противоречие в том, что к кругу дел приходских собраний отнесено рассмотрение «жалоб причта на прихожан в случае неисправного доставления средств содержания», но ничего не говорится о том, могут ли собрания «обсуждать жалобы прихожан на причты в случае незаконных поборов или иных притеснений». Синод в ответ на это изъял соответствующий пункт из перечня предметов, которые могли бы рассматриваться на приходских собраниях, косвенно согласившись с указанием, которое содержалось еще в отзыве Ф.Д. Самарина, что приходские собрания не могут рассматривать недоразумения между прихожанами и причтом, поскольку являются выразителем мнения одной из сторон возможного конфликта.

Также автор предлагал внести в проект более мелкую, но часто не менее принципиальную правку. Так, он предлагал сказать, что перемещение клирика возможно не «по усмотрению епархиального архиерея» («слово “усмотрение” часто смешивается со словом “произвол”»), а по его «решению» (§ 11), и Синод принял эту правку. Подобным образом, указание, что исключению из состава приходского собрания подлежат уклоняющиеся «от всяких по-

жертвований» было заменено более логичным указанием на то, что речь идет о лицах, уклоняющихся от взноса сборов, установленных в порядке самообложения. Было устранено требование того, чтобы построение новых часовен допускалось лишь «по самым уважительным причинам» (§ 55). Указание на то, что в приходах «могут быть открываемы» повторительные курсы по Закону Божию (§ 77), было заменено более сильным выражением – «по возможности открываются»¹⁵¹⁶. Как видим, под давлением обер-прокурора Синод учел практически все представленные ему замечания, сделав тем самым некоторые уступки общественному мнению.

15–18 ноября 1908 г. Святейший Синод вынес определение, одоблив внесенные в проект Положения изменения. 26 ноября 1908 г. П.П. Извольский вошел с новым представлением в Совет министров, в котором излагались сделанные Синодом «в видах большей ясности и точности выражений» редакционные поправки, и просил присоединить их к его представлению от 10 сентября¹⁵¹⁷. Таким образом, проект Положения о приходе, разработанный Особым совещанием, претерпев двукратную правку в Синоде (в мае и в ноябре 1908 г.), приобрел окончательные черты. Редакцию Положения, оформившуюся осенью 1908 г., мы будем в дальнейшем именовать *редакцией П.П. Извольского*. Теперь ей предстояло пройти экспертизу в Совете министров.

Отзывы министров народного просвещения и юстиции

27 ноября 1908 г., на следующий день по внесении обер-прокурором в Совет министров последних редакционных поправок в проект Положения о православном приходе, помощник управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве получил отзыв на этот проект от министра народного просвещения А.Н. Шварца¹⁵¹⁸. А 18 февраля 1909 г. (уже после отставки П.П. Изволь-

---

¹⁵¹⁶ Там же. Лл. 352–355; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 45–45 об.

¹⁵¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 362–363 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 38–45 об.

¹⁵¹⁸ Там же. Лл. 46–48.

ского с поста обер-прокурора Синода, которая последовала 5 февраля) – отзыв министра юстиции И.Г. Щегловитова¹⁵¹⁹. Вскоре их содержание было доведено до сведения нового обер-прокурора С.М. Лукьянова. Выяснилось, что оба отзыва содержат нелюбезную критику в адрес представленного в правительство проекта.

Основным нервом этой критики стал вопрос о границе церковной и светской юрисдикции в вопросе о приходе. Главным камнем преткновения оказалась процедура утверждения проекта, предложенная П.П. Извольским. Разделение проекта на две части, которые предстояло утверждать по-разному: в порядке верховного управления и в общем законодательном порядке, – вызвало вопросы у обоих министров. И если министр юстиции соглашался, что такое разделение возможно в принципе, то его коллега был более категоричен. А.Н. Шварц писал, что

в России едва ли есть такой предмет церковного права, по коему законодательные учреждения государства могли бы быть лишены голоса, конечно, не в ущерб неизменным истинам Церкви, но в интересах тех правовых отношений, охранять которые обязано государство¹⁵²⁰.

И далее он приводил примеры таких статей положения, которые затрагивают государственные правоотношения, но при этом, по плану обер-прокурора, будут изъяты из рассмотрения законодательных органов власти. В частности, он указывал на территориальный принцип формирования прихода, который не может не быть связан с административным делением страны (§ 3), на формирование приходских причтов в соответствии со штатами, что затрагивает вопрос финансирования штатных членов из казны (§ 6), на закрепленную в проекте обязанность причта вести метрические книги (§ 7), на статьи о составе приходских собрания и совета, поскольку они затрагивают проблему правоспособности граждан империи – возможности их участия

---

¹⁵¹⁹ Там же. Лл. 49–55.

¹⁵²⁰ Там же. Л. 46.

в органах самоуправления (§§ 22 и 41), наконец, на статью об управлении кладбищами (§ 84).

При этом А.Н. Шварц считал также, что и параграфы о назначении и перемещении членов приходского причта «затрагивают общие интересы православного населения России», и значит, подлежат обсуждению в общем законодательном порядке. Он указывал, что с принятием того порядка, который отразился в рассматриваемой им редакции положения, где было закреплено только право прихожан «ходатайствовать» о своем кандидате¹⁵²¹, епископ никак не обязывается считаться с высказанным пожеланием прихожан. Значит,

всецело осуществится то нередко высказываемое в обществе опасение, что и в обновленном, якобы, церковном строе православное население окажется лишенным того права, какое предоставлено многим инославным и иноверным общинам, что будет, конечно, служить к ущербу живому духу церкви¹⁵²².

В деле же перемещения членов причта, по его мнению, прихожане будут лишены и права ходатайствовать о своем кандидате, то есть

они обрекаются на полную безгласность, и их «словесное» стадо превращается в стадо «бессловесное»¹⁵²³.

Оценивая эти горькие слова министра народного просвещения, учтем, что речь не шла в данном случае о перенесении в церковную ограду элементов парламентаризма или демократии. А.Н. Шварц был известен как консервативный деятель, равно как и В.М. Скворцов, приводивший аналогичные аргументы в первом заседании Особого совещания (см.: Глава 3 § 4).

И.Г. Щегловитов со своей стороны отмечал, что если вынести на рассмотрение законодательных учреждений ту часть проекта, что планирует обер-прокурор, то эти учреждения «должны будут признать права юридических лиц за такими организациями, сущность которых остается для них со-

---

¹⁵²¹ Напомним, что оба рецензента имели дело с редакцией проекта, направленной в правительство 10 сентября 1908 г., то есть до внесения окончательных ноябрьских поправок.

¹⁵²² РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 46 об.

¹⁵²³ Там же. Л. 46 об.

вершенно неизвестною»¹⁵²⁴. Ведь на их рассмотрение не выносятся, хотя бы в общих чертах, ни условия возникновения и прекращения деятельности новых юридических лиц, ни их внутренняя организация. Такая неизвестность для законодателя может создать нежелательные ситуации как для тех лиц, что будут соприкасаться с этой новой организацией, так и для «всего гражданского оборота»¹⁵²⁵. Министр юстиции считал вполне возможным, чтобы право учреждения и упразднения приходов принадлежало исключительно церковной власти, но чтобы это право «как направленное на создание новых субъектов гражданских правоотношений» было предоставлено ей «специальным велением законодательной власти, последовавшем в общеустановленном законодательном порядке»¹⁵²⁶. Поэтому И.Г. Щегловитов предлагал кардинально переработать проект

в отношении его системы, выделив из него в виде «положения о православном приходе», подлежащего утверждению в законодательном порядке, главнейшие постановления, предусматривающие порядок учреждения, упразднения, организации и пределов правомочий приходов в качестве самостоятельных юридических лиц и изложив все остальные постановления, касающиеся церковно-религиозных прав и обязанностей приходов, в виде соответствующих изменений и дополнений устава духовных консисторий, подлежащих утверждению в порядке верховного церковного управления¹⁵²⁷.

Во всяком случае, как отмечал и министр народного просвещения,

решение вопроса о том, какие параграфы положения касаются исключительно церковных дел, не может быть предоставлено одному духовному ведомству, ибо это означало бы предоставление ему права безапелляционно суживать или расширять пределы своего ведения¹⁵²⁸.

Переходя к разбору конкретных статей проекта, министр юстиции считал неудовлетворительно сформулированной его статью, которая устанавливала состав приходского собрания. Помимо некоторых логических несоот-

---

¹⁵²⁴ Там же. Л. 49.

¹⁵²⁵ Там же. Л. 49 об.

¹⁵²⁶ Там же.

¹⁵²⁷ Там же. Л. 50.

¹⁵²⁸ Там же. Л. 46 об.

ветствий он указывал на то, что положения статьи, в которых описаны ограничения на участие в собраниях лиц, подвергшихся наказаниям по суду, не согласованы с последним на тот момент имперским законодательством. Он предлагал свою редакцию этой статьи, которая во многом была учтена при последующей переработке проекта¹⁵²⁹.

Как недостаточно ясные с юридической точки зрения И.Г. Щегловитов оценил и все статьи, связанные с вступлением в законную силу решений приходских собраний и советов и подачей протеста на них. Министр указывал, что в проекте упомянуто о вступлении этих решений в законную силу после их «объявления», но как производится оно, не сказано. Не были описаны в проекте и последствия протеста на эти решение со стороны благочинного (на что было обращено внимание и в замечаниях на проект, поданных от имени обер-прокурора). Министр юстиции обратил внимание на то, что в некоторых случаях жалоба на решение собрания подается в одну инстанцию, а само решение утверждается другой. (Например, жалоба прихожанина по делам, связанным с отчуждением приходских имуществ, рассматривается благочинным, а решение об отчуждении утверждается «подлежащей церковной властью».) В виду многих несогласованностей он предлагал коренным образом переработать эти параграфы (§§ 28, 31, 36 и др.), чтобы сделать ясным, как рассматриваются упомянутые в них жалобы и протесты, и допускается ли дальнейшее обжалование решений по этим жалобам (в проекте вообще не рассматривался такой вариант) в высших инстанциях и в каком порядке¹⁵³⁰.

Серьезные противоречия министр народного просвещения нашел в статьях о разделении приходского имущества на два разряда. Он обратил внимание на то, что право собственности на него базируется сразу на двух основаниях: «отчасти на происхождении этого права, отчасти на употреблении имущества». Но могут иметь место ситуации, писал он, когда эти два основания войдут в противоречие друг с другом: имущество, необходимое «для

---

¹⁵²⁹ Там же. Лл. 50 об.–51.

¹⁵³⁰ Там же. Лл. 51 об., 52–52 об.

церковного употребления» и, следовательно, по проекту Положения, принадлежащее церкви, может быть предоставлено храму только в пользование, или же благотворитель может предоставить храму и причту пользоваться доходами со своего имущества. Но согласно проекту, такое использование превратит это имущество в собственность церкви. Неудовлетворительное разграничение обоих разрядов имущества может повести к различным недоразумениям, указывал А.Н. Шварц, и потому соответствующие положения «должны быть тщательно переработаны в смысле большей точности и ясности»¹⁵³¹.

И А.Н. Шварц, и И.Г. Щегловитов отметили (как это сделал в своем отзыве и Ф.Д. Самарин), что из проекта совершенно не ясно, каким образом прихожане участвуют в управлении церковным имуществом. Министр юстиции указывал, что предусматриваемый проектом порядок изменения способа употребления пожертвованного церкви имущества (с санкции епархиальной власти) противоречит действующей норме, согласно которой это может происходить только по высочайшему повелению. Соответственно утверждаться это изменение может только в общезаконодательном порядке¹⁵³².

Непоследовательно разрешенной министр юстиции считал проблему судьбы церковного и приходского имущества в случае разделения или ликвидации прихода. Так, он обращал внимание на то, что – коль скоро приходам предполагается дать право брать займы – выделяющаяся часть прихожан и по отделении в другой приход должна нести ответственность по прежним долговым обязательствам. Кроме того, он считал, что имущество прихода, упраздненного по причине перехода прихожан из Православной Церкви, должно не передаваться иному приходу, а «наподобие имущества выморочного» поступать в непосредственное распоряжение ведомства православного исповедания, которое могло бы поступать с ним «соответственно действительным нуждам и пользе» Православной Церкви. И.Г. Щегловитов заметил

---

¹⁵³¹ Там же. Л. 47 об.

¹⁵³² Там же. Л. 52.

также, что авторы проекта упустили из виду, должно ли впредь распространяться на приход ограничительное постановление, в силу которого прием пожертвований возможен только с санкции высочайшей власти¹⁵³³. Это ограничение, как мы помним, подвергалось активной критике и в отзывах преосвященных, и в Предсоборном присутствии.

Параграфы проекта, посвященные школам прихода, вызвали особое недоумение у министра народного просвещения. К нему во многом присоединился и министр юстиции. Так, параграф (§ 67), который требовал, чтобы «в каждом сельском приходе» было «такое число церковно-приходских школ, какое требуется для удовлетворения нужды в начальном образовании детей школьного возраста», фактически означал, что духовное ведомство берет на себя все начальное образование сельского населения империи. «Но при чем же останутся в таком случае заботы учебного ведомства, направленные ныне к устройству всеобщего обучения?»¹⁵³⁴ – спрашивал А.Н. Шварц.

Не меньшее удивление у обоих министров вызвало утверждение проекта (§ 73), что преподавание в школах иных ведомств, существующих в приходе (т. е. на его территории), «должно вестись на началах православной веры и в соответствии с правилами Церкви», а священник-настоятель прихода должен быть во всех этих школах законоучителем. Но в этом случае в странном положении оказались бы школы старообрядцев, сектантов, иноверцев и инородцев, отмечали министры. «Такое предположение, очевидно, совершенно неприемлемо»¹⁵³⁵, – заключал А.Н. Шварц и делал вывод, что узаконениям об устройстве преподавания в школах иных ведомств «место в особых положениях о сих школах, а никак не в положении о православном приходе»¹⁵³⁶.

И.Г. Щегловитов входил в детали и указывал, что «школьные» статьи проекта входят в противоречие и с действующим положением о церковных

---

¹⁵³³ Там же. Лл. 52 об.–53 об.

¹⁵³⁴ Там же. Л. 47 об.

¹⁵³⁵ Там же. Л. 48.

¹⁵³⁶ Там же.

школах православного исповедания (от 1 апреля 1902 г.) в части, например, назначения попечителей этих школ. Министр напоминал, что положение 1902 г. предусматривает существование двух совершенно различных видов попечителей: утверждаемых епархиальным архиереем попечителей из числа тех, кто способствовал созданию конкретной школы, и утверждаемых Синодом почетных попечителей, назначаемых на благочиннический округ, уезд или всю епархию. Проект положения о приходе, между тем, совершенно не уточнял, право назначения каких именно попечителей предполагалось предоставить приходскому совету¹⁵³⁷.

Налицо был межведомственный конфликт между ведомством православного исповедания и министерством народного просвещения, вскрывшийся при обсуждении проекта Положения о приходе. Складывается впечатление, что сотрудники Училищного совета при Синоде, составляя соответствующие параграфы проекта, пытались перехватить инициативу в школьном вопросе у министерства народного просвещения, законодательно закрепить доминирование именно церковных школ на уровне начального образования и тем самым разрешить давний спор о приоритете светского или духовного ведомства в этом вопросе¹⁵³⁸. Однако делали они это крайне неудачно, поскольку вольно или невольно втягивали приходскую реформу в этот застарелый межведомственный конфликт, а проект Положения о православном приходе использовали как инструмент в разрешении этого конфликта. Корректнее была позиция министерства просвещения, глава которого указал в своем отзыве, что в этом вопросе необходимо заключить межведомственное соглашение¹⁵³⁹.

Отзывы министров выявили – при всех попытках Особого совещания этого избежать – несогласованность проекта приходской реформы с действующим государственным законодательством и с текущей юридической

---

¹⁵³⁷ Там же. Лл. 53 об.–55.

¹⁵³⁸ *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ; *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг.; *Рожков Владимир, прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004.

¹⁵³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 48.

практикой. Кроме того, становилось ясно, что проект Положения о приходе стал инструментом старой борьбы между ведомством православного исповедания и министерством народного просвещения по вопросу о церковно-приходских школах. Между тем критика со стороны министров косвенно ставила и другие вопросы. Не означает ли дальнейшая редакция проекта Положения о православном приходе с целью большей его адаптации к действующим имперским законам, что он будет все больше удаляться от той цели – оживления приходской жизни, – которую первоначально преследовал? Так, если приход получает права, аналогичные правам других институтов самоуправления (сословного и местного), то критерии, по которым отбираются его полноправные члены (то есть члены приходского собрания), не должны отличаться от критериев, которыми определяется, кто имеет право голоса в дворянских, крестьянских и земских собраниях. Ведь законы империи, которые открывают доступ ее гражданам к органам самоуправления, должны быть по крайней мере согласованы друг с другом. Но это означает усиление цензового элемента в Положении о православном приходе еще в большей степени, чем это проектировало Особое совещание. А ведь даже редакция проекта совещания подвергалась с этой точки зрения критике, например, со стороны Ф.Д. Самарина, как отсекающая от приходской деятельности активных прихожан. В связи с этим вставал и другой вопрос, насколько вообще приходская реформа могла быть осуществлена «отдельно» от общих церковных преобразований, которые изменили бы государственно-церковные отношения и церковное управление всех уровней, а также по-новому определили бы отношения церковных институций (например, школ) к институциям светским? По мере подключения различных сил к обсуждению проекта Положения о православном приходе такая «изолированная» приходская реформа все больше выглядела как утопия.

27 февраля 1909 г. помощник управляющего делами правительства собрал отзывы министерств обер-прокурору и поставил его в известность о намерении «в ближайшем будущем» назначить проект Положения к слуша-

нию в Совете министров. Ознакомившись с отзывами и понимая, что во время этих слушаний проект встретит в правительстве серьезную оппозицию, С.М. Лукьянов почел за лучшее отозвать его из Совета министров. 7 марта 1909 г. он лично доложил об этом Синоду. Последний согласился с мнением обер-прокурора и постановил изъять проект Положения из правительства для новой переработки «в целях согласования его со сделанными замечаниями, поскольку это окажется возможным и полезным, и вообще для более совершенной обработки текста». На следующий день, 8 марта проект уже был возвращен в канцелярию обер-прокурора. Началась новая переработка злополучного Положения¹⁵⁴⁰.

Позиция правительства П.А. Столыпина по приходскому вопросу

Отзывы министров на проект Положения продемонстрировали критический настрой руководителей ведомств по отношению к разрабатываемому в духовном ведомстве варианту приходской реформы. Однако дело было не только в их личной позиции и в отстаиваемых ими ведомственных интересах, но и в том, какие ожидания связывало с положением о приходе правительство в целом и премьер П.А. Столыпин в частности. Приходский вопрос был включен в два контекста, исключительно важных для политики столыпинского кабинета. С одной стороны, его затрагивали различные мероприятия, разрабатываемые в рамках расширения вероисповедной свободы. С другой стороны, не меньшее внимание он привлекал в контексте реформы местного управления и самоуправления. В области политики в отношении вероисповедной свободы кабинет развивал положения, заложенные в императорском указе 17 апреля 1905 г. «О укреплении начал веротерпимости». Правительство подготовило ряд законов, которые расширяли прав иноверующих, планировалось, но не состоялось введение внеконфессионального состояния. Особое расширение прав касалось старообрядцев, что мы видели на примере закона от 17 октября 1906 г. (см.: Глава 3 § 3). Старообрядческий приход ока-

---

¹⁵⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 446–447.

зался более «благоустроенным», чем приход православный. В связи с этим высказывали озабоченность Синод и обер-прокуратура, но правительство не прислушивалось к их критике. Староверы рассматривались как лояльная часть населения, на которую может опереться власть¹⁵⁴¹. В контексте вероисповедной политики столыпинского кабинета приходский вопрос отходил на второй план. Зато он получал новую актуальность в контексте преобразований местного управления.

Реформа местного управления, как известно, занимала существенное место в том комплексе преобразований, который был разработан правительством П.А. Столыпина. Крестьяне, как выделившиеся из общины, ставшие самостоятельными хозяевами, так и оставшиеся в общине должны были занять свое место в системе местного (само)управления, получить более широкие гражданские права. Сословные органы самоуправления предполагалось ликвидировать, а основную массу населения – привлечь к управленческому процессу на местном уровне. Органы управления мыслились как сословные, открытые для всех лиц, проживающих на соответствующей территории и владеющих недвижимой собственностью. Низовые управленческие структуры должны были формироваться на поселковом уровне, вторым уровнем был волостной. Должности уездного предводителя дворянства и земского начальника, которые, по сути, осуществляли надзор за сословным крестьянским самоуправлением и при этом отстаивали дворянские интересы, предполагалось ликвидировать. На их место должны были прийти правительственные чиновники, подчиненные Министерству внутренних дел. На уездном и губернском уровнях предстояло создать советы, призванные связать новые управленческие структуры с земским самоуправлением. Последнее также

---

¹⁵⁴¹ *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 175–178; *Ореханов Георгий, свящ.* Вероисповедная политика П.А. Столыпина и Поместный собор РПЦ 1917–1918 гг. С. 9–12; *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914). С. 24–30.

должно было демократизироваться за счет нового порядка избрания земских гласных и включения в их число выделившихся из общины крестьян¹⁵⁴².

При этом планы реформы местного управления и самоуправления стали одной из главных причин постоянной оппозиции дворянства столыпинскому курсу внутренней политики. Демократизация всей низовой системы управления, земства и суда, уравнивание в этих органах дворян и «чумазных лендлордов», как в публицистике именовали выделившихся из общины крестьян-собственников, рассматривались частью дворянских деятелей как «незаслуженное оскорбление» их сословия. Дворянство отстаивало сохранение сословного характера местного (само)управления и, поскольку его бессословность была ключевым пунктом столыпинской программы, отвергало всю реформу целиком. Противодействие дворянства планам премьера в этой сфере стало ощущаться уже летом 1907 г., но особенно активным стало в 1909 г., после того, как 18 декабря 1908 г. Министерство внутренних дел внесло в Думу первоочередные с точки зрения кабинета проекты поселкового и волостного управления. В 1908–1909 гг. П.А. Столыпин не считал свой план реформ проваленным, и видимо, в этом контексте нужно рассматривать его внимание к приходскому вопросу в этот период¹⁵⁴³.

Осенью 1909 г. состоялась примечательная дискуссия о направлении приходской реформы между председателем Совета министров и обер-прокурором Святейшего Синода С.М. Лукьяновым. 3 октября премьер направил главе духовного ведомства письмо, в котором ставил вопрос «о скорейшем восстановлении православного прихода», то есть торопил его с принятием изъятых в марте из правительства проекта положения о приходе. В ответном письме от 22 октября, по всей вероятности, составленном кем-то из чиновников его канцелярии, обер-прокурор полемизировал с тремя тезисами, очевидно, сформулированными в послании премьера: о необходимости

---

¹⁵⁴² Шелохаев В.В. Столыпинская реформа местного управления // Россия в XX веке. Сборник статей к юбилею профессора Семенниковой Любови Ивановны. М., 2003. С. 54–68; Кризис самодержавия в России. С. 450–451.

¹⁵⁴³ Кризис самодержавия в России. С. 450–460, 463–465, 483–487.

дать приходу права самоуправления, права юридического лица и выбора священника. Относительно приходского самоуправления, повторяя тезисы И.С. Бердникова, С.М. Лукьянов писал, что приход – это часть епископии, и поэтому с точки зрения церковного уклада трудно говорить о самоуправлении прихода в точном смысле слова, что понятие о самоуправляющейся церковной общине взято из гражданского быта, куда оно пришло от протестантов, а у них существует вследствие отсутствия в протестантских церквях «организующего иерархического фактора». Идея даровать приходу права юридического лица в письме обер-прокурора критиковалась устами старообрядцев-«австрийцев»: приводилась выдержка из обращения их собора 1906 г., в котором его члены высказывались за сохранение полномочий по распоряжению церковно-приходским имуществом за предстоятелем прихода, а не за общиной как юридическим лицом. Иначе, писали староверы, «управители “корабля Церкви Христовой”» лишатся «влияния и долга воздействия на всю массу отдельных общин каждого согласия». Выборность духовенства обер-прокурор критиковал, ссылаясь на послание апостола Павла к Тимофею (5:22), а также на примеры из церковной жизни. В частности, он напоминал, что в 1906 г. священники Грузинского экзархата просили Синод допустить в экзархате выборность священно-церковнослужителей, что Синод и разрешил своим определением от 17 января – 7 февраля 1907 г. Но за два прошедших года стало ясно, что в священнослужители стали выбираться «неграмотные селяки», и съезды духовенства 1909 г. «просили об освобождении Грузинского Экзархата от блага выборного права прихожан»¹⁵⁴⁴. Таким образом, обер-прокуратура прямо извещала главу правительства, что не считает приемлемым ни предоставление приходу прав юридического лица, за что еще за несколько лет до этого ратовал не один архиерей, в том числе, митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), ни участие прихожан в выдвижении кандидатов на священнослужительские должности.

---

¹⁵⁴⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 56–59. Ср. также: Ограничение прав прихожан // Голос Москвы. 26 июня 1913 г.

В ответ П.А. Столыпин уже 30 октября 1909 г. направил С.М. Лукьянову ответное письмо, в котором развивал свой взгляд на приходский вопрос. Аргументы П.А. Столыпина не были новыми, но нам важно обратить внимание на его личную позицию. Он писал о том, что миряне Православной Церкви находятся в худшем положении, чем старообрядцы, что их отчужденность от дел церкви ставит их в положение «лишь временных посетителей храма и убивает всякую самодеятельность». Чрезмерное обложение приводит к «обеднению прихода, к полной беспомощности его как единицы общественной», поэтому, «несмотря на неоскудевающую лепту, во многих церквях России не удовлетворены самые насущные потребности». Вместе с тем, отмечал премьер, «связи между церковью как центром прихода и мирянами не существует; благотворительность не организована и там, где она имеется, стоит в большинстве случаев вне церкви; прихода как общественной организации почти нигде не имеется и ни народное образование, ни духовное просвещение, ни даже религиозное развитие не стоит в том единении с Церковью, которое обеспечило бы ее незыблемость»¹⁵⁴⁵.

П.А. Столыпин был убежден, что преобразование прихода, то есть «его воссоздание как правовой единицы <...> напрашивается ныне само собой в виду организации приходской жизни у старообрядцев и инославных сектантов». Премьер указывал, что воссоздание прихода «как самовладеющей единицы в народной жизни» отвечает современным запросам православного населения, а для этого необходимо, прежде всего, «приобщить мирян к управлению церковным имуществом»¹⁵⁴⁶. А это

без сомнения привлечет к церкви лучшие элементы, увеличит усердие мирян, объединит клир и молящихся, придаст церкви живое, общественное значение, сплотит высокой идеей служения интересам церкви всех верующих и противопоставит православный приход как прочную единицу всем посторонним организациям, веяниям, влияниям¹⁵⁴⁷.

---

¹⁵⁴⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 111 об.–112.

¹⁵⁴⁶ Там же. Л. 112.

¹⁵⁴⁷ Там же.

Это не умалило бы достоинство Церкви, а укрепило бы ее авторитет. Он выражал уверенность, что возрожденный приход,

сильный единением своих членов с пастырем на почве религиозно-нравственных интересов, явится местным центром церковно-общественной, просветительной и благотворительной жизни, будет способен развить религиозность и противостоять натиску инославной и сектантской пропаганды¹⁵⁴⁸.

Как видим, премьер недвусмысленно высказывался за дарование прихожанам права распоряжаться церковно-приходским имуществом и участвовать в назначении в приход членов причта. При этом он выражал не только свою личную точку зрения, но и точку зрения кабинета. На это указывали чиновники Министерства внутренних дел в одном из позднейших отзывов на синодальный проект положения о приходе. Они писали, что мысли П.А. Столыпина об устройстве православного прихода были аналогичны мыслям И.Г. Щегловитова, А.Н. Шварца и А.А. Макарова¹⁵⁴⁹, которые «со всею решительностью поставили вопросы о признании за православными приходами прав юридических лиц и о праве приходов выбирать кандидатов на священнослужительские места»¹⁵⁵⁰. Между тем нет данных о том, что премьер хотел встроить приход в систему местного управления, подобно тому, как это предполагали некоторые земские проекты. Скорее всего, его замысел был иным. Приход должен был существовать рядом с поселковым и волостным управлением и быть средоточием лояльных государству элементов на селе¹⁵⁵¹. При этом он должен был быть самоуправляющейся и состоятельной в хозяйственном отношении единицей – это обеспечило бы его социальную активность и авторитет. Пожелания относительно допуска прихожан к выдвижению кандидатов в члены причта, думается, укладывались в логику политики правительства по демонтажу сословного строя, поскольку при таком порядке формирования клира была надежда, что в его ряды постепенно будут

---

¹⁵⁴⁸ Там же.

¹⁵⁴⁹ О нем см.: Глава 3 § 8.

¹⁵⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 111 об.

¹⁵⁵¹ Ср.: *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914). С. 30.

все активнее входили представители не духовных сословий. Иными словами, П.А. Столыпину нужен был активный самоуправляющийся демократический приход и несословное духовенство. Такой «общественный» приход был целью правительства и при жизни премьера-реформатора и после его гибели. Это было чревато конфликтом с духовным ведомством, которое – по мнению чиновников Министерства внутренних дел – проектировало «узкую бюрократически-клерикальную организацию прихода»¹⁵⁵².

В связи с этим коснемся вопроса об отношениях премьера и обер-прокуроров Святейшего Синода. Последние как члены кабинета должны были играть далеко не последнюю роль в политике правительства в религиозной сфере. Глава правительства ожидал, что обер-прокуроры смогут обеспечить лояльность Церкви правительственному курсу (прежде всего, в среде епископата), осуществить назревшие реформы в церковной сфере и причем так, чтобы их направление не расходилось с курсом кабинета, обеспечить связь духовного ведомства и Государственной думы. П.А. Столыпин делал ставку на парламент как элемент стабилизации монархии, и духовное ведомство не должно было быть постоянным раздражителем нижней палаты. Однако ни один из обер-прокуроров в 1907–1909 гг. не справился с этими задачами¹⁵⁵³. П.П. Извольский проявил непоследовательность и не обнаружил настойчивости в вопросе проведения реформ. С.М. Лукьянов, выдающийся русский ученый-эпидемиолог, лично искренне верующий человек был недостаточно компетентен в вопросах церковной жизни и церковного управления. П.А. Столыпину нужен был «человек сильной воли и сильного духа», который будет способен выстроить отношения с Думой и твердой рукой провести необходимые преобразования. В качестве такого человека воспринимался В.К. Саблер – бывший товарищ обер-прокурора при К.П. Победоносцеве, прекрасно знакомый как с течением церковной жизни, так и с механизмами функционирования духовного ведомства. При этом В.К. Саблер весной 1905

---

¹⁵⁵² РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 112 об.

¹⁵⁵³ Кризис самодержавия в России. С. 464; *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914). С. 28–29, 31.

г. поддержал призыв членов Святейшего Синода к созыву церковного Собора, за что лишился благоволения обер-прокурора и своего поста. Исходя из этого, ожидалось, что он энергично возьмется за дело церковных преобразований¹⁵⁵⁴.

Назначение В.К. Саблера состоялось 2 мая 1911 г. Но в сентябре П.А. Столыпин был убит, единство кабинета распалось, обер-прокурор, как и другие министры стал предпринимать попытки самостоятельно определять политический курс своего ведомства¹⁵⁵⁵. С одной стороны, как мы увидим из разработанного при нем проекта приходского устава, он по-прежнему старался выстроить отношения с Думой. С другой стороны, он начал свою деятельность, как в прошлом и его покровитель К.П. Победоносцев, с попыток расположить к себе епископат, особенно тех консервативных архиереев, что

---

¹⁵⁵⁴ *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 164; *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914). С. 31; *Гайда Ф.А.* Столыпин и эволюция правительственного курса в церковной сфере. Доклад на XXV Ежегодной Международной Богословской конференции ПСТГУ. Секция «Актуальные проблемы истории Русской Православной Церкви в XX веке». 21 января 2015 г. Ср. интересную характеристику нескольких последних обер-прокуроров, которую в своем письме митр. Киевскому Флавиану (Городецкому) от 14 февраля 1909 г. дал еп. Стефан (Архангельский), руководивший, как мы помним, в Предсоборном присутствии разработкой проекта Нормального устава православного прихода: «Итак, у нас новое начальство, новый папа в мундире. Вероятно сие означает перемену курса. А если курс будет так часто меняться, то мы никогда не увидим ни <Собора?>, ни приходской реформы, ибо то, что не нравилось К<онстантину> Петр<овичу Победоносцеву>, нравилось Оболенскому; при князе Ш<ирином>-Ш<ихматове> нравилось то, что не нравилось Оболенскому; при Извольском сначала нравилось одно, а потому другое и, наконец, неизвестно было, что собственно ему нравилось. Что-то будет нравиться Лукьянову. Более всего вероятно, что Столыпин после нескольких еще экспериментов с папами Русской Церкви посадит <нам> на шею Министра исповеданий, каковым и назначит какого-нибудь масона. В виду того, что никакого доброжелательства не видно сверху к Прав<ославной> Ц<ерк>ви, то, несмотря на добрые слухи о религиозности Л<укьянова>, что-то не верится, чтобы его назначение делалось с целью добра Столыпиним нашей Ц<ерк>ви». – РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 750. Лл. 218–219. Это письмо показательное с точки зрения характеристики настроений епископата в этот период. В нем мы видим и общее недовольство обер-прокуратурой («папа в мундире»), и конкретные нелюбимые оценки руководителей духовного ведомства (например, непостоянства П.П. Извольского), и общее глухое недоверие по отношению к правительственной политике в религиозной сфере. На этом фоне назначение В.К. Саблера обер-прокурором Святейшего Синода было воспринято епископатом скорее доброжелательно, хотя и с нотками некоторого недоверия. В связи с его назначением еп. Стефан писал митр. Флавиану 4 мая 1911 г.: «Очень приятно, что Лукьянова заменит лицо, стоящее в курсе церк<овных> дел и преданное Церкви. <...> Обещал нам Владимир Карлович во время оно всякие блага для Церкви – и патриаршество и “похоронить” обер-прокуратуру... Как-то теперь он будет действовать?» – РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 750. Лл. 263–264 об.

¹⁵⁵⁵ *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914). С. 31–33; *Гайда Ф.А.* Столыпин и эволюция правительственного курса в церковной сфере.

крайне настороженно воспринимали попытки приходской реформы¹⁵⁵⁶. В результате при В.К. Саблере приходский устав продолжал разрабатываться, но не в том ключе, на который рассчитывал П.А. Столыпин.

Проект положения о православном приходе в редакции С.М. Лукьянова

После отзыва проекта о приходе из правительства новая редакция положения шла более полутора лет (с марта 1909 г. по октябрь 1910 г.). Несмотря на то, что внимание в правительственных сферах, равно как и в Государственной думе к приходскому вопросу сохранялось (о чем мы скажем ниже), несмотря на личные напоминания обер-прокурору со стороны П.А. Столыпина¹⁵⁵⁷, ведомство православного исповедания, как видим, не спешило со скорейшим изданием Положения. Как шла работа над проектом неизвестно. В сохранившихся материалах нет упоминаний о вновь созданных для этого комиссиях или совещаниях. Возможно, основную работу выполнили чиновники синодальной канцелярии, а Синод только санкционировал их правку¹⁵⁵⁸.

---

¹⁵⁵⁶ Ср.: Вопрос о реформе церковного прихода // День. 14 декабря 1912 г.; *Гайда Ф.А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 21.

¹⁵⁵⁷ Ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 56–57 (упоминание о переписке между П.А. Столыпиным и С.М. Лукьяновым по этому вопросу), 111–112 (цитата из письма).

¹⁵⁵⁸ Детали работы над проектом не афишировались. Об этом, в частности, говорит следующий фрагмент из письма А.А. Папкова П.П. Извольскому от 26 января 1910 г.: «По дошедшим до меня сведениям, проект приходского устава, обойдя разные министерства и дойдя до св. Синода, подвергся многим изменениям и даже искажениям. Мне бы очень хотелось познакомиться с этим проектом и, может быть, принести свою лепту пользы в той его части, когда это еще возможно частному лицу. Я уверен, что нынешний об. Прокурор св. Синода как человек науки придерживается правила: *audiatur et altera pars* <= выслушай и другую сторону>. Но беда в том, что я незнаком с ним. Если Вы имеете с ним общение, то, припоминая мою “идейную” ревность к этому делу, быть может найдете случай в разговоре с ним упомянуть о моих стараниях по приходскому вопросу, и Ваше авторитетное указание могло бы вызвать у него желание побеседовать со мной. Я навсегда сохраняю в памяти о том, как участливо и благосклонно Вы выслушивали мои слабые замечания и соображения по вопросу о постановке приходской организации у нас, и это воспоминание и побудило меня обратиться именно к Вам с вышеупомянутой просьбой». – РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 106. Лл. 2–2 об.

К осени 1910 г. проект был переработан довольно радикально¹⁵⁵⁹. Положение было разбито на восемь глав: I – Общие положения (§§ 1–5), II – О приходском храме (§§ 6 – 9), III – О причте (§§ 10– 17), IV – О прихожанах (§§ 18–21), V – О приходском собрании (§§ 22–36), VI – О приходском совете (§§ 37–45), VII – О приходских учреждениях (§§ 46–54), VIII – О средствах прихода (§§ 55–61). Как позднее отмечали члены Синода, «переработаны были не только система изложения проекта, но во многих частях и существо оно»¹⁵⁶⁰. Также были опущены все объяснения, заимствованные редакцией П.П. Извольского из отзыва епископа Серафима (Чичагова).

Начальные статьи проекта не подверглись существенным изменениям. Только в § 2, в котором прихожане призывались содействовать религиозно-нравственному благосостоянию прихода, добавилось напоминание о должных отношениях прихожан к своему приходскому священнику:

Каждый прихожанин, как духовный сын своего приходского пастыря, обязан оказывать ему почтение и исполнять его руководственные наставления в религиозно-нравственной жизни¹⁵⁶¹.

А в § 5, описывавшем действия при закрытии прихода, было опущено требование «внимательного опроса прихожан» со стороны епархиальной власти для выяснения действительной нежизнеспособности прихода.

В первую статью о приходском храме (§ 6) было внесено казалось бы незначительное изменение. Забота о храме как святыне прихода называлась обязанностью не приходского собрания и приходского совета (вместе с причтом), а вообще всех прихожан. Тем самым косвенно давалось понять, что сфера полномочий собрания и совета не распространяется на приходский храм, ведь прихожанам, чтобы заботиться о храме, необязательно было действовать через органы управления прихода; они могли выражать эту заботу просто своими пожертвованиями. Тем самым распоряжение имуществом

---

¹⁵⁵⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 448–452.

¹⁵⁶⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 28.

¹⁵⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 448.

храма по-прежнему оставалось в руках причта. Эту мысль авторы новой редакции последовательно проводили через весь проект.

В главу о приходском причте было добавлено положение, согласно которому финансирование приходского духовенства из казначейства может следовать только в общем законодательном порядке. Статья о назначении членов причта, уже сокращенная в редакции П.П. Извольского по сравнению с вариантом, предложенным Особым совещанием, теперь сократилась еще сильнее. В ней говорилось, что клириков к приходским церквам «избирает и определяет» архиерей. Роль прихожан в этом вопросе закреплялась оговоркой, что им предоставляется «представлять своих кандидатов, причем при равных условиях преимущество отдается сим последним»¹⁵⁶². Однако каким образом определяются эти «равные условия», из проекта оставалось неясным. Статья об основаниях для перемещения клириков осталась, по сравнению с редакцией П.П. Извольского, без изменения.

Среди обязанностей членов причта было упомянуто, что «приходский священник управляет делами своего прихода при деятельном участии прихожан»¹⁵⁶³, а они в свою очередь участвуют в управлении приходскими делами «через приходское собрание и совет»¹⁵⁶⁴.

При определении прихожан критерий постоянной оседлости был сохранен и в новой редакции проекта. В соответствие с этим прихожанами назывались «все имеющие постоянную оседлость в пределах прихода лица православного вероисповедания»¹⁵⁶⁵. Прихожане обязывались обращаться «за требоисправлением» к своему приходскому священнику, но священник обязывался не отказывать в исполнении треб и иноприходным, «если обращение это вызывается обстоятельствами нужды».

Приходские книги, необходимость которых так долго обсуждалась Предсоборным присутствием и Особым совещанием, теперь именовались

---

¹⁵⁶² Там же. Л. 448 об.

¹⁵⁶³ Там же.

¹⁵⁶⁴ Там же. Л. 449.

¹⁵⁶⁵ Там же.

приходскими списками¹⁵⁶⁶, которые не рассматривались как обязательные. Они могли быть заведены в приходах, «в особенности с изменчивым составом населения», чтобы точно знать состав прихожан, имеющих право участвовать в приходских собраниях. Форма этих списков, как и книги в прежней редакции, должна была устанавливаться высшей церковной властью. Также было опущено упоминание о переходных свидетельствах, которые, согласно прежним редакциям, планировалось выдавать прихожанам при смене ими прихода.

В главе о приходском собрании число прихожан, заявления которых достаточно для созыва внеочередного собрания, было сокращено с 25 до 15. Специально было оговорено – и это было новым положением, – что приходские собрания должны созываться в помещениях «для общественных собраний», существующих в данной местности. Созыв собрания в храме признавался исключительным случаем и мог быть допущен только с разрешения благочинного.

Определение состава приходского собрания теперь прямо было соотнесено с критериями участия в других органах самоуправления – дворянских, городских, сельских. Тем самым приходское собрание должны были составлять «домохозяева и прихожане, домами в приходе не владеющие», но имеющие право участвовать в собраниях упомянутых выше органов самоуправления, то есть удовлетворяющие установленному для них имущественному цензу. Специальное указание на то, что участницами приходских собраний могут быть и женщины-домохозяйки, в новой редакции отсутствовало. Представляется, что это создавало некоторую неопределенность: разумеются ли под «домохозяевами» и женщины-домохозяйки, или нет.

Критерии, ограничивающие право участия в собрании, были сформулированы в отдельном параграфе. К ним по-прежнему относились гражданское несовершеннолетие, уклонение от исповеди и причастия (хотя теперь не ого-

---

¹⁵⁶⁶ Члены Синода рассматривали приходские списки и приходские книги как синонимы. Ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 34.

варивалось, в течение какого срока), лишение права участвовать в собраниях по его же постановлению. По-новому, практически в точности совпадая с замечаниями на эту статью министра юстиции, были сформулированы ограничения судебного характера. Если прежде права участвовать в приходских собраниях были лишены «понесшие наказание по суду не ниже тюремного заключения», то теперь этот пункт был конкретизирован. Уточнялось, что лишаются этого права

подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденого или полученного через обман имущества, и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы после состоявшегося осуждения они и были освобождены от наказания за давностью, примирением, силою всемилостивейшего манифеста или особого высочайшего повеления¹⁵⁶⁷.

Также лишались права участвовать в собраниях в течение трех лет отпущенные от должности, даже если они были освобождены от наказания, и находящиеся под следствием или судом по обвинениям в упомянутых выше преступлениях¹⁵⁶⁸.

В определении председательствующего в собрании проект следовал прежней редакции, но делал добавление, что в случае участия в собрании благочинного, он и председательствует на нем. Предметы, которые могло обсуждать собрание, в своем большинстве определялись по-старому, но порядок их перечисления был изменен существенно, соответственно по-другому были расставлены акценты. Если в прежней редакции на первом месте стояло «возбуждение ходатайств» перед епископом о желательных для прихожан кандидатах на причтовые места, избрание старосты и членов приходского совета, а затем – «обсуждение вопросов, касающихся религиозно-нравственной жизни прихода», то теперь в начале списка стояли вопросы,

---

¹⁵⁶⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 449 об.

¹⁵⁶⁸ Там же.

связанные с заботой о приходском храме. Далее шли вопросы, связанные с предложением епископу кандидатов на причтовые места, с выбором на приходские должности, с религиозно-нравственной жизнью прихода, с просветительской и благотворительной деятельностью, с распоряжением имуществом. В редакции С.М. Лукьянова специально оговаривалось, что избрание церковного старосты происходит по правилам инструкции церковным старостам 1890 г.¹⁵⁶⁹. Это означало, что и деятельность его должна происходить в соответствии с этой инструкцией, которую Синод, как становилось ясно, менять не собирался. Следовательно, оправдывались опасения Ф.Д. Самарина, предполагавшего, что и по принятии нового положения о приходе староста будет совершенно независим от прихожан.

Порядок принятия решений на приходском собрании теперь определялся несколько иначе. Признавалось желательным, чтобы прихожане приходили к консенсусу (как это предлагалось в особом мнении Ф.Д. Самарина), и только в случае невозможности достичь этого, прибегали к голосованию.

Среди обязанностей председателя собрания специально оговаривалось требование к нему закрывать собрание в случае невозможности восстановления на нем порядка. Это, как мы помним, отчасти перекликалось с предложением епископа Серафима (Чичагова), чтобы председатель своей властью прекращал выборы членов приходского совета в случае удачи на них «зловредных людей».

В новой редакции проекта четко были определены основания, по каким священник-председатель мог не согласиться с решением собрания. Он мог протестовать, если постановления собрания «явно нарушали закон или превышали пределы» его ведения. Протест этот должен был подаваться в течение семи дней епархиальному начальству. Также в течение семи дней и также епархиальному начальству (а не благочинному и не в благочиннический совет) решения собрания могли быть опротестованы прихожанами (в числе не менее одной пятой от присутствовавших на собрании). Решения собрания

---

¹⁵⁶⁹ Там же. Л. 450.

теперь могли не сообщаться епархиальной власти, за исключением тех, которые требовали ее санкции. Было исключено (как предлагал епископ Серафим) и требование подписи под постановлениями собрания всех присутствующих прихожан; теперь решения должен был подписывать председатель, а другие присутствующие – «по желанию». Тем самым требования к оформлению решений собрания были смягчены, а возможности председателя бесосновательно распускать собрание – ограничены.

При определении предназначения приходского совета редакция С.М. Лукьянова по сути вернулась к трактовке этого положения, которое содержалось в проекте Особого совещания. Если редакция П.П. Извольского вслед за предложением преосвященного Серафима (Чичагова) делала акцент на вспомогательной функции приходского совета при настоятеле, то в новой редакции это указание отсутствовало, а целью создания приходского совета называлось «ближайшее ведение приходских дел и заведывание приходским имуществом». Церковный староста теперь не считался непременно членом совета, он мог приглашаться в совет с правом решающего голоса вместе с заведующими приходскими учреждениями. Думается, это еще раз подчеркивало обособленность старосты от выборных органов приходского управления. К этой статье было сделано интересное примечание, согласно которому членам совета при богослужениях полагалось «особое почетное место».

Председателем совета, как и прежде, назывался «старший священнослужитель прихода». В многоклирных приходах его товарищем мог быть другой священник, но назначаться он, согласно новой редакции проекта, должен был благочинным, а не избираться «по соглашению» между членами причта. (На возможность отсутствия согласия на этот счет указывал в своем отзыве министр юстиции И.Г. Щегловитов.)

Круг деятельности совета в целом определялся по-старому, но на первое место теперь были вынесены не заботы о религиозно-нравственной жизни прихода, а обязанности совета собственно по ведению дел прихода. Круг этих дел был конкретизирован. Так, было добавлено, что именно совет дол-

жен заниматься поиском помещений для приходских собраний, выдавать доверенности на заключение имущественных актов от лица прихода, выполнять указания епархиального начальства, изыскивать способы для устройства школ, вести список прихожан и выдавать по этому списку удостоверения личности, вести сношения по делам прихода, представлять приходскому собранию финансовый отчет и сметы. Также на совет было возложено «периодическое» (ранее было ежемесячное) освидетельствование сумм прихода. Из главы о приходском совете было исключено упоминание о разделении обязанностей между его членами, добавленное в редакцию П.П. Извольского по предложению епископа Серафима (Чичагова).

В новой главе проекта «О приходских учреждениях» речь шла обо всех могущих возникнуть на территории прихода «по постановлению приходского собрания» общепользовательных заведениях: школах, приютах для сирот, богадельнях, больницах, яслях, библиотеках... Специально оговаривалось, что полномочия прихода распространяются именно на эти учреждения, созданные по решению приходского собрания, которые существуют независимо от учреждений, «могущих существовать в силу распоряжений Правительства, церковной власти, земства, города или иного установления». При этом таким учреждениям приход мог оказывать «денежные и иные вспомоществования». Все учреждения, созданные приходом, считались «учреждениями частными».

Оговаривалось также, что школы, учрежденные ведомством православного исповедания, то есть собственно церковно-приходские школы, как и школы иных ведомств, продолжают свою деятельность с введением в действие Положения о приходе на прежних основаниях. Таким образом, в пределах прихода в будущем могло существовать несколько типов школ: министерская, церковно-приходская, земская, частная и собственно приходская, то есть открытая приходом. Надзор и ответственность на приходского священника возлагались теперь, естественно, только за школу, учрежденную приходским собранием (а не за все школы, существующие на территории прихода, как было в прежней редакции). На него же возлагалась и ответственность

за приходскую библиотеку; замечание о регулировании епархиальной властью объема финансирования библиотеки было устранено из редакции С.М. Лукьянова. Заведующие всеми приходскими учреждениями объявлялись подотчетными приходскому совету. Впервые в этой редакции предусматривалась возможность «с утверждения епархиального начальства» создавать общие приходские учреждения нескольким соседним приходам одной епархии¹⁵⁷⁰. Такая возможность найдет свое отражение в приходском уставе Собора 1917–1918 гг.

Также заново была составлена глава о средствах прихода¹⁵⁷¹. Причем по сравнению со статьями о церковно-приходском имуществе редакции П.П. Извольского здесь имели место существенные отличия. Прежде всего бросалось в глаза, что разделение имущества на церковное и приходское в редакции С.М. Лукьянова не декларировалось явно. Это не означало, что ее авторы отказались от этого положения. Но теперь оно содержалось в проекте имплицитно. Глава начиналась с параграфа, в котором декларировалось, что «постановления настоящего Положения не отменяют и не изменяют ни в какой части действующих узаконений об имуществах церковных и отведенных для довольствия причтов»¹⁵⁷². Далее в этой статье шли ссылки на соответствующие статьи Законов о состоянии и Законов гражданских. Все статьи, посвященные составу церковного имущества и распоряжению им, из проекта были исключены. Авторы новой редакции, по-видимому, объясняли это тем, что в данных статьях только повторялись положения действующего законодательства¹⁵⁷³. Таким образом, церковное и причтовое имущество должно было управляться по-старому – причтом и церковным старостой; проект даже не декларировал участие прихожан в управлении этим имуществом, как это было в прежних редакциях.

---

¹⁵⁷⁰ Там же. Лл. 451–451 об.

¹⁵⁷¹ Там же. Лл. 451 об.–452.

¹⁵⁷² Там же. Л. 451 об.

¹⁵⁷³ Ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 28.

Последующие параграфы этой главы были посвящены соответственно только приходскому имуществу и источникам поступления приходских средств. § 57 декларировал, что «приходы могут приобретать на свое имя и отчуждать недвижимые имущества на общем основании»¹⁵⁷⁴. Источники поступления приходских средств в целом соответствовали тем, что были указаны в предшествующей редакции Положения. Это были различные сборы, пожертвования и поступления от доходных статей, или – как говорилось в редакции С.М. Лукьянова – «плата за пользование приходскими учреждениями и заведениями со стороны лиц, могущих вносить оную». Нововведением в этой части была возможность получения приходом пособия от казны, от какого-либо ведомства (не только духовного), от «земств, городских, сельских и иных обществ и установлений», а также – отчисления части церковного и причтового имущества или дохода от него с согласия причта и с разрешения епархиального начальства. Кроме того, к доходным статьям прихода проект относил «устройство погребальных процессий». При этом о приходских кладбищах теперь не упоминалось вовсе. Понятие «самообложение» (§ 33 редакции П.П. Извольского) в новом варианте проекта не использовалось. (Возможно, была учтена критика Ф.Д. Самарина, указывавшего, что это понятие употреблялось в проекте Особого совещания не в точном своем значении.)

При выделении части прихожан в отдельный приход или при переходе их в другой приход имущество прежнего прихода должно было делиться «по соглашению прихожан». Если же оно не могло быть достигнуто, имущество должно было делить епархиальное начальство. В случае упразднения прихода его имущество и «все его учреждения» должны были следовать «судьбе приходского храма». Переход прихожан в другое исповедание не рассматривался как отдельное основание для прекращения существования прихода. Это можно понять в том смысле, что верховная юрисдикция всей Российской

---

¹⁵⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 452.

Церкви не только над церковным, но и над приходским имуществом признавалась авторами редакции автоматически.

Как видим, проект Положения о православном приходе в редакции С.М. Лукьянова был по своей тональности более формален. Положения богословские, канонические, пастырские были в нем сведены к минимуму. Но при этом юридически он был более выверен и последователен. Речи о разделении его на части и о введении в жизнь этих частей разными путями уже не шло. Очевидно, его авторы рассчитывали на успешное прохождение проекта через законодательные учреждения. От статей, подготовленных Училищным советом при Синоде, в редакции С.М. Лукьянова не осталось ничего. Соответственно и основания для конфликта между ведомством православного исповедания и министерством народного просвещения были устранены. С другой стороны, опасения Ф.Д. Самарина, подозревавшего, что прихожане и по новому Положению окажутся оттеснены от управления церковным имуществом, оправдывались. Между тем нужно отдать должное авторам редакции С.М. Лукьянова. Они были более последовательны и честны в проведении этой линии, оставив церковное имущество вообще за скобками своего проекта.

11 октября 1910 г. обер-прокурор представил в Синод переработанный вариант Положения о православном приходе. 24 ноября Синод издал определение, которым утвердил проект в предложенной редакции и предоставил обер-прокурору внести его в Совет министров, что и было 31 декабря 1910 г. исполнено С.М. Лукьяновым¹⁵⁷⁵. Казалось, что его редакция Положения будет более счастливой, чем редакция П.П. Извольского.

Устав американского православного прихода

Пока в России шла разработка приходского устава, в епархии Российской Православной Церкви в Северной Америке такой устав был принят и

---

¹⁵⁷⁵ Там же. Лл. 446–447 об. (предложение Синоду рассмотреть новую редакцию проекта), 470 (выписка из определения Синода), 471–473 об. (представление проекта С.М. Лукьяновым в Совет министров).

вступил в действие. Работа над ним началась в 1907 г., когда созданный по инициативе архиеп. Тихона (Белавина) и прошедший 20–23 февраля 1907 г. 1-й Всеамериканский Церковный Собор постановил создать уставы для учреждений северо-американской миссии, в которых были бы зафиксированы их задачи, состав, административные органы, права, обязанности, взаимоотношения и сфера ответственности пастырей и пасомых. Такие уставы предполагалось использовать в ходе контактов с гражданской властью¹⁵⁷⁶. Во исполнение этого решения был разработан «Нормальный Устав для приходов Северо-Американской Православной Епархии», который был утвержден архиеп. Платоном (Рождественским) 22 марта 1909 г.

Американский приходский устав базировался как на проекте Нормального приходского устава, разработанного Предсоборным присутствием в 1906 г., так и на проектах, разрабатывавшихся в Синоде по окончании работы Присутствия. Влияние проекта 1906 г. видно уже из заглавия обоих документов. Из него же были заимствованы определение прихожан, нормы о переходных свидетельствах при смене прихода, правила об открытой и закрытой баллотировке при принятии решений на приходских собраниях (§ 11, 13, 33) и др. С другой стороны статьи о приходском храме (§ 40–47), о церковно-приходском имуществе (§ 48–56) и о просветительных и благотворительных учреждениях (§ 57–64) с некоторыми изменениями были заимствованы из проекта приходского устава в редакции П. П. Извольского 1908 г. Представляется, что эта редакция в большей степени повлияла на американский устав, чем проект Предсоборного присутствия. Как и в российских проектах, в американском был закреплён территориальный принцип существования прихода и разделение имущества на две категории – церковное и приходское. Вместе с тем были и отличия. Так, по американскому уставу, члены приходского совета должны были утверждаться епархиальным начальством, при этом оно могло не утвердить кого-то из избранных приходом членом совета, но долж-

---

¹⁵⁷⁶ Ход совещаний на первом Соборе Северо-Американской Православной Церкви // Американский православный вестник. 1907. Vol. XI. № 5. 1(14) марта. С. 83.

но было объяснить свое решение, приход в таком случае должен был избрать нового кандидата в члены этого органа (§ 16).

Устав был адаптирован к условиям жизни в Америке и к юридической практике США. В частности, в нем оговаривалась необходимость регистрации прихода в гражданских учреждениях соответствующего штата (§ 4). Государственные органы США следили за выполнением устава американскими православными приходами, поскольку, в соответствии с принятыми правилами, любая закономерно действовавшая в США организация была обязана выполнять свое внутреннее законодательство (устав) и была ответственна перед государством и гражданскими судами за его выполнение. Устав 1909 г. с некоторыми изменениями стал основой раздела о приходе устава Североамериканской епархии, зарегистрированного государственными органами штатов Нью-Йорк и Пенсильвания 25 мая и 15 августа 1917 г.¹⁵⁷⁷ Устав американского православного прихода упоминался на заседаниях приходского отдела Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг.¹⁵⁷⁸, но не оказал влияния на работу отдела: его текст соборянам не был известен, в отличие от текстов проектов, положенных в его основу.

§ 6. Наука, публицистика и выступления общественности вокруг приходского вопроса в 1908–1912 гг.

Новый взгляд на историю православного прихода

В начале века исследования истории православного прихода в России продолжались. И хотя они по-прежнему проводились в основном на материале северо-русского прихода, они корректировали, усложняли картину его внутреннего устройства, созданную в трудах П.В. Знаменского и А.А. Папкова в предыдущем столетии, и давали новую пищу для обсуждения приход-

---

¹⁵⁷⁷ См.: Нормальный Устав для приходов Северо-Американской Православной епархии // Американский православный вестник. 1909. Vol. XIII. № 6. 18(31) марта. С. 101–110; By-Laws of the Corporation of the “Archbishop and Consistory of the Russian Orthodox Greek Catholic Church”. Устав корпорации «Архиепископ и консистория Русской Православной Греко-Кафолической Церкви». Б. м., 1918.

¹⁵⁷⁸ См., например: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 269. Лл. 44–49 об.

ского вопроса в современности. Особенно значимыми с этой точки зрения были работы трех авторов: В.М. Верюжского, М.М. Богословского, С.В. Юшкова.

М.М. Богословский, ученик В.О. Ключевского, доцент, а позднее профессор Московского университета и академик, преподаватель русской гражданской истории в Московской духовной академии в начале 1910-х гг. выпустил в свет фундаментальный труд «Земское самоуправление на русском севере». Во второй том этого труда (1912 г.) входили главы о церковном приходе, при этом они еще в 1910 г. были напечатаны отдельными статьями в «Богословском вестнике», журнале МДА¹⁵⁷⁹. М.М. Богословский наглядно показывал глубокую связь приходского самоуправления с самоуправлением земским, их изоморфизм и взаимопроникновение (когда, например, церковные старосты выполняли функции представителей земской власти и признавались в этом качестве короной). Ему, очевидно, не была близка идея П.В. Знаменского о постепенной утере приходом своего земского характера, напротив, он показывал, что приход и в конце XVII в. был своего рода обращенным к церкви лицом земской общины. А разобщение их началось с 1680-х гг., когда северно-русские архиереи (Холмогорские и Устюжские) начали проводить реформы, направленные на усиление своего контроля над приходом и приходским духовенством. Эти реформы уже придавали приходу значение «церковно-бюрократической единицы»¹⁵⁸⁰. Следствием их стало «при-
сущее бюрократии отношение к земству: за земством остается только *до-
ставление* средств, но *распоряжение* этими средствами переходит к бюро-
кратическим органам»¹⁵⁸¹. При этом М.М. Богословский обращал внимание и на обратную сторону власти земской общины в приходских делах, подчеркивал, что зависимость духовенства от земского мира была подобна той зависимости, в которой находились служившие в церквах вотчинных и домо-

---

¹⁵⁷⁹ Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Тт. 1–2. М., 1909–1912. Т. 2. С. 19–52; Богословский М.М. Церковный приход на русском севере в XVII веке // Богословский вестник. 1910. Т. 2. № 5. С. 158–181 (2 пагин.); № 6. С. 315–337 (3 пагин).

¹⁵⁸⁰ Там же. С. 328–329. Ср.: Там же. 176.

¹⁵⁸¹ Там же. С. 337.

вых¹⁵⁸². Не идеализацию северно-русского прихода, а скорее его детальное феноменологическое описание видим мы в книге М.М. Богословского.

Несколько иной взгляд на поморский приход мы видим у В.М. Верюжского – преподавателя столичной духовной академии (впоследствии священника и ключаря храма «Спаса на крови», а после 1927 г. – одного из лидеров иосифлянской оппозиции). Его книга о первом епископе Холмогорской епархии Афанасии (Любимове) вышла в 1908 г.¹⁵⁸³, но ее фрагменты, относящиеся к истории северного прихода и приходского духовенства, печатались в журнале Петербургской духовной академии в 1905–1906 гг.¹⁵⁸⁴ Герой В.М. Верюжского – архиепископ Холмогорский Афанасий был как раз тем реформатором, который начал наступление на приходскую самостоятельность, в полной мере реализованное в синодальный период. Поэтому петербургский ученый смотрел на старый приход так сказать с высоты синодального периода, отмечая злоупотребления на приходских выборах, зависимость клира от мирян, его необразованность и несение им тягла, явно имея в виду, что эти «изъяны» допетровской приходской организации были исправлены в имперский период. Впрочем, он обращал внимание и на положительные стороны единства прихода и земства, в частности, на тесную связь священника и прихода¹⁵⁸⁵.

Молодой историк права С.В. Юшков, тогда еще студент Петербургского университета и ученик известнейшего византиниста В.Н. Бенешевича, а в будущем крупный советский правовед опубликовал свою книгу как ответ М.М. Богословскому, сделав акцент на правовом статусе северного прихода¹⁵⁸⁶. Он отчасти полемизировал со своим предшественником, отрицая, например, наличие у прихода прав юридического лица. (Современные историки счита-

---

¹⁵⁸² Там же. С. 173.

¹⁵⁸³ *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908.

¹⁵⁸⁴ *Верюжский В.М.* Северно-русский приход в конце XVII века // Христианское чтение. 1905. № 1. С. 67–86; № 3. С. 363–385; № 5. С. 699–713; № 6. С. 778–798; *Верюжский В.М.* Северно-русское приходское духовенство в конце XVII века // Христианское чтение. 1906. № 7. С. 79–98; 1906. № 8. С. 285–301; 1906. № 9. С. 425–441.

¹⁵⁸⁵ *Верюжский В.М.* Северно-русский приход в конце XVII века. С. 364–367, 369, 373–374.

¹⁵⁸⁶ *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. СПб., 1913.

ют, что отрицал необоснованно¹⁵⁸⁷.) Между тем С.В. Юшков сделал акцент и на таких мало изученных прежде типах приходов как приходы вотчинных и монастырских церквей, а также приходы соборных уездных храмов, которые строила и содержала уездная земская организация.

В работах этих представителей русской исторической науки уже принято сопоставление северных приходских порядков с центральными, идеализация северного прихода и его древнего устройства уступила место объективному и всестороннему анализу этого феномена¹⁵⁸⁸. Особенность ситуации заключалась в том, что труд П.В. Знаменского соответствовал уровню науки своего времени, затем наука ушла вперед, представив более сложную картину существования допетровского прихода, но общественные деятели, ратовавшие за приходские преобразования, прежде всего, А.А. Папков и его приверженцы, по-прежнему основывали свои рассуждения на выводах П.В. Знаменского, с его идеализацией старых приходских порядков¹⁵⁸⁹. Это, например, заметно в историческом экскурсе, которым сопроводили свое выступление в поддержку приходской реформы, смоленские земские деятели.

Выступление смоленских земцев 1908 г.

Весной 1908 г., когда в Синоде шла редакция проекта Особого совещания, появилось новое свидетельство общественного внимания к приходской реформе. В самом начале апреля 1908 г. в Смоленске состоялось очередное Губернское земское собрание, вниманию которого был предложен доклад гласного К.И. Ровинского «Об изыскании средств для организации общественных призрения и благотворительности в сельских местностях». Автор пришел к выводу о недостаточности средств земства для широкой организации общественного призрения и задался вопросом: кто может помочь земству? Если иметь в виду давний интерес земства к приходскому вопросу (см.:

---

¹⁵⁸⁷ Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 10.

¹⁵⁸⁸ Ср.: Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 27.

¹⁵⁸⁹ Ср.: Там же. С. 26.

Глава 2 § 10), ответ не был неожиданным. Докладчик полагал, что в деле общественной благотворительности помочь земству может Церковь и непосредственно – приход, который уже играл эту роль в допетровской Руси. К.И. Ровинский приводил составленную на основе трудов А.А. Папкова историческую справку о просветительной и благотворительной деятельности Церкви и прихода на Руси, а затем и о «постепенном разложении приходской жизни в синодальную эпоху» вследствие ее бюрократизации. Его вывод заключался в том, что снова взять на себя заботу об общественном призрении может только преобразованный приход. Поэтому он предлагал Смоленскому губернскому собранию выступить с ходатайством о проведении необходимых преобразований¹⁵⁹⁰.

Редакционная комиссия, которой была передана работа К.И. Ровинского, поддержала его и расширила полученный текст. В результате окончательная версия доклада, представленная земскому собранию, называлась «По вопросу о восстановлении юридических прав церковной общины и осуществлении церковно-приходского самоуправления в связи с изысканием средств для организации общественного призрения и благотворительности»¹⁵⁹¹. В документе отмечалось, что земское собрание достаточно осведомлено о том «печальном положении», в котором находятся приходы господствующей Церкви, поскольку в большинстве состоит из жителей уездов и имеет среди своих членов несколько церковных старост. В то время как иноверцы в своих вероисповедных делах пользуются самоуправлением, «одна лишь Православная Церковь обращена в бюрократическое ведомство, искажающее ее истинные основы и обуславливающее <так в документе. – А.Б.> жертвенность,

---

¹⁵⁹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 333–337 об. Судьба К.И. Ровинского примечательна. Он родился в 1862 г. в семье, известной в Смоленской губернии, в частности, его сестра руководила одной из частных женских гимназий. К.И. Ровинский служил по ведомству министерства финансов в разных губерниях от Курляндии до Тобольска. В 1919 г. оказался в Москве, с 1920 г. стал духовным сыном свящ. Алексия Мечева, в 1921 г. принял священнический сан, с 1923 г. служил в храме свт. Николая в Кленниках, был известным проповедником. В 1929 г. был арестован одновременно со свящ. Сергием Мечевым, приговорен к ссылке, скончался в 1942 или 1943 г. в Тарусе (Калужская обл.). Записи бесед о. Константина ходили в церковном самиздате под названием «Беседы старого священника», в 1990-х гг. они были изданы отдельной книгой. Отметим, что гласным Смоленского губернского земского собрания был и известный нам публицист С.Ф. Шарапов.

¹⁵⁹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 331–332 об.

замечаемую в народной религиозной жизни»¹⁵⁹². Приход, продолжали земцы, «уступая помимо своего согласия большую часть своих денежных средств епархиальной власти» на сословные нужды духовенства, лишен возможности исполнять свои обязанности по призрению своих неимущих членов и благотворению.

Отсюда вопрос об изыскании средств для организации общественного призрения и благотворительности сам собою естественно расширяется в вопрос о восстановлении юридических прав и хозяйственной самостоятельности прихода¹⁵⁹³.

В докладе приветствовалось синодальное определение от 18 ноября 1905 г. как выход «навстречу живой потребности приходского самоуправления»¹⁵⁹⁴. Однако земцы подчеркивали, что приходские советы в большинстве епархий и в том числе, в Смоленской оказались «мертвоорожденными» из-за позиции духовенства. Исключение, по их мнению, представляла собой только Орловская епархия, где по инициативе епископа Серафима (Чичагова) духовенству «вменено в обязанность» устраивать повсюду церковные советы и привлекать их к церковному хозяйству. Характерно, что авторы доклада специально подчеркивали дворянское происхождение орловского преосвященного, намекая на то, что сдвинуть приходскую реформу с мертвой точки мог только человек, не обремененный предрассудками и страхами духовного сословия. Смоленские гласные считали, что благодаря его деятельности в епархии сразу стал заметен «быстрый расцвет религиозной жизни», выразившийся, в том числе, в развитии многочисленных начинаний в области просвещения и благотворительности. Неудачу приходских советов в других епархиях земцы, кроме того, объясняли тем, что не были отменены отчисления на сословные нужды, соответственно, не изменилось хозяйственное положение приходов.

Члены Смоленского губернского земского собрания предлагали изменить систему финансирования духовных школ: средства, выделявшиеся из

---

¹⁵⁹² Там же. Л. 331.

¹⁵⁹³ Там же.

¹⁵⁹⁴ Там же. Л. 331 об.

казны на церковно-приходские школы, но остававшиеся в ведении епархиальных начальств, направить на финансирование духовно-учебных заведений, а содержание приходских школ предоставить самим приходам, освобожденным от поборов и бюрократической опеки. Мы помним, что такое же предложение уже звучало из уст Д.Ф. Самарина и А.А. Папкова, и через год еще раз будет повторено в предложениях комиссии архиеп. Антония (Храповицкого) (см.: Глава 2 § 6). Земцы были уверены, что «цифровой перемены почти не будет», а приходская община, сохранив свой церковный доход, станет самостоятельным распорядителем церковного хозяйства прихода, что отразится на притоке пожертвований и приведет к их увеличению. Также смоленские гласные считали необоснованными опасения, что в среду реформированных приходских советов проникнут нежелательные элементы, в том числе, сектанты и революционеры. Земцы подчеркивали, что «представители разрушительных тенденций» ни разу и нигде, даже «имея к своим услугам незначительный контингент левых священников», не пытались организовать приходский совет и быть в нем хозяевами, что они здесь чувствуют свое полное бессилие. Более того, земцы были уверены, что религиозность народа является надежной защитой от таких попыток:

Если опасаться здесь за церковь, то надо заранее признать, что народ уже перестал быть православным и своей верой не дорожит и защищать ее не будет. Но такое заключение было бы явной клеветой¹⁵⁹⁵.

Кроме того, авторы доклада надеялись на изменение участия епископа и духовенства в приходской жизни, на то, что епископ «получит широкую возможность для нравственного и пастырского воздействия», а священник, выйдя из «чисто чиновничьей изолированности», станет для прихожан «своим земским человеком», и вследствие этого займет должное положение в приходе и удержит духовную власть. Так свобода прихода, заключали земцы, только укрепит Православие. Их практические предложения, одобренные всем собранием, заключались в следующем:

---

¹⁵⁹⁵ Там же. Л. 322 об.

1. Следовало признать юридическим лицом не храм, а церковную общину, обнимающую всех постоянных жителей приходской территории, исповедующих православную веру.

2. Приходское самоуправление в форме приходских советов, санкционированных определением Синода от 18 ноября 1905 г., должно быть организовано в каждом приходе, но в правила, одобренные Синодом, надо внести следующие изменения: председательство в приходском совете должно принадлежать избранному приходским собранием лицу, причем если таковым будет избран не настоятель прихода, то последний входит в состав приходского совета в качестве его неперменного члена; не должны быть избираемы в председатели совета церковный староста, пока он в должности, и младшие настоятеля члены причта; церковный совет по своем утверждению епископом вступает в управление всеми церковными имуществами прихода, состоя под контролем епархиальной власти и сдавая отчеты как приходскому собранию, так и епископу; всякие сборы с церквей на епархиальные нужды должны быть устанавливаемы не иначе, как с согласия приходского собрания в сумме и на срок по его постановлению; всякие сборы с храма в пользу кого и чего бы то ни было не могут быть производимы без согласия приходского совета¹⁵⁹⁶.

4 апреля 1908 г. смоленская губернская земская управа направила одобренный собранием доклад Смоленскому губернатору с просьбой дать этому ходатайству законный ход. Губернатор адресовал представление земцев обер-прокурору, а последний в начале мая передал полученные из Смоленска материалы в Синод¹⁵⁹⁷. Документов о том, рассматривал ли последний полученное ходатайство при редакции проекта Особого совещания, не сохранилось. Ясно, что учтено оно не было. Пожелания смоленского собрания были вполне традиционны для земских проектов преобразования прихода, но разработка приходской реформы в Синоде шла в другом направлении. Интерес-

---

¹⁵⁹⁶ Там же. Лл. 330–330 об.

¹⁵⁹⁷ Там же. Л. 329.

но, однако, что смоленские земцы фактически попытались повторить опыт Московского губернского земского собрания почти 30-летней давности и выступить инициаторами масштабной приходской реформы. В скором времени эстафету в деле таких общественных инициатив примут у земских деятелей депутаты Государственной думы.

Полемика о выборном начале. Что говорят 5-е и 13-е правила Ладикийского собора?

Важной темой, обсуждавшейся в рассматриваемый период, был вопрос о выборности приходского духовенства. Мы знаем, что славянофилы, затем А.А. Папков и сторонники «общественного» подхода к приходской реформе считали расширение прав прихожан в этом вопросе одним из ключевых пунктов реформы (наряду с расширением их прав в распоряжении храмовым и приходским имуществом). Протесты против такого взгляда на выборное начало в приходе стали особенно активны с 1905 г. и раздавались в основном из духовной среды. Аргументы противников выборности приходского духовенства сводились к следующему: народ стоит на низком уровне своих духовных запросов и не готов к участию в выборах членов причта; выборность приведет к утрате духовенством высокого уровня образования; она будет насилием над волей епископа (в этом пункте большинство авторов игнорировало то обстоятельство, что сторонники выборности говорили, как правило, о праве прихожан рекомендовать своего кандидата и о сохранении последнего решающего слова за епископом); выборность поставит избранных священников в новую тяжелую зависимость от зажиточных прихожан, «разуваевых», кулаков и т.п. Раздавались и прямые признания, что выборность разрушит сословный строй, а значит, сделает неопределенным будущее детей духовенства¹⁵⁹⁸.

---

¹⁵⁹⁸ Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 53–64; Иванов. 104–112.

Для подкрепления своих позиций критики выборного начала прибегали к ссылкам на Священное Писание, канонические постановления Соборов, русскую церковную практику. Как правило, такие ссылки служили иллюстрацией той мысли, что выборность клира, хотя и существовала в древней Церкви, вызывала различные церковные беспорядки и была отменена обоснованно, а на Руси она имела место в отсутствие духовных школ, с появлением которых надобность в приходском выборе отпала¹⁵⁹⁹. Упоминание канонических правил в этой полемике поначалу не приводило к их детальному разбору. В результате одно и то же правило иногда использовалось сторонами для аргументации противоположных позиций (ср.: Глава 3 § 2). На новый уровень обсуждение выборного начала вышло в 1906–1908 гг. в рамках полемики вокруг 13-го правила Лаодикийского Собора (343 или 364 г.), в которую включились специалисты по каноническому праву. Правило это гласило, что «сборищу народа» не позволено избирать «имеющих произвестися во священство». Критики выборного начала интерпретировали эти слова как прямой запрет на участие мирян в выборах клира.

Полемике вокруг 13-го правила нужно рассматривать в контексте работы Предсоборного присутствия и Особого синодального совещания для выработки проекта о православном приходе. Мы помним, что оба эти органа считали возможным дать прихожанам право ходатайствовать перед епископом о своем кандидате и предполагали выработать специальный механизм участия прихожан в определении кандидатов на священнические должности. Но такую позицию разделяли не все их члены. Так, член Особого совещания профессор Харьковского университета М.А. Остроумов остался на этот счет при особом мнении. Как бы откликаясь на обсуждение этого вопроса в Предсоборном присутствии, А.А. Папков выступил со статьей в «Новом времени», в которой обсуждал авторитет 13-го правила для решения вопроса об участии прихожан в выборе членов клира. Ему возразили – уже на страницах

---

¹⁵⁹⁹ Свидерский М., свящ. Вопрос о церковном приходе в Предсоборном присутствии и в русской литературе XX в. С. 30, 35–38.

официальной церковной печати – М.А. Остроумов и филолог, выдающийся собиратель русского фольклора и русских церковных древностей Е.В. Барсов. Они подвергли критике, в том числе, деятельность Предсоборного присутствия, а также персонально Н.А. Заозерского. Последний присоединился к дискуссии на страницах издававшегося Московской Духовной академией «Богословского вестника». Последним в 1908 г. включился в полемику в журнале Казанской Духовной академии «Православный собеседник» И.С. Бердников, критиковавший «открытия в области церковного права», сделанные А.А. Папковым.

Полемика шла в двух направлениях. Во-первых, обсуждался статус 13-го правила. Все участники дискуссии были согласны с тем, что дошедший до нас текст правил Лаодикийского Собора представляет собой не правила как таковые, а их оглавление или краткое изложение («эпитоме», по выражению Н.А. Заозерского). На этом основании А.А. Папков считал невозможным строить на нем аргументацию против участия мирян в избрании священников. В целом солидаризовался с ним Н.А. Заозерский, который подчеркивал, что на основании сохранившегося «эпитоме» о смысле самого правила можно судить лишь гипотетически. Их оппоненты, напротив, считали, что краткое изложение полностью передает содержание канона, и не соглашались пересматривать его статус. Во-вторых, обсуждался вопрос, кому именно правило запрещало участие в избрании священнослужителей. Эта часть дискуссии концентрировалась вокруг понимания слова «*ὄχλος*», которое присутствовало в греческом оригинале правила, и предпочтительности различных вариантов его перевода ('сборище народа', 'община', 'простой народ', 'мирские человеки'). М.А. Остроумов был склонен ставить знак равенства между «*ὄχλος*» и «*λαός*» – 'народ', 'миряне' и соответственно понимал 13-е правило как запрещение участвовать в выборе клирика мирянам вообще. Н.А. Заозерский, проведя тщательный филологический анализ, доказывал, что этим словом обозначалось 'сборище народа', то есть неорганизованная толпа. Исходя из этого, смысл правила он понимал так, что им предположительно регулиро-

вался порядок участия мирян в избрании священнослужителей, что возможно запрещалось избрание одними мирянами, без руководящего участия в этой процедуре совета священников, пресвитериума. При этом он отмечал, что с полной уверенностью сказать, как именно отцы Лаодикийского Собора собирались регулировать этот порядок, невозможно¹⁶⁰⁰.

Еще одним поводом для дискуссии стало другое, 5-е правило того же Лаодикийского Собора, в котором говорилось, что «избрание в церковные степени не должно быть в присутствии слушающих». Это несколько загадочное правило также интерпретировалось как запрет на участие мирян в выборах клириков. Такая интерпретация как будто подтверждалась средневековыми толкователями церковных канонов монахом Иоанном Зонарой (первая половина XII в.) и патриархом Феодором Вальсамоном (вторая половина XII в.), которые считали, что во время обсуждения кандидатов на рукоположение не должны присутствовать все желающие¹⁶⁰¹. Такую точку зрения подверг критике Н.А. Заозерский, который считал толкования 5-го правила Зонары, Вальсамона, Аристина экстраполяцией практики XII в. на более ранний период¹⁶⁰². Истинный же смысл правила, по мнению профессора Московской академии, заключался в том, что отцы Лаодикийского Собора предписали не производить избрание священнослужителей и их хиротонию в присутствии лиц, состоящих в чине слушающих Священные Писания, то есть оглашенных и кающихся. Тем самым, верные – полноправные члены Церкви, не находя-

---

¹⁶⁰⁰ Папков А.А. Вниманию православного общества // Новое время. 1906. № 11033. С. 3–4; Остроумов М.А. Вниманию православного общества (ответ А.А. Папкову) // Церковные ведомости. 1907. № 2. С. 53–57; Барсов Е.В. Новейшие толковники древних церковных правил // Церковные ведомости. 1907. № 4. С. 142–146; Папков А.А. Правило или заголовок. Ответ профессору Остроумову и г. Барсову по вопросу о значении так называемого 13-го правила Лаодикийского Собора // Церковные ведомости. 1907. № 21. С. 844–847; Заозерский Н.А. Смысл и значение так называемого 13 правила Лаодикийского собора: (По поводу мнений А.А. Папкова, М.А. Остроумова и Е.В. Барсова) // Богословский вестник. 1907. Т. 1. № 4. С. 639–661 (2 пагин.); Бердников И.С. Смысл XIII правила Лаодикийского собора // Православный Собеседник. 1908. № 5, 6, 9.

¹⁶⁰¹ Несколько иное толкование давал канонист XII в. диакон Алексей Аристин. Он считал, что, согласно этому правилу, молитвы хиротонии не должны читаться так громко, чтобы народ слышал их.

¹⁶⁰² Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1912. Т. 1. № 2. С. 329–330 (3 пагин.).

щиеся под епитимьей, могли присутствовать и при избрании, и при рукоположении и участвовать в этих актах¹⁶⁰³.

На этом основании Н.А. Заозерский считал возможным дать прихожанам право представлять епархиальному архиерею своих кандидатов в члены приходского причта. Он обращал внимание, что речь идет именно о рекомендации этих кандидатов, но не о выборе, результат которого обязателен для епископа¹⁶⁰⁴. Напротив, профессор подчеркивал, что урегулирование «в соответствии с канонами» участия мирян в деле избрания только возвысит, а не умалит авторитет епископа, поскольку освободит его от давления сильных мира сего и сословных соображений:

Раз за прихожанами будет узаконено канонически принадлежащее им право представления своего излюбленного кандидата и епископ не встретит канонических препятствий к уважению этого представления, он найдет в этом правиле сильную опору против «натиска на его архиерейскую совесть» сильных мира, которым нет дела до нужды прихода, а есть лишь интерес оказать свою благосклонности излюбленному протеже, или проявить свою власть над архиереем¹⁶⁰⁵.

Полемика вокруг канонов Лаодикийского Собора не привела к консенсусу ее участников: все они остались при своем мнении, – но она вывела обсуждение темы на новый, теперь уже научный уровень. В последующем, при спорах вокруг выборного начала их участники апеллировали уже к статьям тех или иных канонистов, высказавшихся по этому вопросу.

«Александро-Свирское дело»

Между тем широкой публике о приходском вопросе напоминали не столько ученые споры профессоров, сколько скандальные истории, активно обсуждавшиеся в прессе. Одной из таких историй было знаменитое тогда «Александро-Свирское дело», о котором как о совсем еще недавнем событии вспоминали и в 1917 г. на Всероссийском церковном Соборе. Так называлось

---

¹⁶⁰³ Там же. С. 331–332 (3 пагин.).

¹⁶⁰⁴ Там же. С. 333, 335 (3 пагин.).

¹⁶⁰⁵ Там же. С. 333 (3 пагин.).

нашумевшее следственное дело о продаже – как предполагалось, незаконной – имущества причта Александро-Свирской церкви села Александровка Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Это был первый храм на территории современного Донецка¹⁶⁰⁶. Он был построен в конце XVIII в. на средства помещика Е.С. Шидловского, один из потомков которого в 1847 г. пожертвовал причту этой церкви 155 десятин земли. Земля не приносила дохода, пока в ее недрах не были разведаны залежи угля. В 1902 г. она была отдана в аренду на 12 лет директору Николо-Михайловского общества стекольной и каменноугольной промышленности, занимавшегося добычей угля, М.Д. Волынскому. Последний выплачивал приходу арендную плату (от 6 до 13 тысяч рублей в год), но в 1908 г. внезапно выплату аренды прекратил. Выяснилось, что в ноябре 1908 г. все 155 десятин были проданы М.Д. Волынскому за 60 тысяч рублей. Староста и прихожане не были поставлены в известность о предполагаемой сделке. При этом на нее было получено высочайшее соизволение, которое, как мы знаем, испрашивалось через сложную и долгую бюрократическую процедуру.

Прихожане возмутились произошедшим. Они написали письмо, которое подписали 125 человек, депутату Государственной думы от Екатеринославской губернии октябристу П.В. Каменскому. Они писали об ущербе, нанесенном сделкой имуществу своего храма. Позднее в прессе стоимость проданной земли оценивалась в 2 миллиона рублей. П.В. Каменский направил запрос о законности заключенной сделки и в апреле 1909 г. выступил с трибуны Государственной думы с рассказом об этой истории. В своей речи он прямо увязал произошедшее с «существующим способом ведения церковно-приходского хозяйства», при котором «прихожане отстранены от заведования своим имуществом». Депутат дипломатично показывал, что ни епископ, которому, как говорил П.В. Каменский, «очевидно, были представлены неверные сведения», ни верховная власть не смогли уберечь церковь от

---

¹⁶⁰⁶ Церковь ныне не существует.

ущерба ее имуществу¹⁶⁰⁷. Так «Александро-Свирское дело» стало широко известно. О нем стали писать не только провинциальные, но и общероссийские газеты («Новое время» выступило с «разоблачением» еще до речи П.В. Каменского).

Через некоторое время было начато расследование¹⁶⁰⁸. Вскрылись неприглядные действия Екатеринославской духовной консистории в отношении священника этой церкви Антония Жижиленко, который пытался помешать сделке. Он был ложно обвинен в вымогательстве взятки у М.Д. Волынского, отправлен за штат и под угрозой запрета в священнослужении удален за пределы Бахмутского уезда. В ходе следствия главным фигурантом дела стал М.Д. Волынский, который подозревался в подкупе должностных лиц. Также по делу проходили маркшейдер Горного управления Юга России в Юзовке (совр. Донецк) В.Г. Сутулов, подозревавшийся в том, что поговору с М.Д. Волынским он занизил оценку угольных запасов проданного участка, секретарь Екатеринославской духовной консистории А.И. Орлов и ее член священник Михаил Григоревич, подозревавшиеся в получении взятки от М.Д. Волынского. Указывалось также на неблагоприятную роль местного благочинного о. Евгения Матвеевского, который – как предполагалось – по указанию А.И. Орлова инспирировал ложное обвинение против о. Антония Жижиленко и приложил усилия к его удалению из уезда.

Чтобы не допустить предания уголовному суду своих сотрудников, епархиальное начальство обратилось к императору Николаю II, направившему в Юзовку комиссию во главе с генерал-адъютантом Ф.В. Дубасовым. В результате дело завершилось примирением сторон: продажа земли аннулировалась, Николо-Михайловскому обществу были оставлены права аренды и добычи угля, арендная плата составляла 75 тысяч рублей в год (это была тогда колоссальная сумма). На эти деньги Александро-Свирская церковь в 1913

---

¹⁶⁰⁷ Вопросы приходский, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в 3-й Государственной думе. Сессия II-я 1908–1909 г. СПб., 1910. С. 3–5.

¹⁶⁰⁸ Ср.: РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 106. Лл. 1–1 об. (письмо от 26 января 1910 г.).

г. была отстроена заново¹⁶⁰⁹. «Александро-Свирское дело» широко освещалось в прессе и еще раз вскрыло то обстоятельство, что имущество храмов и причтов находилось в бесконтрольном распоряжении епархиальных властей, фактически – чиновников духовных консисторий, которые не только давали санкцию на расходы церковных средств выше определенной суммы, но и могли инициировать выгодные им сделки.

Приход как «мелкая земская единица»: версия правых

В рассматриваемый период появлялись новые проекты, предполагавшие превращение прихода в «мелкую единицу» местного управления. В 1909 г. со своим проектом такого рода выступил князь А.Г. Щербатов, в 1892–1905 гг. президент Императорского московского общества сельского хозяйства, сооснователь и первый председатель монархической организации Союз русских людей. В группу основателей Союза входил и известный нам С.Ф. Шарапов. Его взгляды на будущее прихода как «мелкой единицы», обнимающей все стороны местного самоуправления, в том числе, экономическую оказали влияние на концепцию А.Г. Щербатова. Последняя была своего рода адаптацией идей С.Ф. Шарапова к послереволюционной ситуации и включала эти идеи в проекты правых этой эпохи. В 1908 г. А.Г. Щербатов выпустил свою программную книгу «Обновленная Россия» – манифест консервативного реформаторства. В главе о местном самоуправлении особое внимание автор уделил приходу. Он конкретизировал свои идеи на этот счет в книге 1909 г. «Православный приход – твердыня русской народности»¹⁶¹⁰.

Главной задачей консервативных реформ А.Г. Щербатов считал восстановление народности русского самодержавия, а главной помехой на этом пути – чиновничество, имперскую бюрократию, которая воспринималась им

---

¹⁶⁰⁹ См.: Объяснительная записка по делу о продаже Екатеринославской духовной консисторией агроному М.Д. Вольнскому угольной земли (около 150 десятин), принадлежавшей причту Александро-Свирской церкви Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии. СПб., 1910; *Стенкин В.П.* Первый храм Донца // Электронный ресурс. URL: <http://dongeosociety.ru/> (дата обращения: 23.06.2019).

¹⁶¹⁰ *Щербатов А.Г.* Православный приход – твердыня русской народности. М., 2010. С. 53–55, 133–150.

как «средостение» между монархом и народом. Подобным образом рассматривался им и парламентаризм, получивший импульс для развития в России в 1905 г. Вместо этого, по мнению автора, следовало обеспечить прямой доступ к царской власти каждой группы населения. Полное единение народа и царя должно было достигаться в деятельности Земского собора, на котором вся «русская земля» через своих представителей могла бы говорить монарху о своих нуждах¹⁶¹¹. А.Г. Щербатов полагал, что сословное членение русского общества надо не только сохранить, но и укрепить. В таком случае именно органы сословного самоуправления будут входить в непосредственные отношения с царской властью¹⁶¹². В этом пункте автор, как и другие правые, расходился с П.А. Столыпиным, который делал ставку на разрушение крестьянской общины и ликвидацию сословного крестьянского самоуправления. С другой стороны, проект А.Г. Щербатова предполагал, что прямая связь будет также установлена между приходскими и монархом и каждое «приходское земство» сможет направлять царю свои челобитные. Именно этот пункт представлял наибольший интерес с точки зрения дискуссий вокруг приходского вопроса. При этом эти органы самоуправления, по проекту, носили всесословный характер¹⁶¹³. Таким образом, царю были бы доступны как мнения сословных корпораций, так и всесословных низших единиц народного самоуправления.

Устройство этих единиц А.Г. Щербатов представлял себе так. Церковное управление прихода должно было сосредотачиваться в приходском попечительстве. Этот орган публицист считал более демократичным, чем приходские советы, созданные по определению Синода от 18 ноября 1905 г. В работе попечительства могут участвовать все прихожане, писал князь, довольно неточно интерпретируя определение Синода, а совет формируется по назначению священника. Председателя попечительства, развивал свою мысль автор, следует избирать из прихожан, а священник должен быть только

---

¹⁶¹¹ Там же. С. 45.

¹⁶¹² Там же. С. 46–52.

¹⁶¹³ Там же. С. 140–142.

непременным членом попечительства. Эти органы следовало открыть во всех приходах, а правительство должно было субсидировать их деятельность¹⁶¹⁴. Рядом с попечительством должно существовать «приходское земство» – все-сословный орган местного самоуправления, который бы ведал всем местным хозяйством – образованием, медициной, дорогами, сельскохозяйственным производством и т.п. Так приход, считал А.Г. Щербатов, стал бы подлинно народной ячейкой местного самоуправления, а само земство твердо встало бы на народную почву. Князь считал необходимым упразднить губернское земство, в котором, по его мнению, сосредоточилось «земское чиновничество», которое держит местную власть в своих руках, но при этом оторвано от действительно народных нужд. Сохранить следовало, считал он, только уездное земство, а на уровне губернии учредить совет уездных земств при губернаторе¹⁶¹⁵.

Попечительство и «приходское земство», по проекту А.Г. Щербатова, представляли собой обязательные органы местного самоуправления. Но наряду с ними на территории прихода могли создаваться при желании населения различные народно-хозяйственные учреждения: местное сельскохозяйственное общество, учреждения мелкого кредита, общества взаимопомощи и потребительские кооперативы. В тесном взаимодействии с попечительством и «приходским земством» они способствовали бы росту благосостояния населения на народных началах¹⁶¹⁶. Этот пункт проекта во многом воспроизводил более ранние идеи С.Ф. Шарапова. Проект А.Г. Щербатова может показаться утопическим, особенно в части предложенных им механизмов единения царя и народа, но и такие проекты надо иметь в виду. Критика консервативного дворянства в адрес правительства в это период сосредотачивалась на вопросе об устройстве местного самоуправления, и такие проекты разрабатывались как альтернатива официальному курсу.

---

¹⁶¹⁴ Там же. С. 135–140.

¹⁶¹⁵ Там же. С. 140–141.

¹⁶¹⁶ Там же. С. 143–149.

Opus magnum Н.А. Заозерского

Значимой для дискуссии о судьбе прихода была большая статья профессора Московской духовной академии, специалиста в области канонического права, редактора академического журнала «Богословский вестник» Н.А. Заозерского «Что есть православный приход и чем он должен быть?», вышедшая в нескольких номерах этого издания в 1911–1912 гг. В ней обсуждались практически все темы, так или иначе поднимавшиеся в контексте приходского вопроса: определение прихода и его каноническая природа, имущество приходской церкви и распоряжение им, выборы приходского клира, отношение прихода и епархиального архиерея и др. Каждая из этих тем рассматривалась с двух ракурсов: с точки зрения существующего положения и с точки зрения должного церковного устройства. Отталкивался Н.А. Заозерский от определений прихода, данных в Предсоборном присутствии. Все представленные там формулы, по его мнению, сводились к трем основным вариантам:

1. Приход – это прикрепленное к церкви собрание определенного числа православных христиан.
2. Приход – это община, правильно организованная, но состоящая при церкви, своего рода новый вариант приходского попечительства.
3. Приход в составе клира и мирян – это особая церковная община с правами юридического лица¹⁶¹⁷.

Первый вариант, считал профессор, фактически закреплял положение, описанное в Уставе духовных консисторий:

По Уставу Духовных Консисторий, приход или прихожане есть комплект лиц – исключительно мирского звания: ни священник, ни псаломщик, ни даже староста церковный не входят в состав прихода, хотя последний и называется «поверенным прихода». Наоборот в понятии церкви мыслятся как составные части: храм, освященный епископом и построенный с его разрешения, причт к нему определенный и церковный староста. Следовательно по Уставу Духовных Консисторий, церковь мыслится как церковное учреждение, назначенное для удовлетворения религиозных потребностей мирских людей, учреждение самодовлеющее, почти не из-

---

¹⁶¹⁷ Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1911. Т. 3. № 11. С. 537 (2 пагин.).

меняющееся от того, будут ли мирские люди составлять прикрепленное к этому учреждению общество, или же будут случайно сходиться в храм, принадлежа к прихожанам разных церквей¹⁶¹⁸.

Такую позицию занимали те члены Предсоборного присутствия (автор статьи упоминал, в частности, архиепископа Димитрия (Ковальницкого) и А.И. Алмазова), которые выступали за консервацию существующего положения. Страх перед будущим и неверие в творческий потенциал преобразований, писал Н.А. Заозерский, мешали им увидеть, что этот принцип «отжил свой век», что в действительно живых приходах Устав духовных консисторий на деле не исполняется, что он не только разобщает прихожан, но и не оберегает доброго священника от несправедливых жалоб отдельных сильных из них¹⁶¹⁹, а

«натиск мирян на церковь» как раз замечается там, где, опираясь на Консисторский устав, недобрый батюшка так отвечает прихожанам, осмелившимся полюбопытствовать о состоянии своего храма или его казны: «в церкви я хозяин: вы не смеее войти в церковь без моего разрешения, а буде осмелитесь, я и церковь запечатаю и вы умрете как животные без напутствия и погребения!»¹⁶²⁰

Второй вариант определения прихода, по мнению профессора Московской академии, был возвращением к идее, реализованной в 1860-х гг. в приходских попечительствах. Эти организации, представлявшие собой учреждения общественные, мирские, но не церковные, писал Н.А. Заозерский, не привлекли внимания ни прихожан, ни духовенства, потому что их создание не разрушило той установленной Уставом духовных консисторий юридической преграды, которая стояла между церковью и приходом. Консисторский строй восторжествовал; церковь (храм) и приход, организованный в форме попечительства, остались отдельными организациями; отчуждение между духовенством и прихожанами не было преодолено¹⁶²¹. Напротив, усиленные старания правительства об улучшении быта духовенства и духовно-учебных

---

¹⁶¹⁸ Там же. С. 535–536 (2 пагин.).

¹⁶¹⁹ Там же. С. 535–541 (2 пагин.).

¹⁶²⁰ Там же. С. 539 (2 пагин.).

¹⁶²¹ Там же. С. 541–559 (2 пагин.).

заведений за счет церковно-приходских сумм, в частности, политика укрупнения приходов 1860-х гг. и одновременное повышение содержания духовных школ за счет этих сумм только углубляли это отчуждение¹⁶²²:

Духовенство действительно стало несколько образованнее, но его пастырское значение в народе почти совершенно упало. Сословная рознь между ним и прихожанами так обострилась, что стало совершенно невозможно духовное единение между пастырями и пасомыми: интересы у того и другого оказались совсем разными. Не на чем сойтись, не о чем побеседовать по душе. А о предметах религиозных, церковных? Вот в том и беда, что общение и в этой сфере стало невозможным. Пастырь сделался чисто отвлеченным и ученым богословом, а пасомый – таким же невеждою в богословии, как и во времена давно прошедшие, если еще не хуже. Религия перестала быть живым правилом, живым принципом жизни для того и другого. Она стала только предметом теоретических беседований и делом служебной необходимости одних и делом обычая для других. Пастырь превратился в обязательного требоисправителя и должностного оратора-проповедника и собеседника, пасомый механическим исполнителем религиозных предписаний обычая. Церковь сделалась исключительно богослужебным установлением и перестала быть школой практической христианской жизни. Общение духовное между пастырем и пасомым осталось только моментальным во время богослужения в храме и на дому. Здесь в эти моменты единение наступало: но за порогом храма или вслед за прекращением богослужения это единение прекращается¹⁶²³.

Рознь между духовенством и мирянами переросла в «классовую вражду», которая перешла «в открытую борьбу в злополучный 1905 г.»¹⁶²⁴. Н.А. Заозерский положительно оценивал определение Синода от 18 ноября 1905 г. как призыв «принять немедленные меры к восстановлению единения» пастырей с паствой и считал, что этот призыв может быть реализован на базе третьего варианта определения прихода¹⁶²⁵.

Он разбирал ту критику, что высказывалась в адрес такого определения прихода, а именно: опасение, что признание прав за приходом как общиной приведет к умалению и разорению церковного имущества, вместе с чем по-

---

¹⁶²² Там же. С. 560 (2 пагин.).

¹⁶²³ Там же. С. 560–561 (2 пагин.).

¹⁶²⁴ Там же. С. 559, 561 (2 пагин.).

¹⁶²⁵ Там же. С. 561–562 (2 пагин.).

страдают и те сословные учреждения духовенства, которые питались доходами от этого имущества. Критики были уверены что следствием этого станет «церковно-экономическая разруха», которая неминуемо перерастет в «разруху церковно-устроительную» и даже политическую. Кроме того, высказывалось мнение, что реализация такого подхода к приходской реформе подорвет власть епископа и иерархическое значение приходского пастыря, а также, что этот подход противен канонам, которые вверяют церковное имущество епископу. Профессор Московской академии считал эти опасения «преувеличениями, навеянными страхом за чисто сословные интересы», соединенным с презрительным отношением к прихожанам, но считал важным скорректировать как определение прихода, так и подход к субъекту права на церковно-приходское имущество, чтобы раз и навсегда отвести обвинения в протестантском характере «общинного подхода» к реформе¹⁶²⁶.

Н.А. Заозерский обращал внимание, что стороны дискуссии о субъекте права на церковно-приходское имущество, а также соответствующие формулы, предложенные в Предсоборном присутствии, колебались между двумя, неприемлемыми, с его точки зрения, крайностями. С одной стороны, он считал неправильным переносить права церковной собственности с церкви (храма) на приходскую общину, передавать последней право собственности на это имущество. Это, по мнению профессора Московской академии, лишало бы церковное имущество священного характера и сообщало бы ему характер частного имущества, принадлежащего корпорации, хотя бы и религиозной. «Таково именно и есть имущество протестантской церкви», – писал Н.А. Заозерский. Поэтому, замечал он, обвинения в протестантизме, в частности, выдвигавшиеся в адрес А.А. Папкова и его единомышленников, И.С. Бердниковым, хотя «по существу не основательны», но «формально имеют некоторое значение». С другой стороны, критики «общественного подхода» рисковали впасть в не менее «тяжкий грех – уклонения в католичество».

---

¹⁶²⁶ Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1911. Т. 3. № 12. С. 653–655 (3 пагин.).

Ибо решительно устраняя деятельное участие мирян-прихожан в делах приходского управления и подчиняя церковное имущество абсолютной власти епархиального начальства они, действительно, уклоняются в католицизм¹⁶²⁷.

В связи с этим Н.А. Заозерский напоминал, что, по римско-католическому учению, прихожане имели «только пассивное значение», образуя «круг лиц, подлежащих пастырскому управлению приходского священника». Они не представляли собой корпорацию и не имели голоса в решении относящихся к жизни прихода дел. Поэтому носителем «юридической личности» в католических приходах было приходское имущество, «или лучше – благочестивая цель этого имущества», находящееся в заведовании приходского священника как «органа епископа под надзором последнего»¹⁶²⁸.

Чтобы найти средний, «истинно ортодоксальный» путь между двумя крайностями, Н.А. Заозерский предлагал раз и навсегда признать «приходскую церковь», храм субъектом права на свое имущество. Он считал, что формула Предсоборного присутствия от этой поправки приобретет «безукоризненную формальную внешность» и неуязвимость для критики. При этом он предлагал пересмотреть понятие «церковь» как юридическое «установление Православной Церкви». Если по Уставу духовных консисторий в это понятие входили храм, причт и староста, то профессор Московской академии предлагал расширить его и считать, что православная община в составе клира и мирян, состоящая в канонической зависимости от епископа и собирающаяся в храме, и есть *церковь*. Соответственно, каноническое определение прихода должно было звучать так:

Приход есть церковь – в составе ее клира и мирян, – собираемая пресвитером или пресвитерами, состоящими в канонической зависимости от епископа¹⁶²⁹.

Такой подход, как считал Н.А. Заозерский, был бы по-настоящему православным и позволил бы «включать» мирян в церковь: они уже не были бы «мирской стихией», стоящей вне церкви или организованной рядом с ней,

---

¹⁶²⁷ Там же. С. 657 (3 пагин.).

¹⁶²⁸ Там же.

¹⁶²⁹ Там же. С. 663 (3 пагин.).

как получалось бы в соответствии с иными определениями прихода, а были бы ее полноправными членами¹⁶³⁰. Имущество, закрепленное за церковью-храмом, согласно мысли Н.А. Заозерского, должно находиться в распоряжении церкви-общины, наделенной правом юридического лица¹⁶³¹. Определенная двойственность этой конструкции позволяла в дальнейшем, в том числе на Всероссийском церковном Соборе 1917–1918 гг. апеллировать к ней как тем, кто стремился ограничить участие прихожан в распоряжении церковным имуществом, так и их оппонентам¹⁶³². Н.А. Заозерский выступал против учреждения нескольких юридических лиц в приходе. По мнению профессора Московской академии, это только резче подчеркивало бы рознь между клиром и прихожанами. Напротив, все имущество следовало объединить как имущество определенной приходской церкви, выделив внутри него как имеющее особое назначение причтовое имущество, освободив последнее от взносов, но возложив ответственность за его целостность на весь приход. Вся остальная масса имущества должна была находиться в распоряжении прихода (собрания и совета); из него следовало выплачивать епархиальные взносы, осуществлять содержание и ремонт храма, помогать членам прихода и причта и т.п.¹⁶³³

Описав «каноническую конструкцию православного прихода», Н.А. Заозерский приступил к подробному анализу отношений прихода с епископом как в имущественной, так и в административной сфере. Он обращал внимание, что церковные каноны и другие древние памятники различают большую парикию (приход) во главе с епископом и малую, возглавляемую пресвитером. В первом случае фактически речь шла о кафедральном храме епископа, имуществом которого распоряжался именно он. По-другому обстояло дело в малом, пресвитерском приходе. Здесь прихожане играли существенную роль в управлении церковным имуществом, их служение церкви-приходу было

---

¹⁶³⁰ Там же. С. 663–664 (3 пагин.).

¹⁶³¹ Там же. С. 657–659, 664–668 (3 пагин.).

¹⁶³² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 272. Лл. 2–4, 7–9 об.

¹⁶³³ *Заозерский Н.А.* Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1912. Т. 1. № 2. С. 344–348 (3 пагин.).

«служением Марфы»¹⁶³⁴. Клир же должен был, прежде всего, заботиться о чистоте веры в малой парикии, удерживать ее от падения, а кроме того, именно в его компетенции находилась церковная благотворительность. Поскольку, как напоминал Н.А. Заозерский, одно из главных назначений церковного имущества – помощь нуждающимся разного рода (бедным, странникам, выкуп пленных и т.п.). Как гласила известная формула, «церковное богатство – нищих богатство»¹⁶³⁵. Заниматься же другими хозяйственными операциями (купля-продажа, хождение по делам, поручительство и др.) клиру было прямо запрещено канонами. Древний «православный приход был церковью, духовно собираемой пресвитером и материально устрояемой прихожанами»¹⁶³⁶.

Таким образом, согласно реконструкции Н.А. Заозерского, в древней церкви существовало обособление кафедрального храма и его хозяйства от городских и сельских приходов. В результате епископ совершенно не входил в их внутренние экономические дела, а судил о вероучительных, канонических и «душевных погрешностях» клира и своей паствы¹⁶³⁷. Иная ситуация наблюдалась в современной автору русской церковной практике. Приходская церковь (храм) считалась собственником своего имущества, но управление им находилось в руках «отдаленного присутственного места – духовной консистории или епархиального начальства»¹⁶³⁸.

Что же касается современного порядка отношений, по которому епархиальное начальство пользуется правами юридического лица в распоряжении имуществом приходской церкви, то этот порядок есть чисто русское изобретение XIX века и утверждать, что он есть почти точная копия канонического порядка древней церкви, значит отказывать себе в понимании и разумении последнего¹⁶³⁹.

---

¹⁶³⁴ Ср.: Лк. 10, 40–41.

¹⁶³⁵ Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1911. Т. 3. № 12. С. 659–663, 668, 676–678, 683–684 (3 пагин.).

¹⁶³⁶ Там же. С. 687 (3 пагин.).

¹⁶³⁷ Там же. С. 679 (3 пагин.).

¹⁶³⁸ Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1912. Т. 1. № 2. С. 322 (3 пагин.).

¹⁶³⁹ Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1911. Т. 3. № 12. С. 679 (3 пагин.).

Такой порядок, по мнению профессора Московской духовной академии, не был эффективным. Как может консистория, задаваясь он вопросом, управлять 900 и более церквями, заседа в губернском городе на далеком расстоянии от них, и при этом сами церкви, без разрешения консистории не могут израсходовать 50 руб.; не ясно ли, что все усилия она тратит на то, чтобы собрать разные обложения с церковью. Такое хозяйствование привело к тому, что «приходские церкви, даже богатые по внешности живут милостыней и подаванием»¹⁶⁴⁰. Н.А. Заозерский писал, что бюрократическая опека со стороны духовной консистории в виде доставления приходно-расходных книг, исповедных росписей, испрашивания позволений на расходы – или «пережиток старины», или «прямо вредная в хозяйственном отношении проволочка». Он напоминал, что единоверческие расходы были освобождены от опеки консисторий еще в 1845 г., и был уверен, что освобождение прихода от бюрократического контроля и дарование ему прав самостоятельного заведования церковным имуществом приведет к увеличению церковных доходов¹⁶⁴¹.

При этом Н.А. Заозерский не сомневался в необходимости епархиального контроля над приходом. Он писал, что приход должен зависеть от архиерея и как церковь, собираемая пресвитером, и как экономически самостоятельная община. Каноническая зависимость прихода от епископа должна выражаться в благословении на постройку новой церкви, в определении и посвящении духовенства в приход, в надзоре епископа за приходским духовенством и праве поощрять или наказывать его вплоть до лишения сана. Контроль в хозяйственной сфере, прежде всего, предполагает наблюдение за целевым использованием церковного имущества¹⁶⁴². Профессор Московской академии воздерживался от более подробных рекомендаций, поскольку считал, что многие из них можно найти в проекте Нормального устава IV отдела

---

¹⁶⁴⁰ Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1912. Т. 1. № 2. С. 320 (3 пагин.).

¹⁶⁴¹ Там же. С. 321, 339 (3 пагин.).

¹⁶⁴² Там же. С. 322, 335–339 (3 пагин.).

Предсоборного присутствия. Этот проект он считал выдающимся памятником «православного *jus parochiale*», который для канониста долго будет служить «критерием при решении вопроса – вперед или назад идет законодательство по приходскому вопросу, равно как и фактически складывающаяся церковно-приходская жизнь»¹⁶⁴³. Между тем и в этом документе Н.А. Заозерский видел определенные изъяны и писал о необходимости переработки, по крайней мере, некоторых его параграфов. Завершая свой очерк, автор напоминал:

В реформе прихода именно важно провести идею прихода-церкви как духовно-нравственного союза, сплоченного не договорным началом свободных единиц, объединяемых сходством личных интересов, каковое сходство может легко и утрачиваться, а более сильную связью – именно их духовным родством от одной купели крещения, от одной чаши и одного хлеба, коих они причащаются в единой церкви своей – их общей матери, единством, наконец, их общей усыпальницы на родном кладбище¹⁶⁴⁴.

«Беседы о православном приходе» А.А. Папкова

В 1912 г. А.А. Папков выпустил брошюру «Беседы о православном приходе» – произведение во многих отношениях примечательное. Оно было написано в жанре популярных бесед, ориентированных, очевидно, на крестьян, сельскую интеллигенцию, рядовое духовенство. Если прежние работы А.А. Папкова были ориентированы на читающую и интересующуюся проблемами преобразования прихода публику, то новой книгой он стремился привлечь внимание новой аудитории. По сути, он хотел установить контакт с реальными приходскими деятелями, которые могли бы инициировать на местах приходские преобразования. Для них А.А. Папков намечал новый план действий, отличный от того, что описывал в работах 10-летней давности. В этом плане были существенным образом переставлены акценты. Если ранее первостепенное значение публицист уделял приходским институтам, то те-

---

¹⁶⁴³ Там же. С. 340 (3 пагин.).

¹⁶⁴⁴ Там же. С. 348 (3 пагин.).

перь, не отказываясь от идеи об их формировании, он делал акцент на оживлении религиозной жизни в приходе и искал пути для этого. Он писал:

Мы не перестаем утверждать о крайней необходимости присвоить нашему возрождающемуся приходу права *юридического лица*, но вместе с тем, считаем необходимым высказать наше крайнее и твердое убеждение, что независимо от сего наши приходы <...> должны во что бы то ни стало стремиться получить *церковное лицо*, церковный облик, а эта задача находится <...> всецело в нашей власти и составляет нашу священную обязанность¹⁶⁴⁵.

Он даже противопоставлял «церковное благоустройство» «общественному благоустройству», которое пытается создать «социалистическое учение», и подчеркивал, что «свобода, равенство, братство» возможны только на церковной почве¹⁶⁴⁶. Задачу приходского возрождения он видел в «восстановлении христианского образа жизни в среде русского православного народа»¹⁶⁴⁷. «Церковно-общественные формы жизни» он считал необходимым изменить не ради преобразования как такового, а для того, чтобы вера проявлялась в делах. Публикуя «Беседы», публицист надеялся пробудить инициативу «снизу», в среде как духовенства, так и мирян. Будущим приходским деятелям он напоминал слова апостола Павла о Церкви как Теле Христовом, в котором каждый является тем или иным членом¹⁶⁴⁸. Члены тела, рассуждал А.А. Папков, не могут жить отдельно, изолированно друг от друга. Изолированность приводит по меньшей мере к тяжелой болезни всего тела. Поэтому

---

¹⁶⁴⁵ Папков А.А. Беседы о православном приходе. СПб., 1912. С. 59.

¹⁶⁴⁶ Там же. С. 56–57.

¹⁶⁴⁷ Там же. С. 55.

¹⁶⁴⁸ Ср.: 1 Кор. 12, 26–30. Интересно, что от того же образа ап. Павла Церкви как Тела отталкивался архимандрит Андроник (Никольский), будущий епископ Пермский, в период первой революции довольно радикальный критик возможных приходских преобразований. В декабре 1905 г., будучи ректором Уфимской духовной семинарии, он напечатал в «Уфимских губернских ведомостях» статью, в которой утверждал, что прихожане не могут принимать вообще никакого участия в управлении приходом, поскольку каждый член церковного тела должен быть на своем месте. См.: Преображенский И.В. Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. С. 74; Свидерский М., свящ. Вопрос о церковном приходе в Предсоборном присутствии и в русской литературе XX в. С. 29–30. Но такая аргументация, признающая, что миряне являются членами Церкви как Тела, подсказывала и другой вывод: что у них может быть свое место в Церкви и это место нужно для мирян найти и, видимо, именно в приходе. В 1918 г. как раз эта мысль будет развиваться епископом Андроником и его соавторами во Введении к принятому Всероссийским Церковным Собором приходскому уставу, совсем не предполагавшему полного отстранения мирян от приходского самоуправления (см.: Глава 4 § 3).

жизненно необходимо восстановить «чудодейственное общение» православных христиан друг с другом и с пастырями на приходской почве. Это общение в силу взаимной зависимости людей друг от друга должно быть основано на «братолюбии»¹⁶⁴⁹.

Что должны делать теперь же те, кто готовы потрудиться для оживления прихода? – задавался вопросом наш автор. До всяких коренных преобразований и издания приходского устава, что может быть делом «даже отдаленного будущего», следует, считал А.А. Папков, начать с восстановления «христианского церковного общения» и составить первоначальный кружок – «приходское зерно», которое должно быть посеяно на «приходской ниве». Если этот кружок окажется многочисленным и сможет заняться делами благотворения, то естественным образом превратится в «приходское братство», которое сможет действовать по положению 1864 г. Если же нет, пусть он останется неформальным кружком единомышленников. В сферу его деятельности, по мысли А.А. Папкова, вошли бы забота о храме, о благолепии богослужения, о пении и хоре. Члены кружка могли бы взять на себя дежурство в храме, чтобы он не закрывался сразу по окончании службы. В кружок следовало бы пригласить женщин, которые могли бы стать своего рода «сестрами милосердия» и заняться адресной помощью бедным и больным в приходе¹⁶⁵⁰. По сути, автор «Бесед» говорил о выделении религиозного «живого ядра»¹⁶⁵¹ прихода, что мы видели в отзывах некоторых преосвященных 1890-х гг. и в публицистике Л.А. Тихомирова, но еще не встречали в проектах самого А.А. Папкова.

Рассуждая о жизни такого первоначального приходского кружка, публицист высказывал несколько неординарных для того времени идей. Он ратовал за то, чтобы члены кружка, пусть не все, но хотя бы некоторые, дали бы обет каждую неделю причащаться Святых Таин и тем самым сделали бы шаг к восстановлению этого распространенного в древней Церкви обычая.

---

¹⁶⁴⁹ Папков А.А. Беседы о православном приходе. С. 4–6, 57–58.

¹⁶⁵⁰ Там же. С. 7–8.

¹⁶⁵¹ Там же. С. 11.

Но цель такого обета – не в исторической реконструкции, а в том, что существование такой благочестивой группы, как был уверен А.А. Папков, возвысило бы религиозное настроение всей приходской общины. Если мы примем во внимание, что благочестивые миряне причащались тогда два – три раза в год, а среднестатистический прихожанин делал это гораздо реже, мы сможем оценить всю революционность высказанной нашим автором идеи. Возможно, она возникла у него не только при знакомстве с источниками по истории древней Церкви, но и с практикой причащения отца Иоанна Кронштадтского, которого А.А. Папков упоминал в своей брошюре¹⁶⁵². Чтобы сблизить предлагаемую новацию с существовавшей тогда практикой предпричастного поста, наш автор предлагал пост в среду и пятницу дополнить постом в субботу¹⁶⁵³. Кроме того, он считал правильным, если члены приходского кружка будут проводить вечер воскресного дня за чтением Священного Писания и благочестивых книг, если в это время будет предлагаться трапеза, открытая и для приходских бедных, во время которой священник мог бы вести духовные беседы. Так, надеялся А.А. Папков, воскресли бы древнехристианские агапы¹⁶⁵⁴.

Автор «Бесед» посвятил одну из них теме возрождения «домашней или семейной церкви» в недрах православного прихода. Он приводил свидетельства из апостольских посланий о их существовании в первые века христианской эры и задавался вопросом, не в утрате ли «понятия о домашней церкви следует искать причину нынешнего развала семейных начал?» Публицист призывал дома мирян снова превратить в «дома молитвы», а семьи – в «домашние церкви», восстановить в семьях православный образ жизни и церковную дисциплину¹⁶⁵⁵. Так А.А. Папков впервые связал тему возрождения

---

¹⁶⁵² *Беглов А.Л.* Практика причащения православных прихожан советской эпохи // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4(30). С. 36–43; *Папков А.А.* Беседы о православном приходе. С. 54.

¹⁶⁵³ Рискованное предложение, поскольку пост в субботу запрещен каноническими правилами (64 Апостольское правило), о чем, видимо, А.А. Папков осведомлен не был.

¹⁶⁵⁴ *Папков А.А.* Беседы о православном приходе. С. 10.

¹⁶⁵⁵ Там же. С. 12–15.

христианской семьи с темой возрождения православного прихода. Эта мысль была столь же уникальна, что и предложение о еженедельном причащении.

Начать деятельность прихода, автор «Бесед», предлагал, прежде всего, с того, чтобы отложить «пустые опасения» возможного неудовольствия властей разного уровня, и если храм уже украшен, позаботиться о причте и его домах, если это сделано, о слабых и бедных прихода, детях, одиноких стариках. Главное, сосредоточиться на помощи конкретным людям, которые в этом действительно нуждаются. В соответствующей «Беседе» А.А. Папков делал экскурс в историю приходской благотворительности допетровской Руси, которую сам идеализированно изложил в своих ранних трудах¹⁶⁵⁶. Он был уверен, что такая деятельность доступна и сельским и городским приходам. И сближение духовенства с интеллигенцией произойдет на приходской почве полезного дела, а не догматических рассуждений¹⁶⁵⁷. В развитие начатой деятельности, далее развивал свою мысль автор, можно было бы приступить к составлению «общего списка» прихожан и к созданию приходского совета. Если приходский кружок – ядро прихода уже сложился, его члены могут быть естественными кандидатами на членство и в приходском совете. В этот орган, писал А.А. Папков, обязательно должны войти и духовенство, и прихожане; священник – его обязательный председатель. При этом автор говорил о совете как об «исполнительном органе» приходского собрания. Он подчеркивал, что в его составе могут быть и женщины. Необходимо, чтобы между советом и общиной была живая и тесная связь, чтобы совет не ощущал себя отдельным от прихода «присутственным местом» и завоевал нравственный авторитет среди прихожан. Поэтому исключительно важно, напоминал публицист, правильно выбрать первый состав приходского совета, чтобы в него вошли действительно достойные и могущие быть полезными для прихода люди. Священнику нужно объяснить прихожанам ответственность первого шага, объяснить значение христианского «общения», провести

---

¹⁶⁵⁶ Там же. С. 16–21.

¹⁶⁵⁷ Там же. С. 11.

с ними несколько бесед, приводя примеры из житий и писаний святых отцов¹⁶⁵⁸.

В «Беседах» А.А. Папков выступал за вариативность в устройстве органов приходского управления, что было новым подходом по сравнению с прежними его проектами. Он полагал, что приходы сами могут определить состав приходского совета, оптимальное количество его членов, срок их полномочий, а также решить вопрос о наличии или отсутствии вознаграждения его членов. Публицист допускал, что в состав совета могут входить и депутаты от отдельных деревень или их групп. Подобным образом, как мы помним, смотрел на дело Ф.Д. Самарин. Вполне вероятно, что А.А. Папков как член Особого совещания 1907 г. был знаком с его отзывом. Строгую регламентацию на этот раз он считал неуместной. Несколько неожиданно для юриста и автора первого проекта приходского устава он писал:

Дух легче всего угашается извне навязанными общими и малопродуманными правилами и предписаниями, хотя бы и изданными с благими намерениями¹⁶⁵⁹.

Наш автор пытался совместить «органический» подход к преобразованию прихода, предполагавший вычленение «приходского ядра», с введением институтов, предусмотренных различными проектами приходского устава. Единственное на чем он настаивал в вопросе об организации приходских собраний и совета так это на том, что заместителем священника-председателя в обоих этих органах может быть только избранный ими же мирянин-прихожанин, а не сторонний священник или благочинный. Приход должен восстанавливаться «*собственными силами*» и священник со стороны, незнакомый с ходом приходской жизни, не будет полезным для дела, считал публицист¹⁶⁶⁰. Такой подход был закреплен, как мы помним, в проекте Предсоборного присутствия. Автор «Бесед» полагал, подобно тому, как проектировал в своем отзыве Ф.Д. Самарин, что дела приходского совета в идеале

---

¹⁶⁵⁸ Там же. С. 21–25.

¹⁶⁵⁹ Там же. С. 28.

¹⁶⁶⁰ Там же. С. 26–28.

должны решаться консенсусом. Во избежание бюрократизации приходского делопроизводства он считал возможным сосредоточить его в трех книгах: в Главной приходской книге, которая должны была представлять собой точный список всех прихожан, в книге протоколов приходских собрания и совета и в приходно-расходной книге приходского имущества. А.А. Папков пересмотрел и свой взгляд на вопрос о праве прихода на самообложение. Теперь он считал (солидаризуясь с тем, как смотрел на это Н.А. Заозерский), что принудительное самообложение малоприменимо и пожертвования прихожан могут быть только добровольными, а считаться обязательным могут только те, что единогласно одобрены приходским собранием. Только систематически уклоняющиеся от любых пожертвований, писал наш автор, могут быть подвергнуты братскому суду общины и исключены из собраний с правом обжалования этого решения¹⁶⁶¹.

Несколько «Бесед» наш автор посвятил обсуждению возможных направлений деятельности обновленного прихода. Говоря о христианском просвещении детей, он подчеркивал важность того, чтобы в церковно-приходской школе в течение 3–4 лет учились дети всех сословий, что способствовало бы преодолению психологической дистанции между ними. Публицист призывал дворян стать попечителями приходских школ в местностях, где расположены их имения; рассказывал о молодежных братствах юго-западной Руси как примере организации молодежи вокруг школы и храма; пропагандировал обучение ремеслам в церковно-приходских школах¹⁶⁶². В области просвещения взрослых он считал необходимым организацию катехизаторских курсов для мужчин и женщин по образцу огласительных бесед в древней Церкви, а также воскресных школ для взрослых в городских приходах. Он напоминал о важности создания приходских библиотек и читален, где могли бы собираться кружки для чтения Священного Писания. При этом внутренняя приходская миссия, защита «от соблазнов иноверия» и сектант-

---

¹⁶⁶¹ Там же. С. 45–48.

¹⁶⁶² Там же. С. 29–34.

ства, по его мнению, прежде всего должна была бы заключаться не в «словопрениях», а в том примере, который собственной жизнью подавали бы члены прихода¹⁶⁶³.

В области приходской благотворительности А.А. Папков считал необходимым восстановить в полной силе древне-церковное правило: «церковное богатство – нищих богатство». Среди возможных адресатов персональной помощи прихода он называл детей из бедных семей, которых следовало защитить от пороков, вызванных нищетой, работающие женщины с маленькими детьми, вдовы, старики, больные. Приходы, по его мнению, могли бы поставить перед собой задачу уничтожить нищенство в России. Для более эффективной борьбы с бедностью, по мнению публициста, приход следовало разделить на участки и закрепить за каждым из них мужчин-попечителей и женщин-попечительниц о бедных. Причем таким женщинам-попечительницам можно было бы присвоить звание диаконисс. Такие попечители, писал автор «Бесед», были бы лучшими посредниками между жертвователем и получателем приходской помощи. Кроме того, приходам было бы по силам, особенно на селе организовать защиту от пожаров и медицинскую помощь. А.А. Папков писал, что в доме священника могла бы находиться небольшая аптечка для пользования в приходе тех, кому она срочно потребуется, а среди прихожан могли бы найтись доктора, фельдшеры, акушеры, которые согласились бы оказывать помощь в приходе. Автор высказывал свое твердое убеждение в том, что осуществление христианской благотворительности будет успешно только на приходской почве¹⁶⁶⁴. Помимо этого А.А. Папков считал возможным расширить сферу деятельности приходского совета и восстановить традицию «братского суда» в форме третейского суда, разрешающего мелкие спорные дела; включить в сферу ответственности совета заботу о православных кладбищах, а также – о создании в приходе кредитных товариществ и потребительских обществ¹⁶⁶⁵. Последнее предло-

---

¹⁶⁶³ Там же. С. 34–37.

¹⁶⁶⁴ Там же. С. 37–44.

¹⁶⁶⁵ Там же. С. 49–52.

жение напоминало проекты развития экономической жизни в приходе С.Ф. Шарапова и А.Г. Щербатова.

Нужно отметить, что в этой своей работе (в отличие от предшествующих) А.А. Папков обошел некоторые ключевые для дискуссий о приходе темы. Так, в «Беседах» он не стал входить в обсуждение вопроса о том, кому принадлежит храмовое и приходское имущество и кто ими должен распоряжаться. Также он не стал рассматривать вопрос об отношениях прихода с епархиальной властью, хотя, как мы видели, его консультант¹⁶⁶⁶ Н.А. Заозерский подробно останавливался на этом вопросе в своей статье. Похоже, что А.А. Папкова в этот раз интересовало не столько *устройство* прихода, органов его управления и их отношений с вышестоящими институтами, сколько *действие*, направленное на возрождение приходской жизни. При этом его идеал оставался прежним – древнерусский самоуправляющийся приход, который мог бы получить новую жизнь в современной для автора России.

На этом пути публицист обнаружил редкую и важную способность – изменять свою позицию по каким-то вопросам, слышать критику оппонентов и брать ценное из других проектов. Уже центральная идея его «Бесед» о необходимости формирования «живого ядра» прихода была новой для выступлений А.А. Папкова. Наряду с этим он демонстрировал новое отношение к уставным, правовым нормам: он уже не так дорожил ими и допускал вариативность устройства приходских институтов, за что выступали Ф.Д. Самарин и Л.А. Тихомиров. Даже призыв воссоздать «церковный облик» прихода, что достигается лишь усилиями самих прихожан, в чем-то перекликался с мыслью непримиримого оппонента нашего автора – И.С. Бердникова. Последний в книге «Что нужно для обновления православного русского прихода?»¹⁶⁶⁷ писал, что приходу нужна, прежде всего, активизация христианской жизни и деятельности духовенства, и лишь после этого – небольшое расширение прав

---

¹⁶⁶⁶ О сотрудничестве А.А. Папкова с Н.А. Заозерским при подготовке своего проекта приходской реформы писал в 1913 г. Н.Н. Дурново: *Дурново Н.* Приходский вопрос и церковные братства // Санкт-Петербургские ведомости. 21 августа 1913 г.

¹⁶⁶⁷ *Бердников И.С.* Что нужно для обновления православного русского прихода? СПб., 1907.

прихожан. Относительно расширения прав А.А. Папков, конечно, считал иначе, но мысль о необходимости активизации приходской жизни, очевидно, нашел справедливой. Отметим еще одну новую черту публицистики А.А. Папкова, отчетливо проявившуюся на страницах «Бесед», – изменение ее адресата. В 1902–1905 гг. А.А. Папков рассчитывал, что двигателем приходской реформы станет верховная власть, к которой он и обращал свой тогдашний план преобразований. Теперь же он не связывал их судьбу только с инициативой «сверху». В его «Беседах» можно даже угадать определенное разочарование тем, какое направление приняла подготовка реформы, сосредоточившись в сменяющихся друг друга совещаниях и комиссиях¹⁶⁶⁸.

«Беседы» о приходе были последним крупным трудом А.А. Папкова по приходскому вопросу. Судя по его переписке времен Первой мировой войны, в это время он уже не испытывал былого интереса к приходской реформе и был увлечен другими проектами, в частности, созданием Русского историко-археологического института в Стокгольме и публикацией дипломатической переписки шведского посланника при русском дворе в 1790–1811 гг. графа К. Стедингга¹⁶⁶⁹. В 1917 г. он снова вернулся к приходскому вопросу, работал в Предсоборном совете, участвовал во Всероссийском съезде духовенства и мирян, где руководил комиссией по вопросу о приходе, на Поместном Соборе 1917–1918 гг. работал в отделе о благоустройении прихода. Но в конце 1917 г. он навсегда покинул Москву, так и не дождавшись окончания работы Собора над уставом православного прихода и не увидев воочию завершения того дела, которому отдал многие годы и силы. Вскоре после этого он покинул Россию и умер в эмиграции.

§ 7. Законопроекты Государственной думы о православном приходе

Мы видели, что вопрос о прохождении законопроекта оберпрокуратуры через законодательные учреждения, прежде всего – через Госу-

---

¹⁶⁶⁸ Ср.: Папков А.А. Беседы о православном приходе. С. 7.

¹⁶⁶⁹ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 86. Лл. 1–3, 7–8 об., 30–30 об., 38–39 об., 61–62 об., 75–82 об., 111–113 об., 117–118; РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 451. Лл. 1–2 об., 12–13 об., 17–18 об., 30, 37–38 об.

дарственную думу стал одним из камней преткновения при выработке проекта положения о приходе. Между тем депутаты, среди которых были и православные священники, и сами считали необходимым и возможным разрешить приходскую проблему даже до созыва поместного Собора¹⁶⁷⁰. Поэтому в период между 1908 и 1914 гг., то есть временем окончания работ Особого совещания о православном приходе и моментом внесения в законодательные учреждения проекта Устава о православном приходе В.К. Саблера, различные группы депутатов Государственной думы внесли семь законодательных предложений, которые прямо или косвенно были направлены на разрешение приходского вопроса.

Два законопроекта были сформулированы депутатами в 1910 г., один в 1911 г. и еще четыре в 1913 г. Все эти законопроекты, в отличие от предположений относительно судьбы церковно-приходских школ или административного выделения Холмщины¹⁶⁷¹, не рассматривались в общем собрании Государственной думы по существу. Большинство из них получили отрицательные отзывы в Совете министров. Несмотря на это они заслуживают пристального внимания, поскольку их авторы предлагали порой нестандартные решения приходского вопроса, а главное – стремились рассматривать приходскую проблему в связи с другими животрепещущими вопросами: проблемами материального обеспечения духовенства, размеров приходов, финансирования духовного ведомства. Причем интерес депутатов к названным проблемам проявился еще в 1908 г. Тогда при рассмотрении первого законопроекта о кредите на содержание городского и сельского духовенства, внесенного духовным ведомством в законодательные учреждения, Дума высказала пожелание, чтобы ведомство выработало для внесения в законодательном порядке план обеспечения духовенства ежегодным содержанием, поскольку существующие способы содержания признавались депутатами «ума-

---

¹⁶⁷⁰ Об отношениях Государственной думы к церковным вопросам см.: *Рожков Владимир, прот.* Церковные вопросы в Государственной думе; *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 343–390.

¹⁶⁷¹ *Рожков Владимир, прот.* Церковные вопросы в Государственной думе; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни.

ляющими пастырское влияние» духовенства. Год спустя, в объяснительной записке к смете Синода на 1910 г. ведомство заявило, что встречает пожелание Думы «с полным сочувствием», но «непреодолимые пока трудности бюджетного свойства» лишают его возможности осуществить это пожелание в ближайшее время и продолжало вносить в Думу проекты новых кредитов¹⁶⁷².

Законопроекты о православном приходе в III Государственной думе
Проекты о наделении прихода правом юридического лица и снятии ограничений на приобретение недвижимости 1910 г.

30 марта 1910 г. группа из 31-го депутата внесла законодательное предположение «Об изменении порядка укрепления за православною церковью недвижимого имущества»¹⁶⁷³. Среди подписавших его депутатов были председатель думской Комиссии по делам Православной Церкви В.Н. Львов, епископы Холмский Евлогий (Георгиевский) и Гомельский Митрофан (Краснопольский) и десять священников. Их предложение предполагало отмену порядка, по которому недвижимое имущество могло приобретаться приходскими церквями только «по исходатайствованию на то каждый раз чрез Святейший Синод Высочайшего соизволения». Соответственно подлежали отмене или изменению ряд статей Законов гражданских и Законов о состоянии. Мы помним, что подобные предложения делались А.А. Папковым еще в 1902 г.¹⁶⁷⁴

Через два месяца 2 июня 1910 г. последовал новый законопроект на этот раз уже 147-ми депутатов, среди которых были А.И. Гучков, В.Н. Львов, М.И. Родзянко, П.Н. Милюков, епископ Евлогий и 11 священников. Это была самая многочисленная группа депутатов из присоединявших свой голос к законопроектам о приходе за эти семь лет. Их проект предполагал изменение редакции 413-й и 698-й статей X тома Свода Законов, в которых перечисля-

---

¹⁶⁷² РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2434. Лл. 5–6.

¹⁶⁷³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2381. Лл. 18–18 об.

¹⁶⁷⁴ [Папков А.А.] Докладная записка... См.: Глава 2 § 11.

лись хозяйственные субъекты, обладавшие правом приобретения имущества, то есть правом юридического лица. Поэтому и законопроект в думских документах позднее стал именоваться проектом «О предоставлении приходу прав юридического лица»¹⁶⁷⁵. В обеих статьях, согласно этому законодательному предположению, предлагалось, прежде всего, добавить слова «приход» и «приходские <имущества>» с тем, чтобы дополненный перечень церковных юридических лиц выглядел таким образом: «Епархиальные учреждения, монастыри и церкви и приходы всех христианских исповеданий». Тогда как ранее этот список звучал так: «Епархиальные начальства, монастыри и церкви»¹⁶⁷⁶.

Новую редакцию упомянутых статей авторы законопроекта представляли не как новшество, а только как исправление «ошибки» составителей свода законов 1832 г. То, что была допущена именно ошибка, депутаты доказывали тем, что в это время реформатские и лютеранские приходы уже были полноправными юридическими лицами, но также не были упомянуты в приведенном списке. Кроме того, было употреблено юридически неудачное выражение «епархиальные начальства» (физические лица, составляющие епархиальное управление), тогда как в действительности речь шла о «епархиальных учреждениях» (архиерейский дом и под.)¹⁶⁷⁷. Мы понимаем, что на деле это была не ошибка, а сознательное лишение прихода хозяйственных прав, попытка сосредоточить хозяйственную деятельность прихода в храме как юридическом лице, поскольку последний легче было использовать в фискальных целях правительства, чем приход.

Депутаты также обращали внимание на то, что в древности приход, будучи «основной церковно-общественной единицей», «малой церковью», уже пользовался в России «всеми правами юридического лица»; что старообрядческие приходы и сектантские общины обладают по закону от 17 октября 1906 г. правами юридических лиц, что ставит представителей других религий

---

¹⁶⁷⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2385. Лл. 1–8 об., 12–13 об.

¹⁶⁷⁶ Там же. Л. 7.

¹⁶⁷⁷ Там же. Л. 4.

и верований в привилегированное положение по сравнению с Православной Церковью; что новое положение не противоречит канонам и уже осуществлено в правилах для православных приходов Финляндии. Также законодатели указывали на противоречие в существующей позиции духовного ведомства по этому вопросу. Синод утверждает (в определении от 18 июня 1884 г. относительно инициативы московского земства), что усваивать приходу, а не храму права юридического лица неудобно с практической точки зрения, поскольку храм «более неизменная единица». Однако монастыри в действующем законодательстве являются юридическими лицами именно как общины, «религиозные союзы или корпорации», а не монастырские здания. Тем самым, сходные церковные институты оказываются в различном положении с точки зрения права. При этом 147 депутатов подчеркивали, что их предположение вовсе не предрешает канонического устройства прихода на соборных началах, которое относится к ведению церковной власти. Но они выражали уверенность, что на будущем соборе юридическими лицами «вне всякого сомнения» будут признаны церковь в смысле приходской общины, епархия, вся Российская Церковь¹⁶⁷⁸.

Проект 147-ми был передан в Комиссию Государственной думы по судебным реформам, рассмотрен ею и признан «желательным при условии одновременной выработки закона об организации прихода как юридического лица»¹⁶⁷⁹. Однако он обратил на себя пристальное и явно не доброжелательное внимание Святейшего Синода. 31 июля 1910 г. на проект поступило заключение юрисконсульта при обер-прокуроре Синода К.И. Дылевского¹⁶⁸⁰. Представитель духовного ведомства подверг критике каждое положение думского законопроекта. Он отвергал различия в юридическом статусе храма и монастыря, утверждая, что под словом «церковь» в соответствующих статьях Свода Законов имеется в виду не «неодушевленный храм», как полагали думцы, а «установление» Православной Церкви, которое представляют в

---

¹⁶⁷⁸ Там же. Лл. 2–3.

¹⁶⁷⁹ Там же. Лл. 14–15 об.

¹⁶⁸⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 60–73.

приходе – причт, в епархиальном управлении – епархиальное начальство. Тем самым имущества, принадлежащие церкви как «установлению», находятся в распоряжении ее причта. Прихожане не имеют права распоряжаться церковным имуществом и представлять церковь в суде, но не потому, – говорилось в отзыве – что приход не признан юридическим лицом, а потому, что «прихожане до сего времени не принимали участия в приобретении имущества», которое поступало от правительства или от отдельных лиц. Последнее соображение выглядело более чем странно. Получалось, «отдельные лица» как бы не считались прихожанами; совсем игнорировался тот факт, что с 1808 г. прихожане по закону не имели возможности коллективно заботиться о своей приходской церкви. Далее юрисконсульт в духе определения Синода 1884 г. утверждал, что прихожане и теперь имеют полную возможность для деятельности в приходе в рамках приходских попечительств и давать приходу самостоятельное юридическое лицо вовсе не нужно. Апелляция к опыту приходских попечительств, который еще в 1890-е гг. и обер-прокуратурой, и иерархами был признан неэффективным, в 1910 г. выглядела особенно красноречиво.

Автор отзыва категорически выступал против введения в обсуждаемые статьи Свода Законов понятия «приход». Он с нескрываемой иронией уличал Думу в непродуманности данного законопроекта. По его словам, не было ясно, кто имеется в виду под членами прихода (только прихожане или и причт), а также как различать церковное и приходское имущество. По его словам, при изменении редакции 413-й и 698-й статей так, как предлагали депутаты, приходское имущество было бы уравнено в своем статусе с церковным, а это означало бы распространение не него тех же ограничений (приобретение только с Высочайшего соизволения, ведение судебных дел по правилам о казенных управлениях и под.). Сопоставление прав православного прихода и старообрядческих и сектантских общин юрисконсульт считал некорректным, поскольку – по его словам – участие мирян в управлении последних было не

проявлением привилегированного положения их прихожан, а только отражением того факта, что в этих конфессиях нет иерархии¹⁶⁸¹.

Но этим реакция духовного ведомства не ограничилась. 2 августа 1910 г. последовало определение Синода, специально посвященное проекту 147-ми¹⁶⁸². Это был единственный думский проект о приходе, удостоившийся развернутого синодального определения. В целом оно повторяло основные тезисы юрисконсультского отзыва. Синодальные члены оправдывали отсутствие у православного прихода прав юридического лица «исторически сложившимся в византийском и русском законодательстве понятии о церкви как юридическом установлении»¹⁶⁸³ и отрицали привилегии членам старообрядческих и сектантских общин. Они говорили о свободе хозяйственной деятельности прихожан в рамках приходских попечительств, братств, благотворительных обществ и религиозно-просветительских союзов; о неопределенности понятия «приход» в проекте 147-ми и о том, что – в случае принятия проекта – на приходские имущества распространятся те же ограничения, что действуют в отношении церковных. Кроме того, Синод сообщал, что «в настоящее время» он «озабочен скорейшим направлением в установленном порядке» выработанного в «центральном управлении духовного ведомства» Положения о православном приходе¹⁶⁸⁴, в которое включены предположения о предоставлении приходам права приобретать и отчуждать имущества на общем основании. Синодальное определение не отрицало «целесообразности и пользы» наделения приходов правами приобретать имущества независимо от церковной и причтовой собственности, но проект 147-ми называло лишь

---

¹⁶⁸¹ Этот тезис выглядел странно после фактического признания государством иерархии старообрядцев-поповцев в актах 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. В первоначальном правительственном проекте положения 17 октября за старообрядцами признавалось право именования в соответствии православными иерархическими степенями. Однако этот пункт проекта был исключен по настоянию обер-прокурора П.П. Извольского. Причем это был единственный пункт, в котором правительство пошло навстречу просьбам Синода и обер-прокуратуры. Вместе с тем, старообрядческим «настоятелям» и «наставникам» были даны другие права, по сути, уравнившие их с духовенством господствующей Церкви. См.: *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 277–279; *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914). С. 24–25.

¹⁶⁸² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 491 об.–493.

¹⁶⁸³ Там же. Л. 492.

¹⁶⁸⁴ Там же. Л. 492 об.

частичной мерой в устройстве прихода, сформулированной «без всестороннего соображения с общими условиями» его жизни¹⁶⁸⁵. Поэтому думский проект предлагалось отклонить. Это свое заключение Синод просил обер-прокурора С.М. Лукьянова передать Председателю Совета министров, который и направлял проект 147-ми обер-прокурору на заключение. После такого определения судьба законопроекта была предрешена. Дело по нему в аппарате Думы было закончено летом 1912 г. в связи с окончанием полномочий Думы третьего созыва¹⁶⁸⁶. Однако думцы не собирались отказываться от разработки приходского вопроса. Они, очевидно, всерьез восприняли упрек Синода о несогласованности их проекта «с общими условиями» приходской жизни, и поэтому уже следующий проект предлагал рассматривать приходский вопрос в более широком контексте.

Проект 51-го депутата об организации православного прихода 1911

2.

Новый проект был сформулирован еще до окончания работы III Думы 23 ноября 1911 г. Он назывался «Об организации православного прихода и об изменении в порядке содержания православного духовенства», и был подписан 51-м депутатом¹⁶⁸⁷. Среди подписавших не было епископов, но присутствовали семеро священников¹⁶⁸⁸. Один из них, вероятно, отец Иоанн Титов, вторым поставивший свою подпись под проектом, был автором (или соавтором) законодательного предположения¹⁶⁸⁹. Это был, пожалуй, наиболее глубоко продуманный и тщательно проработанный проект из всех думских предположений о приходе. При его подготовке депутаты пользовались об-

---

¹⁶⁸⁵ Там же. Л. 493.

¹⁶⁸⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2385. Л. 17.

¹⁶⁸⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2434. Лл. 1–37 (черновик); 86–101 (печатный экземпляр).

¹⁶⁸⁸ Первоначально подписей под проектом стояло 45, а священников среди поддерживавших проект депутатов было 13.

¹⁶⁸⁹ В черновом варианте проекта его автор называет священника из Волынской епархии, написавшего письмо в Государственную думу, своим «собратом». Это обнаруживает в нем носителя священного сана. См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2434. Лл. 16. Именно И.В. Титов (в 1912 г. снявший с себя сан) первым поставил свою подпись под обновленной версией законопроекта, внесенной в Думу весной 1913 г. (см. ниже).

ширной статистикой, учитывали зарубежный опыт. Авторы обращали внимание на актуальность приходского вопроса. Они писали о том, что сетования на «неустроенность православного прихода» раздавались в самых разных контекстах. Они звучали в Думе при обсуждении школьного вопроса и при обсуждении кредитов на духовенство; «в сферах» в связи с законом о старообрядческих общинах выражали обеспокоенность тем, что Православная Церковь оказывается «преуменьшенною в своих правах и достоинстве». На это же указывали иерархи в Комитете министров. На необходимость организации приходской жизни указывалось «с высоты Трона». Кроме того, только преобразованный приход может успешно выполнить новые задачи. Так, «с ожидаемым введением мелкой земской единицы приходам предстоит, быть может, ответственная задача – взять на себя <общественное> призрение»¹⁶⁹⁰. А борьба с пьянством и другими пороками народной жизни будет более успешна, когда будет вестись «соборне», а не священником в одиночку¹⁶⁹¹. Депутаты указывали на то, что организация приходов старообрядцев, сектантов и православного населения Финляндии уже осуществилась. Они напоминали, что существовало и множество проектов положения о православном приходе, один из которых был внесен в Совет министров (скорее всего, имелся в виду проект С.М. Лукьянова), «но в последнее время взят обратно».

Авторы проекта указывали на два вопроса, которые, по их мнению, требовали незамедлительного решения в контексте приходской проблемы. Первый вопрос – о праве прихода приобретать имущество. Второй – об урегулировании содержания духовенства. Необходимость решения первого из них, в силу «общего убеждения» в необходимости реорганизации прихода не требовала, по мнению депутатов, детальной мотивировки. На обосновании своего взгляда на путь решения второго вопроса они остановились подробно.

Напомнив о том, что плата за требы является источником постоянных конфликтов между духовенством и прихожанами, а также сделав краткий

---

¹⁶⁹⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2434. Л. 2.

¹⁶⁹¹ Там же. Лл. 1–2.

экскурс в историю обеспечения причтов казенным содержанием, авторы проекта показывали, что простым увеличением ассигнований из казны в том объеме, в каком они выделялись в последние годы решить этот вопрос невозможно. По расчетам обер-прокуратуры, показанным в пояснительной записке к смете Святейшего Синода 1910 г., минимальным пособием от казны *все* православные причты империи могли быть обеспечены к 1918 г. На деле же, отмечали депутаты, эти расчеты не учитывали увеличения числа приходов и соответственно причтов. В действительности число причтов, получающих содержание от казны в ряде епархий не увеличивалось, а наоборот сокращалось: в Симбирской, например, – на 12 по сравнению с 1909 г., в Смоленской – на 14, в Тульской – на 17, в Томской – на 22, в Тамбовской – на 28, в Самарской – на 70, а в Грузинском экзархате – на 112¹⁶⁹². И это при том, что «нужда в новых приходах удовлетворялась весьма слабо». Еще в 1905 г. епархиальным преосвященным было указано не возбуждать новых ходатайств об открытии приходов «до более благоприятного времени». Но просьбы об открытии новых приходов продолжали идти в Синод, хотя он и удовлетворял только малую часть из них, исходя именно из ограниченности казенных ассигнований на содержание причтов. В 1893–1901 гг. Синод давал разрешения на открытие примерно 84 приходов в год. В 1909 г. в Синод поступило 312 ходатайств, но удовлетворено было только 145; в 1910 г. имелось 279 ходатайств. В действительности, писали депутаты, приходов открывалось значительно больше. Всем было «хорошо известно», как епархиальные власти обходят запрет Синода. Они открывали приходы «на местные средства», чтобы не затормозить дела, а потом вносили причты этих приходов в список наиболее нуждающихся, то есть получающих казенное пособие в первую очередь. Таким образом, вопреки синодальному запрету число православных приходов продолжало расти, что конечно, соответствовало религиозным потребностям православных верующих, но срок обеспечения *всех* причтов казенным содержанием отодвигался все дальше и дальше. По расче-

---

¹⁶⁹² Там же. Л. 7. Ср.: Там же. Лл. 11–12.

там депутатов, при существовавших в тот момент темпах выделения казенных средств это могло произойти через 128 лет, «то есть никогда»¹⁶⁹³.

Кроме того, рассуждали авторы проекта, обеспечить только православное духовенство жалованием из казны, наполняющейся платежами налогоплательщиков всех вероисповеданий, было бы несправедливо. Этот шаг вызвал бы протесты, озлобление, новые нападки на Церковь и духовенство. Если же иметь в виду обеспечение казенным содержанием служителей всех религий, законно существующих в империи, это было бы еще тяжелее для государственных финансов и породило бы массу технических трудностей. Тем самым, резюмировали депутаты, государство не может удовлетворить православное духовенство по соображениям политическим (чтобы не возбуждать антицерковную пропаганду), а духовенство всех религий – по соображениям техническим и финансовым. Вывод из этого положения они делали один: обязанность материального обеспечения духовенства «переходит на приходы»:

Если бы сами приходские организации, принимая деятельное участие в приходской жизни, удовлетворяли бы все свои нужды совместно с клиром по принципу взаимопомощи за свой счет, то тогда юридическое отделение церкви от государства не было бы так чувствительно¹⁶⁹⁴.

При этом авторы проекта не призывали совсем отказываться от помощи государства, но призывали стремиться к тому, чтобы меньше от нее зависеть.

Депутаты отмечали, что и теперь некоторые приходы пытались заменить натуральные повинности денежными выплатами. Однако эти попытки не были успешными. И главной причиной этого, по мнению депутатов, была необходимость при назначении этих выплат прибегать к помощи сельского схода. Сход не всегда шел навстречу таким предложениям. Но даже когда такое постановление и удавалось провести, оно, как писали депутаты, было «либо несправедливо» (когда привлекало к сбору не принадлежащих к Церк-

---

¹⁶⁹³ Там же. Лл. 8–9.

¹⁶⁹⁴ Там же. Л. 14.

ви: старообрядцев, сектантов и под.), «либо неравномерно» (когда от обложения ускользали инословные жители прихода). А часто оно было и не эффективно, поскольку не носило принудительного характера и произвольно уменьшалось, а то и отменялось. Тогда причт оказывался в худшем, чем прежде, положении. Поэтому – настаивали авторы проекта – «преобразование прихода, наделение его правами юридического лица и правом самообложения есть *prima conditio sine qua non* улучшения материального положения духовенства»¹⁶⁹⁵. Причем, по их мысли, обязанность обеспечивать духовенство содержанием должно быть возложено на приход в законодательном порядке.

Поставившие свои подписи под проектом настаивали также, чтобы в законе были точно оговорены и суммы вознаграждения духовенства, но в сборе этих средств – предоставлена свобода приходу. Одновременно предполагалось признать бесплатными отправление общественного богослужения и таких треб, «исполнение которых не зависит от воли прихожан» (крещение, брак, исповедь, причащение, напутствие, погребение), а также – предоставление священником выписки из метрических книг. Вместе с тем должны были быть отменены и все натуральные сборы; уклонение от этих правил должно было наказываться по закону¹⁶⁹⁶.

Коль скоро суммы для выплат духовенству должны были равномерно ложиться на всех прихожан, вставал вопрос о размере прихода. Депутаты понимали, что в этом вопросе мог возникнуть антагонизм между прихожанами и духовенством: первые стремились бы к увеличению прихода, чтобы уменьшить раскладку, второе – к сокращению его, чтобы сократить объем своих обязанностей при определенном объеме содержания. Чтобы избежать этого антагонизма, авторы проекта предлагали и размеры приходов определить законодательно в 2000–3000 прихожан. В редконаселенных областях это число могло быть меньше, но тогда следовало закрепить максимально воз-

---

¹⁶⁹⁵ Там же. Л. 15.

¹⁶⁹⁶ Там же. Лл. 19, 21.

можную площадь прихода – в 200 квадратных верст. Унификация размеров приходов и доходов духовенства, по мысли законодателей, упразднила бы основания для переходов священников из одного прихода в другой, которые мотивировались чаще всего экономическими соображениями. Размер содержания клириков проект предлагал установить в 900 рублей в год для священника с низшим образованием, в 1200 рублей – со средним семинарским образованием и в 1500 рублей – с высшим образованием. Градация жалования по образовательному цензу, по мысли депутатов, должна была привлечь в клир людей с более высоким образованием¹⁶⁹⁷.

При этом авторы проекта предлагали облегчить приходам бремя обеспечения духовенства и учесть ту плату, которую клирики уже получают от необязательных треб, процентов с капиталов и оброчных статей, определенных на содержание священнослужителей. То есть приход должен был бы выплачивать только разницу между суммой этих доходов и установленным законом окладом. Вместе с тем, чтобы не вызвать у причтов нежелание исполнять необязательные требы предлагалось принимать в зачет жалования только 2/3 дохода от необязательных треб¹⁶⁹⁸. Но депутаты допускали, что даже и в этом случае для многих бедных приходов бремя обеспечения духовенства установленным содержанием будет непосильно. Лучшим выходом из ситуации было бы поднятие уровня хозяйства и облегчение податного бремени неимущих классов. До осуществления этого единственным возможным решением виделась помощь государственного казначейства. Но осуществлять эту помощь должна была не духовенству, а приходам:

Если оно <государство> своей политикой поставило население в невозможность удовлетворить самому эту потребность <религиозную>, государство должно взять это на себя, до тех, однако, пор, пока население само не справится со своей нуждой. Дотации с этой точки зрения должны выдаваться не духовенству, ибо последнее не должно состоять на службе государству, быть чиновником, а тем религиозным общинам, которые временно пока не могут обойтись без этих пособий, а,

---

¹⁶⁹⁷ Там же. Лл. 21–24.

¹⁶⁹⁸ Там же. Лл. 26–27.

следовательно, и размер этих дотаций должен определяться в каждом отдельном случае для каждой общины. Принимая все это во внимание, мы не можем не признать необходимости в серьезной помощи приходам со стороны государства для обеспечения приходского духовенства¹⁶⁹⁹.

Это предложение было одной из главных отличительных черт проекта 51-го. Его авторы обращали внимание, что аналогичная система субсидий приходам действовала в Австрии, Италии и Испании. Они предполагали, что платежеспособность каждого конкретного прихода должна была бы определяться особым органом – «раскладочным присутствием», в которое бы входили податной инспектор (представитель министерства финансов), представитель земства или города, не менее трех представителей духовенства и представители приходов (не менее одного от 10 приходов). Каждый приход должен был бы доказать в этом присутствии свое право на пособие от государства. Спорные случаи передавались бы на рассмотрение в губернское раскладочное присутствие; оно и принимало бы по ним окончательное решение. Положительное решение действовало бы пять лет¹⁷⁰⁰.

Для того чтобы отделить богослужение от акта оплаты его, депутаты предлагали объединить церковные, причтовые и приходские средства в одной приходской кассе, откуда члены причта и получали бы содержание. Авторы проекта считали, что «противопоставление причта приходу, средств первого средствам второго в корне неправильно, ибо источником и того и другого являются дары от усердия верующих»¹⁷⁰¹. Поэтому даже если духовное ведомство считает невозможным слить церковные и причтовые капиталы, их следует хотя бы объединить в одной кассе, хотя бы и под разными статьями и с отдельными счетами. Депутаты сделали и примерный расчет затрат, которые потребовались бы от государственного казначейства в случае принятия проекта. По их подсчетам, расход казны в этом случае был бы по-

---

¹⁶⁹⁹ Там же. Л. 28.

¹⁷⁰⁰ Там же. Лл. 28–29.

¹⁷⁰¹ Там же. Л. 30.

чти равен существующим, то есть расход практически не увеличился бы, но была бы удовлетворена общепризнанная нужда¹⁷⁰².

Положительные последствия в случае реализации проекта, по мнению авторов, носили бы разносторонний характер. Церковь не подвергалась бы большей зависимости от государства; упреки в адрес духовенства потеряли бы под собой почву; «справедливость ведет за собой спокойствие и независимость причта». «Одним из преимуществ определенного содержания является именно заранее фиксированная сумма, получаемая периодически, на которую можно надеяться»¹⁷⁰³. При этом доходы причта теперь не могли бы уже составлять профессиональную тайну, а должны были быть известны и приходу, и фиску, регистрироваться и подлежать проверке. С другой стороны и приход освобождался бы от неожиданных расходов, «наездов» духовенства со сборами; устранялось бы препятствие к восстановлению выборного начала, так как более не было бы материальных соображений выбирать не лучшего, а дешевого. Причт не только прикреплялся бы к приходу, но становился ближе к прихожанам, ведь их интересы сближались бы: благосостояние клира зависело бы от благосостояния прихода. А если так, то причты уже не черпали бы «щедрой рукой» «из церковных сумм на роскошные дортуары, на огромные здания» духовных семинарий, где учатся их сыновья, «не стесняясь ни ропотом прихожан, ни “забастовкой старост”, не обращая внимания на отсталость приходской жизни»¹⁷⁰⁴, и должны были бы заинтересовать приходы в этих расходах. Это было бы очень важно в контексте намечающегося преобразования духовных учебных заведений во все сословные пастырские школы, в пользу которого все настойчивее раздавались голоса и в обществе, и в Государственной думе. Исчезло бы основание для существования церковных и приходских сумм, хотя специальные капиталы и могли бы остаться неразделенными. Одновременно проект предъявлял определенные требова-

---

¹⁷⁰² Там же. Лл. 30–32.

¹⁷⁰³ Там же. Л. 29.

¹⁷⁰⁴ Там же. Л. 34.

ния и к государству: оно чтобы уменьшить суммы субсидий или не давать их вовсе, должно было позаботиться о благосостоянии общины¹⁷⁰⁵.

Содержание проекта суммировалось его авторами в десяти основных положениях.

1. Православный приход имеет своей задачей удовлетворение религиозных, просветительских, материальных нужд своих членов.

2. Численность каждого прихода определяется в 2000–3000 душ обоего пола.

3. Органом прихода является общее собрание всех членов и избираемый последним приходский совет с участием причта.

4. Приход имеет право юридического лица и самообложения.

5. Причтовые, приходские и церковные доходы состоят в общей приходской кассе.

6. Совершение общественного богослужения согласно уставу, исполнение обязательных треб и выдача метрических выписей, предбрачных свидетельств, удостоверений о бытии у исповеди производится бесплатно, прочие требы – по установленному в законном порядке вознаграждению. (Выражение «в законном порядке», видимо, предполагало издание особого акта, в котором были бы зафиксированы цены на эти требы.)

7. Приходские причты получают содержание и квартиры от приходов. Оклад определяется в размере (в случае отсутствия градации по образовательному цензу): священнику – в 1200 рублей в год, диакону в соборных церквях – в 800 рублей, псаломщику – в 400 рублей.

8. Взносы прихода в пользу духовенства уменьшаются на половину суммы доходов причта, получаемых от необязательных треб, арендных статей и процентов с капиталов.

9. Из государственного казначейства отпускается пособие нуждающимся православным приходам, которые не могут удовлетворить свой причт

---

¹⁷⁰⁵ Там же. Лл. 33–34.

нормальным содержанием – впредь до изменения их экономического положения.

10. Определение казенного пособия принадлежит раскладочному комитету из представителей министерства финансов, духовенства и приходов и устанавливается на каждые пять лет. По разрешении разногласий в центральных учреждениях общая по Империи сумма на содержание духовенства вносится в смету Святейшего Синода¹⁷⁰⁶.

7 и 8 декабря 1911 г. проект поступил к председателю Совета министров, а также – обер-прокурору Святейшего Синода¹⁷⁰⁷. Но еще до этого во круг проекта разгорелась борьба, результатом которой стало снятие подписей из-под проекта 15-ю депутатами, первоначально поддерживавшими его. Среди них было шестеро священников. Одновременно поставили свои подписи под проектом 23 депутата, но среди вновь подписавшихся представителей духовенства уже не было¹⁷⁰⁸. Так число представителей думского духовенства, присоединявших свой голос к проекту, уменьшилось почти в половину (с 13-ти до 7-ми). По всей вероятности отказаться от поддержки законопроекта «Об организации православного прихода и об изменении в порядке содержания православного духовенства» священнослужителей заставило давление со стороны духовного ведомства.

Еще через неделю стала ясна реакция на законопроект и самого Святейшего Синода. 15 декабря 1911 г. последовало его определение «По возникшему в Государственной думе законодательному предположению об устройстве православного прихода». В нем говорилось, что Синод, «известясь» об инициативе «некоторых членов Государственной думы», требует, чтобы представитель духовного ведомства в Комиссии по делам Православной Церкви заявил, что «по рассуждению Синода», это предположение «надлежит отвергнуть» «как незаконное, противоканоническое вмешательство в дело внутреннего управления Православной Церкви, не подлежащее

---

¹⁷⁰⁶ Там же. Лл. 35–36.

¹⁷⁰⁷ Там же. Лл. 78–79.

¹⁷⁰⁸ Там же. Лл. 80–85.

по силе ст. 109 Основных Законов и ст. 31 Учр<еждения> Гос<ударственной> Думы, ведению законодательных учреждений»¹⁷⁰⁹. Как видим, Синод уже не входил в обсуждение содержания законопроекта, как это было с предположением 147-ми, а отметал саму возможность сформулировать такое предположение со стороны Государственной думы. Обер-прокуратура при В.К. Саблере свято блюла монополию духовного ведомства на законодательную инициативу в церковных делах. Обер-прокурору было важно устранить любую альтернативу синодальному проекту Положения о православном приходе, которое он собирался представить в Совет министров весной 1912 г.

5 января 1912 г. определение Синода было исполнено. Несмотря на это, Комиссия по делам Православной Церкви, рассматривавшая законопроект 51-го 26 января, поддержала его и предложила Думе внесенное предположение «признать желательным при условии выработки законопроекта об устройстве православного прихода и установлении в тесной связи с этим обеспечения православного духовенства постоянным содержанием»¹⁷¹⁰. Однако дальнейшая судьба даже такого продуманного и корректного по отношению к церковным и каноническим нормам законопроекта после описанной реакции духовного ведомства была сомнительной.

---

¹⁷⁰⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 509. Статья 109 «Основных государственных законов Российской империи» гласила, что ведению Государственного Совета и Государственной Думы «подлежат те дела, кои указаны в учреждениях Совета и Думы». Статья 31 «Учреждения Государственной думы» перечисляла предметы ведения законодательного органа. К ним относились предметы, требующие издания, изменения, дополнения, приостановления и отмены законов и штатов, государственная роспись доходов и расходов с финансовыми сметами министерств, отчет Государственного контроля, дела об отчуждении части государственных доходов или имуществ, требующем высочайшего соизволения, дела о постройке железных дорог за счет казны, дела, вносимые на рассмотрение Думы по особым высочайшим повелениям. Аргументация духовного ведомства была уязвимой, поскольку правоведа подвергали сомнению юридическую самостоятельность Церкви внутри Российской империи, в силу этого внутренние законы Российской Церкви не могли быть отделены от государственного законодательства и, соответственно, могли быть отнесены к ведению Государственной думы. См.: *Верховский П.В., проф.* К вопросу о 65 ст. Основных законов // Новое время. 8 ноября 1913 г.

¹⁷¹⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2434. Л. 102.

Законопроекты о православном приходе в IV Государственной думе

III Государственная дума более не возвращалась к вопросу о православном приходе. Дума четвертого созыва сделала это весной 1913 г. Тогда за неполные три месяца было внесено четыре законопроекта о приходе¹⁷¹¹. Складывается впечатление, что на этот раз депутаты вступили в гонку приходских инициатив с духовным ведомством, стремясь опередить саблеровский проект Устава православного прихода. Конструктивное и вдумчивое обсуждение приходских проблем, имевшее место в III Думе, сменилось на ведомственное соревнование, оттеснявшее собственно приходскую проблему на второй план. Депутаты обосновывали свою позицию той «медленностью», с какой ведомство православного исповедания «в предшествующее время» приступало к подготовке мер, «признаваемых желательными» не только Думой, но и «церковными учреждениями, а также и предначертаниями с высоты Престола». Депутаты в своих выступлениях пеняли обер-прокуратуре на «ведомственное равнодушие и безразличие к требованиям жизни», а также указывали на то, что ведомство не сообщает «во всеобщее сведение» проекта приходского устава, и это побуждает «многие группы Государственной думы» к самостоятельной разработке приходских проектов¹⁷¹².

---

¹⁷¹¹ Также в свою первую сессию Дума IV созыва в связи с рассмотрением вопроса об отпуске из средств казначейства начиная с 1913 г. ежегодных субсидий на содержание преподавателей церковно-приходских школ, вошедших в школьные сети, высказала пожелание, чтобы духовное ведомство «произвело подробное статистическое обследование экономической жизни прихода». На это обер-прокурор отвечал, что ведомство признает это «не только желательным, но и необходимым и имеет приступить к нему в ближайшем будущем». Но выполнение этой задачи было бы «значительно облегчено», если бы Дума выделила средства на создание при канцелярии обер-прокурора статистического отделения. Соответствующее представление было внесено в законодательные учреждения в декабре 1911 г. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 83. 1 отд. 1 ст. Д. 136. Лл. 60 об.–65, 163 об.–164.

¹⁷¹² Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. Издание парламентской фракции «Союза 17 октября». СПб., 1914. С. 4–8. Отметим, что среди депутатов, выступавших с этой критикой ведомства был, например, докладчик бюджетной комиссии, член комиссии по делам Православной Церкви В.П. Шеин, в прошлом член Предсоборного присутствия, а в будущем секретарь Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. и священномученик.

Проект 133-х депутатов об обеспечении духовенства жалованием от казны

27 февраля 1913 г. за подписями 133-х депутатов в Думу было внесено законодательное предположение «О материальном обеспечении православного духовенства»¹⁷¹³. Среди подписавших был епископ Елисаветградский Анатолий (Каменский) и 33 священника-депутата. Именно они инициировали проект вместе с националистами и группой центра, а затем он был поддержан правыми¹⁷¹⁴. В преамбуле к проекту его авторы напоминали, что Государственная дума еще в 1908 г., признав существующие способы обеспечения православного духовенства «умаляющими его пастырское влияние», призвала духовное ведомство разработать закон о постоянном его содержании. Предположение настойчиво акцентировало ответственность государства за нормальное обеспечение пастырей. В связи с этим предлагалось обеспечить духовенство жалованием из казны в размере: 1200 руб. в год – священнику, 600 руб. – штатным диаконам городских соборов, 400 руб. – псаломщикам. (В первый год по принятии законопроекта планировалось выплачивать 300, 150 и 100 руб. соответственно; во второй – 600, 300 и 200 руб., в третий год – довести содержание до полной суммы.) Плата за необязательные требы, доход от земель, арендных статей и процентов с капиталов, назначенных на содержание причта, сохранялись. Обязательные требы, к которым авторы относили все таинства Православной церкви, совершаемые в храме, напутствие больных на дому и погребение, должны были совершаться бесплатно. Одновременно с постоянным содержанием должны были повыситься пенсии духовенству до 900, 450 и 300 руб. в год священнику, диакону и псаломщику соответственно. 2% от получаемого казенного содержания должны были отчисляться в пенсионный капитал. Повышение содержания, по мысли депутатов, должно было рассматриваться и как компенсация духо-

---

¹⁷¹³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 682. Лл. 2–7 об., 17–19; Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 11–12.

¹⁷¹⁴ *Надеждин П.* Обеспечение духовенства // *День*. 11 марта 1913 г.; *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 82.

венству за ведение метрикации. Авторы проекта считали, что реализация их предложения поставит «пастыря церкви в правильные отношения к приходу» и создаст условия для привлечения к «пастырскому служению людей вполне к нему подготовленных»¹⁷¹⁵. Между тем нельзя было не обратить внимание на то, что в проекте вовсе не обсуждался вопрос о том, где государственное казначейство найдет дополнительные средства для повышения окладов священнослужителям. В прессе сообщалось, что осуществление проекта потребовало бы 70 миллионов рублей ежегодных вложений. В таком виде проект носил чисто декларативный характер и, как писали газеты, был «безнадежен»¹⁷¹⁶.

На финансовую необоснованность проекта указал и управляющий министерством финансов товарищ министра С.Ф. Вебер. Он признавал поэтому проект неприемлемым, но выражал готовность от лица своего министерства участвовать в «разработке вопроса о приходе в связи с материальным обеспечением духовенства». Аналогичное мнение высказывал государственный контролер П.А. Харитонов. Он считал, что предложение 133-х может быть только «принято во внимание» при разработке соответствующего законопроекта Синодом. Последний в апреле 1913 г. назвал нормы обеспечения духовенства, предложенные 133-мя депутатами, «желательными, но неосуществимыми», однако использовал депутатскую инициативу для того, чтобы просить правительство о повышении ассигнований на содержание духовенства. Так, Синод предложил, чтобы в первую очередь было назначено содержание из казны тем причтам, которые не получают его вовсе, а затем, чтобы был повышен «средненормальный размер» этого содержания (до 600 руб. священнику, 300 руб. диакону и 200 руб. псаломщику в год). Также Синод просил, чтобы был разработан механизм привлечения приходов к содержанию духовенства взамен уплачиваемого ныне вознаграждения за совершение

---

¹⁷¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 682. Л. 4 об.

¹⁷¹⁶ *Надеждин П.* Обеспечение духовенства; К вопросу об обеспечении православного духовенства // Новое время. 23 апреля 1913 г.; *Дурново Н.* Духовно-сословные аппетиты в Государственной Думе // Санкт-Петербургские ведомости. 28 апреля 1913 г.

таинств и обязательных треб. Желательный размер приходского участия Синод определял в 300 руб. для священника, 150 руб. для диакона и 100 руб. для псаломщика. Таким образом, общий размер содержания причтов сначала должен был вырасти до 600 руб. священнику, 300 руб. диакону, 200 руб. псаломщику, а затем до 900, 450, 300 руб. соответственно. В результате обсуждения правительство отклонило предложение 133-х депутатов и поручило представителю духовного ведомства уведомить их об этом при обсуждении вопроса в Государственной думе¹⁷¹⁷.

Проект 57-ми депутатов об установлении церковного налога

Хотя бы отчасти преодолеть декларативность проекта 133-х стремились последующие предложения депутатов Государственной думы, в частности, проект 57-ми, представленный 5 апреля 1913 г.¹⁷¹⁸ Это был проект, инициированный фракцией октябристов¹⁷¹⁹. Его авторы в зависимости от источников доходов духовенства делили их на три части. Одну часть составляли поступления из средств казначейства, которое, по мысли думцев, следовало рассматривать как вознаграждение священникам за ведение метрикации. Другую часть составляли доходы от земли, находящейся в ведении причтов. Наконец, третью – «местные средства». Последние должны были складываться из поступлений от специального церковного налога, который предлагали учредить авторы проекта. По их мысли, церковный налог должен был складываться из личных взносов лиц работоспособного возраста (18–60 лет), с одной стороны, и из дополнительного обложения имущества и промыслов, с другой. То есть для плательщика налога на земельное имущество, городское имущество, для плательщика квартирного налога и промыслового сбора соответствующие платежи увеличились бы на определенную сумму (но не бо-

---

¹⁷¹⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 818. Лл. 9–9 об., 11–12 об.; РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 822. Лл. 12.

¹⁷¹⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 683. Лл. 1–18; Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 9–11.

¹⁷¹⁹ *Надеждин П.* Обеспечение духовенства; *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. С. 84–85.

лее 20% тех сборов, в дополнение к которым взималась бы церковная повинность). Максимальный предел личного обложения устанавливался на уровне одного рубля. Церковный налог должен был взыскиваться в бесспорном порядке. Кроме того, проект предусматривал повышение в два с половиной раза ежегодных субсидий на нужды приходского православного духовенства: с 600 тысяч до полутора миллионов рублей. Правда, оставалось неясным, из каких средств будет произведено такое увеличение. Наблюдатели называли это предложение «в сущности висящим в воздухе»¹⁷²⁰.

Все эти средства, по мнению авторов проекта, позволили бы выплачивать «нормальное содержание» священнику в размере 1200 руб. в год (300 руб. от казны, 600 руб. от церковного налога и 300 руб. в среднем доходе от церковной земли), 600 руб. – диакону (150 руб. от казны, 300 руб. от налога, 150 руб. от земли) и 300 руб. – псаломщику (100 руб. от казны, 200 руб. от налога). При этом проект вводил такое понятие как «полное содержание» духовенства, отличное от «нормального содержания». Полное содержание священника признавалось желательным в размере 2400 руб. в год, диакона – 1200 руб., псаломщика – 600 руб. Оплата разницы между нормальным и полным содержанием составляла, по выражению проекта, «добровольную заботу прихода». Плата за необязательные требы сохранялась, а обязательные (все таинства Православной Церкви, напутствие больных на дому, погребение и выдача метрических выписей) должны были совершаться бесплатно. Кроме того, проект предусматривал установление обязательных пенсионных сборов в размере 2% от нормального содержания, что, по мнению депутатов, позволило бы выплачивать пенсии духовенству в объеме 100% от нормального оклада за 35 лет службы и 60% нормального оклада за 25 лет службы (выплата пенсий за более короткий срок служения в проекте не оговаривалась).

---

¹⁷²⁰ *Надеждин П.* Обеспечение духовенства; [Без автора. Без названия] // Новое время. 9 марта 1913 г.; *Старообрядческий епископ Михаил.* Два проекта // Биржевые ведомости, утренний выпуск. 9 апреля 1913 г. Поначалу газеты сообщали, что премьер-министр В.Н. Коковцов дал согласие на такое увеличение, но последующая реакция возглавлявшегося им Министерства финансов ставит под сомнение справедливость этого утверждения. См.: В Таврическом дворце. Священники-депутаты у премьер-министра // Русская молва. 21 марта 1913 г.

Но самой существенной особенностью проекта 57-ми было то, что и субсидии, и установка налогообложения увязывалась законодателями с преобразованиями самого прихода: с предоставлением ему права юридического лица и с введением приходского устава, основанного на постановлении о приходских собраниях и советах для православных приходов Финляндии. При этом законодатели настаивали на соблюдении следующих «основных начал»: приход – юридическое лицо с правом самообложения, он заведует церковным имуществом и его органами являются приходское собрание и приходский совет. Помимо хозяйственных, приход имеет благотворительные и просветительные задачи; он обязан: участвовать в содержании штатных духовных лиц, содержать церковное здание и обеспечивать благолепие храма, содержать все свои благотворительные и просветительные учреждения и заведовать ими, строить и содержать жилые дома для причта. Представители приходов – как главные плательщики вероисповедного сбора – должны были входить в состав присутствия по церковному налогу, которое раз в три года должно было осуществлять поуездную или погубернскую раскладку этого сбора. Нетрудно заметить, что проект 57-ми представлял собой реализацию идей А.А. Папкова, выдвинутых еще в 1902 г. в «Докладной записке о необходимости восстановления “прихода” в качестве церковно-общественной единицы»¹⁷²¹ (см.: Глава 2 § 11). Проект и записку объединяли общие черты: усвоение приходу права юридического лица и права самообложения, распоряжение церковным имуществом, опора на Финляндское положение. Новой, по сравнению с запиской, была идея церковного налога. Между тем в этом законодательном предложении звучала и нотка шантажа. Духовному ведомству было обещано резкое увеличение субсидий, но при условии проведения приходской реформы по сценарию думцев. Конечно, для обер-прокуратуры такой поворот событий был неприемлем.

---

¹⁷²¹ [Папков А.А.] Докладная записка...

Проект 34-х депутатов о преобразовании прихода 1913 г.

Одновременно с проектом 57-ми, 5 апреля 1913 г. в Государственную думу по инициативе прогрессистов было внесено еще одно законодательное предложение, касавшееся православного прихода: подписанное 34-мя депутатами предположение «Об организации православного прихода и об изменении в порядке содержания православного духовенства»¹⁷²². Оно, по сути, реанимировало одноименный законопроект 1911 г. (проект 51-го). Его автором или одним из авторов, как и проекта 1911 г., очевидно, был И.В. Титов, к этому времени снявший с себя сан¹⁷²³. (На этот раз он первым поставил свою подпись под законопроектом.) В этой новой редакции законопроект И.В. Титова делал акцент на преобразовании прихода, а не на материальном обеспечении духовенства. В объяснительной записке подчеркивалось, что проект составлен «в духе именно тех предначертаний», которые были высказаны в ноябрьском 1905 г. указе Синода. Одновременно авторы предположения заявляли, что считают возможным «существенные черты устройства древнерусского прихода провести законодательным порядком в существующий приход и тем поднять его жизнь и значение». Поэтому и в объяснительной записке были сделаны экскурсы в историю древнерусского прихода и в историю попыток реформирования прихода в синодальный период. В этой исторической части, как и следовало ожидать, чувствовалось влияние идей А.А. Папкова¹⁷²⁴. Конечно, не все атрибуты допетровского прихода (как их видели А.А. Папков и его последователи) авторы проекта предлагали перенести в современность. Они писали, что отдают себе отчет в том, что нельзя восстановить приход как территориально-административную единицу при наличии

---

¹⁷²² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 684. Лл. 45–60; Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 8–9; *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. С. 86–89.

¹⁷²³ В 1912 г. священник Иоанн Титов обратился в Синод с ходатайством о разрешении ему поступить в университет, не снимая сана, но получил отказ. Тогда он заявил о добровольном сложении с себя сана и поступил в Петербургский университет. Сан был снят без назначения положенного в таких случаях увещания. См.: Члены Государственной Думы. (Портреты и биографии.) Четвёртый созыв. 1912–1917 гг. / Сост. *М.М. Боиович*. М., 1913. С. 234; *Рожков Владимир, прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. С. 539.

¹⁷²⁴ Ср.: *Северный*. Церковные приходы // Петербургская газета. 6 апреля 1913 г.

волости, в которую входят и не принадлежащие к православной Церкви, что нельзя восстановить приходские пиры «как утратившие всякое значение», что братский приходский суд возможен в качестве третейского суда, но вряд ли может быть подвергнут законодательной регламентации. Однако возражения против автономии прихода, против допуска мирян в дела прихода, против выборности духовенства они считали «не основательными». В частности, в противовес мнению о том, что допуск мирян в дела прихода может отдать приходскую организацию в руки неверующих и сектантствующих, депутаты указывали на то, что удаление мирян от дел прихода отдаляет их и от Церкви, вселяет равнодушие, и тем самым – подводили депутаты к выводу своих читателей, хотя и не проговаривали его, – приводит к сектантству. Относительно возражений против выборности духовенства авторы проекта подчеркивали более тесную связь с народом, которая – по их мнению – будет существовать у избранных пастырей, а также то обстоятельство, что выборность позволит священникам разделить с прихожанами ответственность за «благоустройство прихода».

В духе идей А.А. Папкова, И.В. Титов и его коллеги предлагали дать приходу широкие имущественные права: право юридического лица, право самообложения, право распоряжаться движимым и недвижимым церковным имуществом и суммами. Без этого – считали они – «восстановление прихода будет столь же бесплодным, как и существование церковно-приходских попечительств». Их не смущало возражение критиков этой меры, заключавшееся в том, что, распоряжаясь церковными суммами, приход забудет об общецерковных сборах. Депутаты замечали, что оппозиция общецерковным сборам может последовать, только если они будут «чрезмерны и слишком многочисленны». А в том, что ситуация со сборами будет исправлена, в них вселяло надежду то, что ее признает «не нормальной» и Синод. Правда, авторы проекта теперь – в отличие от редакции 1911 г. – делали существенную оговорку. Они предлагали, чтобы богослужебные принадлежности (в том числе ризы, плащаница и проч.) могли изменяться или продаваться только каждый

раз с разрешения епархиального начальства. При этом право юридического лица должно было, по их мысли, сохраняться и за храмом, и далеко не все храмовое имущество переходило бы в безраздельное ведение прихода. Тем самым в приходе – подобно тому, как предлагало решить этот вопрос Предсоборное присутствие, – были бы установлены два субъекта имущественных прав: храм и приход. Разделы проекта, касавшиеся вопросов обеспечения духовенства, дословно повторяли законодательное предположение 1911 г. Предполагалось, что обеспечивать причты будут прихожане при поддержке правительства, которое будет субсидировать приходы, не могущие обеспечить свои причты нормальным содержанием до изменения их экономического положения. Правда, и в этой части проекта присутствовала новая деталь. И.В. Титов и его возможные соавторы отказались от идеи уравнивать приходы по численности и закрепить ее на уровне 2–3 тысяч человек, очевидно осознав, насколько серьезную перестройку приходской сети это может за собой повлечь.

Итоговые «основные положения» законопроекта несколько отличались от тех же положений в редакции 1911 г. Среди задач прихода на первое место было вынесено «удовлетворение религиозно-нравственных потребностей» его членов, просвещение и благотворение (1-й пункт). Упоминание «материальных нужд» было опущено. Также был опущен пункт, фиксировавший численность прихожан преобразованного прихода в 2–3 тысячи душ обоего пола. Во втором пункте говорилось об органах управления приходом – приходских собраниях (в котором могли участвовать лица от 21 года (это было новой деталью)) и совете с участием причта. Подчеркивались имущественные права прихода – юридического лица и самообложения, но и отмечалось, что приход не может свободно распоряжаться богослужебными предметами и имуществами, имеющими специальное назначение (3–4-й пункты), тогда как в ранней редакции только констатировалось слияние причтовых, приходских и церковных доходов в общей приходской кассе. Был внесен новый пункт о выборе приходом кандидатов на священно- и церковно-

служительские должности (5-й). Затем, как и в редакции 1911 г., оговаривалось бесплатное совершение обязательных богослужений, треб и выдача метрических выписей и платный характер остальных треб (пункт 6), а также – нормальный оклад содержания причтов (1200 руб. священнику, 600 руб. диакону и 400 руб. псаломщику), который они должны были получать от приходов (7-й пункт). В следующем пункте теперь обстоятельно перечислялись источники средств, который приходы могут использовать для обеспечения духовенства. 9-й и 10-й пункты были тождественны соответствующим пунктам редакции 1911 г. В них говорилось о государственном пособии нуждающимся приходом на содержание духовенства и о комитете, который должен вести его выделением.

Проект прогрессистов в прессе оценивался высоко. Авторы статей отдавали ему предпочтение перед проектами националистов и октябристов¹⁷²⁵.

Проект 32-х депутатов – думский приходский устав

Через месяц, 8 мая 1913 г. в Государственную думу за подписями 32-х ее членов поступило еще одно законодательное предположение фракции «Союза 17 октября», называвшееся «Об образовании приходов и материальном обеспечении православного духовенства»¹⁷²⁶. Его содержание было суммировано авторами в 17-ти основных пунктах. Согласно законопроекту, приходы как юридические лица учреждались при всех православных храмах (кроме домовых) с числом прихожан не менее 300 человек. При учреждении приходов должны были быть определены их территориальные границы. Членами прихода считались все лица, проживающие на его территории и «не причисленные к какому-либо инославному или иновещескому исповеданию». Храмы с числом прихожан менее 300 человек становились приписными. Так, по законопроекту, должно было происходить везде, за исключением

---

¹⁷²⁵ *Надеждин П.* Обеспечение духовенства; *Н.В.* Приходская реформа // Петербургский листок. 12 марта 1913 г.

¹⁷²⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 685. Лл. 2–4; Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 12–14; *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. С. 85.

местностей с преобладающим иноверческим населением. Новый приход мог выделиться из состава старого только тогда, когда число прихожан подлежащего делению прихода было не менее 1200 человек. В обязанности прихожан входило содержание и обеспечение благолепия храма, содержание и заведывание всеми благотворительными и просветительными учреждениями прихода, содержание штатных духовных лиц, постройка и содержание жилых домов для причта. С момента учреждения прихода, по проекту закона, в распоряжение прихода должны были поступить все церковные земли и капиталы, а в управление его – и специальные капиталы церкви. Доходы от этих имуществ теперь должны были бы пополнять средства прихода. Кроме того, средства прихода должны были пополняться за счет самообложения, за счет средств, ассигнуемых Синодом на содержание церковно-приходских школ и иных просветительных учреждений, средств, отпускаемых приходу городами, земствами или другими ведомствами на просветительные, благотворительные или иные цели, из добровольных пожертвований, а также – из «пособия от государственного казначейства» на содержание причтов. По мысли законодателей, размер последнего пособия зависел от величины самого прихода: чем приход меньше, тем пособие должно было быть больше. Так, приходы с числом прихожан менее 500 человек должны были получать 600 руб. на штатного священника и 200 руб. на причетника; приходы численностью в 500–1200 человек – 450 руб. на священника и 150 руб. на псаломщика и приходы численностью в 1200–2400 человек – 300 руб. на священника, 100 руб. на причетника и 150 руб. на диакона. Приходам численностью более 2400 прихожан пособия из казначейства не полагалось. В местностях с преобладающим иноверческим населением или особенно редкой населенностью приходы должны были получать пособия от казны «на особых основаниях каждый раз в законодательном порядке». Взносы прихожан, назначенные в порядке самообложения, взыскивались в том же порядке, что и государственные налоги, т.е. были столь же обязательны. Они должны были уста-

навливаться на три года и раскладываться поровну между всеми членами прихода в возрасте между 18-ю и 60-ю годами.

Согласно проекту 32-х, приходы должны были управляться приходскими собраниями, в которых предстояло председательствовать настоятелю прихода или его заместителю и которые должны были собираться не реже одного раза в год. Кворум собрания проект определял в 1/10 всех правомочных членов прихода. Правомочными членами прихода, по проекту, считались и мужчины, и женщины, достигшие 25 лет, прожившие в приходе не менее года и внесшие годовое обложение. Экстренные собрания могли быть созваны настоятелем или советом прихода или группой не менее 20 прихожан, не состоящими членами совета. Постановления приходских собраний должны были представляться епископу и вступали в законную силу, если в течение трех недель со дня представления они не были епископом опротестованы. Споры между приходом и епархиальной властью должен был разрешать Синод. Приходский совет именовался проектом «исполнительным органом прихода» и его представителем по всем имущественным делам. Он должен был состоять из 16 членов и собираться под председательством церковного старосты. Члены совета должны были избираться приходским собранием на четыре года; четвертая их часть должна была ежегодно переизбираться. Староста также должен был избираться приходским собранием на 6 лет из числа прихожан мужского пола, достигших 30 лет. По избрании его кандидатуру утверждал епископ.

Содержание духовенства складывалось из средств, получаемых от прихода, платы за необязательные требы, доходов от участков церковной земли, также они должны были получать от прихода жилье. Законопроект определял минимальное содержание, которое должны были получать причты от прихода в 900 руб. для священника, 450 руб. для диакона и 300 руб. для псаломщика. Также депутаты давали приходам право каждые три года увеличивать (но не уменьшать) оклады духовных лиц до тех пор, пока они не достигнут 2400 руб. для священника, 1200 руб. для диакона и 600 руб. для псаломщика. С

получаемого содержания духовенство должно было выплачивать обязательные пенсионные взносы в размере 2%. Пенсии духовные лица могли получить после 25 лет службы в размере 2/3 от минимального оклада и после 35 лет службы в размере полного минимального оклада. При этом причты должны были бесплатно совершать обязательные требы, к которым законопроект относил все таинства Православной церкви, совершаемые в храме, напутствие больных и погребение.

Со стороны министерства финансов и государственного контролера эти проекты, как и проект 133-х, подверглись критике за недостаточную проработанность их финансового аспекта и механизма реализации. При этом оба ведомства соглашались с принципами, положенными в основу думских проектов: с идеей субсидирования приходов со стороны казны для обеспечения духовенства (государственный контроль) и с идеей церковного налога (министерство финансов)¹⁷²⁷. Иначе реагировало на них духовное ведомство. Проект 34-х обер-прокурор расценил как направленный «на подготовку отделения Церкви от государства». Он писал, что в этом проекте, а также в проекте 57-ми проводится «чуждый Православной Церкви дух протестантского воззрения на приход как на самоуправляющуюся и самодовлеющую церковную общину»¹⁷²⁸. Интересно, что «наиболее благожелательным» для Православной Церкви и для православного духовенства он считал проект 32-х, поскольку тот не предполагал введение обязательных выборов клира и не возлагал «тяготы содержания клира на приход», но все равно был неприемлем, так как предполагал предоставление приходу права распоряжаться всем церковным достоянием¹⁷²⁹.

Духовное ведомство в своих отзывах об этих проектах протестовало против того, что приход в них трактуется как «общественное учреждение», в перспективе – как мелкая земская единица. На приход, по словам отзывов,

---

¹⁷²⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 822. Лл. 123–124, 160–161, 163–163 об.

¹⁷²⁸ Там же. Лл. 123–124, 174–184; *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. С. 89–90.

¹⁷²⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 822. Лл. 177–177 об.; Саблер о реформе прихода // Новое время. 6 июня 1913 г.

следовало смотреть в первую очередь как на «церковно-юридическое учреждение, как православно-христианское религиозное установление», и поэтому в проекты о приходе следовало включать не только «чисто юридические нормы, но и постановления канонические с нравственно-назидательным (моральным) элементом». Но главное, на чем настаивала обер-прокуратура, был ее приоритет в разработке церковных законопроектов, в том числе о приходе. В.К. Саблер писал: «Как почин в деле реорганизации православных приходов, так и выработка самого положения о них должны исходить не от Правительства или законодательных учреждений, а от церковной власти». А разработка положения законодательными учреждениями свидетельствует «как бы о незаботливом отношении духовной власти об удовлетворении насущных нужд православного населения», тем самым умаляя авторитет церковной власти. Между тем последняя, настаивал обер-прокурор, за последние 50 лет «прилагала немало забот» к оживлению церковной жизни, в том числе разработав и внося в Совет министров проект положения о православном приходе¹⁷³⁰. В результате на основании отзыва духовного ведомства правительство отклонило все представленные Думой проекты.

Реакция ведомства вызвала «общее недоумение»: думские инициативы были отвергнуты, а взамен пока не было предложено ничего. Определенное недовольство высказывало и думское духовенство, выдвинувшее проект 133-х¹⁷³¹. Старообрядческий епископ Михаил (Семенов) ставил под сомнение искренность заботы духовного ведомства о каноническом устройстве Православной Церкви. Он писал, что «приход-хозяин откажется поддерживать учреждения церковного ведомства. Не в каноне, а в копейке реальный смысл обер-прокурорского разъяснения. Ведомство боится ограничения своего права налогов и монополии»¹⁷³². Другие публицисты, подчеркивая, что «Дума на этот раз сделала все, что могла», надеялись на достижение компромисса

---

¹⁷³⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 822. Лл. 180 об.–184.

¹⁷³¹ Обеспечение духовенства // Новое время. 10 июня 1913 г.; В.К. Саблер и думское духовенство // Биржевые ведомости, вечерний выпуск. 13 июня 1913 г.

¹⁷³² *Старообрядческий епископ Михаил*. Борьба за уплывающую копейку // Современное слово. 9 июня 1913 г.

между законодательной палатой и духовным ведомством. Они писали, что «если бы духовное ведомство, отрешившись от своей тактики, пошло бы навстречу думской инициативе с действительным желанием удовлетворить назревшую церковную нужду, то приходская реформа, в связи с обеспечением духовенства, пожалуй, и в самом деле осуществилась бы вопреки обычной судьбе “реформ” “обновительного” характера»¹⁷³³.

С другой стороны А.А. Папков полагал, что со стороны Думы было ошибкой сливать проекты о приходе и о материальном обеспечении духовенства «в одно целое законодательное предположение». По его мнению, проект об устройстве прихода по образцу финляндского законодательства провести было проще. Тогда как проблема материального обеспечения была такой застарелой, что ее решение требовало более тщательной разработки. Между тем и он отмечал, что отклонение Советом министров вопроса о материальном обеспечении, стоявшего на повестке дня с 1860-х гг., «ставит все это дело в безвыходное положение»¹⁷³⁴. Резко отзывался о высказываниях духовного ведомства и решении правительства А.В. Карташев, историк, общественный деятель, в будущем последний обер-прокурор Святейшего Синода. Проекты октябристов и прогрессистов он называл «безобидными, но для церкви радикальными». С его точки зрения, в реформе была заинтересована сама Церковь:

Если приход битком набит православными только по паспорту, то церкви следовало бы восстать против этой кощунственной лжи и требовать от государства отпустить всех этих рабов православия на волю, а самой собрать свое хотя и уменьшенное, но неложное стадо. Ему она безопасно могла бы верить и попечение о храме, и выбор духовенства и все прочие церковные попечения. Но власть церковная этого простого и мужественного вывода сделать не хочет, ибо ей важна не реальная, а лишь видимая церковь¹⁷³⁵.

---

¹⁷³³ *Надеждин П.* Обеспечение духовенства; *Надеждин П.* Неприемлемость // День. 12 июня 1913 г. Слово «обновительный» было в данном случае напоминанием о речи В.К. Саблера в Государственной думе, произнесенной им в марте 1912 г. Тогда он говорил, что будет рад, если дождется «обновления церковного». Ср.: *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 417.

¹⁷³⁴ *Папков А.* Обеспечение православного духовенства // Голос Москвы. 14 июня 1913 г.

¹⁷³⁵ *Карташев А.* Прихода не будет // Русское слово. 20 июня 1913 г.

Такая реформа могла быть осуществлена не тем проектом «казенного прихода», которым, по словам А.В. Карташева, «думает “отвязаться” от запросов общества ведомство, в то же время открыто заявившее себя врагом прихода». Речь должна была идти о «подлинном снятии бюрократических уз с народа в церкви и о предоставлении ему самому права распоряжаться своей религиозной жизнью лишь при водительстве иерархии». Автор также писал о необходимости поднять авторитет и достоинство священника, для чего дать ему свободу, ведь современный священник, по словам публициста, – «раб своего владыки и консистории, лишенный свободы учителя и инициативы в деятельности, а с другой стороны – единодержавный распорядитель всей религиозной жизни прихода – величина совершенно несовместимая с основами самостоятельной церковной общины и бессильная исполнять новую роль в новом строе»¹⁷³⁶. Только правые после выступления обер-прокурора горячо поддержали духовное ведомство. Они именовали думские проекты новыми проектами «расхищения власти», хотя и писали о необходимости сочувствия приходской реформе на местах¹⁷³⁷.

При этом Дума не собиралась сдаваться. Депутаты, в том числе И.В. Титов, говорили, что Государственная дума «от своих проектов не откажется и по получении из Совета министров синодского проекта тот час же дополнит его соответственно своими предположениями»¹⁷³⁸. 15 мая 1913 г. в формуле перехода к очередным делам Дума призвала ведомство православного исповедания внести в нижнюю палату «в самом непродолжительном времени и не позднее начала второй сессии», то есть 15 октября 1913 г. проекты об устройении православного прихода и о повышении ежегодного кредита на содержание духовенства. Разрешение приходского вопроса по-прежнему увязывалось с увеличением отпуска средств на эту статью. Кроме того, Дума по-

---

¹⁷³⁶ *Карташев А.* Выход из беды // Русское слово. 1 июля 1913 г.

¹⁷³⁷ *Непримиримый.* Новый проект расхищения // Русское знамя. 8 июня 1913 г.; [Без автора. Без названия] // Русское знамя. 15 июня 1913 г.

¹⁷³⁸ *И.В. Титовым.* Государственная Дума и реформа прихода. (Беседа с членом Государственной Думы И.В. Титовым) // Петербургский листок. 10 ноября 1913 г.; Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 22.

требовала, чтобы ведомство провело статистическое обследование экономического состояния прихода, приняло меры к увеличению участвующих в епархиальных съездах духовенства церковных старост и выборных от прихожан «соответственно числу представителей от духовенства», поскольку тяжесть сборов, устанавливаемых на съездах, несут на себе прихожане, и, наконец, чтобы ведомство обсудило вопросы об освобождении церквей от взносов на духовно-учебные заведения, одновременно рассмотрев иные источники их финансирования¹⁷³⁹. В.К. Саблеру нужно было считаться с этим настойчивым пожеланием.

Думские проекты о приходе: общее и особенное

Как видим, законодательные предположения о православном приходе, формулировавшиеся в III и IV Государственных думах, отличались большим разнообразием. Среди них были как достаточно сдержанные предложения о коррекции существующего законодательства с целью наделения прихода правом юридического лица (проекты 1910 г.), так и чисто декларативные проекты о наделении духовенства жалованием за счет казны (проект 27 февраля 1913 г.). Наряду с ними были представлены и хорошо разработанные предположения, стремившиеся комплексно подойти к вопросам реорганизации прихода и материального, в том числе, пенсионного обеспечения духовенства и решить их посредством либо государственной субсидии приходским общинам, либо с помощью церковного налога, увязывая эти меры с законодательным введением элементов приходской организации (проект 51-го 1911 г., проекты 57-ми и 34-х 1913 г.). Причем если идея церковного налога для обеспечения духовенства уже обсуждалась в контексте приходских дискуссий (вспомним, например, подобную инициативу Конотопского земства 1877 г.), то идея предоставления приходским общинам временных субсидий со стороны государства, которые они могли бы использовать для выплат

---

¹⁷³⁹ Там же. С. 3–4; В Государственной думе. Монастыри и дело народного образования. О восстановлении прихода // Биржевые ведомости, вечерний выпуск. 20 апреля 1913 г.

причтам, высказанная в предположениях И.В. Титова, была новым словом в обсуждении приходской реформы. Общими чертами всех законодательных инициатив (пожалуй, за исключением проекта 133-х от февраля 1913 г.) были предложения наделить приход правом юридического лица, правом самообложения и распоряжения церковным имуществом. Можно сказать, что по этим вопросам в части общества, причем в части, включавшей и представителей духовенства, был достигнут консенсус, и она ожидала разрешение приходского вопроса именно в этом ключе. Также отсюда видно, что для этой части общества приход в идеальных своих формах выступал как самоуправляющаяся община в духе идей А.А. Папкова. Эти идеи пользовались большей известностью и большей популярностью, чем «институтный» подход А.И. Алмазова – И.С. Бердникова, который все больше отождествлялся с ведомственным проектом приходской реформы.

Отметим, что многие законопроекты (все проекты, поданные в III Государственную думу, проект 34-х 1913 г.) были сформулированы в максимально корректной, можно сказать, в дружественной по отношению к духовному ведомству форме, к ним присоединили свои голоса священники и епископы. И, несмотря на это, обер-прокуратура, а за ней и Синод с неизменным упорством встречали думские инициативы в штыки. Исходили они при этом существенно из соображений ведомственной конкуренции. Еще в 1907 г. чиновник особых поручений при обер-прокуроре, известный публицист, издатель и редактор ежедневной церковно-политической газеты «Колокол» В.М. Скворцов утверждал, что в Государственной думе образована «особая фракция» для выработки устава православного прихода, и Синод должен, не дожидаясь появления этого думского устава, ввести в действие общие положения о православном приходе, без Собора и не в законодательном порядке¹⁷⁴⁰. В 1910–1911 гг. духовное ведомство чувствовало себя хозяином положения и отвергало любые попытки думцев поучаствовать в решении приходского вопроса, признавая только за собой право выступать с законопроектами по церковным

---

¹⁷⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 45.

вопросам. В 1913 г. ситуация изменилась. Инициатива была явно на стороне думцев, а духовное ведомство занимало уже оборонительную позицию. Однако теперь Государственная дума как бы стремилась утвердить свое первенство в приходском вопросе, словно заразившись от обер-прокуратуры вирусом ведомственной конкуренции. С этой точки зрения характерен проект 32-х от 8 мая 1913 г. Он объединял в себе элементы других законопроектов о приходе, поступивших в Думу в 1913 г. В упрощенном виде здесь присутствовала идея законопроектов И.В. Титова о государственном субсидировании приходов на содержание причтов. Пункты, касавшиеся пенсионного обеспечения духовенства, дублировали проект 57-ми от 5 апреля 1913 г. При этом проект 32-х фактически содержал в себе элементы приходского устава, или, можно сказать, предопределял его содержание. Такими элементами были статьи проекта, касавшиеся приходских собрания, совета и церковного старосты. Это было вторжение в компетенцию духовного ведомства, вторжение, которого старались избегать авторы предыдущих проектов, признавая право Синода самостоятельно разработать и представить в законодательные учреждения приходский устав. Дума в приходском вопросе (впрочем, как и в других церковных вопросах) все настойчивее оказывала давление на духовное ведомство, фактически, шла с ним на конфликт, подчеркивая неспособность обер-прокуратуры и Синода решить самые насущные вопросы церковной жизни (к которым, безусловно, относились вопросы о преобразовании прихода и о материальном обеспечении духовенства) и пытаясь перехватить инициативу в свои руки. Но в условиях существовавшей системы власти это означало, что и думские проекты будут не реализованы, а заблокированы тем же духовным ведомством.

В связи с этим обратим внимание на то, что число депутатов из лиц духовного звания, присоединившихся к проектам 1913 г., раз от разу уменьшалось. Если февральский проект поддерживали более 30 священников-депутатов и один епископ, то среди 57-ми депутатов, поддержавших первый проект 5 апреля священников было двое, а среди подписантов проекта 34-х –

ни одного (если не считать снявшего сан И.В. Титова), тогда как более раннюю редакцию этого же проекта в 1911 г. подписали семеро священников. Создается впечатление, что духовное ведомство со своей стороны также оказывало давление на депутатов в священном сане, что заставляло их дистанцироваться от думских проектов приходской реформы. Последние в этой ситуации все более превращались только в орудие межведомственной борьбы – между Думой с одной стороны и обер-прокуратурой и Синодом с другой. Поэтому понятно, что обер-прокуратура настаивала на том, что соответствующие законопроекты должны разрабатываться только в духовном ведомстве. Об этом заявлял товарищ обер-прокурора П.С. Даманский при обсуждении думских инициатив в общем собрании Государственной думы в марте 1914 г. Однако Дума эти заявления игнорировала. 28 марта 1914 г. ее общее собрание признало все законопроекты 1913 г. о приходе и материальном обеспечении духовенства желательными и вернула их в комиссию по делам Православной церкви для выработки соответствующего законопроекта¹⁷⁴¹. Но в самой комиссии приходский вопрос в первой половине 1914 г., судя по имеющимся документам, развития не получил, а начавшаяся Первая мировая война переключила внимание парламентариев на другие животрепещущие проблемы.

§ 8. Борьба вокруг приходского вопроса в 1911–1915 гг.

Редакция В.К. Саблера 1912 г.

2 мая 1911 г. С.М. Лукьянов покинул пост обер-прокурора Святейшего Синода. Его преемником стал В.К. Саблер. Владимир Карлович в отличие от своих предшественников не был новым человеком в обер-прокуратуре. Многолетний сотрудник К.П. Победоносцева, дослужившийся при нем до должности товарища обер-прокурора, но вышедший в отставку весной 1905 г. из-за неосторожной поддержки инициативы Синода по началу церковных преобразований, он прекрасно знал внутреннюю кухню обер-прокуратуры, был

---

¹⁷⁴¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 682. Лл. 26–31.

знаком с ее деятелями и с теми настроениями относительно приходской реформы, которые существовали в их рядах. Как показали дальнейшие события, он разделял их настрой и был готов активно бороться за продвижение позиции обер-прокуратуры в самых различных сферах. Новый глава духовного ведомства постарался показать, что желает придать новый импульс намеченным ранее церковным преобразованиям. Еще в феврале Синод учредил Предсоборное совещание, которое должно было доработать материалы Предсоборного присутствия для представления их будущему Собору¹⁷⁴². Затем дошла очередь и до вопроса о приходской реформе.

Видимо в конце мая – начале июня обер-прокурор инициировал новый пересмотр подготовленного ранее Положения о православном приходе. При этом пересмотр на этот раз осуществлялся скрытно: прежняя редакция не была отозвана из Совета министров, и никаких материалов, свидетельствующих о том, как шла работа над новой редакцией Положения, не обнаружено. Скорее всего, редакция теперь осуществлялась чиновниками обер-прокуратуры. В августе в печать просочились сведения о том, что эта работа подошла к концу. 11 августа «Новое время», а за ним и провинциальные газеты сообщили, что

во вчерашнем заседании Святейшего Синода закончен пересмотр проекта положения о православном приходе. В переработанном виде проект этот почти окончательно лишает приход каких бы то ни было прав и поэтому вряд ли послужит к оживлению приходской жизни.

В ответ на это канцелярия Святейшего Синода направила в газеты опровержение, указав, что по пересмотренному проекту приход

---

¹⁷⁴² *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 414–419. Параллельно с «большим» Предсоборным совещанием были организованы и два «малых»: придворного и военно-морского духовенства. Совещание придворного духовенства, как мы увидим ниже, обсуждало в том числе и вопрос о приходе.

не только не лишается предназначенных прежним проектом «прав», но наоборот область деятельности прихода, в лице приходского собрания и приходского совета, предполагается расширить¹⁷⁴³.

Но прошло еще три месяца, прежде чем эта работа действительно была завершена¹⁷⁴⁴. Своим определением от 13 декабря 1911 г. – 3 января 1912 г. Синод признал, что

переработанный ныне проект Положения о православном приходе представляется, по сравнению с внесенным в Совет Министров бывшим Синодальным Обер-Прокурором Тайным Советником Лукьяновым проектом «Положения» более соответствующим существу православного прихода не только как церковно-юридического учреждения, но и как религиозно-христианского установления и по сему заслуживает внесения на утверждение в подлежащем законодательном порядке¹⁷⁴⁵.

Необходимость нового пересмотра проекта члены Синода обосновывали тем, что нужно было установить такое определение «впервые узаконяемого ныне понятия о приходе», которое вполне соответствовало бы природе прихода как «православно-христианского религиозного установления», внести исправления «главным образом редакционного характера» и высказать в особом определении заключение о дальнейшей судьбе приходских попечительств, церковных братств и приходских советов, разрешенных определением Синода от 18 ноября 1905 г.¹⁷⁴⁶ Одновременно, 15 декабря 1911 г. В.К. Саблер направил управляющему делами Совета министров запрос с просьбой возвратить проект С.М. Лукьянова, и 23 декабря проект был возвращен в синодальную канцелярию¹⁷⁴⁷. Однако спешить с внесением проекта Положения на законодательное рассмотрение заставляли и другие обстоятельства. На том же заседании, на котором была одобрена новая редакция проекта Поло-

---

¹⁷⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 533–533 об.

¹⁷⁴⁴ 7–9 ноября 1911 г. по распоряжению обер-прокурора синодальная типография в срочном порядке напечатала 50 экземпляров Положения о православном приходе и объяснительной записки к нему, которые очевидно были нужны для обсуждения нового варианта проекта. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 496, 532.

¹⁷⁴⁵ Там же. Лл. 505 об.–506.

¹⁷⁴⁶ Там же. Л. 505 об.

¹⁷⁴⁷ Там же. Лл. 494, 495.

жения, Синоду пришлось реагировать на новую думскую инициативу «об устройстве прав прихода» (подробнее см.: Глава 3 § 7). Как мы видели, Синод поручил представителю духовного ведомства заявить в комиссии по делам Православной Церкви, что такое предположение членов Государственной думы «надлежит отвергнуть»¹⁷⁴⁸.

В соответствие с поручением Синода 8 марта 1912 г. В.К. Саблер направил в Совет министров новую редакцию проекта «Положения о православном приходе» с объяснительной запиской к нему. В последнюю, помимо постатейных комментариев, были включены «Основные положения проекта» из шести пунктов¹⁷⁴⁹. Они отчетливо демонстрировали подход духовного ведомства к намеченной реформе и его отношение к приходским институтам, проектировавшимся представленным «Положением». 1-й пункт «Основных положений» констатировал в качестве основной цели проекта – «привлечение прихожан к деятельному участию в приходской жизни». При этом утверждалось, что и ранее правительство стремилось решить эту задачу с помощью организации в 1864 г. приходских попечительств, но это предприятие не достигло полного успеха, так как учреждение попечительств не было обязательным для всех приходов. Теперь же проект предусматривал обязательность организации таких приходских институтов как собрание и совет во всех приходах. Получалось, что авторы новой редакции воспринимали обновленный приход как своего рода обязательное приходское попечительство. Впрочем, мы помним, что предложение сделать попечительства обязательными делали многие архиереи в 1890-е гг. Создается впечатление, что обер-прокуратора решила воспользоваться основными идеями не реализованной за 20 лет до этого реформы.

Вторым положением, на котором строили свою реформу авторы проекта, было то, что учреждения, порожденные приходом, и учреждения (просветительские, благотворительные, богоугодные), существующие на территории

---

¹⁷⁴⁸ Там же. Л. 509.

¹⁷⁴⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 30–30 об.

прихода, но основанные иными институтами (правительством, земством, городским управлением, Церковью) не должны сливаться, а продолжать свою деятельность независимо друг от друга. Этот тезис, прежде всего, касался судьбы церковно-приходских школ, которые и после преобразования прихода должны были остаться в распоряжении училищного и епархиального начальства. Приход мог оказывать школам других учреждений только «денежные и иные вспомоществования», но не входить в вопросы преподавания или назначения педагогов. Тогда как проект Предсоборного присутствия предполагал нравственную и материальную ответственность прихожан (в лице приходского совета) за церковно-приходские школы, а также – за преподавание церковных дисциплин в школах и других ведомств, расположенных в приходе. Тем самым, сфера деятельности прихода сужалась, он выступал как на донор денежных средств, но не как равноправный участник обустройства местной церковной жизни.

Еще одно положение, на котором должна была, по мысли авторов саблеровской редакции, строиться реформа прихода, заключалось в руководящей роли в приходе «как учреждении церковном» священника, при общем подчинении его и прихода епископу. Отсюда следовало, что именно священник должен председательствовать в приходских собраниях и совете, руководить ими и нести ответственность «за закономерность постановлений того и другого». Проект устанавливал «точное различие и разграничение между церковным и причтовым имуществом с одной стороны и приходским имуществом с другой» (5-й пункт «Основных положений»). При этом саблеровской редакции готовы были допустить только возможность материальной помощи прихода храму и духовного (за счет храмовых средств) и других ведомств – приходу. Одновременно приходу предполагалось предоставить «все функции юридического лица», чему категорически сопротивлялся Синод в 1911 г., когда это предложение исходило из Государственной думы. Авторы редакции утверждали (4-й пункт «Основных положений»), что их проект носит простой и гибкий характер, что позволит применять его во всех областях России.

В заключение «Основных положений» (6-й пункт) подчеркивалось, что проект не отменяет никаких ныне действующих узаконений о приходском духовенстве и об открытии приходов. Тем самым, Устав духовной консистории в этом отношении продолжал бы действовать и после издания «Положения о православном приходе».

Сам проект Положения сохранял структуру редакции С.М. Лукьянова. В нем было восемь глав с прежними названиями: Общие положения (ст. 1–6), О приходском храме (ст. 7–9), О причте (ст. 10–18), О прихожанах (ст. 19–24), О приходском собрании (ст. 25–45), О приходском совете (ст. 46–55), О приходских учреждениях (ст. 56–63), О средствах прихода (ст. 64–71)¹⁷⁵⁰. При этом, как видим, новый проект был расширен: на 10 статей по сравнению с редакцией С.М. Лукьянова. Интересно, что часть этих статей непосредственно или после определенной редактуры была заимствована из проекта Нормального устава Предсоборного присутствия, хотя с философией последнего проекта, как мы говорили ранее, сам В.К. Саблер и в целом духовное ведомство согласны не были. Очевидно, учитывая известность и популярность проекта Нормального устава в обществе и в Государственной думе (депутаты – авторы нескольких законодательных предположений о преобразовании прихода поместили его текст в приложение к своим законопроектам, подробнее см.: Глава 3 § 7), авторы саблеровской редакции стремились показать, что – в отличие от авторов предыдущих синодальных редакций – они активно пользуются проектом Присутствия, и тем самым – произвести благоприятное впечатление на общество.

Открывалась редакция 1912 г. обновленным определением прихода:

Православным приходом именуется собрание православных христиан, составляющее часть паствы местного епископа, обитающее в известной местности, объединенное в общество при своем храме и врученное ближайшему пастырскому руководству одного или нескольких священников для достижения вечного спасе-

---

¹⁷⁵⁰ Там же. Лл. 15, 16 об., 17, 18 об., 19, 20 об., 21, 22 об., 23, 24 об., 25, 26 об.

ния посредством общей молитвы, благодатных таинств, церковного назидания и дел христианского благотворения (ст. 1)¹⁷⁵¹.

Затем следовала новая статья, в которой содержалась общая характеристика обязанностей священника и прихожан:

Священник управляет приходом согласно учению Слова Божия, канонам св. православной церкви и распоряжениям церковной власти; прихожане исполняют обязанности, предписанные церковью для мирян, говеют не менее раза в год, участвуют в церковной молитве и в делах христианского благотворения (ст. 2)¹⁷⁵².

Авторы новой редакции явно стремились сделать акцент на религиозном характере прихода и для этого – уйти от формальной, юридической терминологии лужьяновской редакции. Приход теперь именовался не «церковным учреждением», а «собранием православных христиан»; вместо «подчинения» епископу речь шла о том, что приход – это «часть паствы местного епископа»; целью существования прихода называлось теперь не «удовлетворение религиозно-нравственных нужд», а «вечное спасение». Подобные выражения в начальных статьях саблеровской редакции напоминали формулировки в отзывах епархиальных преосвященных, а с другой стороны предвосхищали аналогичные статьи приходского устава Собора 1917–1918 гг. Остальные статьи первой главы были почти без изменений перенесены из редакции 1910 г. В них шла речь об обязанностях прихожанина по отношению к приходскому пастырю, о необходимости содействовать процветанию прихода, об общих условиях открытия нового прихода и об изменениях его границ, а также – о механизме упразднения самостоятельного прихода. В последнем пункте присутствовало новшество: если предыдущие редакции Положения о приходе фиксировали 5-летний «испытательный» срок, после которого приход прекращал свое существование, то новая редакция говорила только о трех годах. Из главы «О приходском храме» была удалена статья, в которой говорилось о возможности совершения литургий в молитвенных до-

---

¹⁷⁵¹ Там же. Л. 15.

¹⁷⁵² Там же.

мах, которая присутствовала и в редакции П.П. Извольского, и в редакции С.М. Лукьянова. Но было добавлено примечание о том, что храмоздателям или лицам, особенно потрудившимся в деле благоустройства или содержания храма, «епархиальное начальство может присвоить звание попечителя храма». Индивидуальный попечитель как бы приходил на смену приходским попечительствам, которые, как говорилось в Определении Синод от 13 декабря 1911 г. – 3 января 1912 г., предполагалось упразднить после введения в действие Положения о православном приходе.

В главе «О причте» было опущено указание редакции С.М. Лукьянова, что отпуск средств на содержание причтов осуществляется из государственного казначейства «в общем законодательном порядке» (ст. 10). Не было ли у обер-прокуратуры надежды обойти эту норму? Сохранялась идея, что прихожане могут ходатайствовать о кандидатах в члены причта, если соответствующие лица, «правоспособны к занятию данного места» (эта фраза была добавлена), при этом была изъята норма редакции С.М. Лукьянова, согласно которой «при прочих равных условиях» тем, за кого просили прихожане, должно было отдаваться предпочтение (ст. 11). Другие статьи, в частности, об условиях перемещения священнослужителей, об обязанностях приходского священника не претерпели серьезных изменений. Были сделаны лишь небольшие добавления. Так, в статью об обязанностях священника были включены слова о том, что он должен «учить христиан словом и примером своей жизни истинам христианской веры»; говорилось, что он несет свое служение «при помощи приходского совета и других приходских учреждений», тем самым подчеркивалась роль тех институтов, которые создавало Положение о приходе.

Глава «О прихожанах» была отредактирована и существенно расширена за счет включения в нее статей из Нормального приходского устава, составленного Предсоборным присутствием. В первую очередь было отредактировано определение прихожан (ст. 19). Ими теперь признавались «все проживающие в пределах прихода» (вместо тяжеловесного «имеющие постоянную

оседлость») лица православного исповедания, «не отлученные от святой церкви». Последнее добавление соответствовало духу саблеровской редакции, менее формальной, чем редакция С.М. Лукьянова, и более религиозно ориентированной. Редактура первой половины статьи также отвечала идеологии новой редакции. Как писал сам обер-прокурор в объяснительной записке к проекту, последний не стремился «к тому, чтобы дать строго юридическое определение: кого считать прихожанином. С точки зрения, проекта желательно привлечение к приходу возможно большего числа лиц православных, проживающих в его пределах, и потому желательно, чтобы всякое сомнение, могущее возникнуть в том, следует ли определенное лицо считать прихожанином определенной церкви или нет, было истолковано в утвердительном смысле»¹⁷⁵³. Статьи этой главы о приходской книге (ст. 21–23) были точным воспроизведением соответствующих статей Нормального устава (ст. 13–15). В связи с этим в проект вернулись требования – исключенные еще Особым совещанием по вопросу о православном приходе – записывать в приходскую книгу, какие прихожанин «проходил должности приходские», чем он «содействовал благосостоянию прихода», требование о ежегодном освидетельствовании приходской книги благочинным, а также указание на то, что ведение приходской книги не отменяет обязанность причта вести другую приходскую документацию, за исключением исповедных ведомостей (их предполагалось упразднить). Завершалась 4-я глава Положения, как и в предыдущей редакции, указанием на то, что участие прихожан в управлении приходскими делами осуществляется через приходское собрание и приходский совет.

Начальные статьи главы о приходском собрании подверглись небольшой, хотя иногда существенной, правке. Так, разрешение на проведение приходского собрания в храме, а не в ином «удобном для сего помещении», каждый раз должен был давать епархиальный архиерей, а не благочинный, как предусматривала редакция С.М. Лукьянова (ст. 26). О членах приходского

---

¹⁷⁵³ Там же. Л. 33 об.

собрания говорилось, что его составляют «отцы или заменяющие их старшие члены семьи» (а не «домохозяйства» как в предыдущей редакции). Вопрос об участии в собраниях женщин напрямую не разрешался новой редакцией, но упоминание «отцов» как членов собрания наводило на мысль, что и «заменяющие их члены семьи» также должны быть лицами мужского пола. Саблеровская редакция проекта сохраняла имущественный ценз, присутствовавший в предыдущих редакциях (ст. 27). Практически не изменился список лиц, лишенных права участвовать в собрании. Лишь в конце этой статьи был добавлен новый пункт, согласно которому в собрание не допускались и лица, «состоящие под епитимьею, наложенной по церковному суду» (ст. 28). Кроме того, собрание само могло лишиться права участия в нем тех, кто неоднократно нарушал порядок в собраниях или уклонялся от «общеприходских сборов» (ст. 29). Статьи 31–34 были с незначительной правкой перенесены в саблеровскую редакцию из проекта Предсоборного присутствия. В них говорилось о порядке оглашения объявлений о приходском собрании (этой статьи не было в редакциях П.П. Извольского и С.М. Лукьянова), о созыве и компетенции срочных собраний, о порядке решения вопросов на собрании. Несколько изменена была статья о кворуме приходского собрания (ст. 35). Непременным условием кворума теперь считалось присутствие в собрании его председателя-священника, а не только одной десятой части прихожан. Из списка дел, решаемых расширенным кворумом (не менее 2/3 прихожан), было исключено упоминание о «представлении кандидата на открывшуюся вакансию члена причта», присутствовавшее в редакции С.М. Лукьянова. В конце статьи была добавлена норма, согласно которой собрание, не состоявшееся за отсутствием кворума, могло повторно состояться уже через неделю при любом числе присутствующих.

Перечень дел, которые подлежали ведению приходского собрания, был отредактирован и расширен (ст. 37). Из него было изъято право собрания возбуждать ходатайства перед епархиальной властью о желательных кандидатах в члены причта. Но были сделаны добавления, подтверждавшие право

собрания обсуждать вопросы содержания «собственных приходских благотворительных и просветительных учреждений». Собрание теперь не устанавливало «добровольные сборы на нужды прихода» (так было в редакции С.М. Лукьянова), а «изыскивало средства» на нужды прихода «посредством сборов, подписки и т.п.». Кроме того, оно теперь могло обратиться к епархиальному начальству с просьбой оказать помощь приходу из церковных сумм, а также – должно было избирать «лиц для рассмотрения и ревизии отчета приходских сумм и имущества и для подписания постановлений приходского собрания». Последние, согласно новой редакции, должны были подписываться не всеми пожелавшими это сделать членами собрания (так было в редакции С.М. Лукьянова), а только теми, кто был избран и уполномочен на то собранием (ст. 41). Статьи, описывающие полномочия председателя собрания и порядок принятия на нем решения, остались прежними. Была лишь отредактирована статья, в которой формулировались основания для протеста председателя против решения собрания (ст. 40). Его власть явно усиливалась и выходила из пределов, четко очерченных законом. Если в редакции С.М. Лукьянова приходский священник мог оспорить, обратившись к епархиальной власти, только те решения собрания, которые «явно нарушили законы или превысили пределы ведения» приходского собрания, то согласно новой редакции, он мог оспорить любое решение, какое считал «неполезным для прихода». Копию решения собрания в недельный срок следовало теперь сообщить благочинному (ст. 43; эта статья была перенесена из проекта Предсоборного присутствия). Процедура предъявления протеста на решение собрания со стороны прихожан осталась прежней, но срок, отведенный для заявления протеста, был сокращен с 30 дней (в редакциях Предсоборного присутствия и П.П. Извольского; в редакции С.М. Лукьянова эта статья отсутствовала) до двух недель (ст. 44).

Приходский совет, согласно проекту Положения 1912 г., как и предшествующей ему редакции, должен был состоять из причта во главе с настоятелем, приходского старосты и выборных от прихожан. Последние избирались

на три года в числе от 6 до 12 человек (ст. 46). Новшеством были три примечания, сопровождавшие эту статью. Первое из них было заимствовано из проекта Предсоборного присутствия. В нем говорилось о том, что число избранных в совет представителей прихожан может быть и больше 12, если число членов причта превышает 6. Тем самым сохранялась «пропорциональность голосов» представителей прихожан по отношению к голосам членов причта (2:1 соответственно). Другие два примечания были написаны специально для проекта В.К. Саблера. Второе примечание должно было обеспечить представительство в приходском совете жителей немногочисленных по числу дворов деревень. В нем говорилось, что отдельные деревни прихода, одни или объединившись в группы, могут избирать членов приходского совета, пропорционально количеству лиц, имеющих право участвовать в приходском собрании. Третье примечание разъясняло, что члены приходского совета исполняют свои обязанности безвозмездно¹⁷⁵⁴.

В логике саблеровской редакции это замечание было не случайно. Дело в том, что приходский совет воспринимался ее авторами как религиозный костяк прихода. Раскрытию такой роли совета была посвящена новая 47-я статья проекта. В ней говорилось об обязанностях, которые возлагаются на членов совета. В зачаточном виде эта статья присутствовала в проекте Нормального устава Предсоборного присутствия (§§ 92–95) и в редакции П.П. Извольского (ст. 40), но только в редакции В.К. Саблера она превратилась в пространный список из 10 пунктов. Согласно этой статье, члены совета должны были помогать председателю-священнику «в осуществлении его пастырского долга», исполнять «поручаемые им послушания и дела», «иметь смотрение» за тем участком прихода, который может быть им поручен, стараться прекращать «вражду и злобу между прихожанами», «вообще бороться со злом и вносить умиротворяющее начало в семейную и общественную жизнь прихожан», «считать своим долгом» наблюдать за нравственностью и поведением молодежи, «принимать меры» против распространения среди

---

¹⁷⁵⁴ Ср.: Там же. Л. 35 об.

прихожан книг, брошюр, листков, «вредных в религиозном и нравственном отношении», а также – «ограждать» прихожан «от зловредных наущений и неблагонамеренных действий со стороны темных, хитрых и порочных людей». С другой стороны, эта же статья возлагала на членов совета и организационные обязанности. Они должны были помогать церковному старосте соблюдать порядок во время богослужений, быть представителями совета на благотворительных и уездных пастырских собраниях, заботиться об устроении постоянной и передвижных библиотек, помогать «во всех письменных и отчетных работах» председателю и церковному старосте.

50-я статья была полностью посвящена функциям приходского совета в целом. Здесь он выступал действительно как исполнительный орган приходского собрания. На нем лежали подготовка дел для собрания, заведывание имуществом, принятие сборов, ведение списка прихожан, имеющих право участвовать в собраниях, надзор за приходскими учреждениями, отчет перед собранием и т.п. К предыдущей редакции было сделано несколько добавлений. В обязанности приходскому совету теперь вменялось «ежемесячное» освидетельствование приходских сумм и приходно-расходных документов, как было и в редакции П.П. Извольского; попечение о приходском кладбище и о похоронах бедных прихода (этот пункт был перенесен из проекта Предсоборного присутствия – § 101); искоренение в приходе «пьянства и других пороков». Кроме того, по редакции В.К. Саблера, именно приходский совет (а не все прихожане, как того требовала «Инструкция церковным старостам» 1890 г. (см. Глава 2 § 8)) избирал из числа своих членов представителей, которые должны были присутствовать при ежемесячном освидетельствовании причтом и старостой церковных сумм, а также – уполномоченных для участия в благотворительных и уездных пастырских собраниях. Таким образом, на членов приходского совета авторы проекта возлагали две группы обязанностей: религиозно-нравственные и организационные. То есть члены совета воспринимались как религиозное ядро прихода и как (бесплатные) помощники причта и старосты. Но в то же время совет в целом в объяснительной за-

писке обер-прокурора именовался исполнительным органом приходского собрания и одновременно – епархиального начальства (!) «в деле устройства религиозно-нравственной жизни в приходе»¹⁷⁵⁵. В статус совета вносилась очевидная двойственность: он оказывался между приходским собранием и епархиальным начальством (и священником как его представителем). При неснятом противоречии между прихожанами и епархиальной властью, при сохранявшихся практически принудительных отчислениях в пользу епархиальных учреждений, при формальной отчужденности прихожан от своего храма и школы такая двойственность в статусе совета могла быть чревата конфликтами и – как следствие – беспомощностью этого органа. Кроме того, оставалось неясным, каким образом можно гарантировать избрание в состав совета именно религиозно-настроенных прихожан и будут ли они обладать деловыми качествами, которые, безусловно, требовались от членов совета¹⁷⁵⁶.

Как и в предыдущих редакциях, именно настоятель должен был являться председателем приходского совета. Один из священников прихода мог быть назначен «епархиальной властью» товарищем (помощником) председателя; в редакции С.М. Лукьянова инстанцией, назначающей товарища председателя, был благочинный (ст. 49). Председатель совета, как и в предыдущих редакциях, руководил его работой, вел от его имени переписку, наблюдал за делопроизводством (ст. 51). В случае конфликта между ним и советом председатель должен был представить этот конфликт «на усмотрение епархиального начальства» (ст. 52). Такая норма присутствовала и в более ранних редакциях. Однако теперь в эту статью было сделано важное добавление:

При упорном противодействии со стороны большинства совета руководственным указаниям духовной власти, епархиальный архиерей может сделать распоряжение об устранении неблагонадежных членов, с заменой их впредь до производства выборов новыми из числа благонадежных прихожан, по указанию местного

---

¹⁷⁵⁵ Там же.

¹⁷⁵⁶ Ср.: *Заозерский Н.А.* Братское дело в православной России. С. 191–193.

причта и благочинного, и о выборе на ближайшем приходском собрании под руководством благочинного новых членов приходского совета¹⁷⁵⁷.

Фактически, речь шла о возможности роспуска приходского совета и о формировании нового его состава¹⁷⁵⁸ по решению настоятеля и причта. Эта статья многократно усиливала власть в приходе епархиальных властей – и архиерея, и благочинного. Но на деле больше всего она усиливала власть причта и особенно настоятеля, ведь именно причт (вместе с благочинным) представлял архиерею временных членов приходского совета, как бы предвосхищая будущее решение приходского собрания. Ясно также, что благочинный гораздо ближе стоял к местному духовенству, чем к епархиальной власти, и в случае реальных конфликтов настоятель и благочинный всегда могли согласовать свои позиции, первый мог заручиться поддержкой последнего. Фактически, именно настоятелю эта статья саблеровской редакции давала исключительные полномочия. Подкрепляло власть настоятеля и еще одно добавление в следующей статье, в которой нормировался кворум заседаний приходского совета. Он, как и в прошлых редакциях, фиксировался на уровне половины его членов. Но теперь в случае отсутствия кворума председатель совета мог назначить новое его заседание, причем срок созыва этого нового заседания никак не оговаривался и такое заседание было правомочно при любом количестве присутствующих (ст. 53). Т.е. в этом случае заседание приходского совета могло быть проведено, например, силами одного только причта или священника и старосты и признано легитимным. Эти статьи ставили приходский совет в большую зависимость от причта и настоятеля, чем от приходского собрания, «исполнительным органом» которого он объявлялся. Авторы саблеровской редакции, делая уступки общественному мнению, все же стремились рассматривать совет как коллективного церковного старосту, зависимого от причта и выполняющего его указания. Но в таком случае

---

¹⁷⁵⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 23.

¹⁷⁵⁸ Именно так интерпретировал эту статью сам обер-прокурор в своей объяснительной записке: Там же. Лл. 35 об.–36.

можно было предположить, что и новый орган едва ли сможет достигнуть успеха в активизации приходской жизни.

Глава «О приходских учреждениях» в целом сохранила тот облик, что она имела в редакции С.М. Лукьянова, но из нее была убрана статья (ст. 50 предыдущей редакции), в которой говорилось о том, что школы, созданные ранее в приходе, продолжают свою деятельность на основании изданных для них законов, т.е. являются независимыми от преобразованного прихода. Существом этой мысли были согласны и авторы саблеровской редакции. Однако они предпочли перенести эту норму из основного текста проекта в «Основные положения». Главу «О средствах прихода» открывали три новые статьи (ст. 64–66), которые описывали порядок распоряжения церковным, закрепленным за храмом имуществом. Ни статус, ни порядок распоряжения этим имуществом не менялся. В статьях подчеркивалось, что распоряжение церковными суммами «в силу канонических правил, принадлежит епископу, а расходование их в установленном порядке производят причт и церковный староста», что все поступления «на устройство храма или приобретение церковных вещей, как представляющие собой жертву Богу» должны расходоваться только с разрешения «епархиального начальства», что постановления Положения о православном приходе не распространяются «на действующие узаконения об имуществах церковных» и причтовых. Правда, приходскому собранию давалось право просить епархиальное начальство «об отчислении части свободных церковных сумм на нужды храма и приходских учреждений» (ст. 64). Подобное положение содержалось и в редакции С.М. Лукьянова, но там оно было оформлено отдельной статьей, теперь же – объединено с напоминанием о власти епископа над церковными суммами. Таким образом, разделение имущества в приходе на церковное и приходское, соответственно и существование в приходе двух юридических лиц было характерно и для новой редакции Положения. Но если в редакции П.П. Извольского это разделение констатировалось прямо, если в редакции С.М. Лукьянова вопросы о

церковном имуществе не обсуждались в тексте проекта, то редакция В.К. Саблера представляла собой промежуточный вариант.

В целом для редакции проекта «Положения о православном приходе» В.К. Саблера были характерны несколько, казалось бы, взаимоисключающих черт. Ее авторы стремились заручиться расположением общественности, показать, что новая редакция больше отвечает ее чаяниям. Поэтому они заимствовали целые статьи из проекта Нормального устава Предсоборного присутствия. Но в то же время авторы саблеровской редакции игнорировали основные мысли и дух проекта Нормального устава. Они вовсе не собирались ни давать автономию приходу, ни допускать его к распоряжению церковным имуществом, ни передавать ему созданные ранее учреждения (школы). Напротив, ни в одной редакции так не усиливалась власть епархиального начальства, фактически – настоятеля и причта, как в статьях о приходском совете в редакции 1912 г. Получалось, что авторы последней стремились не сделать уступки общественности, а усыпить ее бдительность. Одновременно проект В.К. Саблера как никакой другой был насыщен религиозной риторикой. На членов приходского совета проектом возлагались религиозно-нравственные обязанности, но при этом они рассматривались авторами проекта как коллективный церковный староста. Похоже, корреспондент «Нового времени» не ошибся: права прихода становились в новой редакции еще более иллюзорными. Фактически идеология саблеровской редакции сводилась к тому, чтобы не расширяя существенно права прихожан, возбудить в них религиозную ревность. По сути, эту мысль проводил в своих трудах по приходскому вопросу И.С. Бердников. Но надеяться на успех такой стратегии было рискованно. Это показала реакция и других ведомств на представленный в правительство проект.

Отзывы ведомств на проект 1912 г. и его дальнейшая редактура

Уже в апреле 1912 г. в Совет министров начали поступать отзывы ведомств на проект «Положения о православном приходе», представленный в

марте В.К. Саблером. Таких отзывов поступило четыре: государственного секретаря¹⁷⁵⁹ С.Е. Крыжановского, министра юстиции И.Г. Щегловитова, министра народного просвещения Л.А. Кассо и министра внутренних дел А.А. Макарова¹⁷⁶⁰. 4 июля 1912 г. все они были сообщены обер-прокурору. Они оказались критичны по отношению к саблеровскому проекту, причем, по мнению прессы, для ведомства это был «неожиданный удар»¹⁷⁶¹. Так, министр внутренних дел отнесся к проекту «вполне отрицательно». Он указывал на непоследовательность проекта, разделяющего церковное и приходское имущество и при этом допускающего использовать приходские средства для церковных целей, а храмовое имущество – на приходские нужды. В этой ситуации А.А. Макаров не видел оснований «устранять прихожан от распоряжения чисто “церковными средствами” для тех же самых целей»¹⁷⁶². Он писал:

Я не могу не прийти к заключению, что проектируемый Положением приход не воплощает собою настоящей канонической приходской общины во всей совокупности ее церковных и государственных прав, но представляет собою учреждение, не имеющее ни реального значения в области духовной жизни причисленного к данной церкви-храму населения, ни юридической связи с последней. Фактически предполагаемый приход является самостоятельным юридическим лицом, отдельным от существующего ныне по закону юридического лица – церкви, и представляет собою общественную организацию, преследующую благотворительные и нравственные цели, территориально приобщенную к данной церкви (храму) и связанную с ней исключительно известной принудительной подчиненностью как приходской, так и епархиальной духовной власти. Отличаясь при указанных условиях от

---

¹⁷⁵⁹ То есть главы Государственной канцелярии Государственного совета.

¹⁷⁶⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 106 об.–107; 167 об. Эти отзывы (в отличие от отзывов Министерств народного просвещения и юстиции 1908–1909 гг. и отзыва Министерства внутренних дел 1916 г.) в тематических, посвященных приходскому вопросу делах фондов канцелярий Синода и обер-прокурора Синода не отложились. Отзыв министра внутренних дел известен в выдержках из отзыва того же министерства 1916 г. Оригиналы отзывов нам обнаружить не удалось. (В процессе поиска этих документов были просмотрены следующие фонды РГИА: Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 8, 9; Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 1; Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 532; Ф. 740 (Департамент общих дел Министерства народного просвещения). Оп. 16; Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Св. Синода). Оп. 82, 83; Ф. 1162 (Государственная канцелярия государственного секретаря). Оп. 2, 4.)

¹⁷⁶¹ *Надеждин П.* «Исправленная» реформа // День. 28 июля 1913 г.; [Без автора. Без названия] // Свет. 28 июля 1913 г.

¹⁷⁶² РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 109–109 об.

существующих ныне приходских попечительств исключительно *принудительностью* возникновения и *большею зависимостью* от клира, новая приходская организация в проектированном виде едва ли может иметь результатом существенное оживление приходской жизни и сближение населения с Церковью¹⁷⁶³.

Министр А.А. Макаров – один из ближайших сотрудников П.А. Столыпина. Он был его товарищем в министерстве внутренних дел с мая 1906 г. и руководил там полицейской частью, на которую ложилась основная тяжесть борьбы с революционным движением. Этого человека менее всего можно было бы заподозрить в либеральных симпатиях или в «кадетстве», в котором обвиняли сторонников более активного участия мирян в приходской жизни их оппоненты в Предсоборном присутствии. Его консерватизм особо подчеркивала пресса, обращая внимание, что даже такой консервативный министр занял резко отрицательную позицию по отношению к проекту обер-прокуратуры, причем реакция общества на его отзыв была исключительно положительной. Один из публицистов писал по этому поводу:

Министр внутренних дел сумел подметить в синодском произведении его коренную ошибку – отношение к церковному обществу как к какому-то враждебному лагерю, от которого иерархия должна защищать свои права и привилегии. Тенденция создать не столько права, сколько обязанности для прихожан бросалась в глаза всякому и доходила до наивной попытки в порядке государственного законодательства определить чисто канонические отношения пасомых к пастырям. Если всмотреться ближе в синодский приходский устав, то он походит более на устав «приходского благочиния», чем на хартию «приходской вольности», каковою должен быть¹⁷⁶⁴.

К сожалению, точное содержание остальных отзывов не известно, но они также были отрицательными. На это указывали пресса, чиновники министерства внутренних дел и сам обер-прокурор¹⁷⁶⁵. Ведомства как и при П.А. Столыпине (см.: Глава 3 § 5) выступали за расширение участия мирян в при-

---

¹⁷⁶³ Там же. Лл. 106 об.–107.

¹⁷⁶⁴ *Надеждин П.* «Исправленная» реформа. См. также: [Без автора. Без названия] // Свет. 28 июля 1913 г.

¹⁷⁶⁵ Ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 111 об.; Законопроект о приходе // День. 6 ноября 1913 г.

ходской жизни. Саблеровская редакция не могла удовлетворить их руководителей. В июле 1912 г. обер-прокурор забрал проект из правительства, начался новый раунд его переработки, который продолжался до весны 1913 г.

Параллельно шло общественное обсуждение реформы. Так, в апреле 1912 г. реформа прихода обсуждалась в комиссии по церковному праву при Московском юридическом обществе. Участники пришли к выводу, что приход как «малая церковь» должен быть автономным институтом с правами юридического лица, во главе которого должны стоять приходское собрание и совет как исполнительный орган собрания, одновременно должно быть обеспечено материальное положение духовенства и в таком случае богослужения и требы совершаться бесплатно, а плата за платные требы строго регламентирована. Различие в материальном обеспечении духовенства должно было зависеть от уровня образования клириков. Наиболее острая дискуссия развернулась вокруг вопроса об источниках финансирования духовенства и приходской деятельности. Участники обсуждения не рассчитывали на государственное жалование и предлагали обратиться к внутрицерковным средствам. Бывший профессор Московской духовной академии А.И. Покровский предлагал пустить «в общую разверстку» доходы монастырей, архиерейских домов и другие суммы духовного ведомства. Ему возражал Н.А. Заозерский. В компромиссной резолюции собрания говорилось, что «принимая во внимание, что и при новой организации прихода не исключается возможность обложения его на общецерковные нужды, представляется необходимым выяснение всех церковных средств (монастырских, архиерейских домов, сумм Синода и т.д.), а также урегулирование их распределения и предназначения»¹⁷⁶⁶.

Весной 1913 г., когда Государственная дума выступила со своими инициативами по приходскому вопросу (см.: Глава 3 § 7), основатель и председатель общества «Соборная Россия» А.В. Васильев выступил на его заседа-

---

¹⁷⁶⁶ К реформе прихода // Вечернее время. 27 апреля 1912 г.; Реформа прихода // Русское слово. 27 апреля 1912 г.

нии с докладом «О предполагаемом устройстве церковного прихода в России», в котором сравнивал синодальный проект со вторым проектом октябристов. Предпочтение докладчик отдавал последнему проекту в силу того, что им признавались права мирян на более широкое участие в приходском управлении и распоряжении церковным имуществом¹⁷⁶⁷.

В январе 1913 г. стали поступать первые сообщения об исправлении проекта в духовном ведомстве. Стало известно, что после отзыва министерств была реанимирована идея П.П. Извольского о раздельном прохождении проекта через законодательные учреждения. Его предполагалось разделить на две части: «Основные положения о церковном управлении православным приходом» и «Устав православного прихода». Положения должны были пойти на непосредственное утверждение императора «согласно разъясненной 65 статье Основных законов», а устав – представлен на утверждение законодательных палат¹⁷⁶⁸. Ожидалось, что уже в феврале проект будет рассмотрен Синодом и не позднее 20 февраля внесен в Думу. Однако в реальности Синод рассмотрел и одобрил проект к внесению в парламент только в конце апреля 1913 г.¹⁷⁶⁹ Но прежде, чем направить проект устава в Государственную думу, обер-прокурору предстояло получить санкцию правительства на его раздельное прохождение. Нужно сказать, что идея об изъятии из ведения Думы вероисповедных вопросов высказывалась правыми еще в 1909 г. Но П.А. Столыпин, рассматривавший парламент как одну из опор государственного устройства после 1905 г., отрицательно относился к сокращению его компетенции¹⁷⁷⁰. Теперь ситуация могла быть другой.

---

¹⁷⁶⁷ [Без автора. Без названия] // Русская молва. 16 мая 1913 г.; [Без автора. Без названия] // Новое время. 18 мая 1913 г.

¹⁷⁶⁸ Реформа прихода // Речь. 8 января 1913 г.; Преобразование православного прихода // Новое время. 8 января 1913 г. Статья. 65 «Основных государственных законов Российской империи» гласила: «В управлении Церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного».

¹⁷⁶⁹ Проект реформы православного прихода // Речь. 8 февраля 1913 г.; Церковные вести // Русская молва. 9 февраля 1913 г.; Синодские реформы // Русское слово. 27 апреля 1913 г.; Реформа прихода // Русская молва, 26 апреля 1913 г.; Церковные вести. К реорганизации прихода // Земщина. 6 мая 1913 г.; Законопроект о приходе // День. 21 июля 1913 г.; Реформа прихода // Утро России. 21 июля 1913 г.

¹⁷⁷⁰ Кризис самодержавия в России. С. 470–471.

Во время летней сессии Синода В.К. Саблер заручился поддержкой органа высшего церковного управления относительно нового порядка представления проектов духовного ведомства. Синоду был представлен проект соответствующего постановления, подготовленный юрисконсультom Синода В.В. Радзимовским и директором канцелярии обер-прокурора В.И. Яцкевичем. В обосновании проекта говорилось, что разъяснение 65 статьи «не покушается несколько на права и прерогативы Государственной думы, а имеет в виду только разграничение компетенции высшей власти и законодательных учреждений». На практике дело должно было обсуждаться сначала в Синоде, затем в Совете министров для решения о том, утверждается ли оно законодательно или «в порядке духовного управления». Предложение было одобрено Синодом для представления в правительство¹⁷⁷¹.

Введение нового порядка рассмотрения законопроектов духовного ведомства

В августе 1913 г. обер-прокурор направил в Совет министров представление, в котором просил рассмотреть и утвердить новый порядок прохождения законопроектов по духовному ведомству. Этот новый порядок предполагал, что через законодательные учреждения, Государственную думу и Государственный совет должны проходить только те части законодательных дел духовного ведомства, которые «не касаются единственно церковного законодательства», то есть затрагивают область и законодательства светского. Другие части этих же законопроектов могли после одобрения Синода непосредственно направляться на высочайшее утверждение. Как на аналогичный прецедент обер-прокурор ссылался на принятое в 1909 г. постановление о порядке издания законов и постановлений по их судебным частям по военному и морскому ведомствам¹⁷⁷². 4 сентября 1913 г. Совета министров с неболь-

---

¹⁷⁷¹ В святейшем Синоде // Биржевые ведомости, утренний выпуск. 31 октября 1913 г.; В синодских сферах // Вечернее время. 8 ноября 1913 г.; Главные положения о реформе прихода // Новое время. 2 августа 1913 г.

¹⁷⁷² РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. Лл. 2–5 об.

шой корректировкой утвердил предложение обер-прокурора и 23 сентября 1913 г. оно было подтверждено императором. Причем соответствующий Особый журнал Совета министров носил секретный характер и не подлежал публикации¹⁷⁷³. Казалось бы, это был успех обер-прокуратуры. Теперь приходский проект мог направляться в законодательные учреждения в неполном виде на законных основаниях.

Однако сведения о принятом решении просочились в прессу¹⁷⁷⁴. Реакция общества была в основном возмущенной: демарш духовного ведомства воспринимался как очередное посягательство на права Государственной думы, а это вызывало в обществе болезненную реакцию. Причем отрицательно на произошедшее реагировали представители разных частей политического спектра. Газеты публиковали, в частности, интервью с лидером октябристов А.И. Гучковым и мнение члена Государственного совета П.П. Кобылинского, принадлежавшего к правому крылу. Последний говорил, что если бы проект обер-прокуратуры дошел до Госсовета, он выступил бы безусловным его противником. Одновременно П.П. Кобылинский считал, что проект В.К. Саблеру «не поможет», так как не дает ему возможности «требовать, чтобы Дума, не входя в обсуждение его, беспрекословно вотировала соответствующую сумму» бюджета духовного ведомства. Однако обер-прокурор беспокоился о прохождении через законодательные учреждения не церковного бюджета, а совсем других законопроектов. При этом довольно осторожно смотрели на дело и опрошенные журналистами иерархи¹⁷⁷⁵. Характерно, что в газетах писали о том, что «правительство Столыпина не разделяло идеологии Саблера», противопоставляя взгляд на церковные вопросы и на должные взаимоотношения духовного ведомства с законодателями покойного премьера и нынешних лидеров обер-прокуратуры¹⁷⁷⁶.

---

¹⁷⁷³ Там же. Лл. 10–18, 38–46; Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 г. М., 2005. С. 350–355.

¹⁷⁷⁴ Подборку газетных публикаций по этому вопросу см.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. Лл. 48–69.

¹⁷⁷⁵ Там же. Лл. 56, 59.

¹⁷⁷⁶ Там же. Лл. 62–63.

Примирительные высказывания были единичны. В частности, в таком духе выступил депутат Думы В.Н. Львов, будущий первый обер-прокурор Временного правительства¹⁷⁷⁷. Известный нам публицист Н.Н. Дурново (см.: Глава 2 § 7) напрямую связал разъяснение 65-й статьи с нежеланием разрешить должным образом вопрос об организации прихода и подверг духовное ведомство в связи с этим радикальной критике. Он писал, что без созыва Собора Синод вообще не имеет права законотворческой деятельности¹⁷⁷⁸. Выдающийся историк Церкви, заслуженный профессор Московской духовной академии, член фракции прогрессистов в Государственной думе Н.Ф. Каптерев говорил, что в принятом решении «замешаны вожделения предоставить церковной власти самодовлеющее значение». Он считал, что «беспристрастным иерархам, и духовенству, и обществу следует уразуметь все “скрытые ходы” в этом деле и отмежеваться от него»¹⁷⁷⁹. Между тем ряд авторов понимал, что конфликт вокруг разъяснения 65-й статьи Основных законов вскрыл одну из ключевых проблем существования Российской Церкви в условиях думской монархии: проблему компетенции народного представительства в церковной сфере в условиях, когда церковное управление и законодательство были тесно связаны с государственным законодательством и управлением. На неразделенность церковного и государственного законодательства указывал профессор П.В. Верховский, в будущем один из авторов посвященного государственно-церковным отношениям определения Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. «О правовом положении Православной Российской Церкви». Он писал, что в текущий момент «самостоятельность Синода несостоятельна», так как все его решения визируются представителями светской власти и утверждаются императором¹⁷⁸⁰. Н.Д. Кузнецов считал, что при наличии трех ветвей власти постановление, согласованное только с им-

---

¹⁷⁷⁷ Руководственное разъяснение 65-й статьи // Московские ведомости. 7 декабря 1913 г.

¹⁷⁷⁸ Дурново Н. По поводу разъяснения 65 статьи // Голос Москвы. 5 октября 1913 г.

¹⁷⁷⁹ —чб. 65 статья и иерархи. (Беседа с членом Государственной Думы, профессором Н.Ф. Каптеревым) // Петербургский листок. 29 октября 1913 г.

¹⁷⁸⁰ Верховский П.В., проф. К вопросу о 65 ст. Основных законов // Новое время. 8 ноября 1913 г. См. также: Синод, сенат и совет министров // День. 7 декабря 1913 г.

ператором, не будет иметь силы закона. Он обращал внимание на зарубежную практику (шведскую и сербскую), по которой церковные дела разрешались в законодательных палатах после одобрения церковной властью¹⁷⁸¹.

29 октября 1913 г. последовал запрос депутатов Думы, инициированный фракциями октябристов и кадетов, с требованием разъяснить, действительно ли состоялось такое решение правительства¹⁷⁸². В запросе депутаты указывали, что поскольку Синод – орган церковного управления, а органы управления – это органы государственной власти, то не представляется возможным отделить от государственного управления право церковного законодательства. Единственное возможное законодательство, говорилось в запросе, – это законодательство трех факторов: монарха, верхней палаты и народных представителей. За направление запроса проголосовали 219 депутатов, против – 50. Дума воспринимала принятое закулисное решение очень болезненно, поскольку это касалось вопроса об объеме ее законодательных полномочий, которые оказывались урезанными, причем во второй раз. Было ясно, что «полнозвония Синода ухудшают отношения его с народным представительством и затрудняют “сотрудничество”, там, где без такового сотрудничества не обойтись»¹⁷⁸³. Понятно, что это не увеличивало популярность В.К. Саблера. В глазах думцев и более широкой общественности он становился все более одиозной фигурой.

Сложившаяся ситуация беспокоила обер-прокурора. В апреле 1914 г. он обратился к премьеру И.Л. Горемыкину с предложением опубликовать журнал Совета министров от 23 сентября 1913 г., объясняя это тем, что ему необходимо будет объяснить, почему проект положения о православном приходе поступил в Государственную думу в разделенном виде¹⁷⁸⁴. И.Л. Горемыкин не дал на это согласия, но указал, что правительство не будет воз-

---

¹⁷⁸¹ Церковное законодательство и 65 ст. Основных законов // Русские ведомости. 30 ноября 1913 г.

¹⁷⁸² РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. Лл. 74–74 об.; [Без автора. Без названия] // Речь. 30 октября 1913 г.; Государственная Дума, заседание 29 октября // День. 30 октября 1913 г.

¹⁷⁸³ Вильский А. Приходская реформа // Русское слово. 3 ноября 1913 г.

¹⁷⁸⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. Лл. 77–78.

ражать, если В.К. Саблер выскажется о необходимости отдельного рассмотрения проектов духовного ведомства «в качестве личного мнения», «с указанием, что таковое мнение Ваше разделяется и Советом министров». Таким образом, глава правительства предлагал обер-прокурору принять на себя ответственность за состоявшееся решение, равно как и огонь критики. Далее в ответе премьера речь шла непосредственно о проекте устава православного прихода. И.Л. Горемыкин указывал, что «Основные положения о церковном управлении православным приходом», уже рассмотренные правительством, «не подлежат сообщению для сведения Государственной Думе». Им фактически придавался секретный или полусекретный характер. Кроме того, премьер давал указание о желательном времени внесения проекта в законодательные учреждения. Он рекомендовал отложить его «до предстоящего летнего перерыва занятий Государственной думы»¹⁷⁸⁵. Это и было исполнено: проект был внесен в Думу в начале лета 1914 г., соответственно его рассмотрение должно было начаться не раньше осени этого года. Но в действительности Дума вернулась к приходскому вопросу только в 1916 г.

Подготовка отдельного рассмотрения проекта и реакция на предложения духовного ведомства

По всей видимости летом 1913 г. шла подготовка разделенного варианта проекта, который должен был направляться на утверждение в соответствии с новыми правилами. В.К. Саблер намеревался подойти к этому вопросу довольно радикально. Предполагалось направить в Думу 12 статей проекта (ст. 24, 27, 28, 46, 47, 56, 65, 67–71), в которых говорилось о том, что прихожане участвуют в управлении приходскими делами через приходские собрание и совет, о составе приходского собрания, о членах приходского совета и их обязанностях, о праве прихода создавать общепользные учреждения, о составе средств прихода и их хранении, о разрешении приходам приобретать погребальные принадлежности и заниматься похоронами, а также о судьбе

---

¹⁷⁸⁵ Там же. Лл. 79–80.

приходского имущества в случае упразднения или разделения прихода. В случае осуществления этого плана рассмотрению нижней палаты было бы предложено менее 1/5 всего проекта, что было бы серьезным вызовом Думе. Остальные статьи редакции 1912 г. должны были утверждаться «в порядке верховного управления» вместе с «Основными положениями о церковном управлении православного прихода». Последние включали, с точки зрения ведомства православного исповедания, исключительно статьи церковно-канонического характера. К ним относились определение прихода, прихожан, храма, причта и церковного имущества, заимствованные из редакции 1912 г.¹⁷⁸⁶

Летом и осенью 1913 г. стала известна реакция других ведомств на планы обер-прокуратуры. Высказались сменивший в декабре 1912 г. А.А. Макарова на посту министра внутренних дел Н.А. Маклаков, министр юстиции И.Г. Щегловитов и государственный секретарь С.Е. Крыжановский. Ведомства признавали возможность раздельного прохождения проекта через законодательные палаты, но критично смотрели на вариант, предложенный духовным ведомством. Особенно критично высказывался министр внутренних дел. Газеты отмечали, что мнение Н.А. Маклакова было согласно с мнением его предшественника А.А. Макарова. Новый глава ведомства писал, что разделение церковных и приходских имуществ и устранение мирян от участия в церковно-имущественных делах не соответствует задаче возрождения прихода. Н.А. Маклаков подчеркивал, что тем самым проект «низводит на ничто значение мирского элемента» в приходе, а это «повлечет за собой равнодушие прихожан к церковно-приходскому делу и уничтожит все ожидаемые от реформ благие последствия для Церкви и веры». Особенно опасной с этой точки зрения министру представлялась 52-я статья проекта, согласно которой епархиальной архиерей мог отстранять «неблагонадежных» членов приход-

---

¹⁷⁸⁶ Разногласия членов кабинета по законопроекту о приходе // Речь. 24 июля 1913 г.; Законопроект о приходе // День. 6 ноября 1913 г.; Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 19; *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. С. 105.

ского совета. Эта статья, как писал Н.А. Маклаков, «повлечет за собой неминуемо полнейшее уничтожение самостоятельности приходского совета» и превратит его в «совещательное учреждение при приходском священнике»¹⁷⁸⁷.

Кроме того, министр внутренних дел подверг критике религиозную риторику саблеровской редакции. Он указывал, что статьи проекта, описывающие религиозные обязанности священника по отношению к пастве и прихожан по отношению к священнику и приходу, а также порядок поставления причта к храму (ст. 2, 3, 12, 15, 20), затрагивают стороны церковной жизни, которые регулируются церковными нормами и вообще не должны подлежать государственной юрисдикции, то есть входить в так или иначе утверждаемый государственной властью правовой акт. Также министр отмечал, что статья 16, в котором говорилось о том, что священник управляет приходом под руководством архиерея и при участии прихожан, не нужна, так как носит декларативный характер и ставит под сомнение «истинный характер преобразований»¹⁷⁸⁸. При этом Н.А. Маклаков вряд ли уступал своему предшественнику в консерватизме. Как раз в октябре 1913 г. он предлагал императору пересмотреть законодательные права Государственной думы, превратив ее в законосовещательный орган. Переработанные при нем проекты о реформе земского самоуправления предполагали отказ от демократизации местного (само)управления, на что делал ставку П.А. Столыпин¹⁷⁸⁹.

Министр юстиции и государственный секретарь высказались за расширение списка статей, представляемых на утверждение законодательных палат. И.Г. Щегловитов полагал, что в законодательном порядке должны быть утверждены положения, не только устанавливающие имущественную правоспособность приходов и их организацию, но и предусматривающие порядок

---

¹⁷⁸⁷ Замечания министра внутренних дел на синодальный законопроект о реформе прихода // День. 30 октября 1913 г.; Разногласия членов кабинета по законопроекту о приходе // Речь. 24 июля 1913 г.; Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 16; [Без автора. Без названия] // Русские ведомости. 28 июля 1913 г.

¹⁷⁸⁸ Разногласия членов кабинета по законопроекту о приходе // Речь. 24 июля 1913 г.

¹⁷⁸⁹ Кризис самодержавия в России. С. 525–527.

их учреждения, упразднения и внутреннего управления, «насколько эта организация касается порядка осуществления имущественных правомочий»¹⁷⁹⁰. С.Е. Крыжановский считал, что законодательно должны быть утверждены статьи 1, 4, 6, 18, 19, 23–71, то есть содержащие определение прихода и прихожан, порядок открытия и упразднения прихода, указание о церковном письмоводстве и целиком главы о приходских собраниях, совете и средствах прихода. Таким образом, с его точки зрения, могли быть исключены только главы о храме и о причте, остальной проект практически целиком подлежал внесению в Государственную думу¹⁷⁹¹.

В начале ноября 1913 г. Синод приступил к рассмотрению разделенного проекта¹⁷⁹². Его предстояло скорректировать в свете замечаний ведомств. Собщались интересные детали относительно комментариев обер-прокурора на отзывы министров. Отмечалось, что на критику в адрес 52 статьи он не отреагировал никак¹⁷⁹³. По поводу критики Н.А. Маклакова в связи с разделением церковного и приходского имущества, а также в связи с обсуждением предложения Государственной думы, высказанного в конце первой сессии¹⁷⁹⁴, о необходимости рассмотреть возможность освободить церкви от взносов на духовно-учебные заведения обер-прокурор сослался на каноны, по которым распорядителем имущества являлся епископ, и будто бы заявил, что взносы церковью невелики и поэтому «неустройство приходской жизни» не зависит от обложения церковью взносами. Синод согласился с этим утверждением¹⁷⁹⁵.

---

¹⁷⁹⁰ Разногласия членов кабинета по законопроекту о приходе // Речь. 24 июля 1913 г.; Новое применение ст. 65 // День. 23 октября 1913 г.; Законопроект о приходе // День. 6 ноября 1913 г.

¹⁷⁹¹ Разногласия членов кабинета по законопроекту о приходе // Речь. 24 июля 1913 г.; Первое применение 65 статьи // Новое время. 23 октября 1913 г.; Законопроект о приходе // День. 6 ноября 1913 г.; Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 19.

¹⁷⁹² [Без автора. Без названия] // Новое время. 5 ноября 1913 г.; *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. С. 108–109.

¹⁷⁹³ Замечания министра внутренних дел на синодальный законопроект о реформе прихода // День. 30 октября 1913 г.; Разногласия членов кабинета по законопроекту о приходе // Речь. 24 июля 1913 г.

¹⁷⁹⁴ Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 3–4.

¹⁷⁹⁵ 65 статья и реформа прихода // Речь. 13 ноября 1913 г.; О законодательном направлении законопроекта о приходе // Новое время. 14 ноября 1913 г.; Замечания министра внутренних дел на синодальный законопроект о реформе прихода // День. 30 октября 1913 г.; Разногласия членов кабинета по законопроекту о приходе // Речь. 24 июля 1913 г.

Вообще В.К. Саблер не скрывал от членов Синода, что в Совете министров «высказываются сомнения относительно возможности удаления прихожан от управления» церковным имуществом в приходе, но на ряду с этим делал акцент на разногласиях среди членов правительства «по поводу разделения имуществ на церковные и приходские»¹⁷⁹⁶.

Примечательно, что «некоторые члены» Синода (их имена не назывались) говорили о том, что применять новый порядок рассмотрения законопроектов духовного ведомства к приходскому проекту нет необходимости, что в Думе урезанный законопроект встретят с явной оппозицией, что проект может пройти через палату целиком. Сообщалось, однако, что это мнение не вызвало сочувствия у других членов Синода¹⁷⁹⁷. Между тем мнение тех членов Синода, которые выступали за то, чтобы не раздражать Думу и представить проект целиком, все же возобладало. В конце обсуждения проекта «Синод внес пожелание, чтобы Совет министров внес в законодательные учреждения весь проект в целом, независимо от того, какая часть проекта будет проведена в порядке разъясненной 65-й статьи»¹⁷⁹⁸. Речь шла о том, что в Думу будет внесен Устав православного прихода, а «Основные положения о церковном управлении православного прихода» будут представлены на высочайшее утверждение через обер-прокурора, а Совету министров сообщены «для сведения»¹⁷⁹⁹. Именно так – *уставом*, а не *положением* – именовался синодальный проект в своей последней редакции. Синод закончил обсуждение проекта 4 декабря 1913 г. Как утверждал В.К. Саблер, во время постатейного чтения в проект были внесены лишь незначительные исправления, а сам пересмотр проекта носил «скорее характер ознакомления с ним новых членов синода»¹⁸⁰⁰. Мы увидим, что на деле изменения носили более существенный характер. Впрочем, основную редактуру проекта выполнили не члены Сино-

---

¹⁷⁹⁶ Законопроект о приходе // День. 6 ноября 1913 г.

¹⁷⁹⁷ 65 статья и реформа прихода // Речь. 7 ноября 1913 г.

¹⁷⁹⁸ Реформа прихода // Русское слово. 21 ноября 1913 г.; М. А-инь. В.К. Саблер – о реформе прихода. Беседа // Петербургская газета. 22 ноября 1913 г.; В Синоде // День. 23 ноября 1913 г.

¹⁷⁹⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 г. М., 2006. С. 65.

¹⁸⁰⁰ М. А-инь. В.К. Саблер – о реформе прихода.

да, а его юрисконсульт В.В. Радзимовский и директор канцелярии П.В. Гурьев¹⁸⁰¹.

Комментаторы особым образом останавливались на том факте, что в законодательные учреждения было решено представить не урезанный вариант приходского устава. В этом видели проявление «нового течения», направленного на выстраивание более благоприятных отношений между духовным ведомством и Государственной думой. Олицетворением этого течения называли обер-прокурора, который якобы настоял на внесении проекта в Думу в полном виде. Утверждалось, что депутатам «решено предоставить полную свободу критики проекта», в том числе ключевых спорных параграфов¹⁸⁰². Это могло соответствовать действительности. В.К. Саблер был очень чуток по отношению к настроениям в высших сферах. Он знал, что изъятие церковных вопросов из ведения Государственной думы соответствовало представлениям императора о пределах ее полномочий. Более того, разъяснение 65 статьи Основных законов практически совпало по времени с демаршем Н.А. Маклакова, как было сказано выше, готовившим преобразование Думы в законосовещательный орган. Однако в конце 1913 г. и особенно в первой половине 1914 г. похолоданию в отношениях между двором, правительством и нижней палатой пришла на смену очередная оттепель. Сменивший 31 января 1914 г. В.Н. Коковцова на посту председателя правительства И.Л. Горемыкин демонстрировал благожелательное отношение к Думе. Император в это же время рекомендовал министрам «не ссориться, и не травить, и не дразнить Думу»¹⁸⁰³. Колебания в отношениях «высших сфер» и законодательной палаты четко отражались на движении приходского вопроса.

Между тем в течение осени 1913 г. росло общественное напряжение вокруг синодального проекта о православном приходе. Состоялось обсуждение

---

¹⁸⁰¹ 65 статья и реформа прихода // Речь. 13 ноября 1913 г.; О законодательном направлении законопроекта о приходе // Новое время. 14 ноября 1913 г.; Реформа прихода // Русское слово. 21 ноября 1913 г.; М. А-инъ. В.К. Саблер – о реформе прихода; В Синоде // День. 23 ноября 1913 г.; [Без автора. Без названия] // Биржевые ведомости, вечерний выпуск. 5 декабря 1913 г.; Реформа прихода // Речь. 19 декабря 1913 г.

¹⁸⁰² Паозерский М. Новое течение в Св. Синоде // Вечернее время. 11 июня 1914 г.

¹⁸⁰³ Кризис самодержавия в России. С. 526–531.

приходской реформы в предсоборном совещании придворного духовенства. Выяснилось, что члены совещания не сочувствуют синодальному проекту и выступают за тот, что выработало Предсоборное присутствие. Их точка зрения была доложена Синоду, который принял ее к сведению, но постановил не публиковать журналов совещания по этому вопросу¹⁸⁰⁴. Пресса критично отзывалась о новой редакции синодального проекта. «Русские ведомости» писали, что о «возрождении церковной жизни настоящий законопроект совершенно не помышляет, и от осуществления или не осуществления его ровно ничего в церковной жизни не изменится»¹⁸⁰⁵. Автор «Современного слова» говорил, что приход в проекте – это «учреждение, которое явно и неприкрыто носит в себе начала не единения, а наоборот, разъединения», и «даже старое мертвое приходское попечительство не носило в своем уставе такой печати пренебрежения к “слушающему народу”». Тот же автор в противовес утверждению обер-прокурора, что взносы церквей незначительны и от них не зависит «неустройство приходской жизни», приводил статистику за 1903 г. Тогда доходы приходских церквей 62 епархий составили 34 613 628 руб., а налоги с них для того же года, по подсчетам К.И. Ровинского (см.: Глава 3 § 6), – 8 227 000 руб., и, как писал автор, «эта цифра должна считаться сильно приуменьшенной»¹⁸⁰⁶.

Ряд газет считали, что если бы не давление Думы, проекта не было бы вообще. При этом характеризовали его как «отписочный проект», то есть ведомство подозревалось в том, что оно намеренно подготовило такой законопроект, который не пройдет ни в правительстве, ни в Думе, и соответственно в том, что оно стремится провалить реформу и идет на сознательную конфронтацию с народным представительством. Такую версию озвучивали как

---

¹⁸⁰⁴ В предсоборном совещании // Речь. 17 ноября 1913 г.; Придворное духовенство о церковных реформах // Биржевые ведомости, утренний выпуск. 26 ноября 1913 г.

¹⁸⁰⁵ [Без автора. Без названия] // Русские ведомости. 28 июля 1913 г.

¹⁸⁰⁶ *Бывший профессор*. Новый этап в движении приходской реформы // Современное слово. 1 ноября 1913 г.

общероссийские, так и провинциальные газеты¹⁸⁰⁷. Репутация как ведомства, так и Синода в связи с приходским вопросом подвергалась новому испытанию. Одновременно печать указывала на близость позиций Государственной думы и правительства и выражала надежду на то, что теперь, при поддержке правительства приходский вопрос будет разрешен Думой в осеннюю сессию, а проект в палате будет доработан¹⁸⁰⁸. Некоторые авторы соглашались с тем, что «область чисто церковного значения» может остаться «запретной для законодателей», но задавались вопросом, «разве можно искусственно притягивать к ней такие пункты, как статья, определяющая юридически точное понятие о приходе или устанавливающая порядок открытия и упразднения прихода или присоединения к другому?»¹⁸⁰⁹

Н.Н. Дурново писал о том, что авторитет Синода «подорван», и он один, без законодательных учреждений не может решать такой важный вопрос как вопрос о приходе¹⁸¹⁰. Публицист указывал и на сословные и экономические причины неприятия «общественного» варианта приходской реформы в духовном ведомстве и в целом в кругах приходского духовенства. Он иллюстрировал результат преобразований на примере доходов и расходов среднего московского прихода. По его подсчетам, доход прихода, владеющего доходными церковными домами, составлял 50 тысяч руб. в год. Половина этой суммы, по мнению Н.Н. Дурново, шла на содержание причта: священнику – 12 тысяч (при этом он «плату за обязательные требы, даже за исповедь, берет исправно»), диакону – 6 тысяч р., двум псаломщикам – по 3 тысячи руб. Все они при этом пользовались квартирами в церковном доме. Вторая половина дохода шла на храм (ремонт, наем певчих) и на взносы в епархию (на содержание «никого в православие не обращающих миссионеров», на содержание московской духовной консистории и др). Н.Н. Дурново писал, что в случае

---

¹⁸⁰⁷ К реформе прихода // Речь. 13 августа 1913 г.; О приходе // Современное слово. 15 августа 1913 г.; *Карташев А.* «Мы» и «они» в церкви // Речь. 24 июля 1913 г.

¹⁸⁰⁸ Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. С. 19; *Папков А.* Ближайшая судьба приходского вопроса // Голос Москвы. 14 сентября 1913 г.; *Н.В.* Приходская реформа // Петербургский листок. 4 августа 1913 г.

¹⁸⁰⁹ [Без автора. Без названия] // Свет. 27 октября 1913 г.

¹⁸¹⁰ *Дурново Н.* Церковь и законодательные учреждения // Голос Москвы. 11 декабря 1913 г.

реализации проекта А.А. Папкова у священника было бы 3–4 тысячи руб. в год и на него был бы возложен запрет брать деньги за обязательные требы, квартира «приличная, но не многотысячная». У приходского совета оставалось бы около 40 тысяч руб. ежегодно, на эти деньги можно было бы организовать училище, приют для детей, богадельню, оказывать ежемесячную помощь приходским бедным. Однако, заключал публицист, такое устройство прихода ведомство и духовенство «называют протестантским»¹⁸¹¹. Впрочем, как обстояло бы дело в сельских приходах Н.Н. Дурново не писал.

Эмоциональной критике подверг проект А.А. Папков:

Какие причины заставляют наши синодальные власти игнорировать работы по приходскому преобразованию бывшего предсоборного присутствия и измышлять новый приходский проект совершенно реакционного направления, вышедший не из недр «внутрицерковных», а из недр «ведомственных», «т.е. чиновничьих», – непонятно. Грустно было бы думать, что эти причины заключаются в полном нежелании этих властей ввести канонически-дозволяемые и настоятельно необходимые преобразования в наших приходах, а для сокрытия этого нежелания стараются замаскировать его созданием такого приходского устава, который вряд ли привьется к нашей церковно-общественной жизни¹⁸¹².

В другой своей статье он писал, что синодальный проект составлен «под влиянием клерикально-бюрократических воззрений и понятий»¹⁸¹³. В этих условиях довольно раздраженной критики 19 декабря 1913 г., перед самыми рождественскими каникулами проект приходского устава вместе с «Основными положениями» был внесен в Совет министров¹⁸¹⁴.

---

¹⁸¹¹ Дурново Н. Приходский вопрос и церковные братства // Санкт-Петербургские ведомости. 21 августа 1913 г.

¹⁸¹² Папков А. По поводу синодального проекта приходского устава // Новое время. 3 ноября 1913 г.

¹⁸¹³ Папков А. Ближайшая судьба приходского вопроса.

¹⁸¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 108.

Рассмотрение Устава православного прихода в Совете министров

Правительство рассматривало синодальный проект 23 января 1914 г.¹⁸¹⁵ Оно придавало приходскому вопросу большое значение, что видно из зафиксировавшего обсуждение проекта особого журнала Совета министров, который открывался такими словами:

В числе предположений первостепенной важности, направленных к упорядочению и улучшению различных сторон нашей государственной и общественной жизни, едва ли не первенствующее значение надлежит придать вопросу об оживлении приходской жизни¹⁸¹⁶.

Особенную актуальность, по мнению членов кабинета, приходский вопрос приобрел после 1906 г., в контексте «дарования сектантам и старообрядцам правильно организованного приходского устройства», когда православные оказались «в значительно менее выгодных условиях», в том числе потому, что положения о попечительствах и братствах оказались устаревшими. Правительство констатировало неудовлетворительное состояние православного прихода:

Устранение прихожан от действительного участия в заведовании приходскими делами приводит к безразличному и безучастному отношению их к интересам церкви, ставит их в положение лишь посещающих храм богомольцев и подавляет какую-либо их самодеятельность¹⁸¹⁷.

Одновременно, говорилось в журнале, связь между причтом и прихожанами «не проявляется ныне с достаточной силою». Выход из этой ситуации министры видели в «воссоздании приходского самоуправления и предоставление прихожанам участия в заведовании духовными и материальными потребностями церковной общины». Начало работы над законопроектом о приходе они относили к поручению правительства от 17 октября 1906 г., а последним поводом для его переработки называли решение от 23 сентября 1913

---

¹⁸¹⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 г. С. 63–67.

¹⁸¹⁶ Там же. С. 63.

¹⁸¹⁷ Там же.

г. об особом порядке прохождения проектов духовного ведомства. Правительство согласилось с произведенным ведомством разделением проекта и в целом одобрило представленный устав. Рассматривая проект по существу, Совет министров остановился на двух ключевых для приходских преобразований вопросах: о территориальном принципе формирования прихода и об основах приходской экономики.

Правительство выступило против той жесткой формы, в какой территориальный принцип был закреплен в синодальном проекте. В нем, в частности, прихожане обязывались обращаться «за всеми требоисправлениями» к своему приходскому священнику. Отступление от этого правила разрешалось только в смертных случаях, то есть снова подтверждалось правило, закрепленное в Уставе духовных консисторий. Министры считали, что «безусловное прикрепление прихожан к своим приходам» противоречит «издавня установившемуся» российскому бытовому укладу и практически нереализуемо. Они напоминали, что в крупных городах миряне нередко обращаются к причтам домовых церквей, формально бесприходных, а как городские, так и сельские жители часто говеют в монастырях. Совет министров полагал необходимым разрешить обращаться за требоисправлением к любому священнику, независимо от принадлежности к приходу. Кроме того, правительство считало вредным для интересов самой Православной Церкви запрещать мирянам приписываться более, чем к одному приходу. В качестве примера указывалось на горожан, часть года проживавших в сельской местности, на выходцев из села, желавших сохранить связь с приходом на своей родине, на создателей храмов, не проживавших в их приходах. При этом министры подчеркивали, что вследствие снятия столь жестких ограничений принцип, согласно которому устанавливалась связь между проживающими на территории прихода и его храмом и учреждениями, «не должен быть поколеблен». Прихожане, по мысли членов правительства, должны были нести установленную в законе ответственность за приходский храм и приходские учре-

ждения¹⁸¹⁸. Это было особенно важно в свете замечаний Совета министров относительно основ приходской экономики.

Члены правительства ставили на вид ведомству православного исповедания тот факт, что в проекте остался не разработан вопрос о приходском самообложении. Они называли этот вопрос «едва ли не центральным вопросом» всей реформы. Министры считали, что «право самообложения представляется необходимым условием для жизни всякой вообще самоуправляющейся единицы». Поскольку приходу даются права юридического лица, рассуждали они, то для приобретения и содержания имущества он должен располагать «заранее учитываемыми» доходами, что возможно только при самообложении. В соответствии с этим правительство считало необходимым дополнить проект правилами об обязательных для всех жителей прихода приходских сборах, устанавливаемых приходским собранием, об их раскладке и процедуре взыскания¹⁸¹⁹. Отметим, что из этих рассуждений министров очевидно, что они считали приход самоуправляющейся единицей, с чем, как мы помним, не были согласны авторы синодальных проектов.

Помимо этого, члены кабинета сделали ряд замечаний по конкретным статьям проекта. Они указывали на необходимость перенести из «Основных положений» определение прихода и прихожан. Ради упрощения ведения приходских списков они предлагали исключить из них сведения об образовании прихожан. В статье о препятствиях к участию в приходском собрании они считали неопределенным выражение «уклоняющиеся от ежегодного исполнения христианского долга исповеди и причастия» и предлагали заменить его точным указанием, что не допускаются на собрание те, кто не причащался по крайней мере три года подряд. Министры предлагали снизить кворум приходских собраний, созываемым для решения «денежных вопросов», заметив, что при наделении прихода имущественными правами всякое собрание будет заниматься этими вопросами. Также они облегчили процедуру согла-

---

¹⁸¹⁸ Там же. С. 65–66.

¹⁸¹⁹ Там же. С. 66.

сования образца приходской печати. После внесения указанных исправлений они считали возможным предоставить обер-прокурору направить проект на законодательное рассмотрение¹⁸²⁰.

Исторический для приходского вопроса журнал подписали В.К. Саблер, морской министр И.К. Григорович, государственный контролер П.А. Харионов, министр путей сообщения С.В. Рухлов, И.Г. Щегловитов, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, Л.А. Кассо, товарищ главного управляющего земледелием и землеустройством П.Н. Игнатьев. Заверил журнал помощник управляющего делами Совета министров И.Н. Лодыженский. Характерно, что в обсуждении не участвовали премьер И.Л. Горемыкин и такой ключевой министр как глава Министерства внутренних дел Н.А. Маклаков. 25 апреля 1914 г. особый журнал Совет министров «О преобразовании православного прихода» был утвержден императором¹⁸²¹. В начале 1914 г. интерес к приходской теме в прессе заметно пошел на убыль. Все ждали внесения проекта в Государственную думу и начала его обсуждения в законодательной палате. Тем временем проект был исправлен в соответствии с указаниями Совета министров, и 21 мая 1914 г. Синод предоставил обер-прокурору войти с проектом в законодательные учреждения. 8 июня, за считанные недели до начала Первой мировой войны дело «Об утверждении проекта Устава православного прихода» было внесено в Государственную думу¹⁸²².

Редакция В.К. Саблера 1914 гг.

В финальной редакции проекта, поступившей в Думу, были учтены не только замечания, высказанные правительством, но и отзывы руководителей ведомств. Так, редакторы проекта последовали большинству советов государственного секретаря. В соответствии с его предложением, были опущены главы «О храме» и «О причте». Зато появилась глава «О приходских повин-

---

¹⁸²⁰ Там же. С. 66–67.

¹⁸²¹ Там же. С. 63, 67.

¹⁸²² РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 108, 167 об.

ностях», которая – как того требовал кабинет – устанавливала обязательные сборы с прихожан, назначаемые по решению приходского собрания. Проекту предпосылалось обширное введение, в котором излагалась история разработки синодального проекта, а также делался экскурс в историю православного прихода в основном в России¹⁸²³.

Редакция 1914 г. состояла из 62 статей, собранных в семь глав: 1) О приходе (ст. 1–5), 2) О прихожанах (ст. 6–9), 3) О приходском собрании (ст. 10–29), 4) О приходском совете (ст. 30–39), 5) Об имуществе (ст. 40–47), 6) О приходских повинностях (ст. 48–55), 7) О приходских учреждениях (ст. 56–62)¹⁸²⁴. Последовательность статей изменена. Несколько скорректировано было само определение прихода. Теперь приходом называлось не «собрание», а «союз» православных христиан. Подчеркивалось, что через местного епископа этот союз принадлежит «к единой святой соборной и апостольской Церкви». Последняя фраза почти в точности воспроизводила аналогичное место из объяснения к 1 ст. редакции П.П. Извольского. Авторы новой редакции стремились в наиболее заметных местах заменять канцеляризмы на церковную лексику. Например, прихожанами теперь назывались не «лица православного исповедания», а лица, «исповедующие святую православную веру» (ст. 2, ср. ст. 19 редакции 1912 г.).

Вместе с главой «О причте» исчезла и норма о праве прихожан ходатайствовать за известного им кандидата в члены причта, в той или иной форме сохранявшаяся во всех предыдущих редакциях. Глава «О прихожанах» была сокращена, в частности, в соответствии с требованием правительства, было опущено указание на обязанность прихожан обращаться за требоисправлением именно к своему священнику. Также в соответствии с правительственной

---

¹⁸²³ Там же. Лл. 155–175. В основу исторического экскурса была положен очерк профессора Санкт-Петербургской духовной академии П.Н. Жуковича «Некоторые черты исторической церковно-приходской жизни на Руси» (СПб., 1912). См.: Там же. Лл. 193–210 об. Его автор справедливо указывал на невозможность реконструировать приходские порядки центральной России в XVI–XVII вв. по состоянию современных им северно-русских приходов (как это делал А.А. Папков). Он обращал внимание на значительное влияние крепостных отношений и вотчинного права на приходское устройство в Московской Руси в эти века.

¹⁸²⁴ Там же. Лл. 187–192.

рекомендацией новое положение вводила ст. 8, согласно которой прихожане могли быть приписаны «по своему желанию» не только к своему, но и чужому приходу, что не освобождало их «от связи с их приходским храмом и приходскими учреждениями». На такую приписку следовало получить согласие приходского собрания того прихода, к которому человек хотел приписаться. В скольких приходах мог одновременно значиться конкретный прихожанин, редакция не оговаривала. Приходские книги, по новой редакции, должны были именоваться «приходскими списками» (ст. 6), форма их оставалась прежней за исключением указания на образование прихожан.

В главе «О приходском собрании» был изменен порядок статей. Он стал более логичным. Сначала обсуждались вопросы состава собрания, затем – места его созыва и затем – порядок его созыва. Ограничительный характер предшествующей редакции, согласно которой членами собрания могли быть только «отцы семейств» или заменяющие их члены, был смягчен. Теперь членами собрания признавались «все лица, платящие приходские сборы» (ст. 10). Условия недопущения на собрание также были смягчены. Согласно более ранней редакции, в нем не мог участвовать, уклоняющийся «от ежегодного исполнения христианского долга исповеди и святого причастия», теперь членом собрания не мог быть тот, кто не исповедовался и не причащался «по крайней мере в течение трех лет сряду» (ст. 11). Был понижен с 2/3 до половины прихожан, «фактически проживающих в приходе», кворум для признания правомочными собраний, на которых должны были происходить выборы членов приходского совета, установление сборов, принятие решений о приобретении или отчуждении приходской недвижимости. Новое понятие «фактически проживающих в приходе» прихожан не было уточнено, но давало возможность на практике считать собрание состоявшимся при еще меньшем числе присутствующих (ст. 19). Такая практика могла быть удобна фактическим руководителям прихода. В круге полномочий собрания появился новый пункт, согласно которому собрание могло принимать решение «об учреждении стипендий в духовно-учебных заведениях для окончивших учение в

начальных школах прихода». Это был отголосок идей, сформулированных в отзывах епархиальных преосвященных. Был точно сформулирован список дел, требующих санкции епархиальной власти.

Также собрание теперь могло рассматривать вопросы о разделе приходского имущества при разделе прихода и ходатайствовать о присвоении пожизненного звания попечителя (или попечительницы) прихода «храмоздателям и лицам, особенно потрудившимся в деле сооружения, благоустройства и содержания» храма (ст. 20). Причем попечители становились непременно членами приходского совета (ст. 30). Если ранее Инструкция церковным старостам предусматривала поощрение спонсоров различными наградами, то проект 1914 г., помимо почетного звания, предполагал дать им реальную власть в приходе. Понятно, что при наличии в составе совета такого попечителя, полномочия коллективного органа стремились бы к нулю: все дела решали бы прежде всего священник и попечитель. Описание процедуры удаления конфликтующих со священником членов совета было несколько смягчено. Было опущено положение о замене удаленных членов архиереем по представлению причта. Теперь речь шла о переносе этого вопроса на ближайшее приходское собрание (ст. 35). Но это означало, что при определенных обстоятельствах в течение нескольких месяцев или даже полугода до очередного собрания совет будет действовать или в урезанном виде (например, в составе только священника и старосты), или в него все же будут назначены новые члены по усмотрению настоятеля. Власть настоятеля в приходском совете в общем осталась той же, что и в редакции 1912 г.

Глава «О средствах прихода» редакции 1912 г. теперь превратилась в главу «Об имуществе». Три первых статьи прошлой редакции, в которых говорилось о церковном имуществе и о власти над ним епископа, были заменены двумя краткими статьями, где только констатировалось различие приходского и церковного имущества и то, что последнее находится в «ведении церковной власти» (ст. 40, 41). Вторая саблеровская редакция стала более компактной, но сохранила философию своей предшественницы.

Дальнейшая судьба последней синодальной редакции проекта складывалась таким образом. Законопроект с соответствующим представлением обер-прокурора (в количестве 550 экземпляров печатных оттисков для раздачи депутатам) поступил в Государственную думу 13 июня 1914 г. После прохождения необходимых формальностей 28 января 1915 г. законопроект был передан в думскую Комиссию по делам Православной Церкви¹⁸²⁵. Но 5 августа 1915 г., сменивший В.К. Саблера на посту обер-прокурора А.Д. Самарин направил письмо председателю Государственной думы М.В. Родзянко с просьбой вернуть внесенный в Думу проект «для ознакомления и соображения». Это было исполнено 21 августа 1915 г.¹⁸²⁶ Сын Д.Ф. Самарина и брат Ф.Д. Самарина не мог относиться не скептически к «бюрократическому» проекту приходского устава. Вместе с тем, в правительство он был введен как представитель общественности, что было частью поиска компромисса кабинета и думского «прогрессивного блока». Можно было ожидать, что новый обер-прокурор постарается сблизить ведомственный проект с ожиданиями общества. Возможно, этого от него ожидало и само общество. Реформа прихода «как залог оживления приходской жизни» упоминалась в записке думского духовенства, поданной А.Д. Самарину 4 августа 1915 г. В ней перечислялись желательные церковные преобразования. По некоторым данным, на необходимость скорейшего разрешения приходского вопроса указывал обер-прокурору и император. Исполнить его волю можно было ускорив прохождение законопроекта через Думу, но для этого нужно было сблизить ведомственный проект с ее ожиданиями¹⁸²⁷. Однако А.Д. Самарин недолго занимал кресло обер-прокурора. В сентябре 1915 г. его сменил А.Н. Волжин. Последний 13 декабря 1915 г. снова вернул проект о приходе в Государ-

---

¹⁸²⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 478. Лл. 1–39.

¹⁸²⁶ Там же. Лл. 40–41.

¹⁸²⁷ Кризис самодержавия в России. С. 572–575; *Бокарева Л.С.* Реформа православного прихода 1914–1917 гг.: Синодальное ведомство // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. Вып. 4. С. 136; *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. С. 125–127.

ственную думу, на этот раз без всякого дополнительного рассмотрения в Синоде¹⁸²⁸.

Отзыв Министерства внутренних дел на вторую саблеровскую редакцию

К началу 1916 г. относится последняя дошедшая до нас развернутая реакция на финальную редакцию синодального проекта приходского устава. Видимо, в рамках подготовки к слушаниям проекта в думской комиссии был составлен отзыв Министерства внутренних дел¹⁸²⁹. Этот объемный документ состоял из трех частей: собственно замечаний министерства «на некоторые статьи синодальных проектов “Устава православного прихода”», сравнительно краткого обзора отзывов епархиальных архиереев по вопросу о приходской реформе, составленного, видимо, также в министерстве, и критических замечаний на «некоторые положения» из объяснительных записок к синодальным проектам устава¹⁸³⁰. Отзыв министерства включал в себя выдержки из более ранних комментариев, материалов и внутриведомственной аналитики, которые накапливались в министерстве в связи с вопросом о преобразовании православного прихода. Не случайным, думается, было появление в составе министерских замечаний и дайджеста из отзывов епархиальных архиереев: светская бюрократия как бы противопоставляла свою позицию и позицию иерархов косности духовного ведомства.

В министерском отзыве объяснялось, почему неприемлемо рассмотрение приходского проекта в особом, разделенном порядке. По мнению со-

---

¹⁸²⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Лл. 2–2 об., 39.

¹⁸²⁹ В документе имя министра не указано. Весной 1916 г. на этом посту побывали А.Н. Хвостов (до 3 марта) и Б.В. Штюрмер: Россия вступала в пору министерской чехарды. Возможно, к составлению этого документа имел отношение А.А. Макаров, который был близок с Б.В. Штюрмером и 7 июля 1916 г. стал министром юстиции в его правительстве. Содержание этого отзыва вполне согласуется с позицией А.А. Макарова более раннего периода.

¹⁸³⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 95, 96 об.–112 об., 113, 114 об.–119, 124, 125–127 об. Замечания не датированы, но В.К. Саблер и И.Г. Щегловитов упоминаются в них как бывшие обер-прокурор и министр юстиции. (См.: Там же. Лл. 108–108 об.) Оба получили отставку в июле 1915 г., тем самым документ не мог быть составлен ранее этой даты. Кроме того, мы знаем, что с сентября по декабрь 1915 г. проект находился без движения в канцелярии обер-прокурора. Поэтому наиболее вероятным временем написания замечаний нам представляются февраль – март 1916 г., когда готовились слушания проекта в думской комиссии по делам Православной Церкви.

трудников министерства, при разделении проекта в нем «утрачивается понятие» о церковно-приходском имуществе (т.е. имуществе приходской церкви) и «упраздняется вопрос» о способе управления этим имуществом, хотя определение Синода от 18 ноября 1905 г. уже «предустановило», что оно должно управляться причтом совместно с приходским советом. Получается, что законодательные учреждения должны рассматривать только вопрос о приходском имуществе. Но церковно-приходское имущество и собственно приходское на практике и юридически трудно различимы:

Одни жертвуемые прихожанами деньги, собираемые в храме в кошельки, тарелки и кружки на благоустройство этого храма и его принадлежностей будут именоваться и почитаться «церковным имуществом» и находиться в исключительном ведении церковной власти, а другие суммы, жертвуемые теми же прихожанами, в том же храме и на те же самые цели, но собираемые только в другие кошельки, тарелки и кружки будут именоваться и почитаться «приходским имуществом» и находиться в исключительном ведении приходского собрания и приходского совета¹⁸³¹.

Если Синод допускает прихожан тратить приходские деньги на церковные цели, то почему бы не разрешить им распоряжаться церковными средствами для тех же самых целей, рассуждали они. Вообще вопрос о разделении церковного и приходского имуществ и соответственно об учреждении в приходе двух юридических лиц подвергся в отзыве обстоятельному обсуждению. Такое разделение, по мнению министерства, не соответствовало задаче возрождения прихода. Последнее было возможно только при условии привлечения мирян к активному участию в приходских делах, а разделение имущества и устранение мирян «от всякого прикосновения» к церковным имуществам не могло содействовать этой цели и только закрепляло «в новой форме ненормальное положение мирян» по отношению к духовенству и церковному имуществу. Такое разделение, по словам отзыва, было тем более странным, что проекты устава рассматривали приход как «церковное учреждение», находящееся в подчинении епископа и под его контролем. Следо-

---

¹⁸³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Лл. 108 об.–109.

вательно, церковная власть имела бы возможность наблюдать за целевым использованием средств. Министерские чиновники замечали, что синодальные проекты не приводят никаких принципиальных соображений в пользу такого разделения, а «исключительно ограждают существующий в настоящее время порядок заведования церковным имуществом»¹⁸³².

Характерно, что сотрудники министерства квалифицированно обсуждали проблему применимости канонов к современному им приходскому устройству. Они отмечали, что при принципиально ином масштабе и характере епархиальной жизни XIX–XX вв. буквальное следование некоторым каноническим правилам и сосредоточение управления церковным имуществом в руках епископов «по необходимости должно было получить бумажный бюрократический характер». Они также рассматривали три концепции о субъекте имущественных прав на церковное достояние: о принадлежности его Богу, нищим и церковной общине. Они приходили к выводу, что в первом и втором случае речь идет о целях использования этого имущества, а не о собственности в буквальном смысле, то есть о том, что это имущество должно употребляться на «угодные Богу» цели и на помощь бедным. Авторы отзыва, опираясь на мнение канониста Н.С. Суворова, полемизировали с идеей о протестантском происхождении «церковно-общинной теории» и в духе идей Н.Д. Кузнецова говорили о необходимости синтеза «церковно-общинной» и «институтной» концепций¹⁸³³ (употребляя именно эти выражения). А поэтому

ни церковь как учреждение, ни община как коллектив не могут и не должны быть признаваемы собственниками церковно-приходского имущества. Таким собственником должен почитаться приход, т.е. храм, причт и община взятые вместе¹⁸³⁴.

Министерский отзыв подвергал критике те положения синодальных проектов, согласно которым приходский священник был председателем и

---

¹⁸³² Там же. Лл. 96–97.

¹⁸³³ Там же. Лл. 98 об.–101.

¹⁸³⁴ Там же. Л. 101.

приходского собрания, и приходского совета. Получалось, что он одновременно руководит учреждением, которое ведет текущие приходские дела, и органом, который должен контролировать это учреждение. Авторы замечаний считали эту ситуацию ненормальной и полагали достаточным, чтобы священник как «охранитель интересов церковных» был только непременным членом совета, а его руководителем было бы выборное лицо¹⁸³⁵. Они напоминали о необходимости дать прихожанам право просить о кандидатах в священники и предлагали для этого процедуру, в общих чертах подобную той, что была разработана епископом Стефаном (Архангельским) в ходе заседаний IV отдела Предсоборного присутствия. Также они говорили о праве прихожан просить об оставлении переводимых пастырей¹⁸³⁶.

Авторы министерского отзыва не прошли мимо и той нормы, согласно которой епископ мог устранить членов приходского совета по представлению причта. Они писали:

Статья эта, будучи проведена в жизнь <...>, уничтожила бы всякую самостоятельность приходского совета как представителя прихода и превратила бы его в совещательный орган при местном священнике. В виду этой статьи всякое самостоятельное решение совета, направленное к пользам и выгодам местной церкви может привести к отставке членов совета, если оно не согласуется с тем пониманием нужд и польз церковных, какое в данный момент господствует в местных епархиальных сферах. Право епископа отставлять членов приходского совета может быть осуществляемо лишь в тех исключительных случаях, когда приходский совет в целом составе или частично уклонился бы в ересь, секту, инославие, или же когда он совершил бы явное и квалифицированное нарушение церковных правил или церковных интересов¹⁸³⁷.

Чиновники МВД заключали свой отзыв приведенными выше словами бывшего министра внутренних дел А.А. Макарова о том, что проектируемый приход будет только новой версией приходских попечительств, отличаясь от старых попечительств принудительностью возникновения и большей зави-

---

¹⁸³⁵ Там же. Л. 102.

¹⁸³⁶ Там же. Лл. 103 об., 105 об.–106.

¹⁸³⁷ Там же. Лл. 106–106 об.

симось от клира. Министерство приходило к выводу, что такой проект «узкой бюрократическо-клерикальной организации прихода» в общем-то не нужен:

При проводимом Положением фактическом отстранении будущих приходов от действительных интересов церкви и создания под видом прихода гражданско-правовой организации, проектируемая Положением обязательная связь прихода с церковною иерархией представляется совершенно искусственною и не вызываемою существом дела. Такой приход, какой проектирован Положением, может возникнуть и функционировать и без участия духовной власти, а равно и без санкции закона, по правилам 4 марта 1906 г.¹⁸³⁸ Поэтому в проведении данного дела в законодательном порядке не встречается действительной надобности, и самый проект является излишним. С другой стороны, однако, нельзя не признать желательность существования прихода с широко организованною духовною и экономическою жизнью и находящегося в теснейшем органическом общении с Церковью. Возникновение же такого прихода как самоуправляющейся церковной *ячейки* не только не нуждается обязательно в санкции гражданского законодательства, но напротив того, при серьезном сознании Церкви в необходимости для ее жизненности частичного отречения от ее суверенных прав в пользу паствы, именно в санкции церковного законодательства нашло бы залог прочного и реального, а не искусственно навязанного существования¹⁸³⁹.

Останавливает внимание интонация отзыва 1916 г. и содержащихся в нем выдержек из более ранних комментариев к синодальным проектам: в них нет намека на ведомственную конкуренцию. Сотрудники министерства внутренних дел, действительно, хотели видеть сильным православный приход, причем рассматривали его вне контекста введения мелкой земской единицы: она ни разу не упоминается в отзыве. Конечно, возрожденный приход виделся им мощным центром общественной самоорганизации, особенно четко об этом говорилось в письме П.А. Столыпина (см.: Глава 3 § 5), но приоритетом все же являлось восстановление его как самостоятельной «церковной единицы», что предполагало большее участие мирян в церковной жизни. При этом министерских служащих нельзя назвать слепыми последователями А.А. Пап-

---

¹⁸³⁸ Временные правила о собраниях и союзах от 4 марта 1906 г. были изданы в развитие права на свободу собраний, дарованного подданным империи манифестом 17 октября 1905 г.

¹⁸³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 112 об.

кова, хотя они ссылались на его работы. Их позиция скорее была ближе к позиции Н.Д. Кузнецова: они стояли за синтез «церковно-общественного» и «институтного» подходов. Очевидно, что на протяжении всего межреволюционного периода светская бюрократия стояла в оппозиции проектам духовного ведомства, отстаивая большую автономию и самостоятельность прихода.

Синодальные проекты приходского устава: итоги пути

Как мы видели, синодальные проекты приходского устава, начиная с проекта Особого совещания 1907 г., предполагали:

- разделение церковного и приходского имущества без допущения прихожан к управлению церковным имуществом и соответственно учреждение двух юридических лиц – храма и прихода;

- право прихожан формировать свое, особое имущество, в том числе путем обязательного самообложения (если бы проект прошел через органы законодательной власти, норма о праве приходского собрания устанавливать сборы приобрела бы силу закона);

- право прихожан ходатайствовать о кандидатурах в члены причта без обязанности епископа объяснить свой отказ, причем в последней редакции и это право отсутствовало;

- органы приходского управления рассматривались как вспомогательные органы при священнике, призванные помогать ему в осуществлении его пастырских обязанностей, в том числе по окормлению паствы (права собрания и совета по нравственному контролю за прихожанами);

- нераспространение компетенции органов приходского управления на учреждения, созданные в приходе до принятия устава (прежде всего, церковно-приходские школы), хотя в них, как правило, вкладывались средства и силы прихожан. Это означало фактическое изъятие этих учреждений из прихода. (Исключением была разве что редакция П.П. Извольского, где подразумевалось, что за церковно-приходские школы отвечает приход, а в школах дру-

гих ведомств приходский совет наблюдает за религиозно-нравственной направленностью преподавания.)

При разработке проектов права прихожан, поле их самодеятельности неуклонно сужались. В частности, становилась практически ничтожной компетенция приходского совета как органа приходского управления, что особенно хорошо видно на примере саблеровских редакций. Синодальные проекты последовательно и с течением времени все более настойчиво проводили «институтный» взгляд на православный приход, постепенно избавляясь от тех «завоеваний» «церковно-общественного» подхода, которые, казалось бы, были достигнуты в Предсоборном присутствии. Кроме того, в обсуждаемых проектах продолжало явственно ощущаться утилитарное отношение к приходу. Консервация порядка управления церковной собственностью в приходе указывала на то, что он должен был оставаться финансовым донором, а не самостоятельно действующей «церковной единицей». Особенно наглядно это проявилось в комментариях В.К. Саблера относительно незначительности сборов с церковью и необременительности их для приходской жизни, тогда как сам Синод, учреждая комиссии для реформирования системы сборов, считал по-другому (см.: Глава 2 § 6).

Трудно не согласиться с утверждением критиков проектов о том, что такой приход состоял бы *при* храме как обязательное и повсеместно распространенное приходское попечительство. Такой подход, в общем, соответствовал и взгляду на будущий приход самой обер-прокуратуры. Об этом довольно ясно говорилось в первом пункте основных положений саблеровского проекта. Получалось, что обер-прокуратура пыталась осуществить в начале XX в. ту реформу приходских попечительств, которую намечало большинство архиереев в 1890-е гг. Впрочем, скорее всего это новое попечительство было бы столь же неэффективно и не популярно, как и старое. Крестьяне, например, могли бы считать обременительным для себя быть членами приходского совета, не обладавшего реальными полномочиями. Или же ограничительные нормы проектов могли вызвать явное недовольство прихожан по-

ловинчатой реформой и их активное сопротивление в форме «явочного» распространения своих прав на церковное имущество, как было и в начале деятельности попечительств. Ведь нельзя забывать, что единство церковно-приходского имущества отвечало менталитету и чаяниям большинства прихожан – крестьян.

От времени работы Предсоборного присутствия до начала обсуждения второго саблеровского проекта в Государственной думе на разработку проекта приходского устава синодальной системе церковного управления понадобилось 10 лет. Это было меньше, чем ушло на подготовку и принятие проекта о приходских собраниях и советах в Финляндии. Но проблема состояла в том, что у синодальной системы было все меньше времени, отпущенного ей для проведения возможных преобразований.

§ 9. Приходские преобразования в последний год Российской империи. 1916 – февраль 1917 гг.

Правительство Б.В. Штюрмера в первой половине 1916 г.: поиски компромисса с Думой

Последний год Российской империи начинался со смены правительства. 20 января вместо уволенного И.Л. Горемыкина был назначен Б.В. Штюрмер. Одна из главных задач, которая была поставлена перед правительством Б.В. Штюрмера императором, заключалась в установлении благожелательных отношений с Государственной думой, что предполагало снижение шквала критики с ее стороны в отношении правительства и двора, который последовал во второй половине 1915 г. в виду военных неудач и очевидного кризиса военного и тылового снабжения, и установление делового сотрудничества между кабинетом и народным представительством по обсуждению бюджета и текущих законопроектов. Знаком таких намерений стало посещение Думы Николаем II 9 февраля 1916 г. в первый день начавшейся сессии¹⁸⁴⁰. В тот же день Б.В. Штюрмер выступил в нижней палате с правительственной деклара-

---

¹⁸⁴⁰ Кризис самодержавия в России. С. 551–555, 582, 584–585.

цией¹⁸⁴¹. По своему тону она носила отнюдь не консервативный характер. Так, премьер подчеркивал, что связи, основанные на «народных нравах» заменяются в России связями, вытекающими из «интересов экономических»¹⁸⁴². В этой фразе содержался намек на неизбежность отмирания словного строя с его особым положением дворянства, с чем не хотели смириться представители правых и дворянских организаций¹⁸⁴³. Новые условия жизни, развивал свою мысль премьер, требовали проведения ряда преобразований. Предполагалось, что соответствующие законопроекты будут внесены правительством в Думу, и работа над ними, наряду с работой над бюджетом станет содержанием «деловой сессии». Второй в ряду этих реформ (после развития профессионального, технического, сельскохозяйственного образования) была названа реформа прихода:

Религиозные нужды народа требуют реформы прихода, но реформы такой, при которой прихожане, сохраняя во всей полноте глубокую религиозность как основу своего нравственного мира сознавали бы живую и настоящую связь свою с местным причтом вокруг храма Божия¹⁸⁴⁴.

Сразу после этого было сказано о необходимости решить проблему материального обеспечения духовенства и о реформе местного управления и суда, которая, по словам Б.В. Штюрмера, должна была дать волости «более соответствующую современным и грядущим условиям общественную организацию». Понятно, что эти проекты находились во взаимосвязи с реформой прихода. Обратим внимание, что Б.В. Штюрмер говорил о единении прихожан и причта, а ведь именно в том, что он не создает такого единства общественность обвиняла проект В.К. Саблера. Судя по этим словам премьера, можно было ожидать, что правительство поддержит пересмотр этого проекта, то есть поддержит тот вариант приходской реформы, который импонирует обществу, а значит и Государственной думе. Вопрос о приходе оказывался

---

¹⁸⁴¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия четвертая. Заседания 17–37 (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). Пг., 1916. С. 1220–1225.

¹⁸⁴² Там же. С. 1221.

¹⁸⁴³ Ср.: Кризис самодержавия в России. С. 463–464.

¹⁸⁴⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. С. 1222.

включен в политическую линию правительства по установлению благожелательных отношений с народным представительством. Но также поддержка «общественного», а не синодального варианта приходской реформы соответствовала линии светских ведомств, прежде всего министерства внутренних дел, сформулированной, как мы знаем, в нескольких отзывах его руководителей. Последний такой отзыв будет подготовлен как раз в начале 1916 г. Для того, чтобы осуществить свой план, Б.В. Штюмеру нужен был союзник в Синоде. И такой союзник у него был: это был митрополит Петроградский Питирим (Окнов). Последний имел контакты с Б.В. Штюмером еще до назначения его премьером. Часть членов кабинета даже назначение главы правительства приписывала влиянию митрополита Питирима при дворе¹⁸⁴⁵. Восхождение их обоих молва связывала с именем Г.Е. Распутина. Некоторые представители светской части общества сторонились нового петроградского иерарха, отдельные министры не подходили под его благословение на официальных богослужениях¹⁸⁴⁶. Однако анализ последующих публикаций в периодике показывает, что связь столичного митрополита с «царским другом» в первой половине 1916 г. еще не была достоянием широких кругов общества или ей придавали еще мало значения. Предубеждение против преосвященного Питирима испытывали отдельные осведомленные светские и духовные сановники и общественные деятели, для основной же части общества он был фигурой новой, неизвестной¹⁸⁴⁷.

---

¹⁸⁴⁵ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П.Е. Щеголева. Тт. 1–7. М.–Л., 1924–1927. Т. 1. С. 365–366; Там же. Т. 2. С. 32–36. Сам премьер называл эту версию «вздором», современная историография ее также отвергает. См.: *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М., 2011. С. 136–139.

¹⁸⁴⁶ Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 203; Падение царского режима. Т. 1. С. 365; *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 139.

¹⁸⁴⁷ Представляется, что нужно с определенной осторожностью воспринимать и свидетельства современников относительно их убежденности в существовавшей между Г.Е. Распутиным и митрополитом Питиримом связи. Большинство из них созданы после февраля 1917 г., а главное – после осеннего 1916 г. перелома в отношении общества к петроградскому иерарху (об этом мы скажем ниже). Соответственно, отношение к нему государственных и общественных деятелей рубежа 1916–1917 гг. могло проецироваться в их свидетельствах на обстановку рубежа 1915–1916 гг., которая была совершенно иной. См., например: Падение царского режима. Т. 1. С. 365–366 (показание бывшего министра земледелия А.Н. Наумова); *Родзянко М.В.* Крушение Империи (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Архив русской революции / изд. И.В. Гес-

Назначенный Петроградским митрополитом 23 ноября 1915 г. по желанию царя преосвященный Питирим был в столице одинок. С самого начала он был поставлен в сложные отношения с первоприсутствующим членом Синода митрополитом Владимиром (Богоявленским), который был «понижен», переведен со столичной на Киевскую кафедру, чтобы освободить место для «великого молитвенника» архиепископа Питирима (эти слова «друга» цитировала императрица в письме к мужу, объясняя, почему именно грузинский экзарх должен занять петроградскую кафедру). Другие члены Синода также без энтузиазма отнеслись к произошедшей «рокировке» и относились к новому столичному иерарху по меньшей мере настороженно¹⁸⁴⁸. Он имел явного недоброжелателя и в лице обер-прокурора А.Н. Волжина, который безуспешно противодействовал не только его назначению в Петроград, но ранее и введению в состав Синода¹⁸⁴⁹.

Не только обстоятельствами его перевода в столицу объяснялось предубеждение против нового митрополита со стороны епископата и членов Синода. Старые синодалы, а возможно и более широкие круги иерархов были осведомлены об обстоятельствах удаления преосвященного Питирима с Курской кафедры в октябре 1911 г. Событие это было тем более странным, что непосредственно перед своим переводом на третьеразрядную Владикавказскую кафедру тогда архиепископ Питирим успешно провел прославление и обретение мощей святителя Иоасафа Белгородского¹⁸⁵⁰. Обычно, после таких торжеств епархиальных архиереев, которые их провели, поощряли, например, саном архиепископа¹⁸⁵¹. Но синодальные члены были осведомлены о том, что еще в 1907 г. или в самом начале 1908 г. епископ Могилевский Сте-

---

сеном. Т. 17–18. М., 1993. С. 5–169. С. 115–116; *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010.

¹⁸⁴⁸ Падение царского режима. Т. 4. С. 195; *Фирсов С.Л.* Владыка Питирим (Окнов): К истории назначения на Петроградскую митрополичью кафедру // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 2010. Вып. II: 2(35). С. 28; *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 92–99.

¹⁸⁴⁹ *Фирсов С.Л.* Владыка Питирим (Окнов): К истории назначения на Петроградскую митрополичью кафедру. С. 29; *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 92–93.

¹⁸⁵⁰ Там же. С. 43–56.

¹⁸⁵¹ Ср.: Падение царского режима. Т. 4. С. 153.

фан (Архангельский), известный нам по руководству приходским отделом Предсоборного присутствия, провел ревизию Курской епархии, в ходе которой были вскрыты масштабные финансовые злоупотребления, взяточничество и противоестественные склонности местного преосвященного¹⁸⁵². Характерно, что именно в 1908 г. архиепископ Питирим инициировал процесс канонизации святителя Иоасафа. Складывается впечатление, что это был способ если не предотвратить, то по крайней мере отсрочить принятие Синодом неблагоприятных решений по отношению к курскому архиерею. Так оно и получилось: преосвященному Питириму дали провести торжество канонизации, а через месяц перевели во Владикавказ. Решение это в Синоде, скорее всего, поддерживал митрополит Киевский Флавиан (Городецкий), с которым активно контактировал преосвященный Стефан. (По иронии судьбы, четыре года спустя именно кончина митрополита Флавиана 4 ноября 1915 г. запустила череду перемещений архиереев, в результате которой преосвященный Питирим оказался на столичной кафедре.)

Преемником преосвященного Питирима на курской кафедре стал возведенный в сан архиепископа Стефан (Архангельский), хорошо знавший ситуацию в Курске, часто напоминавший синодалам о развале епархиальной жизни при его предшественнике¹⁸⁵³ и поставленный Синодом спасти положение¹⁸⁵⁴. С «безумными делами» предшественника ему пришлось разбираться все три года управления епархией¹⁸⁵⁵. Коммерческие предприятия преосвященного Питирима и его приближенных привели к возникновению долга в 70 тысяч рублей, который архиепископ Стефан отказался признать долгом епархии. Этим он навлек на себя неудовольствие В.К. Саблера, который желал бы замять скандальное дело. Последовали разбирательства, в том числе

---

¹⁸⁵² РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 750. Лл. 205–206 об. (письмо от 15 февраля 1908 г.), 255–256 об. (письмо от 4 ноября 1910 г.), 289–290 об. (письмо от 8 декабря 1911 г.).

¹⁸⁵³ Ср.: «Управление П<реосвященного> П<итирима → это сплошная язва; епархией управляли келейники с личным секретарем исключительно на корыстных началах». – РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 750. Лл. 289–290 об. (письмо от 8 декабря 1911 г.).

¹⁸⁵⁴ Архиереи Русской Православной Церкви (1700–1917) // *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 709.

¹⁸⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 750. Лл. 339–340 об. (письмо от 3 декабря 1913 г.).

судебные¹⁸⁵⁶. Думается, все это сократило дни преосвященного Стефана: он умер в июне 1914 г. за несколько дней до своего 53-летия. Помимо финансовых злоупотреблений, архиепископ Стефан упрекал своего предшественника в попустительстве не только секте стефановцев или подгорновцев (об этом мы знаем и из иных источников¹⁸⁵⁷), но и в попустительстве расколу. Новый курский владыка был уверен, что архиепископ Питирим и после удаления на Кавказ продолжал переписку со стефановцами, чем сводил на нет усилия по борьбе с сектой своих собратьев-епископов в Курской и Харьковской епархиях. Также он информировал киевского митрополита, что, по словам вернувшегося из раскола священника, архиепископ Питирим вел переговоры с беглопоповцами о переходе к ним¹⁸⁵⁸. Знание этих обстоятельств не могло расположить к новому столичному иерарху ни его братьев по Синоду, ни обер-прокурора А.Н. Волжина.

Теперь нам понятно, почему преосвященный Питирим завязал контакты с сибирским странником. Он искал покровительства и нашел его. Считается, что контакты с Г.Е. Распутиным установились у владыки Питирима во время его пребывания в Самарской епархии в первой половине 1914 г. и что инициатором этих контактов был сам преосвященный. Во всяком случае осенью 1915 г. Г.Е. Распутин уже именовал его «своим человеком»¹⁸⁵⁹. Впрочем, все это не было известно даже правительственным чиновникам. Тем более широкие общественные круги в начале 1916 г. еще не знали этого. Митрополиту

---

¹⁸⁵⁶ Там же. Лл. 303–304 (письмо от 20 июля 1912 г.), 307–308 об. (письмо от 6 ноября 1912 г.), 327–328 об. (письмо от 12 апреля 1913 г.), 343–346 об. (копия письма В.К. Саблеру от апреля 1913 г.). Характерно, что преосвященный Стефан аргументировал свой отказ признать долг архиепископа Питирима тем, что это вызвало бы возмущение и противодействие со стороны прихожан и церковных старост, на плечи которых в конце концов легла бы выплата этих денег. Владыка Стефан писал: «У нас среди старост много генералов, дворян и выдающихся земских деятелей: их за горло не схватишь, и попытка покрыть <за счет епархии> безумные авантюры безумных людей, в один год проторговавших 70 т<ысяч> р<ублей>, вызвала бы такое негодование и такие последствия, которые Вл<адимиру> Карловичу и не снились». – РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 750. Лл. 327–328 об. (письмо от 12 апреля 1913 г.).

¹⁸⁵⁷ См.: *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 48–53.

¹⁸⁵⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 750. Лл. 313–316 об. (письмо от 13 января 1913 г.), 317–318 об. (письмо от 14 января 1913 г.).

¹⁸⁵⁹ См.: *Фирсов С.Л.* Владыка Питирим (Ожнов): К истории назначения на Петроградскую митрополичью кафедру. С. 27; *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 91; Падение царского режима. Т. 4. С. 192. Ср.: *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. С. 327.

Питириму нужно было сделать нечто, что сделало бы его привлекательным в глазах общества и при этом заставило бы с ним считаться как светские властные, так и церковные круги. Попытка решить приходский вопрос, причем так, чтобы это решение удовлетворило светскую бюрократию, общество, Думу и придворные сферы как нельзя лучше подходила для этого. Думается, именно с подачи преосвященного вопрос о приходе возник в рассматриваемое время в политическом контексте, в том числе – прозвучал в правительственной декларации.

Демарш митрополита Питирима. Реакция Синода и обер-прокуратуры

12 января 1916 г. митрополит Питирим прибыл в ставку в Могилев в сопровождении обер-секретаря синодальной канцелярии П.В. Мудролюбова, лаврского эконома архимандрита Филарета и своего секретаря И.З. Осипенко. Отъезд этот был неожиданным как для членов Синода, так и для обер-прокурора, которого не уведомил о своем отъезде даже П.В. Мудролюбов. Но другие лица об этой поездке знали: аудиенцию митрополит организовал непосредственно с помощью императрицы¹⁸⁶⁰. Причем столь бесстрашное нарушение служебной дисциплины со стороны обер-секретаря говорит в пользу того, что он явно рассчитывал на покровительство «царского друга» Г.Е. Распутина (а возможно, через него – и самой императрицы). Только опираясь на такое покровительство П.В. Мудролюбов мог не слишком опасаться последствий своей отлучки. По сведениям осведомленных синодальных чиновников, личное знакомство будущего столичного преосвященного и «старца» состоялось как раз на квартире П.В. Мудролюбова¹⁸⁶¹. Вот как со слов архиепископа Могилевского Константина (Булычева), у которого митропо-

---

¹⁸⁶⁰ Об обстоятельствах поездки митрополита Питирима в ставку см. подробно: *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 122–125.

¹⁸⁶¹ Падение царского режима. Т. 1. С. 55; *Фирсов С.Л.* Владыка Питирим (Окнов): К истории назначения на Петроградскую митрополичью кафедру. С. 27.

лит и обер-секретарь остановились в Могилеве, передавал дальнейшие события протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский:

Приехав в Могилев, <...> митрополит с Мудролюбовым о чем-то наедине совещались; что-то Мудролюбов таинственно писал и сам же набело переписывал, а затем Питирим был принят Государем. Синод и обер-прокурор только тогда узнали секрет поездки, когда Государь передал обер-прокурору на рассмотрение Синодом представленный ему Питиримом доклад о приходе. Митрополит Питирим хотел легким путем войти в прочную славу. Понимая, что вопрос о приходе – один из насущнейших вопросов нашей церковной жизни, и что этот вопрос уже вызвал глубокий интерес к себе и в самых широких слоях общества, и в Думе, митрополит надумал без участия Синода разрешить его, чтобы слава досталась ему одному¹⁸⁶².

В своей оценке действий столичного иерарха отец протопресвитер не точен. Митрополит Питирим не просто искал «славу». Он, конечно, стремился сформировать благоприятное по отношению к себе общественное мнение, но главное – он стремился играть политическую роль, такую, которая могла бы защитить его как от неприязни синодалов, так и от гнева обер-прокурора. Причем играл он эту роль не сам по себе, а на стороне председателя Совета министров, звезда которого только начинала восходить. Более того, он не просто пользовался, как пишет о. Георгий Шавельский, прикованным к приходскому вопросу вниманием общества, но и сам формировал это внимание.

Через неделю после поездки в ставку, 19 января 1916 г. в газете «Новое время» за подписью «Питирим, Митрополит Петроградский» была опубликована статья «Об устройении православного прихода», помеченная 12 января, то есть днем пребывания преосвященного в ставке. В ней содержалось изложение того доклада о приходе, который митрополит подал императору. Статья эта, если учитывать, что под ней стояло имя столичного иерарха и члена Синода, представляла собой сенсацию. В ней митрополит Питирим излагал историю приходской реформы за последние 10 лет и высоко оценивал проект нормального устава IV Отдела Предсоборного присутствия, называл необхо-

---

¹⁸⁶² *Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. С. 337.*

димыми условиями преобразования прихода – избрание прихожанами клира и предоставление в распоряжение прихожан церковного имущества. Преосвященный говорил о внесенном в Государственную думу проекте приходского устава как о документе, далеком от «первоначальных предначертаний» и отнимающем у прихожан последние права на участие в приходской жизни, и утверждал, что поэтому внесенный проект «встретит непреодолимые трения между Думой и Святейшим Синодом и нисколько не послужит к возрождению, объединению и умиротворению церковной жизни, а к наивящему разделению». Чтобы устранить поводы для такого разделения, он предлагал не отзывать проект из Думы, как это делалось уже не раз, а дать возможность Думе внести в проект свои поправки и принять их, что покажет способность Синода идти навстречу «благоразумным пожеланиям законодательных учреждений»¹⁸⁶³. Таким образом, митрополит Питирим отмежевывался от синодального проекта, называл его вредным в политическом (как повод для ненужного конфликта между Думой и Синодом) и в церковном плане и вставал на ту точку зрения на приходскую реформу, которую разделяла общественность, но также, как мы помним, и светские ведомства, прежде всего – министерство внутренних дел. Так преосвященный протягивал руку Думе и решал проблему принятия приходского устава.

Статья в «Новом времени», как вскоре писали газеты, вызвала настоящую «бурю». Причем эта буря охватила как различные общественные силы, так и Синод и обер-прокуратуру. О реакции общественности мы скажем чуть ниже. Сейчас же остановимся на том, как отреагировали на демарш столичного преосвященного его собратья по Синоду и духовное ведомство.

Синод был возмущен демаршем митрополита Питирима, прежде всего – таким явным нарушением с его стороны корпоративной солидарности, но не хотел делать конфликт между иерархами публичным. Уже на следующий

---

¹⁸⁶³ *Питирим, митрополит Петроградский*. Об устройении православного прихода // Новое время. 19 января 1916 г. Пересказ доклада также был опубликован в «Дне», «Биржевых ведомостях» и «Колоколе»: Митрополит Питирим о реформе прихода // День. 19 января 1916 г.; Реформа прихода // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 19 января 1916 г.; Представление митрополита Питирима об устройении прихода // Колокол. 19 января 1916 г.

день после появления в печати статьи синодалы потребовали у столичного иерарха объяснений. Они находили – и справедливо – позицию митрополита Питирима несоответствующей ранее заявленной позиции Синода. Обстоятельства последовавшего далее изложены в специальном документе, который сохранился в архиве Синода и называется «Запись о действиях Святейшего Синода по поводу появления в печати статьи Преосвященного Митрополита Петроградского “Об устройении православного прихода”». Поскольку ранее этот документ не был известен исследователям, процитируем значительную его часть:

В виду такого освещения Членом Святейшего Синода Преосвященным Митрополитом Петроградским в печати вопроса о приходской реформе, по которой Святейшим Синодом было уже высказано определенное суждение, Святейший Синод признал необходимым просить Преосвященного Митрополита Питирима дать Святейшему Синоду свои объяснения о том, чем руководствовался он, выступая в печати помимо Синода и помещая вышеозначенную статью.

20-го Января 1916 года Преосвященный Митрополит Питирим, перед началом заседания Святейшего Синода, обратившись к О.о. Членам Святейшего Синода, сказал: «Я слышал, что О.о. Члены Синода недовольны мною за помещение в печати вышеозначенной статьи», и при этом объяснил, что ему не было известно о неудобстве для него выступать в печати и что статья, хотя подписана его именем, в действительности составлена была не им, а другим лицом¹⁸⁶⁴. Сказав это, Преосвященный Митрополит Питирим просил у Святейшего Синода извинения по поводу происшедшего.

По открытии заседания, Первенствующий Член Святейшего Синода Преосвященный Митрополит Киевский объявил Святейшему Синоду, что Преосвященный Митрополит Петроградский приносит Святейшему Синоду извинение за появление в печати вышеназванной статьи и поставил вопрос: удовлетворяются ли О.о. Члены Святейшего Синода объяснением Преосвященного Митрополита Петроградского. Все О.о. Члены признали объяснение Преосвященного Митрополита Питирима достаточным и засим приступлено было к разрешению текущих дел¹⁸⁶⁵.

---

¹⁸⁶⁴ Очевидно, митрополит Питирим перекладывал ответственность на П.В. Мудролюбова.

¹⁸⁶⁵ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 223. Лл. 139–140. Документ представляет собой машинопись, подписи – автографы, дата составления документа «31 января 1916 г.» проставлена от руки. О. Георгий Шавельский, который говорит в своих воспоминаниях, что «члены Синода поговорили, по-

Под документом стоят подписи семи членов Синода: митрополитов Киевского Владимира (Богоявленского), Московского Макария (Невского), архиепископов Финляндского Сергия (Страгородского), Литовского Тихона (Белавина), Тверского Серафима (Чичагова), председателя синодального миссионерского совета епископа Иннокентия (Ястребова) и главы придворного духовенства протопресвитера Александра Дернова. В преамбуле составители «Записи» подчеркивали, что члены Синода не согласны ни с одним из тезисов статьи Петроградского владыки: им была чужда положительная оценка проекта Предсоборного присутствия, избирательное начало и идею предоставить прихожанам право распоряжаться церковным имуществом документ интерпретировал «как неимеющие для себя твердых оснований в священных канонах». На деле, как мы скоро увидим, члены Синода не были так единодушны, как представлено в «Записи», часть из них была согласна с тезисами митрополита Питирима.

Еще жестче отреагировал на публичное выступление Петроградского преосвященного обер-прокурор А.Н. Волжин. Он испросил у императора разрешение объявить митрополиту Питириму «выраженное неудовольствие», получил это разрешение и в последних числах января вызвал столичного иерарха в свой кабинет и в присутствии товарища обер-прокурора Н.Ч. Зайончковского, «не предложив митрополиту Питириму сесть», сделал ему выговор, заявив о высочайшем неодобрении появления его статьи в «Новом времени»¹⁸⁶⁶. Пострадал и конфиденгент преосвященного в этом деле П.В. Муд-

---

волновались, повозмущались, и этим дело кончилось», не был на описанном заседании и, очевидно, не знал о выговоре митрополиту Питириму. См.: *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. С. 338.

¹⁸⁶⁶ А.Н. Волжин и митрополит Питирим // Русские ведомости. 30 января 1916 г.; Вопрос о реформе прихода // Русские ведомости. 24 февраля 1916 г.; Падение царского режима. Т. 4. С. 224–225; *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. С. 336–337. Нам представляется, что к показаниям протопр. Георгия Шавельского относительно этого эпизода следует относиться с осторожностью, особенно к его утверждению, что он лично был свидетелем этой сцены. Пресса, описывавшая это происшествие по горячим следам, указывала, что выговор был сделан только в присутствии Н.Ч. Зайончковского. Тоже самое писал в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства товарищ министра внутренних дел и директор департамента полиции С.П. Белецкий, который знал об этом эпизоде со слов митрополита Питирима. В сообщении о Георгия нет никаких других деталей, которых бы не было в газетах, за исключением упоминания его самого как свидетеля выгово-

ролюбов. Обер-прокурор уволил его от должности обер-секретаря за самовольную отлучку. Однако министр внутренних дел А.Н. Хвостов, по просьбе митрополита Питирима, Г.Е. Распутина и А.А. Вырубовой, предоставил П.В. Мудролюбову должность в своем министерстве, в департаменте духовных дел иностранных исповеданий. Когда же в августе 1916 г. по протекции Петроградского преосвященного обер-прокурором стал Н.П. Раев, П.В. Мудролюбов был возвращен в духовное ведомство с повышением – на должность помощника управляющего канцелярией Синода¹⁸⁶⁷. Как видим, он не ошибся, сделав ставку не на свое непосредственное начальство, а на закулисных покровителей.

Однако сам митрополит Питирим после своего публичного выступления находился в сложном положении. Отношения с обер-прокурором были испорчены. Если и раньше митрополит не пользовался симпатией А.Н. Волжина, то теперь обер-прокурор начал с ним борьбу¹⁸⁶⁸. Сложным было положение митрополита Питирима и в Синоде. Ряд синодальных членов, прежде всего первоприсутствующий – митрополит Владимир (Богоявленский) отрицательно восприняли приходскую инициативу столичного иерарха¹⁸⁶⁹. Фак-

---

ра и указания на то, что «неудовольствие» А.Н. Волжин выразил митрополиту Питириму по указанию императора. О последнем он мог узнать в ставке или от самого обер-прокурора. О. Георгий не помнит всех деталей дела: он не помнит, чему была посвящена статья митрополита, называет ее «фактически неверной и для Синода обидной», «лживой и бестактной», хотя по сути она такой не была (обидным для Синода было несоблюдение его членом корпоративной солидарности), не связывает поездку митрополита в ставку и появление этой статьи. Наконец, выговор А.Н. Волжина произошел скорее всего 22-го, в крайнем случае 25 января 1916 г. (Император принимал в январе обер-прокурора один раз – 21 января в Царском селе. См.: Дневники императора Николая II / Общ. ред. и предисл. К.Ф. Шацко, сост., коммент., прим. В.П. Козлов, Т.Ф. Павлова, З.И. Перегудова. Б.м., 1991. С. 569.) Но в эти дни о. Георгий очевидно находился в ставке, в противном случае он присутствовал бы на заседании Синода, на котором митрополит Питирим давал объяснения. К тому же маловероятной выглядит сама ситуация: зачем обер-прокурору нужен был еще один свидетель этой унижительной сцены, почему им стал член Синода-священник, а не епископ, например, первоприсутствующий член? Таким образом, мы полагаем, что отец протопресвитер не присутствовал в кабинете обер-прокурора во время выговора митрополиту Питириму, а узнал об этом из газет или со слов А.Н. Волжина.

¹⁸⁶⁷ Падение царского режима. Т. 1. С. 56; Падение царского режима. Т. 4. С. 225; *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. С. 338–339.

¹⁸⁶⁸ Ср.: Там же. С. 335–336.

¹⁸⁶⁹ Митрополит Владимир не сочувствовал «общественному» сценарию приходской реформы, редактуре последней версии синодального приходского устава была осуществлена под его председательством. См.: Реформа прихода // Русское слово. 21 ноября 1913 г.; *Бокарева*

тически, митрополит Питирим оказался в изоляции в верхах духовного ведомства. Единственным выходом для него была поддержка вне стен обер-прокуратуры.

Выступление митрополита Питирима: реакция общества

Обсуждение вопроса о приходе в прессе началось еще до публичного выступления митрополита Питирима. Газеты начали публиковать статьи по приходскому вопросу в преддверии открытия Государственной думы и запланированного в рамках этой сессии обсуждения саблеровского проекта приходского устава в думской комиссии по делам Православной Церкви. В «Голосе Руси» в нескольких номерах печаталась статья профессора канонического права Юрьевского университета М.Е. Красножена, в которой он подробно останавливался на истории попыток преобразований в приходской сфере, а в отношении грядущей реформы воспроизводил подход и основную аргументацию И.С. Бердникова¹⁸⁷⁰. Шло обсуждение и в общественных клубах, раздавались голоса о необходимости «мобилизации» прихода в связи с войной и о необходимости предоставления приходу прав юридического лица¹⁸⁷¹. В самый день выхода статьи петроградского иерарха несколько газет поместили заметки о внесенном в Думу проекте, излагали его содержание¹⁸⁷².

Выступление митрополита Питирима в «Новом времени» большинство изданий (за исключением крайне правых) встретили с энтузиазмом и расценивали его позицию как настоящую сенсацию¹⁸⁷³. Н.Д. Кузнецов писал об «освежающем впечатлении», произведенном статьей преосвященного, отме-

---

Л.С. Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. С. 127.

¹⁸⁷⁰ *Красножен М., проф.* К вопросу о церковном приходе // Голос Руси. 11, 14, 18, 22, 25 января 1916 г.

¹⁸⁷¹ В обществе «Самодетельная Россия» // Новое время. 10 января 1916 г.; О православном приходе // Колокол. 12 января 1916 г.

¹⁸⁷² Реформа прихода // Речь. 19 января 1916 г.; Законопроект о православном приходе // Новое время. 19 января 1916 г.; В Таврическом дворце. Законопроект о православном приходе // Голос Руси. 19 января 1916 г.

¹⁸⁷³ Митрополит Питирим и церковное обновление // Голос. 21 января 1916 г.; *Баккалавр.* Нормальный устав церковного прихода // Утро России. 22 января 1916 г.

тив, что для иерархов «за исключением уфимского Андрея <Ухтомского>, такое выступление очень необычайно»¹⁸⁷⁴. Ему вторил другой публицист:

Приходится разводить руками, каких жупелов до сих пор здесь <в сфере приходских преобразований> пугались. Пришел свежий человек к власти – и жупелы оказались пугалами для детей. <...> За лишними страхами пропустили дорогое время. Не пропущено ли оно и для приходского возрождения?¹⁸⁷⁵

Пресса с удовлетворением отмечала новый стиль работы столичного иерарха – ориентированный на представителей общественности, на политиков и журналистов. Писали о его инициативности и самостоятельности, готовности действовать без оглядки на Святейший Синод¹⁸⁷⁶. Особое внимание привлекли к себе слова митрополита о возможности исправления приходского проекта в Государственной думе. Это было расценено как «окончательное поражение» той точки зрения, что реформа прихода – дело «чисто церковное»¹⁸⁷⁷. Понятно, что такая позиция вызвала сочувствие среди депутатов. Некоторые из них выражали возмущение тем выговором, который сделал преосвященному обер-прокурор. М.И. Арефьев, бывший тверской городской голова и член думской фракции земцев-октябристов собирался поставить перед обер-прокурором вопрос, на каком основании он мог делать выговор митрополиту Питириму и указывать на уместность или неуместность его выступления. Очарование митрополитом Питиримом было настолько сильным, что некоторые представители прессы сетовали на «двоевластие» в Синоде, на то, что митрополит Питирим не занимает место первоприсутствующего члена¹⁸⁷⁸. Популярность митрополита Владимира (Богоявленского) не шла ни в какое сравнение с растущей популярностью петроградского иерарха¹⁸⁷⁹.

---

¹⁸⁷⁴ Кузнецов Н. Выступление митрополита Питирима в печати // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 23 января 1916 г.

¹⁸⁷⁵ Надеждин П. Реформа прихода // Речь. 21 января 1916 г.

¹⁸⁷⁶ Митрополит Питирим // Раннее утро. 23 января 1916 г.

¹⁸⁷⁷ Новое в церковных сферах // Маленькая газета. 17 января 1916 г.; В Таврическом дворце. Деятельность митрополита Питирима // Новое время. 23 января 1916 г.; А.Н. Волжин и митрополит Питирим // Русские ведомости. 30 января 1916 г.

¹⁸⁷⁸ Что делается в синоде? // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 26 января 1916 г.

¹⁸⁷⁹ Ср.: Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. С. 326.

Иной была реакция крайне правых политических сил и прессы. Поначалу они были в замешательстве, но старались реагировать оперативно. Уже в день появления публикации в «Новом времени» правые депутаты Думы собрались на совещание для обсуждения выступления столичного митрополита. Его участники высказывали предположения об «инородческом происхождении» митрополита Питирима, однако курский депутат Н.Е. Марков, знавший владыку по его служению в Курской губернии и уже тогда находившийся с ним в «обостренных отношениях», «успокоил их на этот счет». Он рассказал своим коллегам об изменении политических взглядов митрополита Питирима в зависимости от господствующего общественного настроения. По его словам, в Курске в течение 8 лет преосвященный покровительствовал местным организациям союза русского народа, в Самаре сблизился с октябристами, а после назначения экзархом Грузии – с социалистами-федералистами. Таким образом, Н.Е. Марков считал выступление митрополита в связи с приходским вопросом проявлением его обычной общественно-политической мимикрии. Правые депутаты решили рекомендовать митрополиту Питириму не выступать против проекта, внесенного в Думу обер-прокурором, и ждать дальнейшего развития событий для определения своего окончательного отношения к преосвященному¹⁸⁸⁰. Правые газеты, а также издававшийся Синодом «Приходский листок» в первое время после демарша митрополита Питирима призывали к осторожности, «чтобы и на этот раз не сказались чуждые православию влияния германского протестантизма». Приходские преобразования они называли «новым коварным подкопом» под «церковь Христову» и призывали к молитве об избавлении от него¹⁸⁸¹.

Вскоре в среде правых думцев созрел план. Для устранения петроградского иерарха с политической сцены они решили воспользоваться проектом воссоздания четвертой, Сибирской митрополии с центром в Иркутске, кото-

---

¹⁸⁸⁰ Митрополит Питирим и правые // Речь. 20 января 1916 г.

¹⁸⁸¹ К вопросу о приходе // Земщина. 27 января 1916 г.; В.В. Осторожность не мешает (к вопросу о реформе прихода) // Приходский листок. 25 января 1916 г.; Глинка С. Рискованное предложение // Земщина. 25 января 1916 г.; По поводу реформ прихода // Русское знамя. 31 января 1916 г.

рый обсуждался в среде высшего духовенства и в правительственных кругах еще в ноябре 1915 г. Именно туда правые во главе с Н.Е. Марковым и миссионером И.Г. Айвазовым мечтали переместить слишком активного митрополита. Эти замыслы демонстрировали неосведомленность правых в делах высших сфер, в том, насколько близкую ко двору позицию занимает митрополит и кто его истинные покровители. Это впрочем, было не удивительно, учитывая, насколько митрополит Питирим тщательно скрывал свои связи с двором и с Г.Е. Распутиным. Вместе с тем правые газеты начали разворачивать кампанию против преосвященного, а также переходить ко все более открытой критике предполагавшихся преобразований. В них видели и «восстановление язычества», и превращение прихода в республику, и ломку «наших церковных порядков»¹⁸⁸².

Из более умеренных кругов, особенно из среды белого духовенства раздавалась несколько иная критика наметившихся преобразований. Здесь все чаще апеллировали к церковному собору, настаивая на том, что он, а не Государственная дума должен решать будущую судьбу реформы. «Церковную думу» (собор) противопоставляли думе государственной, выступали за «великую реформу» прихода, созданную представителями епархий на соборе, а не «Львовыми, Папковыми, Кузнецовыми и Никифоровыми». Такая позиция предполагала прекращение обсуждения приходского проекта в комиссии по делам Православной Церкви и изъятие его из нижней палаты. Фактически, это был еще один способ заморозить приходские преобразования. На это обратил внимание Н.Д. Кузнецов, который отметил, что часть противников реформы настаивает на созыве Собора для решения вопроса о приходе, чтобы оттянуть время, зная о невозможности созыва Собора во время войны. Он назвал такую позицию «маской, прикрываясь которой, совершается поход на

---

¹⁸⁸² Падение царского режима. Т. 1. С. 55; Падение царского режима. Т. 4. С. 189, 196–198; *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 96; Кампания против митр. Питирима // Утро России. 24 января 1916 г.; Правые и митрополит Питирим // День. 24 января 1916 г.; Что делается в синоде? // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 26 января 1916 г.; *Николай Правый.* Реформа прихода // Русское знамя. 5 марта 1916 г.; [Без автора. Без названия] // Русское знамя. 12 марта 1916 г.; *Надеждин П.* Около прихода // День. 30 января 1916 г.

реформу прихода»¹⁸⁸³. С другой стороны «Московские ведомости» напомнили о возможности превращения православного прихода в орган коронной администрации нижнего уровня, который избирал бы выборщиков в Государственную думу, депутатов в земство, занимался бы сбором податей и недоимок¹⁸⁸⁴. Это был озвучивавшийся еще на рубеже веков консервативный вариант образования мелкой земской единицы, при котором самостоятельность прихода как религиозной общности была бы сведена практически к нулю, а его институты оказались бы подчинены светской администрации. В контексте 1916 г. напоминание об этом сценарии приходских преобразований носило антиреформистский характер. Характерно, что оно не привлекло к себе внимания ни в прессе, ни в обществе, даже в правой его части.

Через месяц после выступления митрополита Питирима можно было подвести некоторые итоги. Было очевидно, что своим выступлением он почти мгновенно завоевал симпатии широкой общественности. Неприятное впечатление от перевода митрополита Владимира (Богоявленского) в Киев сгладилось, во всяком случае вину в нем не нового Петроградского митрополита. Даже московские славянофильские круги, с которыми митрополит Владимир считался тесно связанным¹⁸⁸⁵, как мы увидим ниже, с симпатией отзывались о столичном преосвященном. В этот момент сведения о его связи с «царским другом» еще не проникли в общество. Последнее, как и депутаты думы было на стороне митрополита, противопоставляя его смелость, его «свежий взгляд» косной бюрократической машине обер-прокуратуры и Синода. Это был безусловный успех: одним шагом он сформировал благоприятное по отношению к себе общественное мнение, тем самым ослабил позиции своих противников в Синоде и в обер-прокуратуре, протянул руку Госу-

---

¹⁸⁸³ Петроград и реформа прихода // Утро России. 19 февраля 1916 г.; *Кедров И., свящ.* К вопросу «об устройении православного прихода» // Русские ведомости. 24 февраля 1916 г.; *Никольский Василий, священник.* Церковная дума // Колокол. 30 марта 1916 г.; *Кузнецов Н.* Борьба за приход // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 5 апреля 1916 г.

¹⁸⁸⁴ Православный приход // Московские ведомости. 19 апреля 1916 г.

¹⁸⁸⁵ Падение царского режима. Т. 4. С. 164, 195.

дарственной думе, что входило в задачу правительства Б.В. Штюрмера, а значит – повысил свой политический вес.

Но кроме получения бонусов лично для себя, преосвященный резко изменил отношение к приходскому вопросу. Теперь, как писали газеты, «с легкой руки митрополита петроградского Питирима вопрос о реформе православного прихода сделался одним из самых злободневных»¹⁸⁸⁶. А после 9 февраля, когда Б.В. Штюрмер в правительственной декларации назвал приходские преобразования в ряду задач кабинета, «вопрос о приходе получил еще более широкий общественный резонанс». Теперь всем стало ясно, что вопрос о приходе – это вопрос политический. Стало понятно, что между премьером и петроградским митрополитом существует союз по этому вопросу и что оба они поддерживают реформу прихода не в синодальной («саблеровской»), а в «общественной» интерпретации. Первоначально считалось, что и обер-прокурор А.Н. Волжин поддерживает этот сценарий приходской реформы¹⁸⁸⁷. Газеты сообщали, что Б.В. Штюрмер дал указания об ускорении прохождения законопроекта о приходе и о том, что он рассчитывает провести проект не только через думу, но и через Государственный совет в «ближайшую сессию»¹⁸⁸⁸.

Обсуждение приходского вопроса теперь получило новый импульс. Его лейтмотивом стало сопоставление проекта Предсоборного присутствия 1906 г. и финальной редакции проекта приходского устава, в которой он поступил в Думу. Не трудно понять, что сопоставление было не в пользу последней. Некоторые авторы подозревали В.К. Саблера чуть ли не в сознательном причинении вреда Православной Церкви, называли его редакцию «проектом уничтожения церковного прихода», словно рассчитанным на то, чтобы «дать

---

¹⁸⁸⁶ Н.В. «Буря» вокруг приходской реформы // Петроградский листок. 27 января 1916 г.

¹⁸⁸⁷ Кузнецов Н. Выступление митрополита Питирима в печати // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 23 января 1916 г.; Петроград и реформа прихода // Утро России. 19 февраля 1916 г.; Вопрос о реформе прихода // Русские ведомости. 24 февраля 1916 г.

¹⁸⁸⁸ С.М. К судьбе реформы прихода // Новое время. 20 января 1916 г.; Реформа церковного прихода // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 22 января 1916 г.

возможно больше хода сектантству»¹⁸⁸⁹. Но чаще всего саблеровскую редакцию рассматривали как проявление стесняющей церковную жизнь синодальной системы. Н.Д. Кузнецов писал, что этот проект составлен «неизвестно кем и как, без всякого участия не только представителей духовенства и народа, но даже и епископов, которые не входили в случайный состав синода во время подписания законопроекта», он «вышел из недр отживающего церковно-бюрократического строя»¹⁸⁹⁰.

Продолжалось обсуждение приходского вопроса в общественных собраниях. В Москве серия таких собраний прошла в квартире историка и земского деятеля С.Н. Кологривова¹⁸⁹¹. На первом собрании 2 февраля, как сообщалось, присутствовало более 50 человек, в том числе профессора Духовной академии, студенты, священники «всех направлений». В прениях участвовали А.А. Папков, Н.Д. Кузнецов, Л.А. Тихомиров, протоиерей Иоанн Восторгов, докладчик октябристской фракции по церковным вопросам в III Думе И.В. Никаноров. Присутствующие сошлись в признании необходимости приходских преобразований и в общем согласились в том, что они могут быть проведены на базе проекта нормального устава Предсоборного присутствия. Причем, как специально отмечалось, «доброкачественность» проекта нормального устава признал даже, «казалось, непримиримый представитель реакционных течений в церковной мысли прот. Восторгов». Собрание выразило поддержку митрополиту Питириму. Москва вставала на его сторону. Дея-

---

¹⁸⁸⁹ Н. Ах. Реформа прихода // Современное слово. 20 января 1916 г.; Надеждин П. Реформа прихода // Речь. 21 января 1916 г.; Саблеровский приход // Новое время. 20 января 1916 г.; Баккалавр. Нормальный устав церковного прихода // Утро России. 22 января 1916 г.

¹⁸⁹⁰ Кузнецов Н. Реформа прихода и синод // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 17 марта 1916 г.

¹⁸⁹¹ Сергей Николаевич Кологривов (1856 – после 1918) – историк и археолог, сотрудник Императорского Санкт-Петербургского Археологического института, учредитель Историкородословного общества в Москве, деятельность которого носила историко-просветительский характер, муж поэтессы Лидии Александровны Кологривовой (†1915), стихи которой религиозного, монархического и патриотического содержания активно печатала церковная пресса.

тели первопрестольной видели в его выступлении усиление общественного подхода к реформе прихода¹⁸⁹².

Обсуждение приходского вопроса у С.Н. Кологривова продолжалось и позднее, когда начались слушания по законопроекту в думской комиссии по делам Православной Церкви. В марте было проведено заседание, посвященное истории прихода, а потом – проекту приходской реформы. К этим встречам присоединились многие и давние участники околоприходских дискуссий, причем самых разных взглядов. В частности, на мартовском собрании присутствовали канонисты А.И. Алмазов, П.В. Гидулянов (декан юридического факультета Московского университета), Н.А. Заозерский¹⁸⁹³. В апреле участники собраний у С.Н. Кологривова от имени «Московского кружка православных людей» вынесли резолюцию о признании

необходимым условием требуемой жизнью реформы прихода участие прихожан в распоряжении церковным имуществом и в избрании кандидатов в приходский причт, как это указано в проекте нормального устава прихода, составленным четвертым отделом предсоборного присутствия¹⁸⁹⁴.

Это была прямая поддержка думской комиссии по делам Православной Церкви, взявшей за основу своих исправлений внесенного Синодом проекта устав 1906 г. Тогда же от лица кружка были посланы телеграммы митрополиту Питириму с благодарностью «за движение дела реформы прихода» и епископу Уфимскому Андрею (Ухтомскому) с благодарностью за положенное им «начало привлечения народа к участию в избрании достойных пастырей» (об инициативе преосвященного Андрея мы скажем ниже)¹⁸⁹⁵. Популярность митрополита Питирима не ослабевала.

---

¹⁸⁹² Совещание о реформе прихода. Москва, 3 февраля // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 4 февраля 1916 г.; *Рязанский В.* Московские прения о приходе. Афонцы // Колокол. 7 февраля 1916 г.

¹⁸⁹³ Реформа прихода. Москва, 11 марта // Новое время. 12 марта 1916 г.

¹⁸⁹⁴ К реформе прихода // Русские ведомости. 23 апреля 1916 г.

¹⁸⁹⁵ Вопрос о приходе. Москва // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 24 апреля 1916 г. Вместе с тем, нужно учитывать, что Петроградский митрополит относился к епископу Андрею настороженно и еще будучи в Самаре, то есть в первой половине 1914 г. публично критиковал его. См.: Падение царского режима. Т. 1. С. 365–366. Поэтому посылка телеграмм обоим этим иерархам, имена которых неожиданно для них объединила приходская реформа, могла быть и тонким

Большую активность весной 1916 г. развил Н.Д. Кузнецов. Он регулярно посещал Петроград и выступал с лекциями и докладами по приходскому вопросу в различных общественных собраниях, как бы транслируя мнение Москвы петроградской общественности. На одном из них 7 марта он высказал мнение, о необходимости просить Государственную думу дополнить внесенный в нее синодальный проект приходского устава с опорой на проект нормального устава Предсоборного присутствия. Присутствовавший на докладе председатель комиссии по делам Православной Церкви В.Н. Львов заявил, что дума «склонна стать на этот путь». Его поддержал депутат-октябрист И.С. Ключев, а член Государственного совета П.В. Каменский выразил надежду, что к ней присоединится и верхняя палата¹⁸⁹⁶. Общественные и думские деятели как будто решили реализовать тот сценарий, который был предложен митрополитом Питиримом, писавшим в «Новом времени», что не следует мешать Думе исправить внесенный приходский проект. Конечно, это не могло не настораживать противников его изменения. Перед началом обсуждения проекта в комиссии по делам Православной Церкви Н.Д. Кузнецов выступил со специальной статьей, в которой обосновывал право Государственной думы принимать участие в «делах церковных». Поскольку Православная Церковь, рассуждал он, занимает важное место в жизни народа и государства, то и народные представители могут участвовать в обсуждении церковных проблем¹⁸⁹⁷. 28 марта, когда обсуждение в комиссии уже шло полным ходом, Н.Д. Кузнецов выступил с разбором наиболее ярких возражений против реформы прихода, особенно высказываний архиепископа Харьковского Антония (Храповицкого), который именовал выступавших за при-

---

маневром московских общественных деятелей. Не исключено, что они были осведомлены об отношении митрополита Питирима к епископу Андрею и неоднозначности репутации Петроградского преосвященного. (Например, в подробности биографии последнего был посвящен Л.А. Тихомиров: *Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг.* С. 203 (запись от 29 января 1916 г.)) Одновременной посылкой телеграмм они как бы хотели сказать, что поддерживают «общественное» направление приходской реформы, заявленное митрополитом Питиримом, но дистанцируются от иных его действий и высказываний.

¹⁸⁹⁶ –ъ. Грядущая приходская реформа (доклад Н.Д. Кузнецова) // Петроградский листок. 8 марта 1916 г.; Приходская реформа и Г. Дума (доклад Н.Д. Кузнецова) // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 9 марта 1916 г.

¹⁸⁹⁷ Кузнецов Н. Дума и церковь // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 10 марта 1916 г.

ходские преобразования мирян «не живыми членами церкви, а какими-то нравственно прогнившими врагами церкви и недругами духовенства». С докладчиком открыто и активно солидаризовался издатель «Колокола» В.М. Скворцов¹⁸⁹⁸.

В момент обсуждения проекта в думской комиссии все более ожесточенными становились и нападки на нее справа. Те, кто критиковали синодский устав прихода, именовались «ревнителями “оживления приходской жизни” (по рецептам синагоги)». Реформа объявлялась нужной только «панам (то есть дворянам), немцам и жидам». Выборное начало называлось «дикостью» и «насилием» над Православной Церковью (хотя, как мы помним, речь шла только о возможности рекомендовать прихожанами своего кандидата). Соответственно, прошедший через процедуру рекомендации священник именовался «наемником и покорным исполнителем <воли> жида и К^о», а само обсуждение проекта в думе – «дерзким вызовом духовенству»¹⁸⁹⁹. Синодальная пресса критиковала тот взгляд, что Дума имеет голос в церковных делах:

Если встать на т. зр. «Колокола», что члены Думы есть уполномоченные своих избирателей и по религиозным делам, выйдет, что православные люди, напр., Донской области выбрали для решения дел своей православной веры армянина Аджемова, православные терцы баптиста или молоканина Скобелева, а православные костромичи уж совсем неподобно – иудея Фридмана. Дело совсем ни с чем не сообразное¹⁹⁰⁰.

Тем временем в высших политических сферах шла настоящая борьба по вопросу о дальнейшем движении приходского вопроса. Митрополит Питирим развил необычайную активность. Еще в январе, сразу по возвращении из ставки он встретился с председателем Государственной думы М.В. Родзянко.

---

¹⁸⁹⁸ Реформа прихода // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 27 марта 1916 г.; На мертвой точке // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 31 марта 1916 г.; Среди газет и журналов // Новое время. 15 мая 1916 г.

¹⁸⁹⁹ *Е.К.* «Исправление» устава // Земщина. 29 марта 1916 г.; *Люблинский Гр., священник.* Церковь и политики // Русское знамя. 30 марта 1916 г.; *Е.К.* Горе-реформатора // Земщина. 31 марта 1916 г.

¹⁹⁰⁰ *К.П.* На кривом пути // Приходский листок. 25 мая 1916 г.

Предметом их беседы, как писали газеты, был приходский вопрос и его прохождение через Думу¹⁹⁰¹. Преосвященный настойчиво протягивал руку народному представительству, работая в этом отношении вместе с правительством. Характерно, что в эти же дни митрополит Питирим благословил Б.В. Штюрмера Казанской иконой Божией Матери. Наблюдатели отмечали особый, не характерный для российских иерархов стиль работы столичного митрополита, его первостепенное внимание к вопросам внутренней политики, даже большее, чем к вопросам Церкви. Обращали внимание на то, что он проявлял инициативу без уведомления членов Синода, не прибегал к помощи обер-прокурора «для сношений с властью»¹⁹⁰². Он действительно начал играть заметную политическую роль, «величайшую, неслыханную в его сане роль»¹⁹⁰³.

В.К. Саблер попытался нанести ответный удар. Сразу после выступления митрополита Питирима он посетил А.Н. Волжина, а также митрополита Владимира (Богоявленского) и как член Государственного совета утверждал, что исправленный Думой проект приходского устава не будет пропущен верхней палатой. А это в свою очередь уронит престиж Синода. По сути это была угроза и попытка оказать давление на обер-прокурора, а опосредованно – и на Петроградского митрополита. Но митрополита Питирима было не испугать. Накануне открытия думской сессии он сам нанес визиты Б.В. Штюрмеру, заместителю председателя Государственного совета А.Н. Куломзину, министру внутренних дел А.Н. Хвостову и министру юстиции А.А. Хвосто-

---

¹⁹⁰¹ Новое в церковных сферах // Маленькая газета. 17 января 1916 г. М.В. Родзянко, описывая эту встречу в своих мемуарах, не упоминает обсуждение приходского вопроса, хотя и говорит, что речь о «реформе церкви» шла. См.: *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С. 115–116. Если председатель Думы верно передает ход беседы с митрополитом, получается, что о приходских преобразованиях или не говорили, или это был далеко не главный предмет их разговора. В таком случае приведенное нами сообщение «Маленькой газеты» преподносит ситуацию в том виде, в каком ее хотел видеть митрополит Питирим, и значит, оно было инспирировано им через И.З. Осипенко и И.Ф. Манасевича-Мануйлова. Ср.: Падение царского режима. Т. 4. С. 193; *Лукоянов И.В.* Комментарии // *Кольшико И.И.* Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. *И.В. Лукоянова.* СПб., 2009. С. 389. В любом случае, не вызывает сомнения, что преосвященный стремился продемонстрировать благожелательное отношение к Думе.

¹⁹⁰² Митрополит Питирим // Раннее утро. 23 января 1916 г.

¹⁹⁰³ Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг. С. 199 (запись от 23 января 1916 г.). Ср.: *Фирсов С.Л.* Владыка Питирим (Окнов): К истории назначения на Петроградскую митрополичью кафедру. С. 30.

ву. Со всеми ими он беседовал о реформе прихода, заручился их поддержкой и готов был отвести угрозу провала в Госсовете прошедшего Думу проекта. Составленный в это время отзыв МВД, крайне не благосклонный по отношению к саблеровской редакции приходского устава, лил воду на его мельницу. Помимо сановников, Петроградский преосвященный встретился и с митрополитом Киевским Владимиром. Результат их беседы не стал достоянием гласности. Последующие события показывали, что иерархи не достигли согласия в приходском вопросе. Характерно, что митрополит Питирим достаточно демонстративно дистанцировался от В.К. Саблера, проигнорировав его приветственную телеграмму и сделав это известным репортерам¹⁹⁰⁴.

Такая его позиция по отношению к бывшему обер-прокурору имела не только (а, скорее всего, не столько) идейные соображения, заключавшиеся в неприятии философии его приходского проекта. К В.К. Саблеру негативно относился Г.Е. Распутин. Он не мог простить ему разгром афонских имяславцев, чье учение импонировало «царскому другу»¹⁹⁰⁵. Не известно, было ли у Г.Е. Распутина какое-то мнение по приходскому вопросу, но ему было безусловно важно укрепление позиций «его человека» в Синоде¹⁹⁰⁶, поэтому более чем вероятно, что он поддерживал и в этом случае митрополита Питирима. Тем более, что это позволяло нанести удар как по бывшему обер-прокурору, с именем которого однозначно ассоциировался проект устава, внесенный в Государственную думу, так и по нынешним недоброжелателям «старца» в Синоде и обер-прокуратуре, прежде всего по митрополиту Владимиру и А.Н. Волжину, а также «замириться» с Думой. Последняя задача беспокоила и Г.Е. Распутина на рубеже 1915–1916 гг.¹⁹⁰⁷. Таким образом, он

---

¹⁹⁰⁴ В.К. Саблер и А.Н. Волжин // День. 21 января 1916 г.; Митрополит Питирим // Голос. 8 февраля 1916 г.; Что делается в синоде? // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 26 января 1916 г.

¹⁹⁰⁵ Падение царского режима. Т. 4. С. 164, 166–167.

¹⁹⁰⁶ Ср.: Там же. С. 196. Последний министр внутренних дел империи А.Д. Протопопов полагал, что император под влиянием Г.Е. Распутина считал несвоевременным «установление выборного духовенства»: Там же. С. 40.

¹⁹⁰⁷ Падение царского режима. Т. 1. С. 65.

оказался закулисным союзником общественного прочтения приходской реформы.

На такую позицию Г.Е. Распутина косвенно указывает и еще одно обстоятельство. В марте 1916 г. у митрополита Питирима появился ценный союзник, активно выступавший в поддержку позиции преосвященного по приходскому вопросу в прессе и в общественных собраниях. Им был редактор «Колокола» В.М. Скворцов. Он был человеком близким к Г.Е. Распутину (между прочим вполне разделявшим его имяславские симпатии) и в этот момент стремился занять руководящую должность в обер-прокуратуре (не ниже товарища обер-прокурора Синода). Его частые публичные выступления по приходскому вопросу должны были создать ему популярность в общественных и думских кругах и тем подготовить почву для последующего высокого назначения. Нельзя сказать, что В.М. Скворцов поддерживал общественный сценарий приходской реформы только по конъюнктурным соображениям. Очевидно, он вполне разделял его. О самом себе он говорил, что участвуя в Особом совещании по приходскому вопросу 1907 г., он – в отличие от профессоров духовных академий – «оказался в левом крыле» совещания. Однако если бы позиция Г.Е. Распутина в этой области была иной, вряд ли В.М. Скворцов так настойчиво и последовательно критиковал «саблеровский» проект и защищал «общественный»¹⁹⁰⁸. Как раз в марте, когда слушания в комиссии по делам Православной Церкви уже шли, В.М. Скворцов начал печатать в своей газете серию статей об истории приходского вопроса. Он подробно излагал историю работы Предсоборного присутствия, напоминал о таком почти забытом к 1916 г. эпизоде приходской реформы как Особое совещание 1907 г., причем как очевидец приводил интересные детали. Редактор «Колокола» тонко подыгрывал премьеру, когда напоминал о том, что «побуждением к разработке законопроекта о приходе» стало положение о старообрядческой приходской общине. Он утверждал, что это положение было

---

¹⁹⁰⁸ Там же. Т. 4. С. 166–167, 188, 223, 226; *Скворцов В.* Старые и новые страницы в истории приходского вопроса // Колокол. 18 марта, 19 марта 1916 г. В конце концов, должность в обер-прокуратуре В.М. Скворцов не получил. Дорогу ему перешел Н.Д. Жевахов.

разработано Б.В. Штюмером, что было явной натяжкой (проект готовил тогдашний товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский), но оттеняло «прогрессивную» роль премьера в приходском вопросе. В.М. Скворцов последовательно играл на стороне премьера и митрополита Питирима. Не удивительно, что синодальный проект он называл порождением бюрократической системы, появившимся «под покровом канцелярской тайны, которая так господствовала в обер-прокурорство В.К. Десятовского»¹⁹⁰⁹. Характерно, что в этом его позиция почти дословно совпадала с приводившейся выше позицией Н.Д. Кузнецова.

Определение Синода о подготовке к реализации приходской реформы

Вернемся к событиям января 1916 г. и посмотрим, что происходило за закрытыми дверями зала заседаний Святейшего Синода. 11 января «Вечернее время» сообщило о том, что Синод якобы работает над проектом приходской реформы и «отбросит все “новеллы” В.К. Саблера», чтобы таким образом пойти навстречу Думе. Это сообщение было инспирировано митрополитом Питиримом: именно с сотрудниками «Вечернего» и «Нового времени» его секретарь И.З. Осипенко установил контакты по приезду в Петроград еще осенью 1915 г. Митрополит Питирим готовил почву для своей поездки в ставку и для последующего выступления в печати. Возможно также, что в этот момент он действительно надеялся на пересмотр приходского проекта в Синоде в обозначенном ключе. Однако Синод в это время не собирался рассматривать приходский вопрос, считая, что он сказал свое слово и теперь высказаться должна Государственная дума¹⁹¹⁰. Правда, уже через несколько дней ему все же пришлось заняться приходским вопросом.

---

¹⁹⁰⁹ Скворцов В. Старые и новые страницы в истории приходского вопроса // Колокол. 18 марта, 19 марта 1916 г. В 1915 г. В.К. Саблер сменил свою фамилию, которая звучала слишком по-немецки, на фамилию жены.

¹⁹¹⁰ Реформа прихода // Вечернее время. 11 января 1916 г.; Падение царского режима. Т. 2. С. 30; Там же. Т. 4. С. 193; Фирсов С.Л. Искусившийся властью. С. 111–112; Экстренное совещание синода // День. 18 января 1916 г.

17 января по инициативе обер-прокурора Синод провел экстренное совещание, посвященное приходскому вопросу. Поводом для него, очевидно, стало предстоящее обсуждение приходского устава в комиссии Государственной думы. Митрополит Питирим покинул это заседание в знак протеста против присутствия на нем приглашенного А.Н. Волжиным директора департамента духовных дел МВД П.Д. Петкевича. Обер-прокурор, до назначения на эту должность возглавлявший департамент общих дел того же министерства, очевидно, стремился усилить свою позицию. Петроградский преосвященный заявил, что присутствие представителя МВД на заседании по приходу говорит о недоверии министерства Синоду. Однако покинув поле боя, митрополит отдал инициативу в Синоде своим оппонентам. Дело в том, что на этом заседании выявились разногласия в среде членов Синода по приходскому вопросу. Уже внесенный в Думу синодальный проект устава отстаивал первоприсутствующий член митрополит Владимир (Богоявленский), к возможности его переработки склонялись, помимо митрополита Питирима, архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) и председатель миссионерского совета епископ Иннокентий (Ястребов). Как мы увидим ниже, к ним готов был присоединиться архиепископ Виленский Тихон (Белавин). Не общалось, какую позицию занимали митрополит Московский Макарий (Невский), архиепископы Новгородский Арсений (Стадницкий), Тверской Серафим (Чичагов), епископ Архангельский Нафанаил (Троицкий) и протопресвитеры военного и придворного духовенства. Если бы митрополит Питирим не ушел с заседания, возможно, у него был шанс склонить своих собратьев по Синоду к исправлению саблеровской редакции устава. Но он, как мы видели, предпочитал действовать иными методами, играя на светском политическом поле. Главным результатом этого заседания было то, что Синод, хотя и считал по-прежнему, что мяч в приходском вопросе находится на стороне Думы, принял решение дать «распоряжение к подготовительным действиям по проведению реформы» православного прихода¹⁹¹¹.

---

¹⁹¹¹ Экстренное совещание синода // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 18 января 1916

Таким действием стало определение Синода, принятое в заседании 3–8 февраля 1916 г., а 4 марта дополнительно разосланное специальным циркуляром, «О мероприятиях к введению в жизнь закона об устройстве православных приходов». Епархиальным преосвященным предлагалось начать подготовку к изданию нового закона. На этот раз Синод признавал кризисное состояние прихода (раньше он делал это крайне неохотно), признавал, что «в приходах нарушилась связь и должное единение между пастырями и пасомыми, упала взаимопомощь прихожан друг к другу». Представляет интерес анализ причин такого состояния прихода, данный в определении. В нем указывалось, что синодальное управление всегда проявляло «особое попечение» о приходе, но оно не имело успеха, поскольку сначала проявиться благим результатам попечения помешала крепостная зависимость, а затем – «широкое развитие пьянства со всеми его пагубными последствиями». Это был укол в адрес правительства, поскольку доходы от винной монополии, то есть собственно от продажи водки были важной статьёй государственного бюджета с 1890-х гг. Так государство оказывалось виновным в неустройстве прихода. Определение утверждало, что именно пьянство помешало духовенству укрепить свое влияние на прихожан, и этим воспользовались враги церкви «в лице сект, сильных своей организацией и руководимых и пользующихся широкою денежною поддержкою из-за границы, преимущественно из Германии». В результате начались отпадения от Православной Церкви, связанные «с изменой самой русской национальности и отречением от ее заветов и интересов». Иноконфессиональный религиозный выбор отождествлялся с изменой Родине.

Начало работы над синодальным уставом определение связывало с необходимостью возрождения приходской жизни после издания манифеста об укреплении начал веротерпимости 1905 г. и напоминало, что проект приходского устава в 1914 г. был внесен в Государственную думу, теперь же ожида-

---

г.; Экстренное совещание синода // День. 18 января 1916 г.; В св. Синоде // Речь. 19 января 1916 г.; N.N. В духовных кругах // Речь. 20 января 1916 г.; Саблеровский приход // Новое время. 20 января 1916 г.; О реформе прихода // Голос. 22 января 1916 г.

лось его скорое издание. Обстоятельства военного времени расценивались как благоприятные для развития приходской жизни. По мнению Синода, во время войны наблюдался подъем религиозности и молитвенного настроения, большее единение пастырей и пасомых, расширялась благотворительность, «укреплялись начала трезвости» (в связи с введением «сухого закона»), росла нравственность и даже увеличивались народные сбережения. (Последнее, по логике Синода, происходило, очевидно, потому, что исчезли расходы на спиртное, но об инфляции, или как тогда говорили, дороговизне, из-за которой через несколько месяцев духовенство в селах начнет голодать, синодальные чиновники, готовившие определение, видимо, не имели представления.)

Далее определение содержало программу действий епархиальных преосвященных по подготовке к принятию приходского устава. В основных чертах она была построена на программе действий присутствовавшего тогда в Синоде архиепископа Серафима (Чичагова), опробованной им в Орловской епархии после издания определения от 18 ноября 1905 г. и популяризированной им в комментариях к проекту Особого совещания 1907 г. Преосвященным предлагалось немедленно приступить к «сплошным» разъездам по епархиями (вместо тех разъездов, что были «время от времени»), начиная с крупных центров, для объединения паствы и пастырей, разрешения недоразумений и разъяснения цели приходской реформы. В перспективе их задачей было «тщательное посещение» всех приходов епархии. Синод при этом предвидел опасность остановки епархиального управления, но обещал дать дополнительные разъяснения по этому поводу. Преосвященным также поручалось составить подробную программу действий для подготовки к оживлению приходской жизни «согласно бывшим в некоторых епархиях опытам», сделать распоряжение: об устройстве собраний из духовенства, старост и «известных благочестием мирян» по благочинническим округам для рассмотрения вопросов местной приходской жизни, об устройстве аналогичных собраний в уездах «для установления единообразия действий по возрождению приходской жизни» в уездах. Затем планировалось начать ежемесячные

собрания по всем приходам для разъяснений грядущей реформы. Кроме того, епархиальные архиереи должны были напомнить духовенству о необходимости терпеливо относиться к упрекам прихожан, развить благотворительную и просветительскую деятельность, также призвать духовенство приложить все старания для усиления своего влияния на прихожан истовым богослужением, «неспешным чтением слова Божия» в храме и по домам, проповедью, «любовным удовлетворением всех религиозных потребностей прихожан»¹⁹¹².

На местах определение Синода вызвало недоумение. Характерным в этом отношении было письмо астраханской консистории, направленное в Синод в начале марта. В нем консистория информировала, что у нее не имеется сведений относительно опытов приходской реформы в других епархиях, равно как и данных о сущности будущего закона. Поэтому она просила Синод «не отказать в разъяснении», «в чем должны заключаться главные основания той программы, которой имеют определяться действия для приготовления приходов к оживлению приходской жизни»¹⁹¹³. Практически одновременно архиепископ Ставропольский Агафодор (Преображенский) выслал в Синод копию постановления епархиального съезда депутатов от духовенства и церковных старост, прошедшего в феврале, в котором участники съезда, выражая «полное сочувствие» реформе и признавая ее своевременность, просили преосвященного доложить в Синод, что прежде желательно принять содержание духовно-учебных заведений на счет казны и назначить всему духовенству жалование за исполнение обязательных треб,

так как налоговое бремя на церкви и материальная необеспеченность духовенства являются главными тормозами для жизнедеятельности приходов. В противном случае духовенство и церковные старосты опасаются, что реформа только прихода не принесет всех ожидаемых от нее последствий¹⁹¹⁴.

---

¹⁹¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 223. Лл. 1–2; К вопросу о реформе прихода // Русские ведомости. 9 февраля 1916 г.; Синод и реформа прихода // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 9 февраля 1916 г.

¹⁹¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 223. Лл. 3–3 об.

¹⁹¹⁴ Там же. Л. 5 об.

Реакция епископата на события в Петрограде была далеко не единодушной, и информация об этом просачивалась в прессу. Даже среди московских викариев существовали полярные точки зрения. Так, епископ Можайский Дмитрий (Добросердов) считал предложенную реформу назревшей и необходимой и полагал крайне нежелательным ограничение прав прихожан, говорил, что только их привлечение к участию в церковной жизни «может умиротворить приходскую жизнь», а епископ Верейский Модест (Никитин) отстаивал замкнутость духовного сословия и считал выборное начало недопустимым. Такую же разноголосицу мнений наблюдатели отмечали и в среде петроградских иерархов¹⁹¹⁵.

Мы видели, что февральское определение Синода задумывалось еще до публичного выступления митрополита Питирима. Но разрабатывалось и было издано оно уже после его демарша, в условиях все более пристального внимания к приходской реформе. В этих условиях оно должно было хотя бы отчасти нивелировать впечатление от активности Петроградского иерарха, показать, что в ногу со временем идет и Синод. Но изданием определения не исчерпывались действия противников митрополита Питирима в Синоде и обер-прокуратуре. 26 января в Петроград прибыл протоиерей Иоанн Восторгов. В тот же день он был принят митрополитом Питиримом в Александро-Невской лавре. Сообщалось, что на отца Иоанна «синодскими кругами» (подразумевались обер-прокурор и митрополит Владимир) возложена миссия убедить Петроградского митрополита «не обострять» вопрос о приходе¹⁹¹⁶. Миссия эта была заведомо обречена на провал, но, как видим, давление на митрополита Питирима оказывалось не только в прессе. Тем временем приближалось время слушания приходского проекта в комиссии по делам Православной Церкви Государственной думы.

---

¹⁹¹⁵ *Н. С-кий*. Московские епископы о реформе прихода (беседа) // Утро России. 10 февраля 1916 г.; Петроград и реформа прихода // Утро России. 19 февраля 1916 г.

¹⁹¹⁶ Вокруг законопроекта о приходе // День. 27 января 1916 г.

Обсуждение проекта приходского Устава в комиссии Государственной думы

Внесенный А.Н. Волжиным в декабре 1915 г. проект приходского устава 10 февраля 1916 г. опять поступил в Комиссию по делам Православной Церкви¹⁹¹⁷. 9 марта 1916 г. думская комиссия начала слушания по проекту. Докладчиком стал В.Н. Львов, а председательствовал – член комиссии от фракции националистов В.П. Шеин, будущий священномученик. Направление работы комиссии выявилось уже на первом заседании. Она предполагала, не отвергая синодального проекта, исправить его в соответствии с проектом нормального приходского устава, разработанного Предсоборным присутствием¹⁹¹⁸. Как мы видели, такое развитие событий предполагал митрополит Питирим, этого ждали от комиссии представители общественности. Однако не так смотрели на перспективу приходской реформы в обер-прокуратуре и в Синоде. Поняв, какой оборот принимает обсуждение в комиссии, А.Н. Волжин решил усилить голоса представителей ведомства на слушаниях Н.Ч. Зайончковского и директора канцелярии обер-прокурора В.И. Яцкевича так сказать независимыми экспертами. 15 марта духовное ведомство командировало в комиссию для «всестороннего, церковно-исторически обоснованного освещения вопроса пред членами Комиссии» уже знакомых нам лиц: профессоров Петроградской духовной академии Н.Н. Глубоковского (его выступления в Предсоборном присутствии были близки к позиции группы А.И. Алмазова – И.С. Бердникова) и П.Н. Жуковича (он был одним из составителей пояснительной записки к проекту), Московской духовной академии и Московского университета А.И. Алмазова, и внештатного профессора Харьковского университета М.А. Остроумова¹⁹¹⁹. Эти профессора имели общую точку зрения на перспективы приходских преобразований и должны были не за страх, а за совесть отстаивать синодальное прочтение реформы.

---

¹⁹¹⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Лл. 2–2 об., 39.

¹⁹¹⁸ В Гос. Думе. Реформа прихода // Речь. 10 марта 1916 г.; Устав православного прихода // Новое время. 10 марта 1916 г.; Кузнецов Н. Борьба за приход // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 5 апреля 1916 г.

¹⁹¹⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Лл. 40–40 об.

Первой статьей проекта, вызвавшей в комиссии острую дискуссию, прежде всего между депутатами и приглашенными профессорами было намерение членов комиссии вернуть в проект норму о возможности прихожан ходатайствовать перед епископом о своем кандидате в члены причта. Напомним, что эта норма присутствовала во всех редакциях приходского устава, за исключением последней, саблеровской редакции 1914 г. Причем речь шла именно о праве ходатайствовать о кандидате, уже прошедшем епископский фильтр, как это предусматривал проект Предсоборного присутствия. Разумеется, епископ мог и отклонить подданное ему ходатайство. Представители Синода и приглашенные эксперты категорически воспротивились этой норме. Когда один из депутатов сослался на присутствие нормы о выборности духовенства в петровском «Духовном регламенте» (этот документ еще недавно пользовался в синодальной практике непререкаемым авторитетом), М.А. Остроумов возразил, что «Регламент» – не закон, а только «литературное произведение какого-то ректора семинарии, отличающееся при этом сатирическим оттенком»¹⁹²⁰. С другой стороны, в этом вопросе активно оппонировал своим академическим коллегам член Государственной думы профессор Н.Ф. Каптерев. В результате обсуждение затянулось. Вместо пяти заседаний, в течение которых первоначально предполагалось обсудить весь проект, комиссии понадобилось более пяти заседаний для обсуждения только вопроса о выборности духовенства. Несмотря на противодействие «гостей», 19 марта комиссия завершила обсуждение вопроса о праве прихода рекомендовать кандидатов в священники; вопрос был решен положительно: «за» проголосовали 16 членов комиссии, «против» – 7. Соответствующая статья в редакции Предсоборного присутствия была возвращена в проект приходского устава¹⁹²¹.

---

¹⁹²⁰ Устав православного прихода // Утро России. 19 марта 1916 г.

¹⁹²¹ Устав православного прихода // Новое время. 17 марта 1916 г.; Реформа прихода // Речь. 20 марта 1916 г.; Приходская реформа // Новое время. 20 марта 1916 г.; Приходская реформа // Новое время. 30 марта 1916 г.; Реформа прихода // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 30 марта 1916 г.; *Н.В.* Выборное или назначаемое духовенство? (Муки рождения приходской реформы) // Петроградский листок. 23 марта 1916 г.

Но за это время полемические приемы синодальных экспертов порядком утомили даже выдавших виды депутатов. В.Н. Львов говорил, что комиссии приходится работать в «тяжелых условиях». Пресса со слов членов комиссии писала о «пространных, кусательных и многошумящих репликах профессоров», объявлявших те или иные статьи проекта 1906 г. «то протестантскими, то еретическими», а «мирян – пакостниками прихода» (реплика Н.Н. Глубоковского). Была слишком очевидна их тенденциозность, их старание «свести реформу к нулю». В связи с этим депутат А.А. Назаров возбудил вопрос о праве профессоров находиться на заседаниях комиссии, поскольку Синодом приглашены именно те, кто выступал против выборности священников еще в 1906 г., а такие, как Н.Д. Кузнецов или А.А. Папков не приглашены. В.М. Скворцов в одной из своих статей отмечал странность отсутствия в числе представителей Синода в думской комиссии духовных лиц. А Н.Д. Кузнецов обратил внимание, что направление в комиссию экспертов-профессоров было нарушением со стороны Синода 41 ст. «Учреждения Государственной думы», которая давала право делать разъяснения Думе лишь министрам и главноуправляющим ведомств лично или через своих товарищей или начальников отдельных частей центрального управления¹⁹²².

Однако работа комиссии двигалась дальше. В.Н. Львов поднял вопрос, обсуждать или нет в связи с приходским уставом проблему материального обеспечения духовенства. Как мы помним, эти два вопроса шли бок о бок в нескольких думских законопроектах о приходе, поэтому заявление В.Н. Львова было ожидаемо. Н.Ч. Зайончковский «приветствовал от имени ведомства» эту инициативу, но выразил опасение, что введение в проект соответствующих статей об окладах духовенству может замедлить принятие устава в целом, так как «военные обстоятельства» могут не позволить немедленно

---

¹⁹²² В комиссии по делам православной церкви // День. 19 марта 1916 г.; Скворцов В. Приходский вопрос в думской комиссии // Колокол. 25 марта 1916 г.; К реформе прихода // Утро России. 28 марта 1916 г.; На мертвой точке // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 31 марта 1916 г.; По прохождению проекта о приходе // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 6 апреля 1916 г.; Гос. дума и синод // Речь. 6 апреля 1916 г.; Кузнецов Н.Д. Новый вопрос приходской реформы // Утро России. 27 мая 1916 г.

удовлетворить назревшую потребность духовенства в материальном обеспечении. Большинство комиссии согласилось с этими доводами товарища обер-прокурора и предложение В.Н. Львова было отклонено. Тем самым, депутаты были готовы слышать обоснованные предложения представителей духовного ведомства¹⁹²³. Чуть позднее члены комиссии обсудили статьи проекта о приходской книге и о приходском собрании. Содержание их поправок соответствовало проекту нормального устава 1906 г. Так, председателем приходского собрания признавался только приходский священник, хотя депутат А.А. Назаров предлагал дать приходскому собранию право выбирать себе председателя. Это предложение было отклонено¹⁹²⁴. Несмотря на такой умеренный настрой депутатов¹⁹²⁵, вносимые ими поправки категорически не устраивали обер-прокуратуру и тех членов Синода, которые выступали за принятие синодального проекта в неизменном виде.

---

¹⁹²³ Инцидент в комиссии по делам православной церкви // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 23 марта 1916 г.; Шечков Г., член комиссии по делам православной церкви. Письма в редакцию // Новое время. 24 марта 1916 г.

¹⁹²⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Л. 50; Скворцов В. Приходский вопрос в думской комиссии // Колокол. 25 марта 1916 г.

¹⁹²⁵ Из 27 рассмотренных депутатами статьей проекта 11 (40%) были заменены на статьи Предсоборного присутствия, 13 (48%) восходили к проекту духовного ведомства, текст двух статей (7%) представлял собой соединение текста Нормального устава и синодального проекта, и одна статья была написана депутатами заново. Таким образом, речь вовсе не шла о полной замене ведомственного проекта уставом 1906 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 37. Лл. 15–24. Итог работы думской комиссии над проектом отразился в документе «Принятые Комиссиею по делам Православной Церкви статьи “Проекта устава Православного прихода”». Он представляет собой текст статей с указанием на полях их источника. Единственный обнаруженный на сегодняшний день экземпляр этого документа хранится в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук в фонде В.Н. Бенешевича. Впервые материалы из этого фонда, связанные с проектами приходской реформы, выявила и ввела в научный оборот петербургский исследователь Т.В. Чумакова: Чумакова Т.В. Религиозная жизнь в революционной России (по материалам архива В.Н. Бенешевича) // *Folia Petropolitana*. 2017. Вып. 6. С. 57–70. Однако она, к сожалению, не точно определила содержание этих материалов. Документ «Проект временного положения о православном приходе» (СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 37. Лл. 2–14) публикатор отождествила с проектом устава, разработанного весной 1917 г. для Уфимской епархии, а «Принятые Комиссиею по делам Православной Церкви статьи...» интерпретировала как результат правки (консервативной) этого документа. На деле «Проект временного положения...» был разработан в мае 1917 г. синодальной комиссией под председательством еп. Андрея (Ухтомского) (см.: Глава 4 § 2), а текст статей, принятых думской комиссией в 1916 г., очевидно, использовался комиссией 1917 г. как справочный материал.

А.Н. Волжин против думской комиссии: попытка забрать проект из Думы

В апреле в этих кругах снова возникло намерение изъять проект из Думы и провести его в порядке верховного управления. Но для такого шага требовался весомый повод. Им стали голоса с мест против думской правки законопроекта. Самые громкие из этих голосов прозвучали почти синхронно: в двадцатых числах апреля – начале мая. Собрание киевского Свято-Владимирского братства под председательством викарного епископа Черкасского Назария (Блинова), в котором участвовало духовенство и братчики-миряне из Киева и 8 уездов губернии, в том числе депутаты Государственной думы священники Михаил Митроцкий и Памфил Населенко, подвергло критике думскую комиссию за «предрешение» вопроса о том, «чтобы прихожане выбирали себе священнослужителей и распоряжались церковными средствами». Это, по мнению участников собрания, должно было превратить «тысячелетнее православно-русское народное Святое Святых» «в очаг партийных страстей»:

Бесспорно, что выборы священнослужителей и хозяйствование прихода церковными средствами оживят приходы, но оживление это будет болезненное, горячее. Температура и пульс приходской жизни поднимутся до чрезвычайности, но это произойдет не от оживления доброго христианского настроения среди прихожан, а от выборной горячки, постоянных выборных дрязг, могарычей, доносов и т.п.¹⁹²⁶

Братчики просили обер-прокурора (которому и было направлено их «Суждение по вопросу о реформе прихода») забрать проект из Думы. При этом киевляне отмечали и «существенные недостатки», внесенного ведомством проекта приходского устава. Поэтому они просили Синод разработать новый проект устава, в котором бы прихожанам было предоставлено право ходатайствовать о кандидатуре священника с тем, чтобы епископ мог принимать решение по ходатайству без объяснения причин отказа, а имущество

---

¹⁹²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 223. Лл. 6–8.

делилось бы на храмовое, причтовое и приходское с тем, чтобы в распоряжении прихода находилось лишь последнее. Как видим, это соответствовало принципам проекта 1906 г., который и положила в основу своей работы думская комиссия. Киевское собрание указало также, что реформа прихода должна быть поставлена «в непререкаемую связь» с вопросом обеспечения духовенства из сумм государственного казначейства, а обновленный проект приходского устава внесен в Думу частично: в виде тех статей, которые «касаются гражданских отношений»¹⁹²⁷. В том же духе высказались и собрания духовенства и мирян, прошедшие в трех городах Минской епархии (Минске, Бобруйске и Борисове). Здесь также отклоняли «выборное начало» и поддерживали право ходатайства прихожан за своих кандидатов, а имущество мыслили разделенным на три разряда¹⁹²⁸. Были согласны с такой постановкой вопроса и члены Московского столичного совета благочинных. Но их «Мнение по вопросу о приходе», присланное в Синод, было еще в большей степени полемически заострено против Государственной думы, чем послание из Киева. Отцы благочинные критиковали мнение об «антиканоничности современного церковного и приходского строя», упрекали думскую комиссию за то, что она, по их мнению, односторонне рассматривает исторические и канонические справки, утверждали, что Дума сама ограничивает самостоятельность прихожан, поддерживая земскую и министерскую, а не приходскую школы. Они настойчиво заявляли, что Дума не правомочна обсуждать внутреннее устройство прихода. Характерно, что среди мер, которые могли бы, по их мнению, «оживить приход», было «облегчение церквей от принудительных взносов» на епархиальные нужды с отнесением этих сумм на казенные средства и сокращение сборов во время богослужения, а также уменьшение различных формальностей (при получении разрешения на ремонт церквей, при открытии благотворительных учреждений, при совершении браков). Принудительное самообложение прихожан московские благо-

---

¹⁹²⁷ Там же; Реформа прихода. Киев // Новое время. 23 апреля 1916 г.

¹⁹²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 223. Лл. 15–22.

чинные считали опасным и высказывались за добровольное. Нужно иметь в виду, что к составлению «Мнения» имел непосредственное отношение протоиерей Иоанн Восторгов, который уже выступал как посланец к митрополиту Питириму от его оппонентов. Именно отец Иоанн был заместителем председателя и правителем дел Московского совета благочинных¹⁹²⁹.

Но наиболее громким было выступление «епископского собора» во Владимире. Здесь 24 апреля была составлена и отправлена в Синод телеграмма, под которой подписались семь архиереев: архиепископ Владимирский Алексей (Дородницын), епископы Рязанский Димитрий (Сперовский), Вологодский Александр (Трапицын), Костромской Евгений (Бережков), Муромский Митрофан (Загорский), Юрьевский Евгений (Мерцалов), Суздальский Павел (Борисовский) (последние трое – викарии архиепископа Алексея), «а также многочисленные представители духовенства Владимирской епархии и церковные старосты». Среди них были 19 протоиереев (в том числе ректор Владимирской семинарии и настоятель кафедрального собора) и 3 священника. В телеграмме было сказано, что собрание признало предоставление мирянам права избирать священнослужителей и распоряжаться церковным имуществом «пагубным для благоустройства церкви». Оживление приходской жизни, по мнению его участников, «должно состоять единственно в улучшении совершения богослужения и церковного пения, неустанной живой проповеди духовенства, развития церковной благотворительности и просветительских учреждений». «Собор» высказался также за изъятие церковного законодательства из ведения Государственной думы. Вскоре телеграмма была напечатана несколькими газетами, в том числе синодальным «Приходским листком»¹⁹³⁰. Ее появление вызвало большой резонанс. Последующие комментарии подписавших не оставляли сомнений в их позиции.

---

¹⁹²⁹ Там же. Лл. 9–14 об.; *Мраморнов А.И.* Иоанн Иванович Восторгов // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 271–275.

¹⁹³⁰ [Без автора. Без названия] // Речь. 30 апреля 1916 г.; Один из эпизодов борьбы за приход // Утро России. 6 мая 1916 г.; [Без автора. Без названия.] Петроград, 29 мая // Речь. 29 мая 1916 г.; [Без автора. Без названия] // Русское слово. 1 июня 1916 г.

Архиепископ Владимирский Алексей¹⁹³¹ считал, что «этот проект проводят враги Родины» и что «реформой прихода они стремятся к разрушению государства». А епископ Рязанский Димитрий заявил, что в случае осуществления «выборного мирского начала» он «первый уйдет в монастырь»¹⁹³².

Наблюдатели не сомневались, что большая часть подобных выступлений была инспирирована противниками пересмотра законопроекта. В связи с владимирской телеграммой писали, что А.Н. Волжин при посещении Владимира лично способствовал выступлению «случайного немногочисленного собрания епископов»¹⁹³³. Естественно предположить, что послание киевлян было инициировано их епархиальным архиереем, митрополитом Владимиром, а за «Мнением» московских благочинных, как мы писали, стоял протоиерей Иоанн Восторгов – эмиссар членов Синода, противников исправления приходского устава в Думе. Даже такие комментаторы как В.М. Скворцов были возмущены тем, что собрание епископов во Владимире присвоило себе громкое название «епископского собора». Редактор «Колокола» писал, что такие собрания – не соборы, а «случайные соборики», скорее даже – «епископская кружковщина», не имеющая никакой силы без санкции Синода¹⁹³⁴.

---

¹⁹³¹ Архиепископ Алексей имел репутацию «распутинца», и в 1917 г. его связь с Г.Е. Распутиным удалось доказать документально, но – как и большинство правых – плохо представлял себе истинные настроения «старца». При этом сам архиепископ версию о своей связи с «царским другом» отрицал и, будучи смещен в 1917 г. с кафедры, считал себя жертвой «церковного большевизма». Осенью 1917 г. он оказался на Украине и здесь стал активным проводником «церковного украинства», оказавшись косвенно причастным к гибели в начале 1918 г. митрополита Владимира (Богоявленского). На соборе 1917–1918 гг. его деятельность уже рассматривалась как раскольническая. См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 283–286; *Рогозный П.Г.* «Церковная революция»: март – август 1917 года // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 60. Ср. характеристику стиля обращения архиепископа Алексея с духовенством своей епархии в: Воспоминания Евгения Андреевича Елховского (1869–1937), священника женского Свято-Никольского монастыря г. Переславль-Залесский // Страницы истории России в летописи одного рода. (Автобиографические записки четырех поколений русских священников). 1814–1937. М., 2004. С. 304–311.

¹⁹³² Епископская кружковщина // Колокол. 10 мая 1916 г.

¹⁹³³ Один из эпизодов борьбы за приход // Утро России. 6 мая 1916 г.; [Без автора. Без названия.] Петроград, 29 мая // Речь. 29 мая 1916 г.; [Без автора. Без названия] // Русское слово. 1 июня 1916 г.

¹⁹³⁴ Епископская кружковщина // Колокол. 10 мая 1916 г.; Среди газет и журналов // Новое время. 15 мая 1916 г.

Но как бы ни появились эти «голоса с мест» они давали достаточное основание противникам переработки проекта в думской комиссии поставить вопрос об изъятии его из Думы. К владимирской телеграмме апеллировал митрополит Владимир (Богоявленский), когда просил обер-прокурора поднять вопрос об изъятии проекта. Его, судя по всему, поддержал архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий). Члены Синода утверждали, что реформа в таком виде «грозит большой смутой и ставит приходское духовенство в самые тяжелые условия»¹⁹³⁵. В этой аргументации, помимо церковно-политических соображений, отчетливо просматривалась и сословная реакция на перспективы приходских преобразований, ужас белого духовенства перед реформой. В последних числах апреля состоялось «частное совещание» членов Синода, на котором обсуждался вопрос о реформе прихода. Насколько широк был состав этого совещания источники не указывают. Сообщалось, что на нем митрополит Питирим и архиепископ Виленский Тихон остались в меньшинстве, а большинство высказалось за изъятие проекта из законодательных учреждений. При этом будущее изъятых проектов виделось синодалам по-разному. Большинство, как писала пресса, настаивало на проведении его в редакции обер-прокурора в порядке верховного управления, а иерархи, оставшиеся в меньшинстве, надеялись на исправление проекта в синоде «в духе более широкой реформы» и новом внесении его в Государственную думу¹⁹³⁶. Отметим, что для такого осторожного оптимизма у них были основания. Мы видели, что даже киевское и московское собрания не отстаивали синодальную редакцию 1914 г. в неприкосновенности, а высказывались за возвращение в проект по крайней мере права прихожан ходатайствовать за своего кандидата.

---

¹⁹³⁵ [Без автора. Без названия] // Речь. 30 апреля 1916 г.; В духовных кругах // Речь. 30 апреля 1916 г.; Архиепископ Арсений о выборном духовенстве // Колокол. 30 апреля 1916 г.

¹⁹³⁶ Судьба реформы прихода // Русское слово. 1 мая 1916 г.; Еще один поход // Утро России. 5 мая 1916 г.; Один из эпизодов борьбы за приход // Утро России. 6 мая 1916 г.; Кузнецов Н.Д. Странная политика // Утро России. 8 мая 1916 г.; Поход на приход // Петроградский листок. 9 мая 1916 г.

Одновременно стало известно, что колебания в приходском вопросе проявляет Б.В. Штюрмер, который до этого момента считался «покровителем реформы». Сообщалось о якобы его согласии на изъятие проекта из Думы и о растущих разногласиях между ним и митрополитом Питиримом¹⁹³⁷. Возможно, председатель правительства, корректируя свое отношение к приходской реформе, пытался упрочить свое положение в правых кругах. Возможно, его всерьез беспокоило прохождение проекта через Государственный совет. Нужно учитывать, что его положение в этот период все более осложнялось. Политика «продовольственной диктатуры», в рамках которой Б.В. Штюрмер пытался сосредоточить в своих руках дело снабжения армии и страны, не дала ожидаемых результатов. Росло недовольство правительством, которое при этом не допускало общественные объединения подключиться к обеспечению фронта¹⁹³⁸. Вместе с тем задача установить контакт между правительством и Думой все еще не снималась с повестки дня. Поэтому и полностью пойти на поводу у Синода для премьера было бы рискованно. В первой половине мая петроградский митрополит и премьер провели несколько встреч, на которых обсуждался приходский вопрос и планы изъятия проекта из Думы. Газеты писали, что они пришли к соглашению по этому вопросу, но в чем состояла суть этого соглашения, известно не было¹⁹³⁹.

Общественная реакция на возможность отзыва проекта из Думы была предсказуемой. Комментаторы соглашались, что это означало бы ликвидацию реформы, на пересмотр проекта в Синоде не надеялись. В статьях по этому поводу подчеркивалось демонстративное неуважение Синода к Думе; высказывалось опасение, что митрополит Питирим в одиночестве не сможет противостоять «духу времени»; надеялись на то, что Дума все же отстоит свое право на участие в «обновлении церковной жизни», а у Синода требова-

---

¹⁹³⁷ В духовных кругах // Речь. 30 апреля 1916 г.; Архиепископ Арсений о выборном духовенстве // Колокол. 30 апреля 1916 г.; Судьба реформы прихода // Русское слово. 1 мая 1916 г.; Один из эпизодов борьбы за приход // Утро России. 6 мая 1916 г.; Еще один поход // Утро России. 5 мая 1916 г.; Кузнецов Н.Д. Странная политика // Утро России. 8 мая 1916 г.; Поход на приход // Петроградский листок. 9 мая 1916 г.

¹⁹³⁸ Кризис самодержавия в России. С. 600–605.

¹⁹³⁹ Б.В. Штюрмер у митрополита Питирима // Утро России. 13 мая 1916 г.

ли прямо объявить о причинах отзыва проекта. Параллельно росли нарекания лично на А.Н. Волжина. Его упрекали в непоследовательности, напоминали о данных первоначально обещаниях провести широкую реформу и считаться с общественными настроениями, вспоминали его выговор митрополиту Питириму. Сам А.Н. Волжин злился на прессу и на членов Синода, упрекая их в том, что несмотря на то, что заседания проходят при закрытых дверях, на следующий день сведения о них попадают в газеты¹⁹⁴⁰. Скорее всего с его стороны это был упрек в адрес того же петроградского преосвященного.

При этом собрания, которые шли в это время в епархиях в соответствии с синодальным определением о подготовке к приходской реформе, давали довольно разнообразную картину настроений епископата, духовенства и мирян. Если архиепископы Ставропольский Агафодор (Преображенский) и Харьковский Антоний (Храповицкий) считали реформу совершенно не нужной и усматривали в ней проявление «немецкого засилья», то в Минской епархии напоминали, что реформа давно назрела и предполагали, что она оживит приходскую жизнь, тесней сплотив православное население, и «явится могучим оплотом самой русской государственности, всегда неразрывно существующей с церковью»¹⁹⁴¹. Епископ Саратовский Палладий (Добронравов) на собрании в Царицыне призвал даже не употреблять слово «реформа» («это слово немецкого происхождения»), а в Смоленске епископ Феодосий (Феодосиев) говорил о благе приходской реформы и ожидаемом от нее единении пастыря с паствой¹⁹⁴². Случались на собраниях и столкновения мирян с

---

¹⁹⁴⁰ Вопрос о приходе. Москва // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 24 апреля 1916 г.; Судьба реформы прихода // Русское слово. 1 мая 1916 г.; Один из эпизодов борьбы за приход // Утро России. 6 мая 1916 г.; Еще один поход // Утро России. 5 мая 1916 г.; Кузнецов Н.Д. Странная политика // Утро России. 8 мая 1916 г.; Поход на приход // Петроградский листок. 9 мая 1916 г.; Печать // Речь. 14 мая 1916 г.; Синод и печать // Газета Копейка. 13 мая 1916 г.; Кузнецов Н.Д. Кто же виноват? // Утро России. 14 мая 1916 г.

¹⁹⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 223. Лл. 15–22; Бокарева Л.С. Реформа православного прихода 1914–1917 гг.: Синодальное ведомство. С. 138.

¹⁹⁴² Д. В-нъ. Не реформа, а «оживление». Письмо из Царицына // Речь. 24 мая 1916 г.; Преосвящ. Феодосий Смоленский о реформе прихода // Колокол. 28 мая 1916 г.; Смирнов Н., прот. Реформа прихода и личность пастыря // Колокол. 5 мая 1916 г.

духовенством, а духовенства с епископатом¹⁹⁴³. Это были первые, еще неясные сполохи «приходской революции», которая в полную мощь разразится через год.

29 апреля Синод принял решение отозвать проект из Думы «ввиду возникших и выяснившихся в настоящее время особых потребностей в церковно-народной жизни». Синод объяснял, что ему предстоит обозначить более широкий «круг дел, подлежащих ведению прихода» в связи «с предстоящими по окончании войны новыми задачами для работы прихода», а также всесторонне выяснить «источники средств, коими приход может располагать для осуществления в будущем своих начинаний»¹⁹⁴⁴. А.Н. Волжин предупредил членов Синода, что поскольку в Думу на этот раз внесен проект, прошедший чтение в Совете министров, он не может отозвать его по собственному почину и должен обратиться с этим предложением в правительство. Синод поручил ему это сделать. На последовавшем вскоре заседании кабинета обер-прокурор выполнили это поручение, но указал, что является лишь докладчиком синодального постановления. Он желал дистанцироваться от явно непопулярной меры. Совет министров решительно и единогласно отклонил изъятие приходского законопроекта из Государственной думы и при этом «преподал обер-прокурору св<ятейшего> синода определенные указания» относительно того, как «надлежит проводить проект в Государственной думе, не вызывая обостренных отношений с законодательной палатой». Обер-прокурору предложили отозвать из комиссии экспертов-профессоров и его товарища Н.Ч. Зайончковского, чье присутствие давно стало раздражающим фактором для членов комиссии¹⁹⁴⁵. Таким образом, Совет министров подтвердил свою прежнюю линию на благожелательное отношение к Думе.

---

¹⁹⁴³ Инцидент в пастырском собрании // Голос Руси. 7 мая 1916 г.; Инцидент на пастырском собрании // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 7 мая 1916 г.; *Д. В-нь*. Не реформа, а «оживление». Письмо из Царицына // Речь. 24 мая 1916 г.

¹⁹⁴⁴ *Бокарева Л.С.* Реформа православного прихода 1914–1917 гг.: Синодальное ведомство. С. 138.

¹⁹⁴⁵ К борьбе вокруг прихода // Петроградская газета. 15 мая 1916 г.; Около Думы. Приходский вопрос // Свет. 20 мая 1916 г.; К реформе прихода // Русские ведомости. 20 мая 1916 г.; *Бокарева Л.С.* Реформа православного прихода 1914–1917 гг.: Синодальное ведомство. С. 139–140.

Теперь, казалось бы, комиссия должна была сосредоточиться на завершении работы над проектом. Это она и собиралась сделать, обратившись в остававшиеся до каникул 2–3 недели к рассмотрению двух «наиболее острых вопросов» приходской жизни: о церковных и приходских имуществах и о создании «настоящей приходской школы»¹⁹⁴⁶. Но в этот момент произошло нечто совершенно неожиданное. В.Н. Львов объявил о том, что дальнейшее обсуждение законопроекта следует отложить до осенней сессии Думы. Сделав такое заявление и распустив комиссию, он, как сообщалось, покинул Петроград¹⁹⁴⁷.

Первоначально причиной такого поворота событий называлось заявление депутатов-священников, которые якобы просили перенести дальнейшее обсуждение на осень, поскольку тогда позиция духовного ведомства может быть более благоприятна по отношению к законопроекту. В этом усматривали свидетельство давления на думское духовенство со стороны этого самого ведомства. Газеты писали, что депутаты в священном сане «совершенно терроризированы ведомством, возглавляемым г. Волжиным»¹⁹⁴⁸. Такому объяснению неожиданного поворота в судьбе приходской реформы как будто находилось подтверждение в предшествующих событиях. Еще в конце марта наблюдатели отмечали, что члены Государственной думы из духовенства на закрытых собраниях принимали одно решение, а в комиссии голосовали иначе «под давлением со стороны ведомства». Более того, в начале апреля ходили слухи, что стенограммы заседаний комиссии не будут печататься, чтобы не давать Синоду документальных подтверждений того, что священники-депутаты выступают, не в соответствии с его официальной позицией. Депу-

---

Л.С. Бокарева считает, отталкиваясь от мнения одной из тогдашних газет, что отзыв профессоров был способом саботировать работу комиссии. Это мнение не подтверждается источниками.

¹⁹⁴⁶ Кузнецов Н.Д. Новый вопрос приходской реформы // Утро России. 27 мая 1916 г.

¹⁹⁴⁷ I.B. Приходская реформа // Новое время. 28 мая 1916 г.

¹⁹⁴⁸ Там же; Реформа прихода // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 28 мая 1916 г.; [Без автора. Без названия.] Петроград, 29 мая // Речь. 29 мая 1916 г.

таты пытались защитить своих коллег в сани от гнева их церковного начальства¹⁹⁴⁹.

Однако уже 1 июня священники-депутаты выступили с опровержением слухов, которые возлагали на них вину за приостановку слушания приходского проекта. Протоиереи Георгий Алферов, Сергей Медведков, Григорий Маньковский, Владимир Лентовский, Феодор Адриановский, священники Иоанн Дроздовский и Владимир Попов (3-й) заявили, что

рассмотрение приходского проекта приостановлено по желанию самого В.Н. Львова. На последнем заседании (25 мая) комиссии по делам православной церкви В.Н. Львов заявил, что т.к. в настоящее время в Петрограде нет шести членов <комиссии> и при том одного направления (из левого крыла) он опасается, что решение комиссии по вопросу о реформе прихода может быть слишком односторонним, а посему заседание комиссии для рассмотрения приходского устава в ближайшие дни состояться не может¹⁹⁵⁰.

Получалось, что в преддверии слушания вопроса о приходском имуществе В.Н. Львов опасался усиления консервативных членов комиссии и предпочел вообще остановить обсуждение. Этот шаг был недалек от провала. Оттягивание обсуждения ставило под вопрос принятие всего проекта. Существовала вероятность досрочного прекращения полномочий Думы, а в Думе 5-го созыва, к выборам в которую активно готовились и в правительстве, и при дворе, партийный состав депутатов, как ожидалось, еще сдвинулся бы вправо¹⁹⁵¹. Тогда «общественный» вариант приходской реформы вообще не состоялся бы: законопроект или прошел бы в синодальной редакции, или Дума согласилась бы с принятием его в порядке верховного управления¹⁹⁵². Откладывание слушания проекта, фактически, означало провал «общественного» сценария реформы. А с ним – и провал попыток Думы участвовать в решении приходского вопроса. Комментаторы соглашались, что это была победа ве-

---

¹⁹⁴⁹ На мертвой точке // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 31 марта 1916 г.; По прохождению проекта о приходе // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 6 апреля 1916 г.; Гос. дума и синод // Речь. 6 апреля 1916 г.

¹⁹⁵⁰ Письмо депутатов-священников // Голос Руси. 3 июня 1916 г.

¹⁹⁵¹ Кризис самодержавия в России. С. 594–606.

¹⁹⁵² Ср.: В.Пр. Вопрос о приходе // Новое время. 31 март 1916 г.

домства и лично обер-прокурора, результат его «больших дипломатических и тактических талантов»¹⁹⁵³. Перспективы представлялись мрачными:

Однако, какие же основания полагать, что ветер скоро изменится в благоприятную сторону? По-видимому, напротив, все указывает на безнадежный норд-ост, если никакие колебания не в состоянии изменить основного направления. <...> Пока не поколеблется это нечто, можно с уверенностью сказать, что дело церковных реформ не выйдет из круга комиссий и совещаний, или, вернее, если и попытается выйти, то не в ту сторону, в какую желает общество¹⁹⁵⁴.

Общественные деятели, болевшие за судьбу приходских преобразований, были глубоко разочарованы. Зато правые торжествовали и выражали уверенность, что «правительство этой реформы в духе жидов несомненно не допустит»¹⁹⁵⁵.

«Самочинные» реформы: приходские инициативы на местах

Но вопреки надежде правых, некоторые элементы приходской реформы к этому моменту начали входить в церковную жизнь по инициативе отдельных архиереев. В апреле, когда страсти вокруг предполагавшихся преобразований особенно накалились, стало известно, что епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) привлек прихожан к выдвижению кандидатов на настоятельские должности в приходах в тех случаях, когда у епархиального преосвященного не было намечено своего кандидата. Тем самым он начал реализовывать свою программу развития приходской жизни, которая предполагала значительную внутреннюю автономию приходов, сформулированную им еще в 1914 г. Несколько позже его примеру последовал епископ Красноярский Никон (Бессонов), допустивший к участию в выдвижении кандидатов и женщин¹⁹⁵⁶. Наблюдатели с некоторым ехидством подчеркивали «самочин-

---

¹⁹⁵³ [Без автора. Без названия.] Петроград, 29 мая // Речь. 29 мая 1916 г.

¹⁹⁵⁴ *Надеждин П.* Церковное кружение // День. 3 июня 1916 г.

¹⁹⁵⁵ *Глинка С.* «Излюбленная реформа» // Земщина. 9 июня 1916 г.; *Бетьковский В., свящ.* О подлинном и «казовом» // Русское знамя. 11 июня 1916 г.

¹⁹⁵⁶ О нем подробно см.: *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 122–139.

ный» (слово это бралось в кавычки), не санкционированный Синодом характер этих нововведений, но при этом отмечали, что такие действия преосвященных даже по действовавшим синодальным нормам не были незаконными. Впрочем, высказывалось обоснованное беспокойство относительно того, как посмотрит на действия преосвященных начальство. Однако все соглашались с тем, что подобные опыты производят впечатление «удара грома» и имеют «громадное значение», поскольку показывают, что «в различных кругах духовенства ясно и отчетливо сознается ненормальность нынешнего уклада приходской жизни и неотложная необходимость реформ». Ожидалось, что епископ Андрей пойдет дальше и допустит прихожан к распоряжению церковным имуществом. Так в обществе возникала надежда, что действиями таких архиереев как уфимский преосвященный приходская реформа в ее «общественном» варианте может начаться «снизу»¹⁹⁵⁷.

Популярность епископа Андрея в это время росла на глазах. Его имя, как мы видели, порой ставили рядом с именем митрополита Питирима. В глазах общественности он был «своим» архиереем. Влиянию его примера приписывали другие начинания в деле приходских преобразований, на деле никак с ним не связанные. Так, влиянием инициативы уфимского преосвященного объясняли выступление епископа Черниговского Василия (Богоявленского), который предложил духовной консистории «призвать к усиленной работе приходские братства» своей епархии, хотя и признавали, что этот преосвященный является противником реформы прихода «в духе думской комиссии»¹⁹⁵⁸.

Реальные планы епископа Василия шли в другом направлении. Приходские братства, возглавляемые приходскими священниками, массово стали создаваться в Черниговской епархии в 1912 г., вскоре после назначения преосвященного Василия на кафедру. Тогда же было реорганизовано существо-

---

¹⁹⁵⁷ «Самочинные» реформы // Маленькая газета. 10 октября 1916 г.; *Надеждин П.* Поучительный почин // День. 25 апреля 1916 г.; Реформа прихода // Современное слово. 14 мая 1916 г.; *Журавский А.В.* Андрей (Ухтомский) // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2000. С. 361–365.

¹⁹⁵⁸ В духовных кругах // Речь. 13 мая 1916 г.

вавшее ранее епархиальное братство святого Михаила, князя Черниговского. Оно стало координатором деятельности братств на уровне епархии. Были также созданы уездные братства – промежуточное звено между епархиальным и приходским уровнями. Приходские братства, как сообщалось, стали инициаторами различных церковно-общественных инициатив, помогали голодающим, поддерживали сельскую кооперацию. В 1914 г. опытом Черниговского владыки заинтересовались в синодальных сферах, об этом опыте писала официальная синодальная пресса¹⁹⁵⁹. А еще два года спустя епископ Василий выступил с новой инициативой, уже всецерковного масштаба. 17 июля 1916 г. он представил в Синод доклад, в котором предложил создать при Синоде Комитет по делам церковно-приходских благотворительных учреждений, по аналогии с существовавшими Учебным и Училищным комитетами, Миссионерским советом и Хозяйственным управлением. Комитет должен был координировать соответствующую деятельность в масштабе всей Российской Церкви и быть своего рода министерством по церковной благотворительности¹⁹⁶⁰. Созданием такого центрального органа епископ Василий надеялся активизировать церковную благотворительность и даже возродить приходскую жизнь. Он писал в своем докладе, что

только широко поставленное дело развития церковно-приходских благотворительных учреждений способно возродить приход и только это наполнит богатым содержанием жизнь Архипастырей, пастырей и мирян. Иначе все наши проповеди, все мудрования о возрождении прихода будут тщетны, ибо вечный закон тот, что вера без дел мертва, и мы должны показать веру нашу от дел наших¹⁹⁶¹.

Таким образом, епископ Василий предполагал повторить опыт централизации церковно-общественных инициатив, проведенный им в своей епархии, в общецерковном масштабе. Вероятно, он рассчитывал возглавить новое учреждение и при благоприятных обстоятельствах и войти в состав Святейшего Синода, как случилось с председателем миссионерского совета еписко-

---

¹⁹⁵⁹ Рункевич С.Г. Новый опыт оживления приходской самодеятельности. СПб., 1914 [оттиск из «Церковных Ведомостей»].

¹⁹⁶⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 218. Лл. 1–6, 17–18 об.

¹⁹⁶¹ Там же. Л. 18.

пом Иннокентием (Ястребовым). Синод благосклонно отнесся к инициативе черниговского владыки и 12 сентября создал специальную комиссию для разработки этого вопроса под председательством епископа Василия, в составе епископа Иннокентия (Ястребова), главы придворного духовенства протопресвитера Александра Дернова и помощника управляющего синодальной канцелярией С.Г. Рункевича¹⁹⁶². Последний и ранее поддерживал инициативы черниговского владыки и участвовал в их «продвижении», рассказывая о них в синодальной прессе. Характерно, что практически одновременно с созданием комиссии в «Колоколе» появилась передовая статья, в которой критиковалось ведомство учреждений императрицы Марии, управлявшее благотворительными учреждениями, и предлагалось создать министерство благотворительности, которое объединяло бы все светские учреждения, «живущие на средства частной благотворительности»¹⁹⁶³. Похоже, так общественное мнение готовили к созданию подобной централизованной организации при Синоде.

Комиссия епископа Василия еще до конца сентября представили Синоду свой доклад и разработанные проекты постановления об учреждении нового органа и положения о нем. Его предполагали теперь назвать «Советом по делам церковной благотворительности». В его задачу, помимо управления собственно благотворительной деятельностью, предполагалось включить «культурное христианское образование народа» и организацию его досуга. В состав совета должны были входить архиереи, присутствующие в Синоде (соответственно – и его председатель, кресло которого планировал занять епископ Василий), белое духовенство, «высшие чины ведомства православного исповедания», светские лица, избираемые Государственным советом и Государственной думой¹⁹⁶⁴. Синод был доволен черниговским преосвященным: уже 5 октября он был возведен в сан архиепископа¹⁹⁶⁵. Но его далеко

---

¹⁹⁶² Там же. Л. 7.

¹⁹⁶³ Там же. Л. 8.

¹⁹⁶⁴ Там же. Лл. 13–23 об.

¹⁹⁶⁵ Архиереи Русской Православной Церкви (1700–1917). С. 772.

идушим карьерным планам не было дано реализоваться. В 1917 г. черниговское духовенство, обессиленное подборами владыки, изгнало его с кафедры¹⁹⁶⁶.

В это же время со своей приходской инициативой выступил протоиерей Иоанн Восторгов. Как руководитель московского совета благочинных он предложил создать «епархиальное попечительство», которое руководило бы деятельностью приходских попечительств, а также и само изыскивало бы средства на благотворительность и распределяло бы их, «пользуясь приходскими попечительствами как своими органами». Основной задачей нового учреждения называлась помощь городской бедноте в приобретении «пищевого довольствия», в поиске бесплатных или дешевых жилищ, помощь сиротам воинов. Митрополит Московский Макарий (Невский) поддержал инициативу отца Иоанна¹⁹⁶⁷. Не трудно заметить, что черниговский и московский проекты были однотипны. Они предполагали создание некоей централизованной управленческой структуры, деятельность которой неминуемо носила бы бюрократический характер. По сути, эти проекты воспроизводили стратегию «административного оцерковления» приходских попечительств, которую, как мы помним, ряд преосвященных предполагал реализовать для оживления этих организаций еще в 1890-е гг. (см. § 7 2-й главы)¹⁹⁶⁸, хотя скорее всего ни епископ Василий, ни протоиерей Иоанн не знали о проектах более чем 20-летней давности. Очевидно, синодальная система как бы подска-

---

¹⁹⁶⁶ *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. С. 157–160. Ср. характеристику епископа Василия у протопресвитера Георгия Шавельского: *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. С. 465–466. Ревизию Черниговской епархии после февраля 1917 г. проводил никто иной как старый знакомый преосвященного Василия и проводник его идей в синодальных сферах С.Г. Рункевич. Он поставил под сомнение обвинения черниговского епископа со стороны духовенства его епархии в симонии и nepотизме, но признал его большие коммерческие таланты. В результате синодальное расследование в его отношении закончилось ничем. Ср.: *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. С. 158–159. В контексте предъявленных ему обвинений становится понятно, что епископ Василий, пытаясь занять место в центральных синодальных структурах, надеялся обезопасить себя от жалоб в Синод со стороны черниговского духовенства.

¹⁹⁶⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 218. Л. 9.

¹⁹⁶⁸ *Беглов А. Л.* Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2014. Вып. 6 (61). С. 35–57.

зывала однотипные решения проблем, которые сама же и порождала. Тем временем правые обрушили критику на епископа Андрея (Ухтомского), назвав еретическими отдельные его высказывания о литургии¹⁹⁶⁹. Столь серьезные обвинения должны были дискредитировать в глазах церковных людей всю деятельность уфимского преосвященного, в том числе и в сфере приходских преобразований.

Дело священника Владимира Востокова в контексте приходского вопроса

Одним из эпизодов церковной жизни, к которому было приковано пристальное внимание общественности на протяжении почти всего 1916 г. и который прочно ассоциировался с приходским вопросом, было дело священника Владимира Востокова. Отец Владимир получил известность в 1903–1904 гг., когда в связи с его активной проповеднической деятельностью был переведен митрополитом Владимиром (Богоявленским) из сельского прихода в Москву. Здесь он занял заметное место среди близкого к Церкви образованного общества, о чем говорило, например, его избрание московским дворянством в 1904 г. на должность законоучителя Екатерининского института благородных девиц. Во время первой революции он был назначен епархиальным миссионером и настоятелем Князь-Владимирской церкви при московском епархиальном доме. Но уже в 1906 г. он оказался в опале из-за конфликта с никем иным как протоиереем Иоанном Восторговым по поводу вопроса о возможности участия духовенства в правых политических организациях. Отец Владимир выступал резко против такого участия. В результате конфликта он был смещен со своих постов и назначен настоятелем одной из московских приходских церквей. Но его общественное положение не поколебалось. Именно в это время А.Д. Самарин, предводитель дворянства Московской губернии и будущий обер-прокурор пригласил его законоучителем к

---

¹⁹⁶⁹ *Бронзов А., проф.* «Преложение» и «преосуществление» // Русское знамя. 30 октября 1916 г.; Уфимский ересе-учитель // Русское знамя. 9 ноября 1916 г.

своим детям, что воспринималось как жест поддержки опального пастыря. Отец Владимир сблизился с «самаринским кружком». С 1911 г. он начал издавать церковно-общественный журнал «Отклики на жизнь», в котором печатались как его собственные сочинения, проповеди, так и сочинения его единомышленников по самаринскому кружку. В соответствии с названием журнал реагировал на актуальные проблемы церковной и общественной жизни. Активная позиция «Откликов на жизнь» стала причиной новой опалы отца Владимира. Он был переведен в Христорожественскую церковь подмосковной Коломны, причем к этому переводу имел отношение лично В.К. Саблер¹⁹⁷⁰. С 1913–1914 гг. журнал занимал открытую антираспутинскую позицию; она была характерна не только для публикаций самого отца Владимира, но и других авторов журнала, например, М.А. Новоселова. Московские церковные власти пытались закрыть журнал, но отец Владимир не подчинился их требованиям, а общественная поддержка его не ослабевала: под прошением о возвращении священника в Москву в этот момент подписались 5 тысяч москвичей. В период короткого обер-прокурорства А.Д. Самарина отец Владимир сделал решительный шаг: 2 сентября 1915 г. от имени прихожан своей церкви он подал прошение на имя министра внутренних дел с предложением публично осудить Г.Е. Распутина¹⁹⁷¹. Но 26 сентября А.Д. Самарин покинул обер-прокурорское кресло, а 26 января 1916 г. отец Владимир был переведен (как мы теперь знаем, не без влияния императрицы) из Коломны в Ильинскую церковь погоста Ильинское-Стребухово в 60 верстах от Москвы¹⁹⁷². Этим переводом открылся новый раунд борьбы за отца Владимира, за которым пристально следили современники в течение 1916 г.

Сразу после перевода последовали ходатайства прихожан как коломенских, так и бывших московских в Синод об отмене решения о переводе и о

---

¹⁹⁷⁰ *Гиляровский В.* Священник В.И. Востоков // *Голос Москвы*. 7 мая 1913 г.

¹⁹⁷¹ Падение царского режима. Т. 4. С. 154; *Знатнов А.В.* Востоков Владимир Игнатьевич // *Православная энциклопедия*. Т. 9. М., 2005. С. 471–473; *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 476.

¹⁹⁷² Перевод священника В.И. Востокова // *Раннее утро*. 30 января 1916 г.; *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. С. 476.

возвращении его в Коломну. Среди присоединившихся к ходатайствам был и член Государственной думы, гласный московской городской думы кадет М.М. Новиков¹⁹⁷³. Только рабочие коломенского машиностроительного завода составили два ходатайства, под которыми стояли подписи от 1000 до 1500 человек, и направили специальную депутацию лично к митрополиту Макарию. Просила за опального пастыря и коломенская городская управа¹⁹⁷⁴. В своих ходатайствах прихожане отца Владимира, в том числе депутаты Думы доходили и до обер-прокурора, но А.Н. Волжин, хотя по всей видимости сам был не против пойти навстречу настойчивости просителей, отвечал, что судьба священника находится в руках московского митрополита¹⁹⁷⁵. Однако московские церковные власти неизменно отклоняли все просьбы¹⁹⁷⁶. Характерно, что среди объяснений необходимости удалить отца Владимира из Коломны фигурировало, например, то, что другое духовенство во время его деятельности получает упреки за бездействие, или что проповедническая и литературная его деятельность приближает революцию или его дурное влияние на коломенских рабочих (последнее утверждение вызвало дополнительный протест с их стороны)¹⁹⁷⁷. Хотя, конечно, все понимали, что главной причиной его перевода были антираспутинские статьи «Откликов на жизнь»¹⁹⁷⁸. Духовные власти так стремились показать свою строгость, что не позволили опальному пастырю совершить в Коломне прощальную литургию, о чем просили прихожане, и отклонили поданное еще в 1915 г. прошение о разрешении совершить приходское паломничество в Казанский монастырь Рязанской епархии, хотя разрешение московского губернатора и благословение рязанского преосвященного были получены¹⁹⁷⁹. В конце апреля, как бы в ответ на

---

¹⁹⁷³ День. 4 февраля 1916 г.; Раннее утро. 4 февраля 1916 г.; Раннее утро. 16 февраля 1916 г.

¹⁹⁷⁴ Речь. 29 марта 1916 г.; Новое время. 29 марта 1916 г.; Русские ведомости. 5 апреля 1916 г.; Новое время. 6 апреля 1916 г.; Русское слово. 6 апреля 1916 г.; Новое время. 9 апреля 1916 г.; Русское слово. 14 апреля 1916 г.

¹⁹⁷⁵ Новое время. 10 марта 1916 г.; Русские ведомости. 5 апреля 1916 г.

¹⁹⁷⁶ Русское слово. 7 марта 1916 г.; Раннее утро. 7 марта 1916 г.; Речь. 7 марта 1916 г.

¹⁹⁷⁷ Ходатайство за от. Востокова // Новое время. 5 мая 1916 г.

¹⁹⁷⁸ О судьбе Востокова // Раннее утро. 20 марта 1916 г.

¹⁹⁷⁹ Раннее утро. 23 апреля 1916 г.; Утро России. 13 мая 1916 г.; Утро России. 15 мая 1916 г.; Новое время. 15 мая 1916 г.

усиленные ходатайства прихожан последовал новый перевод. Отцу Владимиру было предписано с 1 июня начать службу в тюремной церкви города Клин¹⁹⁸⁰. Но протесты не утихали. Теперь к ним присоединились и прихожане Ильинского погоста.

Широко освещаемое дело отца Владимира соединилось в общественном сознании «с первыми шагами приходской реформы». Как писал один из обозревателей, исход этого дела стал бы своего рода «экзаменом» для иерархии, который показал бы, в какой степени слова о необходимости «единения» пастыря с паствой являются программой действий, а не риторической формулой, в какой степени к голосу прихожан действительно готовы прислушаться¹⁹⁸¹. Впрочем, иерархия на этом «экзамене» была поставлена в патовое положение. Ответить «верно» (с точки зрения общества) на вопрос, поставленный «делом» отца Владимира, ей мешало политическое давление, исходящее из самых высоких сфер. Сам отец Владимир открыто высказывался за право участия прихожан в избрании своих пастырей¹⁹⁸². Снова писали о пагубной для приходской жизни практике переводов духовенства «в наказание» за мнимые или действительные проступки, практике, раскритикованной еще за 10 лет до описываемых событий в Предсоборном присутствии¹⁹⁸³.

Тем временем митрополит Макарий принял решение предать священника Владимира Востокова духовному суду, о чем просил и сам опальный пастырь, надеясь снять с себя все обвинения. Предварительное следствие должны были вести епархиальные миссионеры. Поведение их вызывало нарекания со стороны коломенцев, их обвиняли в грубости и предвзятости. При этом сами миссионеры не были едины в своем отношении к опальному собрату. Некоторые из них поддерживали обвинение его в ереси, другие встали на его защиту¹⁹⁸⁴. Активно против подсудимого выступал протоиерей

---

¹⁹⁸⁰ Резолюция по делу о Востокове // Биржевые ведомости. 21 апреля 1916 г.

¹⁹⁸¹ Щеглов В. Экзамен // Речь. 3 мая 1916 г.

¹⁹⁸² Востоков В., священник. Нерв прихода // Раннее утро. 24 апреля 1916 г.

¹⁹⁸³ Щеглов В. Экзамен // Речь. 3 мая 1916 г.

¹⁹⁸⁴ Дело священника Востокова // Речь. 7 мая 1916 г.; Джон Браунинг. Маленький фельетон «Буря свинья» // Современное слово. 8 мая 1916 г.

Иоанн Восторгов, который считал вредным его издание «Отклики на жизнь». Учитывая, насколько весомым был его голос в управлении Московской епархией в этот период, можно понять, что это был более чем серьезный оппонент¹⁹⁸⁵. Характерно, что некоторые другие члены судебной коллегии были готовы спорить с влиятельным протоиереем¹⁹⁸⁶.

В этот момент отец Владимир выступил с подробным разбором выдвинутых против него обвинений. Из его ответа мы можем получить представление о том, что, собственно, ему инкриминировалось. 8 пунктов обвинений можно разделить на две неравные части: большая часть обвинений носила церковно-дисциплинарный характер, меньшая предполагала его уклонение от православия. Самыми существенными из первой категории были обвинения в том, что «Отклики на жизнь» не представлялись предварительной духовной цензуре и продолжали издаваться после снятия «благословения». На это отец Владимир указывал, что правила о печати 1905 г. упразднили предварительную цензуру, а указ Синода, санкционировавший «Отклики», говорил только о необходимости подчинения журнала общим основаниям цензуры. Тем самым отец Владимир подчеркивал не столько церковный, сколько общественный характер своего издания. Относительно снятого «благословения» он напоминал, что изначально не имел такового, что он как издатель получил на журнал «дозволение» Синода, которое не было снято¹⁹⁸⁷. С обвинениями в ереси против отца Владимира выступил миссионер протоиерей Христофор Максимов и группа его единомышленников. Они напечатали брошюру, в которой на основании разбора письма отца Владимира к кружку московских студентов и курсисток обвинили его в сектантстве и ереси, воз-

---

¹⁹⁸⁵ Мы видели, что значимые документы и решения московских церковных властей, в том числе о создании новых епархиальных учреждений принимались в этот период Московским советом благочинных, организацией, которой руководил отец Иоанн. Фактический управленческий вес этого органа, находившегося вне обычной структуры епархиального управления, был значителен.

¹⁹⁸⁶ Раннее утро. 20 мая 1916 г.

¹⁹⁸⁷ *Востоков В., свящ.* Ответ московскому епархиальному миссионерскому совету. Письмо в редакцию // Русское слово. 3 июня 1916 г.; *Востоков В., свящ.* Ответ синодальному «Приходскому листку». Письмо в редакцию // Русское слово. 12 июня 1916 г.; Дело священника Востокова // Московский листок. 3 июня 1916 г.; К суду над о. Востоковым // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 5 июня 1916 г.; К суду над о. Востоковым // Голос Руси. 6 июня 1916 г.

ведя его «учение» к взглядам Д.Ф. Штрауса и Ж.Э. Ренана. Авторы брошюры требовали закрыть «Отклики на жизнь» и лишить отца Владимира сана¹⁹⁸⁸.

В такой нерадостной атмосфере отец Владимир встречал свой 25-летний юбилей служения в священном сане, который приходился на 30 мая. Но как раз в этот момент еще раз проявилась та общественная поддержка, которой он пользовался. Поздравить пастыря поспешили не только его прихожане (они собирались поднести ему в честь юбилея Евангелие, однако не получили на это разрешения от митрополита «в виду военного времени»), но и общественные деятели. Поздравительную телеграмму отцу Владимиру прислал лидер октябристов А.И. Гучков; газеты поместили специально посвященные юбилею статьи¹⁹⁸⁹. Общественный интерес к его фигуре и ко всему его «делу» не ослабевал. С этим интересом приходилось считаться и Синоду¹⁹⁹⁰. Между тем, следствие было завершено, и суд был назначен на осень. Тяжесть обвинений предполагала суровое наказание – лишение сана. О предержавности такого исхода прямо писали в прессе со ссылкой на «компетентных лиц»¹⁹⁹¹. Избежать такого поворота событий, а также снять со своих собратьев тяжкую обязанность участвовать в необъективном процессе можно было уйдя из юрисдикции московских епархиальных властей, например, в ведомство военного духовенства или в другую епархию. Такой исход, очевидно, устраивал и епархиальное начальство: без его санкции переход был бы невозможен. В этой ситуации отец Владимир принял приглашение епископа Андрея (Ухтомского), чьи статьи он много лет публиковал в «Откли-

---

¹⁹⁸⁸ К делу Востокова // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 17 июня 1916 г.; Рассмотрение издаваемого и редактируемого священником Владимиром Востоковым журнала «Отклики на жизнь» на основании слова Божия, писания св. отцов и правил св. церкви / [Прот. Христофор Максимов, прот. Иоанн Добров, Андрей Журавлев и др.] М., 1916; Судьба Востокова // Новое время. 12 июня 1916 г.; Судьба свящ. Востокова // Новое время. 17 июня 1916 г.; Знатнов А.В. Востоков Владимир Игнатьевич. С. 471–473.

¹⁹⁸⁹ Утро России. 13 мая 1916 г.; О свящ. Востокове // Речь. 7 июня 1916 г.; Юбилей Востокова // Утро России. 29 мая 1916 г.; Чествование от. Востокова // Новое время. 1 июня 1916 г.

¹⁹⁹⁰ Опрос о. В.И. Востокова // Московский листок. 10 июня 1916 г.; Свящ. В.И. Востоков и синод // Русское слово. 10 июня 1916 г.

¹⁹⁹¹ Суд над о. Востоковым // День. 9 июня 1916 г.

ках на жизнь», и перешел в Уфимскую епархию¹⁹⁹². Две фигуры, в этот момент прочно связывавшиеся в общественном сознании с приходским вопросом, соединились. Популярность епископа Андрея, как писали о нем, «мужественно и открыто сочувствующего некоторым современным церковно-общественным настроениям», в связи с таким его участием в «деле» отца Владимира только возросла¹⁹⁹³.

Но что дало это «дело» приходскому вопросу? Прежде всего – еще больший общественный интерес. Период особого внимания к судьбе опального пастыря совпал с временем наибольшего резонанса от демарша митрополита Питирима, последующих действий Синода и пристального наблюдения за работой думской комиссии. События, с этим связанные, происходили одновременно и поддерживали интерес к себе и к приходским преобразованиям в целом. «Дело» отца Владимира было конкретной иллюстрацией неустроенности православного прихода, игнорирования церковными властями мнения прихожан, порочности практики переводов. Перипетии «дела» как будто подтверждали необходимость провести преобразование прихода именно в «общественном» ключе, прежде всего – узаконить право прихожан влиять на кандидатуру своего пастыря. Но в «деле» была и еще одна составляющая, не высказывавшаяся в газетных статьях, но подразумевавшаяся: открытая антираспутинская позиция отца Владимира. При чтении публикаций о его «деле» трудно отделаться от вопроса: был бы интерес к его судьбе столь же напряженным, если бы у него не было репутации человека, пострадавшего за обличение «старца»? Так, тень «царского друга» возникала за приходским вопросом (как видимо, и за всяким церковным и государственным вопросом в эти месяцы) и при определенных обстоятельствах могла поглотить его. И конечно, наверное, с не меньшей силой, чем неустроенность прихода, «дело Востокова» демонстрировало зависимость церковных властей в по-

---

¹⁹⁹² Приезд свящ. о. Востокова // Петроградский листок. 8–9 октября 1916 г.; *Знатнов А.В.* Востоков Владимир Игнатъевич. С. 471–473.

¹⁹⁹³ *Надеждин П.* Власть рутины // День. 2, 12 октября 1916 г.; Ходатайство за о. В.И. Востокова // Московский листок. 12 октября 1916 г.

следний год Российской империи от сиюминутных настроений высших сфер, от в широком смысле политического заказа, зависимость унижительную, поскольку им приходилось искать церковные оправдания нецерковным мотивам.

Последний бросок: комиссия митрополита Питирима о материальном обеспечении духовенства

Поздняя осень 1916 г. воспринималась современниками как момент переломный. Прежде всего перелом наступил в отношениях верховной власти и «общественности». Как писал внимательный наблюдатель В.И. Гурко, товарищ министра внутренних дел при П.Н. Дурново и П.А. Столыпине, а затем консервативный общественный деятель, если еще в августе – сентябре преодолеть раскол между двором и кабинетом с одной стороны и обществом и думой с другой было возможно, например, введением в правительство приемлемых для общества лиц (назывались имена уволенных ранее министров А.В. Кривошеина и А.А. Поливанова), то в ноябре – декабре возможность для взаимопонимания исчезла. Общество радикализировалось, двор и правительство сдвигались вправо¹⁹⁹⁴. Непосредственным образом это коснулось и митрополита Питирима, ему «пришлось испытать перемену общественного отношения к себе»¹⁹⁹⁵.

Впрочем, начало осени, как будто, внушало надежду. 18 сентября состоялся приход на пост министра внутренних дел А.Д. Протопопова, депутата Думы, октябриста, крупного землевладельца и промышленника. Его назначение должно было подчеркнуть лояльность двора к представителям думы и общества, и было поначалу воспринято в думских коридорах с энтузиазмом¹⁹⁹⁶. При этом новый министр был связан с Г.Е. Распутиным, и его

---

¹⁹⁹⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Подг. текста и комм. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 1134–1138; Кризис самодержавия в России. С. 622–624, 627–630, 640.

¹⁹⁹⁵ Падение царского режима. Т. 4. С. 197 (показания С.П. Белецкого).

¹⁹⁹⁶ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 147–148; Гайда Ф. Председатель отдела древесного топлива // Родина. 2011. № 5.

назначение произошло при личном участии «старца» и императрицы. Важно отметить, что в программе ближайших действий А.Д. Протопопова было решение проблемы материального обеспечения духовенства путем назначения ему государственного жалования¹⁹⁹⁷. Это непосредственным образом связывалось с приходским вопросом. Ожидалось, что приходский устав все же будет принят думой в ближайшие месяцы, и священник как центральная фигура прихода и органов приходского управления должен получить гарантии своей финансовой самостоятельности от прихожан¹⁹⁹⁸. Приходский вопрос или отдельные его элементы оставались в политической программе правительства в течение всего года. Хотя в этот момент приоритетной задачей для кабинета было заручиться лояльностью духовенства в преддверии выборов в 5-ю Государственную думу¹⁹⁹⁹.

Решение вопроса о материальном обеспечении клира снова взял на себя митрополит Питирим. Все обстоятельства, казалось бы, складывались для него благоприятно. Еще летом произошли существенные перестановки в ведомстве православного исповедания. 7 августа А.Н. Волжин покинул свой пост. На его место пришел ставленник митрополита Питирима Н.П. Раев²⁰⁰⁰. Петроградский преосвященный и его закулисный покровитель победили. В октябре свой пост (опять же, как считалось, под влиянием Г.Е. Распутина²⁰⁰¹) покинул и товарищ обер-прокурора Н.Ч. Зайончковский, который, по мнению общественности, «значительно способствовал тому», чтобы «реформа прихода была заторможена»²⁰⁰². В августе в Синоде снова обсуждали вопрос об изъятии приходского проекта из думы и о его доработке (может быть, уже единолично митрополитом Питиримом), но новый обер-прокурор не желал раздражать думу: задача установления мирных отношений между ней и пра-

---

¹⁹⁹⁷ Кризис самодержавия в России. С. 605–608.

¹⁹⁹⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. II отд., 2 стол. Д. 306. Лл. 12–13 об.

¹⁹⁹⁹ Кризис самодержавия в России. С. 606.

²⁰⁰⁰ Падение царского режима. Т. 2. С. 65–66; *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 156–157.

²⁰⁰¹ Падение царского режима. Т. 4. С. 225.

²⁰⁰² *Каронинский А.* Уходящие тени // Петроградский листок. 30 октября 1916 г.

вительством сохранялась²⁰⁰³. Н.П. Раев собирался «сгладить те непримиримые разногласия, которые возникли между Думой и Синодом при обсуждении реформы в комиссии по делам православной церкви»²⁰⁰⁴. В этой ситуации митрополит Питирим при поддержке обер-прокурора создал епархиальную комиссию, которая должна была разработать конкретные формы реорганизации прихода в столице. Но главное, он встал во главе синодальной комиссии, которая должна была разрешить вопрос о материальном обеспечении духовенства²⁰⁰⁵.

Можно было подумать, что петроградский преосвященный находится в зените своего влияния и общественного внимания. Однако именно общественное мнение резко изменилось в отношении митрополита Питирима в этот переломный для всей страны момент. Причиной этого была все более отчетливо осознававшаяся обществом его связь с Г.Е. Распутиным и принадлежность к «темным силам». Как ни старался преосвященный маскировать эту связь, как бы осторожно ни вел себя в этом отношении, во второй половине года она стала достоянием гласности. Во многом этому способствовал сам «сибирский странник», который при всяком подходящем и не подходящем случае говорил о своей близости с митрополитом Питиримом²⁰⁰⁶. Еще один удар по репутации преосвященного нанесла его вовлеченность в дело И.Ф. Манасевича-Мануйлова. Этот бывший сотрудник полиции, секретарь Б.В. Штюмера, журналист и друг И.З. Осипенко, входящий в ближний круг Г.Е. Распутина, оказывавший услуги и самому митрополиту, размещая благоприятные для него публикации в прессе, был арестован 19 августа по обвинению в шантаже банкиров и вымогательстве. Будучи арестован, он дал понять, что готов дать на судебном процессе откровенную информацию о «царском друге» и всем его окружении, что вызвало переполох у всех, с кем

---

²⁰⁰³ Кризис самодержавия в России. С. 602; *Бокарева Л.С.* Реформа православного прихода 1914–1917 гг.: Синодальное ведомство. С. 140.

²⁰⁰⁴ Реформа прихода // Русское слово. **октября** 1916 г.

²⁰⁰⁵ Организация прихода // Вечернее время. **октября** 1916 г.; *Бокарева Л.С.* Реформа православного прихода 1914–1917 гг.: Синодальное ведомство. С. 140–141.

²⁰⁰⁶ Падение царского режима. Т. 4. С. 196–198.

так или иначе взаимодействовал этот человек, в том числе в Царском селе. Последовали попытки прекратить дело, к которым присоединился и митрополит Питирим. 28 октября он обратился к министру юстиции А.А. Макарову (тому, кто в свою бытность министром внутренних дел подписал уничтожающий отзыв министерства на проект В.К. Саблера 1912 г. и, возможно, стоял за отзывом министерства 1916 г.) с просьбой о прекращении дела И.Ф. Манасевича-Мануйлова²⁰⁰⁷. Роль самого преосвященного и его секретаря И.З. Осипенко в этом деле не укрылась от газет. Митрополит жаловался министру внутренних дел А.Д. Протопопову, что в связи с делом прессу наводнили «бранные статьи» в его адрес²⁰⁰⁸.

Главное, по сравнению с первой половиной года, изменилось отношение к слухам и сведениям об отношениях Г.Е. Распутина и митрополита Питирима. Если раньше светское и церковное общество готово было при определенных обстоятельствах проигнорировать эти сведения²⁰⁰⁹, то теперь к ним стали относиться совершенно нетерпимо. Если раньше, весной 1916 г. за теми или иными указаниями на представителей «безответственных сил» можно было услышать лишь намеки на петроградского иерарха²⁰¹⁰, то теперь его имя прямо называлось в ряду других членов «придворного кружка», который оказывает губительное влияние на верховную власть. Особенно активно против петроградского преосвященного теперь выступал В.Н. Львов, который ранее, как мы знаем, был готов поддерживать некоторые его инициативы. Теперь он регулярно делал «сенсационные разоблачения о вмешательстве Распутина в дела церкви и в решения Св<ятейшего> синода»²⁰¹¹.

Как приговор «темным силам» и митрополиту Питириму в их числе прозвучала речь лидера кадетской партии П.Н. Милюкова в начале думской сессии 1 ноября 1916 г. Она произвела огромное впечатление на современни-

---

²⁰⁰⁷ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С. 131–132, 149; Лукоянов И.В. Комментарии. С. 390.

²⁰⁰⁸ Падение царского режима. Т. 4. С. 40–41.

²⁰⁰⁹ Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг. С. 203. Ср.: Фирсов С.Л. Искусившийся властью. С. 139.

²⁰¹⁰ Ср.: Там же. С. 144–145.

²⁰¹¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 1132.

ков, в ней прозвучало слово «измена», и оно стало ассоциироваться теперь и с именем петроградского владыки²⁰¹². 10 ноября 1916 г. последовала отставка Б.В. Штюмера, который к этому моменту уже играл роль «красного флага» для общества и так и не справился с задачей навести прочные мосты между правительством и народным представительством²⁰¹³. Дальнейшие дебаты в думе довершили дело. В сентябре 1916 г. в порядке верховного управления, в обход думы была создана никогда ранее не существовавшая вторая должность товарища обер-прокурора Синода, на которую был назначен близкий к митрополиту (но также и ко двору) и давно домогавшийся такого назначения князь Н.Д. Жевахов. Впрочем, в октябре, как мы говорили, свое кресло покинул Н.Ч. Зайончковский, и Н.Д. Жевахов остался единственным товарищем обер-прокурора. Однако первоначальное его назначение вызвало в думе скандал, депутаты получили повод для обсуждения всех церковных дел, и объектом их уничтожающей критики стал митрополит Питирим. Особенно резким было выступление В.Н. Львова. Причем через некоторое время В.Н. Львов выступил с рассказом об этом назначении на съезде объединенных дворянских обществ, прошедшем 29 ноября – 4 декабря 1916 г., и здесь, в гораздо более консервативной среде история эта вызвала не меньшее возмущение²⁰¹⁴.

Это был конец общественной репутации митрополита. Все усилия первой половины года, когда преосвященный Питирим стремился завоевать симпатии общественности, стать «своим» для нее, были перечеркнуты. Митрополит Питирим как прочно ассоциировавшийся не только с Г.Е. Распутиным, но вообще с «темными силами» и «безответственными влияниями», как часть «темных сил» теперь стал абсолютно чужим для общества. Общество отвернулось от столичного иерарха, а вместе с ним охладело и его внимание

---

²⁰¹² *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 132–133; *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 162–164.

²⁰¹³ Кризис самодержавия в России. С. 619–621; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 151–152.

²⁰¹⁴ Подробнее о назначении Н.Д. Жевахова и реакции на него в обществе см.: Падение царского режима. Т. 4. С. 220–223, 226 (показания С.П. Белецкого); *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 156–158, 206–207; *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 152–154.

к приходскому вопросу, который слишком тесно связывался с именем митрополита Питирима в предыдущий период. Имя преосвященного, бывало не сходявшее со страниц газет, появлялось на них все реже. То же произошло и с вопросом о приходе. Писать о нем как будто стыдились, а если писали, то старались не связывать с именем столичного иерарха²⁰¹⁵. А если где-то происходили общественные обсуждения этого вопроса, то пресса прямо говорила о их «несколько запоздалом» характере²⁰¹⁶. Распутинская тень окончательно легла на приходский вопрос и сделала его малоинтересным или, во всяком случае, подозрительным в глазах общества.

В этой-то атмосфере сгущающихся сумерек и начала работать комиссия митрополита Питирима об улучшении содержания православного духовенства²⁰¹⁷. Ее состав был исключительно представительен и должен был продемонстрировать серьезность намерений ее организаторов разрешить наболевший вопрос. В нее входили, помимо председателя митрополита Питирима, архиепископ Литовский Тихон (Белавин), викарий Грузинской епархии епископ Горийский Антоний (Георгадзе), обер-прокурор Н.П. Раев. Характерно, что в ней присутствовали только трое иерархов. Преосвященный Тихон и ранее выступал как союзник митрополита Питирима в приходском вопросе, а епископ Антоний был близок к преосвященному еще в его бытность экзархом Грузии²⁰¹⁸. Членами комиссии были депутаты Государственной думы протоиереи Александр Смирнов, профессор богословия Казанского университета и Александр Трегубов, бывший до избрания в думу сельским священником Киевской губернии²⁰¹⁹. Включение в состав комиссии священников-депутатов должно было продемонстрировать внимание организаторов ее работы к голосу народных представителей. Также в комиссию входили как

---

²⁰¹⁵ Ср. показание министра внутренних дел А.Д. Протопопова о цензуре, которой подвергались критические статьи в отношении столичного иерарха: Падение царского режима. Т. 4. С. 40–41.

²⁰¹⁶ Реформа прихода // Петроградский листок. 5 ноября 1916 г.

²⁰¹⁷ Краткое упоминание о комиссии см. в показаниях А.Д. Протопопова: Падение царского режима. Т. 4. С. 40, и в книге Б.В. Титлинова: *Титлинов Б.В., проф.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 41, 54. См. также: *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 181–182, 184.

²⁰¹⁸ Падение царского режима. Т. 4. С. 199.

²⁰¹⁹ Члены Государственной Думы... Четвёртый созыв. С. 109, 129.

представитель общественности известный нам В.М. Скворцов, протоиерей Богоявленского Никольского собора в Петрограде, профессор столичной духовной академии отец Сергей Соллертинский, экстраординарный профессор той же академии Б.В. Титлинов, имевший репутацию либерального профессора и близкий в тот момент к петроградскому митрополиту²⁰²⁰. Министерство финансов в комиссии представляли вице-директор департамента государственного казначейства Е.И. Смирнов и ревизор того же департамента К.К. Федчевский. От Государственного контроля на заседаниях присутствовали генерал-контролер департамента гражданской отчетности С.А. Гадзяцкий и старший ревизор того же департамента Д.П. Богданов. Ведомство православного исповедания, помимо обер-прокурора, представляли директор хозяйственного управления при Синоде А.А. Осецкий, управляющий контролем при Синоде М.А. Дьяконов и помощник управляющего синодальной канцелярией П.В. Мудролюбов²⁰²¹. Из 16 членов комиссии не менее 7-ми, включая обер-прокурора и обоих представителей иерархии были союзниками ее председателя²⁰²².

Комиссия начала работу 23 января 1917 г., 31 января провела еще одно заседание, а уже 4 февраля 1917 г. закончила свою работу²⁰²³. Перед началом работы комиссии произошел один эпизод. Как сообщал позднее Б.В. Титлинов, митрополит Питирим поручил «некоторым либеральным деятелям», которых привлек в комиссию (здесь профессор, конечно, имеет в виду себя), составить проект «в духе общественных тенденций и проектов Гос<ударственной> Думы, с базированием на приход и земские единицы»²⁰²⁴.

---

²⁰²⁰ См.: *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью. С. 182, 184.

²⁰²¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. II отд., 2 стол. Д. 306. Лл. 33–33 об. Имя одного члена комиссии в священном сане, стоящее в списке последним, после представителей духовного ведомства и перед делопроизводителями, нам расшифровать не удалось. Ср.: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. II отд., 2 стол. Д. 306. Лл. 39. Дело в том, что документы питиримовской комиссии представляют собой крайне трудно читаемые черновики. Чистовые журналы, равно как и чистовые проекты решений комиссии так и не были подготовлены.

²⁰²² А.А. Осецкий так же, как П.В. Мудролюбов и В.М. Скворцов, был близок к митрополиту Питириму через «царского друга». См.: *Падение царского режима*. Т. 4. С. 225.

²⁰²³ См.: РГИА. Ф. 799. Оп. 31. II отд., 2 стол. Д. 306. Лл. 1, 11, 25, 33.

²⁰²⁴ *Титлинов Б.В., проф.* Церковь во время революции. С. 54. Возможно, этот тот же самый проект, о котором говорил А.Д. Протопопов в своей «предсмертной записке». Он утверждал, что

Петроградский митрополит внес этот проект в комиссию от своего имени. К сожалению, свидетельство Б.В. Титлинова о сути этого проекта слишком неопределенно. Из него можно понять, что проект 1) использовал какие-то идеи думских проектов преобразования прихода и обеспечения духовенства, 2) предполагал, что именно приход будет обеспечивать клир содержанием, возможно, путем самообложения, 3) каким-то образом привлекал к материальному обеспечению духовенства земство, видимо, мелкую земскую единицу. (О необходимости ее создания говорилось в правительственной декларации нового премьера А.Ф. Трепова, с которой он выступил 19 ноября 1916 г.²⁰²⁵) Иными словами, митрополит Питирим этим проектом надеялся сделать еще один эффектный жест в адрес общества и Государственной думы, и, возможно, даже повторить успех своего демарша годичной давности. Однако, как сообщает тот же Б.В. Титлинов, «перед решающим собранием комиссии» обер-прокурор имел секретную беседу с митрополитом, в результате которой последний круто изменил свою позицию, «отрекся от им же внесенных предложений и стал поддерживать обер-прокурорскую точку зрения о казенном жалованьи»²⁰²⁶. «Моментальность метаморфозы» его патрона изумила профессора, он счел ее доказательством беспринципности митрополита, отсутствия у него «каких-либо своих убеждений». Впрочем, эта метаморфоза могла свидетельствовать и о другом, о том, *кто* в сферах выступал за введение государственного жалования духовенству. Думается, что это был император. О его сочувствии этой идее через несколько недель писал в своих показаниях следственной комиссии Временного правительства министр внутренних дел А.Д. Протопопов²⁰²⁷. Не нужно также думать, что мысль о наделении духовенства полноценным государственным содержанием была чужда митропо-

---

законопроект о «выборном духовенстве» был разработан в Синоде по его инициативе «в результате соглашения» с Н.П. Раевым и при поддержке митрополита Питирима. Согласно проекту, священники должны были выбираться приходами, но содержание получать от казны, плата за требы отменялась. См.: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 165.

²⁰²⁵ Кризис самодержавия в России. С. 621.

²⁰²⁶ *Титлинов Б.В., проф.* Церковь во время революции. С. 54.

²⁰²⁷ Падение царского режима. Т. 4. С. 40. Ср.: *Титлинов Б.В., проф.* Церковь во время революции. С. 41.

литу до начала работы комиссии. Еще в начале 1916 г. он говорил о таком своем проекте императрице. Тогда этот проект встретил противодействие со стороны первоприсутствующего члена Синода митрополита Владимира²⁰²⁸.

Так или иначе, из журналов комиссии мы видим, что большинство ее членов выступало за назначение жалования духовенству из казны. Положительное решение этого вопроса в общем было предрешиено и позицией правительства, и главное – позицией императора. Робкие сомнения представителя Государственного контроля митрополит Питирим развеял, указав на то, что обеспечение клира в предреволюционной ситуации – вопрос политический:

Клир – надежный советник государства. От того – будет ли он спокойно себя чувствовать и работать – будет зависеть, как он будет вести себя и во время надвигающейся смуты²⁰²⁹.

А обер-прокурор подчеркивал, что речь в этот момент шла уже не просто об улучшении материального положения духовенства, а о спасении его от нищеты. Н.П. Раев говорил, что в сложившихся тяжелых экономических условиях духовенство берется за занятия несовместимые с его саном: нанимается за поденную плату пилить дрова, приказчиками в потребительские лавки и в ночные сторожа, отдает дочерей в няньки и работницы к крестьянам. Все это, естественно, еще более унижает его в глазах прихожан. «Требуются решительные меры, – заключал обер-прокурор, – чтобы спасти от нищеты сословие, которое было хранителем и воспитателем народного духа»²⁰³⁰. Кроме того, добавлял Н.П. Раев, назначение государственного содержания духовенству было бы актом простой справедливости после проведенной в XVIII веке секуляризации церковных имуществ²⁰³¹. Он подчеркивал также согласие с этой мерой обеих палат: лояльность к проектируемым ме-

---

²⁰²⁸ Фирсов С.Л. Искусившийся властью. С. 122. Ср.: Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. С. 461–462.

²⁰²⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. II отд., 2 стол. Д. 306. Л. 19 об. Ср.: Фирсов С.Л. Искусившийся властью. С. 182. В цитате – пунктуация оригинала.

²⁰³⁰ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. II отд., 2 стол. Д. 306. Лл. 12–13 об.

²⁰³¹ Там же. Л. 16.

рам народного представительства постоянно учитывалась²⁰³². Другие члены комиссии полемизировали с традиционным возражением против введения государственного жалования духовенству, которое заключалось в том, что вследствие этого оно окончательно превратится в чиновников²⁰³³. По результатам обмена мнениями, в ходе которого высказывались в основном сторонники государственного обеспечения сословия, комиссия единогласно признала «вполне своевременным возбуждение вопроса об улучшении обеспечения духовенства и из средств государственного казначейства»²⁰³⁴.

Активнее всего в комиссии дискутировался вопрос о «зачете» имеющихся доходов духовенства при назначении ему государственного жалования. Имелось в виду, что оклад священно-, церковно-служителей должен быть уменьшен на сумму иных их доходов: от земли, от сдачи внаем церковных домов, от процентов с причтовых капиталов, от преподавания Закона Божия в учебных заведениях, от платы за необязательные требы. Плату за обязательные требы предполагалось отменить, хотя перечень их в комиссии не обсуждался²⁰³⁵. Возможно, при определении круга обязательных треб члены комиссии собирались опереться на думские законопроекты. Представители государственного контроля и министерства финансов выступали за зачет всех или почти всех существующих причтовых доходов²⁰³⁶. Некоторые члены комиссии выступали за их частичный зачет. Протоиерей Александр Смирнов предлагал учитывать землю, находящуюся в пользовании причта той или иной приходской церкви, размером более 600 десятин²⁰³⁷, обер-прокурор и А.А. Осецкий – только причтовые капиталы²⁰³⁸. Б.В. Титлинов скорее поддерживал позицию министерства финансов и государственного контроля, но выступал за минимальные нормы учитываемых при «зачете» доходов, предлагая, например, определить размер учитываемой платы священника-

---

²⁰³² Там же. Лл. 12–13 об.

²⁰³³ Там же. Лл. 20–21 (В.М. Скворцов, протоиерей Сергей Соллертинский).

²⁰³⁴ Там же. Л. 24.

²⁰³⁵ Там же. Лл. 39–40 об.

²⁰³⁶ Там же. Лл. 35 об.–37 об.

²⁰³⁷ Там же. Лл. 34–34 об.

²⁰³⁸ Там же. Лл. 33 об.–34, 38–38 об.

законоучителя в 100 рублей в год, хотя признавал, что некоторые из них зарабатывали 1000-чи рублей в год²⁰³⁹. Большинство же членов комиссии выступало против какого-либо зачета имеющихся причтовых доходов, напоминая о бесплатных трудах духовенства²⁰⁴⁰:

Сделавши зачет причтовых капиталов, при определении потребной суммы из казны на обеспечение духовенству, мы изменили бы самое назначение пожертвованных капиталов, которые даны были, разумеется, не в помощь казне. Относительно платы за законоучительство нечего и говорить. Эта плата настолько ничтожна, что даже школьные сторожа получают в несколько раз более законоучителя. Если бы было постановлено о зачете законоучительского жалования в счет казенного воспособления в 1800 р. для священника, то многие могли бы отказываться от тяжелого законоучительского труда, чтобы полностью получать означенный оклад. Безусловно справедливым представлялось бы засчитать православному духовенству все бесплатные его труды по различным ведомствам. Министерству внутренних дел священники доставляют статистические данные о родившихся, об умерших и бракосочетаниях; военному министерству требуются [нрзб.] от причтов <сведения> о людях, подлежащих призыву; министерству земледелия священнослужители оказывают содействие в устройстве показательных полей, помогают открывать потребительские лавки и т.д.; по министерству юстиции даются справки мировым судьям, окружным судам и пр.; справки эти обычно требуются срочно и за неправильное составление их полагается старое наказание – до арестантских отделений; подписывать такие справки без проверки, после составления их [нрзб.²⁰⁴¹] совершенно не представляется возможным; сверх того, священники обязаны присутствовать при вскрытии могил судебными властями – и все это возлагается на священника без всякого вознаграждения. Наконец, вновь образованному ведомству по охранению народного здоровья священники также оказывают помощь, доставляя сведения об эпидемических заболеваниях, смертности населения, причем от священника даже требуется определять характер болезни. Министерство финансов ныне публикует сведения о сотнях вновь открытых кредитных товариществах, а также сберегательных кассах, а разве могли бы все эти кредитные учреждения возникнуть и существовать в деревне без содействия священника? А сколько различных сборов по подписным листам, всякого рода пожертвований на благотворительные учреждения проходят через руки священнослужителей?

---

²⁰³⁹ Там же. Лл. 34 об.–35 об.

²⁰⁴⁰ Там же. Лл. 36–36 об. (Н.П. Раев), 36 об.–37 (В.М. Скворцов), 38 об.–39 (священник Александр Трегубов).

²⁰⁴¹ Видимо, «псаломщиком».

Работая на все государственные потребности бесплатно, духовенство даже на канцелярские расходы ничего не получает от казны. А между тем всякую бумагу нужно запечатать в конверт, отвезти на почту, которая часто находится за несколько десятков верст от местожительства священника, и последнему нередко приходится платить за отправку нужных и срочных бумаг. Настало время отказаться от платы за обязательные требы; пусть вознаграждение за это будет нам на небе, и если за необязательные требы заплатят прихожане, то за исполнение различных государственных обязанностей духовенство должно получить справедливое вознаграждение от казны²⁰⁴².

А.А. Осецкий предлагал считать намеченные казенные оклады не нормой содержания, а нормой правительственного воспособления, то есть не максимумом, а минимумом возможных доходов духовенства²⁰⁴³. Представители финансового ведомства пытались отсрочить введение этой меры, предлагая начать выплаты казенного жалования с 1918 г. и достичь введения полной суммы намеченных окладов в течение трех лет. Большинство настаивало на том, что государственное жалование должно выплачиваться в полном объеме с 1 января 1917 г.²⁰⁴⁴

По итогам голосования комиссия приняла следующие решения. Казенное содержание духовенства должно было вводиться с 1 января 1917 г., для чего в дополнение к уже отпускавшимся 19 804 014 рублям из средств казначейства должно было выплачиваться по 126 000 000 рублей ежегодно. Оклад членам клира из государственных средств устанавливался в объеме: для протоиерея и священника в 1800 рублей, для диакона 1200 рублей, для псаломщика в 800 рублей в год. Плата прихожан за обязательные требы и метрические выписи отменялась. Большинство членов комиссии выступило против «зачета» доходов с причтовых капиталов и других уже существующих доходов духовенства, но представители министерства финансов остались при особом мнении, и поэтому этот пункт было постановлено не включать в чис-

---

²⁰⁴² РГИА. Ф. 799. Оп. 31. II отд., 2 стол. Д. 306. Лл. 39–40 об. (священник, имя которого прочесть не удалось).

²⁰⁴³ Там же. Лл. 38–38 об.

²⁰⁴⁴ Там же. Лл. 40 об.–41.

ло выработанных комиссией положений²⁰⁴⁵. Трудно сказать, смогло бы правительство в условиях войны и всеобъемлющего кризиса изыскать требуемые 126 миллионов, даже несмотря на поддержку этой меры со стороны императора. Поступить на рассмотрение Совета министров предложения комиссии не успели, и конкретный способ приведения решений комиссии в жизнь разработан не был²⁰⁴⁶. Делопроизводители не успели подготовить даже чистовые проекты решений и чистовые варианты журналов заседаний. Через три недели по окончании ее работы разразилась революция.

Итоги последнего года

1916-й год принес исключительную политизацию приходского вопроса. Проблема приходских преобразований или ее элементы (например, вопрос о материальном обеспечении духовенства) находились в фокусе внимания правительства на протяжении всего года. Впрочем, уместно задуматься о мотивах такого внимания к приходскому вопросу в правительственных сферах. В какой степени для государственных и политических деятелей, поднимавших приходскую тему в этот момент, было важно разрешить именно этот вопрос, а в какой – выполнить, например, закулисные договоренности (вспомним союзы митрополита Питирима с Б.В. Штюмером и А.Д. Протопоповым) или подвергнуть критике правительство, Синод и «темные силы» (вспомним выступления В.Н. Львова и «дело Востокова»). При этом смешались все политические карты: за «общественный» вариант реформы выступали силы и деятели, которые традиционно выступали с охранительных и консервативных позиций, как например, Б.В. Штюмер или В.М. Скворцов. Так или иначе ставший политическим приходский вопрос, вовлекал в свою орбиту новых деятелей, которые, присоединившись к его рассмотрению, пытались привлечь на свою сторону общественное мнение и даже сделать карьеру (В.М. Скворцов). В этом контексте остается загадкой, насколько искренне митро-

---

²⁰⁴⁵ Там же. Лл. 12–13 об., 40 об.–41 об., 44 об.–45.

²⁰⁴⁶ Падение царского режима. Т. 4. С. 40.

полит Питирим поддерживал «общественный» вариант приходской реформы. Искал ли он только популярности, которая должна была нейтрализовать его противников в Синоде, делал ли он лишь уступки Государственной думе, или он действительно считал, что православный приход должен обладать той долей самостоятельности, которая была очерчена IV отделом Предсоборного присутствия? Источники не дают возможности ответить на этот вопрос.

Главным событием 1916-го года с точки зрения приходских преобразований было, конечно, рассмотрение проекта в комиссии Государственной думы и возникшее в связи с этим противостояние Синода и Думы. При этом дискуссия о праве прихожан выдвигать кандидатов в клир показала, что, по сути, речь шла об одном сценарии реформы. Авторы «писем с мест», призывавшие изъять проект из комиссии, соглашались с возможностью ходатайства прихожан перед епископом о своем кандидате. Но именно это предполагали закрепить в приходском уставе и депутаты, опиравшиеся в своей правке синодального проекта на нормальный устав Предсоборного присутствия. Складывается впечатление, что оппоненты не слышали друг друга или за приходским вопросом им виделась иная подоплека. Дело заключалось в том, что Синод никак не мог согласиться с правом Думы исправлять его проект и шире – рассматривать церковные дела, помимо бюджета духовного ведомства. Границы компетенции народного представительства в церковной сфере – вот центральный вопрос в противостоянии Синода и Думы. За ним терялись детали приходского вопроса, а к аргументам оппонентов не очень-то прислушивались, как и в конце XIX столетия при дискуссиях вокруг земских проектов о преобразовании прихода. Разобщенность общества в последний год Российской империи достигла своего максимума.

ГЛАВА 4. ПРИХОД МЕЖДУ «ПРИХОДСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ» И «КАНОНИЧЕСКОЙ РЕСТАВРАЦИЕЙ». ФЕВРАЛЬ 1917–1918 ГГ.

§ 1. Революция и приход: «приходская революция» весны – лета 1917 г.

Февральский переворот не мог не затронуть Российскую Церковь. Падение самодержавной власти принесло Церкви свою, «церковную революцию»²⁰⁴⁷. Речь в данном случае идет не об участии Церкви в революционных преобразованиях, а о вторжении революционной стихии *внутрь* Церкви. Можно говорить о четырех составляющих «церковной революции» 1917 г. Прежде всего, имел место кризис центрального церковного управления, вызванный в том числе его столкновением с новой властью в лице «революционного обер-прокурора» В.Н. Львова. Назначенный Временным правительством В.Н. Львов претендовал на роль «церковного диктатора», заявлял о необходимости «вычистить» епископат от «распутинских ставленников», стремился смещать недостаточно революционных, по его мнению, архиереев. Состав Синода, существовавший накануне революции, был им распущен и созван новый. Следующей составляющей «церковной революции» были конфликты духовенства с епископатом. В ряде епархий духовенство требовало удаления архиереев из епархий или прямо изгоняло их. Причем часто это было делом рук сравнительно небольшой группы недовольных. Так было в Орле, где церковную власть, прогнав епископа, захватила группа священников, что вызвало недовольство со стороны остального духовенства епархии. В Твери против архиепископа Серафима (Чичагова) консолидировано выступили диаконы и псаломщики. Одновременно происходили столкновения внутри духовного сословия, в частности, конфликты младших клириков (диаконов и псаломщиков) с высшей стратой белого духовенства – священ-

---

²⁰⁴⁷ Понятие закрепилось в современной историографии после выхода в свет книги петербургского исследователя П.Г. Рогозного: *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

никами и протоиереями. На это накладывались конфликты сельского духовенства с городским. Такая ситуация сложилась, например, в Киевской епархии. Здесь сельское духовенство «восстало» против городского, которое обладало лучшим образованием, значительно большими доходами и занимало ключевые посты в епархиальной администрации, причем порой эти посты распределялись среди родственников и друзей²⁰⁴⁸.

Наконец, одним из существенных элементов «церковной революции» была «приходская революция». В своих общих чертах она повторяла аналогичные события 1905 г., но имела совершенно другой размах. Выступления мирян против духовенства уже не ограничивались «забастовками старост». По сути, речь шла о бунте прихожан, особенно на селе против неугодных священников, против старой системы епархиального и приходского управления. Теперь крестьяне массово отнимали землю у причтов, значительно понижали плату за требы, повсеместно переставали платить епархиальные взносы²⁰⁴⁹. Судя по всему, волна столкновений прихожан с причтами прокатилась по стране в конце марта – апреле 1917 г. Крестьяне созывали сельские сходы, на которых составляли приговоры об отобрании причтовых земель в пользу крестьянских обществ (такие сообщения приходили, например, из хлебобобовых Воронежской, Пензенской, Саратовской, Киевской, а также из Рязанской губерний), но чаще – об уменьшении платы за требы в 2–3 раза. Так, крестьяне одного из сел Землянского уезда Воронежской губернии постановили уменьшить платы за крещение младенца с 60 до 20 копеек, за соборование и совершение заказной всенощной с 1 рубля до 50 копеек, за выход священника на кладбище при погребении с 3 до 1,5 рублей. За соверше-

---

²⁰⁴⁸ Там же. С. 61–68, 71–73, 98–122.

²⁰⁴⁹ Характерно, что приходы отказывались отчислять средства на содержание не только старых епархиальных учреждений (духовных учебных заведений и органов епархиального управления), но и новых. Так, в июне 1917 г. городские приходы Калуги отказались содержать собравшийся в городе чрезвычайный епархиальный съезд духовенства и мирян. Участникам съезда оставалось только увещевать прихожан изменить свою позицию. См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 580. Лл. 44 об.–45.

ние молебна на полях прихожане постановили не платить вовсе²⁰⁵⁰. Причем крестьяне устанавливали контроль за односельчанами с тем, чтобы те не платили более установленной приговором таксы, и нарушителей штрафовали. Кроме того, отменялись доходы духовенства, получавшиеся им в натуральном виде: различные виды хлебной и другой продуктовой руги, получавшиеся во время сезонных обходов прихода, причты лишались права доступа к общественным покосам и к заготовленному сену²⁰⁵¹.

В своих посланиях причты из разных регионов описывали складывавшуюся ситуацию схожим образом. Так, причт одного из приходов Псковской епархии писал в правительство в апреле 1917 г.:

Прихожане Хлавицкой волости Холмского уезда Псковской губернии 9 апреля с.г. на своем сходе постановили уменьшить до минимума причту плату не только за обязательные требы: крещение, погребение, бракосочетание, но и за добровольные: вынос тела умершего из дому до храма, подъем его на расстоянии 1 ½ верст от храма, молебны по домам в приходские праздники, панихиды и др., обязав при этом причт посещать прихожан как для напутствия больного Св. Тайнами, так и при молебнах на своих лошадях. <...> Мы поставлены в настоящее время в критическое положение: сидеть без куска хлеба, отбросив всякую надежду дать образование детям и родственникам – сиротам при настоящей дороговизне. <...> Мы решили обратиться в Кабинет Министров с покорнейшею просьбою, как можно скорее сообщить нам, что мы должны предпринять: сложить ли сан, или же подчиниться невозможным требованиям и издевательствам со стороны народа, который уже сам издает законы, не ожидая распоряжений Правительства и это требование уже не единичное, а и соседнего погоста Троице Хлавиц²⁰⁵².

Тогда же, в апреле было отправлено следующее письмо из Воронежской епархии:

Духовенство Дмитриевской церкви села Успенского Землянского уезда в числе других клириков IV благочиннического округа от 15 марта сего 1917 года «в знаменательный Высокоторжественный для молодой России праздник Революции»

---

²⁰⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 403. Лл. 2–2 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 309. Лл. 6–7; Духовенство и крестьянство // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 20 мая. № 30. С. 4. Ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 309. Лл. 8–10.

²⁰⁵¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 309. Лл. 8–8 об.

²⁰⁵² Там же. Лл. 4–4 об.

с чистым сердцем и открытою душою чрез Воронежского Губернского Комиссара приветствовало Наше Новое временное Правительство и наш Новый Государственный Строй <...> Все так было радостно и светло на душе! Но радость, светлая надежда на будущее готовы уже покрыться густым, зловещим мраком! Переживаемые последние дни Апреля месяца заставляют безнадежно, мрачно глядеть в даль, ежеминутно трепетать за свое и за своего семейства существование, так как члены Успенского сельского Исполнительного Комитета, <...> почувствовав в своих руках власть и господство (а этого в дни свободы, кажется, не должно быть!), щедро рукою рассеивают в приходе «между пасомыми и духовенством» разделение, <...> посоставляли приговоры: <...> на установление причту жалкой таксы за требоисправление²⁰⁵³.

Далее авторы письма приводили примеры понижения платы за требы в 2–3 раза и просили правительство разобраться, законен ли состоявшийся приговор. Подобные сообщения, часто с приложением выписок из приговоров, фиксировавших новые расценки за требы, приходили из Виленской, Воронежской, Казанской, Киевской, Новгородской, Орловской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Тамбовской губерний²⁰⁵⁴.

Мы можем задаться вопросом, чем руководствовались прихожане, оказывая жесткое давление на своих пастырей? Руководствовались ли они только экономическими соображениями, захватывая землю и снижая платы за требы? Как кажется, сами священно-церковнослужители ответили на этот вопрос в своих жалобах, когда писали, что прихожане демонстрируют свои «власть и господство». Тем самым, они точно уловили мотив прихожан: представляется, что навязывая свои расценки за требы, прихожане стремились «дисциплинировать» духовенство и утвердиться в качестве новой приходской власти. По-новому повторялась ситуация 200-летней давности (см.: Гл. 1 § 2): духовенство снова оказалось объектом дисциплинирования только на этот раз не со стороны имперской власти, а со стороны новой власти, прихожан.

---

²⁰⁵³ Там же. Лл. 6–7. Кавычки в документе расставлены его авторами.

²⁰⁵⁴ Там же. Лл. 1–17; Положение сельского духовенства // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 3 июня. № 40. С. 4; Духовенство и крестьянство. С. 4.

Нужно иметь в виду, что снижение платы за требы происходило на фоне и без того очень сложной экономической ситуации. Первая мировая война привела к тяжелым экономическим последствиям во всех воюющих странах, что отразилось на уровне жизни их населения. В России экономический кризис ассоциировался прежде всего с ростом цен – «дороговизной». Действительно, бюджетный индекс (индекс «стоимости жизни») в январе 1917 г. к 1913 г. составлял 294 : 100, то есть цены на основные продукты потребления увеличились за годы войны почти в три раза. Вместе с тем, уровень жизни разных групп населения изменялся по-разному. По оценкам исследователей, питание крестьян в годы войны даже улучшилось, хотя ухудшалось снабжение села промышленными товарами. Рабочие до начала 1917 г. добивались повышения зарплат, что компенсировало рост цен. Также увеличивалось с ростом «дороговизны» жалование чиновников²⁰⁵⁵.

На этом фоне православное духовенство империи оказалось в особенно уязвимом положении. Его доходы – в отличие от доходов других групп населения – не росли, а падали. Мы знаем, что доходы священно- и церковнослужителей складывались в этот момент из трех частей: из платы за требы и периодических натуральных пожертвований (на селе), из дохода от причтовой земли и из государственного жалования. Плата за требы в годы войны уменьшалась или не увеличивалась. Причтовая земля обычно сдавалась в аренду, но в условиях недостатка на селе рабочих рук арендаторов не находилось, работников нанять было очень дорого, земли оставались необработанными. Государственное жалование, изначально будучи очень небольшим, в 1914–1916 гг. не индексировалось и превратилось в фикцию. 250–300 руб. в год, которые получали члены причтов, по их признанию, в 1917 г. соответствовали той цене, какую сельский пастух просил за сезон работы²⁰⁵⁶. В результате духовенство, особенно сельское подошло к 1917 г. в тяжелом эко-

---

²⁰⁵⁵ Бородкин Л. Реальная зарплата и снабжение населения России в годы Первой мировой войны: когда начался обвал? // Города империи в годы Великой войны и революции: Сборник статей / ред. А. Миллер, Д. Черный. СПб., 2017. С. 492–496.

²⁰⁵⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 309. Л. 4 об.

номическом положении, а в течение революционного года это положение многократно ухудшилось. К декабрю 1917 г. бюджетный индекс был равен 1545. Рост цен и продовольственный кризис после февраля 1917 г. только усилились²⁰⁵⁷. Если весной представители духовенства говорили об острой нужде, то летом и осенью – о недоедании и голоде²⁰⁵⁸.

Не менее болезненным, чем снижение платы за требы, было изгнание прихожанами неугодного духовенства и избрание на его место нового. В каких-то случаях это было результатом интриг младших членов клира, стремившихся занять место изгнанных священников: приходская революция разворачивалась на фоне обострения внутрисословных противоречий. Изгнанные с приходов пополняли ряды безместного духовенства, которое переезжало из села в село (на языке тех месяцев – «гастролировало») в поисках места, где бы прихожане его приняли, часто при этом разворачивалась конкуренция за новый приход между несколькими священниками. Описание таких «гастролей» находим, например, в письме в Синод духовенства Черниговской епархии от 17 июня 1917 г.:

Вышибленные пастыри, реже псаломщики и диаконы, десятками идут до своего архипастыря, последний предлагает найти свободн[ый] приход и доставить приход[ский] приговор о принятии пастыря прихожанами. Удрученный горькой нуждой, обиженный, безместный пастырь плетется за несколько сот верст; является он в известное село, совершает службы Божии, приветствует прихожан, говорит подобающее слово и просит народ (интеллигенция часто не принимает никакого участия в выборе духовенства, п[отому] ч[то] она темными делами не занимается) принять его в приход. Народ (потомки Хама) на просьбу пастыря отвечает: «Ты нам не нравишься, иди отсюда туда, откуда пришел». «Если бы была горилка, то выпили бы по чарце и побалакали бы!» Идет наш брат дальше голый и голодный, а семья также бедствует: без крова, пищи и одежды. Вышибленное духовенство льет

---

²⁰⁵⁷ *Бородкин Л.* Реальная зарплата и снабжение населения России в годы Первой мировой войны: когда начался обвал? С. 492–496.

²⁰⁵⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 309. Лл. 14–14 об., 16–16 об.

горькие слезы, а безбожники радуются, видя священный сан униженным и обиженным²⁰⁵⁹.

Обратим внимание на важную деталь, зафиксированную в этом письме: епископы были вынуждены считаться с выборным правом прихожан, реализованным явочным порядком, система назначения членов причта, фактически, перестала действовать.

В некоторых случаях мы можем понять, сколько именно священников оказались изгнаны из своих приходов. Уже в приведенном выше письме Черниговского духовенства речь идет о «десятках» (но не о сотнях) изгнанных клириков. Допустим, что новое место служения в данном случае вынуждены были искать 90–100 священников. Учитывая, что в Черниговской епархии по состоянию на 1914 г. служили 1142 священников, 306 диаконов и 1062 псаломщиков. В таком случае речь будет идти о 8–9% приходских пастырей. Более точными данными мы располагаем по Самарской епархии. Здесь с марта по август 1917 г. было изгнано из приходов 53 священника, 8 диаконов и 5 псаломщиков. В 1914 г. в клире Самарской епархии находились 1293 священников и протоиереев, 369 диаконов и 1043 псаломщика. Соответственно изгнанию подвергся 4,1% пастырей, 2,2% диаконов и 0,5% псаломщиков²⁰⁶⁰. Как видим, доля «вышибленных» прихожанами священно- и церковнослужителей не была значительной, но дело было не в количестве, а в той атмосфере, которую создавали изгнания, в том факте, что судьба клириков теперь полностью зависела от прихожан.

Еще одним вопросом, нашедшим свое стихийное разрешение в ходе «приходской революции», был вопрос о том, кто является распорядителем церковно-приходской собственностью. Весной 1917 г. прихожане взяли распоряжение этим имуществом в свои руки, причем делалось это с соблюдением необходимых формальностей: созывались приходские сходы, составля-

---

²⁰⁵⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 274. Лл. 52–53 об. Ср. также: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 273. Лл. 64–65 об., 73–80 об., 1–1 об.

²⁰⁶⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 269. Лл. 114–127 об.; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916. С. 25 (2 пагин.).

лись приговоры, о принятом решении уведомлялись (хотя и не всегда) вышестоящие инстанции. Вот несколько примеров таких приговоров, отправленных для сведения в Петроград:

1917 года июня 4 дня приходский исполнительный комитет Дмитриевской церкви ст[аницы] Петропавловской Кубанской епископии на своем заседании по председательством председателя комитета прихожанина Ефрема Подколзина постановил: просить и просить усиленно Временное правительство о немедленном признании приходов Православной Церкви юридическим лицом, о даровании приходам прав юридического лица с правом владеть и распоряжаться всем приходским церковным имуществом и святым храмом своим и охранять их²⁰⁶¹.

19 июня 1917 г. церковный комитет села Лозоватки Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии «от имени общества» постановил:

1) Все церковное имущество, а также церковные деньги принять в свое ведение, и уже принято. <...> 3) Псаломщикам выделять 3-ю часть из всех доходов, имеющих быть в приходе, а не четвертую, т.к. в настоящее время по дороговизне жизни на четвертую часть псаломщику прожить нельзя. На все вышеписанное причт села Лозоватки изъявил свое согласие²⁰⁶².

Тем самым «церковный комитет» своей властью, без сношений с вышестоящими инстанциями изменил пропорцию раздела причтовых доходов, уменьшив доходы священников и увеличив доходы псаломщиков. Приходское собрание Богородицкой церкви Нижне-Исетского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии 2 июля 1917 г. постановило просить оберпрокурора ходатайствовать перед Временным правительством и Учредительным собранием

о даровании приходу Нижне-Исетской Богородицкой церкви юридических прав на право вечногo владения движимым и недвижимым имуществом вместе с приходским Богородице-Казанским храмом и приписным к нему Вознесенским, двумя часовнями, кладбищем, четырьмя причтовыми домами с церковным амбаром, имуществом церковной школы и филиальной к ней, а также денежных сумм, принадлежащих приходским храмам — церковных, причтовых и собственно при-

---

²⁰⁶¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 274. Лл. 86, 71–71 об.

²⁰⁶² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 273. Лл. 70–70 об. Курсив наш. – А.Б.

ходских — церковно-приходско-попечительских, составляющих собственность прихода, — с суммами от казны, отпускаемыми на жалование четырем членам причта, церковному старосте — казначею церкви, четырем сторожам и просфорне²⁰⁶³.

То есть речь шла о передаче в ведение прихожан всех средств, включая причтовые денежные суммы. Также этим собранием был составлен приговор о передаче приходу здания приходской школы. Характерно, что причты соответствующих церквей «изъявляли согласие» на то, что прихожане берут власть над имуществом в свои руки. Священники даже заверяли соответствующие приговоры. Если «выборное начало» представлялось духовенству настоящим бедствием, то с утратой ведущей роли в приходском хозяйстве оно, видимо, готово было смириться.

Однако в целом оно переживало «приходскую революцию» крайне болезненно. Как говорилось в одном из писем, духовенство «страдает от гнета текущего момента и от сознания неизбежности грядущих бед»²⁰⁶⁴. В этой ситуации члены причтов искали защиты у светских и церковных властей. Они обращались к ним с просьбой защитить от своеволия прихожан, а также дать постоянное и достаточное жалование или хотя бы индексировать существующие выплаты – выдать «пособие на дороговизну». В одном случае просили закрепить за причтом землю. Такое письмо пришло из Киевской губернии, где доход от земли мог быть существенным. В большинстве случаев причты были готовы отказаться от земли, особенно в нечерноземных губерниях²⁰⁶⁵.

С другой стороны, можно было апеллировать не только к центральной власти, но и попытаться добиться расположения у новой приходской власти – прихожан. Обычно в этом преуспевали младшие члены причтов – диаконы и псаломщики. Порой именно они становились инициаторами изгнания священника, предполагая занять его место. Воронежский епископ писал в октябре 1917 г., что появилось много искателей («в большинстве бесправных») священнических и диаконских мест, «которые стараются добиться своей це-

---

²⁰⁶³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 273. Лл. 57–57 об.

²⁰⁶⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 309. Лл. 15–15 об.

²⁰⁶⁵ Там же. Лл. 2–3 об., 11–13 об., 14 об., 15, 16 об., 17 об.

ли с помощью сельских приговоров». Кроме того, мы уже видели, что в каких-то местах псаломщикам с помощью прихожан удавалось изменить пропорцию распределения причтовых доходов²⁰⁶⁶. В рамках этой стратегии можно рассматривать и «гастроли» духовенства по приходам.

Одновременно клирики всерьез заговорили о возможности снятия сана и выхода из сословия. Мы уже видели, что вопрос, «сложить ли сан, или же подчиниться», прямо звучал в письме из Псковской епархии. Но речь об этом шла и в других письмах. Конечно, в подобных жалобах присутствовали нотки шантажа²⁰⁶⁷. Но использование этого аргумента для психологического давления на правительство не отменяло того факта, что «бегство из духовного звания» начинало рассматриваться как реальный выход из ситуации. Более того, часть духовенства уже намечала пути к выходу из сословия. В частности, молодые священники, пользуясь снятием ограничений на поступление в университеты, стремились попасть в высшие учебные заведения и тем самым получить светскую специальность²⁰⁶⁸. По сути, речь шла о завуалированном снятии сана. Об этом прямо говорили участники Собора Российской Церкви. 9 октября на нем приводились данные о 60 священниках только Пермской епархии, которые ушли в университет в 1917 г.²⁰⁶⁹ Там же 13 октября говорилось следующее:

...гонимое из приходов духовенство ищет выхода из создавшегося положения. Молодое священство заполняет университеты в целях найти приложение своих сил на других поприщах, где способ кормления «через попрошайничество», «протягивание руки» отжил свой век. Над этим бегством молодого священства из приходов в университет стоит призадуматься церковным людям — это грозный признак²⁰⁷⁰.

---

²⁰⁶⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 269. Лл. 114–127 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 309. Л. 1–1 об.

²⁰⁶⁷ См., например: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 309. Лл. 2–3 об.

²⁰⁶⁸ Прием «лиц священного сана» в высшие учебные заведения был запрещен в 1908 г. См., например: *Ротберг А., свящ.* Откройте духовенству доступ в высшие учебные заведения // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 16 мая. № 27. С. 3.

²⁰⁶⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 269. Лл. 90–96. Это число соответствовало 8% священников и протоиереев епархии. См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного исповедания за 1914 г. С. 24.

²⁰⁷⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 269. Лл. 114–127 об.

Наконец, еще одна стратегия выживания в условиях «приходской революции» заключалась в том, чтобы попытаться ввести ее стихию в более-менее приемлемые для разных церковных страт рамки и в чем-то пересмотреть ее «завоевания».

§ 2. Попытки обуздать «приходскую революцию»: священноначалие в поисках решения приходской проблемы

Органы церковного управления реагировали на «приходскую революцию» двойственно. Движение прихожан было настолько масштабным, что с ним нельзя было не считаться. Выше мы видели, что епископы уже весной и летом 1917 г. руководствовались мнением прихожан при назначении в приход священника, требуя от кандидатов доставить приговоры приходских собраний. С другой стороны, предпринимались попытки разработать механизмы, которые позволяли бы учитывать как интересы прихожан, так и приходского духовенства. Особенно это касалось вопроса о «выборном начале» при назначении членов приходских причтов.

Местные съезды духовенства и мирян и майское определение Святейшего Синода

Первыми органами, попытавшимися скорректировать результаты «приходской революции», были местные, благочиннического и епархиального уровней съезды духовенства или духовенства и мирян, во множестве проходившие в епархиях весной и летом 1917 г. Некоторые из них ограничивались констатацией свершившегося факта. Так, например, поступило в мае 1917 г. собрание духовенства и мирян одного из благочиний Олонецкой епархии, подтвердившее принцип выборности духовенства²⁰⁷¹. Чрезвычайный съезд духовенства и мирян Екатеринбургской епархии в июле 1917 г. подтвердил, что все церковное имущество принадлежит приходу и он распоряжается им

---

²⁰⁷¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 274. Лл. 68–69.

без каких-либо ограничений, а право выбора священно- и церковнослужителей именовал «неотъемлемым»²⁰⁷².

Бурная дискуссия развернулась на владимирском епархиальном съезде, прошедшем 3–6 мая 1917 г. Съезд был очень многолюден, в нем участвовало 370 человек, миряне среди делегатов составляли значительное большинство. Это позволяло им последовательно проводить на съезде постановления, отражавшие их интересы и закреплявшие результаты «приходской революции». Так, приход был признан полным хозяином церковного имущества, в том числе, земли. «Оброки», по выражению делегатов, на духовно-учебные заведения и епархиальные нужды постановили было отменить. С большим трудом другим участникам съезда удалось настоять на сохранении этих выплат до принятия духовно-учебных заведений на казенное содержание. Было высказано настоятельное пожелание, чтобы государство в будущем обеспечивало и клир. Съезд подтвердил выборность духовенства. Более того, миряне настояли на своем праве увольнять неугодных пастырей, если за такое увольнение выскажется 2/3 приходского собрания²⁰⁷³.

На первый взгляд еще дальше пошел иркутский епархиальный съезд духовенства и мирян. В июне 1917 г. он постановил переизбрать на приходских собраниях вообще «все теперешние составы причтов», но в будущем, по проекту, выработанному съездом, члены клира избранные приходом могли увольняться только по суду или по собственному прошению. В этом контексте ясно, что переизбрание всех причтов было способом придать их положению дополнительную легитимность²⁰⁷⁴. Тогда же, в июне 1917 г. рязанский съезд духовенства и мирян единогласно постановил, что движимые и недвижимые имущества вместе с храмом и приписными церквами составляют собственность прихода. В отношении же выборов духовенства съезд согласился с временными синодальными правилами, изданными в мае 1917 г. (о них мы

---

²⁰⁷² Там же. Лл. 63–66 об.

²⁰⁷³ *Участник съезда*. Экстренный епархиальный съезд в г. Владимире // Всероссийский церковно-общественный вестник. № 30. 20 мая 1917 г. С. 2–3.

²⁰⁷⁴ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 273. Лл. 97–100.

скажем ниже), согласно которым священник из прихода мог быть удален только по суду. Примечательно, что съезд *просил* духовенство и приходские собрания, «если окажется возможным», помочь с содержанием духовных учебных заведений епархии. В условиях «приходской революции» система принудительных епархиальных сборов более не действовала²⁰⁷⁵. В том же духе высказался в мае 1917 г. чрезвычайный съезд духовенства и представителей мирян Могилевской епархии. Он постановил, что движимое и недвижимое церковно-приходское имущество, в том числе храм является собственностью прихода, а члены клира избираются прихожанами, но избрание это утверждается епархиальной властью²⁰⁷⁶. Аналогичным образом в апреле 1917 г. высказался чрезвычайный съезд духовенства и мирян Полоцкой епархии²⁰⁷⁷.

Херсонские епархиальные съезды духовенства и мирян в апреле и июле 1917 г. постановили, что приходским советам «передаются церковное имущество и капиталы», а вакантные места членов причтов замещаются по выборам, но без церковного суда и до его окончания члены клира не могли быть удалены из прихода. Участники съездов заявили:

Съезд строго осуждает лиц клира, которые принимают участие в агитации среди прихожан против своих собратий для сведения личных счетов и достижения своих интересов. Считает необходимым принять против них нравственные, а в иных случаях и церковно-административные воздействия. Съезд осуждает и тех прихожан, которые допустили на местах незаконные действия по отношению к членам своего причта, — с призывом уважать в них права гражданина, хотя бы они и лишились у них доверия как служители Церкви²⁰⁷⁸.

Как видим, епархиальные съезды, как и рядовое духовенство, демонстрировали разное отношение к результатам «приходской революции»: иму-

---

²⁰⁷⁵ Там же. Лл. 43–47; ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 580. Лл. 44 об.–45. При этом некоторые съезды, например, Тамбовский и Волынский подтвердили решение прихожан отказаться от уплаты любых сборов, «за исключением страховых, да на военные нужды». См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 583. Л. 10 об.

²⁰⁷⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 580. Лл. 4–5 об.

²⁰⁷⁷ *Н.С-кий*. Полоцкий епархиальный съезд // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 31 мая. № 38. С. 4.

²⁰⁷⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 273. Лл. 115–116 об.

щественные права прихожан они не подвергали сомнению, но считали нужным урегулировать «выборное начало».

На местах звучали и конкретные предложения по регламентации выборов. Их объединяло стремление уравновесить в процедуре избрания голос прихожан голосом местного духовенства. Так, епископ Гермоген (Долганов) в Тобольске 22 июня 1917 г. издал разъяснение, в котором настаивал, что избрание приходского пастыря должно совершаться приходом совместно с «собориком» благочиннического округа, в который должны входить духовенство округа, представители младших клириков и представители мирян из других приходов²⁰⁷⁹. Донской чрезвычайный епархиальный съезд духовенства и мирян в июле 1917 г. предлагал проводить выборы кандидатов в члены приходского клира в присутствии членов благочиннического совета²⁰⁸⁰. Еще более ужесточить процедуру выборов предлагал в октябре 1917 г. союз священников одного из благочиннических округов Воронежской епархии. Его члены настаивали на том, что кандидат должен соответствовать образовательному цензу (это требование почти не встречалось в других предложениях с мест), а выборы проходить в присутствии благочинного и членов «исполнительного комитета союза священников», которые могли бы участвовать в избирательном собрании с правом совещательного голоса и протеста против того или иного кандидата. Причем, согласно проекту союза священников, архиерей мог утвердить одного из трех кандидатов, набравших на приходских выборах максимальное число голосов. Кроме того, по мнению членов союза, архиереи должны были довольствоваться избирательными протоколами и не могли требовать приговоров на кандидатов от прихожан, «дабы не подавать им повода к унижению священников». Таким образом, воронежские пастыри в своих предложениях настаивали на еще более активном участии местного духовенства в приходских выборах и в своем стремлении ограничить выбор-

---

²⁰⁷⁹ Там же. Лл. 112–113 об.

²⁰⁸⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 274. Л. 54.

ную стихию шли дальше, чем делегаты епархиальных съездов, где мнения священнослужителей уравнивались голосами мирян²⁰⁸¹.

В весенние месяцы на события «приходской революции» откликнулась центральная церковная власть. 6 мая 1917 г. было опубликовано определение Святейшего Синода «О привлечении духовенства и паствы к активному участию в церковном управлении» от 1–5 мая 1917 г. Оно было разработано синодальной комиссией, созданной 13 апреля 1917 г. под председательством архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого). В соответствии с названием этим определением приходам было предоставлено право на приходских собраниях обсуждать не только местные дела, но и в целом вопросы церковной жизни, а прихожанам — участвовать в благотворительных, уездных и епархиальных съездах, таким съездам с участием мирян в благочиниях — избирать благочинных и т. п. Кроме того, определение предписывало «в ближайшие дни» собрать епархиальные съезды духовенства и представителей от приходов и духовных учебных заведений, на которых следовало обсудить не только вопросы, касающиеся данной епархии, «но и общих вопросов о положении православной Церкви в Русском государстве в связи с произошедшими переменами в строе государственного управления и предстоящим созывом Церковного Собора и Учредительного Собрания, а также вопросов о желательных преобразованиях в церковном управлении и церковно-общественной жизни с тем, чтобы о принятых съездами решениях и о высказанных пожеланиях по общим вопросам было доложено Святейшему Синоду»²⁰⁸².

В той части, в какой оно касалось приходской жизни, определение пыталось ввести в канонические рамки «приходскую революцию». В нем четко оговаривались случаи, когда место в приходском причте считалось свободным: за смертью занимавшего его члена причта, выходом за штат, перемещением или лишением места по суду. В этих случаях прихожанам предоставля-

---

²⁰⁸¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 273. Лл. 67–67 об.

²⁰⁸² О привлечении духовенства и паствы к активному участию в церковном управлении // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 6 мая. № 21. С. 3.

лось право избирать на освободившиеся места «достойных кандидатов» при соблюдении следующих условий: 1) выборы производятся на приходском собрании под председательством благочинного или специально уполномоченного епархиальным архиереем лица прихожанами, пользующимися общими выборными правами и «принимающими живое участие в делах и таинствах Православной Церкви»; 2) в случае недостаточного образовательного ценза избранного лица епархиальный архиерей подвергает его испытанию в особых, специально учрежденных комиссиях по программе, выработанной епархиальной властью; 3) за епископом остается право утвердить или отклонить предложенную кандидатуру, в последнем случае он объясняет прихожанам причину такого отказа; 4) в случае не утверждения их кандидата прихожане сохраняют за собой право избрания нового кандидата тем же порядком; 5) избранный священно-церковнослужитель может быть уволен от своего места только по суду или по собственному желанию²⁰⁸³.

Комиссия епископа Андрея (Ухтомского)

1 мая 1917 г. Синодом была образована комиссия под председательством епископа Андрея (Ухтомского) для разработки вопроса о православном приходе. Вообще весна 1917 г. была звездным часом еп. Андрея. В этот период сложился союз между уфимским преосвященным и революционным обер-прокурором В.Н. Львовым. Последний именно епископа Андрея видел преемником смещенного 5 марта со столичной кафедры митр. Питирима (Окнова). Газеты писали об этом как о деле вполне решенном. Уфимский архипастырь прибыл в Петроград уже в середине марта 1917 г. 14 апреля он был включен в новый состав Святейшего Синода. При этом приходский вопрос играл не последнюю роль в сближении В.Н. Львова и еп. Андрея. Мы видели выше, что в 1916 г. еп. Андрей был вторым после митр. Питирима архиереем, чье имя в наибольшей степени ассоциировалось у общества с приходским вопросом, а В.Н. Львов как председатель думской комиссии по де-

---

²⁰⁸³ Там же; *Савва (Тутунов)*, *игум.* Епархиальные реформы. С. 271–274 и сл.

лам Православной Церкви руководил обсуждением в комиссии синодального проекта приходского устава. Весной 1917 г. ставший обер-прокурором В.Н. Львов именно на уфимского архипастыря делал ставку в своих планах по преобразованию Русской Церкви.

Однако против административного назначения столичного архиерея выступили активные круги духовенства и мирян петроградской епархии. 11 марта их представители нанесли визит В.Н. Львову и высказали пожелание, чтобы новый предстоятель столичной епархии был определен в ходе выборов. Прибывшему вскоре в Петроград еп. Андрею пришлось оправдываться и заверять общественность в том, что он не принял бы назначения без согласия петроградской паствы. Выборы были назначены на вторую половину мая 1917 г., при этом оказалось, что у еп. Андрея будут серьезные конкуренты. В частности, были выдвинуты архиеп. Финляндский Сергей (Страгородский) и епископ Гдовский, викарий Петроградской епархии Вениамин (Казанский). Служение обоих давно было связано со столицей, и они – в отличие от уфимского преосвященного – были хорошо известны местной пастве. Именно в этом контексте была создана комиссия еп. Андрея. Представляется, что он надеялся повторить прошлогодний успех митр. Питирима, завоевав популярность путем быстрого и соответствующего текущему историческому моменту разрешения приходского вопроса. Забегая вперед, скажем, что этот маневр не удался. Еп. Андрей на выборах провалился, набрав почти в три раза меньше голосов, чем победивший еп. Вениамин, и почти в два раза меньше, чем оказавшийся на втором месте архиеп. Сергей. Это было серьезное поражение и обер-прокурора В.Н. Львова, который первоначально пытался оспорить результаты выборов, но затем согласился признать их результат²⁰⁸⁴.

Комиссия еп. Андрея заседала в течение мая 1917 г. и в спешном порядке разработала «Общие положения об организации православного прихода» и «Временное положение о православном приходе». Первый документ пред-

---

²⁰⁸⁴ Подробно о контексте выборов нового предстоятеля Петроградской епархии см.: *Рогоз-ный П.Г.* Церковная революция 1917 года. С. 151–154.

полагалось вынести на утверждение Временного правительства, а второй утвердить в порядке церковного законодательства. Как видим, идея раздельного рассмотрения проекта продолжала быть актуальной и при новой власти. Помимо ее председателя, в работе комиссии участвовали член Святейшего Синода и Государственной Думы протоиерей Ф.Д. Филоненко, протоиерей А.Л. Трегубов и священник С.А. Крылов в качестве представителей Государственной Думы, преподаватель Петроградской духовной академии и настоятель столичной Борисоглебской церкви протоиерей Н.С. Рудинский как представитель петроградского духовенства, товарищ обер-прокурора Синода и известный общественный деятель А.В. Карташев, директор хозяйственного управления при Синоде А.А. Осецкий, помощник управляющего синодальной канцелярией С.Г. Рункевич, А.А. Папков и Н.Д. Кузнецов²⁰⁸⁵. В конце мая к ним присоединились депутаты Государственной Думы В.А. Потулов и М.И. Арефьев, юрисконсульт при обер-прокуроре В.В. Радзимовский, приват-доцент Петроградского университета С.В. Юшков, известный нам по работе о северно-русском приходе XV–XVII вв., первый православный миссионер в Канаде священник В. Александров и несколько других общественных деятелей²⁰⁸⁶. Тогда же при комиссии была создана подкомиссия для «выяснения вопроса об условиях организации приходской жизни» при домовых и военных церквях. Ее председателем стал А.А. Папков, а членами несколько петроградских священников, в том числе протоиереи Н.И. Близнецкий и И.Ф.

---

²⁰⁸⁵ Организация прихода // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 2 мая. № 18. С. 3; О работах комиссии об организации прихода // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 7 мая. № 22. С. 3.

²⁰⁸⁶ В приходской комиссии // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 31 мая. № 38. С. 3. Возможно, в работе комиссии в каком-то качестве участвовал и учитель С.В. Юшкова византинист В.Н. Бенешевич, позднее выполнявший обязанности помощника секретаря Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. В его архиве отложились материалы, относящиеся к работе комиссии: записка еп. Андрея С.В. Юшкову с приглашением принять участие в ее работе, проект «Временного положения о православном приходе», разработанной комиссией, статьи проекта устава православного прихода, принятые думской комиссией по делам Православной Церкви в 1916 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 37. Лл. 1–24. Ср.: Чумакова Т.В. Религиозная жизнь в революционной России (по материалам архива В.Н. Бенешевича). С. 57–70.

Егоров, а кроме того, юрисконсульт В.В. Радзимовский и религиозный писатель Ф.Н. Белявский²⁰⁸⁷.

«Общие положения об организации православного прихода», предназначенные стать государственным законом, были компактным документом. В первоначальной редакции он состоял из пяти статей, описывавших, прежде всего, имущественные права прихода. Первая содержала определение прихода, которое в точности повторяло формулу А.И. Алмазова, получившую, как мы помним, большинство голосов в общем собрании Предсоборного присутствия²⁰⁸⁸. Во второй статье констатировалось наличие у прихода прав юридического лица, в третьей все движимое и недвижимое имущество, доселе принадлежавшее приходским церквям и разделяющееся на храмовое, причтовое и приходское, объявлялось собственностью прихода, в четвертой говорилось, что управление и распоряжение этим имуществом осуществляется через приходский совет, состоящий из членов причта, старосты и представителей от прихожан, избираемых таким порядком, каким решит приходское собрание. Наконец, пятая статья напоминала, что переданное приходу имущество может быть употреблено только в соответствии со своим назначением. Характерно, что члены синодальной комиссии предполагали обратиться к Временному правительству с призывом об уравнении в правах православного прихода со старообрядческим²⁰⁸⁹.

В середине мая Синод рассмотрел подготовленные комиссией «Общие положения» и внес в них ряд изменений. Прежде всего, было скорректировано определение прихода. Формула А.И. Алмазова была заменена текстом, который представлял собой контаминацию формулы А.А. Папкова, предложенной им общему собранию Предсоборного присутствия, и определения прихода, содержавшегося в Нормальном проекте приходского устава, со-

---

²⁰⁸⁷ В приходской комиссии // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 31 мая. № 38. С. 3.

²⁰⁸⁸ См. выше: Глава 3 § 3.

²⁰⁸⁹ О работах комиссии об организации прихода. С. 3.

ставленного IV отделом Присутствия²⁰⁹⁰. В результате первый пункт «Общих положений» стал звучать так:

Православный приход в составе клира и мирян есть церковная с правами юридического лица община при храме, находящаяся в канонической зависимости и общении с местным епископом и всею Поместною Православною Церковью²⁰⁹¹.

Последующие статьи были несколько скорректированы и дополнены. В частности, говорилось о том, что управление и распоряжение приходским имуществом принадлежит приходскому собранию (а не совету как было в более ранней редакции), действующему «в согласии с местным епископом», а при отчуждении имущества или отдаче его в долгосрочную аренду и в аренду на правах застройки – с разрешения высшей церковной власти. Также подчеркивалось, что приходское собрание «составляется и действует» по правилам, установленным высшей церковной властью. Последняя, седьмая статья содержала правила раздела имущества прихода при его упразднении и отделении от него части прихожан²⁰⁹².

Несмотря на то, что Синод постановил внести «Общие положения» в правительство «немедленно», работа над ними продолжилась. В начале июня 1917 г. появилась третья редакция этого документа. Определение прихода было дополнено фразой, согласно которой приходская община должна была действовать и управляться «во всех своих делах по правилам, установленным высшей церковною властью». Декларация о передаче церковного, причтового и приходского имущества и капиталов в собственность приходов была перенесена во вторую статью. Далее подробно перечислялись права прихода как юридического лица по приобретению, отчуждению и другим операциям с движимым и недвижимым имуществом, а также его права осуществлять сборы с прихожан «в порядке самообложения». Следующие статьи говорили о приходских собраниях и советах. Последний именовался исполнителем поста-

---

²⁰⁹⁰ См. выше: Глава 3 § 3.

²⁰⁹¹ О приходской реформе // Всероссийский церковно-общественный вестник. № 26. 14 мая 1917 г. С. 3.

²⁰⁹² Там же.

новлений собрания, ему поручалось «непосредственное заведывание приходским имуществом», представительство и заключение договоров от имени прихода и т. п. Шестая статья напоминала о целевом использовании средств прихода, седьмая – о правилах раздела имущества прихода при его упразднении или разделении, восьмая говорила о том, что открытие новых приходов происходит в порядке, установленном высшей церковной властью. В таком виде «Общие положения» были внесены в правительство. 6 июня они уже находились на рассмотрении Юридического совещания при Временном правительстве²⁰⁹³.

«Временное положение о православном приходе» состояло из 52 параграфов, собранных в четыре блока: приход, прихожане, приходское собрание, приходский совет. В основу этого документа был положен проект нормального устава, разработанный IV отделом Предсоборного присутствия, существенно сокращенный. При этом несмотря на то, что некоторые параграфы, в частности первый, о назначении православного прихода в точности повторяли текст проекта 1906 г., ряд ключевых положений проекта был переработан. За прихожанами признавалось право избрания кандидатов в члены причта. В случае отсутствия у приходских кандидатов духовного образования епископ должен был проверять их знания в специальных испытательных комиссиях. За ним сохранялось право отклонить кандидата, но свой отказ он должен был объяснить прихожанам. Авторы «Временного положения» пытались ограничить произвольное смещение прихожанами клириков со своих мест, оговорив, что это может происходить только по суду или по их желанию. Председатель приходских собрания и совета избирался собранием, то есть им мог быть не только священник, а членами совета могли быть и женщины. При этом, согласно «Временному положению», приход фактически переставал считаться территориальной организацией: этот принцип не упоминался, прихожанами считались все, записанные в приходскую кни-

---

²⁰⁹³ Проект приходского Устава, выработанный комиссией под председательством преосвященного Уфимского Андрея // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 6 июня. № 42. С. 3.

гу²⁰⁹⁴. Епископ Андрей активно популяризировал идею добровольного прихода²⁰⁹⁵.

Как видим, документы, подготовленные комиссией, фактически закрепляли ситуацию, сложившуюся в результате «приходской революции». Храмовое имущество объявлялось собственностью прихода, право избрания членов причта признавалось, хотя «выборное начало» авторы документов как раз стремились ввести в канонические рамки. Между тем норма о передаче церковного имущества приходу вызвала возражения в Юридическом совещании при Временном правительстве. Один из членов совещания заявил, что «общественное имущество принадлежит учреждениям» и поэтому не может быть передано приходу. Это суждение соответствовало общему настрою Юридического совещания, которое стремилось в целом сохранить имперское законодательство, внося в него отдельные коррективы, соответствующие новой политической обстановке. В результате В.Н. Львов распорядился не передавать проект на рассмотрение самого Временного правительства. Ожидалось, что церковные власти еще раз скорректируют «Общие положения»²⁰⁹⁶. Тем временем в начале июня материалы комиссии епископа Андрея были опубликованы (причем «Основные положения» – в редакции, предусматривавшей собственность прихода в отношении храмового имущества), а Синод своим определением от 17–21 июня 1917 г. утвердил «Временное положение», рекомендовав архиереям «ныне же ввести» его в действие «в виде временной меры» до будущих указаний Поместного Собора²⁰⁹⁷. Теперь прихожане могли ссылаться на эти документы в оправдание своих действий²⁰⁹⁸.

---

²⁰⁹⁴ Проект приходского Устава, выработанный комиссией под председательством преосвященного Уфимского Андрея // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 6 июня. № 42. С. 3–4; 9 июня. № 44. С. 4; Утверждение Временного положения о православном приходе // Всероссийский церковно-общественный вестник. 25 июня. № 56. С. 3–4.

²⁰⁹⁵ *Андрей, еп. Уфимский*. Об организации приходской жизни // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 19 июля. № 72. С. 1–2.

²⁰⁹⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 583. Лл. 3–3 об., 28.

²⁰⁹⁷ Проект приходского Устава, выработанный комиссией под председательством преосвященного Андрея Уфимского // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 6 июня. № 42. С. 3–4; 9 июня. № 44. С. 4; Утверждение Временного положения о православном приходе // Всероссийский церковно-общественный вестник. 25 июня. № 56. С. 3–4.

²⁰⁹⁸ *Фриз Г.Л.* Православие, власть и секуляризация в России. Фрагмент 12.

Всероссийский съезд духовенства и мирян и Предсоборный совет

1–12 июня 1917 г. в Москве проходил Всероссийский съезд духовенства и мирян. Он стал самым представительным форумом по обсуждению проблем церковной жизни до открытия Поместного собора Российской Церкви. Причем по числу участников – в его работе участвовали 1268 делегатов – съезд даже превосходил Собор. Всероссийский съезд образовал особую секцию по приходскому вопросу. Ее председателем стал А.А. Папков. Секция еще раз рассмотрела документы, подготовленные комиссией еп. Андрея (Ухтомского), и решила вынести их на обсуждение съезда с тем, чтобы последний рекомендовал Временному правительству утвердить «Основные положения» о приходе²⁰⁹⁹. Члены комиссии, участвовавшие в работе съезда (сам еп. Андрей, А.А. Папков, Н.Д. Кузнецов), с помощью столь представительного собрания, видимо, стремились легитимировать свою работу и снять возражения правительственных чиновников. О признании прихода юридическим лицом и собственником всего имущества, в том числе храмового, они говорили как о мере, призванной защитить святыни и церковную землю от возможного отчуждения²¹⁰⁰. Однако им не удалось заручиться безоговорочной поддержкой собрания.

8 июня документы были вынесены на рассмотрение общего заседания съезда. Главным оппонентом докладчика от приходской секции (А.А. Папкова) и его сторонников (Н.Д. Кузнецова, Б.В. Титлинова и др.) стал присяжный поверенный К.А. Минятов, представитель мирян города Москвы²¹⁰¹. Он доказывал, что принадлежность имущества церкви (храму) является единственной гарантией того, что оно будет принадлежать и Церкви как институ-

---

²⁰⁹⁹ Секция пользовалась второй редакцией этого документа, состоявшей из семи пунктов и одобренной Синодом в середине мая 1917 г. Эту редакцию секция и представила Всероссийскому съезду.

²¹⁰⁰ Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве. Вечернее заседание 8 июня // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 16 июня. № 49. С. 1–2.

²¹⁰¹ Впоследствии К.А. Минятов с семьей переехал в Тюмень. В 1918 г. он вошел в состав епархиальной делегации, которая ходатайствовала перед большевистскими властями об освобождении арестованного епископа Гермогена (Долганова); все члены делегации были расстреляны. В 2000 г. К.А. Минятов был причислен к лику святых как мученик.

ту (в его речи понятия церковь (храм) и Церковь (институт) употреблялись как взаимозаменяемые). При этом он считал необходимым передать храмовое и причтовое имущество в управление приходу, а собственно приходское имущество – в его собственность²¹⁰². По сути, К.А. Минятов, хотя и не говорил прямо о двух юридических лицах, отстаивал такую конфигурацию собственности в приходе, при которой храму как юридическому лицу принадлежало бы храмовое и причтовое имущество, находившееся однако в распоряжении у прихода, а приходу как юридическому лицу – приходское имущество. Это была практически та самая конфигурация, которая впервые была описана в проекте Нормального устава Предсоборного присутствия.

Именно в редакции К.А. Минятова съезд принял соответствующую статью «Общих положений об организации православного прихода». Другие статьи были приняты практически без изменений. Только отчуждение имущества или сдача его в долгосрочную аренду, по редакции, принятой съездом, должна была осуществляться с разрешения не высшей церковной власти, а епархиального совета при епископе в составе духовенства и мирян²¹⁰³. Таким образом, Всероссийский съезд сделал следующий шаг по направлению к ограничению последствий «приходской революции». На этот раз – и в этом было отличие от епархиальных съездов – была предпринята попытка ограничить «завоевания» прихожан не только в области смещения и назначения членов причта, но и в имущественной сфере.

В том же русле действовал и Предсоборный совет, работавший с 12 июня по 31 июля 1917 г. в Петрограде. В его состав входили 64 члена из епископов, клириков и мирян. Совет должен был разработать порядок созыва и правила работы Всероссийского церковного собора, а также подготовить для него законопроекты по ключевым проблемам церковной жизни, в том числе

---

²¹⁰² Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве. Вечернее заседание 8 июня. С. 1–2; Необходима ли передача храмов и храмового имущества в собственность приходов? Речь представителя от мирян г. Москвы присяжного поверенного К.А. Минятова в пленарном заседании Всероссийского съезда духовенства и мирян 8 июня 1917 г. // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 25 июня. № 56. С. 2–4.

²¹⁰³ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 273. Л. 25; Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве. Вечернее заседание 8 июня. С. 2.

по приходскому вопросу. Непосредственно проблемой «благоустройства прихода» занимался V отдел Предсоборного совета. Кроме того, приходская тематика затрагивалась в VII отделе Совета «о церковном хозяйстве», где еще раз дискутировался вопрос о приходском имуществе.

Председателем V отдела стал еп. Андрей (Ухтомский). В его работе принимали участие протоиерей Ф.Д. Филоненко, председатель Училищного совета при Синоде протоиерей П.И. Соколов, настоятель Никольской единоверческой церкви в Петрограде протоиерей С.И. Шлеев, член Предсоборного совета от Всероссийского съезда духовенства и мирян, генерал в отставке Л.К. Артамонов, товарищ обер-прокурора одного из департаментов Правительствующего Сената К.Г. Высоцкий, староста петроградского Казанского собора граф Н.Ф. Гейден, профессор Московской духовной академии И.М. Громогласов, Н.Д. Кузнецов, А.А. Папков, профессор Казанской духовной академии И.М. Покровский, С.Г. Рункевич, преподаватель петроградского епархиального женского училища В.В. Успенский²¹⁰⁴.

Отдел изучил результаты работы комиссии еп. Андрея (в его распоряжении была третья редакция «Основных положений об организации православного прихода»), а также предложения об изменениях в этом документе, высказанные Всероссийским съездом духовенства и мирян. Положение о передаче церковного имущества приходу снова вызвало дискуссию. Точку зрения московского съезда о двух юридических лицах в приходе защищал И.М. Громогласов. Его система аргументов строилась на учении «о церковном имуществе как достоянии Господнем». Этому учению, с точки зрения московского профессора, более соответствовало закрепление имущества за храмом и положение прихода как «доверенного лица, своего рода приказчика» при нем. Однако большинство участников заседания не согласились со своим коллегой. Они говорили о том, что передача прав распоряжения имуществом одного юридического лица (храма) другому юридическому лицу (приходу)

---

²¹⁰⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. М., 2012. С. 526, 528, 532, 535.

уязвима с юридической точки зрения, что на практике очень трудно провести границу между «имуществом чисто церковным и приходским», что, не являясь собственником церковного имущества, приход по-прежнему будет чувствовать себя ущемленным в правах и не будет проявлять должной о нем заботы²¹⁰⁵.

По результатам голосования 15 июня 1917 г. отдел принял вторую статью «Основных положений» в редакции комиссии еп. Андрея. Таким образом, предложение Всероссийского съезда духовенства и мирян о создании двух субъектов имущественных прав в приходе было отклонено. При этом другое предложение съезда о том, что отчуждение приходского имущества должно осуществляться с разрешения не высшей церковной, а епархиальной власти, было отделом принято. Также отдел внес в «Основные положения» дополнительную статью, согласно которой приход был обязан предоставлять епархиальной власти ежегодный отчет об управлении принадлежащим ему имуществом²¹⁰⁶. Между тем три члена V отдела – К.Г. Высоцкий, И.М. Покровский и В.В. Радзимовский – выступили с предложением обсудить положение о передаче церковного имущества приходу в виду его значимости и возникших разногласий в общем собрании Предсоборного совета²¹⁰⁷.

22 июня и 7 июля 1917 г. проблема храмовой и приходской собственности обсуждалась в VII отделе Совета «о церковном хозяйстве». Здесь не раз говорили о том, что принцип, положенный в основу приходского проекта, не встретил сочувствие Временного правительства. В первый день дискуссии с пространной речью выступил товарищ обер-прокурора А.В. Карташев. Он высказал опасения относительно того, что проект комиссии еп. Андрея мо-

---

²¹⁰⁵ Там же. С. 529–530.

²¹⁰⁶ Там же. С. 528–532. Кроме того, отдел обсуждал вопрос о христианском просвещении населения. Особую остроту ему придавало принятое Временным правительством постановление о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения. В связи с этим отдел высказал пожелание, чтобы преподавание Закона Божия оставалось обязательным в министерских школах. Была одобрена для включения в приходский устав глава «Просвещение населения», разработанная Училищным советом при Синоде. Также отдел учредил под председательством архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова) особое совещание, которое должно было заняться разработкой положения о церквях соборных, войсковых, домовых, кладбищенских и храмах-памятниках. См.: Там же. С. 532–541.

²¹⁰⁷ Там же. С. 537–539.

жет стимулировать «приходский сепаратизм». Вместе с тем, он признал необходимым решить, кто же должен быть субъектом имущественного права в Церкви. Можно понять, что идея сохранения храма как юридического лица его не вполне удовлетворяла²¹⁰⁸. Как бы в ответ на рассуждения товарища обер-прокурора К.Г. Высоцкий подготовил проект документа «Об имущественном положении православных приходских церквей». В нем он, по сути, развивал идеи, заложенные в резолюции Всероссийского съезда духовенства и мирян. Согласно документу, и храм, и причт, и приходскую общину следовало признать самостоятельными юридическими лицами, как и другие приходские учреждения, например, школы и братства, если у них есть собственное имущество. Управление и распоряжение всем этим имуществом, по мнению оратора, следовало вверить общему собранию прихожан и причта, действующему в согласии с местным епископом на основании постановлений, изданных высшей церковной властью. При этом отчуждение недвижимого имущества приходской церкви могло быть допущено только с разрешения высшей церковной власти. Исполнение постановлений общего приходского собрания предполагалось возложить на церковный совет, который осуществлял бы непосредственное заведывание имуществом и представительство от имени общины²¹⁰⁹.

Общее собрание рассмотрело «Общие положения» о приходе 25 июля 1917 г. Председательствовал на заседании архиеп. Сергей (Страгородский), докладчиком от V отдела в связи с отсутствием еп. Андрея (Ухтомского) выступил прот. П.И. Соколов. Помимо еп. Андрея отсутствовали и другие сторонники идеи о передаче имущества приходу, например, А.А. Папков и Н.Д. Кузнецов. Во многом, видимо, поэтому обсуждение получило новый поворот. Большинство присутствовавших на заседании высказались за то, чтобы оставить храм как юридическое лицо собственником церковного и причтового имущества. Еп. Пермский Андроник (Никольский) развивал мысль о епи-

---

²¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 583. Лл. 3–3 об.

²¹⁰⁹ Там же. Лл. 27–29.

скопе как собственнике церковного имущества. По его речи можно понять, что такую модель он считал идеальной, а рекомендованную московским съездом духовенства и мирян – компромиссной. Как компромиссную ее рассматривали и К.Г. Высоцкий и В.В. Радзимовский. Они при этом настаивали на том, что и приход теперь должен получить права юридического лица, наряду с храмом и другими юридическими установлениями Православной Церкви. Последовательно отстаивал точку зрения V отдела только Б.В. Титлинов, указывая, что дискутируемое положение является «фундаментом для других статей». Оригинальную идею высказал Л.К. Артамонов. Он предложил собственником всего церковного имущества считать всероссийский церковный собор, от которого епархия и приход получали бы право распоряжения соответствующим имуществом. Это предложение встретило отпор со стороны большинства участников заседания. К.Г. Высоцкий отметил, что это было бы равносильно «церковной секуляризации» и что достаточно обеспечить надзор за использованием церковного имущества со стороны вышестоящих церковных инстанций²¹¹⁰.

В результате голосования 2-я статья была исключена из проекта «Основных положений об организации православного прихода». Вместо нее к 1-й статье было сделано следующее примечание:

Приходский храм как особое церковное установление является самостоятельным юридическим лицом; храм и принадлежащее ему имущество управляется на основании особых правил, устанавливаемых Поместным Собором²¹¹¹.

Остальные статьи были подвергнуты незначительной правке, а заключительные – об упразднении приходов и об образовании новых – были разделены, так что итоговый текст проекта включал в себя десять статей²¹¹². Таким образом, Предсоборный совет склонился к конструкции, рекомендованной московским съездом: два собственника и два юридических лица. Тем самым

---

²¹¹⁰ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. С. 1027–1031.

²¹¹¹ Там же. С. 1031.

²¹¹² Там же. С. 1031–1032.

Совет продолжил движение в направлении ограничения последствий «приходской революции». Однако решающее слово предстояло сказать Всероссийскому Церковному Собору, собравшемуся в Москве 15 августа 1917 г.

§ 3. Приходский вопрос на Священном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.

Работы Священного Собора по приходскому вопросу проходили прежде всего в Отделе о благоустройении прихода и в общих собраниях Собора. Основная часть дискуссии в общих собраниях по приходскому вопросу пригласилась на 2-ю сессию, которая проходила с 20 января (2 февраля) по 7 (20) апреля 1918 г. Кроме того, в обсуждение различных аспектов приходских преобразований были включены XIV соборный Отдел о церковно-приходских школах, XVI Отдел о церковном имуществе и хозяйстве и XVII Отдел о правовом и имущественном положении духовенства.

V Отдел Всероссийского Церковного Собора «О благоустройении прихода»

Организация Отдела и его состав

Отдел о благоустройении прихода был образован 25 августа 1917 г., через десять дней после открытия Собора. Первое заседание он провел 31 августа 1917 г., последнее – 3 (16) апреля 1918 г., продолжая свои занятия и во время обсуждения представленных им материалов в общих собраниях Собора. Главной задачей Отдела была разработка соборного Положения о православном приходе. За указанное время Отдел провел 55 заседаний. Кроме того, были проведены пять совместных заседаний с двумя другими Отделами. 5 (18) и 7 (20) февраля 1918 г. состоялись заседания совместно с Отделом о церковном имуществе и хозяйстве, на которых обсуждался принципиальный подход к вопросу о субъекте прав на храмовое и приходское имущество и, соответственно, о числе юридических лиц

в приходе²¹¹³. 16 (29), 19 марта (1 апреля) и 23 марта (5 апреля) 1918 г. прошли три заседания с XVII Отделом о правовом и имущественном положении духовенства, на которых по предложению этого Отдела обсуждался и с рядом поправок был рекомендован к внесению на Собор проект обеспечения духовенства содержанием через приходское самообложение²¹¹⁴.

V Отдел был одним из самых многочисленных подразделений Собора, что показывало значимость приходского вопроса. Первоначально в него записались 152 человека²¹¹⁵. Среди них было 56,6% мирян, 37,5% представителей белого духовенства, включая псаломщиков, 5,9% епископов (9 человек). Обратим внимание на низкое число первоначально записавшихся иерархов – их доля в составе Отдела была более чем в два раза ниже их доли среди членов всего Собора (14,2%). Доля белого духовенства и мирян, напротив, была выше доли этих групп в составе Собора: духовенства более чем на 8%, мирян на 3%. Епископы в этот момент словно бы потеряли интерес к приходскому вопросу (за исключением разве что считавшихся корифеями приходского дела епископа Андрея (Ухтомского) и архиепископа Серафима (Чичагова)). Клирики и миряне, напротив, демонстрировали повышенный интерес к данной теме, обнаруживая ее значимость именно для этих групп.

На незначительное число записавшихся в отдел архиереев даже сетовал архиепископ Серафим (Чичагов) в заседании Епископского совещания²¹¹⁶ 11 октября 1917 г. Он говорил, что в Отделе «перевес склоняется на сторону клириков и мирян». Правда, он объяснял это тем, что после ухода с поста председателя Отдела епископа Андрея (Ухтомского) и избрания вместо него мирянина В. А. Потулова (об этом эпизоде мы скажем ниже) «епископам ра-

---

²¹¹³ См.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. Протоколы заседаний и материалы Отдела о благоустройении прихода. М., 2017. С. 490–500.

²¹¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 439. Лл. 39–50, 52–71 об.

²¹¹⁵ См.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 662–667.

²¹¹⁶ Епископское совещание объединяло всех архиереев – членов Собора. На его рассмотрение поступали «правилодательные или основоположные» постановления, принятые общим собранием Собора. Только после его одобрения документ приобретал статус соборного определения. См.: Устав Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. С. 1188, 1193.

ботать там неудобно стало». Но Совещание поняло его правильно и просило архиепископа Серафима и епископа Никандра (Феноменова) организовать дополнительную запись в Отдел из среды епископата, хотя Устав Собора не предусматривал такого способа пополнения состава Отделов²¹¹⁷. В результате в октябре состоялось две дополнительные записи в Отдел (первая – в тот же день)²¹¹⁸. Епископы действительно стали активно записываться в его члены, и к концу первой сессии в списках Отдела значилось 25 иерархов. Но доля их среди членов Отдела все равно была ниже их доли в составе всего Собора (10,5%) и оставалась такой до конца обсуждения приходского вопроса, тогда как доля мирян и клириков, хотя и уменьшившись, также стабильно показывала превышение над долей этих групп среди всех соборян. В результате в списках V Отдела значилось 237 членов к концу 1-й сессии и 210 членов к концу 2-й сессии. Разумеется, все его члены не работали в Отделе одновременно, как и далеко не все записавшиеся епископы включились в его работу. В начале 1-й сессии число участников заседаний было максимальным – около 100 человек. Абсолютный максимум пришелся на 18-е заседание 26 октября – 151 человек. Затем это число снизилось более чем в три раза, а в течение 2-й сессии в работе Отдела участвовали от 63 до 14 человек²¹¹⁹.

Отдел в ходе своей работы образовал пять комиссий, главной из которых была Комиссия докладчиков для разработки проектов статей Положения

---

²¹¹⁷ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 4. Документы Совещания епископов и Судной комиссии Собора. М., 2015. С. 17, 50. Чтобы усилить впечатление от своего заявления, архиепископ Серафим утверждал, что миряне и клирики в Отделе стремятся «конструировать православный приход по лютеранскому образцу». Это обвинение было несправедливо и являлось отголоском полемики в общем собрании Предсоборного присутствия, когда представители «институтного» подхода к реформе прихода, прежде всего А.И. Алмазов и И.С. Бердников, обвиняли своих оппонентов не только в политической неблагонадежности, но и в протестантских симпатиях.

²¹¹⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 667–675.

²¹¹⁹ См. подробно: Там же. С. 766–777. Надо иметь в виду, что члены Отдела, прийдя на заседание и расписавшись в листе присутствия, иногда уходили до конца заседания. Такие случаи не всегда отражались в протоколах. Кроме того, в заседаниях порой участвовали члены Собора, формально не являвшиеся членами Отдела, и даже не признанный членом Собора Г.П. Лысых, который был только выборщиком от Румынского фронта, но явился на Собор и участвовал в четырех заседаниях Отдела. О нем см.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е. М., 2015. С. 249–251.

о приходе, обсуждавшихся затем в общем собрании Отдела²¹²⁰. В нее входили 12 его членов, но наиболее активными сотрудниками были архиепископ Серафим (Чичагов), В. А. Потулов, Н. Д. Кузнецов, А. И. Надеждин, священник Ф. Ф. Григорьев. Также при Отделе работали Комиссия для составления инструкции членам причта под руководством епископа Никандра (Феноменова), Комиссия для выработки формы приходской книги, Комиссия для согласования текста статей 48 и 65 Положения о православном приходе, касающихся круга дел приходского собрания и приходского совета, с внесенными в пленарном заседании Собора поправками, Комиссия для разработки вопроса об организации союзов приходов по благочиниям, уездам и епархиям, до Всероссийского союза приходских советов включительно, и, наконец, Комиссия для выработки основных положений Всероссийского союза приходов (не успела завершить работу до конца 2-й сессии Собора).

Председателем Отдела в первом его заседании был избран епископ Андрей (Ухтомский). Но уже в 6-м заседании он сложил с себя полномочия председателя, мотивируя это тем, что обнаружилось «глубокое разногласие» между ним и «наиболее авторитетными и влиятельными знатоками этого вопроса» в V Отделе. Речь шла о противоположной позиции председателя и большинства Отдела по проблеме территориальной организации прихода (см. ниже), а также о том, что Отдел отказался взять за основу своего проекта документы, разработанные комиссией еп. Андрея. Его преемником был избран В. А. Потулов, в прошлом глава Малоархангельской уездной земской управы Орловской губернии, член фракции октябристов в III Государственной думе и земцев-октябристов в IV Думе. Ему, человеку с большим опытом законотворческой деятельности, и предстояло довести до конца разработку соборного Положения о приходе.

---

²¹²⁰ См. подробно о Комиссиях Отдела и их составе: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 689–691.

Дискуссии о территориальности прихода, выборности духовенства и организации органов приходского управления

Дискуссия в Отделе шла вокруг нескольких узловых для приходской темы моментов. Первым был вопрос о том, какой принцип положить в основание формирования прихода – территориальный или добровольный. Причем вопрос о территориальности вызвал споры не только в Отделе, но и в Комиссии докладчиков. Против территориальности, по признанию В. А. Потулова, высказывались представители городов, представители же сельских приходов стояли за сохранение территориального принципа. К мнению последних как мнению большинства населения и было решено прислушаться²¹²¹.

Следующим острым моментом стал вопрос о выборности приходского духовенства: следует ли закрепить в Положении право прихожан избирать священника и других членов причта или вернуться к практике назначения их епископом. Отдел обсуждал его сначала с принципиальной точки зрения, а затем по конкретным пунктам проекта Положения о приходе в течение 11 заседаний с 9 октября по 14 ноября 1917 г.²¹²² В прениях о принципиальной стороне этого вопроса выступили 57 ораторов. Противники выборного начала были глубоко травмированы теми формами, что приобрели выборы духовенства в первой половине 1917 г. Они почитали за лучшее вернуться к системе назначения духовенства епископом. Даже часть тех, кто высказывался принципиально в поддержку выборного начала, склонялась к тому, что выборность нельзя узаконивать в смутное время, а следует отложить ее введение. Однако большинство членов Отдела (82 голоса против 14 при 7 воздержавшихся) принципиально поддержало идею выборности духовенства, оговорив при этом необходимость цензовых ограничений в отношении допущенных к голосованию прихожан, а также указав, что приходы имеют право прибегнуть к выборам, а могут от них отказаться, попросив епископа

---

²¹²¹ Там же. С. 91–108, 144–150.

²¹²² Там же. С. 152–270.

назначить им священника. В результате была принята следующая процедура выборов. По освобождении места в приходе архиерей собирал заявления от желающих его занять, в том числе от кандидата прихожан, если он у них имелся, проводил проверку кандидатов и направлял список одобренных им кандидатур в приход. Прихожане избирали из присланного епископом списка, причем архиерей мог отклонить кандидатуру избранного и после проведенных выборов, но уже должен был объяснить прихожанам мотив своего вето. Таким образом, вводился двойной епископский фильтр. Кандидат, не соответствующий образовательному цензу, должен был выдержать экзамен в специальной комиссии. Подчеркивалось, что члены причта могут быть перемещаемы и увольняемы от своих мест только по суду или по собственному их желанию, то есть прихожане не могли по своему усмотрению удалить даже избранного ими самими священника. Как видим, Отдел сделал все, чтобы ввести выборы, ставшие одним из элементов «приходской революции», в канонические рамки.

Но и такое, очень осторожное решение Отдела удовлетворило далеко не всех. 18 февраля (3 марта) 1918 г., *накануне* начала обсуждения проекта Положения в общем заседании Собора архиепископ Серафим (Чичагов) предложил рассмотреть вопрос о выборном начале в Совещании епископов, хотя такого рода предварительные обсуждения в Совещании не были предусмотрены Уставом Собора. Преосвященные активно откликнулись на это предложение и «по довольном суждении» постановили «положения, выработанные Отделом, о выборном начале и самый процесс выборов клириков в приходы считать совершенно не обеспечивающим благоустройство приходской жизни»²¹²³. Это сулило осложнения для внесенного на Собор проекта.

Активно обсуждался в Отделе и комплекс вопросов об организации приходских собраний: кто имеет право в них участвовать, как формировать собрания в приходах, состоящих из многих населенных пунктов, какими

---

²¹²³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 4. С. 75.

должны быть кворум собрания и процедура созыва повторного собрания, если первое не состоялось из-за отсутствия кворума, каким должен быть круг дел приходского собрания. Все эти вопросы дискутировались в течение 8 заседаний с 16 ноября по 4 декабря 1917 г.²¹²⁴

При обсуждении вопроса о том, кто может быть полноправным членом приходского собрания, мнения членов Отдела разделились относительно минимального возраста участников собрания, который Комиссия определила в 25 лет. Некоторые члены Отдела высказывали мнение, что такой возрастной ценз будет отвращать молодежь от Церкви; предлагали допускать к участию в собраниях молодых женатых хозяев, не достигших 25-летнего возраста; выражали опасение, не окажутся ли тем самым вне собраний сельские учителя, которым часто бывало менее 25 лет. По обсуждению все же был принят проект Комиссии. Горячий обмен мнениями вызвало проектировавшееся право собрания исключать из своего состава в том числе лиц, «занимающихся предосудительными профессиями». Многих смущала неопределенность этой формулировки. Спорили также о предложении не допускать в собрания лиц, уклоняющихся от исповеди и причастия, а именно о том, стоит ли формализовывать участие в таинствах и как следить за исполнением этого условия, которое в итоге осталось в принятом варианте проекта. Продолжительная дискуссия шла относительно того, должен ли быть председателем собрания приходский священник или им может быть лицо по выбору самого собрания, в том числе мирянин. Большинство Отдела (хотя и незначительное: 21 против 18) склонилось к тому, что председателем обязательно должен быть священник. В качестве компромиссной меры было принято положение, что товарищ председателя собрания избирается непременно из мирян. Кворум собрания признали в $\frac{1}{10}$ полноправных прихожан, а при выборах членов причта или назначении самообложения – в половину. В обширных приходах

---

²¹²⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 275–338.

была предусмотрена возможность делегировать на собрание представителей от групп прихожан или от территориальных участков.

При обсуждении круга дел приходского собрания произошел инцидент с архиепископом Серафимом (Чичаговым), незадолго перед тем избранным заместителем председателя Отдела. Рассмотрению Отдела были представлены две редакции соответствующей статьи, одна разработанная Комиссией, другая – преосвященным Серафимом. Они не отличались принципиально, но редакция Комиссии явно в качестве образца имела соответствующие статьи государственного законодательства о земских собраниях (это было влияние старого земца В. А. Потулова), что не нравилось архиепископу Серафиму. Обе редакции намеревались рассматривать одновременно, чтобы совместить их, но преосвященный настаивал, чтобы Отдел принял его проект за основу, угрожая в противном случае никогда более в нем не работать. Отдел отклонил это предложение, и архиепископ Серафим покинул заседание. В последующем он сдержал свое обещание и не принимал участия в работе приходского Отдела (на совместном заседании Отделов о благоустройении прихода и о церковном имуществе и хозяйстве он присутствовал как член последнего).

Работа Отдела в 1917 г. завершилась на обсуждении главы о приходском совете; в частности, было решено, что и в сельских, и в городских приходах в нем председательствует священник. Над этой же главой Отдел продолжил работать в начале 1918 г. Затем довольно быстро была принята глава «О просвещении населения», в основу которой был положен проект Отдела о церковно-приходских школах. В ней наибольшее внимание членов Отдела привлек механизм участия прихода в выборе учителей для церковно-приходских школ. Было решено, что их подбор и назначение входит в компетенцию приходского совета. Без продолжительных прений были приняты главы о союзах приходов, о соборных храмах и кладбищенских храмах и кладбищах. При рассмотрении этих глав самыми обсуждаемыми, пожалуй, были вопросы о способах содержания кафедральных соборов, имеющих приход (самими приходами при участии епархиаль-

ного собрания), о способе выбора настоятеля уездного собора (решение отложено). Затем Отдел обсуждал сопутствующие Положению о приходе документы: инструкцию членам причта, форму приходской книги и др., а также возвращался к тем положениям проекта, которые уже были скорректированы на общем соборном заседании.

Дискуссии по проблемам церковно-приходского имущества и материального обеспечения духовенства

Одновременно Отделу предстояло обсудить и еще один ключевой вопрос приходской жизни – о приходском и храмовом имуществе. Как было сказано выше, в феврале 1918 г. по инициативе приходского Отдела этот вопрос обсуждался в совместных заседаниях с Отделом о церковном имуществе и хозяйстве. Нужно было решить, кто является субъектом прав на церковное и приходское имущество и, соответственно, сколько юридических лиц должно быть в приходе – одно или два, и если одно, то какое именно – храм или приход. Часть членов Отделов (особенно ярко Н.Д. Кузнецов) выступала за то, чтобы единым владельцем и храмового, и приходского имущества признать приход, подотчетный в своих действиях епископу. Причем в защиту этого мнения выставлялась не только надежда на то, что прихожане выступят правомочными защитниками церковного достояния от посягательств новой власти, но и уверенность в том, что именно так будет достигнута целостность прихода, единение причта и паствы вокруг своего храма, равновесие «церковно-общественного» и иерархического начала. К разделению имущества храма и прихода и, соответственно, к введению двух юридических лиц склонялись архиепископы Серафим (Чичагов) и Кирилл (Смирнов) и часть мирян. Они, особенно преосвященный Серафим, развивали идею о епископе как единственном собственнике церковного имущества и о возможности прихода быть только распорядителем этого достояния²¹²⁵.

---

²¹²⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 272. Лл. 1–9 об.

В итоге собрание большинством 37 голосов против 25 при двух воздержавшихся решило ввести в приходе две категории имущества и два юридических лица — храм и приход. В соответствии с этим решением приходским Отделом была разработана глава Положения о храмовом и приходском имуществе. Распорядителями того и другого имущества в ней признавались приходское собрание и совет: приходского — безусловно, храмового — с ограничениями. В частности, согласно проекту, епархиальная власть должна была установить определенную сумму, расходы из храмовых средств, превышающие ее, можно было делать только с разрешения этой власти. Обе категории имущества подлежали ревизии епархиального начальства в лице благочинного. Епархиальные и общецерковные выплаты должны были делаться из храмовых средств. За приходом закреплялось право самообложения²¹²⁶. В целом проект V Отдела в этом отношении мало чем отличался от проекта Предсоборного присутствия и даже от некоторых синодальных проектов приходского устава. Но вопросу об имуществе в приходе предстояло еще вызвать одну из самых горячих дискуссий, произошедших в общем собрании Собора во время 2-й сессии.

16(29) марта – 23 марта (5 апреля) 1918 г. состоялись три совместных заседания приходского Отдела с Отделом о правовом и имущественном положении духовенства. С инициативой о проведении совместных заседаний выступил XVII Отдел. Среди прочего этот Отдел должен был разработать проект о новом порядке содержания приходского духовенства. К декабрю 1917 г. им был разработан проект, согласно которому приходские причты должны были получать государственное жалование. Тем самым, Отдел продолжал разработки комиссии митр. Питирима (Окнова) и стремился реализовать давние чаяния духовенства, которые активно высказывались и в течение 1917 г. Примечательно, что председатель Отдела еп. Пермский Андроник (Никольский) считал идею обеспечения приходских причтов за счет государства в новых условиях нереализуемой. Однако осенью 1917 г. он остался в

---

²¹²⁶ Там же. Лл. 6–6 об.

своем Отделе в меньшинстве. Между тем в начале 1918 г., особенно после издания декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» стала очевидна правота еп. Андроника, и XVII Отдел приступил к разработке нового положения об обеспечении духовенства за счет приходского самообложения. Разработанный им проект и стал предметом обсуждения на совместных заседаниях с Отделом о благоустройении прихода.

На этих заседаниях дискуссия развернулась вокруг трех вопросов: необходимо ли при назначении содержания духовенству учитывать его доходы из местных источников и на размер каких именно доходов следует уменьшать содержание причтов (мы помним, что этот вопрос остро обсуждался и в комиссии митр. Питирима); какие священнодействия должны совершаться духовенством бесплатно; должен ли Собор установить одинаковые для всей страны нормы окладов для членов причтов, или это можно поручить местным органам церковной власти – епархиальным или благочинническим собраниям²¹²⁷. Было решено, что содержание причтов должно быть уменьшено на сумму доходов от причтовых капиталов или арендных статей, выделенных ранее на обеспечение духовенства. За определенное денежное содержание причты должны были бесплатно совершать крещение, миропомазание, исповедь, причащение, таинство брака, соборование, отпевание в храме (выход на кладбище должен был оплачиваться), один раз в год посещение домов прихожан с праздничным молебном (определить этот праздник должно было приходское собрание), богослужения в храме в воскресные и праздничные дни, во время говения в посты и в дни общецерковных поминовений усопших, а также молебны по общеприходским нуждам. Кроме того, бесплатно прихожанам должны были выдаваться письменные документы и справки. Другие требы должны были оплачиваться по соглашению между священнослужителями и прихожанами. Отделы постановили, что нормы содержания причтов должны быть общие для всей Российской Церкви и их должен установить Собор. Было предложено, что минимальный размер со-

---

²¹²⁷ Там же. Лл. 10–32.

держания должен составлять: для священника 1800 руб., диакона 1200 руб. и псаломщика 900 руб. в год. Деньги эти должны были выплачиваться из приходской кассы ежемесячно. Особо подчеркивалось, что епархиальные собрания должны помогать бедным приходам их епархий в деле содержания причтов. Предполагалось, что будет учреждена всероссийская пенсионная касса духовенства, которая будет пополняться взносами, выплачиваемыми членами причтов из своего содержания²¹²⁸.

В итоге Отдел о благоустройении прихода представил на рассмотрение общего собрания Собора свой доклад и несколько сопутствующих документов. Доклад Отдела заключал в себе проект Положения о православном приходе и был представлен двумя частями. Первая часть, направленная секретарю Собора 10 (23) февраля 1918 г., включала главы 1–10 «Общие положения», «О приходском храме», «О причте», «О прихожанах», «Об управлении приходскими делами», «О приходском собрании», «О церковно-приходском совете», «О приходских учреждениях», «Просвещение населения», «О союзах приходов». Вторая часть доклада, направленная 16 (29) марта 1918 г., включала главы 11–13 «О храмовом и приходском имуществе», «О соборных храмах», «О кладбищенских храмах и кладбищах». Всего проект положения состоял из 170 статей. Вместе со второй частью доклада Отдел представил статьи о церковном старосте для включения в 5-ю главу положения «Об управлении приходскими делами», формулировку ранее отложенной рассмотрением статьи о печати прихода, формулу, предоставлявшую высшему церковному управлению выработать проект правил о домовых храмах. 19 марта (1 апреля) 1918 г. на усмотрение Собора были представлены дополнение к 11-й главе проекта об условиях привлечения домовых храмов к обложению на общецерковные и епархиальные нужды и проекты приходской книги. 22 марта (4 апреля) Отдел представил проект Инструкции членам

---

²¹²⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 273. Лл. 121–129.

причта²¹²⁹. Докладчиками по проекту Положения Отдел избрал В. А. Потулова, Н. Д. Кузнецова и священника Ф. Ф. Григорьева.

Приходский вопрос на общих заседаниях Собора весной 1918 г.

Собор начал рассматривать доклад приходского Отдела на 88-м заседании 19 февраля (4 марта) 1918 г. Сразу выявились почти противоположные отношения к проекту членов Собора. Одни приветствовали его появление, другие смотрели на него с глубокими пессимизмом. Архимандрит Матфей (Померанцев) говорил, что проект выглядит как кости без духа. Н. Д. Кузнецов отвечал ему, что через одно исполнение устава люди не могут обратиться в христиан, что проект исходит из того, что в их душах *есть* евангельская жемчужина и нужно лишь дать ей футляр. Положение о приходе — только форма, развивал свою мысль докладчик, которая должна благоприятствовать развитию духа, а не угашать его. Архиепископ Серафим (Чичагов) предложил написать «Введение» к Положению, в котором были бы отражены духовные аспекты приходской жизни. Эту идею поддержали и докладчики (Н. Д. Кузнецов и священник Ф. Григорьев). Собор решил образовать особую комиссию из епископов, клириков и мирян для составления «Введения» и ее формирование поручить архиепископу Серафиму (Чичагову) и П. И. Астрову. Затем началось постатейное обсуждение проекта.

В течение этого и двух последующих заседаний (20 февраля (5 марта) и 22 февраля (7 марта)) Собор дискутировал определение прихода, содержащееся в 1-й статье проекта. По позициям выступавших и системе аргументов обсуждение очень напоминало дискуссию, которая шла в финальных заседаниях Предсоборного присутствия 1906 г. Епископ Серафим (Александров) предложил вернуть понятие «учреждение» в определение прихода. Другие, напротив, предлагали вместо употребленного в проекте слова «общество» поставить «община» или даже соединить «учреждение»

---

²¹²⁹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 502–539.

и «общество» в одном определении. Снова был поставлен под сомнение исключительно территориальный принцип формирования прихода, и вновь это вызвало горячую дискуссию, которая продолжилась в связи с обсуждением и других статей. В итоге к статье было предложено 25 поправок, из которых были отвергнуты все, кроме одной, согласно которой приход находится не в «канонических отношениях» с архиереем, а в «каноническом управлении» епископа²¹³⁰. В последующих заседаниях Собор пересмотрел нормальный состав приходского причта, увеличив его до трех человек – священника, диакона и псаломщика, вместо священника и псаломщика, как это планировал Отдел, оговорив, впрочем, что это число может уменьшаться или увеличиваться по усмотрению епархиальной власти²¹³¹. Собор разрешил, опираясь прежде всего на практику разъездов священников по обширным сибирским приходам, служение литургии с санкции епископа в не храмовых помещениях (часовнях, школах и под.), хотя против этого выступал ряд ораторов²¹³².

Разумеется, Собор не мог не вернуться к вопросу о выборах духовенства. Дискуссия по нему шла в четырех заседаниях – 24 февраля (9 марта), 27 февраля (12 марта), 28 февраля (13 марта) и 1 (14) марта 1918 г. В связи с этим выявилось разномыслие даже среди докладчиков Отдела: тогда как В. А. Потулов и Н. Д. Кузнецов защищали принятую им редакцию соответствующей статьи, священник Ф. Ф. Григорьев заявил, что вводить выборы в настоящий момент несвоевременно. Разброс мнений был очень широким. Противники выборов напоминали практику последних месяцев, когда выборы превращались в глумление над кандидатами, сторонники указывали, что у епископа всегда остается право отвергнуть кандидатуру, предложенную приходом²¹³³. И. М. Покровский и архиепископ Кирилл (Смирнов) озвучивали традиционную точку зрения, что высокое образование священнослужите-

---

²¹³⁰ Священный Собор Православной Российской Церкви. Обзор Деяний. М., 2001. Т. 2. С. 115–124, 126–127, 131–134 (далее – Обзор Деяний); Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994–2000. Т. 7. М., 1999. С. 114–145 (деяние 88).

²¹³¹ Обзор Деяний. Т. 2. С. 149–151, 181 (деяния 92 и 96).

²¹³² Обзор Деяний. Т. 2. С. 146–148; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 7. С. 178–179 (деяние 92).

²¹³³ Там же. С. 182–184 (деяние 92); Обзор Деяний. Т. 2. С. 170–172 (деяние 94).

лей и их выборность несовместимы. Единоверческий протоиерей С. И. Шле-ев утверждал, что убрать выборное начало из приходского устава — все равно что вынуть душу из тела. Н. И. Знамировский предлагал передать избрание кандидата в члены причта пресвитерскому совету при епископе с участием членов благочиния и прихода²¹³⁴. В. А. Рождественский озвучил радикальную позицию, согласно которой выборы в приходе должны осуществляться только на основе прямого, равного, всеобщего и тайного голосования²¹³⁵. В итоговом слове Н. Д. Кузнецов настаивал, что новые формы приходской жизни (в том числе и введение выборного начала) заставят и народ смотреть иначе на свое отношение к Церкви. В. А. Потулов обращал внимание членов Собора, насколько в предложении Отдела уже была сужена практика выборов. В ходе голосования Собор принял редакцию епископа Серафима (Александрова): «Право избрания на священнослужительские места принадлежит епископу, который при избрании принимает во внимание и тех кандидатов, о коих приговором ходатайствует приход»²¹³⁶. Тем самым Собор отверг процедуру выборов, предложенную V Отделом, фактически вернувшись к системе назначения.

В следующем заседании 5 (18) марта Собор обсуждал определение понятия «прихожане». Была принята редакция соответствующей статьи, предложенная протопресвитером Н. А. Любимовым, согласно которой прихожанами считались все лица православного исповедания, живущие в пределах прихода и сохраняющие живую связь со своим приходским храмом. Было смягчено требование обращаться за совершением таинств и треб только к своему приходскому священнику²¹³⁷, хотя и добавлено примечание о необходимости предоставлять справку об исповеди в случае, если прихожанин исповедовался у другого священника. Последнее было исполнимо, ко-

---

²¹³⁴ Там же. С. 175–180 (деяние 95).

²¹³⁵ Там же. С. 184 (деяние 96).

²¹³⁶ Обзор Деяний. Т. 2. С. 181–186; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 7. С. 210–214 (деяние 96).

²¹³⁷ Обзор Деяний. Т. 2. С. 191–194; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 7. С. 218 (деяние 97).

нечно, только при сохранении прежней системы приходского делопроизводства и сравнительно редкой периодичности причащения, а ей в ближайшие годы предстояло заметно измениться²¹³⁸. В статье, констатировавшей, что управление приходскими делами осуществляется настоятелем под руководством епископа «совместно» с прихожанами, по предложению епископа Андроника (Никольского), был характерным образом переставлен акцент. Собор решил, что оно осуществляется не «совместно» с прихожанами, а при их «участии»²¹³⁹. В общих заседаниях Собора повторилась дискуссия о возрастном цензе участников приходского собрания: часть соборян предлагала его понизить до 20 лет, но большинство остановилось на предложенном Отделом 25-летнем возрасте. Правда, была принята оговорка, что в собрании могут участвовать все члены причта независимо от возраста и с совещательным голосом самостоятельные хозяева, достигшие 21 года. При обсуждении поводов к устранению прихожан от участия в собрании звучало предложение не относить к таким поводам незаконный брак, поскольку в изгнании таких людей из собрания было бы «больше греха, чем правды», но большинство не согласилось с этим. Обсуждалось также, стоит ли убрать из статьи упоминание светского суда, поскольку «солидарности между церковным и светским судом теперь нет». Статьи были приняты с незначительной правкой²¹⁴⁰.

При рассмотрении статей проекта, регламентировавших деятельность приходских собрания и совета, Собор расширил перечень подлежащих их ведению дел, что, впрочем, меняло проект Отдела скорее стилистически. По предложению архиепископа Серафима (Чичагова) была добавлена новая статья с перечислением обязанностей членов совета. Было решено, что утвер-

---

²¹³⁸ *Беглов А.Л.* Делопроизводство православного прихода Российской империи в конце XIX — начале XX в.: социальный аспект // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Вып. 6 (39) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001170-6-1> (дата обращения: 06.08.2015); *Его же.* Практика причащения православных прихожан советской эпохи // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4 (30). С. 34–59.

²¹³⁹ Обзор Деяний. Т. 2. С. 202–203 (деяние 98).

²¹⁴⁰ Обзор Деяний. Т. 2. С. 206–214 (деяния 98 и 99).

ждению епископа подлежат не только дела о займах, новых сборах и операциях с недвижимостью, но и «выдающиеся мероприятия по приходу». При определении состава приходского совета Собор постановил, что мирян в его составе должно быть не меньше, чем членов клира, что миряне могут быть обоего пола, что в приходах, состоящих из многих деревень, все они должны иметь представителей в совете. Было решено, что ранее созданные советы после принятия приходского устава должны быть распущены. Была добавлена новая, предложенная архиепископом Серафимом статья о ежегодной ротации $\frac{1}{3}$ выборных членов приходского совета²¹⁴¹. При рассмотрении главы о союзах приходов Собор сделал добавление, что в случае конфликта союза с епархиальным архиереем, до его разрешения высшей церковной властью архиерей может своей властью сделать неотложные распоряжения по союзу. Обсуждение главы о просвещении вызвало оживленную дискуссию, в ходе которой подчеркивалось, что в приходе необходимо насаждать живое, а не формально-школьное просвещение²¹⁴².

Спор о приходском имуществе

28 марта (10 апреля) 1918 г. Собор начал обсуждать вторую часть доклада Отдела, и здесь снова развернулась дискуссия вокруг 121-й статьи проекта о том, кто является собственником церковного и приходского имущества и сколько должно быть юридических лиц в приходе. Часть выступавших считала опасным усваивать статус юридического лица храму в текущей политической ситуации, когда советская власть не признавала права собственности за религиозными организациями, говорили даже, что закрепление за храмом как учреждением статуса собственника имущества в условиях всеобщей национализации даст повод думать, что он может быть передан «в ведение представителей народа». Поэтому проект, предложенный Отделом, многие рассматривали как компромисс, примиряющий крайности. Но одно-

---

²¹⁴¹ Там же. С. 223–230, 255–257 (деяния 100 и 103).

²¹⁴² Там же. С. 232–242 (деяние 101).

временно крайности выявлялись все ярче, позиции выступавших радикализировались. Наиболее показательным было в связи с этим выступление архиепископа Серафима (Чичагова). Если в соединенном заседании V и XVI Отделов он выступал за учреждение двух юридических лиц в приходе, то теперь, используя ту же самую аргументацию о епископе как собственнике церковного имущества, он настаивал на учреждении единственного юридического лица — храма. Так он вернулся к своей позиции 1908 г., которую сформулировал в отзыве на проект синодального Особого совещания. С другой стороны, раздавались голоса за то, чтобы признать таким единственным лицом приход. Складывается впечатление, что сторонники противоположных точек зрения, ранее в заседаниях Отделов пытавшиеся найти компромисс, теперь решили дать последний бой своим оппонентам и настоять на своем. Так, и Н. Д. Кузнецов в своем заключительном слове докладчика, все больше указывая на текущую политическую ситуацию, стал говорить о необходимости признания прихода, действующего под управлением епископа, собственником всего имущества, в том числе церковного, и единственным юридическим лицом. Это вызвало удивление ведущего заседание митрополита Арсения (Стадницкого). Он усмотрел в этом нарушение Устава Собора, поскольку докладчик должен был представлять точку зрения Отдела, а не свою собственную. В этот момент В. А. Потулов также заявил, что он не согласен с формулой, принятой Отделом, и попросил освободить его от роли докладчика. Митрополит Арсений предложил Отделу избрать новых докладчиков по этому вопросу, которые представляли бы его точку зрения. Собор поддержал это предложение²¹⁴³. Поэтому на следующий день состоялось экстренное заседание Отдела, в котором докладчиком по 121-й статье был избран П. И. Астров²¹⁴⁴.

---

²¹⁴³ Обзор Деяний. Т. 2. С. 367–371; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 8. С. 222–243 (деяние 117).

²¹⁴⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 479.

29 марта (11 апреля) в 119-м заседании Собора П. И. Астров сделал новый доклад по этой статье. Он говорил, что целью учреждения двух юридических лиц в приходе – храма и прихода – является защита неприкосновенной церковной, храмовой собственности (получалось, что главная угроза для нее исходила от прихожан). К статье был предложен ряд поправок, в том числе архиепископа Серафима (Чичагова), согласно которой юридическим лицом является храм, принадлежащее ему имущество является церковным имуществом, распоряжается которым епископ при участии клира. Фактически Собору предлагалось закрепить то положение, которое существовало начиная с реформы 1808 г., все аргументы против этого положения, высказанные с 1860-х гг., игнорировались. Но в ходе голосования собрание приняло именно редакцию архиепископа Серафима большинством в 48 против 47 голосов. Сразу же раздались протесты: в связи с низкой явкой и перевесом всего в один голос соборяне просили проверить голосование. При повторном голосовании поправка архиепископа Серафима снова была принята большинством в 57 голосов против 55. При этом председательствовавший в заседании митрополит Арсений не поставил на голосование вопрос, может ли и приход быть юридическим лицом, на что позднее указывали соборяне, а сразу перешел к обсуждению 122-й статьи. Однако в свете принятого решения обсуждать последующие статьи главы о храмовом и приходском имуществе было бессмысленно: они нуждались в коренной переработке. Поэтому Собор целиком вернул главу в Отдел, дав ему два дня на разработку новой ее редакции²¹⁴⁵. Комиссия докладчиков приходского Отдела справилась с этой задачей за один день: 30 марта (12 апреля) Отдел уже утвердил ее предложения²¹⁴⁶. Пока в Отделе разрабатывалась новая редакция главы о храмовом имуществе, Собор обсуждал статьи о соборных храмах. Большинство из них были приняты в редакции Отдела, но к одной из них сделано дополнение

---

²¹⁴⁵ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 9. С. 35–41 (деяние 119).

²¹⁴⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 479–484.

о том, что смета собора утверждается епископом. Также была принята и глава о кладбищенских храмах и кладбищах²¹⁴⁷.

Но дискуссия о храмовом и приходском имуществе на Соборе еще не была закончена. 3 (16) апреля в общем собрании были оглашены два заявления, поданные в Соборный Совет еще 30 марта (12 апреля)²¹⁴⁸. Авторы первого, священник А. Масальский и еще 33 члена Собора, просили повторно поставить на голосование 121-ю статью проекта, которая предполагала введение двух юридических лиц в приходе. Аргументы авторов были очень весомыми. Они указывали, что столь важное решение принято только 57 головами, то есть $\frac{1}{9}$ частью полного состава Собора при отсутствии кворума, при этом председатель митрополит Арсений (Стадницкий) не закончил голосования разбираемого вопроса, так как не поставил на голосование возможности признания и другого юридического лица — прихода, что не противоречило бы уже принятому постановлению. Если же повторное голосование не было назначено, заявители просили разъяснить, как им следует в свете принятого Собором решения относиться к постановлению Патриарха и Синода от 28 февраля 1918 г. «о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти», которое описывало формы противодействия посягательствам советской власти на церковное достояние, и одной из главных форм такого противодействия должна была стать организация «союзов прихожан», которые «в крайних случаях» могли бы «заявлять себя собственниками церковного имущества»²¹⁴⁹. Второе заявление было подписано Н. Д. Кузнецовым и еще 60 членами Собора. Они также указывали на ситуацию, в какой Церковь оказалась после издания декрета Совета народных комиссаров об отделении Церкви от государства, который лишал любые религиозные учреждения права собственности на имущество,

---

²¹⁴⁷ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 9. С. 41–57 (деяние 119).

²¹⁴⁸ Обзор Деяний. Т. 2. С. 426–427; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 9. С. 97 (деяние 123).

²¹⁴⁹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 30–35.

и предлагали сопроводить новую редакцию статьи 121-й примечанием о том, что в случае невозможности зарегистрировать храм как учреждение это право предоставляется приходу²¹⁵⁰.

На следующий день Собор принял решение пересмотреть указанную статью и вернуться к обсуждению вопроса. Причем председательствующий митрополит Арсений (Стадницкий) предлагал ограничиться четырьмя ораторами, но это предложение было отклонено ввиду «принципиально неразрешенного вопроса»²¹⁵¹. Решающий момент наступил 4 (17) апреля на вечернем 125-м заседании Собора. Основной спор теперь развернулся вокруг того, следует ли Собору соотноситься с обстоятельствами политического момента или быть выше этого. Архимандрит Матфей (Померанцев) говорил, что не стоит спешить приспособлять соборные документы к новым законам и «считаться с декретами этой непостоянной, колеблющейся власти». «Быть выше декретов» призывал и П. И. Астров, выступивший в поддержку принятой редакции, хотя как докладчик должен был бы защищать прежнюю редакцию Отдела. Н. Д. Кузнецов, напротив, призывал «различать тенденции времени». Он предполагал, что, «может быть, уже скоро существование Церкви в государстве будет допустимо лишь под формой частных религиозных обществ <...> Под форму же частного религиозного общества всего более может подходить именно приход как известное церковное общество, а никак не храм как учреждение». Он напоминал, что многие епархиальные архиереи и сам Собор уже не раз обращались к народу, «стараясь пробудить в нем сознание своих обязанностей и ответственности перед Церковью в наше тяжелое смутное время». Неужели, спрашивал докладчик, «одной рукой мы будем писать воззвания к народу, а другой составлять не соответствующие потребностям времени законы только потому, что мы ни в чем не доверяем наро-

---

²¹⁵⁰ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 485–490.

²¹⁵¹ Обзор Деяний. Т. 2. С. 435–437 (деяние 124).

ду?»²¹⁵² Он напоминал, что число подписавших предложение о пересмотре принятой редакции превышало число голосов, которыми она была принята.

После завершения прений на голосование была поставлена поправка епископа Серафима (Александрова), только уточнявшая принятую ранее формулировку; она была отклонена. Затем наступил черед примечания, предложенного Н. Д. Кузнецовым. Дважды проведенное голосование (сначала прямое, когда вставали те, кто высказывался «против», затем обратное) дало перевес сторонникам его принятия в один голос (90 против 89). Тогда председатель для проверки результатов решил прибегнуть к поименному голосованию. Такой способ проверки предусматривался соборным Уставом (ст. 177)²¹⁵³, но это был единственный случай на Соборе, когда поименное голосование было использовано. Проводилось оно в устной форме: митрополит Арсений (Стадницкий) зачитывал список членов Собора, а каждый из названных вставал и давал свой ответ. Подсчитывали голоса председатель и два члена Собора. В результате поправка Н. Д. Кузнецова была отклонена большинством в 112 голосов против 97²¹⁵⁴. Затем в соответствии с просьбой первой группы заявителей (священника А. П. Масальского и др.) на голосование снова была поставлена 121-я статья проекта в редакции Отдела. На этот раз она была принята. Собор вернулся к компромиссному варианту с разделением имущества на храмовое и приходское и с учреждением двух юридических лиц. Н. Д. Кузнецов предложил сделать к принятой статье примечание, в котором бы говорилось, что если власти откажутся регистрировать храм как юридическое лицо, то одним таким лицом мог быть зареги-

---

²¹⁵² Обзор Деяний. Т. 2. С. 440–441 (деяние 125).

²¹⁵³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. С. 1203.

²¹⁵⁴ Обзор Деяний. Т. 2. С. 439–442; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 г. Т. 9. С. 104–105; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора. М., 2014. С. 516–519 (деяние 125). О социальном аспекте этого голосования см.: *Плетнева А.А.* Социологические проблемы анализа источников по истории Русской Церкви в начале XX века // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Материалы 2000 г. М., 2001. С. 339–343.

стрирован приход, но председатель отклонил это предложение, заявив, что Собору не следует углубляться в детали²¹⁵⁵.

Большинство статей главы о храмовом и приходском имуществе затем были приняты в первоначальной редакции Отдела. Важное изменение было внесено лишь в статью, регламентирующую правила покупки, продажи, отчуждения, сдачи в аренду церковного имущества. По предложению докладчиков Н. Д. Кузнецова и В. А. Потулова было решено, что любое отчуждение храмового имущества может быть осуществлено с разрешения и высшей церковной, а не только епархиальной власти. Церковный староста, который был призван управлять церковным имуществом, в соответствии с проектом Отдела, принятым Собором, избирался приходским собранием, отчитывался перед ним, входил по должности в приходский совет. В исключительных случаях старостой и казначеем, ответственным за приходское имущество, могло быть одно лицо. Из статей о старосте было убрано лишь указание на то, что он является «поверенным прихожан», но было постановлено, что эту должность может занимать и женщина. Утверждаться в должности староста должен был благочинническим советом, но в спорных случаях – и это было добавлено Собором – епископом²¹⁵⁶. Последний вопрос, соприкасавшийся с приходским, который дискутировал Собор, был связан с проектом создания Всероссийского союза приходов, который объединял бы все приходские советы страны. Эта идея активно пропагандировалась протоиереем П. Н. Лохостским. Другие соборяне высказывали опасение, что эта структура будет дублировать Собор и органы высшего церковного управления. Было решено поручить Синоду и Высшему Церковному Совету разработать этот проект и представить его Собору в 3-й сессии²¹⁵⁷.

---

²¹⁵⁵ Обзор Деяний. Т. 2. С. 442.

²¹⁵⁶ Обзор Деяний. Т. 2. С. 442–445 (деяние 125).

²¹⁵⁷ Там же. С. 445–446, 452–453 (деяния 125 и 126).

«Введение» к приходскому уставу и итоги работы Собора по приходскому вопросу

На следующий день, 5 (18) апреля, П. И. Астров объявил соборьянам о том, что закончено «Введение» к приходскому уставу²¹⁵⁸. В комиссию для его составления, которую Собор поручил сформировать архиепископу Серафиму (Чичагову) и П. И. Астрову, в итоге, кроме них, вошли епископ Андроник (Никольский) и Л. К. Артамонов. Написанное ими «Введение» состояло из четырех частей и приложения. Главная его мысль заключалась в глубокой взаимосвязи личного спасения каждого христианина и конкретных проявлений приходской жизни. Пожалуй, ни в одном соборном акте так полно и эмоционально ярко не были раскрыты сотериологические основы повседневной жизни христианина. А та дань, которую отдали его авторы «институтному» подходу, не выглядела здесь полемически заостренной. Первая часть «Введения» носила общий богословский характер. Вторая часть давала конспективный обзор истории православных приходов, делая особый акцент на их истории в допетровской России, несколько идеализированно, вполне в духе публицистики А. А. Папкова, описывая «древние порядки» приходской жизни, которые следовало теперь возродить. Третья часть содержала общие рекомендации священнику, как начать возрождение приходской жизни. Суть их сводилась к необходимости сформировать в приходе ядро религиозно активных сознательных прихожан, которые могли бы стать опорой для дальнейшего приходского творчества. Обратим внимание, что идея о религиозном костяке прихода никак не была отражена в приходском уставе и отчасти противоречила территориальному принципу, положенному в его основу, но при этом именно она была тем фундаментом, на котором начинала строиться новая приходская жизнь в условиях гонений. Четвертая часть в 6 пунктах суммировала содержание предыдущих трех частей. В приложении к «Введению» в относительно кратких 16 пунктах, разбитых на три тематических блока (о богослужении, престольных праздниках и посещении до-

---

²¹⁵⁸ Там же. С. 453 (деяние 126).

мов), суммировались обязанности причта и прихожан. В частности, прихожанам напоминалось, что «по строгому церковному правилу»²¹⁵⁹ за непосещение храма без уважительных причин в течение трех воскресений они подлежат отлучению от Церкви. 7 (20) апреля Собор утвердил доклад Редакционного отдела, который внес в проект стилистическую правку, и решил, что окончательную версию «Введения» к приходскому уставу выработает высшее церковное управление²¹⁶⁰. 12 (25) апреля 1918 г. определение Священного Собора о православном приходе было рассмотрено соединенным присутствием Синода и Высшего Церковного Совета. Оно постановило опубликовать «Введение» и устав, поручив предварительно отредактировать «Введение» митрополиту Владимирскому Сергию (Страгородскому)²¹⁶¹. Они были напечатаны в «Церковных ведомостях», а затем в 3-м выпуске Определений и постановлений Собора. Также Синодом была утверждена разработанная Отделом и предварительно рассмотренная митрополитом Агафангелом (Преображенским) «Инструкция членам причта», в четыре ее пункта были внесены изменения²¹⁶².

Даже беглый взгляд на принятый Собором приходский устав обнаруживает его определенную консервативность в сравнении с предшествовавшими проектами. Собор сохранил территориальный принцип формирования прихода, ставившийся под сомнение еще в конце XIX в., и отверг тщательно проработанную процедуру, которая позволяла учесть мнение прихожан при назначении в приход члена причта, делала принятие такого решения прозрачным. В этом отношении соборный документ оказался более консервативен, чем даже некоторые синодальные проекты приходского устава, не говоря уже о проекте Предсоборного присутствия, где процедура выдвижения и учета ходатайств прихожан была впервые детально разработана. Собор по-

---

²¹⁵⁹ Имелось в виду 80-е правило VI Вселенского Собора.

²¹⁶⁰ Обзор Деяний. Т. 2. С. 473.

²¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 275. Л. 231; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 706–716.

²¹⁶² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 276. Л. 7; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. С. 532–539.

сле нескольких драматических раундов голосования остановился на компромиссной идее о необходимости существования в приходе двух собственников имущества и двух юридических лиц, которая восходила к проекту Предсоборного присутствия и первым синодальным редакциям приходского устава. Вместе с тем Собор наделил довольно широкими правами органы приходского управления, в частности, предоставив им в распоряжение на определенных условиях и церковное имущество, санкционировав их участие в школьной жизни приходских территорий и даже разрешив избирать женщин на должность церковного старосты, что ранее было неслыханно. В какой степени соборный приходский устав был бы жизненен в случае своего последовательного применения в новых условиях, мы можем лишь предполагать. Точно можно сказать, что статьи о храмовом и приходском имуществе в советской России не действовали ни часа, да и в эмигрантских приходах были приспособлены к другой правовой реальности, в которой храм не мог быть юридическим лицом. Пожалуй, самым важным результатом деятельности Собора в приходском вопросе стало «Введение» к уставу. В нем богословие давало жизненный ответ на вызов времени, показывая, что участие в повседневной приходской жизни, даже в ее самых обыденных проявлениях может вести члена Церкви к его вечному спасению.

§ 4. Православный приход в советский период

Приходский устав, принятый Собором, в условиях гражданской войны доходил до мест медленно. О том, что он неизвестен большинству священников и прихожан, а если известен, то не исполняется, говорил на Юго-Восточном Русском Церковном Соборе 1919 г. священник Валентин Свенцицкий²¹⁶³. Там же, где об уставе узнавали, далеко не везде готовы были согласиться с основными его положениями. Так, экстренное Костромское епархиальное собрание духовенства и мирян в мае – июне 1918 г. обсудило принятый Собором Приходский устав и просило епархиальные власти войти в

---

²¹⁶³ ГАРФ. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 46–47 об. (указано С.В. Чертковым).

Собор с ходатайством об изменении закрепленного в уставе порядка назначения членов причта. Костромичи предлагали, чтобы избрание членов причта принадлежало приходскому собранию, а епископ утверждал (или не утверждал) предложенные собранием кандидатуры²¹⁶⁴. Киевские прихожане еще в октябре 1917 г. протестовали против вводимого приходским уставом принципа территориальности. Они писали, что на основе «живого начала свободного выбора, созданы почти все существующие в наших городах ц[ерковно]-приходские организации» и тем самым новая «приходская конституция» войдет в противоречие с уже сложившейся и закрепленной Временным положением о приходе практикой²¹⁶⁵. Как видим, критике на местах подвергались основополагающие для принятого Собором устава принципы приходской реформы – территориальность и замещение должностей приходских клириков через епископское назначение. Причем в обоих случаях отстаивалась практика, сложившаяся в ходе «приходской революции» 1917 г. Тем самым приходская жизнь в Российской Церкви продолжала развиваться, но совсем на иных принципах, чем предполагал соборный Устав. Политический переворот осени 1917 г., как ни парадоксально, способствовал закреплению этой ситуации²¹⁶⁶.

18 и 19 декабря 1917 г. были изданы декреты новой власти «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака». Они закрепляли за институтом светского, нерелигиозного брака статус единственного признаваемого государством. Записи о совершении церковных таинств (крещения, брака) и молитвословий (отпевания) переставали быть записями об актах гражданского состояния населения страны²¹⁶⁷. Если мы посмотрим на эти декреты с точки зрения тех последствий, какое они имели для приходской жизни, то увидим, что эти законодательные акты закрепляли разрыв формальных связей между приходом и населением, жив-

---

²¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 275. Л. 369–369 об.

²¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 273. Л. 62–63 об.

²¹⁶⁶ Ср.: Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4(30). С. 89.

²¹⁶⁷ Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 301–321.

шим на его территории, произошедший уже после февральской революции. Нерелигиозные, равнодушные к Церкви люди формально более не были связаны с приходами, они явочным порядком переставали участвовать в их жизни. Оставались те, кому Церковь была дорога, кто готов был защищать ее и чем-то жертвовать ради нее. Так в приходах начинало стихийно формироваться ядро деятельных прихожан, «религиозный актив», который во взаимодействии со священником брал на себя защиту церковного достояния от посягательств новой власти, вокруг которого складывалась вся приходская жизнь. То, что до революции казалось фантазией отдельных мечтателей — формирование религиозного костяка в приходе, — оказалось единственно возможной реальностью²¹⁶⁸.

13–21 января 1918 г. в Петрограде развернулись события вокруг Александро-Невской лавры. Наркомат государственного призрения предпринял попытку изъять помещения Александро-Невской лавры для своих нужд. В результате произошли столкновения между матросами и красногвардейцами и верующими, был убит протоиерей Петр Скипетров. Эти события стали катализатором консолидации верующих для защиты святынь. 21 января в северной столице состоялся грандиозный крестный ход, который имел черты мирной демонстрации протеста, а затем начали организовываться разнообразные союзы и братства из мирян для защиты Церкви, в том числе, широко известное Александро-Невское братство²¹⁶⁹. Тем временем 20 января (2 февраля) 1918 г. был принят «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» («Об отделении церкви от государства и школы от церкви»). Он лишал религиозные организации прав юридического лица, объявлял о национализации их имущества, в том числе культового, что было воспринято духовенством и верующими как акт кощунства. Однако вместе с тем в одной из статей декрета говорилось, что «церковные и религиозные общества под-

---

²¹⁶⁸ *Беглов А.Л.* «Община, учреждение, братство...». С. 256–258, 261–262.

²¹⁶⁹ *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство. 1917–1922. М., 2005. С. 105–109; *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство. 1918–1932 годы. СПб., 2003. С. 9–12.

чиняются общим положениям о частных обществах и союзах», что давало возможность для *легального существования низовых религиозных структур*, в отличие от структур центрального и епархиального уровня²¹⁷⁰. В последующем они регистрировались местными органами власти и могли брать в свое пользование храмовое имущество (национализированное декретом). Таким образом, первые антицерковные акции советской власти вели к самоорганизации верующих для защиты святынь, а ее законодательство создавало юридическую базу для такой самоорганизации²¹⁷¹.

Первая реакция церковных институтов на Декрет, как известно, была сугубо отрицательной. 27 января (9 февраля) 1918 г. Священный Собор принял воззвание к верующим в связи с принятым Декретом, в котором содержался призыв к гражданскому неповиновению новой власти с целью понудить ее к изменению его наиболее болезненных для Церкви положений²¹⁷². В связи с этим особенно большое значение имело постановление Патриарха и Синода от 28 февраля 1918 г. «О деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти». Постановление было призвано регламентировать формы гражданского неповиновения новой власти и главной формой такого неповиновения называло объединения (коллективы) мирян. Первая треть этого документа была посвящена регламентации их деятельности:

2. Пастыри должны идти навстречу добрым начинаниям верующих, направленным к защите Церкви.

3. При приходских и бесприходских церквах надлежит организовывать из прихожан союзы (коллективы), которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства.

4. Союзы эти должны иметь просветительские и благотворительные задачи и именоваться, они могут быть под председательством мирянина или священника, но

---

²¹⁷⁰ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 29–30.

²¹⁷¹ Ср.: Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. С. 91–92.

²¹⁷² Следственное дело патриарха Тихона. Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 817–818.

не должны называться церковными или религиозными, так как всякие церковные и религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица.

5. В крайних случаях союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от отобрания в руки неправославных или даже иноверцев. Пусть храм и церковное достояние останутся в руках людей Православных, верующих в Бога и преданных Церкви²¹⁷³.

Аналогичные союзы предлагалось создавать при монастырях и учебных заведениях, причем в последнем случае активную роль в них – по мысли авторов постановления – должны были играть родители учащихся²¹⁷⁴. Высшая церковная власть напрямую апеллировала к мирянам, ожидая, что именно они станут главной силой, способной защитить Церковь в условиях гонений, и призывала епископат и духовенство поддерживать направленные на это инициативы мирян.

В этом контексте соборную дискуссию о приходском имуществе 10–17 апреля 1918 г., которую мы описали выше, можно увидеть в новом свете. С точки зрения эволюции текста приходского устава эта дискуссия не дала ничего нового. В конце нее Собор вернулся к той же конфигурации имущественных отношений в приходе, какая была предложена проектом приходского Отдела. Однако с точки зрения выработки соборной позиции по отношению к активности прихожан дискуссия была исключительно значима. В ходе нее Собор отошел от установки на сдерживание «приходской революции» и ограничение ее последствий. На первый план вышли задачи защиты Церкви от начинавшихся преследований и церковного достояния от расхищения, и в этом контексте роль прихожан и значение их активности выглядели совсем по-другому. В своей финальной фазе споры 10–17 апреля шли и об отношении к постановлению патриарха и Синода от 28 февраля 1918 г. Это ярко показывает цитировавшееся выше заявление 34-х членов Собора во главе со священником А. Масальским. И Собор своим итоговым голосованием,

---

²¹⁷³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 31.

²¹⁷⁴ Там же. С. 31–32

фактически, одобрил постановление Патриарха и Синода и содержащийся в нем призыв к организации мирянских союзов.

Летом 1918 г. новоизбранный Российский патриарх еще раз подтвердил свою приверженность этой позиции. Сам он исключительно благосклонно смотрел на активную деятельность мирян и их объединений. В июле 1918 г. в ходе своего визита в Петроград патриарх Тихон, в частности, говорил:

Я очень сочувствую участию мирян в церковной жизни и делу объединения приходских советов, ибо по опыту своему знаю, какую силу и мощь в церковном делании представляет собой мирской элемент, правильно направляемый. Миряне – живая сила. <...> Задача Братства не в том только, чтобы воодушевлять на мучения и смерть, но и наставлять, как надо жить, указывать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. Наше упование – это жизнь, а не смерть и могила. Меня утешает, что Приходские Советы объединяются, что все вы живете общим соборным разумом. И я уверен, что рано или поздно это будет везде, что в конце концов в каждой епархии будут такие Братства, объединяющие приходские общины²¹⁷⁵.

Другие иерархи Российской Церкви также оказывали значимую поддержку мирянским объединениям. Особенно последовательно в этом направлении действовал митрополит Петроградский Вениамин (Казанский)²¹⁷⁶.

Таким образом, позиция руководства Российской Православной Церкви по отношению к деятельности мирян и к их правам в приходе менее чем за год, с мая 1917 г. по апрель 1918 г. изменилась практически на противоположную. Сначала его усилия были направлены на ограничение последствий «приходской революции», которая воспринималась как разрушительная сила, а затем, напротив, – на поддержку мирянской активности. Особое значение с этой точки зрения имело постановление Патриарха и Синода от 28 февраля 1918 г. Последовавшая в первой половине апреля 1918 г. в общем собрании Собора дискуссия о приходском имуществе также знаменовала собой пере-

---

²¹⁷⁵ Современники о Патриархе Тихоне: Сб. в 2 ч. / Сост. и автор коммент. М.Е. Губонин. М., 2007. Ч. 1. С. 301–302.

²¹⁷⁶ Подробнее см.: Беглов А.Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е гг.: причины возникновения, типология и направления развития // Российская история. 2012. № 3. С. 98–99.

ориентацию соборян с попыток сдержать «приходскую революцию» – на мобилизацию прихожан на защиту Церкви и ее святынь. Весной 1918 г. стало очевидно, что усилия, направленные на обуздание «приходской революции» потерпели неудачу, «приходский термидор» не состоялся, напротив, произошла *легализация «приходской революции»* и ее последствий: прихожане продолжали распоряжаться приходским имуществом и выбирать священнослужителей. Новые власти *невольню способствовали* этому – гонениями на Церковь и своим законодательством. Тем самым легализация «приходской революции» стала возможна именно в условиях гонений; в ситуации мирного существования Церкви ее последствия были бы сильно ограничены, как это видно из проектов Священного Собора 1917–1918 гг. Однако именно самоуправление прихожан, ставшее следствием «приходской революции», позволило Русской Церкви пережить первый натиск большевистских гонений 1920-х гг. и противостоять обновленческому расколу. Союз епископата и самоуправляющихся приходов стал основой этого успешного противостояния²¹⁷⁷. Более того, «приходская революция» стала основой для *приходского возрождения* 1920-х гг.²¹⁷⁸

Вот, например, как описывали ситуацию в приходах на рубеже 1910–1920-х гг. только двое из современников:

«В этот год <1918 г.>, благодаря мудрому руководству Святейшего Патриарха Тихона, церковная жизнь в Москве чрезвычайно оживилась. Москва покрылась сетью братств, кружков и союзов, так как Патриарх отменил границы приходов и разрешил образование междуприходских братств²¹⁷⁹. К деятельности этих братств, руководимых наиболее ревностными пастырями, были широко привлечены и миряне: они пели, читали на клиросе, проводили беседы и даже выступали с

---

²¹⁷⁷ Ср.: Поляков А.Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви. Киров, 2009. С. 143.

²¹⁷⁸ Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. С. 86–105; Беллов А.Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е гг.: причины возникновения, типология и направления развития. С. 91–104.

²¹⁷⁹ В действительности образование межприходских братств (без отмены «границы приходов») было предусмотрено Приходским уставом, принятым Поместным собором Российской Церкви 1917–1918 гг. См. Приходский устав. Ст. 13. О союзах приходов // Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М., 1918. С. 39–41.

проповедями. По вечерам совершались акафисты с общенародным пением и беседами после них. Для детей, лишенных уроков Закона Божия, устраивались беседы с туманными картинками из Священной истории, молодежь собиралась отдельно и занималась изучением церковного устава, Евангелия и т. п.»²¹⁸⁰.

«...Когда наступила революция, и через какое-то время в Церкви почувствовалась значительная свобода и оживление <...> Батюшка отец Петр собирал детей, которых он поручал нам, уже взрослым подросткам, девушкам, и мы с этими детьми занимались <...> Сам отец Петр вел занятия по курсу Нового Завета и приглашал нас, молодых прихожанок и прихожан, <...> на квартиру к себе, где проводил эти занятия. Таким образом, мы можем отметить полноту богослужения, свободу и большое попечение о том, чтобы в жизнь этого храма, в богослужение были вовлечены молодые члены прихода, и часто мы устраивали особые своеобразные праздники»²¹⁸¹.

С января 1918 г. в малых и больших городах создавались сотни добровольных мирянских объединений. Возможно, самое известное из них — петроградское Александро-Невское братство, которое фактически было объединением прихожан лаврских храмов, но в том же Петрограде одновременно возникли и десятки небольших приходских братств. Они быстро осваивали все возможные формы приходской деятельности: просвещение, благотворительность, работу с детьми, молодыми людьми, социально неблагополучными слоями населения²¹⁸². В деревне все было скромнее, но деятельность обновленных приходов и здесь была очень заметна. По данным Г. Фриза, даже советские органы, например, на Украине фиксировали рост религиозности населения и даже численный рост священнослужителей в 1920-е гг.²¹⁸³ Заметно и стремительно менялся облик духовенства. Псаломщики из духовного сословия более не были востребованы, на их место приходили миряне. Обновлялся и состав священнослужителей. По оценкам того же Г. Фриза, до $\frac{2}{3}$

---

²¹⁸⁰ *Протоиерей С. Щукин. «Не гонитесь за большим» // Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 534. Ср. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь, 2000. С. 302.*

²¹⁸¹ *Игнатия, схимонахиня. Мой XX век // Альфа и Омега. 2008. № 1(51). С. 233, 235.*

²¹⁸² *Беглов А.Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е гг.: причины возникновения, типология и направления развития. С. 91–104.*

²¹⁸³ *Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. С. 97–103.*

священников, служивших к концу 1920-х гг., не были выходцами из духовного сословия²¹⁸⁴. Они были более зависимы от прихожан, чем раньше: теперь не было никаких вспомогательных доходов, кроме того, что готовы были пожертвовать верующие. Но и верующие теперь более ответственно подходили к содержанию действительно своего священника. А ведь на их плечи ложились все те колоссальные налоги, которые советская власть обрушивала на духовенство, и разнообразные платежи, которыми облагались храмы. Подлинная власть в приходе была у мирян: выборность духовенства продолжала действовать де факто, что прекрасно понимали епископы²¹⁸⁵.

Советская власть осознала свой невольный просчет к концу 1920-х гг., и в годы «великого перелома» нанесла удар по приходскому возрождению. Коллективизация, а затем репрессии 1930-х гг. обескровили приходы, уничтожили новые формы приходской активности (братства, кружки, союзы приходов). Годы «великого перелома», коллективизации и гражданской войны с крестьянством были и годами переориентации репрессий преимущественно против «черносотенного духовенства» на репрессии против «церковников», как теперь власти именовали активистов-мирян. Они стали одним из главных объектов террора в 1930-е гг. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» были запрещены все внебогослужебные формы приходской деятельности. Статья 17 этого законодательного акта гласила:

Религиозным объединениям воспрещается: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, ор-

---

²¹⁸⁴ Там же. С. 90.

²¹⁸⁵ Freeze G. Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // *Slavic Review* 1995. Vol. 54. P. 305–339; Фриз Г.Л. «Вся власть приходам». С. 93–95.

ганизовывать санатории и лечебную помощь. В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа²¹⁸⁶.

Кроме того, Постановлением 1929 г. предписывалось всем приходам перерегистрироваться по новым правилам, что было использовано для их закрытия. Первая по-настоящему массовая волна закрытия церквей шла вместе с коллективизацией. Она не была равномерной: в каких-то областях остались открытыми считанные проценты от дореволюционных приходов, в каких-то — половина и более. Раскулачивание было удобным поводом для уничтожения церковных активистов²¹⁸⁷. Одновременно поднимались налоги на духовенство, увеличивались платежи с церквей, что в итоге ложилось на обескровленных коллективизацией прихожан. Но потенциал приходов все еще был значителен. Об этом свидетельствовала волна протестов против закрытия церквей и в правовом поле (жалобы в различные инстанции), и в виде физического сопротивления гонителям²¹⁸⁸. Так, по данным, опубликованным Г. Фризом, в 1928–1930 гг. число письменных обращений в центральные органы власти с протестами против закрытия церквей выросло более чем в 6 раз (с 2861 до 17637), равно как и число ходоков (с 946 до 6029)²¹⁸⁹.

В 1935–1936 гг., во время обсуждения проекта новой конституции СССР, констатировавшей, в частности, равные права его граждан (и значит, отменявшей категорию «лишенцев», к которой относилось духовенство) и свободу собраний, поток жалоб снова (после некоторого спада в 1932–1933 гг.) увеличился. Прихожане и священники пробовали проявлять даже политическую активность. Они пытались участвовать в избирательной кампании и выдвигать своих кандидатов, ведь первоначально по новому избирательному закону это могли делать любые зарегистрированные организации,

---

²¹⁸⁶ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 250–261.

²¹⁸⁷ Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 62–69.

²¹⁸⁸ Фриз Г.Л. Православие, власть и секуляризация в России. 1860–1940. Фрагменты 25–26.

²¹⁸⁹ Freeze G. Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg*; *Neue Wege der Forschung* / ed. M. Hildermeier. München, 1998. P. 232.

а приходы были зарегистрированы²¹⁹⁰. В этом контексте весной 1937 г. власть обсуждала возможность лишения регистрации всех низовых религиозных объединений страны, но этот шаг был слишком рискованным с точки зрения международного имиджа СССР. Проще было прибегнуть к испытанным чекистским методам: антиприходская кампания — массовое и практически повсеместное закрытие церквей — стала одной из составляющих Большого террора в отношении Церкви наряду с репрессиями против духовенства и «церковников»-мирян. К концу 1930-х гг. на территории СССР осталось лишь несколько сотен действующих храмов — с приходским возрождением было покончено²¹⁹¹.

Но тысячи закрытых приходов не исчезли. Они продолжали свое существование за границами легальности. Их члены продолжали молиться, совершать крестные ходы, творить дела милосердия. Между тем в отсутствие духовенства лидирующие позиции в них все чаще занимали миряне, мужчины и женщины или монахини. В этих условиях сохранить свою церковную идентичность подпольным приходам было все сложнее²¹⁹². Многие из них вернулись к легальному существованию во время войны, особенно на оккупированных территориях, здесь они смогли даже вернуть себе отобранные храмы²¹⁹³. Однако после освобождения они оказывались в новых условиях:

---

²¹⁹⁰ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е гг.: Деревня. М., 2008. С. 315–316.

²¹⁹¹ *Freeze G.* Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941. P. 209–232; *Фриз Г.Л.* Православие, власть и секуляризация в России. 1860–1940. Фрагменты 27–31; *Беглов А.Л.* Большой террор и антиприходская кампания 1937–1938 гг. Доклад на XXIII Ежегодной Международной Богословской конференции ПСТГУ. Секция «1937 год в истории Русской Православной Церкви». 16 ноября 2012 г.; *Его же.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 35–36, 62–72, 202–230 и др.

²¹⁹² *Freeze G.* Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg; Neue Wege der Forschung* / ed. *M. Hildermeier.* München, 1998. P. 209–232; *Фриз Г.Л.* Православие, власть и секуляризация в России. 1860–1940. Фрагменты 27–31; *Беглов А.Л.* Большой террор и антиприходская кампания 1937–1938 гг. Доклад на XXIII Ежегодной Международной Богословской конференции ПСТГУ. Секция «1937 год в истории Русской Православной Церкви». 16 ноября 2012 г.; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 35–36, 62–72, 202–230 и др.

²¹⁹³ *Алексеев В.И., Ставру Ф.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // *Русское возрождение.* 1980. № 11. С. 91–118; № 12. С. 108–126; 1981. № 1(13). С. 75–97; № 2(14). С. 118–154; № 3(15). С. 85–100; № 4(16). С. 91–121; № 5(17). 97–114; № 6(18). С. 105–125; *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории

церковное возрождение 1940-х гг. шло под жестким контролем советской власти. Приходы должны были зарегистрироваться и сформировать «исполнительные органы» в соответствии с требованиями Постановления 1929 г., согласно которому приходское собрание заменялось двадцаткой (пятидесяткой на Украине), председателем приходского совета был староста, он и распоряжался всем церковным хозяйством, а священник был только наемным служащим прихода. При этом священнослужители должны были получить разрешение на свое служение в новосозданном Совете по делам Русской Православной Церкви.

Священноначалие попыталось восстановить роль священника в хозяйственной жизни прихода. Первый такой опыт был сделан уже в 1941–1944 гг. в Прибалтийском экзархате Русской Православной Церкви под руководством митрополита Сергия (Воскресенского), распространявшем свое влияние на оккупированные территории российского северо-запада. Здесь были введены правила приходской жизни с четким подчинением священника епископу и с передачей в руки настоятеля храмового хозяйства. Прихожане, привыкшие к иным порядкам, неохотно отдавали власть духовенству. Характерный в этом отношении конфликт возник в 1942 г. в приходе села Аксенова Гора Псковской области. Здесь настоятель потребовал у старосты передать ему все церковные суммы, но тот отказался это сделать, сославшись на букву «церковного устава». Приходский совет поддержал старосту, но настоятель прихода отказался причащать его до тех пор, пока тот не исправится. Примечательно, что прихожане не пошли на уступки, а пожаловались на «произвол настоятеля» экзарху митрополиту Сергию²¹⁹⁴.

СССР). М., 2002; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб»; *Обозный К.П.* История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М., 2008.

²¹⁹⁴ *Обозный К.П.* Проблема церковного управления православными приходами на Псковщине в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.) и в период нового курса (1944–1949 гг.). Доклад на XXIV Ежегодной Международной Богословской конференции ПСТГУ. Секция «Актуальные проблемы истории Русской Православной Церкви. 21 января 2014 г.; *Обозный К.П.* К вопросу о церковном управлении православными приходами на Псковщине в годы немецкой оккупации и в период «нового курса» // Свет Христов просвещает всех. Альманах Свято-Филаретовского института. Вып. 17. М. 2016. С. 43–78; *Обозный К.П.* История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. С. 348–349.

Тот же принцип централизации приходского управления в руках настоятеля был положен в основание приходского устройства всей Русской Церкви в Положении об ее управлении, принятом на Соборе 1945 г. В нем была выстроена четкая управленческая вертикаль: Патриарх — епископ — настоятель прихода, причем последний выступал как главный ответственный и за религиозную, и за хозяйственную его деятельность. Такая конструкция в общем была оправдана условиями, в которых находилась Церковь, она позволяла мобилизовать силы и быстро перераспределить ресурсы от устойчивых в материальном отношении приходов к слабым, к нуждающимся монастырям и учебным заведениям. Власть, заинтересованная во внешнеполитической активности Русской Церкви и (снова!) в деньгах ее прихожан в виде взносов в различные фонды, закрывала глаза на противоречие такого устройства с Постановлением 1929 г.²¹⁹⁵

О противоречии вспомнили в конце 1950-х гг., когда новое руководство партии и страны повело новую атаку на Церковь и нанесло удар по самому чувствительному месту — приходу. В 1961 г. Церкви была навязана так называемая «административная реформа». Соответствующее постановление было принято Священным Синодом 18 апреля 1961 г., а затем утверждено на Архиерейском соборе в июле того же года²¹⁹⁶. В соответствии с новыми правилами настоятель был отстранен от управления приходским хозяйством, главным материально ответственным лицом в приходе снова стал староста. К нему советские органы относились теперь очень внимательно и подбирали кандидатов на эту должность из удобных для себя лиц. При этом для целей власти не нужно было ставить своих людей во все примерно 7000 храмов страны, оставшихся открытыми к середине 1960-х гг., достаточно было поставить их только в самые богатые храмы епархии — в соборы и кладбищенские, а их было всего лишь 200–300 по всей стране. На такое ко-

---

²¹⁹⁵ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 213–214.

²¹⁹⁶ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М., 2004. С. 112–121.

личество мест кандидатов у власти было в избытке²¹⁹⁷. Староста кафедрального собора мог контролировать епископа, так как контролировал его финансы, через него же власть могла косвенно влиять на центральное церковное управление, поскольку контролировала отчисления епархий в Патриархию, она могла пресечь финансирование «лишних» с ее точки зрения приходов, монастырей и духовных школ. Эти возможности власть реализовала в ходе хрущевских гонений, но основной вектор антицерковной политики и политики в отношении приходов сохранялся до середины 1980-х гг.

Тогда, в условиях кризиса советской социально-политической системы наступил и кризис системы контроля над религиозными организациями, основанный на законе 1929 г., который, впрочем, был отменен только в октябре 1990 г. Епископы избавлялись от поставленных соответствующими органами старост, снова открывались храмы. В 1988 г. на юбилейном Соборе, посвященном 1000-летию Крещения Руси, Русская Церковь приняла новый Устав, заменивший Положение об управлении в редакции 1961 г. Его раздел о приходе представлял собой комбинацию положений приходского устава Поместного Собора 1917–1918 гг. и Положения об управлении в редакции 1945 г. Некоторые статьи были буквально заимствованы из соборного устава, например, определение прихожан. Решение Архиерейского собора 1961 г. об отстранении настоятеля от управления хозяйственной деятельностью в приходе было отменено. Одновременно за приходскими собранием и советом закреплялись достаточно широкие полномочия по устройению приходской жизни. Соответствующие разделы устава, по сути, представляли собой сокращенное изложение глав о приходском собрании и совете устава Собора 1917–1918 гг. Характерно, что если по соборному уставу председателем приходского совета непременно был настоятель прихода, то в уставе 1988 г. го-

---

²¹⁹⁷ О взаимоотношениях епархиальных архиереев с такими старостами см.: Из дневника архиепископа Саратовского и Вольского Пимена // *Архиепископ Саратовский и Вольский Пимен (Хмелевской)*. Всегда с Богом / под ред. В.А. Динеса, сост. А.А. Яковлев. Саратов, 2000. С. 102, 104, 107, 109–112, 118–122, 125, 145, 149, 155, 168–171, 175–178, 182–183, 191–192, 194; *Пимен (Хмелевской), архиеп.* Дневники. Саратовская епархия. Часть 2: 1985–1993. Саратов, 2014. С. 666–667, 669–670.

ворилось, что председателем совета «может быть избран и настоятель». От советского законодательства 1929 г. новый устав Русской Православной Церкви наследовал такой приходский орган как ревизионная комиссия, которая должна была проводить ревизию финансово-хозяйственной деятельности приходского совета и отчитываться перед приходским собранием²¹⁹⁸. Напомним, что согласно уставу 1918 г., совет предоставлял финансовые отчеты непосредственно приходскому собранию, кроме того, право ревизии деятельности совета принадлежало епархиальной власти.

Начиная с 2000 г. в разделы устава Русской Православной Церкви, регламентирующие деятельность прихода, был внесен ряд изменений, которые постепенно усиливали участие епархиальной власти в приходской жизни. Если в редакции 1988 г. органами приходского управления назывались приходское собрание, приходский совет и ревизионная комиссия, то в редакции 2000 г. этот ряд был расширен и первым в нем был назван настоятель, а в редакции 2011 г. перед настоятелем – епархиальный архиерей. Председательство в приходском совете было передано сначала старосте прихода по должности (хотя и сохранялась оговорка, что настоятель прихода может быть избран на эту должность), а затем – настоятелю. Особенно важно, что в последней версии устава закреплено право епархиального архиерея «своим единоличным решением» «полностью или частично» изменять состав приходского собрания, отстранять от должности членов приходского совета и заменять его председателя²¹⁹⁹. В части регулирования состава приходского совета нечто подобное нам уже встречалось в саблеровском проекте приходского устава, но право регулировать состав приходского собрания за епархиальным архиереем закреплено впервые. Баланс между иерархическим и со-

---

²¹⁹⁸ Устав об управлении Русской Православной Церкви. М., 1989.

²¹⁹⁹ О внесении изменений и дополнений в Устав Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 3. С. 76.

борным началом, который тщательно выстраивал Собор 1917–1918 гг.²²⁰⁰, в действующем уставе заметно смещен в сторону первого из них.

Сегодня православный приход в России и других странах бывшего СССР совсем другой, чем век назад. Это новая социальная структура, которая еще ждет своего систематического изучения²²⁰¹. Прежде всего нужно отметить, что современный приход, как и до XVIII в. действует в ситуации плюрализма форм окормления мирян. Последние обращаются со своими духовными нуждами не только в приходские храмы, но и в соборы, и в монастыри. Ни приходское духовенство, ни епархиальные власти сегодня не говорят о монополии прихода на такое окормление. Приход уже не основан на территориальном принципе. В действующем Уставе Русской Православной Церкви закреплён добровольный принцип формирования прихода:

Приход образуется по добровольному согласию верующих граждан православного вероисповедания, достигших совершеннолетия, с благословения епархиального архиерея.

И в светском, и в церковном законодательстве отсутствуют акты, которые прикрепляли бы верующих определенной территории именно к данному приходу, да и реализовать на практике такое прикрепление не представляется возможным. В 2014 г. Священный Синод Русской Православной Церкви «признал затруднительным» воссоздать тот порядок, что действовал до революции, хотя и счел нужным установить границы приходов для четкого понимания того, к ведению какого причта относится то или иное сельское поселение или медицинское и образовательное учреждение (Журнал № 74 от 25 июля 2014 г.). Кроме того, более 70% населения России проживает сегодня в городах, где есть выбор между храмом приходским, монастырским или соборным. А там, где есть выбор, прихожане выбирают себе приход, руковод-

---

²²⁰⁰ Подробно об этом см.: *Беглов А.Л.* Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1(34). С. 51–73.

²²⁰¹ Один из первых опытов такого изучения представлен в сборнике: Приход и община в современной православии: корневая система российской религиозности / под ред. *А. Агаджаняна, К. Русселе.* М., 2011.

ствуюсь самыми разными соображениями (духовными, психологическими, экономическими). Тем самым они выбирают себе и пастырей.

Прихожане, как и прежде, являются сегодня жертвователями приходских средств, но редко участвуют в распоряжении ими, равно как и в распоряжении храмовым имуществом. Последнее является или государственной собственностью, или закреплено за епархией, но сегодня церковный народ не заявляет о несправедливости такого положения. Приходское имущество сегодня далеко не всегда создано руками прихожан и на их средства, и чувство причастности к созданию «своего храма», которое объединяло прихожан начала XX в., для большинства современных верующих уже не столь актуально. Вместе с тем вокруг стабильных приходов – особенно вне крупных городов – в постсоветский период возникли сети разветвленных горизонтальных связей, которые как раз и обеспечивают влияние Церкви на микроуровне. При этом большая часть этих связей замыкается на приходском священнике и сложившемся вокруг него ядре активных мирян²²⁰². Поэтому так болезненно переживаются перемещения священника в сложившихся и устойчивых приходах: разрываются микро-социальные связи, которые выстраивались годами или даже десятилетиями. Представляется, что наличие приходского ядра – это то, что роднит современный приход с той социальной общностью, которая сформировалась в начале советского периода в результате «приходской революции» и гонений со стороны советской власти.

---

²²⁰² Там же. С. 37–140.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русский православный приход в первые шесть веков своей истории развивался благодаря частной инициативе, которая исходила от общины или от частного лица. Эти субъекты приходских отношений строили храм, обеспечивали его содержанием, выдвигали кандидатов на священно- и церковнослужительские должности. Религиозная жизнь была неотъемлемой частью жизни древнерусского общества. Вместе с тем господство частнопровых отношений в приходской сфере приводило к развитию таких непривлекательных явлений в церковной жизни как использование храмов и церковных мест в качестве доходных статей, что было характерно не только для светских лиц, но и для владельцев таких мест из числа духовенства. Само духовенство не было в то время отделено от земского мира. Несмотря на то, что принцип наследования церковного служения достаточно широко был известен на Руси, это не привело к формированию в допетровскую эпоху особого духовного сословия.

Церковные власти до определенного момента признавали частнопровой характер приходских отношений; их участие в жизни прихода ограничивалось сбором «архиерейской дани» и поставлением священнослужителей, избранных общиной или вотчинником. Но со второй половины XVII в. церковные власти при поддержке власти царской повели наступление на автономию земского мира в религиозной сфере. Важнейшими составляющими этого наступления были уменьшение роли «покаяльной семьи», утверждение территориального принципа формирования прихода, подчинение контролю епархиальной власти приходского духовенства и приходских финансов, урегулирование мирянских практик. С началом имперского периода в истории России церковные реформы, вытеснявшие земский мир из религиозной сфе-

ры, были продолжены, но дополнены новой политикой, направленной на подчинение Церкви и ее институтов интересам государства.

В течение XVIII в. духовенство стало объектом целенаправленной политики, направленной на превращение его в замкнутое сословие – уходило в прошлое выборы священнослужителей, сословный характер приобретала духовная школа. Одновременно сословие было поставлено на службу государству, закрепощено им. Государственная барщина заключалась в ведении духовенством различной документации в интересах государства, совершении богослужений в «торжественные и викториальные дни», наблюдении за старообрядцами и религиозностью прихожан и т.д. В крепостной зависимости, по крайней мере, в течение XVIII в. духовенство находилось и от церковной администрации. Введение приходских штатов было частью политики государства в отношении «второго сословия», так как – наряду с разборами «духовного чина» – вело к его численному сокращению. Однако введение штатов имело и иные последствия: происходила дезинтеграция прихода и земской общины; приход освобождался от экстрарелигиозных функций, которые принимала на себя коронная администрация; шло укрупнение приходов, направленное на ликвидацию тех из них, что были экономически несостоятельны. Последнюю цель поддерживала и иерархия, и в городах она была достигнута.

В начале XIX в. государственным интересам был подчинен и сам православный приход. В ходе реформы 1808 г. были реквизированы накопленные приходами средства, основную часть своих доходов они теперь ежегодно должны были отправлять в вышестоящие инстанции для финансирования духовных учебных заведений, хозяйство приходов было поставлено под контроль причта и старост, последние при этом перестали быть подотчетны приходским общинам. Фактически, приход перестал существовать как самоуправляемая общность, но остался территориально-административной и фискальной единицей. Реформа 1808 г. имела далеко идущие последствия. Участие прихожан в приходских делах было сведено к минимуму, как следствие

росла их индифферентность в отношении церковных дел, происходила утрата доверия к церковным сборам и церковной администрации. Клир все больше воспринимался как бюрократический и фискальный агент высших властей, что порождало отчуждение между ним и мирянами. Изъятие основной части приходского дохода и все более усиливавшееся фискальное давление на приходы вели к обнищанию значительной их части. Попытки прихожан и (на первом этапе) причтов спасти приходское хозяйство и уклониться от сдачи церковным властям всех свечных денег приводили к появлению «черных» приходских касс, к развитию теневой приходской экономики, что впоследствии открыло путь для обширных злоупотреблений старост и клира. Реформа 1808 г. сформировала условия для долговременного кризиса прихода.

1860-е гг. стали временем первой попытки приходских преобразований после реформы 1808 г. Задача реформаторов состояла в улучшении материального обеспечения духовенства; сам приход оказывался только средством для достижения этих целей. Однако организация обладавших ограниченными возможностями приходских попечительств не привела к желаемому результату. Как показали позднейшие отзывы, попечительствами не были удовлетворены ни миряне, ни духовенство, ни епископат. Как правило, эти организации становились своего рода разрешенной законом формой деятельности в приходской сфере органов крестьянского самоуправления, роль которых в пореформенный период возрастала, хотя и была неформальной. Но тем, кто близко наблюдал приходскую жизнь, эта роль была хорошо известна. Также, вопреки планам реформаторов, не была демонтирована сословная замкнутость духовенства. Одновременно государственный утилитаризм, особенно ярко проявивший себя в политике укрупнения приходов, продолжал осложнять внутрицерковную жизнь.

К.П. Победоносцев отказался от экстремумов предшествующей политики. Он снова планировал решить проблему материального обеспечения духовенства и в какой-то степени признать роль прихожан, прежде всего, цензовых элементов в приходской организации. Но эти реформы были ограничены

по замыслу и так и не реализованы. Выплаты из государственного казначейства не решали проблему материального обеспечения клириков. Приходы продолжали нести тяжелое фискальное бремя, в том числе на сословные нужды. Это обстоятельство вместе с обременительным приходским делопроизводством наносило вред пастырским обязанностям духовенства.

Между тем реформы 1860-х гг. и их неудача вызвали к жизни дискуссии о наличном положении и подлинно церковном устройстве православного прихода. Понимание его кризисного состояния, хотя и не всегда признавалось публично, постепенно становилось всеобщим. Среди некоторых представителей епископата и духовенства родилась идея оживления религиозного ядра прихода – создания приходского братства. Православная общественность, прежде всего, славянофилы и их последователи, также критически осмысляла состояние прихода и предлагала возродить его общественную составляющую. К концу века идея «возрождения древнерусского прихода» усилиями А.А. Папкова вошла в поле зрения самых разных общественных сил. Одновременно приходский вопрос стал рассматриваться в контексте реформы местного самоуправления. Тем временем в Финляндии разрабатывался документ, призванный регламентировать разнообразные стороны жизни православного прихода, по сути, приходский устав. Под влиянием финляндских дискуссий проект такого устава А.А. Папковым был создан и для России.

Первые 17 лет XX века – ключевой период в истории приходского вопроса. Тогда казалось, что долгожданные приходские преобразования близки как никогда. Начинаясь с брожения в приходах во время революции 1905–1907 гг. При этом уроки из событий революционного времени были извлечены противоположные. Часть иерархии, интеллектуалов, государственных и общественных деятелей увидела в этих событиях указание на необходимость ускорить приходские преобразования. Последние рассматривались как один из тех факторов, который может предотвратить новый революционный кризис и крах российской государственности. Другая часть,

напротив, увидела в «забастовках старост» и других выступлениях мирян за свои права указание на возможные последствия приходских преобразований и расширения самостоятельности прихода и прихожан. Эти иерархи и церковные интеллектуалы встали на строго охранительные позиции. Особую, крайне настороженную позицию по отношению к возможной реформе заняло приходское духовенство, осознавшее, что преобразования несут в себе угрозу как сословному строю, так и сложившейся системе финансирования духовных учебных заведений, в которых учились сыновья приходских священников.

В области научного и публицистического обсуждения приходского вопроса рассматриваемый период был исключительно плодотворным. Научные изыскания о древнерусском приходе начала XX в. привели к результатам, которые в основных чертах соответствуют нашему современному пониманию его истории. В поле зрения общественности попали не только древнерусский приход, но и приход греческого Востока. На новый уровень вышли дискуссии о канонической природе православного прихода. Одновременно наблюдалась поляризация представлений о низовой церковной единице. Четко заявили о себе два подхода к ее будущему: «институтный» и «общественный». При этом делались попытки их синтеза, что мы наблюдали в деятельности Н.Д. Кузнецова и в отзывах чиновников министерства внутренних дел. С точки зрения значимости ключевым было обсуждение приходского вопроса в Предсоборном присутствии. Тогда прозвучали все аргументы обеих сторон, последующие выступления носили уточняющий характер, участники дискуссии постоянно прямо или косвенно возвращались к дебатам 1906 г.

С Предсоборного присутствия началась 10-летняя история разработки устава православного прихода. Между 1906 и 1916 гг. в духовном ведомстве было подготовлено шесть редакций этого устава. С точки зрения двух ключевых проблем приходского вопроса – допуска мирян к управлению церковным имуществом и к участию в выдвижении членов причта – в синодальных проектах просматривались общие черты. В них проводилось разделение

юридических лиц и категорий имущества на храмовое и приходское и разрабатывалась процедура рекомендации своего кандидата в члены клира. Обе эти меры рассматривались создателями проектов как компромиссные. Отличие редакций состояло в том объеме полномочий, которыми они наделяли органы приходского управления: самостоятельность приходского собрания и совета постепенно уменьшалась. Параллельно работе в духовном ведомстве создавались иные проекты – частными лицами (И.С. Бердников), епархиальными съездами (Рижский «епархиальный собор»), различными фракциями Государственной думы.

В определенной степени думские проекты были квинтэссенцией общественного взгляда на приходскую реформу. Для них было характерно лояльное отношение к расширению прав прихожан по распоряжению храмовым имуществом и рекомендации своего кандидата в члены причта. Одновременно самые проработанные проекты (прежде всего, прогрессистов) предполагали комплексный подход к церковным проблемам. Они планировали разрешить приходский вопрос вместе с застарелым вопросом о материальном обеспечении духовенства и предлагали для этого нестандартные решения. Важно отметить, что и светская бюрократия, прежде всего главы министерства внутренних дел и их сотрудники придерживались аналогичного взгляда на перспективы приходских преобразований. На протяжении всего рассмотренного периода они выступали за предоставление прихожанам прав распоряжаться церковного-приходским имуществом и участвовать в назначении приходских священно-церковнослужителей и критично относились к синодальной версии приходской реформы.

Вместе с тем для взаимоотношений духовного ведомства и Государственной думы в связи с приходским вопросом было характерно все более обострявшееся в течение периода противостояние. Ведомство отвергало попытки Думы предложить решение комплекса соответствующих проблем, даже когда в составлении проектов участвовали депутаты-священники и епископы. Законодательная палата крайне болезненно реагировала на инициати-

вы ведомства, направленные на сужение ее законодательной компетенции. Судьба думских и синодальных проектов является еще одной иллюстрацией того противоречивого положения, в каком оказалась в условиях думской монархии Российская Церковь, управленческие структуры которой не были отделены от государственных. Следствием того, что приходский вопрос оказался в центре противостояния ведомства православного исповедания и народного представительства, стала его нарастающая политизация, пик которой пришелся на последний год Российской империи.

К февралю 1917 г. не получили разрешения ни приходский вопрос, ни вопрос о материальном обеспечении духовенства. История приходской реформы в межреволюционный период – еще один пример кризиса имперской государственной машины в целом и синодальной системы государственно-церковных отношений в частности. Ни та, ни другая оказались неспособны хоть в каком-то виде провести реформу, необходимость которой была признана и императором, и бюрократией, и обществом. Осталось непреодоленным и застарелое социальное размежевание (в том числе, между сословным духовенством и прихожанами), ставшее причиной бурных столкновений между различными общественными группами внутри Церкви в весенние месяцы 1917 г.

Крушение Российской империи повлекло за собой изменение социальных механизмов и можно сказать породило множество революций, в том числе «революцию церковную» и «революцию приходскую». Долгое время накапливавшиеся противоречия разрешились в считанные недели после февраля 1917 г. Прихожане явочным порядком реализовали ту реформу, о которой так долго говорили энтузиасты приходского вопроса. Миряне стали распоряжаться церковно-приходским имуществом, отстранять и выбирать членов приходского причта. Последнее, хотя и не было повсеместным и массовым явлением, запустило процесс разрушения духовного сословия, завершившийся в 1920-е гг. «Приходская революция» повлекла за собой и перестройку отношений между приходом и епархией: епископы должны были

считаться с позицией прихожан и апеллировать к ним, в частности, в вопросе о назначении священно- и церковнослужителей.

Вместе с тем «приходская революция» не могла не встретить противодействие на разных уровнях. Явочным порядком реализованное «выборное начало» вызывало озабоченность как сословного духовенства, так и епархиальных и центральных церковных властей. Начиная с весны 1917 г. церковные власти пытались осуществить «приходский термидор» и ревизовать последствия «приходской революции» прежде всего в части отстранения и назначения членов причта, а затем и в сфере распоряжения церковно-приходским имуществом. В этом русле поначалу действовал и Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Подготовленный его Отделом «о благоустроении прихода» проект приходского устава предусматривал по обоим ключевым вопросам реализацию компромиссной схемы. Право прихожан выбирать священников было уравновешено двойным епископским фильтром, через который должны были пройти кандидаты. Приходское и храмовое имущество предполагалось разделить и ограничить право прихожан распоряжаться последним. При этом статьи о выборах духовенства были пересмотрены общим собранием Собора, что, фактически, привело к отказу от выборности и к возвращению к системе назначения клириков епископом. Однако, судя по реакции с мест, такой вектор соборных решений не устраивал прихожан на местах, и попытки их реализации могли привести к возникновению череды конфликтных ситуаций. Впрочем, до реализации соборных постановлений дело не дошло. «Приходский термидор», как ни парадоксально, был сорван большевистскими гонениями.

В условиях начавшихся на рубеже 1917–1918 гг. преследований духовенства и верующих со стороны советской власти именно миряне и их объединения стали восприниматься как сила, способная защитить Церковь. Большевистское руководство невольно способствовало этому, поскольку Декрет об отделении Церкви от государства, не признавая центральные и епархиальные церковные институты, оставлял место для легальной деятельности

низовых религиозных структур. Значимыми вехами в адаптации церковного сознания к новой реальности стали постановление Патриарха и Синода от 28 февраля 1918 г. и дискуссия на Соборе 1917–1918 гг. о приходском имуществе, состоявшаяся в апреле 1918 г. В результате к лету 1918 г. произошла легализация «приходской революции» и ее последствий. Все эти события создали условия для бурного приходского возрождения 1920-х гг., частью которого был расцвет братств, приходских союзов и других подобных организаций.

Советская власть осознала свой невольный просчет к концу 1920-х гг., и в годы «великого перелома» нанесла удар по приходскому возрождению. Коллективизация, а затем репрессии 1930-х гг. обескровили приходы, уничтожили новые формы приходской активности (братства, кружки, союзы приходов). Но еще и в 1940–1950-е гг. были слышны отголоски «приходской революции», например, в деятельности общин закрытых церквей, нелегальных с точки зрения советского законодательства, и в мощном церковном возрождении на оккупированных территориях в 1941–1942 гг. Сама советская власть начиная с 1929 г. строго регламентировала приходскую жизнь, сужая ее возможности и создавая механизмы контроля за религиозной активностью. Особенно разрушительной в этом отношении стала «административная реформа» 1961 г. Она создала не только механизмы контроля за процессами внутри Церкви, но и постоянно тлеющие конфликты, что было на руку власти. Поэтому отказ от системы приходского управления, созданной в 1961 г., был одной из главных задач иерархии и духовенства начиная со второй половины 1960-х гг., но удалось это осуществить только через 20 лет. Бурный рост приходов в 1980–2000-е гг. (с 6893 в СССР в 1988 г. до 34764 в 2016 г. на той же территории) привел к формированию новой социальной структуры, которая имеет мало общего с дореволюционным приходом, но в некоторых чертах обнаруживает сходство с приходом пореволюционного времени.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Статистические данные о православных приходах Российской империи в 1860 и 1913 гг.

Основными единицами статистического описания низовой церковной жизни в официальной церковной статистике, отраженной в отчетах обер-прокурора Святейшего Синода, были *церкви* (храмы) и *духовенство*. Поэтому мы *не имеем* точных сведений о том, сколько в империи было православных приходов. Чтобы получить сколько-нибудь релевантные цифры, мы должны прибегнуть к серии вычислений. Покажем ход таких вычислений на примере материалов за 1913 г.

Отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1913 г. сообщает, что на территории империи действовали 53 902 церкви. Однако эта цифра включает соборы, в том числе бесприходные, церкви монастырские, приписные, походные, миссионерские и кладбищенские, а также храмы военного и придворного ведомств. Для того, чтобы приблизиться к пониманию, какое количество из этих церквей было собственно приходскими, из общего числа храмов следует исключить церкви приписные, походные, миссионерские, монастырские, соборы военно-морского духовенства, придворного ведомства и московской синодальной конторы, а также 65 (по числу епархий) кафедральных епархиальных соборов, при которых точно не было приходов. Мы получим 46 092 церквей.

Но на этом наше выяснение числа приходов не только не заканчивается, но и сталкивается с рядом трудностей. У нас нет сводных данных о том, при скольких не кафедральных соборах (в их числе были, например, уездные соборы) были приходы, а какое количество из них было бесприходными. Аналогичным образом у нас нет таких данных и по кладбищенским церквам. В наших подсчетах, результаты которых отражены в таблицах этого приложе-

ния, все не кафедральные соборы и кладбищенские церкви мы считали приходскими. С другой стороны, проблему представляет оценка приходского статуса домовых церквей при казенных учреждениях (в 1913 г. их было 2 480). Формально они приходскими не являлись, но фактически могли ими быть. Некоторые из них имели метрические книги для записи прихожан и даже платили, как и приходские церкви, епархиальные взносы. Однако данные о том, какая часть домовых церквей была в реальности приходскими не найдены, а возможно, и не существовали. В наших подсчетах все домовые церкви мы относим к бесприходным.

В результате мы получим 43 424 церкви, которые со всеми описанными выше допущениями считаем приходскими. Отметим еще раз. Полученное число не отражает с абсолютной точностью количество православных приходов Российской империи в соответствующий период, оно условно по крайней мере уже потому, что среди соборов и кладбищенских церквей, которые в наших подсчетах отнесены к приходским, были и бесприходные, а среди домовых – фактически приходские. Но несмотря на свою условность, нам представляется, что поученный результат все же отражает количественный порядок приходов в Российской империи.

Таблица 1. Численность православных приходов (приходских церквей) по регионам в 1860 и 1913 гг.

Епархии	1860	1913
Центральные Российские		
1) Владимирская	1080	1176
2) Воронежская	741	1008
3) Калужская	624	630
4) Костромская	992	1117
5) Курская	933	1092
6) Московская	1202	1294
7) Орловская	875	927
8) Рязанская	867	948
9) Смоленская	658	723
10) Тамбовская	943	1222
11) Тверская	959	1027
12) Тульская	853	871

13) Ярославская	854	897
По региону:	11581	12932 (+11,7%)
Северные и северо-западные		
14) Архангельская	251	498
15) Вологодская	719	798
16) Новгородская	646	813
17) Олонецкая	250	324
18) Псковская	408	418
19) С.-Петербургская	287	356
По региону:	2561	3207 (+25,2%)
Поволжские и уральские		
20) Астраханская	101	205
21) Вятская	499	766
22) Екатеринбургская ²²⁰³	–	516
23) Казанская	433	679
24) Нижегородская	838	999
25) Оренбургская	146	667
26) Пензенская	669	823
27) Пермская	649	499
28) Самарская	535	1067
29) Саратовская	607	825
30) Симбирская	549	723
31) Уфимская	212	481
По региону:	5238	8250 (+57,5%)
Новороссийские		
32) Владикавказская ²²⁰⁴	–	175
33) Донская	224	714
34) Екатеринославская	372	724
35) Ставропольская (в 1860 г. – Кавказская)	150	597
36) Гаврическая	113	365
37) Херсонская	441	647
По региону:	1300	3222 (+147,9%)
Малороссийские		
38) Киевская	1265	1405
39) Полтавская	1038	1169
40) Харьковская	670	857
41) Черниговская	1027	1068
По региону:	4000	4499 (+12,5%)
Западные и прибалтийская		
42) Варшавская	31	74
43) Вольнская	1301	1476
44) Гродненская ²²⁰⁵	–	493
45) Литовская	604	319
46) Минская	748	831
47) Могилевская	567	660

²²⁰³ Выделена из состава Пермской епархии в 1885 г.

²²⁰⁴ Образована в 1885 г. в составе Грузинского экзархата; включала Терскую область, до 1885 г. находившуюся в составе Ставропольской епархии. В 1894 г. выделена из состава экзархата.

²²⁰⁵ Образована в 1900 г. на территории, прежде входившей в Литовскую епархию.

48) Подольская	1398	1496
49) Полоцкая	362	422
50) Рижская	136	207
51) Холмская ²²⁰⁶	–	312
По региону:	5147	6290 (+22,2%)
Сибирские и дальневосточные		
52) Благовещенская ²²⁰⁷	–	120
53) Владивостокская ²²⁰⁸	–	173
54) Енисейская ²²⁰⁹	–	263
55) Забайкальская ²²¹⁰	–	221
56) Иркутская	214	228
57) Камчатская (до 1899 г.)	76	–
58) Омская ²²¹¹	–	401
59) Тобольская	366	403
60) Томская	519	835
61) Якутская ²²¹²	–	120
По региону:	1175	2764 (+135,2%)
Среднеазиатская		
62) Туркестанская ²²¹³	–	129
Другие		
63) Кишиневская	791	932
64) Финляндская ²²¹⁴	–	35
65) Грузинский экз.	1102	1164
Всего:	32895	43424 (+32,0%)

В подсчеты включались церкви приходские и ружные, а также соборы, имеющие приходы (по данным 1860 г.), и все соборы за исключением одного кафедрального в каждой епархии (по данным 1913 г.), церкви единоверческие и кладбищенские. Не включались церкви домовые, в том числе при ка-

²²⁰⁶ Выделена из состава Варшавской епархии в 1905 г.

²²⁰⁷ Выделена из состава Камчатской епархии в 1899 г.

²²⁰⁸ Выделена из состава Камчатской епархии в 1899 г.

²²⁰⁹ Выделена из состава Томской епархии в 1861 г.

²²¹⁰ Выделена из состава Иркутской епархии в 1894 г.

²²¹¹ Выделена из состава Тобольской епархии в 1895 г.

²²¹² Выделена из состава Камчатской епархии в 1869 г.

²²¹³ Туркестанский край завоеван в 1865 г.

²²¹⁴ Выделена из состава Санкт-Петербургской епархии в 1892 г.

зенных заведениях, приписные и упраздненные, походные, миссионерские, часовни и молитвенные дома.

Подсчитано по: Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб., 1864. С. 14–17 (2 пагин.); Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Пг., 1915. С. 6–7 (2 пагин.).

Таблица 2. Численность священников «епархиального ведомства» по регионам в 1860 и 1913 гг.

Епархии	1860	1913
Центральные Российские		
1) Владимирская	1265	1289
2) Воронежская	1111	1255
3) Калужская	687	735
4) Костромская	935	1150
5) Курская	1199	1287
6) Московская	1298	1710
7) Орловская	1079	1073
8) Рязанская	1010	1192
9) Смоленская	780	809
10) Тамбовская	1172	1452
11) Тверская	1089	1187
12) Тульская	1000	1018
13) Ярославская	977	1028
По региону:	13602	15185 (+11,6%)
Северные и северо-западные		
14) Архангельская	278	372
15) Вологодская	784	865
16) Новгородская	638	862
17) Олонецкая	283	385
18) Псковская	455	496
19) С.-Петербургская	470	694
По региону:	2908	3674 (+26,3%)
Поволжские и уральские		
20) Астраханская	145	309
21) Вятская	816	1301
22) Екатеринбургская ²²¹⁵	–	636
23) Казанская	534	818
24) Нижегородская	1009	1088
25) Оренбургская	175	816
26) Пензенская	697	885
27) Пермская	861	730
28) Самарская	635	1211
29) Саратовская	709	972
30) Симбирская	606	815
31) Уфимская	266	555
По региону:	6453	10136 (+57,0%)
Новороссийские		
32) Владикавказская ²²¹⁶	–	223
33) Донская	420	925
34) Екатеринославская	512	816

²²¹⁵ Выделена из состава Пермской епархии в 1885 г.

²²¹⁶ Образована в 1885 г. в составе Грузинского экзархата; включала Терскую область, до 1885 г. находившуюся в составе Ставропольской епархии. В 1894 г. выделена из состава экзархата.

35)	Ставропольская (в 1860 г. – Кавказская)	232	906
36)	Таврическая	164	507
37)	Херсонская	526	831
По региону:		1854	4208 (+127,0%)
Малороссийские			
38)	Киевская	1275	1504
39)	Полтавская	1057	1335
40)	Харьковская	833	1024
41)	Черниговская	1020	1057
По региону:		4185	4920 (+17,6%)
Западные и прибалтийская			
42)	Варшавская	44	106
43)	Волынская	1218	1339
44)	Гродненская ²²¹⁷	–	383
45)	Литовская	493	244
46)	Минская	555	608
47)	Могилевская	549	592
48)	Подольская	1394	1534
49)	Полоцкая	321	361
50)	Рижская	136	243
51)	Холмская ²²¹⁸	–	315
По региону:		4710	5725 (+21,6%)
Сибирские и дальневосточные			
52)	Благовещенская ²²¹⁹	–	168
53)	Владивостокская ²²²⁰	–	189
54)	Енисейская ²²²¹	–	269
55)	Забайкальская ²²²²	–	248
56)	Иркутская	253	287
57)	Камчатская (до 1899 г.)	88	–
58)	Омская ²²²³	–	572
59)	Тобольская	478	459
60)	Томская	497	912
61)	Якутская ²²²⁴	–	135
По региону:		1316	3239 (+146,1%)
Среднеазиатская			
62)	Туркестанская ²²²⁵	–	210
Другие			
63)	Кишиневская	868	1019

²²¹⁷ Образована в 1900 г. на территории, прежде входившей в Литовскую епархию.

²²¹⁸ Выделена из состава Варшавской епархии в 1905 г.

²²¹⁹ Выделена из состава Камчатской епархии в 1899 г.

²²²⁰ Выделена из состава Камчатской епархии в 1899 г.

²²²¹ Выделена из состава Томской епархии в 1861 г.

²²²² Выделена из состава Иркутской епархии в 1894 г.

²²²³ Выделена из состава Тобольской епархии в 1895 г.

²²²⁴ Выделена из состава Камчатской епархии в 1869 г.

²²²⁵ Туркестанский край завоеван в 1865 г.

64)	Финляндская ²²²⁶	–	57
65)	Грузинский экз.	1501	1268
Всего:		37397	49641 (+32,7%)

Учтены все священники (включая протоиереев) «епархиального ведомства». В соответствующее число входят и пресвитеры бесприходных церквей, поскольку в отчетах обер-прокурора не дифференцируется духовенство приходских и бесприходных церквей. Тем самым, число собственно приходских пастырей было меньшим, чем указано в таблице.

Подсчитано по: Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб., 1864. С. 18–23 (2 пагин.); Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Пг., 1915. С. 24–25 (2 пагин.).

---

²²²⁶ Выделена из состава Санкт-Петербургской епархии в 1892 г.

Таблица 3. Среднее число прихожан на одного священника «епархиального ведомства» по регионам в 1860 и 1913 гг.

Епархии	1860	1913
Центральные Российские		
1) Владимирская	968	1233
2) Воронежская	1637	2338
3) Калужская	1329	1692
4) Костромская	1144	1365
5) Курская	1404	1877
6) Московская	1082	1068
7) Орловская	1329	1832
8) Рязанская	1368	1728
9) Смоленская	1383	1929
10) Тамбовская	1516	2065
11) Тверская	1337	1605
12) Тульская	1111	1602
13) Ярославская	958	1120
По региону:	1271	1637 (+28,8%)
Северные и северо-западные		
14) Архангельская	922	1175
15) Вологодская	1183	1863
16) Новгородская	1491	1717
17) Олонецкая	996	1119
18) Псковская	1480	2484
19) С.-Петербургская	1409	1472
По региону:	1460	1691 (+15,8%)
Поволжские и уральские		
20) Астраханская	1464	1757
21) Вятская	2427	2493
22) Екатеринбургская ²²²⁷	–	2366
23) Казанская	1969	2009
24) Нижегородская	1164	1475
25) Оренбургская	2081	1996
26) Пензенская	1546	1816
27) Пермская	2190	2124
28) Самарская	1986	2206
29) Саратовская	1950	2493
30) Симбирская	1664	2065
31) Уфимская	2492	1997
По региону:	1869	2093 (+12,0%)
Новороссийские и северо-кавказские		
32) Владикавказская ²²²⁸	–	1943
33) Донская	1910	2395
34) Екатеринославская	1787	2755

²²²⁷ Выделена из состава Пермской епархии в 1885 г.

²²²⁸ Образована в 1885 г. в составе Грузинского экзархата; включала Терскую область, до 1885 г. находившуюся в составе Ставропольской епархии. В 1894 г. выделена из состава экзархата.

35)	Ставропольская (в 1860 г. – Кавказская)	1661	2946
36)	Таврическая	1664	2339
37)	Херсонская	1672	2906
По региону:		1756	2654 (+51,1%)
Малороссийские			
38)	Киевская	1225	2208
39)	Полтавская	1617	1984
40)	Харьковская	1764	2805
41)	Черниговская	1341	2329
По региону:		1459	2297 (+57,4%)
Западные и прибалтийская			
42)	Варшавская	576	861
43)	Волынская	956	1625
44)	Гродненская ²²²⁹	–	2586
45)	Литовская	1409	1860
46)	Минская	1331	3053
47)	Могилевская	1373	2790
48)	Подольская	940	1934
49)	Полоцкая	1504	2503
50)	Рижская	1326	1114
51)	Холмская ²²³⁰	–	976
По региону:		1136	2038 (+79,4%)
Сибирские и дальневосточные			
52)	Благовещенская ²²³¹	–	1762
53)	Владивостокская ²²³²	–	1771
54)	Енисейская ²²³³	–	2845
55)	Забайкальская ²²³⁴	–	2113
56)	Иркутская	1632	1437
57)	Камчатская (до 1899 г.)	2859	–
58)	Омская ²²³⁵	–	2566
59)	Тобольская	2003	2434
60)	Томская	1788	3182
61)	Якутская ²²³⁶	–	1958
По региону:		1908	2496 (+30,8%)
Среднеазиатская			
62)	Туркестанская ²²³⁷	–	1757
Другие			
63)	Кишиневская	770	1590

²²²⁹ Образована в 1900 г. на территории, прежде входившей в Литовскую епархию.

²²³⁰ Выделена из состава Варшавской епархии в 1905 г.

²²³¹ Выделена из состава Камчатской епархии в 1899 г.

²²³² Выделена из состава Камчатской епархии в 1899 г.

²²³³ Выделена из состава Томской епархии в 1861 г.

²²³⁴ Выделена из состава Иркутской епархии в 1894 г.

²²³⁵ Выделена из состава Тобольской епархии в 1895 г.

²²³⁶ Выделена из состава Камчатской епархии в 1869 г.

²²³⁷ Туркестанский край завоеван в 1865 г.

64)	Финляндская ²²³⁸	–	1100
65)	Грузинский экз.	435	798
Всего:		1381	1965 (+42,3%)

Числа, представленные в таблице, являются отношением православного населения епархии или региона к количеству священников «епархиального ведомства» (см. Таблица 2). На одного приходского священника приходилось несколько большее число прихожан, поскольку в составе «епархиального ведомства» были и священники бесприходных соборов и церквей. При подсчетах производилось округление до целого числа.

Подсчитано по: Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб., 1864. С. 44–45 (2 пагин.); Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Пг., 1915. С. 26–27 (2 пагин.); Таблице 2.

---

²²³⁸ Выделена из состава Санкт-Петербургской епархии в 1892 г.

Таблица 4. Средняя площадь православного прихода по регионам в 1860 и 1913 гг. (в квадратных километрах)

Епархии	1860	1913
Центральные Российские		
1) Владимирская	45,1	41,5
2) Воронежская	88,9	65,4
3) Калужская	49,6	49,1
4) Костромская	84,7	75,2
5) Курская	49,8	42,5
6) Московская	27,7	25,7
7) Орловская	53,4	50,4
8) Рязанская	48,4	44,2
9) Смоленская	85,1	77,5
10) Тамбовская	70,6	54,5
11) Тверская	67,5	63,0
12) Тульская	36,3	35,5
13) Ярославская	41,6	39,6
По региону:	56,3	50,4 (-10,5%)
Северные и северо-западные		
14) Архангельская	3364,4	1695,7
15) Вологодская	559,3	503,9
16) Новгородская	183,5	145,8
17) Олонецкая	511,3	394,5
18) Псковская	105,9	103,3
19) С.-Петербургская	1289,7	125,3
По региону:	744,3	492,9 (-33,8%)
Поволжские и уральские		
20) Астраханская	2334,5	1150,2
21) Вятская	307,9	200,6
22) Екатеринбургская ²²³⁹	–	306,1
23) Казанская	147,1	93,8
24) Нижегородская	61,2	51,3
25) Оренбургская	1299,4	284,4
26) Пензенская	58,1	47,2
27) Пермская	508,8	345,2
28) Самарская	282,3	141,6
29) Саратовская	139,2	102,4
30) Симбирская	90,2	68,5
31) Уфимская	575,5	253,7
По региону:	280,7	178,2 (-36,5%)
Новороссийские и северо-кавказские		
32) Владикавказская ²²⁴⁰	–	416,6
33) Донская	734,6	230,5
34) Екатеринославская	170,4	87,6

²²³⁹ Выделена из состава Пермской епархии в 1885 г.

²²⁴⁰ Образована в 1885 г. в составе Грузинского экзархата; включала Терскую область, до 1885 г. находившуюся в составе Ставропольской епархии. В 1894 г. выделена из состава экзархата.

35)	Ставропольская (в 1860 г. – Кавказская)	362,1	91,0
36)	Таврическая	534,3	165,4
37)	Херсонская	160,5	109,4
По региону:		374,1	150,9 (-59,7%)
Малороссийские			
38)	Киевская	40,3	36,3
39)	Полтавская	48,1	42,7
40)	Харьковская	81,3	63,6
41)	Черниговская	51,0	49,1
По региону:		51,9	46,2 (-11,0%)
Западные и прибалтийская			
42)	Варшавская	4095,1	1533,1
43)	Волынская	55,1	48,6
44)	Гродненская ²²⁴¹	–	78,3
45)	Литовская	199,8	257,4
46)	Минская	121,9	109,8
47)	Могилевская	84,6	72,7
48)	Подольская	30,1	28,1
49)	Полоцкая	121,5	104,2
50)	Рижская	678,2	445,6
51)	Холмская ²²⁴²	–	43,3
По региону:		132,3	108,2 (-18,2%)
Сибирские и дальневосточные			
52)	Благовещенская ²²⁴³	–	3340,8
53)	Владивостокская ²²⁴⁴	–	11730,3
54)	Енисейская ²²⁴⁵	–	9666,2
55)	Забайкальская ²²⁴⁶	–	2792,7
56)	Иркутская	6277,8	3185,4
57)	Камчатская (до 1899 г.)	104607,3	–
58)	Омская ²²⁴⁷	–	3810,2
59)	Тобольская	3790,9	2979,2
60)	Томская	6530,9	659,9
61)	Якутская ²²⁴⁸	–	33026,0
По региону:		11975,0	4905,4 (-59,0%)
Среднеазиатская			
62)	Туркестанская ²²⁴⁹	–	19342,3
Другие			
63)	Кишиневская	56,1	47,6

²²⁴¹ Образована в 1900 г. на территории, прежде входившей в Литовскую епархию.

²²⁴² Выделена из состава Варшавской епархии в 1905 г.

²²⁴³ Выделена из состава Камчатской епархии в 1899 г.

²²⁴⁴ Выделена из состава Камчатской епархии в 1899 г.

²²⁴⁵ Выделена из состава Томской епархии в 1861 г.

²²⁴⁶ Выделена из состава Иркутской епархии в 1894 г.

²²⁴⁷ Выделена из состава Тобольской епархии в 1895 г.

²²⁴⁸ Выделена из состава Камчатской епархии в 1869 г.

²²⁴⁹ Туркестанский край завоеван в 1865 г.

64)	Финляндская ²²⁵⁰	–	9300,5
65)	Грузинский экз.	197,3	186,8
Всего:		657,2	502,0 (-23,6%)

Числа, представленные в таблице, являются отношением территории региона, выраженной в современных метрических единицах, к количеству самостоятельных (не приписных) приходских церквей (см.: Таблица 1).

Подсчитано по: Таблица 1; Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). СПб., 1914 с учетом изменения государственных и административных границ.

---

²²⁵⁰ Выделена из состава Санкт-Петербургской епархии в 1892 г.

Приложение 2. Статистические данные о приходских попечительствах при православных церквях за 1860–1900-е гг.

Таблица 1. Численность приходских попечительств в Российской империи в 1860–1890-е гг.

Годы	Число православных приходов в империи	Число приходских попечительств	
			В %% от числа приходских церквей за предыдущий год
1867	29460	н/д	
1868	31757	5327	18,1
1869	32278	6870	21,6
1870	31259	6965	21,6
В среднем в 1860-е			20,4
1871	32063	8244	26,4
1872	30768	8851	27,6
1873	31936	9257	30,1
1874	29852	10152	31,8
1875	30772	10755	36,0
1876	30326	10966	35,6
1877	28997	11317	37,3
1878	31828	11444	39,5
1879	32253	11616	36,5
1880	32205	11816	36,6
1881	31355	12140	37,7
1882	29947	12074	38,5
1883		11713	39,1

В среднем в 1870-е нач. 1880-х	–		34,8
1895	36726		
1896	36962	16235	44,2
1897	37444	17260	46,7
1898		17826	47,6
В среднем в 1890-е			46,2

Подсчитано по: Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1867 г. СПб., 1868; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1868 г. СПб., 1869; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1869 г. СПб., 1870; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 г. СПб., 1871; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 г. СПб., 1872; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1872 г. СПб., 1873; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1873 г. СПб., 1874; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1874 г. СПб., 1876; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству пра-

вославного исповедания за 1875 г. СПб., 1876; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1876 г. СПб., 1877; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1877 г. СПб., 1878; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1878 г. СПб., 1879; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1879 г. СПб., 1881; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1880 г. СПб., 1882; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1881 г. СПб., 1883; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1882 г. СПб., 1884; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1883 г. СПб., 1885; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899; Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 г. СПб., 1901. При подсчёте количества приходских церквей в их число включаются соборы, имеющие приходы, собственно приходские церкви, единоверческие приходские церкви.

Таблица 2. Структура пожертвований приходских попечительств в Российской империи в 1868–1897 гг.

Годы	Пожертвовано (в % от общей суммы пожертвований приходских попечительств)		
	На украшение и поддержание церквей	На школы и приходскую благотворительность	На содержание причтов
1868	77,0	19,0	4,0
1869	78,0	17,0	5,0
В среднем в 1868–1869	77,5	18,0	4,5
1870	83,9	11,7	4,4
1871	84,3	10,5	5,3
1872	78,2	12,4	9,4
1873	83,5	10,8	5,7
1874	86,6	8,8	4,6
1875	83,4	10,6	5,9
1876	82,2	11,2	6,6
1877	83,1	9,7	7,2
1878	82,6	9,8	7,6
1879	81,4	10,2	8,4
1880	81,0	10,4	8,6
1881	82,0	12,5	5,5
1882	81,4	10,2	8,4

1883	80,8	11,1	8,1
1888	81,3	11,5	7,2
В среднем в 1870–1883, 1888	82,4	10,8	6,8
1896	78,3	15,1	6,7
1897	78,4	14,2	7,5
1898	79,1	15,1	5,8
В среднем в 1896–1898	78,6	14,8	6,6

Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Л. 10; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1883 г. СПб., 1885. С. 117–121 (2 пагин.); Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 58–61 (2 пагин.); *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 361–362.

Таблица 3. Приходские попечительства в 1890-е – 1900-е гг. в некоторых епархиях Российской Православной Церкви

Епархия (дата составления отчета)	Число приходов в епархии	Число приходов с открытыми попечительствами		Число членов попечительств (min / max / в среднем)
			% от общего числа приходов	
Центральная Россия				
Владимирская (1897)	1016	20	2,0	н/д
Воронежская (1895)	904*	61	6,7	– / – / 28,3 (по 30 попечительствам)
Калужская (1894)	591*	60	10,2	4 / 61 / 17,1
Костромская (1894)	1006*	5	0,5	2 / 45 / –
Курская (1896)	987*	26	2,6	5 / 150 / –
Московская (1895)	1166*	66	5,7	н/д
Орловская (1895)	862*	186	21,6	4 / 30 / –
Рязанская (1895)	872*	100	11,5	н/д
Тамбовская (1894)	1078	740	68,7	2 / 80 / –
Тверская (1895)	916*	164	17,9	н/д
Тульская (1894)	794*	98	12,3	н/д
По региону	9186 10192	1521 1526	16,6 15,0	3,8 / 80,3 /22,7 3,4 / 73,2 / 22,7
Север и северо-запад				
Архангельская (1894)	302	144	47,7	н/д

Санкт-Петербургская (1894)	303*	143	47,2	– / 70 / –
По региону	2202	785	35,7	2 / 57,5 / –
	605	287	47,4	– / 70 / –
Поволжье и Урал				
Астраханская (1895)	171	124	72,5	1 / 25 / –
Вятская (1895)	591	493	83,4	н/д
Екатеринбургская (1895)	398	192	48,2	н/д
Казанская (1905)	636	579	91,0	н/д
Нижегородская (1894)	876*	88	10,1	3 / 20 / –
Оренбургская (1895)	522	319	61,1	– / – / 6,7
Пензенская (1895)	715*	141	19,7	н/д
Саратовская (1895)	720	528*	73,3	2 / 155 / –
Симбирская (1894)	627*	191	30,5	н/д
Уфимская (1905)	410	334	81,5	н/д
По региону	5075	2496	49,2	2,5 / 87,5 / –
	5666	2989	52,8	2 / 66,7 / –
Сибирь и Средняя Азия				
Забайкальская (1895)	171*	86	50,3	2 / 9 / 3,1
Енисейская (1895)	197*	7	3,6	н/д
Иркутская (1895)	153	73	47,7	3 / 5 / –
Тобольская (1895)	444	144	32,4	2 / 5 / –
Туркестанская (1895)	61*	4	6,6	н/д
По региону	1026	314	30,6	3 / 6,3 / –
Малороссия				
Киевская (1895)	1284	344	26,8	6 / 50 / –
Полтавская (1894)	1058	234	22,1	– / – / 26,7
Харьковская (1895)	761*	150	19,7	1 / 50 / –
По региону	3103	728	23,5	3,5 / 50 / –

Новороссия				
Екатеринославская (1895)	467	234	50,1	н/д
Донская (1894)	481	262	54,5	3 / 214 / 5,3
Таврическая (1904)	305* <small>(1897)</small>	46	15,1	5 / 30 / –
Херсонская (1896)	570	475	83,3	10 / 150 / –
По региону	1823	1017	55,8	6,0 / 131,3 / –
Западные епархии				
Литовская (1895)	500	479	95,8	н/д
Холмско-Варшавская (1895)	417	353 <small>(36 попечительств и 317 братств)</small>	84,7 <small>(8,6 попечительств, 76,0 братств)</small>	4 / 87 / 33,6 <small>попечительств 5 / 3988 / 141,2 братств</small>
Рижская (1894)	186	165	88,7	3 / 20 / –
Могилевская (1894)	495	489	98,8	н/д
Подольская	1523	1244	81,7	6 / 20 / –
По региону	1598 3121	1169 1486 (с братствами) 2413 2730 (с братствами)	73,2 93,0 (с братствами) 77,3 87,5 (с братствами)	3,5 / 97 / – 4 / 1365 / – (с братствами) 4,3 / 42,3 / – 4,7 / 1365 / – (с братствами)

Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 7–9 (2-й пагинации), 7–9 (3-й пагинации). В случае расхождения данных предпочтение отдавалось архивному документу. (*) отмечены данные, заимствованные из отчёта обер-прокурора и включающие соборы, собственно приходские и единоверческие церкви.

Таблица 4. Динамика открытия приходских попечительств в Калужской, Смоленской и Холмско-Варшавской епархиях

Годы	Епархии					
	Калужская		Смоленская		Холмско-Варшавская	
	Открытые попечительства	В среднем в год по 10-летиям (% от общего числа)	Открытые попечительства	В среднем в год по 10-летиям (% от общего числа)	Открытые попечительства	В среднем в год по 10-летиям (% от общего числа)
1864		0,4 в год 5,0%	1	1,1 в год 5,5%		1,1 в год 22,2%
1865			2			
1866			1			
1867	1		1		2	
1868	1		1		4	
1869					1	
1870	1		2		1	
1871		0,3 в год 5,0%	2	0,8 в год 6,2%		0,8 в год 22,2%
1872			1		3	
1873			1		2	
1874			2			
1875			1			
1876						
1877			1		2	
1878					1	
1879	2					
1880	1					
1881			1			
1882			1			
1883	1		1			
1884			3		1	

1885			2		1	
1886		0,6 в год	1	1,3 в год		0,4 в год
1887		10,0%	1	8,9%		11,1%
1888	1				2	
1889	1		2			
1890	3		1			
1891	10		10		4	
1892	10		7		2	
1893	7	5,8 в год	8	5,8 в год	1	3,2 в год
1894	2	48,3%	4	19,9%	3	44,4%
1895					6	
Даты откры- тия не указаны	19		88			
Всего	60	100%	146	100%	36	100%

Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. В отчётах преосвящен-
ных учитывались только попечительства, существовавшие на момент их со-
ставления, т.е. к началу 1890-х гг.

Таблица 5. Распределение приходских попечительств по типам поселений в ряде епархий Российской Православной Церкви

Епархии	Городские попечительства		Сельские попечительства	
		% от общего числа		% от общего числа
Архангельская	12	8,3	132	91,7
Казанская	58	10,0	521	90,0
Калужская	4	6,7	56	93,3
Костромская	–	–	5	100,0
Московская	56	84,9	10	15,1
Оренбургская	17	5,3	302	94,7
Смоленская	4	2,6	148	97,4
Всего:	151	11,4	1174	88,6

Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292.

Таблица 6. Состав председателей приходских попечительств в 1890–1900-х гг. в ряде епархий Российской Православной Церкви

Епархии	Всего попечительств	Председатели из (% от общего числа попечительств)		
		Духовенства		Прихожан
		Священники	Псаломщики	
Архангельская	144	59 (41,0)		85 (59,0)
Астраханская	124	27 (21,8)	1 (0,8)	96 (77,4)
Владимирская	20	14 (70,0)		6 (30,0)
Донская	262	100 (38,2)		162 (61,8)
Забайкальская	86	4 (4,7)		82 (95,3)
Казанская	721	419 (58,1)		302 (41,9)
Оренбургская	319	309 (96,9)		10 (3,1)
Санкт-Петербургская	143	65 (45,5)		78 (54,5)
Тамбовская	740	264 (35,7)		476 (64,3)
Туркестанская	4	4 (100,0)		

Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 98–99 об., 113 об., 215 об., 354, 375, 546–549 об., 773–782 об., 841, 989–993 об.

Приложение 3. Сведения об образовании священников, рукоположенных в 1906 и 1912 гг.

Таблица 1. Образовательный ценз лиц, рукоположенных в сан священника в 1906 г., по регионам Российской империи

Епархии	число рукоположенных в сан св-ка	из оконч. дух. ака-дем.	Из оконч. пол-ный курс семинарии		из не-оконч. семинар., но учивш. в ней	из не учив. в дух. се-минар.	из оконч. др. высш. уч.зав.	из оконч. средние свет-ские уч. завед.
			мест-ной	иное-пар-хиаль-ной				
Центральные Российские								
66) Владимирская	32		24	1	7			
67) Воронежская	55	1	53		1			
68) Калужская	21		15		4	2		
69) Костромская	38		25	1	1	11		
70) Курская	67		26	1	26	7		7
71) Московская	61	3	51		7			
72) Орловская	57		41		14	2		
73) Рязанская	33		31		2			
74) Смоленская	36		14		19	1		2
75) Тамбовская	49		33	1	13	2		
76) Тверская	33		23	1	6	3		
77) Тульская	36	1	17	1	9	8		
78) Ярославская	32	1	28		2	1		
По региону:	550	6	381	6	111	37	0	9
	(100%)		504 (91,6%)				46 (8,4%)	
Северные и се-веро-западные Российские								
79) Архангельская	6		1	2	1	2		
80) Вологодская	34		32			2		
81) Новгородская	45		24	4	9	4		4
82) Олонецкая	12		9			3		
83) Псковская	15	2	8		2	3		
84) С.-Петербургская	18	3	9	3	3			
По региону:	130	5	83	9	15	14	0	4
	(100%)		112 (86,2%)				18 (13,9%)	
Поволжские и уральские								
85) Астраханская	10		8			1		1
86) Вятская	56		12	11	26	5		2
87) Екатеринбург-ская	39		3 (Перм-ской)	5	7	24		
88) Казанская	34	1	8		8	17		
89) Нижегородская	49		16	1	10	22		
90) Оренбургская	42	1	12	1	11	15		2
91) Пензенская	26		12		8	6		
92) Пермская	28	1	7		5	15		

93) Самарская	54		9	1	14	24		6
94) Саратовская	20		10	1	5	3		1
95) Симбирская	27		9		6	12		
96) Уфимская	20		8		5	7		
По региону:	405	3	114	20	105	151	0	12
	(100%)		242 (59,8%)			163 (40,2%)		
Новороссийские								
97) Владикавказская	9		3	4	1	1		
98) Донская	34		17	4	5	8		
99) Екатеринославская	22	2	10	4	3			3
100) Ставропольская	52		22	5	7	17		1
101) Таврическая	16	1	7	1	2	3		2
102) Херсонская	25	4	16	3	2			
По региону:	158	7	75	21	20	29	0	6
	(100%)		123 (77,9%)			35 (22,1%)		
Малороссийские								
103) Киевская	53		31		6	13		3
104) Полтавская	26		18		2	6		
105) Харьковская	37		13	2	7	15		
106) Черниговская	48		7	1	37	3		
По региону:	164	0	69	3	52	37	0	3
	(100%)		124 (75,6%)			40 (24,4%)		
Западные								
107) Варшавская	4			2		2		
108) Волынская	48		12	4	7	25		
109) Гродненская	7			2	2	3		
110) Литовская	9			2		7		
111) Минская	18		4	3	1	9		1
112) Могилевская	25		9		2	13		1
113) Подольская	49		17		12	18	1	1
114) Полоцкая	14		5		6	3		
115) Рижская	6	1	5					
116) Холмская	10		6		1	3		
По региону:	190	1	58	13	31	83	1	3
	(100%)		103 (54,2%)			87 (45,8%)		
Сибирские, дальневосточные и среднеазиатская								
117) Благовещенская	5				3	1		1
118) Владивостокская								
119) Енисейская	9		2	2	2	3		
120) Забайкальская	3			1		2		
121) Иркутская	13		2		3	5		3
122) Омская	16				13	3		
123) Тобольская	19		8		9	1		1
124) Томская	39	1	9	1	7	20		1
125) Туркестанская	3					3		
126) Якутская	8		3		4	1		

По региону:	115 (100%)	1	24	4	41	39	0	6
		70 (60,9%)				45 (39,1%)		
Другие								
127) Кишиневская	47 (100%)		44		1	2		
		45 (95,7%)				2 (4,3%)		
128) Финляндская	2 (100%)				2			
		2 (100%)						
129) Грузинский экз.	102 (100%)		2		10	88		2
		12 (11,8%)				90 (88,2%)		
130) Алеутская и Сев. Амер.								
Всего:	1869	23	850	76	394	480	1	45
	100%	1,2%	45,5%	4,1%	21,1%	25,7%	0,05%	2,4%
		1343 (71,9%)				526 (28,1%)		

Подсчитано по: РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 291. Лл. 11–15 об., 16.

Таблица 2. Образовательный ценз лиц, рукоположенных в сан священника в 1912 г., по регионам Российской империи

Епархии	число рукоположенных в сан св-ка	из оконч. дух. ака-дем.	Из оконч. полный курс семинарии		из не-оконч. семинар., но учивш. в ней	из не учив. в дух. семинар.	из оконч. др. высш. уч.зав.	из оконч. средние светские уч. завед.
			мест-ной	иное-пар-хиальной				
Центральные Российские								
1) Владимирская	26		23		3			
2) Воронежская	36		25	2	7	2		
3) Калужская	16		8	1	6	1		
4) Костромская	55	1	13		20	20		1
5) Курская	48	1	44	1		1	1	
6) Московская	45	6	28		5	4	2	
7) Орловская	28		24	1	3			
8) Рязанская	29	1	17		7	3		1
9) Смоленская	26		7		9	10		
10) Тамбовская	34		24	1	5	4		
11) Тверская	43		34		5	4		
12) Тульская	42		24		11	7		
13) Ярославская	25		18		1	5	1	
По региону:	453	9	289	6	82	61	4	2
	(100%)		386 (85,2%)				67 (14,8%)	
Северные и Северо-западные Российские								
14) Архангельская	20		4		6	10		
15) Вологодская	33	1	24	1	6	1		
16) Новгородская	30		14		9	7		
17) Олонеккая	20		7		2	10		1
18) Псковская	19		9	1	5	4		
19) С.-Петербургская	22	2	16	2	1	1		
По региону:	144	3	74	4	29	33		1
	(100%)		110 (76,4%)				34 (23,6%)	
Поволжские и уральские								
20) Астраханская	10	1	4		2	2		1
21) Вятская	50	1	13	8	28			
22) Екатеринбургская	31		9	9	7	5	1	
23) Казанская	30		22		2	6		
24) Нижегородская	36	1	18		6	11		
25) Оренбургская	66		11	1	4	50		
26) Пензенская	28		16		8	4		
27) Пермская	40		4	2	3	29		2
28) Самарская	29		17	3	1	8		
29) Саратовская	35		10	2	9	14		
30) Симбирская	28		19		3	6		
31) Уфимская	12		5		5	2		
По региону:	395	3	148	25	78	137	1	3
	(100%)		254 (64,3%)				141 (35,7%)	

Новороссийские								
32) Владикавказская	6		1	2		3		
33) Донская	30	1	21		2	6		
34) Екатеринославская	63	1	22	1	12	20		7
35) Ставропольская	25		18	7				
36) Гаврическая	16		3	3	6	2		2
37) Херсонская	27	2	15	2	3	4	1	
По региону:	167	4	80	15	23	35	1	9
	(100%)		122 (73,1%)			45 (26,9%)		
Малороссийские								
38) Киевская	43	1	34			8		
39) Полтавская	40		17	1		21	1	
40) Харьковская	28	1	10		2	15		
41) Черниговская	46		16	1	9	16		4
По региону:	157	2	77	2	11	60	1	4
	(100%)		92 (58,6%)			65 (41,4%)		
Западные								
42) Варшавская	3			3				
43) Волынская	44		24	1	5	7		1 сверх того из учил. паст. 6
44) Гродненская	13			6	2	4		1
45) Литовская	6	1	2	1	1	1		
46) Минская	18		11		1	6		
47) Могилевская	29	1	2	1	3	22		
48) Подольская	51		32	3	4	12		
49) Полоцкая	17		6	2		9		
50) Рижская	5		4			1		
51) Холмская	11		5	1	4	1		
По региону:	197	2	86	18	20	63		8
	(100%)		126 (64,0%)			71 (36,0%)		
Сибирские, дальневосточные и среднеазиатская								
52) Благовещенская	7				3	4		
53) Владивостокская	5					5		
54) Енисейская	10		1	1		8		
55) Забайкальская	11		1	1	3	6		
56) Иркутская	10			1	6	2		1
57) Омская	46				8	22		16
58) Тобольская	39		4		16	18		1
59) Томская	62		12	6	6	37	1	
60) Туркестанская	17				2	13		2
61) Якутская	7		5			2		
По региону:	214		23	9	44	117	1	20
	(100%)		76 (35,5%)			138 (64,5%)		
Другие								
62) Кишиневская	31 (100%)		28	1		2		
			29 (93,5%)			2 (6,5%)		
63) Финляндская	3 (100%)			2				1
			2 (66,7%)			1 (33,3%)		

64) Грузинский экз.	53 (100%)		4	5	4	37	2	1
		13 (24,5%)				40 (75,5%)		
65) Алеутская и Сев. Амер.	11 (100%)	1	2	1	1	5	1	
		5 (45,5%)				6 (54,5%)		
Всего:	1826	25	817	88	292	550	11	43
	100%	1,4%	44,7%	4,8%	16,0%	30,1%	0,6%	2,4%
		1222 (66,9%)				604 (33,1%)		

Подсчитано по: РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 291. Лл. 47–51 об., 52.

Таблица 3. Образовательный ценз лиц, рукоположенных в сан священника в 1906–1912 гг., по регионам Российской империи

Епархии	число рукоположенных в сан св-ка	из оконч. дух. академ.	Из оконч. полный курс семинарии		из неоконч. семинар., но учивш. в ней	из неучив. вовсе в дух. семинар.	из оконч. др. высш. уч.зав.	из оконч. средние светские уч. завед.
			местной	инопархияльной				
Центральные Российские								
1) Владимирская	238	1	176	5	54	2		
2) Воронежская	278	3	257	2	13	3		
3) Калужская	143	1	81	4	40	16		1
4) Костромская	311	1	130	3	80	91	1	5
5) Курская	320	5	127	5	81	81	2	19
6) Московская	396	45	252	1	71	20	5	2
7) Орловская	243		197	5	34	7		
8) Рязанская	213	2	183	1	17	9		1
9) Смоленская	193	1	74	5	73	33		7
10) Тамбовская	334	2	218	10	74	30		
11) Тверская	249	3	150	9	61	14	1	11
12) Тульская	243	2	131	1	68	40	1	
13) Ярославская	202	2	151		26	20	3	
По региону:	3363	68	2127	51	692	366	13	46
	(100%)		2938 (87,4%)			425 (12,6%)		
Северные и Северо-западные Российские								
14) Архангельская	90	1	18	7	18	46		
15) Вологодская	209	5	132	1	50	21		
16) Новгородская	237	1	113	9	70	30		14
17) Олонекская	114	3	42		21	47		1
18) Псковская	122	4	76	1	21	20		
19) С.-Петербургская	142	19	78	11	14	17	2	1
По региону:	914	33	459	29	194	181	2	16
	(100%)		715 (78,2%)			199 (21,8%)		
Поволжские и уральские								
20) Астраханская	77	2	32	1	6	29		7
21) Вятская	365	1	87	66	178	29		4
22) Екатеринбургская	192	3	34	45	35	70	1	4
23) Казанская	230	6	92		20	108		4
24) Нижегородская	257	2	118	1	51	83		2
25) Оренбургская	322	3	77	12	46	176		8
26) Пензенская	209	1	92	2	52	62		
27) Пермская	248	1	34	6	31	172		4
28) Самарская	330	1	83	9	57	151		29
29) Саратовская	201	1	68	8	50	73		1
30) Симбирская	177	1	88	5	27	56		
31) Уфимская	131	1	30	1	25	74		
По региону:	2739	23	835	156	578	1083	1	63
	(100%)		1592 (58,1%)			1147 (41,9%)		
Новороссийские								

32) Владикавказская	80		26	14	8	31		1
33) Донская	190	1	97	14	27	51		
34) Екатеринославская	230	9	101	19	59	25		17
35) Ставропольская	238	7	121	48	30	30		2
36) Гаврическая	89	1	26	12	21	22		7
37) Херсонская	190	18	117	10	16	24	1	4
По региону:	1017	36	488	117	161	183	1	31
	(100%)		802 (78,9%)			215 (21,1%)		
Малороссийские								
38) Киевская	348	6	196	8	39	83		16
39) Полтавская	233	2	108	12	22	81	6	2
40) Харьковская	224	1	84	2	34	101		2
41) Черниговская	328		78	14	148	74		14
По региону:	1133	9	466	36	243	339	6	34
	(100%)		754 (66,6%)			379 (33,5%)		
Западные								
42) Варшавская	25	2		15	1	7		
43) Вольнская	403	3	157	11	46	159		13 сверх того из уч. паст. 14
44) Гродненская	84			23	8	51		2
45) Литовская	49	1	9	5	6	27	1	
46) Минская	134	3	54	6	5	65		1
47) Могилевская	175	3	51	8	9	102		2
48) Подольская	353	4	171	10	46	118	2	2
49) Полоцкая	107	1	35	5	19	46		1
50) Рижская	48	5	30		5	6	1	1
51) Холмская	55	3	29	6	12	4		1
По региону:	1433	25	536	89	157	585	4	37
	(100%)		807 (56,3%)			626 (43,7%)		
Сибирские, дальневосточные и среднеазиатская								
52) Благовещенская	34		3	1	10	15	1	4
53) Владивостокская	49			2	14	32		1
54) Енисейская	111		22	5	15	68		1
55) Забайкальская	56		1	7	13	34		1
56) Иркутская	63		10	3	17	23		10
57) Омская	258	1		9	75	118	5	50
58) Тобольская	159		27	6	71	49		6
59) Томская	362	3	58	20	47	229	2	3
60) Туркестанская	73			11	7	51		4
61) Якутская	60	2	15		13	29		1
По региону:	1225	6	136	64	282	648	8	81
	(100%)		488 (39,8%)			737 (60,2%)		
Другие								
62) Кишиневская	221		179	1	20	20		1
	(100%)		200 (90,5%)			21 (9,5%)		
63) Финляндская	23			8	4	5		6
	(100%)		12 (52,2%)			11 (47,8%)		
64) Грузинский экз.	431		16	10	41	357	2	5
	(100%)		67 (15,5%)			364 (84,5%)		

65) Алеутская и Сев. Американская	82 (100%)	1	12	11	25	25	3	5
		49 (59,8%)				33 (40,2%)		
Всего:	12581	201	5268	572	2397	3792	40	311
	100%	1,6%	41,9%	4,6%	19,1%	30,1%	0,3%	2,5%
		8438 (67,1%)				4143 (32,9%)		

Подсчитано по: РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 291. Лл. 5–9 об., 10.

Приложение 4. Сведения о сборах с приходских церквей и особенностях приходского делопроизводства

Таблица 1. Повсеместные сборы с приходских церквей, существовавшие в конце XIX – начале XX вв.

№	Наименование сбора	Адресат сбора	Период существования сбора
Обязательные взносы из церковных средств			
1)	«25%-ный» взнос из церковных доходов на потребности по духовно-учебной части Вместо отчисления свечных денег	Правления духовных семинарий	1871–
2)	Сборы и взносы на содержание окружных духовных училищ	Правления духовных училищ	1860-е –
3)	Сбор и взнос на епархиальные женские училища	Совет епархиальных женских училищ	1860-е –
4)	Взнос в епархиальные попечительства о бедных духовного звания пожертвований из остатков церковных кошелековых сумм на призреваемых попечительствами	Попечительства о бедных духовного звания	1823–
5)	1%-ный сбор с церковных доходов на лечение бедных духовного звания в больницах и богадельнях гражданского ведомства	Консистории	1865–
6)	Сбор с церковных причтов, не получающих казенного жалования, для причисления к специальным средствам на воспошение духовенству	Хозяйственное управление при Синоде	1866–
7)	Венчиковый сбор (доход от продажи венчиков и разрешительных молитв, используемых при отпевании)	Правления духовных училищ	1871–
8)	Сбор из остатков кружечно-кошелековых сумм на церковно-приходские школы	Епархиальные училищные советы	1886–
Сборы в постоянно стоящие или обносимые кружки			
9)	Кружечный сбор в пользу Иерусалимской церкви гроба Господня	Хозяйственное управление при Синоде Конечный адресат – Патриарх Иерусалимский	1834–

№	Наименование сбора	Адресат сбора	Период существования сбора
10)	Кружечный сбор на улучшение быта православных паломников в Палестине	Хозяйственное управление при Синоде Конечный адресат – Православное Палестинское общество	1858–
11)	Кружечный сбор на восстановление православия на Кавказе	Совет общества восстановления православного христианства на Кавказе в Тифлисе	1860–
12)	Кружечный сбор на сооружение и содержание беднейших православных церквей в империи (переименован из сбора «На содержание церквей и школ в Западных губерниях»)	Хозяйственное управление при Синоде	1863–1895–
13)	Кружечный сбор на распространение православия между язычниками империи (вместо трех упраздненных сборов: а) в пользу сербских церквей и христиан, гонимых в Турции, б) на построение храма св. Стефана в Софии, в) на духовные училища и др. церковные нужды в Черногории)	Хозяйственное управление при Синоде	1864–
14)	Сбор на сооружение церквей в Туркестанском крае Первоначально разрешен как подписка, но в силу отсутствия пожертвований в 1876 г. заменен кружечным сбором	Туркестанская консистория	1866–1876–1910
15)	Кружечный сбор в пользу раненых и больных воинов	Главное управление всероссийского общества Красного креста	1876–
16)	Кружечный сбор в пользу местных епархиальных попечительств о бедных духовного звания	Епархиальные попечительства о бедных духовного звания	1823–
17)	Кружечный или тарелочный сбор в пользу церковно-приходских школ местной епархии в один из воскресных дней по усмотрению епархиального начальства и с 25 декабря по 6 января включительно (Сбор дополняется отчислениями из остатков кружечно-кошелькового сбора)	Епархиальный училищный совет	1886–

№	Наименование сбора	Адресат сбора	Период существования сбора
18)	Сбор на помощь больным и раненым воинам	Российское общество Красного креста	1914–[разрешен на время войны]
19)	Сбор в пользу галичан, претерпевших тяжкие бедствия от войны	нет данных	1915–[разрешен на время войны]
Ежегодные сборы, приуроченные к определенным датам			
20)	Тарелочный сбор в Неделю православия в пользу православного миссионерского общества	Совет православного миссионерского общества или епархиальный миссионерский комитет	1887/1888–
21)	Тарелочный сбор в Неделю Ваий в пользу Православного Палестинского общества	Православное Палестинское общество	1885/1886–
22)	Кружечный или тарелочный сбор в продолжение недели о слепом в пользу попечительств для призрения слепых В городских, монастырских церквях и в сельских с разрешения настоятеля устанавливалась постоянная кружка	Совет Мариинского попечительства призрения слепых (иногда – через управляющих акцизными сборами в губерниях)	1881–
23)	Тарелочный сбор в неделю 25-ю по Пятидесятнице (о добром самарянине) в пользу общества Красного креста (в дополнение к существующему кружечному сбору)	Главное управление всероссийского общества Красного креста	1895–
24)	Сбор в пользу общества спасения на водах Должен был производиться раз в год 9 мая в столичных и приморских городах. На деле был распространен гораздо шире	Правление общества спасения на водах	1891–
25)	Тарелочный или кружечный сбор на призрение «детей идиотов и эпилептиков» в течение Крестопоклонной недели Великого поста	Совет Братства во имя Царицы Небесной	1900–
26)	Тарелочный или кружечный сбор 19 февраля или в ближайшее воскресенье после сего дня на сооружение в Москве на Миусской площади храма во имя св. благоверного князя Александра Невского в память освобождения крестьян от крепостной зависимости	Московская духовная консистория, затем – Комитет по постройке храма	1896–1913– [разрешен до 1917]

№	Наименование сбора	Адресат сбора	Период существования сбора
27)	Тарелочный сбор 6 января в пользу Березвечского близ Полоцка и Красностокского близ Гродно монастырей для помощи в миссионерской деятельности среди иноверческого населения	Соответствующие монастыри	1901–1909
28)	Кружечный или тарелочный сбор в день Покрова Богородицы (1 октября) на окончание постройки Николаевского соборного храма в Киево-Покровском женском монастыре	нет данных	1902–1903
29)	Кружечный или тарелочный сбор 6 января на постройку православного эстонского храма в Санкт-Петербурге	Братство св. Исидора Юрьевского	1902–1909
30)	Кружечный или тарелочный сбор на 5 неделе Великого поста (св. Марии Египетской) в пользу российского общества защиты женщин	Российское общество защиты женщин	1904–1905, 1909–1910
31)	Сбор 8 сентября на сооружение храма-памятника на Куликовом поле Тульской епархии	нет данных	1909–1910
32)	Кружечный или тарелочный сбор 29 августа на дело борьбы с пьянством	нет данных	1914–
33)	Кружечный или тарелочный сбор 14 сентября в пользу Комитета по увековечиванию памяти русских воинов сухопутной армии, павших на войне с Японией	Комитет по увековечиванию памяти русских воинов сухопутной армии, павших на войне с Японией	1913–1915
34)	Кружечный или тарелочный сбор на 4-й и 6-й неделях Великого поста на сооружение в Петрограде храма-памятника в честь 300-летия царствования Дома Романовых	Строительный комитет по сооружению храма-памятника	1916–[разрешен до 1917]
35)	Кружечный или тарелочный сбор в день Св. Троицы, в Духов день и на 5-й седмице Великого поста на сооружение нового храма Св. Троицы в Петрограде	Высочайше учрежденный комитет по строительству храма	1914–[разрешен до 1918]
36)	Сбор в день Св. Троицы на построение церквей и школ для переселенцев	нет данных	1910–[разрешен до 1919]
37)	Сбор на 3-й неделе Великого поста в пользу детей воинов, павших на поле брани	нет данных	1915–

№	Наименование сбора	Адресат сбора	Период существования сбора
38)	Сбор 6 августа на борьбу с проказою	Совет правления общества для борьбы с проказою в С.-Петербургской губернии и Главное управление русского общества Красного креста	1909, 1915–
39)	Сбор 6 декабря на помощь пострадавшим на войне солдатам и их семьям	Общество всеобщей помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям	1915–
40)	Сбор 29 августа в пользу детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей	Комитет общества призрения детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей	1915–
41)	Сбор 8 сентября на пособие беженцам из занятых неприятелем областей	Причты церквей	1915–
42)	Сбор в родительские субботы в пользу Всероссийского общества помощи семьям воинов русской армии, павших в войну	Всероссийское общество помощи семьям воинов русской армии, павших в войну	1915–
43)	Сбор в течение Светлой недели, в дни Св. Троицы, Св. Духа и 11 мая на оказание увечным воинам помощи в учении	нет данных	1915–
	Сборы по подписным листам		
44)	Сбор в пользу православной миссии в Японии Во многих епархиях имел форму кружечного сбора	Совет православного миссионерского общества	1875–1911
45)	Сбор в пользу местных епархиальных попечительств о бедных духовного звания	Епархиальные попечительства о бедных духовного звания	1823–
46)	Сбор в пользу Православного миссионерского общества по ежегодно высылаемым от Московского совета сего общества подписным листам	Совет православного миссионерского общества	1869–

№	Наименование сбора	Адресат сбора	Период существования сбора
47)	На построение соборного храма в г. Ревель	Комитет по сооружению храма	1888–
Прочие сборы разных видов			
48)	Сбор на построение храма в г. Варшаве	Варшавский генерал-губернатор	нет данных
49)	Сбор на сооружение в Санкт-Петербурге храма св. Александра Невского, двухклассной при оном церковно-приходской школы для мальчиков и девочек и на образование неприкосновенного капитала для выдачи из его процентов пособий учащимся в церковно-приходских школах для увековечения памяти императора Александра III	Комитет по сооружению храма	1895–
50)	Сбор в пользу голодающих Черногорцев	Хозяйственное управление при Синоде	1889 (единообразный)
51)	Сбор на пострадавших от землетрясения жителей греческого королевства	Хозяйственное управление при Синоде	1889 (единообразный)
52)	Сбор по подписным листам на построение православного храма у подножия Балкан	Хозяйственное управление при Синоде	1889 (единообразный)
53)	Сбор в один из воскресных дней на облегчение участи жителей Македонии, пострадавших во время последних смут в добавление к сбору в пользу славян	Хозяйственное управление при Синоде (по уведомлению МИДа)	1903
54)	Сбор на устройство и содержание центрального богословского училища Константинопольского патриархата на о. Халки	Хозяйственное управление при Синоде	1889–
55)	Кружечный сбор и отчисления от церковных сумм в пользу пострадавших от землетрясения жителей г. Верного и Семиреченской области	Преосвященному Туркестанскому	нет данных (единообразный)
56)	Кружечный или тарелочный сбор и отчисления от сумм церквей и монастырей в пользу пострадавших от неурожая в России в 1891 г.	Хозяйственное управление при Синоде	1891–1 июня 1892
57)	Сбор на сооружение храма кавказской армии в Тифлисе в память окончания Кавказской войны и совершенного покорения Кавказского края	Штаб Кавказского военного округа	1865–

№	Наименование сбора	Адресат сбора	Период существования сбора
58)	Сбор на устройство и украшение церквей внутри империи и за границу «Особого определения Синода об учреждении сего сбора нет. По объяснению Архангельской Духовной Консистории от 16 апреля 1879 г. сбор этот производ<ится> на основании форм отчетных ведомостей Г и Д, утвержд<енных> Синод<ом> в 1872 и 1876 гг.» ²²⁵¹ . В 1900-е гг. продолжал существовать в семи епархиях: Владикавказской, Волынской, Гродненской, Литовской, Минской, Полоцкой, Смоленской ²²⁵² .	Хозяйственное управление при Синоде	1872–1910
59)	Сбор в пользу общества попечения о нуждающихся семействах воинов, потерявших здоровье на службе (Общества Белого Креста)	Общество Белого Креста	1887–
60)	Сбор на построение храма в г. Владикавказ	Хозяйственное управление при Синоде	1873–
61)	Сбор на сооружение храма в г. Батуме	Председатель комитета по постройке храма	1882–
62)	Сбор на Прибалтийское Спасское братство с целью восстановления древнего храма в Якобштадте	Прибалтийское Спасское братство	1883–
63)	Сбор в кружки, по подписке и по сборным книгам на сооружение храма в г. Либаве Курляндской губернии	Комитет по постройке храма	нет данных
64)	Сбор на сооружение храма св. апостола Симона Зилота и на обитель на восточном берегу Черного моря (Новофонский монастырь)	Хозяйственное управление при Синоде	1879–1880
65)	На сооружение в г. Потти соборного храма	нет данных	нет данных
66)	Сбор по сборным книгам, выдаваемым от грузинского епархиального начальства на ремонт Мцхетского собора двенадцати апостолов	Грузинско-Имеретинская синодальная контора или Хозяйственное управление при Синоде	нет данных

²²⁵¹ *Перечень кружечных сборов различных назначений и сборов, проводившихся по подписным листам в церквах. 3 об.*

²²⁵² *Записка Контроля при Синоде о сборах в церквах и об отчислениях церковных доходов на местные ведомственные нужды. 2–12.*

№	Наименование сбора	Адресат сбора	Период существования сбора
67)	Кружечный сбор на возобновление Мстиславова храма в г. Владимире-Волынском	Хозяйственное Управление при Синоде или Волынская Духовная консистория в г. Житомире	нет данных
68)	На сооружение православного храма в Нью-Йорке Хотя по определению Синода 1883 г. сбор и упразднен, но пожертвования продолжают поступать в 1895 г.	Хозяйственное Управление при Синоде	–1883
69)	На восстановление зданий богословского училища и монастыря на о. Халки, пострадавших от землетрясения. Сбор назначено было провести в ближайший воскресный день, но пожертвования еще поступают в 1895 г.	Хозяйственное Управление при Синоде	1894–
70)	Кружечный сбор на разные предметы общественной благотворительности в Кубанской области при церквах Кубанского казачьего войска.	В Кубанское областное правление	нет данных
71)	Кружечный сбор в пользу Уральских богоугодных заведений при церквах Уральского казачьего войска	В попечительский совет богоугодных заведений	нет данных
72)	Повсеместная подписка на постройку соборного храма в г. Баку	Грузинско-Имеретинскую синодальную контору или в строительный комитет по сооружению храма	нет данных
73)	Сбор на сооружение храма в память моряков, погибших в войну с Японией	Особый комитет по сооружению храма	22 октября 1909 г.
74)	Сбор на сооружение в Сеуле храма-памятника (без приурочения к какому-либо определенному дню)	нет данных	1910
75)	Тарелочный сбор на сооружение в г. Москве на Красной площади памятника патриарху Гермогену и архимандриту Дионисию в ознаменование наступающего в 1912 г. 300-летия окончания московской смуты	Московское императорское археологическое общество	29 июня, 15 августа 1910 г.
76)	Сбор на помощь раненым и больным воинам славянских балканских государств и Греции, вовлеченных в войну с Турцией (на время первой Балканской войны по воскресным дням)	Общество Красного креста	12 октября 1912 г. – 4 июня 1913 г.

№	Наименование сбора	Адресат сбора	Период существования сбора
77)	Сбор на сооружение храма-памятника русским воинам в Лейпциге	Комитет по сооружению храма-памятника	27 января 1913 г.
78)	Сбор на сооружение храма во имя св. Николая Чудотворца и странноприимницы для русских паломников в Барграде	Барградский комитет	9 мая 1913 г.
79)	Сбор на возобновление, ремонт и постройку новых храмов в Сухумской области	нет данных	17 января 1916 г.
80)	Сбор на снабжение беднейших церквей империи церковными облачениями	Учрежденное при Марфо-Мариинской обители милосердия отделение «Церковная лепта»	1916–[разрешен до 1920]
Кружечные сборы, не подлежащие ведению церковных причтов			
81)	Кружки для сбора подаяний «на нищих и убогих» и для «богоугодных заведений» Высыпка из кружек производится членами земских или городских общественных учреждений, ежемесячно или по мере накопления их в присутствии старших или очередных священнослужителей и церковных старост. Кружки разрешаются губернаторами, по согласованию с Преосвященными, при тех церквях губернских, уездных и др. городов, при которых существование сих кружек не может влиять на уменьшение др. кружечных сборов	Губернские земские управы или Приказы общественного призрения	1847–
82)	В пользу нуждающихся славян Учрежден взамен существовавшего сбора в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине и Сербии в 1875 г. Кружки выставляются с разрешения настоятелей церквей и на указанных ими местах. Обязанность смотреть за целостью кружки лежит на обществе	Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество	1883–

Составлено по: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 92. Лл. 1–34; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 93. Лл. 1–5 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 94. Лл. 1–34; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 95. Лл. 1–15, 17–21; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 236. Лл. 1–16 об.

Таблица 2. Сведения о доходах, расходах и отчислениях приходских церквей на «местные нужды» в епархиях за 1902 г.

Епархия	«Число церквей, как платёжных единиц в епархии»	Сумма церковных доходов в 1902 году	Сумма расходов на нужды самой церкви	Количество отчислений в 1902 году	Остаток к будущему году за покрытием расходов по церкви и ее отчислений	Дефицит	Сколько % отчислено с валового дохода церквей	Сколько приходится на каждую церковь остатка к будущему году
1. Архангельская	594	155 739,71	83 070,1	56 720	20 441,70	–	36,0	34,41
2. Астраханская	192	299 526,58	199 447,46	99 419	660,12	–	33,0	3,43
3. Владикавказская	143	133 780,43	99 197,28	43 658	–	9 074,85	32,5	–
4. Владимирская	1.068 (отчет 1900 г.)	999 157,12	777 959,31	133 814	87 383,81	–	13,3	81,82
5. Вологодская	769 (1900)	521 057,69	395 534,55	107 385	18 138,14	–	20,5	23,58
6. Волынская	1937	532 043,86	326 468,5	127 835	79 429,81	–	24,0	41,0
7. Воронежская	943 (1900)	735 677,43	463 604,20	229 679	42 394,23	–	31,0	44,95
8. Вятская	691	623 712,12	402 783,43	251 994	–	31 065,31	40,3	–
9. Гродненская	467 (1900)	128 180,33	95 663,5	27 939	4 578,28	–	22,0	9,80
10. Донская	557	536 680,42	265 650,15	237 915	33 115,27	–	44,0	59,45
11. Екатеринбургская	428 (1900)	405 137,42	266 087,72	124 144	3 278,70	–	30,8	7,66
12. Екатеринославская	580	913 204,37	629 343,95	303 377	–	19 516,58	33,0	–
13. Енисейская	227	180 654,31	109 275,29	61 666	9 713,2	–	34,0	42,78
14. Забайкальская	274 (1900)	282 623,14	165 581,59	47 513	69 528,55	–	16,7	253,75
15. Иркутская	170 (1900)	254 871,92	142 588,88	50 588	61 695,4	–	19,7	362,91

Епархия	«Число церквей, как платежных единиц в епархии»	Сумма церковных доходов в 1902 году	Сумма расходов на нужды самой церкви	Количество отчислений в 1902 году	Остаток к будущему году за покрытием расходов по церкви и ее отчислений	Дефицит	Сколько % отчислено с валового дохода церквей	Сколько приходится на каждую церковь остатка к будущему году
16. Казанская	614	311 108,71	206 511,96	83 246	21 350,75	–	26,7	34,77
17. Калужская	648	868 432,46	738 723,24	104 542	25 167,22	–	12,0	38,83
18. Кишиневская	992	452 758,11	213 390,10	137 559	101 809,1	–	30,3	102,63
19. Киевская	1 436	1 094 940,63	882 324,87	160 446	52 169,76	–	14,7	36,32
20. Костромская	1 064 (1900)	498 921,43	344 883,91	121 167	32 870,52	–	24,3	30,89
21. Курская	1 022	741 792,23	477 256,62	211 000	53 373,61	–	28,5	52,22
22. Литовская	293 (1900)	90 277,99	71 111,9	11 120	8 046,90	–	12,0	27,46
23. Минская	1 017 (1900)	184 261,60	111 472,12	70 057	2 732,48	–	38,0	2,68
24. Могилевская	513	173 863,11	128 270,69	31 463	14 129,42	–	18,0	27,54
25. Московская	1 292	2 915 004,25	2 447 665,59	291 911	175 427,66	–	10,0	135,77
26. Нижегородская	904	527 373,61	404 133,41	114 475	8 765,20	–	21,7	9,69
27. Новгородская	751 (1900)	377 098,58	255 614,24	93 601	27 883,34	–	24,7	37,12
28. Олонецкая	279 (1900)	136 848,69	108 023,31	37 383	–	8 556,62	28,0	–
29. Омская	267 (1900)	221 179,44	178 395,47	79 140	–	36 356,3	35,5	–
30. Оренбургская	519 (1900)	462 341,65	328 352,82	112 680	21 308,83	–	24,25	41,5
31. Орловская	923 (1900)	694 298,59	481 488,88	139 509	73 300,71	–	20,0	79,41
32. Пензенская	745	494 563,94	371 381,94	105 797	17 385,	–	21,25	23,46
33. Пермская	401 (1900)	363 709,71	267 362,46	84 733	11 614,25	–	23,0	28,96
34. Подольская	1 499	611 606,26	456 187,63	124 859	30 559,63	–	20,3	20,38
35. Полоцкая	304	143 531,99	109 543,22	28 760	5 228,77	–	20,0	17,19
36. Псковская	401	319 732,91	204 654,19	78 244	36 834,72	–	24,3	91,85
37. Рижская	204	141 362,8	138 138,94	10 881	–	7 657,86	7,0	–

Епархия	«Число церквей, как платежных единиц в епархии»	Сумма церковных доходов в 1902 году	Сумма расходов на нужды самой церкви	Количество отчислений в 1902 году	Остаток к будущему году за покрытием расходов по церкви и ее отчислений	Дефицит	Сколько % отчислено с валового дохода церквей	Сколько приходится на каждую церковь остатка к будущему году
38. Рязанская	943	905 955,51	708 863,59	172 623	24 468,92	–	19,0	25,94
39. Самарская	793	470 583,3	316 312,98	132 117	22 153,5	–	28,0	27,93
40. С.-Петербургская	311	2 050 631,97	1 793 209,70	318 112	–	60 689,73	15,5	–
41. Саратовская	752 (1900)	591 133,81	398 562,82	173 874	18 696,99	–	29,3	24,86
42. Симбирская	690	317 435,5	220 145,85	91 625	5 664,20	–	28,75	8,20
43. Смоленская	690 (1900)	688 293,66	480 468,74	141 439	66 385,92	–	20,5	96,21
44. Ставропольская	469 (1900)	678 774,0	343 706,2	318 608	16 459,98	–	47,0	35,9
45. Таврическая	340	483 214,9	351 596,48	152 109	–	20 491,39	31,5	–
46. Тамбовская	1 109	958 095,99	682 347,94	255 570	20 178,5	–	26,7	18,19
47. Тверская	954	1 020 143,75	780 485,2	195 318	44 340	–	19,0	46,47
48. Тобольская	367 (1900)	253 073,21	145 523,50	124 977	–	17 427,29	49,0	–
49. Томская	583	290 413,25	193 794,35	108 208	–	11 589,10	37,25	–
50. Тульская	873	772 432,66	669 224,87	111 124	–	7 916,21	14,3	–
51. Туркестанская	49 (1900)	77 812,76	64 405,21	12 321	1 086,55	–	15,5	22,17
52. Уфимская	348 (1900)	167 688,32	136 538,17	50 191	–	19 040,85	30,0	–
53. Финляндская	33 (1900)	60 850,30	54 744,96	3 240	2 865,34	–	5,0	86,82
54. Харьковская	802 (1900)	901 685,25	631 096,56	233 370	37 218,69	–	25,7	46,40
55. Херсонская	594 (1900)	765 902,17	525 004,23	189 255	51 642,94	–	24,7	86,94
56. Холмско-Варшавская	401	158 918,89	136 232,60	11 327	11 359,29	–	7,0	28,32
57. Черниговская	1 127	573 038,26	341 966,35	178 275	52 796,91	–	31,0	46,84
58. Якутская	119	73 643,61	53 388,01	15 840	4 415,60	–	20,5	37,10

Епархия	«Число церквей, как платёжных единиц в епархии»	Сумма церковных доходов в 1902 году	Сумма расходов на нужды самой церкви	Количество отчислений в 1902 году	Остаток к будущему году за покрытием расходов по церкви и ее отчислений	Дефицит	Сколько % отчислено с валового дохода церквей	Сколько приходится на каждую церковь остатка к будущему году
59. Ярославская	876	634 194,08	432 592,08	131 150	70 452	–	20,7	80,42

Источник: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 94. Лл. 23–26. Из таблицы исключены Благовещенская, Владивостокская, Полтавская епархии и епархии Грузинского экзархата, поскольку данные по ним отсутствуют.

Таблица 3. Годовой круг отчетности приходского священника и график предоставления самых распространенных сборов в конце XIX века

Месяц	Вид отчетности или сбора	Куда предоставляются сведения или средства	В каком году установлена отчетность или сбор
Январь	Регистрационные карточки о умерших от заразных болезней	Через полицию уездному врачу	1890
	Карточки о родившихся, бракосочетавшихся и умерших	В губернский статистический комитет	1866
	Призывные воинские метрические выписи о всех мужчинах призывного возраста	В учреждения по месту жительства и приписки, в присутствии по воинской повинности	1874
	Оспенные ведомости	Через благочинного в губернские и уездные оспенные комитеты	1815
	Подлинные метрические книги за прошедший год с приложением «особого экстракта» – таблицы из метрических и исповедных книг о движении православного народонаселения	Через благочинного в консисторию	1841
	Отчеты опекунов над имуществом малолетних в 2-х экземплярах	Епархиальному начальству через	1841

	плярах	благочинного	
	Ведомости отцов духовников благочиннического округа	Епархиальному начальству через благочинного	1841
	Донесения о получении из казны штатного содержания (где есть)	Епархиальному начальству через благочинного	1839
	Отчетность за год по приходским расходным книгам: полная ведомость о суммах церковных, причтовых и переходящих ²²⁵³ для консистории; краткая – о суммах церковных для училищного округа; общие благочиннические ведомости.	Епархиальному начальству через благочинного	1858
	Ведомость прокурорская о сборах, пожертвованиях и похищениях	Через благочинного	1890
	Ведомость о венчиках и листах разрешительной молитвы	Епархиальному начальству через благочинного	1858
	25%-ный взнос		1870
	%-ный взнос на епархиальное женское училище (размер взноса колебался в зависимости от епархии)		1873
	%-ный взнос на составление духовно-училищного фонда		1873

²²⁵³ «Переходящие суммы» – только собираемые причтом как фискальным агентом и передаваемые другим организациям.

	(размер взноса колебался в зависимости от епархии)		
	%-ный взнос на церковно-приходские школы (размер взноса колебался в зависимости от епархии)		1886
	Взнос в эмеритальную кассу		В зависимости от времени утверждения устава епархиальной эмеритур
	Взнос на лечение бедных духовного звания		1855
	Прибыль от венчиков и листов разрешительной молитвы		1871
	Кружечный сбор за год на распространение православия между язычниками империи		1864
	Кружечный сбор за год на бедных духовного звания	В епархиальное попечительство о бедных духовного звания	1823
	Кружечный сбор за год на церкви в Туркестане		1876
	Кружечный сбор за год в пользу нуждающихся учащих славян		1883

	Кружечный сбор за год в пользу Гроба Господня		1834
	Кружечный сбор за полугодие на сооружение православных церквей в Империи	Хозяйственное управление при Синоде	1896
	Кружечный сбор за полугодие на церковно-приходские школы		1886
	Кружечный сбор за сентябрьскую треть на улучшение быта православных поклонников в Палестине		1858
	Кружечный сбор за сентябрьскую треть на восстановление православия на Кавказе		1860
	Кружечный сбор за сентябрьскую треть в пользу православной миссии в Японии		1875
	Кружечный сбор за год на содержание нищих и убогих (где есть)		1867
	Взносы причтов на епархиальные женские училища		1870-е
	Взносы причтов на составление духовно-училищного фонда		1873
	Взнос на первое полугодие на содержание рассыльного и письмоводителя при благочинном		1838
Февраль	Ведомость об учебных книгах		

	для церковно-приходских школ, требующихся на будущий учебный год		
	Проекты о составе испытательной комиссии по церковно-приходским школам (в 4-х экземплярах)		1896
	Сбор 19 февраля на построение храма в память освобождения крестьян от крепостной зависимости		1896
Март	Тарелочный сбор в Неделю православия		1871
Апрель	Тарелочный сбор в день Входа Господня в Иерусалим с особым актом об этом сборе		1886
Май	Кружечный сбор за январскую треть на улучшение быта православных поклонников в Палестине		1858
	Кружечный сбор за январскую треть на восстановление православия на Кавказе		1860
	Тарелочный сбор за январскую треть в храмовые праздники		
	Кружечный сбор в неделю о слепом		1881
9 мая	Тарелочный сбор в пользу общества спасения на водах		1891

	Взнос на содержание служащих в консистории		В зависимости от епархии
	Заявление и деньги на требующиеся бланки церковной отчетности		
	Представление церковных старост и жертвователей к наградам		1808
	Сведения о количестве приходского населения и о школах в приходе (отчет о школах церковно-приходских, грамоты с послужными списками учителей и законоучителей)		1889
Июнь	Донесения о раскольниках и сектантах в приходе	Епархиальному преосвященному	1841
	Донесения о появляющихся в приходе запрещенных книгах и брошюрах религиозного содержания		1884
	Полугодичный обзор церквей благочинным. Причтам надлежит приготовить: метрики, брачные обыски, исповедные росписи, расходные, церковные описи, церковно-приходские летописи, тетрадь братских расходов	Епархиальному начальству через благочинного	1841–1858

Июль	Кружечный сбор за полугодие в пользу больных и раненых воинов	Общество Красно-го креста	1876
	Кружечный сбор за полугодие на сооружение православных церквей в Империи	Хозяйственное управление при Синоде	1896
	Кружечный сбор за полугодие в пользу церковно-приходских школ		1886
	Донесение о получении штатного содержания из казны		1839
	Взнос благочинному на второе полугодие на содержание рассыльного и письмоводителя		1838
	Заготовка и представление приходских расходных книг на будущее трехлетие		
Август	О духовных лицах, вступивших в 25- или 50-летие служения с их послужными списками		1841
	Заявление о количестве требующихся на будущий год венчиков и листов разрешительной молитвы и деньги за них		1841
Сентябрь	Представление духовных лиц к наградам		1890
	Кружечный сбор за майскую треть на улучшение быта православных поклонников в Пале-		

	стине		
	Кружечный сбор за майскую треть на восстановление православия на Кавказе		
	Тарелочный сбор за майскую треть в храмовые праздники		
	Заявление о перемене по желанию адреса на получение «Церковных ведомостей» и др. изданий		1890
	Исповедные росписи с приложением экстракта и особой ведомости о не бывших на исповеди по опущению (по окончании Успенского поста)		1841
	Тетради для новых метрических книг на будущий год надписанные и перенумерованные		
	Ведомость о процентных бумагах, по которым получается пособие		
Октябрь	Специальный сбор со священников и диаконов на восполнение заштатному духовенству		1865
	Подписные деньги на церковную и светскую периодику (не менее 10 наименований)		1887
	Взносы в эмеритальную кассу		В зависимости от

			даты утверждения устава епархиальной эмеритур
Ноябрь	Получение %% по 4%-ным доходным вечным билетам из казначейства (где есть)		1859
	Клировые ведомости с особым приложением о заштатных и сиротах (в 4-х экземплярах)		1829
	Ведомость о церквах и белом духовенстве		1841
	Краткие сведения о состоящих в приходе школах всех ведомств		1866
	Ведомости о богадельных и больницах (где введено)		1870-е
	Ведомость о церковных библиотеках		1832
	Ведомость о раскольниках и сектантах		1841
	Донесение о произведенных церковных постройках и ремонтах		1841
	Кружечный сбор за второе полугодие в пользу больных и раненых воинов		1876

	Тарелочный сбор в 25-ю неделю о добродетельном самарянине		1895
	Взнос на добавочное содержание служащих в консистории		В зависимости от епархии
	Обозрение церквей и школ благочинным (см. июнь)		1841–1858
	Ведомость о числе произнесенных проповедей собственного сочинения		1866
	Ведомость о поведении членов причта и детей их в запечатанных конвертах		1877
Декабрь	Сведения о приходских попечительствах		1867
	Сведения об епитимийцах по суду		1895
	Ведомость о пожертвованиях свыше 100 руб. деньгами и вещами		1808
	Объяснение о капиталах свыше 200 руб., не внесенных на хранение, и о церковных процентных бумагах		1867
	Представление книжек на сбор пожертвований на построение храмов		
	Сведения о присоединении к		1841

	Православию, о браках с иноверцами с их подписками и метрическими выписями		
Вне установленных сроков	Донесения о похищениях из церквей и пожарах в церквях		
	Донесения о трещинах в стенах храма		
	Донесения об особых происшествиях в храме		
	Донесения о смерти членов причта и церковных старост		
	Донесения об избрании на должность церковного старосты		
	Донесения о смерти пенсионеров и о смерти или выходе замуж детей умерших пенсионеров		
	Донесения о смерти получающих постоянное пособие из епархиального попечительства о бедных духовного звания, а также о смерти, выходе замуж или определении на должность детей, получавших пособие		
	Донесения о смерти участников эмеритальной кассы		

	Послужные и семейные списки о псаломщиках призывного возраста		
	Проекты условий на отдачу в аренду церковных оброчных статей в 2-х экземплярах		

Составлено по: *Сироткин Н.Е., свящ.* Для руководства священно-церковно-служителей практические указания или табель, когда, о чем и на каком основании должны быть представляемы церковными причтами разные сведения, донесения, отчеты, денежные взносы и сборы. М., 1897; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 93. Лл. 1–5 об. В таблице представлены только пункты отчетности, общие для всех епархий Российской Церкви, в силу епархиальных особенностей в каждом конкретном случае их могло быть больше.

Приложение 5. Ход работ в Отделе «О благоустройении прихода» Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг.

№ за сес- д.	Дата и время засе- даний	Место засе- даний	Председательству- ющий	Количество присуство- вавших чле- нов Отдела	Основные вопросы, обсуждавшиеся на заседании
1.	31.08.1917 17.00–18.30	Соборная палата	Архиеп. Назарий (Кирил- лов) Еп. Андрей (Ухтомский)	100	Избрание председателя, заместителей председателя, назначение секретарей.
2.	4.09.1917 10.00–13.15	Соборная палата	Еп. Андрей (Ухтомский)	113	Обсуждение общих положений временного приходского устава; избрание комиссии докладчиков.
3.	11.09.1917 10.00–11.30	Соборная палата	Еп. Андрей (Ухтомский)	93	Обсуждение порядка выработки приходского устава.
4.	15.09.1917 17.00–20.30	Соборная палата	Еп. Андрей (Ухтомский) В. А. Потулов	111 + 9 членов Собора	Обсуждение начальных параграфов приходского устава (§§ 1–4), дискуссия об определении прихода, о территориальности прихода.
5.	18.09.1917 10.15–14.10	н/д	Еп. Андрей (Ухтомский)	117 + 4 члена Собора	Продолжение предшествующей дискуссии.
6.	21.09.1917 10.30–12.00, 12.30–14.30	Соборная палата	В. А. Потулов	114	Самоотвод еп. Андрея (Ухтомского) с поста председателя Отдела; обсужде- ние поправок, предложенных членами Отдела к начальным параграфам уста- ва, голосование по этим поправкам.
7.	22.09.1917 17.00–20.40	н/д	В. А. Потулов	110 + 1 член Со- бора	Избрание новых председателя Отдела и его заместителя; продолжение об- суждения начальных параграфов устава, дискуссия по вопросу о процедуре открытия новых приходов.
8.	25.09.1917 11.30–13.30	Соборная палата	В. А. Потулов	91 + 4 члена Со- бора	Продолжение дискуссии о порядке открытия новых приходов. Инцидент с архиеп. Евдокимом (Мещерским).
9.	29.09.1917 17.25–19.45	н/д	Священник Феодор Григо- рьев	90	Обсуждение параграфа, говорящего о целях существования прихода, голосо- вание поправок к нему.
10.	2.10.1917 10.30–11.30, 12.00–13.15	Соборная палата	В. А. Потулов	88 + 6 членов Собора	Обсуждение вопроса о порядке изменения территориальных границ прихода; обсуждение порядка обращения самостоятельного прихода в приписной и его ликвидации, голосование по поправкам к соответствующим параграфам.
11.	4.10.1917 9.20–14.30	н/д	В. А. Потулов	107–37	Вопрос о расширении состава комиссии докладчиков, выборы новых ее чле- нов; обсуждение следующих параграфов устава: дискуссия о том, обязывать ли прихожан охранять свои храмы, могут ли быть у православных «молит- венные дома», может ли быть у прихода «попечитель»-храмоздатель.
12.	6.10.1917 17.30–18.30, 18.45–21.00	Соборная палата	В. А. Потулов Священник Феодор Григо- рьев	92 + 6 членов Собора	Продолжение выборов новых членов комиссии докладчиков. Обсуждение и голосование предложения еп. Андрея (Ухтомского) вынести вопрос о терри- торальном принципе формирования прихода на рассмотрение общего со-

№ за сес- д.	Дата и время заседаний	Место заседаний	Председательствующий	Количество присутствовавших членов Отдела	Основные вопросы, обсуждавшиеся на заседании
					брания Собора (отклонено). Голосование поправок к статьям, обсуждавшимся в предыдущем заседании: об источниках средств для строительства приходских церквей и о присвоении храмоздателю звания «попечителя». Обсуждение вопроса о возможности сборов на построение храма вне прихода, голосование поправок к соответствующему параграфу. Обсуждение вопроса о возможности построения новых часовен, голосование поправок к соответствующему параграфу.
13.	9.10.1917 10.20–14.10	Соборная палата	В. А. Потулов	101 + 1 член Собора	Обсуждение вопроса о выборности приходского духовенства и механизме этих выборов.
14.	12.10.1917 10.30–12.45, 13.00–14.15	Соборная палата	В. А. Потулов Священник Феодор Григорьев	114	Продолжение обсуждения вопроса о выборности приходского духовенства. Доклад профессора И.М. Покровского «об истории выборов духовенства на Руси».
15.	13.10.1917 17.20–20.30	Соборная палата	Священник Феодор Григорьев	110	Продолжение обсуждения вопроса о выборности приходского духовенства.
16.	16.10.1917 10.30–13.00, 13.15–14.30	Соборная палата	Священник Феодор Григорьев В. А. Потулов	130	Продолжение обсуждения вопроса о выборности приходского духовенства.
17.	20.10.1917 17.20–20.10	н/д	В. А. Потулов	124	Продолжение обсуждения вопроса о выборности приходского духовенства. Обсуждение формул перехода к постатейному чтению главы «О причте».
18.	26.10.1917 10.30–14.10	н/д	В. А. Потулов	151–104	Завершение прений по вопросу о выборности приходского духовенства. Голосование по вопросам, допускать или нет выборность духовенства в принципе, вводится оно немедленно или откладывается, ограничивается ли какими-либо условиями или нет, делается ли оно обязательным для всех приходов или приходы могут отказаться от его использования. Переход к постатейному чтению 3-й главы приходского устава «О причте».
19.	27.10.1917 17.20–20.10	н/д	В. А. Потулов	116–74	Постатейное чтение главы «О причте» (§§ 12–14).
20.	6.11.1917 16.20–18.30, 18.45–19.20	Каб. № 8	В. А. Потулов	72	Продолжение постатейного чтения главы «О причте» (§ 15 – о выборах приходского духовенства).
21.	9.11.1917 10.20–14.30	н/д	В. А. Потулов	92–50	Продолжение обсуждения § 15 главы «О причте» – механизма выборов приходского духовенства. Избрание членов Комиссии по составлению инструкции для членов причта.
22.	10.11.1917 17.20–20.00	Соборная палата	В. А. Потулов	84	Продолжение обсуждения § 15 главы «О причте» – механизма выборов приходского духовенства.
23.	14.11.1917 17.15–20.30	Каб. № 8	В. А. Потулов	60	Завершение обсуждения § 15 главы «О причте». Обсуждение и голосование § 16 (о перемещении членов причта) и § 17 (о прочтении ставленной грамоты

№ за сес- д.	Дата и время заседаний	Место заседаний	Председательствующий	Количество присутствовавших членов Отдела	Основные вопросы, обсуждавшиеся на заседании
					прихожанам). Обсуждение §§ 18–21 о запасных священниках.
24.	15.11.1917 17.00–20.00	н/д	В. А. Потулов	51	Обсуждение предложения об обращении к Соборному Совету с просьбой о напоминании «второстепенным Отделам» о необходимости приостановить их занятия с тем, чтобы три Отдела, в том числе и V Отдел, которым Соборным Советом поручено закончить работы в первую очередь, могли работать непрерывно (отклонено). Назначение временного заместителя еп. Вятского Никандра (Феноменова). Избрание представителей V Отдела в Комиссию для разработки вопроса о пользовании церковной и причтовой землей, созданной при XVII Отделе о правовом и имущественном положении духовенства. Завершение обсуждения §§ 17–20 (по новой нумерации) о запасных священниках и голосование по ним. Начало обсуждения IV главы устава «О прихожанах». Избрание заместителем председателя Отдела архиеп. Серафима (Чичагова).
25.	16.11.1917 17.00–20.00	Каб. № 8	В. А. Потулов	47	Окончание обсуждения IV главы устава «О прихожанах» (§§ 24–27). Обсуждение главы V «Об управлении приходскими делами» (§§ 28–31, 33).
26.	22.11.1917 17.00–20.00	н/д	В. А. Потулов	62	Продолжение обсуждения главы V «Об управлении приходскими делами» (§§ 34–38): дискуссия о различных ограничениях для участия в приходских собраниях.
27.	23.11.1917 17.00–21.00	Каб. № 8	В. А. Потулов	60	Продолжение обсуждения главы V «Об управлении приходскими делами» (§§ 39–46): дискуссия об ограничениях для участия в приходском собрании, о кворуме собрания (соответствующие параграфы возвращены в Комиссию докладчиков), о председателе приходского собрания.
28.	27.11.1917 17.30–20.00	Каб. № 8	В. А. Потулов	63	Продолжение обсуждения главы V «Об управлении приходскими делами» (§§ 46, 42–44, 47–48): дискуссия о заместителе председателя приходского собрания, о системе представительства на приходских собраниях в многолюдных приходах (параграфы возвращены в Комиссию докладчиков), о полномочиях приходского собрания. Дополнение Комиссии докладчиков двумя новыми членами.
29.	29.11.1917 17.10–20.40	н/д	Архиеп. Серафим (Чичагов)	66	Продолжение обсуждения главы V «Об управлении приходскими делами» (§§ 43–47): дискуссия о размере кворума приходского собрания, обсуждение и принятие параграфов о системе представительства на приходских собраниях в многолюдных приходах, обсуждение вопроса об условиях действительности приходских собраний, созываемых после собраний, не состоявшихся за отсутствием кворума.
30.	30.11.1917 17.30–20.30	Каб. № 8	В. А. Потулов	42–21	Продолжение обсуждения главы V «Об управлении приходскими делами» (§ 48): обсуждение и голосование поправок к параграфу о круге дел, подлежащих ведению приходского собрания; инцидент с архиеп. Серафимом (Чича-

№ за сес- д.	Дата и время заседаний	Место заседаний	Председательствующий	Количество присутствовавших членов Отдела	Основные вопросы, обсуждавшиеся на заседании
					говым).
31.	1.12.1917 17.20–20.30	Каб. № 8	В. А. Потулов	53	Продолжение обсуждения параграфа о круге дел приходского собрания и поправок к нему (§ 48); обсуждение и голосование поправок к параграфу о полномочиях председателя приходского собрания и о праве обжалования постановления приходского собрания (§§ 49–54).
32.	4.12.1917 17.20–20.30	н/д	В. А. Потулов	40	Обсуждение параграфа о порядке вступления постановлений приходского собрания в законную силу. Начало обсуждения главы VII о церковно-приходском совете; обсуждение и голосование поправок к параграфам о составе приходского совета, его полномочиях и председателе.
33.	22.01.1918 17.00–20.30	н/д	В. А. Потулов	38	Доклад прот. Романа Медведя «Организация братств как путь к возрождению церковных общин». Обсуждение предложения Собора о срочном представлении ему семи важнейших пунктов Приходского устава. Продолжение обсуждения главы VII о церковно-приходском совете; обсуждение параграфов о круге дел председателя, казначея и делопроизводителя, о правилах работы приходского совета, его кворуме, ответственности его членов; о печати приходского совета.
34.	23.01.1918 17.00–20.15	н/д	В. А. Потулов	44 + 1 член Собора	Обсуждение главы о «Просвещении населения» (о церковно-приходских школах); дискуссия о механизме участия прихода в выборе учителей для церковно-приходских школ.
35.	31.01.1918 17.30–20.15	Соборная палата	Священник Феодор Григорьев	39	Обсуждение главы «О союзах приходов».
36.	6(19).02.1918 17.30–19.15, 19.15–20.45	Каб. № 8	Священник Феодор Григорьев	38	Обсуждение возможности ускорить работу Отдела в виду перспективы прекращения деятельности Собора. Завершение обсуждения главы «О союзах приходов». Обсуждение главы «О кафедральных и уездных соборных храмах»; дискуссия о способах содержания кафедральных соборов, имеющих приход.
37.	9(22).02.1918 12.00	Каб. № 8	В. А. Потулов	28	Экстренное заседание: выборы докладчиков по проекту, выработанному Отделом; избраны В. А. Потулов, Н. Д. Кузнецов, священник Феодор Григорьев.
38.	14(27).02.1918 17.00–20.50	Каб. № 3	В. А. Потулов Священник Феодор Григорьев	29	Обсуждение запросов с мест (об участии в приходских собраниях иностранных подданных, о процедуре выбора священника в многоштатном приходе). Дискуссия по вопросу о способе выбора настоятеля уездного собора (решение отложено). Обсуждение главы «О кладбищенских храмах и кладбищах».
39.	19.02(3.03). 1918 17.00–19.00 19.00–20.15	Каб. № 8	Священник Феодор Григорьев	35	Завершение обсуждения главы «О кладбищенских храмах и кладбищах». Обсуждение формы приходской книги (приложение к § 23 проекта приходского устава).

№ за сессии	Дата и время заседаний	Место заседаний	Председательствующий	Количество присутствовавших членов Отдела	Основные вопросы, обсуждавшиеся на заседании
40.	20.02(4.03).1918 17.00–20.00	н/д	Священник Феодор Григорьев	40	Обсуждение проекта «Инструкции членам причта».
41.	21.02(5.03).1918 18.00–19.00 19.00–20.15	Каб. № 8	Священник Феодор Григорьев	63	Продолжение обсуждения проекта «Инструкции членам причта».
42.	23.02(7.03).1918 17.00–20.20	н/д	Священник Феодор Григорьев	38	Продолжение обсуждения проекта «Инструкции членам причта».
43.	26.02(10.03).1918 17.20–20.30	Каб. № 1	В. А. Потулов	58	Обсуждение § 12 проекта приходского устава (о составе причта) по результатам обсуждения в пленарном заседании Собора.
44.	27.02(11.03).1918 17.00–20.30	Зал духовной семинарии	В. А. Потулов	53 + члены Собора	Окончание обсуждения § 12 проекта приходского устава (о составе причта) по результатам обсуждения в пленарном заседании Собора.
45.	28.02(12.03).1918 17.15–20.30	Каб. № 1	Священник Феодор Григорьев	39	Окончание обсуждения проекта «Инструкции членам причта». Обсуждение запроса из села Малахова Угличского уезда. Обсуждение новой формы приходской книги, выработанной комиссией Отдела.
46.	5(18).03.1918 17.30–20.30	Каб. № 5	В. А. Потулов	24	Обсуждение отношения XVII Отдела о совместном обсуждении вопроса о самообложении приходов в пользу причтов. Обсуждение главы проекта приходского устава «О храмовом и приходском имуществе».
47.	6(19).03.1918 18.15–20.45	Каб. № 3	В. А. Потулов	30	Окончание отложенного ранее обсуждения §§ 1 и 50 «Инструкции членам причта». Продолжение обсуждения главы «О храмовом и приходском имуществе».
48.	7(20).03.1918 18.00–20.30	Каб. № 3	В. А. Потулов	28	Продолжение обсуждения главы «О храмовом и приходском имуществе».
49.	12(25).03.1918 17.20–20.45	Каб. № 5	В. А. Потулов	34	Обсуждение вопроса о церковных старостах.
50.	13(26).03.1918 10.00–13.30	Каб. № 10	В. А. Потулов	27	Обсуждение вопроса о церковных старостах бесприходных соборов и церквей. Продолжение обсуждения главы «О храмовом и приходском имуществе».
51.	13(26).03.1918 17.15–19.45	Каб. № 4	В. А. Потулов	17	Завершение обсуждения вопроса о церковных старостах; принятие статьи о печати прихода; завершение обсуждения формы приходской книги (передача этого вопроса на усмотрение Высшего церковного совета). Завершение обсуждения вопроса о домовых храмах (постановлено передать разработку правил о них высшему церковному управлению). Вопрос о обеспечении ду-

№ за сес- д.	Дата и время заседаний	Место заседаний	Председательствующий	Количество присутствовавших членов Отдела	Основные вопросы, обсуждавшиеся на заседании
					ховенства через приходское самообложение отложен до совместного обсуждения V и XVII Отделов. Завершение работы Отдела над проектом «Положения о православном приходе»; Отдел выражает благодарность председателю В. А. Потулову.
52.	20.03(2.04). 1918 17.00–18.20	Каб. № 5	В. А. Потулов	14	Обсуждение предложения 47 членов Собора (прот. П. Лахостский и др.) о дополнении главы устава о союзах приходов положением, согласно которому эти союзы должны существовать на всех уровнях церковного управления (приходском, благочинническом, уездном, епархиальном, всероссийском при Патриархе); передача этого вопроса в специальную комиссию.
53.	29.03(11.04). 1918 н/д	н/д	В. А. Потулов	н/д	Экстренное заседание для избрания докладчика по § 121 (о числе юридических лиц в приходе) и след.
54.	30.03(12.04). 1918 17.30–19.30	Каб. № 8	В. А. Потулов	20	Редактирование параграфов из главы «О храмовом и приходском имуществе» и о церковных старостах в соответствии с редакцией § 121, данной на пленарном заседании Собора (утверждение одного юридического лица в приходе – храма). Обсуждение доклада о союзах приходов всех уровней; решение о составлении положения о Всероссийском союзе приходов как приложении к уставу особой комиссией.
55.	3(16).04.1918 10.15–н/д	н/д	В. А. Потулов	17	Рассмотрение заявлений 61-го и 30-ти членов Собора о необходимости пересмотра новой редакции § 121 приходского устава или дополнении его примечанием, которое позволяло бы и приходу быть юридическим лицом и распорядителем церковного имущества. Принято решение вынести эти предложения на повторное обсуждение Собора.

Составлено по: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 269; Д. 270; Д. 271.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 3431. Всероссийский церковный поместный собор (Священный собор).

Ф. 3696. Временное высшее церковное управление на юго-востоке России (главнокомандующий вооруженными силами на юге России).

Российский Государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора.

Ф. 549. Управление делами вел. кн. Николая Михайловича Министерства императорского двора.

Ф. 746. Русское историческое общество.

Ф. 796. Канцелярия Святейшего Синода.

Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода.

Ф. 799. Хозяйственное управление при Святейшем Синоде.

Ф. 802. Учебный комитет при Святейшем Синоде.

Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Ф. 1101. Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов.

Ф. 1276. Совет министров.

Ф. 1278. Государственная дума.

Ф. 1405. Министерство юстиции.

Ф. 1569. Извольский П.П.

Ф. 1574. Победоносцев К.П.

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

Ф. 192. Бенешевич В.Н.

Отдел рукописей и малотиражных изданий Национальной библиотеки Финляндии

Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko (Малотиражные издания IV. 1810–1944. IV. Церковь. Православная церковь).

II. Документальные материалы

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук (ААЭ). Т. 1–4. СПб., 1836–38. Т. 4 (1645–1700).

Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Пг., 1915.

Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886.

Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899.

Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 г. СПб., 1901.

Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916.

Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия четвертая. Заседания 17–37 (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). Пг., 1916.

Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь, 2000.

Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1–11. М., 1994–2000.

Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. М., 2012.

Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 4. Документы Совещания епископов и Судной комиссии Собора. М., 2015.

Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е. М., 2015.

Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора. М., 2014.

Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. Протоколы заседаний и материалы Отдела о благоустроении прихода / отв. ред. *А.Л. Беглов*. М., 2017.

Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Тт. 1–4. СПб., 1906–1907.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству Православного исповедания за 1866 г. СПб., 1867.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1867 г. СПб., 1868.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1868 г. СПб., 1869.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1869 г. СПб., 1870.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 г. СПб., 1871.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 г. СПб., 1872.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1872 г. СПб., 1873.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1873 г. СПб., 1874.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1874 г. СПб., 1876.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1875 г. СПб., 1876.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1876 г. СПб., 1877.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1877 г. СПб., 1878.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1878 г. СПб., 1879.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1879 г. СПб., 1881.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1880 г. СПб., 1882.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1881 г. СПб., 1883.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1882 г. СПб., 1884.

Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1883 г. СПб., 1885.

Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб., 1864.

Инструкция благочинному приходских церквей, изъясненная указами Св. Синода, распоряжениями епархиального начальства, сводом законов и церковной практикой / сост. благочинный *протоиерей Александр Малевинский*. СПб., 1910.

Инструкция церковным старостам (Высочайше утвержденная 17 апреля 1808 года) и последовавшие с того времени законоположения, относящиеся к обязанностям их / сост. протоиерей *Иоанн Чижевский*. Харьков, 1883.

Инструкция церковным старостам, с присовокуплением всех вообще форм. М., 1847.

Краткий свод законоположений, относящихся до церковных старост / сост. *Я. Ивановский*. СПб., 1883.

Луппов П. Краткий статистический обзор условий религиозно-просветительной деятельности Российской Православной Церкви при изменившемся устройстве России и по отделении Церкви от государства // Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 419–450.

Новая инструкция церковным старостам (высочайше утвержденная 12 июня 1890 года), дополненная руководственными по предмету церковного хозяйства Указами Святейшего Синода и разъяснительными распоряжениями епархиального начальства / сост. *В.А. Маврицкого*. М., 1896.

Нормальный Устав для приходов Северо-Американской Православной епархии // Американский православный вестник. 1909. Vol. XIII. № 6. 18(31) марта. С. 101–110.

О внесении изменений и дополнений в Устав Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 3. С. 76.

Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга / Составил Я. Ивановский. СПб., 1883.

Определение Св. Синода от 18 ноября 1905 г. за № 5900 «по вопросу об устройении церковно-приходской жизни и пастырских собраний» // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. № 48. 26 ноября. С. 523–525.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 г. М., 2005.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 г. М., 2006.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2. М., 2004.

Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П.Е. Щеголева. Тт. 1–7. М.–Л.: Госиздат, 1924–1927. Т. 1: Допросы: А. Н. Хвостова, Е. К. Климовича, А. Д. Протопопова, С. С. Хабалова, А. Т. Васильева, Б. В. Штюрмера, В. Л. Бурцева, А. Н. Наумова, кн. М. М. Андроникова. М.–Л., 1926. Т. 2: Допросы: А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андроникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Кафафова, М. А. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова. М.–Л., 1925. Т. 4: Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого. Л., 1925.

«Пастырь» Ерма // Писания мужей апостольских. [М.,] 2008. С. 222–309.

Письма святителя Тихона: Американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского / Сост. *А.В. Попов*. СПб., 2010.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе (ПСЗ(2)). В 129 т. СПб., 1830–1885. Т. 16 (1841), Т. 33 (1858), Т. 39 (1864), Т. 39 (1864), Т. 40 (1865), Т. 42 (1867), Т. 44 (1869).

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое (ПСЗ(1)). В 50 т. СПб., 1830. Т. 1 (1649–1675), Т. 6 (1720–1722), Т. 10 (1737–1739), Т. 38 (1822–1823).

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье (ПСЗ(3)). В 33 т. СПб., 1885–1916. Т. 3 (1883), Т. 10 (1890), Т. 25 (1905), Т. 26 (1906).

Положение о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. (Особое приложение к тому IX Законов о состояниях.) С приложением правил о переделе мирских земель, закона о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских надельных земель и оглавления и алфавитного (предметного) указателя. СПб., 1894.

Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям Епархиального Начальства. М., 1900.

Проект приходского Устава, выработанный комиссией под председательством преосвященного Уфимского Андрея // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 6 июня. № 42. С. 3–4; 9 июня. № 44. С. 4.

Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской археографической комиссией. Т. XII. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. 1500–1699. СПб., 1890.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996.

Священный Собор Православной Российской Церкви. Обзор Деяний. Т. 1–3. М., 2000–2002.

Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 1–4. М., 1918.

Следственное дело патриарха Тихона. Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

Современники о Патриархе Тихоне: Сб. в 2 ч. / Сост. и автор коммент. *М.Е. Губонин*. М., 2007.

Устав духовных консисторий, изъясненный 1. Полным собранием свода законов Российской империи. 2. Статьями духовного регламента. 3. Указами Святейшего Синода. С приложением подлинного текста. 1. Инструкции благочинным белого духовенства. 2. Инструкции благочинным монастырей. Первый полный с объяснениями сборник действующих по Духовному ведомству узаконений: Настольная книга / под ред. *Ф.В. Ливанова*. СПб., 1871.

Устав духовных консисторий. СПб., 1841.

Устав духовных консисторий. СПб., 1883.

Устав об управлении Русской Православной Церкви. М., 1989.

By-Laws of the Corporation of the “Archbishop and Consistory of the Russian Orthodox Greek Catholic Church”. Устав корпорации «Архиепископ и консистория Русской Православной Греко-Кафолической Церкви». Б. м., 1918.

III. Справочные материалы

Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721—1895 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / сост. *С.В. Калашиников*. Харьков, 1896.

Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897.

Архиереи Русской Православной Церкви (1700–1917) // *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 670–782.

Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга / Составил *Я. Ивановский*. СПб., 1883.

Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. Тт. 1–2. СПб., 1913.

Положение о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. (Особое приложение к тому IX Законов о состояниях.) С приложением правил о переделе мирских земель, закона о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских надельных земель и оглавления и алфавитного (предметного) указателя. СПб., 1894.

Положения о сельском состоянии. Особое приложение к тому IX Законов о состояниях. СПб., 1876.

Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям Епархиального Начальства. М., 1900.

Сироткин Н.Е., свящ. Для руководства священно-церковно-служителей практические указания или табель, когда, о чем и на каком основании должны быть представляемы церковными причтами разные сведения, донесения, отчеты, денежные взносы и сборы. М., 1897.

Устав духовных консисторий, изъясненный 1. Полным собранием свода законов Российской империи. 2. Статьями духовного регламента. 3. Указами Святейшего Синода. С приложением подлинного текста. 1. Инструкции благочинным белого духовенства. 2. Инструкции благочинным монастырей. Первый полный с объяснениями сборник действующих по Духовному ведомству узаконений: Настольная книга / под ред. *Ф.В. Ливанова*. СПб., 1871.

Церковное хозяйство или правила и постановления касательно благоустройства храмов и церковного имущества, извлеченные из свода законов и указов Святейшего Правительствующего Синода протоиереем *Иоанном Чижевским*. Харьков, 1875.

Чижевский Иоанн, протоиер. Церковное писмоводство. Собрание правил, постановлений и форм к правильному ведению онаго. Харьков, 1881.

Члены Государственной Думы. (Портреты и биографии.) Четвёртый созыв. 1912–1917 гг. / Сост. *М.М. Боиович*. М., 1913.

IV. Дневники и воспоминания

Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1–2. Царствование Николая II. Т. 3. Детство. Царствования Александра II и Александра III. (1849–1894). Л., 1924.

Воспоминания Алексея Михайловича Альбицкого (1840–1919), священника села Шекшова Суздальского уезда // Страницы истории России в летописи одного рода: (Автобиографические записки четырех поколений русских священников): 1814–1937 / сост., коммент. Л.П. Соколовой-Ковальчук. М., 2004. С. 87–127.

Воспоминания Евгения Андреевича Елховского (1869–1937), священника женского Свято-Никольского монастыря г. Переславль-Залесский // Страницы истории России в летописи одного рода. (Автобиографические записки четырех поколений русских священников). 1814–1937. М., 2004. С. 129–365.

Воспоминания Михаила Сильча Альбицкого (1814–1890), священника женского Феодоровского монастыря г. Переславля-Залесского // Страницы истории России в летописи одного рода: (Автобиографические записки четырех поколений русских священников): 1814–1937 / сост., коммент. Л.П. Соколовой-Ковальчук. М., 2004. С. 9–85.

Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания. Тт. 1–2. СПб., 2009.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Подг. текста и комм. Н.П. Соколова. М., 2000.

Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг. / Сост. *А.В. Репников*. М., 2008.

Дневник священника Иоанна Зарецкого. [1891–1895]. Калуга, 2007.

Дневники императора Николая II / Общ. ред. и предисл. *К.Ф. Шацило*, сост., коммент., прим. *В.П. Козлов, Т.Ф. Павлова, З.И. Перегудова*. Б.м., 1991.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994.

Игнатия, схимонахиня. Мой XX век // Альфа и Омега. 2008. № 1(51). С. 233–246.

Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010.

Пимен (Хмелевской), архиеп. Дневники. Саратовская епархия. Часть 1: 1965–1984. Часть 2: 1985–1993. Саратов, 2014.

Родзянко М.В. Крушение Империи (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Архив русской революции / изд. *И.В. Гессеном*. Т. 17–18. М., 1993.

Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010.

Щукин С., прот. «Не гонитесь за большим» // *Концевич И. М.* Оптиная пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.

V. Публицистика, научная полемика, проекты реформ

Андрей, еп. Уфимский. Об организации приходской жизни // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 19 июля. № 72. С. 1–2.

Барсов Е.В. Новейшие толковники древних церковных правил // Церковные ведомости. 1907. № 4. С. 142–146.

[*Белюстин Иоанн, свящ.*] Описание сельского духовенства. Berlin, Paris, London, 1858.

Бердников И.С. О протестантском и православном приходе в Финляндии. СПб., 1908.

Бердников И.С. Сепаратный проект положения о православном русском приходе. СПб., 1906.

Бердников И.С. Смысл XIII правила Лаодикийского собора // Православный Собеседник. 1908. № 5, 6, 9.

Бердников И.С. Что нужно для обновления православного русского прихода? СПб., 1907.

Болдовский А.Г. Возрождение прихода (обзор мнений печати). СПб., 1903.

Васильев Аф. Первое явление воскресающей соборности. Рижский епархиальный собор 20 сентября – 6 октября 1905 года // Церковные ведомости, издава-

емые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. Прибавления. № 48. 26 ноября. С. 2047–2062.

Васильчиков А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1–3. СПб., 1869–1871.

Вопросы приходский, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в 3-й Государственной думе. Сессия II-я 1908–1909 г. СПб., 1910.

Димитрий, еп. Новомиргородский. Письмо православного епископа // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 12. 24 марта. Стб. 362–365.

Доклад Московской губернской земской управы по вопросу о предоставлении высшему правительству ходатайства Московского Губернского Земства об организации приходов // Московское губернское земское собрание. 1883. № 30. С. 1–9.

Заозерский Н.А. Братское дело в православной России: По поводу брошюр господина Папкова и священника Фуделя о церковных братствах и приходских попечительствах. [*Папков А.А.* Церковные братства. СПб., 1893; *Фудель И.И., свящ.* Основы церковно-приходской жизни. М., 1894; *Он же.* К реформе приходских попечительств. М., 1894.] // Богословский вестник. 1894. Т. 4. № 10. С. 174–197 (2 пагин.).

Заозерский Н.А. Замечания к проекту православного приходского управления: (По поводу брошюры: Папков А.А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб., 1902) // Богословский вестник. 1902. Т. 3. № 10. С. 200–216 (2 пагин.).

Заозерский Н.А. Смысл и значение так называемого 13 правила Лаодикийского собора: (По поводу мнений А. А. Папкова, М. А. Остроумова и Е. В. Барсова) // Богословский вестник. 1907. Т. 1. № 4. С. 639–661 (2 пагин.).

Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? // Богословский вестник. 1911. Т. 3. № 11. С. 523–562 (2 пагин.); № 12. С. 653–687 (3 пагин.); 1912. Т. 1. № 2. С. 319–350 (3 пагин.).

Иванов П.А., свящ. Реформа прихода. Томск, 1914.

Иванцов-Платонов А.М., прот. О русском церковном управлении. Двенадцать статей из №№ 1–16 газеты «Русь» 1882 года. СПб., 1898.

К.И. Что такое церковный староста? Опыт историко-критического исследования о происхождении и развитии института церковных старост в России. СПб., 1902.

Михаил, иеромонах. Очерк преобразования строя церковного управления в Константинопольском патриархате в 1858–1900 годах // Православный собеседник. 1902. Июнь. С. 57–126.

Необходима ли передача храмов и храмового имущества в собственность приходов? Речь представителя от мирян г. Москвы присяжного поверенного К.А. Минятова в пленарном заседании Всероссийского съезда духовенства и мирян 8 июня 1917 г. // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 25 июня. № 56. С. 2–4.

О желательных преобразованиях в управлении православною Церковью. Положения, внесенные в комитет министров высокопреосвященным митрополитом Антонием // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 15. 14 апреля. Стб. 451–453.

О мерах к улучшению материального положения православного сельского духовенства. (По Высочайше учрежденному Присутствию по делам Православного духовенства). СПб., 1880.

Обзор некоторых сторон деятельности духовного ведомства за 1910 г. СПб., 1911.

Объяснительная записка по делу о продаже Екатеринославской духовной консисторией агроному М.Д. Волынскому угольной земли (около 150 десятин), принадлежавшей причту Александро-Свирской церкви Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии. СПб., 1910.

Одарченко К.Ф. Приход и братство. СПб., 1899.

Орловская епархия в 1906–1908 гг. при преосвященнейшем епископе Серафиме (Чичагове). Кишинев, 1914.

Осипов Н.О. О причинах упадка влияния духовенства на народ. (Читано в собрании столичных проповедников). СПб., 1900.

Остроумов М.А. Вниманию православного общества (ответ А.А. Папкову) // Церковные ведомости. 1907. № 2. С. 53–57.

Папков А. А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. СПб., 1902.

Папков А. Новое устройство православных приходов в Финляндии // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. СПб., 1905. Прибавления. № 52. 24 декабря. С. 2284–2286.

Папков А.А. Беседы о православном приходе. СПб., 1912.

Папков А.А. Братства. Очерк истории западно-русских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900.

Папков А.А. Древнерусский приход: Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII в. и в Западной России до XVII в. // Богословский вестник. 1897. Т. 1. № 2. С. 251–284 (3 пагин.); № 3. С. 373–395 (3 пагин.); Т. 2. № 4. С. 42–67 (2 пагин.).

Папков А.А. Единственный возможный в настоящее время путь к восстановлению православного прихода – явочный порядок: (Воззвание к священникам и прихожанам). СПб., 1905.

Папков А.А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900.

Папков А.А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб., 1902.

Папков А.А. Несколько замечаний по истории древне-русской общины. (Лекция, читанная в Русском Собрании 13 ноября 1901 г. в отделе «народного права»). Из журнала «Вестник права» (Декабрь 1901 г.). СПб., 1901.

Папков А.А. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в северной России. (Отдельный оттиск из журнала «Русский вестник»). М., 1898.

Папков А.А. Правило или заголовок. Ответ профессору Остроумову и г. Барсову по вопросу о значении так называемого 13-го правила Лаодикийского Собора // Церковные ведомости. 1907. № 21. С. 844–847.

Папков А.А. Упадок православного прихода в XVIII–XIX вв. М., 1899.

Папков А.А. Церковные братства. СПб., 1893.

[*Папков А.А.*] Докладная записка о необходимости восстановления «прихода» в качестве церковно-общественной единицы. Б.м., [1902.]

Присутствие по делам православного духовенства. О службе православного белого духовенства. СПб., 1880.

Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. Издание парламентской фракции «Союза 17 октября». СПб., 1914.

Рассмотрение издаваемого и редактируемого священником Владимиром Востоковым журнала «Отклики на жизнь» на основании слова Божия, писания св. отцов и правил св. церкви / [*Прот. Христофор Максимов, прот. Иоанн Добров, Андрей Журавлев* и др.] М., 1916.

Рункевич С.Г. Новый опыт оживления приходской самодеятельности. СПб., 1914.

Самарин Д. Приход. Ч. 1–2. М., 1867–1868.

Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 1. Крестьянское дело. М., 1903. Т. 2. Статьи о приходе. Статьи разнородного содержания. М., 1908.

Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Книга Р. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» и предположения Петербургских дворян об организации всесословной волости. Берлин, 1875.

Свидерский М., свящ. Вопрос о церковном приходе в Предсоборном присутствии и в русской литературе XX в. Киев, 1913.

Серафим, архиеп. Тверской. О возрождении приходской жизни. Обращение к духовенству Тверской епархии. Пг., 1916.

Серафим, еп. Орловский и Севский. Годовой отчет о деятельности приходских советов в Орловской епархии. 1906 год. Орел, 1907.

Титлинов Б.В., проф. Церковь во время революции. Пг., 1924.

Тихомиров Л.А. Современное положение приходского вопроса. М., 1907.

Фудель И.И., свящ. К реформе приходских попечительств. М., 1894.

Фудель И.И., свящ. Основы церковно-приходской жизни. М., 1894.

Церковные вопросы в России: I. Русское духовное ведомство под управлением... статс-секретаря Константина Петровича Победоносцева. II. Старообрядческая церковь. III. Церковно-приходские школы и жалованье российскому духовенству. IV. Палестинское общество в России и другие вопросы. Браи́ла, 1896.

Шаховской М.Л. Мелкая земская единица: Доклад, прочитанный в Харьковском отделении «Русского собрания» 27 февраля 1904 г. Харьков, 1904.

Щербатов А.Г. Православный приход – твердыня русской народности. М., 2010.

Янковский Ф.И., прот. О преобразовании русской православной Церкви // Христианское чтение. 1906. № 11. С. 621–643; № 12. С. 801–831.

З. О нашем высшем церковном управлении. (Отдельный оттиск из журнала «Русский вестник»). СПб., 1891.

VI. Периодика

Американский православный вестник. 1907.

Биржевые ведомости. 1913–1916.

Вечернее время. 1913–1916.

Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917.

Газета Копейка. 1913–1916.

Голос Москвы. 1913.

Голос Руси. 1913–1916.

Голос. 1913–1916.

День. 1912–1916.

Епархиальные ведомости (Архангельские, Астраханские, Вологодские, Воронежские, Донские, Екатеринбургские, Кишиневские, Нижегородские, Орловские, Пермские, Полтавские, Рижские, Рязанские, Ставропольские, Тобольские, Томские, Уфимские). 1898, 1904–1906, 1917.

Земщина. 1913–1916.
Колокол. 1913–1916.
Маленькая газета. 1913–1916.
Московские ведомости. 1912–1916.
Московский листок. 1913–1916.
Новое время. 1905–1906, 1913–1916.
Петербургская / Петроградская газета. 1913–1916.
Петербургский / Петроградский листок. 1913–1916.
Приходский листок. 1913–1916.
Раннее утро. 1913–1916.
Речь. 1913–1916.
Россия. 1913–1914.
Руководство для сельских пастырей. 1880–1905.
Русская молва. 1913 г.
Русские ведомости. 1913–1916.
Русское знамя. 1913–1916 г.
Русское слово. 1912–1916.
Санкт-Петербургские ведомости. 1906–1913.
Свет. 1913–1916.
Современное слово. 1913–1916.
Утро России. 1913–1916.
Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. 1892–1908.
Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии.
1905–1906.

VII. Монографии и статьи

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
Айвазов И.Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III. М., 1913.

Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1980. № 11. С. 91–118; № 12. С. 108–126; 1981. № 1(13). С. 75–97; № 2(14). С. 118–154; № 3(15). С. 85–100; № 4(16). С. 91–121; № 5(17). 97–114; № 6(18). С. 105–125.

Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2006.

Бажаев В.Г. Развитие вопроса о мелкой земской единице в земской среде в новейшее время (1901–1902) // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 329–377.

Беглов А.Л. Большой террор и антиприходская кампания 1937–1938 гг. Доклад на XXIII Ежегодной Международной Богословской конференции ПСТГУ. Секция «1937 год в истории Русской Православной Церкви». 16 ноября 2012 г.

Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.

Беглов А.Л. Государственная дума и проект организации православного прихода в 1911 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 87–92.

Беглов А.Л. Делопроизводство православного прихода Российской империи в конце XIX — начале XX в.: социальный аспект // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Вып. 6 (39) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001170-6-1> (дата обращения: 06.08.2015). DOI: 10.18254/S0001170-6-1.

Беглов А.Л. Духовное ведомство и приходские институты: проект положения о православном приходе в редакции В. К. Саблера 1912 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 7 (23) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000560-5-1> (дата обращения: 07.02.2014).

Беглов А.Л. Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг.: (Обзор основных законодательных актов) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М., СПб., 2012. С. 371–388.

Беглов А.Л. Земские проекты переустройства православного прихода. 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). С. 172–200.

Беглов А.Л. Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2014. Вып. 6 (61). С. 35–57.

Беглов А.Л. Конформизм приходской реформы К. П. Победоносцева // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 107–123.

Беглов А.Л. «Община, учреждение, братство...»: Поиск идентичности православного прихода в проектах и дискуссиях конца XIX — начала XX в. // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 241–264.

Беглов А.Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е гг.: причины возникновения, типология и направления развития // Российская история. 2012. № 3. С. 91–104.

Беглов А.Л. Особое Совецание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 5 (48). С. 39–61.

Беглов А.Л. Православный приход на иноконфессиональных окраинах Российской империи: случай Финляндии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 4(32). С. 107–135.

Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2014. № 2(57). С. 56–81.

Беглов А.Л. Практика причащения православных прихожан советской эпохи // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4(30). С. 34–59.

Беглов А.Л. Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // *Российская история*. 2014. № 6. С. 104–127.

Беглов А.Л. Святоотеческое сознание русского старчества: (XIX — начало XX века) // *Русская патрология: Материалы академической конференции*. Сергиев Посад, 2009. С. 310–367.

Беглов А.Л. Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920–1940-х гг.: колебания границы легальности // *Религии мира: История и современность*. 2004. М., 2004. С. 211–218.

Беглов А.Л. Сословность православного приходского духовенства в России в начале XX века: региональные особенности // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. М., 2013. Вып. 5 (21) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000561-6-1> (дата обращения: 14.11.2013).

Беглов А.Л. Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. № 1(34). С. 51–73.

Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века: (По материалам Московской епархии). М., 2010.

Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. [М.,] 2004.

Белякова Н.А. Материальное положение приходского духовенства во второй половине XIX века // *Приход. Православный экономический вестник*. 2004. № 2.

Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2007.

Блеклов С. Вопрос о мелкой земской единице в земствах, комитетах о сельскохозяйственной промышленности и общественных собраниях за 1902 г. и начало 1903 г. // *Мелкая земская единица в 1902–1903 гг. Сборник статей*. Вып. 2-й. СПб., 1903. С. 90–201.

Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. Тт. 1–2. М., 1909–1912.

Богословский М.М. Церковный приход на русском севере в XVII веке // Богословский вестник. 1910. Т. 2. № 5. С. 158–181 (2 пагин.); № 6. С. 315–337 (3 пагин).

Бокарева Л.С. Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

Бокарева Л.С. Реформа православного прихода 1914–1917 гг.: Синодальное ведомство // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. Вып. 4. С. 133–142.

Бородкин Л. Реальная зарплата и снабжение населения России в годы Первой мировой войны: когда начался обвал? // Города империи в годы Великой войны и революции: Сборник статей / ред. А. Миллер, Д. Черный. СПб., 2017. С. 491–508.

Варфоломеев Н. История и современное положение православного прихода в Финляндии. Гельсингфорс, 1914.

Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999.

Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М., 2004.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.

Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908.

Верюжский В.М. Северно-русский приход в конце XVII века // Христианское чтение. 1905. № 1. С. 67–86; № 3. С. 363–385; № 5. С. 699–713; № 6. С. 778–798.

Верюжский В.М. Северно-русское приходское духовенство в конце XVII века // Христианское чтение. 1906. № 7. С. 79–98; 1906. № 8. С. 285–301; 1906. № 9. С. 425–441.

Виноградов Н.Я. Исторический очерк древнерусского сельского прихода. Тамбов, 1868.

Виноградов. П.Г. Местное самоуправление в Англии // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 56–86.

Гаврилин А. «Латышский» священник Иаков Михайлов // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 6 / Сб. ст. под ред. *А.В. Гаврилина*. Рига, 2007. С. 11–26.

Гайда Ф. Председатель отдела древесного топлива // Родина. 2011. № 5.

Гайда Ф.А. Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 16–24.

Гайда Ф.А. Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2(57). С. 23–37.

Гайда Ф.А. Столыпин и эволюция правительственного курса в церковной сфере. Доклад на XXV Ежегодной Международной Богословской конференции ПСТГУ. Секция «Актуальные проблемы истории Русской Православной Церкви в XX веке». 21 января 2015 г.

Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.

Гессен В.М. Сельское общество и волость в трудах комиссии ст. секр. Каханова // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 378–417.

Гессен И.В. Вопрос о мелкой земской единице в литературе (до 1901 г.) // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 418–437.

Гордеева И.А. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003.

Градовский А.Д. Всесословная мелкая единица [впервые – в 1882 г.] // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 459–469.

Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.

Емельях Л.И. Антиклерикальное движение в период первой русской революции. М., 1965.

Журавский А.В. Андрей (Ухтомский) // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2000. С. 361–365.

Завьялов А.А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб., 1900.

Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.

Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1969.

Знаменский П.В. О поступлении в России на церковные должности в XVII и XVIII столетиях // Православный собеседник. 1866. Ч. 2. С. 124–136.

Знаменский П.В. О сборах с низшего духовенства русского в казну епархиальных архиереев в XVII–XVIII столетиях // Православный собеседник. 1866. Ч. 1. С. 37–55.

Знаменский П.В. О способах содержания духовенства в XVII и XVIII столетиях // Православный собеседник. 1865. Ч. 1. С. 145–188.

Знаменский П.В. Об отношении гражданской власти к русскому духовенству в XVII–XVIII столетиях // Православный собеседник. 1865. Ч. 2. С. 290–302.

Знаменский П.В. Об отношении русских священно- и церковнослужителей к приходам // Православный собеседник. 1867. Ч. 1. С. 6–27.

Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань, 1873.

Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. 1866. Т. 21. № 9–10. С. 1–35, 131–169 (2 пагин.); 1867. Т. 22. № 1–4. С. 62–90, 181–221, 307–322, 476–500 (1 пагин.).

Знатнов А.В. Востоков Владимир Игнатьевич // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 471–473.

Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990.

Зольникова Н.Д. Сословные проблемы в отношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981.

Зуев И.В. Проблема «социального дисциплинирования» в немецкой деревне XVI–XVII вв. в работе Матиаса Вебера // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 412–416.

Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи XVIII – начала XX века. М., 2010.

Иларион (Алфеев), митр. Во что верят православные христиане. М., 2014.

Инфантьев Б. Янис Лацис, его «Записки православного латыша» и «Летопись Адеркашской церкви» // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 3 / Сб. ст. под ред. *А.В. Гаврилина*. Рига, 2001. С. 7–67.

Калашников Д.Н. «Молитесь чаще, нам прибыли больше!»: К вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Челябинского ГУ. 2010. № 10. С. 129–135.

Камкин А.В. Православная Церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992.

Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство. 1917–1922. М., 2005.

Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2006.

Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). [М.,] 2012.

Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

Курляндский И.А. Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности: (1700–1917 годы) // Религии мира: История и современность. 2004. М., 2004. С. 168–182.

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.

Лемке М.К. Вопрос о мелкой земской единице в литературе (1901–1902 гг.) // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 438–458.

Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

Лукашева С.С. Миряне и Церковь: религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI века. М., 2006.

Лукоянов И.В. Комментарии // *Колышко И.И.* Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. *И.В. Лукоянова.* СПб., 2009. С. 348–412.

Мангилева А.В. Материальное положение городского духовенства Пермской Епархии накануне Церковных реформ Александра II // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 9. Том 1. С. 352–357.

Мангилева А.В. Материальное положение духовенства Пермской Епархии на «частновладельческих» приходах накануне Церковных реформ Александра II // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 8. Том 3. С. 307–313.

Мангилева А.В. Материальное положение духовенства Пермской Епархии на приходах горного ведомства накануне Церковных реформ Александра II // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 6. Том 1. С. 463–469.

Мангилева А.В. Материальное положение духовенства по данным клировых ведомостей Верхотурского уезда за 1808 и 1818 гг. // *Известия Уральского ГУ.* 2007. № 53. С. 153–161.

Мангилева А.В. Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II / А. В. Мангилева // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* 2014. № 9. С. 65–71.

Мангилева А.В. Современная историография истории духовного сословия в России XIX — начала XX в. // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии.* 2013. Вып. 1(5). С. 134–149.

Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2015.

Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998.

Мангилева А.В. Повседневная жизнь сельского прихода в 1-й половине XIX века (по материалам «Дневника сельского священника») // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 249–260.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. *А.Ю. Полунов*. М., 2015.

Мионов Б.Н. Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. № 1.

Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Тт. 1–2. СПб., 1999.

Михайлов А.Ю. Дискуссия о реформе православного прихода в начале XX в.: альтернативный проект И.С. Бердникова // Информационные научно-образовательные ресурсы ГАГУ. [Электронный ресурс]. URL: e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2005/16.doc (дата обращения: 16.04.2019).

Мраморнов А.И. Иоанн Иванович Восторгов // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 271–275.

Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006.

Мухин И.Н. Образование новых церковных приходов в пореформенной России: по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии // Шатурская Мещера. 2009. Вып. 2. Шатура, 2009. С. 203–230.

Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М., 2008.

Обозный К.П. К вопросу о церковном управлении православными приходами на Псковщине в годы немецкой оккупации и в период «нового курса» // Свет Христов просвещает всех. Альманах Свято-Филаретовского института. Вып. 17. М. 2016. С. 43–78.

Ореханов Г.Л. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.

Ореханов Георгий, свящ. Вероисповедная политика П.А. Столыпина и Поместный собор РПЦ 1917–1918 гг. // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 7–16.

Панкрат Т. В. Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX — начало XX столетия). М., 2011.

Петров Н., проф. О выборе членов причта прихожанами в связи с вопросом о возрождении прихода // Руководство для сельских пастырей. 1905. № 9. С. 217–223; № 10. С. 251–260; № 11. С. 280–285; № 12. С. 303–306; № 14. С. 354–358.

Плетнева А.А. Социологические проблемы анализа источников по истории Русской Церкви в начале XX века // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Материалы 2000 г. М., 2001. С. 339–343.

Полунов А. Ю., Соловьев И. В. Историческое введение // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2. М., 2004. Ч. 1. С. 3–38.

Полунов А.Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

Поляков А.Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви. Киров, 2009.

Православная церковь в Финляндии. СПб., 1893.

Преображенский И.В. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1901.

Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. *А. Агаджаняна, К. Русселе.* М., 2011.

Прокофьев А.В. Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание приходского духовенства. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 2010.

Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.

Рогозный П.Г. «Церковная революция»: март – август 1917 года // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 56–63.

Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

Рожков Владимир, прот. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004.

Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898.

Савва (Тутунов), игум. Епархиальные реформы. [М.,] 2011.

Скалон В.Ю. Вопрос о мелкой земской единице в общественных собраниях // Мелкая земская единица. Сборник статей. 2-е изд. [Вып. 1.] СПб., 1903. С. 314–328.

Сковородин А.Н. Взгляды и деятельность Льва Тихомирова в контексте обсуждения реформы русского прихода в начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 3(144). С. 22–29.

Смирнов С.И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913.

Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1–2. М., 1996–1997.

Степкин В.П. Первый храм Донецка // Электронный ресурс. URL: <http://dongeosociety.ru/> (дата обращения: 23.05.2019).

Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.

Суворов Н.С. Монастыри и церкви как юридические лица // Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. № 6. Июнь. С. 60–98.

Суслов М.Д. Неославянофилы в борьбе с реформами С. Ю. Витте: экономическая утопия Сергея Шарапова // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 2(9). С. 102–113.

Тесля А. Церковные вопросы 1860–1880-х годов и позиция славянофилов // Гефтер. Карта памяти. 04.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/11908> (дата обращения: 06.07.2019).

Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Выпуск первый. (Время Комиссии духовных училищ). К столетию духовно-учебной реформы 1808 года. Вильна, 1908.

Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003.

Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен: (конец 1890-х – 1918 гг.). Серия: Церковные реформы. Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века. Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. [М.,] 2002.

Фирсов С.Л. Владыка Питирим (Окнов): К истории назначения на Петроградскую митрополичью кафедру // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. II: 2(35). С. 22–31.

Фирсов С.Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Оконова). М., 2011.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е гг.: Деревня. М., 2008.

Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4(30). С. 86–105.

Фриз Гр.Л. Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшении быта духовенства 1863 года (Владимирская епархия) // Провинциальное духовенство дореволюционной России. Вып. 3. Тверь, 2008. С. 128–143.

Харлампович К. Отзыв о книге Папкова «Братства» // Православный собеседник. 1900. Октябрь. С. 456–472.

Харлампович К.В. Западнорусские церковные братства и их просветительная деятельность в конце XVI и в начале XVII веках // Христианское чтение. 1899. № 2. С. 372–390.

Хижий М., прот. Новые материалы к жизнеописанию святителя Игнатия Брянчанинова // Альфа и Омега. 2005. № 2(43). С. 138–144.

Хондзинский Павел, прот. Приходское духовенство конца XIX – начала XX века в русской духовной традиции // Материалы ежегодной научно-богословской конференции СПбДА. Материалы международной конференции «Приходское служение и общинная жизнь» / Сборник докладов. СПб., 2015. С. 165–172.

Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986.

Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894.

Чумакова Т.В. Религиозная жизнь в революционной России (по материалам архива В.Н. Бенешевича) // Folia Petropolitana. 2017. Вып. 6. С. 57–70.

Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010.

Шелохаев В.В. Столыпинская реформа местного управления // Россия в XX веке. Сборник статей к юбилею профессора Семенниковой Любови Ивановны. М., 2003. С. 54–68.

Шкаровский М.В. Александро-Невское братство. 1918–1932 годы. СПб., 2003.

Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999.

Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010.

Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV–XVII вв. СПб., 1913.

Black Ch.F. Church, Religion and Society in Early Modern Italy. Palgrave Macmillan, 2004;

Cooper T. The Last Generation of English Catholic Clergy: Parish Priests in the Diocese of Coventry and Lichfield in the Early Sixteenth Century. The Boydell Press, 1999;

Freeze G. Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // *Slavic Review* 1995. Vol. 54. P. 305–339.

Freeze G.L. All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia // *Social Identities in revolutionary Russia* / ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave, 2001. P. 174–208.

Freeze G.L. The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia // *The Journal of Modern History*. Vol. 48. 1976. № 1, March. P. 32–50.

Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.

Freeze G.L. The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century. Harvard University Press, 1977.

Freeze G. Rechristianization of Russia: The Church and Popular Religion, 1750–1850 // *Studia Slavica Finlandensia*. 1990. № 6. Pp. 101–136.

Freeze G. Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg; Neue Wege der Forschung* / ed. M. Hildermeier. München, 1998. P. 209–232.

McManners J. Church and Society in Eighteenth Century France. The Clerical Establishment and Its Social Ramifications. Clarendon Press – Oxford, 1998;

Palmer R.C. Selling the Church. The English Parish in Law, Commerce, and Religion, 1350–1550. The University of North Carolina Press, 2002;

Pounds N.J.G. A History of the English Parish. The Culture of Religion from Augustine to Victoria. Cambridge University Press, 2004.

Suslov M. 'Slavophilism is True Liberalism': The Political Utopia of S.F. Sharapov (1855–1911) // Russian History. 2011. № 38. Pp. 281–314.

Young G. «Into Church Matters»: Lay Identity, Rural Parish Life, And Popular Politics in Late Imperial and Early Soviet Russia, 1864–1928 // Russian History. 1996. Vol. 23. № 1/4. Pp. 367–384.